Библіотека Варшавской Учительской семинаріи
№ 790.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

Опытъ христоматіи періода русской словесности послѣ Гоголя.

СОСТАВИЛЪ
А. ЦВѢТКОВЪ.

Фундаментальная библіотека Варшавской Учительской Семинаріи
№ 33
Отд. IV

СЪ 27 ПОРТРЕТАМИ
И
КРАТКИМЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ СЛОВАРЕМЪ.

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7
1883

Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Kielcach
BIBLIOTEKA GŁÓWNA
098272

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 Л. 7
(775)

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Фундаментальная библіотека
№ 33
Отд. IV
Варшавской Учительской Семинаріи

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нѣкоторыхъ пособіяхъ по новой русской словесности, выходившихъ въ ближайшее къ намъ время, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ желаніе авторовъ этихъ пособій переступить черту, поставленную оффиціальными программами: они, заходя за Гоголя, знакомятъ читателя, разумѣется, прежде всего изъ учащейся молодежи обоего пола, съ произведеніями Тургенева, Гончарова, Островскаго и т. п. А въ одномъ здѣшнемъ учебномъ заведеніи читается прямо исторія новѣйшей русской литературы.

Въ добрый часъ! лишь бы оттуда заимствовалось только то, что развиваетъ умственно и, въ то же время, воспитываетъ нравственно. При этомъ не скроемъ: едва ли кто—имѣя въ виду заурядныхъ преподавателей—будетъ въ пользу чтенія въ школѣ исторіи новѣйшей русской литературы, такъ какъ взгляды на многихъ писателей еще не вполнѣ установились; многое изъ ихъ произведеній еще не получило настоящей оцѣнки; о направленіяхъ и говорить нечего: не обладая особенными талантами, кто возьмется ихъ теперь же опредѣлить?..

Выходитъ, что исторіи новѣйшей русской литературы, смотря на дѣло серьезно, не только нѣтъ пока, да и быть не можетъ: рано еще...

Совсѣмъ другое—знакомить юныхъ слушательницъ или слушателей (въ старшихъ классахъ) съ выдающимися писателями русскими, слѣдовавшими за Гоголемъ, съ ихъ крупными произведеніями,—это давнымъ-давно слѣдуетъ. Давнымъ давно пора освѣжить новѣйшими образцами теорію словесности, а въ исторіи словесности пойти нѣсколько далѣе Гоголя.

Но и въ этомъ случаѣ, по нашему крайнему разумѣнію, нѣтъ особенной надобности хлопотать, чтобы подборомъ образцовъ вполнѣ охарактеризовать литературную физіономію каждаго писателя: иногда это въ связи съ духомъ времени, его вѣяніями, направленіемъ и проч. не совсѣмъ-то удобно.

Если, послѣ порядочнаго чтенія извѣстнаго образца, ученица

или ученикъ непосредственно почувствуетъ его красоты (въ той или другой степени это несомнѣнно), замѣтитъ прекрасную характеристику, художественное описаніе, сильное чувство въ стихотвореніи и т. п.— и довольно пока: цѣль чтенія такъ или иначе уже достигнута. Прочитайте еще что нибудь въ томъ же родѣ изъ этого писателя,—и вашъ слушатель будетъ помнить его, особенно если вы при этомъ сообщите ему симпатичныя черты самаго характера писателя и подходящія къ нимъ обстоятельства изъ его жизни.

Разумѣется, всего лучше такъ знакомить съ произведеніями новѣйшей словесности въ классѣ, на урокѣ, причемъ преподавателю нужно умѣть читать, умѣть и поговорить о прочитанномъ.

Но вотъ въ чемъ бѣда: въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ уроковъ по русской словесности полагается въ старшихъ классахъ (VI, VII, VIII), по два въ недѣлю, такъ что едва-едва справишься съ тѣмъ, что полагается пройти въ этихъ классахъ; объ ознакомленіи же учениковъ съ выдающимися произведеніями въ новѣйшей русской словесности не можетъ быть и рѣчи. Впрочемъ, немного больше уроковъ по названному предмету и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ военныхъ, какъ напр., въ реальныхъ училищахъ, въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ.

Дайте учащимся самимъ читать, скажутъ. Если дѣло идетъ о новѣйшихъ русскихъ писателяхъ, то иногда не только *нельзя* дать полнаго собранія сочиненій извѣстнаго автора, съ которымъ хотѣлось бы познакомить учащуюся молодежь, а даже въ такомъ видѣ, какъ въ „Русской Библіотекѣ“. Попробуйте взять, напр., выпуски: „Щедринъ“ и „Л. Н. Толстой“!..

Указавъ на то, что пособія по новой русской словесности мало-по-малу начинаютъ прокладывать пути въ область новѣйшей, мы теперь, въ виду всего только что сказаннаго нами, присоединяемся къ нимъ (пособіямъ) этою нашею книгою, которая можетъ быть читаема въ связи съ главами пособій о русскихъ новѣйшихъ писателяхъ и, смѣемъ надѣяться, принесетъ свою посильную пользу. Затѣмъ, если ученицамъ и ученикамъ въ школѣ не дадутъ никакихъ свѣдѣній о новѣйшихъ русскихъ писателяхъ, которые однако, безъ всякаго сомнѣнія, должны ихъ интересовать, то они могутъ обратиться къ нашей книгѣ: въ ней помѣщены отрывки и цѣлыя сочиненія двадцативосьми новѣйшихъ русскихъ писателей. Въ концѣ книги они найдутъ ихъ краткіе біографическіе очерки. То и другое, при портретахъ, дастъ же сколько нибудь живое представленіе о личности писателя.

Исходя изъ той точки, что теперь еще рано сформироваться *исторіи* русской словесности періода послѣ Гоголя, мы и составили

такую христоматію, которая не имѣетъ назначенія быть пособіемъ при строго историческомъ изученіи произведеній новѣйшихъ русскихъ писателей, такъ какъ предложенными образцами они далеко не всѣ характеризуются какъ слѣдуетъ. Вотъ почему мы въ заглавіи поставили „Опытъ христоматіи“. Скажемъ болѣе: наша книга, какъ она задумана, вовсе и не претендуетъ на значеніе христоматіи, а тѣмъ болѣе исторической. Это, если хотите, скорѣе книга для чтенія, имѣющая въ виду удовлетворить той скромной цѣли, о которой мы упоминали выше—познакомить съ избранными произведеніями новѣйшихъ русскихъ писателей и нѣсколько съ ними самими.

Думаемъ, что наша книга отвѣчаетъ сказанной цѣли; но какъ будетъ на самомъ дѣлѣ,—не знаемъ. Впрочемъ, и то сказать: составитель—не судья того, что онъ составилъ.

Подобную же книгу для чтенія мы дали передъ этой („Образцы новой русской словесности“ Спб. 1881—82 гг. три тома) и, въ добрый часъ сказать, изъ печатныхъ отзывовъ услышали болѣе, чѣмъ сами думали о своей книгѣ.

Какъ тѣ книги не имѣютъ какого нибудь исключительно-учебнаго характера, такъ особенно предлагаемая, почему она могла-бы, кажется, имѣть мѣсто и внѣ школы.

Значеніе „Новѣйшихъ русскихъ писателей“, какъ христоматіи и въ тоже время книги для чтенія и справокъ, выяснится лучше при второмъ изданіи нашей книги изъ предполагаемыхъ къ ней примѣчаній, которыя, къ сожалѣнію, не могли явиться въ настоящемъ томѣ; мы стѣснялись его объемомъ, такъ какъ хотѣли дать возможно болѣе матеріала не только для школы, но и для чтенія внѣ ея, чтобы ученикъ, перечитавъ книгу (а онъ перечитаетъ ее не разъ и не два), освоился, такъ сказать, съ произведеніями родной словесности и тѣмъ облегчилъ себѣ лекціи по этому предмету въ старшихъ классахъ, богатыхъ числомъ уроковъ только по древнеклассическимъ языкамъ, что, конечно, естественно... въ классическихъ гимназіяхъ.

Согласно съ этимъ взглядомъ на христоматію, мы и составили предлагаемую книгу, назначая ее для чтенія, разбора и письменныхъ работъ, почему она, по педагогическимъ соображеніямъ, и въ виду сейчасъ намѣченныхъ цѣлей, по подбору образцовъ, поставлена въ нѣкоторую связь съ книгою: „Образцы новой русской словесности“. Знакомые съ дѣломъ преподаванія русской словесности легко замѣтятъ это.

А. Цвѣтковъ.

Спб. 10 Апрѣля 1883 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
№ 33
Отд. IV
Варшавской Учительской Семинаріи

Библіотека Варшавской
№ 790
Учительской семинаріи

С. Т. АКСАКОВЪ.

Къ стр. 1.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

С. Т. Аксаковъ.

(1791 — 1859).

ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА“

Пролетъ и прилетъ дичи.

Самое дорогое, поэтическое время для ружейнаго охотника—весна: пролетъ и прилетъ птицы! Цѣлую зиму поглядывалъ онъ съ замирающимъ сердцемъ на висящія въ покоѣ ружья, особенно на любимое ружье. Не одинъ разъ, безъ всякой надобности, были вымыты стволы, перечищены и перемазаны замки. Наконецъ, проходитъ долгая, скучная, буранная зима. Февраль навалилъ сугробы снѣга: съ утоптанной тропинки шагу нельзя ступить въ сторону. Правда, рано утромъ, и то уже въ исходѣ Марта, можно и безъ лыжъ ходить по насту, который иногда бываетъ такъ крѣпокъ, что скачи, куда угодно, хоть на тройкѣ; можно подкрасться, какъ-нибудь изъ-за деревьевъ, къ начинающему глухо токовать краснобровому косачу; можно нечаянно наткнуться и разбудить чернохвостаго русака, съ ремнемъ пестрой, крымской мерлушки по спинѣ, или чистобѣлаго, какъ снѣгъ, бѣляка: онъ еще не началъ сѣрѣть, хотя уже волосъ лѣзетъ; можно на пищикъ подозвать рябчика,—и кусокъ свѣжей, неперемерзлой дичины можетъ попасть къ вамъ на столъ...

Но не надежны мартовскіе утренники, не вѣренъ путь по насту, особенно въ красный день. Какъ скоро обогрѣетъ хорошенько солнце,—снѣжная кора распустится, раскровѣетъ, какъ говоритъ народъ, начнетъ садиться съ глухимъ гуломъ, похожимъ на отдаленный пушечный выстрѣлъ: и не подниметъ ноги человѣка; съ каждымъ шагомъ будетъ онъ вязнуть по поясъ въ снѣжную громаду. Бѣда отойти далеко отъ дороги—измучаешься: на одной верстѣ пробьешься не одинъ часъ. Охотиться же на лыжахъ очень утомительно; надобно имѣть много ловкости, даже умѣнья и большую привычку управлять лыжами по неровной мѣстности.

Прибавились значительно дни. Ярче, прямѣе стали солнечные лучи и сильно пригрѣваютъ въ полдень. Потемнѣла полосами бѣлая пелена снѣга, и почернѣли дороги. Вода показалась на улицахъ. Уже Мартъ на

исходѣ и Апрѣль на дворѣ. Для страстнаго охотника, какимъ былъ я съ молоду, и какіе, вѣроятно, никогда не переведутся на Руси, уже наступило время тревоги и ожиданія. Если весна не слишкомъ поздняя, то прилетная птица начинаетъ понемногу показываться. Грачи, губители высокихъ старыхъ деревъ, красоты садовъ и парковъ, прилетѣли первые и заняли свои обыкновенныя, лѣтнія квартиры, самыя лучшія березовыя и осиновыя рощи, по близости къ селенію лежащія, для удобнаго доставанія хлѣбнаго корма. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старыя гнѣзда новымъ матерьяломъ, ломая для того крѣпкими, бѣловатыми носами верхніе побѣги древесныхъ вѣтвей. Далеко слышенъ ихъ громкій, докучный крикъ, когда ввечеру, послѣ дневныхъ трудовъ, разсядутся они всѣмъ соборомъ, всегда попарно, и какъ-будто начнутъ совѣщаться о будущемъ житьѣ-бытьѣ. Пора начинать ежедневные утренніе и послѣ-обѣденные обходы гуменъ, овиновъ и прудовъ съ посинѣвшими токами, обсѣянными кругомъ желтою мякиной. Тамъ прежде всего окажутся клинтухи или, собственно, дикіе голуби. Сначала они появляются въ весьма маломъ количествѣ: пары двѣ, много три; ихъ можно встрѣтить въ стаѣ галокъ, или русскихъ голубей, подбирающихъ зерна по гуменнымъ дорожкамъ. Съ послѣдними, съ перваго взгляда, ихъ не различишь; вся разница состоитъ въ томъ, что дикій голубь поменьше, постатнѣе русскаго; весь чистосизый, и ножки у него не красныя, а блѣдно-бланжеваго цвѣта. Едва ли нужно объяснять, что названіе „русскій", придаваемое птицѣ, значитъ: дворовый, домашній. Но если вы увидите издали голубей, сидящихъ на гуменномъ заборѣ или деревѣ,—это, безъ сомнѣнія, клинтухи, то-есть дикіе голуби; подойдя ближе, вы удостовѣритесь въ томъ. Голуби съ прилета, какъ и вся птица, бываютъ чисты перомъ и жирны тѣломъ,—обстоятельство, трудное для объясненія, ибо путь прилетной птицы длиненъ, а кормъ скуденъ. Впослѣдствіи клинтухи потеряютъ цѣнность для охотника. Застрѣлить же дикаго голубя посреди зимы—дорогая добыча. Но воздухъ становится теплѣе и влажнѣе. Апрѣль беретъ свое: вездѣ лужи, вездѣ бѣгутъ мутные ручьи, зачернѣли прогалины, какъ грязныя пятна на бѣлой скатерти. Обтаяли кругомъ родники, поточины, свѣжія навозныя кучи и удобренная ими мельничная плотина. Около первыхъ надобно стеречь появленіе малыхъ дроздовъ, большихъ дроздовъ-рябинниковъ, а около послѣднихъ—чибисовъ или пиголицъ, жаворонковъ, удодовъ и скворцовъ. Уже материкъ рѣки, мало замерзающій выше пруда и зимою, прошелъ до самыхъ послѣднихъ гривъ камыша. Холодно, непріязненно синѣетъ глубина: но пора осматривать рѣку: какъ разъ появятся нырки и крохали. Скоро все это будетъ презрѣно и забыто, но въ началѣ все драгоцѣнно... таковъ человѣкъ не въ одной ружейной охотѣ...

Наконецъ, наступаетъ совершенная ростополь: юго-западный, теплый вѣтеръ такъ и съѣдаетъ снѣгъ, насыщенный дождемъ. Много оттаяло земли, особенно по высокимъ мѣстамъ, на полдневномъ солнечномъ пригрѣвѣ. Картина перемѣнилась: уже на черной скатерти полей кое-гдѣ виднѣются бѣлыя пятна и полосы снѣжныхъ сувоевъ, да лежитъ гребнемъ, съ темною навозною верхушкой, крѣпко уѣзженная зимняя дорога. Посинѣли отъ воды, надулись овраги, взыграли и сошли. Переполнилась ими рѣка, подняла въ пруду ледъ, вышла изъ береговъ и разлилась по низменнымъ мѣстамъ: наступила водополь или водополье. Паръ поднимается отъ земли: земля отходитъ, говоритъ крестьянинъ. На небѣ сѣро, въ воздухѣ сыро и туманно. Именно въ такое-то сумрачное время наступаетъ воловой, повсемѣстный пролетъ и даже прилетъ птицы, не только по ночамъ, зарямъ утреннимъ и вечернимъ, но и впродолженіе цѣлаго дня. И прежде изрѣдка, понемногу, показывались гуси и лебеди, больше по парочкѣ, и высоко про-

носились въ сѣрыхъ облакахъ: теперь они летятъ огромными вереницами. Журавли появляются позднѣе, плывя въ небесахъ раздвинутыми, тупыми треугольниками, какъ будто корабли, построенные къ бою. Всѣ породы утокъ стаями, одна за другою, летятъ безпрестанно: въ день, особенно ясный, высоко, но въ дни ненастные и туманные, предпочтительно по зарямъ, летятъ низко, такъ что ночью, не видя ихъ, по свисту крыльевъ можно различить многія изъ породъ утиныхъ.

Нырки, чернь и свіязь чаще всѣхъ машутъ крыльями и быстрѣе разсѣкаютъ воздухъ: шумъ отъ ихъ полета сливается въ одинъ дребезжащій, пронзительный свистъ. За ними слѣдуютъ: широконоски, чирки, шилохвостки и другія, наконецъ сѣрыя и кряковыя, полетъ которыхъ какъ-то неторопливъ, хотя силенъ и споръ. Стаи степныхъ куликовъ (кроншнеповъ) и болотныхъ (неттигелей), называемыхъ въ Оренбургской губерніи веретенниками, и всѣ разнообразныя породы мелкихъ куликовъ и курахтановъ, каждая съ своимъ особеннымъ полетомъ, съ своимъ пискомъ и свистомъ, наполняютъ воздухъ разнородными, неопредѣленными и въ другое время неслышными звуками. Надобно замѣтить, что пролетающая птица не кричитъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а прилетающая и занимающая мѣста, хотя бы и временно, сейчасъ начинаетъ свой природный, обычный крикъ и свистъ. Пролетная птица торопится безъ памяти, спѣшитъ безъ оглядки къ своей цѣли, къ мѣстамъ обѣтованнымъ, гдѣ надобно ей приняться за дѣло: вить гнѣзда и выводить дѣтей; а прилетная летитъ ниже, медленнѣе, высматриваетъ привольныя мѣста, какъ будто переговаривается между собою на своемъ языкѣ, и вдругъ, словно по общему согласію, опускается на землю. Тутъ начинаются такъ называемые у охотниковъ „высыпки“,—слово весьма знаменательное, употребляемое только для выраженія внезапнаго появленія, во множествѣ, лучшей породы дичи: вальдшнеповъ, дупельшнеповъ, бекасовъ и гаршнеповъ. Вчера проходили вы по болоту, или по размокшему берегу пруда, или по лужамъ на прошлогоднихъ ржанищахъ и яровищахъ, гдѣ насилу вытаскивали ноги изъ разбухшаго чернозема, проходили съ хорошей собакой и ничего не видѣли; но рано поутру, на другой день, находите и болота, и берега разливовъ, и полевыя лужи, усыпанныя дупелями, бекасами и гаршнепами; на лужахъ, въ поляхъ, бываетъ иногда соединеніе всѣхъ породъ дичи: степной, болотной, водяной и даже лѣсной. Итакъ, слово „высыпка“ вполнѣ выражаетъ дѣло.

Воды.

Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы. Вода жива: она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два, большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло, и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственные горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не растутъ

они; но, видно, вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ онѣ всходятъ и принимаются.

Иногда на такихъ горныхъ родникахъ, падающихъ съ значительной высоты, ставятъ оренбургскіе поселяне нехитрыя мельницы-колотовки, какъ ихъ называютъ, живописно прилѣпляя ихъ къ крутому утесу, какъ ласточка прилѣпляетъ гнѣздо къ каменной стѣнѣ. Весь небольшой потокъ захватывается желобомъ или колодою, то-есть выдолбленною половинкою толстаго дерева, которою плотно упираютъ въ бокъ горы; изъ колоды струя падаетъ прямо на водяное колесо, и дѣло въ шляпѣ: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни кауза... а колотовка постукиваетъ да мелетъ себѣ по маленьку и день, и ночь. Нѣтъ мелева—отодвигается колода въ сторону, и потокъ снова летитъ внизъ по крутизнѣ горы, мгновенно собирая въ одинъ густой звукъ раздробленный шумъ своего паденія. Мельничная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинномъ неуклюжемъ срубѣ или кривыхъ неровныхъ стойкахъ. Все дрянно, плохо, косо, чуть лѣпится. Нѣтъ признака искусной, правильной руки человѣка, ничто не разнорѣчитъ съ природой, а, напротивъ, дополняетъ ее... Но какія же паровыя машины втягиваютъ водяныя жилы на горныя высоты, тогда какъ вода, по свойству своему, занимаетъ самое низкое мѣсто на земной поверхности? Удовлетворительно не объясняетъ этого явленія и современная наука.—Иногда такой ключъ бьетъ изъ средины горы, а всего чаще—изъ ея подошвы. Но есть родники совсѣмъ другого рода, которые выбиваются изъ земли въ самыхъ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ и образуютъ около себя ямки или бассейны съ водой, большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ нихъ текутъ ручьи. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только на днѣ: вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собою песокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ опускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ, относительно силы ключа, то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камешками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ, какъ котелъ на огнѣ. И горные ключи, и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навѣсъ густой травы—пахнетъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и, наконецъ, увидишь бѣгущую во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника! Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту, по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ—вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность. не такъ и холоденъ—солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей поникаетъ, то-есть уходитъ въ землю, и, пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною. Изъ многихъ такихъ ручейковъ составляются рѣчки. Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленныя бурею и подмытыя весеннею водою деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе, и, запруженная какъ будто плотиною, она разливается маленькимъ прудкомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ или, перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать чрезъ него излишнюю, безпрестанно накопляющуюся воду, легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится

около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать подъ тихое журчанье лѣсной рѣчки, въ которой завелись уже и кутема, и пеструшка, и выпрыгиваютъ по вечернимъ и утреннимъ зарямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случалось заходить въ такіе лѣсистые, глухіе овраги, и не скоро уходилъ я: тамъ наверху еще жарко; лѣтнее солнце клонится къ западу; ярко освѣщены имъ до половины нагорныя деревья; вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями, а здѣсь внизу—густая тѣнь, сумерки, прохлада, тишина.

Другая рѣчка бѣжитъ по ровной долинѣ или по широкому лугу. Извилистые берега ея обростаютъ мѣстами лозникомъ, вербою и ольхою, а мѣстами одною осокою и другими береговыми травами; дно ея ровно и гладко, и глубина почти вездѣ одинакова. Около такой небольшой рѣчки, смотря по мѣстности и почвѣ, нерѣдко бываютъ довольно большія болота, поддерживаемыя родниками и поросшія камышомъ, таловыми кустами и мелкими деревьями. На такихъ рѣчкахъ строятъ, если случаются берега выше, незатѣйливыя мельницы на одинъ поставъ, рѣдко на два. Небольшіе пруды ихъ, распространяя кругомъ мокроту и влажность, не только поддерживаютъ прежнія, но даже производятъ новыя болота и мочежины, новые пріюты и приволья для всякой дичи. Собственно о прудахъ я стану говорить послѣ.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя, по объему текущей воды, должно причислить къ рѣчкамъ, хотя, при первомъ взглядѣ, онѣ могутъ показаться гораздо большей величины: это рѣки степныя. Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ или небольшихъ озеръ, очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собой перекатами, то-есть мелкою рѣчкою, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породой мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти непримѣтно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ растетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста, что случается довольно рѣдко, то представится необыкновенное зрѣлище: точно на длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ, какъ серебро, а неподвижные омута синѣютъ въ зеленыхъ берегахъ, какъ яхонты.

Нѣсколько рѣчекъ, большей или меньшей величины, постепенно впадаютъ одна въ другую. Обильнѣйшая водою по праву, а счастливѣйшая иногда безъ всякаго права, поглощая въ себѣ имена другихъ, удерживаетъ свое собственное и продолжаетъ теченіе уже многоводною и сильною рѣкою. Густая, разнообразная и обширная урема почти обыкновенно разрастается на ея берегахъ.

Смотря по возвышенной или низменной мѣстности, окрестности такой рѣки бываютъ сухи или болотисты. Въ послѣднемъ случаѣ, необозримые, безконечные камыши, проросшіе кустами и лѣсомъ, съ озерами, болѣе или менѣе глубокими, представляютъ самыя благонадежныя, просторныя и крѣпкія мѣста для вывода и укрывательства съ молодыми всякой птицѣ и преимущественно водяной дичи.

Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими, ненаселенными лѣсами и получаетъ особенный, уединенный, дикій и, вмѣстѣ, важный и торжественный образъ. Берега ея не измяты ни чьимъ прикосновеніемъ; изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но не оставитъ слѣдовъ своихъ надолго: сильная растительность, происходящая отъ избытка

влаги, сейчасъ подниметъ смятыя травы и цвѣты. Свободно и могуче обростаютъ берега ея широколистною и узкою осокою, аиромъ, палочникомъ и крупными незабудками; а по всѣмъ затишьямъ необыкновенной величины темно-зеленые круглые лопухи плаваютъ уединенно на длинныхъ стебляхъ своихъ, однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ будто боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ, когда онѣ слишкомъ далеко углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ безмолвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи, и только вѣтви наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревъ, противясь теченію, производятъ неумолкаемый, но тихій и глухой ропотъ. Плеснется большая щука, переплыветъ рѣку порѣшина, нырнетъ выхухоль—и только; но и этотъ слабый шумъ скоро поглощается общимъ безмолвіемъ. Смотрится только въ воду разнообразное чернолѣсье: липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа, то слѣва, согласно стоянію солнца, прямыя или косыя тѣни свои на поверхность рѣки.

Изъ сліянія многихъ такихъ полноводныхъ рѣкъ составляются большія рѣки средней величины, какъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая въ Оренбургской губерніи и множество другихъ; изъ нихъ-то, наконецъ, образуются рѣки первой величины, какъ Волга и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы. Не смотря на огромное различіе въ обиліи и силѣ водъ, и тѣ, и другія рѣки имѣютъ одинъ ужъ характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено: сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широкоразметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки: слѣдовательно, настоящіе берега ихъ голы, безплодны и, по моему, не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченію, сторона нерѣдко богата живописными, величественными видами, но на нихъ хорошо смотрѣть издали, на полотнѣ или на бумагѣ. У всякаго есть своя особенность; моя состоитъ въ томъ, что я не люблю большихъ рѣкъ и громадныхъ, утесистыхъ ихъ береговъ, и песчаныхъ, печальныхъ отмелей луговой стороны. Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противоположнаго берега, чрезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури—ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ. Желтые, бурые водяные бугры съ бѣлыми гребнями и потопляемыя, какъ щепки, суда—живы въ моей памяти. Впрочемъ, я не стану спорить съ любителями величественныхъ и грозныхъ образовъ, и охотно соглашусь, что не способенъ къ принятію грандіозныхъ впечатлѣній.

Лебедь.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеею, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять

и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,—все живописно и великолѣпно въ немъ.

Не понимаю, отчего лебедь считался въ старину лакомымъ или почетнымъ блюдомъ у нашихъ великихъ князей и даже царей; вѣроятно, знали искусство дѣлать его мясо мягкимъ, а мысль, что лебедь служилъ только украшеніемъ стола, должна быть несправедлива. Лебедь живетъ въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ, очевидно сложенныхъ на югѣ Россіи, живетъ также до сихъ поръ въ народной рѣчи, хотя тамъ, гдѣ теперь обитаетъ настоящая Русь, лебедь не могъ войти ни въ пѣсню, ни въ рѣчь, —такъ мало знаетъ и видитъ его народъ. На югѣ, въ Кіевѣ, попалъ онъ въ народныя пѣсни и на великокняжескіе столы; его рушала, то-есть разрѣзывала сама великая княгиня, слѣдовательно, лебедя ѣли. Вѣроятно, оттуда, по преданію и старому обычаю, перебрался онъ на столы великихъ князей и царей московскихъ и въ народную современную рѣчь, гдѣ слова: лебедка и лебедушка остались навсегда выраженіемъ ласки и участія.

Про силу лебедя разсказываютъ чудеса: говорятъ, что онъ ударомъ крыла убиваетъ до смерти собаку, если она приблизится къ нему, легко раненому, или бросится на его дѣтей. Мнѣ даже называли охотника, которому лебедь переломилъ руку такимъ же ударомъ крыла. Судя по его величинѣ, крѣпости и силѣ мускуловъ, толщинѣ и жесткости костей и перьевъ, этимъ разсказамъ повѣрить можно. Пѣнья лебедей, разумѣется, никто не слышалъ; но зычный крикъ ихъ и глухое гоготанье, весьма отличное отъ гусинаго, слыхали всѣ охотники, и въ томъ числѣ я самъ. Изъ всего сказаннаго мною о силѣ лебедей можно заключить, какъ они должны быть крѣпки къ ружью. Гдѣ они постоянно водятся, тамъ бьютъ ихъ нолемъ или безымянкой и картечью, и то подкрадываясь поближе. Лебедей стрѣляютъ не для мяса, а для пуху, первоклассное достоинство котораго извѣстно всѣмъ.

Степь.

Слово *степь* имѣетъ у насъ особенное значеніе и обыкновенно представляетъ воображенію обширное пространство голой, ровной, безводной земной поверхности: многія степи таковы дѣйствительно; но въ Оренбургской губерніи, въ уѣздахъ: Уфимскомъ, Стерлитамацкомъ, Белебеевскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ и Бузулукомъ, степи совсѣмъ не таковы; поверхность земли въ нихъ по бо́льшей части неровная, волнистая, мѣстами довольно лѣсная, даже гористая, пересѣкаемая оврагами съ родниковыми ручьями, степными рѣчками и озерами. Всякое пространство ковылистой нови, никогда непаханной земли, иногда на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности, а иногда небольшое—зовутъ тамъ степью. Такія степныя мѣста, какъ слѣдуетъ по настоящему называть ихъ, бываютъ чудно хороши весной своею роскошною, свѣжею растительностью. Сочными, пышными, высокими травами и цвѣтами покрыта ихъ черноземная почва, особенно по долинамъ и равнинамъ, между перелѣсками. Въ благопріятный годъ, степные сѣнокосы обильнѣе и лучше заливныхъ луговъ. Только по ска-

тамъ величавыхъ горныхъ хребтовъ, которые вдоль по рѣкамъ и рѣчкамъ, сухоломамъ перерѣзываютъ иногда степные сырты и увалы, попадаются горныя породы мелкорослыхъ травъ: особеннаго вида приземистый разсыпчатый ковыль, сизый горный шалфей, бѣлая низенькая полынь, чаберъ и богородская трава. Особеннымъ ароматомъ онѣ наполняютъ воздухъ, и кто не ночевывалъ лѣтомъ въ нашихъ степяхъ, на покатостяхъ горныхъ кряжей, тотъ не можетъ имѣть понятія о благорастворенномъ, мягкомъ, живительномъ ихъ воздухѣ, который здоровѣе даже лѣсного. Цѣлебныя качества степныхъ травъ и степного воздуха очевидно доказываются удивительнымъ возстановленіемъ тѣлесныхъ силъ кочевыхъ башкирцевъ, которые каждую весну выѣзжаютъ въ свои степныя кочи, исхудалые, изможденные голодною зимою, и также исцѣленіемъ множества больныхъ, уже приговоренныхъ къ смерти врачами. Да не приписываютъ этого исцѣленія употребленію одного кумыса: онъ мало оказываетъ пользы безъ степного корма для кобыльихъ матокъ, безъ степного воздуха, безъ жизни въ степи.

Рано весной, какъ только сойдетъ снѣгъ и станетъ обсыхать ветошь, т. е. прошлогодняя трава, начинаются или степные пожары. Палы въ темную ночь представляютъ великолѣпную картину: въ разныхъ мѣстахъ то стѣны, то рѣки, то ручьи огня лѣзутъ на крутыя горы, спускаются въ долины и разливаются моремъ по гладкимъ равнинамъ. Все это сопровождается шумомъ, трескомъ и тревожнымъ крикомъ степныхъ птицъ. Хорошо, что степныя мѣста никогда не выгораютъ всѣ до тла, а то негдѣ было бы водиться полевой птицѣ. Мокрые долочки, перелѣски и опушки лѣсовъ съ нерастаявшимъ снѣгомъ, дороги, въ колеяхъ которыхъ долго держится сырость, наконецъ рѣчки останавливаютъ и прекращаютъ огонь, если нѣтъ по близости сухихъ мѣстъ, куда бы могъ онъ перебраться и даже перескочить. Это перескакиванье, въ ночной темнотѣ, бываетъ также очень живописно. Огонь, бѣжавшій широкою рѣкою, разливая кругомъ яркій свѣтъ и заревомъ отражаясь на темномъ небѣ, вдругъ начинаетъ разбѣгаться маленькими ручейками: это значитъ, что онъ встрѣтилъ поверхность земли, мѣстами сырую, и перебирается по сухимъ верхушкамъ травы; огонь слабѣетъ ежеминутно, почти потухаетъ, кое-гдѣ перепрыгивая звѣздочками; мракъ одѣваетъ окрестность... но одна звѣздочка перескочила на сухую залежь, и мгновенно разстилается широкое пламя: опять озарены окрестныя мѣста и снова багряное зарево отражается на темномъ небѣ.

Журавль.

Журавль живетъ и въ рѣчи, и въ пословицахъ, и въ примѣтахъ народныхъ. Длинношеяго или длинноногаго человѣка, какъ разъ, прозовутъ журавлемъ. Не желая мѣнять вѣрное малое на невѣрное большое, говорятъ: „не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки“; выраженіе „въ небѣ“ уже показываетъ высоту журавлинаго полета. Кто не слыхалъ ихъ пронзительнаго курлыканья, похожаго на отдаленные звуки волторнъ и трубъ, падающаго съ неба, съ вышины, недоступной иногда глазу человѣческому... Эти звуки издаютъ одни самцы, и для того у нихъ дыхательное горло имѣетъ особенное устройство. Весело слушаетъ крестьянинъ весною эти звуки и вѣритъ имъ, хотя бы стояла холодная погода: эти звуки обѣщаютъ близкое тепло; зато въ жаркіе дни, какіе изрѣдка бываютъ у насъ въ исходѣ Августа и даже въ началѣ Сентября, крикъ высоко летящихъ журавлей наводитъ грусть на его сердце: „быть рано зимѣ“, говоритъ онъ: „журавли пошли въ походъ“, и всегда почти вѣрно бываетъ

такое предсказаніе. Полетъ и крикъ журавлиный имѣютъ въ себѣ что-то привлекательное. Иногда станица ихъ очень долго кружится на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ кругомъ забираясь выше и выше, такъ что, наконецъ, не увидитъ ихъ глазъ, и только крикъ, сначала густой, рѣзкій, зычный, потерявъ свою опредѣленность, доходитъ до насъ въ неясныхъ, мягкихъ, глухихъ и, вмѣстѣ, пріятныхъ звукахъ. Вообще, журавли весною прилетаютъ не рано, позднѣе другой дичи, и сейчасъ разбиваются на пары. Осенью отлетаютъ, собравшись предварительно въ большія стаи, въ весьма различные сроки: иногда въ началѣ Августа, иногда въ исходѣ Сентября; летятъ всегда днемъ. Они никогда не летятъ кучей, а всегда выстраиваются треугольникомъ, одна сторона котораго, по большей части, гораздо длиннѣе. Такой неправильный треугольникъ летящихъ журавлей очень вѣрно называютъ на югѣ Россіи „журавлиный ключъ“, потому что онъ имѣетъ совершенное сходство не съ нашими желѣзными ключами, а съ простымъ, самодѣльнымъ, деревяннымъ крестьянскимъ ключомъ, которымъ запираются и задвигаются деревянные же внутренніе засовы клѣтей и амбаровъ. Впрочемъ, изрѣдка полетъ журавлей представляетъ фигуру тупаго и почти равносторонняго треугольника.

Журавль—сильная птица; но къ этой силѣ присоединяются особенныя оборонительныя оружія, которыми снабдила его природа; они состоятъ въ крѣпости костей его крыльевъ, ударъ которыхъ ужасно силенъ, въ длинныхъ ногахъ и крѣпкихъ пальцахъ съ твердыми ногтями и, наконецъ, въ довольно длинномъ, очень крѣпкомъ и остромъ клювѣ. При помощи такого оружія, раненый легко журавль дѣлается опасною птицею для охотника и собаки, если они вздумаютъ неосторожно его схватить. Сначала подстрѣленный журавль бѣжитъ прочь и очень шибко, такъ что безъ собаки трудно догнать его: скорости своему бѣгу придаетъ онъ подмахиваньемъ крыльевъ или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, онъ на всемъ бѣгу бросается на спину и начинаетъ защищаться ногами и носомъ, проворно и сильно поражая противника. Я видѣлъ печальныя слѣдствія такой храброй обороны: одного криваго охотника и одну кривую собаку: и тотъ и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненаго журавля.

Голуби.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служитъ эмблемою чистоты, кротости и любви,—и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему попреимуществу. Чистота его доказана святыми, ветхо-и новозавѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками: авторитетъ убѣдительный и неопровержимый. Слова ласки и сожалѣнія,—голубчикъ и голубушка, постоянно слышны въ рѣчахъ простаго народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живетъ мужъ съ женой, какъ согласны братъ съ сестрой, какъ дружны между собой пріятели и пріятельницы, и непремѣнно скажутъ: „они живутъ, какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга“. Желая выразить чье-нибудь простодушіе или доброту, говорятъ: „у него голубиная душа“. Сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: „охъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя“. Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ! какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла! какая круглота, мягкость въ очертаніяхъ его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго: все такъ кротко,

спокойно, граціозно.—Народъ глубоко чувствуетъ нравственныя качества голубей и питаетъ къ нимъ особенную любовь. Русскихъ голубей, безъ сомнѣнія, переродившихся изъ дикихъ, многіе домохозяева кормятъ хлѣбными зернами, ставятъ имъ полки для гнѣздъ, и всякій хозяинъ считаетъ благопріятнымъ знакомъ, если голуби хорошо ведутся у него на дворѣ. Крестьяне никогда не ѣдятъ голубей, и во многихъ деревняхъ не позволяютъ ихъ стрѣлять.

Зайцы.

Наружность зайца извѣстна всѣмъ; но онъ имѣетъ въ себѣ замѣчательную особенность: это устройство его заднихъ ногъ, которыя гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ и снабжены необыкновенно эластическими, крѣпкими, сухими жилами. Отсюда происходитъ диковинная легкость прыжковъ, иногда имѣющихъ въ длину до трехъ аршинъ, и вообще чудная рѣзвость заячьяго бѣга. Присѣвъ на заднія ноги, то-есть, сложивъ ихъ на сгибѣ, упершись въ какое-нибудь твердое основаніе, заяцъ имѣетъ способность съ такою быстротою и силою разогнуть ихъ, что буквально бросаетъ на воздухъ все свое тѣло; едва обопрется онъ о землю передними лапками, какъ уже заднія, далеко перепрыгнувъ за переднія, даютъ опять такой же толчокъ, и бѣгъ зайца кажется одною линіею, вытянутою въ воздухѣ. Безъ сомнѣнія, быстротѣ прыжковъ много способствуетъ крѣпость спиннаго хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бѣжать подъ гору, и, наоборотъ, очень ловко—на гору или въ гору. Перваго онъ всегда избѣгаетъ; но, вынужденный иногда къ тому преслѣдованьемъ враговъ, преимущественно борзыхъ собакъ, онъ нерѣдко скатывается кубаремъ съ вершины до самой подошвы горы. Заяцъ не ходитъ, а только прыгаетъ, онъ даже не можетъ стоять вдругъ на всѣхъ четырехъ ногахъ: какъ скоро онъ останавливается на своемъ бѣгу, то сейчасъ присядетъ на заднія ноги: такъ онѣ длинны. Онъ особенный мастеръ вдругъ сѣсть на всемъ бѣгу, и охотники говорятъ, что заяцъ сàдокъ. Надобно еще замѣтить, что шея у зайца не повертывается, и онъ не можетъ оглянуться назадъ; услыхавъ какой-нибудь шумъ сзади или сбоку, онъ опирается на заднія ноги, перекидываетъ всего себя въ ту сторону, откуда послышался шумъ, садится на корточки, какъ сурокъ, и насторожитъ свои длинныя уши.

Заяцъ—самое робкое и беззащитное твореніе. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицею: „трусливъ, какъ заяцъ“. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ, по справедливости, боится и звѣря, и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зарямъ выходитъ изъ своего дневнаго убѣжища, встаетъ съ логова; ночь для него совершенно замѣняетъ день; впродолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ и жируетъ, то-есть рѣзвится и вообще исполняетъ всѣ требованія природы: съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится, и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своею мордочкой, опушенною рѣдкими, но довольно длинными, бѣлыми усами.

Русскій народъ называетъ зайца косымъ. Его глаза, большіе, темные, на выкатѣ—не косы: это знаетъ всякій; но, будучи пугливъ и торопливъ, не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника, или на пенекъ; оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ неловкихъ

движеній назвали его косымъ, и даже человѣка, пробѣжавшаго второпяхъ мимо того предмета, котораго онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицаніемъ: „эхъ ты, косой заяцъ!“ или“ куда забѣжалъ скосу?“ Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ, закатываетъ подъ лобъ, иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно, это дремота, но, при первомъ взглядѣ, заяцъ покажется косымъ. Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворныя и лягавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но, кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летаютъ и по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое логово; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется, въ чистыхъ поляхъ), то непремѣнно и тамъ увидитъ его зоркій до невѣроятности черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ,—увидитъ и, зашумѣвъ, какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями. Мало этого, даже ночью, сторожатъ зайцевъ на мирныхъ гулянкахъ большія совы и филины.

Лѣсъ.

Я сказалъ о водѣ, что она „краса природы“; почти то же можно сказать и о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая великая цѣль природы. Лѣса—хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ. Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются краснымъ лѣсомъ или краснолѣсьемъ. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что, вмѣсто листьевъ, онѣ имѣютъ иглы. которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе; слѣдовательно, встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однихъ сосенъ, называется боромъ. Всѣ остальныя породы деревъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются чернымъ лѣсомъ или чернолѣсьемъ. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и пр.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна—преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчной однобразной и мрачной

зелени, его песчаной или глинистой почвы, можетъ-быть, отъ того, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолистнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка, сосна—рѣдкость. И такъ, я стану говорить объ одномъ чернолѣсьѣ.

По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или колками, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный Русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами (какъ сказалъ Гоголь), высокъ строенъ и красивъ бываетъ онъ, но его мало растетъ въ знакомыхъ мнѣ уѣздахъ Оренбургской губерніи, и не достигаетъ онъ тамъ своего огромнаго роста. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его или темна, или тускла; вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина, и по наружному виду, и по внутреннему достоинству, считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревъ. Не замѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью; золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающія листья, и ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

„Зарость“ или „порость,“ то-есть молодой лѣсъ пріятенъ на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела; но въ немъ мало тѣни; онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ расти не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые, темные лѣса; но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ,—незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы, сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и, наконецъ, сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, не смотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ, кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и—провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ. Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго, лѣснаго царства, свободно растущаго въ

свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его верпинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъ-естественными существами: „лѣшими“ и „лѣсными дѣвками“, такъ же какъ рѣчные и озерные омута—„водяными чертовками“; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ; на сучьяхъ и въ дуплахъ деревъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ. Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по-моему, очень пріятный запахъ груздей, потому что они родятся семьями, гнѣздами, и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то „горлянками“—и „бѣлки-летяги“: послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево, на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ звѣря въ летъ. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястребa, луни, бѣлохвостики, кобчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики ауканьемъ и хохотомъ лѣшаго?

Если случится ѣхать лѣсистой дорогою, черезъ зеленые перелѣски и душистыя поляны, только-что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ кобчикъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо неподалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной. Онъ сторожитъ изумительно зоркими своими глазами: не вылетитъ ли какая-нибудь маленькая птичка изъ-подъ ногъ лошади или человѣка. Съ

быстротою молніи падаетъ онъ изъ-поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то кобчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтямъ. Если же не удастся схватить добычи, то онъ взмоетъ въ верхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ ставку и опять упадетъ внизъ, если снова поднимется та же птичка, или будетъ вспугана другая. Кобчикъ бьетъ сверху, черкаетъ, какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ. Иногда случается,что отъ большихъ дѣтей вылетаютъ на ловлю оба кобчика, самка и чегликъ, и тогда они могутъ позабавить всякаго зрителя и не охотника. Нельзя безъ пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой, хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человѣку какъ-то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ хорошъ, изященъ, увлекателенъ процессъ этой ловли, что непремѣнно желаешь успѣха ловцу. Если одному кобчику удастся поймать птичку, то онъ сейчасъ уноситъ добычу къ дѣтямъ, а другой остается и продолжаетъ плавать надъ человѣкомъ, ожидая и себѣ поживы. Случается и то, что оба кобчика, почти въ одно время, поймаютъ по птичкѣ и улетятъ съ ними; но черезъ минуту одинъ непремѣнно явится къ человѣку опять. Кобчикъ—загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, а ручной ничего не ловитъ. Я много разъ пробовалъ вынашивать кобчиковъ (тоже что дрессировать собаку) и гнѣздарій, и слетковъ; выносить ихъ весьма легко: въ три, четыре дня онъ привыкнетъ совершенно, и будетъ ходить на руку, даже безъ вабила (кусокъ мяса); стоитъ только свистнуть да махнуть рукой, стоитъ кобчику только завидѣть охотника или заслышать его свистъ, онъ уже на рукѣ, и если охотникъ не протянетъ руки, то кобчикъ сядетъ на его плечо или голову,—живой же птички никакой не беретъ. Эта особенность его извѣстна всѣмъ охотникамъ; но я не вѣрилъ, пока многими опытами не убѣдился, что это совершенная правда. Потерявъ всякую надежду, чтобы кобчикъ сталъ ловить, я обыкновенно выпускалъ его на волю, и долго видѣли его летающаго около дома и слышали жалобный писк, означающій, что онъ голоденъ. Получалъ ли кобчикъ прежнюю способность ловить на волѣ, или умиралъ съ голоду,—не знаю.

Лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ по такимъ мѣстамъ, которыя заливаются полою водою, называются уремою. Уремы бываютъ различны: по большимъ рѣкамъ и рѣкамъ средней величины, берега которыхъ всегда песчаны, урема состоитъ предпочтительно изъ вяза, осокоря, ракиты или ветлы и изрѣдка изъ дуба, достигающихъ огромнаго роста и объема; черемуха, рябина, орѣшникъ и крупный шиповникъ почти всегда имъ сопутствуютъ, разливая кругомъ, во время весенняго цвѣтенія, сильный ароматическій запахъ. Вязъ не такъ высокъ, но толстый, свилеватый пень его бываетъ въ окружности до трехъ саженъ; онъ живописно раскидистъ, и прекрасна неяркая, густая зелень овальныхъ, какъ будто тисненыхъ его листьевъ. Зато осокорь достигаетъ исполинской вышины; онъ величавъ, строенъ и многолиственъ; его блѣдно-зеленые листья похожи на листья осины и также легко колеблются на длинныхъ стебелькахъ своихъ при малѣйшемъ, незамѣтномъ движеніи воздуха. Его толстая, и, въ то же время, легкая, мягкая, красная внутри кора идетъ на разныя мелочныя подѣлки, всего болѣе на наплавки къ рыболовнымъ сѣтямъ, неводамъ и удочкамъ. Такія уремы не бываютъ густы, имѣютъ много глубокихъ заливныхъ озеръ, богатыхъ всякою рыбою и водяною дичью. Вездѣ по берегамъ рѣкъ и озеръ, по песчанымъ пригоркамъ и косогорамъ, предпочтительно предъ другими лѣсными ягодами, растетъ въ изобиліи ежевика (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ее называютъ „куманикой“), цѣпляясь за все своими гибкими, ползу-

чими, слегка колючими вѣтками; съ весны зелень ея убрана маленькими бѣлыми цвѣточками, а осенью—черноголубыми или сизыми ягодами превосходнаго вкуса, похожими наружнымъ образованьемъ и величиною на крупную малину. Хороша такая урема; огромныя деревья любятъ просторъ, растутъ не часто, подъ ними и около нихъ, по размѣру тѣни, нѣтъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ, и потому вся на виду величавая красота ихъ. Уремы другого рода образуются по рѣкамъ, которыхъ нельзя причислить къ рѣкамъ средней величины, потому что онѣ гораздо меньше, но, въ то же время, быстры и многоводны; по рѣкамъ, протекающимъ не въ безплодныхъ, песчаныхъ, а въ зеленыхъ и цвѣтущихъ берегахъ, по черноземному грунту: тамъ рѣдко встрѣтишь вязъ, дубъ или осокорь, тамъ растетъ березнякъ, осинникъ и ольха; тамъ, кромѣ черемухи и рябины, много всякихъ кустовъ: калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и другихъ. Эти-то уремы особенно мнѣ нравятся. Многія деревья, и предпочтительно таловые кусты, пронизаны и протканы, живописно обвиты до самаго верха цѣпкими побѣгами дикаго хмѣля и обвѣшаны сначала его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а потомъ палевыми, золотыми шишками, похожими на виноградныя кисти, внутри которыхъ таятся мелкія, круглыя, горькія на вкусъ, хмѣльныя сѣмена. Множество соловьевъ, варакушекъ и всякихъ пѣвчихъ птичекъ живетъ въ зеленыхъ, густорастущихъ кустахъ такой уремы. Соловьи заглушаютъ всѣхъ. День и ночь не умолкаютъ ихъ свисты и раскаты. Садится солнце, и почники смѣняютъ до утра усталыхъ денныхъ соловьевъ. Только тамъ, при легкомъ шумѣ бѣгущей рѣки, посреди цвѣтущихъ и зеленѣющихъ деревьевъ и кустовъ, теплomъ и благовоніемъ дышущей ночи, имѣютъ полный смыслъ и обаятельную силу соловьиныя пѣсни... но онѣ болѣзненно дѣйствуютъ на душу, когда слышишь ихъ на улицѣ, въ пыли и шумѣ экипажей, или въ душной комнатѣ, въ говорѣ людскихъ рѣчей.

По небольшимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, особенно по низменной и болотистой почвѣ, уремы состоятъ изъ одной ольхи и таловыхъ кустовъ, по большей части сквозь проросшихъ мелкимъ камышомъ. Изрѣдка кое-гдѣ торчатъ кривобокія березы, которыя не боятся мокрыхъ мѣстъ, равно какъ и сухихъ. Такія уремы бываютъ особенно густы, часты и болотисты; иногда имѣютъ довольно маленькихъ озерковъ и представляютъ полное удобство къ выводу дѣтей для всей болотной и водяной дичи; всякіе звѣри и звѣрьки находятъ въ нихъ также безопасное убѣжище.

И этотъ лѣсъ, такъ поверхностно, недостаточно мною описанный, эту красу земли, прохладу въ зной, жилище звѣрей и птицъ,—лѣсъ, изъ котораго мы строимъ дома и которымъ грѣемся въ долгія жестокія зимы,—не бережемъ мы въ высочайшей степени. Мы богаты лѣсами, но богатство вводитъ насъ въ мотовство, а съ нимъ недалеко до бѣдности; срубить дерево безъ всякой причины у насъ ничего не значитъ. Положимъ, что въ настоящихъ лѣсныхъ губерніяхъ, при всемъ стараніи не такъ многочисленнаго ихъ населенія, лѣсу не выведутъ; но во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда росли лѣса, остались голыя степи, и солома замѣнила дрова. Тоже можетъ случиться и въ Оренбургской губерніи. Не говорю о томъ, что крестьяне вообще поступаютъ безжалостно съ лѣсомъ, что, вмѣсто валежника и бурелома, безполезно тлѣющаго, за которымъ надобно похлопотать, потому что онъ толстъ и тяжелъ,—крестьяне обыкновенно рубятъ на дрова молодой лѣсъ; что у старыхъ деревъ обрубаютъ на топливо одни сучья и вершину, а голые стволы оставляютъ сохнуть и гнить; что косятъ траву или пасутъ стада, безъ всякой необходимости, тамъ, гдѣ пошли молодые лѣсные побѣги и даже заросли. Все это еще не въ такой степени губи-

тельно, какъ выварка поташа и сидѣнье или сидка дегтя: для поташа пережигаютъ въ золу преимущественно ильму, липу и вязъ, не щадя, впрочемъ, и другихъ древесныхъ породъ: а для дегтя снимаютъ бересту, то-есть, верхнюю кожу березы. Хотя эта съемка сначала кажется не такъ губительною, потому что береза гибнетъ не вдругъ, а снятая осторожно, лѣтъ черезъ десять наращаетъ новую кожу, которую снимаютъ вторично; но станутъ ли наемные работники осторожно бить бересту, то-есть снимать съ березы кожу? и притомъ ни одна съ величайшею осторожностью снятая береза не достигаетъ уже полнаго развитія: она хилѣетъ постепенно и умираетъ, не доживъ своего вѣка.

Изъ всего растительнаго царства, дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня и, наконецъ, многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду... но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ.... Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большаго подрубленнаго дерева—въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала, звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и, наконецъ, начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающей быстротою и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!.. Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты, и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка. *)

---

*) Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серега взялъ топоръ и пошелъ въ рощу. На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, неосвѣщенной солнцемъ, росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ дерева, или шелеста по землѣ, нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ, звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномѣрно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала, сочные листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочныя бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновенье все затихло, но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули на небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ; роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачныя побѣлѣвшія тучки на сводѣ неба, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и, какъ потерянныя, щебетали что-то счастливое, сочные листья радостно и спокойно шептались въ вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

(Изъ разсказа: *„Три смерти“*.—Гр. Л. Н. Толстаго).

ИЗЪ „СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ".

Степанъ Михайловичъ Багровъ.

Степанъ Михайловичъ Багровъ (Аксаковъ), такъ звали его, былъ не только средняго, а даже небольшаго роста; но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистыя руки, каменное, мускулистое тѣло обличали въ немъ силача. Въ разгульной юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищей, на него нацѣплявшихся, стряхивалъ онъ, какъ брызги воды стряхиваетъ съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачнетъ вѣтеръ. Правильныя черты лица, прекрасные большіе темноголубые глаза, легко загоравшіеся гнѣвомъ, но тихіе и кроткіе въ часы душевнаго спокойствія, густыя брови, пріятный ротъ,—все это вмѣстѣ придавало самое открытое и честное выраженіе его лицу; волосы у него были русые. Не было человѣка, кто бы ему не вѣрилъ; его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ. Природный умъ его былъ здравъ и свѣтелъ. Разумѣется, при общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помѣщиковъ, и онъ не получилъ никакого образованія, русскую грамоту зналъ плохо; но, служа въ полку, еще до офицерскаго чина выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости. Вѣроятно, онъ служилъ не очень долго, ибо вышелъ въ отставку какимъ-то полковымъ квартирмейстеромъ. Впрочемъ, тогда дворяне долго служили въ солдатскомъ и унтеръ-офицерскомъ званіяхъ, если не проходили ихъ въ колыбели и не падали всѣмъ на голову изъ сержантовъ гвардіи капитанами въ армейскіе полки. О служебномъ поприщѣ Степана Михайловича я мало знаю; слышалъ только, что онъ былъ часто употребляемъ для поимки волжскихъ разбойниковъ, и что всегда оказывалъ благоразумную распорядительность и безумную храбрость въ исполненіи своихъ распоряженій; что разбойники знали его въ лицо и боялись, какъ огня. Вышедъ въ отставку, нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Троицкомъ, Багрово тожъ, и сдѣлался отличнымъ хозяиномъ. Онъ не торчалъ день и ночь при крестьянскихъ работахъ, не стоялъ часовымъ при ссыпкѣ и отпускѣ хлѣба; смотрѣлъ рѣдко да мѣтко, какъ говорятъ русскіе люди, и ужъ прошу не прогнѣваться, если замѣчалъ что дурное, особенно обманъ, то уже не спускалъ никому. Дѣдушка, сообразно духу своего времени, разсуждалъ по своему: наказать виновнаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни,—значитъ вредить его благосостоянію, то-есть своему собственному; наказать денежнымъ взысканіемъ — тоже; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую вотчину, употребить въ тяжелую работу—тоже, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства—несомнѣнная порча; прибѣгнуть къ полиціи... Боже помилуй, да это казалось такимъ срамомъ и стыдомъ, что вся деревня принялась бы выть по виноватомъ, какъ по мертвомъ, а наказанный счелъ бы себя опозореннымъ, погибшимъ. Да и надо сказать, что дѣдушка мой былъ строгъ только въ пылу гнѣва: прошелъ гнѣвъ, прошла и вина. Этимъ пользовались: иногда виноватый успѣвалъ спрятаться, и гроза проходила мимо. Скоро крестьяне его пришли въ такое положеніе, что было не на кого и не за что разсердиться. Приведя въ порядокъ свое хозяйство, дѣдушка мой женился на Аринѣ Васильевнѣ Неклюдовой, небогатой дѣвицѣ, также изъ стариннаго дворянскаго дома. При этомъ случаѣ кстати объяснить, что древность дворянскаго происхожденія была конькомъ моего дѣдушки, и хотя у него было 180 душъ крестьянъ, но, производя свой родъ, Богъ знаетъ по какимъ документамъ,

отъ какого-то варяжскаго князя, онъ ставилъ свое семисотъ-лѣтнее дворянство выше всякаго богатства и чиновъ. Онъ не женился на одной весьма богатой и прекрасной невѣстѣ, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадѣдушка ея былъ не дворянинъ. Итакъ, вотъ каковъ былъ Степанъ Михайловичъ.

Добрый день Степана Михайловича Багрова.

Въ исходѣ іюля стояли уже сильные жары. Послѣ душной ночи потянулъ на разсвѣтѣ восточный свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но зато въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дискантовый писк и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодаго сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ мокрою рукою горячій потъ съ крутаго лба своего, высунулъ голову изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никанорка Танайченокъ храпѣли въ растяжку на полу въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ. „Экъ храпятъ, собачьи дѣти!“ сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ, но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя кожаныя туфли на босыя ноги, и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняной холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, а всякій читатель вправѣ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и, наконецъ, пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ, на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ „билъ ее, да своего добра не рубилъ...“ Но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье,—и старикъ покорился. Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про „добрый день моего дѣдушки“. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подостлалъ его подъ себя на верхней ступени крыльца, и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю.—Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно, а дѣдушкѣ, сверхъ того, весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда

уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ не обгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь на общее мірское стадо, для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы: разумѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ ничего въ этомъ непріятнаго; напротивъ, любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали „Спирькой", выводилъ, одного за другимъ, двухъ рыже-пѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи, причемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились на небѣ, щебетали и пѣли ласточки и касаточки, звонко били перепела въ поляхъ, разсыпались въ воздухѣ пѣсни жаворонковъ, надсѣдаясь хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистываніе погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота, варакушки взапуски передразнивали соловьевъ—выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги, потянулись мужики въ поле... Захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакивали они, какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: „Мазанъ, умываться! Танайченокъ, буди Аксютку и барыню,—чаю!" Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою, а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую, дородную барыню, Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа, стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткою домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: „какъ почивалъ и что во снѣ видѣлъ?" Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и навалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна разцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ не ласково встрѣчалъ ее.

— „ Напьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша!" заговорилъ Степанъ Михайловичъ:„ покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?" Такой вопросъ былъ необыкно-

венная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Елизаветой и Александрой Степановнами, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два! Дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку и назвалъ одну Лизанькой, а другую Лексаней. Онѣ были очень не глупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ и что старикъ зналъ наизустъ; онъ зналъ и то, что дочери готовы его обмануть при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки, или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ все это высказывалъ имъ безъ пощады, въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ; но дочери, какъ настоящія Еввины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лицо отца, и онѣ сейчасъ принимались за свои хитрые планы, и нерѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: „Лошадь!“ и старый бурый меринъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ—уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то-есть, просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предыдущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы, но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его *шлычкой*, и надѣвъ *полевой* кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста да картузъ, и подостлавъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный втрое свой обыкновенный зипунъ изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали „маренниками“; я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, въ человѣка вышиною, стояла, какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ, и синія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба; потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни;

всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть, и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить. Онъ загляпулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую черезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого родился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полдёнъ. Только завидѣли спускающіяся дѣдушкины дроги—кушанье уже стояло, на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. „Ну, Ариша“, весело сказалъ дѣдушка: „какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка“. Бабушка растаяла отъ радости. „На половину поспѣла,“ продолжалъ онъ: „съ завтрашняго дня посылать по ягоды“. Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему навстрѣчу изъ залы. „А, готово!“ еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: „спасибо“, и, не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно, чтобъ кушанье стояло на столѣ, и Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, прозрачнымъ балыкомъ, желтымъ, какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищеными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда, онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и упека отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ, захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо; а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ въ погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мерт-

вымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ,—Мазанъ указалъ на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду, проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрешняго проснулся баринъ, и первое слово его было: „студеной бражки“! Перепугались лакеи: Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и что жь, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?.. Расхохотался, послалъ за Аришей и за дочерьми, и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ, и чуть-чуть не разсердился; брови его уже начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: „ну, Богъ проститъ на этотъ разъ; но если въ другой“.... договаривать было ненужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина люди могли рѣшиться на такую наглую шалость. Но много разъ я замѣчалъ впродолженіе моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на отчаянныя проказы. Съ дѣдушкой же моимъ это былъ не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь перестлать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ да и заснулъ. Дѣдушка самъ нашелъ его крѣпко спящаго въ этомъ положеніи и—только разсмѣялся. Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калиновымъ подожкомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобы позабавиться сюрпризомъ Мазана. Впрочемъ, съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случалось: во время его отсутствія выдали замужъ четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, двоюродную его сестру, П. И. Багрову, круглую, но очень богатую сироту, жившую у него въ домѣ и горячо имъ любимую—за такого развратнаго и страшнаго человѣка, котораго онъ терпѣть не могъ. Конечно, это дѣло устроили близкіе родные, его сестры съ материнской стороны, но съ согласія Арины Васильевны и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я разскажу послѣ, теперь же возвратимся къ доброму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ пополудни и, послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тяжесть жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и, воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидавшую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись досыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостью согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего

наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень, Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарыть въ плотинѣ червячковъ и насаживать ими удочки у барышенъ. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, неподалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла со Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтній сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить въ глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какънибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на ползарубки,—и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду: мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню и сказалъ: „Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась".

— „То-то маленько", безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка, „какъ бы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась".—„ Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ".—„Ну, Богъ проститъ, давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще, не тоньше другихъ—въ этомъ вся штука". Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили на воду не вдругъ, а понемногу (тоже по приказанію дѣдушки),—и запѣлъ, замололъ, жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своею дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольцу, знакомому мордвину: „чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного не отолченаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше". Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то есть кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичій дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полу-пуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ, всѣмъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана (прозванье Горожаны она имѣла потому, что нѣсколько времени съ молоду жила въ какомъ-то городѣ) хорошо смотритъ за птицею.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало, неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣ-

душка не былъ рыбакомъ.—„Пора, Ариша, домой: староста, чай, ждетъ меня“, сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что чрезъ полчаса онѣ придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ: нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены, дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить, по-прежнему, у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе кваснаго стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и, вѣроятно, кушали за нимъ даже плотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставилъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ поддразнивалъ, что они не шутя колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы; но дѣдушка, досыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человѣку! Ближе шумѣла мельница, и толкла толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, не смотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

Материнская любовь.

Осенью, когда я сталъ больше сидѣть дома, больше слушать и больше смотрѣть на мою мать, то сталъ примѣчать въ ней какую-то перемѣну: прекрасные глаза ея устремлялись иногда на меня съ особеннымъ выраженіемъ тайной грусти; я подглядѣлъ даже слезы, старательно отъ меня скрываемыя; встревоженный и огорченный, со всѣми ласками горячей любви, я приставалъ съ разспросами къ моей матери. Сначала она увѣряла меня, что это такъ, что это ничего не значитъ; но скоро въ ея разговорахъ со мной я началъ слышать, какъ сокрушается она о томъ, что мнѣ не у кого учиться, какъ необходимо ученье мальчику; что она лучше желаетъ умереть, нежели видѣть дѣтей своихъ выростающихъ невѣждами; что мужчинѣ надобно служить, а для службы необходимо учиться... Сердце сжалось у

меня въ груди, я понялъ, къ чему клонится рѣчь, понялъ, что бѣда не прошла, а пришла, и что мнѣ не уйти отъ Казанской гимназіи. Мать подтвердила мою догадку и сказала, что она рѣшилась; а я зналъ, что ея рѣшенья тверды. Нѣсколько дней я только плакалъ и ничего не слушалъ, и какъ будто не понималъ, что говорила мнѣ мать. Наконецъ ея слезы, ея просьбы, ея разумныя убѣжденія, сопровождаемыя нѣжнѣйшими ласками, горячность ея желанія видѣть во мнѣ образованнаго человѣка, были поняты моей дѣтской головой, и съ растерзаннымъ сердцемъ я покорился ожидающей меня участи. Всѣ мои деревенскія удовольствія вдругъ потеряли свою прелесть: ни къ чему меня не тянуло, все смотрѣло чужимъ, все опостылѣло, и только любовь къ матери выросла въ такихъ размѣрахъ, которые пугали ее. Меня стали приготовлять къ школьному ученью. Для своего возраста я читалъ какъ нельзя лучше, но писалъ по-дѣтски. Отецъ еще прежде хотѣлъ мнѣ передать всю свою ученость въ математикѣ, то-есть первыя четыре ариѳметическія правила, но я такъ непонятливо и лѣниво учился, что онъ бросилъ ученье. Тутъ все перемѣнилось: въ два мѣсяца я выучилъ эти четыре правила, которыя только однѣ изъ всей математики и теперь не позабыты мной; въ остальное время до отъѣзда въ Казань, отецъ только повторялъ со мною зады, въ списываніи прописей я достигъ также возможнаго совершенства. Все это я дѣлалъ на глазахъ у своей матери и единственно для нея. Она сказала мнѣ, что сгоритъ со стыда, если меня не похвалятъ на экзаменѣ, который надобно было выдержать именно въ этихъ предметахъ, при вступленіи въ гимназію, что она увѣрена въ моихъ отличныхъ успѣхахъ,—этого было довольно. Я не отходилъ отъ матери ни на шагъ. Напрасно посылала она меня погулять или посмотрѣть на голубей и ястребовъ. Я никуда не ходилъ и всегда отвѣчалъ одно: „мнѣ не хочется, маменька“. Съ намѣреніемъ пріучить меня къ мысли о разлукѣ, мать безпрестанно говорила со мной о гимназіи, объ ученьѣ, непремѣнно хотѣла впослѣдствіи отвезти меня въ Москву и отдать въ университетскій благородный пансіонъ, куда нѣкогда опредѣлила она, будучи еще семнадцатилѣтней дѣвушкой, прямо изъ Уфы, своихъ братьевъ. Умъ мой былъ развернутъ не по лѣтамъ: я много прочелъ книгъ для себя и еще болѣе прочелъ ихъ вслухъ для моей матери; разумѣется, книги были старше моего возраста. Надобно къ этому прибавить, что все мое общество составляла мать, а извѣстно, какъ общество взрослыхъ развиваетъ дѣтей. И такъ, она могла говорить со мной о преимуществахъ образованнаго человѣка передъ невѣждой, и я могъ понимать ее. Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она безгранично владѣла всѣмъ моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея пламенное желаніе, оправдать ея надежды, что я, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда въ Казань. Мать моя казалась бодрою и веселою; но чего стоили ей эти усилія! Она худѣла и желтѣла съ каждымъ днемъ; никогда не плакала, и только болѣе обыкновеннаго молилась Богу, запершись въ своей комнатѣ. Вотъ гдѣ было настоящее торжество безграничной, безкорыстной, полной самоотверженія, материнской любви! Вотъ гдѣ доказала мнѣ мать любовь свою! Я былъ прежде больной ребенокъ, и она нѣкогда проводила цѣлые годы безотлучно у моей дѣтской кровати; никто не зналъ, когда она спала; ничья рука, кромѣ ея, ко мнѣ не прикасалась. Впослѣдствіи она перешла весною, въ ростополь, страшную, посинѣвшую рѣку Каму, уже ни для кого непроходимую, ежеминутно готовую взломать свои льды, — узнавъ, что тоска меня одолѣла и что я лежу въ больницѣ... Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ рѣшимостью отдать въ гимназію свое ненаглядное, слабое,

изнѣженное, буквально обожаемое дитя, по девятому году, на казенное содержаніе, за четыреста верстъ, потому что не было другихъ средствъ доставить ему образованіе.

Въ гимназіи.

Наконецъ всѣ формальности были выполнены, и состоялось опредѣленіе Совѣта: принять меня въ гимназію Казанскую на казенное содержаніе, даже сняли съ меня мѣрку и сшили форменное платье.

Напряженное состояніе духа, въ которомъ находилась мать моя и я самъ, не ослабѣвало. Поѣхали въ соборъ, отслужили молебны Гурію, Варсонофію и Герману, Казанскимъ Чудотворцамъ; прямо оттуда отецъ съ матерью отвезли меня въ гимназію и отдали съ рукъ на руки Упадышевскому; дядька мой, Ефремъ Евсеичъ, также поступилъ туда въ должность комнатнаго служителя. Прощанье, разумѣется, сопровождалось слезами, благословеніями и наставленіями, но ничего особеннаго не случилось. Меня отвезли поутру въ 10 часовъ: классы только что перемѣнились, и всѣ ученики находились въ классныхъ комнатахъ на верху. Спальныя внизу были пусты, и мать моя могла осмотрѣть ихъ, даже видѣть ту кровать, на которой я буду спать; казалось, она всѣмъ осталась довольна.

Какъ только уѣхали мои родители, Упадышевскій взялъ меня за руку, отвелъ въ классъ чистописанія, представилъ учителю, рекомендовалъ, какъ самаго благонравнаго мальчика, и просилъ особенно мной заняться. Меня посадили за отдѣльный столъ, вмѣстѣ съ новенькими, и заставили выписывать палочки. Я былъ такъ пораженъ, что находился точно въ какомъ-то забытьѣ, все казалось мнѣ сномъ, но страха и тоски я не чувствовалъ. Послѣ обѣда, котораго я не замѣтилъ, надѣли на меня форменную мундирную куртку, повязали суконный галстукъ, остригли волосы подъ гребенку, поставили во фрунтъ по ранжиру, по два человѣка въ рядъ, подлѣ ученика Владиміра Граффа, и сейчасъ выучили ходить въ ногу. Я все исполнялъ, какъ говорится, машинально: точно дѣло шло не обо мнѣ. По окончаніи классовъ, Упадышевскій встрѣтилъ меня у дверей и, сказавъ: „матушка тебя дожидается“, отвелъ меня въ пріемную залу. Отецъ съ матерью были тамъ: отецъ, увидя меня, разсмѣялся и сказалъ: „вотъ какъ перерядили Сережу“. А мать, которая въ первую минуту меня не узнала, всплеснула руками, ахнула и упала безъ чувствъ. Я закричалъ, какъ изступленный, и также упалъ у ея ногъ. Упадышевскій, смотрѣвшій въ непритворенную дверь, перепугался и прибѣжалъ на помощь. Обморокъ моей матери продолжался около получаса, напугалъ моего отца и такъ встревожилъ бѣднаго Упадышевскаго, что онъ призвалъ изъ больницы жившаго тамъ подлѣкаря Риттера, который давалъ матери моей какое-то лѣкарство, и даже мнѣ что-то далъ выпить. Когда мать опомнилась, то сдѣлалась очень слаба, и добрый Упадышевскій самъ предложилъ отпустить меня ночевать домой: „такъ и быть, говорилъ онъ, пусть прогнѣвается на меня Николай Иванычъ (главный надзиратель), когда, воротясь, узнаетъ объ этомъ; правда, онъ ни за чтобы не позволилъ, но я ужъ беру все на свою отвѣтственность; только, пожалуйста, привезите его завтра къ семи часамъ, прямо къ завтраку“. Мы не находили словъ благодарить добраго человѣка и отправились на квартиру. Дома мать одумалась, ободрилась и меня ободрила. Она заставила себя спокойно смотрѣть на мою почти выбритую голову, гдѣ рука ея напрасно искала мягкихъ, бѣлокурыхъ кудрей моихъ, на суконный галстукъ, который уже успѣлъ натереть мою нѣжную шею, никогда еще не носившую и шелковаго платка. Во всемъ находила она разумную потребность, которой должно

было покориться. Взаимная наша твердость духа и рѣшимость съ новою силою овладѣли нами. На другой день въ семь часовъ я былъ уже въ гимназіи. Мать пріѣзжала ко мнѣ всякій день два раза, въ двѣнадцать часовъ передъ обѣдомъ, всего на полчаса, и въ шесть часовъ вечера, и тогда я могъ оставаться съ ней часа полтора. При свиданьяхъ со мною она казалась спокойною и даже веселою; но по печальному лицу моего отца я отгадывалъ, что дома безъ меня происходило совсѣмъ другое. Черезъ нѣсколько дней отецъ мой убѣдился, что дѣла такъ продолжаться не могутъ и что эти безпрестанныя свиданья и прощанья—только одно безполезное мученье; онъ призвалъ на совѣтъ Княжевича, и они вмѣстѣ рѣшили увезти немедленно мою мать въ деревню. Рѣшить было легко, да исполнить трудно: отецъ мой зналъ это очень хорошо; но, сверхъ его ожиданья и къ большому удовольствію, мать моя скоро уступила общимъ просьбамъ и убѣжденіямъ. Слова доктора Бениса, принявшаго въ этомъ дѣлѣ участіе, безъ сомнѣнія, имѣли большой вѣсъ. Онъ увѣрялъ, что частыя свиданья, раздражая мои слабые нервы, вредны моему здоровью, и что я никогда или очень долго не привыкну къ новой моей жизни, если мать моя не уѣдетъ. Даже добрѣйшій Упадышевскій упрашивалъ о томъ же, утверждая, что въ такомъ положеніи я не могу хорошо учиться, и что учителя получатъ обо мнѣ дурное мнѣніе... и мать моя согласилась уѣхать на другой же день. Удивляюсь только одному, какъ она могла рѣшиться обмануть меня? Она сказала мнѣ передъ обѣдомъ, что завтра или послѣ завтра уѣзжаетъ, и что мы еще увидимся раза два, сказала также, что вечеръ проведетъ у Княжевичей, и потому ко мнѣ не пріѣдетъ. Уѣхать тихонько, не простясь со мной—это была несчастная мысль, поддержанная Бенисомъ и Упадышевскимъ. Разумѣется, хотѣли пощадить насъ обоихъ, и особенно меня, отъ послѣдняго прощанья, но разсчетъ оказался не вѣренъ. Я и теперь убѣжденъ, что эта благонамѣренная хитрость произвела много печальныхъ послѣдствій.

Въ первый разъ случилось, что мать не пріѣхала ко мнѣ вечеромъ, и хотя я былъ предупрежденъ ею, но тоска и предчувствіе неизвѣстной бѣды томили мое сердце. Ночь спалъ я дурно. На другой день по-утру, когда я сталъ одѣваться, дядька мой Евсеичъ подалъ мнѣ записку: мать прощалась со мной: она писала, что если я люблю ее и хочу, чтобъ она была жива и спокойна, то не буду грустить и стану прилежно учиться. Она уѣхала наканунѣ въ восемь часовъ вечера. Ясно помню я эту минуту, но описать ее не умѣю: что-то болѣзненное пронзило мою грудь, сжало ее и захватило дыханіе; черезъ минуту началось страшное біеніе сердца. Полуодѣтый, я сѣлъ на кровать и съ безумнымъ отчаяніемъ глядѣлъ на всѣхъ, ничего не слушая и ничего не понимая. Упадышевскій, который дни за два перевелъ меня въ свою благонравную комнату и который зналъ объ отъѣздѣ матери моей, слѣдовательно, понималъ причину моего состоянія, не велѣлъ меня трогать, увелъ поскорѣе воспитанниковъ на верхъ, поручилъ ихъ одному изъ надзирателей и прибѣжалъ ко мнѣ: я сидѣлъ на кровати въ томъ же положеніи; Евсеичъ стоялъ передо мною и плакалъ. Что ни говорилъ Упадышевскій, я не слыхалъ и молчалъ. Я не могъ сообразить никакой мысли, и глаза у меня были, какъ мнѣ послѣ сказали, дикіе и неподвижные. Меня отвели въ больницу, я и тамъ сѣлъ безсознательно на кровать и сидѣлъ также молча и глядѣлъ также дико. Черезъ часъ пріѣхалъ Бенисъ, онъ осмотрѣлъ меня по докторски, покачалъ головой и сказалъ что-то по-французски; послѣ я узналъ отъ другихъ, что онъ сказалъ: „pauvre enfant“. Мнѣ дали проглотить отвратительное лѣкарство, раздѣли, положили въ постель и принялись тереть суконками. Скоро сильный ознобъ и дрожь привели меня въ память. Я громко закричалъ: „маменька уѣхала!..“ и ручьи

задержанныхъ слезъ хлынули изъ моихъ глазъ. Бенисъ видимо обрадовался, сѣлъ подлѣ меня и началъ говорить объ отъѣздѣ моей матери, о необходимости этого отъѣзда для ея здоровья, о вредныхъ слѣдствіяхъ прощанья и о томъ, какъ долженъ вести себя умненькій мальчикъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, любящій свою мать и желающій ее успокоить... Его слова были вдохновеніемъ свыше, потому-что докторъ, будучи весьма почтеннымъ человѣкомъ, не отличался нѣжностью и мягкостью характера; слезы мои потекли еще сильнѣе, но мнѣ стало легче. Бенисъ уѣхалъ. Я рыдалъ еще часа два и, наконецъ, заснулъ отъ утомленія, и благотворный сонъ подкрѣпилъ мой слабый организмъ. Упадышевскій приходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ, даже принесъ мнѣ для развлеченія „Дѣтское училище“, котораго я еще не видывалъ. Упадышевскій зналъ, что я былъ страстный охотникъ читать; но мнѣ было тогда еще не до чтенія. Я попросилъ позволенія писать, и писалъ къ отцу и къ матери весь день, и весь вечеръ, и почти безпрестанно плакалъ. Ночь я спалъ безпокойно и много грезилъ, къ чему я всегда былъ склоненъ. Евсеичъ не отходилъ отъ меня. На другой день поутру, Бенисъ нашелъ мое здоровье въ лучшемъ положеніи; выписалъ изъ больницы, потому что считалъ вреднымъ для меня, въ нравственномъ отношеніи, и бездѣйствіе, и пребываніе между больными, и велѣлъ заниматъ слегка ученьемъ.

Уженье рыбы.

Каждый день поутру, покуда не такъ было жарко, отправлялся я съ Евсеичемъ удить. Самое лучшее уженье находилось у насъ въ саду, почти подъ окнами, потому что пониже Аксакова, въ мордовской деревнѣ Кивацкое, была мельница и огромный прудъ, такъ что подпруда воды доходила почти до сада; тутъ Бугурусланъ могъ назваться верховьемъ Кивацкаго пруда, а всѣмъ охотникамъ извѣстно, что для уженья рыбы это очень выгодно. Впервые познакомился я тогда съ высшимъ наслажденіемъ рыбака, съ уженьемъ крупной рыбы: до тѣхъ поръ я лавливалъ только плотву, окуней и пискарей; конечно, двѣ первыя породы достигаютъ также значительной величины, но мнѣ какъ-то крупная не попадалась, а если и попадалась, то я не могъ ее вытащить, потому что удилъ на тонкія лесы и маленькіе крючки. Евсеичъ свилъ мнѣ двѣ лесы, волосъ въ двадцать каждую, навязалъ толстые крючки, привязалъ лесы къ крѣпкимъ удилищамъ и, взявъ еще свою удочку, повелъ меня въ садъ на свое секретное мѣсто, которое онъ называлъ: „золотымъ мѣстечкомъ“. Насадивъ на крючокъ кусокъ умятаго чернаго хлѣба величиной съ большой русскій орѣхъ, онъ закинулъ мою удочку на дно подъ самый кустъ, а свою пустилъ у берега, возлѣ травки и камыша. Я сидѣлъ смирно и не смѣлъ смигнуть съ моего наплавка, который тихо похаживалъ взадъ и впередъ отъ того, что тутъ вода завертывала подъ берегъ. Въ непродолжительномъ времени Евсеичъ вдругъ вскочилъ и, закричавъ: „вотъ онъ батюшка!“ началъ возиться съ большой рыбой, обѣими руками держа удилище. Евсеичъ не имѣлъ понятія объ умѣньѣ удить и потащилъ изо всей силы, какъ говорится, черезъ плечо на выносъ; рыба, вѣроятно, запуталась за траву или за камышъ, удилище было просто палка, и леса порвалась: такъ мы и не видали, какая это была рыба. Евсеичъ пришелъ въ большой азартъ; я также почти дрожалъ, глядя на него. Евсеичъ клялся и увѣрялъ, что это была такая большая рыбища, какой онъ съ роду не уживалъ; но, вѣроятно, обыкновенный язь или головль запутался за траву и оттого показался ему такъ тяжелъ. Развивъ другую мою удочку, дядька мой закинулъ ее поскорѣе

на то же самое мѣсто, гдѣ взяла у него рыба, и сказавъ: „видно, я маленько погорячился, теперь стану тащить потише“,—сѣлъ на траву дожидаться новой добычи, но напрасно. Тогда пришла моя очередь, и судьба захотѣла меня потѣшить: наплавокъ мой сталъ понемногу привставать и опять ложиться, потомъ всталъ окончательно и исчезъ подъ водою; я подсѣкъ, и огромная рыба начала тяжело ходить, какъ будто упираясь въ водѣ. Евсеичъ поспѣшилъ мнѣ на помощь и ухватился за мое удилище; но я, помня его недавнія слова, безпрестанно повторялъ, чтобъ онъ тащилъ потише; наконецъ, благодаря новой крѣпкой лесѣ и не очень гнуткому удилищу, котораго я не выпускалъ изъ рукъ, выволокли мы на берегъ, кое-какъ общими силами, самаго крупнаго язя, на котораго Евсеичъ упалъ всѣмъ тѣломъ, восклицая: „вотъ онъ соколикъ! теперь не уйдетъ!“ Я дрожалъ отъ радости, какъ въ лихорадкѣ, что̀, впрочемъ, и потомъ случалось со мной, когда я выуживалъ большую рыбу; долго я не могъ успокоиться, безпрестанно бѣгалъ посмотрѣть на язя, который лежалъ въ травѣ на берегу, въ безопасномъ мѣстѣ. Удочку закинули опять, но рыба не брала. Черезъ полчаса мы пошли домой, потому что я былъ отпущенъ на короткое время. Это первое удачное начало сдѣлало меня окончательно горячимъ рыбакомъ. Язя надѣли на прутикъ, и я принесъ его къ отцу, который и самъ иногда любилъ удить. Тогда еще не было у насъ обыкновенія взвѣшивать крупную рыбу, но мнѣ кажется, что я и послѣ никогда не выуживалъ язя такой величины, и что въ немъ было, по крайней мѣрѣ, семь фунтовъ.

Переправа черезъ рѣку.

Мы пріѣхали въ полдень на лѣтній перевозъ черезъ Каму, противъ села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянскихъ телѣги съ поклажей и вощиками и десятка полтора бабъ съ кузовами ягодъ; бабы возвращались домой пѣшкомъ на противоположный берегъ Камы. Перевощиковъ на перевозѣ не было: куда разбрелись они, не знаю. Потолковавъ нѣсколько времени, крестьяне и мои люди рѣшились сами переправиться черезъ рѣку, потому что одинъ изъ крестьянъ вызвался править кормовымъ весломъ, увѣривъ, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ перевощикомъ. И такъ, выбрали лучшій дощаникъ, поставили три крестьянскія телѣги съ лошадьми, мою кибитку и всѣхъ трехъ нашихъ лошадей; разумѣется, взяли и всѣхъ бабъ съ ягодами. Мнимый перевощикъ сталъ на кормѣ, двое крестьянъ, мой кучеръ и лакей Иванъ Борисовъ (молодецъ и силачъ, одинъ стоившій десятерыхъ) сѣли въ весла, и мы отчалили отъ пристани. Между тѣмъ черная туча взмывала на западъ и мало по-малу охватывала край горизонта; ее нельзя было не примѣтить, но всѣ думали: авось, пройдетъ стороной, или, авось, успѣемъ переѣхать. Пристань находилась противъ самаго Шурана, и для того, чтобъ не быть снесеннымъ быстротою теченія сердитой Камы и чтобы угодить прямо на перевозъ,—надобно было подняться вверхъ по рѣкѣ, на шестахъ, слишкомъ версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться. Чтобы ускорить переѣздъ, поднялись вверхъ только съ полверсты, опять сѣли въ весла и, перекрестившись, пустились на перебой поперекъ рѣки; но лишь только мы добрались до середины, какъ туча съ неимовѣрной скоростью охватила весь горизонтъ; почернѣвшее небо еще чернѣе отразилось въ водѣ, стало темно, и страшная гроза разразилась молніей, громомъ и внезапной неистовой бурей. Кормщикъ нашъ въ испугѣ бросилъ кормовое весло и признался, что онъ совсѣмъ не перевощикъ и править не умѣетъ; вихрь завертѣлъ нашъ

паромъ, какъ щепку, и понесъ внизъ по теченію, бабы подняли пронзительный вой—и ужасъ овладѣлъ всѣми. Я такъ испугался, что не могъ промолвить ни одного слова и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вихремъ и быстротой теченія снесло нашъ дощаникъ нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ и, наконецъ, бросило на песчаную отмель, по счастью саженяхъ въ пятидесяти отъ противоположнаго берега. Иванъ Борисовъ спрыгнулъ въ воду, она была ему по поясъ; онъ дошелъ бродомъ до берега; глубина воды нигдѣ не доставала выше груди. Онъ воротился тѣмъ же путемъ на паромъ, стащилъ съ него одну изъ нашихъ лошадей посмирнѣе, посадилъ меня верхомъ, велѣлъ крѣпко держаться за гриву и за шею лошади и повелъ ее въ поводу; Евсеичъ шелъ подлѣ и поддерживалъ меня обѣими руками.

Мутныя и огромныя волны хлестали черезъ насъ и окачивали съ головой; но несчастью, Борисовъ, идя впереди, сбился съ того броду, по которому прошелъ два раза, и попалъ на болѣе глубокое мѣсто; вдругъ онъ нырнулъ въ воду, лошадь моя поплыла, и Евсеичъ отсталъ отъ меня; тутъ-то я почувствовалъ такой страхъ близкой смерти, котораго я не забылъ до сихъ поръ; каждую минуту я готовъ былъ лишиться чувствъ и едва не захлебнулся: по счастью, глубина продолжалась не болѣе двухъ или трехъ сажень. Борисовъ плавалъ мастерски, лошадь моя отъ него не отставала, и, не выпуская повода изъ рукъ, онъ скоро выплылъ на мелкое мѣсто и благополучно вывелъ на берегъ моего коня, но Евсеичъ, не умѣвшій хорошо плавать, едва не утонулъ и насилу выбился на берегъ. Меня, мокраго до послѣдней нитки, сняли съ лошади почти безъ памяти; пальцы мои закоченѣли, замерли въ гривѣ моего коня; но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасенью. Евсеичъ оставался со мной, а Борисовъ пустился опять къ дощанику, съ котораго бабы, съ криками и воплями, не разставаясь съ кузовьями ягодъ, побросались въ воду; мужики постолкали своихъ лошадей и телѣги, и всѣ кое-какъ, по отмели, удачно отыскавъ бродъ помельче, добирались до берега. Дощаникъ, облегченный отъ большей части груза, поднялся и его начало тащить водою, внизъ по теченію. Вотъ тутъ-то пригодилась сила Ивана Борисова: онъ удерживалъ дощаникъ до тѣхъ поръ, покуда нашъ кучеръ столкнулъ на отмель лошадей и нашу повозку; Борисовъ пересталъ держать паромъ, и его сейчасъ унесло внизъ по рѣкѣ. Стоя въ водѣ по поясъ, заложили лошадей, и повозка моя, подмочивъ все въ ней находившееся, выѣхала на берегъ. Мы сѣли, мокрые и озябшіе, и поскакали въ Шуранъ; тамъ отогрѣлись, обсушились, напились горячаго чаю, и холодная ванна не имѣла для насъ никакихъ дурныхъ физическихъ послѣдствій. Но зато напугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не могъ смотрѣть равнодушно на большую рѣку, даже въ тихое время; а во время бури чувствую невольный ужасъ, котораго не въ силахъ преодолѣть.

Прощаніе съ шумною, молодою учебною жизнью.

Прощай, шумная, молодая учебная жизнь! Прощайте, первые невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной! Ни свѣтъ, ни домашняя жизнь со всѣми ихъ дрянностями еще не омрачали вашей ясности. Стѣны гимназіи и университета, товарищи—вотъ что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства! Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество! Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ разсчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому,

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и, непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги впродолженіе цѣлой жизни, и куда бы ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу. Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я оттуда. Я убѣжденъ, что у того, кто не воспитывался въ публичномъ учебномъ заведеніи, остается пробѣлъ въ жизни, что ему недостаетъ нѣкоторыхъ, неиспытанныхъ въ юности ощущеній, что жизнь его не полна...

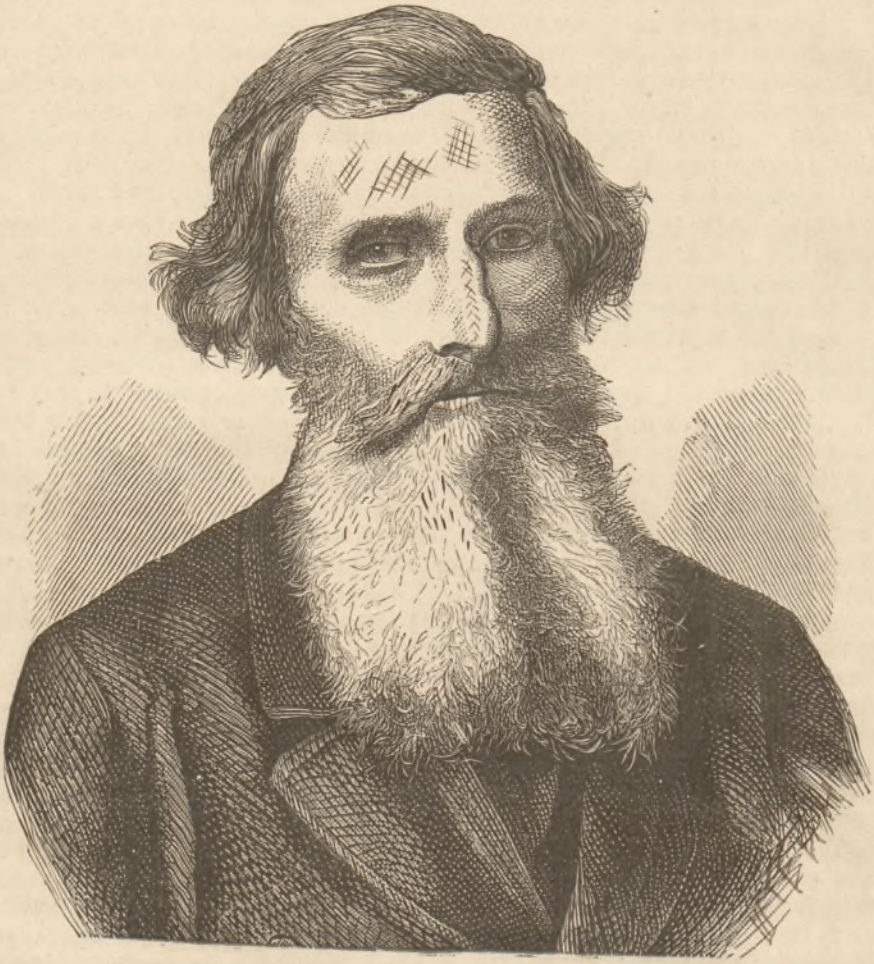
Очеркъ зимняго дня.

Въ 1813 году, съ самаго Николина дня, установились трескучіе, декабрьскіе морозы, особенно съ зимнихъ поворотовъ, когда, по народному выраженію, солнышко пошло на лѣто, а зима на морозъ. Стужа росла съ каждымъ днемъ, и 29-го декабря ртуть застыла и опустилась въ стеклянный шаръ. Птица мерзла на лету и падала на землю уже окоченѣлою. Вода, взброшенная вверхъ изъ стакана, возвращалась оледенѣлыми брызгами и сосульками, а снѣгу было очень мало—всего на вершокъ, и неприкрытая земля промерзла на три четверти аршина. Врывая столбы для постройки рижнаго сарая, крестьяне говорили, что не запомнятъ, когда бы такъ глубоко промерзла земля, и надѣялись въ будущемъ году богатаго урожая озимыхъ хлѣбовъ. Воздухъ былъ сухъ, тонокъ, жгучъ, пронзителенъ, и много хворало народу отъ жестокихъ простудъ и воспаленій; солнце вставало и ложилось съ огненными ушами, и мѣсяцъ ходилъ по небу, сопровождаемый крестообразными лучами; вѣтеръ совсѣмъ упалъ, и цѣлые вороха хлѣба оставались не вѣянными, такъ что и дѣваться съ ними было некуда. Съ трудомъ пробивали пѣшнями и топорами проруби на пруду; ледъ былъ толщиною слишкомъ въ аршинъ, и когда доходили до воды, то она, сжатая тяжелою ледяною корою, била, какъ изъ фонтана, и тогда только супокоивалась, когда широко затопляла прорубь, такъ что, для чищенья ея, надобно было подмащивать мостки. Скотъ грѣлся постоянною ѣдою, корма выходило втрое противъ обыкновеннаго, и какъ отъ лѣтней засухи уродилось мало травъ и соломы, то крестьяне начинали охать и бояться, что кормъ, пожалуй, не хватитъ и до Алексѣя Божьяго человѣка. Стали бить лишнюю скотину, и мясо такъ подешевѣло, что говядину продавали по три копѣйки ассигнаціями, а баранину по двѣ копѣйки за фунтъ. Достаточные крестьяне уже не обѣдали безъ свѣжинки; но скоро стали замѣчать, что отъ мясной пищи прибавляются больные, и стали опасаться ея. Великолѣпенъ былъ видъ зимней природы. Морозъ выжалъ влажность изъ древесныхъ сучьевъ и стволовъ, и кусты и деревья, даже камыши и высокія травы опушились густымъ инеемъ, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая ихъ только холоднымъ блескомъ алмазныхъ огней. Красны, ясны и тихи стояли короткіе зимніе дни, похожіе, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой; а какъ-то не весело, безпокойно становилось на душѣ, да и народъ пріунылъ. Болѣзни, безвѣтріе и безснѣжіе, и впереди безкормица для скота. Какъ тутъ не пріуныть? Всѣ молились о снѣгѣ, какъ лѣтомъ о дождѣ, и вотъ, наконецъ, пошли косички по небу, морозъ началъ сдавать, померкла ясность синяго неба, потянулъ западный вѣтеръ, и пухлая, бѣлая туча, незамѣтно надвигаясь, заволокла со всѣхъ сторонъ горизонтъ. Какъ будто сдѣлавъ свое дѣло, вѣтеръ опять утихъ, и благодатный

снѣгъ началъ прямо, медленно, большими клочьями опускаться на землю. Радостно смотрѣли крестьяне на порхающія въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, которыя, сначала порхая и кружась, опускались на землю. Снѣгъ началъ идти съ деревенскаго ранняго обѣда, шелъ безпрестанно, часъ отъ часу сильнѣе и гуще. Я всегда любилъ смотрѣть на тихое паденіе или опущеніе снѣга. Чтобы вполнѣ насладиться этою картиной, я вышелъ въ поле, и чудное зрѣлище представилось глазамъ моимъ: все безграничное пространство вокругъ меня представляло видъ снѣжнаго потока, будто небеса разверзлись, разсыпались снѣжнымъ пухомъ и наполнили весь воздухъ движеніемъ и поразительною тишиной. Наступали длинные зимніе сумерки; падающій снѣгъ начиналъ закрывать всѣ предметы и бѣлымъ мракомъ одѣвалъ землю.

Хотя мнѣ, какъ страстному ружейному охотнику, мелкоснѣжье было выгодно и стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда, несмотря на стужу, была удобна и добычлива, но, видя общее уныніе и сочувствуя общему желанію, я также радовался снѣгу. Я воротился домой, но не въ лушную комнату, а въ садъ, и съ наслажденіемъ ходилъ по дорожкамъ, осыпаемый снѣжными хлопьями. Засвѣтились огоньки въ крестьянскихъ избахъ, и блѣдные лучи легли поперекъ улицы; предметы смѣшались, утонули въ потемнѣвшемъ воздухѣ. Я вошелъ въ домъ, но и тамъ долго стоялъ у окошка, стоялъ до тѣхъ поръ, покуда нельзя было различать опускающихся снѣжинокъ... „Какая пороша будетъ завтра,“ подумалъ я, если снѣгъ къ утру перестанетъ идти, гдѣ маликъ—тамъ и русакъ. И охотничьи заботы и мечты овладѣли моимъ воображеніемъ. Я особенно любилъ слѣдить русаковъ, которыхъ множество водилось по горамъ и оврагамъ, около хлѣбныхъ крестьянскихъ гуменъ. Я съ вечера приготовилъ всѣ охотничьи припасы и снаряды, нѣсколько разъ выбѣгалъ посмотрѣть, идетъ ли снѣгъ, и убѣдясь, что онъ идетъ попрежнему, такъ же тихо и сильно, такъ же ровно устилая землю,—съ пріятными надеждами легъ спать. Длинна зимняя ночь и особенно въ деревнѣ, гдѣ ложатся рано: бока пролежишь, дожидаясь бѣлаго дня. Я всегда просыпался часа за два до зари и любилъ встрѣчать безъ свѣчки зимній разсвѣтъ. Въ этотъ день я проснулся еще ранѣе и сейчасъ пошелъ узнать, что дѣлается на дворѣ. На дворѣ была совершенная тишина. Воздухъ сталъ мягокъ и,не смотря на двѣнадцатиградусный морозъ, мнѣ показалось тепло. Высыпались снѣжныя тучи, и только изрѣдка какія-то запоздавшія снѣжинки падали мнѣ на лицо. Въ деревнѣ давно проснулась жизнь; во всѣхъ избахъ свѣтились огоньки и топились печи а на гумнахъ, при свѣтѣ пылающей соломы, молотили хлѣбъ. Гулъ рѣчей и стукъ цѣповъ съ ближнихъ овиновъ долеталъ до моего слуха. Я засмотрѣлся, заслушался и не скоро воротился въ свою теплую комнату. Я сѣлъ противъ окошка на востокъ и сталъ дожидаться свѣта; долго нельзя было замѣтить никакой перемѣны. Наконецъ, показалась особенная бѣлизна въ окнахъ, побѣлѣла изразцовая печка, и обозначился у стѣны шкафъ съ книгами, котораго до тѣхъ поръ нельзя было различить. Въ другой комнатѣ, дверь въ которую была отворена, уже топилась печка. Гудя, потрескивая и похлопывая заслонкой, она освѣщала дверь и половину горницы какимъ-то веселымъ, отраднымъ и гостепріимнымъ свѣтомъ. Но бѣлый день вступалъ въ свои права, и освѣщеніе отъ топящейся печки постепенно исчезало. Какъ хорошо, какъ сладко было на душѣ! Спокойно, тихо и свѣтло! Какія-то неясныя, полныя нѣги, теплыя мечты наполняли душу... Лошади готовы: „пора, сударь, ѣхать!“ раздался голосъ Григорья Васильева, моего товарища по охотѣ и такого же страстнаго охотника какъ я. Этотъ голосъ возвратилъ меня къ дѣйствительности. Разлетѣлись сладкія грезы! Русачьи малики зарябили передъ моими глазами. Я поспѣшно схватилъ со стѣны мое любимое ружье, моего неизмѣннаго Испанца...

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи



В. И. ДАЛЬ.

Къ стр. 33.

В. И. Даль.

(1801—1872).

Притча о дубовой бочкѣ.

Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ обхватъ толщины, и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клепки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы—и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ; въ бочкѣ этой люди воду возятъ, на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана хорошо, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ; нельзя жить безъ воды, а возить ее не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разсохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами ль клепки промежъ собою повздорили да вмѣстѣ жить раздумали — не знаю; да только разсыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; клепки, подъ ногами навалявшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, а о бочкѣ и помину не стало, словно ея и на свѣтѣ не бывало.

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ — это православный прадѣдъ твой; клепки — все его сѣмя, и малъ и великъ; обручи—честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ, и живитъ, и питаетъ односемьянъ: покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ, въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ разсыпались клепки врознь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали порознь, и слуху объ нихъ не стало.

Дружно не грузно, а врознь хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ.

Не положивъ, не ищи.

Приснилось мужику, что въ лѣсу, который называется у насъ заповѣдная кнея, лежитъ кладъ. Не даетъ онъ нашему мужику ни спать, ни ѣсть, отбилъ отъ сна, отъ ѣды—хоть что хочешь дѣлай, а надо искать кладъ. А какъ его искать? Гдѣ искать? Лѣсъ великъ; да опять же, ду-

маетъ про себя мужикъ, слышалъ я отъ стариковъ, что спроста кладъ не дается, а надо за него взяться умѣючи. Дай пойду, говоритъ, къ нашему кузнецу, онъ все знаетъ, и нашептываетъ и на бобы слизываетъ — авось приставитъ голову къ плечамъ, научитъ, какъ быть.—Кузнецъ нашъ и точно научилъ: онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ и знаетъ все. „Тебѣ“, говоритъ, „надо идти ночью на Ивановъ день въ лѣсъ; либо добудешь тамъ разрывъ-траву, когда папоротникъ расцвѣтетъ передъ разсвѣтомъ, либо самъ придетъ къ тебѣ кладъ, какъ онъ уже приходилъ къ тебѣ во снѣ. Ты сядь подъ деревомъ, не дремли, не шевелись, сиди смирно; придетъ къ тебѣ кладъ, либо лѣшимъ какимъ, либо человѣкомъ, не то волкомъ, и прямо пойдетъ на тебя; ты все сиди, а какъ подойдетъ близко, ты не трусь: ничего не будетъ худаго, коли не струсишь, а ударь его въ рожу наотмашь, да промолви: „аминь, аминь, разсыпься!“—онъ тутъ передъ тобой и разсыплется, и загребай.—Ну, а мнѣ что же будетъ? гляди, все пополамъ“.—Все пополамъ,—сказалъ мужикъ, и перекрестился, снявъ шляпу, что все пополамъ.

Пришелъ Ивановъ день. Кузнецъ научаетъ и наставляетъ мужика, повторяя опять, что „кто бы ни подошелъ, ничѣмъ не смущайся, а ударь во все плечо наотмашь и вели ему разсыпаться“.—Мужикъ пошелъ, просидѣлъ до самаго разсвѣта, — нѣтъ никого, и кладъ не дается, и разрывъ-трава не цвѣтетъ. Всталъ мужикъ, хочетъ ужъ идти домой—глядь, идетъ кто-то, словно лѣшій, прямо на него. Собрался съ духомъ мужикъ, подпустилъ его, да какъ хватитъ, а тотъ на него какъ вскинется: „что ты, съ просонья одурѣлъ что ли, аль не видишь? я провѣдать тебя пришелъ“... А это кузнецъ нашъ, проснувшись до свѣта, подумалъ: дай провѣдаю, не дался ли мужику кладъ, такъ чтобы не обманулъ, а подѣлился; пошелъ, да и съѣлъ такого треуха наотмашь, что насилу шею опять выправилъ, да мужика за косы; тотъ отбиваться отъ него: „ты самъ“, говоритъ, „велѣлъ наотмашь ударить, кто ни пойдетъ; я думалъ, лѣшій что ли“...

И мужики наши подрались ни свѣтъ, ни заря, клада не нашли, а пришли домой съ подбитыми глазами.

Что легко наживается, то еще легче проживается.

Въ небольшомъ городѣ, на Окѣ, жилъ бѣдный мѣщанинъ, занимавшійся уже лѣтъ десятокъ перевозомъ черезъ рѣку. Сколько ни перемѣнилось во все время это откупщиковъ или хозяевъ парома, а Тимоѳеичъ все переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного хозяина къ другому, и всегда былъ старшимъ паромщикомъ. Эта работа кормила его, онъ къ ней привыкъ, а какъ онъ былъ человѣкъ богобоязливый и никогда не обманывалъ хозяина въ сборѣ, то ему и вѣрили и хорошо его держали. Дядю Тимоѳеича знали всѣ, отъ мала до велика, а у многихъ былъ онъ въ домѣ и кумомъ. Наживнаго добра было за нимъ немного; въ десять лѣтъ сколотилъ онъ себѣ одинъ праздничный кафтанъ да дубленый тулупъ, а плисовую шапку другой годъ все только еще купить собирался, и когда приходилъ къ берегу въ городъ, на рынокъ, чтобы запастись дня на три-на четыре хлѣбомъ, то, бывало, зайдетъ въ ряды, поглядитъ шапки и прицѣнится къ нимъ. Въ работѣ же ходилъ онъ въ старой изношенной сермягѣ...

Хоть и привыкъ Тимоѳеичъ къ долѣ своей, однако, не безъ того, бывало, что покрякивалъ, да, глядя на другихъ, и завидовалъ имъ подъ-часъ.

„Вотъ-де, за что Богъ далъ такому-то и такому-то, а мнѣ не даетъ? такая видно доля моя безталанная! „И частенько-таки сталъ онъ жаловаться людямъ на бѣдность свою, и просить у Бога богатства. „То-то“, думалъ онъ, „зажилъ бы я! И нищую братію не покинулъ бы, а призрѣлъ бы всякаго убогаго!“

Ни съ того, ни съ сего, вдругъ требуетъ къ себѣ Тимоѳеича городничій, а городовой, который пришелъ за нимъ, кланяется ему и поздравляетъ его и несетъ такую чуху, словно рехнулся. „Пришло“, говоритъ, „извѣстіе, что ты разбогатѣлъ, дядя Тимоѳеичъ; дядя, что ли, какой-то у тебя въ Ростовѣ померъ; и былъ приписанъ въ купцы, и деньги нажилъ, видно, большія, да дѣтей, стало быть, у него нѣтъ, а все, вишь, достается тебѣ!“

Подумалъ Тимоѳеичъ, почесавъ затылокъ, что за притча? Поглядѣлъ на городоваго,—видитъ—тотъ безъ шапки предъ нимъ стоитъ и все кланяется и поздравляетъ; стало быть ужъ не обманываетъ, не сталъ бы безпокоиться эдакъ изъ пустяковъ. Пошелъ Тимоѳеичъ и дорогой все припоминаетъ, да и вспомнилъ: былъ у него, точно, дядя и торговалъ гдѣ-то, но ужъ годовъ больше десятка никакихъ объ немъ слуховъ не было.

И сталъ Тимоѳеичъ богачомъ. Наканунѣ только прицѣнился къ плисовой шапкѣ, да подумалъ: дорого три рубля, гдѣ ихъ возьмешь? А теперь вдругъ говорятъ ему: поѣзжай въ Ростовъ, оттуда начальство пишетъ, требуетъ тебя; померъ дядя и завѣщалъ тебѣ домъ и двѣ лавки, и тысячъ сто денегъ. Сто тысячъ—тутъ не скоро придумаешь, какъ насчитать столько, а ему говорятъ: все твое, да еще и домъ, и двѣ лавки.

Насилу собрался Тимоѳеичъ въ путь: люди не вѣрятъ, никто взаймы не даетъ, а своихъ и пяти рублей нѣтъ: не на что ѣхать. Однако, хозяинъ пособилъ. Тимоѳеичъ пріѣхалъ, и глазамъ не вѣритъ: не видалъ и во снѣ такого богатства, и какъ съ чѣмъ управиться, не знаетъ; столько-то денегъ, говорятъ ему, по заемному письму на такомъ-то купцѣ, а столько-то на другомъ; такой-то товаръ отправленъ съ прикащикомъ туда-то, а съ такого-то слѣдуетъ получить столько-то... Тимоѳеичъ грамоты не знаетъ, сбился съ толку совсѣмъ, не знаетъ, что и дѣлать. А тутъ еще совѣтниковъ да пріятелей новыхъ нашлось много, обманываютъ его кругомъ, свели съ ума совсѣмъ. Кто зоветъ да потчуетъ, да угощаетъ; кто самъ въ гости напрашивается на новоселье; кто какіе-то старые дядины счеты сводитъ, въ которыхъ Тимоѳеичъ никакого толку не смыслитъ и только сидитъ слушаетъ, да глазами хлопаетъ; а кто на новые обороты, на торговлю подбиваетъ, да обѣщаетъ большіе барыши; словомъ, не знаетъ бѣдный Тимоѳеичъ, своя ли голова у него на плечахъ: бѣда да и только, отроду не видалъ такой бѣды!

Какъ ни бился Тимоѳеичъ, а видитъ, что самому ему не управиться, съ богатствомъ своимъ не совладать. Ужъ его и въ судъ таскали, заставляя платить по какимъ-то заемнымъ письмамъ дядинымъ, которыхъ онъ и прочитать не умѣетъ; тутъ не доплачиваютъ ему самому, а онъ не дастъ толку, что ему слѣдуетъ, да, того гляди, срокъ пропуститъ и поминай, какъ звали, денежки; тамъ требуютъ по какой-то торговой сдѣлкѣ дядиной пять тысячъ, а разсчетъ, говорятъ, будетъ черезъ годъ со днемъ: на все, говорятъ, торговые сроки положены; а тамъ, гляди, прикащикъ пропалъ, сбѣжалъ, спустивши товаръ на всѣ четыре стороны, да и деньги съ собою снесъ;—словомъ, пошла бѣда, растворяй ворота.

Какъ запьетъ мой Тимоѳеичъ съ горя, да мертвую чашу, ударивъ свою плисовую шапку объ-земь, такъ у него все кругомъ пошло, ровно на ниточкѣ, и горе отлегло отъ сердца, и тужить позабылъ. Однако, это пло-

хое средство сбывать заботу, потому что сбудешь ее не надолго, а развѣ только накопишь да еще и въ ростъ пустишь, и съ легкой руки разживешься, разбогатѣешь горемъ, тугой и нужей пуще прежняго.

Сталась такая притча и надъ Тимоѳеичемъ. И не винокуръ, говорили внасмѣхъ ростовцы, а прокурилъ всѣ! Сколько растащили, сколько безъ счету пропало, сколько отъ недогляду, а сколько и самъ пропустилъ въ ненасытную утробу свою, да распотчивалъ, угощая весь міръ — не знаемъ мы этого, да, чай, и никто не знаетъ, потому что никто, ниже самъ Тимоѳеичъ, счетовъ этихъ не сводилъ. Знаемъ только, что когда бѣднякъ воротился разъ мертвецки пьяный въ хоромы свои, уснулъ гдѣ-то на полу, покинувъ свѣчу, и зажегъ свой домъ, и когда домъ этотъ сгорѣлъ благополучно, то вытащили изъ него одного только хозяина, и то въ оборванномъ кафтанѣ, а болѣе у него за душой не осталось ничего. Все прожилъ, а остатки сжегъ, до копѣйки.

Горько было похмѣлье бѣдному Тимоѳеичу, это правда; но какъ ни горько, всетаки онъ вздохнулъ вольнѣе, чѣмъ вздыхалъ съ самаго пріѣзда въ Ростовъ; горько, а на душѣ легко! „Не станутъ теребить теперь", подумалъ Тимоѳеичъ, „не станутъ обкрадывать кругомъ, не стану и я уплачивать, Богъ вѣсть, чьи заемныя письма,—да и не стану пить больше; кончено все, ровно сонъ тяжелый съ плечъ свалился. Эти деньги пришли какія-то шальныя", подумалъ онъ, „не нами нажито, такъ не намъ и досталось". Плюнулъ Тимоѳеичъ, да и пошелъ.

А пошедши, нанялся онъ въ работники къ блинщику, жилъ у него хорошо и честно годовъ пять; заработалъ небольшія деньги—да трудовыя, а потому и сберегъ ихъ; воротился подъ старость на родину и самъ сталъ промышлять тѣмъ же ремесломъ. Какъ утро, бывало, такъ Тимоѳеичъ идетъ по гостиному ряду въ пестромъ ситцевомъ фартукѣ, съ лоткомъ на головѣ, и припѣваетъ: „у насъ блины, у насъ горячи — и денежки были, да въ Ростовѣ сплыли;—блины горячи!"

Всѣ знали Тимоѳеича, всѣ любили его, какъ стараго друга, разбирали у него блины, и слушали поговорки; — тамъ онъ живетъ и понынѣ, богатства у Бога не проситъ.

Ось и чека.

Ѣхалъ извощикъ Семенъ, съ кладью, глухой дорогой, по голому, ровному, степному мѣсту. Бѣда не по лѣсу ходитъ: а пойдетъ бѣда, растворяй ворота, такъ одно за другимъ на тебя и валится. Задымилась у извощика ось, а до деревни далеко. Какъ ни бился сердечный, что ни дѣлалъ, — нѣтъ, ничѣмъ не уймется; кладь тяжелая, а какъ ужъ разъ загорѣлась ось, то извѣстно, хоть брось тотчасъ; зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; справился кой-какъ — съ версту проѣхалъ, опять стой, опять тоже!

Наѣзжаетъ сзади шажкомъ другой извощикъ, Архипка, по пути; Семенъ оглянулся, а у того ось запасная съ боку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человѣкъ—догадался Семенъ нашъ, что надо было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: „Уступи, братъ, ось запасную, сдѣлай милость, вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь бери, только уступи". Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: — Да, — говоритъ, — не ладно у тебя дѣло; пожалуй, возьми, коли хочешь... за два цѣлковыхъ. У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказать

сказалъ, какъ слышали: „что хочешь возьми, только продай.“ — Да онъ, видишь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, по-христіански — не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то! „Помилуй“, говоритъ, „да она, гдѣ хочешь, возьми ее, больше полтинника не стоитъ!“ — За моремъ телушка — полушка, — сказалъ тотъ, — да рубль перевозу. Поди да купи, коли нашелъ за полтинникъ. — А самъ, было, и поѣхалъ дальше. Семенъ за нимъ, и проситъ и кланяется—нѣтъ: два цѣлковыхъ, да и полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ-земь: такъ ему жаль было денегъ — да дѣлать нечего; не ночевать тутъ; досталъ рублевики и отдалъ. „На,“ говоритъ, „землякъ, Господь съ тобой; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями“. — Не видалъ я твоихъ рублей, — молвилъ тотъ; — нѣшто я тебя неволю что ли? На, возьми ихъ, подай сюда ось, я при своемъ буду, а ты при своемъ.—„Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволитъ. Быть такъ, ступай съ Богомъ, спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы я здѣсь сутки. Пособи, пожалуйста, поднять передокъ, да подвести ось“. Тотъ пособилъ, справились и поѣхали вмѣстѣ. Только что тронулись — Архипка хвать — чеки нѣтъ на задней оси; колесо скатилось, тѣлега лежитъ на боку. „Стой!“ кричитъ онъ Семену, „стой, братъ, вотъ у меня бѣда случилась! Какъ тутъ быть? Чеки-то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! у меня топоръ есть, подай-ка, пожалуйста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ; я какъ разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ“.

— Пожалуй, — говоритъ Семенъ, — возьми, только ты мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай.

— Съ ума что ли ты, братъ, спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ!

— Вольному воля, — сказалъ Семенъ; — при тебѣ деньги, при мнѣ товаръ. Поди, можетъ статься, гдѣ купишь и за грошъ.

Ударилъ Архипъ руками объ полы—хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь: либо сядь, да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталъ онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ, и отдалъ Семену.

Свѣтлый праздникъ.

Богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ худо; только въ сказкахъ убогому бываетъ лучше, чѣмъ богатому. Чтожъ? коли самому бѣдняку помощи не дадутъ, такъ спасибо хоть за то добрымъ людямъ, что хорошія побасенки о немъ слагаютъ. Послушайте жъ у меня одну такую сказку.

На Украйнѣ есть много своихъ христіанскихъ обычаевъ, съ которыми люди живутъ, старѣются и умираютъ. Одинъ такой обычай — коли не знаете,—такъ, вѣдь, надо вамъ разсказать это напередъ; а коли знаете, такъ не взыщите — на Украйнѣ есть такой обычай, что противъ свѣтлаго праздника не заливаютъ и не тушатъ огня, а каждый хозяинъ держитъ багатье *) во всю ночь, чтобъ было гдѣ засвѣтить передъ образомъ свѣчку, какъ воротится народъ отъ заутрени. Вотъ дождались свѣтлаго праздника;

*) На Украйнѣ для огня есть три названія: огонь, или уогонь, свитло и багатье. Свитломъ называютъ его, когда рѣчь идетъ о свѣчѣ, или каганцѣ; багатьемъ, когда надобно зажечь что-нибудь, напримѣръ свѣчу, разложить огонь, или закурить трубку; во всѣхъ прочихъ случаяхъ употребляютъ слово „огонь“.

всѣ хозяйки въ страстную субботу пекутъ, варятъ, готовятъ, чтобъ было чѣмъ разговѣться и своимъ и добрымъ захожимъ людямъ; вотъ понесли пасхи (то есть куличи) и жареныхъ поросятъ да индюшекъ, и уставили ими въ два ряда весь погостъ, отъ паперти до самыхъ воротъ; а народъ весь въ праздничныхъ платьяхъ: всѣ радостно ждутъ и встрѣчаютъ свѣтлый праздникъ.

На селѣ этомъ жилъ бѣднякъ, которому, Богъ-вѣсть отчего, не было счастья на хозяйство. Былъ онъ не гуляка, не пьяница, а добрый работящій человѣкъ, да не было ему счастья ни въ чемъ. Мало того, что пропала да перевелась вся скотина, что два раза погорѣлъ, такъ еще и хозяйка бѣдная померла, покинувъ ему полную хату дѣтей; остался онъ вдовцомъ да притомъ и нищимъ; ни одна дѣвка, ни вдова не идутъ за него; дѣти безъ призора, хозяйки въ дому нѣтъ, такъ бѣда и одолѣла вовсе. Какой мужикъ управится одинъ, безъ хозяйки, и какое ему житье? Не то дома, не то въ полѣ, а дѣти хоть пропадай. Такъ онъ и обнищалъ вовсе, и былъ ему праздникъ не въ праздникъ. У него не готовили ничего, ни пасхи, ни жаренаго поросенка, да что бы ему и готовить, когда во весь великій постъ и огня въ печи не разводили? ни топлива нѣтъ, ни варева. Промолился онъ усердно всю ночь, да, выстоявъ заутреню, похристосовался со всѣми: ему и надавали, кто ломтикъ пасочки, кто красное яичко; вотъ онъ и обрадовался, что дѣткамъ будетъ чѣмъ разговѣться, пошелъ домой, положилъ все на столъ, досталъ изъ-за образовъ свѣчечку и хотѣлъ затеплить ее да положить три поклона и будить дѣтей. Спохватился—огня нѣтъ; на дворѣ было еще темно, ночь. Вспомнивъ, что у добрыхъ людей къ этому дню загребается жаръ къ сторонкѣ, да и свѣча, либо каганецъ не тушится, онъ вспомнилъ и былую пору, когда и онъ живалъ не хуже людей, и водилось у него свое багатье въ дому. Что дѣлать! такъ Богу угодно. Пошелъ онъ къ сосѣду. „Христосъ воскресъ!“— „Воистину воскресъ“.—Дайте, люди добрые, багатья, засвѣтить свѣчу!“ — „Вотъ человѣкъ: и свѣтлый праздникъ забылъ, въ люди за багатьемъ ходитъ! Иди съ Богомъ домой; ноньче всякъ дома про себя багатье держитъ, а тутъ не до тебя; неужъ-то ты не припасъ своего?“

Пошелъ онъ, сердечный, къ другому мужику: тамъ его бабы и дѣвки засмѣяли, что въ такой день по дворамъ ходитъ за огнемъ, и прогнали. Онъ въ третій дворъ, въ четвертый — вездѣ тоже: вездѣ готовятъ столъ, всякому до себя, никому нѣтъ нужды до бѣдняка; гдѣ засмѣютъ, а гдѣ еще и выбранятъ, да и прогонятъ: „поди, говорятъ, не до тебя теперь, а за багатьемъ ступай въ поле, къ чумакамъ — тамъ дадутъ“.

Заплакалъ бѣднякъ мой, обошедши почти все село, и подумалъ: „Господи Боже мой! за что же меня еще и люди обижаютъ? Они-жъ меня знаютъ: не воръ я, не пьяница; навалилась на меня бѣда и нищета, и самъ не знаю, за что и откуда, а они еще горько насмѣхаются надо мной... видно, сами не знали они нищеты... Богъ ихъ проститъ. Того не спросятъ, что отъ самой масляны ни крупинки въ домѣ не было, и не готовили ни разу, а пеняютъ за грѣхъ — что своего огня нѣтъ“.

Подумавъ такъ, убогій стоялъ среди улицы, въ концѣ села, и ужъ не зналъ, куда идти и что дѣлать; взглянулъ онъ въ чистое поле, анъ за селомъ свѣтится огонекъ. „Вотъ“, подумалъ онъ, „и вправду, что пойду изъ села къ чумакамъ за огнемъ, больше некуда дѣваться; авось, хоть чумаки не откажутъ; а ужъ это никто больше, какъ чумаки. Пойду; не оставаться же въ эту ночь образамъ моимъ безъ свѣчки, а хатѣ моей безъ свѣта: больно за дѣтокъ. Вотъ какъ свѣтло во всѣхъ хатахъ, какъ весело смотрѣть вдоль улицы!“

Пошелъ онъ за село и пришелъ прямо къ огню. Точно, это стояли чумаки; помнятъ святой праздникъ и они, хоть и засталъ онъ ихъ въ полѣ: сидятъ вокругъ огня, въ праздничныхъ кобенякахъ и свиткахъ; видно, также недавно воротились отъ заутрени. „Христосъ воскресъ!“ — „Воистину воскресъ.“ — „Дайте багатья, люди добрые!“ — „Изволь; да во чтожъ ты возьмешь?“ — „Да вотъ дайте хоть свѣчечку затеплить!“ — „Не донесешь ты свѣчи до села: тутъ въ полѣ вѣтерокъ ходитъ, задуетъ. Подставь-ка полу свитки, мы тебѣ багатья въ полу насыплемъ.“ Онъ подставилъ полу, недолго думавъ, а они сгребли жару, просто руками, да и насыпали ему въ свитку. „Ступай съ Богомъ, не бойсь ничего, донесешь“!

Что думалъ онъ, когда бралъ жаръ въ полу — не знаю; но, какъ человѣкъ простой и вѣрующій, никогда не обманывавшій другихъ, онъ положилъ свѣчечку свою за-пазуху, собралъ хорошенько конецъ полы и пришелъ домой. „Коли люди гребли да насыпали руками, такъ почемужъ-де мнѣ не донести въ полѣ?“ Войдя въ избу, онъ затеплилъ напередъ всего свѣчу, поставилъ ее къ образамъ, положилъ три поклона, всталъ, чтобъ убрать столъ подаяніемъ и будить дѣтей, взглянулъ на припечекъ, куда высыпалъ изъ полы жаръ, а тамъ, вмѣсто жара, лежитъ куча золота, все червонцы. Обрадовался убогій, понялъ, что ему это Богъ далъ, еще разъ помолился, положилъ на столъ ломти пасхи и яички, которыя собралъ, когда христосовался съ міромъ, и сталъ будить дѣтей, приказывая имъ скорѣе умыться, помолиться, похристосоваться съ отцомъ и между собою, да садиться за столъ и разговляться.

Сосѣдъ убогаго, который не далъ ему огня, увидѣвъ, однако, что въ хатѣ его свѣтло, подошелъ взглянуть въ окно, что тамъ дѣлается, да и увидѣлъ на загнеткѣ кучу червонцевъ. Удивившись этому, онъ вошелъ и сталъ разспрашивать бѣдняка, а этотъ, не таясь ни въ чемъ, разсказалъ ему все, какъ было. Сосѣдъ вышелъ на улицу, глянулъ въ ту сторону, куда ходилъ убогій, и также увидалъ огонекъ. „Постой же“, подумалъ онъ: „пойду и я за червонцами“, и пошелъ.

Тѣмъ часомъ баба выбѣжала за чѣмъ-то изъ другой избы и также подошла къ окну убогаго, всплеснула руками, вошла въ хату, чтобъ полюбоваться червонцами, разспросить сосѣда обо всемъ и позавидовать ему; а узнавъ, какъ это все сталось, побѣжала домой и погнала мужа, едва только давъ ему шапку ухватить, чтобъ шелъ скорѣе за село къ чумакамъ: тамъ-де, для свѣтлаго праздника, раздаютъ пригоршнями червонцы. „Да смотри, больше нагребай“, кричала она ему слѣдомъ: „чтобъ не пришлось мнѣ ругать тебя для праздника, какъ воротишься“.

Выпроводивъ мужа, сосѣдка опять побѣжала къ окну убогаго, тамъ опять домой, тамъ на улицу, посмотрѣть, свѣтится ли еще у чумаковъ огонь; другія сосѣдки увидѣли ее, стали спрашивать; она хотѣла было промолчать, чтобъ другимъ никому червонцы не доставались, чтобъ ей все одной захватить, да не утерпѣла, разсказала все, и пошла еще по всему селу и стала всѣхъ подводить къ окну убогаго, показывать червонцы и разсказывать, какое Богъ послалъ счастье этому человѣку, и гдѣ ихъ достать можно. И всѣ бабы погнали гономъ мужиковъ своихъ за село, къ чумакамъ, чтобъ нагрести побольше золота да принести въ полѣ домой. Вотъ приходятъ они толпой и встрѣчаютъ того, перваго, который пошелъ напередъ. „Что, дали?“—„Какже, насыпали двѣ пригоршни“. — Такъ постой же, братецъ, не уходи, вотъ и мы заберемъ, да чуръ все вмѣстѣ ссыпать, да и подѣлить, чтобъ никому не было обидно: такъ мы положили міромъ, а ты отъ міру не прочь“. — „Ладно, говоритъ, пусть по вашему“.

Подошли они къ чумакамъ, которые все еще чинно сидѣли вокругъ

огня, сняли шапки, похристѳсовались и стали просить багатья. Тѣ поглядѣли на нихъ, но не сказали ничего, кромѣ только, что велѣли каждому подставить поочередно полу и насыпали каждому по пригоршнѣ. „Будетъ по одной“, сказали они, когда тѣ все еще стояли, будто чего дожидаясь: „все мало! Вѣдь, васъ много пришло, надо раздѣлить на всѣхъ“. Ну, поблагодарили мужики мои и за это, и видя, что жаръ лежитъ въ полѣ, какъ галька, и не горитъ, обрадовались и бойко пошли къ селу, домой.

Обрадовались мужики мои, да ненадолго. „А что это“, сказалъ одинъ, когда они только что отошли отъ чумаковъ: „пахнетъ будто паленымъ? Понюхай, будто кто къ празднику свинью опалилъ.“ — „Правда, что пахнетъ“, сказалъ другой, да какъ закричитъ, потому что подставилъ-было подъ полу руку, да обжегъ ее, да какъ выкинетъ изъ полы жаръ, а свитку скорѣе съ плечъ, да давай гасить ее, топтать ногами... и другой тоже, и третій, и четвертый... крикъ, шумъ, брань, другъ на друга вскидываются, другъ друга ругаютъ; всѣ прожгли новыя свитки и кобеняки свои, а кто и руки пожегъ; дымъ, смрадъ, а чумаковъ нѣтъ: пропали, какъ въ землю провалились, и волы, и возы, и чумаки, и огонь — нѣтъ ничего.

— „Правду-жъ я говорила“, сказала сосѣдка убогаго, которая первая послала мужа за багатьемъ:—„правду-жъ я говорила, что прійдется мнѣ тебя, дурака, для праздника бранить... вотъ и прожегъ новую свитку: теперь что станешь дѣлать?“

А убогій разжился своими червонцами и взялъ за себя хорошую дѣвку и далъ дѣткамъ своимъ добрую матку. Какіе жъ это были чумаки?

В. Г. БЕНЕДИКТОВЪ.

Къ стр. 41.

В. Г. Бенедиктовъ.

(1807—1873).

Вѣрю.

Вѣрю я и вѣрить буду,
Что отъ сихъ до оныхъ мѣстъ
Божество разлито всюду —
Отъ былинки вплоть до звѣздъ.

Не оно-ль горитъ звѣздами,
И у солнца изъ очей
Съ неба падаетъ снопами
Ослѣпительныхъ лучей?

Въ безднѣ тихой, черной ночи,
Въ безпредѣльной глубинѣ
Не оно ли передъ очи
Ставитъ прямо вѣчность мнѣ?

Не его-ль необычайный
Духу, сердцу внятный зовъ
Обаятельною тайной
Вѣетъ въ сумракѣ лѣсовъ?

Не оно-ль въ стихійномъ спорѣ
Блещетъ пламенемъ грозы,
Отражая ликъ свой въ морѣ
И въ жемчужинѣ слезы?

Сквозь міры, сквозь неба крышу
Углубляюсь въ естество,
И сдается - вижу, слышу,
Чую сердцемъ Божество.

Не оно-ль и въ мысли ясной,
И въ песчинкѣ, и въ цвѣтахъ,
И возлюбленно-прекрасной
Въ гармоническихъ чертахъ?

Посреди вселенной храма,
Мнится мнѣ, оно стоитъ,
И порой въ глаза мнѣ прямо
Изъ очей ея глядитъ.

Поэту.

Когда тебѣ твой путь твоимъ указанъ Богомъ —
Упорно шествуй въ даль и неуклоненъ будь!
Пусть критикъ твой твердитъ въ судѣ своемъ убогомъ,
Что это—ложный путь!

Пускай враги твои и нагло, и упрямо
За то тебя бранятъ всѣмъ скопищемъ своимъ,
Что гордый твой талантъ, въ бореньяхъ стоя прямо,
Не кланяется имъ, —

За то, что не подвелъ ты ни ума, ни чувства
Подъ мѣрку ихъ суда и, обойдя судей,
Молился въ сторонѣ предъ алтаремъ искусства
Святилищу идей!

Доволенъ своего сознанья правосудьемъ,
Не трогай, не казни ихъ мелкаго грѣха,
И не карай дѣтей бичующимъ орудьемъ
Желѣзнаго стиха!

Твое желѣзо — кладъ. Храни его спокойно!
Пускай они шумятъ! Молчи, терпи, люби!
И мелочь обходя, съ приличіемъ, достойно
Свой кладъ употреби!

Металлъ свой проведи сквозь вѣчное горнило;
Сквозь пламень истины, добра и красоты —
И сдѣлай изъ него въ честь Господу кадило
Гдѣ-бъ жегъ свой ладонъ ты.

И съ молотомъ стиха надъ наковальней звѣздной
Не преставай ковать, общественный кузнецъ,
И скуй для доблести вѣнецъ, — хотя желѣзный,
Но всѣхъ вѣнцовъ вѣнецъ!

Иль пусть то будетъ — плугъ въ браздахъ гражданской нивы,
Иль пусть то будетъ — ключъ, ключъ мысли и замокъ,
Иль пусть то будетъ — мечъ, да вздрогнетъ нечестивый
Ликующій порокъ!

Дороже золота и всѣхъ сокровищъ Креза
Суровый сей металлъ, на дѣло данный намъ:
Не трать же, о поэтъ, священнаго желѣза
На гвозди эпиграммъ!

Есть въ жизни крупныя, обидныя явленья
Противу нихъ возстань,—а дѣтскій визгъ замретъ
Подъ свѣжей розгою общественнаго мнѣнья,
Которое растетъ.

Борьба.

Таковъ, знать, Богомъ всемогущимъ
Уставъ данъ міру съ давнихъ поръ:
Всегда прошедшее съ грядущимъ
Вело тяжелый, трудный споръ;
Всегда минувшее стояло
За свой негодный, старый хламъ,
И свѣжей силы не пускало
Къ возобновительнымъ дѣламъ;
Всегда оно ворчало, злилось
И пѣло пѣсню все одну,
Что было лучше въ старину,
И съ этой пѣснью въ гробъ валилось.
И надъ могилами отцовъ,
Зарытыхъ бодрыми сынами,

Иная жизнь со всѣхъ концовъ
Катилась бурными волнами.
Пусть тотъ скорѣй оставитъ свѣтъ,
Кого пугаетъ все, что ново,
Кому не въ радость, не въ привѣтъ
Живая мысль, живое слово:
Умри — въ комъ будущаго нѣтъ.

Порой средь общаго движенья
Все смутно, сбивчиво темно;
Но не отъ мутнаго-ль броженья
Творится свѣтлое вино?
Не жизни-ль варваръ Риму придалъ,
Когда онъ опрокинулъ Римъ?
Гдѣ прежде правилъ мертвый идолъ,
Тамъ Богъ живой поставленъ имъ.

Тамъ рыцарь несъ креста обновы
И гибнулъ съ мыслью о крестѣ.
Мы тоже рыцари Христовы
И крестоносцы — да не тѣ:
Подъ средневѣковое иго
Уже не клонится никто,
И хоть предъ нами та же книга,
Но въ ней читаемъ мы не то,
И новый образъ пониманья
Кладемъ на старыя сказанья.
И нынѣ мы пошли бы въ бой —
Не ради гроба лишь святого,
Но съ тѣмъ, чтобъ новою борьбой
Освободить Христа живого.

Человѣкъ.

Много жизненныхъ вопросовъ
Тѣмъ рѣшивъ, что все пустякъ,
Жилъ когда-то грекъ-философъ —
Удивительный чудакъ.
Онъ ходилъ, какъ жалкій нищій,
Полунагъ и босикомъ,
И питался грубой пищей,
Сытъ былъ брошеннымъ кускомъ;
Въ бочкѣ жилъ; лучами солнца
Освѣщаемъ и согрѣтъ,
Онъ героя-Македонца,
Покорившаго весь свѣтъ,
И царя, и полу-бога
Гордой просьбой удивилъ:
„Отодвинься, братъ, немного —
Ты мнѣ солнце заслонилъ!“
О, давно-минувши лѣта!
Незапамятная старь!
Днемъ, при полной силѣ свѣта,
Діогенъ зажегъ фонарь,
И въ толпѣ народа шумной
Онъ идетъ, кругомъ глядитъ: —
Ищешь ты кого, безумный? —
„Человѣка“, — говоритъ.
Строгій циникъ видѣлъ Грека
И въ хитонѣ, и въ плащѣ,
Но не видѣлъ человѣка,
И искалъ его вотще.
Если-бъ шелъ онъ въ вѣкъ изъ вѣка
Вплоть до нынѣшнихъ временъ, —
И донынѣ человѣка
Все искалъ бы Діогенъ ..
Ходъ вѣковъ мы видимъ ясно;
Намъ исторіи скрижаль
Открываетъ безпристрастно
Дней давно-протекшихъ даль.
Что-жъ тамъ? — Нѣсколько сокровищъ,
Много хламу жизни сей,
Много тамъ людей-чудовищъ,
Лже-людей, полу-людей;
Всюду брани, козни, ковы;
Видны: Римлянинъ суровый,
Грубый Скиѳъ и хитрый Грекъ;
Много смертныхъ, полудикихъ,
Много малыхъ, горсть великихъ...
Гдѣ же просто — человѣкъ?
Былъ одинъ. Онъ шелъ безъ грома,
Полонъ истины огнемъ.
Можно было: „ecce homo!“
Смѣло вымолвить о немъ.
Онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ любовью,
Всѣхъ къ безсмертью, какъ на пиръ,
Призывалъ, и чистой кровью
Онъ своей опрыснулъ міръ.
Этотъ міръ былъ Имъ испуганъ;
Онъ былъ схваченъ, былъ поруганъ,
Былъ оплеванъ, былъ казненъ
Отъ ватаги фарисейской
Смертью крестною, злодѣйской,
И въ вѣнкѣ терновомъ Онъ
Опетъ пилъ средь смертной жажды...
„Человѣкъ, однако, могъ
Намъ явиться хоть однажды?“ —
— Нѣтъ, о, люди, то былъ Богъ!

* *
*

Я помню приволье широкихъ дубравъ—
Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ,
Невинной безпечности полный,
Я видѣлъ—синѣлась, шумѣла вода;
Далёко, далёко—не знаю куда—
Катились все волны да волны.

Я отрокомъ часто на брегѣ стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ,
И всплески мнѣ ноги лобзали.
Въ дали безконечной виднѣлись лѣса;
Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали...

Рожь и птичка.

Травка-муравка ковромъ разстилается;
Вотъ изгороды, межи;
Поле желтѣетъ, зерно наливается
Птичка щебечетъ во ржи.
Какъ хороша эта рожь колосистая!
Какъ она пышно растетъ!
Вѣтеръ подуетъ: волна серебристая
По полю такъ и пройдетъ,
Вздрогнутъ колосья и, зыблясь, наклонятся
Съ шопотомъ, съ шумомъ глухимъ;
Эти нагнутся, и тѣ посторонятся,
Робко прилягутъ къ другимъ;
Встанутъ потомъ—и головки ихъ хлѣбныя
Думно качаются: „стой!
Что тамъ такое? Не тучи-ль враждебныя?“
Шепчутъ они межъ собой.
Вѣтеръ присвистнулъ, дождинки закапали;
Рожь словно хлябь предо мной;
Поле что море; что на морѣ—на полѣ
Ходитъ волна за волной.
Вынырнувъ, птичка изъ ржи поднимается
Выше и выше въ зенитъ,
Вьется, кружится, поетъ—заливается,
Такъ и звенитъ и звенитъ;—
Вѣрно, тамъ—въ небѣ—узнала, развѣдала,
Что говорятъ облака,
Бури нечаянной небо чтобъ не дало...
Вотъ и давай свысока
Весть разговоръ со своими сестрицами
(Эти щебечутъ внизу):
„Тамъ, говоритъ, бродятъ тучи станицами
И предвѣщаютъ грозу“;—

Звонкія рѣчи идутъ перекличкою,—
Я на муравкѣ лежу
И за высоко-летящею птичкою
Долго глазами слѣжу,
Слушаю рѣчь ея звонко-пѣвучую...
Птичка... да гдѣ же она?
Нѣтъ,—ужъ невидима—скрылась за тучею,
Скрылась—и только слышна.
Пой и звени, въ вышинѣ сокровенная!
Пой про заоблачный свѣтъ!
Тамъ, гдѣ незрима душа вдохновенная—
Слышенъ твой голосъ, поэтъ.

На сельскомъ кладбищѣ.

Былъ я на сельскомъ кладбищѣ: просторно
Мертвымъ лежать тутъ подъ бархатомъ дёрна;
Кровелькой красной уютно прикрытъ
Крестъ деревянный надъ каждымъ стоитъ.
Надписей нѣтъ, о чинахъ ни полслова:
Насыпь да крестъ—и гробница готова.
Нѣтъ здѣсь витійства въ надгробныхъ стихахъ:
Развѣ молитва одна о грѣхахъ:
„Боже прости!“—на крестѣ почернѣломъ
Въ буквахъ кривыхъ нацарапана мѣломъ;—
Вѣтеръ играетъ душистой травой;
Рдѣетъ, синѣетъ цвѣтокъ полевой;
Тамъ стала елка, тутъ—гибкая ива;—
Мирно красуется Божія нива.

Вотъ надъ одною могилкой виситъ
Свѣжій вѣнокъ, и вдова голоситъ:
„Красное солнышко! Мѣсяцъ мой ясный!
Охъ, безъ тебя пропадать мнѣ злосчастной!
Охъ, не видать мнѣ веселаго дня!
Охъ, для чего ты покинулъ меня?
Охъ, мое сердце растерзано вдовье;
Горе—постель мнѣ, тоска—изголовье“.—
Вдругъ перестала она завывать:
Новаго мужа пошла добывать.

Вотъ раздаются другія рыданья:
Это по братѣ сестры завыванья;
Дѣвка немножко повыла—и прочь.

Вотъ взголосила по матери дочь!
Дочь хоть утраты своей не забудетъ,
Все-жъ, какъ повоетъ, такъ легче ей будетъ;
Есть у ней сила печаль выносить,
Ежели сила нашлась голосить.

Съ краю — могилка. Давно тутъ зарыли
Добраго парня, какъ мнѣ говорили —
Славнаго парня, и вижу я: вотъ
Къ этой могилѣ старушка бредетъ.
Эта не выла ужъ тутъ, не металась —
Грохнулась на-земь, да такъ и осталась;
Пальцы изсохшіе такъ и вросли
Въ хладныя нѣдра могильной земли.
Дивно, какой непонятною силой
Дряхлая крѣпко спаялась съ могилой
Такъ, что старушку отъ этой земли
Люди потомъ оторвать не могли.
Что́ ей тотъ парень? Спросить я сбирался,
Но — промолчалъ: видно самъ догадался.

Книга.

(Переводъ)

Три брата было насъ: я — младшій. Мы играть
Однажды собрались. Насъ отпустила мать:
Ступайте, говоритъ, да чуръ не напроказить!
Въ саду не мять цвѣтовъ! По лѣстницамъ не лазить!

А мы по лѣстницѣ тотчасъ же — на чердакъ.
Трудненько было намъ, да взлѣзли кое-какъ.
Межъ разной утварью стоялъ тамъ шкапъ огромный.
Глядь! Книга на шкапу лежитъ громадой темной:
Чернѣетъ переплетъ. Стащили мы съ трудомъ
Ту книгу: это былъ большой, тяжелый томъ.
Раскрыли: ладаномъ запахло, храмомъ Бога. —
И — сколько радости! Картинокъ много, много!

Мы сѣли въ уголокъ — и ужъ куда играть!
Давай разсматривать и кое-какъ читать!
А книга между тѣмъ, какъ на шести ступеняхъ,
У насъ — у всѣхъ троихъ — лежала на колѣняхъ.

На долго увлеклись мы чтеніемъ тогда,
И послѣ каждый день тянуло насъ туда.
То библія была. Иное не понятно
Казалось намъ, но все намъ вѣяло пріятно.

И больше, больше, все ребяческой душой
Вникать въ святой разсказъ входило намъ въ привычку —
Съ тѣмъ ощущеніемъ, какъ будто бы рукой
Мы нѣжно гладили по перьямъ Божью птичку.

Боги Греціи

(изъ Шиллера).

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
Когда-то вы, о боги древнихъ лѣтъ,
Руководя земныя поколѣнья,
Лелѣяли младенчественный свѣтъ,—
И все не такъ являлось тамъ, какъ нынѣ:
Воздвигнутъ былъ тамъ Афродиты храмъ,
Гдѣ пламенныхъ сердецъ увѣнчанной богинѣ
Курился ѳиміамъ.

Природа тамъ была сестрой Искусству;
Тамъ истина была сродни мечтамъ;—
И что теперь такъ недоступно чувству,
До глубины прочувствовано тамъ;
Природы всей былъ ликъ облагороженъ,
Уразумленъ былъ образъ естества;
Повсюду и во всемъ былъ явный слѣдъ проложенъ
Живаго божества.

И гдѣ теперь, взоръ обративъ къ денницѣ,
Мы только шаръ бездушный видимъ въ ней,
Тамъ Геліосъ на пышной колесницѣ
Сіялъ, сверкалъ и гналъ своихъ коней;
Летучихъ нимфъ былъ полонъ сводъ лазурный;
Дріадами одушевленъ былъ садъ,
И свѣтлый водный ключъ былъ брызгами изъ урны
Смѣющихся наядъ.

Пѣвица ли пернатая запѣла?
Легла-ль роса на листья свѣжихъ розъ?
Тамъ—грустная стенала Филомела,
А тутъ былъ слѣдъ Авроры чистыхъ слезъ.

Ручей ли текъ струею свѣтлосиней?
Катился онъ у нимфы изъ очей,
Иль это былъ—въ тоскѣ рыдающей богиней
Наплаканный ручей.

Безсмертные къ Девкаліона чадамъ
Слетали тамъ для общихъ съ ними дѣлъ;
Гиперіонъ, взявъ посохъ, нѣжнымъ взглядомъ
На Пирры дочь прекрасную глядѣлъ.
Отъ тайныхъ стрѣлъ Амура не спасались
И боги тамъ,—и съ пламенемъ въ крови
Герои смертные и боги покорялись
Могуществу любви.

Всечтимая наперсница святыни,
Приставница священнаго огня—
Весталка тамъ, предъ алтаремъ богини
Невинныя колѣни преклоня
И чая быть самимъ безсмертнымъ равной,
Сонъ дѣвственный умѣла такъ хранить,
Что поясъ у нея самъ Зевсъ громодержавный
Не смѣлъ бы разрѣшить.

Божественно сіялъ тамъ вѣчный пламень,
Что въ гимнахъ былъ у Пиндара зажженъ;
У Фидія внѣдренъ въ безсмертный камень
И данъ твоей былъ арфѣ, Аріонъ.
Даръ творчества на смертныхъ шелъ отъ Феба,
И не было тамъ мѣста грустной мглѣ,
Гдѣ боги, нисходя, себѣ второе небо
Творили на землѣ.

Торжественнѣй была надъ зломъ побѣда
Подъ сѣнію Медузина щита
И женственной улыбкой Ганимеда
Тамъ юноши блистала красота.
Гдѣ Гименей вязалъ судьбу съ судьбою—
Была плотнѣй сердецъ союзныхъ связь,
И мягче, и нѣжнѣй у Парокъ подъ рукою
Жизнь смертнаго прялась.

Ни тяжкихъ жертвъ, ни плоти изнуренья
Въ честь божеству не требовалось тамъ,
Тамъ счастія искали всѣ творенья:
Кто счастливъ былъ, тотъ равенъ былъ богамъ.
Прекрасное одно лишь было свято,
Отъ пиршества не уклонялся богъ,
И свѣтлый храмъ его изъ мрамора и злата
Былъ праздничный чертогъ.

На сборищахъ Истмійскихъ колесницы
Неслись, съ огнемъ и громомъ, въ перегонъ;
Привѣтный кликъ былъ слышимъ у границы,
И высились вѣнки со всѣхъ сторонъ.
Блаженъ, за кѣмъ побѣда оставалась:
Онъ ликовалъ, боговъ благодаря,
Съ нимъ ликовалъ народъ, и пляской обвивалась
Святыня алтаря.

Давали знать въ блестящей сбруѣ тигры
И по горамъ „эвое“ звучный кликъ,
Что настаютъ вакхическія игры
И Бахусъ свой являлъ румяный ликъ;
Шли впереди и Фавны, и Сатиры,
Кругомъ толпы неистовыхъ Менадъ;
Тамъ—полногрудыя Вакханки,—чаши, лиры
И сочный виноградъ.

Сухой скелетъ—страшилище творсній—
Не шелъ къ одру, гдѣ смертный угасалъ:
Надъ смертнымъ тѣмъ безмолвный, тихій геній
Съ улыбкою свой факелъ опускалъ,
И въ сладостномъ мирительномъ лобзаньѣ
Склонясь надъ нимъ, лишеннымъ жизни силъ,
Съ поблеклыхъ устъ его послѣднее дыханье
Спокойно уносилъ.

И въ тартарѣ, средь всеразящей бури,
Надъ страждущимъ нерѣдко бичъ суда
Смягчаемъ былъ, и жалость сердцу фурій
Небесная давалась иногда,
И грозный судъ бывалъ небезсердеченъ:
Поставленъ былъ при Орковыхъ вѣсахъ
Внукъ человѣческій, чтобъ взглядъ былъ человѣченъ
И въ самыхъ небесахъ.

Въ Элизіумъ толпой спѣшили тѣни
Для сладкаго свиданія и встрѣчъ;
Тамъ слышались и звуки пѣснопѣній,
И лиры звонъ, и родственная рѣчь;
Шли группы женъ къ своимъ мужьямъ и чадамъ,
Шли юноши въ объятія невѣстъ,
Шелъ къ другу вѣрный другъ—и встрѣчею съ Пиладомъ
Обрадованъ Орестъ.

На доблестномъ пути своемъ къ наградамъ
Высокую тамъ смертный цѣль имѣлъ:
Какъ полу-богъ, порой съ богами рядомъ
Стоялъ герой—свершитель славныхъ дѣлъ;
Онъ мертвыхъ звалъ—и мертвые вставали.
Сбивались ли въ пути своемъ пловцы?
Кастеръ и Поллуксъ ихъ съ Олимпа ободряли —
Герои-близнецы.

Прекрасный міръ!—Весна съ своей любовью,
Всей прелестью,—исторіи весна!
Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.

. . . . . .

Селены я ищу на звѣздномъ сводѣ:
Селена гдѣ?—Сводъ звѣздный нѣмъ стоитъ.
Гдѣ божество твое? взываю я къ природѣ:
Бездушная молчитъ;—

Разумному сознанью непричастна,
Разрознена съ тѣмъ духомъ міровымъ,
Которому безчувственно подвластна,
Она чужда всѣмъ радостямъ моимъ.
Къ художнику спокойно-равнодушна,
Какъ мертвые часы заведена,
Вся обезбожена, лишь тяжести послушна
Влеченіямъ она.

Сегодня, взрывъ сама себѣ могилу,
Въ ней погребетъ планеты своихъ шары,—
А завтра, ту-жъ возобновляя силу,
Пойдетъ вращать возникшіе міры;
И боги тѣ, что дѣтства въ возрастъ малый
На помочахъ водили міръ земной,
Его оставили—и сталъ онъ, возмужалый,
Держаться самъ собой.

Ваятель тамъ, открывъ себѣ дорогу
Къ безсмертію, могъ равенъ быть въ вѣкахъ
Изъ мрамора имъ вызванному богу:
Передъ Творцомъ здѣсь каждый смертный—прахъ—
Земной червякъ, немногимъ долговѣчнѣй
Другихъ червей. Святъ Богъ нашъ,—грѣшенъ вѣкъ;
А тамъ, гдѣ божество являлось человѣчнѣй,
Святѣй былъ человѣкъ.

Создатель мой! Свѣтило новой вѣры!
Ты—вѣчный блескъ, а я обхваченъ тьмой.
Ты царь небесъ, тебѣ нѣтъ вѣса, мѣры;
Тебя обнять не можетъ разумъ мой.
Къ тебѣ стремлюсь: напрасныя усилья!
Тебя зову, но мнѣ отвѣта нѣтъ.
О безконечный Духъ! Дай силы мнѣ, дай крылья
Взлетѣть въ твой горній свѣтъ.

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

Къ стр. 51.

В. Г. Бѣлинскій.

(1810—1848).

Стихотворенія А. С. Пушкина: „Чернь“, „Поэтъ“, „Поэту“.

Въ стихотвореніи „Чернь“ заключается художническое profession de foi Пушкина. Онъ презираетъ чернь и, на ея приглашеніе—исправлять ее звуками лиры, отвѣчаетъ словами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія:

«Подите прочь! какое дѣло
«Поэту мирному до васъ.» и т. д. *).

....Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ рифмами разныя нравоучительныя мысли, и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобы онъ воспѣвалъ имъ все любовь да дружбу и пр., и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобъ соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобъ противорѣчить имъ,—а тѣмъ, чтобъ, забывая о ихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты съ ихъ „вдохновеніями, сладкими звуками и молитвами“, но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, еслибъ набожная толпа не соприсутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ. Толпа, въ смыслѣ массы народной, есть прямая хранительница народнаго духа, непосредственный источникъ таинственной психеи народной жизни. Народъ (взятый какъ масса), духовная субстанція жизни котораго не въ состояніи порождать изъ себя великихъ поэтовъ, не стоитъ названія народа или націи—съ него довольно чести называться просто племенемъ. Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціяльной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно малолѣтныхъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ вправѣ требовать, чтобъ поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ,

*) См. мой сборникъ „Образцы новой русской словесности“, т. III.

неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно, Пушкинъ, какъ поэтъ, великъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя, прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и рѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе „Поэтъ“, въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не потребуетъ Аполлонъ къ священной жертвѣ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробудившійся орелъ,— но мысль эта теперь совершенно ложна. Наша современность кишитъ поэтами, которые пошлы, когда не пишутъ, становятся благородны и чисты, когда вдохновляются, но, тѣмъ не менѣе, всѣ видятъ въ нихъ теперь не болѣе, какъ великихъ людей на малыя дѣла; всѣ знаютъ, что эти господа скоро выписываются и, изъ денегъ, громкими фразами увѣряютъ другихъ въ томъ, чему нѣкогда сами вѣрили, но чему теперь уже сами первые не вѣрятъ. Наше время преклонитъ колѣни только передъ художникомъ, котораго жизнь есть лучшій комментарій на его творенія, а творенія—лучшее оправданіе его жизни. Гете не принадлежалъ къ числу пошлыхъ торгашей идеями, чувствами и поэзіею; но практическій и историческій индифферентизмъ не далъ бы ему слѣлаться властителемъ думъ нашего времени, не смотря на всю широту его мірообъемлющаго генія. Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія тѣмъ не менѣе были причиною постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, піесы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она вправѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина). Между тѣмъ, избранный Пушкинымъ путь оправдывается его натурою и призваніемъ: онъ не палъ, а только сдѣлался самимъ собою, но, по несчастію, въ такое время, которое было очень неблагопріятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство, и мало пріобрѣтало общество. Какъ бы то ни было, нельзя винить Пушкина, что онъ не могъ выйти изъ заколдованнаго круга своей личности,—и со всею добросовѣстностью человѣка и художника написалъ свое превосходное стихотвореніе„ Поэту“. ....И Пушкинъ навсегда затворился въ этомъ гордомъ величіи непонятаго и оскорбленнаго художника..! И когда онъ писалъ свои лучшія творенія— „Скупаго Рыцаря“, „Египетскія ночи“, „Русалку“, „Мѣднаго Всадника“, „Галуба“, “Каменнаго Гостя“, онъ всего менѣе разсчитывалъ на восторгъ публики, и потому не торопился издавать ихъ.

Пушкинъ—нашъ первый поэтъ-художникъ.

Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство, какъ художество, а не только какъ прекрасный языкъ чувства. Само собою разумѣется, что одинъ онъ этого сдѣ-

лать не могъ... Всѣ предшествовавшіе Пушкину поэты относятся къ нему, какъ малыя и великія рѣки къ морю, которое наполняется ихъ водами. Поэзія Пушкина была этимъ моремъ. По смыслу нашего сравненія, море больше и важнѣе рѣкъ; но безъ нихъ оно не могло бы образоваться. Такое сравненіе не можетъ быть оскорбительно для поэтовъ, предшествовавшихъ Пушкину, особенно, если мы напомнимъ при этомъ, что поэтическая дѣятельность Жуковскаго явилась на высшей степени своего развитія и принесла самые сочные, зрѣлые и прекрасные плоды свои уже при Пушкинѣ, а Батюшковъ погасъ для литературы въ цвѣтѣ лѣтъ и силы.

....Въ Пушкинѣ прежде всего увидите художника, вооруженнаго всѣми чарами поэзіи, призваннаго для искусства, какъ для искусства, исполненнаго любви, интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящаго все, и потому терпимаго ко всему. Отсюда всѣ достоинства, всѣ недостатки его поэзіи, и если вы будете разсматривать его съ этой точки, то съ удвоенною полнотою насладитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, какъ необходимое слѣдствіе, какъ оборотную сторону его же достоинствъ....

Призваніе Пушкина объясняется исторіею нашей литературы. Русская поэзія—пересадокъ, а не туземный плодъ. Всякая поэзія должна быть выраженіемъ жизни, въ обширномъ значеніи этого слова, обнимающаго собою весь міръ физическій и нравственный. До этого ее можетъ довести только мысль. Но чтобъ быть выраженіемъ жизни, поэзія прежде всего должна быть поэзіею. Для искусства нѣтъ никакого выигрыша отъ произведенія, о которомъ можно сказать: умно, истинно, глубоко, но прозаично. Такое произведеніе похоже на женщину съ великою душою, но съ безобразнымъ лицомъ: ей можно удивляться, но полюбить ее нельзя; а между тѣмъ немножко любви сдѣлало бы счастливѣе, чѣмъ много удивленія, не только ее, но и мущину, въ которомъ она возбудила это удивленіе. Произведенія непоэтическія безплодны во всѣхъ отношеніяхъ; между тѣмъ какъ произведенія на половину прозаическія бываютъ полезны для общества и для частныхъ людей; но они дѣйствуютъ и въ этомъ отношеніи только на половину. Гдѣ помнятъ начало поэзіи, гдѣ поэзія явилась не какъ плодъ національной жизни, а какъ плодъ цивилизаціи, тамъ, для полнаго развитія поэзіи, нужно прежде всего выработать поэтическую форму, ибо, повторяемъ, поэзія прежде всего должна быть поэзіею, а потомъ уже выражать собою то и другое. Вотъ причина явленія Пушкина такимъ, какимъ онъ былъ, и вотъ почему онъ ничѣмъ другимъ быть не могъ. До него у насъ не было даже предчувствія того, что такое искусство, художество, которое составляетъ собою одну изъ абсолютныхъ сторонъ духа человѣческаго. До него поэзія была только краснорѣчивымъ изложеніемъ прекрасныхъ чувствъ и высокихъ мыслей, которыя не составляли ея души, но къ которымъ она относилась, какъ удобное средство для доброй цѣли, какъ бѣлила и румяны для блѣднаго лица старушки-истины. Это мертвое понятіе о пользѣ поэтической формы для выраженія моральныхъ и другихъ идей породило такъ называемую дидактическую поэзію, и было выражено Мерзляковымъ въ слѣдующихъ стихахъ, кажется, переведенныхъ изъ Тасса:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сластьми упитанъ по краямъ:
Счастливецъ обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье,
Обманъ ему далъ жизнь, ему обманъ—спасенье!

Наша поэзія до Пушкина была именно позолоченною пилюлею, подслащеннымъ лѣкарствомъ. И потому въ ней истинная, вдохновенная и творческая поэзія только проблескивала временами въ частностяхъ, и эти про-

блески тонули въ массѣ риторической воды. Много было сдѣлано для языка, для стиха, кое-что было сдѣлано и для поэзіи; но поэзіи, какъ поэзіи, т. е. такой поэзіи, которая, выражая то и другое, развивая такое или иное міросозерцаніе, прежде всего была бы поэзіей—такой поэзіи еще не было! Пушкинъ былъ призванъ быть живымъ откровеніемъ ея тайны на Руси. И такъ какъ его назначеніе было завоевать, усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ чтобъ русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія, не боясь перестать быть поэзіею и перейти въ рифмованную прозу—то естественно, что Пушкинъ долженъ былъ явиться исключительно художникомъ.

Еще разъ: до Пушкина были у насъ поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкинъ былъ первымъ русскимъ-художникомъ. Поэтому, даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія, каковы: „Руслань и Людмила", Братья-разбойники", „Кавказскій плѣнникъ", „Бахчисарайскій фонтанъ", отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ, не только образованные, даже многіе просто грамотные люди увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіею; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, охотницами до стишковъ, учениками на школьныхъ скамейкахъ, украдкою отъ учителя, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. И это дѣлалось не только въ столицахъ, но даже и въ уѣздныхъ захолустьяхъ. Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ риѳмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи, въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе, и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности. Явись теперь на Руси поэтъ, который былъ бы неизмѣримо выше Пушкина,—его появленіе уже не могло бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій, такой страшный энтузіазмъ, потому что, послѣ Пушкина, поэзія уже не невиданная, не неслыханная вещь. И по тому же самому теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ получить поэтъ, который, не уступая Пушкину въ талантѣ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ.

Если въ поименованныхъ нами первыхъ поэмахъ Пушкина видно такъ много этого художества, которымъ такъ рѣзко отдѣлились онѣ отъ произведеній прежнихъ школъ, то еще болѣе художества въ самобытныхъ лирическихъ піесахъ Пушкина... Поэма требуетъ знанія жизни и людей, требуетъ созданія характеровъ, слѣдовательно, своего рода драматизировки; лирическая поэзія требуетъ богатства ощущеній,—а когда же грудь человѣка наиболѣе богата ощущеніями, какъ не въ лѣта юности?

Тайна Пушкинскаго стиха была заключена не въ искусствѣ „сливать послушныя слова въ стройные размѣры и замыкать ихъ звонкою риѳмою", но въ тайнѣ поэзіи. Душѣ Пушкина присущна была прежде всего та поэзія, которая не въ книгахъ, а въ природѣ, въ жизни,—присущно художество, печать котораго лежитъ на „полномъ твореніи славы".

....Особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ—полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданій. Поэзія чувства, поэзія естественная, не отличается этимъ качествомъ: въ ней всегда видно усиліе высказать чувство, и оттого стройность и соразмѣрность исчезаютъ въ плодовитости. Въ поэзіи художественной—соразмѣрность, стройность, полнота и ровность быва-

ютъ уже естественнымъ слѣдствіемъ творческой концепціи, художественной мысли, лежащей въ основаніи поэтическаго произведенія. У Пушкина никогда не бываетъ ничего лишняго, ничего недостающаго, но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, конецъ гармонируетъ съ началомъ,—и, прочитавъ его піесу, чувствуешь, что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Пушкинъ является по преимуществу художникомъ.

Какъ истинный художникъ, Пушкинъ не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи. Его „Онѣгинъ“, напримѣръ, есть поэма современной, дѣйствительной жизни не только со всею ея поэзіею, но и со всею ея прозою, не смотря на то, что она писана стихами. Тутъ и благодатная весна, и жаркое лѣто, и гнилая дождливая осень, и морозная зима; тутъ и столица, и деревня, и жизнь столичнаго денди, и жизнь мирныхъ помѣщиковъ, ведущихъ между собою незанимательный разговоръ

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей родинѣ:

тутъ и мечтательный поэтъ Ленскій, и тривіальный забіяка, и сплетникъ Зарѣцкій; то передъ вами прекрасное лицо любящей женщины, то сонная рожа трактирнаго слуги, отворяющаго, съ метлою въ рукѣ, дверь кофейной,— и всѣ они, каждый по-своему, прекрасны и исполнены поэзіи. Пушкину не нужно было ѣздить въ Италію за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него подъ рукою здѣсь, на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея вѣчно-сѣрымъ небомъ, въ печальныхъ деревняхъ и ея богатыхъ и бѣдныхъ городахъ. Что для прежнихъ поэтовъ было низко, то для Пушкина было благородно; что для нихъ была проза, то для него была поэзія. Осень для него лучше весны или лѣта, и читая эти стихи, вы не можете не согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, на то время, пока не увидите его же картины весны или лѣта (см. мой сборн. 3 т., стр. 28—„Осень“).

Русская зима лучше русскаго лѣта—этой „каррикатуры южныхъ зимъ“: она похожа на самое себя, тогда какъ наше лѣто столько же похоже на лѣто, сколько декораціонныя деревья въ театрѣ похожи на настоящія деревья въ лѣсу. Пушкинъ первый понялъ это и первый выразилъ. Его зима облита блескомъ роскошной поэзіи:

....Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскіе характеры: на этомъ основаніи общій голосъ нарекъ его русскимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ. (См. статью Гоголя о Пушкинѣ въ моемъ сборникѣ, т. 3, стр. 562). *Соглашаясь съ опредѣленіемъ національнаго поэта, какое сдѣлалъ Гоголь, Бѣлинскій замѣчаетъ*: И если хотите, съ этой (Гоголевской) точки зрѣнія, Пушкинъ болѣе національно-русскій поэтъ, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ; но дѣло въ томъ, что нельзя опредѣлить, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ чувствовалъ и писалъ такъ, что его соотечественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами? Прекрасно! Да какъ же чувствуютъ и говорятъ они? Чѣмъ отличается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй?..

Вотъ вопросы, на которые не можетъ дать отвѣта настоящее, ибо Россія по преимуществу—страна будущаго...

....Замѣтимъ еще удивительную способность Пушкина дѣлать поэтическими самые прозаическіе предметы. Что, напримѣръ, можетъ быть прозаичнѣе выѣзда въ саняхъ моднаго франта въ пальто съ бобровымъ воротникомъ? Но у Пушкина это—поэтическая картина:

Ужъ темно; въ санки онъ садится:
Пади, пади! раздался крикъ:
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.

Или, что̀ можетъ быть прозаичнѣе такой мысли, что-де въ городѣ не было мостовой, и всѣ тонули въ грязи, но что уже въ немъ начали дѣлать мостовую? Страшно и подумать втискать такую мысль въ стихъ! Но Пушкинъ этого не боялся, и у него вышла поэтическая картина, въ прекрасныхъ поэтическихъ стихахъ:

Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ:
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Сгѣняетъ хилаго коня.
Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованой броней.

Для Пушкина также не было такъ называемой *низкой природы*; поэтому онъ не затруднялся никакимъ сравненіемъ, никакимъ предметомъ, бралъ первый попавшійся ему подъ-руку, и все у него являлось поэтическимъ, а потому прекраснымъ и благороднымъ. Какъ хорошо, напримѣръ, это взятое изъ низкой природы сравненіе:

Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ.

Или, какъ прекрасна у него вотъ эта „низкая природа“:

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣнью липъ густыхъ—
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой..

Тотъ еще не художникъ, котораго поэзія трепещетъ и отвращается прозы жизни, кого могутъ вдохновлять только высокіе предметы. Для истиннаго художника—гдѣ жизнь, тамъ и поэзія.

Талантъ Пушкина не былъ ограниченъ тѣсною сферою одного какого-нибудь рода поэзіи: превосходный лирикъ, онъ уже готовъ былъ сдѣлаться превосходнымъ драматургомъ, какъ внезапная смерть остановила его развитіе. Эпическая поэзія также была свойственнымъ его таланту родомъ поэзіи. Въ послѣднее время своей жизни онъ все болѣе и болѣе наклонялся къ драмѣ и роману и, по мѣрѣ того, отдалялся отъ лирической поэзіи. Равнымъ образомъ, онъ тогда часто забывалъ стихи для прозы. Это самый естественный родъ развитія великаго поэтическаго таланта въ наше время. Лирическая

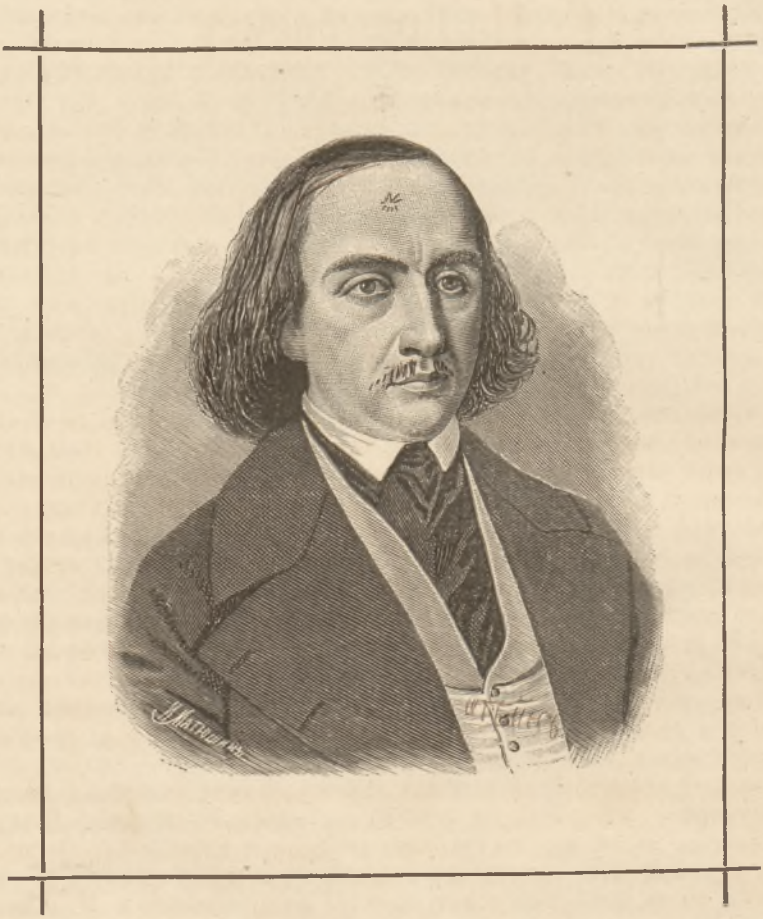
поэзія, обнимающая собою міръ ощущеній и чувствъ, съ особенною силою кипящихъ въ молодой груди, становится тѣсною для мысли возмужалаго человѣка. Тогда она дѣлается его отдыхомъ, его забавою между дѣломъ. Дѣйствительность современнаго намъ міра полнѣе, глубже и шире въ романѣ и драмѣ.

Пушкина нѣкогда сравнивали съ Байрономъ. Это сравненіе болѣе чѣмъ ложно, ибо трудно найти двухъ поэтовъ, столь противоположныхъ по всей натурѣ, а слѣдовательно и по пафосу своей поэзіи, какъ Байронъ и Пушкинъ. Мнимое сходство это вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Зная кипучую, разгульную, исполненную тревогъ и бѣдъ его юность, думали видѣть въ немъ духъ гордый, неукротимый, титаническій. Основываясь на какомъ-нибудь десяткѣ ходившихъ по рукамъ его стихотвореній, исполненныхъ громкихъ и смѣлыхъ, но, тѣмъ не менѣе, неосновательныхъ и поверхностныхъ фразъ, думали видѣть въ немъ поэтическаго трибуна. Нельзя было болѣе ошибиться во мнѣніи о человѣкѣ! Въ тридцать лѣтъ, Пушкинъ распрощался съ тревогами своей кипучей юности не только въ стихахъ, но и на дѣлѣ. Надъ „рукописными“ своими стишками онъ потомъ самъ смѣялся. Но все это въ сторону; главное дѣло въ томъ, что натура Пушкина (и, въ этомъ случаѣ, самое вѣрное свидѣтельство есть его поэзія) была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно-дѣятельнаго (а не только созерцательнаго) увлеченія живою могучею мыслью, въ жертву которой приносится и жизнь, и талантъ. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ какому ученію, ни къ какой доктринѣ; въ сферѣ своего поэтическаго міросозерцанія, онъ, какъ художникъ по преимуществу, былъ гражданинъ вселенной, и въ самой исторіи, такъ же, какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріалы для своихъ творческихъ концепцій. Почему это было такъ, а не иначе, и къ достоинству или недостатку Пушкина должно это отнести? Еслибъ его натура была другая, и онъ шелъ по этому несвойственному ей пути, то, безъ сомнѣнія, это было бы въ немъ больше, чѣмъ недостаткомъ; но какъ онъ въ этомъ отношеніи былъ только вѣренъ своей натурѣ, то за это его такъ же нельзя хвалить или порицать, какъ одного нельзя хвалить или порицать за то, что у него черные, а не русые волосы, и другаго за то, что у него русые, а не черные.

Лирическія произведенія Пушкина въ особенности подтверждаютъ нашу мысль о его личности. Чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, не смотря на его глубокость, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ человѣчно, *гуманно*! И оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь художнически спокойной, столь граціозной! Что составляетъ содержаніе мелкихъ піесъ Пушкина? Почти всегда любовь и дружба, какъ чувства, наиболѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастія и горя всей его жизни. Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, не смотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна, она умѣряетъ муку души и цѣлитъ раны сердца. Общій колоритъ поэзіи Пушкина—и въ особенности лирической—внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человѣческое чувство уже прекрасно по тому самому, что оно человѣческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ *чувство изящное*. Мы здѣсь разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нѣтъ, каждое чувство, лежащее въ основаніи каждаго его стихотворенія, изящно, граціозно и виртуозно само по себѣ; это не

просто чувство человѣка, но чувство человѣка-художника, человѣка-артиста. Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому, поэзія Пушкина неопасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе,—ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы, такое артистическое изящество человѣческаго чувства! Нужны ли доказательства въ подтвержденіе нашей мысли?—Почти каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ (приводятся стихотворенія: „Ты вянешь и молчишь: печаль тебя снѣдаетъ; „Я васъ любилъ“; Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу волненіямъ любви безумно предаваться“, и мн. др).

Библіотека Варшавской
Учительской семинаріи
№



Т. Н. ГРАНОВСКІЙ.

Къ стр. 59.

Т. Н. Грановскій.

(1813—1855).

Лудовикъ IX.

Мы привыкли разумѣть подъ именемъ среднихъ вѣковъ тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе Западной Римской имперіи отъ открытія Новаго Свѣта и начала реформаціи. Но идеи и формы, составляющія характеристическую особенность средняго вѣка, принадлежатъ не всѣмъ отдѣламъ этого обширнаго періода. Феодализмъ, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готическіе соборы, поэзія трубадуровъ и миннезингеровъ, однимъ словомъ, главныя явленія, въ которыхъ вполнѣ сказалось внутреннее содержаніе средневѣковой исторіи, составляющія какъ бы цвѣтъ и плодъ ея, развились большею частью не ранѣе XI и отцвѣли къ концу XIII столѣтія. Пять предшествующихъ вѣковъ можно назвать періодомъ образованія, приготовленія отличительныхъ формъ средневѣковой жизни; два послѣдніе вѣка, XIV и XV, представляютъ намъ эпоху разложенія: они служили переходомъ къ новой исторіи.

Не трудно будетъ угадать общій характеръ того общества, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, взглянувъ на него съ его наружной стороны. Перенеситесь мыслью въ любое изъ государствъ тогдашней Европы, бросьте на него хоть бѣглый взглядъ, и вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія. Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ или башнѣ стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій безпокойными глазами окрестности. Отдѣльные дома похожи на крѣпости; чрезъ улицы, на ночь, протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отовсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ подымается внутри стѣнъ: цехи воюютъ съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую. Переходя отъ городскаго къ сельскому населенію, мы встрѣчаемъ тѣ же явленія. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность увѣнчана крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ котораго, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы теперь называемъ комфортомъ,

а безопасность была главной цѣлью. Воинственный характеръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое условіе феодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ господскаго замка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства, хижины виллановъ. Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убѣжище своимъ жителямъ. Подобно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ укрѣпленіями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе мѣста недостаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ владѣльцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное время обращались въ разбойничьи шайки. Внутреннее содержаніе соотвѣтствовало наружному виду. Въ средневѣковой Европѣ не было народовъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, а были враждебныя между собою сословія, которыхъ начало восходитъ къ эпохѣ распаденія Западной Римской имперіи и занятія ея областей германскими племенами. Изъ пришельцевъ образовались почти исключительно высшіе, изъ покореннаго или туземнаго населенія—низшіе классы новыхъ государствъ. Насильственное основаніе этихъ государствъ провело рѣзкую черту между ихъ составными частями. Граждане французской общины принимали къ сердцу дѣла нѣмецкихъ или итальянскихъ городовъ, но у нихъ не было почти никакихъ общихъ интересовъ съ феодальною аристократіею собственнаго края. Въ свою очередь, баронъ рѣдко унижалъ себя сознаніемъ, что въ городѣ живутъ его соотечественники. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ, и едва ли съ большимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на беззащитнаго безправнаго виллана. При такихъ особенностяхъ быта, у каждаго сословія должно было развиться собственное воззрѣніе на всѣ жизненныя отношенія и высказаться въ литературѣ. Рыцарскія эпопеи проникнуты этимъ исключительнымъ духомъ. Возьмите любой романъ каролингскаго или прочихъ цикловъ: вы увидите, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста героямъ другаго сословія, кромѣ феодальнаго. То же самое можно сказать о рыцарской лирикѣ. Она поетъ не простую, доступную каждому человѣческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственнаго быта, понятное только рыцарю, да еще, можетъ быть, горожанамъ южной Франціи и Италіи. Зато среди городскаго населенія процвѣтала своя, непріязненная феодализму, литература. Здѣсь-то родилась сказка (fabliau), въ которой язвительный и сухой умъ горожанина осмѣивалъ не одни только идеи и доблести, составлявшія какъ бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще всѣ идеалы, всѣ поэтическія стороны средняго вѣка. Въ труверахъ можно узнать праотцевъ Рабле и Вольтера. Была, повидимому, одна сфера, гдѣ усталый раздоромъ и войною умъ находилъ покой и примиреніе. Мы говоримъ о наукѣ, выросшей подъ сѣнью западныхъ монастырей и носящей названіе схоластики. Это имя, означающее собственно науку среднихъ вѣковъ, не пользуется большимъ почетомъ въ наше время. Подъ нимъ привыкли разумѣть пустыя, лишенныя живаго содержанія діалектическія формы. Не такова была схоластика въ эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственныхъ битвъ столь же смѣлая и воинственная, какъ то общество, среди котораго ей суждено было совершить свое развитіе. Заслуга и достоинство схоластики заключается именно въ ея молодой отвагѣ. Бѣдная положительнымъ знаніемъ, она была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ, что для смѣлой мысли нѣтъ ничего невозможнаго. Не было вопроса, предъ которымъ она оробѣла бы; не было задачи, предъ которой она сознала бы свое безсиліе. Она, разумѣется, не рѣшила этихъ вопросовъ и задачъ, поставленныхъ роковою гранью нашей любознательности, но воспитала въ европейской наукѣ

благородную пытливость и крѣпкую логику, составляющія ея отличительныя примѣты и главное условіе ея успѣховъ. Вотъ права схоластики на вѣчную признательность новыхъ поколѣній, хотя намъ нечему болѣе учиться въ огромныхъ фоліантахъ, которые содержатъ въ себѣ труды средневѣковыхъ мыслителей.

Изъ короткой характеристики, которую я имѣлъ честь вамъ представить, вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная дѣйствительностью мысль не обрѣтала покоя и въ той области, гдѣ, по настоящему, должны разрѣшаться всѣ противорѣчія нашего существованія, въ ясномъ сознаніи ихъ примиряющаго закона. Въ наукѣ шла та же борьба, что и въ жизни: въ концѣ XI столѣтія уже начался споръ между реалистами и номиналистами, отозвавшійся вскорѣ въ богословіи и получившій впослѣдствіи великое значеніе. Въ XIII вѣкѣ, т. е. въ эпоху, о которой мнѣ предстоитъ сегодня бесѣдовать съ вами, этотъ споръ перешелъ на другую почву. Парижскій университетъ, отстаивая логическій элементъ въ средневѣковой наукѣ, велъ ожесточенную борьбу съ мистическими стремленіями Францисканцевъ и Доминиканцевъ. О направленіи тогдашняго мистицизма можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ сочиненій генерала францисканскаго ордена, Іоанна Пармскаго. Онъ произноситъ безусловный приговоръ надъ свѣтскимъ государствомъ, надъ семействомъ, надъ собственностью, надъ внѣшнею дѣятельностью, и призываетъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной, дабы скорѣе совершились земныя судьбы человѣка. Папа долженъ былъ положить конецъ этимъ преніямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они находили сочувствіе внѣ школы, въ народныхъ массахъ, жадно принимавшихъ всякое новое ученіе, толкуя его сообразно своимъ понятіямъ. Въ началѣ XIII столѣтія подавлена была ересь Албигенская. Та же участь постигла нѣмецкихъ Штединговъ и разнообразныя, но равно враждебныя западной церкви секты, возникшія во Фландріи и въ Италіи. Папство одолѣло, опираясь на свѣтскія власти; но побѣжденныя ереси продолжали существовать втайнѣ, не отказывались отъ своихъ надеждъ и ждали только удобнаго случая, дабы возстать съ свѣжею силою. Неужели этому хаотическому, но исполненному безконечной энергіи міру суждено было истощить свои силы въ безвыходныхъ борьбахъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ? Отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество равно нуждаются въ порядкѣ и законѣ; для нихъ равно невыносимо безначаліе въ области несвязанныхъ никакимъ единствомъ явленій. Такое единство пытались дать средневѣковому міру вожди его: императоръ и папа. Поставленные развитіемъ исторіи и глубокимъ сознаніемъ нравственныхъ потребностей своего времени во главѣ общественнаго мнѣнія западной Европы, намѣстники Св. Петра стремились къ одной цѣли съ преемниками Карла Великаго. Но каждая изъ этихъ властей требовала себѣ первенства и главной роли въ задуманномъ дѣлѣ. Къ прежнимъ раздорамъ присоединился новый, котораго причиною была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римскимъ папамъ, ни германскимъ императорамъ не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и въ крестовыхъ походахъ. Это движеніе носитъ двоякій характеръ: съ одной стороны, оно было вызвано преобладаніемъ религіознаго чувства; съ другой, современнымъ состояніемъ европейскаго общества. Всѣ тогдашнія сословія съ равнымъ жаромъ устремились въ страну, освященную земною жизнью Искупителя, и каждое несло съ собою свои надежды. Каждое изъ нихъ думало осуществить, на той священной почвѣ, свой политическій идеалъ. Горожане и вилланы уходили отъ феодальнаго гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стѣсняясь обломками историческихъ учрежденій, уцѣлѣвшихъ въ Европѣ; идеаломъ клерика, возложившаго на себя знаменіе крестоносцевъ, было осократиче-

ское государство, не удавшееся Григорію VII. Цѣли эти не были достигнуты. Горько обманутые въ своихъ надеждахъ, народы запада перестали думать о завоеваніи Азіи и устремили свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы. Если бы Европу XIII столѣтія могла привести къ единству одна геніяльная личность, то задача была бы скоро рѣшена.

Въ такихъ личностяхъ не было недостатка. Вспомните о послѣднемъ императорѣ изъ дома Гогенштауфеновъ, о Фридрихѣ II. Эта странная, можно сказать, страдавшая избыткомъ силъ личность не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ не принадлежалъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ протягивалъ руку людямъ новаго времени. Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ, онъ стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ только идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, но всѣмъ безъ изъятія былъ онъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ. Я приведу здѣсь одинъ многознаменательный примѣръ. Послѣднее войско, которое Фридрихъ велъ въ 1250 г. противъ Рима, состояло большею частью изъ арабовъ и другихъ магометанскихъ наемниковъ. Надобно, однако, прибавить, что и римскіе первосвященники въ борьбѣ съ императорами не всегда употребляли средства, дозволенныя христіанскому пастырю.

Среди этихъ воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Людовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Людовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ ли дарованіяхъ?— Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи?—Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а, напротивъ, употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другаго рода. Позвольте мнѣ разсказать вамъ одно, исполненное дивной красоты, средневѣковое сказаніе. Это. сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерею; въ нее же пролилась Божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству,—однимъ словомъ, высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители „граля“. Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ тампліеровъ, странноприимцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество, слѣдовательно нѣчто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль среднихъ вѣковъ не могла быть вполнѣ удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣль-

пая личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначальному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. Примѣромъ могутъ служить тампліеры. Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Лудовика IX.

Лудовикъ былъ воспитанъ умною и строгою матерью своею, Бланкою Кастильскою. Всѣ четыре сына ея получили одно воспитаніе; но природныя наклонности взяли верхъ, и юноши вступили въ жизнь съ разными характерами. У нихъ была, впрочемъ, одна общая черта, состоявшая въ глубокомъ благочестіи. Но у Карла Анжуйскаго даже это высокое свойство обнаруживалось въ какой-то жестокой и мрачной формѣ. Современники, почти единогласно, говорятъ о его задумчивомъ и суровомъ нравѣ. По словамъ Дж. Виллани, онъ почти не спалъ, мало ѣлъ и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Лудовика IX, особенно замѣчательны два, изъ которыхъ я заимствовалъ большую часть подробностей предлагаемой вамъ характеристики. Я говорю здѣсь о „Запискахъ Жуанвиля“ и „Жизни Св. Лудовика“, написанной духовникомъ королевы Маргариты. Главная прелесть и оригинальность жуанвилевыхъ разсказовъ заключается въ рѣзко выдающейся противоположности между повѣствователемъ и его героемъ. Жуанвиль былъ храбрый рыцарь и, по тогдашнему времени, довольно начитанный человѣкъ, съ простымъ и даже нѣсколько прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Тѣмъ поразительнѣе для внимательнаго читателя тотъ поэтическій отпечатокъ, которымъ, вѣроятно, безъ воли и вѣдома автора, отличается его сочиненіе. Жуанвиль простодушно разсказываетъ все видѣнное имъ въ бытность его при Лудовикѣ; но поэзія предмета согрѣла его фразу, сообщила ей красоту и, порою, возвышенность, какихъ не было въ природѣ самого повѣствователя. Я думаю, что отношенія короля къ сенешалу Шампаніи нельзя лучше объяснить, какъ слѣдующимъ анекдотомъ. Однажды Лудовикъ, поучая бесѣдою вѣрнаго служителя, спросилъ у него: „что бы ты предпочелъ—смертный грѣхъ или проказу?“ „Лучше тридцать грѣховъ, чѣмъ проказу, поспѣшно отвѣчалъ рыцарь, къ крайней печали благочестиваго государя. Жуанвиля нельзя, однако, упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но онъ былъ не въ состояніи подняться до той высоты, на какой стоялъ причисленный западной церковью къ лику святыхъ король французскій. Читая дошедшія до насъ біографіи послѣдняго, нельзя не спросить себя: гдѣ находилъ онъ время для управленія государствомъ? Ежедневно посѣщалъ онъ всѣ божественныя службы, проводилъ значительную часть дня въ одинокой и горячей молитвѣ, немилосердно бичевалъ себя, читалъ творенія святыхъ отцовъ, охотно бесѣдовалъ съ учеными богословами и вообще съ людьми, посвятившими себя наукѣ. Онъ повѣрялъ имъ свои сомнѣнія и требовалъ отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, смущавшихъ его душу. Но не въ однѣхъ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ высказывалось глубоко-религіозное настроеніе этой души. Нужно ли говорить о его щедрости къ бѣднымъ, о его частыхъ посѣщеніяхъ больницъ, о выстроенныхъ имъ храмахъ? Не безъ ужаса разсказываютъ современники о бѣдствіяхъ, поразившихъ крестоносцевъ въ Египтѣ. Испорченные, отвратительные видомъ и запахомъ трупы умершихъ отъ язвы воиновъ остались бы непогребенными на чужой землѣ, ибо испуганное духовенство отказывало имъ въ послѣднемъ христіанскомъ обрядѣ. Король, собственнымъ примѣромъ, пристыдилъ малодушныхъ и заставилъ ихъ исполнять тяжкій долгъ, присутствуя лично при каждомъ отпѣваніи. Тѣла умершихъ братій не внушали ему омерзенія.

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какъ сильно свирѣпствовала въ средніе вѣка страшная болѣзнь, которую называютъ проказою. Люди, пораженные этимъ недугомъ, навсегда отлучались отъ общества; церковь разрывала, посредствомъ особеннаго обряда, ихъ связи съ остальнымъ міромъ; жилища, гдѣ ихъ обыкновенно содержали, были предметомъ общаго страха. Но Лудовикъ не раздѣлялъ и въ этомъ случаѣ общаго чувства: онъ ходилъ за прокаженными и собственными руками омывалъ ихъ язвы. Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ такого рода, но боюсь, что вамъ трудно будетъ выслушать безъ содроганія простое описаніе этихъ дѣлъ царственнаго подвижника. Зато западные народы предупредили римскаго первосвященника и, еще при жизни Лудовика, назвали его святымъ. Слава его не ограничилась, впрочемъ, Западною Европою; она проникла на востокъ: послы изъ Арменіи приходили въ лагерь крестоносцевъ и просили о дозволеніи видѣть святаго короля.

Посмотримъ на Лудовика IX съ другой стороны. Мы увидимъ, что вся жизнь его, во всѣхъ ея направленіяхъ, проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды. Поставленный среди воинственныхъ поколѣній, для которыхъ высшею цѣлью дѣятельности была военная слава, Лудовикъ не любилъ войны. Онъ не отличался той блестящею, безъ нужды вызывавшею опасности отвагою, которая составляла одну изъ принадлежностей рыцарства; его мужество было спокойное и холодное. Оно вытекало изъ обдуманнаго убѣжденія и не было слѣдствіемъ страсти. Первыя войны свои онъ велъ съ англичанами и мятежными вассалами. Лудовикъ одолѣлъ и тѣхъ и другихъ, возстановилъ нарушенныя права свои, но довольствовался непосредственнымъ результатомъ побѣды, и не подумалъ о распространеніи власти или владѣній. Еще менѣе могла соблазнить его возможность отмстить врагамъ. Съ раннихъ лѣтъ мысль его была занята войнами въ Палестинѣ, гдѣ христіанскому рыцарю открывалось поприще, вполнѣ достойное его подвиговъ. Я не буду повторять всѣмъ извѣстныхъ подробностей о его крестовыхъ походахъ, но есть черты, которыхъ нельзя пропустить, потому что онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ великаго короля. Въ то время, когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли до высочайшей степени, и не было болѣе спасенія войску, запертому между Ниломъ и мамелюками, Лудовикъ отказался отъ предложеннаго ему средства возвратиться одному въ крѣпкую Даміету, гдѣ его ожидала совершенная безопасность. Въ плѣну у мамелюковъ, среди ужасовъ и страданій всякаго рода, онъ одинъ, изъ всѣхъ французскихъ рыцарей, сохранилъ полное спокойствіе и ясность духа. Вскорѣ послѣ пораженія крестоносцевъ, мамелюки возстали на своего султана, убили его и съ дикими воплями бросились къ своимъ плѣнникамъ. Одинъ изъ убійцъ показалъ Лудовику вырванное у погибшаго султана сердце и спросилъ: „что дашь ты мнѣ за сердце врага твоего?“ Король молча отвернулся. Прочіе христіане думали, что насталъ ихъ послѣдній часъ, и готовились къ смерти. Жуанвиль откровенно признается, что не могъ принести должнаго покаянія, потому что не могъ отъ страха припомнить ни одного грѣха. „По той же причинѣ не помню я ничего изъ сказаннаго мнѣ тогда конетаблемъ кипрскимъ,“ прибавляетъ простодушный біографъ Лудовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытное, какъ выраженіе народной мысли. Въ Европѣ разнесся слухъ, что мамелюки, убивъ своего султана, предложили его мѣсто Лудовику IX. На возвратномъ пути съ востока, галера, на которой плылъ французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подвергалась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ: есть ли на

новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ. „Я знаю, сказалъ онъ, что, спасши меня и семейство мое, вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ“. Понятно, почему народъ заживо называлъ его святымъ. Послѣднее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса. Лудовикъ былъ боленъ, и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвиль часто долженъ былъ носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели, повидимому, неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешала: онъ не принималъ участія въ африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Лудовика, умершаго подъ стѣнами Туниса. Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Лудовика IX. Онъ былъ рыцарь, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ значеніи этого слова, и полагалъ конечною цѣлью войны торжество истинной вѣры и возстановленіе нарушеннаго права.

Политическая дѣятельность Лудовика IX не разъ подвергалась не только нареканію, но и насмѣшкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность не можетъ не показаться странною, если мы будемъ разбирать ее съ точки зрѣнія обыкновеннаго житейскаго благоразумія, опредѣляющаго достоинство поступковъ ихъ непосредственнымъ успѣхомъ или неудачею. Внукъ Филиппа Августа началъ съ того, что усумнился въ законности своихъ правъ и подвергъ ихъ строгому испытанію. Предшественники его не могли быть очень разборчивы въ выборѣ средствъ и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ утвержденію своей власти. Лудовикъ предложилъ себѣ вопросъ: на какомъ основаніи Капетинги владѣли землями, перешедшими къ нимъ отъ другихъ владѣльцевъ? Болѣе всего тревожило его сомнѣніе относительно областей, отнятыхъ его дѣдомъ у Іоанна Безземельнаго. Онъ положилъ конецъ этой внутренней тревогѣ договоромъ 1258 года, по которому добровольно возвратилъ сыну Іоаннову, Генриху III, четыре богатыя провинціи. На возраженія своихъ совѣтниковъ, Лудовикъ отвѣчалъ, что онъ отказывается отъ этихъ провинцій, потому что онѣ незаконно ему достались, и для того, чтобы Генрихъ былъ ему настоящимъ ленникомъ. Чтобы понять глубокій смыслъ этого отвѣта, надобно составить себѣ ясное понятіе о родѣ отношеній, существовавшихъ между феодальнымъ господиномъ и его вассаломъ. Ленная связь состояла не изъ однихъ юридическихъ условій, но заключала въ себѣ чисто нравственное начало обоюдной вѣрности и любви. Отсюда происходили частыя нарушенія этой связи, которую Лудовикъ хотѣлъ поднять до ея высшаго духовнаго значенія. Разумѣется, что такое идеальное стремленіе не могло быть всѣми понято по достоинству и встрѣтило много порицателей среди общества, привыкшаго къ насилію. Стоитъ заглянуть въ пѣсни трувера Рютбефа. Даже въ глазахъ простаго народа, кротость благочестиваго государя принимала иногда видъ слабости. „Ты не король, а монахъ“, сказала однажды Лудовику женщина, получившая отказъ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенныхъ Генриху III областей не могли простить Лудовику этой уступки и долго не признавали установленнаго, въ честь его, западною церковью праздника. Замѣчательно также враждебное отношеніе къ нему скептической, проникнутой античными стихіями Италіи. Граждане Флоренціи явно обнаружили неприличную христіанамъ радость, при полученіи извѣстій о пораженіи и плѣнѣ крестоносцевъ подъ Мансурою. Но огромное большинство европейскаго населенія глубоко чтило Лудовика, хотя, вѣроятно, не въ состояніи было вполнѣ оцѣнить всю чистоту и все безкорыстіе его намѣреній.

Лудовикъ IX обратилъ особенное вниманіе на судебное устройство

Франціи. Нигдѣ не обнаруживались такъ ясно недостатки феодальнаго государства, какъ въ этой сферѣ. Коренное, основанное на глубокомъ раздѣленіи сословій, начало средневѣковаго суда было очень просто: каждый долженъ быть судимъ судомъ своихъ перовъ, т. е. людей, равныхъ ему по происхожденію. Дѣла вассаловъ разбирались при дворѣ ихъ леннаго господина и подъ его предсѣдательствомъ, судомъ, составленнымъ изъ перовъ, истца и отвѣтчика. Но бароны неохотно исполняли эту часть своихъ феодальныхъ обязанностей и уклонялись отъ судебныхъ съѣздовъ, сопряженныхъ съ разными неудобствами и даже опасностью. Недовольный приговоромъ, подсудимый нерѣдко вызывалъ на поединокъ не только противника, но свидѣтелей и судей. Большая часть тяжбъ рѣшалась судебнымъ поединкомъ, который взялъ верхъ надъ всѣми другими доказательствами. Лудовикъ запретилъ прибѣгать къ этому средству въ собственныхъ и въ церковныхъ владѣніяхъ. Власть феодальныхъ судовъ была ограничена опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, которые исключительно подлежали разбору судовъ королевскихъ. Сверхъ того, лица, недовольныя рѣшеніемъ мѣстныхъ феодальныхъ судовъ, получили право жалобы, т. е. апелляціи въ суды королевскіе. Если бы кто-нибудь изъ первыхъ Капетинговъ задумалъ такое нововведеніе, то встрѣтилъ бы упорное, вѣроятно, неодолимое сопротивленіе. Исчисленныя мною мѣры Лудовика не вызвали, однако, сильнаго противодѣйствія, потому что онъ лично внушалъ неограниченное довѣріе, и никто не подозрѣвалъ его въ честолюбивыхъ разсчетахъ, въ намѣреніи усилить власть свою къ ущербу другихъ. Въ тѣсной связи съ судебнымъ поединкомъ находилось право феодальной войны. Когда два владѣльца ссорились между собою и начинали войну, то въ ней, обыкновенно, принимали участіе всѣ ихъ родственники и друзья. Такимъ образомъ, мелкая распря, вспыхнувшая на одномъ концѣ Франціи, немедленно отзывалась на другомъ. Король постановилъ, приводя, кажется, въ исполненіе мысль, принадлежавшую его дѣду, чтобы отнынѣ между поводомъ къ войнѣ и ея началомъ протекало 40 дней (la quarantaine du roi); нарушитель постановленія подлежалъ наказанію, какъ государственный измѣнникъ. Этимъ не ограничился законодатель: онъ предоставилъ каждому члену феодальнаго сословія право обращаться прямо къ верховной власти, въ случаѣ предстоявшей ему борьбы съ противникомъ, болѣе сильнымъ или богатымъ. Разумѣется, такой переворотъ въ укоренившихся привычкахъ средневѣковой аристократіи не могъ совершиться разомъ: для этого нужно было много времени и усилій, но Лудовикъ IX подалъ примѣръ, отъ котораго не отступали болѣе его преемники. Его постановленія относительно судебныхъ поединковъ и частныхъ войнъ легли въ основаніе позднѣйшаго законодательства. Помощниками Лудовика въ этихъ преобразованіяхъ были пользовавшіеся его особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ ученые юристы. Преобразованія, которыхъ они были виновниками, конечно, не входили въ виды короля, думавшаго только объ облагороженіи и прочнѣйшемъ утвержденіи феодальныхъ учрежденій большею правдою и нравственностью. Онъ зналъ, что рыцари—плохіе судьи, и замѣнялъ ихъ, по возможности, людьми, изучавшими право, какъ науку. Послѣдствія обнаружились уже по смерти Лудовика. Выведенные имъ на поприще практической дѣятельности, юристы составили цѣлое сословіе, непріязненное идеямъ и формамъ средняго вѣка. Они противопоставили строго-логическія и общеприложимыя опредѣленія римскаго права мѣстнымъ и своенравнымъ обычаямъ, которые развились въ основанныхъ германцами государствахъ западной Европы. Они засудили средневѣковое папство въ лицѣ Бонифація VIII, духовное рыцарство—въ тампліерахъ. Феодальное дворянство и община равно испытали ихъ вліяніе. Судьба французскихъ юристовъ XIV и XV столѣтій не лишена нѣкотораго

трагическаго величія и поэзіи. Стараясь создать крѣпкую и стройную монархію, по образу Римской имперіи, они должны были вести постоянную и жестокую борьбу съ непривыкшими подчинять себя государственнымъ цѣлямъ силами феодально-общиннаго міра. Почти каждый новый король принужденъ былъ жертвовать вѣрнѣйшими совѣтниками своего предшественника ненависти вассаловъ, смутно понимавшихъ, что дѣло шло объ ихъ независимости. Но упраздненныя такимъ образомъ мѣста въ совѣтѣ и судахъ королевскихъ недолго оставались порожними. Сынъ казненнаго клерка смѣло садился на мѣсто отца и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и направленіи, не заботясь, повидимому, о предстоявшей ему участи. Лудовикъ IX не могъ предвидѣть политическаго значенія, какое получили впослѣдствіи юристы Римскаго права, и дорожилъ только ихъ судебною дѣятельностью. Не считаю нужнымъ повторять вамъ слишкомъ извѣстный разсказъ Жуанвиля о томъ, какъ король, окруженный мужами, опытными въ наукѣ права, самъ рѣшалъ тяжбы своихъ подданныхъ и произносилъ приговоры подъ знаменитымъ Венсенскимъ дубомъ. Король и правда сдѣлались въ то время однозначущими словами для Франціи. Въ цѣломъ государствѣ, кромѣ его, не было нелицепріятнаго судьи, потому что онъ одинъ стоялъ внѣ или, лучше сказать, выше всякихъ корыстныхъ стремленій. Идея монархической власти, облекалась въ нравственное сіяніе неподкупнаго правосудія.

Мы видѣли глубоко-религіозное настроеніе Лудовиковой души. Можно бы подумать, что слѣдствіемъ такого настроенія была излишняя уступчивость сословію, которое въ западной Европѣ нерѣдко теряло изъ виду свое священное призваніе и предавалось чисто мірскимъ исканіямъ и помысламъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ королей французскихъ не оказывалъ большаго уваженія къ духовенству и не хранилъ такъ бережно его права, какъ Лудовикъ IX; но, съ другой стороны, немногіе умѣли такъ твердо отстаивать права свѣтской власти. Въ спорѣ между императоромъ и папою, Лудовикъ громко порицалъ послѣдняго. Когда французскіе епископы жаловались ему, что отлученіе отъ церкви не производитъ достаточнаго дѣйствія, онъ отвѣчалъ: „не отлучайте отъ церкви ради корыстныхъ разсчетовъ и страстей вашихъ, и тогда я буду готовымъ исполнителемъ вашихъ приговоровъ“. Для всякаго другаго государя, кромѣ Св. Лудовика, распри съ духовенствомъ могли быть въ то время опасны. Къ чести папъ надобно сказать, что они почти всегда были на сторонѣ благочестиваго короля противъ честолюбивыхъ епископовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ извѣстій о такъ называемой прагматической санкціи, которою Лудовикъ будто бы опредѣлилъ духовныя отношенія Франціи къ Римскому двору. Вопросъ о подлинности этого акта еще не рѣшенъ окончательно. Но, допустивъ даже подлогъ, нельзя не признать, что въ этомъ памятникѣ высказалось только общественное мнѣніе о томъ, какъ поступалъ бы Лудовикъ IX при разграниченіи правъ своихъ съ правами папы и духовенства.

Но отчего же, среди столь обширной и богатой результатами дѣятельности, это благородное лицо носитъ почти постоянное выраженіе внутренней глубокой грусти? Въ дружескихъ разговорахъ Лудовика съ Жуанвилемъ, въ бесѣдахъ его съ учеными, которыми онъ любилъ окружать себя, въ дошедшихъ до насъ словахъ его молитвы—часто слышится скорбный голосъ души, недовольной дѣйствительностью, не обрѣтшей въ ней удовлетворенія своимъ требованіямъ. Нигдѣ это чувство не высказалось такъ просто, какъ въ слѣдующихъ словахъ духовника королевы Маргариты. Позвольте мнѣ привести это мѣсто въ подлинникѣ; я боюсь испортить его переводомъ: „Li benoiez rois désirroit merveilleusement grâce de larmes, et se compleignoit à son confesseur de ce que larmes li défailloient, et li disoit débon-

nérement, humblement et privéement, que quant l'on disoit en la litanie ces moz: Biau sire Diex, nous te prions que tu nous doignes fontaine de larmes, li sainz rois disoit devotement: O sire Diex, je n'ose requerre fontaine de larmes; ainçais me soufisissent petites gouttes de larmes à arouser la sécheresse de mon coeur... Et aucune fois reconnut-il à son confesseur privéement que aucune fois li donna à nostre sir larmes en avoison: les quelles, quant li les sentoit courre per sa face souef (doucement), et entrer dans sa bouche, elles li semblaint si savoureuses et très douces, non pas seulement au cuer, més a la bouche". Недовольный міромъ, Лудовикъ нѣсколько разъ обнаруживалъ намѣреніе отказаться отъ власти и искать покоя въ стѣнахъ монастыря. Но жизнь, которую онъ велъ во дворцѣ своемъ, была такъ чиста и строга, что могла служить достойнымъ образцомъ для тогдашняго духовенства. Государственная дѣятельность не тяготила Лудовика, ибо онъ, по преимуществу, былъ мужемъ долга и подвига. Въ отношеніяхъ его къ семейству раскрывались не внесенныя нами въ эту краткую характеристику свойства нѣжной и любящей души, которой суждено было совмѣстить всѣ добродѣтели государя, рыцаря, инока и простаго гражданина.

Скорбь Св. Лудовика исходила изъ сознанія непрочности того міра, на поддержаніе котораго онъ употребилъ лучшія свои силы. Онъ не могъ не чувствовать несостоятельности средневѣковыхъ формъ жизни. Поддерживая одной рукою разлагавшійся порядокъ вещей, Лудовикъ IX другою закладывалъ зданіе новой гражданственности. Собственнымъ чувствомъ права и введеніемъ въ суды юристовъ, проникнутыхъ идеями римскаго законодательства, онъ убилъ феодальную неправду. Святостью жизни и нравственною чистотою онъ осуществилъ самый возвышенный изъ нравственныхъ идеаловъ средняго вѣка, но чрезъ это самое укрѣпилъ монархію, полное развитіе которой было несовмѣстно съ сохраненіемъ средневѣковыхъ учрежденій, потому что за ними каждое сословіе укрывало свои корыстныя и исключительныя притязанія. Народъ привыкъ видѣть въ королѣ верховнаго, чуждаго всякаго пристрастія, судью. Въ великія эпохи своей исторіи, во дни блестящихъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній, французскіе короли называли себя не даромъ сынами Св. Лудовика. Его дѣломъ было нравственное значеніе Французской монархіи. Предшественники его дѣйствовали силою и искусствомъ; къ этимъ двумъ орудіямъ онъ присоединилъ третье—право. Онъ внушалъ къ монархическому началу довѣріе, котораго долго не могли поколебать ни грѣхи, ни несчастія его преемниковъ. Читая нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ его царствованія и смотря на нихъ съ современной намъ точки зрѣнія, нельзя иногда не удивиться жестокости наказаній, опредѣленныхъ за проступки, которые нынѣ караются только общественнымъ презрѣніемъ. Но въ такихъ случаяхъ Лудовикъ IX былъ вѣренъ основному началу своей дѣятельности: онъ смотрѣлъ на государство, какъ на христіанскую общину, и не давалъ въ немъ мѣста грѣху. Въ сферѣ науки онъ допускалъ споръ и разногласіе, самъ посѣщалъ аудиторіи Парижскаго университета и охотно слушалъ лекціи и пренія знаменитыхъ наставниковъ. Но споръ съ еретиками, обличеніе ихъ словомъ, предоставлялъ онъ исключительно ученымъ; мірянинъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ, по его мнѣнію, дѣйствовать однимъ мечомъ, не подвергая своего беззащитнаго ума ненужному искушенію.

Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ

смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былаго. Зато за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Большее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники. Къ числу такихъ принадлежитъ Лудовикъ IX. Онъ былъ завершителемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйшихъ идеаловъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ, не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданный и невѣдомый имъ выводъ. Счастливъ тотъ, кто носитъ въ себѣ благое убѣжденіе и можетъ заявить его внѣшнимъ дѣломъ! На великихъ и на малыхъ, незамѣтныхъ простому глазу, дѣятеляхъ исторіи лежитъ общее всѣмъ людямъ призваніе трудиться въ потѣ лица. Но они несутъ отвѣтственность только за чистоту намѣреній и усердіе исполненія, а не за далекія послѣдствія совершеннаго ими труда. Онъ ложится въ исторію, какъ таинственное сѣмя. Всходъ, богатство и время жатвы принадлежатъ Богу. Не будемъ же ставить въ вину Лудовику IX его заблужденіе. Думая поддержать феодальное государство, онъ влагалъ въ него несродныя ему начала и готовилъ великую монархію Лудовика XIV. Онъ не докончилъ своего личнаго дѣла и не видалъ его завершенія, подобно тѣмъ средневѣковымъ зодчимъ, которые завѣщали новому времени недостроенные, полные чудной и таинственной красоты, готическіе соборы.

Библіотека Варшавской
Учительской семинаріи
№

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

Къ стр. 71.

И. А. Гончаровъ.

(род. 1813).

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ: „ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА“.

Лондонъ.

Мнѣ хотѣлось путешествовать не оффиціально, не пріѣхать и „осматривать“, а жить и смотрѣть на все, не насилуя наблюдательности, не задавая себѣ утомительныхъ уроковъ осматривать ежедневно, съ *гидомъ* въ рукахъ, по стольку-то улицъ, музеевъ, зданій, церквей. Отъ такого путешествія остается въ головѣ хаосъ улицъ, памятниковъ, да и то не надолго.

Вообще большая ошибка—стараться собирать впечатлѣнія: соберешь, чего не надо, а что надо, то ускользнетъ. Если путешествуешь не для спеціальной цѣли, нужно, чтобы впечатлѣнія нежданно и незванно сами собирались въ душу; и къ кому они такъ не ходятъ, тотъ лучше не путешествуй. Оттого я довольно равнодушно пошелъ вслѣдъ за другими въ британскій музеумъ, по сознанію только необходимости видѣть это колоссальное собраніе рѣдкостей и предметовъ знанія. Мы цѣлое утро осматривали ниневійскія древности, этрусскія, египетскія и другія залы, потомъ змѣй, рыбъ, насѣкомыхъ, почти все то, что есть и въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Мадритѣ. А между тѣмъ времени лишь было столько, чтобы взглянуть на Англію и на англичанъ. Оттого меня тянуло все на улицу, хотѣлось побродить не между муміями, а среди живыхъ людей.

Я съ неиспытаннымъ наслажденіемъ вглядывался во все, заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ домы, уходилъ въ предмѣстья, на рынки, смотрѣлъ на всю толпу и на каждаго встрѣчнаго отдѣльно. Чѣмъ смотрѣть на сфинксы и обелиски, мнѣ лучше нравится простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и смотрѣть, какъ встрѣтятся два англичанина, сначала попробуютъ оторвать другъ у друга руку, потомъ освѣдомятся взаимно о здоровьѣ и пожелаютъ одинъ другому всякаго благополучія; смотрѣть ихъ походку или какую-то иноходь, и эту важность до комизма на лицѣ, выраженіе глубокаго уваженія къ самому себѣ, нѣкотораго презрѣнія, или, по крайней мѣрѣ, холодности къ другому, по благоговѣнія къ толпѣ, то есть къ обществу. Съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная,

тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, какъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою нитью, или какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только полисменъ съ тротуара подниметъ руку.

Въ тавернахъ, въ театрахъ,—вездѣ пристально смотрю, какъ и что дѣлаютъ, какъ веселятся, ѣдятъ, пьютъ; слѣжу за мимикой, ловлю эти неуловимые звуки языка, которымъ, волей-неволей, долженъ объясняться съ грѣхомъ пополамъ, благословляя судьбу, что когда-то учился ему: иначе, хоть не заглядывай въ Англію. Здѣсь, какъ о рѣдкости, возвѣщаютъ крупными буквами на окнахъ магазиновъ: ісі on parle français.. Да, путешествовать съ наслажденіемъ и съ пользой—значитъ—пожить въ странѣ и хоть немного слить свою жизнь съ жизнью народа, который хочешь узнать: тутъ непремѣнно проведешь параллель, которая и есть искомый результатъ путешествія. Это вглядываньс, вдумываньс въ чужую жизнь, въ жизнь ли цѣлаго народа, или одного человѣка, отдѣльно, даетъ наблюдателю такой общечеловѣческій и частный урокъ, какого ни въ книгахъ, ни въ какихъ школахъ не отыщешь. Недаромъ, еще у древнихъ необходимымъ условіемъ усовершенствованнаго воспитанія считалось путешествіе. Унасъ оно сдѣлалось роскошью и забавою. Пожалуй, безъ приготовленія да еще безъ воображенія, безъ наблюдательности, безъ идеи, путешествіе, конечно, только забава. Но счастливъ, кто можетъ и забавляться такою благородною забавой, въ которой нехотя чему-нибудь да научишься! Вотъ Regentstreet, Oxfordstreet, Trafalgarplace—не живыя ли это черты чужой физіономіи, на которой движется современная жизнь, и не звучитъ ли въ именахъ память прошедшаго, повѣтствуя на каждомъ шагу, какъ слагалась эта жизнь? Что въ этой жизни схожаго и что несхожаго съ нашей?.. Воля ваша, какъ кто ни расположенъ только забавляться, а, бродя въ чужомъ городѣ и народѣ, не сможетъ отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ и закрыть глаза на то, чего не видалъ у себя.

Бродя среди живой толпы, отыскивая всюду жизнь, я, между прочимъ, наткнулся на великолѣпное прошедшее: на Вестминстерское аббатство, и былъ счастливѣе въ это утро. Такіе народные памятники—тѣ же страницы исторіи, но тѣсно связанныя съ текущею жизнью. Ихъ, конечно, надо учить наизустъ, да они и сами такъ властительно ложатся въ память. Впрочемъ, глядя на это аббатство, я даже забылъ исторію—оно произвело на меня впечатлѣніе чисто эстетическое. Меня поразилъ готическій стиль въ этихъ колоссальныхъ размѣрахъ. Я же былъ во время службы, съ пѣвчими, при звукахъ великолѣпнаго органа. Фантастическое освѣщеніе цвѣтныхъ стеколъ въ стрѣльчатыхъ окнахъ, полумракъ по угламъ, бѣлыя статуи великихъ людей въ нишахъ и безмолвная, почти не дышащая толпа молящихся—все это образуетъ одно общее, грандіозное впечатлѣніе, отъ котораго долго слышится какая-то музыка въ нервахъ.

Лондонъ, по преимуществу, городъ поучительный, то-есть нигдѣ, я думаю, нѣтъ такого множества средствъ пріобрѣсть дешево и незамѣтно всякихъ знаній. Безконечное утро, съ девяти часовъ до шести, промелькнетъ—не видишь какъ. На каждомъ шагу манятъ отворенныя двери зданій, гдѣ увидишь что-нибудь любопытное: машину, рѣдкость, услышишь лекцію естественной исторіи. Есть учрежденіе, гдѣ показываютъ результаты всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній: дѣйствіе паровъ, образчикъ воздухоплаванія, движенія разныхъ машинъ. Есть особое временное зданіе, въ которомъ помѣщенъ громадный глобусъ. Части свѣта представлены рельефно, не снаружи шара, а внутри. Зрители входятъ по лѣстницѣ и останавливаются на трехъ площадкахъ, чтобы осмотрѣть всю землю.. Ихъ сопровождаетъ профессоръ, который читаетъ бѣглую лекцію географіи, естественной исторіи и полити-

ческаго раздѣленія земель. Мало того: тутъ же, въ залѣ, есть замѣчательный географическій музей, преимущественно, Англіи и ея колоній. Тутъ цѣлыя страны изъ гипса, съ выпуклыми изображеніями горъ, морей, и потомъ всѣ пособія къ изученію всеобщей географіи: карты, книги, начиная съ младенческихъ временъ географіи, съ аравитянъ, римлянъ, грековъ; карты отъ Марка Паоло до нашихъ временъ. Есть библіографическія рѣдкости.

Самый британскій музеумъ—о которомъ я такъ неблагосклонно отозвался за то, что онъ поглотилъ меня на цѣлое утро въ своихъ громадныхъ сумрачныхъ залахъ, когда мнѣ хотѣлось на свѣтъ Божій, смотрѣть все живое—онъ развѣ не есть огромная сокровищница, въ которой, не только ученый, художникъ, даже просто фланеръ, зѣвака, почерпаетъ какое-нибудь знаніе, уйдетъ съ идеей обогатить память свою не однимъ фактомъ? И сколько такихъ заведеній по всѣмъ частямъ, и почти даромъ! Между прочимъ, я посвятилъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, цѣлое утро обозрѣнію зоологическаго сада. Здѣсь уже я видѣлъ не муміи и не чучелы животныхъ, какъ въ музеумѣ, а живую тварь, собранную со всего міра. Здѣсь, до значительной степени, можно наблюдать нѣкоторыя стороны жизни животныхъ почти въ естественномъ состояніи. Это—постоянная лекція, наглядная, осязательная, въ лицахъ, со всѣми подробностями, и отличная прогулка въ то же время. Сверхъ того, всякому посѣтителю въ этой прогулкѣ предоставлено полное право наслаждаться сознаніемъ, что онъ „царь творенія“—и все это за шиллингъ.

Наконецъ, если нечего больше осматривать, осматривайте просто магазины: многіе изъ нихъ тоже своего рода музеи—товаровъ.

Силуэтъ англичанина и русскаго.

Въ Лондонѣ все стремится къ тому, чтобъ устроить образъ жизни какъ можно проще, удобнѣе и комфортабельнѣе. Сколько выдумокъ для этого, сколько потрачено генія изобрѣтательности на машинки, пружинки, таблицы и другіе остроумные способы, чтобъ человѣку было просто и хорошо жить! Если обстановить этими выдумками, машинками, пружинками и таблицами жизнь человѣка, то можно въ pendent къ вопросу о томъ: „достовѣрнѣе ли стала исторія съ тѣхъ поръ, какъ размножились ея источники?“—поставить вопросъ: „удобнѣе ли стало жить на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ размножились удобства?“

Новѣйшій англичанинъ не долженъ просыпаться самъ; еще хуже, если его будитъ слуга: это варварство, отсталость, и, притомъ, слуги дороги въ Лондонѣ. Онъ просыпается по будильнику. Умывшись посредствомъ машинки и надѣвъ вымытое паромъ бѣлье, онъ садится къ столу, кладетъ ноги въ назначенный для того ящикъ, обитый мѣхомъ, и готовитъ себѣ, съ помощію пара же, въ три секунды бифстексъ или котлету, и заливаетъ чаемъ, потомъ принимается за газету. Это тоже удобство—одолѣть листъ „Times“ или „Herald“: иначе онъ будетъ глухъ и нѣмъ цѣлый день. Кончивъ завтракъ, онъ по одной таблицѣ припоминаетъ, какое число и какой день сегодня, справляется, что̀ дѣлать, беретъ машинку, которая сама дѣлаетъ выкладки: припоминать и считать въ головѣ неудобно. Потомъ идетъ со двора. Я не упоминаю о томъ, что двери передъ нимъ отворяются и затворяются взадъ и впередъ почти сами. Ему надо побывать въ банкѣ, потомъ въ трехъ городахъ, поспѣть на биржу, не опоздать въ засѣданіе парламента. Онъ все сдѣлалъ, благодаря удобствамъ. Вотъ онъ, поэтическій образъ, въ чер-

номъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, обритый, остриженный, съ удобствомъ, то-есть съ зонтикомъ подъ мышкой, выглядываетъ изъ вагона, изъ кэба, мелькаетъ на пароходахъ, сидитъ въ тавернѣ, плыветъ по Темзѣ, бродитъ въ музеумѣ, скачетъ въ паркѣ! Въ промежуткахъ онъ успѣлъ посмотрѣть травлю крысъ, какіе-нибудь мостки, купилъ колодки отъ сапогъ дюка. Мимоходомъ съѣлъ высиженнаго паромъ цыпленка, внесъ фунтъ стерлинговъ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ того, покойный сознаніемъ, что онъ прожилъ день по всѣмъ удобствамъ, что видѣлъ много замѣчательнаго, что у него есть дюкъ и паровые цыплята, что онъ выгодно продалъ на биржѣ партію бумажныхъ одѣялъ, а въ парламентѣ—свой голосъ, онъ садится обѣдать, и, вставъ изъ-за стола несовсѣмъ твердо, вѣшаетъ къ шкафу и бюро неотпираемые замки, снимаетъ съ себя машинкой сапоги, заводитъ будильникъ и ложится спать. Вся машина засыпаетъ.

Облако англійскаго тумана, пропитанное паромъ и дымомъ каменнаго угля, скрываетъ отъ меня этотъ образъ. Оно проносится, и я вижу другое. Вижу гдѣ-то далеко отсюда, въ пространной комнатѣ, на трехъ перинахъ, глубоко-спящаго человѣка: онъ и обѣими руками, и одѣяломъ закрылъ себѣ голову, но мухи нашли свободныя мѣста, кучками усѣлись на щекѣ и на шеѣ. Спящій не тревожится этимъ. Будильника нѣтъ въ комнатѣ, но есть дѣдовскіе часы: они каждый часъ свистѣньемъ, хрипѣньемъ и всхлипываньемъ пробуютъ нарушить этотъ сонъ—и все напрасно. Хозяинъ мирно почиваетъ; онъ не проснулся когда, посланная отъ барыни Парашка будитъ къ чаю, послѣ троекратнаго тщетнаго зова, потолкала спящаго, хотя женскими, но довольно жесткими кулаками въ ребра; даже когда слуга, въ деревенскихъ сапогахъ, на солидныхъ подошвахъ, съ гвоздями, трижды входилъ и выходилъ, потрясая половицы. И солнце обжигало сначала темя, потомъ високъ спящаго—и все почивалъ онъ. Неизвѣстно, когда проснулся бы онъ самъ собою, развѣ когда не стало бы уже человѣческой мочи спать, когда нервы и мускулы настойчиво потребовали бы дѣятельности. Онъ пробудился оттого, что ему приснился дурной сонъ: его кто-то началъ душить во снѣ, но вдругъ раздался отчаянный крикъ пѣтуха подъ окномъ—и баринъ проснулся, обливаясь потомъ. Онъ побранилъ было пѣтуха, этотъ живой будильникъ, но, взглянувъ на дѣдовскіе часы, замолчалъ. Проснулся онъ, сидитъ и недоумѣваетъ, какъ онъ такъ заспался, и не вѣритъ, что его будили, что солнце ужъ высоко, что прикащикъ два раза приходилъ за приказаніями, что самоваръ трижды прокипѣлъ.—„Что вы нейдете сюда?“ ласково говоритъ ему голосъ изъ другой комнаты.

— „Да вотъ одного сапога не найду,—отвѣчаетъ онъ, шаря ногой подъ кроватью,—и панталоны куда-то запропастились“.—„Гдѣ Егорка?“ Справляются на счетъ Егорки и узнаютъ, что онъ отправился рыбу ловить бреднемъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ любителей изъ дворовыхъ людей. И пока бѣгутъ, не спѣша, за Егоркой на прудъ, а Ваньку отыскиваютъ по заднимъ дворамъ, или Митьку извлекаютъ изъ людской, баринъ мается, сидя на постели, съ однимъ сапогомъ въ рукахъ, и сокрушается объ отсутствіи другаго. Но все приведено въ порядокъ: сапогъ еще съ вечера затанцила въ уголъ подъ диванъ Мимишка, а панталоны оказались висящими на дровахъ, гдѣ, второпяхъ, забылъ ихъ Егорка, чистившій платье и внезапно приглашенный товарищами участвовать въ рыбной ловлѣ. Сильно бы вымыли ему голову, но Егорка принесъ къ обѣду цѣлую корзинку карасей, сотни двѣ раковъ, да еще барченку сдѣлалъ дудочку изъ камыша, а барышнѣ досталъ два водяные цвѣтка, за которыми, чуть не съ опасностью жизни, лазилъ, по горло въ воду, на средину пруда. Напившись чаю, приступаютъ къ завтраку: подадутъ битаго мяса со сметаной, сковороду грибовъ или каши, разогрѣ-

ютъ вчерашнее жаркое, дѣтямъ изготовятъ манный супъ—всякому найдутъ что-нибудь по вкусу. Наступаетъ время дѣятельности. Барину по городамъ ѣздить не нужно: онъ ѣздитъ въ городъ только на ярмарку разъ въ годъ, да на выборы: и то, и другое еще далеко. Онъ беретъ календарь, справляется, какого святаго въ тотъ день, нѣтъ ли именинниковъ, не надо ли послать поздравить. Отъ сосѣда за прошлый мѣсяцъ привезутъ всѣ газеты разомъ, и цѣлый домъ запасается новостями надолго. Пора по работамъ; пришелъ приказчикъ—въ третій разъ.

— Что скажешь, Прохоръ?—говорилъ баринъ небрежно. Но Прохоръ ничего не говоритъ; онъ еще небрежнѣе достаетъ со стѣны машинку, то есть счеты, и подаетъ барину, а самъ, выставивъ одну ногу впередъ, а руки заложивъ назадъ, становится поодаль. „Сколько чего?“ — спрашиваетъ баринъ, готовясь класть на счетахъ.

— Овса въ городъ отпущено на прошлой недѣлѣ семьдесятъ... — хочется сказать—пять четвертей.

— Семьдесятъ девять,—договариваетъ баринъ и кладетъ на счетахъ.

— Семьдесятъ девять — мрачно повторяетъ приказчикъ и думаетъ:— экая память-то мужицкая, а еще баринъ! сосѣдъ-то баринъ, слышь, ничего не помнитъ...

— А навѣдывались купцы о хлѣбѣ? — вдругъ спросилъ баринъ, поднявъ очки на лобъ и взглянувъ на приказчика.

— Былъ одинъ вчера.

— Ну?

— Дешево дастъ.

— Однако?

— Два рубля.

— Съ гривной?—спросилъ баринъ.

Молчитъ приказчикъ: купецъ точно съ гривной давалъ. Да какъ же баринъ-то узналъ? вѣдь, онъ не видѣлъ купца! Рѣшено было, что приказчикъ поѣдетъ въ городъ на той недѣлѣ и тамъ покончитъ дѣло.

— Что-жъ ты не скажешь?—вопрошаетъ баринъ.

— Онъ обѣщалъ побывать,—говоритъ приказчикъ.

— Знаю,—говоритъ баринъ.

— Какъ знаетъ?—думалъ приказчикъ:—вѣдь, купецъ не обѣщалъ...

— Онъ завтра къ батюшкѣ за медомъ заѣдетъ, а оттуда ко мнѣ, и ты приди, и мѣщанинъ будетъ.

Приказчикъ все мрачнѣй и мрачнѣй.

— Слушаю-съ,—говоритъ онъ сквозь зубы.

Баринъ помнитъ даже, что въ третьемъ году Василій Васильевичъ продалъ хлѣбъ по три рубля, въ прошломъ дешевле, а Иванъ Иванычъ по три съ четвертью. То въ полѣ чужихъ мужиковъ встрѣтитъ да спроситъ, то напишетъ кто-нибудь изъ города, а не то такъ, видно, во снѣ приснится покупщикъ и цѣна тоже. Не даромъ долго спитъ. И щелкаютъ они на счетахъ съ приказчикомъ иногда все утро или цѣлый вечеръ, такъ что тоску наведутъ на жену и дѣтей, а приказчикъ выйдетъ весь въ поту изъ кабинета, какъ будто верстъ за тридцать на богомолье пѣшкомъ ходилъ.

— Ну, что еще? — спрашиваетъ баринъ. Но въ это время раздался стукъ на мосту. Баринъ поглядѣлъ въ окно. „Кто-то ѣдетъ?“—сказалъ онъ; и приказчикъ взглянулъ.—„Иванъ Петровичъ“,—говоритъ приказчикъ,—въ двухъ коляскахъ.

— А! радостно восклицаетъ баринъ, отодвигая счеты. — Ну, ступай; ужо вечеромъ какъ-нибудь улучимъ минуту да сосчитаемся. А теперь по-

шли-ка Антипку съ Мишкой на болото да въ лѣсъ—десятковъ пять дичи къ обѣду наколотить: видишь, дорогіе гости пріѣхали!

— Завтракъ снова является на столѣ, послѣ завтрака кофе. Иванъ Петровичъ пріѣхалъ на три дня, съ женой, съ дѣтьми и съ гувернеромъ, и съ гувернанткой, съ нянькой, съ двумя кучерами и съ двумя лакеями. Ихъ привезли восемь лошадей: все это поступило на трехдневное содержаніе хозяина. Иванъ Петровичъ—дальній родня ему по женѣ: не пріѣхать же ему за пятьдесятъ верстъ — только пообѣдать! Послѣ объятій, начался подробный разсказъ о трудностяхъ и опасностяхъ полуторасуточнаго переѣзда.

— Пообѣдавъ вчера, выѣхали мы, благословясь, около вечерень, спѣшили за-свѣтло проѣхать Волчій Вражекъ, а остальныя пятнадцать верстъ ѣхали въ темнотѣ—зги Божіей не видать! Ночью поднялась гроза, страсть какая—Боже упаси! Какіе яровые у Василья Степаныча—видѣли?

— Какъ же, нарочно ѣздилъ. Слышали, ужъ онъ запродалъ хлѣбъ. А каковы овсы у васъ?

И пошла бесѣда на три дня.

Дамы пойдутъ въ садъ и оранжерею, а баринъ съ гостемъ отправились по гумнамъ, по полямъ, на мельницу, на луга. Въ этой прогулкѣ умѣстились три англійскіе города, биржа. Хозяинъ осмотрѣлъ каждый уголокъ; нужды нѣтъ, что хлѣбъ еще на корню, а онъ прикинулъ въ умѣ, что у него окажется въ наличности по истеченіи года, сколько онъ пошлетъ сыну въ гвардію, сколько заплатитъ за дочь въ институтъ. Обѣдъ гомерическій, ужинъ такой же. Потомъ, забывъ вынуть ключи изъ тульскихъ замковъ у бюро и шкафовъ, стелютъ пуховики, которыхъ достанетъ всѣмъ, сколько бы гостей ни пріѣхало. Живая машина стаскиваетъ у барина сапоги, которые, можетъ быть, опять затащитъ Мимишка подъ диванъ, а панталоны Егорка опять забудетъ на дровахъ.

Что же? среди этой дѣятельной лѣни и лѣнивой дѣятельности нѣтъ и помина о бѣдныхъ, о благотворительныхъ обществахъ, нѣтъ заботливой руки, которая бы... Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избъ, до половины занесенныхъ снѣгомъ. По тропинкѣ пробирается мужичекъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинная сума черезъ плечо, въ рукахъ длинный посохъ, какой носили древніе. Онъ подходитъ къ избѣ и колотитъ посохомъ, приговаривая: „сотворите святую милостыню“. Одна изъ щелей, закрытыхъ крошечнымъ стекломъ, отодвигается, высовывается загорѣлая рука, съ краюхою хлѣба. „Прими Христа ради!“ — говоритъ голосъ. Краюха падаетъ въ мѣшокъ, окошко захлопывается. Нищій, крестясь, идетъ къ слѣдующей избѣ: тотъ же стукъ, тѣ же слова и такая же краюха падаетъ въ суму. И сколько бы ни прошло старцевъ, богомольцевъ, убогихъ, калѣкъ, передъ каждымъ отодвигается крошечное окно, каждый услышитъ: „прими Христа ради“, загорѣлая рука не устаетъ высовываться, краюха хлѣба неизбѣжно падаетъ въ каждую подставленную суму.

А баринъ, стало-быть, живетъ въ себя, „въ свое брюхо“, какъ говорятъ въ этой сторонѣ? Стало-быть, онъ никогда не освѣжитъ души своей волненіемъ, при взглядѣ на бѣднаго, не брызнетъ слеза на отекшія отъ сна щеки? И когда онъ считаетъ барыши за несжатый еще хлѣбъ, онъ не отдѣляетъ нѣсколько сотъ рублей послать въ какое-нибудь заведеніе—поддержать сосѣда? Нѣтъ, не отдѣляетъ въ умѣ ни копѣйки, а отдѣлитъ развѣ столько-то четвертей ржи, овса, гречихи, да того-сего, да съ скотнаго двора телятъ, поросятъ, гусей, да меду съ ульевъ, да гороху, моркови, грибовъ, да всего, чтобъ къ Рождеству послать столько-то четвертей роднѣ, „седьмой водѣ на киселѣ“, за сто верстъ, куда ужъ онъ посылаетъ десять лѣтъ этотъ оброкъ; столько-то въ годъ такому-то бѣдному чиновнику, который

женился на сироткѣ, оставшейся послѣ погорѣлаго сосѣда, взятой еще отцомъ въ домъ и тамъ воспитанной. Этому чиновнику посылаютъ еще сто рублей деньгами къ Пасхѣ; столько-то раздать у себя въ деревнѣ старымъ слугамъ, живущимъ на пенсіи, а ихъ много, да мужикамъ, которые то ноги отморозили, ѣздивши по дрова, то обгорѣли, суша хлѣбъ въ овинѣ, кого въ дугу согнуло отъ какой-то лихой болѣсти, такъ что спины не разогнетъ. У другаго темная вода закрыла глаза. А какъ удивится гость, пріѣхавшій на цѣлый день къ нашему барину, когда, просидѣвъ утро въ гостиной и не увидѣвъ никого, кромѣ хозяина и хозяйки, вдругъ видитъ за обѣдомъ цѣлую ватагу какихъ-то старичковъ и старушекъ, которые нахлынутъ изъ заднихъ комнатъ и занимаютъ „привычныя мѣста!“ Они смотрятъ робко, говорятъ мало, но кушаютъ много. И, Боже сохрани, попрекнуть ихъ „кускомъ!“ Они почтительны и къ хозяевамъ, и къ гостямъ. Баринъ хватился своей табакерки въ карманѣ, ищетъ глазами вокругъ: одинъ старичекъ побѣжалъ за ней, отыскалъ и принесъ. У барыни шаль спустилась съ плеча: одна изъ старушекъ надѣла ее опять на плечо, да тутъ же, кстати, поправила бантикъ на чепцѣ. Спросишь: кто это такіе? Про старушку скажутъ, что это одна „вдова“, пожалуй назовутъ Настасьей Тихоновной, фамилію она почти забыла, а другіе и подавно: она не нужна ей больше. Прибавятъ только, что она бѣдная дворянка, что мужъ у ней былъ игрокъ, или спился съ кругу и ничего не оставилъ. Про старика, какого-нибудь Кузьму Петровича, скажутъ, что у него было душъ двадцать, что холера избавила его отъ бо́льшей части изъ нихъ, что землю онъ отдастъ въ наемъ за двѣсти рублей, которые посылаетъ сыну, а самъ „живетъ въ людяхъ“.

И многіе годы проходятъ такъ, и многія сотни уходятъ „куда-то“ у барина, хотя денегъ, повидимому, не бросаютъ. Даже барыня, исполняя евангельскую заповѣдь и, проходя сквозь безконечный рядъ нищихъ отъ обѣдни, тратитъ на это всего какихъ-нибудь рублей десять въ годъ. Вотъ на выборахъ, въ городѣ, оно замѣтно, куда деньги идутъ. Кончились выборы: предводитель беретъ листъ бумаги и говоритъ „заключимте, милостивые государи, наши засѣданія посильнымъ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ нашей губерніи, да на школы, на больницы“, и пишетъ двѣсти, триста рублей. А нашъ баринъ думалъ, что, купивъ женѣ два платья, мантилью, нѣсколько чепцовъ, да вина, сахару, чаю и кофе на годъ, онъ уже можетъ закрыть бумажникъ, въ которомъ опочилъ изрядный запасный капиталецъ, годичная экономія. А вотъ тутъ вынимается сто рублей: стыдно же написать, при всѣхъ, двадцать пять, даже пятьдесятъ, когда Осипъ Осипычъ и Михайло Михайлычъ написали по сту. „Теперь, кажется, все“, думаетъ онъ. Вдругъ у губернатора, вечеромъ, губернаторша сама раздаетъ гостямъ какіе-то билеты. Что это такое? Билеты на лотерею съ баломъ, спектаклемъ, въ пользу погорѣвшихъ семействъ. Губернаторша уже двоихъ упрекнула въ скупости, и они поспѣшно взяли еще по нѣскольку билетовъ. За этимъ некуда уже тратить денегъ, только вотъ остался иностранецъ, который пріѣхалъ учить гимнастикѣ, да ему не повезло, а, въ числѣ гимнастическихъ упражненій, у него нѣтъ такой штуки, какъ выбираться изъ чужаго города безъ денегъ, и онъ не знаетъ, что дѣлать. Дворяне сложились помочь ему добраться домой; недостаетъ ста рублей: поглядываютъ на нашего барина... И вотъ, къ концу года, выходитъ вовсе не тотъ счетъ въ деньгахъ, какой онъ прикинулъ въ умѣ, ходя по полямъ, когда хлѣбъ былъ еще на корню... Не по машинкѣ считалъ.

Крѣпкій вѣтеръ и качка.

„Буря“, сказали бы вы, а мои товарищи называли это очень свѣжимъ вѣтромъ. Я пробовалъ пойти на-верхъ или „на улицу“, какъ я называлъ верхнюю палубу, но ходить было нельзя. Я постоялъ у шпиля, посмотрѣлъ, какъ море вдругъ скроется изъ глазъ совсѣмъ подъ фрегатъ, и передъ вами палуба стоитъ стоймя, то вдругъ скроется палуба и, вмѣсто нея, очутится стѣна воды, которая такъ и лѣзетъ на васъ. Но не бойтесь: она сейчасъ опять спрячется, только держитесь обѣими руками за что-нибудь. Оно красиво, но однообразно... Я воротился въ общую каюту. Трудно было и обѣдать: чуть зазѣваешься, тарелка наклонится, и ручей супа быстро потечетъ по столу до тѣхъ поръ, пока обратный толчекъ не погонитъ его назадъ. Мнѣ ужъ становилось досадно: дѣлать ничего нельзя, даже читать. Сидя ли, лежа ли, а все надо думать о равновѣсіи, упираться то ногой, то рукой. Вечеромъ я лежалъ на кушеткѣ у самой стѣны, а напротивъ была софа, устроенная кругомъ бизань-мачты, которая проходила чрезъ каюту внизъ. Вдругъ поддало, то-есть шальной или, пожалуй, девятый валъ ударилъ въ корму. Всѣ ухватились, кто за что могъ. Я прежде, нежели подумалъ объ этой предосторожности, вдругъ почувствовалъ, что кушетка отдѣлилась отъ стѣны, а я отдѣляюсь отъ кушетки. „Куда?“ мелькнулъ у меня вопросъ въ головѣ, а за нимъ и отвѣтъ: „на круглую софу“. Я такъ и сдѣлалъ: распростеръ руки и преспокойно перевалился на мягкія подушки круглой софы.

Скучное дѣло—качка; всѣ недовольны; нельзя, какъ слѣдуетъ, читать, писать, спать; видны также блѣдныя страдальческія лица. Порядокъ дня и ночи нарушенъ, кромѣ собственно-морскаго порядка, который, напротивъ, усугубленъ. Но зато обѣдъ, ужинъ и чай становятся какъ будто посторонними дѣломъ. Занятія, бесѣды нѣтъ... Просто, нѣтъ житья!

12-го и 13-го января вѣтеръ уже превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было. Всѣ полупортики, люминаторы были на-глухо закрыты, верхніе паруса убраны, пушки закрѣплены задними талями, чтобъ не давили тяжестью своей борта. Я не только стоять, да и сидѣть уже не могъ, если не во что было упираться руками и ногами. Кое-какъ добрался я до своей каюты, въ которой не былъ со вчерашняго дня, отворилъ дверь и не вошелъ—всѣ эти термины теряютъ значеніе въ качку—былъ втиснутъ толчкомъ въ каюту и старался удержаться на ногахъ, упираясь кулаками въ обѣ противуположныя стѣны. Я ахнулъ: платье, бѣлье, книги, часы, сапоги, всѣ мои письменныя принадлежности, которыя я было-расположилъ такъ аккуратно по ящикамъ, бюро—все это въ кучѣ валялось на полу и, при каждомъ толчкѣ, металось то на-право, то на-лѣво. Ящики выскочили изъ своихъ мѣстъ, щетки, гребни, бумаги, письма — все ѣздило по полу, въ перегонку, что скорѣе скакнетъ въ уголъ, или оттуда на средину.

Качка усиливалась. Изъ обоихъ оконъ мнѣ видно было море. Что за безобразіе, или, пожалуй, что за красота! „Буря—прекрасно! поэзія!“ скажете вы въ ребяческомъ восторгѣ. „Какая буря—свѣжій вѣтеръ!“ говорятъ вамъ.

Можетъ быть, оно и поэзія, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, которымъ природа время отъ времени угощаетъ плавателей, право, не занимательно. Сами посудите, что тутъ хорошаго? Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшеныхъ звѣрей дерется въ остервенѣніи, только брызги, какъ дымъ, поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ взберется на голову волны,

дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы; спустившись на дно между двухъ бугровъ, выпрямится, но только затѣмъ, чтобъ тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны. Въ каютѣ лампы, картинки, висячій барометръ вытягивались горизонтально. Нѣсколько стульевъ повольничали-было, оторвались отъ своихъ мѣстъ и полетѣли въ уголъ, но были пойманы и привязаны опять. Какія-бы, однако, ни были взяты предосторожности противъ паденія разныхъ вещей, но, почти при всякомъ толчкѣ, что-нибудь да найдетъ случай вырваться: или книга свалится съ полки, или куча бумагъ, карта поползетъ по столу и тутъ же захватитъ по дорогѣ чернильницу или подсвѣчникъ. Вечеромъ разъ упала зажженная свѣча и прямо на карту. Я былъ въ каютѣ одинъ, всталъ, хотѣлъ побѣжать, но неодолимая тяжесть гнула меня къ полу, а свѣча вспыхивала сильнѣе, вотъ — того-гляди — вспыхнетъ и карта. Я ползкомъ подобрался къ ней и кое-какъ поставилъ на свое мѣсто.

„Крѣпкій вѣтеръ, жестокій вѣтеръ!“ говорилъ по временамъ капитанъ, входя въ каюту и танцуя по ней. „А вы это все сидите? Еще не пріобрѣли *морскихъ ногъ*“. — „Я и свои потерялъ“, сказалъ я. Но ему не вѣрилось, какъ это человѣкъ можетъ не ходить, когда ноги есть. „Да вы встаньте, ну, попробуйте“, уговаривалъ онъ меня. „Пробовалъ“, сказалъ я, „да безъ пользы, даже со вредомъ и для себя, и для мебели. Вотъ, пожалуй...“ Но меня потянуло по совершенно отвѣсной покатости пола, и я побѣжалъ въ уголъ, какъ давно не бѣгалъ. Тамъ я кулакомъ попалъ въ зеркало, а другой рукой въ стѣну. Капитану было смѣшно. „Что же вы чай пейдете пить?“ сказалъ онъ. „Не хочу!“ со злостью сказалъ я. „Ну, я велю вамъ сдѣлать здѣсь“. — „Не хочу!“ повторилъ я... Я былъ очень золъ. Сначала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что, кажется, сейчасъ разсыплется въ дребезги; но когда убѣдишься, что этого не случится, тогда дѣлается скучно, досадно, досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его измѣряешь не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму. Это не тихое чувство покорности—resignation, а чистая злоба, которая пожираетъ васъ, портитъ кровь, печень, желудокъ, раздражаетъ желчь. Во рту сухо, языкъ горитъ. Нѣтъ ни аппетита, ни сна; ѣшь, чтобъ какъ-нибудь наполнить праздное время и пустой желудокъ. Не спишь, потому-что не хочется спать, а забываешься отъ утомленія въ полу-дремотѣ, и въ этомъ состояніи опять носятся надъ головой уродливыя грезы, опять галлюцинаціи: знакомыя лица являются, какъ миѳологическіе боги и богини. Подъ-часъ до того все перепутается въ головѣ, что шумъ и трескъ, и эти водяные бугры, съ пѣной и брызгами, кажутся сномъ, а берегъ, домы, покойная постель — дѣйствительностью, отъ которой, при каждомъ толчкѣ, жестоко отрезвляешься.

Тропическое небо.

Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его, нельзя измѣрить этого необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетной покорностью, какъ чувству любви. Какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ; этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ; эти цвѣта, среди которыхъ

утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ, безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю.

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей—все изъ облаковъ. Вотъ, смотрите, громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять все тихо отливается въ форму горы, острововъ, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; плечи еще цѣлы, а бока уже отпали — и вышла голова верблюда; на нее напираетъ и поглощаетъ все собою рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ...

Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ...

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса! Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло еще мгновеніе и сквозь нея проступаетъ темно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ; онъ, въ свою очередь, овладѣлъ небомъ. А замки, башни, лѣса, розовые, палевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы недвижны, безмолвны, млѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ, прощальнымъ лучомъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманѣ поэтической думы; вы не отводите взора; вамъ не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги, покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, еслибъ всегда и вездѣ такова была природа, такъ же горяча и такъ величава и глубоко покойна! Еслибъ такова была и жизнь!.. Вѣдь бури, бѣшеныя страсти не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа—для выдѣлки спокойствія и счастія въ лабораторіи природы.

Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища — все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко, какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди и—засіялъ вечерній пиръ! Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ — разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда...

Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ. Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра. А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ, онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ.

Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, объяты сладкими, творческими снами... вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается то золотомъ, то кровью, то изумрудной влагой, Конопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы съ любовью успокоиваетесь отъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ такъ пристально и умно. Про Южный Крестъ, увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите: что въ немъ особеннаго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что, съ наступленіемъ вечера, взглядъ вашъ будетъ искать его перваго, потомъ, обозрѣвъ всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза.

Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно-сладкая, долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ.

Смотрите вы на всѣ эти чудеса, міры и огни, и ослѣпленные, уничтоженные величіемъ, но богатые и счастливые небывалыми грезами, стоите, какъ статуя, и шепчете задумчиво: „нѣтъ, этого не сказали мнѣ ни карты, ни англичане, ни американцы, ни мои учителя; говорило, но блѣдно и смутно, только одно чуткое, поэтическое чувство; оно таинственно манило меня еще ребенкомъ сюда.

На мысѣ Доброй Надежды. Ущелье.

Мы стали въѣзжать въ самое ущелье. Зеленые холмы и овраги смѣнились дикими каменными утесами, черными или сѣдыми. Дорога прорублена была по окраинамъ скалъ. Горы близко тѣснились черезъ ущелье другъ къ другу. Солнце не достигало до насъ. Мы съ изумленіемъ смотрѣли на угрюмыя громады, которыя висѣли надъ нами. Въ пустынѣ царствовало страшное безмолвіе. Мы изрѣдка мѣнялись между собою словомъ и съ робостью перебѣгали глазами отъ утеса къ утесу, отъ пропасти къ пропасти. Мы какъ будто попали въ западню, хотя намъ ничего не угрожало.

Представьте себѣ надъ головой сплошную каменную стѣну горъ, которая заслоняетъ небо, солнце, и которой не видать вершины. По этимъ горамъ брошены другія, меньшія горы; онѣ, упавъ, раздробились, разсыпались и покатились въ пропасти, но вдругъ будто были остановлены на пути и повисли надъ бездной. То видишь точно цѣлый городъ, съ обрушившимися отъ какого-нибудь страшнаго переворота башнями, столбами и основаніями зданій, то толпы слоновъ, носороговъ и другихъ животныхъ, которыя дрались въ общей свалкѣ и вдругъ окаменѣли. Тамъ, кажется, сидятъ группой изваянія великановъ. Здѣсь, на горѣ, чуть-чуть держится скала, цѣпляясь за гору однимъ угломъ, и всѣмъ основаніемъ виситъ надъ бездной. Далѣе и далѣе все стѣны горъ и все разбросанные на нихъ громадные обломки, похожіе на монастыри, на исполинскіе надгробные памятники, точно слѣды страшнаго опустошенія.

Внизу зіяютъ пропасти, уже не съ зелеными оврагами и чуть-чуть журчащими ручьями, а продолженіе тѣхъ же горъ, съ грудами отторженныхъ сѣрыхъ камней и съ мутно-желтыми стремительными потоками, или мертвымъ и грязнымъ болотомъ на днѣ. Ѣдешь по плечу исполинской горы и, не смотря на всю увѣренность въ безопасности, съ невольнымъ смущеніемъ глядишь на громады, которыя какъ будто сдвигаются все ближе и

ближе, грозя раздавить путниковъ. Взглянешь внизъ, въ бездну, футовъ на 200, на 300, и съ содроганіемъ отвернешься; взглянешь наверхъ, а тамъ такія же бездны опрокинуты надъ головой. Всѣ эти массы истерзаны, какъ будто небеснымъ гнѣвомъ, и разбросаны по прихоти нечеловѣческой фантазіи.

Мы проѣхали черезъ продолбленный насквозь и лежащій на самой дорогѣ утесъ, потомъ завернули за скалу и ждали, что тамъ будетъ: мы очутились надъ бездной, глубже и страшнѣе всѣхъ, которыя миновали. Вдобавокъ къ этому, дорога здѣсь была сдѣлана пока только для одного экипажа; охранительныхъ каменьевъ по сторонамъ не было, и лошади шли по самой окраинѣ. По узенькой, недодѣланной дорогѣ, по которой еще кое-гдѣ валялись приготовленные для работъ каменья, и воткнутъ былъ заступъ, надо было заворотить налѣво.

Скоро мы подъѣхали къ живописному мѣсту. Горы вдругъ раздвинулись на минуту, и образовался поперечный разрѣзъ. Солнце тотчасъ воспользовалось этимъ и ярко освѣтило глубокій оврагъ до дна. Дно и бока оврага заросли травой и кустами. Внизу текъ ручей. Отъ утеса къ утесу черезъ разрѣзъ велъ мостъ—чудо инженернаго искусства. Онъ, какъ скала, плотно сложенъ изъ квадратныхъ плитъ песчаника. Длиной онъ футовъ сорокъ, а внизъ опускался сплошной каменной стѣной, футовъ на 70, и упирался въ дно оврага. Налѣво отъ моста, въ ущельи, заросшемъ зеленью, журчалъ каскадъ и падалъ внизъ. Мы остановились и пошли по уступу скалы—кто пить, кто ловить насѣкомыхъ и собирать травы. Во всемъ ущельи, простирающемся на 14 англійскихъ миль, сдѣлано до сорока каменныхъ мостовъ и мостиковъ: можно судить, сколько употреблено тутъ дарованія, соображенія и физическаго труда! Каменья надо было таскать сверху или снизу, многія скалы рвать порохомъ.

За мостомъ ущелье въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опять сжималось, но уже замѣтно было, что оно должно скоро кончиться. Здѣсь природа веселѣе; по горамъ росла обильная зелень. Даже брошенные по скатамъ каменья обросли кустами и травой, со множествомъ цвѣтовъ. Много попадалось птицъ, жужжали милліоны насѣкомыхъ; на камняхъ часто видѣли мы разноцвѣтныхъ ящерицъ, которыя выползали на солнце погрѣться. Въ одномъ мѣстѣ, прямо изъ скалы, чуть-чуть текла струя свѣжей, холодной воды; подъ ней вставленъ былъ арестантами желѣзный желобокъ. Сколько грандіозна была та часть ущелья, которую мы миновали, столько уже улыбалась природа здѣсь. Тутъ были живописныя уклоненія скалъ въ сторону, образующія тѣсные уголки, природные гроты.

Вскорѣ мы подъѣхали къ самому живописному мѣсту. Мы только спустились съ одной скалы, и передъ нами представилась широкая расчищенная площадка, обнесенная валомъ. На площадкѣ выстроено нѣсколько флигелей. Это другая тюрьма. Въ нѣкоторомъ разстояніи, особо отъ тюремныхъ флигелей, стоялъ маленькій домикъ, гдѣ жилъ сынъ Бена, онъ же смотритель тюрьмы и помощникъ своего отца. Кругомъ тѣснились скалы, выглядывая одна изъ-за другой, какъ будто вставали на цыпочки. Площадка была на полугорѣ; внизъ шли тоже скалы, обросшія густою зеленью и кустами, и уставленныя прихотливо разбросанными каменьями. На днѣ живописнаго оврага текъ большой ручей, черезъ который строился каменный мостъ. Рядомъ съ мостомъ шла плотина, служившая преградой ручью, на время, пока строился мостъ. Черезъ эту плотину шла и временная дорога. Берега ручья, скаты горъ—все потонуло въ зелени.

Вечеръ на островѣ Явѣ.

Что это за вечеръ! Это волшебное представленіе, роскошное, обаятельное пиршество, надъ которымъ, кажется, всѣ искусства истощили свои средства, а здѣсь и признаковъ искусства не было. Какими красками блещутъ послѣдніе лучи угасающаго дня и сумрака воцаряющейся ночи! Въ пространствѣ носятся какіе-то звуки; лѣсъ дышетъ своею жизнью; слышатся то шопотъ, то внезапный, осторожный шелестъ его обитателей: звѣрь ли пробѣжитъ, порхнетъ ли вдругъ съ вѣтки испуганная птица, или змѣй пробирается по сухимъ прутьямъ? Вблизи бродятъ надъ рѣчкой темные силуэты людей. Въ берега плещется вода. Тепло; сильно пахнетъ чѣмъ-то прянымъ.

— Смотрите,—сказалъ я сосѣду своему:—видите, звѣзда плыветъ въ чащѣ баніана?—Это вѣтви колышутся,—отвѣчалъ онъ:—а сквозь нихъ видны звѣзды... Вонъ другая, третья звѣзда, а вонъ и мимо насъ несется одна, двѣ, три—нѣтъ, это не звѣзды.—Витулъ!—закричалъ я проходившему мимо матросу,—поймай вонъ эту звѣзду! Витулъ покрылъ ее фуражкой и принесъ мнѣ, потомъ бросился за другой, за третьей, и наловилъ нѣсколько продолговатыхъ цвѣтныхъ мухъ. Въ концѣ хвоста, снизу, у нихъ ярко сіяетъ бенгальскимъ, зеленовато-блѣднымъ огнемъ прекрасная звѣздочка. Блескъ этихъ звѣздъ сіялъ ярче свѣчъ, но недолго. Минуты черезъ двѣ три муха ослабѣвала, и свѣтъ постепенно угасалъ.

Мы часа два наслаждались волшебнымъ вечеромъ, и неохотно, медленно, почти ощупью, пошли къ берегу. Былъ отливъ, и шлюпки наши очутились на мели. Мы долго шли по плотинѣ, и, не спуская глазъ съ чуднаго берега, долго плыли по рейду. Гребцы едва шевелили веслами, разгребая спящую воду. Пробужденная, она густымъ золотомъ обливала весла.

Мы плыли дальше по проливу, между влажными, цвѣтущими берегами Явы и Суматры. Мѣстами, на гладкомъ зеркалѣ пролива, лежали, какъ корзинки съ зеленью, маленькіе островки, означенные только на морскихъ картахъ, подъ именемъ *Двухъ Братьевъ*, *Трехъ Сестеръ*. Кое-гдѣ были отдѣльно брошенные каменья, безъ имени, и тѣ обросли густою зеленью.

Природа—нѣжная артистка здѣсь. Много любви потратила она на этотъ, можетъ быть, самый роскошный уголокъ міра. Мѣстами даже, казалось, слишкомъ убрано, слишкомъ сладко. Мало поэтическаго безпорядка, нѣтъ небрежности въ творчествѣ, не видать минутъ забвенія, усталости въ творческой рукѣ, нѣтъ отступленій, въ которыхъ часто больше красоты, нежели въ цѣломъ планѣ созданія. Ѣдешь какъ будто среди неизмѣримыхъ воздѣланныхъ садовъ и парковъ всесвѣтнаго богача. Страстное, горячее дыханіе солнца вѣчно охраняетъ эти мѣста отъ холода и непогоды, а другой дѣятель, могучая влага, умѣряетъ силу солнца, питаетъ почву, родитъ нѣжные плоды и... убиваетъ человѣка испареніями.

Роскошь и комфортъ.

Роскошь—порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или языковъ, или филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ, недорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбъ

не напасешься? Или, не безуміе ли обѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Не глупость ли заковывать себя въ золото и каменья, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева, чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться?

Венеціанскіе граждане (если только слово „граждане“ не насмѣшка здѣсь) дѣлали все это; они сидѣли на бархатныхъ, но жесткихъ скамьяхъ, спали на своихъ колючихъ глазетовыхъ постеляхъ, ходили по своимъ великолѣпнымъ площадямъ ощупью, въ темнотѣ, и едва ли имѣли, хоть немного приблизительное къ нынѣшнему, вѣрное понятіе объ искусствѣ жить, то-есть извлекать изъ жизни весь смыслъ, весь здоровый и свѣжій сокъ.

Тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ—вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь недолговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе крезы не достигаютъ до геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись въ насыщеніи, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ—нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня запатается на пьедесталѣ: она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки.

Вспомните не одну Венецію, а хоть Испанію, напримѣръ: ужъ, кажется, трудно выдумать нарядпѣе епанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да однѣ ли Испанія и Венеція?...

Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствія, courses aux clochers: перескачетъ, схватитъ призъ и сломаетъ ноги.

Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости, удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства; комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрюстированномъ золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ и на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ, или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться своего обыкновеннаго стола, но зато онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни заброситъ судьба человѣка: и въ Африкѣ, и на Сандвичевыхъ островахъ, и на Нордъ-Капѣ—вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино. Вездѣ онъ хочетъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣваются въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть готовъ сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ я у васъ нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя.

Задача всемірной торговли и состоитъ въ томъ, чтобъ удешевить эти предметы, сдѣлать доступными вездѣ и всюду тѣ средства и удобства, къ которымъ человѣкъ привыкъ у себя дома. Это разумно и справедливо; смѣшно сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Торговля распространилась всюду и продолжаетъ распространяться, разнося по всѣмъ угламъ міра плоды цивилизаціи. Вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или, точнѣе, первое есть неизбѣжное, разумное послѣдствіе втораго. И торговля не падетъ никогда,

удовлетворяя, хотя тонкимъ, но разумнымъ потребностямъ большинства, а не безумнымъ прихотямъ немногихъ. Дѣло вполовину уже и сдѣлано. Куда европеецъ только занесетъ ногу, вездѣ вы тамъ подъ знаменемъ безопасности, обилія, спокойствія и того благосостоянія, которымъ наслаждаетесь дома, протягивая, конечно, ножки по одежкѣ.

Манилла. Пѣтушьи бои.

Вотъ и циркъ, вотъ и пѣтухи. Циркъ — это исполинская бамбуковая клѣтка, въ какую сажаютъ попугаевъ, вся сквозная: снаружи издалека можно видѣть, что въ ней дѣлается. Въ ней три яруса галлерей для зрителей, а по срединѣ круглая арена для бойцовъ. Крыша коническая, сплетена тоже изъ бамбуковыхъ жердей, и потому сквозная, но въ ней, сверхъ того, есть нѣсколько люковъ для воздуха. Мы съ трудомъ пробрались сквозь густую толпу народа ко входу, заплатили по реалу и вошли въ клѣтку. Зрителей было человѣкъ до пятисотъ въ самой клѣткѣ, да человѣкъ тысяча около. Послѣдніе не зрители, а участники. У всякаго подъ мышкой былъ пѣтухъ. Публика вся состояла изъ тагаловъ, китайцевъ и метисовъ. Мы пробрались въ верхнюю галлерею и съ трудомъ отыскали три свободныя мѣста. Женщинамъ нельзя сидѣть въ этихъ сквозныхъ галлереяхъ, особенно въ верхнихъ этажахъ: поэтому въ циркѣ были только мужчины да пѣтухи — ни женщинъ, ни куръ ни одной. Но зато какое множество пѣтуховъ! Какое свирѣпое непрерывное пѣніе раздавалось въ клѣткѣ и около нея!

На аренѣ ничего еще не было. Тамъ ходилъ какой-то распорядитель изъ тагаловъ, въ розовой кисейной рубашкѣ, и собиралъ деньги на ставку и за пари. Я удивился, съ какою небрежностью индійцы бросали пригоршни долларовъ, между которыми были и золотые дублоны. Распорядитель раскладывалъ деньги по кучкамъ на полу, на пескѣ арены. На ней, въ одномъ углу, на корточкахъ, сидѣли тагалы съ пѣтухами, которымъ предстояло драться.

Вотъ явились двое тагаловъ и стали стравливать пѣтуховъ, сталкивая ихъ между собой, чтобъ показать публикѣ степень силы и воинственнаго духа бойцовъ. Пѣтухи немного-было надулись, но потомъ равнодушно отвернулись другъ отъ друга. Ихъ унесли, и арена опустѣла. „Что это значитъ?“ спросилъ я француза. — „Пѣтухи не внушаютъ публикѣ довѣрія, и оттого никто не держитъ за нихъ пари“. Изъ угла отдѣлились двое другихъ состязателей и стали также стравливать бойцовъ, держа ихъ за хвостъ, чтобъ они не подрались преждевременно. Пѣтухи надулись, гребни у нихъ побагровѣли, они только-что бросились одинъ на другаго, какъ хозяева растащили ихъ за хвосты. Пѣтухи были надежны; между зрителями обнаружилось сильное волненіе. Толпа заколебалась; поднялся говоръ, какъ внезапный шумъ волнъ, и шелъ crescendo. Всѣ протягивали другъ къ другу руки съ долларами, перекликались, переговаривались, предлагали пари, кто за желтаго, кто за бѣлаго пѣтуха. И къ намъ протянулось нѣсколько рукъ; насъ трогали со всѣхъ сторонъ за плечи, за спину, предлагая пари.

Между тѣмъ хозяева пѣтуховъ сняли съ стальной шпоры, прикрѣпленной къ одной ногѣ бойца, кожаныя ножны. Распорядитель подалъ знакъ,— все умолкло. Пѣтуховъ бросили другъ на друга. Одинъ изъ нихъ воспользовался первой минутой свободы, хлопнулъ раза три крыльями и пропѣлъ, какъ будто хотѣлъ душу отвести; другіе, менѣе терпѣливые, поютъ, сидя

у хозяевъ подъ мышками. Пропѣвъ, онъ обратился было къ своимъ мирнымъ занятіямъ, началъ искать около себя на полу, чего бы поклевать, и поскребъ раза два землю ногой. Но хозяинъ схватилъ его, погладилъ, дернулъ за подбородокъ и бросилъ на другаго, который рвался изъ рукъ хозяина. Тогда у обоихъ бойцовъ образовались изъ перьевъ около шеи манжеты, оба нагнули головы и стали мѣтить другъ въ друга. Долго щетинились они, наконецъ оба вспрыгнули вдругъ, и одинъ перескочилъ черезъ другаго, и тотчасъ же опять построились въ боевую позицію, и опять нагнулись. Потомъ раза три сильно сшиблись; полетѣло нѣсколько перьевъ по сторонамъ. Опять одинъ перескочилъ черезъ другаго, царапнулъ того шпорой, другой тоже перескочилъ и царапнулъ противника такъ, что онъ упалъ на бокъ, но въ ту же минуту всталъ и съ новой яростью бросился на врага. Тутъ ужъ ничего больше разобрать было нельзя: рыцари дрались въ общей свалкѣ, сшибались часто, и сильно впивались другъ другу въ гребень: то одинъ повалитъ другаго, то другой перваго.

„Это все и у насъ увидишь каждый день въ любой деревнѣ“, сказалъ я Б-ну, только у насъ, при такомъ побоищѣ, обыкновенно баба побѣжитъ съ кочергой, или кучеръ съ кнутомъ, разнимать драку, или мальчишка броситъ камешкомъ“. Вскорѣ бѣлый пѣтухъ упалъ на одно крыло, вскочилъ, побѣжалъ хромая, упалъ опять, и наконецъ поползъ по аренѣ. Крыло волочилось по землѣ, оставляя дорожку крови.

Всякій разъ, при сильномъ ударѣ того или другаго пѣтуха, раздавались отрывистыя восклицанія зрителей; но когда побѣжденный побѣжалъ, толпа завыла дико, неистово, продолжительно, такъ что стало страшно. Всѣ привстали съ мѣстъ, всѣ кричали. Какія лица, какія страсти на нихъ! и все это по поводу пѣтушьей драки! „Нѣтъ, этого у насъ не увидите“, сказалъ Б. Дѣйствительно, этотъ моментъ былъ самый замѣчательный для посторонняго зрителя.

Хозяинъ побѣдителя схватилъ своего пѣтуха и взялъ деньги; противникъ его молча удалился въ толпу. Зрители тоже молча передавали другъ другу проигранные доллары. Явились двое другихъ и повторили тѣ же продѣлки, то-есть дразнили пѣтуховъ, вооружали ихъ шпорами; то же волненіе, тотъ же говоръ повторяется между зрителями, что ваша жидовская синагога! Пѣтухи рванулись — и черезъ минуту большой красный пѣтухъ разорвалъ шпорами ноги сѣрому, такъ что тотъ упалъ на спину, а ноги протянулъ кверху. Кругомъ кровь и перья. Побѣжденнаго пѣтуха бралъ какой-то запачканный тагалъ, сдиралъ у него съ груди горсть перьевъ и клалъ ихъ въ большой мѣшокъ, а пѣтуха отдавалъ хозяину. Что они дѣлаютъ съ своими пѣтухами потомъ?“ спросилъ я француза: „лѣчатъ что ли?“— „Нѣтъ, ѣдятъ съ салатомъ“, отвѣчалъ онъ. „А перья зачѣмъ?“—„Не знаю“, сказалъ французъ. Я обратился съ этимъ вопросомъ къ своему сосѣду съ лѣвой стороны, къ китайцу. „Signor?“ отвѣчалъ онъ мнѣ вопросомъ же. Я забылъ, что я не въ Гонъ-Конгѣ, не въ Сингапурѣ, наконецъ не въ Китаѣ, гдѣ китайцы говорятъ по-англійски. Иногда хозяинъ побѣжденнаго пѣтуха бралъ его на руки, доказывалъ, что онъ можетъ еще драться и требовалъ продолженія боя. Такъ и случилось, что одинъ побѣжденный выигралъ ставку. Пѣтухъ его, оправившись отъ удара, свалилъ съ ногъ противника, забилъ его подъ загородку и такъ разсвирѣпѣлъ, что тотъ уже лежалъ и едва шевелилъ крыльями, а онъ все продолжалъ бить его и клювомъ, и шпорами.

Мы ушли, просидѣвъ съ часъ. Говорятъ, забава продолжается до солнечнаго заката. Правительство отдаетъ цирки на откупъ и беретъ огромныя деньги.

ИЗЪ РОМАНА „ОБЛОМОВЪ“.

Обломовка.

Тихо и сонно все въ деревнѣ; безмолвныя избы отворены настежь; не видно ни души; однѣ мухи тучами летаютъ и жужжатъ въ духотѣ. Войдя въ избу, напрасно станешь кликать громко: мертвое молчаніе будетъ отвѣтомъ; въ рѣдкой избѣ отзовется стономъ, или глухимъ кашлемъ старуха, доживающая свой вѣкъ на печи, или появится изъ-за перегородки босой длинноволосый, трехлѣтній ребенокъ, въ одной рубашенкѣ, молча, пристально поглядитъ на вошедшаго и робко спрячется опять. Та же глубокая тишина и миръ лежатъ и на поляхъ, только кое-гдѣ, какъ муравей, гомозится на черной нивѣ, палимый зноемъ, пахарь, налегая на соху и обливаясь потомъ.

Тишина и невозмутимое спокойствіе царствуетъ и въ нравахъ людей въ томъ краю. Ни грабежей, ни убійствъ, никакихъ страшныхъ случайностей не бывало тамъ; ни сильныя страсти, ни отважныя предпріятія не волновали ихъ. И какія бы страсти и предпріятія могли волновать ихъ? Всякій зналъ тамъ самого себя. Обитатели этого края далеко жили отъ другихъ людей. Ближайшія деревни и уѣздный городъ были верстахъ въ двадцати-пяти и тридцати. Крестьяне въ извѣстное время возили хлѣбъ на ближайшую пристань къ Волгѣ, которая была ихъ Колхидой и Геркулесовыми Столпами, да разъ въ годъ ѣздили нѣкоторые на ярмарку, и болѣе никакихъ сношеній ни съ кѣмъ не имѣли. Интересы ихъ были сосредоточены на нихъ самихъ, не перекрещивались и не соприкасались ни съ чьими. Они знали, что въ восьмидесяти верстахъ отъ нихъ была „губернія“, то-есть губернскій городъ, но рѣдкіе ѣзжали туда; потомъ знали, что подальше, тамъ, Саратовъ или Нижній; слыхали, что есть Москва и Питеръ, что за Питеромъ живутъ французы, или нѣмцы, а далѣе уже начинался для нихъ, какъ для древнихъ, темный міръ, неизвѣстныя страны, населенныя чудовищами, людьми о двухъ головахъ, великанами; тамъ слѣдовалъ мракъ—и, наконецъ, все оканчивалось той рыбой, которая держитъ на себѣ землю. И какъ уголокъ ихъ былъ почти непроѣзжій, то и неоткуда было почерпать новѣйшихъ извѣстій о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ: обозники съ деревянной посудой жили только въ двадцати верстахъ и знали не больше ихъ. Не съ чѣмъ даже было сличить имъ своего житья-бытья: хорошо ли они живутъ, нѣтъ ли; богаты ли они, бѣдны ли; можно ли было чего еще пожелать, что есть у другихъ. Счастливые люди жили, думая, что иначе и не должно, и не можетъ быть, увѣренные, что и всѣ другіе живутъ точно также, и что жить иначе—грѣхъ. Они бы и не повѣрили, еслибъ сказали имъ, что другіе какъ-нибудь иначе пашутъ, сѣютъ, жнутъ, продаютъ. Какія же страсти и волненія могли быть у нихъ? У нихъ, какъ и у всѣхъ людей, были и заботы, и слабости, взносъ подати или оброка, лѣнь и сонъ, но все это обходилось имъ дешево, безъ волненій крови. Въ послѣднія пять лѣтъ, изъ нѣсколькихъ сотъ душъ не умеръ никто, не-то-что насильственной, даже естественной смертью. А если кто отъ старости, или отъ какой-нибудь застарѣлой болѣзни и почилъ мертвымъ сномъ, то тамъ долго послѣ того не могли надивиться такому необыкновенному случаю.

Изъ преступленій одно, именно: кража гороху, моркови и рѣпы по огородамъ, было въ большомъ ходу, да однажды вдругъ исчезли два по-

росенка и курица—происшествіе, возмутившее весь околотокъ и приписанное единогласно проходившему наканунѣ обозу съ деревянной посудой на ярмарку. А то вообще случайности всякаго рода были весьма рѣдки.

Таковъ былъ уголокъ, куда вдругъ перенесся во снѣ Обломовъ.

Сонъ Обломова.

Илья Ильичъ проснулся утромъ на своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки: онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней; у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его за руку и подвела къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять?— вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька,—торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за стуломъ.

Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какія-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили на руки Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять на дворъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное, не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціей. Тамъ напли однажды собаку, признанную бѣшеной потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужь давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покрившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ

нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только „людямъ“, а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и ужь направился-было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ ужь надо было спѣшить разрушать его замыслы взлѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани! въ оврагъ.

— Ахъ ты, Господи, что это за рабенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно!—говорила нянька.

И цѣлый день, и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность. Этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, угасла бы давнымъ давно.

Не все рѣзовъ, однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ ростутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно: солнце еще не высоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи—отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тутъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло?—спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ на встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, и по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ—и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери.

— Няня, не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко? уведи его въ холодокъ: напечетъ ему головку—будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

— У! баловень!—тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо. Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта, напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людскихъ слышалось шипѣнье веретена, да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней, съ ведрами, корытами и кувшинами, бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ, тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ?—спросилъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую,—отвѣчалъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановитъ бабу:

— Эй, баба! баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка,—говорила она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно;—молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди!—отвѣчалъ баринъ:—да, смотри, не пролей молоко-то.—А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь?—кричалъ потомъ:—вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужь, я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняшка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ, потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужь созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу, или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался, или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна, напомнить о томъ, прибавить это, или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положилъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляя висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ

вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

Итакъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню, съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ, совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка.Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ переставалъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ и мать, и старая тетка, и свита — всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой—въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пешни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуру, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому на-сквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами, или, поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда

опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, не смотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость, потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или галлерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба, или, просто, на травкѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобъ вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. „Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею“, думала она почти сквозь сонъ, „или еще... какъ бы въ оврагъ“... Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ, потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины: поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ; или проткнетъ сквозь нее соломенку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву, и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которые даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось въ березнякъ: онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо, черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ уже прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ волкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно посматриваетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать, въ природѣ стало все пожившѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя.

Обѣдъ и сонъ рождали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье, прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ-ли галка, наблюдатель преслѣдуетъ и ту, и другую взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну, и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ; тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чашу вѣтвей; но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та, наконецъ, свистнула слабо, незвучно въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ: въ лѣсу стало страшно; тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настала минута всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ крѣпко и спокойно.

— Пойдемъ, мама, гулять,—говоритъ Илюша.

— Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять,—отвѣчаетъ она:—сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ?—спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушаетъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу!—говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ:—прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!

Далѣе, Илья Ильичъ вдругъ увидалъ себя мальчикомъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати. Онъ ужъ началъ учиться въ селѣ Верхлевѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. У него былъ сынъ, Андрей, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой, все дѣтство проходилъ съ завязанными глазами или ушами да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ, среди злодѣевъ, что, вотъ, его и приласкать-то не кому, и никто любимаго пирожка не испечетъ ему. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ отвезли. Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлева. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы, образа жизни и привычекъ простиралось и на Верхлево: вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой; тамъ, кромѣ дома Штольца, все дышало тою же первобытною лѣнью, простотою нравовъ, тишиною и неподвижностью. Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу. А кто знаетъ, какъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? какъ услѣдить за рожденіемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятій и впечатлѣній?.. Можетъ быть, когда дитя еще едва выговариваетъ слова, а можетъ быть, еще вовсе не выговаривало, даже не ходило, а только смотрѣло на все тѣмъ пристальнымъ нѣмымъ дѣтскимъ взглядомъ, который взрослые называютъ тупымъ, и ужъ видѣло и угадывало значеніе и связь явленій окружающей его сферы, да только не признавалось въ этомъ ни себѣ, ни другимъ. Можетъ бытъ, Илюша давно замѣчаетъ и понимаетъ, что говорятъ и дѣлаютъ при немъ. Можетъ быть, дѣтскій умъ его давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые. Да и какъ иначе прикажете рѣшить ему?

...Бѣдный Илюша ѣздитъ да ѣздитъ учиться къ Штольцу. Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! закладывай пѣгую: барченка къ нѣмцу везти.

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та

знаетъ, отчего, и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю. Не знаютъ, чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и кренделькoвъ, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца не жирно кормятъ.

— Тамъ не разъѣшься, — говорили обломовцы, — обѣдать-то дадутъ супу, да жаркова, да картофелю, къ чаю масла, а ужинать-то *морген-фри*— носъ утри.

Впрочемъ, Ильѣ Ильичу снятся больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкою и съ пріятною новостью:

— Сегодня не поѣдешь: въ четвергъ большой праздникъ; стоитъ-ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявитъ ему, что сегодня родительская недѣля: „не до ученья—блины будемъ печь".

А не то такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза несвѣжи сегодня. Здоровъ ли ты? и покачаетъ головой.

Лукавый мальчикъ здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посиди-ка ты эту недѣльку дома,— скажетъ она: — а тамъ — что Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ — неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю. Развѣ только иногда слуга или дѣвка, которымъ достанется за барченка, проворчатъ:

— „У, баловень, скоро ли провалишься къ своему нѣмцу!"

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичемъ.

„Пріѣхала, дескать, Марья Савишна или Наталья Ѳаддеевна гостить, или Кузовковы со всѣми дѣтьми, такъ пожалуйте домой!"

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до Страстной недѣли ужъ не далеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на Ѳоминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ—не стоитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ уже лучше до осени отложить. Посмотришь, Илья Ильичъ и отгулялся въ полгода, и какъ выростетъ онъ въ это время! какъ потолстѣетъ! какъ спитъ славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

— Долго ли до грѣха?—говорили отецъ и мать:—ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь, онъ изъ ученья, какъ изъ больницы воротится: жирокъ весь пропадетъ, жиденькій такой... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!

— Да,—замѣтитъ отецъ:—ученье-то не свой братъ, хоть кого въ бараній рогъ свернетъ.

И нѣжные родители продолжали пріискивать предлоги удерживать сына дома; за предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда и дождь пойдетъ, осенью слякоть мѣшаетъ. Иногда Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ; бѣды бы не было, завязнетъ, или оборвется гдѣ-нибудь.

Ильѣ Ильичу ясно видится и домашній бытъ его, и житье у Штольца.

Онъ только что проснётся у себя дома, какъ у постельки его уже стоитъ Захарка, впослѣдствіи знаменитый камердинеръ его, Захаръ Трофимычъ.

Захаръ, какъ, бывало, нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое; вставши по утру, умыться и т. д.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть— ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли зачѣмъ, ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— Зачѣмъ? куда? а Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! чего вы смотрите, розини? вотъ я васъ!..

И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: „Эй, Васька! Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!“

Подчасъ нѣжная забливость родителей надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы, или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается на десять отчаянныхъ голосовъ: „Ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется... стой, стой!“ Задумаетъ ли онъ зимой выскочить въ сѣни, или отворить форточку—опять крики: „Ай, куда? какъ можно? не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься“... И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и, такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ: въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсенокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его, то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или подразнить деревенскихъ собакъ; или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, по буеракамъ въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы. Бѣсенокъ такъ и подмываетъ его; онъ крѣпится, крѣпится, наконецъ не вытерпитъ—и вдругъ, безъ картуза, зимой, прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, грудь охватило радостью—онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ, и хохочетъ. Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ— мимо: сноровки нѣтъ; только хотѣлъ схватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣга: онъ упалъ; и больно ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ... А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ. На дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька,

Митька, Ванька—всѣ бѣгутъ, растерянные, по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками, съ воплями, собаки съ лаемъ мчатся по деревнѣ. Наконецъ набѣжали на мальчишекъ и начали чинить правосудіе: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцамъ ихъ. Потомъ уже овладѣли барченкомъ, окутали его въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла, и торжественно принесли на рукахъ домой. Дома отчаялись уже видѣть его, считая погибшимъ; но, при видѣ его живаго и невредимаго, радость родителей была неописанна. Возблагодарили Господа Бога, потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру еще малиной, и продержали дня три въ постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть въ снѣжки...

Мильонъ терзаній.

(Критическій этюдъ).

Комедія „Горе отъ ума“ держится какимъ-то особнякомъ въ литературѣ и отличается моложавостью, свѣжестью и болѣе крѣпкою живучестью отъ другихъ произведеній слова. Она, какъ столѣтній старикъ, около котораго всѣ, отживъ по очереди свою пору, умираютъ и валятся, а онъ ходитъ, бодрый и свѣжій, между могилами старыхъ и колыбелями новыхъ людей. И никому въ голову не приходитъ, что настанетъ когда-нибудь и его чередъ.

Всѣ знаменитости первой величины, конечно, не даромъ поступили въ такъ называемый „Храмъ безсмертія“: у всѣхъ у нихъ много, а у иныхъ, какъ, напримѣръ, у Пушкина, гораздо болѣе правъ на долговѣчность, нежели у Грибоѣдова. Ихъ нельзя близко и ставить одного съ другимъ. Пушкинъ громаденъ, плодотворенъ, силенъ, богатъ. Онъ для русскаго искусства то же, что Ломоносовъ для русскаго просвѣщенія вообще. Пушкинъ занялъ собою всю эпоху, самъ создалъ другую, породилъ школы художниковъ, — взялъ себѣ въ эпохѣ все, кромѣ того, что успѣлъ взять Грибоѣдовъ и до чего не договорился Пушкинъ.

Не смотря на геній Пушкина, передовые его герои, какъ герои его вѣка, уже блѣднѣютъ и уходятъ въ прошлое. Геніальныя созданія его, продолжая служить образцами и источникомъ искусству,—сами становятся исторіей. Мы изучили Онѣгина, его время и его среду, взвѣсили, опредѣлили значеніе этого типа, но не находимъ уже живыхъ слѣдовъ этой личности въ современномъ вѣкѣ, хотя созданіе этого типа останется неизгладимымъ въ литературѣ. Даже позднѣйшіе герои вѣка, напримѣръ лермонтовскій Печоринъ, представляя, какъ и Онѣгинъ, свою эпоху, каменѣютъ, однако, въ неподвижности, какъ статуи на могилахъ. Не говоримъ о явившихся позднѣе ихъ, болѣе или менѣе яркихъ типахъ, которые при жизни авторовъ успѣли сойти въ могилу, оставивъ по себѣ нѣкоторыя права на литературную память.

Называли *безсмертною* комедію „Недоросль“ Фонвизина, — и основательно — ея живая, горячая пора продолжалась около полувѣка: это громадно для произведенія слова. Но теперь нѣтъ ни одного намека въ „Недорослѣ“ на живую жизнь, и комедія, отслуживъ свою службу, обратилась въ историческій памятникъ.

„Горе отъ ума“ появилось раньше Онѣгина, Печорина, пережило ихъ, прошло невредимо чрезъ гоголевскій періодъ, прожило эти полвѣка со времени своего появленія и все живетъ своею нетлѣнною жизнью, переживетъ и еще много эпохъ, — и все не утратитъ своей жизненности.

Отчего же это, и что такое вообще это „Горе отъ ума“?

Критика не трогала комедію съ однажды занятаго ею мѣста, какъ будто затрудняясь, куда ее помѣстить. Изустная оцѣнка опередила печатную, какъ сама пьеса опередила печать. Но грамотная масса оцѣнила ее фактически. Сразу понявъ ея красоты и не найдя недостатковъ, она разнесла рукопись на клочья, на стихи, полустишія, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила мильонъ въ гривенники, и до того испестрила грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедію до пресыщенія.

Но пьеса выдержала и это испытаніе — и не только не опошлилась, но сдѣлалась какъ будто дороже для читателей, нашла себѣ въ каждомъ изъ нихъ покровителя, критика и друга, какъ басни Крылова, не утратившія своей литературной силы, перейдя изъ книги въ живую рѣчь.

Печатная критика всегда относилась съ бо́льшею или меньшею строгостью только къ сценическому исполненію пьесы, мало касаясь самой комедіи, или высказываясь въ отрывочныхъ, неполныхъ и разнорѣчивыхъ отзывахъ. Рѣшено разъ всѣми навсегда, что комедія—образцовое произведеніе—и на томъ всѣ помирились.

... „Горе отъ ума“ есть и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно-острая, жгучая сатира, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и комедія, и скажемъ сами за себя—больше всего комедія—какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ... Какъ картина, она, безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни—отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю.

Въ картинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного блѣднаго пятна, ни одного посторонняго, лишняго штриха и звука — зритель и читатель чувствуютъ себя, и теперь, въ нашу эпоху, среди живыхъ людей. И общее, и детали, — все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостиныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ „особымъ отпечаткомъ“ Москвы,—отъ Фамусова до мелкихъ штриховъ, до князя Тугоуховскаго и до лакея Петрушки, безъ которыхъ картина была бы неполна.

Однако, для насъ она еще не вполнѣ законченная историческая картина: мы не отодвинулись отъ эпохи на достаточное разстояніе, чтобъ между нею и нашимъ временемъ легла непроходимая бездна. Колоритъ не сгладился совсѣмъ; вѣкъ не отдѣлился отъ нашего, какъ отрѣзанный ломоть: мы кое-что оттуда унаслѣдовали, хотя Фамусовы, Молчалины, Загорѣцкіе и проч. и видоизмѣнились такъ, что не влѣзутъ уже въ кожу грибоѣдовскихъ типовъ. Рѣзкія черты отжили, конечно: никакой Фамусовъ не станетъ теперь приглашать въ шуты и ставить въ примѣръ Максима Петровича, по крайней мѣрѣ, такъ положительно и явно. Молчалинъ, даже передъ горничной, втихомолку, не сознается теперь въ тѣхъ заповѣдяхъ, которыя завѣщалъ ему отецъ; такой Скалозубъ, такой Загорѣцкій невозможны даже въ дальнемъ захолустьѣ. Но пока будетъ существовать стремленіе къ почестямъ помимо заслуги, пока будутъ водиться мастера и охот-

ники угодничать и „награжденья брать и весело пожить“, пока сплетни, бездѣлье, пустота будутъ господствовать не какъ пороки, а какъ стихіи общественной жизни, — до тѣхъ поръ, конечно, будутъ мелькать и въ современномъ обществѣ черты Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и другихъ,—нужды нѣтъ, что съ самой Москвы стерся тотъ „особый отпечатокъ“, которымъ гордился Фамусовъ.

Общечеловѣческіе образцы, конечно, остаются всегда, хотя и тѣ превращаются въ неузнаваемые отъ временныхъ перемѣнъ типы, такъ что, на смѣну старому, художникамъ иногда приходится обновлять, по прошествіи долгихъ періодовъ, являвшіяся уже когда-то въ образахъ основныя черты нравовъ и вообще людской натуры, облекая ихъ въ новую плоть и кровь въ духѣ своего времени. Тартюфъ, конечно, вѣчный типъ, Фальстафъ — вѣчный характеръ, — но и тотъ и другой, и многіе еще знаменитые подобные имъ первообразы страстей, пороковъ и проч., исчезая сами въ туманѣ старины, почти утратили живой образъ и обратились въ идею, въ условное понятіе, въ нарицательное имя порока — и для насъ служатъ уже не живымъ урокомъ, а портретомъ исторической галлереи.

Это особенно можно отнести къ грибоѣдовской комедіи. Въ ней мѣстный колоритъ слишкомъ ярокъ, и обозначеніе самыхъ характеровъ такъ строго очерчено, и обставлено такою реальностью деталей, что общечеловѣческія черты едва выдѣляются изъ-подъ общественныхъ положеній, рангова, костюмовъ и т. п.

Какъ картина современныхъ нравовъ, комедія „Горе отъ ума“ была отчасти анахронизмомъ и тогда, когда въ 30-хъ годахъ появилась на московской сценѣ. Уже Щепкинъ, Мочаловъ, Львова-Синецкая, Ленскій, Орловъ и Сабуровъ играли не съ натуры, а по свѣжему преданію. И тогда стали исчезать рѣзкіе штрихи. Самъ Чацкій гремитъ противъ „вѣка минувшаго“, когда писалась комедія, а она писалась между 1815 и 1820 годами.

Какъ посмотрѣть да посравнить (говоритъ онъ)
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ *минувшій*,
Свѣжо преданіе а вѣрится съ трудомъ—

а про свое время выражается такъ:

Теперь вольнѣе всякій дышетъ —
Бранилъ вашъ вѣкъ я безпощадно, говоритъ онъ Фамусову.

Слѣдовательно, теперь остается только немногое отъ мѣстнаго колорита: страсть къ чинамъ, низкопоклонничество, пустота. Но съ какими-нибудь реформами чины могутъ отойти, низкопоклонничество до степени лакейства молчалинскаго уже прячется и теперь въ темноту, а поэзія фрунта уступила мѣсто строгому и раціональному направленію въ военномъ дѣлѣ.

Но все же еще кое-какіе живые слѣды есть, и они пока мѣшаютъ обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ. Эта будущность еще пока у ней далеко впереди.

Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умрутъ, какъ и самъ разсыпанный въ нихъ острый и ѣдкій живой русскій умъ, который Грибоѣдовъ заключилъ, какъ волшебникъ, духа какого-нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ. Нельзя представить себѣ, чтобъ могла явиться когда-нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ жизни рѣчь. Проза и стихъ сли-

лись здѣсь во что-то нераздѣльное затѣмъ, кажется, чтобы ихъ легче было удержать въ памяти, и пустить опять въ оборотъ весь собранный авторомъ умъ, юморъ, шутку и злость русскаго ума и языка. Этотъ языкъ такъ же дался автору, какъ далась группа этихъ лицъ, какъ дался главный смыслъ комедіи, какъ далось все вмѣстѣ, будто вылилось разомъ, и все образовало необыкновенную комедію — и въ тѣсномъ смыслѣ, какъ сценическую пьесу, — и въ обширномъ, какъ комедію жизни. Другимъ ничѣмъ, какъ комедіей, она и не могла бы быть.

. . .Давно привыкли говорить, что нѣтъ движенія, т. е. нѣтъ дѣйствія въ пьесѣ.

Какъ нѣтъ движенія? Есть — живое, непрерывное, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: „карету мнѣ, карету!“

Это — тонкая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ, — вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ, — но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, геніальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т.-е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ.

Только при разъѣздѣ, въ сѣняхъ, зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію-интригу. Но и то не долго. Передъ нимъ уже выростаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи.

Главная роль, конечно, — роль Чацкаго, безъ которой не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ.

Самъ Грибоѣдовъ приписалъ горе Чацкаго его уму, а Пушкинъ отказалъ ему вовсе въ умѣ.

Можно бы было подумать, что Грибоѣдовъ, изъ отеческой любви къ своему герою, польстилъ ему въ заглавіи, какъ будто предупредивъ читателя, что герой его уменъ, а всѣ прочіе около него не умны.

Но Чацкій не только умнѣе свѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ — это человѣкъ, не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ „чувствителенъ и веселъ, и остеръ“. Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе и весь „умъ“.

И Онѣгинъ, и Печоринъ оказались неспособны къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже „озлоблены“, носили въ себѣ и „недовольство“ и бродили, какъ тѣни, съ „тоскующею лѣнью“. Но, презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не подумали ни бороться съ нимъ, ни бѣжать окончательно. Недовольство и озлобленіе не мѣшали Онѣгину франтить, „блестѣть“ и въ театрѣ, и на балѣ, и въ модномъ ресторанѣ, кокетничать съ

дѣвицами и серьезно ухаживать за ними въ замужествѣ, а Печорину блеститъ интересной скукой и мыкать свою лѣнь и озлобленіе между княжной Мери и Бэлой, а потомъ рисоваться равнодушіемъ къ нимъ передъ тупымъ Максимомъ Максимычемъ: это равнодушіе считалось квинтъ-эссенціей донъжуанства. Оба томились, задыхались въ своей средѣ и не знали, чего хотѣть. Онѣгинъ пробовалъ читать, но зѣвнулъ и бросилъ, потому что ему и Печорину была знакома одна наука „страсти нѣжной“, а прочему всему они учились „чему-нибудь и какъ-нибудь“—и имъ нечего было дѣлать.

Чацкій, какъ видно, напротивъ, готовился серьезно къ дѣятельности. Онъ „славно пишетъ, переводитъ“, говоритъ о немъ Фамусовъ, и всѣ твердятъ о его высокомъ умѣ. Онъ, конечно, путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, былъ въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся—не трудно догадаться почему:

Служить бы радъ, прислуживаться тошно,

— намекаетъ онъ самъ. О „тоскующей лѣни, о праздной скукѣ“ и помину нѣтъ, а еще менѣе о „страсти нѣжной“, какъ о наукѣ и занятіи. Онъ любитъ серьезно, видя въ Софьѣ будущую жену.

Между тѣмъ Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу, не найдя ни въ комъ „сочувствія живаго“, и уѣхать, увозя съ собой только „мильонъ терзаній“.

Ни Онѣгинъ, ни Печоринъ не поступили бы такъ не умно вообще, въ дѣлѣ любви и сватовства особенно. Но зато они уже поблѣднѣли и обратились для насъ въ каменныя статуи, а Чацкій остается и останется всегда въ живыхъ за эту свою „глупость“.

Читатель помнитъ, конечно, все, что продѣлалъ Чацкій. Прослѣдимъ слегка ходъ пьесы и постараемся выдѣлить изъ нея драматическій интересъ комедіи, то движеніе, которое идетъ черезъ всю пьесу, какъ невидимая, но живая нить, связующая всѣ части и лица комедіи между собою.

Чацкій вбѣгаетъ къ Софьѣ прямо изъ дорожнаго экипажа, не заѣзжая къ себѣ, горячо цѣлуетъ у ней руку, глядитъ ей въ глаза, радуется свиданію, въ надеждѣ найти отвѣтъ прежнему чувству—и не находитъ. Его поразили двѣ перемѣны: она необыкновенно похорошѣла и охладѣла къ нему — тоже необыкновенно.

Это его и озадачило, и огорчило, и немного раздражило. Напрасно онъ старался посыпать солью юмора свой разговоръ, частью играя этой своей силой, чѣмъ, конечно, прежде нравился Софьѣ, когда она его любила, — частью подъ вліяніемъ досады и разочарованія. Всѣмъ достается, всѣхъ перебралъ онъ—отъ отца Софьи до Молчалина,—и какими мѣткими чертами рисуетъ онъ Москву,—и сколько изъ этихъ стиховъ ушло въ живую рѣчь! Но все напрасно: нѣжныя воспоминанія, остроты—ничто не помогаетъ. Онъ *терпитъ отъ нея однѣ холодности*, пока, ѣдко задѣвъ Молчалина, онъ не задѣлъ за живое и ее. Она уже со скрытой злостью спрашиваетъ его, случилось ли ему хоть нечаянно „добро о комъ-нибудь сказать“, и исчезаетъ при входѣ отца, выдавъ послѣднему почти головой Чацкаго, т. е. объявивъ его героемъ разсказаннаго передъ тѣмъ отцу сна.

Съ этой минуты между нею и Чацкимъ завязался горячій поединокъ, самое живое дѣйствіе, комедія въ тѣсномъ смыслѣ, въ которой принимаютъ близкое участіе два лица: Молчалинъ и Лиза.

Всякій шагъ Чацкаго, почти всякое слово въ пьесѣ тѣсно связаны съ игрой чувства его къ Софьѣ, раздраженнаго какою-то ложью въ ея поступкахъ, которую онъ и бьется разгадать до самаго конца. Весь умъ

его и всѣ силы уходятъ въ эту борьбу; она и послужила мотивомъ, поводомъ къ раздраженіямъ, къ тому „мильону терзаній“, подъ вліяніемъ которыхъ онъ только и могъ сыграть указанную ему Грибоѣдовымъ роль, роль гораздо большаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь,—словомъ, роль для которой и родилась вся комедія.

Чацкій почти не замѣчаетъ Фамусова, холодно и разсѣянно отвѣчаетъ на его вопросъ: гдѣ былъ? „Теперь мнѣ до того ли?“ говоритъ онъ и, обѣщая пріѣхать опять, уходитъ, проговаривая изъ того, что его поглощаетъ:

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Во второмъ посѣщеніи онъ начинаетъ разговоръ опять о Софьѣ Павловнѣ: — „Не больна ли она? не приключилось ли ей печали?“—и до такой степени охваченъ и подогрѣтымъ ея разцвѣтшей красотой чувствомъ и ея холодностью къ нему, что на вопросъ отца: не хочетъ ли онъ на мей жениться, въ разсѣянности спрашиваетъ: „А вамъ на что?“ И потомъ равнодушно, только изъ приличія, дополняетъ:

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

И, почти не слушая отвѣта, вяло замѣчаетъ на совѣтъ „послужить:“

Служить бы радъ,—прислуживаться тошно!

Онъ и въ Москву, и къ Фамусову пріѣхалъ, очевидно, для Софьи и къ одной Софьѣ. До другихъ ему дѣла нѣтъ; ему и теперь досадно, что онъ, вмѣсто нея, нашелъ одного Фамусова. „Какъ здѣсь бы ей не быть?“ задается онъ вопросомъ, припоминая прежнюю юношескую свою любовь, которую въ немъ „ни даль не охладила, ни развлеченіе, ни перемѣна мѣстъ“,—и мучается ея холодностью.

Ему скучно и говорить съ Фамусовымъ — и только положительный вызовъ Фамусова на споръ выводитъ Чацкаго изъ его сосредоточенности:

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы:
Смотрѣли бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя!

— говоритъ Фамусовъ и затѣмъ чертитъ такой грубый и уродливый рисунокъ раболѣпства, что Чацкій не вытерпѣлъ и, въ свою очередь, сдѣлалъ параллель вѣка „минувшаго“ съ вѣкомъ „нынѣшнимъ“.

Но все еще раздраженіе его сдержанно: онъ какъ будто совѣстится за себя, что вздумалъ отрезвлять Фамусова отъ его понятій; онъ спѣшитъ вставить, что „не о дядюшкѣ его говоритъ“, котораго привелъ въ примѣръ Фамусовъ, и даже предлагаетъ послѣднему побранить и свой вѣкъ, наконецъ, всячески старается замять разговоръ, видя, какъ Фамусовъ заткнулъ уши,—успокаиваетъ его, почти извиняется:

Длить споры не мое желанье,

— говоритъ онъ. Онъ готовъ опять войти въ себя. Но его будитъ неожиданный намекъ Фамусова на слухъ о сватовствѣ Скалозуба.

Вотъ будто женится на Софьюшкѣ... и т. д.

Чацкій навострилъ уши.

Какъ суетится, что за прытъ!—

„А Софья? Нѣтъ ли впрямъ тутъ жениха какого?“ говоритъ онъ, и хотя потомъ прибавляетъ:

Ахъ — тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

— но самъ еще не вѣритъ этому, по примѣру всѣхъ влюбленныхъ, пока эта любовная аксіома не разыгралась надъ нимъ до конца.

Фамусовъ подтверждаетъ свой намекъ о женитьбѣ Скалозуба, навязывая послѣднему мысль „о генеральшѣ“, и почти явно вызываетъ на сватовство.

Эти намеки на женитьбу возбудили подозрѣнія Чацкаго о причинахъ перемѣны къ нему Софьи. Онъ даже согласился было на просьбу Фамусова бросить „завиральныя идеи“ и помолчать при гостѣ. Но раздраженіе уже шло crescendo, и онъ вмѣшался въ разговоръ, пока небрежно, а потомъ, раздосадованный неловкой похвалой Фамусова его уму и проч., возвышаетъ тонъ и разрѣшается рѣзкимъ монологомъ: „А судьи кто?“ и т. д.

Тутъ уже завязывается другая борьба, важная и серьезная, цѣлая битва. Здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ раздается, какъ въ увертюрѣ оперъ, главный мотивъ, намекается на истинный смыслъ и цѣль комедіи. Оба, Фамусовъ и Чацкій, бросили другъ другу перчатку:

Смотрѣли бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя!

— раздался военный кликъ Фамусова. „А кто эти старшіе и „судьи“?

...За дряхлостію лѣтъ
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима,

— отвѣчаетъ Чацкій и казнитъ —

Прошедшаго житья подлѣйшія черты.

Образовались два лагеря, или, съ одной стороны, цѣлый лагерь Фамусовыхъ и всей братіи „отцовъ и старшихъ“,—съ другой, одинъ пылкій и отважный боецъ, „врагъ исканій“. Это борьба на жизнь и смерть, борьба за существованіе, какъ новѣйшіе натуралисты опредѣляютъ естественную смѣну поколѣній въ животномъ мірѣ. Фамусовъ хочетъ быть „тузомъ“, — „ѣсть на серебрѣ и на золотѣ, ѣздить цугомъ, весь въ орденахъ, быть богатымъ и видѣть дѣтей богатыми, въ чинахъ, орденахъ и съ ключомъ“— и такъ безъ конца, и все это только за то, что онъ подписываетъ бумаги, не читая и боясь одного, чтобъ „множество не накопилось ихъ“.

Чацкій рвется „къ свободной жизни“, „къ занятіямъ наукой и искусствомъ“ и требуетъ „службы дѣлу, а не лицамъ и т. д.“. На чьей сторонѣ побѣда? Комедія даетъ Чацкому только „*мильонъ терзаній*“ и оставляетъ, повидимому, въ томъ же положеніи Фамусова и его братію, въ какомъ они были, ничего не говоря о послѣдствіяхъ борьбы.

Теперь намъ извѣстны эти послѣдствія. Они обнаружились съ появленіемъ комедіи, еще въ рукописи, въ свѣтъ—и какъ эпидемія охватили всю Россію.

Между тѣмъ интрига любви идетъ своимъ чередомъ, правильно, съ тонкою психологическою вѣрностью, которая во всякой другой пьесѣ, лишенной прочихъ колоссальныхъ грибоѣдовскихъ красотъ—могла бы сдѣлать автору имя.

Обморокъ Софьи при паденіи съ лошади Молчалина, ея участье къ нему, такъ неосторожно высказавшееся, новые сарказмы Чацкаго на Мол-

чалина — все это усложнило дѣйствіе и образовало тотъ главный пунктъ, который назывался въ піитикахъ завязкою. Тутъ сосредоточился драматическій интересъ. Чацкій почти угадалъ истину.

Смятенье, обморокъ, поспѣшность, гнѣвъ испуга (по случаю паденья Молчалина съ лошади)—
Все это можно ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга,

— говоритъ онъ и уѣзжаетъ въ сильномъ волненіи, въ мукахъ подозрѣній на двухъ соперниковъ.

Въ третьемъ актѣ онъ раньше всѣхъ забирается на балъ, съ цѣлью „вынудить признанье у Софьи“—и съ дрожью нетерпѣнья приступаетъ къ дѣлу прямо съ вопросомъ: „кого она любитъ?“

Послѣ уклончиваго отвѣта, она признается, что ей милѣе его „иные“. Кажется, ясно: онъ и самъ видитъ это, и даже говоритъ:

И я чего хочу, когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!

Однако лѣзетъ, какъ всѣ влюбленные, не смотря на свой „умъ“, и уже слабѣетъ передъ ея равнодушіемъ. Онъ бросаетъ никуда негодное противъ счастливаго соперника оружіе—прямое нападеніе на него, и снисходитъ до притворства:

Разъ въ жизни притворюсь,

рѣшаетъ онъ, — чтобъ „разгадать загадку“, а собственно, чтобъ удержать Софью, когда она рванулась прочь при новой стрѣлѣ, пущенной въ Молчалина. Это не притворство, а уступка, которою онъ хочетъ выпросить то, чего нельзя выпросить—любви, когда ея нѣтъ. Въ его рѣчи уже слышится молящій тонъ, нѣжные упреки, жалобы:

Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та..
Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ...

— говоритъ онъ — и наконецъ:

Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку—вы, который съ вами взросъ—
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ..

Это уже слезы. Онъ трогаетъ серьезныя струны чувства —

Отъ сумасшествія могу я остеречься,
Пущусь подалѣе простыть, охолодѣть...

— заключаетъ онъ. Затѣмъ оставалось только упасть на колѣни и зарыдать. Остатки ума спасаютъ его отъ безполезнаго униженія.

Такой мастерской сцены, высказанной такими стихами, едва ли представляетъ какое-нибудь другое драматическое произведеніе. Нельзя благороднѣе и трезвѣе высказать чувство, какъ оно высказалось у Чацкаго,

нельзя тоньше и граціознѣе выпутаться изъ ловушки, какъ выпутывается Софья Павловна. Только пушкинскія сцены Онѣгина съ Татьяной напоминаютъ эти тонкія черты умныхъ натуръ.

Софьѣ удалось-было совершенно отдѣлаться отъ ревнивой подозрительности Чацкаго, но она сама увлеклась своей любовью къ Молчалину и чуть не испортила все дѣло, высказавшись почти открыто въ любви. На вопросъ Чацкаго:

Зачѣмъ же вы его (Молчалина) такъ коротко узнали?

Она отвѣчаетъ:

Я не старалась: Богъ насъ свелъ.

Этого довольно, чтобъ открыть глаза слѣпому. Но ее спасъ самъ Молчалинъ, т. е. его ничтожество. Она въ увлеченіи поспѣшила нарисовать его портретъ во весь ростъ, можетъ быть, въ надеждѣ примирить съ этой любовью не только себя, но и другихъ, даже Чацкаго, не замѣчая, какъ портретъ выходитъ пошлъ:

Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ,
При батюшкѣ три года служитъ;
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ.
А, между прочимъ,

Веселостей искать бы могъ,—
Ничуть отъ старичковъ не ступитъ за порогъ!
Мы рѣзвимся, хохочемъ;
Онъ съ нами цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ...

Далѣе:

Чудеснѣйшаго свойства...
Онъ, наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь, и вкось не рубитъ....
Вотъ я за что его люблю!

У Чацкаго разсѣялись всѣ сомнѣнія:

Она его не уважаетъ!
Шалитъ, она его не любитъ.
Она не ставитъ въ грошъ его!

— утѣшаетъ онъ себя при каждой ея похвалѣ Молчалину, и потомъ хватается за Скалозуба. Но отвѣтъ ея, что онъ „герой не ея романа“, уничтожилъ и эти сомнѣнія. Онъ оставляетъ ее безъ ревности, но въ раздумьѣ—сказавъ:

Кто разгадаетъ васъ!

Онъ и самъ не вѣрилъ въ возможность такихъ соперниковъ, а теперь убѣдился въ этомъ. Но и его надежды на взаимность, до сихъ поръ горячо волновавшія его, совершенно поколебались, особенно когда она не согласилась остаться съ нимъ подъ предлогомъ, что „щипцы остынутъ“, и потомъ, на просьбу его позволить зайти къ ней въ комнату, при новой колкости на Молчалина, она ускользнула отъ него и заперлась.

Онъ почувствовалъ, что главная цѣль возвращенія въ Москву ему измѣнила, и онъ отходитъ отъ Софьи съ грустью. Онъ, какъ потомъ сознается въ сѣняхъ, съ этой минуты подозрѣваетъ въ ней только холодность ко всему—и послѣ этой сцены самый обморокъ отнесъ не „къ признакамъ живыхъ страстей“, какъ прежде, а „къ причудѣ избалованныхъ нервъ“.

Слѣдующая сцена его съ Молчалинымъ, вполнѣ обрисовывающая характеръ послѣдняго, утверждаетъ Чацкаго окончательно, что Софья не любитъ этого соперника.

Обманщица смѣялась надо мной!

— замѣчаетъ онъ и идетъ на встрѣчу новымъ лицамъ.

Комедія между нимъ и Софьей оборвалась; жгучее раздраженіе ревности унялось, и холодъ безнадежности пахнулъ ему въ душу.

Ему оставалось уѣхать; но на сцену вторгается другая, живая, бойкая комедія, открывается разомъ нѣсколько новыхъ перспективъ московской жизни, которыя не только вытѣсняютъ изъ памяти зрителя интригу Чацкаго, но и самъ Чацкій какъ будто забываетъ о ней и мѣшается въ толпу. Около него группируются и играютъ, каждое свою роль, новыя лица. Это балъ со всей московской обстановкой, съ рядомъ живыхъ сценическихъ очерковъ, въ которыхъ каждая группа образуетъ свою отдѣльную комедію, съ полною обрисовкою характеровъ, успѣвшихъ въ нѣсколькихъ словахъ разыграться въ законченное дѣйствіе.

Развѣ не полную комедію разыгрываютъ Горичевы? Этотъ мужъ, недавно еще бодрый и живой человѣкъ, теперь опустившійся, облекшійся, какъ въ халатъ, въ московскую жизнь, баринъ, „мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, идеалъ московскихъ мужей“, по мѣткому опредѣленію Чацкаго, — подъ башмакомъ приторной, жеманной, свѣтской супруги, московской дамы?

А эти шесть княженъ и графиня-внучка, — весь этотъ контингентъ невѣстъ, „умѣющихъ, по словамъ Фамусова, принарядить себя тафтицей, бархатцемъ и дымкой“, „поющихъ верхнія нотки и льнущихъ къ военнымъ людямъ?“

Эта Хлестова, остатокъ екатерининскаго вѣка, съ моськой, съ арапкой-дѣвочкой, — эта княгиня и князь Петръ Ильичъ — безъ слова, но такая говорящая руина прошлаго, — Загорѣцкій, явный мошенникъ, спасающійся отъ тюрьмы въ лучшихъ гостиныхъ и откупающійся угодливостью, въ родѣ собачьихъ поносокъ — и эти NN — и всѣ толки ихъ и все занимающее ихъ содержаніе!

Наплывъ этихъ лицъ такъ обиленъ, портреты ихъ такъ рельефны, что зритель хладѣетъ къ интригѣ, не успѣвая ловить эти быстрые очерки новыхъ лицъ и вслушиваться въ ихъ оригинальный говоръ.

Чацкаго уже нѣтъ на сценѣ. Но онъ до ухода далъ обильную пищу той главной комедіи, которая началась у него съ Фамусовымъ въ первомъ актѣ, потомъ съ Молчалинымъ, — той битвѣ со всей Москвой, куда онъ, по цѣлямъ автора, затѣмъ и пріѣхалъ.

Въ краткихъ, даже мгновенныхъ встрѣчахъ съ старыми знакомыми, онъ успѣлъ всѣхъ вооружить противъ себя ѣдкими репликами и сарказмами. Его уже живо затрогиваютъ всякіе пустяки — и онъ даетъ волю языку. Разсердилъ старуху Хлестову, далъ невпопадъ нѣсколько совѣтовъ Горичеву, рѣзко оборвалъ графиню-внучку и опять задѣлъ Молчалина.

Но чаша переполнилась. Онъ выходитъ изъ заднихъ комнатъ уже окончательно разстроенный, и, по старой дружбѣ, опять идетъ къ Софьѣ,

надѣясь хоть на простое сочувствіе. Онъ повѣряетъ ей свое душевное состояніе:

Мильонъ терзаній!

— говоритъ онъ:

Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
Здѣсь у меня душа какимъ-то горемъ сжата!

— жалуется онъ ей, не подозрѣвая, какой заговоръ созрѣлъ противъ него въ непріятельскомъ лагерѣ.

„Мильонъ терзаній“ и „горе!“ — вотъ что онъ пожалъ за все, что успѣлъ посѣять. До сихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ: умъ его безпощадно поражалъ больныя мѣста враговъ. Фамусовъ ничего не находитъ, какъ только зажать уши противъ его логики, и отстрѣливается общими мѣстами старой морали. Молчалинъ смолкаетъ, княжны, графини пятятся прочь отъ него, обожженныя крапивой его смѣха, и прежній другъ его, Софья, которую одну онъ щадитъ, лукавитъ, скользитъ и наноситъ ему главный ударъ втихомолку, объявивъ его, подъ рукой, вскользъ съумасшедшимъ.

Онъ чувствовалъ свою силу и говорилъ увѣренно. Но борьба его истомила. Онъ, очевидно, ослабѣлъ отъ этого „мильона терзаній“, и разстройство обнаружилось въ немъ такъ замѣтно, что около него группируются всѣ гости, какъ собирается толпа около всякаго явленія, выходящаго изъ обыкновеннаго порядка вещей.

Онъ не только грустенъ, но и желченъ, придирчивъ. Онъ, какъ раненый, собираетъ всѣ силы, дѣлаетъ вызовъ толпѣ — и наноситъ ударъ всѣмъ, — но не хватило у него мощи противъ соединеннаго врага.

Онъ впадаетъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи, и подтверждаетъ во мнѣніи гостей распущенный Софьей слухъ о его съумасшествіи. Слышится уже не острый, ядовитый сарказмъ, въ который вставлена вѣрная, опредѣленная идея, правда, — а какая-то горькая жалоба, какъ будто на личную обиду, на пустую, или, по его же словамъ, „незначущую встрѣчу съ французикомъ изъ Бордо“, которую онъ, въ нормальномъ состояніи духа, едва ли бы замѣтилъ.

Онъ пересталъ владѣть собой, и даже не замѣчаетъ, что онъ самъ составляетъ спектакль на балѣ. Онъ ударяется и въ патріотическій паѳосъ, договаривается до того, что находитъ фракъ противнымъ „разсудку и стихіямъ“, сердится, что madame и mademoiselle не переведены на русскій языкъ, — словомъ, „il divague!“ заключили, вѣроятно, о немъ всѣ шесть княженъ и графиня-внучка. Онъ чувствуетъ это и самъ, говоря, что „въ многолюдствѣ онъ растерянъ, самъ не свой!“

Онъ точно самъ не свой, начиная съ монолога о французикѣ изъ Бордо — и такимъ остается до конца пьесы. Впереди пополняется только „мильонъ терзаній“.

Пушкинъ, отказывая Чацкому въ умѣ, вѣроятно, всего болѣе имѣлъ въ виду послѣднюю сцену 4-го акта, въ сѣняхъ, при разъѣздѣ. Конечно, ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, эти франты, не сдѣлали бы того, что продѣлалъ въ сѣняхъ Чацкій. Тѣ были слишкомъ дрессированы „въ наукѣ страсти нѣжной“, а Чацкій отличается, между прочимъ, искренностью и простотой, и не умѣетъ и не хочетъ рисоваться. Онъ не франтъ, не левъ. Здѣсь измѣняетъ ему не только умъ, но и здравый смыслъ, даже простое приличіе. Такихъ пустяковъ надѣлалъ онъ!

Отдѣлавшись отъ болтовни Репетилова и спрятавшись въ швейцарскую, въ ожиданіи кареты, онъ подглядѣлъ свиданіе Софьи съ Молчалинымъ и разигралъ роль Отелло, не имѣя на то никакихъ правъ. Онъ упрекаетъ ее, зачѣмъ она его „надеждой завлекла“, зачѣмъ прямо не сказала, что прошлое забыто. Тутъ что ни слово — то неправда. Никакой надеждой она его не завлекала. Она только и дѣлала, что уходила отъ него, едва говорила съ нимъ, призналась въ равнодушіи, назвала какой-то старый дѣтскій романъ и прятанье по угламъ „ребячествомъ“ и даже намекнула, что „Богъ ее свелъ съ Молчалинымъ“.

А онъ, потому только, что —

..... такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ,

— въ ярости, за собственное свое безполезное униженіе, за напущенный на себя добровольно самимъ собой обманъ, — казнитъ всѣхъ, а ей бросаетъ жестокое и несправедливое слово:

Съ вами я горжусь моимъ разрывомъ,

— когда нечего было и разрывать! Наконецъ просто доходитъ до брани изливая желчь:

На дочь и на отца
И на любовника *глупца*,

— и кипитъ бѣшенствомъ на всѣхъ, „на мучителей толпу, предателей, нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ, старухъ зловѣщихъ и т. д. И уѣзжаетъ изъ Москвы искать „уголка оскорбленному чувству“, произнося всему безпощадный судъ и приговоръ!

Еслибъ у него явилась одна здоровая минута, еслибъ не жегъ его „мильонъ терзаній“, онъ бы, конечно, самъ сдѣлалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ и за что надѣлалъ я всю эту кутерьму?“ И, конечно, не нашелъ бы отвѣта.

За него отвѣчаетъ Грибоѣдовъ, который не спроста кончилъ пьесу этой катастрофой. Въ ней не только для Софьи, но и для Фамусова и всѣхъ его гостей, „умъ“ Чацкаго, сверкавшій, какъ лучъ свѣта, въ цѣлой пьесѣ, разразился въ концѣ въ тотъ громъ, при которомъ крестятся, по пословицѣ, мужики.

Отъ грома первая перекрестилась Софья, остававшаяся до самаго появленія Чацкаго, когда Молчалинъ уже ползалъ у ногъ ея, все тою же безсознательною Софьею Павловною, съ тою же ложью, въ какой ее воспиталъ отецъ, въ какой онъ прожилъ самъ, весь его домъ и весь кругъ. Еще не опомнившись отъ стыда и ужаса, когда маска упала съ Молчалина, она прежде всего радуется, что „ночью все узнала, что нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ!“

А нѣтъ свидѣтелей,—слѣдовательно, все шито да крыто, можно забыть, выйти замужъ, пожалуй, за Скалозуба, а на прошлое смотрѣть...

Да никакъ не смотрѣть. Свое нравственное чувство стерпитъ, Лиза не проговорится, Молчалинъ пикнуть не смѣетъ. А мужъ? Но какой же московскій мужъ, „изъ женихъ пажей“, станетъ озираться на прошлое!

Это и ея мораль, и мораль отца, и всего круга. А между тѣмъ Софья Павловна индивидуально не безнравственна: она грѣшитъ грѣхомъ невѣдѣнія, слѣпоты, въ которой жили всѣ —

Свѣтъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ!

Въ этомъ двустишіи Пушкина выражается общій смыслъ условной морали. Софья никогда не прозрѣвала отъ нея и не прозрѣла бы безъ Чацкаго никогда, за неимѣніемъ случая. Послѣ катастрофы, съ минуты появленія Чацкаго—оставаться слѣпой уже невозможно. Его суда ни обойти забвеніемъ, ни подкупить ложью, ни успокоить — нельзя. Она не можетъ не уважать его — и онъ будетъ вѣчнымъ ея „укоряющимъ свидѣтелемъ", судьей ея прошлаго. Онъ открылъ ей глаза.

До него она не сознавала слѣпоты своего чувства къ Молчалину, и даже, разбирая послѣдняго, въ сценѣ съ Чацкимъ, по ниточкѣ, сама собою не прозрѣла на него. Она не замѣчала, что сама вызвала его на эту любовь, о которой онъ, дрожа отъ страха, и подумать не смѣлъ. Ее не смущали свиданія наединѣ ночью, и она даже проговорилась въ благодарности къ нему, въ послѣдней сценѣ, за то, что „въ ночной тиши онъ держался больше робости во нравѣ!" Слѣдовательно, и тѣмъ, что она не увлечена окончательно и безвозвратно, она обязана не себѣ самой, а ему!

Наконецъ, въ самомъ началѣ, она проговаривается еще наивнѣе передъ горничной:

Подумаешь, какъ счастье своенравно,

— говоритъ она, когда отецъ засталъ Молчалина рано утромъ у ней въ комнатѣ:

Бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ!

А Молчалинъ просидѣлъ у нея въ комнатѣ цѣлую ночь. Что́ же разумѣла она подъ этимъ „хуже?" Можно подумать, Богъ знаетъ что: но honny soit, qui mal y pense! Софья Павловна вовсе не такъ виновна, какъ кажется.

Это — смѣсь хорошихъ инстинктовъ съ ложью, живаго ума съ отсутствіемъ всякаго намека на идеи и убѣжденія, — путаница понятій, умственная и нравственная слѣпота — все это не имѣетъ въ ней характера личныхъ пороковъ, а является, какъ общія черты ея круга. Въ собственной, личной ея физіономіи прячется въ тѣни что-то свое, горячее, нѣжное, даже мечтательное. Остальное принадлежитъ воспитанію.

Французскія книжки, на которыя сѣтуетъ Фамусовъ, фортепіано (еще съ аккомпаниментомъ флейты), стихи, французскій языкъ и танцы — вотъ что считалось классическимъ образованіемъ барышни. А потомъ „Кузнецкій мостъ и вѣчныя обновы", балы такіе, какъ этотъ балъ у ея отца, и это общество — вотъ тотъ кругъ, гдѣ была заключена жизнь „барышни". Женщины учились только воображать и чувствовать, и не учились мыслить и знать. Мысль безмолствовала: говорили одни инстинкты. Житейскую мудрость почерпали онѣ изъ романовъ, повѣстей—и оттуда инстинкты развивались въ уродливыя, жалкія, или глупыя свойства: мечтательность, сентиментальность, исканіе идеала въ любви, а иногда и хуже.

Въ снотворномъ застоѣ, въ безвыходномъ морѣ лжи, у большинства женщинъ снаружи господствовала условная мораль, — а втихомолку жизнь кипила, за отсутствіемъ здоровыхъ и серьезныхъ интересовъ, вообще всякаго содержанія, тѣми романами, изъ которыхъ и создалась „наука страсти нѣжной". Онѣгины и Печорины — вотъ представители цѣлаго класса, почти породы ловкихъ кавалеровъ, jeunes premiers. Эти передовыя личности въ high life — такими являлись и въ произведеніяхъ литературы, гдѣ и занимали почетное мѣсто со временъ рыцарства и до нашего времени, до Гоголя. Самъ Пушкинъ, не говоря о Лермонтовѣ, дорожилъ этимъ внѣшнимъ блескомъ, этою представительностью du bon ton, манерами высшаго свѣта, подъ которою крылось и „озлобленіе", и „тоскующая, лѣнь" и „интересная

скука". Пушкинъ щадитъ Онѣгина, хотя касается легкой ироніей его праздности и пустоты, но до мелочи, и съ удовольствіемъ описываетъ модный костюмъ, бездѣлки туалета, франтовство — и ту напущенную на себя небрежность и невниманіе ни къ чему, эту fatuité, позированье, которымъ щеголяли дэнди. Духъ позднѣйшаго времени снялъ заманчивую драпировку съ его героя и всѣхъ подобныхъ ему „кавалеровъ", и опредѣлилъ истинное значеніе такихъ господъ, согнавъ ихъ съ перваго плана.

Они и были героями и руководителями этихъ романовъ, и обѣ стороны дрессировались до брака, который поглощалъ всѣ романы почти безслѣдно, развѣ попадалась и оглашалась какая-нибудь слабонервная сентиментальная — словомъ, дурочка, или героемъ оказывался такой искренній „съумасшедшій", какъ Чацкій.

Но въ Софьѣ Павловнѣ, спѣшимъ оговориться, т. е. въ чувствѣ ея къ Молчалину, есть много искренности, сильно напоминающей Татьяну Пушкина. Разницу между ними кладетъ „московскій отпечатокъ", потомъ бойкость, умѣнье владѣть собой, которое явилось въ Татьянѣ при встрѣчѣ съ Онѣгинымъ уже послѣ замужества, а до тѣхъ поръ она не съумѣла солгать о любви даже нянѣ. Но Татьяна — деревенская дѣвушка, а Софья Павловна — московская, по тогдашнему, развитая.

Между тѣмъ она, въ любви своей, точно такъ же готова выдать себя, какъ Татьяна: обѣ, какъ въ лунатизмѣ, бродятъ въ увлеченіи, съ дѣтской простотой. И Софья, какъ Татьяна же, сама начинаетъ романъ, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, даже не догадывается о томъ. Софья удивляется хохоту горничной при разсказѣ, какъ она съ Молчалинымъ проводитъ всю ночь: „Ни слова вольнаго! — и такъ вся ночь проходитъ!" „Врагъ дерзости, всегда застѣнчивый, стыдливый!" Вотъ чѣмъ она восхищается въ немъ! Это смѣшно, но тутъ есть какая-то почти дѣтская грація — и куда далеко до безнравственности, нужды нѣтъ, что она проговорилась словомъ *хуже:* это тоже наивность. Громадная разница не между ею и Татьяной, а между Онѣгинымъ и Молчалинымъ. Выборъ Софьи, конечно, не рекомендуетъ ее, но и выборъ Татьяны тоже былъ случайный, даже едва ли ей и было изъ кого выбрать.

Вглядываясь глубже въ характеръ и въ обстановку Софьи, видишь, что не безнравственность (но и не „Богъ", конечно) „свели ее" съ Молчалинымъ. Прежде всего, влеченіе покровительствовать любимому человѣку, бѣдному, скромному, не смѣющему поднять на нее глазъ, — возвысить его до себя, до своего круга, дать ему семейныя права. Безъ сомнѣнія, ей въ этомъ улыбалась роль властвовать надъ покорнымъ созданіемъ, сдѣлать его счастье и имѣть въ немъ вѣчнаго раба. Не ея вина, что изъ этого выходилъ будущій „мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга — идеалъ московскихъ мужей!" На другіе идеалы негдѣ было наткнуться въ домѣ Фамусова.

Вообще къ Софьѣ Павловнѣ трудно отнестись не симпатично: въ ней есть сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости. Она загублена въ духотѣ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, ни одна струя свѣжаго воздуха. Не даромъ любилъ ее и Чацкій. Послѣ него, она одна изъ всей этой толпы напрашивается на какое-то грустное чувство, и въ душѣ читателя противъ нея нѣтъ того безучастнаго смѣха, съ какимъ онъ разстается съ прочими лицами.

Ей, конечно, тяжелѣ всѣхъ, тяжелѣ даже Чацкаго, и ей достается свой „мильонъ терзаній".

Чацкаго роль — роль страдательная: оно иначе и быть не можетъ. Такова роль всѣхъ Чацкихъ, хотя она, въ то же время, и всегда побѣдительная. Но они не знаютъ о своей побѣдѣ, они сѣютъ только, а пожи-

наютъ другіе — и въ этомъ ихъ главное страданіе, т. е. въ безнадежности успѣха.

Конечно, Павла Аѳанасьевича Фамусова онъ не образумилъ, не отрезвилъ и не исправилъ. Еслибъ у Фамусова, при разъѣздѣ, не было „укоряющихъ свидѣтелей", т. е. толпы лакеевъ и швейцара — онъ легко справился бы съ своимъ горемъ: далъ бы головомойку дочери, выдралъ бы за ухо Лизу и поторопился бы свадьбой Софьи съ Скалозубомъ. Но теперь нельзя: на утро, благодаря сценѣ съ Чацкимъ, вся Москва узнаетъ — и пуще всѣхъ „княгиня Марья Алексѣевна". Покой его возмутится со всѣхъ сторонъ — и поневолѣ заставитъ кое о чемъ подумать, чего ему въ голову не приходило. Онъ едва ли даже кончитъ свою жизнь такимъ „тузомъ", какъ прежніе. Толки, порожденные Чацкимъ, не могли не всколыхать всего круга его родныхъ и знакомыхъ. Онъ уже и самъ противъ горячихъ монологовъ Чацкаго не находилъ оружія. Всѣ слова Чацкаго разнесутся, повторятся всюду и произведутъ свою бурю.

Молчалинъ, послѣ сцены въ сѣняхъ, не можетъ оставаться прежнимъ Молчалинымъ. Маска сдернута, его узнали, и ему, какъ пойманному вору, надо прятаться въ уголъ. Горичевы, Загорѣцкій, княжны — всѣ попали подъ градъ его выстрѣловъ, и эти выстрѣлы не останутся безслѣдны. Въ этомъ, до сихъ поръ согласномъ хорѣ, иные голоса, еще смѣлые вчера, смолкнутъ, или раздадутся другіе, и за, и противъ. Битва только разгоралась; Чацкаго авторитетъ извѣстенъ былъ и прежде, какъ авторитетъ ума, остроумія, конечно, знаній и проч. У него есть уже и единомышленники. Скалозубъ жалуется, что братъ его оставилъ службу, не дождавшись чина, и сталъ книги читать. Одна изъ старухъ ропщетъ, что племянникъ ея, князь Ѳедоръ, занимается химіей и ботаникой. Нуженъ былъ только взрывъ, бой, и онъ завязался, упорный и горячій — въ одинъ день, въ одномъ домѣ, но послѣдствія его, какъ мы выше сказали, отразились на всей Москвѣ и Россіи. Чацкій породилъ расколъ, и если обманулся въ своихъ личныхъ цѣляхъ, не пашелъ „прелести встрѣчъ, живаго участья", то брызнулъ самъ на заглохшую почву живой водой — увезя съ собой „мильонъ терзаній", этотъ терновый вѣнецъ Чацкихъ — терзаній отъ всего: отъ „ума", а еще болѣе отъ „оскорбленнаго чувства".

На эту роль не годились ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, ни другіе франты. Они и новизной идей умѣли блистать, какъ новизной костюма, новыхъ духовъ и проч. Заѣхавъ въ глушь, Онѣгинъ поражалъ всѣхъ тѣмъ, что къ дамамъ „къ ручкѣ не подходитъ, стаканами, а не рюмками пилъ красное вино", говорилъ просто: *да* и *нѣтъ*, вмѣсто *да-съ* и *нѣтъ-съ*. Онъ морщится отъ „брусничной воды", въ разочарованіи бранитъ луну „глупой" — и небосклонъ то же. Онъ привезъ на гривенникъ новаго, и вмѣшавшись „умно", а не какъ Чацкій, „глупо", въ любовь Ленскаго и Ольги и, убивъ Ленскаго, увезъ съ собой не „мильонъ", а на „гривенникъ" же и терзаній!

Теперь, въ наше время, конечно, сдѣлали бы Чацкому упрекъ, зачѣмъ онъ поставилъ свое „оскорбленное чувство" выше общественныхъ вопросовъ, общаго блага и т. д., и не остался въ Москвѣ продолжать свою роль бойца съ ложью и предразсудками, роль — выше и важнѣе роли отвергнутаго жениха?

Да, теперь! А въ то время, для большинства, понятія объ общественныхъ вопросахъ были бы то же, что для Репетилова толки „о камерѣ и о присяжныхъ". Критика много погрѣшила тѣмъ, что, въ судѣ своемъ надъ знаменитыми покойниками, сходила съ исторической точки, забѣгала впередъ и поражала ихъ современнымъ оружіемъ. Не будемъ повторять ея ошибокъ — и не обвинимъ Чацкаго за то, что въ его горячихъ рѣчахъ, об-

ращенныхъ къ фамусовскимъ гостямъ, нѣтъ помина объ общемъ благѣ, когда уже и такой расколъ отъ „исканій мѣстъ, отъ чиновъ“, какъ „занятіе науками и искусствами“, считался „разбоемъ и пожаромъ“.

Живучесть роли Чацкаго состоитъ не въ новизнѣ неизвѣстныхъ идей, блестящихъ гипотезъ, горячихъ и дерзкихъ утопій, или даже истинъ en herbe: у него нѣтъ отвлеченностей. Провозвѣстники новой зари, или фанатики, или, просто, вѣстовщики — всѣ эти передовые курьеры неизвѣстнаго будущаго являются и — по естественному ходу общественнаго развитія — должны являться, но ихъ роли и физіономіи до безконечности разнообразны.

Роль и физіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь, „жизнь свободную“. Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ, и что должна принести ему эта жизнь. Онъ не теряетъ земли изъ-подъ ногъ и не вѣритъ въ призракъ, пока онъ не облекся въ плоть и кровь, не осмыслился разумомъ, правдой,— словомъ, не очеловѣчился.

Передъ увлеченіемъ неизвѣстнымъ идеаломъ, передъ обольщеніемъ мечты онъ трезво остановится, какъ остановился передъ безсмысленнымъ отрицаніемъ „законовъ, совѣсти и вѣры“ въ болтовнѣ Репетилова, и скажетъ свое:

Послушай: ври, да знай же мѣру!

Онъ очень положителенъ въ своихъ требованіяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношескою запальчивостью со сцены всего, что уцѣлѣло, что, по законамъ разума и справедливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживать свой срокъ, что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ мѣста и свободы своему вѣку; проситъ дѣла, но не хочетъ прислуживаться, и клеймитъ позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ „службы дѣлу, а не лицамъ“, не смѣшиваетъ „веселья или дурачества съ дѣломъ“, какъ Молчалинъ,—онъ тяготится среди пустой, праздной толпы „мучителей, предателей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ“, отказываясь преклоняться передъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія, и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостнаго права, безумная роскошь и отвратительные нравы „разливанья въ пирахъ и мотовствѣ“,— явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія.

Его идеалъ „свободной жизни“ опредѣлителенъ: это — свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, а потомъ свобода—„вперить въ науки умъ, алчущій познаній“, или безпрепятственно предаваться, искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ“—свобода „служить или не служить“, „жить въ деревнѣ, или путешествовать“, не слывя за то ни разбойникомъ, ни зажигателемъ,—и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ — отъ несвободы.

И Фамусовъ, и другіе знаютъ это и, конечно, про себя всѣ согласны съ нимъ; но борьба за существованіе мѣшаетъ имъ уступить.

Отъ страха за себя, за свое безмятежно-праздное существованіе, Фамусовъ затыкаетъ уши и клевещетъ на Чацкаго, когда тотъ заявляетъ ему свою скромную программу „свободной жизни“. Между прочимъ—

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ,

—говоритъ онъ, а тотъ съ ужасомъ возражаетъ:

Да онъ властей не признаетъ!

И такъ, лжетъ и онъ, потому что ему нечего сказать, и лжетъ все то, что жило ложью въ прошломъ. Старая правда никогда не смутится передъ новой—она возьметъ это новое, правдивое и разумное бремя на свои плечи. Только больное, ненужное боится ступить очередной шагъ впередъ.

Чацкій сломленъ количествомъ старой силы, нанеся ей, въ свою очередь, смертельный ударъ качествомъ силы свѣжей.

Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: „одинъ въ полѣ не воинъ". Нѣтъ, воинъ, если онъ Чацкій, и, притомъ, побѣдитель, но передовой воинъ, застрѣльщикъ и—всегда жертва.

Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу.

Всѣми ими управляетъ одно: раздраженіе при различныхъ мотивахъ. У кого, какъ у грибоѣдовскаго Чацкаго, любовь; у другихъ—самолюбіе или славолюбіе, но всѣмъ имъ достается въ удѣлъ свой „мильонъ терзаній", и никакая высота положенія не спасаетъ отъ него. Очень немногимъ просвѣтленнымъ Чацкимъ дается утѣшительное сознаніе, что они не даромъ бились — хотя и безкорыстно, не для себя и не за себя, а для будущаго, и за всѣхъ, и—успѣли.

Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой, Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ, — все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больнаго съ здоровымъ, и все бьются въ поединкахъ, какъ Горація и Куріація, — миніатюрные Фамусовы и Чацкіе.

Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго — и кто бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла,—будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ — ни группировались люди — имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта „учиться, на старшихъ глядя"—съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ „свободной жизни" впередъ и впередъ, съ другой.

Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едва ли состарится когда-нибудь грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ—и вся комедія. И литература не выбьется изъ магическаго круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ, какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны поколѣній. Онъ, или дастъ типъ крайнихъ, несозрѣвшихъ передовыхъ личностей, едва намекающихъ на будущее, и потому недолговѣчныхъ, какихъ мы уже пережили немало въ жизни и въ искусствѣ, — или создастъ видоизмѣненный образъ Чацкаго, какъ, послѣ сервантесовскаго Донъ-Кихота и шекспировскаго Гамлета, являлись и являются безконечныя ихъ подобія.

Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ этихъ позднѣйшихъ Чацкихъ будутъ вѣчно слышаться грибоѣдовскіе мотивы и слова,—и если не слова, то смыслъ и тонъ раздражительныхъ монологовъ его, Чацкаго. Отъ этой музыки здоровые герои въ борьбѣ со старымъ не уйдутъ никогда.

И въ этомъ безсмертіе стиховъ Грибоѣдова!...

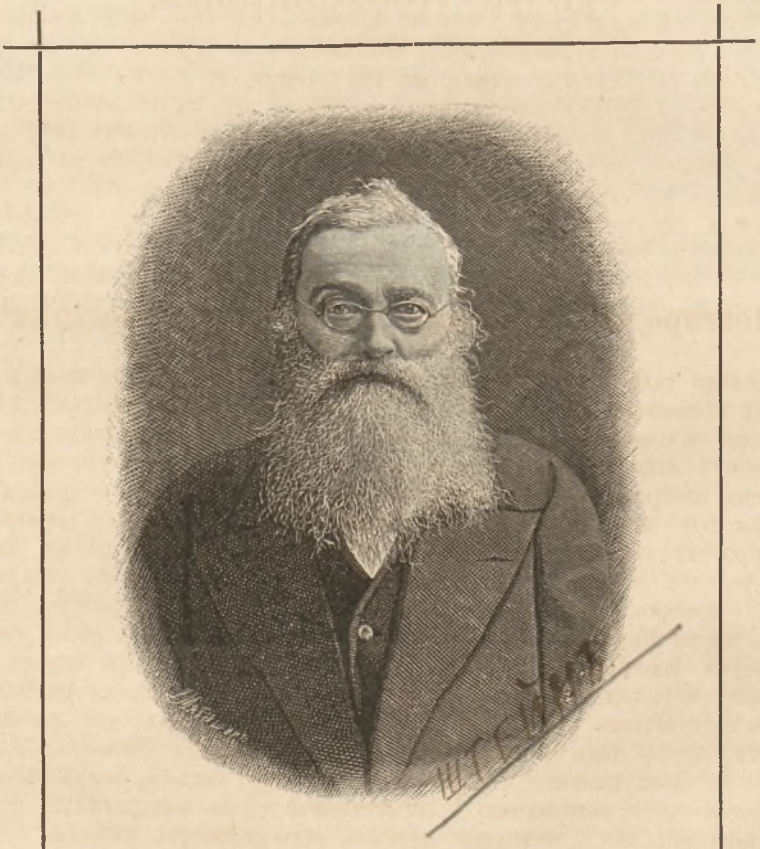
...Наконецъ—послѣднее замѣчаніе о Чацкомъ. Дѣлаютъ упрекъ Грибоѣдову въ томъ, что будто Чацкій не облеченъ такъ художественно, какъ другія лица комедіи, въ плоть и кровь, что въ немъ мало жизненности. Иные даже говорятъ, что это не живой человѣкъ, а абстрактъ, идея, ходячая мораль комедіи, а не такое полное и законченное созданіе, какъ, напримѣръ, фигура Онѣгина и другихъ, выхваченныхъ изъ жизни, типовъ.

Это несправедливо. Ставить рядомъ съ Онѣгинымъ Чацкаго нельзя: строгая объективность формы не допускаетъ той широты и полноты кисти, какъ эпическая. Если другія лица комедіи являются строже и рѣзче очерченными, то этимъ они обязаны пошлости и мелочи своихъ натуръ, легко исчерпываемыхъ художникомъ въ легкихъ очеркахъ. Тогда какъ въ личности Чацкаго, богатой и разносторонней, могла быть въ комедіи рельефно взята одна господствующая сторона—а Грибоѣдовъ успѣлъ намекнуть и на многія другія.

Потомъ—если приглядѣться вѣрнѣе къ людскимъ типамъ въ толпѣ—то едва ли не чаще другихъ встрѣчаются эти честныя, горячія, иногда желчныя личности, которыя не прячутся покорно въ сторону отъ встрѣчной уродливости, а смѣло идутъ навстрѣчу ей и вступаютъ въ борьбу, часто неравную, всегда со вредомъ себѣ и безъ видимой пользы дѣлу. Кто не зналъ, или не знаетъ, каждый въ своемъ кругу, такихъ умныхъ, горячихъ, благородныхъ сумасбродовъ, которые производятъ своего рода кутерьму въ тѣхъ кругахъ, куда ихъ занесетъ судьба, за правду, за честное убѣжденіе?

Нѣтъ, Чацкій—по нашему мнѣнію—изъ всѣхъ наиболѣе живая личность, и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Но, повторяемъ, натура его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ, и потому не могла быть исчерпана въ комедіи.

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи



Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

Къ стр. 115.

Н. И. Костомаровъ.

(род. въ 1817 году).

Новгородскій удалецъ по народному воззрѣнію.

Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ. Буслаевъ изображается знатнымъ, богатымъ, можетъ-быть, бояриномъ. Противники его—мужики, слово позднѣйшаго быта, замѣнившее древнее названіе—простая чадь. Старый Буслай жилъ, по выраженію пѣсни, девяносто лѣтъ, то есть долго, и соблюдалъ миръ съ простою чадью; онъ не перечился — поперекъ слова ей не говаривалъ, ладилъ съ народомъ новгородскимъ; ни со Псковомъ, ни съ Москвою не вздоривалъ; а потому-то послѣ его смерти, все житье-бытье его (дворянское, по выраженію новому, вмѣсто боярское) передалъ онъ въ цѣлости сыну. Народная поэзія не всегда выставляетъ обычныя черты; чаще она увлекается тѣмъ, что любитъ, чего желаетъ, чтобы оно всегда было, но что не всегда бываетъ. Положеніе Буслая не было родовое; бывало въ-частую, что богачъ, бояринъ, не долго утѣшается своею знатностью и богатствомъ; только раздразнитъ онъ мужиковъ новгородскихъ, начнутся противъ него заговоры, умыслы, составится на него вѣче; пойдутъ на него въ вооруженіи, расхитятъ животы его и разнесутъ хоромы его. Буслай — примѣрный бояринъ, добрый богачъ; онъ умѣетъ поладить съ чернымъ народомъ; онъ такой бояринъ, какого желаетъ народъ. Старикъ Буслай умеръ, оставилъ молодца сына Буслаевича. Мать отдаетъ сына въ науку. Пѣсня говоритъ, чему учился Василій, сынъ Буслая, то есть чему слѣдовало учиться по тогдашнему понятію: грамотѣ, письму и пѣнію церковному. Всему этому выучился Василій. Пѣніе церковное считалось верхомъ образованности. Пѣсня распространяется объ этомъ достоинствѣ своего героя:

„А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
„Во славномъ Новѣгородѣ
„Супротивъ Василія Буслаевича“.

Какъ сталъ онъ доходить до возраста юношескаго, стали его обучать и воинскимъ наукамъ, и ощутилъ онъ въ себѣ великую ратную силу, какъ

познакомился съ копьемъ вострымъ, воинскою палицею и разрывчатымъ тугимъ лукомъ.

Наслѣдникъ богатства, оставленный подъ слабымъ надзоромъ матери, Василій ищетъ жизни, простора, приволья: хочется ногамъ расходиться, рукамъ размахнуться. И онъ сталъ ходить на улицу на Рогатицу, и сдѣлался приманкою для пьяницъ, гулякъ, которые, составляли обычный образецъ новгородской вольной жизни. Это были тѣ, что, при случаѣ, дѣлались матеріальною силою партій и заговоровъ подъ покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты и голки, а иногда и сами составляли шайки, на разбой ходили, городъ поджигали... ребята неразсудные, безумницы, не помышляли о будущемъ, пускались на отважное дѣло, хотя успѣха впереди не видѣли; люди веселые—не разсуждали, что за весельемъ часто горе бываетъ; люди добрые для тѣхъ, съ кѣмъ въ дружбѣ, грудью за нихъ станутъ; люди буйные, разудалые — и святыня храма ихъ не удержитъ; въ церковный подвалъ залѣзутъ, сторожа церковнаго убьютъ. Съ такими повадился Василій; поитъ ихъ до пьяна, самъ пьянъ напивается, шумитъ, буянитъ по улицѣ по Рогатицѣ, дерется со встрѣчными: въ рукахъ силы много, въ груди удали много; кровь молодая кипитъ, согрѣтая виномъ; словомъ, сказочный Еруслань Лазаревичъ—тому руку вывихнетъ, этому ногу переломитъ. Мужики идутъ на него съ челобитною, да не къ посаднику, а къ матушкѣ: ясно, что его шалости преувеличены,—еще видно, онъ не надѣлалъ большой бѣды, а только одному-другому далъ затрещину,—тѣ съ нимъ не могли сладить: и самъ силенъ, и товарищи за него; идутъ къ матушкѣ: „Честная вдова!—говорятъ ей — уйми ты свое чадо милое! Нехорошія шутки сталъ онъ пошучивать! А то вѣдь съ такой удачей молодецкой наквасить ему рѣка Волхова“. Мать стала журить сынка. Удалецъ присмирѣлъ, покоряется матери, а самъ злится на мужиковъ: хочетъ имъ отплатить. Можетъ-быть, съ жалобою и угрозы были: мужики нападутъ на него и отколотятъ, надобно себѣ запастись товарищами, дружиною, а то враговъ много можетъ собраться. Прежде онъ водился съ ярыгами, гуляками по вдохновенію, съ кѣмъ придется встрѣтиться на улицѣ на Рогатицѣ. Но гуляки встрѣчные могли его оставить; они ему чужіе, — это такіе товарищи, что вечеромъ погуляютъ вмѣстѣ, а утромъ въ глаза не узнаютъ. Есть въ народной жизни покрѣпче союзъ. Василій хочетъ подобрать себѣ названныхъ братьевъ, побратенниковъ. Это союзъ на жизнь и на смерть, такой союзъ, что измѣнить ему грѣхъ смертный,—все равно, что на роту идти не въ правду.

Издавна, еще въ языческія времена, былъ обычай, что богатыри устанавливали между собою названное братство, иначе побратенничество, у южныхъ славянъ—побратимство. Одинъ передъ другимъ давалъ клятву быть вмѣстѣ, какъ одинъ человѣкъ, другъ другу во всемъ помогать, другъ друга изъ бѣды выручать, жизнью за друга жертвовать, за смерть друга мстить. Подъ вліяніемъ христіанства этотъ обычай получилъ религіозное освященіе. Это исконная принадлежность нравственныхъ понятій всѣхъ народовъ Арійскаго племени; до сихъ поръ этотъ обычай сохранился у афгановъ. У древнихъ грековъ онъ является въ дружбѣ Ахилла и Патрокла, Тезея и Пиритоя, Геркулеса и Іола, Ореста и Пилада; на противоположномъ концѣ Европы, у скандинавовъ, онъ называется Eoetbroederalag и сопровождался завѣтными символическими обрядами.

У насъ этотъ союзъ связывалъ древнихъ богатырей сумрачно героической эпохи Владиміра Краснаго Солнышка и почитался до того священнымъ, что богатырь упорный и неустрашимый терялъ духъ, когда увидалъ величайшее въ мірѣ беззаконіе—своего названнаго брата, идущаго противъ

него съ оружіемъ. Этотъ союзъ существовалъ въ новгородскихъ нравахъ, сохранившихъ чистоту древнихъ славянскихъ жизненныхъ началъ. Вотъ какъ удалецъ отыскиваетъ себѣ такихъ братьевъ. Василій Буслаевичъ ставитъ чанъ вина посреди двора и опускаетъ туда огромную чару, или ковшъ. Его слуги понесли по Новгороду записки.

Кто хощетъ пить и ѣсть готоваго,
Валисъ къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное...

Замѣчательно, какъ измѣнялся древній обычай подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія жизни. Прежде названные братья были равны между собою, хотя бы и много ихъ было въ одномъ братствѣ; все у нихъ было общее: братъ считалъ братнее своимъ имуществомъ; самая жизнь принадлежала брату. Василій, въ своихъ запискахъ, предлагаетъ свое достояніе тѣмъ, кто придетъ къ нему на братство; но онъ не показываетъ притязанія самому имѣть право считать своимъ достояніемъ имущество названныхъ своихъ братьевъ. Названные братья ниже его по достоинству: они его пособники, его вассалы, его дружина. Онъ надъ ними и старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить. Древнее равенство отъ усложненія общественныхъ связей ниспускается до кліентства, хотя еще не дошло до наемничества. Новгородская свобода подорвала первобытное равенство отношеній; но она же не допуститъ до униженія одной стороны предъ другою, такъ какъ она же хотя и возвышала бояръ въ Новгородѣ, но не допускала черный народъ до безгласнаго порабощенія боярамъ. Приходящій вступалъ въ союзъ съ Василіемъ и хотя былъ меньшимъ предъ нимъ, однако все-таки братомъ, такъ точно какъ и Псковъ хотя былъ меньшимъ, а все-таки братомъ, а не подчиненнымъ Великому-Новгороду. Вѣсть о призывѣ на братство разнеслась быстро. Въ славномъ Новѣгородѣ тогда были грамотные люди. Большой литературной образованности, конечно, не было; зато грамотность должна была быть тогда обычнымъ дѣломъ. Вѣчевыя дѣла производились письменно; концы, улицы составляли приговоры, другъ съ другомъ переписывались; торговыя и гражданскія сдѣлки совершались на письмѣ. Сами пастыри русскіе признавали за новгородцами то достоинство, что они были народъ книжный. Замѣчаніе въ пѣснѣ о грамотныхъ людяхъ въ Великомъ-Новѣгородѣ осталось, какъ воспоминаніе угасшей старины для послѣдующихъ вѣковъ, когда уже пѣсня приняла измѣненную, подъ вліяніемъ московской народности, редакцію. Когда созывались братья съ улицы, нельзя же было принимать всякаго охотника въ братство безъ опыта. Въ пѣснѣ Буслаевичъ испытываетъ своихъ названныхъ братьевъ такимъ способомъ: прихожій молодецъ подойдетъ къ поставленному посрединѣ двора чану съ виномъ, выпьетъ чару—Василій ударитъ его дубиною въ двѣнадцать пудъ. Молодецъ стоитъ, не шевельнется, и на буйной головѣ кудри у него не тряхнутся. Это значило — годится молодецъ въ побратенники. Въ переводѣ на историческій языкъ этотъ эпическій образъ означаетъ, что Василій боролся съ каждымъ или дрался на палкахъ, по новгородскому обычаю. Такъ точно и у скандинавовъ нерѣдко два богатыря сходились между собою на поединокъ; когда одинъ узнавалъ, что другой такъ же силенъ и неустрашимъ, какъ онъ самъ, то оба кидали оружіе, бросались другъ къ другу въ объятія и заключали взаимное братство. Такъ сходились молодцы къ Василію. Пришелъ Костя Новоторженинъ, пришли Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій; пришли потомъ два сына боярскіе, братья родные; пришли мужики Залѣшане, — семь братьевъ Сбро-

довичи. Всѣхъ надобно было опробовать. Кто выдерживалъ испытаніе, тому Василій говорилъ:

А и будь мнѣ названный братъ,
И паче мнѣ брата родимаго!

Но приходившіе охотники не всѣ выдерживали нелегкое испытаніе. Были такіе, что заходили невпопадъ, слишкомъ на себя понадѣявшись; ихъ изломаютъ и за ворота выбросятъ.

И прибралъ Василій много-много товарищей;
Набралъ онъ ихъ три дружины въ Новѣградѣ,

и пошелъ Василій со своими названными братьями искать приключеній и случая начать задоръ съ новгородцами — отмстить имъ за то, что они на него жаловались.

Была братчина—Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Братчина носила характеръ правильно организованной общины. Каждый участникъ давалъ отъ себя часть, и это называлось ссыпь. Избирали пироваго старосту, который долженъ былъ учреждать пиръ и наблюдать порядокъ. Въ старину, при соблюденіи патріархальныхъ отношеній, ссыпь давалась натурою — съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для напитковъ. Но впослѣдствіи стали ссыпщики давать свою часть деньгами, а пировой староста распоряжался покупкою. Сумма эта, какъ видно, хотя и опредѣлялась заранѣе, но иной ссыпщикъ могъ дать и больше другихъ, смотря по достатку и по щедрости. Братчина на этотъ разъ отправлялась въ приходъ св. Николая—вѣрно по поводу храмоваго праздника. Церковный староста былъ старостою пира. Распорядители братчины не звали Василія; но Василій пришелъ самъ въ братчину со своими побратенниками. Спрашиваетъ: по скольку въ братчинѣ съ брата берется? и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо бо́льшую сумму, чѣмъ платилось вообще, но собственно за свою особу онъ даетъ вдесятеро больше, чѣмъ за каждаго товарища: за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго названнаго брата—пять рублей. Здѣсь тоже видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратенниковъ.

На Василія была уже тайная злоба. Василій, заплативши больше всѣхъ и притомъ окруженный своею дружиною, сознавалъ свое первенство между всѣми, раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Мужики взглянули на него съискоса и стали задирать его:

Званому гостю хлѣбъ да соль,
А незваному гостю и мѣста нѣтъ.

Въ этомъ замѣчаніи была уже угроза. Василій отвѣчаетъ имъ такою же двусмысленною угрозою:

Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая,
А не званому гостю, какъ Богъ пошлетъ.

Когда ссыпщики поѣли, попили, начались забавы молодецкія, стали молодцы между собою бороться, драться на кулаки и примѣрно сражаться: то были новгородскія забавы; но онѣ нерѣдко переходили въ дѣло серьезное, подъ пьяную руку. „Отъ того боя кулачнаго—говоритъ пѣсня,—учинилась драка великая“. Василій сталъ разнимать драку. Тутъ кто-то изъ мужиковъ, по прежней злобѣ, а можетъ быть и невзначай, оплелъ его по уху. Тогда Василій крикнулъ громкимъ голосомъ:

Гой еси, ты, Костя Новоторженинъ,
И, Лука, Моисей—дѣти боярскіе!
Уже Ваську, меня бьютъ!

Тутъ бросились къ нему молодцы. Вся толпа выхлынула на улицу. Пошла потѣха. Мужикамъ достается: они кричатъ, ревутъ, а Василій видитъ, что ему везетъ счастье, разгорячился, крикнулъ на весь міръ:

Гой еси, вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися
Со всею дружиною.
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ—
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи!
А буде я васъ побью—
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань!

Мужики новгородскіе смекнули, въ чемъ дѣло. Василій надѣется на свою дружину и думаетъ, что его противниковъ только и есть, что на братчинѣ; но мужики связаны со всѣмъ Новгородомъ. Такого народа много найдется, что станетъ за нихъ, если дѣло на то пойдетъ. У всѣхъ есть пріятели. Мужики говорятъ ему:

Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ,
Загадываешь загадку великую:
Когда ты, Василій, удалѣе,
Пойдемъ же драться на мостикъ, на волховскій,
На тую, на рѣченьку на Волхову;
Ты съ своими съ дружинными хоробрыми,
А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.

Василью нельзя было идти на попятную. И вотъ ударились объ закладъ; написали запись; приложили руки; заложили головы. Въ записи постановлено: „Василью идти на волховскій мостъ. Поставить на мосту три заставы: Василій долженъ перейти черезъ всѣ заставы; если его свалятъ гдѣ-нибудь на мосту, закладъ проигранъ—и его тогда казни; а если онъ пройдетъ всѣ три заставы и собьетъ всѣхъ своихъ противниковъ, тогда ему занлатятъ“. Черта чрезвычайно любопытная; она открываетъ для насъ много въ старой дѣйствительности. Такіе заклады, какъ видно, были въ обычаѣ, и этимъ-то, быть-можетъ, могли бы объясниться буйства въ Новгородѣ. Историческая основа этого дѣла та, что тогда образовались двѣ удалыя партіи: одна Васильева, другая—противная; одна подъ рукою знатнаго богатаго боярина; другая—изъ толпы черни, молодчихъ людей; и держали они закладъ: чья сторона одолѣетъ въ дракѣ на мосту.

Обѣ стороны составили договоръ и подписались. Запись эта получила юридическій характеръ. Само новгородское правительство ее признало. Матушка, узнавши, что ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю хлопотать: нельзя ли какъ-нибудь пріостановить споръ. Но что тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ? Князю оставалось только казнить Василія, когда ему противная сторона выдастъ его. И князь отвѣчаетъ матушкѣ:

Тогда прощу, когда голову срублю.

Началась свалка на мосту—правильная, законная. Храбрая дружина Буслаева одолѣваетъ. Тутъ противники, чтобы не проиграть окончательно заклада, побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и стали просить:

Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у насъ дороги подарочки;
Уйми свое чадо милое!

Старуха, естественно, склонна къ тишинѣ и спокойствію. Она посылаетъ дѣвушку-чернавушку взять Васеньку съ побоища и привести къ ней домой. Богатырь, отъ котораго трясется вся улица, покоряется безропотно:

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Схватила Ваську за бѣлы руки—
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкій дворъ.

Покорность эта въ духѣ тогдашнихъ нравовъ и понятій. Въ семейномъ быту власть матери считалась священнѣе и выше власти отца. Безъ материнскаго благословенія не было удачи въ жизни. Рьяный, неугомонный молодецъ дѣлался ниже травы, тише воды передъ матерью. Тутъ былъ чистый разсчетъ. Что же, если удалецъ не послушаетъ, какая изъ этого ему корысть? Материнскаго благословенія не будетъ; и ему удачи не будетъ; и сила его будетъ не въ силу. Оттого и Василій такъ покорно отправился вслѣдъ за дѣвушкой-чернавушкой. Мать заперла его. Пѣсня за то называетъ ее неразмышленной:

А та старуха неразмышленна—
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василія Буслаевича,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.

Дѣйствительно, старуха не разсудила, поступивши такъ съ Василіемъ. Закладъ былъ сдѣланъ; договоръ подписанъ. Драка не прекратится отъ того, что Василія нѣтъ на улицѣ. Противники его умышленно разсчитали, что безъ Василія дѣло обратится на ихъ сторону, а потому хитро и постарались отвлечь его отъ боя. Дружина осталась безъ атамана. Противники стали одолѣвать. Тогда пошла дѣвушка-чернавушка къ Волхову, и проходила она мимо побоища, и видѣла, какъ одолѣвали мужики васильевыхъ побратенниковъ; они подбѣжали къ ней и стали говорить:

Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка!
Не продай насъ у дѣла ратнаго,
У того часа смертнаго.

Иначе—они просили, чтобъ она освободила Василія. Но мужики-противники, завидя ее, бросились на нее;

И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросила она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новгородскіимъ.

Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ

была мужественность: въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, жонка съ жонкою становилась на бой—дѣло было обычное и законное. Не мудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ.

И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала къ Василію Буслаеву:
Срывала замки булатные,
Отрывала двери желѣзныя:
А и спитъ Василій, или такъ лежитъ?
Твою дружину хоробрую
Мужики новгородскіе
Всѣхъ прибили, перераниди,
Булавами буйны головы пробиваны.

Дѣвушка-чернавушка освобождаетъ сама Василія. Но, можетъ быть, и матушка тогда не противилась: матушка должна же была одуматься и разсудить, что если Васильеву дружину побѣдятъ, то доберутся до ея дома, и тогда придется ея сынку плохо. Какъ бы то ни было, Василій, освобожденный изъ заключенія, бросился стремглавъ; — не попало — говоритъ пѣсня—палицы желѣзной, попалась ему ось телѣжная—обычный образъ для означенія храбрости героя, который такъ силенъ и ловокъ, что и съ такимъ плохимъ оружіемъ можетъ творить чудеса! Выскочилъ Василій, и не достигъ еще моста, гдѣ дружина его, изнемогая, отдавала бока свои подъ мужичьи кулаки и палки. Вдругъ передъ нимъ явленіе—старчище-пилигримище; на плечахъ у него трехсотъ-пудовый колоколъ. То его крестовый батюшка. Былъ онъ, какъ видно, когда-то и самъ молодецъ-богатырь, а теперь уже удалился отъ міра и уединился въ Кириловъ монастырь. Мужики упросили его явиться посреди свалки и остановить Василія; они думали, что Василій, увидя предъ собой крестнаго отца и притомъ отшельника, посовѣстится ударить его. Онъ кричитъ ему:

А стой, Васька, не попархивай,
Молодой груздырь не полетывай!
Изъ Волхова воды не выпити,
Въ Новѣградѣ людей не выбити!
Есть молодцы супротивъ тебя!
Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!

Пилигримище даетъ знать, что сторону враговъ его приметъ цѣлый Новгородъ, что ему не сладить съ большою толпою; онъ его предупреждалъ не раздражать Новгорода. Василій отвѣчаетъ ему:

Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя ли чортъ несетъ во той поры
На своего любимаго крестника;
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся;
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики новгородскими,
Опричь почестныхъ монастырей.
И тебя, старца-пилигримища,
Въ задоръ войду, и тебя убью!

Это не только крестный отецъ,—это олицетвореніе церковнаго начала. Это эпическое изображеніе тѣхъ владыкъ, отшельниковъ-угодниковъ, кото-

рые не разъ усмиряли волненіе толпы своимъ словомъ и своимъ достоинствомъ. Самое названіе пилигримище подходитъ къ такому объясненію. Пилигримъ—паломникъ, странствователь по святымъ мѣстамъ, былъ въ старину лицо, исключительно принадлежавшее церкви, какъ монахъ: паломники были въ большомъ уваженіи въ Новѣгородѣ. Странствовать по святымъ мѣстамъ было до того обычно, что пастырямъ приходилось говорить противъ злоупотребленій такихъ благочестивыхъ путешествій. Очень естественно, что народное творчество изображало обыкновенно въ исторіи новгородскихъ смутъ явленіе духовнаго посредничества въ образѣ старца-паломника. Василій, говоря, что онъ держалъ закладъ, опричь честнаго монастыря и старца-пилигримища, ясно даетъ знать, что онъ подъ этими двумя приведенными образами разумѣетъ церковь. Монастыри и паломники пользовались во всеобщемъ мнѣніи изъятіемъ отъ земныхъ дѣлъ и житейскихъ треволненій; ихъ минуютъ страсти и къ нимъ не смѣютъ прикоснуться земные договоры. „Что тебѣ за дѣло—какъ бы хочетъ сказать паломнику Василій:—мы до тебя не касаемся; мы людей церковныхъ не трогаемъ; не трогай же и насъ грѣшныхъ: мы васъ, церковниковъ, уважаемъ и въ нашихъ спорахъ васъ минуемъ; да и вы не подвертывайтесь намъ подъ руку". Пилигримище—крестовый батюшка Василія Буслаевича, по народному вѣрованію, лицо, противъ котораго идти все равно, что противъ отца роднаго. Но удалецъ, въ пылу своей отваги, ни предъ чѣмъ не долженъ останавливаться: долгъ, связи родства, все нипочемъ, когда разыграется его широкая удаль молодецкая. Разъярилось богатырское сердце; крикнулъ Василій:

Ай же ты, крестовый мой батюшка!
Не далъ я ти яичко о Христовѣ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровѣ дни.

И хватилъ онъ осью желѣзною въ колоколъ. По однимъ варіантамъ, онъ убилъ крестоваго батюшку, а по другимъ—пилигримище оказался вовсе существомъ не плотскаго человѣческаго міра. Не даромъ на немъ и колоколъ въ триста пудъ. Василій ударилъ его: старецъ не шевельнулся отъ удара. Тогда Василій глянулъ подъ колоколъ... а у пилигримища во лбу глазъ уже вѣку нѣту. Кажется, народная поэзія выразила здѣсь символически совершенное отчужденіе церкви отъ мірскихъ устъ. У него нѣтъ глазъ подъ колоколомъ: онъ чуждъ всему, что происходитъ около него; онъ принадлежитъ иному міру — съ нимъ нельзя драться; онъ не дастъ отпора. Пилигримище исчезаетъ, какъ привидѣніе, безслѣдно, тотчасъ, какъ только Василій глянулъ подъ колоколъ и увидѣлъ, что у него нѣтъ глазъ.

Василій доходитъ до мѣста. Какъ только завидѣли побратенники своего атамана, у нихъ, молодцовъ, думушки прибыло, словно у соколовъ крылья отросли. Молодой Василій идетъ къ нимъ на выручку. Дѣло ихъ вдругъ поправляется. Бой разгорѣлся. Мужики подаются. Драка идетъ до вечера. Мужики побиты, смяты, мира просятъ. Они обращаются съ мировою не къ Василію, а къ его матери. Пѣсня расцвѣчиваетъ это событіе, говоритъ, что они одну чашу поднесли съ золотомъ, другую—съ серебромъ; а это только подарокъ—не въ счетъ условія. Три тысячи, что въ закладѣ, положены, само собою; эти три тысячи разлагаются на опредѣленныя дани съ цѣлой улицы, такъ что Буслаевъ будетъ получать съ нихъ, какъ будто князь со своего княженія дань. Таково было народное понятіе: кто одолѣлъ, тотъ съ побѣжденнаго беретъ дани и накладываетъ пошлины.

А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,

На всякой годъ будемъ тебѣ носить
Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
Со калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Со всѣхъ людей ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ.

Можетъ быть, въ случаѣ такихъ споровъ и закладовъ на то, кто кого побьетъ, проигранный закладъ падалъ на все общество, къ которому принадлежали побѣжденные, такъ что если такой-то улицы молодцы побиты въ закладѣ, то вся улица платила по разверсткѣ. Такъ и должно было быть тамъ, гдѣ и за сдѣланное убійство, когда убійца не отысканъ, платило все общество, и въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ представительство касалось извѣстной массы людей, соединенныхъ одномѣстностью жительства, или принадлежностью къ одному управленію. Мать приказываетъ прежней же дѣвушкѣ-чернавушкѣ привести Василія. Дѣвушка застаетъ его еще среди боя, побѣждающаго мужиковъ. Она схватила Василія за руки и провозгласила утѣшительную вѣсть:

Мужики пришли новгородскіе,
Принесли они дорогіе подарочки,
И принесли записи заручныя
Къ твоей сударынѣ-матушкѣ.

Бой прекратился. Василій пошелъ съ торжествомъ къ себѣ на дворъ, а за нимъ—его удалые, вѣрные побратенники. Прежде всего, послѣ трудовъ, они выпили по чаркѣ вина, и когда хмѣль зашелъ имъ въ голову, они выразили Василію намекъ, чтобы онъ распоясывался—давалъ имъ награду, и честили его такимъ образомъ:

У мота, у пьяницы,
У млада Василія Буслаевича,
Не упито, не уѣдено,
Вкраснѣ хорошо не ухожено,
И цвѣтнаго платья не уношено,
А увѣчье на вѣкъ залѣзено.

Василій повелъ ихъ обѣдать, и веселымъ пиромъ окончилось побоище.

И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ властей,—онѣ не вмѣшиваются, не останавливаютъ безпорядка. Это братчина—повольное дѣло. А братчина, по судной новгородской грамотѣ, сама судитъ, какъ судьи. Невольно приходитъ вопросъ: какія же побудительныя причины всей этой кутерьмы? Все здѣсь является плодомъ внезапныхъ увлеченій, порыва страстей; нѣтъ ничего разсчитаннаго. Оно такъ и дѣлалось въ жизни вольнаго города. Здѣсь все безпричинно, какъ и въ разсказахъ лѣтописей, гдѣ также не доберешься, изъ-за чего люди волнуются, за что князей выгоняютъ, другихъ приглашаютъ; сегодня одного возносятъ, завтра того же грабятъ, съ моста сбрасываютъ, потомъ опять честятъ. Точно такъ и въ нашей пѣснѣ все покажется непонятнымъ, если начнешь думать, что это совершалось по заданной мѣрѣ, сообразно принятымъ понятіямъ и убѣжденіямъ; но все станетъ понятно, если смотрѣть на эти событія, какъ на слѣдствіе движеній души,

рождаемыхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. „Планида набѣжала такая“, — говоритъ и теперь нашъ народъ о событіи, котораго причинъ отыскать трудно, потому что нѣтъ другихъ, кромѣ влеченій нрава и сердца: человѣкъ не знаетъ самъ утромъ—что сдѣлаетъ вечеромъ.

Южно-русское казачество [1]).

....Казакамъ, современемъ, суждено было стать борцами за русскую народность противъ Польши, охранителями православной вѣры, проводниками свободы, независимости и единенія русскаго народа.

Казачество—безспорно татарскаго происхожденія, какъ и самое названіе „казакъ“, означающее по-татарски бродягу, вольнаго воина, наѣзднika. По основаніи Крымскаго царства и по занятіи ордами Черноморскихъ странъ, татарскіе наѣздники стали безпокоить русскихъ жителей обоихъ существовавшихъ тогда государствъ—Московскаго и Литовскаго. Они отправлялись на военные подвиги по своей охотѣ, безъ приказанія и часто безъ позволенія своихъ старшихъ. Такихъ называли казаками. Отъ XVI вѣка осталось у насъ нѣсколько свидѣтельствъ о татарскихъ казакахъ. Такъ, Василій Ивановичъ, великій князь московскій, жаловался турецкому падишаху, что азовскіе и бѣлогородскіе татарскіе казаки безпокоятъ предѣлы Московскаго государства, помогая Литвѣ, которая тогда вела войну съ Москвою („Дѣла Московск. Арх. Иностр. Дѣлъ“).

Далѣе указывается на подобную же жалобу Сигизмунда I крымскому хану и еще на то, что позже, при Сигизмундѣ-Августѣ, извѣстны были казаки татарскіе.

Русскіе, принужденные отражать татарскіе набѣги, невольно должны были усвоивать и тѣ способы и пріемы войны, какіе употребляли ихъ враги, и, такимъ образомъ, у русскихъ явилось такое же казачество, какое было у татаръ. Возникли и русскіе казаки. Но это названіе въ XVI вѣкѣ еще не ограничивалось значеніемъ военныхъ людей: въ Московскомъ государствѣ на дальнемъ сѣверѣ (1564 г.) были *волостные* и *деревенскіе* казаки, называвшіеся такъ въ отличіе отъ земскихъ людей и не платившіе, какъ послѣдніе, тягла по *обжамъ* (поземельная единица), имѣвшіе, однако, свои дворы, лошадей и скотъ и занимавшіеся промыслами и торговлею („Акты Арх. Эксп.“ I. 303). Они не были воины: изъ другихъ, нѣсколько позднѣйшихъ, актовъ видно, что они занимались возкою соли и пользовались нѣкоторыми исключительными правами по этому занятію. Между тѣмъ, въ другихъ краяхъ того же Московскаго государства, на нижней Волгѣ—казаками (1582 г.) назывались вольные работники на судахъ — то, что послѣ на Волгѣ назывались бурлаки. Нанимаясь къ какому-нибудь хозяину судна, они звались его казаками. Въ томъ же Приволжскомъ краѣ, въ тѣ же времена, казаками назывались и военные люди, не только бродячіе, гулящіе, вольные, но и начинавшіе составлять подъ этимъ именемъ особое служилое военное сословіе, заурядъ со стрѣльцами („Акты Арх. Эксп.“ I. 347). Отличіе тѣхъ и другихъ казаковъ явно высказывается въ актахъ того времени; такъ, напримѣръ, запрещается изъ казаковъ, находившихся на купеческихъ судахъ, брать въ казаки („Акты Ист.“ I. 436). Такимъ образомъ, слово „казакъ“ въ XVI вѣкѣ имѣло очень широкое значеніе и вообще выражало, въ обширномъ смыслѣ, то, что иначе называлось—гулящій чело-

[1]) „Богданъ Хмѣльницкій“. Спб. 1870. Изд. 3°, стр. XVIII—XXVI. XLV—XLVII. XLVIII—IX.

вѣкъ, т. е. не связанный тягломъ. Это значеніе подходитъ къ тому, какое и теперь во многихъ мѣстахъ Великой Россіи даютъ слову „казакъ“, выражая имъ вольнаго, чаще бездомовнаго работника.

Въ Руси, принадлежавшей въ XVI вѣкѣ къ Литовскому государству, названіе „казакъ“ означало воина, но этотъ воинъ, однако, занимался промыслами и торговлею... („Акты Зап. Р.“ I. № 170)... Съ учащеніемъ и усиленіемъ татарскихъ набѣговъ развивалось и усиливалось русское казачество... Обязанностью казаковъ было воевать съ татарами, но они не были единственными воинами въ краѣ. Необходимость военной силы въ Украйнѣ побуждала правительство держать вообще жителей городовъ на военной погѣ. Такъ, въ уставной грамотѣ кіевскимъ мѣщанамъ, вмѣнялось имъ въ обязанность на лошадяхъ и съ вооруженіемъ ходить въ погоню за татарами („Акты Ю. и З. Р.“ I. 1281). Не будучи, такимъ образомъ, воинами, подобно казакамъ, мѣщане несли, сверхъ того, повинности, соотвѣтственныя мѣщанскому званію; казаки же, какъ люди исключительно военнаго сословія, освобождались отъ всякихъ другихъ повинностей, кромѣ военной. Что для казаковъ составляло привиллегію, то для мѣщанъ было отягощеніемъ. Сверхъ того города, кромѣ тягостей, положенныхъ закономъ на мѣщанское сословіе, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, и оттого мѣщане, особенно молодые и бѣдные, которыхъ выгоды и симпатіи мало привязывали къ мѣщанству, убѣгали самовольно въ казаки; за ними и хлопы изъ селеній стали также порываться въ казачество и самовольно покидать свои тяглыя обязанности. Изъ нихъ-то образовалось другого рода казачество — вольное, не подчиненное существовавшему по закону управленію. Ядромъ такого вольнаго казачества сдѣлалась запорожская Сича.

Когда собственно возникла эта славная впослѣдствіи община — нѣтъ точныхъ указаній... Въ шестомъ десятилѣтіи XVI в., князь Дмитрій Вишневецкій построилъ городъ (укрѣпленіе) на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ казаковъ („Акты Ю. и З. Р.“ II. 148). Появленіе казацкой селитьбы на днѣпровскихъ островахъ по близости къ татарскимъ предѣламъ не по вкусу пришлось татарамъ; самъ ханъ ходилъ добывать этотъ городокъ и выгонять изъ своего сосѣдства казаковъ. Скоро послѣ того, казаки, по извѣстію Бѣльскаго, имѣли уже за порогами постоянное укрѣпленіе на островѣ Томаковкѣ. То была славная впослѣдствіи Запорожская Сича. Въ актахъ, сколько намъ извѣстно, о ея существованіи первый разъ является въ грамотѣ Сигизмунда Августа подъ 1568 годомъ, гдѣ говорится уже, что казаки на низу, на Днѣпрѣ, не только ходятъ, какъ прежде бывало, но *перемѣшиваютъ*, т. е. обитаютъ („Арх. Югозападн. Р.“ I, ч. 3, стр. 4).

Вѣроятно, образованіе Сичи совершалось не вдругъ, а постепенно и возникло изъ рыболововъ и звѣролововъ, которые, какъ показываютъ акты конца XV и начала XVI вѣковъ, издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги, ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украйну, и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры. Условія пустыннаго края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сдѣлаться воинами. Занимаясь ловлею и соленьемъ рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападенія татаръ, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать ихъ. Такое положеніе дѣлало ихъ бодрыми, храбрыми и быстрыми. Переплывать днѣпровскіе пороги было дѣло трудное и опасное, и пріучало ихъ дѣлаться отважными мореходцами. Изъ промышленнаго товарищества неизбѣжно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и въ поле не только за рыбою и звѣрьми, но и за военною добычею, нападали на татарскіе улусы, захватывали скотъ,

лощадей, брали у побѣжденныхъ конскую сбрую и вооруженіе. Была еще иная приманка для удальцовъ ходить на Низъ. Изъ Турціи чрезъ Очаковъ шелъ торговый путь въ Московское государство; этимъ путемъ проходили купеческіе караваны съ товарами. Казаки нападали на нихъ и расхищали везомое богатство. Возвращаясь съ нимъ домой, они давали и другимъ поводъ покушаться на такой промыселъ. Украинскому поселенію пришлись по вкусу такіе походы. Число отправлявшихся весною на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Тѣ, которымъ нравилась одинокая бурлацкая жизнь, оставались въ построенномъ укрѣпленіи зимовать; то была, такъ называемая, сирома, т. е. сѣрая голь, которой нечего было жалѣть на родинѣ и для которой жизнь была копейка во всякое время... За мѣщанами (причины объяснены выше) сельскіе люди поступали въ казачество. Запорожье наполнялось бѣглецами. Побывавши на Низу и возвратившись въ Украйну, эти бѣглецы умножали собою число людей, называвшихъ себя вольными казаками, не хотѣвшими подчиняться прежнимъ своимъ властямъ.

Простота жизни, готовность на всякую опасность, благочестіе, цѣломудріе, совершенное братство между собою и строгое повиновеніе волѣ начальства — то были нравственныя требованія запорожской братчины, приближавшія ее, за исключеніемъ военнаго занятія, къ монастырской. Запорожцы собирались на раду—сходку, подобную старинымъ вѣчамъ. На радѣ выбирались начальники. Главнымъ былъ атаманъ, носившій названіе кошеваго, и вся запорожская община, въ правительственномъ смыслѣ, называлась кошемъ — слово татарскаго происхожденія. Кошъ раздѣлялся на курени; надъ каждымъ куренемъ былъ выборный куренной атаманъ, подчиненный кошевому. Кошевой имѣлъ безусловную власть надъ кошемъ, но, по окончаніи года, отдавалъ отчетъ въ управленіи, и, въ случаѣ злоупотребленій, подвергался смертной казни. Съ этой цѣлью, чтобы онъ не зазнавался, существовалъ обрядъ — новоизбранному кошевому мазали лицо грязью. Пища у нихъ — говоритъ украинскій лѣтописецъ („Истор. о презѣльной брани“)—была ржаное квашеное тѣсто, называемое саламата, рѣдко свареное, а болѣе праздничное кушанье — рыбная похлебка, называемая щербою. Они жили въ куреняхъ, человѣкъ по сту пятидесяти въ одномъ; ссора между собою строго запрещалась; суровые и даже безчеловѣчные на войнѣ, запорожцы казнили смертью своихъ товарищей, дѣлавшихъ насилія и разбои въ мирныхъ христіанскихъ поселеніяхъ; воровство наказывалось повѣшеніемъ: „за едино путо вѣшаютъ на древѣ“. Въ товарищество поступали и холостые и женатые, но ввести женщину въ Сичу запрещалось подъ смертною казнью. За блудодѣяніе жестоко наказывали палочными ударами. Запорожецъ, вступая въ Сичу, обѣщалъ воевать за христіанскую вѣру и биться противъ ея враговъ. Онъ долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу восточной церкви.

..... Одна изъ украинскихъ лѣтописей говоритъ, что царь турецкій сдѣлалъ вопросъ: сколько въ Украйнѣ казаковъ? Ему отвѣчали: „У насъ гдѣ кракъ (кустъ), тамъ казакъ, а гдѣ байракъ (буеракъ), тамъ сто казаковъ“. Казацкіе походы не ограничивались стычками съ татарами въ степяхъ и разбиваніемъ купцовъ: на своихъ чайкахъ, какъ назывались ихъ челны, обшитые тростникомъ и умѣщавшіе до шестидесяти человѣкъ, казаки пускались въ открытое море, проникали въ Румелію, Анатолію, нападали на мусульманскіе города, избавляли изъ галеръ и темницъ христіанскихъ плѣнниковъ, появлялись даже подъ стѣнами столицы падишаха.

...До смерти короля Владислава, со времени введенія уніи, польское правительство издало десять конституцій, обезпечивавшихъ спокойствіе по-

слѣдователей греко-русскаго исповѣданія („Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун.“ 85—89, 101—110). но, во-первыхъ, духовные считали себя въ правѣ не слушаться никакихъ конституцій на томъ основаніи, что церковь выше государства, а во-вторыхъ, эти конституціи, по самымъ правамъ польскимъ, могли относиться только къ дворянскому сословію. Дворянинъ православной вѣры могъ въ своемъ имѣніи или староствѣ построить церковь, монастырь, покровительствовать духовнымъ, впрочемъ, съ опасностью подвергнуться нашествію какого-нибудь сосѣда, возбужденнаго католическимъ духовенствомъ, но тамъ, гдѣ владѣлецъ—католикъ и не благопріятствуетъ вѣротерпимости, тамъ подобныя конституціи не могли имѣть ровно никакой законной силы, ибо и совѣсть, какъ честь и жизнь хлоповъ, зависѣла отъ произвола пана. А такъ какъ пановъ католической вѣры, со дня на день, становилось больше, чѣмъ православныхъ, то, значитъ, эти конституціи давались въ полной увѣренности, что онѣ не могутъ остановить стремленія липить русскихъ своенародности. Владѣльцы захватывали церковныя имѣнія, приписанныя къ тѣмъ храмамъ или обителямъ, которые находились на землѣ ихъ вотчинъ или староствъ („Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун.“, 70); обращали насильно православныя церкви въ уніатскія („Hist. bel. cos. pol.“ 24); нерѣдко толпа шляхтичей, жившихъ у пана, врывалась въ монастырь, разгоняла и мучила иноковъ, принуждая къ уніи: ихъ заключали въ оковы, вырывали имъ волосы, томили голодомъ, иногда же топили и вѣшали. Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно для себя извлечь новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, и церкви гонимаго вѣроисповѣданія („Пам. кіев. комм.“ I, 2, 99). Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину „(Pam. do panow Zygm“. III. Wł. IV. i Jan. Kaz. 254), не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить, а священники, не получая содержанія и притомъ терпя оскорбленія отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи *).

Если бы не было казаковъ, поляки, быть можетъ, и достигли бы своей цѣли. Русское дворянство легко поддавалось польскому вліянію и теряло народность, а за народностью—и вѣру предковъ. Простой народъ, порабо-

*) Не умѣя или лѣнясь управлять имѣніями (разсказывается въ другомъ мѣстѣ—стр. XLII), паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно жидамъ (Jawor.NieBiesky), а сами или жили и веселились въ своихъ палацахъ, или уѣзжали за-границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой разсчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ называемаго *дудка* (dudek); если крестьянинъ женилъ сына, или выдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить *поемщизну* („Hist. bel. cos. polon“. 32.—Jawor Nieb...ky). Жидъ, обыкновенно, требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья („Hist. bel. cos. pol.“ 32.—„Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун.“ 70.—„Универс. кіевск. митр. Петры Могилы“, 10). Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ владѣльца право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертію.

щенный дворянствомъ, показывалъ бы долѣе страдательное противодѣйствіе, роптaлъ бы на судьбу, вздыхалъ бы о вѣрѣ отцовъ своихъ, а въ концѣ-концовъ, подъ силою всеизглаживающаго времени, уступилъ бы гнету обстоятельствъ и забылъ бы старину, такъ же точно, какъ нѣкогда, послѣ введенія христіанства, онъ долго вздыхалъ о своемъ язычествѣ и втайнѣ обращался къ своимъ прежнимъ божествамъ, а между тѣмъ время дѣлало свое, и мало-по-малу народъ сроднился съ новою вѣрою и сталъ чуждъ языческой старинѣ своей. По общечеловѣческимъ законамъ, то же должно было, если не сразу, то въ теченіе немалаго времени совершиться съ православіемъ и съ русскою жизнію. Все должно было ополячиться и окатоличиться, если бы, на бѣду польскимъ и римско-католическимъ затѣямъ, не стояло противъ нихъ казачество вооруженное, крѣпкое, составлявшее цвѣтъ и матеріальную силу русскаго народа. Наполняясь, въ послѣднее время изъ простаго народа, оно готово было защищать оружіемъ то, что было дорого простому народу. Хлопъ, бѣжавшій въ казачество отъ власти и произвола старосты или дѣдичнаго пана, вносилъ туда сердечную, глубокую ненависть ко всему панскому, шляхетскому, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ко всему лядскому, потому что ненавистный его панъ былъ, или сдѣлался ляхомъ; заурядъ со всѣмъ панскимъ стала ему противна и враждебна римско-католическая вѣра; еще мерзостнѣе была для него унія, какъ вѣра, которую, въ довершеніе своего произвола надъ хлопомъ, насильно навязывалъ панъ послѣднему на совѣсть.

Такимъ путемъ сдѣлались казаки единственными борцами за православную вѣру и русскую народность. Казацкія возстанія Лебеды и Наливайка (см. III т. Истор. Монографій — „Южная Русь въ концѣ XVI в.“), при самомъ введеніи уніи, уже прикрывались религіею.

Избраніе въ малороссійскіе гетманы Юрія Хмельницкаго и смерть отца его.

Чувствуя, что уже не долго жить, больной старикъ (Богданъ Хмельницкій) увлекся любовью къ своему сыну; ему хотѣлось, чтобъ казаки выбрали его гетманомъ послѣ него. Онъ собралъ раду изъ полковниковъ, сотниковъ и выборныхъ казаковъ. Это было въ маѣ (1657 г.)... Рада эта сдѣлалась въ народѣ памятнымъ событіемъ и перешла въ народную думу.

При стеченіи казаковъ Хмельницкій говорилъ:

— Братья! — еслибъ я долженъ былъ говорить къ незнающимъ нашихъ плачевныхъ обстоятельствъ, то у меня не достало бы ни времени, ни словъ и здоровья. Но вамъ я считаю излишнимъ разсказывать то, что вы сами знаете: извѣстно вамъ, братья, столько же, сколько и мнѣ, какія страшныя угнетенія, гоненія, разоренія, поруганія, ежедневныя мученія терпѣлъ подъ игомъ поляковъ злосчастный народъ русскій, и какъ страдала мать наша, православная восточная церковь; лишенная своего богослуженія, угнетаемая латинствомъ, стонала она въ молчаніи! Наконецъ, посѣтилъ нашего Богъ свыше милостью благодати Своей и подалъ намъ руку помощи, какъ древле Израилю въ Египтѣ: и возвращено прежнее благочиніе церкви нашей, и освободился отъ тяжкаго и постыднаго рабства народъ русскій. Извѣстно вамъ и то, съ какими трудами, потерями, бѣдствіями и кровопролитіями совершилось это избавленіе православной церкви и отечества отъ ига ляхскаго. Волѣ Божіей то было угодно, чтобъ это совершилось мужествомъ вашимъ, совоинственники милые, казаки-рыцари, и подъ моимъ предводительствомъ. Десять лѣтъ я посвящалъ себя отечеству, не

щадя ни здоровья, ни жизни; но теперь, по волѣ Создателя моего, старость и болѣзни одолѣли меня; изнемогаютъ члены тѣла моего, схожу въ могилу, братья, и оставляю васъ на произволъ судьбы! Благодарю васъ, господа честные и братія возлюбленные, за ту честь, которую вы оказали мнѣ избраніемъ въ гетманы. Благодарю за довѣренность ко мнѣ, благодарю за непоколебимую вѣрность и искреннее послушаніе. Благодарю васъ за храбрость, оказанную вами въ тридцати четырехъ сраженіяхъ съ поляками, венграми, волохами, татарами; а болѣе всего благодарю васъ за то согласіе и единодушіе, съ которымъ вы подвизались въ трудахъ и переносили бѣдствія. Вотъ булава, бунчукъ, знамена, всѣ клейноты, означающіе власть мою. Изберите себѣ гетманомъ, кого угодно. Меня же, милые братья, простите по-христіански, если я, по немощи человѣческой, кого-нибудь огорчилъ, или противъ кого-нибудь изъ васъ погрѣшилъ.

Гетманъ поклонился собранію и залился слезами. Казаки не отвѣчали ничего и только рыдали. Хмельницкій, отдохнувъ, снова говорилъ къ товарищамъ:

— Богъ знаетъ, братья, чье это несчастіе, что не далъ мнѣ Господь, во-первыхъ, утвердить на вѣки независимость и вольность вашу; во-вторыхъ, освободить также Волынь, Покутье, Подоль и Полѣсье, и такъ избавить оружіемъ нашимъ отъ ига польскаго народъ русскій благочестивый, принуждаемый къ уніи, — словомъ, всѣ земли, которыми владѣли великіе русскіе князья наслѣдственно, преклонить подъ высокую руку Всероссійскаго Монарха. Богу иначе было угодно. Не успѣлъ я окончить своего дѣла, умираю съ величайшимъ прискорбіемъ; но не знаю, что будетъ послѣ меня. Прошу васъ, братья, пока я живъ, изберите себѣ, при моихъ глазахъ, новаго гетмана вольными голосами. Если я буду знать отчасти будущую судьбу вашу, то спокойнѣе сойду въ могилу.

Никто не отвѣчалъ на предложеніе Хмельницкаго. Старикъ подождалъ нѣсколько времени, потомъ снова самъ прервалъ молчаніе:

— Есть между вами люди опытные и искусные; изберите себѣ, братья, либо Антона Ждановича, полковника Кіевскаго, или полковника Переяславскаго Тетерю, или полковника Полтавскаго Мартына Пушкаренка; но, по моему мнѣнію, я бы совѣтовалъ вамъ избрать Ивана Выговскаго: онъ былъ все время при мнѣ писаремъ, знаетъ всю политику и можетъ управлять войскомъ. Его бы я желалъ особенно видѣть моимъ преемникомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричали голоса — за твои знаменитыя заслуги предъ войскомъ запорожскимъ, за твои кровавые труды, за твой разумъ и мужество, съ которыми ты избавилъ насъ отъ ярма ляхскаго, прославилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и устроилъ свободнымъ народомъ, мы должны и по смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто не будетъ у насъ гетманомъ, кромѣ Юрія, твоего сына.

Кандидаты, которыхъ предлагалъ Хмельницкій, съ своей стороны отказывались отъ начальства и подавали голоса въ пользу Юрія.

— Вижу, братья мои возлюбленные, вижу, что вы любите меня и благодарю васъ, но долженъ вамъ отсовѣтовать: сынъ мой — дитя молодое; ему ли исправлять должность гетмана и въ такое опасное время? Нуженъ для этого мужъ опытный и искусный, а не юноша. Сынъ же мой пусть служитъ войску запорожскому по его лѣтамъ, и вы другимъ образомъ будете покровительствовать ему, и тѣмъ докажете благодарность свою ко мнѣ.

— Хотя сынъ твой и молодъ,—возразили ему:—но мы будемъ окружать его людьми опытными и старыми, которые будутъ наставлять его мудрыми совѣтами. Если сынъ твой будетъ начальствовать надъ нами, намъ будетъ легче, когда гетманомъ у насъ будетъ Хмельницкій: мы будемъ лю-

бить его, слушаться и вспоминать и благословлять тебя, милаго батька нашего!

Многіе въ душѣ вовсе не хотѣли видѣть Юрія гетманомъ, но должны были согласиться изъ желанія угодить отцу, ибо думали, что старикъ, хотя отсовѣтываетъ, а ему хочется, чтобъ сына его избрали.

Наконецъ Хмельницкій согласился, подозвалъ Юрія, вручилъ ему знаки гетманскаго достоинства и сказалъ:

— Сынъ мой! не гордись временнымъ господствомъ; воздавай должную честь старшимъ себя; не обременяй подчиненныхъ трудами выше того, сколько могутъ снести; не прилѣпляйся къ богатымъ и не презирай убогихъ; имѣй равную любовь ко всѣмъ. Да будетъ въ сердцѣ твоемъ страхъ Божій, храни заповѣди Божіи, не дерзай нарушить вѣрности его царскому пресвѣтлому величеству, такъ какъ и я одинъ разъ присягнулъ и до смерти остался вѣренъ присягѣ. Если же ты будешь поступать противно этому, то всякое зло, которое произойдетъ отъ тебя, да отвратится отъ другихъ и обратится на твою голову!

Толпа съ радостными восклицаніями провозгласила Юрія гетманомъ: „Дай Богъ (кричали казаки) и при новомъ, молодомъ нашемъ гетманѣ жить, какъ жили мы при старомъ: хлѣбъ-соль его вкушать, города турецкіе разорять, славы рыцарскія добывать!“

Чиновники прикрывали его знаменами и шапками, по казацкому обычаю; играли на трубахъ, били въ литавры, палили изъ пушекъ и ружей въ знакъ торжественнаго избранія новаго гетмана вольными голосами („Ист. о през. бр.“—„Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс.“ 216—217.—Народн. дума).

Назначивъ сына гетманомъ, Богданъ до смерти оставилъ за собою власть. Силы его ослабѣвали съ каждымъ днемъ.

...Время смерти Хмельницкаго означено современниками различно. Писарь Выговскій въ письмѣ къ Путивльскому воеводѣ Зюзину говоритъ, что гетманъ „отошелъ съ сего свѣта дня 27 іюля“ („Акты Ю. и З. Р.“ т. IV, стр. 3). „Лѣтопись самовидца“ (стр. 27) пишетъ,—что онъ умеръ „о Успеніи св. Богородицы“. Согласно съ нимъ и другіе украинскіе лѣтописцы означаютъ днемъ смерти Хмельницкаго 15-е августа: указываютъ даже время, въ которое гетманъ скончался, именно въ полдень („Ист. о пр. бр.“ — Лѣт. Грабянки, 153). Вопросъ трудно разрѣшимый. Само собою разумѣется, что Выговскому были вполнѣ извѣстны обстоятельства этого событія; гетманъ, вѣроятно, испустилъ духъ въ его присутствіи. Съ другой стороны, однако, трудно представить, чтобы день такого событія, которое потрясло всю Украйну, не запечатлѣлся вѣрно въ памяти современниковъ.

Богданъ скончался въ Чигиринѣ, но, по свидѣтельству одного лѣтописца, онъ сказалъ передъ смертью: „Я не желаю лежать въ Чигиринѣ. Чигиринъ былъ долго подъ господствомъ враговъ русскаго народа: похороните меня въ Суботовѣ, которое я пріобрѣлъ кровавыми трудами, изъ котораго потомъ, когда его у меня отняли, возникъ пламень войны, освободившій Украйну“.

23-го августа останки освободителя Руси погребли въ Суботовѣ. Рыданія народа заглушали церковное пѣніе. „То не вѣтры осенніе бушевали въ дубравѣ“ (говоритъ современная дума), то плакали и вопили казаки, погребая батька своего, стараго Хмельницкаго.

Въ числѣ зрителей былъ посолъ Яна Казиміра, пріѣхавшій съ новыми попытками заключить дружескій союзъ между Польшею и Украйною, и онъ съ честью провожалъ гетмана въ могилу. Домашній секретарь умершаго, Зорка, произнесъ на польскомъ языкѣ погребальную рѣчь. Гробъ поставили въ каменной церкви, построенной самимъ гетманомъ (Лѣт. Грабянки I, 88—298). Но напрасно путешественникъ искалъ бы его теперь: впослѣд-

ствіи Чарнецкій (польскій воевода), захвативъ Суботово, приказалъ выбросить на поруганіе кости человѣка, боровшагося противъ шляхетскаго своеволія.

Вѣче.

Вся автономія Великаго-Новгорода опиралась на вѣче, — народномъ собраніи. По старымъ русскимъ понятіямъ, вѣче, въ обширномъ значеніи, не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ; подъ этимъ названіемъ вообще разумѣлось народное сходбище, и потому вѣчемъ называлось и такое сходбище, которое съ нашей точки зрѣнія можетъ назваться законнымъ, то есть первосознательное собраніе народа, разсуждающаго о своихъ дѣлахъ, и такое, которое выдѣляется изъ прочей массы народа, кружокъ, иногда и въ противорѣчіи съ общею волею народа—мятежный скопъ. Такъ въ Кіевской лѣтописи, подъ 1169-мъ годомъ записано, что новгородцы начали вѣче дѣяти по дворамъ тайно на князя своего. Въ Новгородской лѣтописи названъ вѣчемъ — заговоръ недовольнаго кружка черни противъ архимандрита Есипа. Въ этомъ смыслѣ и сходбище военной рати на полѣ войны также называлось вѣче. Когда случались разноголосицы въ Новгородѣ и разомъ возникали противныя другъ другу собранія народа, каждое изъ нихъ равнымъ образомъ называлось вѣче. Такъ въ 1384 году, по поводу спора о князѣ Патрикіѣ, одно вѣче собралось, по обычаю, на Ярославовомъ дворѣ, другое—на Софійской сторонѣ; тоже повторилось по поводу посадника Есипа Захарьина въ 1388 году, когда Софійская сторона была противъ посадника, а Торговая за него. При такой неопредѣленности значенія вѣча, не мудрено, что тогда, какъ единодержавный порядокъ сталъ брать верхъ, понятіе о вѣчѣ переходило въ понятіе о мятежѣ, и слово: вѣчники,—въ Москвѣ стало значить то же, что: буяны, разбойники. Но при неопредѣленности общаго значенія слова „вѣче“, существовало однако, въ Новгородѣ, отдѣльно отъ всякаго вѣча „большое вѣче“, т. е. полное законное собраніе, и оно-то юридически составляло верхъ законной власти и правленія Великаго-Новгорода. Къ сожалѣнію, подробностей, относящихся къ его существованію, такъ мало, что многіе важнѣйшіе вопросы остаются пока не разрѣшенными. Право собранія большаго вѣча представляетъ ту же неопредѣленность. Это право не принадлежало только сановникамъ, облеченнымъ властью или правительственною обязанностью. Созвать вѣче — значило представить дѣло на обсужденіе народа, и потому всякій, кто считалъ себя въ правѣ говорить предъ народомъ, могъ и созвать вѣче. Ударъ въ вѣчевой колоколъ былъ знакомъ, что есть требованіе народнаго голоса. Случалось, созывалъ вѣче князь; но это не по какому-нибудь особенно признанному за нимъ праву, а потому, что князь, какъ правитель, естественно имѣетъ и поводы, и необходимость говорить съ народомъ. Вѣроятно, вѣча собирались и посадниками, которые, будучи предводителями, находились въ необходимости совѣтоваться съ народомъ. Неизвѣстно, существовали ли какія-нибудь правила, чтобы не допускать неправильныхъ созывовъ вѣча; могли не существовать вовсе; предполагалось, что съ такимъ дѣломъ шутить было опасно, и, слѣдовательно, всякій побоялся бы безпокоить напрасно весь народъ. Случалось, однако, что смѣльчаки, надѣясь на подобранную заранѣе партію, созывали вѣче и, поддерживаемые своими сторонниками, проводили свои планы — низвергали власти, устанавливали иныя. Такихъ называли крамольниками. Такимъ-то образомъ созывались вѣча тогда, когда возставшая толпа, по наущенію умѣвшихъ ее возбудить, низпровергала власти, и преслѣдовала партіи, къ которымъ была не расположена.

Вѣче устанавливало приговоры по управленію, договоры съ князьями и съ иностранными землями, объявляло войны, заключало миръ, призывало князей, избирало владыкъ, дѣлало распоряженія о сборѣ войска и о храненіи страны, уступало въ собственность или кормленье зѣмли, опредѣляло торговыя права и качество монеты, иногда ставило міромъ церкви и монастыри, установляло правила и законы: было такимъ образомъ законодательною властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлось судебиою, особенно въ дѣлахъ, касающихся нарушенія общественныхъ правъ. Относительно права участія на вѣчѣ и порядка собранія, нѣтъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, которыя бы могли дать объ этомъ ясное понятіе. Всѣ граждане, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, такъ и черные люди, имѣли право быть на вѣчѣ дѣятельными членами. Цензовъ не существовало. Но только ли одни новгородцы—жители города, или всей Новгородской Земли могли участвовать на вѣчѣ, — не вполнѣ извѣстно; изъ классовъ народныхъ, упоминаемыхъ въ грамотахъ, видно, что тамъ участвовали посадники, бояре, купцы, житые и черные люди. Оставляемъ въ сторонѣ посадниковъ: они могли участвовать потому, что были прежде сановниками — тутъ ясно само собою. Бояре землевладѣльцы были, сами собою, уже представители не города, а всей земли; бояринъ могъ жить въ своемъ имѣніи гдѣ-нибудь на Води, или на Двинѣ, и пріѣхать оттуда подавать голосъ на вѣчѣ. Отходъ изъ Новгорода въ Новгородскую Землю не лишалъ права гражданства: мы видимъ примѣръ, что отошедши на Вагу, Онисифоръ Лукичъ былъ послѣ воеводою и посадникомъ. Жившіе на Двинѣ, въ отдаленной землѣ, бояре, назывались всетаки новгородцами, и были между ними дѣти посадниковъ, сохранявшихъ это наименованіе. Точно также и купцы составляли классъ по занятію, а не по мѣсту жительства, и, слѣдовательно, могли проживать не въ Новгородѣ, а пригородѣ, и также подавать голосъ; такъ точно мы и встрѣчаемъ купцовъ, называемыхъ новгородцами, но которые проживали въ Торжкѣ и въ Русѣ, — потому что тамъ строили церкви. Житые люди участвовали на вѣчѣ, какъ жители концовъ, потому что при отправкѣ посольствъ обыкновенно выбирались житые люди отъ концовъ (хотя, впрочемъ, есть примѣры, что и бояре отъ концовъ выбирались). Что касается до черныхъ людей, то участіе ихъ несомнѣнно; но какъ оно совершалось, не извѣстно: тѣ ли участвовали, кто былъ въ городѣ, или изъ волостей присылали какъ-нибудь выборныхъ. Не извѣстно, въ какой степени, и когда, и какъ участвовали въ Новгородскомъ вѣчѣ пригороды и волости. Есть указанія, что, вмѣстѣ съ новгородцами, участвовали въ рѣшеніи дѣлъ и пригородные жители; напр. когда Всеволода изгоняли, то призывали псковичей и ладожанъ. Въ 1270 г. совокупилась въ Новгородѣ — говоритъ лѣтописецъ — вся Новгородская волость: ладожане, корела, ижора, плесковичи. Когда пригорожане были недовольны княземъ Патрикіемъ, то сошлись въ Новгородѣ и подняли за себя половину города. Эти неясныя указанія не позволяютъ сдѣлать заключенія, что пригородцы постоянно участвовали на вѣчѣ корпоративно; но несомнѣнно, что жившіе въ пригородахъ могли участвовать, какъ новгородцы, а не какъ пригорожане. Неизвѣстно, былъ ли какой-нибудь способъ повѣрки приходившихъ на вѣче, для предупрежденія прихода тѣхъ, которые права на это не имѣли. Едва ли былъ. Мѣсто отправленія собраній на воздухѣ и способъ сзыва звономъ колокола заставляютъ предполагать неудобство къ этому; притомъ же, когда вѣча собираемы были частными людьми, тамъ уже не могло быть повѣрки. Итакъ, естественно, что масса рѣшала дѣло. Неизвѣстно, былъ ли какой способъ сбора голосовъ или дѣло рѣшалось par acclamation. Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуною. Съ него говорили къ народу. Оно находилось

у вѣчевой башни: въ ней помѣщалась вѣчевая изба—т. е. канцелярія вѣча. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту: для этого существовала должность вѣчнаго дьяка (секретаря). Къ грамотѣ прикладывалась печать.

Печати были свинцовыя и привѣшивались къ грамотамъ снурками. Едва ли существовали постоянно одинакія печати для вѣча. На договорной грамотѣ съ тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ, XV вѣка, двѣ печати: на одной надпись: печать новгородская, а на оборотной сторонѣ ея—изображеніе животнаго, похожаго на лошадь; на другой печати надпись: печать Великаго Новгорода, а на оборотной сторонѣ ея—изображеніе животнаго, которое, какъ кажется, хотѣли изобразить львомъ. На разныхъ грамотахъ по нѣскольку печатей разныхъ: иногда владычняя, иногда посадниковъ и тысячскихъ. На грамотѣ 1317 г. число печатей простирается до одиннадцати. Въ старину грамоты писались съ именемъ того князя, который на ту пору княжилъ въ Новгородѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ Новгородъ призналъ надъ собою верховное первенство великаго князя, вѣчевыя грамоты писались безъ имени князя — отъ имени степеннаго посадника, тысячскаго, бояръ, житыхъ и черныхъ людей и всего Великаго Новгорода, а иногда съ прописью, въ началѣ, благословенія владыки. Выше было разсказано, какъ великіе князья въ XII вѣкѣ претендовали за такое отсутствіе своего имени въ грамотахъ. Независимо отъ большаго вѣча, каждый конецъ долженъ былъ имѣть свое частное вѣче: это видно изъ того, что концы писали свои грамоты, имѣли свои печати, въ случаѣ недоразумѣнія переговаривались другъ съ другомъ: это было бы невозможно безъ собраній. Обыкновенно большое вѣче сбиралось на Торговой сторонѣ, на Ярославовомъ дворищѣ,—но также на Софійской, у св. Софіи, особенно, когда дѣло шло объ избраніи владыки, или вообще о дѣлахъ церковныхъ: часто передъ такимъ вѣчемъ собиралось предварительное вѣче на Ярославовомъ дворищѣ. Должно быть, вѣчевой звонъ имѣлъ что-нибудь особое, почему можно было узнать его среди множества колоколовъ: колоколъ висѣлъ на Ярославовомъ дворѣ, на башнѣ; когда вѣче собиралось на Софійскомъ дворѣ, Дѣтинцѣ, созывали вѣче звономъ Софійскаго большаго колокола.

Во Псковѣ большое вѣче имѣло тѣ же основанія, какъ и Новгородское. Оно собиралось въ Крому, близъ Дѣтинца. Вѣчевой колоколъ висѣлъ на башнѣ у св. Троицы.

Іоаннъ Грозный.

Свойства личностей, къ разряду которыхъ принадлежитъ Іоаннъ Грозный, могутъ быть весьма различны, начиная очень талантливыми и кончая тупоумными, но, при всемъ различіи, они имѣютъ общіе признаки. Главное ихъ общее свойство—чрезвычайная чувствительность къ внѣшнимъ ощущеніямъ и, вслѣдствіе этого, быстрая смѣна впечатлѣній. Поэтому воля у нихъ обыкновенно слабая; великими дѣятелями они быть не способны; устойчивости у нихъ нѣтъ; терпѣнія у нихъ очень мало. Сердечныя движенія ихъ очень сильны, но лишены глубины, крѣпости и постоянства чувства. Воображеніе у нихъ сильнѣе и разсудка и сердца. Они безпрестанно создаютъ себѣ образы, увлекаются ими и, при первой возможности, готовы ихъ осуществлять, но легко покидаютъ ихъ, когда являются препятствія, или когда другіе образы овладѣваютъ ихъ душою. Если природа одаритъ такую личность недюжиннымъ умомъ, то умъ этотъ не можетъ свободно и спокойно дѣйствовать подъ сильнымъ гнетомъ ощущеній, управляемыхъ воображеніемъ, и нерѣдко жизнь такихъ существъ представляетъ безпрерывную смѣну умныхъ поступковъ глупыми и наоборотъ; нерѣдко,

однако, послѣдніе берутъ верхъ надъ первыми; умъ притупляется, привыкая уступать господству внезапныхъ побужденій. Эти личности не способны къ самостоятельности, и нуждаются въ опекѣ надъ собою, хотя обыкновенно не замѣчаютъ этого; они ненадолго привязываются къ тѣмъ, которые имѣютъ на нихъ вліяніе, и вообще они не любятъ послѣднихъ; они покоряются, воображая, что никому не покоряются, что дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію, когда же они почуютъ унизительность своей зависимости, то ненавидятъ тѣхъ, которые управляли ими, но, по слабости воли и по трусости, и тутъ не сразу освобождаются, а только тогда, когда помогаетъ имъ иное вліяніе. Они чрезвычайно самолюбивы, потому что чрезмѣрная чувствительность побуждаетъ ихъ безпрестанно и постоянно обращаться къ себѣ и, въ то же время, крайняя трусость—ихъ неизбѣжное свойство, потому что та же чувствительность къ впечатлѣніямъ опасности слишкомъ охватываетъ все ихъ существо. Съ трусостью всегда соединяется подозрительность и недовѣрчивость. Успѣхъ чрезмѣрно поднимаетъ ихъ; неудача—повергаетъ въ прахъ. Отъ этого — они высокомѣрны, самонадѣянны въ счастіи и малодушно теряются въ несчастіяхъ. Эти люди бываютъ сильно и горячо воспріимчивы ко всему доброму, но еще чаще къ злу и порокамъ, потому что для добра на практикѣ всегда окажется необходимо терпѣніе, котораго у нихъ не хватаетъ. Чаще всего выходитъ, что они плѣнительно добры, возвышенны, благородны на словахъ и совсѣмъ не таковы на дѣлѣ: слова легче дѣлъ, и при извѣстной долѣ способностей изъ нихъ выработываются превосходные риторы, способные увлекать и привлекать къ себѣ, обольщать собою на нѣкоторое время, пока не откроется, что, кромѣ краснорѣчія, у нихъ мало достоинствъ. Хорошее воспитаніе сдерживаетъ ихъ, способнымъ изъ нихъ даетъ возможность сдѣлаться полезными до извѣстной степени, а мало способныхъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ безвредными нулями; всего болѣе можетъ обуздать и даже отчасти переродить ихъ нужда, но зато многихъ изъ нихъ она убиваетъ и никто такъ легко и безпомощно не падаетъ подъ гнетомъ нужды, какъ люди этого рода. Чѣмъ ихъ воспитаніе небрежнѣе, чѣмъ существованіе ихъ безбѣднѣе, тѣмъ сильнѣе развиваются ихъ природныя свойства. Горе, если такія личности получаютъ неограниченную власть; возможность осуществлять образы, творимые воображеніемъ, вслѣдствіе чрезвычайной чувствительности къ разнымъ ощущеніямъ, доводитъ ихъ до всевозможнаго безумія. Многіе тираны, прославленные исторіей за свою кровожадность и вычурныя злодѣйства, принадлежали къ такимъ натурамъ.

Такимъ типическимъ лицомъ въ исторіи императорскаго Рима былъ Неронъ; такимъ былъ и нашъ Иванъ Васильевичъ. Онъ представляетъ поразительное сходство съ Нерономъ, при всѣхъ отличіяхъ, наложенныхъ на судьбу того и другаго несходными обстоятельствами и различною средою. Подобно Нерону, Иванъ былъ испорченъ въ дѣтствѣ: какъ Неронъ попалъ подъ опеку Сенеки и Бурра, и подъ ихъ вліяніемъ показались признаки мудраго и добраго правленія, такъ Иванъ Васильевичъ попалъ подъ опеку Сильвестра и его кружка, и его именемъ совершено было немало блестящихъ и полезныхъ дѣлъ; какъ Неронъ, освободившись отъ опеки своихъ менторовъ, такъ и Иванъ, удаливши и перемучивши людей, которыхъ прежде во всемъ слушался, пустились во вся тяжкая, не зная предѣловъ своимъ развратнымъ и кровожаднымъ прихотямъ. Злодѣянія Нерона и Ивана облекались характеромъ вычурности, иногда театральности. Неронъ въ началѣ своихъ злодѣяній убилъ мать; Иванъ не убивалъ матери, которой лишился въ младенчествѣ, зато убилъ сына въ концѣ своихъ злодѣяній. Неронъ сжегъ, какъ говорятъ, Римъ, а потомъ мучилъ невинныхъ христіанъ, обвиняя ихъ напрасно въ поджогѣ, а себя выставляя праведнымъ судьею;

Иванъ не сжегъ Москвы: ее сжегъ Девлетъ-Гирей страхомъ своего появленія, но безразсудству и трусости Ивана, зато Иванъ разорилъ Новгородъ и перемучилъ гораздо болѣе русскихъ христіанъ, чѣмъ Неронъ—римскихъ, и, подобно послѣднему, обвинялъ свои жертвы въ небывалыхъ преступленіяхъ, а себя показывалъ грознымъ, но праведнымъ судьею. Неронъ уѣхалъ въ Грецію, дурачился тамъ съ художествами и науками, а Римъ предоставилъ произволу своихъ вольноотпущенниковъ: Иванъ уѣхалъ въ Александровскую слободу, разыгрывалъ тамъ комедію монашества, а Русь отдалъ на волю опричнинѣ. Неронъ и Иванъ были одинаково жадны и корыстолюбивы, грабили области и не спускали — первый языческимъ храмамъ, второй—христіанскимъ монастырямъ. Неронъ хвастался, что онъ одинъ изъ римскихъ императоровъ могъ довести произволъ владыки до крайнихъ предѣловъ; Иванъ толковалъ о безпредѣльности своей царской власти, и неограниченный произволъ самовластія былъ его идеаломъ, цѣлью его дѣйствій и помысловъ. Неронъ былъ трусъ, и при концѣ жизни показалъ такое малодушіе, что не могъ нанести себѣ смертельнаго удара; Ивану не приходилось спасать себя отъ опасности, испытать то, чему онъ подвергалъ другихъ, зато во все свое царствованіе онъ многообразно и многократно показывалъ крайнюю трусость и малодушіе. Нашъ почтенный исторіографъ, при оцѣнкѣ характера царя Ивана, воздержался отъ сравненія его съ Нерономъ, замѣтивъ, что одинъ былъ христіанинъ, другой—язычникъ. Правда, Иванъ каялся и посылалъ въ монастыри поминовенія по тѣмъ, которыхъ самъ убилъ; но это дѣлалось не потому, чтобъ чудовище возненавидѣло зло и обратилось на путь добра: то было проявленіе трусости; московскій царь боялся Царя Небеснаго и хотѣлъ Его умилостивить; но безсердечіе было одинаково какъ у русскаго, такъ и у римскаго тирана, только римскій—не боялся своихъ боговъ,—и правду сказать: этимъ отличіемъ русскій тиранъ дѣлается еще омерзительнѣе римскаго. Наконецъ, Неронъ хвастался великими способностями поэта, пѣвца, художника; Иванъ щеголялъ реторикой, богословствованіемъ, знаніемъ исторіи, вообще резонерствомъ. Но по странному стеченію—московскій царь въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе римскаго императора. Нерона, сколько извѣстно, потомство не оцѣнило за его литературные и художественные труды, а московскаго тирана превозносятъ теперь за „блескъ, юморъ, огромную начитанность, логичность изслѣдованія и признаютъ однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени“.

Обстановка частной жизни въ Московскомъ государствѣ.

Дворы въ нашей старой Руси бываютъ очень просторны. Это видно уже изъ того, что для предохраненія отъ пожаровъ, приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ. Въ старину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились, какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ. Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и о разныхъ судныхъ дѣлахъ, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ: это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ. Велики были дворы архіереевъ и монастырскія подворья въ городахъ и посадахъ. Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ много мѣста, простирались до пятидесяти и шестидесяти саженъ въ длину. Дворы, по возможности старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ

при постройкахъ усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ. Въ Москвѣ были усадьбы съ деревянными постройками и каменными оградами. Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобъ черезъ нее никакое животное не пролѣзло, и чтобъ отъ сосѣдей не могли приходить слуги къ его слугамъ. Издревле существовалъ обычай, надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было между прочимъ въ старинномъ Кіевѣ, гдѣ надъ золотыми воротами была сооружена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю, главные входы во дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей, почти всегда ставили образа въ кіотахъ. Ни въ день, ни въ ночь ворота не оставляли отворенными; днемъ они были только припертры, а ночью заперты на замокъ, и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею.

Въ самой Москвѣ въ XVI в. большею частью зданія были деревянныя. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменныя постройки. Алексѣй Михаиловичъ его поддерживалъ. Уже по смерти царя Алексѣя въ 1681 г. приказано было въ Кремлѣ, Китай-городѣ и Бѣломъ городѣ строить исключительно одни каменныя строенія, и для этого выдавали изъ Приказа Большаго Дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубля за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ сооружать каменныя постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменныя ограды. Форма домовъ была четвероугольная. Деревянные дома дѣлались изъ сосновыхъ, иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусьевъ. Складывали брусья съ большимъ умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха, и притомъ не употребляли въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя; для теплоты обивали ихъ еще мохомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ. Дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ отъ главныхъ воротъ пролегала къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ въ чистотѣ. Вмѣсто того, чтобъ по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе хоромъ. Надворныя постройки вообще были жилыя и служебныя или кладовыя. Жилыя носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣники. Изба была общее названіе жилаго строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для пріема гостей. Названіе повалушки сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ и означаетъ кладовую, обыкновенно холодную. Сѣникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ, способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ въ Русской землѣ. У царей для каждаго члена семейства строили особые хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно также и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина строились избы, соединенныя между собою; иногда двѣ и три избы подъ одною кровлею соединялись между собою сѣнями, иногда нѣсколько избъ связывались переходами. Такой своеобразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родоваго единства съ личною и семейною отдѣльностью, и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вмѣстѣ не теряли между собою связи.

Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилыя помѣщенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наслѣдникамъ раздѣлиться между собою, а въ случаѣ еслибъ кто пожелалъ выселиться и завести собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу. У простолюдиновъ избы были черныя, т. е. курныя, безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусями и телятами, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству; отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полати. Курныя избы были въ XVI вѣкѣ и въ самой Москвѣ. Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ домы въ два жилья, нерѣдко съ надстройкою на верху, которая придавала дому снаружи видъ трехъ-яруснаго. Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одноэтажныхъ избахъ, вмѣсто крыльца со ступенями, былъ деревянный помостъ, называемый передмостьемъ. Въ простыхъ деревянныхъ домахъ оно огораживалось только перилами. Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колоннами и покрывались остроконечными кровлями. Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ черезъ особую отъ крыльца дверь или извнутри: ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую рундукомъ; потомъ прямо въ сѣни втораго яруса. Соотвѣтствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣнями и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома, и однѣ были переднія, другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и каморки, иногда свѣтлые, иногда темные. Нижній этажъ назывался подклѣтомъ, и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ. Подклѣты были жилые и глухіе. Въ первомъ случаѣ они служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во второмъ—для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилье. У людей посредственнаго состоянія они заключали по три, а иногда только по два покоя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня; но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Иногда въ одномъ строеніи было два, а въ другомъ три покоя, напримѣръ, горница съ комнатою, слѣдовательно два покоя, и повалуша о трехъ жильяхъ; или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльныя строенія, напр. горница съ комнатою, напр. двѣ горницы на подклѣтяхъ и три повалуши, соединенныя между собою сѣньми. Люди богатые, часто учреждавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ, особыя избы въ одинъ покой съ сѣньми, такъ называемыя столовыя. Вообще, въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя: передняя, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня.

Надстройки надъ горницами назывались чердаками, а надъ сѣньми—вышками. Иногда чердаки дѣлались четвероугольными зданіями, менѣе втораго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовали третій этажъ, равный второму. Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлые и убирались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, что называлось теремами, которымъ на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивался эпитетъ высокихъ. Впрочемъ названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было верхней надстройки. Иногда и надъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще чет-

вертая надстройка—небольшая башенка или смотрильня. Самая обычная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ саженъ длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. По надобности, на нихъ натягивали кожу. Вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы для сохраненія теплоты, и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Извнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матеріею, а съ наружной стороны желѣзными ставнями. Вмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду. Слюду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла были мало въ употребленіи.

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣсколько семействъ холоповъ. Другія были маленькія избушки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Для храненія домашняго имущества строились клѣти. При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ и въ XVI, и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу, замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада. Обыкновенныя дерева были: яблони, которыя сажались одна отъ другой сажени на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишень было мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Лѣсныя деревья садились рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ напр., черемуха, или особенно нарядныя, какъ напр., рябина или калина.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ. Въ домѣ зажиточнаго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ жилыхъ и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса; тамъ происходило домашнее моленіе.

Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у менѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ сѣняхъ, у дверей лежала непримѣнно рогожа или войлокъ для обтиранія ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивались тѣмъ же, чѣмъ стѣны; но, сверхъ того, на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками. Полавочники въ будни клались суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою-нибудь простою тканью и отороченные кускомъ матеріи другаго цвѣта. Кромѣ лавокъ, для сидѣнья дѣлались еще скамьи и стольцы. Скамьи были шире лавокъ, напр. до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только садились, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Стольцы были четвероугольные табуреты, для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ. Столы дѣлались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшали рѣзьбою.

Въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, атлабасовыми, камковыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хоромнымъ нарядомъ. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было; церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ, кромѣ иконъ; но въ XVII в. мало-по-малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, сначала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ людей. Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель, состоявшую изъ трехъ частей: пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Вообще постели были принадлежностью только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ или на матрасѣ. У людей средственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печахъ, постлавши подъ головы собственное платье, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались висячія, всегда широкія и длинныя, для того, чтобъ дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоцѣнныя бездѣлки въ родѣ слѣдующихъ: серебряное яблоко, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями. Часы составляли рѣдкость. Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ онѣ были серебряныя, у не богатыхъ оловянныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостьми, такъ чтобъ два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Послѣдняго рода блюда назывались блюдцами. Тарелки (торели) не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного. Ложки у богатыхъ дѣлались серебряныя позолоченныя, съ фигурою на концѣ рукоятки и съ надписью, кому принадлежитъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоцѣнными камнями; ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцемъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, уксусница и перечница. Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, кувшины, кружки, чаши, кубки ковши. Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр., гладкіе, граненые, чеканные. Кромѣ узоровъ, травъ и фигуръ, было въ обычаѣ дѣлать на сосудахъ разныя надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя владѣльца вещи и приличныя изреченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости. Чтобъ имѣть понятіе о родѣ тѣхъ надписей, которыя

заключали въ себѣ изреченія, приведемъ въ примѣръ чарку, на которой надписано по ободу: „Чарка добра человѣку, пить изъ нея на здравіе, хваля Бога, про государево многолѣтнее здоровье"; внутри другая: „Не злись, смирись, человѣче, желаешь славы земныя, зато не наслѣдишь небесныя"; по бокамъ вокругъ: „Зри, смотри, люби и не проси". Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоцѣнные, и носили тѣ же названія. Эти деревянныя издѣлія украшались рѣзьбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе; но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать въ множествѣ наименованій больше сходства, чѣмъ отличія. Вообще одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣ же названія и отличалась только степенью убранства. Обувь простаго народа была: лапти изъ древесной коры, обувь древняя, употребительная во времена язычества; носили башмаки, сплетенные изъ прутьевъ, лозы; нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфти, у богатыхъ—изъ сафьяна. Сапоги были до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла. Чоботы были полусапожки съ остроконечными, загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги, т. е. сафьянные чулки. Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые; они расшивались золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ и голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ, особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно было сафьяну. Рубахи у простонародья были холщевыя, у знатныхъ и богатыхъ—шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи и считали ихъ нарядным бѣльемъ; у знатныхъ и богатыхъ вышивали рукава, грудь, воротникъ, который назывался ожерельемъ. Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ узломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго и крашеннаго, изъ сермяги, т. е. грубой шерстяной ткани; у зажиточныхъ—изъ суконъ. Лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой-нибудь другой легкой шелковой матеріи. У царей (вѣроятно, и у бояръ) иногда были штаны изъ тяжелыхъ шелковыхъ матерій.

Вообще русскіе штаны достигали только до колѣнъ, дѣлались съ карманами и были разныхъ цвѣтовъ, чаще всего красные. На рубаху и штаны надѣвались три одежды, одна на другую. Исподняя была домашняя, въ которой сидѣли дома; если же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ трехъ видовъ. Исподняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, часто не доходившее до колѣнъ, въ родѣ камзола. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимніе — изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матеріи, напримѣръ, тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой-нибудь матеріи; но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ. На зипунъ надѣвали вторую одежду. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ

или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ разволоченные сапоги. Рукава его были чрезвычайно длинны, достигали до земли и сбирались въ складки, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочіе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напримѣръ, горячую посуду. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторачивался тесьмою. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другаго цвѣта, въ видѣ четыреугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистьми и снурки, чтобы застегать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ висячія петли, на другой прикрѣпляли пуговицы. Зимніе кафтаны дѣлались на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напримѣръ, на собольихъ пупкахъ и на бѣльихъ черевахъ; такіе теплые кафтаны назывались кожухами. Ферезями назывались одежды, надѣваемыя также на зипуны; мало отличалась эта одежда отъ кафтана. Верхнія или накидныя одежды были: опашень, охабень, однорядка, ферезѣя, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда; осенью и весною и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень, такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пятъ, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось ожерелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богачей нерѣдко изъ шелковыхъ матерій; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капюшономъ сзади. Ферезѣя — плащъ съ рукавами; она надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорожная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая — нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались предъ народомъ; онѣ дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плеча и застегались на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ нарядным платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ принимая гостей, чтобъ выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя или тулупы заячьи, у людей средственнаго состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ. Шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ; въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу.

Всѣ носили пояса, и считалось неприличнымъ ходить безъ пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахѣ, носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ нашивками и пуговицами. У небогатыхъ людей пояса были дорогильные и тафтяные; но у богачей они дѣлались изъ богатыхъ матерій и украшались разными драгоцѣнностями. Въ старину наши князья оставляли пояса своимъ дѣтямъ, какъ лучшую драгоцѣнность. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшія только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ, и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили въ комнатѣ. Другой видъ шапки, остроконечный, назывался колпакомъ. Третій родъ шапокъ былъ четвероугольная низкая шапка

съ мѣховымъ околышемъ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки—исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было узнавать происхожденіе и достоинство. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы велико-лѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ, обыкновенной народной шапкѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью. Горлатныя шапки по своей фигурѣ составляли обратную противоположность колпаку, ибо вверху были шире, внизу уже. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Въ довершеніе блеска своихъ одеждъ русскіе украшали уши серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоцѣнныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли кресты, и такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія. Также цари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободкахъ и съ желѣзною печатью. Въ старину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякій дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обиліе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкаго достоинства.

Для утиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторачивались золотою бахромою, но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ, и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародіе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобъ они могли быть необходимы. Въ довершеніе русскаго наряда, люди знатные привѣшивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, а именно: боярамъ, окольничнымъ, дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ, зато и знатные и незнатные не иначе выходили изъ домовъ, какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Посохъ служилъ вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого цари не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинныя. Но, однако, въ одеждахъ двухъ половъ были особенности, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самимъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія, какъ у мужчинъ, прибавлялось слово „женскій“, напр., женская шуба, женскій опашень. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины одѣвали на обыкновенныя платья богатую мантію, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатаго, бѣлаго, но чаще всего изъ золотной или серебротканной, съ вошвами (вѣроятно вшитыми мѣстами). Края этой мантіи были съ особенною нарядностью разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; они пристегались и снимались, когда нужно было, и назывались подволочнымъ запушьемъ. На голову

замужнія женщины надѣвали волосники или подубрусники: то были шапочки, наподобіе скуфьи изъ шелковой матеріи, нерѣдко—изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ съуживать и расширять, и съ ошивкою или оторочкою по краю; эти ошивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и, такимъ образомъ, переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго состоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы: опростоволосить (открыть голову) женщину было для нея большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобъ даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрусомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кику: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемою кичнымъ челомъ; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матеріею. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы: они имѣли форму городовъ и теремовъ; напримѣръ: изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго жемчужными поясками. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка съуживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимою дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя вплетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косы, а носили волосы распущенными по плечамъ. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы остригали себѣ волосы. Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Бѣдныя женщины—носили мѣдныя, болѣе зажиточныя—серебряныя, богатыя женщины золотыя съ драгоцѣнными камнями. На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, т. е. браслеты, также съ жемчугами и камнями, а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нерѣдко было такъ много, какъ и у мужчинъ. Шея женщины и дѣвицы была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ знатныя женщины носили золотыя и серебряныя позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланные финифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромные сундуки съ нарядами и, сверхъ того, большое количество ссыпнаго жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ, иногда болѣе пуда. На платьяхъ, которыя одѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кириловны, которое на нее одѣли послѣ взятія во дворецъ и нареченія царскою невѣстою, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги. Не удовольствуясь обильными украшеніями, пестрившими до крайности одежду, русская женщина бѣлилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискусствомъ въ этомъ дѣлѣ. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали, какъ не идетъ собственно имъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ.

Русская кухня была національная, то есть основывалась на обычаѣ, а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась, какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла: скоромный и постный. Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной; онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. Въ скоромные дни они начинивались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, нѣсколькими мясами разомъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ, съ прибавкою каши или лапши. Въ постные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, съ макомъ, горохомъ. Другой видъ печенья изъ тѣста былъ коровай — сдобный хлѣбъ. Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то есть пастетъ, начиненный курицей, яицами, бараниною съ масломъ или говяжьимъ саломъ, аладьи, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Мясныя кушанья были вареныя и жареныя. Вареныя подавались въ щахъ, ухѣ, разсолѣ и подъ взварами; щи забѣливались сметаной во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ щамъ была капуста. Къ щамъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ пряностей составляло принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикою называлась черною ухою, съ перцомъ — бѣлою, а безъ пряностей—голою. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаній въ скоромные дни съ весны и до поздней осени. Для говядины служили яловыя коровы; поэтому говядина вообще носила въ старину названіе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали, мясо солили. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многіе содержали въ своихъ дворахъ свиней и откармливали ихъ въ теченіе года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Русскіе въ старину любили свинину, кажется, больше, чѣмъ теперь. Лебеди считались самымъ изысканнымъ блюдомъ. Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. По принятому обыкновенію закупать для дома съѣстные запасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, гречневую и овсяную кашу съ постнымъ масломъ и т. д. Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Отъ большаго употребленія чесноку русскіе, по замѣчанію иностранцевъ, носили съ собою непріятный запахъ. Иностранцы сознавались, что не могли ѣсть вонючей русской ухи, въ которой иногда, кромѣ рыбы и воды, былъ одинъ только чеснокъ. Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ въ патокѣ, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти привозные. Другое лакомство была постила, приготовляемая изъ яблокъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести также пряники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскимъ изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ,

голубей, утокъ, городовъ, башень, теремовъ, людей, также цѣлыя сахарныя головы. Напитки, употребляемые русскими въ старину, были: квасъ, морсъ, пиво, медъ, водка и виноградныя вина. Квасъ пили всѣ, отъ царя до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно было встрѣтить и квасоварныя заведенія, и квасниковъ, продающихъ квасъ въ лавкахъ и квасныхъ кабакахъ. Въ монастыряхъ квасъ былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простаго, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржанаго солода, были квасы медвяные и ягодные. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшіе дозволеніе приготовлять у себя напитки, дѣлали его, для домашняго обихода, въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ снѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по замѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Оригинальное и лучшее русское питье было—медъ; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно признавали достоинство нашего меда и разславили его въ далекихъ странахъ. Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорты; обыкновенная водка носила названіе простаго вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше — вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые употребляли тройную и даже четвертную, т. е. четыре раза перегнанную водку, и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнѣйшихъ пряностяхъ и разныхъ душистыхъ травахъ; настаивали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, селитрѣ. Русскіе пили водку не только передъ обѣдомъ, но и во время обѣда, послѣ обѣда и во всякое время дня. Иностранныя вина въ XVI в. употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но, по мѣрѣ того какъ торговля стала насъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнью, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII в. явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселыя компаніи. Изъ винъ въ большомъ употребленіи были: греческое, церковное, мальвазія, венгерское, бѣлое и красное французское, ренское, романея. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности. Въ числѣ разныхъ напитковъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новость, чай. Знатныя лица употребляли его, какъ лекарство, и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ сдѣлается со временемъ національнымъ русскимъ питьемъ.

Предки наши, какъ знатные такъ и простые, вставали рано: лѣтомъ—съ восходомъ солнца, осенью и зимою—за нѣсколько часовъ до свѣта. Въ старину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневные и ночные часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ. Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образа, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличнѣе, смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, онъ, вставая отъ сна, крестился обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели, надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье; зажиточные люди мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ умыванія одѣвались и приступали къ моленію. Если день былъ праздничный, тогда шли къ заутрени, и благочестіе требовало, чтобъ встать еще ранѣе и придти въ церковь со

звономъ, еще до начала служенія заутрени. Если же день былъ простой, или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ. Окончивъ молитвословіе, расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домомъ, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, что дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будитъ госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужей, вовсе не мѣшались въ хозяйство: всѣмъ завѣдывали дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. Такого рода хозяйки, послѣ утренняго моленія, отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками съ своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ, налажена ли подъ ногами лошадей солома, заложенъ ли имъ кормъ, приказывалъ передъ своими глазами давать лучшимъ лошадямъ овса. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій, хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ: купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди наполняли Приказы и Приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Въ полдень наступало время обѣда. Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду, и, находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и стряпчихъ, потчивалъ ихъ хмѣльнымъ, иногда всѣхъ дарилъ, и вся прислуга, обыкновенно, обѣдала послѣ господскаго стола. Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Спали, пообѣдавши, и цари, спали бояре, спали купцы, затворивши свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ. Не спать или, по крайней мѣрѣ, не отдыхать послѣ обѣда считалось, въ нѣкоторомъ смыслѣ, ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ самозванцѣ не царское происхожденіе и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что, обыкновенно, русскіе любили очень плотно покушать, если имѣли возможность и достатокъ. Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій: зимою собирались другъ къ другу родные и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ—въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались передъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова затеплывались лампады, зажигались свѣчи передъ образами, домочадцы и прислуга собирались на моленье. Послѣ такого молитвословія считалось уже непозволительнымъ ѣсть и пить: всѣ скоро ложились спать.

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи

А. К. ТОЛСТОЙ.

Къ стр 147.

Графъ А. К. Толстой.

(1817 — 1875).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Грѣшница.

I.

Народъ кишитъ; веселье, хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Кругомъ и зелень, и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома,
Нарчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горитъ хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаясь съ музыкой,
И перекрестный разговоръ.

Ничѣмъ бесѣда не стѣснима,
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилатъ,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Что появился въ ихъ странѣ:

II.

„Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народъ смиренью онъ училъ,
Онъ всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.
Не терпитъ гнѣва онъ, ни мщенья,
Онъ проповѣдуетъ прощенье,
Велитъ за зло платить добромъ,
Есть неземная сила въ немъ:
Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
Даритъ и крѣпость, и движенье
Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
Ему признанія не надо,
Сердецъ мышленье отперто,
Его пытующаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
И всѣмъ простеръ благую руку
И никого не осудилъ.
То, видно, Богомъ мужъ избранный:
Онъ тамъ, по онполъ Іордана,
Ходилъ, какъ посланный небесъ,
Онъ много тамъ свершилъ чудесъ,
Теперь пришелъ онъ, благодушный,
На эту сторону рѣки;
Толпой прилежной и послушной
За нимъ идутъ ученики“.

III.

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ,
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ
Невольно привлекаетъ взоры:

Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ.
Но дѣва падшая прекрасна:
Взирая на нее, навряд ъ,
Предъ силой прелести опасной
Мужи и старцы устоятъ!
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана, зубы бѣлы,
Какъ зной, улыбка горяча;
Вкругъ стана, падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагаго спущены плеча.
Ея и серьги, и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ,
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ,
И тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обилiи красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные власы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожитъ,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь;
Купить за злато всякiй можетъ
Ея продажную любовь.

И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ;
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
„Я власти не страшусь ничьей!
Закладъ со мной держать хотите-ль?
Пускай предстанетъ вашъ учитель,
Онъ не смутитъ мопхъ очей!“

IV.

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты —
И вотъ въ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ не похожiй,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божiй,
Когда пылающимъ мечомъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манiю Іеговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена,
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавнiй вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ,
И станъ свой выпрямивши гибкой,
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фiалъ шипящiй подаетъ.
„Ты тотъ, что учитъ отреченью?
Не вѣрю твоему ученью,
Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
Меня смутить не мысли нынѣ,
Одинъ скитавшiйся въ пустынѣ,
Въ постѣ проведшiй сорокъ дней!
Лишь наслажденьемъ я влекома,
Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
Я вѣрю только красотѣ,
Служу вину и поцѣлуямъ,
Мой духъ тобою неволнуемъ,
Твоей смѣюсь я чистотѣ!“

И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общiй говоръ вкругъ возникъ,
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
„Она ошиблась! Въ заблужденье
Ее привелъ пришельца ликъ!
То не Учитель передъ нею,
То Іоаннъ изъ Галилеи,
Его любимый ученикъ“.

V.

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ,
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный.
Не прелесть ангельской красы —
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;

Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада —
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ,
Какъ дуновенье тишины,
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя —
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И, въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

VI.

И былъ тотъ взоръ, какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ тайно,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ —
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно,
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ,
И милосердіе прочла;
И чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колебляся, стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ;
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ —
Какъ быть средь ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
„Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану!“

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
„Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!“

Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
„Что долго въ себѣ я таю и ношу,

То все я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо!“

И пишетъ боярин всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ,
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.

Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
„Князь, служба моя не нужна ли?
„Вишь, наши меня не догнали!“

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
„Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
„А вотъ и рубли въ награжденье!“
Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро!
„Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
„А я передамъ и за муки
„Письмо твое въ царскія руки!“

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ:
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьётъ,
И звону внимаетъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опрични кромѣшная тьма.
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье—
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.

И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ нѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго, князя Андрея!“
И очи царя загорѣлися вдругъ:
„Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
„Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
„Посланье отъ слова до слова!“
—„Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль—и внимаетъ:

„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
„Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
„Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
„Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
„Отвѣтствуй, не ими-ль, средь тяжкой войны,
„Безъ счета твердыни враговъ сражены?
„Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

„Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
„Въ небытную ересь прельщенный?
„Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
„Писаніемъ намъ предреченный,
„И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ,
„За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
„Съ тобой предъ Судьею предстану!“
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ, въ ожиданьи, молчали.

И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ,
„И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
„Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
„Я песъ, недостойный и смрадный!
„Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
„И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
„Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
„Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!“

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну:
„Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну!“

И царь вопрошаетъ: „Ну, что же гонецъ?
„Назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ?
—„Царь, слово его все едино:
„Онъ хвалитъ свово господина!“

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрыпятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять началася работа.
„Ну, что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?“
—„Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
„Но слово его все едино:
„Онъ хвалитъ свово господина!“

„О, князь, ты, который предать меня могъ
„За сладостный мигъ укоризны,
„О, князь, я молю, да проститъ тебя Богъ
„Измѣну твою предъ отчизной!
„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
„Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
„Но въ сердцѣ любовь и прощенье—
„Помилуй мои прегрѣшенья!

„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
„Прости моего господина!
„Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
„Но слово мое все едино:
„За грознаго, Боже, царя я молюсь,
„За нашу святую, великую Русь—
„И твердо жду смерти желанной!“
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

Курганъ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.

Въ честь витязя тризну свершали:
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:

„О, витязь, дѣлами твоими
„Гордится великій народъ!
„Твое громоносное имя
„Столѣтія всѣ перейдетъ!

„И если курганъ твой высокій
„Сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
„То слава, разлившись далеко,
„Была бы курганомъ твоимъ!“

И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли;

Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
Но прежнему гордо стоитъ:

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жёгъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;

Тушканчикъ порою проскачетъ
По немъ, при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалого коня;

А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣтъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

Спѣсь.

Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку-на-бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу къ матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился бъ Спѣсь въ церкви Божіей,
Да полъ не метёнъ!
Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь въ другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися!

* * *

Грядой клубится бѣлою
Надъ озеромъ туманъ;
Тоскою добрый молодецъ
И горемъ обуянъ.

Не до-вѣку бѣлѣется
Туманная гряда,
Разсѣется, развѣется,
А горе—никогда!

* * *

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не смотрѣла бы изъ окошечка
Я на молодца разудалаго,
Какъ онъ ѣхалъ по нашей улицѣ,
На бекрень заломивши мурмолку,
Какъ лихого коня буланаго,
Звонконогаго, долгогриваго,
Супротивъ оконъ на дыбы вздымалъ!
Кабы знала я, кабы вѣдала,
Для него бы я не рядилася,
Съ золотой каймой ленту алую
Въ косу длинную не вплетала бы,
Рано до-свѣту не вставала бы,
За околицу не спѣшила бы,
Въ росѣ ноженьки не мочила бы,
На просёлокъ тотъ не глядѣла бы,
Не проѣдетъ ли тѣмъ просёлкомъ онъ,
На рукѣ держа пёстра сокола?
Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не сидѣла бы поздно вечеромъ,
Пригорюнившись на завалинѣ,
На завалинѣ, близъ колодезя,
Поджидаючи да гадаючи,
Не придетъ ли онъ, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

Колокольчики.

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу стрѣлой,
Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихой,
А куда—не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,
Онъ съ буранами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ,
И не блещетъ, какъ огонь,
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, славянскій конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ—
Знаетъ Богъ единый!

Упаду-ль на солончакъ
Умирать отъ зною?
Или злой киргизъ-кайсакъ,
Съ бритой головою,
Молча, свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травою,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою?

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видитъ: съ запада идетъ
Свѣтлое посланье.

Въ кунтушахъ и въ чекменяхъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами,
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,
Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;
Его свѣтлое лицо
Блещетъ новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви, и страха;
На челѣ его горитъ
Шапка Мономаха.

„Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!“
Говоритъ державный,
„Долго, дѣти, ждалъ я васъ
„Въ городѣ православный!“
И они ему въ отвѣтъ:
„Наша кровь едина,
„И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
„Чаемъ господина!“

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вкругъ столовъ,
Медъ и брага льются,
Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ туркѣ и къ венгерцу—
И ковшей славянскихъ звукъ
Нѣмцамъ не по сердцу!

Гой, вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?

И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

* *
*

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой, ты, родина моя!
Гой, ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, стень да тучи!

* *
*

Разсѣвается, разступается
Грусть подъ думами, подъ могучими,
Въ душу темную пробивается,
Словно солнышко между тучами.

Ой-ли, молодецъ? не разступится,
Не разсѣется ночь осенняя,

Скоро свѣдаешь, чѣмъ искупится
Непоказанный мигъ веселія!

Прикачнулася, привалилася
Къ сердцу съизнова грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Безталанная, горемычная.

* *
*

Ужъ ты, мать тоска, горе-гореваньице,
Ты скажи, вкажи, ты повѣдай мнѣ:
На добычу-то какъ выходишь ты?
Какъ сживаешь людъ божій со свѣту?
Ты змѣей ли ползешь подколодною?
Ты ли бьешь съ неба бурымъ коршуномъ?
Сѣрымъ волкомъ ли рыщешь по полю?
Аль ты, горе, богатырь могучъ,
Выѣзжаешь со многой силою,
Выѣзжаешь со гридни и отроки?
Ужъ вскочу-ль въ сѣдло, захвачу тугой лукъ,
Ужъ доѣду тебя, горе горючее,
Подстрѣлю тебя, тоску лютую!
—Полно, полно, добрый молодецъ,

Бранью на вѣтеръ кидатися,
Неразумны слова выговаривать,
Я не волкомъ бѣгу, не змѣей ползу,
Я не коршуномъ бью изъ поднебесья,
Не съ дружиною выѣзжаю я,
Выступаю-то я красной дѣвицей,
Подхожу-то я молодицею,
Подношу чару, въ поясъ кланяюсь.
И ты самъ слѣзешь съ коня долой,
Красной дѣвицѣ отдашь поклонъ,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцемъ всплачешься,
Ноги скорыя-то подкосятся,
И тугой лукъ изъ рукъ выпадетъ.

* *
*

Ужъ ты, нива моя, нивушка,
Не скосить тебя съ маху единаго,
Не связать тебя всю во единый снопъ!
Ужъ вы, думы мои, думушки,
Не стряхнуть васъ разомъ съ плечъ долой,
Одной рѣчью-то васъ не высказать!
По тебѣ-ль, нива, вѣтръ разгуливалъ,

Гнулъ колосья твои до-земли,
Зрѣлы зерна всѣ разметывалъ!
Широко вы, думы, поразсыпались:
Куда пала какая думушка,
Тамъ всходила люта печаль-трава,
Выростало горе горючее.

Ушкуйникъ.

Одолѣла сила-удаль меня молодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и въ сердцѣ тая удаль-то не вмѣстится,
А и сердце-то отъ удали разорвется!
Пойду къ батюшкѣ на удаль горько плакаться!
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:
Отпустите свое дѣтище дроченое,
Новгородскимъ-то порядкамъ неученое!
Отпустите поиграти игры дѣтскія:
Тѣ-ль обозы бить низовые купецкіе,
Багрить на морѣ кораблики урманскіе,
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе!..

* *
*

Ты почто, злая кручинушка,
Не въ конецъ извела меня, меня бѣдную?
Разорвала лишь душу надвое?
Не сойтися утру съ вечеромъ,
Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
Изъ-за меня они ссорятся,
А и оба меня корятъ, бранятъ;
Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:
Ты почто пошла за боярина?
Напросилась въ родню неровную,
Отщепенница, переметчица,
Отъ своей родни отступница?
—Государь ты мой, милый братецъ мой,
Я въ родню къ нимъ не напрашивалась,
И ты самъ меня уговаривалъ,
Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
—Изъ какого ты роду-племени?
Еще много-ли за тобой приданаго?
Еще чѣмъ меня опоила ты,
Приговорница, приворотница,
Меня съ нашими разлучница?
—Государь ты мой, господинъ ты мой,
Я тебя не приворачивала,
И ты взялъ вольной волею,
А приданаго за мной не много есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, государь, поклонная!
Перекинулся хмѣль черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качается межъ обоими,
Надъ быстрой водой зеленѣючи,
Злой кручинушки незнаючи,
Оба дерева обнимаючи.

* *
*

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье,
Какъ дымкой солнечный перенимая свѣтъ,
То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣ не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
А на пустыхъ поляхъ засохшія былины
Опутываетъ сѣть дрожащей паутины;

Кружася медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
Всему насталъ покой, прими-жъ его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты;
Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, оставленныя всѣми,
По совѣсти-ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна, иль скудна?

Изъ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“.

Трагедія открывается шумными мѣстническими спорами бояръ. Затѣмъ, по предложенію боярина Захарьина-Юрьева, они должны, забывъ разряды и мѣста, приступить къ тому, для чего собрались—*достойнѣйшаго выбрать*, кому бы Іоаннъ могъ передать державу, такъ какъ онъ, *свершивъ сыноубійство, терзается раскаяньемъ, отъ міра онъ рѣшился отойти*, а своего втораго сына, Ѳеодора, *его болѣзни* ради, отстраняетъ отъ престола. Порѣшили на томъ, чтобы опять ими правилъ царь Иванъ. Годуновъ выбранъ доложить о таковомъ рѣшеніи самому Іоанну.

Царская опочивальня. Іоаннъ, блѣдный, изнуренный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ, съ чотками въ рукахъ. Возлѣ него, на столѣ, мономахова шапка; съ другой стороны, на скамьѣ, полное царское облаченіе. Григорій Нагой (второй братъ царицы Маріи Ѳеодоровны, окольничій) *подаетъ ему чару.*

Нагой.

О, государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вотъ ужъ который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И въ ротъ не бралъ!

Іоаннъ.

Не надо пищи тѣлу,
Когда душа упитана тоской.
Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища!

Нагой.

Великій государь! Ужели вправду
Ты насъ покинуть хочешь? Что же будетъ
Съ царицею? Съ царевичемъ твоимъ
Съ Димитріемъ?

Іоаннъ.

Господь ихъ не оставитъ!

Нагой.

Но кто-жъ съумѣетъ государствомъ править
Опричь тебя?

Іоаннъ.

Острупился мой умъ;
Изныло сердце; руки неспособны

Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жъ указалъ престолъ мой уступить
Другому; беззаконія мои
Песка морскаго паче: сыроядецъ—
Мучитель—блудникъ—церкви оскорбитель—
Долготерпѣнья Божьяго почину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

Нагой.

О, государь! Ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича! Нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанесъ!

Іоаннъ.

Неправда!
Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей,
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужъ и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ—я убилъ его нарочно! Навзничь
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ, и, умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу!
(*Таинственно*).
Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою,
И схиму мнѣ показывалъ, и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ,—туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца.
Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволненья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять,
И забывать людей неблагодарность,
И злыя козни недруговъ моихъ!
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать,
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ, да чаекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схиму я прійму и, можетъ быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему!
(*Помолчавъ*).
Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро ли они
Свой постановятъ приговоръ, и съ новымъ
Царемъ придутъ, да возложу, не медля,

Я на него и бармы и вѣнецъ.
(*Нагой уходитъ*).
Все кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Что встрѣтилъ я на ней? Одни страданья!
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ,
Сражаяся съ боярскимъ мятежомъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней!
Не кроткимъ былъ я властелиномъ—нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя!
Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой,
Мнѣ говорилъ: „Иване, берегись!
„Въ тебя вселиться хочетъ сатана!
„Не отверзай души ему, Иване“!
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святаго старца
И душу я діаволу отверзъ!
Нѣтъ, я не царь! я волкъ! я песъ смердящій!
Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною!
Я Каина злодѣйство превзошелъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя безчисленны мои!
О, Христе-Боже! Изцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказанныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочетай!

Нагой докладываетъ о прибытіи гонца изъ Пскова. Гонецъ объявляетъ царю, что приступъ непріятеля отбитъ, что ихъ много убито, а король бѣжалъ за помощью въ Варшаву. А потомъ счастье измѣнило: *сломили насъ и овладѣли башней*. Въ концѣ-концовъ русскіе выиграли дѣло...

Гонецъ.
Король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передавъ.

Іоаннъ успѣхъ дѣла приписываетъ всесильному Промыслу Божію. Письмо къ Іоанну отъ Курбскаго. Нагой, по приказанію Іоанна, читаетъ:

«Отъ Курбскаго, подвластнаго когда-то
Тебѣ слуги, теперь короны польской
Владѣтельнаго Ковельскаго князя,
Поклонъ. Внимай моимъ словамъ...“

Іоаннъ.
Ну? что же?

Нагой.
Не смѣю, государь!

Іоаннъ.
Читай!

НАГОЙ (*продолжая читать*).

„Нелѣпый
И широковѣщательный твой листъ
Я вразумилъ. Превыше Божьихъ звѣздъ
Гордынею своею возносяся,
И самъ же фарисейски унижаясь,
Въ измѣнахъ ты несбытныхъ насъ винишь.
Твои слова, о царь, достойны... смѣху...
Твои упреки...“

ІОАННЪ.

Ну? „Твои упреки?“

НАГОЙ.

„Твои упреки—басни пьяныхъ бабъ!
Стыдился-бъ ты такъ грубо и нескладно
Писать въ чужую землю, гдѣ немало
Искусныхъ есть въ риторикѣ мужей!
Непрошеную-жъ исповѣдь твою
Невмѣстно мнѣ и краемъ уха слышать!
Я не пресвитеръ, но въ чину военномъ
Служу я государю моему,
Пресвѣтлому, вельможному Стефану,
Великому земли Литовской князю
И польскаго шляхетства королю.
Благословеньемъ Божіимъ мы взяли
Ужъ у тебя Велижъ, Усвятъ и Полоцкъ,
А скоро взять надѣемся и Псковъ.
Гдѣ всѣ твои минувшія побѣды?
Гдѣ мудрые и свѣтлые мужи,
Которые тебѣ своею грудью
Твердыни брали, и тебѣ Казань
И Астрахань подъ ноги покорили?
Ты всѣхъ избилъ, изрѣзалъ и измучилъ,
Твои войска безъ добрыхъ воеводъ,
Подобныя безпастырному стаду,
Бѣгутъ отъ насъ. Ты понялъ ли, о, царь,
Что всѣ твои шуты и скоморохи
Не замѣнятъ замученныхъ вождей?
Ты понялъ ли, что въ машкерахъ плясанье
И аффродитскія твои дѣла
Не все равно, что битвы въ чистомъ полѣ?
Но ты о битвахъ, кажется, не мыслишь?
Свое ты войско бросилъ...“

ІОАННЪ.

Продолжай!

НАГОЙ.

„Свое ты войско бросилъ... какъ бѣгунъ...
И дома запершись, какъ хоронякa...
Тебя, должно быть, злая мучитъ совѣсть
И память всѣхъ твоихъ безумныхъ дѣлъ...
Войди жъ въ себя! А чтобъ...

Іоаннъ.

Ну, что же? Дальше!
„А чтобъ?“... Читай!

Нагой.

„А чтобъ свою ты дурость
Уразумѣлъ и духомъ бы смирился,
Двѣ *эпистоліи* тебѣ я шлю
Отъ Цицерона, римскаго витіи,
Къ его друзьямъ, ко Клавдію и къ Марку.
Прочти ихъ на досугѣ, и да будетъ
Сіе мое смиренное посланье
Тебѣ“...

Іоаннъ.

Кончай!

Нагой.

О, государь!

Іоаннъ.

„Да будетъ
Сіе мое смиренное посланье“...

Нагой.

„Тебѣ лозой полезною! Аминь!“ *При послѣднихъ словахъ Нагаго, Іоаннъ вырываетъ у него письмо, смотритъ на него и начинаетъ мять бумагу. Его дергаютъ судороги).*

Іоаннъ.

За безопаснымъ сидя рубежомъ,
Ты лаешься, какъ песъ изъ-за ограды!
Изъ рукъ моихъ ты не изволилъ, княже,
Пріять вѣнецъ мгновенныхъ мукъ земныхъ
И вѣчное наслѣдовать блаженство!
Но неугодно ль милости твоей
Пожаловать въ Москву и мнѣ словесно
То высказать, что ты писать изволишь? *(Озирается.)*
И нѣту здѣсь ни одного изъ тѣхъ,
Которые съ нимъ мыслили? Ни брата—
Ни свояка—ни зятя—ни холопа!
Нѣтъ никого! Со всѣми я покончилъ—
И молча долженъ проглотить его
Ругательства! Нѣтъ никого въ запасѣ!

Стольникъ докладываетъ о приходѣ бояръ.

Іоаннъ.

А!
Добро пожаловать! Они пришли
Меня смѣнять! Обрадовались, чай!
Долой отжившаго царя! Пора-де
Его, какъ ветошь старую, закинуть!
Ужъ веселятся, чай, воображая,
Какъ изъ дворца по Красному крыльцу,
Съ котомкой на плечахъ, сходить я буду!
Изъ милости, пожалуй, Христа ради,
Кафтанишко они оставятъ мнѣ!

Посмотримъ же, кому пришлося мѣсто
Мнѣ уступать? Прошу бояръ войти! (*Стольникъ выходитъ.*)
Воистину! Что имъ за государь я?
Подъ этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Ужъ я ихъ отучилъ
Передъ вѣнчаннымъ трепетать владыкой!
Какъ пишетъ Курбскій? Войско-де я бросилъ?
И сталъ смѣшонъ? И ужъ пишу нескладно?
Какъ пьяная болтаю баба? Такъ ли?
Посмотримъ же, кто ихъ премудрый царь,
Который заживо взялся по мнѣ
Наслѣдовать? (*Входятъ бояре.*)
Бью вамъ челомъ, бояре!
Довольно долго совѣщались вы;
Но, наконецъ, вы приговоръ вашъ думный
Постановили, и, конечно, мнѣ
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престолъ?
Онъ, безъ сомнѣнья, родомъ знаменитъ
Не меньше насъ? умомъ же, ратнымъ духомъ,
И благочестіемъ, и милосердьемъ
Насъ и получше будетъ?—Ну, бояре?
Предъ кѣмъ я долженъ преклонить колѣна?
Предъ кѣмъ пасть ницъ? Передъ тобой ли, Шуйскій,
Иль предъ тобой, Мстиславскій? Иль, быть можетъ,
Передъ тобой, боярин нашъ Никита
Романовичъ, враговъ моихъ заступникъ?
Отвѣтствуйте—я жду!

Бояре на колѣняхъ просятъ, чтобы Іоаннъ не оставлялъ ихъ, чтобы смиловался надъ ними.

Іоаннъ.

Свидѣтельствуюсь Богомъ—я не мнилъ,
Я не хотѣлъ опять надѣть постылый
Вѣнецъ мой на усталую главу!
Меня влекли другія помышленья,
Моя душа иныхъ искала благъ!
Но вы не такъ рѣшили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будетъ
По вашему! я покоряюсь думѣ.
Въ неволѣ крайней, сей златой вѣнецъ
Беру опять и учиняюсь паки
Царемъ Руси и вашимъ господиномъ! (*Надѣваетъ мономахову шапку.*)

Бояре привѣтствуютъ его.

Іоаннъ.

Подать мнѣ бармы! (*Надѣваетъ царское облаченіе.*)
Подойди, Борисъ!
Ты смѣло говорилъ. Въ закладъ поставилъ
Ты голову свою для блага царства.
Я дерзкую охотно слышу рѣчь,
Текущую отъ искренняго сердца! (*Цѣлуетъ Годунова въ голову и обращается къ боярамъ.*)

Второй ужъ разъ я, вопреки хотѣнью,
По приговору думы, согласился
Остаться на престолѣ. Горе жъ цынѣ
Тому изъ васъ, кто надо мной что-либо
Задумаетъ, пль поведетъ хлѣбъ-соль
Съ опальникомъ, или какое дѣло
Прошедшее мое, хотя келейно,
Посмѣетъ пересуживать, забывъ,
Что нѣсть судьи дѣламъ моимъ, бо нѣсть
Верховной власти, аще не отъ Бога! (*Озирается.*)

Не видя между боярами Сицкаго, гнѣвается до того, что грозитъ снять съ него голову; заступничества Захарьина не принимаетъ. Назначивъ завтра пріемъ англійскому послу, идетъ въ соборъ *передъ Всевышнимъ преклонить колѣна.* (1-е дѣйствіе.)

Изъ разговора Захарьина съ Годуновымъ узнаемъ, что первый опасается, какъ бы не вступилъ Іоаннъ въ восьмой бракъ, а второй не знаетъ, какъ удержать его, чтобы онъ не дѣлалъ вреда ни себѣ, ни Русской землѣ. Захарьинъ полагаетъ, что судьба Руси въ рукахъ Годунова, и Годуновъ не прочь доказать, *какія силы Русская земля въ себѣ таитъ*, если-бы ему пришлось хоть мѣсяцъ править государствомъ.

Является Іоаннъ и настаиваетъ, чтобы Захарьинъ объявилъ народу, что король Степанъ проситъ у него (Іоанна) мира. Годуновъ противъ осьмаго брака Іоанна съ племянницей англійской королевы Елисаветы, но ничего не можетъ сдѣлать.

Въ домѣ Шуйскаго пируютъ бояре: Шуйскій, Мстиславскій, оба Нагіе. Имъ досадно, что Годуновъ — ближній бояринъ у царя; за него, кажется, одинъ только Шуйскій. Недовольные Годуновымъ замышляютъ *натравить* на него народъ. Шуйскій рекмендуетъ Битяговскаго (дворянинъ), какъ человѣка, съумѣющаго *поджечь и взбунтовать народъ*. Появленіе Годунова разстраиваетъ компанію. Шуйскій даетъ слово Годунову горой стоять за него въ думѣ, гдѣ его не любятъ, и называетъ недруговъ (Мстиславскаго и Бѣльскаго) Годунова. Шуйскаго зовутъ къ царю. Битяговскій, изъ страха казни, переходитъ на сторону Годунова и долженъ распускать объ немъ добрую славу, а на Шуйскаго съ Бѣльскимъ говорить, что они готовы *извести царскій корень*. Представляясь передъ названными боярами ихъ вѣрнымъ слугою, Битяговскій долженъ все, что бы отъ нихъ ни услышалъ, передавать Годунову. (2-е дѣйствіе.)

Дѣйствіе 3-е происходитъ въ покояхъ царицы Маріи Ѳеодоровны. Мамка разсказываетъ царицѣ, что къ ней (мамкѣ) подходилъ Годуновъ, бралъ на руки царевича (Димитрія), ласкалъ и любовался имъ; наказывалъ блюсти царевича: „ты“,—говорилъ онъ,—„за каждый волосочекъ его предъ Богомъ и землею отвѣчаешь“. Царица никому, впередъ, не велитъ давать ребенка, кромѣ Никиты Романовича (Захарьина), которому она вѣритъ, какъ родному отцу. А вотъ и онъ самъ: легокъ на поминѣ. Царица уже знаетъ, что царь хочетъ жениться на чужеземкѣ, а ее съ Димитріемъ собирается бросить. Захарьинъ совѣтуетъ ей не возражать царю ни слова: можетъ быть, онъ и смягчится такою покорностью. Ради ребенка царица проситъ Захарьина, чтобы онъ усовѣстилъ, уговорилъ царя. Захарьинъ замѣчаетъ, что одинъ Годуновъ умѣетъ удерживать царя. Царица не вѣритъ въ Годунова. Приходитъ царь въ сопровожденіи Годунова. Царица уходитъ, принарядиться. Іоаннъ: „*могла и такъ остаться: отъ нарядовъ пригожье не будетъ*“. Годуновъ, пользуясь случаемъ, докладываетъ царю, что его бракъ

съ племянницей Елисаветы можетъ состояться, если онъ (царь) *всенародно* разведется съ царицей... Кромѣ того, царь долженъ запретить торговлю всѣмъ иноземцамъ, дозволивъ ее лишь *англійскимъ гостямъ*. Затѣмъ Елисавета обѣщаетъ царю дружбу, союзъ и помощь нѣмцевъ въ войнѣ съ поляками. Отъ Годунова царь узналъ о прибытіи польскаго посла Гара̀бурды. Разсердившись на Годунова за совѣтъ быть осторожнымъ съ посломъ, Іоаннъ кричитъ: „Гей! Марья!“ (*стучитъ о полъ посохомъ*). Ты долго-ль тамъ укручиваться будешь? (*Входитъ царица, въ большомъ нарядѣ, и, поклонившись Іоанну, останавливается передъ нимъ молча*). Царица разсказываетъ Іоанну видѣнный ею сонъ, что будто-бы она разлучается съ нимъ.

Іоаннъ.

Сонъ въ руку.
Ты неугодна мнѣ. Я объявить
Тебѣ пришелъ, что ты отнынѣ болѣ
Мнѣ не жена.

Царица.

Такъ это правда? Правда?
Меня съ Димитріемъ ты бросить хочешь?
Съ Димитріемъ моимъ? Ты хочешь...

Іоаннъ.

Тише!
Я бабьихъ слезъ и криковъ не люблю!

Царица спрашиваетъ, какъ онъ развесться съ нею хочетъ, какую вину найдетъ на ней?...

Іоаннъ.

Это что?
Ты, кажется, меня къ допросу ставишь?
Кто ты? Какого ты владыки дочь?
Кому отвѣтъ держать мнѣ о тебѣ?
Иль ты другихъ пригожѣе и краше,
Чтобъ мнѣ тебя, какъ кладъ какой, беречь?
Иль я ужъ въ домѣ у себя не властенъ?
Иль ты царица по себѣ?

Сыну даетъ въ удѣлъ городъ Угличъ, жену велитъ постричь, а святителямъ не считаетъ нужнымъ объяснять причины развода, такъ какъ не пріучилъ ихъ вступаться въ свой обиходъ и давать имъ отчетъ. Захарьинъ пробуетъ просить за царицу, но слышитъ отъ Іоанна: „Я такъ хочу! Довольно! Ни слова болѣ!..“ Послѣ этого Іоаннъ намѣревается сейчасъ принять Батурова посла. Къ царицѣ: „Ты-жъ будь готова въ монастырь идти!“

Слѣдуетъ торжественный пріемъ Гара̀бурды въ престольной палатѣ. Гара̀бурда заявляетъ требованія пославшаго его короля Стефана Баторія, чтобы Іоаннъ *не звалъ его сосѣдомъ, а воздавалъ и письменно, и устно ему ту честь, названія и титулъ, и почести, которыя его пресвѣтлому довлѣютъ масстату.*

Іоаннъ.

Ахъ, онъ шутникъ! Теперь? Въ тотъ самый часъ,
Когда домой бѣжалъ онъ изъ-подъ Пскова?
Недурно! дальше!

При требованіи условій мира—вывести русскіе полки изъ земли Литовской и навсегда отдать коронѣ польской Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ и Псковъ,—слышенъ ропотъ въ собраніи, а

Іоаннъ.

Посолъ! ты много-ль выпилъ
Ковшей вина? Какъ смѣлъ ты предо мною
Явиться пьяный? *(къ стольникамъ.)*
Кто изъ васъ дерзнулъ
Нетрезваго впустить въ мои палаты?

Послѣ этого Гарабурда бросаетъ передъ Іоанномъ желѣзную перчатку: Стефанъ самъ хочетъ съ нимъ сразиться, *какъ лыцарямъ прилично благороднымъ.*

Іоаннъ на это:

Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты иль король? Къ чему перчатка эта?
Не для того-ль, чтобъ ею мнѣ тебя
Бить по лицу? Да ты забылъ, собака,
Что предъ тобой не избранный король?
Помазанника Божьяго смѣешь ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить!

Гарабурда.

Ни, этого, панъ-царь, не можно.

Іоаннъ.

Что?
Да онъ не шутитъ ли со мной? Бояре,
Ужель забавнымъ я кажусь?

Гарабурда.

Ни, ни!
Посла никакъ зашить не можно въ шкуру.

Іоаннъ.

Вонъ съ глазъ моихъ! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обратно къ королю!
Вонъ изъ палаты! Вонъ, собака! Вонъ! *(Хватаетъ у рынды топоръ и бросаетъ въ Гарабурду.)*

Гарабурда, отклоняя ударъ, докладываетъ Іоанну о новыхъ побѣдахъ Стефана надъ русскими полками, о взятіи шведами Наровы, о предполагаемомъ походѣ на Новгородъ, причемъ удивляется, что русскіе воеводы не дали знать Іоанну объ этомъ. Іоаннъ съ словами къ Гарабурдѣ: „ты лжешь, злодѣй!“ встаетъ съ престола.

Заявивъ, что къ Іоанну Стефанъ, пожалуй, пріѣдетъ самъ, Гарабурда пожелалъ Грозному царю здоровья и оставилъ палату. Общее смятеніе. Скоро прибѣгаетъ Годуновъ и прямо въ глаза говоритъ Іоанну, что онъ не такъ себя велъ съ посломъ,—что онъ прямо оскорбилъ его, а затѣмъ подтверждаетъ, что печальныя извѣстія Гарабурды вѣрны, самъ Годуновъ слышалъ отъ только что прискакавшихъ гонцовъ.

Іоаннъ.

Лгутъ гонцы!
Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ
Должна прійти! И нынѣ же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ! *(Падаетъ въ изнеможеніи въ престольныя кресла).* (3-е дѣйствіе).

Площадь въ Замоскворѣчьи. Площадь наполнена возами. Въ сторонѣ хлѣбные лабазы. Толпа народа волнуется передъ лабазомъ; цѣны на хлѣбъ высоки; тутъ есть нѣвшіе четыре дня; но лабазники знать ничего не хотятъ,—въ долгъ не даютъ несчастнымъ; одинъ лабазъ толпа пробуетъ разбить; но появившіеся пристава вступаются; сначала они на сторонѣ народа, а потомъ, получивъ взятку отъ лабазника, накидываются на народъ; народъ отступаетъ; пристава идутъ далѣе. Дворянинъ Кикинъ, переодѣтый въ странника, проповѣдуетъ собравшемуся около него народу о наставшихъ худыхъ временахъ, о значеніи Годунова, который теперь всѣмъ правитъ; клевещетъ, что будто бы и цѣны-то на хлѣбъ онъ же повысилъ; о кровавой хвостатой звѣздѣ—знаменіи гнѣва Божія и, въ концѣ концовъ, прямо возбуждаетъ народъ противъ Годунова. Слышны въ народѣ голоса и за Годунова. Является Битяговскій и дѣлаетъ свое дѣло, на которое вызвали его Шуйскій съ Бѣльскимъ (см. выше). Кикинъ съ Битяговскимъ не сговорились раньше, и народъ увидѣлъ, что ихъ не разобрать, отъ кого они и за кого. Обоимъ имъ не сдобровать, если бы не появленіе Григорія Годунова съ двумя бирючами и новой толпой народа. Григорій Годуновъ объявляетъ народу, что *слуга царевъ, его бояринъ ближній, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, шлетъ поклонъ; вѣдая всѣ тѣсноты народа, повытріе и ржи дороговизну*, онъ скупаетъ на собственныя деньги хлѣбные запасы на Москвѣ и завтра безденежно раздастъ народу, проситъ только молиться о его здоровьѣ. Кикину теперь плохо.

Внутренніе покои царя. Ночь. Марія Годунова, Ирина (жена Ѳедора, сестра Бориса Годунова), царевичъ Ѳедоръ смотрятъ на комету. Царь Іоаннъ съ крыльца также смотритъ и тревожится тѣмъ болѣе, что есть нерадостныя вѣсти: ханъ ужъ подошелъ къ Окѣ. Іоаннъ собралъ волхвовъ и ворожей, послалъ еще за какимъ-то схимникомъ,—не объяснятъ ли ему явленіе кометы.

Іоаннъ (*къ Ѳедору и женщинамъ*)
Ступайте всѣ сюда!—Всѣ подойдите
И слушайте! (*садится.*)
Я знаменіе понялъ!
(*Молчаніе. Ѳедоръ тихонько подталкиваетъ Ирину.*)

Ирина (*боязливо къ Іоанну*)
Царь-батюшка... дозволь тебя спросить,
Что понялъ ты?

Іоаннъ.
Вы видите звѣзду?
Она мнѣ смерть явилась возвѣстить!

Ѳедоръ (*бросаясь на колѣни*)
Помилуй, батюшка! Помилуй, что ты!

Іоаннъ.
Встань и не хнычь. Еще успѣешь хныкать.
Сперва принять ты долженъ государство.
Встань, говорю тебѣ! (*Женщины подымаютъ вопль.*)
Молчите, бабы!
Успѣете! Позвать ко мнѣ врача!
Царица Марья—я съ тобой намедни
Негоже говорилъ—забудь о томъ.
Сынъ Ѳедоръ—ты въ тяжелый, трудный часъ
Восходишь на престолъ—ты думалъ-ли,
Что будешь дѣлать, какъ меня не станетъ?

Ѳедоръ.
Царь-батюшка! Когда ты насъ покинешь,
Не знаю, какъ и быть!

Іоаннъ.
Ты долженъ знать!
Ты скоро царь. Не вѣкъ на колокольнѣ
Тебѣ звонить. Ты продолжать ли будешь
Войну, иль миръ съ Батуромъ учинишь?

Ѳедоръ.
Какъ, батюшка, прикажешь!

Іоаннъ.
По грѣхамъ
Мнѣ наказанье послано отъ Бога!
Иванъ, Иванъ! Мой старшій сынъ Иванъ!
Ты мнѣ не такъ бы отвѣчалъ!—Врача! (*Входитъ врачъ Якоби.*)

Якоби, на вопросъ царя о времени смерти, заявляетъ, что царю нѣтъ причины умирать, что онъ только боленъ и—выздоровѣетъ. Іоаннъ подозрѣваетъ, что Якоби подкупленъ боярами, Курбскимъ, чтобы ему умереть безъ покаянья.

Іоаннъ.
Я не умру
Безъ покаянья! Слышишь? Я успѣю
Покаяться!
(*Къ боярамъ.*)
Успѣю—вамъ на зло!
Позвать волхвовъ! Отъ нихъ узнаю я,
Когда мой часъ прійдетъ. А до того
Я царь еще! Я наказать съумѣю
Того изъ васъ, кто хочетъ, чтобъ я умеръ,
Какъ песъ, безъ покаянья!

Волхвы предсказываютъ, что Іоаннъ умретъ въ Кириллинъ день—осьмнадцатаго марта. Волхвовъ грозитъ казнить, такъ какъ они признались, что они крещеные, а наша св. церковь, серьезно замѣчаетъ Іоаннъ, ворожбы не терпитъ.

Іоаннъ (*по уходѣ волхвовъ*)
Осьмнадцатаго марта!
Немного дней осталось мнѣ. Явиться
Предъ Судьей пришла пора. Но я

Не дамъ моимъ врагамъ торжествовать
И съ міромъ всѣ мои покончу счеты!
(*Къ Годунову*).
Борисъ! Сходи въ опочивальню—тамъ
На полицѣ лежитъ, подъ образами,
Начатый мной синодикъ. Принеси
Его сюда. (*Годуновъ уходитъ. Іоаннъ продолжаетъ, косясь на бояръ*):
Ни одного изъ тѣхъ,
Которыхъ я казнилъ за ихъ измѣны,
Я не оставлю безъ поминовенья—
Ни одного! Послѣднему холопу
Назначу вкладъ за упокой!—Что взяли? (*Годуновъ возвращается съ бумагою.*)
Поди сюда. Такъ. Это тотъ синодикъ.
Прочти мнѣ вслухъ—возьми перо—и если
Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

Годуновъ (*беретъ перо и читаетъ*):
„Упокой, Господь,
Твоихъ рабовъ: боярина Михайлу,
Окольничьихъ Ивана и Петра,
Боярина Василія съ женою,
Да ихъ холопей тридцать человѣкъ.
Помилуй воеводу, князь Григорья
Съ княгинею, съ двумя ихъ дочерьми,
Да съ малолѣтнимъ сыномъ, а при нихъ
Холопей ихъ сто-двадцать человѣкъ.
Боярина, князь Якова съ княгиней
Маріею, съ княжной Елисаветой,
Съ княжатами, съ Никитой и съ Иваномъ,
Да ихъ холопей сорокъ человѣкъ.
Игуменовъ Корнилія, Васьяна,
Архіерея Леонида, съ ними жъ
Пятнадцать иноковъ...“

Іоаннъ.
Постой—пятнадцать?
Ихъ было болѣ—двадцать написи!

Годуновъ (*пишетъ и продолжаетъ*):
Помилуй, Господи, и упокой
Крестьянъ опальныхъ селъ и деревень
Боярина Морозова, числомъ
До тысячи двухсотъ. Трехъ нищихъ старцевъ,
Затравленныхъ медвѣдемъ. Девять женокъ,
Что привезли изъ Пскова. Всѣхъ сидѣльцевъ,
Которые сдалися королю
И были имъ отпущены на волю,
Числомъ двѣ тысячи... Новгородцевъ,
Утопленныхъ и избіенныхъ
Двѣнадцать тысячъ, ихъ же имена
Ты вѣси, Господи!..“

Докладъ дворецкаго прерываетъ чтеніе синодика.

ДВОРЕЦКІЙ.
Царь-государь! Гнѣвъ Божій насъ постигъ!
Вчерашняго утра въ твой царскій теремъ
Ударилъ громъ, и сжегъ его до тла!

ІОАННЪ.
Теперь? Зимой?

ДВОРЕЦКІЙ.
Гнѣвъ Божій, государь!
Въ морозное, безоблачное утро
Нашла гроза. Въ твою опочивальню
Проникла съ трескомъ молонья—и разомъ
Дворецъ вспылалъ. Никто изъ старожиловъ
Того не помнитъ, чтобъ когда зимою
Была гроза!

ІОАННЪ (*про себя*).
Да! Это Божій гнѣвъ!
Въ покоѣ томъ я сына умертвилъ—
Тамъ онъ упалъ—межъ дверью и окномъ—
Разъ только вскрикнулъ, и упалъ—хотѣлъ
За пологъ ухватиться, но не могъ—
И вдругъ упалъ—и кровь его изъ раны
На пологъ брызнула— (*Вздрогнувъ*)
Что это было?
Борисъ,—оставь, оставь теперь синодикъ—
Мы послѣ кончимъ! Слышите? Что тамъ
Скребетъ въ подпольѣ? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснетъ Богъ!
Я царь еще! Мой срокъ еще не минулъ!
Я царь еще—покаяться я властенъ!
Ирина, Ѳедоръ, Марья! Станьте здѣсь—
Другъ подлѣ друга. Ближе, такъ, бояре!
Всѣ рядомъ станьте здѣсь передо мной—
Чего боитесь? Ближе! Я у всѣхъ,
У всѣхъ у васъ прощенія прошу! (*кланяется въ землю.*)

БѢЛЬСКІЙ (*тихо къ Шуйскому*)
Помилуй насъ, Господь!

ШУЙСКІЙ (*тихо къ Бѣльскому.*)
Остережемся—
Быть можетъ, онъ испытываетъ насъ!

ІОАННЪ (*стоя на колѣняхъ*)
Вы, вѣрные рабы мои и слуги!
Межъ вами нѣтъ ни одного, кого-бъ
Не оскорбилъ я дѣломъ или словомъ!
Простите-жъ мнѣ! Ты, Бѣльскій—ты, Захарьинъ—
Ты, князь Мстиславскій—ты, князь Шуйскій—ты..

ШУЙСКІЙ.
Помилуй, государь! Тебѣ-ль у насъ
Прощенія просить?..

Іоаннъ.

Молчи, холопъ!
Я каяться и унижаться властенъ,
Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай: каюсь:
Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры, ни числа!
Душою скотенъ—разумомъ растлѣнъ—
Прельстился я блещаньемъ багряницы,
Главу мою гордыней осквернилъ,
Уста—божбой, языкъ мой—срамословьемъ,
Убійствомъ—руки и грабленьемъ злата,
Утробу—объяденіемъ и пьянствомъ,
А чресла—несказуемымъ грѣхомъ!
Бояре всѣ! Я васъ молю—простите,
Вы всѣ простите вашему царю! (*Кланяется въ землю.*)

Захарьинъ.

Царь-государь! Когда—то Божья воля,
Чтобъ ты отъ міра въ вѣчность отошелъ,
То о дѣлахъ теперь подумать долженъ
И о войнѣ, которую оставишь
Въ наслѣдство сыну, а грѣхи твои
Мы всѣ тебѣ усердно отпускаемъ
И Господа всѣ молимъ за тебя!

Іоаннъ. (*вставая.*)

Ты правъ, старикъ. Сынъ Ѳедоръ, подойди!
Немного дней—и ты на царство сядешь—
Услышь теперь послѣдній мой наказъ: (*Опускается въ кресло.*)
Цари съ любовію и съ благочестьемъ,
И съ кротостью. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы.
Моимъ врагамъ, которыми отъ царства
Я прогнанъ былъ и, аки бѣдный странникъ,
Искалъ себѣ пріюта на Руси,
Не мсти по мнѣ—Всевышній насъ разсудитъ!
Мою царицу, мачиху твою,
Блюди и милуй; съ Дмитріемъ же, съ братомъ,
Будь за одинъ; не захоти никакъ
Присвоивать себѣ его удѣла,
Занеже Каинъ Авеля убилъ,
Наслѣдства же не взялъ братоубійца.
Войну съ Литвой старайся кончить миромъ
И силы всѣ на хана устреми.
Совѣтуйся съ Борисомъ; вѣрь ему;
Онъ вѣдаетъ мои предначертанья
И въ думномъ дѣлѣ мной самимъ отъ млада
Былъ вразумленъ. На первый разъ тебѣ
Онъ дѣлатель изрядный будетъ. Послѣ-жъ
Дѣламъ посольскимъ, ратнымъ и судейскимъ
Самъ навыкай, чтобъ не тебѣ другіе,
А ты-бъ другимъ указывалъ во всемъ.
Опричнину-жъ ты снова-ль учредишь,
Иль будешь всей землею государить—
Въ твоей то волѣ—ты разсудишь самъ,

Какъ то тебѣ и брату прибыльнѣе,
А образецъ вамъ учиненъ, готовъ.
Ты все ли понялъ?

ѲЕДОРЪ.

Батюшка! Дастъ Богъ,
Ты не умрешь! Дастъ Богъ, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мнѣ куда на царство? Самъ ты знаешь,
Я не готовился къ тому!

ІОАННЪ (*гнѣвно*).

Ѳедоръ!
Тебя не спросятъ: не любо, иль любо—
Ты за меня на царство долженъ сѣсть,
Когда меня не станетъ!

ѲЕДОРЪ.

Не гнѣвись,
Царь-батюшка—но я молю тебя—
Поставь другого! Мало-ль на Руси
Людей меня достойнѣйшихъ и лучшихъ,
А я, царь-батюшка, доволенъ былъ бы
И небольшимъ удѣломъ!

ІОАННЪ.

Пономарь!
Я говорю съ тобой, какъ съ мужемъ,—ты же,
Какъ баба, отвѣчаешь. Горе! Горе!
Сыноубійцѣ мститъ за брата братъ!
Иванъ, мой сынъ! Мой сынъ, убитый мною!
Я для того-ль всю жизнь провелъ въ борьбѣ,
Сломилъ бояръ, унизилъ непокорство,
Вокругъ себя измѣну подавилъ
И на крови наслѣдный мой престолъ
Такъ высоко поставилъ, чтобы вдругъ
Все рушилось со мной!

Приносятъ двѣ грамоты: одну—изъ Серпухова—о томъ, что чрезъ Оку переправляться ханъ ужъ начинаетъ; другую—изъ Казани—что кругомъ возстала вся Луговая Черемиса вмѣстѣ съ Ногаями. Іоанну не вѣрится, и онъ самъ читаетъ грамоты, роняетъ ихъ потомъ и остается недвижимъ. Бесѣда Іоанна съ схимникомъ. Іоаннъ проситъ у него совѣта, какъ отвратить гибель отъ всей земли и отъ престола. Схимникъ совѣтуетъ послать вождей на враговъ; но уже тѣхъ вождей нѣтъ, которыхъ знавалъ схимникъ: одни казнены Іоанномъ, другіе — убиты имъ же, третьи — утоплены, а Курбскій, напр., бѣжалъ въ Литву. Наконецъ, схимникъ спрашиваетъ о сынѣ Грознаго, Иванѣ, совѣтуя его послать.

ІОАННЪ (*быстро вставая*).

Монахъ! Ты для того ли
Его назвалъ, чтобъ издѣваться мнѣ?
Ты смѣлъ назвать Ивана? Я тебѣ
Велю языкъ твой вырвать!

Схимникъ, не страшась гнѣва Іоанна, оправдывается тѣмъ, что онъ ничего не знаетъ, ни о чемъ не слыхалъ. Іоаннъ, по его совѣту, долженъ

просить помощи у Бога. По уходѣ старца, Ѳеодоръ и бояре, приглашенные Іоанномъ, входятъ.

Іоаннъ (*садится и говоритъ, помолчавъ*).

Мстиславскій! Бѣльскій!
Захарьинъ! Годуновъ! Цѣлуйте крестъ,
Что будете Ѳеодору служить
До смерти и до крови! — Ты-жъ, Ѳеодоръ,
Имъ четверымъ довѣрься. Ничего
Не начинай безъ ихъ совѣта. Если-жъ
Господь дозволитъ, чтобы князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій уцѣлѣлъ во Псковѣ,
Онъ будетъ пятый. Имъ я завѣщаю
Съ тобою вмѣстѣ Русью управлять!
Цѣлуйте крестъ!

Бояре цѣлуютъ нагрудный крестъ у Іоанна. Далѣе, Іоаннъ велитъ отправитьословъ въ Литву, чтобы заключить миръ съ Стефаномъ Баторіемъ—миръ, до того невыгодный и даже постыдный для Руси, что между боярами слышенъ ропотъ. Они то и другое предлагаютъ Іоанну,—напрасно.

Іоаннъ.

Нельзя!
Нельзя мнѣ ждать! Кровавая звѣзда
Меня зоветъ! Отъ Ѳедора же болѣ
Еще Батуръ потребуетъ! Нельзя!

Когда же бояре продолжаютъ не соглашаться на такой миръ, Іоаннъ (*вставая*) говоритъ имъ:

Такъ-то
Присягу бережете вы свою?
Такъ помните Писанье? Въ оный день,
Когда хотѣлъ съ престола я сойти,
Зачѣмъ меня соборомъ вы молили
Остаться на престолѣ? Иль въ тотъ день
Я власть отъ васъ условную пріялъ?
Иль я не тотъ же царь, который вамъ
Отъ Бога данъ и вами-жъ избранъ снова?
Иль есть у васъ иной отвѣтъ, какъ только
Повиноваться мнѣ? Или, быть можетъ,
Такъ мало дней осталося мнѣ жить,
Что ужъ не стоитъ мнѣ повиноваться?
Клятвопреступники! Мой срокъ не минулъ!
Я царь еще! Кто смѣетъ говорить,
Что я не царь? Ничъ! Въ прахъ передо мною!
Я вашъ владыка!.. (*Шатается.*)

Годуновъ (*подхватывая его*).

Государю дурно!
Позвать врачей!

Іоаннъ (*поддерживаемый Годуновымъ*).

Подъ страшной смертной казнью,
Ословъ, немедля, снарядить! Велѣть имъ,
Чтобъ все сносили — все терпѣли — все —

Хотя бъ побои! (*Бояре удаляются.*)
Боже всемогущій!
Ты своего помазанника видишь —
Достаточно-ль униженъ онъ теперь!.. (4-е дѣйствіе).

Царевичъ Ѳеодоръ у Годунова. Изъ ихъ разговоровъ узнаемъ, что дѣла Іоанна поправились, и ему самому стало легче, а, между тѣмъ, Кириллинъ день. Ѳеодоръ надѣется на Годунова, что онъ ему поможетъ въ дѣлахъ правленія. Годуновъ называетъ себя слугою и вѣрнымъ холопомъ Ѳеодора, боится только, что на него будутъ наговаривать Ѳеодору. Ѳеодоръ обѣщаетъ не вѣрить недругамъ Годунова. Годунову, разумѣется, пріятно такое расположеніе и довѣріе будущаго царя; онъ жалѣетъ только, что не полная власть выпадетъ на его долю; жена его, напротивъ, не желаетъ, чтобы на мужа пала вся тягость государства. У Годунова свои мысли и дѣла; выпроводивъ жену, онъ отворяетъ боковую дверь и впускаетъ двухъ скованныхъ волхвовъ. Изъ его вопросовъ, обращенныхъ къ волхвамъ, можно понять, что онъ какъ-будто недоволенъ, что Кириллинъ день проходитъ благополучно, и, слѣдовательно, предсказанія волхвовъ не сбываются. Годуновъ пробуетъ спросить волхвовъ о себѣ и слышитъ, что все, о чемъ онъ думаетъ и чего желаетъ, сбудется; они предсказали даже, что онъ царитъ будетъ только семь лѣтъ. Взявъ съ волхвовъ слово, что они все только что происшедшее сохранятъ въ тайнѣ, отпускаетъ ихъ.

Годуновъ (*одинъ*).
Чего давно душа моя желала,
Въ чемъ самъ себѣ признаться я не смѣлъ!
Да, это такъ! Теперь я вижу ясно,
Какая цѣль свѣтила мнѣ всегда!
Теперь впередъ, впередъ идти мнѣ надо
И прорицанье ихъ осуществить.
Насъ не судьба возноситъ надъ толпою,
Она лишь случай въ руки намъ даетъ —
И сильный мужъ не ожидаетъ праздно,
Чтобъ чудо кверху подняло его.
Судьбѣ помочь онъ долженъ. Случай есть —
И дѣйствовать приходитъ мнѣ пора! (*Топаетъ ногой. Входитъ дворецкій.*)
Позвать сюда котораго-нибудь
Изъ государевыхъ врачей! (*Дворецкій уходитъ.*)
Семь лѣтъ!
Семь только лѣтъ! И вѣдать не дано мнѣ,
Далекъ тотъ день, иль близокъ? Между тѣмъ
Часы бѣгутъ. Безумьемъ Іоанна
Все рушится — и для моей державы
Готовятся развалины однѣ...
«Но солнце не зашло еще!» сказали
Сейчасъ волхвы... Кто знаетъ? Можетъ быть!...
Умри сегодня этотъ звѣрь, сегодня жъ
Мой слабодушный деверь власть свою
Мнѣ передастъ — я буду господиномъ!..
Но то ли мнѣ волхвы сулили? Нѣтъ!
Они въ вѣнцѣ и въ бармахъ, на престолѣ,
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ видѣли меня!

Они сказали: «Три звѣзды покамѣстъ
Мое величье затмѣваютъ — три!»
Одна изъ нихъ — то Іоаннъ, другая —
Царевичъ Оедоръ, третья — ктожъ иной,
Какъ не Димитрій? Тотъ противникъ сильный,
Котораго бояться долженъ я,
Кому-жъ и быть ему, какъ не младенцу
Димитрію? Онъ, онъ преграда мнѣ?
«Слабъ, но могучъ — безвиненъ, но виновенъ —
Самъ и не самъ» — оно какъ разъ подходитъ
Къ Димитрію! Но что могло бы значить:
„Убитъ, но живъ?“ Какъ дико мнѣ звучитъ
Зловѣщее, загадочное слово:
„Убитъ, но живъ!“ Кѣмъ будетъ онъ убитъ!
Не можетъ быть! А если бъ кто и вправду
Рѣшился руку на него поднять,
То какъ ему, убитому, воскреснуть?
Я словно въ бездну темную гляжу,
Рябитъ въ глазахъ и путаются мысли...
Довольно! прочь безплодныя догадки!
Живъ, иль убитъ — судьба его въ грядущемъ,
Мнѣ жъ дорогъ нынѣ настоящій мигъ!.. (*Входитъ дворецкій.*)

Дворецкій докладываетъ о приходѣ царскаго доктора (Якоби). По словамъ доктора, Іоаннъ будетъ здоровъ, если будетъ спокоенъ, если будетъ видѣть и слышать только то, что способно развлекать его, почему Бѣльскій и собралъ для него толпу шутовъ и скомороховъ. Послѣ доктора, Годуновъ принимаетъ Битяговскаго, отъ котораго узнаетъ, что народъ озлобленъ на Шуйскаго и Бѣльскаго. Битяговскій, по уговору, обязанъ, въ случаѣ возмущенія народа, свидѣтельствовать передъ царемъ, что возмущеніе подготовлено Нагими.

Богатая палата во дворцѣ. Слуги вносятъ и разставляютъ драгоцѣнную утварь — подарки, которые Іоаннъ предполагаетъ за море невѣстѣ. Является Бѣльскій, за нимъ — шутъ и толпа скомороховъ. Бѣльскій объявляетъ имъ, чтобы хорошенько тѣшили царя. По зову: „Люди!“ они должны вбѣжать и веселѣе грянуть пѣсню. Іоанна вносятъ на креслахъ. Онъ въ халатѣ; лицо его изнурено болѣзнью, но выражаетъ торжество. Первымъ дѣломъ онъ желаетъ посмотрѣть подарки, предназначенные Елисаветѣ и племянницѣ ея — *невѣстѣ нашей*, какъ онъ самъ ее называетъ. Шутъ забавляетъ Іоанна. Годуновъ докладываетъ Іоанну, что народъ шумно веселится о его здоровьѣ.

Іоаннъ.

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Имъ сотню бочекъ меду и вина!
А завтра утромъ новая потѣха
Имъ будетъ: всѣхъ волхвовъ и звѣздочетовъ,
Которые мнѣ ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на кострѣ.
Борисъ, ступай и казнь имъ объяви,
Да приходи повѣдать мнѣ, какія
Они построятъ рожи! (*Годуновъ уходитъ.*)
Вишь, хотѣли
Со мной шутить! Кириллинымъ, вишь, днемъ

Хотѣли запугать! Никто не можетъ
Кончины день узнать впередъ! Никто!
Вы! Слышите ли?

Бояре отвѣчаютъ согласно его желанію. Приносятъ шахматы, и царь садится играть съ Бѣльскимъ. Возвращается Годуновъ и передаетъ по просьбѣ и отъ лица волхвовъ, что ихъ наука достовѣрна, что ошибаться имъ нельзя, и что Кириллинъ день еще не миновалъ.

Іоаннъ (*встаетъ, шатаясь*).
Не миновалъ?—Кириллинъ день?—Ты смѣешь—
Ты смѣешь мнѣ въ глаза—злодѣй! — Ты — ты
Я понялъ взглядъ твой! — Ты меня убить —
Убить пришелъ — Измѣнникъ! — Палачей! —
Ѳеодоръ! — Сынъ! — Не вѣрь ему! — Онъ воръ! —
Не вѣрь ему! — А! (*Падаетъ навзничь на полъ.*)

Шуйскій бросается къ нему, поддерживаетъ его голову и видитъ, что онъ отходитъ. Бѣльскій посылаетъ за врачами, за духовникомъ. При его крикѣ: „Люди! люди! гей!“ вбѣгаютъ скоморохи съ пѣньемъ, свистомъ и пляской.

Скоморохи.
Ой жги, жги, жги!
Тащи козла за рога!

Бояре.
Что это? Что? Назадъ! Побойтесь Бога!

Іоаннъ умираетъ. Призванные доктора подтверждаютъ, что царь умеръ. Годуновъ подходитъ, кладетъ руку на сердце Іоанна и говоритъ: Преставился! Потомъ отворяетъ окно и кричитъ на площадь: „Москва! Царь Іоаннъ Васильевичъ скончался“!

Захарьинъ.
Свершилося! Такъ вотъ ты, царь Иванъ,
Предъ кѣмъ тряслась такъ долго Русь! Безсиленъ,
Безпомощенъ лежишь ты, недвижимъ,
И посреди твоихъ сокровищъ бѣденъ!
Чего же мы стоимъ и ждемъ, бояре?
Во прахѣ ли предъ нами быть тому,
Предъ кѣмъ полвѣка мы лежали въ прахѣ?
Иль страшно вамъ коснуться до него?
Не бойтесь! Ужъ не откроетъ онъ
Своихъ очей! Ужъ остраго жезла
Не схватитъ длань безсильная, и казни
Не изрекутъ холодныя уста!
(*Они подымаютъ Іоанна, кладутъ его на скамью, дѣлаютъ ему изголовье и покрываютъ его парчею.*)

Ѳеодоръ, Царица, Ирина голосятъ и рыдаютъ.

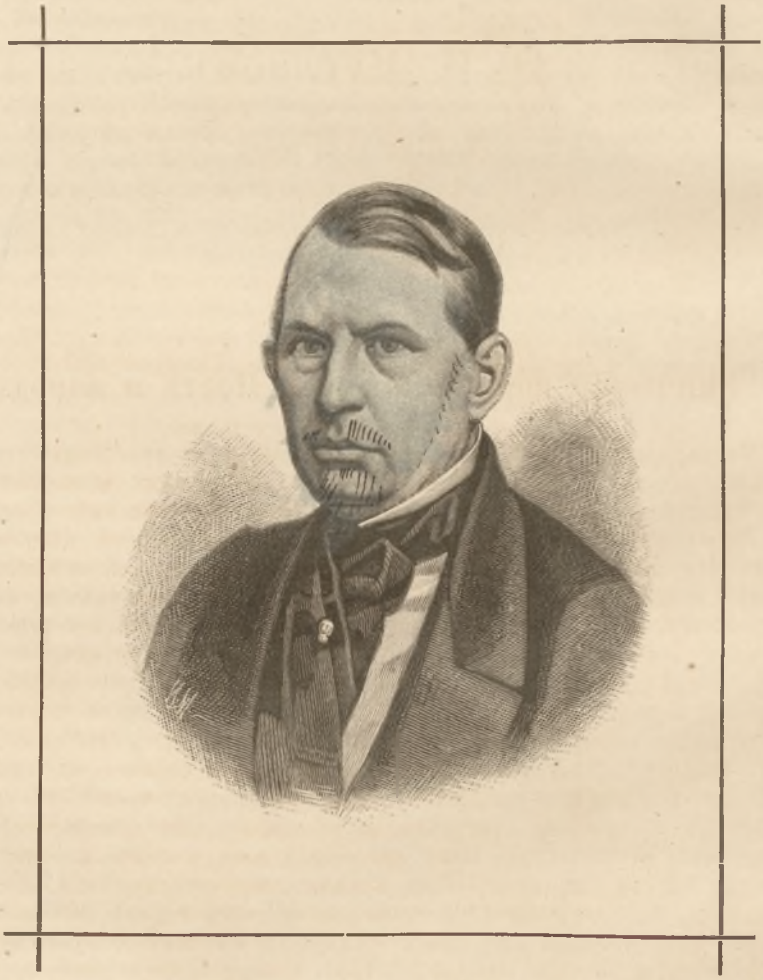
Ѳедоръ.
Гдѣ шуринъ мой? Борисъ! Борисъ! Что дѣлать?
(*Входитъ Годуновъ*).

Годуновъ (*торжественно къ Ѳеодору, опускаясь на колѣни*)
Великій царь!

Ѳеодоръ препоручаетъ свою власть Годунову, а Годуновъ, въ свою очередь, объявляетъ народу, что такъ какъ Шуйскій и Бѣльскій будто бы тѣснили его (народъ), то царь Ѳеодоръ ссылаетъ ихъ далеко отъ Москвы. На площади нѣчто въ родѣ бунта. Годуновъ спѣшитъ заявить Захарьину, что виновники бунта — Нагіе съ Мстиславскимъ. Свидѣтелемъ является Битяговскій. Мстиславскаго, будто бы по приказу царя, ссылаютъ въ монастырь, Нагихъ съ царевичемъ и его матерью — въ Угличъ. Битяговскій назначенъ ихъ блюсти. Ѳеодоръ проситъ Годунова оставить царицу на мѣстѣ, но Годуновъ не соглашается. Захарьинъ ждетъ своей участи: его Годуновъ оставляетъ при царѣ. Царица обращается къ Захарьину съ мольбой о своемъ спасеніи. Ѳеодоръ, плача, говоритъ ей, что такъ, видно, надобно. Годуновъ призываетъ народъ молиться за упокой души царя Ивана, а завтра обѣщаетъ раздачу хлѣба и вина по всей Москвѣ.

Крики на площади: Да здравствуетъ царь Ѳедоръ Іоаннычъ!
Да здравствуетъ бояринъ Годуновъ!

(Ѳеодоръ бросается, рыдая, на шею Годунову. Они стоятъ, обнявши другъ друга.)



Ѳ. И. БУСЛАЕВЪ.

Къ стр. 177.

Ѳ. И. Буслаевъ.

(Род. въ 1818 году).

Эпическій періодъ жизни.—Поэтъ и народъ.

Въ старину преданіе замѣняло и школу, и науку. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ протекала вся жизнь человѣка, отъ колыбели до могилы. Младенецъ, у груди своей матери, уже прислушивался и привыкалъ къ колыбельной пѣснѣ, которую, въ свою очередь, будетъ пѣть и своимъ дѣтямъ. Провожая усопшаго, сродники оплакивали его въ обычныхъ старинныхъ причитаньяхъ и знали навѣрно, что когда-нибудь и ихъ тѣми же словами и тѣмъ же напѣвомъ станутъ провожать тѣ, которые переживутъ ихъ. Два крайніе возраста человѣческой жизни, старость и дѣтство, дружно встрѣчались на сказкѣ: поколѣніе отживающее передавало преданіе поколѣнію народившемуся. Старый разсказываетъ сказку и поучаетъ; малый слушаетъ и поучается. Одинъ припоминаетъ въ сказкѣ прошедшее, другой гадаетъ о будущемъ; содержаніе же самой сказки—подвиги богатырей, битвы и страхи, и послѣ всего желанный конецъ тревогамъ—женитьба на царевнѣ, съ цѣлымъ царствомъ въ приданое; идея сказки—та прекрасная средина человѣческаго вѣка, та добрая возмужалость, которая для слушающаго дитяти еще недоступна, какъ отдаленное будущее, а для старика-разскащика, какъ невозвратное прошедшее,—тотъ идеалъ, который во всѣ вѣка уноситъ человѣка изъ дѣйствительности къ чему-то лучшему и совершеннѣйшему, и который въ сказкѣ такъ наивно сулитъ несбыточныя диковинки.

Какъ у взрослыхъ свои думы и заботы, такъ у дѣтей игры и дѣтскія пѣсенки, въ которыхъ они уже умѣютъ обращаться къ свѣтиламъ небеснымъ и явленіямъ природы: „Солнышко ведрышко! просвѣти, прогляни! твои дѣтки плачутъ!“ или: „Дождикъ, дождикъ перестань“ и проч. Вмѣстѣ съ возрастомъ накопляются труды и печали; зато и утѣхи становятся существеннѣе и дороже. Сама природа позываетъ, чтобъ живущій пользовался жизнью; потому всѣ лучшія, свѣтлыя минуты сопровождались игрою, пѣснею и радостями. Замѣчательно русское выраженіе: *играть пѣсню*, которымъ ясно высказывается, что поэзія есть игра жизни. Игрою и пѣснею сопровождалъ человѣкъ всѣ важнѣйшіе труды свои: по веснѣ ли, когда выгонялъ въ поле стада и засѣвалъ ниву; по осени ли, когда косилъ траву и зажиналъ хлѣбъ. За работой въ долгую зимнюю ночь еще чувствительнѣй была потребность

пѣсни и сказки на рѣзвыхъ посидѣлкахъ. Поэзія служила какъ утѣхою въ трудѣ, такъ и забавою праздника; тогда-то особенно разыгрывалась досужая фантазія—и хороводъ, и пѣсня сопровождали древній обычай, удержавшійся въ памяти, вмѣстѣ съ преданіями, отъ эпохи незапамятной. Потому, какъ выраженіе преданія, пѣсня и обрядъ были не только потѣхою и забавою, но и дѣломъ значительнымъ. Поэзія, которой обыкновенно посвящалось все праздное время, была надежнымъ хранителемъ чистоты мыслей и чувствъ, и забавы поколѣнія молодаго не казались противной новизною старикамъ, какъ это бываетъ въ эпохи, уже утратившія силу эпическаго преданія. Свѣтлыми взорами любовались старики на играющую молодую жизнь и болтливо воспоминали былое время, когда и ихъ забавляли тѣ же самыя игры, тѣ же пѣсни. Мало того: люди искусные и знающіе изъ нихъ сами, на старости лѣтъ, принимали участіе въ рѣзвыхъ играхъ молодежи, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобы научить ее, какъ справлять веселый обрядъ по старинѣ и обычаю. И веселящаяся молодежь, въ свою очередь, состарѣется и будетъ руководить поколѣніе уже послѣдующее, какъ играть, пѣть и наслаждаться жизнью. Самое слово *жизнь* въ древнѣйшую эпоху заключало въ себѣ и понятіе о радости, что̀ явствуетъ изъ старинаго прилагательнаго *нежительный*, употреблявшагося въ значеніи *непріятнаго*.

Но какъ жизнь состоитъ не изъ однихъ мирныхъ трудовъ да беззаботнаго досуга, такъ и самородная поэзія не въ однѣхъ только пѣсняхъ, пляскахъ да сказкахъ. Случаются болѣзни, неудачи, потери, затруднительныя обстоятельства. Конечно, въ бѣдѣ помогаетъ и умный совѣтъ, который уже самъ собою готовъ на устахъ въ старинной пословицѣ; но и совѣтъ иногда бываетъ вовсе безполезенъ: часто оказывалась потребность въ дѣлѣ, въ чарующей силѣ слова, чтобъ или снять съ сердца кручину, или открыть пропажу, оградить себя отъ ратнаго оружія, отомстить недругу. И тѣмъ довѣрчивѣе свою судьбу предавалъ человѣкъ крѣпкому вѣщему слову, что въ его силѣ видѣлъ тѣ же преданія и повѣрья, которыя такъ были ему милы и дороги въ его играхъ и обычаяхъ.

Важнѣйшее событіе въ жизни, между двумя крайними ея предѣлами—между рожденіемъ и смертью—есть женитьба, и ни одинъ обрядъ столько не богатъ преданіями, повѣрьями и старинными пѣснями, какъ свадьба, на которой эпическая поэзія разыгрывалась во всемъ своемъ древнемъ разгулѣ, и какъ неизмѣнный, отъ періода миѳическаго идущій обрядъ, и какъ досужая забава пирующихъ, и какъ вѣщая сила, ограждающая благо, жизнь и здоровье жениха и невѣсты.

...Въ эпическій періодъ жизни народный обычай имѣетъ такую власть надъ отдѣльной личностью, что она не только не можетъ создать пѣсню или сказку, какъ исключительное выраженіе своей частной жизни, но даже не имѣетъ надобности выдумывать отъ себя приличное привѣтствіе на пиру, въ знакъ доброжелательства собесѣдникамъ и хозяину. Потому привѣтствія и заздравныя рѣчи искони ходили между народомъ въ установленной обычаемъ формѣ. Таково эпическое значеніе прекрасныхъ сербскихъ *здравицъ*, которыми пирующіе сопровождаютъ заздравныя чаши. Напримѣръ: „за здоровье хозяина (или гостя, а также и всей родни его), за здоровье его стада широкаго и рала глубокаго, за здоровье его твердаго и высокаго кнеса! Куда бы онъ и дѣти его ни пошли, вездѣ бы счастье нашли! Куда бы ни ходили, ходили путемъ широкимъ и съ лицомъ свѣтлымъ! Чтобъ вездѣ похвалялся онъ своими братьями, и величался, и гордился сыновьями и внуками, какъ гордится и украшается Юрьевъ-день листомъ и зеленой травою а Спасовъ-день—лѣтомъ и цвѣтомъ, и всякой Божіей благодатью! Дай Богъ, чтобъ ты величался и снохами, какъ море—глубиною, какъ небо—высотою,

какъ поле широтою, а лисица мудростью, заяцъ — быстротою!“ и проч. Обрядный характеръ здравицъ объясняется ихъ религіознымъ происхожденіемъ (см. Срезневскаго: „Святил. и Обряд. слав.“ 1846. стр. 99).

Еще разительнѣй эпическая обрядность въ причитаньяхъ надъ покойникомъ, всегда неизмѣнныхъ, испоконъ-вѣку служащихъ выраженіемъ тоски и горя оплакивающихъ. Конечно, не менѣе теперешняго горевали въ старину по усопшемъ родственникѣ, однако въ изліяніяхъ своей горести довольствовались обычными причитаньями. Русскія причитанья ожидаютъ еще старательнаго собирателя.

При такой эпической обрядности, поэзія и поэтъ стояли въ иномъ отношеніи къ жизни, нежели теперь. Въ періодъ эпическій исключительно никто не былъ творцомъ ни миѳа, ни сказанія, ни пѣсни. Поэтическое воодушевленіе принадлежало всѣмъ и каждому, какъ пословица, какъ юридическое изреченіе. Поэтомъ былъ цѣлый народъ; творилъ онъ поэтическія преданія впродолженіе вѣковъ. Отдѣльныя же лица были не поэты, а только пѣвцы и разскащики; они умѣли только вѣрнѣе и ловчѣе разсказывать или пѣть, что извѣстно было всякому. Если что и прибавлялъ отъ себя пѣвецъ-геній, то единственно потому, что въ немъ попреимуществу дѣйствовалъ тотъ поэтическій духъ, которымъ проникнутъ весь народъ; только это убѣжденіе давало ему силу творить, и только такое творчество было по сердцу его слушателямъ. Потому и въ этомъ случаѣ изобрѣтеніе басни, лицъ и событій—не принадлежало поэту. Преданіе, подобно языку, жило въ сознаніи всѣхъ и каждаго; вѣками оно возрастало и обработывалось. Отдѣльному лицу, увлеченному въ своей жизни всѣмъ потокомъ преданій и повѣрій, трудно было, подобно новѣйшему художнику, отрѣшиться отъ нихъ въ минуту творчества и возсоздать въ изящной формѣ все то, что было въ нихъ прекраснаго. Въ эпическую эпоху разскащикъ, или пѣвецъ, довольствовался немногими прибавленьями только въ подробностяхъ, при описаніи лица или событія, уже давно всѣмъ извѣстныхъ; онъ былъ свободенъ только въ выборѣ того, что казалось ему важнѣйшимъ въ народномъ сказаніи, что особенно могло тронуть сердце. Но и при свободѣ разсказа, поэтъ былъ не воленъ въ выборѣ словъ и выраженій. Въ самородномъ эпосѣ эпическая обрядность во всей силѣ господствуетъ въ повтореніи извѣстныхъ, обычныхъ выраженій; и сказанное о чемъ-нибудь однажды казалось столь удачнымъ, что уже никто не бралъ на себя труда выдумывать новое. Какъ бы по закону природной необходимости, наивная фантазія постоянно обращается къ тѣмъ же образамъ, выраженіямъ и цѣлымъ рѣчамъ. Искать удовольствія въ развлеченіи новостью и разнообразіемъ есть уже потребность позднѣйшая, порожденная искусственными заботами утонченной жизни. Какъ по содержанію, такъ и по формѣ, всякая народная поэзія, по мѣрѣ развитія жизни самого народа, разрасталась, въ сущности оставаясь неизмѣнною. Отдѣльный же поэтъ, пробуя свои силы на сказаніи, дошедшемъ до него, какъ и до всѣхъ, по преданію, только выяснялъ своимъ разсказомъ то, что было уже въ нѣдрахъ цѣлаго народа, но неясно и безсознательно. Понятно, что въ своемъ творчествѣ поэтъ легко терялъ собственную личность, исчезая въ эпической дѣятельности цѣлыхъ поколѣній.

Какъ пословица родится и отъ историческаго событія, такъ и пѣсня можетъ быть сложена по поводу какого-нибудь вновь представившагося случая. Къ такимъ пѣснямъ относятся у насъ—о Ермакѣ, Отрепьевѣ, Скопинѣ Шуйскомъ и др. Трудно рѣшить, какъ образовалось историческое сказаніе въ устахъ народа: по крайней мѣрѣ, ясно видно, что оно, большею частью, слагалось по горячимъ слѣдамъ; по крайней мѣрѣ, первые

мотивы его относились къ той эпохѣ, которую оно описываетъ. Такъ, въ „Древнихъ Русскихъ Стихотв.“ Скопинъ говоритъ о себѣ (281):

Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего.

Еще пѣвецъ Игоря повѣствуетъ о своемъ героѣ *по былинамъ сего времени*. Историческія пѣсни были только дальнѣйшимъ развитіемъ первобытнаго сказанія: пользуются онѣ старинными, испоконъ вѣку употребляемыми пріемами и тѣми же эпическими формами. Древнее сказаніе обыкновенно принимаетъ въ себя намеки на позднѣйшія историческія событія, и такимъ образомъ составляется одно преданіе, объемлющее нѣсколько вѣковъ. А такъ какъ эпосъ никогда не былъ спокойно-остановленнымъ, въ опредѣленную форму связаннымъ цѣлымъ, и такъ какъ въ немъ болѣе господствуетъ стремленіе къ движенію и переработкѣ, чѣмъ и поддерживается его существованіе впродолженіе вѣковъ, при различныхъ условіяхъ жизни народной, то мы и находимъ въ немъ различные слои эпохъ, другъ на друга налагавшіеся, по мѣрѣ того, какъ онъ захватывалъ въ свое содержаніе важнѣйшія событія изъ жизни народа. Такъ, у насъ, въ одной и той же пѣснѣ, являются и Владиміръ съ богатырями, и татары.

Касательно личнаго характера пѣвцовъ, можно сказать только, что они отъ временъ Гомера у всѣхъ европейскихъ народовъ, попреимуществу, были слѣпцы и нищіе. Впослѣдствіи, при нѣкоторомъ развитіи общественности, какъ въ романскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ племенахъ, могло образоваться сословіе поэтовъ, но на краткое время; слѣпцы же поэты, отъ временъ гомерическихъ, не переводятся и доселѣ. Что они были и въ Германіи, свидѣтельствуетъ слѣдующій стихъ въ Титурелѣ: „So singen uns die Blinden“. Также въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи (1343—49 г.) упоминаются слѣпцы, поющіе на улицѣ (W. Grimm, „Die deutsch. Heldensage“ 1829, стр. 173). Въ простомъ быту эпическаго періода исключительнымъ пѣвцомъ могъ быть попреимуществу слѣпецъ, потому что ему нечего больше дѣлать, какъ пѣть да разсказывать. У кого есть глаза, руки и ноги, тотъ работаетъ: ему ужъ нельзя быть ни поэтомъ по профессіи, ни нищимъ, ибо и нищимъ былъ только тотъ, кто не могъ трудиться, т. е. слѣпой, старый, калѣка. Потому слѣпцомъ сербы называютъ поэта, а лужичане — нищаго. И у насъ въ старину слово *нищій*, вѣроятно, значило слѣпой, что̀ видно изъ слѣдующаго мѣста въ стихахъ, изданныхъ Кирѣевскимъ (45, 34—35), гдѣ слово *нищета* употреблено въ смыслѣ слѣпоты: „(сохраняй) буйныя головы отъ боли и ясныя очи отъ нищеты“. Гудьба, т. е. музыка, есть непремѣнная принадлежность сербскаго пѣвца: „кто послѣ слѣпнетъ, лучше гудитъ“, говоритъ Сербъ въ пословицѣ. Хотя и горько житье слѣпому (слѣпецъ, по сербской пословицѣ, плачетъ не о томъ, что онъ не взраченъ, а о томъ, что не видитъ бѣлаго свѣту), но заиграй онъ на гусляхъ—и счастливъ: „а ужъ коли не гудятъ мнѣ гусли“, выражается онъ пословицею: „тогда не мило мнѣ, что я слѣпъ“. Въ Бретани, гдѣ нищіе доселѣ пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ, слѣпой пѣвецъ-нищій нерѣдко является на пиру зажиточнаго хозяина и почти всегда присутствуетъ на свадьбѣ, прославляя въ пѣсняхъ молодую, которая сама угощаетъ его (De la Villemarqué, Barzaz-breiz, 1846. Предисловіе, стр. XXXII). И у насъ, какъ во времена гомерическія, пѣвецъ былъ *украшеніемъ пира*, что̀ видимъ изъ окончанія одного древне-русскаго стихотворенія (283):

Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,

Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

Этимъ же древнимъ обычаемъ объясняется шутливая присказка, которою обыкновенно заключается сказка, кончавшаяся веселымъ пиркомъ и свадьбою: „и я тамъ былъ, медъ, вино пилъ, по усамъ текло—въ ротъ не кануло".

Такимъ образомъ, слѣпые старики сохраняютъ преданіе, потому что у нихъ ничего больше нѣтъ на землѣ для сбереженія. Какъ шиллеровъ поэтъ, они, при раздѣлѣ земли, отмежевали вдохновеніе. Слѣпой пѣвецъ, вмѣстѣ и старикъ, а также и младенецъ, потому что, какъ дитя, онъ чуждъ жизни. Дѣйствительность, которой онъ не видитъ и которой пользоваться не имѣетъ средствъ, есть недосягаемый для него идеалъ, вмѣстѣ и надежда и воспоминаніе, и потому весьма естественно украшаетъ онъ дѣйствительность въ великолѣпныхъ разсказахъ о сокровищахъ и богатыряхъ. А хозяинъ, слушая слѣпаго пѣвца, радушной милостынею платитъ за поэтическое наслажденіе и такимъ образомъ сопровождаетъ свое доброе дѣло не однимъ нравственнымъ утѣшеніемъ, но и художественною забавою.

Рѣчь о „Письмахъ Русскаго Путешественника"—Карамзина.

Мм. гг. Первый столѣтній юбилей нашего великаго прозаика имѣетъ особенное значеніе. Торжество это не можетъ быть только воспоминаніемъ о важномъ литературномъ дѣлѣ, положенномъ въ основу русской народности; потому что дѣло это—не отшедшая старина, вообще дорогая для національнаго чувства, но одинъ изъ насущныхъ элементовъ современнаго русскаго просвѣщенія, который не переставалъ еще оказывать свою живительную силу въ каждомъ изъ насъ, здѣсь собравшихся. Поколѣнія старшія еще чувствуютъ на себѣ всю обаятельную свѣжесть непосредственнаго дѣйствія этой гармоніи мыслей и звуковъ, которою Карамзинъ, на ихъ памяти, плѣнялъ своихъ соотечественниковъ; поколѣнія младшія учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика; такъ что, если бы я думалъ изложить передъ вами заслуги Карамзина въ этомъ отношеніи, то мнѣ пришлось бы сдѣлать перечень параграфовъ учебника, съ указаніемъ, на сколько каждый изъ нихъ подчиненъ вліянію Карамзина.

Но я нахожу неумѣстнымъ подробностями критическихъ изслѣдованій о языкѣ и слогѣ удалить отъ вашего вниманія живой образъ того, память о которомъ мы празднуемъ. Лучше всего удовлетворило бы общему желанію жизнеописаніе Карамзина съ подробными выдержками изъ его сочиненій, но этотъ предметъ не вмѣстимъ въ предѣлахъ моего настоящаго чтенія. Ограничиваясь немногимъ, я избираю изъ жизни Карамзина только полтора года,—знаменательное время перехода отъ молодости къ зрѣлому возрасту, когда опредѣлилась нравственная и литературная физіономія писателя, именно 1789—1790 годы, описанные имъ самимъ въ „Письмахъ Русскаго Путешественника".

Опасаясь умалить заслуги автора, нынѣ чествуемаго, я не рѣшаюсь назвать эти письма лучшимъ изъ его собственно литературныхъ произведеній; однако, кажется, не обинуясь, могу утвердить, что, послѣ „Исторіи Го-

сударства Россійскаго", они болѣе прочихъ его сочиненій оказали свое дѣйствіе на образованіе русской публики, оказываютъ и теперь, составляя одно изъ лучшихъ украшеній всякой хорошей хрестоматіи русской словесности.

Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, которыя были тѣмъ наставительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго направленія стало уступать новымъ идеямъ, продолжавшимъ свое развитіе и въ первой половинѣ текущаго столѣтія; такъ что „Письма Русскаго Путешественника", даже въ періодъ дѣятельности Пушкина, не теряли своего современнаго значенія, частью имѣютъ они его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка.

Необычайная цивилизующая сила этихъ писемъ, кромѣ высокаго дарованія и обширныхъ свѣдѣній автора, много зависѣла отъ самой формы этого рода сочиненій.

Вмѣсто систематическихъ трактатовъ объ исторіи и статистикѣ западныхъ народовъ, о ихъ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, передъ читателями постоянно является симпатическая личность русскаго человѣка, высоко образованнаго, насколько это было возможно въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ высшей степени впечатлительнаго и даровитаго, который съ каждымъ шагомъ на своемъ пути созрѣваетъ, неутомимо учится и изъ книгъ, и изъ бесѣдъ съ знаменитостями того времени, и, по мѣрѣ успѣховъ,—передаетъ плоды своего развитія своимъ немногимъ друзьямъ, кругъ которыхъ долженъ былъ расшириться на всю читающую русскую публику, какъ скоро были изданы въ свѣтъ „Письма Русскаго Путешественника"; многочисленные читатели ихъ по всѣмъ концамъ нашего отечества нечувствительно воспитывались въ идеѣ европейской цивилизаціи, какъ бы созрѣвали сами вмѣстѣ съ созрѣваніемъ молодаго русскаго путешественника, учась смотрѣть на образованіе его глазами, чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами.

Если русская литература, со временъ Петра Великаго, довершая дѣло преобразованія, имѣла своею задачею внести къ намъ плоды западнаго просвѣщенія, то Карамзинъ блистательно исполнилъ это назначеніе. Онъ воспиталъ въ себѣ человѣка, чтобы потомъ—съ полнымъ сознаніемъ—явить въ себѣ русскаго патріота. Любовь къ человѣчеству была для него основою разумной любви къ родинѣ, и западное просвѣщеніе было ему дорого потому, что онъ чувствовалъ въ себѣ силу водворить его въ своемъ отечествѣ.

Представители націй всегда имѣютъ въ себѣ нѣчто типическое, образцовое; какъ идеалъ, господствуютъ они въ умахъ своихъ соотечественниковъ, направляя ихъ мысли и дѣйствія.

Полагая своею задачею возобновить въ вашемъ воображеніи, мм. гг., память о Карамзинѣ по его путевымъ запискамъ, я буду, сколько возможно, ближе держаться данныхъ, сообщенныхъ о себѣ имъ самимъ, и ограничу свое дѣло только приведеніемъ этихъ данныхъ въ немногія группы, оставаясь въ полной увѣренности, что приводимыя мною слова самого Карамзина будутъ лучшимъ украшеніемъ чтенія, назначаемаго для торжественнаго о немъ воспоминанія.

Прежде всего поражаетъ въ „Письмахъ Русскаго Путешественника" многосторонняя и основательная образованность, которую могла дать ему Россія въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ которой онъ нашелъ достаточное приготовленіе, чтобы не только вести полезную для себя бесѣду съ такими европейскими знаменитостями, какъ Виландъ, Гердеръ, Лафатеръ, Кантъ,

Боннетъ, но и внушить имъ уваженіе къ нему. Въ самыхъ письмахъ изъ-за границы Карамзинъ сообщаетъ много подробностей о годахъ своего ученія, подробностей, которыми не разъ пользовались его біографы.

Имя Парижа стало Карамзину извѣстно почти вмѣстѣ съ его собственнымъ именемъ: такъ много читалъ онъ объ этомъ городѣ въ романахъ, такъ много слышалъ отъ путешественниковъ; по романамъ же и газетнымъ статьямъ, еще въ ранней молодости, восхищался англичанами, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для своего сердца землею. Видѣть Парижъ и Лондонъ—всегда было его мечтою, и нѣкогда самъ онъ собирался писать романъ, и въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя послѣ поѣхалъ. Потомъ дѣтскія мечты замѣнились основательнымъ желаніемъ: онъ хотѣлъ провести свою юность въ Лейпцигѣ: туда стремились его мысли; въ тамошнемъ университетѣ хотѣлъ онъ собрать для исканія той истины, о которой, по его собственному выраженію, съ самыхъ младенческихъ лѣтъ, тоскуетъ его сердце.

Раздѣляя вкусъ своихъ современниковъ, онъ коротко былъ знакомъ съ французскими писателями XVIII столѣтія и поклонялся Жанъ-Жаку Руссо; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже съ раннихъ лѣтъ онъ привыкъ уважать и литературу нѣмецкую и англійскую, такъ что, когда въ чужихъ краяхъ ему случилось предстать передъ знаменитыя личности того времени и видѣть знаменитые предметы, онъ не только не поражался новизною, но, какъ давно знакомое и любимое, соединялъ видѣнное и слышанное съ своими воспоминаніями. Въ Лондонѣ осматриваетъ онъ картины съ сюжетами изъ шекспировскихъ драмъ и, уже твердо зная Шекспира, почти не имѣетъ нужды справляться съ описаніемъ въ каталогѣ, и, смотря на картины, угадываетъ ихъ содержаніе. „Въ Лозаннѣ, въ одномъ саду, видитъ надпись, взятую изъ адиссоновой оды, и притомъ вспоминаетъ, какъ нѣкогда просидѣлъ онъ цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ этой самой оды, и какъ восходящее солнце освѣтило его за такою работою. „Это утро,— присовокупляетъ молодой путешественникъ,— было одно изъ лучшихъ въ моей жизни“. Въ Лейпцигѣ онъ знакомится съ извѣстнымъ въ то время литераторомъ Вейсе, статьи котораго изъ „Друга Дѣла“ онъ уже переводилъ прежде. Въ Цюрихѣ отыскиваетъ архидіакона Тоблера, имя котораго было ему хорошо знакомо по переводу Томсоновыхъ „Временъ года“, изданныхъ Геснеромъ, въ томъ же городѣ является къ Лафатеру, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ еще въ Москвѣ, и который принимаетъ его, какъ стараго друга. Въ Парижѣ нисколько не удивляетъ его французскій театръ, потому что, какъ онъ по этому предмету выразился: „Я и теперь не перемѣнилъ своего мнѣнія о французской Мельпоменѣ: она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего, какъ муза шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) нѣмцевъ“.

Самый планъ молодаго русскаго путешественника во всѣхъ городахъ Европы—лично знакомиться съ знаменитыми литераторами того времени былъ столько же результатомъ его обширной образованности, сколько и повѣркою ея, строгимъ испытаніемъ. „Ваши сочиненія заставили меня любить васъ“, говоритъ онъ Виланду въ Веймарѣ, „и возбудили во мнѣ желаніе узнать автора лично“. „Вы видите передъ собою такого человѣка“,—такъ онъ представился въ Женевѣ Боннету, автору „Палингенезіи“,—„который съ великимъ удовольствіемъ и пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно“. И вездѣ былъ радушно встрѣчаемъ молодой русскій путешественникъ, вездѣ былъ привѣтствуемъ не только, какъ человѣкъ просвѣщенный, но и какъ достойный представитель своихъ соотечественниковъ. „Я русскій“, говорилъ онъ Бартелеми въ Парижской академіи

надписей", читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніями великихъ безсмертныхъ талантовъ. Итакъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву глубокаго почтенія". „Онъ всталъ съ кресель", продолжаетъ Карамзинъ, „взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предупредилъ меня о своемъ благорасположеніи и, наконецъ, отвѣчалъ: „Я радъ вашему знакомству, люблю сѣверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чужой". Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое-нибудь сходство. Я въ академіи; Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса". „Вы молоды, путешествуете и, конечно, для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства".

Заинтересованный Россіею и ея литературой, Лафатеръ предлагалъ Карамзину, чтобъ онъ выдалъ на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. „Когда вы возвратитесь въ Москву",—сказалъ онъ Карамзину,—„я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ", а когда нашъ путешественникъ оставилъ Цюрихъ, авторъ „Физіономики" снабдилъ его одиннадцатью рекомендательными письмами въ разные города Швейцаріи и увѣрилъ его въ неизмѣнности своего дружелюбнаго къ нему расположенія. Въ Женевѣ Карамзинъ сообщилъ свое желаніе Боннету тоже перевести на русскій языкъ его „Созерцаніе Природы" и „Палингенезію", и въ письмѣ отъ него получилъ такой отвѣтъ: „Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ". Даже самъ Виландъ, который сначала принялъ Карамзина холодно и надменно, потомъ до того съ нимъ сблизился, что на разставаньи просилъ его, чтобъ онъ, хотя изрѣдка, писалъ къ нему письма: „Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были". Въ Кенигсбергѣ Карамзинъ бесѣдуетъ съ великимъ Кантомъ о будущей жизни и удивляется обширнымъ историческимъ и географическимъ познаніямъ философа; въ Лейпцигѣ, для изученія эстетики, входитъ въ личныя сношенія съ профессоромъ Платнеромъ; въ Веймарѣ бесѣдуетъ съ Гердеромъ объ античной литературѣ и искусствѣ, и о Гёте; въ Ліонѣ сводитъ дружбу съ Маттисономъ, извѣстнымъ того времени нѣмецкимъ поэтомъ.

Русскій путешественникъ отправился на западъ съ опредѣленною цѣлью—довершить свое образованіе въ такъ называемыхъ изящныхъ наукахъ, которымъ онъ, по его собственному признанію въ Лейпцигѣ профессору Платнеру, себя посвящаетъ; т. е., съ точки зрѣнія литературы и искусства, Карамзинъ интересовался европейской цивилизаціей.

Какъ ни обширенъ былъ кругъ литературнаго образованія Карамзина, все же сосредоточивался онъ на Франціи. Въ то время Баттё и Лагарпъ были для всѣхъ наставниками въ литературѣ, Вольтеръ и Жанъ-Жакъ Руссо еще господствовали надъ умами, хотя и не безусловно. Русскій путешественникъ слышалъ о французскихъ классикахъ уже неблагопріятные отзывы въ самомъ Парижѣ, слышалъ, какъ любимый его философъ Боннетъ называлъ Жанъ-Жака только риторомъ, а его философію—воздушнымъ замкомъ, и, однако, сила времени и привычки такъ велика, что Вольтеръ и Руссо были главными руководителями его убѣжденій.

Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ ученаго археолога, посѣщающаго римскія развалины, русскій путешественникъ посѣщалъ и изслѣдовалъ тѣ мѣста, гдѣ жили и откуда поучали своими твореніями весь свѣтъ эти два знаменитые французскіе писателя.

И вмѣстѣ съ тѣмъ Карамзинъ находилъ вполнѣ согласнымъ съ своей теоріей вкуса любоваться холодными аллегорическими изображеніями натуры и поэзіи, которыя льютъ слезы на надгробную урну Геснера, или безсмертія, храбрости и мудрости на монументъ Тюренна, а чудомъ искус-

ства признавалъ Маргариту Лебрюна, потому что въ ея видѣ художникъ изобразилъ герцогиню Лавальеръ. Таково еще было обаяніе этой чисто условной, но обольстительной для глазъ роскоши изнѣженнаго искусства, что самымъ удобнымъ находили тогда переводить свои ощущенія на языкъ античной миѳологіи. Въ Булонской виллѣ графа д'Артуа, на картинахъ улыбалась Карамзину сама любовь, а въ альковахъ мечтались аллегорическіе восторги; на развалинахъ рыцарскихъ замковъ воображалась ему сидящею сама богиня меланхоліи, и въ безмолвной рощѣ не шутя взывалъ онъ къ античному Сильвану.

Однако, какъ человѣкъ новаго направленія, русскій путешественникъ уже невполнѣ довольствовался ложнымъ классицизмомъ; предпочиталъ античную скульптуру французской и съ Павзаніемъ въ рукахъ рѣшался находить недостатки въ произведеніяхъ Пигаля. Онъ уже зналъ, и изъ бесѣдъ съ Гердеромъ убѣдился, что нѣмцы лучше другихъ народовъ понимаютъ классическую древность: „и потому ни французы, ни англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нынѣ (это слова Карамзина), нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ—Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду и цари знали счетъ своимъ баранамъ".

Еще сильнѣе замѣтно освобожденіе Карамзина изъ-подъ французскаго вліянія въ его сужденіяхъ о поэзіи драматической, которыми онъ былъ обязанъ изученію Шекспира и нѣмецкихъ писателей. Къ концу прошлаго столѣтія великій британскій драматургъ былъ оцѣненъ по достоинству; произведенія его игрались на театрахъ въ Англіи, Германіи и даже въ плохихъ передѣлкахъ во Франціи; въ Лондонѣ была основана Шекспирова галлерея, составленная изъ картинъ, сюжеты которыхъ взяты изъ драмъ Шекспира. Въ какой городъ Германіи Карамзинъ ни пріѣзжалъ, вездѣ могъ видѣть произведенія новой нѣмецкой драмы, столько отличныя отъ классической французской. Въ Берлинѣ при немъ играли драму Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе" и шиллерову трагедію „Донъ-Карлосъ". Я не буду приводить восторженныхъ похвалъ Карамзина Шекспиру, столько извѣстныхъ и въ настоящее время вполнѣ оправданныхъ, но для характеристики тонкаго эстетическаго вкуса нашего путешественника не могу миновать слѣдующій его отзывъ: „Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть актеру и какъ что произнести, но, при чтеніи французскихъ трагедій, рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть".

Воззрѣнія, противоположныя ложному классицизму XVIII столѣтія и болѣе согласныя со вкусомъ нашего времени, у Карамзина имѣли характеръ еще односторонній, будучи приведены въ одну систему съ господствовавшей тогда теоріей Жанъ-Жака Руссо о неограниченныхъ правахъ природы надъ человѣкомъ. Всякая цивилизація, а слѣдовательно и античная, должна уступать этимъ всемогущимъ правамъ: и Карамзинъ въ характеристикѣ произведеній Рафаэля, Джуліо Романо, Рубенса и другихъ живописцевъ, отдавая предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе слѣдовали природѣ, нежели антикамъ, не только говоритъ правду вообще, но и въ частности, какъ человѣкъ своего времени, миритъ свой вкусъ съ теоріей Руссо.

Этою же теоріею оправдывался въ живописи господствовавшій ландшафтъ, а въ литературѣ—описательная, или, какъ называетъ ее Карамзинъ, живописная поэзія, отечествомъ которой онъ полагаетъ Англію: „французы и нѣмцы", говоритъ онъ, „переняли сей родъ у англичанъ, ко-

торые умѣютъ замѣтить самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время никто еще не можетъ сравняться съ томсоновыми „Временами года“: ихъ можно назвать зеркаломъ натуры“. Эта поэзія, объясняемая философіей Жанъ-Жака Руссо, давала нашему молодому путешественнику неизсякаемый источникъ сентиментальныхъ восторговъ, при созерцаніи красотъ природы. Потому такъ любилъ онъ Швейцарію, въ которой, по его выраженію, „все, все забыть можно, кромѣ Бога и натуры“. Самое искусство казалось ему ничтожною игрушкой передъ явленіями природы: „что значатъ всѣ наши своды передъ сводомъ неба? восклицалъ онъ, остановившись подъ куполомъ св. Павла въ Лондонѣ: сколько надобно ума и трудовъ для произведенія столь неважнаго дѣйствія! Не есть ли искусство самая безстыдная обезьяна природы, когда оно хочетъ спорить съ нею въ величіи“?

По теоріи Карамзина, человѣкъ созданъ наслаждаться и быть счастливымъ. Источникъ счастія—природа, которая даетъ всему созданному вмѣстѣ съ бытіемъ и наслажденіе имъ. Союзы семейный и общественный потому намъ дороги и милы, что основаны на природѣ. Самая смерть, какъ явленіе естественное, прекрасна, и ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы.

Своимъ дѣйствіемъ на счастіе человѣка искусства дополняютъ природу. Все прекрасное радуетъ, въ какой бы то формѣ ни было. Въ мірѣ нравственномъ прекрасна добродѣтель: „одинъ взглядъ на добраго есть счастье для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра“. Религія ведетъ людей къ добру и дѣлаетъ ихъ лучшими. Декартъ великъ потому, что „своимъ нравоученіемъ возвеличиваетъ санъ человѣка, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели“. Въ этихъ истинахъ молодой русскій путешественникъ укрѣплялся, бесѣдуя съ Кантомъ, Гердеромъ, Лафатеромъ, Боннетомъ, находилъ имъ доказательства въ своемъ собственномъ сердцѣ и въ радостяхъ, доставляемыхъ природой и искусствомъ, и, наконецъ, насладился немалымъ удовольствіемъ въ жизни, когда, „опершись на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи“.

Мм. гг., вы, безъ сомнѣнія, ожидаете, чтобы, въ характеристикѣ русскаго путешественника, я коснулся одной крупной черты, которая, какъ живительный лучъ, освѣщаетъ привѣтливымъ свѣтомъ всѣ его путевыя впечатлѣнія, всѣ его думы, надежды и мечтанія. Это самая горячая любовь его къ родинѣ, мысль о которой никогда его не покидаетъ. Бесѣдуетъ ли онъ съ Виландомъ о литературѣ, онъ непреминетъ сказать, что и на русскій языкъ переведены нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ его сочиненій. Веселится ли съ лейпцигскими профессорами за бутылкой вина, онъ сообщаетъ имъ, что и на русскій языкъ переведено десять пѣсней Мессіады Клопштока, и, чтобъ познакомить ихъ съ гармоніею нашего языка, читаетъ имъ русскіе стихи. Вслушивается въ мелодіи швейцарскихъ пѣсенъ, и ищетъ въ нихъ сходства съ нашими народными, „столько для него трогательными“. Въ Лондонѣ изучаетъ англійскій языкъ, и приходитъ къ убѣжденію превосходства передъ нимъ языка русскаго: „Да будетъ же честь и слава нашему языку, восклицаетъ онъ: „который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ, какъ гордая, величественная рѣка—шумитъ, гремитъ, гремитъ—и вдругъ если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладострастно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса“.

Если русскій путешественникъ всегда являлся передъ иностранцами самымъ краснорѣчивымъ и ловкимъ адвокатомъ за Россію, то потому именно,

что искренно убѣжденъ былъ въ ея достоинствахъ. Во многомъ давалъ онъ ей предпочтеніе даже передъ самою Англіею, благосостояніемъ и устройствомъ которой онъ столько восхищался, и несравненно выше Людовика XIV ставилъ Петра Великаго, котораго—говорилъ онъ—„почитаю, какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля“. Въ преобразованіяхъ Петра онъ видѣлъ разумное примиреніе любви къ родинѣ съ любовью ко всему цивилизованному человѣчеству.

Будущій авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“ посѣтилъ Западную Европу, когда во Франціи начинался громадный переворотъ, который долженъ былъ потрясти всю Европу. Карамзину суждено было провести три мѣсяца въ Парижѣ, роковой періодъ времени между штурмомъ Бастиліи и казнью французскаго короля.

Былъ ли молодой русскій путешественникъ настолько приготовленъ, чтобы уразумѣть открывавшійся въ его глазахъ новый порядокъ вещей? Находилъ ли онъ въ себѣ нравственную опору, чтобы руководствоваться твердыми убѣжденіями, когда все кругомъ его расшатывалось, чтобы принять новый видъ? Наконецъ, въ какой мѣрѣ образовало его историческій взглядъ непосредственное наблюденіе надъ однимъ изъ важнѣйшихъ событій новой исторіи?

Карамзинъ былъ воспитанъ въ идеяхъ XVIII столѣтія, которыя много способствовали французской революціи.

Права человѣчества, основанныя на законахъ природы, а не на искусственныхъ условіяхъ, свобода мысли и совѣсти и свободныя убѣжденія — вотъ тѣ мечты, которыя молодой русскій путешественникъ вывезъ съ собою еще изъ Россіи, и которыя въ его воображеніи приняли видъ дѣйствительности, когда онъ очутился въ странѣ республиканской: „Итакъ, я уже въ Швейцаріи — писалъ онъ изъ Базеля — въ странѣ живописной натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой выпрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и я съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ“.

Но эта дѣйствительность очень скоро оказалась мнимою. Уже и Базельская республика не во всемъ Карамзину полюбилась; что же касается до республики Женевской, то онъ увидѣлъ въ ней, наконецъ, не болѣе, какъ прекрасную игрушку.

Идеалъ свободныхъ учрежденій остался идеаломъ; молодой мечтатель не переставалъ въ него вѣрить, но, какъ свѣтлую цѣль, — далеко отодвинулъ ее, когда лицомъ къ лицу увидѣлъ недостойное для достиженія ея средство, попавши, какъ человѣкъ, застигнутый врасплохъ, въ самую сумятицу переворота, сквозь тяжелую атмосферу котораго, въ тысячѣ грязныхъ и безсмысленныхъ случайностей, не могъ онъ прозрѣть въ ближайшемъ будущемъ ничего утѣшительнаго.

Уже по самой организаціи своей нѣжной души, не терпѣлъ онъ ничего насильственнаго, рѣзкаго, болѣзненнаго. Не могъ онъ равнодушно слышать жалобъ нищеты, и видъ физическаго страданія въ больницѣ до того поражалъ его, что долго потомъ стонъ больныхъ отзывался въ его ушахъ; самоубійство считалъ онъ страшнымъ нарушеніемъ законовъ природы; во имя человѣчества готовъ онъ былъ уничтожить тюрьмы, и въ самой войнѣ, даже въ побѣдѣ, видѣлъ только жестокую необходимость. Могъ ли же онъ иначе, какъ не съ омерзеніемъ, относиться объ ужасныхъ сценахъ, которыхъ онъ былъ во Франціи очевидцемъ.

Потому-то такъ унылы и мрачны были его мысли, когда, направляясь

отъ Ліона къ Парижу, онъ бросаетъ взоры на плодоносныя поля по берегамъ Сены, мечтая объ ихъ первобытной дикости и опасаясь, чтобы опять на нихъ не водворилось когда-нибудь прежнее варварство; „одно утѣшаетъ меня — присовокупляетъ онъ — то, что съ паденіемъ народовъ не упадетъ весь родъ человѣческій: одни уступаютъ свое мѣсто другимъ“.

Какъ человѣкъ образованный, онъ отдаетъ справедливость французской монархіи, столько совершившей для образованія, и страшится приближающагося ея паденія. Какъ послѣдователь Жанъ-Жака Руссо, онъ любитъ человѣка на всѣхъ ступеняхъ общественности, но въ уличныхъ забіякахъ, безсмысленныхъ и безчеловѣчныхъ, не рѣшается видѣть представителей французской націи“. Не думайте, однако-жъ,—писалъ онъ изъ Парижа, — чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи, едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки, какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки, какъ зайцы: одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ снасти что-нибудь“.

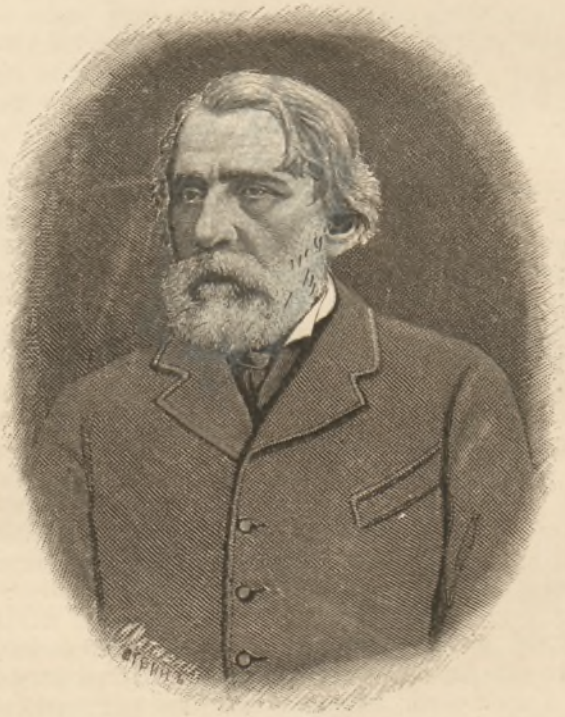
Находя опору въ томъ убѣжденіи, что „всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ, что въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудной гармоніи, благоустройству, порядку и что Утопія (или царство счастья) можетъ быть достигнута только постепеннымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ просвѣщенія, а не гибельными, насильственными потрясеніями“, и молодой русскій путешественникъ въ самомъ Парижѣ — не смущаясь вспышками революціи—продолжалъ учиться и тѣмъ больше убѣждался, что наука — святое дѣло, когда съ прискорбіемъ видѣлъ, какъ безумные мечтатели мирную тишину ученаго кабинета мѣняли на эшафотъ.

Потому-то, оставляя Парижъ, онъ посылаетъ ему свое прощальное привѣтствіе: „Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностью! Среди шумныхъ явленій твоихъ я жилъ спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной, смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душою, — какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море“.

Эту краткую характеристику ничѣмъ приличнѣе не умѣю заключить, какъ словами Русскаго Путешественника изъ его послѣдняго письма: „Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ моихъ писемъ: вотъ зеркало души моей за послѣдніе осьмнадцать мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ будетъ для меня еще пріятно... Загляну и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ... Почему знать? Можетъ быть, и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ“.

Исторія, мм. гг., доказала, что „Письма Русскаго Путешественника“ и черезъ 70 лѣтъ не потеряли своего значенія, и потомство нашло въ нихъ не одно пріятное, но и полезное.

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи



И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Къ стр. 189.

И. С. Тургеневъ.

(Род. въ 1818 году).

„ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА".

Хорь и Калинычъ.

Въ качествѣ охотника посѣщая Жиздринскій уѣздъ, сошелся я въ полѣ и познакомился съ однимъ калужскимъ мелкимъ помѣщикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ и, слѣдовательно, отличнымъ человѣкомъ. Водились за нимъ, правда, нѣкоторыя слабости: онъ, напримѣръ, сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада; любилъ повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, который, несмотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ, рѣшительно никогда никого не смѣшилъ; хвалилъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть: „Пинну"; заикался; называлъ свою собаку Астрономомъ; вмѣсто однако, говорилъ одначе, и завелъ у себя въ домѣ французскую кухню, тайна которой, по понятіямъ его повара, состояла въ полномъ измѣненіи естественнаго вкуса каждаго кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба—грибами, макароны—порохомъ; зато ни одна морковка не попадала въ супъ, не принявъ видъ ромба или трапеціи. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ и незначительныхъ недостатковъ, г-нъ Полутыкинъ былъ, какъ уже сказано, отличный человѣкъ.

Въ первый день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

— До меня верстъ пять будетъ, — прибавилъ онъ: — пѣшкомъ идти далеко; зайдемте къ Хорю (Читатель позволитъ мнѣ не передавать его заиканья).

— А кто такой Хорь?

— А мой мужикъ... Онъ отсюда близехонько. Мы отправились къ нему. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый

тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень, лѣтъ двадцати, высокій и красивый.

— А Ѳедя! дома Хорь?—спросилъ его г. Полутыкинъ.

— Нѣтъ, Хорь въ городъ уѣхалъ, отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ.—Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ пруссаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на насъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телѣга застучала передъ крыльцомъ. Мы вышли. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати, кудрявый и краснощокій, сидѣлъ съ кучеромъ и съ трудомъ удерживалъ сытаго пѣгаго жеребца. Кругомъ телѣги стояло человѣкъ шесть молодыхъ великановъ, очень похожихъ другъ на друга и на Ѳедю.—„Все дѣти Хоря!“—замѣтилъ Полутыкинъ.—„Все Хорьки“,—подхватилъ Ѳедя, который вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо; „да еще не всѣ: Потапъ въ лѣсу, а Сидоръ уѣхалъ со старымъ Хоремъ въ городъ...

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я Полутыкина за ужиномъ:—отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

— А вотъ отчего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, изба у него сгорѣла; вотъ и пришелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ и говоритъ: дескать, позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошій. — Да зачѣмъ тебѣ селиться на болотѣ?—Да ужъ такъ; только вы, батюшка, Николай Кузьмичъ, ни въ какую работу меня употреблять не извольте, а оброкъ положите, какой сами знаете.—Пятьдесятъ рублей въ годъ! — Извольте.—Да безъ недоимокъ у меня, смотри. — Извѣстно, безъ недоимокъ... Вотъ онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его прозвали.

— Ну, и разбогатѣлъ?—спросилъ я.

— Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ оброка платитъ, да еще я, пожалуй, накину. Я ужъ ему не разъ говорилъ: откупись, Хорь, эй, откупись!... А онъ, бестія, меня увѣряетъ, что нечѣмъ; денегъ, дескать, нѣту... Да, какъ бы не такъ!...

На другой день, мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту. Проѣзжая черезъ деревню, г-нъ Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: „Калинычъ!“ „Сейчасъ, батюшка, сейчасъ!“ раздался голосъ со двора: „лапоть подвязываю“. Мы поѣхали шагомъ; за деревней догналъ насъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшой загнутой назадъ головкой. Это былъ Калинычъ. Его добродушное, смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устроивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г. Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ въ полголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ сто-

роны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь, прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченіе дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшанную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжанье пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ. Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча: онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытой двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. Г-нъ Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно, послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна, лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая тѣнь смыкаетъ глаза. Наконецъ, мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужиномъ я заговорилъ опять о Хорѣ да о Калинычѣ.—„Калинычъ добрый мужикъ“,—сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ:—„усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ; я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходитъ... Какое ужъ тутъ хозяйство, посудите сами“. Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

На другой день на охоту поѣхалъ я одинъ, и передъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ лысый, низкаго роста, плечистый и плотный,—самъ Хорь. Я съ любопытствомъ поглядѣлъ на этого Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Ѳедя принесъ мнѣ молока, съ чернымъ хлѣбомъ. Хорь присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мной въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ... Онъ со мною все какъ будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то... Такъ оно какъ-то странно выходило.

Хорь выражался иногда мудрено, должно быть, изъ осторожности... Вотъ вамъ образчикъ нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь,—говорилъ я ему:—отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю... баринъ у насъ хорошій.

— Все же лучше на свободѣ,—замѣтилъ я

Хорь посмотрѣлъ на меня сбоку.

— Вѣстимо,—проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отчего же ты не откупишься?

Хорь покрутилъ головой.

— Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

— Попалъ Хорь въ вольные люди,—продолжалъ онъ въ полголоса, какъ будто про себя:—кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій.

— А ты самъ бороду сбрѣй.

— Что борода! борода—трава: скосить можно.

— Ну, такъ что-жъ?

— А, знать, Хорь прямо въ купцы попадетъ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь, ты тоже торговлей занимаешься?—спросилъ я его.

— Торгуемъ помаленьку маслишкомъ да дегтишкомъ... Что же, телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

„Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ на умѣ“ — подумалъ я.— Нѣтъ,—сказалъ я вслухъ:—телѣжки мнѣ не надо, я завтра около твоей усадьбы похожу, и если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣнномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ постлать простыню и положить подушку.—Эй, бабы! вскричалъ онъ, поднимаясь съ мѣста:—сюда, бабы!... А ты, Ѳедя, поди съ ними. Бабы, вѣдь, народъ глупый.

Четверть часа спустя, Ѳедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай. Я бросился на душистое сѣно, собака свернулась у ногъ моихъ; Ѳедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась. Я довольно долго не могъ заснуть. Корова подошла къ двери, шумно дохнула два раза; собака съ достоинствомъ на нее зарычала: свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь гдѣ-то въ близости стала жевать сѣно и фыркать... Я, наконецъ, задремалъ.

На зарѣ Ѳедя разбудилъ меня. Этотъ веселый, бойкій парень очень мнѣ нравился; да и сколько я могъ замѣтить, у стараго Хоря онъ тоже былъ любимцемъ. Они оба весьма любезно другъ надъ другомъ подтрунивали. Старикъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Отъ того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— Самоваръ тебѣ готовъ,—сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой:—пойдемъ чай пить.

Мы усѣлись около стола. Здоровая баба, одна изъ его невѣстокъ, принесла горшокъ съ молокомъ. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу.

— Что у тебя за рослый народъ!—замѣтилъ я старику.

— Да,—промолвилъ онъ, откусывая крошечный кусокъ сахару,—на меня да на мою старуху жаловаться имъ, кажись, нечего.

— И всѣ съ тобой живутъ?

— Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ.

— И всѣ женаты?

Вотъ одинъ, пострѣлъ, не женится,—отвѣчалъ онъ, указывая на Ѳедю, который, попрежнему, прислонился къ двери.—Васька тотъ еще молодъ, тому погодить можно.

— А что мнѣ жениться?—возразилъ Ѳедя:—мнѣ и такъ хорошо. На что мнѣ жена? Лаяться съ ней, что ли?

— А въ бабѣ-то что хорошаго?

— Баба—работница,—важно замѣтилъ Хорь. — Баба мужику слуга.

— Да на что мнѣ работница?

— То-то, чужими руками жаръ загребать любишь. Знаемъ мы вашего брата!

— Ну, жени меня, коли такъ. А? что! Что-жъ ты молчишь?

— Ну, полно, полно, балагуръ. Вишь, барина мы съ тобой безпокоимъ. Женю, небось... А ты, батюшка, не гнѣвись: дитятко, видишь, малое, разуму не успѣло набраться.

Ѳедя покачалъ головой...

— Дома Хорь?—раздался за дверью знакомый голосъ,—и Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарвалъ для своего друга, Хоря. Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ „нѣжностей“ отъ мужика.

Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами четырьмя позднѣе обыкновеннаго и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужденно разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ и наблюдалъ за ними. Оба пріятеля не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то-есть, обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря. Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, напримѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ. Хорь же — къ людямъ, къ обществу. Калинычъ не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо; Хорь возвышался даже до ироническої точки зрѣнія на жизнь. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и отъ него я многому научился. Напримѣръ, изъ его разсказовъ узналъ я, что каждое лѣто, передъ покосомъ, появляется въ деревняхъ небольшая телѣжка особеннаго вида. Въ этой телѣжкѣ сидитъ человѣкъ въ кафтанѣ и продаетъ косы. На наличныя деньги онъ беретъ рубль двадцать пять копѣекъ—полтора рубля ассигнаціями, въ долгъ—три рубля и цѣлковый. Всѣ мужики, разумѣется, берутъ у него въ долгъ. Черезъ двѣ-три недѣли онъ появляется снова и требуетъ денегъ. У мужика овесъ только что скошенъ, стало быть, заплатить есть чѣмъ; онъ идетъ съ купцомъ въ кабакъ и тамъ уже расплачивается. Иные помѣщики вздумали было покупать сами косы на наличныя деньги и раздавать въ долгъ мужикамъ по той же цѣнѣ; но мужики оказались недовольными и даже впали въ унынie; ихъ лишали удовольствія щелкать по косѣ, прислушиваться, перевертывать ее въ рукахъ и разъ двадцать спросить у плутоватаго мѣщанина-продавца: „а что, малый, коса-то не больно того?“ Тѣ-же самыя продѣлки происходятъ и при покупкѣ серповъ, съ тою только разницею, что тутъ бабы вмѣшиваются въ дѣло и доводятъ иногда самого продавца до необходимости, для ихъ же пользы, поколотить ихъ. Но болѣе всего страдаютъ бабы вотъ при какомъ случаѣ. Поставщики матеріала на бумажныя фабрики поручаютъ закупку тряпья особеннаго рода людямъ, которые въ иныхъ уѣздахъ называются „орлами“. Такой орелъ получаетъ отъ купца рублей двѣсти ассигнаціями и отправляется на добычу. Но, въ противность благородной птицѣ, отъ которой онъ получилъ свое имя, онъ не нападаетъ открыто и смѣло: напротивъ, „орелъ“ прибѣ

гаетъ къ хитрости и лукавству; онъ оставляетъ свою телѣжку гдѣ-нибудь въ кустахъ около деревни, а самъ отправляется по задворьямъ, да по задамъ, словно прохожій какой-нибудь, или, просто, праздношатающійся. Бабы чутьемъ угадываютъ его приближеніе и крадутся къ нему навстрѣчу. Второпяхъ совершается торговая сдѣлка. За нѣсколько мѣдныхъ грошей баба отдаетъ „орлу“ не только всякую ненужную тряпицу, но, часто, даже мужнину рубаху и собственную поневу. Въ послѣднее время бабы нашли выгоднымъ красть у самихъ себя и сбывать такимъ образомъ пеньку, въ особенности „заматки“,—важное распространеніе и усовершенствованіе промышленности „орловъ“. Но зато мужики, въ свою очередь, навострились и, при малѣйшемъ подозрѣніи, при одномъ отдаленномъ слухѣ о появленіи „орла“ быстро и живо приступаютъ къ исправительнымъ и предохранительнымъ мѣрамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли? Пеньку продавать ихъ—и они ее точно продаютъ—не въ городѣ,—а въ городъ надо самимъ тащиться,—а пріѣзжимъ торгашамъ, которые, за неимѣніемъ безмѣна, считаютъ пудъ въ сорокъ горстей,—а вы знаете, что̀ за горсть и что̀ за ладонь у русскаго человѣка, особенно, когда онъ „усердствуетъ!“ Такихъ разсказовъ я, человѣкъ, и въ деревнѣ „неживалый“ (какъ у насъ въ Орлѣ говорится) наслушался вдоволь. Но Хорь не все разсказывалъ; онъ самъ меня разспрашивалъ о многомъ. Узналъ онъ, что я бывалъ за границей, и любопытство его разгорѣлось. Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по-порядку:—„Что̀, у нихъ это тамъ есть такъ же, какъ у насъ, аль иначе?... Ну, говори, батюшка,—какъ же?...“—„А! ахъ! Господи твоя воля!“—восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа; Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что, „дескать, это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ“. Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и незачѣмъ, но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденіе, котораго, вѣроятно, никакъ не ожидаютъ читатели,—убѣжденье, что Петръ Великій былъ попреимуществу русскій человѣкъ, русскій, именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя; онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что̀ хорошо, то ему и нравится, что̀ разумно — того ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенія, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другаго рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ, дѣйствительно, понималъ свое положеніе. Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика. Его познанья были довольно, по-своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ же—умѣлъ. „Этому шалопаю грамота далась“,—замѣтилъ Хорь:—„у него и пчелы отродясь не мерли. А дѣтей ты своихъ выучилъ грамотѣ?“—Хорь помолчалъ.—„Ѳедя знаетъ“.—„А другіе?“—„Другіе не знаютъ“.—„А что?“ Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ онъ умѣнъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предразсудки и предубѣжденія. Бабъ онъ, напримѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшился и издѣвался надъ ними. Жена его, старая и сварливая, цѣлый день не сходила съ печи и безпрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее вниманія, но невѣстокъ она содержала въ страхѣ Божіемъ. Не да-

ромъ въ русской пѣсенкѣ свекровь поетъ: „какой ты сынъ, какой семьянинъ! не бьешь ты жены, не бьешь молодой...“ Я разъ было вздумалъ заступиться, попытался возбудить состраданіе Хоря; но онъ спокойно возразилъ мнѣ, „охота-де вамъ такими... пустяками заниматься, — пускай бабы ссорятся... Что ихъ разнимать—то хуже, да и рукъ марать не стоитъ!“ Иногда злая старуха слѣзала съ печи, вызывала изъ сѣней дворовую собаку, приговаривая: „сюды, сюды, собачка!“ и била ее по худой спинѣ кочергой, или становилась подъ навѣсъ и „лаялась“, какъ выражался Хорь, со всѣми проходящими. Мужа своего она, однакоже, боялась и, по его приказанію, убиралась къ себѣ на печь. Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина.—„Ужъ ты, Хорь, у меня его не трогай“, — говорилъ Калинычъ.— „А что-жъ онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?“ — возражалъ тотъ.—„Эко сапоги!... на что мнѣ сапоги? Я мужикъ“...—„Да вотъ и я мужикъ, а вишь...“— При этомъ словѣ Хорь подымалъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи“. — „Эхъ! да ты развѣ нашъ братъ!“—отвѣчалъ Калинычъ.—„Ну, хоть бы на лапти далъ: вѣдь, ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что день, то лапти“.—„Онъ мнѣ даетъ на лапти“.—„Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ“.—Калинычъ съ досадой отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, причемъ его маленькіе глазки исчезали совершенно.

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: „Доля ты моя, доля!“ Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ. „Чего, старикъ, разжалобился?“ Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю. Зато, въ другое время, не было человѣка дѣятельнѣе его: вѣчно надъ чѣмъ-нибудь копается—телѣгу чинитъ, заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ, однако, не придерживался, и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что надо-де избѣ жильемъ пахнуть“.

— Посмотри-ка,—возразилъ я ему:—какъ у Калиныча на пасѣкѣ чисто.

— Пчелы бы жить не стали, батюшка,—сказалъ онъ со вздохомъ.

— А что,—спросилъ онъ меня въ другой разъ:—у тебя своя вотчина есть? — „Есть!“—„Далеко отсюда?“—„Верстъ сто“.—„Что же ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?“—„Живу.“—„А больше, чай, ружьемъ пробавляешься?“—„Признаться, да.“—„И хорошо, батюшка дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще“.

На четвертый день вечеромъ г-нъ Полутыкинъ прислалъ за мной. Жаль мнѣ было разстаться со старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. „Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ,—сказалъ я...—Прощай, Ѳедя“.— Прощай, батюшка, прощай—не забывай насъ“. Мы поѣхали; заря только что разгоралась. „Славная погода завтра будетъ“,—замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо.—„Нѣтъ, дождь пойдетъ“,—возразилъ мнѣ Калинычъ:—„утки вонъ плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ“. Мы въѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ въ полголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ, да глядѣлъ на зорю... На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ г-на Полутыкина.

Бѣжинъ лугъ.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась на долго. Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается крѣпкимъ румянцемъ. Солнце—не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное,—мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра. Но вотъ опять хлынули играющіе лучи,—и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ, высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными, бѣлыми краями. Подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе къ небосклону, онѣ сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они также лазуревы, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣднолиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза, развѣ, кой-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось, такъ же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже „паритъ“ по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты — несомнѣнный признакъ постоянной погоды — высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашни. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба. Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную „площадь“ кустовъ, взобрался на холмъ и, вмѣсто ожидаемой знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ, крутой стѣной, возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи, оглянулся... „Эге“! подумалъ я, „да это я совсѣмъ не туда попалъ; я слишкомъ забралъ вправо“, и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣй выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши уже носи-

лись надъ его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясномъ небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо. „Вотъ, какъ только я выйду на тотъ уголъ“, думалъ я про себя, „тутъ сейчасъ и будетъ дорога;—а съ версту крюку я далъ!“

Я добрался, наконецъ, до угла лѣса, но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошенные, низкіе кусты широко разстилались передо мной, а за ними, далеко, далеко виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился. „Что за притча? Да гдѣ же я?“ Я сталъ припоминать, какъ и куда ходилъ въ теченіе дня... „Э! да это Парахинскіе кусты“, воскликнулъ я, наконецъ; „точно! вонъ это, должно быть, Синдѣевская роща... Да какъ же это я сюда зашелъ? Такъ далеко? Странно! Теперь опять нужно вправо взять.“

Я пошелъ вправо, черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозовая туча; казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже съ вышины лилась темнота. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало,—одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть—но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ. Что я было принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. „Да гдѣ же это я?“ повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изо-всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало идти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней,—казалось, они сползлись туда для тайнаго совѣщанія,—и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрекъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой, но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ—на удалую... Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собирался-было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собой огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды,

изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружка два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ „Бѣжина луга“. Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости. Я рѣшился подойти къ огонькамъ и, въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую, лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій косматъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозняка и разомъ исчезнетъ;—острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта съуживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно - высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—

запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью, плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства, сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговора я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя).

Первому, старшему изъ всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами и постоянной полувеселой, полуразсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле, не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая, ситцевая рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги—не отцовскіе. У втораго мальчика, Павлуши, волосы были всклокоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное, рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый,—что и говорить! — а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились,—онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы, торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то-и-дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новыя лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ. Все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, къ низу заострено, какъ у бѣлки, губы едва можно было различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ,—на его языкѣ, по крайней мѣрѣ, не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно. Послѣдняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикорнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего семь лѣтъ.

И такъ, я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились „картошки“. Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка; Ильюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все также напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову

и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ и семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Ильюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что-жъ, ты видѣлъ домоваго?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, отвѣчалъ Ильюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица,—а слышалъ... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится?—спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ *).

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какъ же, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ („Лисовщики“ гладятъ, скоблятъ бумагу).

— Вишь ты—фабричные!...

— Ну, такъ какъ же ты его слышалъ?—спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки; всѣхъ насъ было ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то есть не то, чтобы этакъ, пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ: говоритъ: что, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что, молъ, ребята, ну, какъ домовой прійдетъ?... И не успѣлъ онъ, Авдѣй-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то спущены. Дивимся мы—кто-же это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери, наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ,—дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ—ничего... Вдругъ, глядь, у одного чана форма зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ею полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другаго чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужъ какже мы напужались о ту пору!

— Вишь какъ!—промолвилъ Павелъ.—Чего же онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что,—спросилъ Ѳедя,—картошки сварились?

---

*) Рольней или „черпальней“ на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ.

**) Дворцомъ называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

***) Сѣтка которой бумагу черпаютъ.

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула, — прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки:—должно быть, щука... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, разскажу,—говорилъ Костя тонкимъ голосомъ:—послушайте-ка, намеднись что́ тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ,—съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободскаго плотника?

— Ну да; знаемъ.

— А знаете ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои—нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево: давай, молъ, дождусь утра,—присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ: кто-то его зоветъ. Смотритъ—никого. Онъ опять задремалъ,—опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяцъ-то свѣтитъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ,—все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пискарь,—а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный. Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврило было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворочается... Ахъ, ты этакой, а!... Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у ней зеленые, что́ твоя конопля. Вотъ поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврило, да и сталъ ее спрашивать: „Чего ты, лѣсное зелье, плачешь?“ А русалка-то какъ взговоритъ ему: „не креститься бы тебѣ,—говоритъ,—человѣче, жить бы тебѣ со мною на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней“. Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то есть, выйти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— Эко!—проговорилъ Ѳедя, послѣ недолгаго молчанія:—Да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить,—онъ же ее не послушался?

— Да, вотъ, поди ты!—сказалъ Костя.—И Гаврила баялъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ? — продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на палатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невеселому?.. А, знать, онъ ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватилъ Ильюша.— Какъ же! защекотать она его хотѣла; вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки,— замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ,— отвѣчалъ Костя: —здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно: — рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, зве-

нящій, почти стенящій, звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ,. иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься, и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ; кто-то другой, какъ будто, отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила! — шепнулъ Илья.

— Эхъ вы, вороны! — крикнулъ Павелъ: — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились (всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся). Что же ты?— сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали ли вы, ребятки, началъ Ильюша: — что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? — спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ, ужъ, нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли (по орловскому—змѣи) водются.

— Ну, что такое случилось? — сказывай...

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ, только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ — бугорочекъ... Вотъ, на-дняхъ, зоветъ прикащикъ псаря Ермила: говоритъ, ступай, молъ, Ермилъ, на пошту, Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ; не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но, а ѣдетъ назадъ ужь хмѣленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: сѣмъ, возьму его, — что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки... Но, а барашекъ — ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ, однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять; барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то, псарю, что, молъ, не помню я, чтобъ этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего; сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить — говоритъ: „бяша, бяша!“ А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: „бяша, бяша“...

Не успѣлъ разскащикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались, Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: „Сѣрый! Жучка!!..“ Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра, и, уцѣпившись за гриву, проворно вспрыгнулъ съ нея Павлуша.

Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? Что такое? — спросили мальчики.

— Ничего,—отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь: — Такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ, — прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка!... „Что за славный мальчикъ!“ — думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то? — спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, — отвѣчалъ Павелъ: — да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

— А какіе ты намъ, Илюшка, страхи разсказывалъ, — заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство). — Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять... А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы?.. Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали — покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. Что, молъ, батюшка, Иванъ Иванычъ, изволишь на землѣ искать?

— Онъ его спросилъ? — перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ! Ну, и что-жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо:— разрывъ-травы. — А на что тебѣ, батюшка, Иванъ Иванычъ разрывъ-травы? Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ: вонъ хочется, вонъ...

— Вишь какой! — замѣтилъ Ѳедя: — мало, знать, пожилъ.

— Экое диво! — промолвилъ Костя: — Я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья... Но, а въ родительскую субботу ты можешь и живаго увидать, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стóитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную, да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видѣла она кого-нибудь? — съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какъ же. Перво-на-перво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала... только все какъ будто собачка этакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то... Вдругъ смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашенкѣ. Она приглянулась—Ивашка Ѳедосѣевъ идетъ...

— Тотъ, что умеръ весной?—перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ... А узнала его

Ульяна... но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться,—ахъ, ты, Господи!—сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама?—спросилъ Ѳедя.

— Ей Богу, сама.

— Ну, что-жъ, вѣдь она еще не умерла?

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится!...

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ, откуда ни возьмись, бѣлый голубокъ,—налетѣлъ прямо въ это отраженье, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крыльями.

— Знать, отъ дому отбился,—замѣтилъ Павелъ. Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, а гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша,—промолвилъ Костя:—не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ быть,—проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша,—началъ Ѳедя:—что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать предвидѣнье-то небесное? (такъ мужики называютъ солнечное затмѣніе).

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ же!

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на̀ поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: „кому теперь ѣсть“,—говоритъ,—„наступило свѣтопреставленіе“. Такъ шти и потекли. А у насъ на деревни такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самаго Тришку увидятъ (въ повѣрьѣ „о Тришкѣ“, вѣроятно, отозвалось сказаніе объ антихристѣ).

— Какого это Тришку?—спросилъ Костя.

— А ты не знаешь?—съ жаромъ подхватилъ Ильюша:— ну, братъ, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка—эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который прійдетъ; а прійдетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ — такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ,— онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай, какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется — они съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ и по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестьянскій... Ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да,—продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ:— такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и прійдетъ.

Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ—вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!“ да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ; свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дороѳеичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ, пожалѣетъ“. Таково-то всѣ переполошились!... А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя, золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли... Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ... „Что это?“

— Это цапля кричитъ,—спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля,—повторилъ Костя...—А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного:—ты, можетъ быть, знаешь...

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ—знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью (крутой поворотъ въ оврагѣ) выходитъ,—тамъ, вѣдь, есть бучило (глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ); знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ, пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила, какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у!... Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Что бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ за-прошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры,—замѣтилъ Павлуша:—такъ, можетъ быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои,—возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза... Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили; я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія,—продолжалъ Павелъ—которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? ну, нѣтъ, это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой).—Экъ ее! — невольно произнесъ Костя: — словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой,—подхватилъ Ильюша:—онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ...

— А ты его видалъ,лѣшаго-то,что ли?—насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть: по а другіе его видѣли. Вотъ на-дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ; водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный, этакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ, глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ...

— Эхъ, ты!—воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами:—Пфу!..

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? замѣтилъ Павелъ: — не понимаю!

— Не бранись: смотри, услышитъ,—замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятишки, раздался дѣтскій голосъ Вани:— гляньте—на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, ласково заговорилъ Ѳедя:—что твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова,—отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?...

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинцу дамъ.

— А мнѣ дашь?

— Тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня положилъ опять головку на землю.

Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты? — спросилъ его Ѳедя.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть; водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку! — крикнулъ ему вслѣдъ Илья.

— Отчего ему упасть? — сказалъ Ѳедя, — онъ остережется.

— Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку хватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду... А какое упалъ? Вовонъ, въ камыши полѣзъ, — прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно раздвигаясь, „шуршали“, какъ говорится у насъ.

— ...А помнишь Васю? — печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю? — спросилъ Ѳедя.

— А вотъ того, что утонулъ, — отвѣчалъ Костя: — въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужъ какой же мальчикъ былъ! ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, съ ребятками, лѣтомъ, въ рѣчку купаться,— она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто на земь и ста-

нетъ его кликать: „вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ"!—И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъ же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ,—глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ: — прійдетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку, — помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ,—вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится...

— А вотъ Павлуша идетъ, — молвилъ Ѳедя.

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что ребята, — началъ онъ, помолчавъ — неладно дѣло.

— А что? — торопливо спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что ты? что ты? — пролепеталъ Костя.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голосомъ, словно изъ-подъ воды: „Павлуша, а Павлуша, подь сюда." Я отошелъ. Однако воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! Ахъ ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ, — прибавилъ Ѳедя... — А мы только что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная,—съ разстановкой проговорилъ Ильюша.

— Ну, ничего, пущай! — произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять: — своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

— Что это? — спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда-жъ они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза.

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ; я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно стоявшія въ небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло, — въ немъ снова какъ будто разливалась сырость... Не долги лѣтнія ночи!... Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями.... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить, при чуть брезжущемъ, слабо льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы... Слабое забытье напало на меня, оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: — утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо

свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землей. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали, какъ убитые, вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому, мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ отъ лѣсу до лѣсу, и сзади, по длинной пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана—полились сперва алыя, потомъ красные, золотые потоки молодаго, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы: мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ...

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль: славный былъ парень!

Смерть.

У меня есть сосѣдъ, молодой хозяинъ и молодой охотникъ, Ардаліонъ Михайлычъ. Въ одно прекрасное іюльское утро заѣхалъ я къ нему верхомъ, съ предложеніемъ отправиться вмѣстѣ на тетеревовъ. Мы поѣхали. Лѣсъ Ардаліона Михайлыча съ дѣтства былъ мнѣ знакомъ. Вмѣстѣ съ моимъ французскимъ гувернеромъ часто хаживалъ я въ Чаплыгино. Весь этотъ лѣсъ состоялъ изъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ сотъ огромныхъ дубовъ и ясеней. Ихъ статные, могучіе стволы великолѣпно чернѣли на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ и рябинъ; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и тамъ уже раскидывали шатромъ свои широкіе, узловатые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистомъ носились подъ неподвижными верхушками, пестрые дятлы крѣпко стучали по толстой корѣ; звучный напѣвъ чернаго дрозда внезапно раздавался въ густой листвѣ вслѣдъ за переливчатымъ крикомъ иволги, внизу, въ кустахъ, чирикали и пѣли малиновки, чижи и пѣночки; зяблики проворно бѣгали по дорбжкамъ; бѣлякъ прокрадывался вдоль опушки, осторожно „костыляя“, красно-бурая бѣлка рѣзво прыгала отъ дерева къ дереву и вдругъ садилась, поднявши хвостъ надъ головой. Въ травѣ около высокихъ муравейниковъ, подъ легкой тѣнью вырѣзныхъ, красивыхъ листьевъ папоротника, цвѣли фіалки и ландыши, росли сыроѣшки, волвянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайкахъ, между широкими кустами, алѣла земляника... А что въ лѣсу за тѣнь была? Въ самый жаръ, въ полдень — ночь настоящая: тишина, запахъ, свѣжесть... Весело проводилъ я время въ Чаплыгинѣ, и отъ того, признаюсь, не безъ грустнаго чувства въѣхалъ я теперь въ слишкомъ знакомый мнѣ лѣсъ. Губительная, безснѣжная зима 40-го года не пощадила старыхъ моихъ друзей—дубовъ и ясеней; засохшіе, обнаженные, кой-гдѣ покрытые чахоточной зеленью, печально высились они надъ молодой рощей, которая „смѣнила ихъ, не замѣнивъ“ *).

*) Въ 40-мъ году, при жесточайшихъ морозахъ, до самаго конца декабря не выпало снѣгу, зеленя всѣ вымерзли, и много прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ погуби-

Иные, еще обросшіе листьями внизу, словно съ упрекомъ и отчаяніемъ поднимали кверху свои безжизненныя, обломанныя вѣтви; у другихъ изъ листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной попрежнему, торчали толстые, сухіе, мертвые сучья; съ иныхъ уже кора долой спадала; иные, наконецъ, вовсе повалились и гнили, словно трупы, на землѣ. Кто бы могъ это предвидѣть — тѣни, въ Чаплыгинѣ тѣни нигдѣ нельзя было найти! Что, думалъ я, глядя на умирающія деревья: чай, стыдно и горько вамъ? Вспомнился мнѣ Кольцовъ:

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?..

— Какъ же это, Ардаліонъ Михайлычъ, — началъ я: — отчего жъ эти деревья на другой же годъ не срубили? Вѣдь, за нихъ теперь противъ прежняго десятой доли не дадутъ.

Онъ только плечами пожалъ.

...Особенно возбуждали его сожалѣніе лежавшіе на землѣ дубы — и дѣйствительно: иной бы мельникъ дорого за нихъ заплатилъ. Зато десятскій Архипъ сохранялъ спокойствіе невозмутимое и не горевалъ нисколько; напротивъ, онъ даже не безъ удовольствія черезъ нихъ перескакивалъ и кнутикомъ по нимъ постегивалъ.

Мы пробирались на мѣсто порубки, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ навстрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? Куда ты бѣжишь? — спросилъ его Ардаліонъ Михайлычъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда!..

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?.. Подрядчика Максима?..

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ, да прямо на него. Мы кричимъ ему: бѣги, бѣги, бѣги... Ему бы въ сторону броситься, а онъ возьми да прямо и побѣги... заробѣлъ, знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился, Господь его знаетъ... Развѣ сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ, — да что: ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лѣкаремъ.

Ардаліонъ Михайлычъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ на ссѣчки... Я за нимъ.

да эта безжалостная зима. Замѣнить ихъ трудно: производительная сила земли видимо скудѣетъ; на «заказанныхъ» (съ образами обойденныхъ) пустыряхъ, вмѣсто прежнихъ благородныхъ деревьевъ, сами собой выростаютъ березы да осины; а иначе разводить рощи у насъ не умѣютъ).

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно: онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы скользила по его лицу.

Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайлыча.

— Батюшка, — заговорилъ онъ едва внятно: — за попомъ... послать... прикажите... Господь... меня наказалъ... ноги, руки—все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребятъ-то не распустилъ.

Онъ молчалъ. Дыханье ему спирало.

— Да деньги... молъ... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ...

— Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ, — заговорилъ мой сосѣдъ: — быть можетъ, ты еще и не умрешь.

Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру... Вотъ... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, — глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли: — прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— Нельзя же ему, однако, тутъ умирать, — воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ: — ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу.

Человѣка два бросились къ телѣгѣ.

— Я у Ефима... Сычовскаго... — залепеталъ умирающій: — лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть на рогожу... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица и выпрямился.

— Умеръ! — пробормотали мужики.

Мы молча сѣли на лошадей и отъѣхали.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ. Состояніе его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у другаго моего сосѣда, въ деревнѣ, мужикъ въ овинѣ обгорѣлъ (онъ такъ бы и остался въ овинѣ, да заѣзжій мѣщанинъ его полуживаго вытащилъ, окунулся въ кадку съ водой, да съ разбѣга и вышибъ дверь подъ пылавшимъ навѣсомъ). Я зашелъ къ нему въ избу. Темно въ избѣ, душно, дымно. Спрашиваю, гдѣ больной? — „А, вонъ, батюшка, на лежанкѣ“, — отвѣчаетъ мнѣ нараспѣвъ подгорюнившаяся баба. Подхожу — лежитъ мужикъ, тулупомъ покрылся, дышетъ тяжко. „Что, какъ ты себя чувствуешь?“ — Завозился больной на печи, подняться хочетъ, а весь въ ранахъ, при смерти. — „Лежи, лежи, лежи... Ну, что? какъ?“ — Вѣстимо, плохо“, — говоритъ.— „Больно тебѣ?“ Молчитъ.— „Не нужно ли чего?“ Молчитъ.— „Не прислать ли тебѣ чаю, что ли?“ — „Не надо“. — Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса, — гробовое молчаніе въ избѣ. Въ углу, за столомъ, подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ. Мать изрѣдка грозится на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучатъ, разговариваютъ: братнина жена капусту рубитъ. — „А, Аксинья?“ — проговорилъ, наконецъ, больной. — „Чего“? — „Квасу дай“. — Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шопотомъ: причастили его? — „Причастили“. — Ну, стало быть, и все въ

порядкѣ: ждетъ смерти, да и только. Я не вытерпѣлъ и вышелъ... А то, помнится, завернулъ я однажды въ больницу села Красногорья, къ знакомому мнѣ фельдшеру Капитону, страстному охотнику...

Начали мы было разговаривать о послѣдней нашей охотѣ, какъ вдругъ на дворъ въѣхала телѣга, запряженная необыкновенно толстой сивой лошадью, какія только бываютъ у мельниковъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный мужикъ въ новомъ армякѣ, съ разноцвѣтной бородой. „А, Василій Дмитричъ“ — закричалъ изъ окна Капитонъ: „милости просимъ... Лыбовшинскій мельникъ“, шепнулъ онъ мнѣ. Мужикъ, покряхтывая, слѣзъ съ телѣги, вошелъ въ фельдшерову комнату, поискалъ глазами образа и перекрестился.— „Ну, что, Василій Дмитричъ, что новенькаго?.. Да вы, должно быть, нездоровы: лицо у васъ нехорошо“? — „Да, Капитонъ Тимоѳеичъ! не ладно что-то“. — “Что съ вами?“ — „Да вотъ что́, Капитонъ Тимоѳеичъ, — недавно купилъ я въ городѣ жернова; ну, привезъ ихъ домой, да какъ сталъ ихъ съ телѣги-то выкладывать, понатужился знать, что ли, въ черевѣ-то у меня такъ ёкнуло, словно оборвалось что... да вотъ съ тѣхъ поръ все и не здоровится. Сегодня даже больно не ладно“. — „Гмъ“, — промолвилъ Капитонъ и понюхалъ табаку: „значитъ, грыжа. А давно съ вами это приключилось?“ — „Да десятый денекъ пошелъ“. — „Десятый?“ (фельдшеръ потянулъ въ себя сквозь зубы воздухъ и головой покачалъ). „Позволь-ка себя пощупать!“ — „Ну, Василій Дмитричъ, — проговорилъ онъ наконецъ: „жаль мнѣ тебя сердечнаго, а нѣтъ, дѣло-то твое неладно; ты боленъ не на шутку; оставайся-ка здѣсь у меня; я, съ своей стороны, все стараніе приложу, а, впрочемъ, ни за что не ручаюсь“.—Будто такъ худо?“ — пробормоталъ изумленный мельникъ. „Да, Василій Дмитричъ, худо; пришли бы вы ко мнѣ деньками двумя пораньше,—и ничего бы, какъ рукой бы снялъ: а теперь у васъ воспаленіе, вотъ что; того и гляди, антоновъ-огонь сдѣлается“. — Да быть не можетъ, Капитонъ Тимоѳеичъ“. — „Ужъ я вамъ говорю“. — „Да какъ же это!“ (фельдшеръ плечами пожалъ). — „И умирать мнѣ изъ-за такой дряни?“ — „Этого я не говорю... а только оставайтесь здѣсь“. Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ, потомъ на насъ взглянулъ, почесалъ въ затылкѣ, да за шапку: „Куда же вы, Василій Дмитричъ?“ — Куда? вѣстимо куда, домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ“. — „Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ, помилуйте; я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали? останьтесь“. — „Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимоѳеичъ, ужъ умирать, такъ дома умирать; а то что-жъ я здѣсь умру, — у меня дома и Господь знаетъ, что приключится“. — „Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло-то пойдетъ... Конечно, опасно, очень опасно, спору нѣтъ... да отъ того и слѣдуетъ вамъ остаться“... (мужикъ головой покачалъ) — „Нѣтъ, Капитонъ Тимоѳеичъ, не останусь... а лѣкарствецо развѣ пропишите“. — „Лѣкарство одно не поможетъ“. — „Не останусь, говорятъ“. — Ну, какъ хочешь... чуръ, потомъ не пенять!..“

Фельдшеръ, прописавъ рецептъ, посовѣтовалъ, что́ еще дѣлать. Мужикъ взялъ бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ на телѣгу.—Ну, прощайте, Капитонъ Тимоѳеичъ, не поминайте лихомъ, да сиротокъ не забывайте, коли что“...—„Эй, останься Василій! Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ возжей по лошади и съѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему въ слѣдъ. Дорога была грязная, ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со встрѣчными раскланивался... На четвертый день онъ умеръ.

Вообще, удивительно умираютъ русскіе люди. Много еще другихъ примѣровъ мнѣ въ голову приходитъ,—да всего не перескажешь. Ограничусь однимъ.

Старушка—помѣщица при мнѣ умирала. Священникъ сталъ надъ ней читать отходную, да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходитъ и поскорѣе подалъ ей крестъ. Помѣщица съ неудовольствіемъ отодвинулась. „Куда спѣшишь, батюшка"?—проговорила она, коснѣющимъ языкомъ:—„успѣешь"... Она приложилась, засунула было руку подъ подушку и испустила послѣдній вздохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый: она хотѣла заплатить священнику за свою собственную отходную...

Да, удивительно умираютъ русскіе люди!

Пѣвцы.

Небольшое сельцо Колотовка лежитъ на скатѣ голаго холма, съ верху до низу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зіяя, какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы, и пуще рѣки,—черезъ рѣку можно по крайней мѣрѣ навести мостъ,—раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки. Нѣсколько тощихъ ракитъ боязливо спускаются по песчанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдь, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня. Невеселый видъ, нечего сказать,—а между тѣмъ, всѣмъ окрестнымъ жителямъ хорошо извѣстна дорога въ Колотовку: они ѣздятъ туда охотно и часто.

У самой головы оврага, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той точки, гдѣ онъ начинается узкой трещиной, стоитъ небольшая четвероугольная избушка, стоитъ одна, отдѣльно отъ другихъ. Она крыта соломой, съ трубой; одно окно, словно зоркій глазъ, обращено къ оврагу, и въ зимніе вечера, освѣщенное извнутри, далеко виднѣется въ тускломъ туманѣ мороза и не одному проѣзжему мужичку мерцаетъ путеводной звѣздой. Надъ дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка—кабакъ, прозванный „Притыннымъ" (Притыннымъ называется всякое мѣсто, куда охотно сходятся, всякое пріютное мѣсто). Въ этомъ кабакѣ вино продается, вѣроятно, не дешевле положенной цѣны, но посѣщается онъ гораздо прилежнѣе, чѣмъ всѣ окрестныя заведенія такого же рода. Причиной этому цѣловальникъ, Николай Иванычъ.

Николай Иванычъ—нѣкогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже посѣдѣвшій мужчина, съ заплывшимъ лицомъ, хитро-добродушными глазками и жирнымъ лбомъ, перетянутымъ морщинами, словно нитками,—уже болѣе двадцати лѣтъ проживаетъ въ Колотовкѣ. Николай Иванычъ—человѣкъ расторопный и смѣтливый, какъ большая часть цѣловальниковъ.

Не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, онъ обладаетъ даромъ привлекать и удерживать у себя гостей, которымъ какъ-то весело сидѣть передъ его стойкой, подъ спокойнымъ и привѣтливымъ, хотя зоркимъ, взглядомъ флегматическаго хозяина. У него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичій бытъ, и крестьянскій, и мѣщанскій; въ трудныхъ случаяхъ онъ могъ бы подать неглупый совѣтъ, но, какъ человѣкъ осторожный и эгоистъ, предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ, и развѣ только отдаленными, словно безъ всякаго намѣренія произнесенными намеками, наводитъ своихъ посѣтителей—и то любимыхъ имъ посѣтителей—на путь истины. Онъ знаетъ толкъ во всемъ, что важно или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ, въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, въ посудѣ, въ красномъ товарѣ и въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и въ пляскахъ. Когда у него нѣтъ посѣщенія, онъ обыкновенно сидитъ, какъ мѣшокъ, на землѣ передъ дверью своей избы, подвернувъ подъ себя свои тонкія ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всѣми прохожими.

Много видалъ онъ на своемъ вѣку, пережилъ не одинъ десятокъ мелкихъ дворянъ, заѣзжавшихъ къ нему за „очищеннымъ“, знаетъ все, что дѣлается за сто верстъ кругомъ, и никогда не пробалтывается, не показываетъ даже виду, что ему и то извѣстно, чего не подозрѣваетъ самый проницательный становой. Знай себѣ помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ. Его сосѣди уважаютъ: штатскій генералъ Шерепетенко, первый по чину владѣлецъ въ уѣздѣ, всякій разъ снисходительно ему кланяется, когда проѣзжаетъ мимо его домика. Николай Иванычъ—человѣкъ со вліяніемъ: онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, образумилъ мужиковъ сосѣдней деревни, не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго и т. д. Впрочемъ, не должно думать, чтобы онъ это дѣлалъ изъ любви къ справедливости, изъ усердія къ ближнимъ—нѣтъ! онъ просто старается предупредить все то, что можетъ какъ-нибудь нарушить его спокойствіе. Николай Иванычъ женатъ и дѣти у него есть. Жена его бойкая, востроносая и быстроглазая мѣщанка, въ послѣднее время тоже нѣсколько отяжелѣла тѣломъ, подобно своему мужу. Онъ во всемъ на нее полагается, и деньги у ней подъ ключомъ. Пьяницы-крикуны ея боятся; она ихъ не любитъ: выгоды отъ нихъ мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорѣй по сердцу. Дѣти Николая Иваныча еще малы; первыя всѣ перемерли, но оставшіяся пошли въ родителей; весело глядѣть на умныя личики этихъ здоровыхъ ребятъ.

Былъ невыносимо жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой поднимался вдоль Колотовскаго оврага, въ направленіи Притыннаго кабачка. Солнце разгоралось на небѣ, какъ бы свирѣпѣя, парило и пекло неотступно; воздухъ былъ весь пропитанъ душной пылью. Покрытые лоскомъ грачи и вороны, разинувъ носы, жалобно глядѣли на проходящихъ, словно прося ихъ участья; одни воробьи не горевали и, распустя перышки, еще яростнѣе прежняго чирикали и дрались по заборамъ, дружно взлетали съ пыльной дороги, сѣрыми тучами носились надъ зелеными конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко въ Колотовкѣ, какъ и во многихъ другихъ степныхъ деревняхъ, мужики, за неимѣньемъ ключей и колодцевъ, пьютъ какую-то жидкую грязцу изъ пруда... Но кто же назоветъ это отвратительное пойло водой? Я хотѣлъ спросить у Николая Иваныча стаканъ пива или квасу.

Признаться сказать, ни въ какое время года Колотовка не представляетъ отраднаго зрѣлища; но особенно грустное чувство возбуждаетъ она, когда іюльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляетъ и бурыя, полуразметанныя крыши домовъ, и этотъ глубокій оврагъ, и вызженный запыленный выгонъ, по которому безнадежно скитаются худыя, длинноногія курицы, и сѣрый осиновый срубъ съ дырами вмѣсто оконъ, остатокъ прежняго барскаго дома, кругомъ заросшій крапивой, бурьяномъ и полынью, и покрытый гусинымъ пухомъ, черный, словно раскаленный, прудъ, съ каймой изъ полувысохшей грязи и сбитой на бокъ плотиной, возлѣ которой, на мелко-истоптанной, пепеловидной землѣ, овцы, едва дыша и чихая отъ жара, печально тѣснятся другъ къ дружкѣ и съ унылымъ терпѣньемъ наклоняютъ головы какъ можно ниже, какъ будто выжидая, когда-жъ пройдетъ, наконецъ, этотъ невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я къ жилищу Николая Иваныча, возбуждая, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безсмысленнаго созерцанія, въ собакахъ—негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались,—какъ вдругъ на порогѣ ка-

бачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанный голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя очевидно размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди же! — залепеталъ онъ, съ усиліемъ поднимая густыя брови: — иди, Моргачъ, иди! Экой ты, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь... Иди!

— Ну, иду, иду, — раздался дребезжащій голосъ, а изъ-за избы направо показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная суконная чуйка, вдѣтая на одинъ рукавъ; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе желтые глазки такъ и бѣгали, съ тонкихъ губъ не сходила сдержанная, напряженная улыбка, а носъ острый и длинный нахально надвигался впередъ, какъ руль. — Иду, любезный, — продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенія:—зачѣмъ ты меня зовешь? Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову? — сказалъ съ укоризной человѣкъ во фризовой шинели.—Экой ты, Моргачъ, чудной, братецъ; тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь, зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые: Турокъ—Яшка, да Дикій Баринъ, да рядчикъ съ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ объ закладъ побились; осьмуху пива поставили—кто кого одолѣетъ, лучше споетъ, то есть... понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ? — съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачемъ.—И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, — съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй: — а ты брешешь. Стало быть, будетъ пѣть, коли объ закладъ побился, божья коровка ты этакая, плутъ ты этакой, Моргачъ!

— Ну, пойдемъ, простота, — возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцалуй же меня, по крайней мѣрѣ, душа ты моя, — залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятія.

— Вишь Езопъ изнѣженный, — презрительно отвѣтилъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Уже не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ-Туркѣ, какъ о лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состязаніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

Вѣроятно, немногіе изъ моихъ читателей имѣли случай заглядывать въ деревенскіе кабаки; но нашъ братъ, охотникъ, куда не заходитъ! Устройство ихъ чрезвычайно просто. Они состоятъ обыкновенно изъ темныхъ сѣней и бѣлой избы, раздѣленной надвое перегородкой, за которую никто изъ посѣтителей не имѣетъ права заходить. Въ этой перегородкѣ, надъ широкимъ дубовымъ столомъ продѣлано большое продольное отверстіе. На этомъ столѣ или стойкѣ продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядкомъ стоятъ на полкахъ, прямо противъ отверстія. Въ передней части избы, предоставленной посѣтителямъ, находятся лавки, двѣ, три пустыя бочки, угловой столъ. Деревенскіе кабаки, большею частью, довольно темны, и почти никогда не увидите вы на ихъ бревенчатыхъ стѣнахъ какихъ-нибудь ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ, безъ которыхъ рѣдкая изба обходится.

Когда я вошелъ въ Притынный кабачекъ, въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество. За стойкой, какъ водится, почти во

всю ширину отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и, съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ, наливалъ своей полной и бѣлой рукой два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ, Моргачу и Обалдую; а за нимъ въ углу, возлѣ окна, виднѣлась его востроглазая жена. Но серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафтанъ голубаго цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими, подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы—все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненіи, мигалъ глазами, неровно дышалъ, руки его дрожали, какъ въ лихорадкѣ,—да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, широкоскулый, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четвероугольнымъ подбородкомъ и черными, блестящими волосами, жосткими, какъ щетина. Выраженіе его смуглаго съ свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ, можно было бы назвать почти свирѣпымъ, еслибъ оно не было такъ спокойно-задумчиво. Онъ почти не шевелился и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ-подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сюртукъ съ мѣдными гладкими пуговицами; старый черный шелковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ Бариномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки — рядчикъ изъ Жиздры; это былъ невысокаго роста, плотный мужчина лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ вздернутымъ носомъ, живыми карими глазками и жидкой бородой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руки, безпечно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла. Въ противоположномъ углу, направо отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичекъ въ узкой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Солнечный свѣтъ струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ небольшихъ окошекъ и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты: всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. Зато въ ней было почти прохладно, и чувство духоты, и зноя, словно бремя, свалилось у меня съ плечъ, какъ только я переступилъ порогъ.

Мой приходъ, — я это могъ замѣтить — сначала нѣсколько смутилъ гостей Николая Иваныча; но, увидѣвъ, что онъ поклонился мнѣ, какъ знакомому человѣку, они успокоились и уже болѣе не обращали на меня вниманія. Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужичка въ изорванной свитѣ.

— Ну, что-жъ! — возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, повидимому, не произносилъ ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать, такъ начинать. А? Яша?..

— Начинать, начинать,—одобрительно подхватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй, — хладнокровно и съ самоувѣренной улыбкой промолвилъ рядчикъ; — я готовъ.

— И я готовъ, — съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, — пропищалъ Моргачъ.

Но, не смотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не началъ; рядчикъ даже не приподнялся съ лавки,—всѣ словно ждали чего-то.

— Начинай! — угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать? — спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно по серединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія руки въ карманы шароваръ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ, — залепеталъ Обалдуй; — тебѣ, братецъ.

Дикій Баринъ посмотрѣлъ на него изподлобья.

Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть, — съ разстановкой произнесъ Дикій Баринъ: — да осьмуху на стойку.

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, кряхтя, съ полу осьмуху и поставилъ ее на столъ.

Дикій Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: „ну!“ Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ. Рядчикъ вынулъ изъ-подъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ. Обалдуй подставилъ свой затасканный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ; Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ —свой.

— Тебѣ выбирать, — проговорилъ Дикій Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его встряхивать. Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ: всѣ лица выражали напряженное ожиданіе; самъ Дикій Баринъ прищурился; мой сосѣдъ, мужичекъ въ изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ; всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь я же говорилъ, что тебѣ,—воскликнулъ Обалдуй, — я вѣдь говорилъ.

— Ну, ну не „цыркай“ (цыркаютъ ястреба, когда они чего-нибудь испугаются)—презрительно замѣтилъ Дикій Баринъ.— Начинай, — продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую же мнѣ пѣсню пѣть? — спросилъ рядчикъ, приходя въ волненье.

— Какую хочешь, — отвѣчалъ Моргачъ. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь,—прибавилъ Николай Иванычъ, медленно складывая руки.—Въ этомъ тебѣ указу нѣту. Пой, какую хочешь; да только пой хорошо; а мы ужъ потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, — подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустаго стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько,—заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся, начинай,—рѣшилъ Дикій Баринъ и потупился.

Рядчикъ подумалъ немного, встряхнулъ головой и выступилъ впередъ. Яковъ впился въ него глазами...

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію самаго состязанія, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ была уже извѣстна, когда я встрѣтился съ ними въ Притынномъ кабачкѣ; о другихъ я собралъ свѣдѣнія впослѣдствіи.

Начнемъ съ Обалдуя. Настоящее имя этого человѣка было Евграфъ Ивановъ; но никто во всемъ околоткѣ не звалъ его иначе, какъ Обалдуемъ, и онъ самъ величалъ себя тѣмъ же прозвищемъ: такъ хорошо оно къ нему пристало. И дѣйствительно, оно какъ нельзя лучше шло къ его незначительнымъ, вѣчно встревоженнымъ чертамъ. Это былъ загулявшій, холостой дворовый человѣкъ, отъ котораго собственные господа давнымъ давно отступились, и который, не имѣя никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находилъ, однако, средства каждый день покутить на чужой счетъ. У него было множество знакомыхъ, которые поили его виномъ и чаемъ, сами не зная, зачѣмъ, потому что онъ не только не былъ въ обществѣ забавенъ, но даже, напротивъ, надоѣдалъ всѣмъ своей безсмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными тѣлодвиженіями и безпрестаннымъ неестественнымъ хохотомъ. Онъ не умѣлъ ни пѣть, ни плясать; отроду не сказалъ не только умнаго, даже путнаго слова; все „лотошилъ“ да вралъ что ни попало—прямой Обалдуй! А между тѣмъ, ни одной попойки на сорокъ верстъ кругомъ не обходилось безъ того, чтобы его долговязая фигура не вертѣлась тутъ же между гостями, — такъ ужъ къ нему привыкли и переносили его присутствіе, какъ неизбѣжное зло. Правда, обходились съ нимъ презрительно, но укрощать его нелѣпые порывы умѣлъ одинъ Дикій Баринъ.

Моргачъ нисколько не походилъ на Обалдуя. Къ нему тоже шло названіе Моргача, хотя онъ глазами не моргалъ болѣе другихъ людей; извѣстное дѣло: русскій народъ на прозвища мастеръ. Не смотря на мое старанье вывѣдать пообстоятельнѣе прошедшее этого человѣка, въ жизни его остались для меня—и, вѣроятно, для многихъ другихъ—темныя пятна, мѣста, какъ выражаются книжники, покрытыя глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Я узналъ только, что онъ нѣкогда былъ кучеромъ у старой бездѣтной барыни; бѣжалъ со ввѣренной ему тройкой лошадей, пропадалъ цѣлый годъ и, должно быть, убѣдившись на дѣлѣ въ невыгодахъ и бѣдствіяхъ бродячей жизни, вернулся самъ, но уже хромой, бросился въ ноги своей госпожѣ и, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, примѣрнымъ поведеніемъ загладивъ свое преступленье, понемногу вошелъ къ ней въ милость, заслужилъ, наконецъ, ея полную довѣренность, попалъ въ прикащики, а по смерти барыни, неизвѣстно какимъ образомъ, оказался отпущеннымъ на волю, приписался въ мѣщане, началъ снимать у сосѣдей бакши, разбогатѣлъ и живетъ теперь припѣваючи. Это человѣкъ опытный, себѣ на умѣ, не злой и не добрый, а болѣе разсчетливый; это тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ то же время предпріимчивъ, какъ лисица; болтливъ, какъ старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякаго другаго заставитъ высказаться; впрочемъ, не прикидывается простячкомъ, какъ это дѣлаютъ иные хитрецы того же десятка, да ему и трудно было бы притворяться; я никогда не видывалъ болѣе проницательныхъ и умныхъ глазъ, какъ его крошечныя, лукавыя „глядѣлки“ (орловцы называютъ глаза глядѣлками, такъ какъ ротъ—ѣдаломъ). Они никогда не смотрятъ просто—все высматриваютъ да подсматриваютъ. Моргачъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ обдумываетъ какое-нибудь, повидимому, простое предпріятіе, а то вдругъ рѣшится на отчаянно-смѣлое дѣло; кажется, тутъ ему и голову сломить... смотришь—все уда-

лось, все какъ по маслу пошло. Онъ счастливъ и вѣритъ въ свое счастье, вѣритъ примѣтамъ. Онъ вообще очень суевѣренъ. Его не любятъ, потому что ему самому ни до кого дѣла нѣтъ, но уважаютъ. Все его семейство состоитъ изъ одного сынишки, въ которомъ онъ души не чаетъ, и который, воспитанный такимъ отцомъ, вѣроятно, пойдетъ далеко. „А Моргаченокъ въ отца вышелъ", уже и теперь говорятъ о немъ въ полъ-голоса старики, сидя на завалинкахъ и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера, и всѣ понимаютъ, что это значитъ, и уже не прибавляютъ ни слова.

Объ Яковѣ-Туркѣ и рядчикѣ нечего долго распространяться. Яковъ, прозванный Туркомъ, потому что дѣйствительно происходилъ отъ плѣнной турчанки, былъ по душѣ—художникъ, во всѣхъ смыслахъ этого слова, а по званью—черпальщикъ на бумажной фабрикѣ у купца; что же касается до рядчика, судьба котораго, признаюсь, мнѣ осталась неизвѣстной, то онъ показался мнѣ изворотливымъ и бойкимъ городскимъ мѣщаниномъ. Но о Дикомъ Баринѣ стоитъ поговорить нѣсколько поподробнѣе.

Первое впечатлѣніе, которое производилъ на васъ видъ этого человѣка, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложенъ онъ былъ неуклюже, „сбитнемъ", какъ говорятъ у насъ, но отъ него такъ и несло несокрушимымъ здоровьемъ, и—странное дѣло — его медвѣжатая фигура не была лишена какой-то своеобразной граціи, происходившей, можетъ быть, отъ совершенно спокойной увѣренности въ собственномъ могуществѣ. Трудно было рѣшить съ перваго разу, къ какому сословію принадлежалъ этотъ Геркулесъ: онъ не походилъ ни на двороваго, ни на мѣщанина, ни на обѣднявшаго подъячаго въ отставкѣ, ни на мелкопомѣстнаго раззорившагося дворянина,—псаря и драчуна: онъ былъ ужъ точно самъ по себѣ. Никто не зналъ, откуда онъ свалился къ намъ въ уѣздъ; поговаривали, что происходилъ онъ изъ однодворцевъ и состоялъ будто гдѣ-то на службѣ, но ничего положительнаго объ этомъ не знали; да отъ кого было и узнавать,—не отъ него же самого: не было человѣка болѣе молчаливаго и угрюмаго. Также никто не могъ положительно сказать, чѣмъ онъ живетъ; онъ никакимъ ремесломъ не занимался, ни къ кому не ѣздилъ, не знался почти ни съ кѣмъ, а деньги у него водились; правда, небольшія, а водились. Велъ онъ себя не то что скромно — въ немъ вообще не было ничего скромнаго — но тихо; онъ жилъ, словно никого вокругъ себя не замѣчалъ и рѣшительно ни въ комъ не нуждался. Дикій Барипъ (такъ его прозвали; настоящее же его имя было Перевлѣсовъ) пользовался огромнымъ вліяніемъ во всемъ округѣ; ему повиновались тотчасъ и съ охотой, хотя онъ, не только не имѣлъ никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже самъ не изъявлялъ ни малѣйшаго притязанія на послушаніе людей, съ которыми случайно сталкивался. Онъ говорилъ—ему покорялись; сила всегда свое возьметъ. Онъ почти не пилъ вина, не зналъ съ женщинами и страстно любилъ пѣніе. Въ этомъ человѣкѣ было много загадочнаго; казалось, какія-то громадныя силы угрюмо покоились въ немъ, какъ бы зная, что разъ поднявшись, что сорвавшись разъ на волю, онѣ должны разрушить и себя и все, до чего ни коснутся; и я жестоко ошибаюсь, если въ жизни этого человѣка не случилось уже подобнаго взрыва, если онъ, наученный опытомъ и едва спасшись отъ гибели, неумолимо не держитъ теперь самого себя въ ежовыхъ рукавицахъ. Особенно поражала меня въ немъ смѣсь какой-то врожденной природной свирѣпости и такого же врожденнаго благородства, смѣсь, которой я не встрѣчалъ ни въ комъ другомъ.

Итакъ, рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ,

какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараніемъ, умолкалъ, и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны; знатоку они бы много доставили удовольствія; нѣмецъ пришелъ бы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій tenore di grazia, tenor léger. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я молода молоденька
Землицы маленько:
Я посѣю молода молоденька
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой Орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особеннымъ пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ; ему недоставало поддержки, хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачемъ начали въ полголоса, подхватывать, подтягивать, покрикивать: „Лихо!.. Забирай, шельмецъ!.. Забирай, вытягивай, аспидъ! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты эдакая, песъ!.. Погуби Иродъ твою душу!“ и проч. Николай Иванычъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ,—а у Якова глаза такъ и разгорѣлись, какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ не измѣнился въ лицѣ и по прежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній, замирающій возгласъ — общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ:—„молодецъ, молодецъ!“ даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ, не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ:—„А-га! хорошо, чортъ побери—хорошо!“ и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ!—кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій,—потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ братъ, выигралъ! Поздравляю—осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко... Ужъ я тебѣ говорю: далеко... А ты мнѣ вѣрь! (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди).

— Да пусти же его, пусти, неотвязная... — съ досадой заговорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть на лавку-то; вишь, онъ усталъ... Экой ты фофанъ, братецъ, право, фофанъ! Что присталъ, словно банный листъ?

— Ну, что жъ, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — ска-

залъ Обалдуй, и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо; а Обалдуй съ торопливой жадностью выпилъ стаканъ и, по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо, — ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробѣй. Посмотримъ, кто кого, посмотримъ... А хорошо поетъ рядчикъ, ей Богу, хорошо.

— Очинна хороша — замѣтила жена Николая Иваныча, и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

— Хорошо — га! — повторилъ въ полголоса мой сосѣдъ.

— А, заворотень-полѣха! (Полѣхами называются обитатели южнаго Полѣсья, длинной лѣсной полосы, начинающейся на границѣ Болховскаго и Жиздринскаго уѣздовъ. Они отличаются многими особенностями въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ. Заворотнями же ихъ зовутъ за подозрительный и тугой нравъ) завопилъ вдругъ Обалдуй и, подойдя къ мужичку съ дырой на плечѣ, уставилъ на него пальцемъ, запрыгалъ и залился дребезжащимъ хохотомъ. — Полѣха, полѣха! Га, бадѣ паняй (Полѣхи прибавляютъ почти къ каждому слову восклицанія: „га! и бадѣ“. — „Паняй — вмѣсто погоняй), заворотень. Зачѣмъ пожаловалъ заворотень? — кричалъ онъ сквозь смѣхъ.

Бѣдный мужикъ смутился и уже собрался было встать да уйти поскорѣй, какъ вдругъ раздался мѣдный голосъ Дикаго Барина.

— Да что жъ это за несносное животное такое? — произнесъ онъ, скрипнувъ зубами.

— Я ничего, — забормоталъ Обалдуй: — я ничего... я такъ...

— Ну, хорошо, молчать же! — возразилъ Дикій Баринъ, — Яковъ, начинай!...

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того... что-то... Гмъ... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись!.. чего вертишься? Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ, за вторымъ — третій и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. „Не одна во полѣ дороженька пролегала“, пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ, какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость,

и какая-то увлекательно—безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣло упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастію; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья навстрѣчу знакомому морю, навстрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо—широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданья внезапно поразили меня... Я оглянулся, — жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго; Николай Иванычъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шепотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленье, еслибъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его...

— Яша, — проговорилъ Дикій Баринъ, положилъ ему руку на плечо, и — смолкъ.

Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову. — „Ты... твоя... ты выигралъ“ — произнесъ онъ, наконецъ, съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Его быстрое рѣшительное движеніе какъ будто нарушило очарованье; всѣ вдругъ заговорили, шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнулъ кверху, залепеталъ, замахалъ руками, какъ мельница крыльями; Моргачъ, ковыляя, подошелъ къ Якову и сталъ съ нимъ цѣловаться; Николай Иванычъ приподнялся и торжественно объявилъ, что прибавляетъ отъ себя еще осьмуху пива; Дикій Баринъ посмѣивался какимъ-то добрымъ смѣхомъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить на его лицѣ; сѣрый мужичокъ то и дѣло твердилъ въ своемъ уголку, утирая обоими рукавами глаза, щеки, носъ и бороду: „А хорошо, ей Богу, хорошо, ну, вотъ, будь я собачій сынъ, хорошо!“ а жена Николая Иваныча, вся раскраснѣвшаяся, быстро встала и удалилась. Яковъ наслаждался своей побѣдой, какъ дитя; все лицо его преобразилось; особенно его глаза такъ и засіяли счастьемъ. Его потащили къ стойкѣ; онъ подозвалъ къ ней расплакавшагося сѣраго мужичка, послалъ цѣловальникова сынишку за рядчикомъ, котораго, однако, тотъ не сыскалъ и начался пиръ.— „Ты еще намъ споешь, ты до вечера намъ пѣть будешь“, — твердилъ Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще разъ взглянулъ на Якова и вышелъ. Я не хотѣлъ остаться—

я боялся испортить свое впечатлѣніе. Но зной былъ нестерпимъ попрежнему. Онъ какъ будто висѣлъ надъ самой землей густымъ тяжелымъ слоемъ; на темносинемъ небѣ, казалось, крутились какіе-то мелкіе, свѣтлые огоньки сквозь тончайшую, почти черную даль. Все молчало; было что-то безнадежное, придавленное въ этомъ глубокомъ молчаніи обезсиленной природы. Я добрался до сѣновала, и легъ на только-что скошенную, но уже почти высохшую траву. Долго я не могъ задремать; долго звучаль у меня въ ушахъ неотразимый голосъ Якова... наконецъ, жара и усталость взяли однакожъ свое, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Когда я проснулся,—все уже потемнѣло; вокругъ разбросанная трава сильно пахла и чуть-чуть отсырѣла; сквозь тонкія жерди полураскрытой крыши слабо мигали блѣдныя звѣздочки. Я вышелъ. Заря уже давно погасла, и едва бѣлѣлъ на небосклонѣ ея послѣдній слѣдъ; но въ недавно раскаленномъ воздухѣ сквозь ночную свѣжесть чувствовалась еще теплота, и грудь все еще жаждала холоднаго дуновенья. Вѣтра не было, не было и тучъ; небо стояло кругомъ все чистое и прозрачно-темное, тихо мерцая безчисленными, но чуть видными звѣздами. По деревнѣ мелькали огоньки; изъ недалекаго, ярко освѣщеннаго кабака несся нестройный, смутный гамъ, среди котораго, мнѣ казалось, я узналъ голосъ Якова. Ярый смѣхъ, по временамъ, поднимался оттуда взрывомъ. Я подошелъ къ окошку и приложился лицомъ къ стеклу. Я увидѣлъ невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно — все, начиная съ Якова. Съ обнаженной грудью сидѣлъ онъ на лавкѣ и, напѣвая осиплымъ голосомъ какую-то плясовую, уличную пѣсню, лѣниво перебиралъ и щипалъ струны гитары. Мокрые волосы клочьями висѣли надъ его страшно-поблѣднѣвшимъ лицомъ. По серединѣ кабака, Обалдуй, совершенно „развинченный“ и безъ кафтана, выплясывалъ въ перепрыжку передъ мужикомъ въ сѣроватомъ армякѣ; мужичокъ, въ свою очередь, съ трудомъ топоталъ и шаркалъ ослабѣвшими ногами и, безсмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изрѣдка помахивалъ одной рукой, какъ бы желая сказать: „куда ни шло!“ Ничего не могло быть смѣшнѣе его лица; какъ онъ ни вздергивалъ кверху свои брови, отяжелѣвшія вѣки не хотѣли подняться, а такъ и лежали на едва замѣтныхъ, посоловѣлыхъ, но сладчайшихъ глазкахъ. Онъ находился въ томъ миломъ состояніи окончательно подгулявшаго человѣка, когда всякій прохожій, взглянувъ ему въ лицо, непремѣнно скажетъ: „хорошъ, братъ, хорошъ!“ Моргачъ, весь красный, какъ ракъ, и широко раздувъ ноздри, язвительно посмѣивался изъ угла; одинъ Николай Иванычъ, какъ и слѣдуетъ истинному цѣловальнику, сохранялъ свое неизмѣнное хладнокровіе. Въ комнату набралось много новыхъ лицъ; но Дикаго Барина я въ ней не видалъ.

Я отвернулся и быстрыми шагами сталъ спускаться съ холма, на которомъ лежитъ Колотовка.

Лѣсъ и степь.

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ, für sich, какъ говорили въ старину, но, положимъ, вы не родились охотникомъ; вы все-таки любите природу, вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату... Слушайте.

Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На темно-сѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной, слышится сдержанный неясный шопотъ ночи, деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью.

Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ, щеголевато переступаютъ ногами;

пара только-что проснувшихся гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга... Вы ѣдете — ѣдете мимо церкви, съ горы на право, черезъ плотину... Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но вотъ вы отъѣхали версты четыре... край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгорается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу; въ оврагахъ клубятся пары, жаворонки звонко поютъ, передразсвѣтный вѣтеръ подулъ, — и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая, съ бѣлой церковью; вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете... Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ!.. Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто... Погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору... Какой видъ! Рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль... не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышетъ грудь, какъ быстро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханьемъ весны!...

А лѣтнее, іюльское утро! Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ! Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ на росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ, —васъ такъ и обдастъ накопившимся, теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и „кашки“; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ, и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца... Кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга: шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь... Вы поздоровались съ нимъ, отошли — звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой... Небо темнѣетъ по краямъ; горючимъ зноемъ пышетъ неподвижный воздухъ. — „Гдѣ бы, братъ, тутъ напиться?“ спрашиваете вы у косаря. — „А вонъ въ оврагѣ колодезь“. Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые сучья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ, бархатнымъ мохомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни, вы дышете пахучей сыростью; вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ: ужъ не громъ ли? Вы выходите изъ оврага... что за свинцовая полоса на небосклонѣ? Зной ли густѣетъ? туча ли надвигается?.. Но вотъ слабо сверкнула молнія... Э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце: охотиться еще можно. Но туча ростетъ: передній край вытягивается рукавомъ, наклоняется сво-

домъ...Трава, кусты—все вдругъ потемнѣло... Скорѣе! вонъ, кажется, виднѣется сѣнной сарай... скорѣе!.. Вы добѣжали, вошли... Каковъ дождикъ? каковы молніи? Кой-гдѣ сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сѣно... Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла—вы выходите. Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами!... Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полъ-неба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный; вдали ложится мягкій паръ, теплый на видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни... Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката... Вотъ оно блѣднѣетъ, синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ; воздухъ наливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость... А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно; собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ. Что это? пожаръ?.. Нѣтъ, это восходитъ луна. А вонъ внизу, направо, уже мелькаютъ огоньки деревни... Вотъ, наконецъ, и ваша изба. Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ...

А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя, висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью: онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ... Лѣсъ глохнетъ... Неизъяснимая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно надающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кой-гдѣ ростутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ, собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ...

И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ позднею осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы? Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышетъ грудь, а на душу находитъ странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память; давнымъ давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображенье рѣетъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всею своею душою владѣетъ человѣкъ. И ничего кругомъ ему не мѣшаетъ—ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму...

А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ; когда низкое солнце ужъ не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой; изморозь еще на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья,—когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, мѣрно вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ; вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби кружатся надъ ней...

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять: птица, выпорхнувъ у васъ изъ-подъ ногъ, тотчасъ же исчезаетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется: оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите — лѣсъ превращается въ высокую грядку полыни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ—всюду туманъ... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется—клочекъ блѣдно-голубаго неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ, золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу—вотъ опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ, наконецъ, восторжествуетъ и послѣднія волны согрѣтаго тумана то скатываются и разстилаются скатертями, то взвиваются и исчезаютъ въ глубокой, нѣжно-сіяющей вышинѣ...

Но вотъ вы собрались въ отъѣзжее поле, въ степь. Верстъ десять пробирались вы по проселочнымъ дорогамъ—вотъ, наконецъ, большая. Мимо безконечныхъ обозовъ, мимо постоялыхъ дворіковъ съ шипящимъ самоваромъ подъ навѣсомъ, раскрытыми настежъ воротами и колодеземъ, отъ одного села до другого, черезъ необозримыя поля, вдоль зеленыхъ конопляниковъ, долго, долго ѣдете вы. Сороки перелетаютъ съ ракиты на ракиту; бабы, съ длинными граблями въ рукахъ, бредутъ въ поле; прохожій человѣкъ въ поношенномъ нанковомъ кафтанѣ, съ котомкой за плечами, плетется усталымъ шагомъ; грузная помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ и разбитыхъ лошадей, плыветъ вамъ навстрѣчу. Изъ окна торчитъ уголъ подушки, а на запяткахъ, на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ лакей въ шинели, забрызганный до самыхъ бровей. Вотъ уѣздный городокъ съ деревянными, кривыми домишками, безконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строеніями, старинымъ мостомъ надъ глубокимъ оврагомъ... Далѣе, далѣе!.. Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы — какой видъ! Круглые, низкіе холмы, распаханные и засѣянные до верху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозняками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ перехваченная плотинами; далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ драхвы; старенькій господскій домъ со своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду. Но далѣе, далѣе ѣдете вы. Холмы все мельче и мельче, дерева почти не видать. Вотъ она — наконецъ—безграничная, необозримая степь! А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ, острымъ воздухомъ, невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣтомъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ!.. А первые весенніе

дни, когда кругомъ все блеститъ и обрушается: сквозь тяжелый паръ талаго снѣга уже пахнетъ согрѣтой землей, на проталинкахъ, подъ косымъ лучемъ солнца, довѣрчиво поютъ жаворонки, и, съ веселымъ шумомъ и ревомъ, изъ оврага въ оврагъ клубятся потоки...

ИЗЪ РОМАНА „ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО“.

Ѳедоръ Иванычъ Лаврецкій происходилъ отъ стариннаго дворянскаго племени. Родоначальникъ Лаврецкихъ выѣхалъ въ княженіе Василія Темнаго изъ Пруссіи и былъ пожалованъ двумя стами четвертями земли въ Бѣжецкомъ верху. Многіе изъ его потомковъ числились въ разныхъ службахъ, сидѣли подъ князьями и людьми именитыми на отдаленныхъ воеводствахъ; но ни одинъ изъ нихъ не поднялся выше стольника и не пріобрѣлъ значительнаго достоянія. Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Ѳедора Иваныча, Андрей, человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смуглъ и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подъ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ее и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро ихъ распустилъ, частью продалъ свое имѣнье, дворню избаловалъ. Какъ тараканы, сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, но до-сыта, напивалось до-пьяна и тащило вонъ, что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей — дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смиренница; онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. „Поставятъ тебѣ“, разсказывала она въ старости, „войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ,—не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя — обидятся, — мука“! — Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копѣечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу, а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его, какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего mr. Courtin de Vaucelles, ловкаго и тонкаго проныру, — самую, какъ она выражалась, fine fleur эми-

граціи,—и кончила тѣмъ, что чуть не 70-ти лѣтъ вышла за мужъ за этого финь-флера; перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, разрумяненная, раздушонная амброй à la Richelieu, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Лудовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито, въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану ношелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ (мы говоримъ о бракѣ княжны, не объ ея смерти) надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткиномъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика; въ Петербургѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія императора Александра);—пришлось ему, поневолѣ, вернуться въ деревню, къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось ему его родимое гнѣздо; глушь и копоть степнаго житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; зато и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чуялась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына.—„Все здѣсь не по немъ“, говоривалъ онъ, „за столомъ приверединичаетъ, не ѣстъ, людскаго запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстраиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ: слабъ, вишь, здоровьемъ; фу, ты, нѣженка этакой! А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ“. Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера да еще „изувѣра“ Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. Петръ Андреичъ не ошибался: точно, и Дидеротъ, и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни—и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій, и много другихъ, подобныхъ имъ, сочинителей сидѣли въ его головѣ,—но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ, удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость 18-го вѣка, и онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденьемъ... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодаго малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широкораскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми, быстрыми движеніями напоминала свою бабку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось непонутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить, по крайней мѣрѣ, половину отцовскаго имѣнья: она и по скупости вышла въ бабку. Сверхъ того, Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать „бонжуръ“ да „команъ ву порте ву!“ Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было легче. Иванъ Петровичъ не зналъ, куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ

сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ. Случилось такъ, что въ числѣ горничныхъ Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая дѣвушка, съ ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу, и онъ полюбилъ ее: онъ полюбилъ ея робкую походку, стыдливые отвѣты, тихій голосокъ, тихую улыбку; съ каждымъ днемъ она ему казалась милѣй. И она привязалась къ Ивану Петровичу всей силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязываться.

Иванъ Петровичъ, противъ воли отца и матери, женился на Маланьѣ. У нихъ родился сынъ Ѳедоръ.

Старикъ Лаврецкій долго сердился на сына. Потомъ все улеглось. Маланья съ ребенкомъ живетъ у свекра и понемногу привыкаетъ къ нему. Иванъ Петровичъ отъ скуки ѣдетъ въ Парижъ, не обративъ вниманія на просьбы жены остаться дома. Воспитаніе сына онъ поручилъ Глафирѣ. Маланья не перенесла всего этого и скоро умерла. Скоро умеръ и старикъ.

Узнавъ о смерти отца, Иванъ Петровичъ рѣшился возвратиться въ Россію. Надобно было подумать объ устройствѣ имѣнія, да и Ѳедѣ, по письму Глафиры, минуло двѣнадцать лѣтъ, и наступило время заняться его воспитаніемъ.

Иванъ Петровичъ вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ со множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и, вмѣстѣ, равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну—все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей; весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но чудное дѣло! превратившись въ англомана, Иванъ Петровичъ сталъ, въ то же время, патріотомъ, по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: „оказать новые опыты самоусердія“, „сіе не согласуется съ самою натурою обстоятельства“ и т. д. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ,—отсутствіе системы въ особенности возбуждало его желчь. При свиданіи съ сестрою онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: „куда же я-то дѣнусь?“ — Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. Въ домѣ точно произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна—слѣпая, другая—разбитая параличемъ, да еще дряхлый маіоръ очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно-замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей. Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, .какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появились новыя мебели изъ Москвы; завелись плевальницы, колокольчики, умывальные столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибави-

лась подпись: „in recto virtus“... Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась: всѣ выдачи, покупки, по прежнему, отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался-было съ нею потягаться, — и лишился мѣста, не смотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла), то, не смотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ, — все осталось по старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣе, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу. Патріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Ѳедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось „коренному преобразованію“: отецъ исключительно занялся имъ.

До возвращенія Ивана Петровича изъ-за границы, Ѳедя находился, какъ уже сказано, на рукахъ Глафиры Петровны. Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась; онъ видѣлъ ее не каждый день и полюбилъ ее страстно: память о ней, о ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, о ея унылыхъ взглядахъ и робкихъ ласкахъ навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между нимъ и ею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить. Отца онъ дичился, да и самъ Иванъ Петровичъ никогда не ласкалъ его; дѣдушка изрѣдка гладилъ его по головкѣ и допускалъ къ рукѣ, но называлъ его букой и считалъ дурачкомъ. Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Ѳедя боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней; бывало, онъ только что зашевелится на своемъ стулѣ, ужъ она и шипитъ: „куда? сиди смирно“. По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, позволяли ему играть, то есть давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочиненіе нѣкоего Максимовича-Амбодика, подъ заглавіемъ: „Символы и Эмблемы“. Въ этой книгѣ помѣщалось около тысячи частью весьма загадочныхъ рисунковъ, съ столь же загадочными толкованіями на пяти языкахъ. Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ. Къ одному изъ нихъ подъ названіемъ: „Шафранъ и Радуга“ относилось толкованіе: „дѣйствіе сего есть большее“; противъ другаго, изображавшаго „Цаплю, летящую съ фіалковымъ цвѣткомъ во рту“, стояла надпись: „Тебѣ всѣ они суть извѣстны“.—„Купидонъ и медвѣдь, лижущій своего медвѣжонка“, означали: „Мало-по-малу“. Ѳедя разсматривалъ эти рисунки; всѣ были ему знакомы до малѣйшихъ подробностей; нѣкоторые, всегда одни и тѣ же, заставляли его задумываться и будили его воображеніе; другихъ развлеченій онъ не зналъ. Когда наступила нора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафира Петровна наняла за безцѣнокъ старую дѣвицу, шведку съ залчьими глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и по-нѣмецки, кое-какъ играла на фортепьяно, да, сверхъ того, отлично солила огурцы. Въ обществѣ этой наставницы, тетки да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Ѳедя цѣлыхъ четыре года. Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими „Эмблемами“—сидитъ... сидитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣча, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь украдкой скребется и грызетъ за обоями, а три старыя дѣвы, словно парки, молча и быстро шевелятъ спицами; тѣни отъ рукъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, и странныя, даже полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Ѳедю интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ,—настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры

Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, еслибъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; зато по временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Ѳедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его... Горе сердцу, не любившему съ-молоду!..

Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему.—„Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, „un homme“, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ: — „и не только человѣка, но спартанца“. Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ пером на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе, недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ,—вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій „человѣкъ“; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодною водой и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ, съ своей стороны, писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его mon fils и говорилъ ему vous. По-русски Ѳедя говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. „Система“ сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее; но зато на его здоровье новый образъ жизни благодѣтельно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчіи: сынъ натуры, произведеніе мое. Когда Ѳедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу,—и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.

Между тѣмъ время шло да шло. Иванъ Петровичъ бо́льшую часть года проводилъ въ Лаврикахъ (такъ называлось главное его родовое имѣніе), а по зимамъ пріѣзжалъ въ Москву одинъ, останавливался въ трактирѣ, прилежно посѣщалъ клубъ, ораторствовалъ и развивалъ свои планы въ гостиныхъ и болѣе чѣмъ когда-либо держался англоманомъ, брюзгой и государственнымъ человѣкомъ. Но насталъ 1825 годъ и много принесъ съ собою горя. Близкіе знакомые и пріятели Ивана Петровича подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ, опустился; здоровье ему измѣнило. Вольнодумецъ — началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; европеецъ — сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ—сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленною волей — хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супу. Глафира Петровна опять завладѣла всѣмъ въ домѣ; опять начали ходить съ задняго крыльца прикащики, бурмистры, простые мужики къ „старой колотовкѣ“,—такъ прозывали ее дворовые люди. Перемѣна въ Иванѣ Петровичѣ сильно поразила его сына: ему уже пошелъ девятнадца-

тый годъ, и онъ началъ размышлять и высвобождаться изъ-подъ гнета давившей его руки. Онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутаго перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь. Молодой Лаврецкій собирался ѣхать въ Москву, подготовиться въ университетъ, — неожиданное, новое бѣдствіе обрушилось на голову Ивана Петровича: онъ ослѣпъ, и ослѣпъ безнадежно, въ одинъ день.

Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ и приводя въ отчаяніе врачей, сына, прислугу своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денечки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ: все остальное время онъ ни себѣ, ни кому не давалъ покоя. Онъ молился, роптalъ на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что̀ ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣритъ, и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенія одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобъ они постоянно, днемъ и ночью, сидѣли возлѣ его креселъ и занимали его разсказами, которые онъ, то и дѣло, прерывалъ восклицаніями: „вы все врете,—экая чепуха“!

Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея—и она до конца исполняла всѣ прихоти больнаго, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ проскрипѣлъ онъ еще два года и умеръ въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. „Глаша, Глашка! бульонцу, бульонцу, старая дур...“ пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ на вѣки. Глафира Петровна, которая только что выхватила чашку бульону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестѣвшій въ лучахъ золотаго весенняго солнца. Ему было двадцать три года. Какъ страшно, какъ незамѣтно скоро пронеслись эти двадцать три года!.. Жизнь открывалась предъ нимъ.

Схоронивъ отца и поручивъ той же неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за прикащиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатки своего воспитанія и вознамѣрился, по возможности, воротить упущенное. Въ послѣдніе пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ; но, въ то же время, онъ не зналъ многаго, что̀ каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чудакомъ. Недобрую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцомъ своимъ; когда же, наконецъ, онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились. Онъ не умѣлъ сходиться съ людьми; двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклон-

ности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи... И вотъ заколдованный кругъ расторгся, а онъ продолжалъ стоять все на одномъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ. Смѣшно было въ его года надѣть студентскій мундиръ; но онъ не боялся насмѣшекъ: его спартанское воспитаніе хоть на то пригодилось, что развило въ немъ пренебреженіе къ чужимъ толкамъ, — и онъ надѣлъ, не смущаясь, студентскій мундиръ. Онъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе. Здоровый, краснощекій, уже съ заросшей бородой, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они и не подозрѣвали того, что въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таился чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался какимъ-то мудренымъ педантомъ; они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки въ латинскомъ языкѣ.

Увлеченіе дочерью генерала Коробьина, которую Лаврецкій увидѣлъ въ театрѣ. Университетъ брошенъ,—и Лаврецкій женится на Коробьиной, Варварѣ Павловнѣ, въ которой, какъ потомъ оказалось, сильно ошибся. Сближеніе съ Лизой, которая чувствуетъ такую симпатію къ Лаврецкому, что отказываетъ въ рукѣ выгодному жениху (Паншину). Изъ фельетона одной парижской газеты, Лаврецкій узнаетъ что его жена умерла (послѣ размолвки съ мужемъ, она уѣхала за границу), и онъ счастливъ надеждой имѣть въ Лизѣ желанную жену. Газетное извѣстіе оказывается ложнымъ: Варвара Павловна съ дочкой и француженкой-камеристкой внезапно пріѣзжаетъ къ мужу. Понятно, что теперь планы Лаврецкаго и Лизы рушились, надежды не исполнились.

При свиданіи, Лиза говоритъ Лаврецкому: Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Ѳедоръ Иванычъ, должны примириться съ вашей женой... Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить... все, что было. Вы подумаете и не откажете мнѣ.

Лиза требуетъ, чтобы Лаврецкій помирился съ женою ради ихъ дочери.

— ...Ахъ, Лиза, Лиза!—воскликнулъ Лаврецкій,—какъ бы мы могли быть счастливы!

— Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Иванычъ, что счастіе зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога.

Читатель знаетъ, какъ выросъ и воспитался Лаврецкій; скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы Калитиной, дочери бывшаго губернскаго прокурора, знакомой Лаврецкаго.

Ей минулъ 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ; но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернеровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, няньчиться съ писклятами, — да и некогда ему было няньчиться съ ними: онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя сравнивалъ съ лошадью, запряженной въ молотильную машину. „Скоренько жизнь моя проскочила“, промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ, съ горькой усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна въ сущности немного больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась передъ Лаврецкимъ, что одна воспитала дѣтей своихъ: она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой—и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При

жизни отца, Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Моро́ изъ Парижа; а послѣ ея смерти поступила въ вѣдѣніе Маріи Тимоѳеевны (сестра отца Лизы). Дѣвица Моро́ была крошечное, сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умишкомъ. Въ молодости она вела жизнь очень разсѣянную, а подъ старость у ней остались только двѣ страсти—къ лакомству да къ картамъ. Когда она была сыта, не играла въ карты и не болтала,—лицо у ней тотчасъ принимало выраженіе почти мертвенное: сидитъ, бывало, смотритъ, дышетъ—и такъ и видно, что никакой мысли не пробѣгаетъ въ головѣ. Ее даже нельзя было назвать доброю: не бываютъ же добры птицы. Вслѣдствіе ли легкомысленно-проведенной молодости, отъ парижскаго ли воздуха, которымъ она надышалась съ дѣтства,—въ ней гнѣздилось что-то въ родѣ всеобщаго дешевенькаго скептицизма, выражавшагося обыкновенно словами: „tout ça c'est des bêtises". Она говорила неправильнымъ, но чисто-парижскимъ жаргономъ, не сплетничала и не капризничала,—чего же больше можно желать отъ гувернантки? На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны... Лизѣ только что пошелъ пятый годъ.

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко ее полюбила. Она сама была серьезный ребенокъ: глаза ея свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что́ рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно чисто. Отца она боялась: чувство ея къ матери было неопредѣленно,—она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ, она и къ Агафьѣ не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ, прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслицѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что́ разсказываетъ ей Агафья; а Агафья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали.—„Желтофіоли?" спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала — и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку,—вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго потрясала дѣвочку, проникла въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала

чѣмъ недовольна, она только молчала, и Лиза понимала это молчаніе... Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой; дѣвица Моро́ ее смѣнила; но легкомысленная француженка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: tout ça c'est des bêtises—не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Притомъ Агафья, хотя и перестала ходить за Лизой, осталась въ домѣ и часто видалась съ своей воспитанницей, которая ей вѣрила попрежнему.

Не ужившись съ Марѳой Тимоѳеевной, Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темные слухи, будто она удалилась въ раскольничій скитъ. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она попрежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденьемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна (мать) втайнѣ немало дивилась, да и сама Марѳа Тимоѳеевна, хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, то есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничто не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно, но одинъ Леммъ (учитель музыки) зналъ, чего ей это стоило. Читала она немного; у ней не было „своихъ словъ“, но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Такъ росла она—покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцатилѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеньи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая, грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ кроткимъ и добрымъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Такова была Лиза.

.....У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и предъ окнами, съ маленькимъ письменнымъ столомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась, наконецъ, посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Марѳа Тимоѳеевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку,—промолвила Марѳа Тимоѳеевна, низко наклонясь къ горшку съ молодымъ розаномъ. — Какъ славно пахнетъ!

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— Какое вы это произнесли слово! — прошептала она.

— Какое слово, какое? — съ живостью подхватила старушка. Что ты хочешь сказать? Это ужасно! — заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и

присѣвши на Лизиной кроваткѣ: это сверхъ силъ моихъ: четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю, — не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь, не могу, не могу.

— Да что съ вами, тетушка? — промолвила Лиза: — я ничего...

— Ничего? — воскликнула Марѳа Тимоѳеевна: — это ты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ? Ничего! Да ты посмотри на себя, что ты сдѣлала съ своимъ лицомъ, куда глаза свои дѣвала? — Ничего! развѣ я не знаю?

— Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.

— Пройдетъ, да когда? Господи Боже, мой Владыко! неужели ты такъ его (Лаврецкаго) полюбила? да вѣдь чтожъ такое? всѣ они хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась: этого добра всегда будетъ много.

— Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло.

— Слушай, Лизочка, что я тебѣ скажу,—промолвила вдругъ Марѳа Тимоѳеевна, усаживая Лизу подлѣ себя на кровати и поправляя то ея волосы, то косынку.—Это тебѣ только такъ сгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Эхъ, душа моя, на одну смерть лѣкарства нѣтъ! Ты только вотъ скажи себѣ: „не поддамся — молъ-я, — ну, его!“ и сама потомъ, какъ диву дашься,—какъ оно скоро, хорошо проходитъ. Ты только потерпи.

— Тетушка — возразила Лиза: — оно ужъ прошло, все прошло!

— Прошло! какое прошло! Вонъ у тебя носикъ даже завострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо прошло!

— Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь, — произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Марѳѣ Тимоѳеевнѣ. — Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ, не сердитесь, поймите меня...

— Да что такое, что такое, мать моя? Не пугай меня, пожалуйста; я сейчасъ закричу, не гляди такъ на меня: говори скорѣе, что такое!

— Я... я хочу... Лиза спрятала свое лицо на груди Марѳы Тимоѳеевны... — Я хочу идти въ монастырь, — проговорила она глухо.

Старуха такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя, Лизочка, опомнись: что ты это, Богъ съ тобою, — пролепетала она наконецъ: лягъ, голубушка, усни немножко; это все у тебя отъ безсонницы, душа моя.

Лиза подняла голову, щеки ея пылали.

— Нѣтъ, тетушка, — промолвила она: — не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога; все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ недаромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю: и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ,—я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жаль, жаль мамаши, Леночки; но дѣлать нечего; чувствую я, что мнѣ не жить здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду...

Марѳа Тимоѳеевна съ ужасомъ слушала свою племянницу.

„Она больна, бредитъ“, думала она: — надо послать за докторомъ... Но когда она убѣдилась, что Лиза не больна и не бредитъ; когда на всѣ ея возраженья Лиза постоянно отвѣчала однимъ и тѣмъ же, Марѳа Тимоѳеевна испугалась и опечалилась не на шутку. — Да вѣдь ты не знаешь,

голубушка ты моя, начала она ее уговаривать: — какова жизнь-то въ монастыряхъ! Вѣдь тебя, мою родную, маслищемъ конопляным зеленымъ кормить станутъ, бѣльище на тебя надѣнутъ толстое-претолстое, по холоду ходить заставятъ; вѣдь ты всего этого не перенесешь, Лизочка. Это все въ тебѣ Агашины слѣды; это она тебя съ толку сбила. Да вѣдь она начала съ того, что пожила, и въ свое удовольствіе пожила; поживи и ты. Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть спокойно, а тамъ дѣлай, что хочешь. И кто-жъ это видывалъ, чтобъ изъ-за этакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины въ монастырь идти? Ну, коли тебѣ такъ тошно, съѣзди, помолись угоднику, молебенъ отслужи, да не надѣвай ты чернаго платка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя...

И Марѳа Тимоѳеевна горько заплакала.

Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной. Съ отчаянья Марѳа Тимоѳеевна попыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матери... но и это не помогло. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старушки, Лиза согласилась отложить исполненіе своего намѣренія на полгода; зато Марѳа Тимоѳеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Марьи Дмитріевны, если черезъ шесть мѣсяцевъ она не измѣнитъ своего рѣшенья...

. . . Прошла зима,—и весною Лиза постриглась въ Б...мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи.

. . . *Въ теченіе восьми лѣтъ* послѣ этого совершился, наконецъ, переломъ въ жизни Лаврецкаго, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца; онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьѣ, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ, и—къ чему таить правду?—постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно, и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Слыша веселье молодежи, какую онъ встрѣтилъ въ калитинскомъ домѣ (Дарьи Дмитріевны, матери Лизы), онъ думалъ: „Играйте, веселитесь, ростите молодыя силы, „и не было горечи въ его думахъ:“ жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата-старика будетъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безо всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: „Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!“

Библіотека Варшавскаго
Учительской семинаріи
№

С. М. СОЛОВЬЕВЪ.

Къ стр. 237.

С. М. Соловьевъ.

(1829—1879).

ИЗЪ „ИСТОРІИ РОССІИ“.

Религія восточныхъ славянъ.

Религія восточныхъ славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіей арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ славянъ,—знакъ, что между ними не образовывались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей-героевъ, и что переселенія ихъ совершались въ родовой, а не дружинной формѣ. Основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ современниковъ, мы находимъ у нашихъ славянъ, при поклоненіи многимъ различнымъ явленіямъ природы подъ разными именами божествъ, поклоненіе одному верховному божеству, къ которому остальныя находились въ подчиненномъ отношеніи: это верховное божество, по свидѣтельству одного изъ древнѣйшихъ писателей о славянахъ, Прокопія, было божествомъ молніи, которое нашъ лѣтописецъ называетъ Перуномъ. Явленіе грозы, молніи есть самое поразительное изъ явленій природы: не мудрено, что первобытный человѣкъ далъ ему первое мѣсто между всѣми другими явленіями; онъ не могъ не замѣтить благотворнаго вліянія грозы на жизнь природы; не могъ не замѣтить, что свѣтъ молніи независимо во всякое время обнаруживаетъ свое могущество, тогда какъ напр. дѣйствія солнца ограничены, подвержены извѣстному закону, могутъ обнаруживаться только въ извѣстное время, уступая владычество другому, противуположному, и, слѣдовательно, враждебному началу—мраку; солнце затмѣвалось, погибало въ глазахъ первобытнаго человѣка: молнія никогда въ глазахъ его не теряла своего могущества, не побѣждалась другимъ началомъ; свѣтъ молніи сопровождается обыкновенно живительнымъ для природы дождемъ: отсюда необходимое представленіе, что Перунъ ниспосылаетъ дождь жаждущей природѣ, которая безъ того погибла бы отъ жгучихъ лучей солнца; такимъ образомъ молнія являлась для язычника силою производящей, съ характеромъ божества высшаго, дѣйствующаго, правящаго попреимуществу, умѣряющаго, исправляющаго вредъ, наносимый другими божествами, тогда какъ солнце напр. и для поклоняющагося ему язычника являлось чѣмъ-то страдательнымъ, не имѣю-

щимъ распорядительной силы въ природѣ, подчиненнымъ. Наконецъ, значеніе верховнаго божества-правителя молнія получала, въ глазахъ язычника, по причинѣ своей страшной карательной силы, дѣйствующей быстро и непосредственно.

Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ славянъ носилъ еще другое названіе Сварога. Верховное божество Сварогъ-Перунъ порождало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь. Поклоненіе солнцу, какъ видно, было сильно распространено между славянами: въ „Словѣ о полку Игоревѣ", русскіе называются внуками Дажь-бога: если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ) Ладо; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, міръ, любовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу; другой припѣвъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда. Кромѣ названій Ладо и Дажьбога, къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса, Сура или Тура, Волоса. Вмѣстѣ съ солнцемъ обоготворялись мѣсяцъ и звѣзды, находившіеся къ солнцу, какъ видно, въ родственныхъ отношеніяхъ; обоготворялись также вода и воздухъ.

Если славяне поклонялись явленіямъ природы, то легко догадаться, при какихъ случаяхъ, въ какое время года будутъ они торжествовать свои религіозные праздники. Такъ, напр., они праздновали въ концѣ декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе Коляды; существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить (божество) и сбирать подаяніе! Какъ видно, во времена языческія приношенія собирались для общей жертвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ Авсеня или Таусеня, что можно принимать измѣненнымъ Ясень, также, по всѣмъ вѣроятностямъ, имя солнца. Второй праздникъ торжествовался въ началѣ весны, но такъ какъ это время приходится въ великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе перенесено на конецъ Рождественскаго мясоѣда, и отчасти на Свѣтлое Воскресенье. И такъ, масляница есть языческій весенній праздникъ. Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ славянскихъ народовъ почти съ одинаковыми обрядами: употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами;въ Малороссіи и у западныхъ славянъ зима или смерть олицетворяется въ образѣ женщины, подъ именемъ Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигаютъ. Весну встрѣчаютъ обыкновенно на красной горкѣ. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религіозное значеніе которыхъ и отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній считалось самымъ приличнымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ: это поздравленіе извѣстно подъ именемъ вьюнишника.

Третій праздникъ имѣетъ мѣсто 23-го іюня и извѣстенъ подъ именемъ Ивана Купалы, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ, какъ и два упомянутые выше, есть общій не только всѣмъ славянскимъ, но и многимъ чужеплеменнымъ народамъ. Хотя по обрядамъ праздника можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ—обоимъ Сварожичамъ, солнцу и огню и водѣ, однако можно относить его и къ одному солнцу. Естественно могло произойти вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно даетъ ее, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны, солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣли-

тельность купанья во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественнаго обычая обмыться ночью, чтобы встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтило. Наконецъ, зажиганіе костровъ, было необходимо для всякаго ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ почему ночь на Ивановъ день сопровождается: 1) собираніемъ травъ, 2) купаньемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ чечезъ нихъ.

Естественно также, и потому обще не однимъ только славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе бѣлаго пѣтуха, птицы, привѣтствующей разсвѣтъ, угодной солнцу. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій: рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою; утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ видѣть, какъ сходятся дубы и составляютъ свою бесѣду, можетъ слышать, какъ разговариваютъ они про богатырскіе свои подвиги. Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ конягъ—серебряномъ, золотомъ и бриллiантовомъ, навстрѣчу своему супругу—мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненныя искры. И въ лѣтній праздникъ повторяется обрядъ истребленія чучелы Мары—холода, смерти: ее топятъ въ водѣ. Солнце, дающее жизнь и ростъ всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественныя желанія; отсюда празднество Купалы было соединено съ празднествомъ Ярилы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена, праздникъ Ярилы совершался 24-го іюня; но, вѣроятно, сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ бо́льшей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день Всѣхъ Святыхъ, или на Троицынъ день, или на розговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярилы, по всѣмъ вѣроятностямъ, совпадалъ съ праздникомъ Купалы, то во время его-то преимущественно и должны были происходить тѣ явленія, противъ которыхъ такъ вооружаются лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыканіе дѣвицъ.

Разсмотрѣвъ поклоненія стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда происхожденіе духовъ, покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича — рода и рожаницъ. Что подъ именемъ рода разумѣлась душа умершаго родоначальника, доказываетъ, во-первыхъ, связь рода съ упыремъ, а во-вторыхъ, извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которымъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія обыкновенно принимаютъ души умершихъ и божества, тѣсно съ ними связанныя. Въ значеніи рода, божества-покровителя, является щуръ, дѣдъ, прадѣдъ, что́ ясно изъ употребительнаго пра̀щуръ: щуръ предполагаетъ форму чуръ, подъ которымъ именемъ, собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается, и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: „Чуръ меня! Чуръ меня!“ говоритъ онъ тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что, съ упадкомъ родоваго быта и съ усиленіемъ христіанства на счетъ язычества, Чуръ или Родъ перешелъ въ Домоваго.

Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни. Это мнѣніе естественно проистекало изъ поклоненія природнымъ божествамъ, солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый. Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, есть вмѣстѣ и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья. Съ древней масляницы, т. е. съ начала весны, живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ Красной Горки соединяется съ Радуницею, праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда, во время поминовенія, изъ темницъ (гробовъ) и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими.

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнью природы, находится праздникъ русалокъ или русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный); русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія; но когда всѣ славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками. Русалки появляются съ страстнаго четверга (когда встарину, по „Стоглаву“, по-рану солому палили и кликали мертвыхъ), какъ только покроются луга весеннею водою, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда, однако, носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: „Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила“. Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство, и изъ него назадъ; поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ, и показываются при колодцахъ. Съ Троицына дня до Петрова поста русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по-смерти. Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что̀ указываетъ переряживаніе, маски,—обрядъ, который не у однихъ славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественнѣй переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту или другую форму. Есть извѣстіе, что у чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ, съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

У русскихъ славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ. Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище—провожанье русалокъ въ могилы. — Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяные дѣдушки, лѣшіе, кикиморы и проч. Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ навья, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки).

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій восточныхъ славянъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и то же божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ, при сближеніи племенъ, различныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворять и обожать явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы: естественно олицетворялись Весна и Зима, жизнь и смерть природы, — одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая—безобразной старухи, и т. п. Стихійныя божества первоначально не имѣютъ пола, и потому послѣ легко мѣняютъ его; солнце могло быть легко и мужскаго, и женскаго пола, мужемъ и женою мѣсяца; такъ было не у однихъ славянъ. Но главными исказителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей простотѣ, чѣмъ у западныхъ славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное чуждое вліяніе повели и къ образованію жреческаго класса, и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Лѣтописи молчатъ о существованіи храмовъ и жрецовъ у нашихъ восточныхъ славянъ; нельзя предположить, что если бы храмы существовали, то лѣтописцы умолчали бы о ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви, при разсказѣ о введеніи христіанства и ниспроверженіи идоловъ. Лѣтописи молчатъ также и о жрецахъ: князь ставитъ идоловъ, князь приноситъ жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ—о жрецахъ ни слова; князь перемѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ то же,—и жрецы не только не противятся, но объ нихъ нѣтъ даже и помину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны нисколько поражать насъ: все это необходимо при томъ бытѣ, въ которомъ жили славяне; въ каждомъ родѣ старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ: онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ.

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвенниками, алтарями для младенчествующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, зато щедра на естественныя капища (шатры, навѣсы) — многовѣтвистыя деревья; подъ ними-то преимущественно совершались религіозные обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметомъ благоговѣйнаго уваженія, какъ мѣстопребываніе боговъ, куда они стекались для принятія жертвъ. Обычай приносить жертвы подъ деревьями могъ произойти и отъ того, что первоначально жертва назначалась для душъ умершихъ, а души умершихъ, по всеобщему вѣрованію, обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ. Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также у воды. Славяне смотрѣли на жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ; и по введеніи

христіанства жертвы продолжались по-старому, въ домашнемъ кругу, предлагались душамъ усопшихъ родичей и роженицамъ, и опять въ смыслѣ трапезы, покорма. Есть извѣстіе, что у русскихъ славянъ были также въ обычаѣ человѣческія жертвы, которыя у народовъ были, бо́льшею частью, умилостивительныя: при какихъ-нибудь общественныхъ бѣдствіяхъ думали, что божество гнѣвается за чьи-нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умилостивительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ плѣнниковъ, по господствовавшему мнѣнію, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгнѣвавшій божество.

Если у восточныхъ славянъ не было жреческаго класса, зато были волхвы, гадатели, кудесники, вѣдуны, вѣдьмы. О волхвахъ славянскихъ мы знаемъ очень мало; но нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ, по принятіи христіанства, волхвы преимущественно являются на финскомъ сѣверѣ, и оттуда мутятъ славянское народонаселеніе. Финское племя искони отличалось наклонностью къ волшебству, искони славилось имъ; у финновъ преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и сообщеніи съ ними.

Куликовская битва.

Вожское *) пораженіе привело въ ярость Мамая, и онъ не хотѣлъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отомститъ Димитрію. Есть любопытное извѣстіе, будто совѣтники Мамая говорили ему: „Орда твоя оскудѣла, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства: пошли нанять генуэзцовъ, черкесъ, ясовъ и другіе народы“. Мамай послушался этого совѣта, и когда собралось къ нему множество войска со всѣхъ сторонъ, то лѣтомъ 1380 года онъ перевезся за Волгу и сталъ кочевать при устьѣ рѣки Воронежа. Ягайло Литовскій, который имѣлъ много причинъ недоброжелательствовать Московскому князю, вступилъ въ союзъ съ Мамаемъ и обѣщалъ соединиться съ нимъ 1-го сентября. Узнавши объ этомъ, Димитрій Московскій сталъ немедленно собирать войска; послалъ за полками и къ князьямъ подручнымъ — Ростовскимъ, Ярославскимъ, Бѣлозерскимъ; есть извѣстіе, что князь Тверской прислалъ войско съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ. Не соединился съ Москвою одинъ потомокъ Святослава Черниговскаго, Олегъ Рязанскій: болѣе другихъ князей русскихъ онъ былъ настращенъ татарами; еще недавно княжество его подверглось страшному опустошенію отъ не очень значительнаго отряда татаръ, а теперь Мамай стоитъ на границахъ съ громаднымъ войскомъ, котораго пограничная Рязань будетъ первою добычею въ случаѣ сопротивленія. Не надѣясь, чтобъ и Димитрій Московскій дерзнулъ выйти противъ татаръ, Олегъ послалъ сказать ему о движеніяхъ Мамая, а самъ спѣшилъ войти въ переговоры съ послѣднимъ и съ Ягайломъ Литовскимъ. Говорятъ, будто Олегъ и Ягайло разсуждали такъ: какъ скоро князь Димитрій услышитъ о нашествіи Мамая и о нашемъ союзѣ съ нимъ, то убѣжитъ изъ Москвы въ дальнія мѣста, или въ Великій Новгородъ, или на Двину, а мы сядемъ въ Москвѣ и во Владимірѣ; и когда ханъ придетъ, то мы его встрѣтимъ

*) Отъ рѣки Вожи, впадающей въ Оку съ правой стороны, въ Рязанскомъ уѣздѣ. Здѣсь, въ 1373 г. надъ татарами, предводительствуемыми княземъ Бегичемъ, одержана побѣда, въ которой, со стороны русскихъ, отличились: Данінлъ, князь Пронскій, Тимоѳей, московскій окольничій, и самъ Великій князь Димитрій.

съ большими дарами и упросимъ, чтобъ возвратился домой, а сами, съ его согласія, раздѣлимъ Московское княжество на двѣ части — одну къ Вильнѣ, а другую—къ Рязани, и возьмемъ на нихъ ярлыки и для потомства нашего".

Но Димитрій не думалъ бѣжать ни въ Новгородъ Великій, ни на Двину, а назначилъ всѣмъ полкамъ собираться въ Коломну къ 15-му августа, отправивши напередъ сторожей въ степь, которые должны были извѣщать его о движеніяхъ Мамая. Передъ выступленіемъ изъ Москвы великій князь отправился въ Троицкій монастырь, недавно основанный св. пустынникомъ Сергіемъ. Сергій благословилъ Димитрія на войну, обѣщая побѣду, хотя соединенную съ сильнымъ кровопролитіемъ. и отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ монаховъ: Пересвѣта и Ослябю, изъ которыхъ первый былъ прежде бояриномъ въ Брянскѣ, и оба отличались въ міру своимъ мужествомъ. — Оставя въ Москвѣ, при женѣ и дѣтяхъ, воеводу Ѳеодора Андреевича, Димитрій выѣхалъ въ Коломну, куда собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси—150,000 человѣкъ. Кромѣ князей, воеводами были: у Коломенскаго полка Николай Васильевичъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго тысяцкаго, у Владимірскаго—Тимоѳей Валуевичъ, у Костромскаго—Иванъ Родіоновичъ, у Переяславскаго—Андрей Серкизовичъ; пришли и два князя инонлеменныхъ, два Олгердовича: Андрей и Димитрій. Вѣсть о сильномъ вооруженіи московскаго князя, должно быть, достигла Мамая, и онъ попытался было сначала кончить дѣло миромъ; послы его явились въ Коломну съ требованіемъ дани, какую великіе князья платили при Узбекѣ и Чанибекѣ; но Димитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только такую дань, какая была опредѣлена между нимъ и Мамаемъ въ послѣднее свиданіе ихъ въ Ордѣ.

20-го августа великій князь выступилъ изъ Коломны и, пройдя границы своего княжества, сталъ на Окѣ, при устьѣ Лопастны, освѣдомляясь о движеніяхъ непріятельскихъ; здѣсь соединился съ нимъ двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, пріѣхалъ и большой воевода московскій, Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ, съ остальными полками. Тогда, видя всѣ полки свои въ сборѣ, Димитрій велѣлъ переправляться черезъ Оку; въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1-го сентября) переправилось войско; въ понедѣльникъ переѣхалъ самъ великій князь съ дворомъ своимъ, и шестаго сентября достигли Дона. Тутъ пришла грамота отъ преподобнаго игумена Сергія, благословеніе отъ святаго старца идти на татаръ: „чтобъ еси, господине, таки пощелъ, а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица", писалъ Сергій. Устроили полки, начали думать: одни говорили: „ступай, князь, за Донъ", а другіе: „не ходи, потому что враговъ много, не одни татары, но и Литва и Рязанцы". Димитрій принялъ первое мнѣніе, и велѣлъ мостить мосты и искать броду; въ ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Донъ; утромъ, на другой день, 8-го сентября, на солнечномъ восходѣ, былъ густой туманъ, и когда въ третьемъ часу просвѣтлѣло, то русскіе полки строились уже за Дономъ, при устьѣ Непрядвы. Часу въ двѣнадцатомъ начали показываться татары: они спускались съ холма на широкое поле Куликово; русскіе также сошли съ холма, и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорятъ, что кровь лилась, какъ вода, на пространствѣ десяти верстъ, лошади не могли ступать по трупамъ, ратники гибли подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая русская рать уже лежала, какъ скошенное сѣно, и татары начали одолѣвать. Но въ засадѣ, въ лѣсу, стояли еще свѣжіе русскіе полки подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и воеводы московскаго, Димитрія Михайловича Волынскаго Боброка. Владиміръ, видя пораженіе русскихъ,

началъ говорить Волынскому: „Долго-ль намъ здѣсь стоять, какая отъ насъ польза? смотри, уже всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвы!“ Но Волынскій отвѣчалъ, что еще нельзя выходить изъ засады, потому что вѣтеръ дуетъ прямо въ лице русскимъ. Но черезъ нѣсколько времени вѣтеръ перемѣнился: „Теперь пора!“ сказалъ Волынскій — и засадное ополченіе бросилось на татаръ. Это появленіе свѣжихъ силъ на сторонѣ русскихъ рѣшило участь битвы: Мамай, стоявшій на холмѣ съ пятью знатнѣйшими князьями и смотрѣвшій оттуда на сраженіе, увидалъ, что побѣда склонилась на сторону русскихъ и обратился въ бѣгство: русскіе гнали татаръ до рѣки Мечи и овладѣли всѣмъ ихъ станомъ.

Возвратившись съ погони, князь Владиміръ Андреевичъ сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы: всѣ оставшіеся въ живыхъ ратники собрались на эти звуки, но не было великаго князя Димитрія; Владиміръ сталъ разспрашивать: не видалъ ли кто его? Одни говорили, что видѣли его жестоко раненаго, и потому должно искать его между трупами; другіе, что видѣли, какъ онъ отбивался отъ четырехъ татаръ и бѣжалъ, но не знаютъ, что послѣ съ нимъ случилось; одинъ объявилъ, что видѣлъ, какъ великій князь, раненый, пѣшкомъ возвращался съ боя. Владиміръ Андреевичъ сталъ со слезами упрашивать, чтобъ всѣ искали великаго князя, обѣщалъ богатыя награды тому, кто найдетъ. Войско разсѣялось по полю: нашли трупъ любимца Димитріева, Михаила Андреевича Бренка, котораго предъ началомъ битвы Великій князь поставилъ подъ свое черное знамя, велѣвъ надѣть свои латы и шлемъ; остановились надъ трупомъ одного изъ князей бѣлозерскихъ, похожаго на Димитрія; наконецъ, двое ратниковъ, уклонившись въ сторону, нашли великаго князя, едва дышущаго, подъ вѣтвями недавно срубленнаго дерева. Получивши вѣсть, что Димитрій найденъ, Владиміръ Андреевичъ поскакалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ; Димитрій съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ распозналъ, кто съ нимъ говоритъ и о чемъ; панцырь его былъ весь избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны.

Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побоища подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіятскими ополченіями: таково было побоище Каталонское, гдѣ полководецъ римскій спасъ Западную Европу отъ гунновъ; таково было побоище Турское, гдѣ вождь франкскій спасъ Западную Европу отъ аравитянъ. Западная Европа была спасена отъ азіятцевъ, но восточная ея половина надолго еще осталась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половинѣ IX вѣка образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII вѣкѣ этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣверо-востокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтораста лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть — и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ торжества Европы надъ Азіею; она имѣетъ въ исторіи Восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы Западной, и носитъ одинакій съ ними характеръ, характеръ страшнаго кроваваго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіею, долженствовавшаго рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ: — которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою?

Таково всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы; собственно

въ Русской Исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣверо-востокѣ. Полтораста лѣтъ назадъ татарскія полчища встрѣтились впервые съ русскими князьями въ степи, на берегахъ Калки: здѣсь была въ сборѣ Южная Русь, которая носила преимущественно названіе Руси; здѣсь было много храбрыхъ князей и богатырей, здѣсь былъ самый храбрый изъ князей, Мстиславъ Мстиславовичъ Торопецкій; но этотъ самый Мстиславъ завелъ распрю (котору) съ братьею и погубилъ войска. На сѣверѣ исполнилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья-князья стали подручниками старшаго, великаго князя, и когда этотъ князь вывелъ ихъ противъ татаръ на берега Дона, то не было между ними никакихъ которъ, и побѣда осталась за Русью. Но Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ. Когда, говоритъ преданіе, великій князь велѣлъ счесть, сколько осталось въ живыхъ послѣ битвы, то бояринъ Михаилъ Александровичъ донесъ ему, что осталось всего сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ битву вступило больше четырехъ сотъ тысячъ. Если историкъ и не имѣетъ обязанности принимать буквально послѣдняго показанія, то для него важно выставленное здѣсь отношеніе живыхъ къ убитымъ. Четверо князей (двое Бѣлозерскихъ и двое Тарускихъ), тринадцать бояръ и троицкій монахъ Пересвѣтъ были въ числѣ убитыхъ. Вотъ почему въ украшенныхъ сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ мы видимъ, что событіе это, представляясь, съ одной стороны, какъ великое торжество, съ другой представляется, какъ событіе плачевное, жалость. Была на Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ; но была и печаль большая по убитымъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся земля Русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ Русской. Это оскудѣніе дало татарамъ еще кратковременное торжество надъ куликовскими побѣдителями.

Мамай, возвратившись въ Орду, собралъ опять большое войско съ тѣмъ, чтобъ идти на московскаго князя, но былъ остановленъ другимъ врагомъ: на него напалъ ханъ Заяицкій Тохтамышъ, потомокъ Орды, старшій сынъ Джучіева. На берегахъ Калки встрѣтился Мамай съ Тохтамышемъ, былъ разбитъ, и бѣжалъ въ Каѳу къ генуэзцамъ, которые убили его.

Митрополитъ Филиппъ.

Духовенство русское могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія; но когда московскіе единовластители вступили въ послѣднюю борьбу съ остатками старины, съ притязаніями князей и дружины, то духовенство приняло на себя священную обязанность—среди этой борьбы сдерживать насиліе, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою побѣду; усердно помогая московскому государю сломить притязанія князей и членовъ дружины, духовенство, въ то же время, брало этихъ князей и членовъ дружины подъ свой покровъ, блюло надъ ихъ жизнью, какъ членовъ церкви: такъ утвердился обычай, что митрополитъ и вообще духовенство печаловались за опальныхъ и брали ихъ на поруку. Митрополитъ Макарій, получившій митрополію вслѣдствіе торжества Шуйскихъ, являлся, по просьбѣ молодаго Іоанна, ходатаемъ предъ Шуйскими за Воронцова, причемъ подвергался оскорбленіямъ; онъ пережилъ Шуйскихъ, пережилъ волненія, послѣдовавшія за ихъ паденіемъ, умѣлъ не сталкиваться съ Сильвестромъ и, если вѣрить Курбскому, защищалъ послѣдняго при его паденіи, видѣлъ возобновленіе казней, и умеръ въ 1563 году; онъ хотѣлъ нѣсколько разъ оставить митрополію, но былъ удерживаемъ царемъ и владыками. Преем-

никомъ Макарія былъ монахъ Чудова монастыря, Аѳанасій, бывшій прежде духовникомъ государевымъ. Выговаривая себѣ неограниченное право казнить своихъ лиходѣевъ, учреждая опричнину, Іоаннъ жаловался на духовенство, что оно покрывало виновныхъ, и требовалъ у него отреченія отъ обычая печаловаться. Аѳанасій былъ свидѣтелемъ учрежденія опричнины, получилъ позволеніе отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынскаго, и въ 1566 году оставилъ митрополію по болѣзни. Въ преемники Аѳанасію былъ назначенъ Германъ, архіепископъ казанскій; но бесѣды его, по словамъ Курбскаго, не понравились любимцамъ Іоанновымъ; Германа отстранили, и вызвали соловецкаго игумена Филиппа, сына боярина Колычова; Филиппъ объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины; Іоаннъ разсердился; наконецъ Филиппъ уступилъ убѣжденіямъ, что его обязанность нейти прямо противъ царской воли, но утолять гнѣвъ государя при каждомъ удобномъ случаѣ. Филиппъ далъ запись: „въ опричнину ему и въ царскій домовый обиходъ не вступаться, а послѣ поставленья, за опричнину и за царскій домовый обиходъ митрополіи не оставлять". Но, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться. Начались казни вслѣдствіе дѣла Козлова; опричнина буйствовала; вельможи, народъ умоляли митрополита вступиться въ дѣло; онъ зналъ, что народъ привыкъ видѣть въ митрополитѣ печальника—и не хотѣлъ молчать. Тщетно Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, боясь печалованій: встрѣчи были необходимы въ церквахъ, и здѣсь-то происходили страшныя сцены заклинаній: „Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой!" говорилъ Іоаннъ, сдерживая духъ гнѣва, который владѣлъ имъ: „молчи и благослови насъ!"—Филиппъ: „Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ".—Іоаннъ: „Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?" — Филиппъ: „Я пастырь стада Христова!" — Іоаннъ: „Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобъ не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію!" — Филиппъ: „Я не просилъ, не искалъ черезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана: зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?" — Царь выходилъ изъ церкви въ большомъ раздумьѣ; это раздумье было страшно опричникамъ; они рѣшили погубить Филиппа и нашли сообщниковъ между духовными, во владыкахъ новгородскомъ, суздальскомъ, рязанскомъ, благовѣщенскомъ протопопѣ, духовникѣ царскомъ: послѣдній явно и тайно носилъ рѣчи неподобныя Іоанну на Филиппа; отправились въ Соловецкій монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисія, доносы котораго легли въ основаніе обвиненій на судѣ соборномъ; защитниковъ Филиппу не было; все молчало. 8-го ноября 1568 года опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора, народъ бѣжалъ за нимъ со слезами. Мѣстомъ изгнанія для Филиппа назначенъ былъ Тверской Отрочь монастырь. Въ 1569 году, проѣзжая Тверь на походѣ на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малюту Скуратова, взять благословеніе; но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе; опричникъ задушилъ его. Такъ палъ непобѣжденнымъ великій пастырь Русской церкви, мученикъ за священный обычай печалованія. На мѣсто Филиппа возведенъ былъ троицкій архимандритъ Кириллъ.

По покоренiи Казани.

...Узнавши, что Казань въ рукахъ его войска, царь велѣлъ служить молебенъ подъ своимъ знаменемъ, собственными руками вмѣстѣ съ духовникомъ водрузилъ крестъ, и велѣлъ поставить церковь во имя Нерукотвореннаго образа на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя во время взятiя города. Послѣ молебна князь Владиміръ Андреевичъ, всѣ бояре и воеводы поздравляли государя; князь Владиміръ говорилъ: „Радуйся, царь православный, Божiею благодатiю побѣдившiй супостатовъ! будь здоровъ на многiя лѣта на Богомъ дарованномъ тебѣ царствѣ Казанскомъ! Ты по Богѣ нашъ заступникъ отъ безбожныхъ агарянъ; тобою теперь бѣдные христiане освобождаются навѣки, и нечестивое мѣсто освящается благодатiю. И впередъ у Бога милости просимъ, чтобъ умножилъ лѣтъ живота твоего и покорилъ всѣхъ супостатовъ подъ ноги твои, и далъ бы тебѣ сыновей, наслѣдниковъ царству твоему, чтобъ намъ пожить въ тишинѣ и покоѣ“. Царь отвѣчалъ: „Богъ это совершилъ твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченiемъ, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою; буди воля Господня!“ Пріѣхалъ и Шихъ-Алей съ поздравленiемъ. Татарскому царю, поздравляющему съ разрушенiемъ татарскаго царства, Іоаннъ счелъ приличнымъ отвѣчать оправданiемъ этого разрушенiя: „Царь господинъ!“ сказалъ онъ, „тебѣ, брату нашему, вѣдомо: много я къ нимъ посылалъ, чтобъ захотѣли покою; тебѣ упорство ихъ вѣдомо, какимъ злымъ ухищренiемъ много лѣтъ лгали; теперь милосердный Богъ праведный судъ Свой показалъ—отмстилъ имъ за кровь христiанскую“. Іоаннъ велѣлъ очистить отъ мертвыхъ тѣлъ одну улицу отъ Муралеевыхъ воротъ къ цареву двору, и въѣхалъ въ городъ: впереди ѣхали воеводы и дворяне, сзади князь Владиміръ Андреевичъ и Шихъ-Алей. Царь былъ встрѣченъ русскими плѣнниками, освобожденными отъ неволи; увидавши государя, они пали на землю со слезами и кричали: „Избавитель нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ; для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!“ Царь велѣлъ отвести ихъ въ свой станъ и кормить, потомъ распорядиться отсылкою по домамъ. Въѣхавши въ городъ, Іоаннъ велѣлъ воеводамъ гасить пожаръ; всѣ сокровища, взятыя въ Казани, и плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей, онъ отдалъ войску, а себѣ взялъ только царя Едигера, знамена царскiя и пушки городскiя. Побывъ нѣсколько времени на царевомъ дворѣ, возвратился назадъ во станъ, гдѣ прежде всего пошелъ въ церковь св. Сергiя принести благодарную молитву чудотворцу; потомъ отправился къ столу, утѣшивъ все войско благодарными словами и обѣщанiемъ жаловать всѣхъ.

Казань была взята; но надобно было распорядиться насчетъ дикаго, воинственнаго народонаселенiя, жившаго въ ея области: Іоаннъ разослалъ по всѣмъ улусамъ черным ясачным людямъ жалованныя грамоты, писалъ, чтобы шли къ нему безъ страха: онъ ихъ пожалуетъ, а они бы платили ему ясакъ, какъ и прежнимъ казанскимъ царямъ; арскiе люди и луговая черемиса прислали съ челобитьемъ. 4-го октября вся Казань была очищена отъ труповъ; царь поѣхалъ въ нее въ другой разъ, выбралъ среди города мѣсто, водрузилъ на немъ своими руками крестъ и заложилъ церковь во имя Благовѣщенiя Богородицы; отслужили молебенъ, освятили воду и съ крестами ходили по городскимъ стѣнамъ. На третiй день, 6-го октября заложенная церковь Благовѣщенiя уже была готова и освящена. Въ тотъ же день царь назначилъ намѣстникомъ въ Казань: большаго боярина, князя Александра Борисовича Горбатаго и боярина, князя Василiя Семеновича Серебрянаго, оставилъ съ ними дворянъ своихъ большихъ, много

дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ. 11-го октября Іоаннъ выступилъ въ обратный путь: самъ государь поѣхалъ Волгою въ судахъ, а конная рать пошла берегомъ на Васильсурскъ съ кн. Воротынскимъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ царь встрѣтилъ посланныхъ съ поздравленіемъ отъ царицы, отъ кн. Юрія Васильевича и отъ митрополита; тутъ онъ вышелъ изъ судовъ и поѣхалъ сухимъ путемъ на Балахну во Владиміръ. Здѣсь ждала его новая радость: прискакалъ бояринъ Траханіотъ съ вѣстью о рожденіи перваго сына, Димитрія. Изъ Владиміра, черезъ Суздаль и Юрьевъ, царь поѣхалъ въ Троицкій монастырь, гдѣ прежній митрополитъ Іоасафъ, игуменъ и братія встрѣтили его съ крестами; въ селѣ Тайнинскомъ онъ встрѣченъ былъ братомъ Юріемъ, подъ Москвою—кликами безчисленнаго множества народа: „Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанскому!“ У Срѣтенскаго монастыря встрѣченъ былъ митрополитомъ съ крестами; благословившись у митрополита, Іоаннъ говорилъ ему рѣчь, которая оканчивалась такъ: „А тебѣ, отцу своему и богомольцу, и всему освященному собору, вмѣстѣ съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами Богъ содѣлалъ такія великія чудеса, много бьемъ челомъ“. Тутъ царь, князь Владиміръ и все войско поклонились въ землю, послѣ чего Іоаннъ продолжалъ: „И теперь вамъ челомъ бью, чтобъ пожаловали, потщились молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи и о строеніи земскомъ, чтобъ вашими святыми молитвами милосердый Богъ намъ милость Свою послалъ, и порученную намъ паству, православныхъ христіанъ, сохранилъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; поставилъ бы насъ на путь спасенія, отъ враговъ невидимыхъ соблюлъ, новопросвѣщенный градъ Казанскій, по волѣ Его святой намъ данный, сохранилъ во имя святое Свое, и утвердилъ бы въ немъ благовѣріе, истинный законъ христіанскій, и невѣрныхъ бы обратилъ къ Нему, чтобы и они вмѣстѣ съ нами славили великое имя святыя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь“. Митрополитъ отвѣчалъ также рѣчью, въ которой прославлялъ милость Божію и подвиги царя, сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ, Владиміромъ Святымъ, Димитріемъ Донскимъ, Александромъ Невскимъ. По окончаніи рѣчи, митрополитъ и все духовенство пали также на землю предъ царемъ, благодаря его за труды. Здѣсь, у Срѣтенскаго монастыря, Іоаннъ переодѣлся: снялъ воинскіе доспѣхи и надѣлъ одежду царскую: на голову надѣлъ шапку Мономахову, на плеча — бармы, на грудь—крестъ, и пошелъ пѣшкомъ за крестами въ Успенскій соборъ, а оттуда во дворецъ. 8, 9, 10-го ноября были столы у царя для знатнаго духовенства и вельможъ, и три дня раздавались дары митрополиту, владыкамъ и награды воеводамъ и воинамъ, начиная съ кн. Владиміра Андреевича до послѣдняго сына боярскаго: кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами, конями 48.000 рублей (Царств. книга; Синодальн. лѣт. № 486; Сказ. кн. Курбскаго).

Награды соотвѣтствовали подвигу, соотвѣтствовали понятію, которое современники имѣли о немъ... Завоеваніе Казанскаго царства было первымъ завоеваніемъ, и, что̀ всего важнѣе, завоеваніемъ татарскаго царства: послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился наконецъ царь на Руси, который возвратилъ ей счастливое время первыхъ князей-завоевателей: понятно отсюда, почему Іоаннъ IV сталъ такъ высоко надъ своими предшественниками, почему для русскихъ людей XVI в. это былъ самый величественный образъ въ русской исторіи, заслоняющій собою всѣ другіе образы, именно такой, какимъ для русскихъ людей двухъ послѣднихъ вѣковъ былъ образъ Петра Великаго; но имѣемъ право сказать, что относи-

тельно всей массы русскаго народонаселенія, впечатлѣніе, произведенное подвигами Іоанна IV, было сильнѣе впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ подвигами Петра, ибо дѣятельность преобразовательная, касавшаяся преимущественно высшихъ слоевъ общества, подвиги Сѣверной войны, Полтавская побѣда, не могли возбуждать въ цѣлой массѣ народонаселенія такого сильнаго сочувствія, какое въ русскихъ людяхъ XVI вѣка возбуждено было завоеваніемъ татарскаго царства. Притомъ, завоеваніе это не было вовсе слѣдствіемъ личнаго славолюбія молодаго государя и не было слѣдствіемъ стремленій великихъ, но не для всѣхъ понятныхъ, каково, напр., было стремленіе къ завоеванію прибалтійскихъ областей: завоеваніе Казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка; подвигъ этотъ совершался для защиты христіанства отъ бусурманства, для охраненія русскихъ областей, опустошаемыхъ варварами, для освобожденія плѣнниковъ христіанскихъ. Наконецъ, впечатлѣніе усиливалось еще разсказами о необыкновенныхъ, небывалыхъ трудностяхъ подвига, ибо всѣ прежніе походы подъ города, походъ Новгородскій, даже Смоленскій, не могли идти въ сравненіе съ этимъ послѣднимъ походомъ Казанскимъ.

Іоаннъ Грозный.

Въ то время какъ одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими, очень нелестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противуположныя мнѣнія проистекли изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческій не любитъ живаго многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатковъ въ предметѣ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лицо добромъ—и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя, и наоборотъ: въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признать никакого достоинства. Такъ случилось съ Іоанномъ IV: явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо, при ихъ совершеніи, царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ мудрыхъ совѣтниковъ—Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе, въ глазахъ Іоанна, есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестью его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренности, самовольство, самоуправство; говоритъ, что вмѣсто него они владѣли цар-

ствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностью. Вотъ эти знаменитыя мѣста: „Вы ль растлѣнные или я, что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властію быть, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли, и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничего не владѣлъ". Въ другомъ мѣстѣ, Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостью въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею уверткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: „Ты говоришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ дальнихъ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь; но все это случилось съ тобою уже тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было неугодно, то зачѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ своею властью сдѣлавши, на насъ вину вскладываете?" Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринятъ не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: „Когда мы съ крестоносною хоругвью всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ казанскій, и, получивъ неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ, побѣду, возвращались домой, то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю". Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ: „когда мы двинулись"; потомъ Іоаннъ ясно говоритъ, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: „Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинскаго съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордыя царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было больше пятнадцати тысячъ, по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты: когда запасы перетопули, то вы простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благопріятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль, и о побѣдѣ мало заботились: побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться. Для этого скораго возвращенія, войну вы оставили, и отъ этого послѣ много было пролитія христіанской крови. На приступѣ, еслибъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во время". Какъ согласить эти слова: „я посылалъ, еслибъ я васъ не удержалъ" съ словами: „вы государились, а я ничѣмъ не владѣлъ"? Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не

былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ: они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т. е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны, но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣтовъ шурей своихъ“. Слѣдовательно, Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда, въ 1555 году, царь выступилъ противъ крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться; но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т. е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ—другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра къ митрополиту и царю. Это—посланіе Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: „Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Руси, и всему освященному собору Благовѣщенскій попъ Сильвестришко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ, государю, Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые, своего мудрованія поставилъ: государь святый митрополитъ! Священникъ Семенъ про Матюшку мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина; Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали-жъ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюшка спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно: и мы то государю сказали-жъ. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшкѣ, чтобъ онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ; но тогда царь и государь скоро въ Коломну поѣхалъ и то дѣло позалеглось. А про Артемья, бывшаго троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до троицкаго игуменства я его не зналъ вовсе; а какъ избирали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его, Порфирій, приходилъ къ благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія къ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и богоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать“. Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что

Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ, и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ. Когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы—дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя! Всего страннѣе предполагать, чтобъ человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ, мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля шведскаго и особенно относительно Баторія: непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній, и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому, противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые, по степени образованія своего, болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV-го, мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III-го, потомокъ Всеволода III-го; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его въ началѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно-робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ, но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ: сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена, такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его Іоаннъ III, самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ. Таковы были всѣ эти московскіе или вообще сѣверные князья-хозяева, собиратели земли. Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно-робкимъ въ концѣ: то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною слабостью, неумѣньемъ устоять противъ искушеній, неумѣньемъ совладѣть съ порочными наклонностями

своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь, но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ; но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства къ защитѣ: въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: „я знаю, что я золъ", говоритъ онъ; но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему. Мы не можемъ не уступить ему большихъ дарованій и большой, возможной въ то время начитанности; но эти дарованія, эта начитанность не оправданіе, а обвиненіе ему. Его жестокости хотятъ оправдать суровостью нравовъ времени: дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; борьба между старымъ и новымъ шла уже давно и давно уже она приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать умягченію нравовъ, не могъ пріучить къ осторожному обхожденію съ жизнью и честью человѣка; дѣйствительно, жестокость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени: требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло. Такъ, напримѣръ, въ очень распространенномъ въ древности сказаніи Ивана Пересвѣтова: „о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣлъ сожещи книги греческія", строгій судъ и жестокія казни султана прославляются, какъ достойныя подражанія: „Магметъ султанъ учалъ говорити: аще не такою грозою великій народъ угрозити, ино и правду въ землю не ввести". Но возможность найти оправданіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица; да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI вѣка: оно было основано на другомъ началѣ, чѣмъ то общество, которымъ управлялъ Магметъ султанъ; оно было способно выставить человѣка, который указалъ Іоанну требованія этого основнаго начала; русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво; но онъ не созналъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, право быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ; надобно было отучать отъ этого; но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда, или, что̀ еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами, и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слово оправданія такому человѣку: онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій: своекорыстіемъ, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами,—выросъ Грозный.

Подобно дѣду своему Іоанну III-му, Іоаннъ IV былъ очень высокаго роста, хорошо сложенъ, съ высокими плечами, широкою грудью; по иностраннымъ свидѣтельствамъ, онъ былъ полонъ, а по русскимъ—сухощавъ (Одерборнъ: „toto habitu succoso et pingui"; Кубасовъ: „сухо тѣло имѣя". Подробн. лѣт. изд. Львов. III. 85); глаза у него были маленькіе и живые, носъ вогнутый, усы длинные. Привычки, пріобрѣтенныя имъ во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выраженіе, хотя смѣхъ безпрестанно выходилъ изъ устъ его. Онъ имѣлъ обширную память, обнаруживалъ большую дѣятельность; самъ разсматривалъ всѣ просьбы; всякому можно было обращаться прямо къ нему съ жалобами на областныхъ правителей. Подобно отцу, любилъ монастырскую жизнь; но, по живости природы своей, не довольствовался однимъ посѣщеніемъ монастырей, созерцаніемъ тамошняго быта: въ Александровской слободѣ завелъ монастырскіе обычаи, самъ былъ игуменомъ, опричники — братіею. По русскимъ и иностраннымъ свидѣтельствамъ, въ первую половину жизни Іоаннъ мало занимался охотою, посвящая все время дѣламъ правленія „Haxluyt-Collection". I. 357; „Никон. лѣтоп." VII. 259). Когда Баторій, по окончаніи войны, прислалъ просить у царя красныхъ кречетовъ, то Іоаннъ велѣлъ ему отвѣчать, что послалъ за ними на Двину и Поморье нарочно; были у него кречеты добрые, да поизвелись, давно уже онъ мало охотится, потому что пришли на него кручины большія. Баторій, въ благодарность за кречетовъ, спрашивалъ, какія вещи особенно любитъ царь, чтобъ прислать ихъ ему: Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ охотникъ до аргамаковъ, до жеребцовъ добрыхъ, до шапокъ хорошихъ, желѣзныхъ съ наводомъ пищалей ручныхъ, чтобъ были добры, цѣльны и легки („Дѣла Польск." № 14, стр. 637).

Мазепа.

Ни одинъ гетманъ малороссійскій не пользовался такою довѣренностью московскаго правительства, какъ умный, образованный, любезный старикъ Иванъ Степановичъ Мазепа. Царь Петръ вполнѣ полагался на его приверженность къ себѣ, не вѣрилъ доносамъ на него, и дѣйствительно, по свидѣтельству самыхъ близкихъ къ гетману людей, онъ былъ вѣренъ царю. Въ 1705 году Мазепа стоялъ обозомъ подъ Замостьемъ; сюда тайкомъ пробирается къ нему изъ Варшавы Францишекъ Вольскій съ секретными „прелестными" предложеніями отъ польскаго короля Станислава Лещинскаго. Мазепа спокойно выслушиваетъ Вольскаго, но, выслушавъ, немедленно сдаетъ его подъ караулъ царскому чиновнику Анненкову, велитъ подвергнуть пыткѣ, потомъ въ оковахъ отправляетъ въ Кіевъ къ тамошнему воеводѣ, князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, а письма пересылаетъ къ царю. Но вотъ вѣрность гетмана подвергается искушенію: въ Дубнѣ, гдѣ онъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ, получаетъ онъ длинное письмо отъ наказнаго гетмана, прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, стоявшаго съ своимъ и Кіевскимъ полками подъ Гродно на службѣ царской; гетманъ кличетъ писаря Орлика, и велитъ читать ему письмо; Орликъ читаетъ горькія жалобы: подробно описывалъ Горленко обиды, поношенія, уничиженія, досады, коней разграбленіе и смертные побои казакамъ отъ великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ людей: „меня, наказнаго гетмана" — пишетъ Горленко, „съ коня спихнули, изъ-подъ меня и изъ-подъ прочихъ начальныхъ людей кони на подводы забраны!" Тотъ же курьеръ, который привезъ письмо отъ Горленка, подалъ другое отъ полковника Ивана Черныша, также находившагося въ Гроднѣ; Орликъ распечаталъ и нашелъ копію съ царскаго указа, которымъ будто бы приказыва-

лось Кіевскому и Прилуцкому полкамъ идти въ Пруссію для наученія и устроенія ихъ въ драгунскіе регулярные полки. Выслушавъ письма, Мазепа сказалъ: „Какого же намъ добра впередъ надѣяться за наши вѣрныя службы, и кто-жъ былъ бы такой дуракъ, какъ я, чтобы до сихъ поръ не преклонился къ противной сторонѣ на такія предложенія, какія прислалъ ко мнѣ Станиславъ Лещинскій?“ Скоро послѣ этого пріѣзжаетъ самъ Горленко въ Дубно къ Мазепѣ и объявляетъ, что притворился больнымъ изъ страха, чтобы его не послали съ полками въ Пруссію и не устроили въ драгуны: „Я бы вѣдь этимъ возбудилъ противъ себя ненависть цѣлаго войска“,—говорилъ Горленко,—„всѣ бы стали говорить, что отъ меня пошло начало регулярнаго строя у насъ; вотъ я и притворился больнымъ и отпросился у генерала Рена въ отпускъ будто домой, подаривъ ему за это коней добрыхъ да 300 ефимковъ.

Въ то время какъ гетманъ смущенъ былъ разсказами и жалобами Горленка, краковскій воевода, князь Вишневецкій, прислалъ звать его къ себѣ въ Бѣлую Криницу, просилъ быть крестнымъ отцомъ у его дочери; крестною матерью была мать князя, княгиня Дольская. Нѣсколько дней пировалъ Мазепа на крестинахъ и, возвратившись въ Дубно, велѣлъ Орлику написать благодарственное письмо княгинѣ Дольской и послать къ ней ключъ цыфирный для будущей переписки. Отвѣтъ не замедлилъ; черезъ нѣсколько дней приносятъ отъ княгини маленькое письмецо, написанное цыфрами: „я уже послала, куда слѣдуетъ, съ извѣстіемъ о истинной пріязни вашей милости“,—писала княгиня. Въ 1706 году, будучи въ Минскѣ, Мазепа получилъ отъ Дольской другое маленькое письмо цыфирью съ извѣстіемъ, что какой-то король посылаетъ къ нему письмо. Когда Орликъ разобралъ письмо, то Мазепа засмѣялся и сказалъ: „Глупая баба! хочетъ черезъ меня царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя отъ короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава и помогъ ему утвердиться на польскомъ престолѣ, а онъ обѣщаетъ помочь государю въ войнѣ шведской; я объ этомъ ея дурачествѣ уже говорилъ государю, и его величество посмѣялся“. Но долго притворяться было нельзя передъ Орликомъ; въ Кіевъ пришло третье письмо отъ Дольской: княгиня писала прямо, чтобы Мазепа начиналъ преднамѣренное дѣло и былъ бы надеженъ на скорую помощь отъ цѣлаго шведскаго войска; былъ бы также увѣренъ, что всѣ желанія его исполнятся, на что присланы будутъ къ нему ручательства королей шведскаго и польскаго. Когда Орликъ разобралъ письмо, Мазепа вскочилъ съ постели въ страшномъ гнѣвѣ и началъ кричать: „Проклятая баба обезумѣла! прежде меня просила, чтобы царское величество принялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь другое пишетъ; бѣснуется баба, хочетъ меня, искусную и ношенную птицу, обмануть; погубила бы меня баба, еслибъ я далъ ей прельстить себя; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертваго и, отплывая отъ одного берега, другаго не достигнуть. Станиславъ и самъ не надѣется царствовать въ Польшѣ, республика польская раздвоена; какой же можетъ быть фундаментъ безумныхъ прельщеній этой бабы? Состарѣлся я, служа вѣрно царскому величеству, и нынѣшнему, и отцу его, и брату: не прельстили меня ни король польскій Янъ, ни ханъ крымскій, ни донскіе казаки; а теперь, при концѣ вѣка моего, баба хочетъ меня обмануть“. Мазепа сжегъ письмо Дольской и велѣлъ Орлику написать отвѣтъ: „Прошу вашу княжескую милость оставить эту корреспонденцію, которая меня можетъ погубить въ житіи, гонорѣ и субстанціи; не надѣйся, не помышляй о томъ, чтобъ я, при старости моей, вѣрность мою царскому величеству повредилъ“. Дольская, дѣйствительно, пріостановила переписку на цѣлый годъ.

Но въ 1706 году случилось много событій, которыя возобновили переписку между кумомъ и кумою. Пріѣхалъ царь Петръ въ Кіевъ. Гетманъ задалъ въ честь его большой пиръ; вино развязало языкъ царскому любимцу Меньшикову, который послѣ стола взялъ гетмана за руку, посадилъ подлѣ себя на лавку и, наклонясь къ нему, сказалъ на ухо, но такъ громко, что стоявшая подлѣ старшина, могла все слышать: „Гетманъ Иванъ Степановичъ! пора теперь приниматься за этихъ враговъ". Старшина и полковники, видя, что любимецъ царскій хочетъ вести тайный разговоръ съ гетманомъ, хотѣли было отойти прочь, но Мазепа далъ имъ знакъ рукой, чтобъ остались, и отвѣчалъ Меньшикову также на ухо, но громко, чтобы всѣ могли слышать: „Не пора!" Меньшиковъ сказалъ на это: „Не можетъ быть лучшей поры, когда здѣсь самъ царское величество съ главной своей арміей".—„Опасно будетъ", отвѣчалъ Мазепа, „не кончивъ одной войны съ непріятелемъ, начинать другую, внутреннюю".—„Ихъ ли, враговъ, опасаться и щадить", продолжалъ шумный Меньшиковъ: „какая въ нихъ польза царскому величеству? Ты прямо вѣренъ государю, но надобно тебѣ знаменіе этой вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и будущіе государи знали и имя твое ублажали, что одинъ такой былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую пользу государству Россійскому учинилъ". Въ это время государь поднялся съ своего мѣста и пресѣкъ разговоръ. Проводивши царя, Мазепа отвелъ старшину и полковниковъ во внутреннюю комнату и спросилъ: „Слышали все? вотъ всегда мнѣ эту пѣсню поютъ, и на Москвѣ, и на всякомъ мѣстѣ; не допусти имъ только, Боже, исполнить то, что думаютъ". Между полковниками начался сильный ропотъ.

До сихъ поръ самъ гетманъ лично еще не былъ задѣтъ; но вотъ опять является та же искусительница, княгиня Дольская: приходитъ письмо изъ Львова цыфирью; княгиня описываетъ, какъ она была у кого-то воспріемницей вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, за столомъ сидѣла между нимъ и генераломъ Реномъ, и въ разговорѣ съ послѣднимъ, случайно упомянула имя Мазепы съ похвалой. Ренъ на ея слова отозвался такъ же хорошо о гетманѣ и прибавилъ: „Сжалься, Боже, надъ этимъ добрымъ и разумнымъ господиномъ! Онъ, бѣдный, не знаетъ, что князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, отставя его, самъ быть гетманомъ въ Украйнѣ". Шереметевъ будто бы подтвердилъ слова Рена; Дольская спросила: „Для чего же никто изъ добрыхъ пріятелей не предупредитъ гетмана?" — „Нельзя", отвѣчалъ Шереметевъ: „мы и сами много терпимъ, да дѣлать нечего, молчимъ". Когда Орликъ кончилъ разборъ этой цыфири, Мазепа сказалъ: „Знаю я и самъ очень хорошо, что они о васъ и обо мнѣ думаютъ: хотятъ меня уконтентовать княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область отобрать и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ поставить; а когда бы воспротивитесь, за Волгу перегнать и своими людьми Украйну населить. Сами вы слышали, какъ Меньшиковъ мнѣ на ухо говорилъ: пора теперь за этихъ враговъ приняться. Слышали вы и то, какъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично просилъ себѣ черниговскаго княжества, а черезъ это стелетъ онъ путь къ гетманству. Соединивъ такимъ образомъ свое дѣло съ общимъ, перекинувши свой страхъ на всю старшину, Мазепа распространился о собственныхъ обидахъ: „Вотъ", говорилъ онъ: царь послалъ Меньшикова съ кавалеріей на Волынь, а мнѣ приказалъ идти за нимъ слѣдомъ, и что его свѣтлость повелитъ — исполнять. Не обидно бы еще мнѣ было, еслибъ меня отдали подъ команду Шереметеву или другому какому-нибудь великоименитому и отъ предковъ

заслуженному человѣку, а то Меншикову! Тотъ же Александръ Даниловичъ уговорился выдать за племянника моего Войнаровскаго сестру свою; я нѣсколько лѣтъ дожидался, не сватался невѣсты племяннику, а когда наконецъ напомнилъ Меншикову объ уговорѣ, то онъ отвѣчалъ: теперь уже нельзя, потому что царское величество самъ хочетъ жениться на моей сестрѣ". Во сколько все это было справедливо? во сколько самъ царь входилъ въ планы своего честолюбиваго любимца и во сколько былъ способенъ подчиняться его желаніямъ? Этихъ вопросовъ не задалъ ни Мазепа, ни Орликъ; никто изъ нихъ не предложилъ вопроса: „Что же, развѣ Меншиковъ получилъ Черниговское княжество? развѣ царь женился на его сестрѣ?" „Свободи меня, Господи, отъ ихъ господства"; покончилъ Мазепа свои жалобы и велѣлъ Орлику написать Дольской отвѣтъ съ благодарностью за пріязнь и предостереженіе.

А между тѣмъ для Малороссіи наступила тяжелая пора: страшный врагъ былъ близко; началось сильное движеніе, шли партіи рекрутъ, мчались начальные люди, тянулись длинные обозы, въ Кіевѣ спѣшили укрѣпленіями. Полковники безпрестанно приходили къ гетману съ жалобами: пристава у крѣпостнаго строенія казаковъ палками по головамъ бьютъ, уши шпагами обсѣкаютъ; казаки, оставивши домы свои, сѣнокосы и жнитво, терпятъ на службѣ царской зной и всякаго рода лишенія, а тамъ великороссійскіе люди домы ихъ грабятъ, разбираютъ и палятъ, женъ и дочерей насилуютъ, коней и скотину и всякіе пожитки забираютъ, старшину бьютъ смертными побоями. Сильнѣе всѣхъ раздавались голоса полковниковъ миргородскаго Апостола и прилуцкаго Горленка: „Очи всѣхъ на тя уповаютъ", говорилъ миргородскій Мазепѣ: „не дай, Боже, надъ тобой смерти! тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ". Прилуцкій говорилъ еще сильнѣе: „Какъ мы за душу Хмельницкаго Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украйну отъ ига лядскаго освободилъ: такъ, напротивъ, и мы, и дѣти наши въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ такой неволѣ оставишь".

Въ 1707 году царь созвалъ въ Жолквѣ военный совѣтъ. Гетманъ войска запорожскаго былъ на совѣтѣ и возвратился мрачнѣе тучи: къ царю на обѣдъ не поѣхалъ, дома цѣлый день не ѣлъ; что̀ такое тамъ было на совѣтѣ, никто не зналъ: Мазепа никому ничего не разсказывалъ, сказалъ только: „Еслибъ я Богу такъ вѣрно и радѣтельно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе, а здѣсь хотя бы въ ангела премѣнился, не могъ бы за службу и вѣрность мою никакой получить благодарности". На другой или на третій день приносятъ къ Мазепѣ бумагу: то былъ приказъ отъ Меншикова къ полковнику компанейскому, Танскому, чтобы тотъ шелъ къ нему съ полкомъ. Мазепа въ бѣшенствѣ вскочилъ съ мѣста и закричалъ: „Можетъ ли быть бо̀льшее поруганіе, посмѣяніе и уничиженіе моей особѣ! всякій день князь Меншиковъ со мною видится, всякій часъ со мною разговариваетъ и, не сказавши мнѣ объ этомъ ни одного слова, безъ моего вѣдома и согласія посылаетъ приказанія людямъ, мнѣ подчиненнымъ! И кто же тамъ Танскому, безъ моего указа, выдастъ мѣсячныя деньги и провіантъ? и какъ онъ можетъ безъ моей воли идти куда-нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу жалованье? А еслибы пошелъ, то я бы его велѣлъ, какъ пса, разстрѣлять. Боже мой! Ты видишь мою обиду и уничиженіе!" Въ это время, какъ нарочно, является іезуитъ Зеленскій съ предложеніями перейти на сторону непобѣдимаго короля шведскаго; Мазепа начинаетъ съ нимъ тайныя совѣщанія; *искусная, ношенная птица*, гетманъ недоволенъ Москвой, но боится Петра, боится въ то же время и

Карла, не надѣется, чтобы Петръ сладилъ съ нимъ, и хочетъ пробраться между двухъ огней, не обжегшись.

А между тѣмъ ропотъ полковниковъ усиливался все больше и больше. Возвратившись въ Кіевъ, Мазепа получилъ царскій указъ объ устройствѣ казаковъ въ пятаки, на подобіе слободскихъ полковъ; между полковниками только и было разговору, что выборъ пятаковъ—ступень къ преобразованію казаковъ въ драгуны и солдаты; начался сильный ропотъ, недовольные собирались у обознаго Ломиковскаго, особенно же у полковника миргородскаго, и совѣтовались какъ бы предупредить бѣду, защитить свои вольности. Мазепа не принималъ никакого участія въ этихъ совѣщаніяхъ. 16-го сентября 1707 года, поздно вечеромъ, къ нему принесли письмо отъ Дольской и вмѣстѣ письмо отъ польскаго короля Станислава Лещинскаго. Прочтя это письмо, Мазепа отъ страха выронилъ его изъ рукъ и закричалъ: „Проклятая баба! погубитъ меня!“ Долго сидѣлъ онъ послѣ того, молча, въ глубокомъ раздумьѣ; наконецъ началъ говорить Орлику: „Съ умомъ борюся, посылать ли это письмо къ царю, или нѣтъ? завтра объ этомъ посовѣтуемся, а теперь ступай въ свою квартиру и молись Богу, да, яко же хощетъ, устроитъ вещь; можетъ, твоя молитва пріятнѣе Богу, чѣмъ моя, потому что ты по-христіански живешь. Богъ знаетъ, что я не для себя дѣлаю, а для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ“. Мазепа и Орликъ жили въ Печерскомъ монастырѣ. Орликъ, возвратившись на свою квартиру, взялъ два рубля денегъ и вышелъ, чтобы раздать старцамъ и старицамъ, нищимъ и калѣкамъ, которые лежали въ кущахъ на улицѣ и жили въ богадѣльняхъ печерскихъ: писарь надѣялся этимъ добрымъ дѣломъ умилостивить Бога, чтобъ Онъ спасъ его отъ страшной бѣды и отвратилъ сердце Мазепы отъ лукаваго предпріятія. Старцы и старицы сначала поднимали брань, когда онъ толкался въ ихъ кущи; они вовсе не надѣялись получить милостыни въ такое позднее время, а скорѣе боялись воровства; но потомъ успокоивались, слыша ласковыя, не воровскія слова, отворяли двери и принимали милостыню. На другой день рано поутру Орликъ пришелъ къ Мазепѣ и засталъ его сидящимъ въ концѣ стола, и передъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ. Увидавши Орлика, гетманъ сталъ говорить: „Такъ какъ вчера дѣло мое, черезъ присылку письма отъ Лещинскаго, открылось передъ тобою, то передъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, не для бо́льшаго обогащенія и не для иныхъ какихъ-нибудь прихотей, но для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украйны, всего войска запорожскаго и народа малороссійскаго, для повышенія и расширенія правъ и вольностей войсковыхъ, хочу, при помощи Божіей, такъ сдѣлать, чтобы вы ни отъ московской, ни отъ шведской стороны не погибли. А еслибъ я для какихъ-нибудь приватныхъ моихъ прихотей дерзнулъ это сдѣлать, то побей меня, Боже, и невинная страсть Христова, на душѣ и на тѣлѣ“. Сказавши это, Мазепа поцѣловалъ крестъ и потомъ опять обратился къ Орлику: „Крѣпко я надѣюсь, что ни совѣсть твоя, ни добродѣтель, ни природная кровь шляхетская не допуститъ тебя измѣнить мнѣ, пану своему и благодѣтелю, однако, для лучшей конфиденціи, присягни“. Орликъ присягнулъ, но не могъ удержаться, чтобы не сказать: „Если викторія будетъ при шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ будемъ счастливы; если же при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ“.—„Яйца курицу не учатъ“, отвѣчалъ Мазепа: „или я дуракъ, что прежде времени отступлю безъ крайней нужды? тогда передамся шведамъ, когда увижу, что царское войско не будетъ въ состояніи оборонять не только Украйны, но и своего государства отъ шведской потенціи.

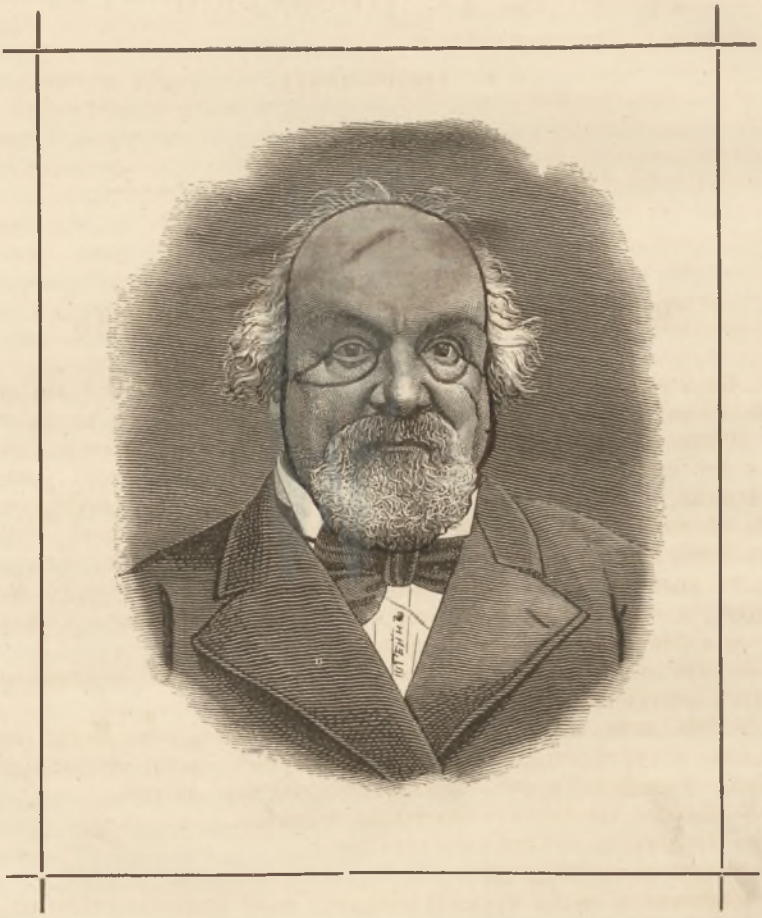
Я говорилъ въ Жолквѣ царю: если король шведскій и Станиславъ съ войсками своими раздѣлятся, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой—въ Украйну, то мы не можемъ обороняться нашимъ войскомъ слабымъ, истощеннымъ частыми походами; я просилъ царя, чтобъ оставилъ намъ на помощь хоть 10,000 своего регулярнаго войска; чтожъ онъ мнѣ отвѣчалъ? не только десяти тысячъ, и десяти человѣкъ не могу дать! обороняйтесь сами, какъ можете! Это меня и заставило послать ксендза тринитара, капеллана княгини Дольской, въ Саксонію, чтобы тамъ, видя какую ни есть мою къ себѣ инклинацію, по-непріятельски съ нами не поступали. Однако же вѣрность мою къ царскому величеству буду продолжать до тѣхъ поръ, пока не увижу, съ какою потенціею Станиславъ къ границамъ украинскимъ придетъ и какіе будутъ прогрессы шведскихъ войскъ въ государствѣ Московскомъ, и если не въ силахъ будемъ защищать Украйны и себя, то зачѣмъ же сами въ погибель полѣземъ и отчизну погубимъ"?

Мысль, что сношенія его съ непріятелемъ, по неосторожности Станислава, извѣстны хотя одному человѣку на Украйнѣ, Орлику, тревожила Мазепу; на присягу послѣдняго онъ не вполнѣ полагался, и потому хотѣлъ еще дѣйствовать угрозами: „Смотри, Орликъ", говорилъ онъ генеральному писарю: „додержи мнѣ вѣрность; знаешь ты, въ какой я милости у царя: не промѣняютъ тамъ меня на тебя; я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь". Угроза дѣйствовала на Орлика; съ другой стороны связывала данная Мазепѣ клятва: постоянно приходилъ также на мысль покойный Мокріевичъ, который, будучи, подобно Орлику, генеральнымъ писаремъ, обвинилъ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго въ измѣнѣ, и какую потомъ получилъ за это честь? Гетманъ Самойловичъ лишилъ его писарской должности, его вытѣснили изъ Украйны, и вездѣ, во все продолженіе жизни, былъ онъ укоряемъ и поносимъ отъ мірскихъ и духовныхъ лицъ, особенно отъ архіепископа черниговскаго, Лазаря Барановича, который, гдѣ бы ни встрѣтилъ Мокріевича, въ церкви или въ гостяхъ, прямо въ лицо ему и всѣмъ вслухъ называлъ Іудою, предателемъ пана своего, ехидниным порожденіемъ; а когда антидоръ ему давалъ, то обыкновенно говорилъ: „и Христосъ Іудѣ хлѣбъ далъ, и по хлѣбѣ вниде въ онь сатана". Наконецъ Орлику приходило въ голову и то, что, по великороссійскому уложенію, доносчику первый кнутъ. Въ то время, какъ онъ колебался такимъ образомъ, рѣшилось дѣло Кочубея, и Мазепа получилъ сначала въ царскомъ письмѣ къ нему, а потомъ въ публичныхъ грамотахъ, милостивое обнадеживаніе, что не будетъ дано вѣры никакимъ клеветамъ на непорочную вѣрность гетмана, и всякій клеветникъ воспріиметъ достойную казнь. Это царское обнадеживаніе окончательно отвратило Орлика отъ мысли о доносѣ. Мазепа полагалъ свое спасеніе въ хитрости, тайнѣ, выжиданіи; но старшина не давала ему покою, торопя къ дѣйствіямъ, болѣе рѣшительнымъ. Въ Бѣлой Церкви пришли къ нему обозный Ломиковскій, полковники миргородскій, прилуцкій и лубенскій, и объявили, чтобъ онъ промышлялъ о своей безопасности, обѣщая стоять до крови за него и за свои права и вольности, въ чемъ и клятву дали; Мазепа, съ своей стороны, присягнулъ имъ въ тѣхъ выраженіяхъ, въ какихъ присягнулъ Орлику въ Печерскомъ монастырѣ. Вотъ почему, когда царь требовалъ нѣсколько разъ, чтобы гетманъ арестовалъ давно уже подозрительнаго ему полковника миргородскаго, Мазепа не исполнилъ этого требованія, всячески защищая полковника. Мазепа все еще надѣялся, что туча пройдетъ мимо, Украйна останется внѣ военныхъ дѣйствій, и ему не нужно будетъ рѣшиться на страшный шагъ прежде, чѣмъ успѣхъ ясно обозначится на

той или другой сторонѣ. Но вотъ приходитъ вѣсть, что Карлъ XII отъ Смоленска повернулъ къ Украйнѣ. „Дьяволъ его сюда несетъ!“ сказалъ при этомъ Мазепа: „всѣ мои интересы перевернетъ, войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю ея руину и на погибель нашу“. Ожиданія сбылись: приходитъ царскій указъ, чтобы гетманъ шелъ съ войскомъ для соединенія съ генераломъ Инфлянтомъ, посланнымъ для пожженія въ Стародубскомъ полку некрѣпкихъ городковъ, селъ, гуменъ и мельницъ. Но Мазепа, и безъ того подозрительный, а теперь знавшій за собою страшное дѣло, понялъ указъ иначе: онъ подумалъ, что его хотятъ приманить къ Инфлянту и прибрать къ рукамъ. Онъ велѣлъ полковникамъ миргородскому, прилуцкому и лубенскому собраться къ обозному Ломиковскому и послалъ къ нимъ Орлика съ вопросомъ: какъ думаютъ, идти ли ему на соединеніе съ Инфлянтомъ? Всѣ отвѣчали единогласно, что не идти; напротивъ, пусть немедленно же посылаетъ къ шведскому королю съ прошеніемъ о протекціи и старается соединиться съ нимъ на границахъ, чтобы не допустить войскъ великороссійскихъ въ Украйну; притомъ они просили гетмана, объявить имъ, чего имъ надѣяться отъ шведской протекціи и на какомъ фундаментѣ заложилъ онъ всю эту махину. Мазепа осердился за эту просьбу и при первомъ свиданіи сказалъ имъ: „Зачѣмъ вамъ объ этомъ прежде времени знать? положитесь на мою совѣсть и на мой подлый разумишко; не бойтесь, онъ васъ не сведетъ съ хорошей дороги; у меня одного, по милости Божіей, больше разума, чѣмъ у васъ всѣхъ; у тебя, Ломиковскій, разумъ уже устарѣлъ, а у тебя, Орликъ, онъ еще молодъ; а къ королю шведскому, самъ знаю, когда посылать“. Потомъ вынулъ изъ шкатулки универсалъ короля Станислава, принесенный Зеленскимъ, и велѣлъ Орлику читать; всѣ были довольны обѣщаніями королевскими.

Между тѣмъ положеніе гетмана, вслѣдствіе его выжиданій, затруднялось все больше и больше. Изъ Глухова, гдѣ находился Дворъ, приходило къ нему письмо за письмомъ, чтобы, сдавъ команду надъ войскомъ какому-нибудь вѣрному человѣку, самъ пріѣзжалъ въ Глуховъ; но эти призывы Мазепа считалъ западней, тѣмъ болѣе, что изъ Польши дали ему знать, что тамъ всѣмъ извѣстно о его сношеніяхъ съ королемъ Станиславомъ. Чтобы не ѣхать въ Глуховъ, онъ притворился больнымъ. Однажды вечеромъ, осенью 1708 года, онъ послалъ Орлика къ Ломиковскому, у котораго собрались полковники, спросить, посылать ли къ шведскому королю, или не посылать? Ломиковскій, отъ имени всѣхъ, отвѣчалъ жалобами на медленность и нерадѣніе гетмана: „Несмотря на наши частыя предложенія и просьбы“, говорилъ обозный, „онъ не снесся съ королемъ на границахъ и этою своею медленностью впроводилъ всѣ силы россійскія въ Украйну на разореніе и всенародное кровопролитіе; а теперь, когда уже шведы подъ носомъ, невѣдомо для чего медлитъ“. Самолюбивый Мазепа, считавшій себя умнѣе всѣхъ, сильно разсердился на эти нареканія: „Знаю я, что все это переговариваетъ лысый чортъ Ломиковскій“, сказалъ онъ возвратившемуся Орлику: „позови ихъ ко мнѣ!“ Старшины пришли: „Вы не совѣтуете“, встрѣтилъ ихъ Мазепа, „а только обо мнѣ переговариваете, чортъ васъ побери! Я, взявши Орлика, поѣду ко двору царскаго величества, а вы хоть пропадайте“. Старшины молчали. Мазепа поуспокоился и спросилъ: „посылать королю, или нѣтъ? Какъ же не посылать!“ отвѣчали всѣ: „нечего откладывать!“ Мазепа тутъ же велѣлъ позвать Быстрицкаго, заставилъ его при всѣхъ присягнуть на секретъ, Орлику велѣлъ написать ему инструкцію къ графу Пиперу на латинскомъ языкѣ, аптекарь гетманскій перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, и съ этимъ переводомъ, безъ подписи, безъ печати, Быстрицкій отправился на другой день въ шведскій лагерь.

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи



А. Ѳ. ПИСЕМСКІЙ.

Къ стр. 269.

А. Ѳ. Писемскій.

(1820—1881).

ИЗЪ ПОВѢСТИ: „ПЛОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ“.

...Ко мнѣ въ кабинетъ, въ сопровожденіи Семена (сельскій староста), вошелъ мужикъ небольшаго роста, съ татарскимъ отчасти окладомъ лица: глаза угловатые, лицо карявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ; но мужикъ хоть и изъ простыхъ, а, должно быть, франтоватый: голова расчесанная, намасленная, въ сурленной поддевкѣ на-распашку, въ пестрядиной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень, въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцѣловалъ у меня руку. Мнѣ это съ перваго раза не понравилось.

— Что это за глупости?—сказалъ я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдствуетъ: когда выходитъ, господинъ, значитъ опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство,—проговорилъ онъ съ умилительной физіономіей.

— Да кто ты такой? Что ты за человѣкъ?

— Пузичъ, ваше привосходительство.

— Что такое Пузичъ?

— Фамилья такая у меня, значитъ, ваше привосходительство, и такъ какъ таперича наслышанъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежель таперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство...

— Плотникъ это-съ, что этто говорили, разрѣшилъ наконецъ Семенъ.

— А! плотникъ! Я и не догадался. Красно ужъ очень говоришь ты, братецъ,—сказалъ я.

Похвалу эту Пузичъ принялъ за чистую монету.

— Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежель таперича дѣла имѣемъ мы съ господами хорошими, значитъ, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.

— Конечно,—сказалъ я:—только такъ ли ты хорошо строишь, какъ говоришь?

— Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Се-

мена Яковлича спросить, здѣсь на-знати; я не то, что плутъ какой-нибудь, али мошенникъ; я одного этого безчестья не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должонъ сказать, колесо мое большое, ваше привосходительство, должонъ благодарить Владычицу нашу, Сѣнновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Таперича, хотя бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, циркулемъ, али теперь по ватерпасу прикинуть—все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.

Семенъ усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ?—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что мужикъ?—дуракъ, такъ-сказать, больше ничего!—возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то, что... вмѣшался Семенъ.

— Извѣстно, слово твое настоящее, Семенъ Яковличъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло,—отвѣчалъ, не сконфузясь, Пузичъ.

Онъ началъ производить на меня окончательно непріятное впечатлѣніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нѣсколько-лѣнивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушалъ все это съ тѣмъ худо-скрытымъ невниманьемъ и презрѣньемъ, съ какимъ обыкновенно слушаетъ мужикъ плутоватую болтовню своего брата.

— Брать ли намъ его?—спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка—глушь: хоть бы и изъ ихъ брата, первой, другой, да, пожалуй, и обчелся.

— Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость!—подхватилъ Пузичъ.

— Что-жъ ты возьмешь? какъ твоя цѣна будетъ?—спросилъ я.

— Цѣна моя, ваше привосходительство,—началъ Пузичъ:—будетъ деревенская, не то, что съ запросомъ какимъ-нибудь, али тамъ прочее другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе, значитъ, хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ, выходитъ двѣсти рублевъ серебромъ (*дѣло идетъ о постройкѣ риги*).

При этомъ Семенъ мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, сблаговалъ что ли?—сказалъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— Меньше одной копѣйки, Семенъ Яковличъ, взять не могу,—отвѣчалъ тотъ.

Я, съ своей стороны, понялъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ плутишекъ, которые запрашиваютъ рубль на рубль барыша, и хотѣлъ разомъ съ нимъ раздѣлаться.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя—сто,—сказалъ я, думая, что снесъ, сколько возможно, много. По лицу Пузича быстро промелькнулъ какой-то оттѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто—много, помилуйте! семидесяти рублевъ съ него за глаза будетъ,—произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— Не то, что объ семидесяти, а объ ста рубляхъ, Семенъ Яковличъ, разговаривать нечего. Этой цѣны малой ребенокъ не возьметъ!—сказалъ онъ съ такой ужъ физіономіей, какъ будто скорѣй готовъ былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.

— Полно врать, Пузичъ! полно! Что языкъ понапрасну треплешь!— возразилъ Семенъ, начинавшій выходить изъ терпѣнья.

— Може, вы сами языкъ понапрасну треплете, Семенъ Яковличъ. Здѣсь идетъ разговоръ съ господиномъ, а не съ мужикомъ: значитъ, понимаемъ, съ кѣмъ и передъ кѣмъ говоримъ,—возразилъ Пузичъ.

— Сто рублей, больше не дамъ; согласенъ — хорошо, а нѣтъ — такъ можешь убираться, — сказалъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— Позвольте, ваше привосходительство, — началъ онъ, прикладывая руку къ сердцу:—такъ какъ теперича я очень желаю, чтобъ знакомство промежъ насъ было; значитъ, полтораста серебромъ вы извольте положить, и то въ убытокъ—вѣрьте Богу.

— Больше ста не дамъ, убирайся!—рѣшилъ я.

— Ваше высокородіе, позвольте! — продолжалъ Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу:—кому теперича свое тѣло не мило, а лопни, значитъ, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть копѣйку противъ меня уваженья сдѣлаетъ.

— Ломается еще туда же, дура-голова!—проговорилъ Семенъ.

— Ломаться мы не ломаемся, Семенъ Яковличъ, ужъ это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, значитъ, дѣло, выходитъ, неподходящее.

— Неподходящее? — повторилъ Семенъ сердито. — Мало тебѣ, жиду, ста рублевъ! Двадцать пять серебромъ и то лишнихъ передано.

Пузичъ какъ будто бы не слыхалъ этого замѣчанія и обратился ко мнѣ:

— Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; ей Богу безобидно будетъ.

Я молчалъ.

— Это что говорить,—продолжалъ Пузичъ:—сработать можно всяко; только я худаго слова, значитъ, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и напредки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ, осмѣлюсь, такъ, по своей глупости, сказать, строжающій, въ настоящемъ видѣ, значитъ... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенья доложить вашему привосходительству, бѣгомъ сбѣжали отъ него, и теперича, когда онъ сталъ требовать меня: „что жъ, думаю, буди воля Царя Небеснаго! а я готовъ завсегда служить господамъ“, ваше привосходительство. И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами потаить не могу: первыя двѣ недѣли всѣ мои ребра пересчитаны были палкой; разъ пять, можетъ статься, кровянилъ меня; но я, по своему чувствію, ваше привосходительство, не то, что бралъ бы въ обиду, а еще въ удовольствіе—значитъ, насъ, дураковъ, уму-разуму учатъ; когда теперича мужикъ надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.

„Эка подлая натуришка!“ подумалъ я и молчалъ, догадываясь, что онъ вретъ.

— Теперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было,—продолжалъ опять Пузичъ,—генералъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощенье и выкинулъ пятьдесятъ рублевъ серебромъ лишнихъ. „На, говоритъ, тебѣ, Пузичъ, за то, что нраву моему, значитъ, угодилъ. И эти деньги мнѣ, ваше высокопривосходительство, дороже капитала мильйонпаго: знать, могу служить господамъ.

Я все молчалъ. Выждавъ немного, Пузичъ снова заговорилъ:

— А насчетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное ста-

раніе быть должно. Теперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почивать—больше того ничего сказать не могу.

Я взглянулъ на Семена: въ лицѣ его изображалась досада и презрѣніе.

— Не дамъ больше ста,—сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять несообразно, — проговорилъ онъ, и потомъ, постоявъ довольно долго, присовокупилъ, вздохнувъ: — прощенья, значитъ, просимъ, и сталъ молиться, и молился опять долго. —Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ,—пробурчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потоптала, такъ и дать тебѣ тысячу!— возразилъ Семенъ.

Пузичъ, ничего на это не возразивъ,—повторилъ еще разъ:

— Прощенья просимъ, ваше высокородіе, и пошелъ; Семенъ—за нимъ; но я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому что шелъ онъ очень медленно по красному двору и все что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ, они дѣйствительно опять воротились.

— Сто беретъ, — сказалъ Семенъ.

— Хоша три рублика серебромъ, ваше высокородіе, набавьте: по крайности я на артель ведро вина куплю, — присовокупилъ Пузичъ съ подло-просительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копѣйки не прибавлю, — возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— Какъ и на свѣтѣ нынче стало жить — не знаешь, — началъ онъ: — господа, выходитъ, пошли скупые, работы дешевыя... Задаточку ужъ, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожаловать, — прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— Сколько-жъ тебѣ?

— Двадцать-пять рубликовъ серебромъ, — отвѣчалъ Пузичъ совершенно ужъ неестественнымъ тономъ.

Видимо, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые о деньгахъ спокойно и безъ нервнаго раздраженія не могутъ даже говорить. Я подалъ ему двадцать-пять рублей.

Семену это не понравилось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ! — сказалъ онъ Пузичу.

— Ахъ, Семенъ Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходитъ, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь, — проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожаную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь, — отвѣчалъ Семенъ. — Теперь, вотъ ты у насъ работу берешь, а я тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ опосля чего не вышло: ты тамъ какъ знаешь, а чтобъ на нашей работѣ Петруха былъ безпримѣнно.

Пузичъ насмѣшливо улыбнулся.

— Петруха? — повторилъ онъ съ усмѣшкою и обратился ко мнѣ. — Когда я, ваше привосходительство, самъ на работѣ, что́ же значитъ Петруха? Какое онъ званіе можетъ имѣть, когда самъ подрядчикъ тутъ, извините вы меня, Семенъ Яковличъ! — отнесся онъ къ Семену.

— Изъ нашихъ, вѣдь, братъ, мужицкихъ извиненій не шубу шить, это что! — возразилъ, въ свою очередь, Семенъ: — не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ — знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удовольствіе, Семенъ Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нечего: артель моя большая.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи, другой-прочій, може, у тебя только съ вешняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужъ съ того спросить много нечего.

А Петруха-то кто-жъ такой?—спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надежный,—отвѣчалъ онъ.

— Кто про это говоритъ! мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значитъ. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человѣкъ, значитъ, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованье, значитъ, кладемъ ему сполна,—проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, по тону котораго ясно было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ вострый, и онъ ее поддерживалъ только по своимъ торговымъ разсчетамъ.

При ирощаньи Пузичъ сталъ просить у меня полтинничка въ придачу ему на чай. Въ полтинникѣ мнѣ ужъ совѣстно было отказать—я ему далъ, но Семенъ и противъ этого протестовалъ:

— Ну, паря, славная ты выжима!—проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

. . .Пузичъ пришелъ ко мнѣ работать самъ-четвертъ: съ молодымъ парнемъ, Матюшкой, толсторожимъ и глуповатымъ на лицо, съ Сергѣичемъ, старикомъ очень благообразнымъ, который обратилъ особенно мое вниманіе на себя тѣмъ, что рубилъ какими-то маленькими и очень красивыми щепочками, и говорилъ самымъ мягкимъ тенороме, и все въ-складъ. Уставщикъ Петруха былъ мужикъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ ироническимъ складомъ въ губахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ оказался на работѣ совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, бранилъ, впрочемъ, одного только Матюшку, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранитъ подрядчикъ?—спросилъ я его.

— Завселды... дядюшка; вѣдь, онъ мнѣ, завселды все ластся—отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ, но передъ Петрухой—другое дѣло: тотъ его видимо уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особое наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы, для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ бревно это сбросили, а тащили другое.

— Что? аль неладно?—спрашивалъ при этомъ Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не удостоивалъ его отвѣтомъ, молча размѣчалъ, и Пузичъ смиренно усаживался, и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ, и, слѣдовательно, онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить,— заговорилъ я.

— Что дѣлать-то, батюшка?—отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ:— нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ—да! Хоть бы и мое

дѣло. не молодой бы молодикъ, а на седьмой десятокъ валитъ... Пора бы не бревна катать, а лыко драть да на печкѣ лежать—да!

— Отчего это ты все вотъ въ-складъ говоришь?—замѣтилъ я ему.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Изъ-молоду, государь мой милостивый, — отвѣчалъ онъ: — такая ужъ моя рѣчь; гдѣ и языкъ-то набилъ на то—не помню; съ хороводовъ да съ пѣсенъ, видно, дѣло пошло; ну и тоже, грѣшнымъ дѣломъ, дружничалъ по свадебкамъ.

— Дружкой ты былъ?—сказалъ я.

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— Я былъ, може, изъ дружекъ дружка, а не то, что просто дружка; меня ажно изъ Ярославля купцы ссягали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадебкахъ, по сту рублёвъ мнѣ за то платили; я былъ дорогой дружка—да! Ты вотъ, государь милостивый, въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ-складъ говорю; а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что твой колоколецъ подъ дугой, али гусли многострунныя!

Разсказавъ про свою несчастную семейную жизнь, между прочимъ, про своего сына, растратившаго мірскіе двѣсти рублей, которые нужно было внести, куда слѣдуетъ, Сергѣичъ продолжаетъ:

Дѣлать нѣча, пошелъ къ Пузичу, сталъ ему въ ноги кланяться.

— А развѣ Пузичъ у васъ деньги въ ростъ отдаетъ?

— Нешто́, нешто́, сударь, одолжаетъ кой-кого на-знати, — отвѣчалъ старикъ, вздохнувъ:—изстара еще у нихъ въ дому это заведенье идетъ: дѣды его этимъ промышляли.

— Помилуй! самъ Пузичъ дуракъ какой-то, болтушка!—замѣтилъ я.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Да, то-то вотъ, что-что разумомъ мелокъ, да какъ сердцемъ-то крѣпокъ, такъ и богатѣе насъ съ тобой, государь милостивый, живетъ. Гривной одолжитъ, а рубль сорвать норовитъ; мало Бога знаетъ, нѣча похвалить, татарскій родъ проклятый, что-что крещеные! Хоша бы и мое дѣло: тѣмъ временемъ слова не сказалъ—далъ, только въ конторѣ заявилъ, а теперь и держитъ, словно въ кабалѣ; старъ не старъ, а все въ эту пору рубль серебра сто́ю, а онъ на кругъ два съ полтиной кладетъ.

— Ну, а прочіе какъ же живутъ у него?—спросилъ я.

— А что, государь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ,—отвѣчалъ старикъ тихо.—Всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вонъ хоть бы этотъ Матюшка, дурашный парень, дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить.

— Неужели же онъ рубль ассигнаціями только кладетъ ему въ недѣлю?—воскликнулъ я.

— Али больше!—отвѣчалъ Сергѣичъ... Парень круглый годъ калачика не уболенъ съись; лапотокъ новыхъ не на что купить, а все денегъ нѣтъ—да! Каковы наши богатые-то мужички, а нашъ ужъ, пожалуй, изо всѣхъ хватъ, чорту братъ.

— Ну, а этотъ Петръ, уставщикъ,н вѣрно, а особомъ у Пузича положеніи нанятъ, по настоящей рядѣ?

— А какое, сударь, по настоящей рядѣ! Тоже въ кабалѣ, еще больше нашего. Триста рублевъ ему должнымъ состоялъ, отъ родителя тожо по-отдѣлился, а тутъ, гдѣ бы разживаться, въ болѣсть впалъ, словно бы года два хворалъ, а ужъ это до кого ни доведись: хозяинъ лежитъ, нужду въ домѣ творитъ.

— Отчего жъ Пузичъ труситъ его, кажется?

— Ну да, батюшка, по работѣ-то нужный ему человѣкъ: что́ бы онъ

безъ него?—какъ безъ рукъ, самъ видишь! А еще и то... послѣ болѣсти, что ли, съ нимъ это сдѣлалось, сердцемъ-то Петруха неугожъ, гнѣвенъ. значитъ. Теперича, что маненько Пузичъ сдѣлаетъ не по немъ, онъ сейчасъ ему и влѣпитъ: „ты, баетъ, меня въ грѣхъ не вводи; у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу пріискано".

— Неужели же онъ это вправду говоритъ?—спросилъ я.

Сергѣичъ засмѣялся.

— Нѣту, сударь, какое, кажись, вправду!—отвѣчалъ онъ:—мужикъ богобоязливый, сдѣлаетъ ли экое дѣло! Сердце только срываетъ, стращаетъ. Ну, а Пузичъ тоже плутоватъ-плутоватъ, а вѣдь заячьяго разуму человѣкъ: на ружье глядитъ, а отъ воробья бѣжитъ, и боится этого самаго, не прекословствуетъ много.

Петръ сталъ меня очень интересовать, и я хотѣлъ-было о немъ поподробнѣе разспросить Сергѣича, но въ это время подошелъ Пузичъ и началъ нести какую-то чушь о работѣ, и я, чтобъ отдѣлаться отъ него, ушелъ въ комнаты.

Когда срубы были срублены, Пузичъ, къ большому моему удовольствію, отправился на другую какую-то работу. Въ тотъ же день Семенъ подошелъ ко мнѣ.

— Винца-то ребятамъ обѣщали; прикажите хоть штофчикъ имъ выставить—и будетъ съ нихъ!—проговорилъ онъ.

— Хорошо,—сказалъ я: что-жъ ты мнѣ давно не напомнишь?—Я-было и забылъ.

— Пережидалъ, чтобъ собака эта куда-нибудь убѣжала, а то вѣдь рыло свое тутъ же сталъ бы мочить,—отвѣчалъ Семенъ, подразумѣвая, конечно, подъ собакой Пузича.

— Что-жъ, тебѣ для Пузича жаль ужъ стакана водки?—сказалъ я.

— Еще бы не жаль! Будетъ съ него; и то сорвалъ сто рублей: есть на что выпить, разбойникъ этакой!—проворчалъ Семенъ, никакъ нехотѣвшій простить мнѣ передачу Пузичу.

— Когда-жъ имъ дать?—спросилъ я.

— Да вотъ хоть ужо вечеромъ, какъ отшабашатъ.

Такъ и было сдѣлано.

Успеньевъ день—у насъ въ приходѣ праздникъ... Послѣ обѣдни я хотѣлъ-было пройтись по ярмаркѣ, но меня остановила проживающая въ селѣ немолодая дѣвица изъ духовнаго званія, по имени Арина Семеновна, дѣвица большая краснобайка и очень неглупая.

— Позвольте, батюшка, Алексѣй Ѳеофилактычъ,—начала она:—просить васъ осчастливить меня вашимъ посѣщеніемъ.

Писемскій соглашается. Приглашены еще двѣ барышни. Непріятные для Писемскаго разспросы про его сочинительство, почему онъ высовываетъ голову въ окно и представляется, будто съ большимъ вниманіемъ глядитъ на толпящійся тутъ и тамъ народъ.

...Изъ толпы, окружающей кабакъ, вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ (пріятель его); оба они успѣли, видно, порядочно выпить. Я еще прежде слышалъ, что Пузичъ подрядился у Ѳомкиной госпожи строить новый флигель, и у нихъ, вѣроятно, были поэтому слитки. Пузичъ, увидѣвъ меня, остановился и поклонился...

— Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть,—проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ, братецъ, въ другое ужъ время,—сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправлялся, куда шелъ.

— Баричъ!.. Писемскій!.. Господинъ!.. позвольте съ вами компанію

имѣть!—прокричалъ Пузичъ на всю ужъ улицу, такъ что Арина Семеновна, какъ хозяйка, обезпокоилась этимъ и подошла къ окну.

— Нехорошо, нехорошо, Пузичъ, — сказала она:—мужикъ вы хорошій, богатый, а безпокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть!—воскликнулъ опять Пузичъ.—Ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны—сейчасъ! Позови только Пузича: „Пузичъ, дай мнѣ, братецъ, денегъ тысячу цѣлковыхъ“ — значитъ, сейчасъ, ваше высокопривосходительство. Что мнѣ деньги! денегъ у меня много. Мнѣ баринъ, господинъ Писемскій, его привосходительство, значитъ, отдастъ теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, должонъ благодарить. Теперича, господинъ Писемскій мнѣ скажетъ: „Подай мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ!“—„Изволь, бери...“ Позвольте, ваше привосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть,—закричалъ онъ.

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка, что-то съ несвойственнымъ ему печальнымъ лицомъ, и робко подошелъ къ Пузичу.

— Дядюшка, дай два рублика-та,—пробормоталъ онъ.

Физіономія Пузича въ минуту измѣнилась: изъ глупо-подлой она сдѣлалась строгой.

— Какіе твои два рубля?—сказалъ онъ, обернувшись къ Матюшкѣ лицомъ и уставивъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать нечѣмъ, — проговорилъ тотъ.

— Какія твои деньги у меня? за какія услуги? говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, какъ ты смѣешь передо мной и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять,—проговорилъ Пузичъ и сшибъ съ Матюшки шапку. Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? и на тебѣ шапка не притаченная,—проговорилъ онъ, поднимая шапку.

— Молчать! поговори еще у меня! — продолжалъ Пузичъ. — Когда, значитъ, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговоръ ты можешь имѣть!

— Пузичъ, идемте!—проговорилъ октавой Козыревъ, которому ужъ, видно, наскучило ждать.

— Идемъ, идемъ. Флегонтъ Матвѣичъ, — отвѣчалъ Пузичъ:—дураковъ, значитъ, надо учить, ваше привосходительство, коли они неумны, отнесся онъ ко мнѣ и, очень довольный, что удалось ему передъ всѣмъ народомъ покуражиться надъ Матюшкой, пошелъ съ Козыревымъ опять, кажется, въ кабакъ. Бѣдняга Матюшка издали послѣдовалъ за нимъ.

— Что? тебя не разсчитываетъ подрядчикъ?—спросилъ я его.

— То-то-тка, все вотъ жилитъ да дерется еще,—отвѣчалъ онъ, уходя.

Не прошло четверти часа послѣ этой сцены, какъ я, взглянувъ въ окно, увидѣлъ, что около церкви никого ужъ нѣтъ, а между тѣмъ въ противоположной сторонѣ, къ кабаку, масса народа дѣлается все гуще и гуще. Наконецъ я увидѣлъ ясно, что туда идутъ и бѣгутъ.

— Кажется, пожаръ!—сказалъ я, вставая.

— Въ это время вошелъ отецъ Николай, блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка! что такое случилось? откуда вы?—спросилъ я.

Что, сударь! случилось несчастье: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать дарами, да ужъ поздно—злодѣи этакіе!

Кто такіе? кто кого убилъ?—спросилъ я.

— Плотники... стали пьяные въ кабакѣ съ хозяиномъ раздѣлываться... слово за слово, да и драка... одинъ молодецъ и уходилъ подрядчика насмерть, — отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича ли это?—сказалъ я.

— Его, его, Пузича, коли знаете. Плутоватый былъ мужичонко.

— Кто жъ его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— Да я ужъ и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакой, худой.

— Батюшка! нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому?—воскликнулъ я.

— Врядъ - ли!—отвѣчалъ о. Николай, сомнительно покачивая головой. Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ Пузичу пустить кровь, пошелъ, какъ могъ проворно, къ кабаку... *Оказалось, что ужъ раньше это было сдѣлано, только кровь не пошла...*

...Сидѣвшему на лавочкѣ Петру, съ обезображеннымъ лицомъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязалъ ноги.

— Злодѣй, что ты надѣлалъ?—сказалъ ему я.

— Онъ взмахнулъ на меня глазами, потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— Давно ужъ, видно, мнѣ дорога туда сказана! — проговорилъ онъ, и прибавилъ сотскому:—что больно крѣпко вяжешь? не убѣгу.

...Я вышелъ изъ толпы; мнѣ попался старикъ Сергѣичъ, проворно шедшій туда своей заплетающейся походкой.

— Дѣдушка! слышалъ ли, что нашъ Петръ начудилъ? — сказалъ я ему.

— Ой, государь милостивый! слышалъ, слышалъ! За то его, батюшка, Богъ наказалъ, что родителя мало почиталъ. Тогда бы стерпѣлъ — теперь бы слюбилось,—отвѣчалъ старикъ и прошелъ...

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

Къ стр. 279.

Я. П. Полонскій.

(Род. въ 1820 году.)

* * *

Блаженъ озлобленный поэтъ,
Будь онъ хоть нравственный калѣка,
Ему вѣнцы, ему привѣтъ
Дѣтей озлобленнаго вѣка.

Онъ, какъ титанъ, колеблетъ тьму,
Ища то выхода, то свѣта;
Не людямъ вѣритъ онъ—уму,
И отъ боговъ не ждетъ отвѣта.

Своимъ пророческимъ стихомъ
Тревожа сонъ мужей солидныхъ,
Онъ самъ страдаетъ подъ ярмомъ
Противорѣчій очевидныхъ.

Всѣмъ пыломъ сердца своего
Любя, онъ маски не выноситъ,
И покупнаго ничего
Въ замѣну счастія не проситъ.

Ядъ въ глубинѣ его страстей,
Спасенье—въ силѣ отрицанья,
Въ любви—зародыши идей,
Въ идеяхъ выходъ изъ страданья.

Невольный крикъ его—нашъ крикъ,
Его пророки—наши, наши!
Онъ съ ними пьетъ изъ общей чаши,
Какъ мы, отравленъ—и великъ.

Въ дурную погоду.

Пусть говорятъ, что наша молодежь
Поэзіи не знаетъ,—знать не хочетъ,
И что ее когда-нибудь подточитъ
Подъ самый подъ корень практическая ложь;
Пусть говорятъ, что это ей пророчитъ
Одинъ безплодный путь къ безславію, что ей
Безъ творчества, какъ ржи безъ теплыхъ, ясныхъ дней,
Не вызрѣть...
Выхожу одинъ я въ чисто поле,
И чувствую—тоска! и дрогну поневолѣ—
Такъ сыро, сиверко!.. И что это за рожь!..
Мѣстами зелена, мѣстами низко клонитъ
Свои колосики къ разрыхленной землѣ,

И точно смята вся; а въ блѣдно-сѣрой мглѣ
Лохмотья тучъ надъ нею вѣтеръ гонитъ...
Когда же, наконецъ, дождусь я теплыхъ дней!
Поднимется-ль опять дождемъ прибитый колосъ,
Иль никогда, среди родимыхъ мнѣ полей,
Не отзовется мнѣ ретивой жницы голосъ
И не мелькнетъ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ
Надъ пышнымъ золотомъ увѣсистыхъ сноповъ!

Вечеръ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубеньчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана—
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.

* * *

Посмотри—какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой
Въ сонномъ сумракѣ ракитъ
Тускло озеро блеститъ.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходитъ
И, сквозя, на все наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

Тишь.

Душный зной надъ океаномъ,
Небеса безъ облаковъ;
Сонный воздухъ не колышетъ
Ни волны, ни парусовъ.
Мореплаватель сердито
Въ даль пустую не гляди;
Въ тишинѣ, быть можетъ, буря
Притаилась... погоди!

* * *

Развалину башни, жилище орла,
Сѣдая скала высоко подняла,
И вся наклонилась надъ бездной морской,
Какъ старецъ подъ ношей, ему дорогой,
И долго та башня уныло глядитъ
Въ глухое ущелье, гдѣ вѣтеръ свиститъ;
И слушаетъ башня—и слышится ей
Веселое ржанье и топотъ коней.
И смотритъ сѣдая скала въ глубину,
Гдѣ вѣтеръ качаетъ и гонитъ волну,
И видитъ—въ обманчивомъ блескѣ волны
Шумятъ и мелькаютъ трофеи войны.

Птичка.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый;
Въ безмятежной тишинѣ
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.
Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь некошеннаго луга,
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба.
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка вольная поетъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидно
Долѣ птички полевой!

Нищій.

Зналъ я нищаго: какъ тѣнь,
Съ утра, бывало, цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянія просилъ;
Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, къ ночи раздавалъ
Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ—
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ.

Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ:
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ, изнуренъ,
Духовной пищи проситъ онъ;
И все, что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ,
И душу дѣлитъ пополамъ
Съ такими-жъ нищими, какъ самъ.

Солнце и мѣсяцъ.

Въ колыбель младенца, ночью,
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
„Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?„
Робко онъ меня спросилъ.

Въ день-деньской устало солнце,
И сказалъ ему Господь:
„Лягъ, засни! и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ“.

И взмолилось солнце брату:
„Братъ мой, Мѣсяцъ золотой!
Ты зажги фонарь, и ночью
Обойди ты край земной!

Кто тамъ молится, кто плачетъ,
Кто мѣшаетъ людямъ спать—
Все развѣдай, и поутру
Приходи и дай мнѣ знать!“

Солнце спитъ; а Мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земной покой...

Завтра-жъ рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшой.

Стукъ-стукъ-стукъ!.. Отворятъ двери.
„Солнце, встань! Грачи летятъ,
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутрени звонятъ“—

Солнце встанетъ, Солнце спроситъ:
„Что, голубчикъ, братецъ мой?
Какъ тебя Господь Богъ носитъ?
Что ты блѣденъ? Что съ тобой?„

И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ—
Кто и какъ себя ведетъ...
Если ночь была спокойна—
Солнце весело взойдетъ.

Если-жъ нѣтъ—взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня—
И дитя не поведетъ.

Смерть малютки.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась, какъ кукла,
И недѣтскимъ забылася сномъ.

И не видитъ малютка изъ гроба—
Въ этотъ солнечный день при свѣчахъ,
Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ
Подъ парчей золотою въ цвѣтахъ.

А ужъ какъ бы она любовалась,
Если бъ только могли разбудить!
Милый другъ, будемъ плакать, какъ дѣти,
Чтобъ недѣтское горе забыть...

Поэзія.

Пока у алтаря, въ день свѣтлый воскресенья,
Иль въ покаянный, будній день,
Ты видишь предъ собой свѣтъ въ правдѣ откровенья,
А за собой неправды тѣнь;
Пока ты чувствуешь благоговѣйный трепетъ,
Пока молитвенный твой лепетъ
Есть вѣра страстная, а не обрядъ пустой,
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока мечта твоя въ часы отдохновенья
О славѣ, о любви поетъ,
И дорого тебѣ твое уединенье—
И темный лѣсъ, и звѣздный сводъ;
Пока ты ищешь то, чего нигдѣ не встрѣтилъ,
И знаешь, какъ бы ты отвѣтилъ
Тому, кто-бъ грудь твою обжогъ своей слезой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока страстями ты себя не истиранилъ,
И не поникъ отъ скорбныхъ думъ,
И никакой туманъ еще не отуманилъ
Ни глазъ твоихъ, ни свѣтлый умъ;
Пока вникаешь ты въ задачу жизни сложной,
Пока ты вѣришь въ непреложный
Законъ любви, добра и истины святой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока въ тебѣ кипятъ и замыслы, и чувства,
И можешь ты негодовать;
Пока языкъ идей и красоты искусства
Тебя способны восторгать;
Пока въ трудѣ своемъ находишь ты отраду,
Въ друзьяхъ—свой судъ, въ любви—награду,
И не страшитъ тебя съ врагами честный бой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Когда же истина на вѣкъ тебя покинетъ,
И торжествующій обманъ
На міръ страдающій со всѣхъ сторонъ надвинетъ
Свой ослѣпительный туманъ;
Когда замолкнетъ все въ душѣ твоей тревожной,
И ты повѣришь въ непреложный
Законъ неволи, зла и пошлости людской,—
Поэзія тебя покинетъ, милый мой..

Бэда-проповѣдникъ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами,

И было все глухо и дико кругомъ;
Однѣ только сосны росли вѣковыя,
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ: ягодъ свѣжихъ отвѣдать,
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть;
„Старикъ!“ онъ сказалъ: „я пойду отдохнуть:
А ты, если хочешь, начни проповѣдать—
Съ вершинъ увидали тебя пастухи,
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вонъ, жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!„

И старца лицо просіяло мгновенно,
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось—слѣпцу въ славѣ небо являлось;
И слезы текли изъ потухшихъ очей!

Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца блѣдный лучъ въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
„Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ“...
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ—отъ края до края:
Аминь! ему грянули камни въ отвѣтъ.

На Закатѣ.

Вижу я, низыя съ золотомъ тучи
Загромоздили весь западъ; въ ихъ щели
Свѣтитъ заря; каменистыя кручи,
Ребра утесовъ, березникъ и ель
Озарены вечерѣющимъ блескомъ;
Ниже—безбрежное море. Изъ мглы
Темные скачутъ и мчатся валы
Съ неумолкаемымъ гуломъ и плескомъ.

Къ морю тропинка въ кустахъ чуть видна,
Къ морю схожу я, и —
—Здравствуй волна!
Мнѣ, охлажденному жизнью и свѣтомъ,
Дай хоть тебя встрѣтить теплымъ привѣтомъ!.

Но на скалу набѣжала волна —
Тяжко обрушилась, въ пѣну зарылась

И прошумѣла, отхлынувъ назадъ:
—Новой волны подожди,—я разбилась...

Новыя волны бѣгутъ и шумятъ,—
То же, все то же я слышу отъ каждой...
Сердце полно безконечною жаждой,
Жду,—все темно, погасаетъ закатъ...

Въ телѣгѣ жизни.

Съ утра садимся мы въ телѣгу...
Пушкинъ.

Къ моей телѣгѣ я привыкъ,
Мнѣ и ухабы нипочемъ,
Я только дрогну, какъ старикъ,
Въ холодномъ воздухѣ ночномъ...
Порой задумчиво молчу,
Порой отчаянно кричу:
—„Пошелъ! Валяй по всѣмъ по тремъ!..“

Но хоть кричи, бранись иль плачь,
Молчитъ, упрямъ ямщикъ сѣдой;
Слегка подстегивая клячъ,
Онъ ровной гонитъ ихъ рысцой,
И, шлепаетъ подъ ними грязь,
И, незамѣтно шевелясь,
Онѣ бѣгутъ во тьмѣ ночной.

А. С. Пушкинъ.

I.

Пушкинъ—это возрожденье
Русской Музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это—незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.

Это—эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнье
Ихъ божествъ безъ покрывалъ,
Это—голосъ Немезиды,
Это дѣвы Евмениды
Окровавленный кинжалъ...*)

Это—вѣщаго Бояна
Струнный говоръ... свистъ Руслана...
И русалокъ голоса...
Это—арфа Серафима,

*) Онъ пѣлъ Маратовымъ жрецамъ кинжалъ и дѣву Евмениду...

Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса;

Это—старой няни сказка,
Это—молодости ласка—
Огонекъ въ степной глуши...
Это—слезы умиленья...
Это—смутное влеченье
Вѣчно жаждущей души...

II.

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ:
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга голосъ дальній—
Пѣсню Грузіи печальной...
Бредъ цыганки кочевой...

Слышитъ крикъ орла призывный,
Слышитъ ропотъ заунывный
Океана въ бурной мглѣ,—
Видитъ небо безъ лазури
И—что краше волнъ и бури—
Видитъ дѣву на скалѣ...

Знаетъ горе намъ родное:
И разгулье удалое,
И сердечную тоску,
Но не падаетъ усталый—
И, какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русскій жизни трепетъ,
Пушкинъ правды первый лепетъ—
Первый проблескъ старины..

III.

Пушкинъ—это эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей,
Это—сѣятель пустынный,
Другъ свободы неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней.

Это геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій—
Сѣверъ, Западъ и Востокъ.
Это—тотъ „ничтожный міра“,

Что, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Это—врагъ гордыни праздной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный,—враждой,
Словно терніемъ, повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой...

Поэтическій Мессія
На Руси, онъ, какъ Россія,—
Всеобъемлющъ и великъ.
Нынѣ мы воспоминаемъ
И торжественно вѣнчаемъ
Прославляющій насъ ликъ...

Библіотека Варшавской
Учительской семинаріи
№

П. И. МЕЛЬНИКОВЪ.

Къ стр. 287.

П. И. Мельниковъ.

(Род. въ 1819 г.)

Встрѣча весны.

Въ тотъ годъ зима сошла дружно. Хоть Пасха была не изъ позднихъ, но къ Ѳоминой снѣгу нисколько не осталось. Развѣ гдѣ въ глубокомъ овражкѣ бѣлѣлся да узенькими полосками по лѣсной окраинѣ лежалъ. По пригоркамъ, на солнечномъ припекѣ, показалась моладая зелень. Погода хорошая, со всхода до заката солнце свѣтитъ и грѣетъ, въ небѣ ни облачка... Рѣчки и ручьи шумно бурлятъ, луга затоплены, легкій вѣтерокъ рябитъ широкія воды, и дрожащими золотыми переливами ярко горятъ онѣ на вешнемъ солнцѣ! По деревнѣ стономъ стоятъ голоса... Послѣ праздника весеннія хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ, либо полицу перековываетъ — пахота не за горами... Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ. „Поднимайся, рожь зеленая, охрани тебя, матушку, Небесный Царь!.. Уроди, Господи, крещенымъ людямъ вдоволь хлѣбушка!“... молятъ мужики.

Бабы да дѣвки тоже хлопочутъ: гряды въ огородахъ копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждутъ не дождутся Егорьева дня, когда на утренней зарѣ святой вербушкой погонятъ въ поле скотинушку, отощалую, истощенную отъ долгаго зимняго холода-голода... Молодежь работаетъ неустанно, а веселья не забываетъ. Звонкія пѣсни разливаются по деревнѣ. Парни, дѣвки весну окликаютъ.

Весна, весна красная,
Приходи къ намъ съ радостью!

Ребятишки босикомъ, въ однѣхъ рубашенкахъ, по-лѣтнему, кишатъ на улицѣ, бѣгаютъ по всполью — обѣдать даже не скоро домой загонишь ихъ... Стономъ стоятъ тоненькіе дѣтскіе голоса... Жмурясь и щурясь, силятся своими глазенками прямо глядѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ ему весеннюю пѣсню:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ...
Солнышко покажись,
Красное, нарядись.—
Къ тебѣ гости на дворъ,
На пиры пировать,
Во столы столовать.

Радуница пришла!... Красная горка!... Веселье-то какое!

Только минетъ Святая, и смолкнетъ пасхальный звонъ, по сельщинѣ-деревенщинѣ „помины“ и „оклички“ зачинаются. Въ „навій день“ *) старъ и младъ спѣшатъ на кладбище съ мертвецами христосоваться. Отпѣвъ церковную панихиду, за старорусскую тризну садятся.

Разсыпается народъ по Божьей нивѣ, зарываетъ въ могилки красныя яйца, поливаетъ жальники сыченой брагой, убираетъ ихъ свѣжимъ дерномъ, раскладываетъ по жальникамъ блины, оладьи, пироги, кокурки **), крашены яйца, пшенники да ланшенники, ставитъ вино, пиво и брагу... Затѣмъ окликаютъ загробныхъ гостей, просятъ ихъ попить-поѣсть на поминальной тризнѣ.

Оклички женщинами справляются, мущинами—никогда. Когда вслушаешься въ эти оклички. въ эти „жальныя причитанья“, глубокой стариной пахнетъ!... Тѣ слова десять вѣковъ переходятъ въ устахъ народа изъ рода въ родъ... Старымъ богамъ тѣ пѣсни поются: Грому Гремучему да Матери-Сырой землѣ.

Со восточной со сторонушки
Подымались вѣтры буйные,
Расходились тучи черныя.
А на тѣхъ ли на тученькахъ
Громъ Гремучій со молоньями,
Со молоньями да со палючими...
Ты ударь, Громъ Гремучій, огнемъ полымемъ,
Расшиби ты, громова стрѣла,
Еще матушку Мать-Сыру-Землю...
Ахъ ты, матушка Мать-Сыра-Земля,
Разступись на четыре сторонушки;
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отвалитесь, руки бѣлыя,
Отъ ретивaго сердечушка...
Государь ты нашъ, родной батюшка,—
Мы пришли на твое житье вѣковѣчное,
Пробудить тебя ото сна отъ крѣпкаго.
Мы раскинули тебѣ скатерти браныя;
Мы поставили тебѣ яства сахарныя.
Принесли тебѣ пива пьянаго.
Садись съ нами, молви слово сладкое,
Ужъ мы сядемъ супротивъ тебя,
Мы не можемъ на тебя наглядѣтися,
Мы не можемъ съ тобой набаяться.

Наплакавшись на „жальныхъ причитаньяхъ“, за тризну весело принимаются. Вмѣсто раздирающей душу, хватающей за сердце „оклички“, веселый говоръ раздается по жальникамъ...

Пошелъ пиръ на весь міръ—Яръ-хмѣль на землю ступилъ.

Другія пѣсни раздаются на кладбищахъ... Поютъ про „калинушку съ малинушкой — лазоревый цвѣтъ“, про „кручинушку, крытую бѣлою грудью, запечатанную крѣпкою думой“, поютъ про то, „какъ прошли наши

*) „Навій день“, а въ Малороссіи „мертвецкій великъ день“—другое названіе Радуницы... Навь, навье—мертвецъ.

**) Пшеничный хлѣбецъ съ запеченнымъ въ немъ яйцомъ.

вольные веселые дни, да наступили слезовы-горьки времена". Не жаркимъ весельемъ, тоской горемычной звучатъ онѣ...

Нѣтъ, то новыя пѣсни, не Ярилины.

Клонится солнце на западъ... Пусть ихъ старухи да молодки по домамъ идутъ, а батьки да свекры, похмѣльными головами прильнувъ къ холоднымъ жальникамъ, спятъ богатырскимъ сномъ... Молодцы-удальцы!... Ярило на поле зоветъ Красну Горку справлять, пѣсни играть, хороводы водить, просо сѣять, плетень заплетать... Дѣвицы-красавицы!... Ярило зоветъ—бѣгите невѣститься...

Шаромъ-баломъ катитъ молодежь съ затихшаго кладбища на зеленѣющія луговины.

Тамъ игры, смѣхи... Всѣхъ обуялъ Ярый Хмѣль...

— Красну Горку!... Плетень заплетать!... Сѣру утицу!... раздаются веселые голоса.

И громко заливается пѣсня:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка хрущатая!..
Ой мимо двора,
Мимо широка
Не утица плыла
Да не сѣрая,
Тутъ шла ли, прошла
Красна дѣвица,
Изъ-за Красной горки,
Изъ-за синя моря,
Изъ-за чиста поля—
Утицъ выгоняла,
Лебедей скликала:
„Тига, тига, мои ути,
Тига лебеди домой!"

Спряталось за небесный закрой солнышко, алой тканью раскинулась заря вечерняя, заблисталъ синій сводъ яркими, безмолвно сверкающими звѣздами, а веселыя пѣсни льются да льются по полямъ, по лугамъ, по темнымъ перелѣскамъ...

Иванова ночь.

Собираются дѣвицы во единъ кругъ и съ пѣснями идутъ вереницей изъ деревни сбирать Иванъ да Марью и любистокъ (заря). Тѣми цвѣтами наканунѣ Аграфены Купальницы (23-го іюня) въ банѣ имъ париться. А полъ, лавки, полки въ банѣ на то время густымъ-густехонько надо устлать травою купальницей. Послѣ бани сходятся дѣвицы къ одной изъ подругъ. Съ пахучими вѣнками изъ любистка на головахъ, съ веселыми пѣснями, съ криками, со смѣхомъ, толкутъ онѣ гдѣ-нибудь на огородѣ ячмень на обѣтную кашу и ѣдятъ ее у рѣчки, аль у озера, бережно блюдя, чтобы каши не осталось ни маковой росинки. Съѣдятъ кашу, за другіе, изстари установленные обряды принимаются: парни возятъ дѣвокъ на переднихъ телѣжныхъ колесахъ, громко распѣвая купальскую пѣсень:

Иванъ да Марья
Въ рѣкѣ купались:
Гдѣ Иванъ купался,
Берегъ колыхался;
Гдѣ Марья купалась,
Трава разстилалась.
Купала на Ивана!
Купался Иванъ
Да въ воду упалъ.
Купала на Ивана.

Надвинулись сумерки, наступаетъ Иванова ночь... Рыбаки сказываютъ, что въ ту ночь вода подергивается серебристымъ блескомъ, а бывалые люди говорятъ, что въ лѣсахъ тогда деревья съ мѣста на мѣсто переходятъ и шумомъ вѣтвей межъ собой бесѣды ведутъ... Сорви въ ту ночь огненный цвѣтъ папоротника, поймешь языкъ всякаго дерева и всякой травы, понятны станутъ тебѣ разговоры звѣрей и рѣчи домашнихъ животныхъ... Тотъ „цвѣтъ-огонь“—даръ Ярилы... То—„царь-огонь“!...

Немного часовъ остается до полночи, когда на одно мгновенье тотъ чудный цвѣтокъ распускается. Только-что наступитъ полночь, изъ середины широколистнаго папоротника поднимается цвѣточная почка, шевелится она, двигается, ровно живая, и вдругъ съ страшнымъ трескомъ разрывается, и тутъ является огненный цвѣтъ... Незримая рука тотчасъ срываетъ его... То „цвѣтъ-огонь“, дарованный богомъ Ярилой первому человѣку... То—царь-огонь!...

Страшно подходить къ чудесному цвѣту, рѣдкій кто рѣшится идти за нимъ въ Иванову ночь. Такой смѣльчакъ развѣ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ выищется, да и тотъ не добромъ кончаетъ... Дýхи мрака, дýхи хлада, дýхи смерти, искони враждебные Солнцу-Ярилу, жадно стерегутъ отъ людей его даръ. Они срываютъ цвѣтъ-огонь, они напускаютъ ужасы, страсти и напасти на смѣльчака, что̀ пойдетъ за нимъ въ завѣтную Иванову ночь... Они увлекаютъ его за собой въ страну мрака и смерти, гдѣ ужъ не властенъ отецъ Ярило... Страшно поклоняться Ярилѣ въ лѣсу передъ таинственнымъ цвѣтомъ-огнемъ, зато весело и радостно чествовать свѣтлаго Яра купальскими огнями. Напередъ набравъ шиповнику, крапивы и другихъ колючихъ и жгучихъ растеній, кроютъ ими давно заготовленныя кучи хвороста и сухихъ сучьевъ. И лишь только за небеснымъ закроемъ спрячется солнышко, лишь только зачнетъ гаснуть заря вечерняя, начинаютъ во славу Яра живой огонь „взгнетать“... Для того въ сухой березовой плахѣ прорѣзываютъ круглое отверстіе и плотно пригоняютъ къ нему же сухое березовое, очищенное отъ коры, круглое полѣно... Его треніемъ въ отверстіе плахи вытираютъ огонь... И то дѣло однихъ стариковъ... И когда старики взгнетаютъ живой огонь, другіе люди безмолвно и недвижно стоятъ вкругъ священнодѣйствія, ожидая въ благоговѣйномъ страхѣ чуднаго явленія „божьяго посла“—царя-огня...

Потомъ обливаются старики, „творя божіе дѣло“... Впившись глазами въ отверстіе плахи, стоитъ возлѣ нихъ по праздничному разодѣтая, вѣнкомъ изъ цвѣтовъ увѣнчанная перворожденная своей матерью дѣвочка—подростокъ, съ сухой лучиной въ высоко поднятой рукѣ... Разгорѣлось дѣтское личико, смотритъ она, не смигнётъ, сама дыханья не переводитъ, но не дрожитъ поднятая къ небесамъ рученка... Безмолвно, набожно глядитъ толпа на работу старцевъ... Въ вечерней тиши только и слышны шуркъ сухаго дерева, молитвенные вздохи старушекъ да шептанье христіанскихъ молитвъ... Но вотъ задымилось въ отверстіи плахи, вотъ вспыхнулъ огонекъ, и просіявшая восторгомъ дѣвочка въ строгомъ молчаньи бережно подноситъ къ нему лучину... Снисшелъ божій посолъ!.. Явился „царь-огонь“!.. Загорѣлся въ кострахъ великій даръ живоноснаго бога... Радостнымъ крикамъ, веселому гомону, громкимъ пѣснямъ ни конца, ни краю.

Въ густой влажной травѣ свѣтятся Ивановы червяки; ровно зеленымъ полымемъ, они переливаются; въ заливной, сочной пожнѣ сверкаетъ мышиный огонь, тускнетъ заря на небѣ, ярко разгораются купальскіе костры, обливая красноватымъ свѣтомъ темные перелѣски и отражаясь въ сонныхъ водахъ алыми столбами... Вся молодежь передъ кострами—дѣвушки въ вѣнкахъ изъ любистка и краснаго мака, иныя съ травяными поясами, у всѣхъ молодцовъ цвѣты на шляпахъ... Крѣпко схватившись за руки, прыгаютъ они черезъ огонь попарно: не разойдутся руки во время прыжка, быть парѣ, быть мужемъ-женой, разойдутся — свадьбы не жди... До утра кипитъ веселье молодежи вкругъ купальскихъ костровъ.

Петровъ день.

Петровъ день наступаетъ: лѣтняя братчина, братчина—Петровщина; по сельщинѣ-деревеньщинѣ пиръ горой. Наканунѣ Петрова дня по селамъ возня, по деревнямъ суетня. Конецъ Петровкѣ-голодовкѣ — моленаго барашка въ лобъ!.. Давай бабы творогу, сметаны, простокваши, топленаго молока!.. Стары люди за вѣрное сказываютъ, что прежде Петровокъ и въ заводяхъ не было; вы, бабы, скопи-домокъ, тотъ постъ у Господа вымолили; вы, бабы, жалобились: безъ лѣтняго-де поста ни масла, ни другаго молочнаго запасти нельзя, все-де молоко мужики съ ребятишками выхлебаютъ... Ну, вотъ по вашему умоленью и мы держимъ постъ—давай же на розговѣнье все напасенное!.. Жарь, пеки да вари, пойлетъ у насъ пиръ на весь Божій міръ! Постъ провалилъ, до зеленаго покоса напразднуемся... Не жалѣй на брагу хлѣба, солоду—зажелтѣли поля, колосья клонятся, новаго богатья не долго ждать!... Таковъ на Петровъ день бабамъ дается приказъ отъ отцовъ да отъ свекровъ, и наканунѣ праздника зачинается вкругъ печей возня-суетня. Дѣла по горло, а иной хозяюшкѣ вдвое того: есть зять молодой — готовь ему теща Петровскій сыръ, есть дѣтки богоданные — пеки тоболки, неси ихъ крестникамъ на розговѣнье, отплачивай за пряники, что́ приносили тебѣ на поклонъ въ Прощено Воскресенье вечеромъ.

У молодежи наканунѣ Петрова дня свои хлопоты: послѣдняя „хмѣлевая ночка“ подходитъ, завтра надо Кострому хоронить... Еще пройдетъ день, лѣта макушка придетъ, начнется страда, лѣтнимъ гулянкамъ конецъ... Вечеромъ только закатится солнце и сумракъ начнетъ по землѣ разстилаться, дѣвушки съ молодицами, звонко пѣсни играя, выходятъ гурьбой за околицу, каждая охабку соломы тащитъ. Выбравъ укромное мѣсто, раскладываютъ костры и при свѣтѣ ихъ вяжутъ Кострому изъ соломы. Одѣвши ее въ нарядный сарафанъ недавно вышедшей за-мужъ молодицы и убравши цвѣтами, молча, безъ шутокъ, безъ смѣха, кладутъ на доску возлѣ воды... Тутъ молодцы приходятъ, начинаются пѣсни, хороводы. Всю ночь напролетъ молодежь веселится, а когда зачнетъ утренняя заря разгораться, приходятъ на игрище люди пожилые, даже старики: посмотрѣть-поглядѣть, какъ солнышно красное станетъ играть.

Тухнутъ костры на землѣ, гаснутъ звѣзды на небѣ... Блѣднѣютъ на сводѣ небесномъ ночные покровы, свѣтлѣй и свѣтлѣй на восточномъ краю небосклона. Рой мелкихъ перистыхъ облаковъ усыпалъ поднебесье, лучи невидимаго еще солнца зажгли ихъ разноцвѣтными огнями. Съ каждой минутой ярче и ярче горятъ облака, блещутъ золотомъ, сверкаютъ пурпуромъ, переливаются алыми волнами... Разлились свѣтлые потоки по всему небес-

ному раздолью... Окропляется свѣжей росой, изумрудами блещетъ трава муравая, алмазами сверкаютъ капли росы на листьяхъ древесныхъ. Раскрываютъ цвѣты лепестки свои, и въ утренней прохладѣ со всѣхъ сторонъ льются благовонные воздушные токи... Близко, близко небесный олень златорогій. Ведутъ хороводъ и звонкою пѣснью зовутъ небесное свѣтило:

Не стучитъ, не гремитъ,
Не копытомъ говоритъ,—
Каленой стрѣлой летитъ
Молодой олень!
Ты Дунай ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!
* * *
У оленя-то копыта
Серебряныя,
У оленя-то рога
Красна золота!
Ты Дунай ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!
* * *
Ты олень ли, мой олень,
Ты Олешенька!
Ты куда-куда бѣжишь,
Куда путь держишь?
Ты Дунай ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!
* * *
Я бѣгу ли, побѣгу
Ко студеной ко водѣ,
Мнѣ копытцемъ ступить,
Ключеву воду студить!
Ты Дунай ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!
* * *

И кончивъ пѣсню, рѣзко бѣгутъ на пригорки. Съ непокрытыми головами, опершись на посохи, тамъ ужъ стоятъ старики. Умильно склонивъ головы на правыя руки, рядомъ съ ними старушки. Глазъ не сводятъ сѣдые съ восточнаго края небесъ, набожно ждутъ того часа, какъ солнышко на небѣ станетъ играть...

Густыми толпами стариковъ молодежь обступила. Все тихо, безмолвно. Только и слышны сердечные вздохи старушекъ да шелестъ листвы древесной, слегка колыхаемой свѣжимъ зоревымъ вѣтеркомъ... Раскаленнымъ золотомъ сверкнулъ край солнца, и радостный крикъ громко по всполью раздался.

Солнце взыграло, грянула громкая пѣсня:

Ой Дидъ Ладо!.. на курганѣ
Соловей гнѣздо свиваетъ,
А иволга развиваетъ,
Хоть ты вей, хоть не вей, соловей —
Не бывать твоему гнѣзду совитому,
Не бывать твоимъ дѣткамъ вывожатымъ,
Не летать твоимъ дѣткамъ по дубравѣ,
Не клевать твоимъ дѣткамъ бѣлотурой пшеницы!
Ой Дидъ, Ладо! пшеницы!..

Поднялось солнце въ полдерева, всѣ пошли по домамъ съ ночнаго гулянья. Впереди толпа ребятишекъ, какъ въ барабаны, колотятъ въ лукошки, и громкое ихъ грохотанье далеко разносится въ тиши ранняго утра. За ними дѣвушки съ молодицами несутъ на доскѣ Кострому. Мущины за ними по́одаль идутъ. Подобье умершаго Ярилы медленно проносятъ по деревнѣ подъ звуки тихой заунывной пѣсни. То „первыя похороны“.

Тамъ, гдѣ братчина, обѣдаютъ тотчасъ послѣ ранней обѣдни. Щи

съ бараниной, ватрушки, бараній бокъ съ кашей—обычныя яства на петровскомъ обѣдѣ. Пообѣдавши, мущины, старые и молодые, спѣшатъ на братчину, на Петровщину. На деревенскомъ выгонѣ ставятъ столы, и раскладываютъ на нихъ жареную баранину, ватрушки и пироги съ бараньимъ сердцемъ, ставятъ жбаны съ пивомъ, свареннымъ на складчину, да вино зеленó, покупное на общія деньги. На братчинѣ только свои. „На пиры на братчины не званы пити не ѣздятъ“, сказано лѣтъ за пятьсотъ и побольше того. Начинаютъ съ вина, пьютъ безъ шапокъ, чинно, степенно. Каждый напередъ перекрестится и такую молитву молвитъ вполголоса:

— Батюшка Петръ-Павелъ! Заткни въ небѣ дыру, замкни тучи-обволоки, не лей дождемъ!... Подай, Господи, зеленый покосъ убрать по-добру по-здорову!

Подъ конецъ пированья, когда пьяное веселье всѣхъ разберетъ,—затренкаютъ балалайки, запищатъ гармоники, волынки загудятъ. Иной разъ Сергачъ приведетъ лѣснаго боярина Михайлу Иваныча Таптыгина, съ козой, съ барабаномъ, и пойдетъ у братчиковъ шумная потѣха надъ звѣремъ. Коли много вина, напоятъ косолапаго до-пьяна. А ужъ если очень развеселятся, становятся стѣна на стѣну и заводятъ потѣшный кулачный бой.

Таково веселье на братчинахъ споконъ вѣку водилось... „Какъ всѣ на пиру напивалися, какъ всѣ на пиру наѣдалися, и всѣ на пиру пьяны веселы, всѣ на пиру порасхвастаются, который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, разумный хвалится отцомъ съ матерью, а безумный похвастаетъ молодой женой... А и будетъ день ко вечеру, отъ малаго до стараго начинаютъ ребята боротися, а въ иномъ кругу на кулачки битися... Отъ тоя борьбы отъ ребячія, отъ того боя отъ кулачнаго начинается драка великая“.

Межь тѣмъ дѣвицы да молодицы передъ солнечнымъ закатомъ съ громкими пѣснями изъ деревни въ чистое поле несутъ Кострому... Молодые парни неженатые, заслышавъ тѣ пѣсни, покидаютъ братчину, идутъ слѣдомъ за красными дѣвицами.

Кладутъ Кострому на доскѣ на прежнемъ мѣстѣ, становятся вкругъ нея хороводомъ и печальными пѣснями отпѣваютъ Ярилу:

Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!
Клали его во гробочекъ,
Зарывали его во песочекъ!
„Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!“
Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту—
Лежитъ во гробочкѣ,
Во желтомъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

* * *

Приходили къ батюшкѣ четыре старушки;
Приносили батюшкѣ четыре ватрушки!
„Встань, батюшка, встань,
Встань, родимый, вздынься!“
Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту—

Лежитъ во гробочкѣ,
Во желтомъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

* * *

Приходили къ батюшкѣ четыре молодки,
Приносили къ батюшкѣ четыре сочовки,
„Встань, батюшка, встань,
Встань, родимый, вздынься!“
Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту—
Лежитъ во гробочкѣ.
Во желтомъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

* * *

Приходили къ батюшкѣ четыре дѣвчонки,
Приносили батюшкѣ четыре печонки:
„Встань, батюшка, встань,
Встань, родимый, вздынься!“
Ждемъ твово привѣту, ждемъ твово отвѣту,
Встань изъ гробочка,
Вздынься изъ песочка!
Ожилъ, нашъ батюшка, ожилъ,
Вздынулся, родимый нашъ, всталъ!

И другія пѣсни поются надъ соломенной Костромой... Съ тоскливымъ плачемъ, съ горькими причитаньями, съ барабаннымъ грохотомъ въ лукошки, со звономъ иечныхъ заслоновъ и сковородъ, несутъ Кострому къ рѣчкѣ, раздѣваютъ и, растрепавъ солому, пускаютъ на воду. Пока вода не унесетъ все до послѣдней соломенки, молодежь стоитъ у берега и долго слышится уныло пѣсня:

Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

А потомъ начинаются хороводы и веселыя игры. Въ „селезня“ играютъ, въ „воробушка“, въ „оленюшку“, въ „заиньку“, „просо сѣютъ“, „макъ ростятъ“, „ленъ засѣваютъ“—и все съ пѣснями... Здѣсь бренчитъ балалайка, тамъ заливается пастушій рожокъ, дальше гудятъ гудки и гармоники. Бойкіе молодцы пляшутъ въ кругу хороводномъ, пляшутъ рядами, пляшутъ одни за другими, вертятся, кружатся, иль молодыми ногами частую дробь выбиваютъ. Удалью пышутъ ихъ загорѣлыя лица. Красныя дѣвицы, дружно сплетяся руками, неспѣшно ведутъ хороводъ, весело въ ладъ припѣвая. Матери, тетки и всѣ пожилыя одаль стоятъ, весело смотрятъ на дѣтокъ, любуясь стройными играми ихъ, юность свою вспоминая.

Клонится къ западу солнце, лучъ за лучомъ погашая. Алое тонкое облако подъ нимъ разостлалось. Шире и шире оно разстилается, тонетъ въ немъ солнце, и сумракъ на небо восходитъ, чернымъ покровомъ лѣсъ и поля одѣвая... Ночь, послѣдняя ночь хмѣлевая!

Матери, тетки ушли, увели съ собой ребятишекъ, отцы и мужья пиво да брагу кончаютъ; съ грустью, съ печалью на сердцѣ всѣхъ позднѣй съ поля ушли молодицы, нельзя до утра имъ гулять, надобно пьянаго мужа

встрѣчать... Осталась одна холостежь. До солнечнаго восхода она веселится. Ясно горятъ звѣзды въ глубокомъ темносинемъ небѣ, блѣднымъ свѣтомъ тихо мерцаетъ „Моисеева дорога“, по краямъ небосклона то и дѣло играютъ зарницы, кричатъ во ржи горластые перепела, трещитъ дергачъ у рѣчки, и въ послѣдній разъ уныло кукуетъ рябая кукушка. Пришла лѣта макушка, вѣщуньѣ больше не куковать... Сошла весна съ неба, красно лѣто на небо вступаетъ, хочетъ жарами землю облить. Ни конца, ни краю играмъ и пѣснямъ.

Весеннія гулянки.

Весеннія гулянки по селамъ и деревнямъ зачинаются съ качелей Святой Недѣли и съ радуницкихъ хороводовъ. Онѣ тянутся вплоть до Петрова розговѣнья. На тѣхъ гулянкахъ водятъ хороводы обрядные, поютъ пѣсни завѣтныя—то останки старинныхъ праздниковъ, что́ справляли наши предки во славу своихъ развеселыхъ боговъ.

По чистому всполью, по зеленымъ рощамъ, по берегамъ рѣчекъ, всю весну молодежь празднуетъ веселому Яръ-Хмѣлю, богу сердечныхъ утѣхъ и любовной сласти... То-то веселья, то-то забавъ!... Милованью да затѣйнымъ играмъ конца нѣтъ...

До солнечнаго всхода раздаются звонкія пѣсни и топотъ удалыхъ плясокъ на тѣхъ праздникахъ... Кромѣ дней обрядныхъ, лишь только выдастся ясный тихій вечеръ, молодежь, забывъ усталь дневной работы, не помышляя о завтрашнемъ трудѣ, рѣзво бѣжитъ веселой гурьбой на урочное мѣсто и до свѣту водитъ тамъ хороводы, громко припѣвая: какъ „вокругъ города Царева ходилъ-гулялъ царевъ сынъ, королевъ“, какъ „въ Арзамасѣ на украсѣ собиралися молодушки въ единъ кругъ“, какъ „ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ“ и какъ „селезень по рѣченькѣ сплавливалъ, свои сизыя крылышки складывалъ“... Слышатся въ тѣхъ пѣсняхъ помины про Дунай-рѣку, про тихій Донъ, про глубокіе омуты днѣпровскіе, про широкое раздолье Волги-матушки, про московскую рѣку Сородину... Лебеди бѣлые, со́колы ясные, вольная птица журинька, кусты ракитовые, мурава зеленая, цвѣты лазоревые, духи малиновые, мосты калиновые,—одни за другими поминаются въ тѣхъ величавыхъ, сановитыхъ пѣсняхъ, что́ могли вылиться только изъ души русскаго человѣка на его безграничныхъ, раздольныхъ, о́тъ моря до́ моря раскинувшихся равнинахъ.

Не успѣли оглянуться послѣ радуницы, какъ рѣки въ берега вошли,—и наступило пролѣтье... Еще день-два миновало, и прикатилъ теплый Микула съ кормомъ *). Гдѣ хлѣба довольно въ закромахъ уцѣлѣло, тамъ къ Микулину дню брагу варятъ, меда́ ставятъ, братчину-микульщину справляютъ, но такихъ мѣстъ немного. Вешнему Микулѣ за чарой вина больше празднуютъ.

Въ лѣсахъ на сѣверѣ въ тотъ день первый оратай Русской земли вспоминается, любимый сынъ Матери-Сырой-Земли, богатырь, крестьянствомъ излюбленный, Микула-Селяниновичъ, съ его сошкой дорога́ чёрна дерева, съ его гужиками шелко́выми, съ омешикомъ **) серебрянымъ, съ присо́шками кра́сна золота.

Микулу больше всего смердъ ***) чествовалъ... Ему, поильцу, ему, ми-

*) 9-го мая, когда поля совсѣмъ покрываются травой—кормомъ для скота.

**) Омѣшь—сошникъ, лемехъ—часть сохи. Присошекъ то же, что палица—желѣзная лопаточка у сохи, служащая для отвалу земли.

***) Крестьянинъ, земледѣлецъ.

лостивому кормильцу, и честнѣе и чаще справлялъ онъ праздники... Ему въ почесть бывали пиры, столованья на братчинахъ-микульщинахъ *).

Въ день Микулы съ кормомъ, послѣ пировъ-столованій у богатыхъ мужиковъ, заволжски ребята съ лошадьми всю ночь въ полѣ празднуютъ... Тогда-то въ ночной тишинѣ раздаются громкія микульскія пѣсни... Ими привѣтствуютъ наступающій день именинъ Матери-Сырой-Земли.

Микула свѣтъ, съ милостью
Приходи къ намъ, съ радостью,
Съ великою благостью!
Держимся за сошку,
За кривую ножку...
Мать-Сыра-Земля добра,
Уроди намъ хлѣба:
Лошадушкамъ овсеца.
Коровушкамъ травки!...

I

Минулъ праздникъ Микулы, минули именины Матери-Сырой-Земли, съ первымъ сборомъ цѣлебныхъ зелій и съ Зилотовыми хороводами **). Глядь, честно́й Семикъ на дворѣ—завиванье вѣнковъ, задушныя поминки. Въ тотъ день по́дъ вечеръ, однѣ, безъ мо́лодцовъ, сбираются дѣвушки. Надѣвъ зеленые вѣнки на го́ловы, уходятъ онѣ съ пѣснями на вспольe и тамъ подъ ракитовымъ кустомъ стряпаютъ „сборну яичницу“, припѣвая семицкія пѣсни. Завивъ вѣнки, цѣлуются черезъ нихъ и „кумятся“ при звонкихъ веселыхъ пѣсняхъ:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дидъ Ладо! честному Семику,
Ой Дидъ Ладо! березкѣ моей,
Еще кумушкѣ да голубушкѣ!
Покумимся,
Покумимся,
Не сваряся, не бранясь.
Ой Дидъ Ладо, березка моя!

Тутъ же и „кукушку крестятъ“. Для того нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ верхушки ихъ платками, полотенцами или лентами и вѣшаютъ на нихъ два креста-тѣльника ***). Подъ березками разстилаютъ платки, кладутъ на нихъ сдѣланную изъ кукушкиныхъ слезокъ ****) птичку

*) Какъ почитанье Грома Гремучаго при введеніи христіанства перенесли у насъ на почитанье Ильи-Громовника, а почитанье Волоса, скотьяго бога—на Святаго Власія, такъ и чествованье оратая Микулы Селянинича перевели на христіанскаго святаго—Николая Чудотворца. Оттого-то на Руси всего больше Николѣ Милостивому и празднуютъ. Весенній праздникъ Николаю Чудотворцу, котораго нѣтъ у Грековъ, заимствованъ былъ русскими у латинъ, чтобъ пріурочить его къ празднику Матери-Сырой-Земли, что́ любитъ „Микулу и родъ его“. Празднество Микулѣ совпадало съ именинами Матери-Земли. И до сихъ поръ два народныхъ праздника рядомъ сходятся: первый день „Микулы съ кормомъ“ (9-го мая), другой день (10-го мая) именины Матери-Сырой-Земли“.

**) Зилотовы хороводы справляются въ день, когда Земля именинница, 10-го мая. Въ тотъ день церковь празднуетъ апостолу Симону Зилоту. Оттого хороводы и зовутся Зилотовыми.

***) Тѣльникъ—крестъ, носимый на шеѣ.

****) Растеніе orchis maculata.

и, надѣвъ на нее крестъ, попарно, дѣвушка съ дѣвушкой, ходятъ другъ другу навстрѣчу вкругъ березокъ, припѣвая:

Ты, кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить намъ, не браниться,
Чтобъ другъ съ дружкой не свариться.

Съ тѣхъ поръ семицкія кумушки живутъ душа въ душу цѣлыхъ три дня, вплоть до Троицы. Случается, однако, что долгій язычекъ и до этого короткаго срока остужаетъ семицкое кумовство... Не даромъ говорится пословица: „кукушку кстили, да языка не прикусили“.

А черезъ день отъ честнáго Семика—„Клечáльна суббота“... Въ тотъ день рублятъ березки, въ домахъ и по улицамъ ихъ разставляютъ ради Троицы, а вечеромъ послѣ всенощной молодежь ходитъ къ рѣкамъ и озерамъ русалокъ гонять. Всю семицкую недѣлю, что́ слыветъ въ народѣ „зелеными святками“, шаловливыя водяницы рыщутъ по полямъ, катаются по зеленой ржи, качаются на деревьяхъ, залучая неосторожныхъ путниковъ, чтобъ защекотать ихъ до́ смерти и увлечь за собой въ подводное царство дѣдушки Водянаго. Всю троицкую ночь съ березками въ рукахъ молодые парни и дѣвушки рѣзво и весело, съ громкимъ смѣхомъ, съ радостными кликами, бѣгаютъ по полямъ, гоняя русалокъ, а на солнечномъ всходѣ купаются въ водахъ, уже безопасныхъ отъ ухищреній лукавыхъ водяницъ... На Троицу у молодежи хороводы, на Троицу развиванье семицкихъ вѣнковъ, пусканье ихъ на́ воду, и гаданье на нихъ... А у степенныхъ женщинъ и старушекъ на тотъ день свои заботы—идутъ онѣ на кладбища и цвѣтными пучками, что́ держали въ рукахъ за вечерней, прочищаютъ онѣ глазыньки родителямъ *).

И такъ день за́ день, недѣля за недѣлей, вплоть до Петрова дня... Что́ ни день, то веселье, что́ ни вечеръ, то „гулянка“ съ пѣснями, съ играми, съ хороводами и гаданьями... Развеселое время!...

Петра солноворота **), — конецъ весны, начало лѣту. Своротило солнышко на́ зиму, красное лѣто на жары пошло. Останные посѣвы гречихи покончены, на самыхъ запоздалыхъ капустникахъ разсада посажена, на послѣднюю разсадину горшокъ опрокинутъ, дикарь ***) наваленъ и бѣлый платъ разостланъ съ приговорами: „уродись ты, капуста, гола́ горшкомъ, туга камешкомъ, бѣла полотнянымъ платкомъ“.

По утренней росѣ, въ однѣхъ рубахахъ, опоясавшись шерстяными опоясками, досужія хозяйки ходятъ, бродятъ по огородамъ. Зорко высматриваютъ онѣ, не зажелтѣлъ ли гдѣ въ приземистой огуречной травкѣ золотистый новичекъ — первенькій цвѣточекъ. И только-что завидитъ которая желаннаго гостя, то́тчасъ красную нитку изъ опояски вонъ, и съ молитвой царю Константину и матери Оленѣ наклоняется надъ грядкой и тою ниткой перевязываетъ выглянувшій на свѣтъ Божій цвѣточекъ. А сама заговоръ шепчетъ: „Какъ густо мой поясъ вязался, такъ бы густо вязались мои огурцы, не было бъ межь нихъ пустоцвѣту!...

*) Пучками цвѣтковъ или березками обмотаютъ онѣ могилы. Это и называется „прочищать глаза у родителей“.

**) Іюня 12-го.

***) Гранитный, камень. Въ лѣсахъ за Волгой немало такихъ гранитныхъ валуновъ.

Въ деревняхъ, что̀ подальше въ захолустьяхъ, на Тихоновы дни иное старинное дѣйство справляютъ. О ту пору сорныя травы межь сѣянной и саженной огородины разростаются, пора дѣвичьей работы подходитъ — гряды полоть. Но передъ тѣмъ, по старому завѣту, надо „гряды обѣгать“. Сбираются красны дѣвицы гурьбою и въ глухую полно̀чь обѣга̀ютъ гряды веселой вереницѐй. А сами всѣ до единой въ чемъ мать на свѣтъ родила. Отъ того обѣга̀нья ни червь на гряды не нападетъ, ни лютыя медвяныя росы, ни солнышкомъ овощи не припечетъ, ни дождикомъ ихъ не зальетъ.

Не уставлено урочнаго дня грядному обѣганью — никому не узнать, въ какую ночь станутъ дѣвицы свое дѣйство справлять. Не скажутъ онѣ ни брату, ни снохѣ, ни малымъ ребятамъ, ни родителямъ. И безъ того не мало заботъ, чтобъ дѣвичье дѣйство обошлось безъ помѣхи, чтобъ не было ему какого ни на есть порушенья.

Стали замолкать соловьи, стали стихать и другія голосистыя пташки. Не слыхать больше звонкаго, переливистаго ихъ щебетанья. Иные пѣвуны съ иными пѣснями смѣнили ихъ: только что закатится солнышко, въ озимяхъ перепела затюкаютъ, въ дымящемся бѣлымъ туманомъ болотѣ дергачъ *) закричитъ, да на разные лады заведутъ свои пѣсни лягушки... Полетѣла пчела—Божья угодница—на расцвѣтшіе луга и поляны, за о̀бножью **). Отколь ни возьмись комариная сила, и напалъ на скотину оводъ; по лугамъ и перелѣскамъ во всѣ стороны заметалась скотина, забѣгала, задравъ хвосты, ровно бѣшеная. Межипарье ***) приспѣло, вывезли мужики на паровыя поля, сколько у кого накопилось, навозу, двойчатыми желѣзными вилами бабы по всей полосѣ раскида̀ли его, чтобъ лежалъ ровненько — уродилъ хлѣба̀ полненько... Ко̀нецъ первой страдѣ ****). Не за горами и вторая; а вторая страда горше первой. Извѣстно дѣло: на перву страду выльѐшь поту жба̀нъ, на втору—полный чанъ.

Травы налились, зацвѣли, раздушились... Недалеко̀ косовица—зеленый покосъ, не за горами и жнитво, озимая пахота, сѣвъ. Выволакиваютъ мужики заброшенныя по задворкамъ послѣ яровой пахоты сохи и косули, вынимаютъ изъ клѣтей серпы да косы. Тутъ не безъ хлопотъ; косы надо наклепать, серпы назубрить, брусницы *****) варомъ облить да пескомъ усыпать. Брусницу сладить— дѣло не важное, и подростокъ сможетъ, но клепка косъ и зубренье серповъ не всякому зипуну къ рукаву подойдетъ. Тутъ нужны сметка въ головѣ да проворъ въ рукѣ, безъ умѣнья колоти молоткомъ по заклепкамъ, сколько хочешь, одна пустая маята выдетъ, пожалуй еще порча...

Но вотъ стукъ-брякъ по улицѣ косами да серпами. Съ конца деревни до другаго веселые крики несутся...

Ужъ ты слышишь ли, мое милое дитятко,
Моя бѣлая лебедушка?

*) Болотная птица rallus crex, иначе коростель.

**) Обножь, иначе взятокъ, колодки, понбска, понбсъ—добыча, которую пчела собираетъ за одинъ вылетъ.

***) Межипарье — пора между весенними и лѣтними полевыми работами, отъ конца посѣвовъ до начала сѣнокоса.

****) Страда—рабочее время въ поляхъ. Первая или малая страда бываетъ весною (пахота и сѣвъ яроваго поля). Она гораздо легче второй или большой страды, бывающей въ іюнѣ и августѣ. Тутъ и сѣнокосъ, и жнитво, и пахота, и засѣвъ озимыхъ полей.

*****) Брусница или брусовецъ—дощечка въ видѣ маленькой лопаты, облитая варомъ (сосновая, еловая, пихтовая и всякаго другаго хвойнаго дерева смола, очищенная и сгущенная варкой, а потомъ посыпанная пескомъ, который крѣпко пристаетъ къ вару). Брусница употребляется для точенья косъ и горбушъ.

Ужъ ты видишь ли изъ могилушки
Свою матушку рòдную?
Дождалась ты меня горегорькую—
Собралась я къ тебѣ въ гости скорешенько,
Не на кóняхъ я къ тебѣ пріѣхала,
Прибѣжала на своихъ рѣзвыхъ ноженькахъ.
Мои скорыя ноженьки не тянутся,
Бѣлы рученьки не вздымаются,
Очи ясныя не глядятъ на бѣлый свѣтъ!...
И мнѣ нѣту ласковаго словечушка,
И мнѣ нѣту теплаго завѣтерья!
Не ясенъ день безъ краснаго солнышка,
Не весело жить безъ милой доченьки!..
Что сумнилася моя головушка,
Что сумнилася—сокрушилася?
Съ кѣмъ раздумать мнѣ думу крѣпкую,
Съ кѣмъ размыкать мнѣ горе горькое,
Отъ кого услышать слово ласковое?
О томъ голова моя посумнилася,
Посумнилася, побѣдная, сокрушилася,
Что шатаюсь я на свѣтѣ, побѣдна головушка,
Средь добрыхъ людей какъ травинушка,
Какъ травинушка-сиротинушка.
Что же спишь ты, моя бѣлая лебедушка,
Что же спишь ты, не просыпаешься?
Сокрѣпила ты свое сердечушко
Крѣпче каменя горючаго,
И нигдѣ-то я тебя, голубушка, не увижу,
Голосочка твоего звонкаго не услышу!

Ночью въ лѣсу.

Ночь падвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей смѣшались лѣсные голоса... Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ, и потомъ вдали послышался тоскливый крикъ, будто человѣкъ въ отчаянномъ бореньи со смертью зоветъ къ себѣ на помощь: то были крики пугача... Поближе завозилась въ вершинѣ сосны вѣкша, проснувшаяся отъ необычнаго свѣта, едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и все дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ... Чуть стихло, и вотъ уже доносится издали легкій хрустъ сухаго валежника: то кровожадная куница осторожно пробирается изъ своего дупла къ дереву, гдѣ задремалъ глупый красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: куница поймала добычу и пьетъ горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева... Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышатся точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшимъ присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Потапа Максимыча. Но огонь не подпускаетъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычетъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми, зелеными

глазами, и прядаетъ кисточками на концахъ высокихъ прямыхъ ушей... Опять тишь, и вдругъ либо заверещитъ бѣдный зайчишка, попавшій въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика... Лѣсные обитатели живутъ не по нашему — обѣдаютъ по ночамъ...

Но вотъ вдали, за версту или больше, заслышался вой, ему откликнулся другой, третій вой—все ближе и ближе. Смолкъ, и послышалось прядапье звѣрей по насту, ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! боязно прошепталъ Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно ужъ спали крѣпкимъ сномъ.

— А?... Что?...—промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ.—Что ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ,—говорилъ смутившійся Потапъ Максимычъ.

— Да, воютъ...—равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ.—Экъ ихъ что тутъ! Чуютъ мясо, стервецы!

— Бѣда!—шепотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

— Какая же бѣда? Никакой бѣды нѣтъ. А вотъ побольше огня надо... Эй вы, ребята,—крикнулъ онъ работникамъ.—Проснись!... Эка заспались!... Вали на костры побольше.

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Патапомъ Максимычемъ навалили громадные костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось по лѣсу пуще прежняго.

— Видимо не видимо!...—говорилъ оторопѣвшій Потапъ Максимычъ,—слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей ужъ можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами. Видно, въ самомъ дѣлѣ они справляли именины звѣринаго царя.

— Ничего,—успокаивалъ Стуколовъ,—огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ въ сибирскихъ тайгахъ!..

Въ самомъ дѣлѣ, волки никакъ не смѣли близко подойти къ огню, хоть ихъ, голодныхъ, и сильно тянуло къ лошадямъ, а пожалуй, и къ людямъ.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнуть бы сѣрыхъ,—молвилъ Стуколовъ.—Молчи-ка ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ...—тревожно говорилъ Патапъ Максимычъ.—Глянь-ка, глянь-ка, со всѣхъ сторонъ навалило!.. Ахъ, ты Господи, Господи!.. Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ... Пропадай ты и съ Ветлугой своей!...

А волки все близятся; было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше, какъ въ трехъ саженяхъ, сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались. У Патапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ, вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова, тотъ потянулся въ своей лисьей шубѣ, зѣвнулъ во всю сласть, и, оглянувшись, промолвилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Волки никакъ!

Безъ малаго часъ времени прошелъ, путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣта оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но паломникъ человѣкъ бывалый,

недаромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были ужъ настолько близко, что до любаго изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы.

— Разъ... два... три!...—крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ... два... три!...—крикнулъ паломникъ, и, выступивъ за костры, путники еще пустили въ стаю по горящей лапѣ.

Завыли звѣри; но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ,—молвилъ паломникъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ, Якимъ Прохорычъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ, когда опасность миновала. — Не будь тебя, сожрали бы они насъ.

Паломникъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Народная артель.

Вотъ, ровно бѣлыя мухи, запорхали въ воздухѣ пушистыя снѣжинки; тихо ложатся онѣ на сухую, промерзлую землю; гуще и гуще становятся потоки льющагося съ неба снѣжнаго пуха; все бѣлѣетъ: и улица, и кровли домовъ, и поля, и вѣтви деревьевъ. Цѣлую ночь благодать Господня на землю валитъ. Къ утру красноогненнымъ шаромъ выкатилось на прояснѣвшее небо солнышко, и ярко освѣтило бѣлую, снѣжную пелену. У лѣсниковъ въ глазахъ рябитъ отъ ослѣпительнаго блеска, но рады они радешеньки и весело хлопочутъ, сбираясь въ лѣса „лѣсовать“. Суетятся и навзрыдъ голосятъ бабы, справляя проводы, ревутъ, глядя на нихъ, малы ребята, а лѣсники ровно на праздникъ спѣшатъ. Ладятъ сани, грузятъ ихъ запасами печенаго хлѣба и сухарей, крупой да горохомъ, гуленой да сушеными грибами съ рѣпчатымъ лукомъ. И вотъ на скорую руку простившись съ домашними, грянули они разудалую пѣсню и съ гиканьемъ поскакали къ своимъ зимницамъ на трудовую жизнь вплоть до Плющихи.

Артелями въ лѣсахъ больше работаютъ: человѣкъ по десяти, по двѣнадцати и больше. На сплавъ рубить рядятъ лѣсниковъ лысковскіе промышленники, раздаютъ имъ на Покровъ задатки, а разсчетъ даютъ передъ Пасхой, либо по сплавѣ плотовъ. Тутъ не безъ обману бываетъ: во всякомъ дѣлѣ толстосумъ съумѣетъ прижать бѣднаго мужика, но промежь себя въ артели у лѣсниковъ всякое дѣло ведется на чистоту... Зато ужь чужой человѣкъ къ артели въ лапы не попадайся: не помилуетъ, оберетъ, какъ липочку, и въ грѣхъ того не поставитъ.

За недѣлю, либо за двѣ до лѣсованья, артель выбираетъ старшого: смотрѣть за работой, ровнять въ дѣлѣ работниковъ и заправлять немудрымъ хозяйствомъ въ зимницѣ. Старшой, иначе „хозяинъ“, распоряжается всѣми работами, и воля его непрекословна. Онъ ведетъ счетъ срубленнымъ деревьямъ, натесаннымъ брусьямъ, онъ же наблюдаетъ, чтобы кто не отсталъ отъ другихъ въ работѣ, не вздумалъ бы жить чужимъ топоромъ, тянуть даровщину... У хозяина въ прямомъ подначальи „подсыпка“, паренекъ-подростокъ, лѣтъ пятнадцати, либо шестнадцати. Ему не подъ силу еще столь

наработать, какъ взрослому лѣснику, и зато подсыпка свой пай стряпней на всю артель наверстываетъ, а также заготовкой дровъ, смолья и лучины въ зимницу для свѣта и сугрѣва... Онъ же носитъ воду, и долженъ все прибрать и убрать въ зимницѣ, а когда запасы подойдутъ къ концу, ѣхать за новыми въ деревню.

Зимница, гдѣ послѣ цѣлодневной работы проводятъ ночи лѣсники, большая, четвероугольная яма, аршина въ полтора, либо въ два глубины. Въ нее запущенъ бревенчатый срубъ, а надъ ней, поверхъ земли, выведено вѣнцовъ шесть-семь сруба. Пола нѣтъ, одна убитая земля, а потолокъ накатной, немножко сводомъ. Оконъ въ зимницѣ не бываетъ, да ихъ и незачѣмъ: люди тамъ бываютъ только ночью, дневнаго свѣта имъ не надо, а чуть утро забрезжетъ, они ужь въ лѣсъ—лѣсовать и лѣсуютъ, пока не наступятъ глубокія сумерки. И окно, и дверь, и дымволокъ замѣняются однимъ отверстіемъ въ зимницѣ; оно прорублено вровень съ землей, въ аршинъ вышины, со створками, надъ которыми остается оконце для дымовой тяги. Къ этому отверстію приставлена лѣстница; по ней спускаются внутрь. Середи зимницы обыкновенно стоитъ сбитый изъ глины кожухъ, либо вырыта тепленка, такая же какъ въ овинахъ. Она служитъ и для сугрѣва и для просушки одежи. Дымъ изъ тепленки, поднимаясь кверху струями, стелется по потолку и выходитъ въ единственное отверстіе зимницы. Противъ этого отверстія внизу придѣланы къ стѣнѣ широкія нары. Въ переднемъ углу, возлѣ наръ, столъ для обѣда; возлѣ него переметная скамья и нѣсколько стульевъ, то-есть деревянныхъ обрубковъ. Въ другомъ углу очагъ съ подвѣшенными надъ нимъ котелками для варева. Вотъ и вся обстановка зимницы, черной, закоптѣлой, но теплой, всегда сухой и никогда не знающей, что за угаръ такой на свѣтѣ бываетъ... Непривычный человѣкъ недолго пробудетъ въ зимницѣ, а лѣсники ею не нахвалятся: привычка—великое дѣло. И живутъ они въ своей мурьѣ мѣсяца по три, по четыре, работая на волѣ отъ зари до зари, обѣдая, когда утро еще не забрезжило, а ужиная поздно вечеромъ, когда, воротясь съ работы, уберутъ лошадей въ загонѣ, построенномъ изъ жердей и еловыхъ лапъ возлѣ зимницы. У людей по деревнямъ и красная Никольщина, и веселыя Святки, и широкая Масляница,—въ лѣсахъ нѣтъ праздниковъ, нѣтъ разбора днямъ... Одинаково работаютъ лѣсники и въ будни, и въ праздникъ, и кромѣ „подсыпки“, никому изъ нихъ во всю зиму домой ходу нѣтъ. И къ нимъ изъ деревень никто не наѣзжаетъ.

....Брань и ссоры во все лѣсованье не дозволяются. Иной парень хотя на руготню и голова — огня не вдуетъ, замка не отопретъ, не выругавшись, а въ лѣсу не смѣетъ много растабарывать, а рукамъ волю давать и не подумаетъ... Велитъ старшой замолчать, пали сердце, сколько хочешь, а вздориться не смѣй. Послѣ, когда изъ лѣсу уѣдутъ, тамъ хоть ребра другъ дружкѣ переломай, но во время лѣсованья ни-ни. Такой обычай ведется у лѣсниковъ изстари. Съ чего завелся такой обычай? разъ спросили у стараго лѣсника, лѣтъ тридцать сряду ходившаго лѣсовать хозяиномъ. „По нашимъ промысламъ безъ уйму нельзя, — отвѣчалъ онъ, — также вотъ и продажной дури въ лѣсу держать никакъ невозможно, потому не ровенъ часъ, топоръ изъ рукъ у нашего брата не выходитъ... Долго-ль окаянному человѣка во хмѣлю, аль въ руготнѣ подъ руку толкнуть... Бывали дѣла, отъ того сторожко и держимся“.

Смолкли ребята, враждебно поглядывая другъ на друга, но ослушаться старшого и подумать не смѣли... Стоитъ ему слово сказать, артель встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, и такую вспорку задастъ ослушнику, что въ другой разъ не захочетъ дурить...

.....Какъ же артель у васъ собирается? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

Извѣстно, какъ. Придетъ осень, зачнемъ сговариваться, какъ лѣсовать зимой, какъ артель сбирать. Соберется десять, либо двадцать топоровъ,— больше не бываетъ. Наберутся скоро, потому что всякому лѣсовать надо, безъ этого деньгу не добудешь... Ну, соберутся, зачнутъ другъ у друга спрашивать, кому въ хозяевахъ сидѣть. Одинъ на того намекаетъ, другой на другаго... Такъ и толкуемъ день, два, ину пору и въ недѣлю не сговоримся... Тутъ-то вотъ галдѣнья-то послушалъ бы ты... Тогда вѣдь вино да хмѣльное сусло пьютъ, народъ-отъ въ задорѣ, рѣдко безъ драки обходится... Положатъ, наконецъ: идти кланяться такому-то, вотъ хоть бы дядѣ Онуфрію. Ну, и пойдемъ, придемъ въ избу, а онъ сидитъ, ровно ничего не знаетъ: „Что, говоритъ, скажете, ребятушки? Какая вамъ до меня треба?“ А ему въ отвѣтъ: такъ молъ и такъ, столько-то насъ человѣкъ въ артель собралось, будь у насъ за хозяина. Тотъ, извѣстно дѣло, зачнетъ ломаться, безъ этого ужь нельзя: „и ума-то, говоритъ, у меня на такое дѣло не хватитъ, и старъ-отъ я сталъ, и топоръ-отъ у меня изъ рукъ валится“, ну и все такое. А мы стоимъ да кланяемся, покамѣстъ не уломаемъ его. Какъ согласился, тотчасъ складчину по рублю, аль по два—значитъ, у лѣсничаго билеты править да попенныя платить. А которы на купцовъ работаютъ, тѣ старшóва въ Лысково посылаютъ рядиться. Это ужь его дѣло. Оттого и выбираютъ человѣка ловкаго, бывалаго, чтобъ въ городѣ не запропалъ и чтобъ въ Лысковѣ купцы его не больно обошли, потому что эти лысковцы— народъ дошлый, всячески норовятъ нашего брата огрѣть... Ну, выправитъ старшой билеты, отводное мѣсто намъ укажутъ. Тутъ, собравшись, и ждемъ первопутки. Только снѣгъ выпадетъ, мы въ лѣсъ... Тутъ и зачинается артель... Какъ выѣхали изъ деревни за околицу, старшой и сталъ всему дѣлу голова: чтó велитъ, то и дѣлай. А коли какое стороннее дѣло подойдетъ, вотъ хоть бы ваше, тутъ ужь онъ не при чемъ, тутъ ужь артель, чтó хочетъ, то и дѣлаетъ.

— А разсчеты когда? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Послѣ Евдокіи-Плющихи, какъ домой воротимся, — отвѣчалъ Артемій. — У хозяина кажда малость на счету... Оттого и выбираемъ грамотнаго, чтобъ умѣлъ счетъ записать.. Да вотъ бѣда — грамотныхъ-то маловато у насъ, зачастую такого выбираемъ, чтобъ хоть бирки-то умѣлъ хорошо рѣзать. По этимъ биркамъ, аль по записямъ и идетъ у насъ разсчетъ. Сколько кто харчей изъ дома за зиму привезъ, сколько кто овса на лошадей, другаго прочаго—все ставимъ въ цѣну. Получимъ заработки, поровну дѣлимъ. На Страшной и деньги по рукамъ.

— А безъ артелей въ лѣсахъ работаютъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мало, — отвѣчалъ Артемій. — Тамъ ужь не такая работа. Почитай, и выгоды нѣтъ никакой... Какъ можно съ артелью сравнять! Въ артели всѣмъ лучше: и сытнѣй, и теплѣй, и прибыльнѣй. Опять же завсегда на-людяхъ... Артелью лѣсовать невримѣръ веселѣй, чѣмъ бродить одиночкой, аль въ двойникахъ.

— А лѣтней порой ходите въ лѣсъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ не ходить? И лѣтомъ ходимъ, — отвѣчалъ Артемій. Вдаль, однако, не пускаемся, все больше по раменямъ... Бересту деремъ, лубъ. Да ужь это иная работа; тутъ жизнь бѣдовая, комары больно одолѣваютъ.

— Самъ-отъ ты ходишь ли по лѣтамъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Я-то? Какъ же?.. Иной годъ въ лѣса хожу, а иной на плотахъ до Астрахани и на самое Каспійское море сплываю. Чегень туда да дрючки

гоняемъ... А въ лѣса больше на рябка да на тетерю хожу... Ружьишко есть у меня немудрящее, грѣшнымъ дѣломъ похлопываю. Только по нынѣшнимъ годамъ эту охоту бросать приходится: порохъ вздорожалъ, а дичины стало меньше. Вотъ въ осилье да въ пленку птицу ловить, еще туда-сюда... Такъ и тутъ отъ звѣрья большая обида бываетъ: придешь, силки спущены, а отъ рябковъ только перышки остались: подлая лиса, либо куница прежде тебя успѣла убрать... Нѣтъ, какая нонѣ охота!.. Само послѣднее дѣло!.. А то ходятъ еще лѣтней порой въ лѣса золото копать, — прибавилъ Артемій.

— Какъ золото?.. быстро привскочивъ въ саняхъ, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же... Золота да серебра по нашимъ лѣсамъ много лежитъ,— отвѣчалъ Артемій. Записи такія есть, гдѣ надо искать... Хаживалъ и я.

— Что же? — съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не дается, — отвѣчалъ Артемій.

— Какъ не дается?

— Такъ же и не дается. Слова такого не знаю... Вѣщбы не знаю,— отвѣчалъ Артемій.

— Да ты про что̀ сказываешь? Говори толковѣй, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Про клады говорю, — отвѣчалъ Артемій. По нашимъ лѣсамъ кладовъ много зарыто. Издалека люди приходятъ клады копать...

— Клады!...—проговорилъ Патапъ Максимычъ и спокойно развалился на перинѣ, разостланной въ саняхъ.

— Ну, разсказывай, какіе у васъ тутъ клады,—черезъ нѣсколько времени сказалъ онъ, обращаясь къ Артемью.

— Всякіе клады тутъ лежатъ,—отвѣчалъ Артемій.

— Какъ же такъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ:—Развѣ клады разные бываютъ?

— А какъ же,—отвѣчалъ Артемій.—Есть клады самимъ Господомъ положенные—тѣ даются человѣку, кого Богъ благословитъ... А гдѣ, въ которомъ мѣстѣ тѣ Божьи клады положены, никому невѣдомо. Кому Господь захочетъ богатство даровать, тому тайну Свою и откроетъ... А иные клады людьми положены, и къ нимъ приставлена темная сила. Объ этихъ кладахъ записи есть: тамъ прописано, гдѣ кладъ зарытъ, какимъ видомъ является и съ какимъ зарокомъ положонъ... Эти клады страшные...

— Отчего?—спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Кровь на нихъ,—отвѣчалъ Артемій.—Съ бою богатство было брато, кровью омыто, много душъ христіанскихъ за ту казну въ стары годы загублено.

— Когда жъ это было?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Давно...—сказалъ Артемій, — еще въ тѣ поры, какъ купцами да боярами посконна рубаха владѣла.

— Когда жъ это было? При царѣ Горохѣ, какъ грузди съ опенками воевали?..—смѣялся Патапъ Максимычъ.

— Въ казачьи времена,—степенно отвѣтилъ Артемій.

— Что за казачьи времена такія?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ не слыхивалъ?—сказалъ Артемій. — Вѣдь въ стары-то годы по всей Волгѣ народъ казачилъ... Было время, господинъ купецъ, золотое было времячко, да по грѣхамъ нашимъ миновало оно. Сѣрые люди жили на всей вольной волюшкѣ, ѣли сладко, пили пьяно, цвѣтно платье носили —житье было разудалое, развеселое... Вонъ теперь по Волгѣ пароходы, взадъ и впередъ снуютъ, ладьи да барки ходятъ, плоты плывутъ... Чьи пароходы,

чьи плоты да барки? Купецкіе все. Завладала ваша братья, купцы, Волгой-матушкой... А въ стары казачьи годы не купецкіе люди волжскимъ раздольемъ владали, а наша братья, голытьба.

— Что ты за чуху несешь?—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Никогда не бывало, чтобъ Волга у голытьбы въ рукахъ была.

— Была, господинъ купецъ. Не спорь—правду сказываю,—отвѣчалъ Артемій.

— Стара баба съ похмѣлья на печкѣ валялась, да во снѣ твою правду видѣла, а ты зря тѣ бабьи сказки и мелешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Вранью да небылицамъ короткій вѣкъ, а эта правда отъ старинныхъ людей до насъ дошла. Отцы, дѣды про нее намъ сказывали и пѣсни такія про нее поются у насъ... Значитъ, правда истинная.

— Мало ли что въ пѣсняхъ поютъ? Развѣ можно деревенской пѣснѣ вѣру дать?—молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Можно, господинъ купецъ, потому что: „сказка—складка, а пѣсня—быль", — отвѣтилъ Артемій. — А ты слушай, что я про здѣшню старину тебѣ разсказывать стану: занятное дѣло, коли не знаешь.

— Ну, говори, разсказывай,—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Смолоду охотникъ я до сказокъ бывалъ... Отчего на досугѣ да на старости лѣтъ и не послушать вашихъ розсказней?!

— Голытьба въ стары годы по лѣсамъ жила, жила голытьба и промежь полей,—началъ Артемій.—Кормиться стало нечѣмъ: хлѣба недороды, подати большія, отъ бояръ, отъ приказныхъ людей утѣсненье... Хоть въ землю зарывайся, хоть заживо въ гробъ ложись... И побѣжала голытьба врозь, и стала она вольными казаками... Тутъ и зачинались казачьи времена... Котора голытьба на Украйну пошла — та ляховъ да бусурмановъ побивала, свою казацкую кровь за Христову вѣру проливала... Котора голытьба въ Сибирь махнула—та сибирскія мѣста полонила и великому государю Сибирскимъ царствомъ поклонилась... А на Волгу, на матушку, посыпала, что ни на есть, сама послѣдняя голытьба. На своей-то сторонѣ у ней не было ни кола ни двора, ни угла, ни притула; одно только и оставалось за душой богачество: наготы да босоты изувѣшаны шесты, холоду да голоду анбары полны... Вотъ, ладно, хорошо—высыпала та голытьба на Волгу, казаками назвалась... Атаманы да есаулы снаряжали легки лодочки косныя и на тѣхъ на лодочкахъ пошли по матушкѣ по Волгѣ разгуливать... Не попадай навстрѣчу суда купецкія, не попадайся бояре да приказные: людей въ воду, казну на себя!... Весломъ махнутъ—корабли возьмутъ, кистенемъ махнутъ—караванъ разобьютъ... Вотъ каковы бывали удальцы казаки поволжскіе!..

— Это ты про разбойниковъ?—молвилъ Патапъ Максимычъ.

— По вашему разбойники, по нашему есаулы-молодцы да вольные казаки, бойко отвѣтилъ Артемій, съ удальствомъ тряхнувъ головой и сверкнувъ черными глазами.—Спѣть что-ли, господинъ купецъ?—спросилъ Артемій.—Словами не разскажешь.

— Пой, пожалуй,—сказалъ Патапъ Максимычъ.

Запѣлъ Артемій одну изъ Разинскихъ пѣсенъ; ихъ такъ много сохраняется въ Поволжьи.

Какъ повыше было села Лыскова,
Какъ пониже было села Юркина,
Супротивъ села Богомолова:
Въ луговой было во сторонушкѣ,

Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, омутистая,
Омутистая Лѣва Керженка.

— Наша рѣченька-голубушка! — съ любовью молвилъ Артемій, прервавъ пѣсню. — Въ стары годы и наша Лѣва Керженка славной рѣчкой слыла: суда ходили по ней, косныя плавали... Въ казачьи времена атаманы да есаулы въ нашу родну рѣченьку зимовать заходили, тутъ они и дуванъ дуванили, нажитое на Волгѣ добро, значитъ, дѣлили... А теперь и званья нашей рѣки не стало: завалило ее, голубушку, каршами, занесло замоинами, пошли по ней мели да перекаты... Такъ и пропала прежняя слава Керженца.

Громче прежняго свистнулъ Артемій и, тряхнувъ головою, запѣлъ:

Выплывала легка лодочка,
Легка лодочка атаманская,
Атамана Стеньки Разина.
Еще всѣмъ лодка изукрашена,
Казаками изусажена,
На ней парусы шелковые,
А веселки позолочены.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
Посередь лодки парчевой шатеръ.
Какъ во томъ парчевомъ шатрѣ
Лежатъ бочки золотой казны.
На казнѣ сидитъ красна дѣвица —
Атаманова полюбовница,
Есаулова сестра родная,
Казакамъ-гребцамъ — тетушка.
Сидитъ дѣвка призадумалась,
Посидѣвши стала сказывать:
„Вы послушайте, добры молодцы,
Вы послушайте, милы племяннички,
Ужъ какъ мнѣ младой мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось;
Не корыстенъ же мнѣ сонъ привидѣлся—
Атаману-то быть разстрѣлену,
Есаулу-то быть повѣшену,
Казакамъ-гребцамъ по тюрьмамъ сидѣть,
А мнѣ, вашей родной тетушкѣ,
Потонуть въ Волгѣ-матушкѣ".

— Вишь и дѣвки въ тѣ норы пророчили!—сказалъ Артемій, оборотясь къ Патапу Максимычу.—Атаманова полюбовница вѣщій сонъ провидѣла... Вѣщая дѣвка была... Сказываютъ, Соломонидой звали ее, а родомъ была отъ стараго Макарья, купецкая дочь... И все сбылось по слову ея, какъ видѣла во снѣ, такъ все и сталось... Съ ней самой атаманъ тутъ же порѣшилъ—матушкѣ-Волгѣ ее пожертвовалъ. „Тридцать лѣтъ, говоритъ, съ годикомъ гулялъ я по Волгѣ-матушкѣ, тридцать лѣтъ съ годикомъ тѣшилъ душу свою молодецкую, и ничѣмъ еще поилицу нашу, кормилицу я не жаловалъ. Не пожалую, говоритъ, Волгу-матушку ни казной золотой, ни дорогимъ перекатнымъ жемчугомъ,—пожалую тѣмъ, чего на свѣтѣ краше нѣтъ, что намъ, есаулы-молодцы, дороже всего". Да съ этимъ словомъ хвать Соломониду поперегъ живота, да со всего розмаху какъ метнетъ ее

въ Волгу-матушку... Вотъ каковъ былъ удалой атаманъ Стенька Разинъ, по прозванью Тимоѳеевичъ!...

— Разбойникъ, такъ разбойникъ и есть, — сухо промолвилъ Патапъ Максимычъ.—Задаромъ погубилъ христіанскую душу... Изъ озорства да изъ непутной похвальбы... Какъ есть разбойникъ — не даромъ его на семи соборахъ проклинали...

Тутъ пошевни заѣхали въ такую чащу, что ни въ бокъ, ни впередъ. Мигомъ выскочили лѣсники съ работниками и въ пять топоровъ стали тяпать еловые сучья и лапы. Съ полчаса провозились, покамѣстъ не прорубили свободной просѣки. Артемій опять присѣлъ на облучкѣ сапей Патапа Максимыча.

— А что жь ты про клады-то хотѣлъ разсказать?—молвилъ ему Патапъ Максимычъ.—Заговорилъ про Стеньку Разина, да и забылъ.

— Про клады-то!—отозвался Артемій. — А вотъ слушай... Когда голытьба Волгой владала, атаманы съ есаулами каждо лѣто на косныхъ разъѣзжали, боярски да купечески суда очищали. И не только суда они грабили: доставалось городамъ и большимъ селамъ, деревнь только да приселковъ не трогали, потому что тамъ голытьба свой вѣкъ коротала. Церквамъ Божьимъ да монастырямъ тоже спуску не было: не любили есаулы монаховъ, особенно „носельскихъ старцевъ“, что монастырскими крестьянами правили... Вотъ нашъ Макарьевъ монастырь, сказываютъ, отъ нихъ отборонился; брали его огненнымъ боемъ, да крѣпокъ—устоялъ... Ну, вотъ есаулы-молодцы лѣто по Волгѣ гуляютъ, а осенью на Керженецъ въ лѣса зимовать. И теперь по здѣшнимъ мѣстамъ ихнія земляпки знать... Такія же были, какъ наши. Въ тѣхъ самыхъ зимницахъ, а не то въ лѣсу на примѣтномъ мѣстѣ нажитое добро въ землю они и закапывали. Отъ того и клады.

— Гдѣ жъ эти землянки?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— По разнымъ мѣстамъ,—отвѣчалъ Артемій. — Много ихъ тутъ по лѣсамъ-то. Вонъ хоть между Дорогучей да Першей два дикихъ камня изъ земли торчатъ—одинъ поболѣ, другой поменѣ, оба съ виду на коней похожи. Такъ и зовутъ ихъ Конь да Жеребенокъ. Промежь тѣхъ камней казацки зимницы бывали, тутъ и клады зарыты... А то еще озера тутъ по лѣсу есть, Нестіаръ да Култай, да Пекшеяръ прозываются, вкругъ нихъ тоже казацки зимницы и тоже клады въ нихъ зарыты... И по Ялокшѣ тоже, и по нашей лысковской рѣчонкѣ, Вишней прозывается... Между Конемъ и Жеребенкомъ большая зимница была, срубы до сей поры знать... Грѣшнымъ дѣломъ, и я тутъ копалъ.

— Что жъ, дорылся до чего?—спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Гдѣ дорыться!.. Есаулы-то вѣдь съ зарокомъ казну хоронили,—отвѣчалъ Артемій.—Надо слово знать, вѣщбу такую... Кто вѣщбу знаетъ, молви только ее, кладъ-отъ самъ выйдетъ наружу... А въ томъ мѣстѣ важный кладъ положонъ. Еслибъ достался, внукамъ бы, правнукамъ не прожить... Двѣнадцать бочекъ золотой казны на серебряныхъ цѣпяхъ да пушка золотая.

— Какъ пушка золотая?—съ удивленіемъ спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Такъ же золотая, изъ чистаго золота лита... И ядра при ней золотыя лежатъ, и жеребьи золотые, которыми Стенька Разинъ по бусурманамъ стрѣлялъ... Вѣдь онъ Персіанское царство заполонилъ. Ты это слыхалъ ли?

— Нестаточное дѣло вору царство полонить, хоша бы и бусурманское, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Вѣрно тебѣ говорю, рѣшительно сказалъ Артемій.—Кого хочешь спрошай, всякъ тебѣ скажетъ. Видишь ли, какъ дѣло-то было. Волга-матушка въ Каспійское море пала, самъ я на то море не разъ съ чегенникомъ да съ брючками хаживалъ. По сю сторону того моря сторона русская, крещеная, по ту—бусурманская, персіянская. Услыхалъ Стенька Разинъ, что за моремъ у бусурмановъ много тысячей крещенаго народа въ полону живетъ. Собираетъ онъ казачій кругъ, говоритъ казакамъ такую рѣчь: „Такъ и такъ, атаманы-молодцы, такъ и такъ, братцы-товарищи: пали до меня слухи, что за моремъ у персіяновъ много тысячей крещенаго народу живетъ въ полону въ тяжкой работѣ, въ великой нуждѣ и горькой неволѣ; надо бы намъ, братцы, не полѣниться,—за море съѣздить, потрудиться, ихъ, сердечныхъ, изъ той неволи выручить!“ Есаулы-молодцы и всѣ казаки въ одинъ голосъ гаркнули: „Веди насъ, батька, въ бусурманское царство, русскій полонъ выручать!“... Стенька Разинъ радъ тому радешенекъ, а самъ первымъ дѣломъ къ колдуну. Спрашиваетъ, какъ ему русскій полонъ изъ бусурманской неволи выручить. Колдунъ говоритъ ему: „За великое ты дѣло, Стенька, принимаешься; бусурманское царство осилить—не мутовку облизать. Одной силой-храбростью тутъ не возьмешь, надо вѣщбу знать“... „А какая же на то вѣщба есть?“ спросилъ у колдуна Стенька Разинъ. Тотъ ему тайное слово сказалъ, да примолвилъ: „И съ вѣщбой далеко не уѣдешь, а вылей ты золоту пушку, къ ней золоты ядры да золотые жеребья, да чтобъ золото было все церковное, а и лучше того монастырское... И какъ станешь палить, вѣщбу говори, тутъ и заберешь въ свои руки бусурманское царство.“ Стенька Разинъ такъ все и сдѣлалъ, какъ ему колдуномъ было наказано.

— Что жь потомъ? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Извѣстно что, отвѣчалъ Артемій.—Зачалъ изъ золотой пушки палить да вѣщбу говорить — бусурманское царство ему и покорилось. Молодцы есаулы крещеный полонъ на Русь вывезли, а всякаго добра бусурманскаго столько набрали, что въ лодкахъ и положить было некуда: много въ воду его пометали. Самого царя бусурманскаго Стенька Разинъ на колъ посадилъ...

— Эту самую пушку ты и копалъ? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Эту самую, сказалъ Артемій.—Когда атаманъ воротился на Русскую землю, привезъ онъ ту пушку съ жеребьями да съ ядрами въ наши лѣса и зарылъ ее въ большой зимницѣ, межъ Коня и Жеребенка. Записи такія есть.

— Какъ же это до сихъ поръ никто той пушки не вынулъ? Вѣдь всѣ знаютъ, въ какомъ мѣстѣ она закопана, сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Экой ты, господинъ купецъ! отвѣчалъ Артемій.—Мало знать, гдѣ кладъ положенъ,—надо знать, какъ взять его... Да какъ и владать-то имъ—тоже надо знать...

— А какъ же кладомъ владать? спросилъ Потапъ Максимычъ.

— Это дѣло мудренѣе, чѣмъ кладъ достать, отвѣчалъ Артемій.— Сколько ни было счастливыхъ, которымъ клады доставались, всѣмъ, почитай, богатство не въ пользу пошло: тотъ сгорѣлъ, другой всѣхъ дѣтей схоронилъ, третій самъ прогорѣлъ да съ кругу спился, а иной до палачовыхъ рукъ дошелъ... Прахомъ больше такія деньги идутъ... Счастливаго человѣка, что вынулъ кладъ, врагъ день и ночь караулитъ и на всякое худое дѣло наталкиваетъ... Знамо, хочется окаянному душой его завладѣть, чтобъ душой своей расплатился онъ за богатство. Потому, какъ только ты вырылъ кладъ, попову позови, молебенъ отпой, на церкву Божію вклады не пожалѣй, бѣднымъ половину денегъ раздай, и какого человѣка въ нуждѣ

не встрѣтишь, всякому помоги. Коли такъ поступишь—недобрая сила тебя ни коснется, и богатство твое, какъ вешня вода на поемахъ, каждый день, кажду ночь зачнетъ у тебя прибывать. Сколько денегъ нищимъ ты ни раздашь, а ихъ опять, какъ снѣгу въ степи, къ тебѣ въ домъ нанесетъ. Такъ и въ старинныхъ записяхъ писано: „А вынутый кладъ въ прокъ бы пошелъ, ино церковь Божью не забыть, нищей братьи расточить, вдову-сироту призрѣть, страннаго удоволить, напитать алчнаго, хладнаго обогрѣть". Такъ и про золоту̀ пушку писано. Хоша бы тотъ кладъ и лихимъ человѣкомъ былъ положенъ на чью голову—заклятье его не подѣйствуетъ, а вынутый кладъ вмѣнится тебѣ за кладъ, самимъ Богомъ на счастье твое положенный.

— Развѣ Богъ-отъ кладетъ клады? съ усмѣшкой молвилъ Патапъ Максимычъ.—Эка что̀ городишь!

— Какъ же не кладетъ? возразилъ Артемій. Зарываетъ!... Господь въ землю и золото, и серебро, и всяки дорогіе камни тайной силой своей зарываетъ. То и есть Божій кладъ... Золото вѣдь изъ земли же роютъ—а кто его туда положилъ?... Вѣстимо, Богъ.

Патапъ Максимычъ насторожилъ уши, не перебивая Артемьева разсказа. Привставъ съ перины и склонивъ къ Артемью голову, ухватился руками за облучекъ.

— Когда Господь поволитъ мать-сыру землю наградить, продолжалъ Артемій,—пошлетъ Онъ ангела небеснаго на солнце и велитъ ему иверень отъ солнца отщербить и вложить его въ громовую тучу... И Господнею силой тотъ солнечный иверень разольется въ тучѣ чистымъ золотомъ. И по Божьему велѣнью пойдетъ та туча надъ землею и въ молоньяхъ золото на землю посыплетъ. Какъ только та молонья ударитъ, такъ золото и польется на землю и въ ней пескомъ разсыплется... Это и есть Божій кладъ... А серебро ангелъ Господень съ яснаго мѣсяца беретъ, а камни самоцвѣтные—со звѣздъ небесныхъ... Вотъ каково чудна сила Божія!...

— Да вѣдь грозы-то вездѣ бываютъ,—отчего жь не вездѣ роютъ золото? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не во всяку тучу Богомъ золото кладется, отвѣтилъ Артемій,—а только въ ту, въ которую Его святой волѣ угодно. Въ обиходной молоньѣ не золото, не серебро, а стрѣлка громовая кладется... Видалъ что ли? Еще въ пескѣ находятъ, воду съ той стрѣлки пьютъ отъ рѣзи въ животѣ... А въ солнечной тучѣ стрѣлки нѣтъ, одно золото разсыпчатое. Молонья молоньѣ рознь. Солнечная молонья разсыпается по небу ровно огненными волосами, бьетъ по землѣ не шибко, а ровно манна небесная сходитъ, и громъ отъ нея совѣмъ другой... Тутъ не громъ гремитъ, а Господни ангелы воспѣваютъ славу Божію...

— А можно ль узнать такое мѣсто, гдѣ золотая молнія пала? сказалъ Патапъ Максимычъ.

При этомъ вопросѣ спавшій Стуколовъ потянулся и, раскрывъ воротникъ шубы, захрапѣлъ пуще прежняго.

— Господь да небесные ангелы знаютъ, гдѣ она выпала. И люди, которымъ Богъ благословитъ, находятъ такія мѣста. По тѣмъ мѣстамъ и роютъ золото, отвѣчалъ Артемій.—Въ Сибири, сказываютъ, много такихъ мѣстовъ...

— А ты бывалъ нешто въ Сибири-то? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Самому быть не доводилось, отвѣчалъ Артемій,—а слыхать слыхалъ: у одного изъ нашихъ деревенскихъ сродники на Горахъ живутъ, паши шабры дѣвку оттоль брали. Каждый годъ ходятъ въ Сибирь на золоты

пріиски, такъ они сказывали, что золото только въ лѣсахъ тамъ находятъ... На всемъ бѣломъ свѣтѣ золото только въ лѣсахъ.

— Въ лѣсахъ? переспросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ лѣсахъ, подтвердилъ Артемій. Никогда Господь солнечную молонью близко отъ жила не пуститъ... Людей ему жалко, чтобъ ихъ не загубить.

— Чѣмъ же загубить? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А какъ же? — молвилъ Артемій. Вѣдь солночна-то молонья не простой чета. Хлыщетъ не шибко, а на которо мѣсто падетъ, отъ того мѣста верстъ на десятокъ кругомъ живой души не остается...

— Отчего-жь такъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— У Бога спроси!.. Его тайна, — намъ грѣшнымъ разумѣть ее не дано!..—отвѣчалъ Артемій. Грозна вѣдь тайна-то сила Божія.

— А по здѣшнимъ лѣсамъ такая молонья выпадала? послѣ нѣкотораго молчанья спросилъ Патапъ Максимычъ.

— По нашимъ мѣстамъ не слыхать, — отозвался Артемій. — А тамъ на сиверъ, въ ветлужскихъ верхотинахъ, сказываютъ, бывало Божіе проявленье. Хвастать не стану, самъ не видалъ, а слыхать слыхалъ, что по тамошнимъ лѣсамъ Божьихъ кладовъ довольно.

— И золотой песокъ?—торопливо спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Есть и пески золотые, — отвѣчалъ Артемій.

— Которо мѣсто? — съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Доподлинно сказать тебѣ не могу, потому что тамошнихъ лѣсовъ хорошо не знаю,—сказалъ Артемій.—Всего раза два въ ту сторону ѣздилъ, и то дальше Уреня не бывалъ. Доѣдешь, Богъ дастъ, поспрошай тамъ у мужиковъ—скажутъ.

— Донесъ Богъ!.. Вотъ и зимнякъ!.. Ялокша!.. — крикнулъ дядя Онуфрій, сворачивая въ сторону, чтобы дать дорогу пошевнямъ.

На разставаньи Патапъ Максимычъ за сказки, за пѣсни, а больше за добрыя вѣсти хотѣлъ подарить Артемью цѣлковый. Тотъ не взялъ.

— Спасибо на ласкѣ, господинъ купецъ, — молвилъ онъ, — а денегъ твоихъ не возьму.

— Экой парень, чудной ты какой, говорилъ ему Патапъ Максимычъ: Бери, коли даютъ. На дорогѣ не поднимешь, пригодится.

— Какъ не пригодится?—сказалъ Артемій. Только брать твои деньги мнѣ не приходится, потому артель...

— Нельзя Артемію съ тебя малу росинку взять, — подтвердилъ дядя Онуфрій.—Онъ въ артели.

— Ну, на артель примите,—сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Артель лишку не беретъ,—сказалъ дядя Онуфрій, отстраняя руку Патапа Максимыча. — Что слѣдовало, взято, лишняго не надо... Счастливо оставаться, ваше степенство!.. Путь вамъ чистый, дорога скатертью!.. Да вотъ что я скажу тебѣ, господинъ купецъ, послушай ты меня, старика: пока лѣсами идешь, не говори ты чернаго слова. Въ степи, какъ хочешь, а въ лѣсу не поминай его. До бѣды не далеко... Даромъ, что зима теперь, даромъ, что темная сила спитъ теперь подъ землей .. На это не надѣйся!.. Хитеръ вѣдь онъ!..

Распрощались.

Библіотека Варшавской
Учительской семинаріи
№

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Къ стр. 311.

Н. А. Некрасовъ.

(1821—1877).

* *
*

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства;

Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ,
Сей пытки творческаго духа;

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ...

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря, и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,—

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймитъ его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя!

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?

Или мы хужс другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли—колосились?

Нѣтъ! мы не хуже другихъ—и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.

Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?"...

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
— Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.

Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ,

Руки, что̀ вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,

Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что̀ заунывную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

Власъ.

Въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная;
Проситъ онъ на Божій храмъ,
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было; побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Бралъ съ роднаго, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутаго, строгаго,
Наконецъ, и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахаря—
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Краль у нищаго суму?

Только пуще все не можется,
Годъ прошелъ—а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза.
Эѳіопы, видомъ черные,
И какъ угліе глаза,

Крокодилы, зміи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ,
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестокрылатъ.

Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ...

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары—

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной...

*
* *

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы, утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Школьникъ.

Ну, пошелъ же ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ—
Не веселая дорога...
Эй, садись ко мнѣ, дружокъ!

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку.
Такъ, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ;

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?... Ну, что жъ!
Случай тоже ужъ не новый—
Не робѣй, не пропадешь!

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—
Кто-нибудь свезетъ въ Москву.
Будешь въ университетѣ—
Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужъ поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь.

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то и знай,—

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

Церковь.

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
На свою колокольню-руину;
На тѣни онъ громадно великъ:

Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись!—и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая медлительно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ—бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полу-снѣ,
Проситъ Бога о вёдряномъ днѣ.

Крестьянскія дѣти.

Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей.
Счастливый народъ! ни науки, ни нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.
Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ ни за что отыскать.
„Взгляни-ка, Савося, какое колечко!“
Мы оба нагнулись; да разомъ и хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
Савося хохочетъ: „попался спроста!“
Зато мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У насъ же дорога большая была:
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа.
Копатель канавъ, вологжанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ

Подъ праздникъ молиться катитъ.
Подъ наши густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы
Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися—
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, мордву, черемиса,
И сказкой потѣшитъ, и притчу ввернетъ:
„Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На Господа Бога во всемъ потрафлять:
У насъ былъ Вавило, жилъ всѣхъ побогаче,
Да вздумалъ однажды на Бога роптать,
Съ тѣхъ поръ захудѣлъ, разорился Вавило:
Нѣтъ меду со пчелъ, урожаю съ земли,
И только въ одномъ ему счастіе было,
Что волосы изъ носу шибко росли“...
Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды—
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
„Гляди, чертенята!“ А дѣти и рады:
Какъ пилишь, какъ лудишь, имъ все покажи.

Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло—пилить и строгать!
Иступятъ пилу—не наточишь и въ сутки!
Сломаютъ буравъ и съ испугу бѣжать.
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
Что новый прохожій, то новый разсказъ...
Ухъ, жарко!... До полдня грибы собирали.
Вотъ изъ лѣсу вышли—навстрѣчу какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной,
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ, и воемъ:
Тутъ драка—не драка, игра—не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! обѣдать пора.
Вернулись. У каждаго полно лукошко,
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ, и козявокъ,
Карней молочко ему отдалъ свое—
Не пьетъ! отступились...
Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье,
Кто няньчитъ сестренку, двухлѣтнюю
Глашку,
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску,
А тотъ, подвязавши подъ горло рубашку,
Таинственно что-то чертитъ по песку;
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой:
Сплела себѣ славный вѣнокъ,
Все бѣленькій, желтенькій, блѣдно-лиловый
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной
И въ фартукѣ съ поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?...
Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди—ужъ чернехоньки губы у всѣхъ,
Набили оскому: черница поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайченокъ ли вскочитъ—содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живаго въ деревню тащатъ съ торжествомъ...
—Довольно, Ванюша! гулялъ ты немало,
Пора за работу, родной.
Но даже и трудъ обернется сначала
Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:
Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно;
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ растетъ, наливаетъ зерно;
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
Просушатъ, колотятъ—колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
Навьютъ ли сѣнца: „полѣзай, пострѣленокъ!“
Ванюша въ деревню въѣзжаетъ царемъ...

Однажды въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!
— Здорово, парнище!—„Ступай себѣ мимо!“
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки?—„Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу“.
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что у отца-то большая семья?—
„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я“...
— Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя?—„Власомъ“.
— А кой тебѣ годикъ?—„Шестой миновалъ...
Ну, мертвая!“ крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.

Гимнъ.

Господь! твори добро народу,
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрости,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!
И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья—
Господь, Ты ввѣришь на Руси!..

Дядюшка Яковъ.

Домъ—не телѣжка у дядюшки Якова.
Господи Боже! чего-то въ ней нѣтъ!
Сѣденькій самъ, а лошадка каракова;
Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ.
Ѣздитъ старикъ, продаетъ понемногу,
Рады ему, да и онъ-то того:
Выпито вѣчно и сытъ, слава Богу...
Пусто въ деревнѣ, ему ничего,
Знаетъ, гдѣ люди: и куплю, и мѣну
На полосахъ поведетъ старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну,
Онъ тебѣ все, что̀ полюбится—на̀!
Богъ, видно, далъ ему добрую душу.
Ѣздитъ—кричитъ то и знай:
По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!“
„У дядюшки у Якова
Сбонна макова
Больно лакома—
На грошъ два̀ кома!
Дѣвкамъ утѣхи—
Рожки, орѣхи!
Эй! малолѣтки!
Пряники рѣдки,
Всякія штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь—любы,
Раскусишь—сладки,
Оближешь губы!“...
— „Стой, старина!“ Старика обступили!
Парней, и дѣвокъ, и дѣтушекъ тьма.
Всѣ намѣняли сластей, накупили—
То-то была суета, кутерьма!
Смѣхъ на какого-то Кузю печальнаго:
Держитъ коня передъ носомъ сусальнаго;
Конь загляднье, и лакомъ кусокъ...
Гдѣ тебѣ вытерпѣть? Ѣшь, паренекъ!
Жалко дѣвочку, сиротку Ѳеклушу:
Всѣ-то жуютъ, а ты слюньки глотай...
„По грушу! по грушу!
Куни, смѣняй!“
„У дядюшки у Якова
Про бабъ товару всякаго:
Ситцу хорошаго—
Нарядно, дешево!
Эй, молодицы!
Красны дѣвицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все, чего надо!“...
Зубы у дѣвокъ, у бабъ разгорѣлись.
Ленъ и полотна, и пряжу несутъ.
„Стойте! не вдругъ! бѣлены вы объѣлись?
Тише! поспѣете!...“ Такъ вотъ и рвутъ!
Зорокъ торгашъ, а то просто бѣда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчатъ, ласкаются, только держись;
„Цвѣтъ ты нашъ маковъ,
Дядюшка Яковъ,
Не дорожись!“
— Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь—прощай!
„По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!“
„У дядюшки у Якова
Хватитъ про всякаго.
Новы коврижки—“
Гляди-ка: книжки!
Мальчикъ-сударикъ,
Купи букварикъ!
Отцы почтенны!

Книжки не цѣнны:
По гривнѣ штука—
Дѣткамъ наука!
Для ребятишекъ
Тимошекъ, Гришекъ,
Гаврюшекъ, Ванекъ...
Букварь не пряникъ
А почитай-ка,
Языкъ прикусишь...
Букварь не сайка,
А какъ раскусишь,
Слаще орѣха!
Пятокъ—полтина,
Глянь—и картина!
Ей-ей утѣха!
Уменъ съ нимъ будешь,
Денегъ добудешь,
По буквари!
По буквари!
Хватай—бери!
Читай—смотри!...
И букварей-таки много купили.
„Будетъ вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!“
Пряники, правда, послаще бы были,
Да разсудилось ужъ такъ старикамъ.
Книжки съ картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тутъ!
Молча крѣпилась Ѳеклуша-сиротка.
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
Такъ на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, далъ ей букварь старина:
„Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!“
Экой старикъ! видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!
„По грушу! по грушу!
„Купи, смѣняй“!

Пчелы.

Нàтко медку, съ караваемъ покушай!
Притчу про пчелокъ послушай!

Нынѣче не въ мѣру вода разлилась,
Думали,—просто идетъ наводненіе,
Только и сухо, что наше селеніе
По огороды, гдѣ ульи у насъ.
Пчелка осталась, водой окруженная,
Видитъ—и лѣсъ, и луга вдалекѣ,
Ну, и летитъ, ничего, налегкѣ;
А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
Силъ не хватаетъ у милой.—Бѣда!
Пчелами вся запестрѣла вода,
Тонутъ работницы, тонутъ сердечныя!
Горю помочь мы не чаяли, грѣшные,
Не догадаться самимъ бы во вѣкъ!
Да нанесло человѣка хорошаго,
Подъ Благовѣщенье, помнишь прохожаго?
Онъ надоумилъ, Христовъ человѣкъ!

Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили:
Я при прохожемъ тужилъ-тосковалъ;
„Вы бы имъ до суши вѣхи поставили“,
Это онъ слово сказалъ!

Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки споровку мудреную:
Такъ и валятъ, и валятъ отдыхать!
Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ,
Сѣли—сидятъ.
На бугрѣ-то ни травочки,
Ну, а въ лѣсу и въ поляхъ благодать:
Пчелкамъ не страшно туда залетать,
Все отъ единаго слова хорошаго!
Кушай на здравіе, будемъ съ медкомъ.
Благослови Богъ прохожаго!“

Кончилъ мужикъ, осѣнился крестомъ;
Медъ съ караваемъ парнишка докушалъ,
Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ
И за прохожаго низкій поклонъ
Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

Пѣсня о трудѣ.

Кто хочетъ сдѣлаться глупцомъ,
Тому мы предлагаемъ:
Пускай пренебрежетъ трудомъ
И жить начнетъ лѣнтяемъ.

Хоть Геркулесомъ будь рожденъ
И умственнымъ атлетомъ,
Все-жъ будетъ слабъ, какъ тряпка, онъ
И жалкій трусъпр и этомъ.

Нѣтъ въ жизни праздника тому,
Кто не трудится въ будень.
Пока есть лишній медъ въ дому,
Терпимъ пчелами трутень;

Когда-жъ общественной нужды
Придетъ крутое время,
Лѣнтяй, негодный никуды!
Ты всѣмъ двойное бремя.

Когда придутъ зараза, моръ,
Ты первый кайся Богу.
Запрешь ворота на запоръ,
Но смерть найдетъ дорогу!..

Кому бросаются въ глаза
Въ трудѣ одни мозоли,
Тотъ глупъ, не смыслитъ ни аза!
Страдаетъ праздность болѣ.

Когда придетъ упадокъ силъ,
Хандра подступитъ злая—
Вѣрь, ни единый песъ не вылъ
Тоскливѣе лѣнтяя!

Итакъ — о славѣ не мечтай,
Не будь на деньги падокъ,
Трудись по силамъ и желай,
Чтобъ трудъ былъ вѣчно сладокъ,

Чтобъ испустить послѣдній вздохъ
Не въ праздности, — въ работѣ,
Какъ старый песъ мой, что издохъ
Надъ гаршпепомъ въ болотѣ!..

Дѣдушка Мазай и зайцы.

Въ августѣ, около „Малыхъ Вѣжей“,
Съ старымъ Мазаемъ я билъ дупелей!

Какъ-то особенно тихо вдругъ стало,
На небѣ солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на немъ,
А разразилась жестокимъ дождемъ!

Прямы и свѣтлы, какъ прутья стальные,
Въ землю вонзились струи дождевыя

Съ силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись въ какой-то сарай.

Дѣти, я вамъ разскажу про Мазая.
Каждое лѣто домой пріѣзжая,

Я по недѣлѣ гощу у него.
Нравится мнѣ деревенька его:

Лѣтомъ ее убирая красиво,
Изстари хмѣль въ ней родится на диво;

Вся она тонетъ въ зеленыхъ садахъ;
Домики въ ней на высокихъ столбахъ

(Всю эту мѣстность вода понимаетъ,
Такъ что деревня весною всплываетъ,

Словно Венеція). Старый Мазай
Любитъ до страсти свой низменный край.

Вдовъ онъ, бездѣтенъ, имѣетъ лишь внука,
Торной дорогой ходить ему—скука!

За сорокъ верстъ въ Кострому прямикомъ
Сбѣгать лѣсами ему нипочемъ:

„Лѣсъ не дорога: по птицѣ, по звѣрю
Выпалить можно“.—А лѣшій?—„Не вѣрю!

Разъ въ куражѣ я ихъ звалъ-поджидалъ
Цѣлую ночь,—никого не видалъ!

За день грибовъ насбираешь корзину,
Ѣшь мимоходомъ бруснику, малину;

Вечеромъ пѣночка нѣжно поетъ;
Словно какъ въ бочку пустую удодъ

Ухаетъ; сычъ разлетается къ ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робѣлъ я и самъ:
Очень ужъ тихо въ лѣсу по ночамъ.

Тихо, какъ въ церкви, когда отслужили
Службу и на-крѣпко дверь затворили,

Развѣ какая сосна заскрипитъ,
Словно старуха во снѣ проворчитъ...“

Дня не проводитъ Мазай безъ охоты.
Жилъ бы онъ славно, не зналъ бы заботы,

Кабы не стали глаза измѣнять:
Началъ частенько Мазай пуделять.

Впрочемъ, въ отчаянье онъ не приходитъ:
Выпалитъ дѣдушка,—заяцъ уходитъ,

Дѣдушка пальцемъ косому грозитъ:
„Врешь—упадешь!“ добродушно кричитъ.

Знаетъ онъ много разсказовъ забавныхъ
Про деревенскихъ охотниковъ славныхъ:

Кузя сломалъ у ружьишка курокъ,
Спичекъ таскаетъ съ собой коробокъ,

Сядетъ за кустомъ—тетерю подманитъ,
Спичку къ затравкѣ приложитъ— и гря-
нетъ!

Ходитъ съ ружьишкомъ другой звѣроловъ,
Носитъ съ собою горшокъ угольковъ.

„Что ты таскаешь горшокъ съ угольками?“
—Больно, родимый, я зябокъ руками;

Ежели зайца теперь сослѣжу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Надъ уголечками руки погрѣю,
Да ужъ потомъ и палю по злодѣю!

Вотъ такъ охотникъ!—Мазай прибавлялъ.
Я, признаюсь, отъ души хохоталъ.

Впрочемъ, милѣй апекдотовъ крестьянскихъ
(Чѣмъ они хуже, однако, дворянскихъ?)

Я отъ Мазая разсказы слыхалъ.
Дѣти, для васъ я одинъ записалъ.

Старый Мазай разболтался въ сараѣ:
„Въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сѣтями ея не ловили,
Кабы силками ея не давили;
Зайцы вотъ тоже,—ихъ жалко до слезъ!
Только весеннія воды нахлынутъ,
И безъ того они сотнями гинутъ,
Нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики,
Ловятъ и топятъ, и бьютъ ихъ баграми.
Гдѣ у нихъ совѣсть?.. Я разъ за дровами
Въ лодкѣ поѣхалъ—ихъ много съ рѣки
Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ—
Ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу одинъ островокъ небольшой —
Зайцы на немъ собрался гурьбой.
Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣрькамъ; ужъ подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,
Меньше сажени въ длину.
Тутъ я подъѣхалъ: лопочутъ ушами,
Сами ни съ мѣста: я взялъ одного,
Прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои—ничего!
Только усѣлась команда косая,
Весь островочекъ пропалъ подъ водой:
„То-то“ сказалъ я: „не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!“
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.
Столбикъ не столбикъ, зэйчишко на пнѣ,
Лапки скрестивши, стоитъ, горемыка,
Взялъ и его—тягота не велика!
Только что началъ работать весломъ,
Глядь, у куста копошится зайчиха—
Еле жива, а толста, какъ купчиха!
Я ее, дуру, накрылъ зипуномъ—
Сильно дрожала... Не рано ужъ было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя и стоя, и лежа пластомъ,
Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ.
„Взялъ бы я васъ, да потопите лодку!“
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку—
Я зацѣпился багромъ за сучекъ
И за собою бревно поволокъ...
Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
„Глянь-ка, что дѣлаетъ старый Мазай!“
Ладно! любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились.
Тутъ мои зайчики точно всбѣсились:
Смотрятъ, на заднія лапки встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ:
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ — и „съ Богомъ“ сказалъ...

И во весь духъ
Пошли зайчишки.
А я имъ: „у-ухъ!
Живѣй, звѣришки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чуръ зимой
Не попадайся!
Прицѣлюсь—бухъ!
И ляжешь... Ууу-хъ!..

Мигомъ команда моя разбѣжалась,
Только на лодкѣ двѣ пары осталось—
Сильно измокли, ослабли; въ мѣшокъ
Я ихъ поклалъ—и домой приволокъ,
За ночь больные мои отогрѣлись:
Высохли, выспались, плотно наѣлись;
Вынесъ я ихъ на лужокъ; изъ мѣшка
Вытряхнулъ, ухнулъ—и дали стречка!
Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:
„Не попадайтесь зимой!“
Я ихъ не бью ни весною, ни лѣтомъ:
Шкура плохая,—линяетъ косой...

Пѣсня.

У суда стоять
Ломитъ ноженьки;
Подъ вѣнцомъ стоять
Голова болитъ;
Голова болитъ,
Вспоминается
Пѣсня старая,
Пѣсня грозная.
На широкій дворъ
Гости въѣхали,
Молоду жену
Мужъ домой привезъ,
А роденька-то
Какъ набросится!
Деверекъ ее —
Расточихою,
А золовушка—
Щеголихою,
Свекоръ-батюшка —
Тотъ медвѣдицей,
А свекровушка—
Людоѣдицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

Дѣтство.

Ближе къ дорогѣ красивая,
Новая церковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняетъ развалины
Старой. Изъ ветхаго зданія
Взяли убранство убогое,
Вынесли утварь церковную,
Но до остатковъ строенія
Руки мірянъ не коснулися.
Словно больной, отъ котораго
Врачъ отказался, оставлено
Времени старое зданіе.
Ласточки тамъ поселилися—
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно,
Громко привѣтствуя птенчиковъ
Звонкимъ своимъ щебетаніемъ...
Въ землю вростая медлительно,
Эти остатки убогіе
Преобразились въ развалины
Странныя, чудно красивыя.
Дверь завалилась, обрушился
Куполъ; оторваны бурею,
Ветхія рамы попадали;
Травами густо проросшія
Въ зелени стѣны терялися,
И простирали въ раскрытыя
Окна — березы сосѣднія
Вѣтви свои многолистыя...
Ихъ сѣмена, занесенныя
Вѣтромъ на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась тамъ, стройная,
Съ блѣдно-зелеными листьями,
Точно вчера только ставшая
На ноги рѣзвая дѣвочка,
Что ужъ сегодня вскарабкалась
На высоту,—и безтрепетно
Смотритъ оттуда, съ смѣющимся,
Смѣлымъ и ласковымъ личикомъ...
Птицы носились тамъ стаями,
Тамъ стрекотали кузнечики,
Да деревенскіе мальчики
И русокудрыя дѣвочки
Живмя тамъ жили; по тропочкамъ
Между высокими травами
Бѣгали, звонко аукались,
Пѣли веселыя пѣсенки.

* *
*

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права,
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
Все кончено! Сѣдѣетъ голова.

Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди, она не далека...

Зачѣмъ же ты, о сердце, не миришься
Съ своей судьбой? О чемъ твоя тоска?..

Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день—сдаемъ могилѣ мертвеца,
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима
Мечта любви, не знающей конца?

Усни... умри!..

Пророкъ.

Не говори: „забылъ онъ осторожность!
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!..“
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
„Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ!“

Такъ мыслитъ онъ—и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна;
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Ермило-мельникъ.

— „Садись, а мы послушаемъ,
Какой-такой Ермилъ?“
— „А вотъ какой: сиротскую
Держалъ Ермило мельницу
На Унжѣ. По суду
Продать рѣшили мельницу:
Пришелъ Ермило съ прочими
Въ Палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Одинъ купецъ Алтынниковъ
Съ Ермилой въ бой вступилъ,
Не отстаетъ, торгуется,
Наноситъ по копѣечкѣ.
Ермило какъ разсердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купецъ опять копѣечку—
Пошло у нихъ сраженіе:
Купецъ его копѣйкою,
А тотъ его рублемъ!
Не устоялъ Алтынниковъ!
Да вышла тутъ оказія:
Тотчасъ же стали требовать
Задатковъ третью часть:
А третья часть—до тысячи.
Съ Ермиломъ денегъ не было;
Ужъ самъ ли онъ сплошалъ,
Схитрили ли подъячіе,
А дѣло вышло дрянь!
Повеселѣлъ Алтынниковъ;
„Моя, выходитъ, мельница!“
— „Нѣтъ“, говоритъ Ермилъ:
Подходитъ къ предсѣдателю:
„Нельзя ли вашей милости
Помѣшкать съ полчаса?“
— „Что въ полчаса ты сдѣлаешь?“
— „Я деньги принесу!“
— „А гдѣ найдешь? Въ умѣ ли ты?
Верстъ тридцать пять до мельницы,
А черезъ часъ присутствію
Конецъ, любезный мой!“
— „Такъ полчаса позволите?“
— „Пожалуй, часъ промѣшкаемъ!“
Пошелъ Ермилъ: подъячіе
Съ купцомъ переглянулися...
—На площадь, на торговую
Пришелъ Ермило (въ городѣ
Тотъ день базарный былъ),
Сталъ на возъ, видимъ: крестится,
На всѣ четыре стороны
Поклонъ,—и громкимъ голосомъ
Кричитъ: „Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вамъ скажу!“
Притихла площадь людная;
И тутъ Ермилъ про мельницу
Народу разсказалъ:
„Давно купецъ Алтынниковъ
Присватывался къ мельницѣ,
Да не сломалъ и я;

Разъ пять справлялся въ городѣ!
Сказали: съ переторжкою
Назначены торги.
Безъ дѣла, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселкомъ не рука:
Пріѣхалъ я безъ грошика;
Анъ глядь—они сироворили
Безъ переторжки торгъ!
Хитры, сильны подъячіе,
А міръ ихъ по сильнѣй;
Богатъ купецъ Алтынниковъ,
А все не устоять ему
Противъ мірской казны:
Ее, какъ рыбу изъ моря,
Вѣка ловить—не выловить.
Ну, братцы! видитъ Богъ,
Раздѣлаюсь въ ту пятницу!
Не дорога мнѣ мельница,—
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу вѣрите,
Такъ выручайте, что-ль!."
И чудо сотворилось—
На всей базарной площади
У каждаго крестьянина,
Какъ вѣтромъ, полу лѣвую
Заворотило вдругъ!
Крестьянство раскошелилось,
Несутъ Ермилу денежки,
Даютъ, кто чѣмъ богатъ.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать, —
Успѣй пересчитать!
Наклали шляпу полную
Цѣлковиковъ, лабанчиковъ,
Прожженой, битой, тертаной
Крестьянской ассигнаціи.
Ермило бралъ—не брезговалъ
И мѣднымъ пятакомъ.
Еще бы сталъ онъ брезговать,
Когда тутъ попадалася
Иная гривна мѣдная
Дороже ста рублей!
Ужъ сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: „бери Ермилъ Ильичъ,
Отдашь, не пропадетъ!"
Ермилъ нараду кланялся
На всѣ четыре стороны,
Въ Палату шелъ со шляпою,
Зажавши въ ней казну.
Сдивился подъячіе,
Позеленѣлъ Алтынниковъ,
Какъ онъ сполна всю тысячу
Имъ выложилъ на столъ!
Глядѣть весь городъ съѣхался,
Какъ въ день базарный, въ пятницу,
Черезъ недѣлю времени,
Ермилъ, на той же площади,
Разсчитывалъ народъ.
Упомнит[illegible] гдѣ же всякаго?
Въ ту [illegible]ору дѣло дѣлалось
Въ горячкѣ, второпяхъ;
Однако споровъ не было,
И [illegible]ыдать гроша лишняго
Ермилу не пришлось.
Еще— онъ самъ разсказывалъ—
Рубль лишній (чей—Богъ вѣсть!)
Остался у него.
Весь день съ мошной открытой
Ходилъ Ермилъ, допытывалъ,
Чей рубль? Да не нашелъ.
Ужъ солнце закатилося,
Когда съ базарной площади
Ермилъ послѣдній тро[illegible]лся,
Отдавъ тотъ рубль слѣпо[illegible]ъ..!

Родина-мать.

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой;

Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ, —
Долгая пѣсня за сердце беретъ;

Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчишь, мой озлобленный умъ?..
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,

Любо мнѣ видѣть знакомую ниву:—
Дамъ же я волю благому порыву,

И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало—
Много въ ней правды, да радости мало.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.

Сколько-бъ на нивахъ пустынныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою,—
Я побѣжденъ предъ тобою стою!

Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про погибшую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.

Предъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно.

Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!

Жизнью измятъ я... и скоро я сгину. —
Мать не враждебна и къ блудному сыну.

Только-что ей я объятья раскрылъ,
Хлынули слезы, прибавилось силъ;

Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,

Ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Въ деревнѣ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ,
Землю взрывая, бредутъ поселяне,—

Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ!

Дорого-любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,

Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: „поскорѣй! поскорѣй!“

Звукъ благодатный! кого онъ разбудитъ,
Вѣрно весь день тому весело будетъ!

Только что шумное стадо прогнали,
Какъ на подмерзлой грязи натоптали

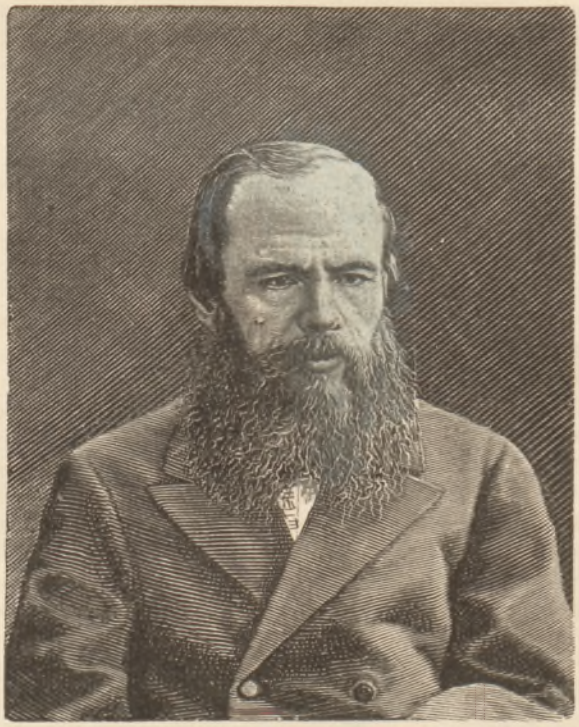
Лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
Въ воздухѣ пахнетъ. Мотая хвостомъ,

За нагруженной снопами телѣгой
Чинно идетъ жеребеночекъ пѣгой;

Паръ изъ отворенной риги валитъ.
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ.

А на гумнѣ только руки мелькаютъ,
Да высоко молотила взлетаютъ.

Библіотека Варшавской
Учительской семинаріи
№



Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

Къ стр. 325.

Ѳ. М. Достоевскій.

(1822—1881).

ИЗЪ РОМАНА „БѢДНЫЕ ЛЮДИ".

...Ну, въ какую же я трущобу попалъ, Варвара Алексѣевна! Ну, ужъ квартира! Прежде вѣдь я жилъ такимъ глухаремъ, сами знаете: — смирно, тихо; у меня, бывало, муха летитъ, такъ и муху слышно. А здѣсь шумъ, крикъ, гвалтъ! Да вѣдь вы еще и не знаете, какъ это все здѣсь устроено. Вообразите, примѣрно, длинный корридоръ, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будетъ глухая стѣна, а по лѣвую все двери, да двери, точно нумера, все такъ въ рядъ простираются. Ну, вотъ и нанимаютъ эти нумера, а въ нихъ по одной комнатѣ въ каждомъ; живутъ въ одной и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте—Ноевъ ковчегъ! Впрочемъ, кажется, люди хорошіе, все такіе образованные, ученые. Чиновникъ одинъ есть (онъ гдѣ-то по литературной части), человѣкъ начитанный: и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говоритъ, обо всемъ говоритъ;—умный человѣкъ! Два офицера живутъ и все въ карты играютъ. Мичманъ живетъ; англичанинъ-учитель живетъ. Хозяйка наша,—очень маленькая и нечистая старушонка. Я живу въ кухнѣ, или, гораздо правильнѣе будетъ сказать, вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... т. е. или, еще лучше сказать, кухня большая въ три окна,—такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ бы еще комната, нумеръ сверхштатный; все просторное, удобное и окно есть, и все,—однимъ словомъ, все удобное. Ну, вотъ это мой уголочекъ... Я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, помаленьку живу, втихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульевъ парочку, образъ повѣсилъ... Моя квартира стоитъ мнѣ семь рублей ассигн., да столъ пять цѣлковыхъ—вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, зато во многомъ себѣ отказывалъ; чай пивалъ не всегда, а теперь вотъ и на чай, и на сахаръ выгадалъ. Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить какъ-то стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варинька, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для карманныхъ денегъ—все сколько-нибудь да требуется—ну, сапожишки

какіе-нибудь, платьишко—много-ль останется? Вотъ и все мое жалованье. Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно, награжденія тоже бываютъ. Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ, и гераньку — недорого. А вы, можетъ быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете ли, все, какъ можно подробнѣе, напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего-нибудь и не сомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило, и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня денежка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибетъ. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Расписался я, а на службу давно пора. Цѣлую ваши пальчики, маточка, и пребываю

Вашимъ нижайшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ,

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

PS. Объ одномъ прошу: отвѣчайте мнѣ, ангельчикъ мой, какъ можно подробнѣе. Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфектъ; такъ вы ихъ скушайте на здоровье, да ради Бога обо мнѣ не заботьтесь и не будьте въ претензіи. Ну, такъ прощайте же, маточка.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Мнѣ такъ хочется сдѣлать вамъ что-нибудь угодное и пріятное за всѣ ваши хлопоты и старанія обо мнѣ, за всю вашу любовь ко мнѣ, что я рѣшилась наконецъ на скуку порыться въ моемъ комодѣ и отыскать мою тетрадь, которую теперь и посылаю вамъ. Я начала ее еще въ счастливое время жизни моей... Мнѣ кажется, что я уже вдвое постарѣла съ тѣхъ поръ, какъ написала въ этихъ запискахъ послѣднюю строчку. Все это писано въ разные сроки...

...Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно... въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія князя П—го, въ Т—й губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо... Я была такая рѣзвая маленькая; только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по нолямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка безпрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ничему не учили, а я тому и рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или къ жнецамъ—и нужды нѣтъ, что солнце печетъ, что забѣжишь, сама не знаешь куда, отъ селенья, исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье;—дома послѣ бранятъ, а мнѣ и ничего.

И мнѣ кажется, я бы такъ была счастлива, еслибъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А между тѣмъ, я еще дитею принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши печальные сборы! Какъ я плакала, когда я прощалась со всѣмъ, что такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко въ деревнѣ. Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорила, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П—й умеръ. Наслѣдники отка-

зали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой-какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Надѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе. Все это я узнала послѣ отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя скирды хлѣба и толпились крикливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело; а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новыхъ, незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Кое-какъ мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты—меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать поутру, послѣ первой ночи на нашемъ новосельѣ. Окна наши выходили на какой-то желтый заборъ. На улицѣ постоянно была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно.

А дома у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ почти у насъ не было... Ходили къ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ каждаго посѣщенія, батюшка дѣлался такимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурясь, и ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда-нибуть въ уголокъ за книжку—смирно, тихо, пошевелиться, бывало, не смѣю,

Три мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было; — гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя—все это меня сначала истерзало, измучило. Я такъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу себѣ за разговорами или вокабулами, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки... ахъ, какъ взгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ бы хорошо теперь было дома! Сидѣла бы я въ маленькой комнаткѣ нашей, у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо! Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давя въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Къ завтраму урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что, ни про что гувернанткѣ. Зато какой рай, когда няня прійдетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, разсказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ будто послѣ десятилѣтней разлуки. Начнутся

толки, разговоры, разсказы; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серьезные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ Ломонда— и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился, Богъ знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе; характеръ его совсѣмъ испортился; дѣла не удавались, долговъ было пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слова сказать боялась, чтобы не разсердить батюшку; сдѣлалась больная такая; все худѣла, худѣла и стала дурно кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона — все такія грустныя лица; матушка по тихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ-за меня послѣдняго лишаются, а я до сихъ поръ не говорю по-французски; однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымѣщалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало: щеки ея ввалились, глаза впали, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ, ужъ Богъ знаетъ, до чего доходило; часто я даже не понимала, о чемъ идетъ дѣло. Чего ни причиталось!... И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ поръ не можетъ найти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили попустому, что я, видно, безчувственная, каменная—однимъ словомъ я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужъ это такъ, характеръ былъ такой.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣднаго батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ къ отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней были внѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ, какъ изъ земли, нахлынули гурьбою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ также проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное; но сами мы остались безъ крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнью, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мнѣ тогда только минуло четырнадцать лѣтъ.

Ихъ пріютила у себя какая-то помѣщица (Анна Ѳедоровна), очень дальняя родственница. У ней на хлѣбахъ живетъ, въ качествѣ учителя, бѣдный студентъ Покровскій; онъ даетъ уроки Варинькѣ. Болѣзнь матушки; Варинька ухаживаетъ за ней. Покровскій утѣшаетъ, занимаетъ Варинькy, и между ними завязывается дружба горячая, пламенная. Болѣзнь Покровскаго. Варинька ухаживаетъ за своимъ больнымъ другомъ.

Передъ самою смерью Покровскій просилъ поднять занавѣсъ у окна и открыть ставни. Ему, вѣрно, хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на день, на свѣтъ Божій, на солнце. Я отдернула занавѣсъ, но начинающійся день былъ печальный и грустный, какъ угасающая бѣдная жизнь умираю-

шаго. Солнца не было. Облака застилали небо туманною пеленою; оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкій дождь дробилъ въ стекла и омывалъ ихъ струями холодной, грязной воды, было тускло и темно. Въ комнату чуть-чуть проходили лучи блѣднаго дня и едва оспаривали дрожащій свѣтъ лампадки, затепленной передъ образомъ. Умирающій взглянулъ на меня грустно-грустно и покачалъ головою. Черезъ минуту онъ умеръ.

Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили гробъ простой-простой, и наняли ломоваго извозчика. Въ обезпеченіе издержекъ, Анна Ѳедоровна захватила всѣ вещи покойнаго. Старикъ (отецъ Покровскаго) съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у ней книгъ, сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дня, и даже не разстался съ ними, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ, какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какою-то странною заботливостью все хлопоталъ около гроба, то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно было, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Ѳедоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Ѳедоровна совсѣмъ-было уже собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ — и осталась. Была только одна я да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ — словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви. Наконецъ гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извозчикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ: плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ, изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга поворотила, наконецъ, за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ. Я пошла домой. Я бросилась въ страшной тоскѣ на грудь матушки. Я сжимала ее крѣпко-крѣпко въ рукахъ своихъ, цѣловала ее и навзрыдъ плакала, боязливо прижимаясь къ ней, какъ бы стараясь удержать въ своихъ объятіяхъ послѣдняго друга моего и не отдавать ее смерти... Но смерть уже стояла надъ бѣдной матушкой!...

Макаръ Алексѣевичъ продолжаетъ благодѣтельствовать Варинькѣ: устраиваетъ для нея прогулку на острова, даритъ ей бѣлья, посылаетъ книги для чтенія, гостинцы и проч. и проч. Послѣ смерти матери Варинька уходитъ отъ Анны Ѳедоровны и поселяется вблизи Макара Алексѣевича на одномъ дворѣ съ нимъ; Ѳедора, простая женщина, живущая съ ней, любитъ ее—и Варинька довольна своимъ новымъ положеніемъ. Макаръ Алексѣевичъ готовъ свой старый фракъ продать и въ одной рубашкѣ ходить по улицѣ, только бы его Варинька не имѣла ни въ чемъ нужды, почему онъ и не отпускаетъ ее гувернанткой въ отъѣздъ... Мы на васъ не нарадуемся, пишетъ онъ ей, вы насъ любите, — такъ и живите себѣ тамъ смирненько; шейте или читайте, а, пожалуй, и не шейте,—все равно, только съ нами живите... Да и что я одинъ буду дѣлать на старости, на что годиться буду? Вы, можетъ быть, объ этомъ и не подумали, Варинька; нѣтъ,

вы именно объ этомъ подумайте — что вотъ-дескать, на что онъ будетъ безъ меня-то годиться? Я привыкъ къ вамъ, родная моя. А то что изъ этого будетъ? Пойду къ Невѣ — да и дѣло съ концомъ. Да, право же будетъ такое, Варинька; что же мнѣ безъ васъ дѣлать останется! Ахъ, душечка моя, Варинька! Хочется, видно, вамъ, чтобы меня ломовой извозчикъ на Волково свезъ; чтобы какая-нибудь тамъ нищая старуха-пошлепница одна мой гробъ провожала, чтобы меня тамъ пескомъ засыпали, да прочь пошли, да одного тамъ оставили. Грѣшно, грѣшно, маточка!

Люди иначе, по своему, смотрятъ на отношенія между Макаромъ Алексѣевичемъ и Варинькой, что, конечно, для нихъ обидно, тяжело, чтобы не сказать болѣе. Кое-какъ они продолжаютъ перебиваться, помогая другъ другу. Къ этому вдобавокъ еще непріятности по службѣ у Макара Алексѣевича.

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Пишу вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все кругомъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что я разскажу вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ, я все это предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу! Я даже намедни во снѣ что-то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось! — Разскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положитъ. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходитъ ко мнѣ Тимоѳей Ивановичъ, и лично изволитъ наказывать, что вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говоритъ, Макаръ Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно: сегодня къ подписанію идетъ. Замѣтить вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя бѣдная ясочка. Ну, вотъ, я принялся переписывать, переписалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю, какъ вамъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться: — только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ, Господь его знаетъ какой, просто, никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, родная, что я, съ недавняго времени, сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ стыдъ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ сегодня, приникъ, присмирѣлъ, ежомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: что, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите такимъ у-у-у? да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатились со смѣху, и ужъ, разумѣется, на мой счетъ. И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ и глаза зажмурилъ, сижу себѣ, не пошевелюсь. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу—не обманываются ли уши мои? зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужъ самъ не знаю, чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу,

—и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но вотъ опять начали, ближе и ближе. Вотъ ужъ надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза, передо мною Евстафій Ивановичъ; говоритъ: Макаръ Алексѣевичъ, къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали! Только это одно и сказалъ, да довольно; не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужъ просто, ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ—предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился: позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся, и ноги трясутся. Да и было отчего, маточка. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ направо въ зеркало, такъ было отъ чего съ ума сойти отъ того, что̀ я тамъ увидѣлъ. А во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ, что едва ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

Начали гнѣвно: какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это,—тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—нерадѣнье, неосмотрительность! Вводите въ непріятности!—Я раскрылъ-было ротъ для чего-то. Хотѣлъ было прощенія просить, да не могъ, убѣжать—покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда. Моя пуговка—ну, ее къ бѣсу—пуговка, что̀ висѣла у меня на ниточкѣ, вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я, видно, задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатилась и прямо, такъ-таки прямо, проклятая, къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что̀ я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что̀ я видѣлъ въ зеркалѣ: я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнулся, хочу взять пуговку, катается, вертится, не могу поймать, словомъ и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряно! Вся репутація потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ душахъ ни съ того, ни съ сего пошло перезванивать. Наконецъ, поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же: началъ пуговку къ оторваннымъ ниточкамъ прилаживать, точно отъ того она и пристанетъ, да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули—слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: „какъ же?.. посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!.. какъ онъ!.. что онъ!..“—Ахъ, родная моя, что ужъ тутъ—какъ онъ? Да что онъ? Отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ: не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу... Ну, облегчить его какъ нибудь, говоритъ его превосходительство. Выдать ему впередъ... Да забралъ, говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства, вѣрно, такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ. Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, я въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я умиралъ!—Ну, говорятъ его превосходительство громко, переписать же вновь поскорѣе; Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опять вновь безъ ошиб-

ки; да послушайте: тутъ его превосходительство обернулись къ прочимъ, роздали приказанія разныя—и всѣ разошлись. Только что разошлись они, его превосходительство поспѣшно вынимаютъ книжникъ и изъ него сторублевую, вотъ, говорятъ они,—чѣмъ могу, считайте, какъ хотите, да и всунулъ мнѣ въ руку. Я, ангелъ мой, вздрогнулъ, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было схватить ихъ ручку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да вотъ ужъ тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю, родная моя: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому же, какъ самъ, генералу. Ступайте, говоритъ, чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ пополамъ.

Подъѣхавшись съ Варинькой полученными деньгами, Макаръ Алексѣевичъ, въ концѣ письма, говоритъ: ...душу ломитъ, и слышно тамъ, въ глубинѣ, душа моя дрожитъ, трепещетъ, шевелится. Я приду къ вамъ; а теперь я просто хмѣленъ отъ всѣхъ ощущеній этихъ... Богъ видитъ все, маточка вы моя, голубушка вы моя безцѣнная!

Вашъ достойный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Въ отвѣтномъ письмѣ Варинька порадовалась за Макара Алексѣевича, прося его беречь деньги; болѣе половины изъ посланныхъ имъ денегъ отправляетъ обратно. Скоро она извѣщаетъ Макара Алексѣевича, что нѣкто Быковъ, богатый человѣкъ, лично просилъ руки ея.

Я такъ была поражена его предложеніемъ, пишетъ Варинька, что сама не знаю, отчего заплакала.

Варинька соглашается выйти за него.

Знаетъ Богъ, буду ли я счастлива; въ Его святой, неисповѣдимой власти судьбы мои, но я рѣшилась. Говорятъ, что Быковъ—человѣкъ добрый: онъ будетъ уважать меня; можетъ быть, и я также буду уважать его. Чего же ждать болѣе отъ нашего брака?

Приходъ Быкова прерываетъ продолженіе письма.

Макаръ Алексѣевичъ отговариваетъ Вариньку, желая Быкову жениться лучше на купчихѣ. Варинька; стоитъ на своемъ, и Макаръ Алексѣевичъ является дѣятельнымъ по исполненію разныхъ порученій Варинькн: бѣгаетъ по магазинамъ, предлагаетъ свои знакомые и проч. Черезъ Ѳедору Макаръ Алексѣевичъ узнаетъ о днѣ вѣнчанія Вариньки, но не можетъ придти въ церковь: будто бы поясница болитъ. Ѳедора облагодѣтельствована Варинькою. Въ послѣднемъ письмѣ Варинька прощается навсегда съ Макаромъ Алексѣевичемъ. Макаръ Алексѣевичъ съ горя даже заболѣлъ и боится, что не перенесетъ разлуки съ Варинькой; проситъ, чтобы Варинька писала ему и оттуда, куда уѣдетъ; онъ не можетъ помириться, чтобы видѣть и читать отъ нея послѣднее письмо—то, въ которомъ она прощается съ нимъ при отъѣздѣ.

ИЗЪ „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ".

1877 г. Январь, стр. 21.

...Въ началѣ зимы 1845 г. я (говоритъ о себѣ Достоевскій) началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей", мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ, какъ съ ней быть и кому

отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки „Петербургскіе шарманщики“ въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „принесите рукопись“ (самъ онъ еще не читалъ ее): „Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, я ему покажу“. Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ съ своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой „партіи Отечественныхъ Записокъ“ я боялся. Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ и — осмѣетъ онъ моихъ „Бѣдныхъ людей“! думалось мнѣ иногда. Но лишь иногда: писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами — „неужто все это, всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ надъ этой повѣстью,—все это ложь, миражъ, невѣрное чувство? Но думалъ я такъ, разумѣется, только минутами, и мнительность немедленно возвращалась. Вечеромъ того же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; всю ночь мы проговорили съ нимъ о „Мертвыхъ Душахъ“ и читали ихъ, въ который разъ — не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: „а не почитать ли намъ, господа, Гоголя“!— садятся и читаютъ, и пожалуй, всю ночь... Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ днемъ, петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ, вечеромъ, воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „съ десяти страницъ видно будетъ“. Но прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. „Читаетъ онъ про смерть студента“ — передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ,— и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: „Ахъ, чтобъ его!“ Это про васъ-то, и этакъ мы всю ночь“. Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: „Что-жъ такое, что снитъ, мы разбудимъ его, *это* выше сна!“ Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь; говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о „тогдашнемъ положеніи“, разумѣется, и о Гоголѣ, цитуя изъ „Ревизора“ и изъ „Мертвыхъ Душъ“, но, главное о Бѣлинскомъ. „Я ему сегодня же снесу вашу повѣсть, и вы увидите, — да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа! — восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками. „Ну, теперь спите, спите, мы уходимъ, а завтра къ намъ!“ Точно я могъ заснуть послѣ нихъ! Какой восторгъ, какой успѣхъ, а, главное, чувство было дорого, помню ясно: „У иного успѣхъ, ну хвалятъ, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ахъ, хорошо!“ Вотъ что я думалъ, какой тутъ сонъ!

Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день. Онъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше любилъ его во всю

свою жизнь. Тогда Некрасовъ еще ничего не написалъ такого размѣра, какъ удалось ему вскорѣ, черезъ годъ потомъ. Некрасовъ очутился въ Петербургѣ, сколько мнѣ извѣстно, лѣтъ шестнадцати, совершенно одинъ. Писалъ онъ тоже чуть не съ 16-ти лѣтъ. О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало знаю; но Бѣлинскій его угадалъ съ самаго начала и, можетъ быть, сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лѣтъ ихъ, между ними навѣрно ужъ и тогда бывали такія минуты и уже сказаны были такія слова, которыя вліяютъ на вѣкъ и связываютъ неразрывно. „Новый Гоголь явился!“ закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ „Бѣдными людьми“.—У васъ Гоголи-то какъ грибы ростутъ“, строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ. Когда Некрасовъ опять зашелъ къ нему вечеромъ, то Бѣлинскій встрѣтилъ его „просто въ волненіи“: „приведите, приведите его скорѣе!“

И вотъ (это, стало быть, уже на третій день) меня привели къ нему. Помню, что на первый взглядъ меня очень поразила его наружность, его носъ, его лобъ; я представлялъ его себѣ почему-то совсѣмъ другимъ, — „этого ужаснаго, этого страшнаго критика“. Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно. „Что-жъ, оно такъ и надо“, подумалъ я; но не прошло, кажется, и минуты, какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, встрѣчающаго двадцати-двухъ лѣтняго начинающаго писателя, а, такъ сказать, изъ уваженія его къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ мнѣ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горячими глазами: „Да вы понимаете-ль сами-то, повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и вскрикивая по своему обыкновенію, — что это вы такое написали!“ Онъ вскрикивалъ всегда, когда говорилъ въ сильномъ чувствѣ. „Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ ужъ это понимали. Да вѣдь этотъ вашъ несчастный чиновникъ—вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ-то себя не смѣетъ почесть отъ приниженности, и почти за вольнодумство считаетъ малѣйшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смѣетъ признать, и когда добрый человѣкъ, его генералъ, даетъ ему эти сто рублей—онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого, какъ онъ, могъ пожалѣть „ихъ превосходительство“, не его превосходительство а „ихъ превосходительство“, какъ онъ у насъ выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, а эта минута цѣлованія генеральской ручки, —да вѣдь тутъ ужъ не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія! Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали. Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художники, одною чертой, разомъ въ образѣ выставляете сумую суть, чтобъ ощупать можно было рукой, чтобъ самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ, и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!“

Все это онъ тогда говорилъ мнѣ. Все это онъ говорилъ потомъ обо мнѣ и многимъ другимъ еще живымъ теперь и могущимъ засвидѣтельствовать. Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей, и весь всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжествен-

ный моментъ, переломъ на вѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ. (А я былъ тогда страшный мечтатель). „И неужели вправду я такъ великъ“ , стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ. О, не смѣйтесь, никогда потомъ я не думалъ, что я великъ, но тогда—развѣ можно было это вынести?!.. „О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди, какіе люди! Вотъ гдѣ люди! Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ и они, пребуду „вѣренъ“! О, какъ я легкомысленъ, и еслибъ Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи! А все говорятъ, что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочемъ, этихъ людей только и есть въ Россіи „они одни, но у нихъ однихъ истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ. О къ нимъ, съ ними!“

Я это все думалъ, я припоминаю ту минуту въ самой полной ясности. И никогда потомъ я не могъ забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ. И вотъ, тридцать лѣтъ спустя, я припоминаю всю эту минуту опять недавно, и будто вновь ее пережилъ, сидя у постели больнаго Некрасова...

ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА“.

Алей.

Въ нашей казармѣ было трое дагестанскихъ татаръ, и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и, въ то же время, добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другаго кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски-простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облеченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ было у него пять; два другихъ попали въ какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются. Тѣ же не сочли за нужное сообщать ему это. Всѣ они ѣхали на разбой—подстеречь на дорогѣ богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой; зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ ,судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Вся милость, которую сдѣлалъ судъ для Алея, былъ уменьшенный срокъ наказанія: онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались на него глядя, и когда заговоривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говоритъ о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ,

что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутливомъ, почти дѣтскомъ; по крайней мѣрѣ они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда, бывало, выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время свое каторги могъ сохранить въ себя такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это, впрочемъ, была сильная и стойкая натура, не смотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впослѣдствіи. Онъ былъ цѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которыя дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно, и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще скажу заранѣе: я считаю Алея далеко необыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?..

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то тяжеломъ. Алей, всегда работящій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ своей мусульманскій праздникъ, и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ; но, взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную. Кромѣ того, улыбаясь, онъ выставлялъ два ряда жемчужныхъ зубовъ, красотѣ которыхъ могла бы позавидовать первая красавица въ мірѣ.

— Что Алей, ты, вѣрно, сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно, тамъ хорошо?

— Да,—отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли.—А почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать! что тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно-быть, теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай!..

— О-охъ, и не говори лучше. Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была, а что тебѣ?

— Должно-быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! что ты говоришь! Она, вѣрно, умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня въ снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ, изъ почтенія, которое онъ, неизвѣстно почему, ко мнѣ чувствовалъ, — никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я разспрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ, чѣмъ могъ, въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ, у него было много способностей механическихъ: онъ выучился порядочно шить бѣлье, тачалъ сапоги и, впослѣдствіи, выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

— Послушай, Алей, — сказалъ я ему однажды, — отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь въ Сибири, впослѣдствіи?

— Очень хочу. Да у кого выучишься?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! и онъ даже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта,—книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицо.

— Ахъ, да!—отвѣчалъ онъ, — да, Иса—святой пророкъ, Иса Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Что-жъ тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай, и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говоритъ! Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ, съ важно-благосклонною, т. е. чисто-мусульманскою улыбкою (которую я такъ люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мнѣ и подтвердили, что Иса былъ Божій пророкъ и что онъ дѣлалъ великія чудеса; что онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее—и она полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполнѣ были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удоволь-

ствіе, восхваляя Ису, а Алей былъ вполнѣ счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ, и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть, такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и — заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ. „Ты для меня столько сдѣлалъ“,—говорилъ онъ,—„что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь, мой добрый, милый, милый Алей!...

Исай Ѳомичъ.

Господи, что за уморительный и смѣшной былъ этотъ человѣкъ! лѣтъ пятидесяти, тщедушный, сморщеный, съ ужаснѣйшими клеймами на щекахъ и на лбу, худощавый, слабосильный, съ бѣлымъ цыплячьимъ тѣломъ. Въ выраженіи лица его виднѣлось безпрерывное, ничѣмъ непоколебимое самодовольство и даже блаженство. Кажется, онъ ничуть не сожалѣлъ, что попалъ въ каторгу. Такъ какъ онъ былъ ювелиръ, а ювелира въ городѣ не было, то и работалъ безпрерывно по господамъ и по начальству города одну ювелирскую работу. Ему все-таки хоть сколько-нибудь да платили. Онъ не нуждался, жилъ даже *богато*, но откладывалъ деньги и давалъ подъ закладъ на проценты всей каторгѣ. У него былъ свой самоваръ, хорошій тюфякъ, чашки, весь обѣденный приборъ. Городскіе евреи не оставляли его своимъ знакомствомъ и покровительствомъ. По субботамъ онъ ходилъ подъ конвоемъ въ свою городскую молельню (что дозволяется законами) и жилъ совершенно припѣваючи, съ нетерпѣніемъ, впрочемъ, ожидая выжить свой двѣнадцатилѣтній срокъ, чтобъ „зениться“. Въ немъ была самая комическая смѣсь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушія, робости, хвастливости и нахальства. Мнѣ очень странно было, что каторжные вовсе не смѣялись надъ нимъ, развѣ только подшучивали для забавы. Исай Ѳомичъ, очевидно, служилъ всѣмъ для развлеченія и всегдашней потѣхи. „Онъ у насъ одинъ, не троньте Исая Ѳомича“, говорили арестанты, и Исай Ѳомичъ, хотя и понималъ, въ чемъ дѣло, но видимо гордился своимъ значеніемъ, что очень тѣшило арестантовъ. Онъ уморительнѣйшимъ образомъ прибылъ въ каторгу (еще до меня, но мнѣ разсказывали). Вдругъ, однажды, передъ вечеромъ, въ шабашное время, распространился въ острогѣ слухъ, что привезли жидка и брѣютъ въ кордегардіи и что онъ сейчасъ войдетъ. Изъ евреевъ тогда въ каторгѣ еще ни одного не было. Арестанты ждали его съ нетерпѣніемъ, тотчасъ же обступили, какъ онъ вошелъ въ ворота. Острожный унтеръ-офицеръ провелъ его въ гражданскую казарму и указалъ ему мѣсто на нарахъ. Въ рукахъ у Исая Ѳомича былъ его мѣшокъ съ выданными ему казенными вещами и своими собственными. Онъ положилъ мѣшокъ, взмостился на нары и усѣлся, подобравъ подъ себя ноги, не смѣя ни на кого поднять глаза. Кругомъ его раздавался смѣхъ и острожныя шуточки, имѣвшія въ виду еврейское его происхожденіе. Вдругъ сквозь толпу протѣснился молодой арестантъ, неся въ рукахъ самыя старыя, грязныя и разорванныя лѣтнія

свои шаровары, съ придачею казенныхъ подвертокъ. Онъ присѣлъ подлѣ Исая Ѳомича и ударилъ его по плечу:

— Ну, другъ любезный, я тебя здѣсь уже шестой годъ поджидаю. Вотъ смотри, много-ли дашь?—И онъ разложилъ передъ нимъ принесенныя лохмотья.

Исай Ѳомичъ, который, при входѣ въ острогъ, сробѣлъ до того, что даже глазъ не смѣлъ поднять на эту толпу насмѣшливыхъ, изуродованныхъ и страшныхъ лицъ, плотно обступившихъ его кругомъ, и отъ робости еще не успѣлъ сказать слова, — увидѣвъ закладъ, вдругъ встрепенулся и бойко началъ перебирать пальцами лохмотья. Даже прикинулъ на свѣтъ. Всѣ ждали, что онъ скажетъ.

— Что-жъ, рубля-то серебромъ небось не дашь? А вѣдь стоило бы!— продолжалъ закладчикъ, подмигивая Исаю Ѳомичу.

— Рубля серебромъ нельзя, а семь копѣекъ можно.

И вотъ первыя слова, произнесенныя Исаемъ Ѳомичемъ въ острогѣ. Всѣ такъ и покатились со смѣху.

— Семь! Ну, давай хоть семь, твое счастье! Смотри-жъ береги закладъ; головой мнѣ за него отвѣчаешь.

— Проценту три копѣйки, будетъ десять копѣекъ, — отрывисто и дрожащимъ голосомъ продолжалъ жидокъ, опуская руку въ карманъ за деньгами и боязливо поглядывая на арестантовъ. Онъ и трусилъ-то ужасно, и дѣло-то ему хотѣлось обдѣлать.

— Въ годъ что ли три копѣйки проценту?

— Нѣтъ не въ годъ, а въ мѣсяцъ.

— Тугонекъ же ты, жидъ. А какъ тебя величать?

— Исай Ѳомицъ.

— Ну, Исай Ѳомичъ, далеко ты у насъ пойдешь! Прощай.

Исай Ѳомичъ еще разъ осмотрѣлъ закладъ, сложилъ и бережно сунулъ его въ свой мѣшокъ, при продолжавшемся хохотѣ арестантовъ.

Его дѣйствительно всѣ какъ-будто даже любили, и никто не обижалъ, хотя почти всѣ были ему должны. Самъ онъ былъ незлобивъ, какъ курица, и, видя всеобщее расположеніе къ себѣ, даже куражился, но съ такимъ простодушнымъ комизмомъ, что ему тотчасъ же это прощалось. Лучка (Лука, одинъ изъ каторжныхъ), знавшій на своемъ вѣку много жидковъ, часто дразнилъ его и вовсе не изъ злобы, а такъ, для забавы, точно такъ же, какъ забавляются съ собачкой, попугаемъ, учеными звѣрьками и проч. Исай Ѳомичъ очень хорошо это зналъ, нисколько не обижался и преловко отшучивался.

— Эй, жидъ, приколочу!

— Ты меня одинъ разъ ударишь, а я тебя десять,— молодцовски отвѣчалъ Исай Ѳомичъ.

— Пархъ проклятый!

— Нехай буде пархъ.

— Жидъ пархатый!

— Нехай буде такочки. Хоть пархатый, да богатый; гро́ши ма.

— Христа продалъ.

— Нехай буде такочки.

— Славно, Исай Ѳомичъ, молодецъ! Не троньте его, онъ у насъ одинъ!—кричатъ съ хохотомъ арестанты.

— Эй, жидъ, хватишь кнута, въ Сибирь пойдешь.

— Да я и такъ въ Сибири.

— Еще дальше ушлютъ.

— А что тамъ панъ Богъ есть?

— Да есть-то есть.

— Ну, нехай; былъ бы панъ Богъ да гроши, такъ вездѣ хорошо будетъ.

— Молодецъ Исай Ѳомичъ, видно, что-молодецъ! — кричатъ кругомъ, а Исай Ѳомичъ, хоть и видитъ, что надъ нимъ же смѣются, но бодрится; всеобщія похвалы приносятъ ему видимое удовольствіе, и онъ на всю казарму начинаетъ тоненькимъ дискантомъ пѣть: ля-ля-ля-ляяя! какой-то нелѣпый и смѣшной мотивъ, единственную пѣсню безъ словъ, которую онъ пѣлъ впродолженіе всей каторги. Потомъ, познакомившись ближе со мной, онъ увѣрялъ меня подъ клятвою, что это та самая пѣсня и именно тотъ самый мотивъ, который пѣли всѣ шестьсотъ тысячъ евреевъ, отъ мала до велика, переходя черезъ Чермное море, и что каждому еврею заповѣдано пѣть этотъ мотивъ въ минуту торжества и побѣды надъ врагами.

Наканунѣ каждой субботы, въ пятницу вечеромъ, въ нашу казарму нарочно ходили изъ другихъ казармъ посмотрѣть, какъ Исай Ѳомичъ будетъ справлять свой шабашъ. Исай Ѳомичъ былъ до того невинно хвастливъ и тщеславенъ, что это общее любопытство доставляло ему тоже удовольствіе. Онъ съ педантскою и выдѣланною важностью накрывалъ въ уголку свой крошечный столикъ, развертывалъ книгу, зажигалъ двѣ свѣчки и, бормоча какія-то сокровенныя слова, начиналъ облачаться въ свою ризу (*ризу*, какъ онъ выговаривалъ). Это была пестрая накидка изъ шерстяной матеріи, которую онъ тщательно хранилъ въ своемъ сундукѣ. На обѣ руки онъ навязывалъ наручники, а на головѣ, на самомъ лбу, прикрѣплялъ перевязкой какой-то деревянный ящичекъ, такъ что казалось, что изъ Исая Ѳомича выходитъ какой-то смѣшной рогъ. Затѣмъ начиналась молитва. Читалъ онъ ее нараспѣвъ, кричалъ, отплевывался, оборачивался кругомъ, дѣлалъ дикіе и смѣшные жесты. Конечно, все это было предписано обрядами молитвы, и въ этомъ ничего не было смѣшнаго и страннаго, но смѣшно было то, что Исай Ѳомичъ какъ бы нарочно рисовался передъ нами и щеголялъ своими обрядами. То вдругъ закроетъ руками голову и начинаетъ читать навзрыдъ. Рыданья усиливаются, и онъ въ изнеможеніи и чуть не съ воемъ склоняетъ на книгу свою голову, увѣнчанную ковчегомъ; но вдругъ, среди самыхъ сильныхъ рыданій, онъ начинаетъ хохотать и причитывать нараспѣвъ какимъ-то умиленно-торжественнымъ, какимъ-то разслабленнымъ отъ избытка счастья голосомъ. „Ишь его разбираетъ!“ — говорятъ, бывало, арестанты. Я спрашивалъ однажды Исая Ѳомича: что значатъ эти рыданія и потомъ вдругъ эти торжественные переходы къ счастью и блаженству? Исай Ѳомичъ ужасно любилъ эти разспросы отъ меня. Онъ немедленно объяснилъ мнѣ, что плачъ и рыданія означаютъ мысль о потерѣ Іерусалима, и что законъ предписываетъ, при этой мысли, какъ можно сильнѣе рыдать и бить себя въ грудь. Но, что въ минуту самыхъ сильныхъ рыданій онъ, Исай Ѳомичъ, *долженъ вдругъ*, какъ бы невзначай, вспомнить (это *вдругъ* то же предписано закономъ), что есть пророчество о возвращеніи евреевъ въ Іерусалимъ. Тутъ онъ долженъ немедленно разразиться радостью, пѣснями, хохотомъ и проговаривать молитвы такъ, чтобы самымъ голосомъ выразить какъ можно болѣе счастья, а лицомъ какъ можно больше торжественности и благородства. Этотъ переходъ *вдругъ* и непремѣнная обязанность этого перехода чрезвычайно нравились Исаю Ѳомичу: онъ видѣлъ въ этомъ какой-то особенный, прехитрый куншткикъ, и съ хвастливымъ видомъ передавалъ мнѣ это замысловатое правило закона. Разъ, во время самаго разгара молитвы, въ комнату вошелъ плацъ-маіоръ, въ сопровожденіи караульнаго офицера и конвойныхъ. Всѣ арестанты вытянулись въ струнку у своихъ наръ, одинъ только Исай Ѳомичъ еще болѣе началъ кричать и кривляться. Онъ зналъ, что

молитва дозволена, прерывать ее нельзя было, и, крича передъ маіоромъ, не рисковалъ, разумѣется, ни чѣмъ. Но ему чрезвычайно пріятно было поломаться передъ маіоромъ и порисоваться передъ нами. Маіоръ подошелъ къ нему на одинъ шагъ разстоянія: Исай Ѳомичъ оборотился задомъ къ своему столику и прямо, въ лицо маіору, началъ читать нараспѣвъ свое торжественное пророчество, размахивая руками. Такъ какъ ему предписывалось и въ эту минуту выражать въ своемъ лицѣ чрезвычайно много счастья и благородства, то онъ и сдѣлалъ это немедленно, какъ-то особенно сощуривъ глаза, смѣясь и кивая на маіора головой. Маіоръ удивился; но, наконецъ, фыркнулъ отъ смѣха, назвалъ его тутъ же въ глаза дуракомъ и пошелъ прочь, а Исай Ѳомичъ еще болѣе усилилъ свои крики. Черезъ часъ, когда ужъ онъ ужиналъ, я спросилъ его: а что еслибъ плацъ-маіоръ, по глупости своей, на васъ разсердился?

— Какой плацъ-маіоръ?

— Какъ какой? да развѣ вы не видали?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь онъ стоялъ на одинъ аршинъ передъ вами, прямо передъ вашимъ лицомъ.

Но Исай Ѳомичъ серьезнѣйшимъ образомъ началъ увѣрять меня, что онъ не видалъ рѣшительно никакого маіора, что въ это время, при этихъ молитвахъ онъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, такъ что ничего ужъ не видитъ и не слышитъ, что кругомъ его происходитъ. Какъ теперь вижу Исая Ѳомича, когда онъ въ субботу слоняется, бывало, безъ дѣла по всему острогу, всѣми силами стараясь ничего не дѣлать, какъ это предписано въ субботу по закону. Какіе невозможные анекдоты разсказывалъ онъ мнѣ каждый разъ, когда приходилъ изъ своей молельни; какія ни на что не похожія извѣстія и слухи изъ Петербурга приносилъ мнѣ, увѣряя, что получилъ ихъ отъ своихъ жидковъ, а тѣ — изъ первыхъ рукъ.

Представленіе.

На третій день праздника Рождества Христова, вечеромъ, состоялось первое представленіе въ нашемъ театрѣ. Предварительныхъ хлопотъ по устройству, вѣроятно, было много, но актеры взяли все на себя, такъ что всѣ мы, остальные, и не знали: въ какомъ положеніи дѣло? что̀ именно дѣлается? даже хорошенько не знали, что будетъ представляться. Актеры всѣ эти три дня, выходя на работу, старались какъ можно болѣе добыть костюмовъ. Баклушинъ, встрѣчаясь со мной, только прищелкивалъ пальцами отъ удовольствія. Кажется, и на плацъ-маіора нашелъ порядочный стихъ. Впрочемъ, намъ было совершенно неизвѣстно, зналъ ли онъ о театрѣ. Если зналъ, то позволилъ ли его формально, или только рѣшился молчать, махнувъ рукой на арестантскую затѣю и подтвердивъ, разумѣется, чтобъ все было, по возможности, въ порядкѣ? Я думаю, онъ зналъ о театрѣ, не могъ не знать; но вмѣшиваться не хотѣлъ, понимая, что можетъ быть хуже, если онъ запретитъ: арестанты начнутъ шалить, пьянствовать, такъ что гораздо лучше, если чѣмъ-нибудь займутся. Я, впрочемъ, предполагаю въ плацъ-маіорѣ такое разсужденіе единственно потому, что оно самое естественное, самое вѣрное и здравое. Даже такъ можно сказать: еслибъ у арестантовъ не было на праздникахъ театра, или какого-нибудь занятія въ этомъ родѣ, то его слѣдовало самому начальству выдумать. Но такъ какъ нашъ плацъ-маіоръ отличался совершенно обратнымъ способомъ мышленія, чѣмъ остальная часть человѣчества, то очень немудрено, что я беру большой грѣхъ на себя, предполагая, что онъ зналъ о театрѣ и позволилъ его. Такому человѣку, какъ плацъ-маіоръ, надо было вездѣ кого-

нибудь придавить, что-нибудь отнять, кого-нибудь лишить права, однимъ словомъ — гдѣ-нибудь произвести распорядокъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ извѣстенъ въ цѣломъ городѣ. Какое ему дѣло, что именно отъ этихъ стѣсненій въ острогѣ могли выйти шалости! На шалости есть наказанія (разсуждаютъ такіе, какъ нашъ плацъ-маіоръ), а съ мошенниками-арестантами — строгость и безпрерывное, буквальное исполненіе закона — вотъ и все, что требуется! Эти бездарные исполнители закона рѣшительно не понимаютъ, да и не въ состояніи понять, что одно буквальное исполненіе его, безъ смысла, безъ пониманія духа его, прямо ведетъ къ безпорядкамъ, да и никогда къ другому не приводило. „Въ законахъ сказано, чего же больше?“ говорятъ они и искренно удивляются, что отъ нихъ еще требуютъ, въ придачу къ законамъ, здраваго разсудка и трезвой головы. Послѣднее особенно кажется многимъ изъ нихъ излишнею и возмутительною роскошью, стѣсненіемъ, нетерпимостью. Но какъ бы то ни было, старшій унтеръ-офицеръ не противорѣчилъ арестантамъ, а имъ только того и надо было. Я утвердительно скажу, что театръ и благодарность за то, что его позволили, были причиною, что на праздникахъ не было ни одного серьезнаго безпорядка въ острогѣ, ни одной злокачественной ссоры, ни одного воровства. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ свои же унимали иныхъ разгулявшихся или ссорившихся, единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что запретятъ театръ. Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполняли обѣщаніе; льстило тоже очень, что вѣрятъ ихъ слову. Надо, впрочемъ, сказать, что позволить театръ рѣшительно ничего не стоило начальству, никакихъ пожертвованій. Предварительно мѣста не огораживали: театръ созидался и разнимался весь въ какія-нибудь четверть часа. Продолжался онъ полтора часа, и еслибъ вдругъ вышло свыше приказаніе прекратить представленіе, — дѣло бы обдѣлалось въ одинъ мигъ. Костюмы были спрятаны въ сундукахъ у арестантовъ. Но прежде чѣмъ скажу, какъ устроенъ былъ театръ и какіе именно были костюмы, скажу объ афишѣ театра, т. е. что̀ именно предполагалось играть.

Собственно писанной афишки не было. На второе, на третье представленіе явилась, впрочемъ, одна, написанная Баклушинымъ для гг. офицеровъ и вообще благородныхъ посѣтителей, удостоившихъ нашъ театръ, еще въ первое представленіе, своимъ посѣщеніемъ. Именно: изъ господъ приходилъ обыкновенно караульный офицеръ; вотъ на случай этихъ-то посѣтителей и создалась афишка. Предполагалось, что слава острожнаго театра прогремитъ далеко въ крѣпости и даже въ городѣ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ не было театра. Слышно было, что составился на одно представленіе изъ любителей, да и только. Арестанты, какъ дѣти, радовались малѣйшему успѣху, тщеславились даже. Вѣдь кто знаетъ, — думали и говорили у насъ про себя и между собою: — пожалуй, и самое высшее начальство узнаетъ; придутъ и посмотрятъ; увидятъ тогда, какіе есть арестанты. Это не простое солдатское представленіе, съ какими-то чучелами, съ плывучими лодками, съ ходячими медвѣдями и козами. Тутъ актеры—настоящіе актеры, господскія комедіи играютъ; такого театра и въ городѣ нѣтъ. У генерала Абросимова было разъ, говорятъ, представленіе и еще будетъ; ну, такъ можетъ только костюмами и возьмутъ, а на счетъ разговору, такъ еще кто знаетъ передъ нашими-то! До губернатора дойдетъ, пожалуй, и — чѣмъ чортъ не шутитъ? — можетъ, и самъ захочетъ придти посмотрѣть? Въ городѣ-то нѣтъ театра... Однимъ словомъ, фантазія арестантовъ, особенно послѣ перваго успѣха, дошла на праздникахъ до послѣдней степени, чуть ли не до наградъ или до уменьшенія срока работъ, хотя, въ то же время, и сами они почти тотчасъ же предобродушно принимались смѣяться надъ

собою. Однимъ словомъ, это были дѣти, вполнѣ дѣти, несмотря на то, что инымъ изъ этихъ дѣтей было по сороку лѣтъ. Но, несмотря на то, что не было афиши, я уже зналъ, въ главныхъ чертахъ, составъ предполагаемаго представленія. Первая пьеса была: „Филатка и Мирошка, соперники“. Баклушинъ еще за недѣлю до представленія хвалился передо мной, что роль самого Филатки, которую онъ бралъ на себя, будетъ такъ представлена, что и въ санктъ-петербургскомъ театрѣ не видывали. Онъ расхаживалъ по казармамъ, хвастался немилосердно и безстыдно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно добродушно, и иногда вдругъ, бывало, отпуститъ что-нибудь „потіатральному“, т. е. изъ своей роли, — и всѣ хохочутъ, смѣшно или несмѣшно то, что́ онъ отпустилъ. Впрочемъ, надо признаться, и тутъ арестанты умѣли себя выдержать и достоинство соблюсти: восторгались выходками Баклушина и разсказами о будущемъ театрѣ, или только самый молодой и желторотый народъ, безъ выдержки, или только самые значительные изъ арестантовъ, которыхъ авторитетъ былъ незыблемо установленъ, такъ что имъ ужь нечего было бояться прямо выражать свои ощущенія, какія бы они ни были, хотя бы самаго наивнаго (т. е., по острожнымъ понятіямъ, самаго неприличнаго) свойства. Прочіе же выслушивали слухи и толки молча, правда, не осуждали, не противорѣчили, но всѣми силами старались отнестись къ слухамъ о театрѣ равнодушно и даже отчасти и свысока. Только ужь въ послѣднее время, въ самый почти день представленія, всѣ начали интересоваться: что-то будетъ? какъ-то наши? что плацъмаіоръ? удастся ли такъ же, какъ въ запрошломъ году? и проч. Баклушинъ увѣрялъ меня, что всѣ актеры подобраны великолѣпно, каждый „къ своему мѣсту“. Что даже и занавѣсъ будетъ. Что Филаткину невѣсту будетъ играть Сироткинъ, — и вотъ сами увидите, каковъ онъ въ женскомъ-то платьѣ!—говорилъ онъ, прищуриваясь и прищелкивая языкомъ. У благодѣтельной помѣщицы будетъ платье съ фальбалой, и перелинка, и зонтикъ въ рукахъ, а благодѣтельный помѣщикъ выйдетъ въ офицерскомъ сюртукѣ съ аксельбантами и съ тросточкой. Затѣмъ слѣдовала вторая пьеса, драматическая: „Кедрилъ-обжора“. Названіе меня очень заинтересовало; но какъ я ни разспрашивалъ объ этой пьесѣ, — ничего не могъ узнать предварительно. Узналъ только, что взята она не изъ книги, а „по списку“; что пьесу достали у какого-то отставнаго унтеръ-офицера, въ форштадтѣ, который, вѣрно, самъ когда-нибудь участвовалъ въ представленіи ея на какой-нибудь солдатской сценѣ. У насъ, въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ, дѣйствительно есть такія театральныя пьесы, которыя, казалось бы, никому неизвѣстны, можетъ быть, нигдѣ никогда не напечатаны, но которыя сами собой откудова-то явились и составляютъ необходимую принадлежность всякаго народнаго театра въ извѣстной полосѣ Россіи. Кстати: я сказалъ „народнаго театра“. Очень бы и очень хорошо было, еслибъ кто изъ нашихъ изыскателей занялся новыми и болѣе тщательными, чѣмъ доселѣ, изслѣдованіями о народномъ театрѣ, который есть, существуетъ и даже, можетъ быть, не совсѣмъ ничтожный. Я вѣрить не хочу, чтобъ все, что я потомъ видѣлъ у насъ, въ нашемъ острожномъ театрѣ, было выдумано нашими же арестантами. Тутъ необходима преемственность преданія, разъ установленные пріемы и понятія, переходящіе изъ рода въ родъ и по старой памяти. Искать ихъ надо у солдатъ, у фабричныхъ, въ фабричныхъ городахъ и даже по нѣкоторымъ незнакомымъ бѣднымъ городкамъ у мѣщанъ. Сохранились тоже они по деревнямъ и по губернскимъ городамъ между дворнями большихъ помѣщичьихъ домовъ. Я даже думаю, что многія старинныя пьесы расплодились въ спискахъ по Россіи не иначе, какъ черезъ помѣщицкую дворню. У прежнихъ старинныхъ помѣщиковъ и московскихъ баръ бывали собственные театры, составленные изъ крѣпостныхъ

артистовъ. И вотъ въ этихъ-то театрахъ и получилось начало нашего народнаго драматическаго искусства, котораго признаки несомнѣнны. Что же касается до „Кедрила-обжоры", то, какъ ни желалось мнѣ, я ничего не могъ узнать о немъ предварительно, кромѣ того, что на сценѣ появляются злые духи и уносятъ Кедрила въ адъ. Но что такое значитъ Кедрилъ, и, наконецъ, почему Кедрилъ, а не Кириллъ? русское ли это, или иностранное происшествіе? — этого я никакъ не могъ добиться. Въ заключеніе объявлялось, что будетъ представляться „пантомима подъ музыку". Конечно, все это было очень любопытно. Актеровъ было человѣкъ пятнадцать,— все бойкій и бравый народъ. Они гомозились про себя, дѣлали репетиціи, иногда за казармами, таились, прятались. Однимъ словомъ, хотѣли удивить всѣхъ насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и неожиданнымъ. Въ будни острогъ запирался рано, какъ только наступала ночь. Въ рождественскій праздникъ сдѣлано было исключеніе: не запирали до самой вечерней зари. Эта льгота давалась собственно для театра. Впродолженіе праздника, обыкновенно, каждый день, передъ вечеромъ, посылали изъ острога съ покорнѣйшей просьбой къ караульному офицеру: „позволить театръ и не запирать подольше острога", прибавляя, что и вчера былъ театръ и долго не запирался, и безпорядковъ никакихъ не было. Караульный офицеръ разсуждалъ такъ: безпорядковъ, дѣйствительно, вчера не было; а ужъ какъ сами слово даютъ, что не будетъ и сегодня, значитъ, сами за собой будутъ смотрѣть, а это всего крѣпче. Къ тому же не позволь представленія, такъ, пожалуй (кто ихъ знаетъ? народъ каторжный!), нарочно что-нибудь напакостятъ со зла и караульныхъ подведутъ". Наконецъ и то: въ караулѣ стоять скучно, а тутъ театръ, да не просто солдатскій, а арестантскій, а арестанты—народъ любопытный: весело будетъ посмотрѣть. А смотрѣть караульный офицеръ всегда вправѣ.

Пріѣдетъ дежурный: „Гдѣ караульный офицеръ?" — „Пошелъ въ острогъ арестантовъ считать, казармы запирать", — отвѣтъ прямой и оправданіе прямое. Такимъ образомъ караульные офицеры каждый вечеръ, впродолженіе всего праздника, позволяли театръ и не запирали казармъ вплоть до вечерней зари. Арестанты и прежде знали, что отъ караула не будетъ препятствія,—и были покойны.

Часу въ седьмомъ пришелъ за мной Петровъ, и мы вмѣстѣ отправились въ представленіе. Изъ нашей казармы отправились почти всѣ, кромѣ черниговскаго старовѣра и поляковъ. Поляки только въ самое послѣднее представленіе, четвертаго января, рѣшились побывать въ театрѣ, и то послѣ многихъ увѣреній, что тамъ и хорошо, и весело, и безопасно. Брезгливость поляковъ нимало не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста. Что же касается до черкесовъ и въ особенности Исая Ѳомича, то для нихъ нашъ театръ былъ истиннымъ наслажденіемъ. Исай Ѳомичъ каждый разъ давалъ по три копѣйки, а въ послѣдній разъ положилъ на тарелку десять копѣекъ, и блаженство изображалось на лицѣ его. Актеры положили сбирать съ присутствующихъ, кто сколько дастъ, на расходы по театру и на свое подкрѣпленіе. Петровъ увѣрялъ, что меня пустятъ на одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ бы ни былъ набитъ биткомъ театръ, на томъ основаніи, что я, какъ богаче другихъ, вѣроятно и больше дамъ, а къ тому же и толку больше ихняго знаю. Такъ и случилось. Но опишу первоначально залу и устройство театра.

Военная казарма наша, въ которой устроился театръ, была шаговъ въ пятнадцать длиною. Со двора вступали на крыльцо, съ крыльца въ сѣни, а изъ сѣней въ казарму. Эта длинная казарма, какъ уже и сказалъ я, была особаго устройства: нары тянулись въ ней по стѣнѣ, такъ что

средина комнаты оставалась свободной. Половина комнаты, ближайшая отъ выхода съ крыльца, была отдана зрителямъ; другая же половина, которая сообщалась съ другой казармой, назначалась для самой сцены. Прежде всего меня поразила занавѣсь. Она тянулась шаговъ на десять поперегъ всей казармы. Занавѣсь была такою роскошью, что, дѣйствительно, было чему подивиться. Кромѣ того, она была расписана масляной краской: изображались деревья, бесѣдки, пруды и звѣзды. Составилась она изъ холста, стараго и новаго, кто сколько далъ и пожертвовалъ; изъ старыхъ арестантскихъ онучекъ и рубахъ, кое-какъ сшитыхъ въ одно большое полотнище, и наконецъ, часть ея, на которую не хватило холста, была просто изъ бумаги, тоже выпрошенной по листочку въ разныхъ канцеляріяхъ и приказахъ. Наши же маляры, между которыми отличался и Брюловъ, А—въ, позаботились раскрасить и расписать ее. Эффектъ былъ удивительный. Такая роскошь радовала даже самыхъ угрюмыхъ и самыхъ щепетильныхъ арестантовъ, которые, какъ дошло до представленія, оказались всѣ безъ исключенія такими же дѣтьми, какъ и самые горячіе изъ нихъ и нетерпѣливые. Всѣ были очень довольны. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчекъ, разрѣзанныхъ на части. Передъ занавѣсью стояли двѣ скамейки изъ кухни, а передъ скамейками три-четыре стула, которые нашлись въ унтеръ-офицерской комнатѣ. Стулья назначались на случай, для самыхъ высшихъ лицъ офицерскаго званія. Скамейки же—для унтеръ-офицеровъ и инженерныхъ писарей, кондукторовъ и прочаго народа, хотя и начальствующаго, но не въ офицерскихъ чинахъ, на случай, еслибы они заглянули въ острогъ. Такъ и случилось: посторонніе посѣтители у насъ не переводились во весь праздникъ; иной вечеръ приходило больше, другой меньше, а въ послѣднее представленіе такъ ни одного мѣста на скамьяхъ не оставалось незанятымъ. И наконецъ, уже сзади скамеекъ, помѣщались арестанты, стоя, изъ уваженія къ посѣтителямъ, безъ фуражекъ, въ куртках или въ полушубкахъ, не смотря на удушливый, парной воздухъ комнаты. Конечно, мѣста для арестантовъ полагалось слишкомъ мало. Но, кромѣ того, что одинъ буквально сидѣлъ на другомъ, особенно въ заднихъ рядахъ, заняты были еще нары, кулисы и, наконецъ, нашлись любители, постоянно ходившіе за театръ, въ другую казарму, и уже оттуда, изъ-за задней кулисы, высматривавшіе представленіе. Тѣснота въ первой половинѣ казармы была неестественная и равнялась, можетъ быть, тѣснотѣ и давкѣ, которую я недавно еще видѣлъ въ банѣ. Дверь въ сѣни была отворена; въ сѣняхъ, въ которыхъ было двадцать градусовъ морозу, тоже толпился народъ. Насъ, меня и Петрова, тотчасъ же пропустили впередъ, почти къ самымъ скамейкамъ, гдѣ было гораздо виднѣе, чѣмъ въ заднихъ рядахъ. Во мнѣ отчасти видѣли цѣнителя, знатока, бывшаго и не въ такихъ театрахъ; видѣли, что Баклушинъ въ это время совѣтовался со мной и относился ко мнѣ съ уваженіемъ; мнѣ, стало-быть, теперь честь и мѣсто. Положимъ, арестанты были народъ тщеславный и легкомысленный въ высшей степени, но все это было напускное. Арестанты могли смѣяться надо мной, видя, что я плохой имъ помощникъ въ работѣ. Алмазовъ могъ съ презрѣніемъ смотрѣть на насъ, дворянъ, тщеславясь передъ нами своимъ умѣньемъ обжигать алебастръ. Но къ гоненіямъ и къ насмѣшкамъ ихъ надъ нами примѣшивалось и другое: мы когда-то были дворяне; мы принадлежали къ тому же сословію, какъ ихъ бывшіе господа, о которыхъ они не могли сохранить хорошей памяти. Но теперь, въ театрѣ, они посторонились передо мной. Они признавали, что въ этомъ я могу судить лучше ихъ, что я видалъ и знаю больше ихъ. Самые нерасположенные изъ нихъ ко мнѣ (я знаю это) желали теперь моей похвалы ихъ театру, и безо всякаго самоуниженія пустили меня на лучшее мѣсто. Я сижу теперь, при-

поминая тогдашнее мое впечатлѣніе. Мнѣ тогда же показалось,—я помню это, — что въ ихъ справедливомъ судѣ надъ собой было вовсе не приниженіе, а чувство собственнаго достоинства. Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа,—это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и, во что бы то ни стало, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ, — этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ—и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, — напротивъ: сами они еще должны у него поучиться. Петровъ наивно сказалъ мнѣ, когда мы только еще собирались въ театръ, что меня пустятъ впередъ и потому еще, что я далъ больше денегъ. Положенной цѣны не было: всякій давалъ, что̀ могъ, или что̀ хотѣлъ. Почти всѣ положили что-нибудь, хоть по грошу, когда пошли собирать на тарелку. Но если меня пустили впередъ, отчасти и за деньги, въ предположеніи, что я далъ больше другихъ, то опять-таки сколько было въ этомъ чувства собственнаго достоинства! „Ты богаче меня и ступай впередъ, и хоть мы здѣсь всѣ равны, но ты положишь больше: слѣдственно, такой посѣтитель, какъ ты, пріятнѣе для актеровъ,—тебѣ и первое мѣсто, потому что всѣ мы здѣсь не за деньги, а изъ уваженія, а слѣдственно, сортировать себя мы должны уже сами". Сколько въ этомъ настоящей благородной гордости! Это—не уваженіе къ деньгамъ, а уваженіе къ самому себѣ. Вообще же къ деньгамъ, къ богатству въ острогѣ не было особеннаго уваженія, особенно если смотрѣть на арестантовъ на всѣхъ безразлично, въ массѣ, въ артели. Я не помню даже ни одного изъ нихъ, серьезно унижавшагося изъ-за денегъ, еслибъ пришлось даже разсматривать ихъ и по-одиночкѣ. Были попрошайки, выпрашивавшіе и у меня. Но въ этомъ попрошайствѣ было больше шалости, плутовства, чѣмъ прямаго дѣла; было больше юмору, наивности. Не знаю, понятно ли я выражаюсь... Но я забылъ о театрѣ. Къ дѣлу.

До поднятія занавѣса вся комната представляла странную и оживленную картину. Во-первыхъ, толпа зрителей, сдавленная, сплюснутая, стиснутая со всѣхъ сторонъ, съ терпѣніемъ и съ блаженствомъ на лицѣ ожидающая начала представленія. Въ заднихъ рядахъ люди, гомозящіеся одинъ на другого. Многіе изъ нихъ принесли съ собой полѣнья съ кухни: установивъ кое-какъ у стѣнки толстое полѣно, человѣкъ взбирался на него ногами, обѣими руками упирался въ плеча впереди стоящаго и, не измѣняя положенія, стоялъ такимъ образомъ часа два, совершенно довольный собою и своимъ мѣстомъ. Другіе укрѣплялись ногами на печи, на нижней приступкѣ, и точно также выстаивали все время, опираясь на передовыхъ. Это было въ самыхъ заднихъ рядахъ у стѣны. Сбоку, взмостившись на нары, стояла тоже сплошная толпа, надъ музыкантами. Тутъ были хорошія мѣста. Человѣкъ пять взмостились на самую печь и, лежа на ней, смотрѣли внизъ. То-то блаженствовали! На подоконникахъ по другой стѣнѣ тоже гомозились цѣлыя толпы опоздавшихъ или не нашедшихъ хорошаго мѣста. Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посѣтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Всѣ лица были красныя и смоченныя потомъ, отъ жару и духоты. Что за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клейменыхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей, доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ! Всѣ были безъ шапокъ, и съ правой стороны всѣ головы представлялись мнѣ бритыми. Но вотъ, на сценѣ слышится возня, суетня. Сейчасъ подымется занавѣсъ.

Вотъ заигралъ оркестръ... Этотъ оркестръ стоитъ упоминанія. Сбоку, по нарамъ, размѣстилось человѣкъ восемь музыкантовъ: двѣ скрипки (одна была въ острогѣ, другую у кого-то заняли въ крѣпости, а артистъ нашелся и дома), три балалайки,—всѣ самодѣльщина, двѣ гитары, и бубенъ вмѣсто контрбаса. Скрипки только визжали и пилили, гитары были дрянныя, зато балалайки были неслыханныя. Проворство переборки струнъ пальцами рѣшительно равнялось самому ловкому фокусу. Игрались все плясовые мотивы. Въ самыхъ плясовыхъ мѣстахъ балалаечники ударяли костями пальцевъ о деку балалайки; тонъ, вкусъ, исполненіе, обращеніе съ инструментами, характеръ передачи мотива,—все это было свое, оригинальное, арестантское. Одинъ изъ гитаристовъ тоже великолѣпно зналъ свой инструментъ. Это былъ тотъ самый изъ дворянъ, который убилъ своего отца. Что же касается до бубна, то онъ просто дѣлалъ чудеса: то завертится на пальцѣ, то большимъ пальцемъ проведетъ по его кожѣ; то слышатся частные, звонкіе и однообразные удары, то вдругъ этотъ сильный, отчетливый звукъ какъ бы разсыпается грохотомъ на безчисленное число мелкихъ, дребезжащихъ и шушуркающихъ звуковъ. Наконецъ, появились еще двѣ гармоніи. Честное слово, я до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія о томъ, что можно сдѣлать изъ простыхъ, простонародныхъ инструментовъ; согласіе звуковъ, сыгранность, а главное духъ, характеръ понятія и передачи самой сущности мотива, были просто удивительные. Я въ первый разъ понялъ тогда совершенно, что именно есть безконечно-разгульнаго и удалаго въ разгульныхъ и удалыхъ русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ. Наконецъ, поднялась занавѣсь. Всѣ пошевелились, всѣ переступили съ одной ноги на другую, задніе привстали на цыпочки; кто-то упалъ съ полѣна; всѣ до единаго раскрыли рты, уставили глаза, и полнѣйшее молчаніе воцарилось... Представленіе началось.

Подлѣ меня стоялъ Алей, въ группѣ своихъ братьевъ и всѣхъ остальныхъ черкесовъ. Они всѣ страстно привязались къ театру и ходили потомъ каждый вечеръ. Всѣ мусульмане, татары и проч., какъ замѣчалъ я не одинъ разъ, всегда страстные охотники до всякихъ зрѣлищъ. Подлѣ нихъ прикурнулъ и Исай Ѳомичъ, который, казалось, съ поднятіемъ занавѣса, весь превратился въ слухъ и зрѣніе и въ самое наивное, жадное ожиданіе чудесъ и наслажденій. Даже жалко было бы, еслибъ онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Милое лицо Алея сіяло такою дѣтскою, прекрасною радостью, что, признаюсь, мнѣ ужасно было весело на него смотрѣть, и я, помню, невольно каждый разъ, при какой-нибудь смѣшной и ловкой выходкѣ актера, когда раздавался всеобщій хохотъ, тотчасъ же оборачивался къ Алею и заглядывалъ въ его лицо. Онъ меня не видалъ: не до меня ему было! Очень недалеко отъ меня, съ лѣвой стороны, стоялъ арестантъ, пожилой, всегда нахмуренный, всегда недовольный и ворчливый. Онъ тоже замѣтилъ Алея и, я видѣлъ, нѣсколько разъ съ полуулыбкой оборачивался поглядѣть на него: такъ онъ былъ милъ! „Алей Семенычъ“, называлъ онъ его, не знаю зачѣмъ. Начали „Филаткой и Мирошкой“. Филатка (Баклушинъ) былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Онъ сыгралъ свою роль съ удивительною отчетливостью. Видно было, что онъ вдумывался въ каждую фразу, въ каждое движеніе свое. Каждому пустому слову, каждому жесту своему онъ умѣлъ придать смыслъ и значеніе, совершенно соотвѣтственное характеру своей роли. Прибавьте къ этому старанію, къ этому изученію удивительную, неподдѣльную веселость, простоту, безыскуственность, и вы, еслибъ видѣли Баклушина, сами согласились бы непремѣнно, что это настоящій, прирожденный актеръ, съ большимъ талантомъ. Филатку я видѣлъ не разъ на московскомъ и петербургскомъ театрахъ, и положительно говорю—столичные актеры, игравшіе Филатку, оба играли хуже

Баклушина. Въ сравненіи съ нимъ они были пейзане, а не настоящіе мужики. Имъ слишкомъ хотѣлось представить мужика. Баклушина, сверхъ того, возбуждало соперничество: всѣмъ извѣстно было, что во второй пьесѣ роль Кедрила будетъ играть арестантъ Поцѣйкинъ, актеръ, котораго всѣ почему-то считали даровитѣе, лучше Баклушина, и Баклушинъ страдалъ отъ этого, какъ ребенокъ. Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ въ эти послѣдніе дни и изливалъ свои чувства. За два часа до представленія его трясла лихорадка. Когда хохотали и кричали ему изъ толпы: „Лихо, Баклушинъ! ай да молодецъ!“ — все лицо его сіяло счастьемъ, настоящее вдохновеніе блистало въ глазахъ его. Сцена цѣлованія съ Мирошкой, когда Филатка кричитъ ему предварительно: „утрись!“ и самъ утирается, вышла уморительно-смѣшна. Всѣ такъ и покатились со смѣху. Но всего занимательнѣе для меня были зрители; тутъ ужъ всѣ были на распашку. Они отдавались своему удовольствію беззавѣтно. Крики одобренія раздавались все чаще и чаще. Вотъ одинъ подталкиваетъ товарища и наскоро сообщаетъ ему свои впечатлѣнія, даже не заботясь и, пожалуй, не видя, кто стоитъ подлѣ него. Другой, при какой-нибудь смѣшной сценѣ, вдругъ съ восторгомъ оборачивается къ толпѣ, быстро оглядываетъ всѣхъ, какъ бы вызывая всѣхъ смѣяться, машетъ рукой и тотчасъ же опять жадно обращается къ сценѣ. Третій просто прищелкнетъ языкомъ и пальцами и не можетъ смирно устоять на мѣстѣ; а такъ какъ некуда идти, то только переминается съ ноги на ногу. Къ концу пьесы общее веселое настроеніе дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острогъ, кандалы, неволю, долгіе грустные годы впереди, жизнь однообразную, какъ водяная капель, въ хмурый, осенній день, — и вдругъ всѣмъ этимъ пригнетеннымъ и заключеннымъ позволили на часокъ развернуться, повеселиться, забыть тяжелый сонъ, устроить цѣлый театръ, да еще какъ устроить: на гордость и на удивленіе всему городу,—знай, дескать, нашихъ, каковы арестанты! Ихъ, конечно, все занимало, костюмы напримѣръ. Ужасно любопытно было для нихъ увидѣть, напримѣръ, такого-то Ваньку Отпѣтаго, али Нецвѣтаева, али Баклушина, совсѣмъ въ другомъ платьѣ, чѣмъ въ какомъ столько ужъ лѣтъ ихъ каждый день видѣли. „Вѣдь арестантъ, тотъ же арестантъ, у самого кандалы побрякиваютъ, а вотъ выходитъ же теперь въ сюртукѣ, въ круглой шляпѣ, въ плащѣ — точно штатскій! Усы себѣ придѣлалъ, волосы. Вонъ платочекъ красный изъ кармана вынулъ, обмахивается, барина представляетъ, точно самъ, ни дать, ни взять, баринъ“. И всѣ въ восторгѣ. „Благодѣтельный помѣщикъ“ вышелъ въ адъютантскомъ мундирѣ, правда, очень старенькомъ, въ эполетахъ, въ фуражкѣ съ кокардочкой и произвелъ необыкновенный эффектъ. На эту роль было два охотника, и—повѣрятъ ли?—оба, точно маленькія дѣти, ужасно поссорились другъ съ другомъ за то, кому играть: обоимъ хотѣлось показаться въ офицерскомъ мундирѣ съ аксельбантами! Ихъ ужъ разнимали другіе актеры и присудили большинствомъ голосовъ отдать роль Нецвѣтаеву, не потому, чтобъ онъ былъ казистѣе и красивѣе другого и такимъ образомъ лучше бы походилъ на барина, а потому, что Нецвѣтаевъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ выйдетъ съ тросточкой и будетъ такъ ею помахивать и по землѣ чертить, какъ настоящій баринъ и первѣйшій франтъ, чего Ванькѣ Отпѣтому и не представить, потому настоящихъ господъ онъ никогда и не видывалъ. И дѣйствительно, Нецвѣтаевъ, какъ вышелъ съ своей барыней передъ публику, только и дѣлалъ, что быстро и бѣгло чертилъ тоненькой камышевой тросточкой, которую откудова-то досталъ, по землѣ, вѣроятно, считая въ этомъ признаки самой высшей господственности, крайняго щегольства и фешени. Вѣроятно, когда-нибудь еще въ дѣтствѣ, будучи дворовымъ, босоногимъ мальчишкой, случилось ему увидать красиво-одѣтаго барина съ

тросточкой и плѣниться его умѣньемъ вертѣть ею, и вотъ впечатлѣніе на вѣки и неизгладимо осталось въ душѣ его, такъ что теперь въ тридцать-пять лѣтъ отъ роду припомнилось все, какъ было, для полнаго плѣненія и прельщенія всего острога. Нецвѣтаевъ былъ до того углубленъ въ свое занятіе, что ужъ и не смотрѣлъ ни на кого и никуда, даже говорилъ не подымая глазъ, и только и дѣлалъ, что слѣдилъ за своей тросточкой и за ея кончикомъ. Благодѣтельная помѣщица была тоже въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательна: она явилась въ старомъ изношенномъ кисейномъ платьѣ, смотрѣвшемъ настоящей тряпкой, съ голыми руками и шеей, страшно набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, въ спальномъ коленкоровомъ чепчикѣ, подвязанномъ у подбородка, съ зонтикомъ въ одной рукѣ и съ вѣеромъ изъ разрисованной бумаги въ другой, которымъ она безпрерывно обмахивалась. Залпъ хохоту встрѣтилъ барыню; да и сама барыня не выдержала и нѣсколько разъ принималась хохотать. Игралъ барыню арестантъ Ивановъ. Сироткинъ, переодѣтый дѣвушкой, былъ очень милъ. Куплеты тоже сошли хорошо. Однимъ словомъ, пьеса кончилась къ самому полному и всеобщему удовольствію. Критики не было, да и быть не могло.

Наши всѣ расходятся веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ унтеръ-офицера. Ссоръ не слышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже какъ будто счастливы, и засыпаютъ не по-всегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ,—а съ чего бы кажется? А, между тѣмъ, это не мечта моего воображенія. Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть часть не по-острожному, и человѣкъ нравственно мѣняется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ... Но вотъ ужъ глубокая ночь. Я вздрагиваю и просыпаюсь случайно: старикъ все еще молится тамъ до самой зари; Алей тихо спитъ подлѣ меня. Я припоминаю, что и засыпая онъ еще смѣялся, толкуя вмѣстѣ съ братьями о театрѣ, и невольно засматриваюсь на его спокойное дѣтское лицо. Мало-по-малу я припоминаю все: послѣдній день, праздники, весь этотъ мѣсяцъ... въ испугѣ приподымаю голову и оглядываю спящихъ моихъ товарищей, при дрожащемъ тускломъ свѣтѣ шестериковой казенной свѣчи. Я смотрю на ихъ бѣдныя лица, на ихъ бѣдныя постели, на всю эту непроходимую голь и нищету, всматриваюсь—и точно мнѣ хочется увѣриться, что все это не продолженіе безобразнаго сна, а дѣйствительная правда. Но это правда: вотъ слышится чей-то стонъ; кто-то тяжело откинулъ руку и брякнулъ цѣпями. Другой вздрогнулъ во снѣ и началъ говорить, а дѣдушка на печи молится за всѣхъ „православныхъ христіанъ“, и слышно его мѣрное, тихое, протяжное: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!..“

Не навсегда же я здѣсь, только вѣдь на нѣсколько лѣтъ! думаю я, и склоняю опять голову на подушку.

...Проживалъ у насъ нѣкоторое время въ острогѣ орелъ (карагушъ) изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и разѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ хромая, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали

на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростью, но видимо боялся подступить ближе, что̀ очень потѣшало арестантовъ. „Звѣрь! — говорили они:—не дается!“ Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ, когда натравливали, изловчился хватать его за больное крыло. Орелъ защищался изъ всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ всѣмъ онъ наскучилъ; всѣ его бросили и забыли, а, однакожъ, каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ началъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль паль, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромая и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, ощетинившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ взглядомъ. Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ и хоть никто не заботился, никто не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынесть орла: — „Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ“, говорили они.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то — поддакивали другіе.

— Знать, онъ не такъ, какъ мы,—прибавилъ кто-то.

— Вишь сморозилъ: то птица, а мы, значитъ, человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ...— началъ было Скуратовъ, но его на этотъ разъ не стали слушать. Разъ послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала. Человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орелъ. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

— Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а онъ все кусается!—говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпущай его, Микитка!

— Ему, знать, чорта въ чемоданѣ не строй. Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла бросили съ валу въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая больнымъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ, куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его!—задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется!—прибавилъ другой.—Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжитъ себѣ.

— А ты думалъ благодарить воротится?—замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло воля. Волю почуялъ.

— Слобода, значитъ.

— И не видать ужь, братцы...

— Чего стоять-то? маршъ! — закричали конвойные, и всѣ молча поплелись на работу.

Выходъ изъ каторги.

Все это случилось уже въ послѣдній годъ моей каторги. Этотъ послѣдній годъ почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ. Но что говорить о подробностяхъ. Помню только, что этотъ годъ, несмотря на все мое нетерпѣніе поскорѣй кончить срокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предъидущіе годы ссылки. Во-первыхъ, между арестантами у меня было уже много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человѣкъ. Многіе изъ нихъ были мнѣ преданы и искренно любили меня. Піонеръ чуть не заплакалъ, провожая меня и товарища моего изъ острога, и когда мы потомъ, уже по выходѣ, еще цѣлый мѣсяцъ жили въ этомъ городѣ, въ одномъ казенномъ зданіи, онъ почти каждый день заходилъ къ намъ такъ только, чтобъ поглядѣть на насъ. Были, однако, и личности суровыя и непривѣтливыя до конца, которымъ, кажется, тяжело было сказать со мною слово—Богъ знаетъ, отчего. Казалось, между нами стояла какая-то перегородка. Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые, и даже давнишніе школьные товарищи. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, могъ писать на родину и даже могъ имѣть книги. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ я не читалъ ни одной книги, и трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ нумеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло возстала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много-ль я отсталъ отъ этой жизни? много-ль прожили они тамъ безъ меня, что̀ ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ? Я придирался къ словамъ, читалъ между строчками, старался находить таинственный смыслъ, намеки на прежнее; отыскивалъ слѣды того, что прежде въ мое время волновало людей, и какъ грустно мнѣ было теперь на дѣлѣ сознать, до какой степени я былъ чужой въ новой жизни, сталъ ломтемъ отрѣзаннымъ. Надо было привыкать къ новому, знакомиться съ новымъ поколѣніемъ. Особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали и новыя имена: явились новые дѣятели, и я съ жадностью спѣшилъ съ ними знакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду, и что такъ трудно добираться до нихъ. Прежде же, при прежнемъ плацъ-маіорѣ, даже опасно было носить книги въ каторгу. Въ случаѣ обыска, были бы непремѣнно запросы: „откуда книги? гдѣ взялъ? Стало быть, имѣешь сношенія?“... А что могъ я отвѣчать на такіе запросы? И потому, живя безъ книгъ, я поневолѣ углублялся въ самого себя, задавалъ себѣ вопросы, старался разрѣшать ихъ, мучился ими иногда... Но вѣдь всего этого такъ не перескажешь...

Поступилъ я въ острогъ зимой, и потому зимой же долженъ былъ выйти на волю, въ то самое число мѣсяца, въ которое прибылъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ зимы, съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ вянетъ листъ на деревѣ и блекнетъ трава въ степи. Но вотъ и прошло лѣто, завылъ осенній вѣтеръ; вотъ уже началъ порхать первый снѣгъ... Настала, наконецъ, эта зима, давно ожидаемая! Сердце мое начинало подчасъ глухо и крѣпко биться отъ великаго предчувствія свободы.

Но странное дѣло: чѣмъ больше истекало время и чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился. Около самыхъ послѣднихъ дней я даже удивился и попрекнулъ себя: мнѣ показалось, что я сталъ совершенно хладнокровенъ и равнодушенъ. Многіе встрѣчавшіеся мнѣ на дворѣ въ шабашное время арестанты заговаривали со мной, поздравляли меня:

— Вотъ выйдете, батюшка Александръ Петровичъ, на слободу, скоро, скоро. Оставите насъ однихъ, бобылей.

— А что, Мартыновъ, вамъ-то скоро ли?—отвѣчалъ я.

— Мнѣ-то! ну да ужъ что! Лѣтъ семь еще и я промаюсь...

И вздохнетъ про себя, остановится, посмотритъ разсѣянно, точно заглядывая въ будущее...

Да, многіе искренно и радостно поздравляли меня. Мнѣ показалось, что и всѣ какъ будто стали со мной обращаться привѣтливѣе. Я видимо становился имъ уже не свой; они уже прощались со мной. К — чинскій, полякъ изъ дворянъ, тихій и кроткій молодой человѣкъ, тоже какъ и я любилъ много ходить въ шабашное время по двору. Онъ думалъ чистымъ воздухомъ и моціономъ сохранить свое здоровье и наверстать весь вредъ душныхъ казарменныхъ ночей: „Я съ нетерпѣніемъ жду вашего выхода, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой, встрѣтясь однажды со мной на прогулкѣ:— вы выйдете, и ужъ я буду знать тогда, что мнѣ ровно годъ остается до выхода“.

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что вслѣдствіе мечтательности и долгой отвычки, свобода казалась у насъ въ острогѣ какъ-то свободнѣе настоящей свободы, то есть той, которая есть въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Арестанты преувеличивали понятіе о дѣйствительной свободѣ, и это такъ естественно, такъ свойственно всякому арестанту. Какой-нибудь оборванный офицерскій деньщикъ считался у насъ чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободнаго человѣка, сравнительно съ арестантами, оттого что онъ ходилъ небритый, безъ кандаловъ и безъ конвоя.

Наканунѣ самаго послѣдняго дня, въ сумерки, я обошелъ въ послѣдній разъ около паль весь нашъ острогъ. Сколько тысячъ разъ я обошелъ эти пали во всѣ эти годы! Здѣсь за казармами скитался я въ первый годъ моей каторги одинъ, сиротливый, убитый. Помню, какъ я считалъ тогда, сколько тысячъ дней мнѣ остается. Господи, какъ давно это было! Вотъ здѣсь, въ этомъ углу, проживалъ въ плѣну нашъ орелъ; вотъ здѣсь встрѣчалъ меня часто Петровъ. Онъ и теперь не отставалъ отъ меня. Подбѣжитъ, и какъ бы угадывая мысли мои, молча идетъ подлѣ меня и точно про себя чему-то удивляется. Мысленно прощался я съ этими почернѣлыми бревенчатыми срубами нашихъ казармъ. Какъ привѣтливо поразили они меня тогда, въ первое время. Должно быть, и они теперь постарѣли противъ тогдашняго, но мнѣ это было непримѣтно. И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ—необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

— То-то, кто виноватъ?

На другое утро рано, еще передъ выходомъ на работу, когда только еще начинало свѣтать, обошелъ я всѣ казармы, чтобъ попрощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ по-товарищески, но такихъ было немного. Другіе уже очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Знали, что у меня въ городѣ есть знакомство,

что я тотчасъ же отправлюсь оттуда къ господамъ и рядомъ сяду съ этими господами, какъ равный. Они это понимали и прощались со мной хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не какъ съ товарищемъ, а будто съ бариномъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью.

Пробилъ барабанъ—и всѣ отправились на работу, а я остался дома. Сушиловъ въ это утро всталъ чуть не раньше всѣхъ, и изъ всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобъ успѣть приготовить мнѣ чай. Бѣдный Сушиловъ! онъ заплакалъ, когда я подарилъ ему мои арестантскіе обноски, рубашки, подкандальники и нѣсколько денегъ. „Мнѣ не это, не это! говорилъ онъ, черезъ силу сдерживая свои дрожавшія губы:—мнѣ васъ-то каково потерять, Александръ Петровичъ? на кого безъ васъ-то я здѣсь останусь!“ Въ послѣдній разъ простились мы и съ Акимомъ Акимычемъ.

— Вотъ и вамъ скоро!—сказалъ я ему.

— Мнѣ долго-съ, мнѣ еще очень долго здѣсь быть-съ, бормоталъ онъ, пожимая мою руку. Я бросился ему на шею, и мы поцѣловались.

Минутъ десять спустя послѣ выхода арестантовъ, вышли и мы изъ острога, чтобъ никогда въ него не возвращаться,—я и мой товарищъ, съ которымъ я прибылъ. Надо было идти прямо въ кузницу, чтобъ расковать кандалы. Но уже конвойный съ ружьемъ не сопровождалъ насъ: мы пошли съ унтеръ-офицеромъ. Расковывали насъ наши же арестанты, въ инженерной мастерской. Я подождалъ, покамѣстъ раскуютъ товарища, а потомъ подошелъ и самъ къ наковальнѣ. Кузнецы обернули меня спиной къ себѣ, подняли сзади мою ногу, положили на наковальню... Они суетились, хотѣли сдѣлать ловчѣе, лучше.

— Заклепку-то, заклепку-то повороти перво-на-перво...—командовалъ старшій:—установить ее, вотъ такъ, ладно... Бей теперь молотомъ...

Кандалы упали. Я поднялъ ихъ... Мнѣ хотѣлось подержать ихъ въ рукѣ, взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Точно я дивился теперь, что они сейчасъ были на моихъ же ногахъ.

— Ну, съ Богомъ! съ Богомъ! — говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но какъ будто чѣмъ-то довольными голосами.

Да, съ Богомъ! Свобода, новая жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ... Экая славная минута!

Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Дѣти — странный народъ, они снятся и мерещатся. Мерещится мнѣ мальчикъ, но еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже менѣе, еще не такой, котораго можно высылать съ ручкой *), но такой, однако, котораго черезъ годъ, черезъ два непремѣнно вышлютъ. Этотъ мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой, вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? — должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужаго города и вдругъ захворала. Хозяйку угловъ захватили еще два дня тому въ полицію; жильцы разбрелись—дѣло празд-

*) „Съ ручкой“ — это техническій терминъ, значитъ просить милостыню. Терминъ выдумали сами эти мальчики. Такихъ множество, они вертятся на вашей дорогѣ и завываютъ что-то заученное.

ничное, а оставшійся одинъ халатникъ уже цѣлыя сутки лежалъ мертвопьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ, и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная, какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно", подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было, и онъ вышелъ вдругъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откудова онъ пріѣхалъ, по ночамъ, такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется—никого, всѣ затворяются по домамъ, и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было зато такъ тепло, и ему давали кушать, а здѣсь—Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ. Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобъ не замѣтить мальчика.

Вотъ и опять улица, — охъ какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать. Какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него ужъ болятъ пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются, и больно попевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги всякіе—миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатыя барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входитъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе и сунула ему въ руку копѣечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копѣечка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ, не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй-поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжитъ, бѣжитъ и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его, потому что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что-жъ это опять такое? Стоятъ люди толпой и дивятся: въ окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя

платьица и совсѣмъ-совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичекъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ,—только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки—вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно-смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ на земь, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать-бѣжать, и вдругъ забѣжалъ, самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ,— и присѣлъ за дровами: „тутъ не сыщутъ, да и темно“.

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху, и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало такъ ему хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть, и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть: „Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ“, подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: „совсѣмъ какъ живыя!“... И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. „Мама, я сплю; ахъ, какъ тутъ спать хорошо!“

— Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ, — прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ. Онъ подумалъ было, что это все его мама; но нѣтъ, не она; кто же это его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ, а онъ протянулъ ему руку и... и вдругъ,— о какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ, и кругомъ все куколки; но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! кричитъ ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочется ему разсказать имъ поскорѣе про тѣхъ куколокъ за стекломъ. „Кто вы, мальчики? кто вы, дѣвочки? спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это „Христова елка“, отвѣчаютъ они ему. У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки... И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были такіе же, какъ онъ, дѣти, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь, какъ ангелы, всѣ у Христа, и онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ грѣшныхъ матерей... А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же въ сторонкѣ и плачутъ: каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо...

А внизу, на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; разыскали и его маму...

Пушкинъ, Лермонтовъ и Некрасовъ *).

....Байронизмъ хоть былъ и моментальнымъ, но великимъ, святымъ и необходимымъ явленіемъ въ жизни европейскаго человѣчества, да чуть ли не

*) „Дневникъ Писателя“, 1877 г., декабрь, глава II, стр. 313—319.

въ жизни и всего человѣчества. Байронизмъ появился въ минуту страшной тоски людей, разочарованія ихъ и почти отчаянія. Послѣ изступленныхъ восторговъ новой вѣры въ новые идеалы, провозглашенной въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи,—въ передовой тогда націи европейскаго человѣчества наступилъ исходъ, столь непохожій на то, чего ожидали, столь обманувшій вѣру людей, что никогда, можетъ быть, не было въ исторіи Западной Европы столь грустной минуты. И не отъ однихъ только внѣшнихъ (политическихъ) причинъ пали вновь воздвигнутые на мигъ кумиры, но и отъ внутренней несостоятельности ихъ, что̀ ясно увидѣли всѣ прозорливыя сердца и передовые умы. Новый исходъ еще не обозначался, новый клапанъ не отворялся, и все задыхалось подъ страшно понизившимся и съузившимся надъ человѣчествомъ прежнимъ его горизонтомъ. Старые кумиры лежали разбитые. И вотъ въ эту-то минуту и явился великій и могучій геній, страстный поэтъ. Въ его звукахъ зазвучала тогдашняя тоска человѣчества и мрачное разочарованіе его въ своемъ назначеніи и въ обманувшихъ его идеалахъ. Это была новая и неслыханная еще тогда муза мести и печали, проклятія и отчаянія. Духъ байронизма вдругъ пронесся какъ бы по всему человѣчеству, все оно откликнулось ему. Это именно было какъ бы отворенный клапанъ; по крайней мѣрѣ, среди всеобщихъ и глухихъ стоновъ, даже бо̀льшею частью безсознательныхъ, это именно былъ тотъ могучій крикъ, въ которомъ соединились и согласились всѣ крики и стоны человѣчества. Какъ было не откликнуться на него и у насъ, да еще такому великому, геніальному и руководящему уму, какъ Пушкинъ? Всякій сильный умъ и всякое великодушное сердце не могли и у насъ тогда миновать байронизма. Да и не по одному лишь сочувствію къ Европѣ и къ европейскому человѣчеству издали, а потому, что и у насъ, и въ Россіи, какъ разъ къ тому времени, обозначилось слишкомъ много новыхъ, неразрѣшенныхъ и мучительныхъ тоже вопросовъ, и слишкомъ много старыхъ разочарованій.... Но величіе Пушкина, какъ руководящаго генія, состояло именно въ томъ, что онъ такъ скоро, и окруженный почти совсѣмъ непонимавшими его людьми, нашелъ твердую дорогу, *нашелъ великій и вожделѣнный исходъ для насъ, русскихъ, и указалъ на него*. Этотъ исходъ былъ—народность, *преклоненіе передъ правдой народа русскаго*. „Пушкинъ былъ явленіе великое, чрезвычайное“. Пушкинъ былъ „не только русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ“. Не понимать русскому Пушкина, значитъ не имѣть права называться русскимъ. Онъ понялъ русскій народъ и постигъ его назначеніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ никогда и никто. Не говорю уже о томъ, что онъ, всечеловѣчностью генія своего и способностью откликаться на всѣ многоразличныя духовныя стороны европейскаго человѣчества, и почти перевоплощаться въ геніи чужихъ народовъ и національностей, засвидѣтельствовалъ о всечеловѣчности и всеобъемлемости русскаго духа и тѣмъ какъ бы провозвѣстилъ и о будущемъ предназначеніи генія Россіи во всемъ человѣчествѣ, какъ всеединяющаго, всепримиряющаго и всевозрождающаго въ немъ начала. Не скажу и о томъ даже, что Пушкинъ первый у насъ, въ тоскѣ своей и въ пророческомъ предвидѣніи своемъ, воскликнулъ:

Увижу ли народъ освобожденный
И рабство, павшее по манію Царя?

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина къ народу русскому. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какую еще никто не выказывалъ до него. „Не люби ты меня, а полюби ты *мое*“—вотъ что вамъ скажетъ всегда народъ, если захочетъ увѣриться въ искренности вашей любви къ нему.

Полюбить, т. е. пожалѣть народъ за его нужды, бѣдность, страданія, можетъ и всякій баринъ, особенно изъ гуманныхъ и европейски просвѣщенныхъ. Но народу *надо*, чтобъ его не за одни страданія его любили, а чтобъ полюбили и *его самого*. Что же значитъ *полюбить его самого?* „А полюби ты то, что̀ я люблю, почти ты то, что̀ я чту“—вотъ что это значитъ, и вотъ какъ вамъ отвѣтитъ народъ, а иначе онъ никогда васъ за своего не признаетъ, сколько бы вы тамъ объ немъ ни печалились. Фальшь тоже всегда разглядитъ, какими бы жалкими словами вы ни соблазняли его. Пушкинъ именно такъ полюбилъ народъ, какъ народъ того требуетъ, и онъ не угадывалъ какъ надо любить народъ, не приготовлялся, не учился: онъ самъ вдругъ оказался народомъ. Онъ преклонился передъ правдой народною, онъ призналъ народную правду, какъ свою правду. Не смотря на всѣ пороки народа и многія смердящія привычки его, онъ съумѣлъ различить великую суть его духа тогда, когда никто почти такъ не смотрѣлъ на народъ и принялъ эту суть народную въ свою душу, какъ свой идеалъ. И это тогда, когда самые наиболѣе гуманные и европейски развитые любители народа русскаго сожалѣли откровенно, что народъ нашъ столь низокъ, что никакъ не можетъ подняться до парижской уличной толпы. Въ сущности эти любители всегда презирали народъ. Они вѣрили, главное, что онъ рабъ. Рабствомъ же извиняли паденіе его, но раба не могли вѣдь любить, рабъ всетаки былъ отвратителенъ. Пушкинъ первый объявилъ, что русскій человѣкъ *не рабъ*, и никогда не былъ имъ, не смотря на многовѣковое рабство. Было рабство, но не было рабовъ (въ цѣломъ, конечно, въ общемъ, не въ частныхъ исключеніяхъ)—вотъ тезисъ Пушкина. Онъ даже по виду, по походкѣ русскаго мужика заключалъ, что это не рабъ и не можетъ быть рабомъ (хотя и состоитъ въ рабствѣ)—черта, свидѣтельствующая въ Пушкинѣ о глубокой непосредственной любви къ народу. Онъ призналъ и высокое чувство собственнаго достоинства въ народѣ нашемъ (опять-таки въ цѣломъ, мимо всегдашнихъ и неотразимыхъ исключеній), онъ предвидѣлъ то спокойное достоинство, съ которымъ народъ нашъ приметъ и освобожденіе свое отъ крѣпостнаго состоянія—чего не понимали, напримѣръ, замѣчательнѣйшіе образованные русскіе европейцы уже гораздо позднѣе Пушкина и ожидали совсѣмъ другаго отъ народа нашего. О, они любили народъ искренно и горячо, но по-своему, т. е. по-европейски. Они кричали о звѣриномъ состояніи народа, о звѣриномъ положеніи его въ крѣпостномъ рабствѣ, но и вѣрили всѣмъ сердцемъ своимъ, что народъ нашъ дѣйствительно звѣрь. И вдругъ этотъ народъ очутился свободнымъ съ такимъ мужественнымъ достоинствомъ, безъ малѣйшаго позыва на оскорбленіе бывшихъ владѣтелей своихъ: „Ты самъ по себѣ, а я самъ по себѣ, если хочешь, иди ко мнѣ, за твое хорошее всегда тебѣ отъ меня честь“. Да, для многихъ нашъ крестьянинъ, по освобожденіи своемъ, явился страннымъ недоумѣніемъ. Многіе даже рѣшили, что это въ немъ отъ неразвитости и тупости, остатковъ прежняго рабства. И это теперь, что же было во времена Пушкина? Не я ли слышалъ самъ, въ юности моей, отъ людей передовыхъ и „компетентныхъ“, что образъ Пушкинскаго Савельича въ „Капитанской дочкѣ“, раба помѣщиковъ Гриневыхъ, упавшаго въ ноги Пугачеву и просившаго его пощадить барченка, а „для примѣра и страха ради повѣсить ужъ лучше его, старика“,—что этотъ образъ не только есть образъ раба, но и апоѳеозъ русскаго рабства!

Пушкинъ любилъ народъ не за одни только страданія его. За страданія сожалѣютъ, а сожалѣніе такъ часто идетъ рядомъ съ презрѣніемъ. Пушкинъ любилъ все, что любилъ этотъ народъ, чтилъ все, что тотъ чтилъ. Онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія, любилъ де-

ревню русскую. Это былъ не баринъ, милостивый и гуманный, жалѣющій мужика за его горькую участь, это былъ человѣкъ, самъ перевоплощавшійся сердцемъ своимъ въ простолюдина, въ суть его, почти въ образъ его. Умаленіе Пушкина, какъ поэта, болѣе исторически, болѣе архаически преданнаго народу, чѣмъ на дѣлѣ—ошибочно и не имѣетъ даже смысла. Въ этихъ историческихъ и архаическихъ мотивахъ звучитъ такая любовь и такая *оцѣнка народа*, которая принадлежитъ народу *вѣковѣчно*, всегда и теперь и въ будущемъ, а не въ одномъ только какомъ-нибудь давно прошедшемъ историческомъ народѣ. Народъ нашъ любитъ свою исторію главное за то, что въ ней вєрѣчаетъ незыблемою ту же самую святыню, въ которую сохранилъ онъ свою вѣру и теперь, не смотря на всѣ страданія и мытарства свои. Начиная съ величавой, огромной фигуры лѣтописца въ „Борисѣ Годуновѣ“ до изображенія спутниковъ Пугачева,—все это у Пушкина—народъ въ его глубочайшихъ проявленіяхъ, и все это понятно народу, какъ собственная суть его. Да это ли одно? Русскій духъ разлитъ въ твореніяхъ Пушкина, русская жилка бьется вездѣ. Въ великихъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ пѣсняхъ будто бы западныхъ славянъ, но которыя суть явно порожденіе русскаго великаго духа, вылилось все воззрѣніе русскаго на братьевъ славянъ, вылилось все сердце русское, объявилось все міровоззрѣніе народа, сохраняющееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ, сказаніяхъ, высказалось все, что любитъ и чтитъ народъ, выразились его идеалы героевъ, царей, народныхъ защитниковъ и печальниковъ, образы мужества, смиренія, любви и жертвы. А такія прелестныя шутки Пушкина, какъ, напримѣръ, болтовня двухъ пьяныхъ мужиковъ или „Сказаніе о Медвѣдѣ“, у котораго убили медвѣдицу—это уже что-то любовное, что-то милое и умиленное въ его созерцаніи народа. Еслибъ Пушкинъ прожилъ дольше, то оставилъ бы намъ такія художественныя сокровища для пониманія народнаго, которыя, вліяніемъ своимъ, навѣрно бы сократили времена и сроки перехода всей интеллигенціи нашей, столь возвышающейся и до сихъ поръ надъ народомъ въ гордости своего европеизма,—къ народной правдѣ, къ народной силѣ и къ сознанію народнаго назначенія. Вотъ это-то поклоненіе передъ правдой народа вижу я отчасти (увы, можетъ быть, одинъ я изъ всѣхъ его почитателей)—и въ Некрасовѣ, въ сильнѣйшихъ произведеніяхъ его. Мнѣ дорого, очень дорого, что онъ—„печальникъ народнаго горя“ и что онъ такъ много и страстно говорилъ о горѣ народномъ; но еще дороже для меня въ немъ то, что въ великіе, мучительные и восторженные моменты своей жизни, онъ, несмотря на всѣ противоположныя вліянія и даже на собственныя убѣжденія свои, преклонялся передъ народной правдой всѣмъ существомъ своимъ, о чемъ и засвидѣтельствовалъ въ своихъ лучшихъ созданіяхъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и поставилъ его, какъ пришедшаго послѣ Пушкина и Лермонтова, съ тѣмъ же самымъ, отчасти новымъ словомъ, какъ и тѣ (потому что „слово“ Пушкина до сихъ поръ еще для насъ новое слово. Да и не только новое, а еще и не узнанное, не разобранное, за самый старый хламъ считающееся).

Прежде чѣмъ перейду къ Некрасову, скажу два слова и о Лермонтовѣ, чтобъ оправдать то, почему я тоже поставилъ и его, какъ увѣровавшаго въ правду народную. Лермонтовъ, конечно, былъ байронистъ, но по великой своеобразной поэтической силѣ своей и байронистъ-то особенный,—какой-то насмѣшливый, капризный и брюзгливый, вѣчно невѣрующій даже въ собственное свое вдохновеніе, въ свой собственный байронизмъ. Но еслибъ онъ пересталъ возиться съ больною личностью русскаго интеллигентнаго человѣка, мучимаго своимъ европеизмомъ, то навѣрно бы кончилъ

тѣмъ, что отыскалъ бы исходъ, какъ и Пушкинъ, въ преклоненіи передъ народной правдой, и на это есть большія и точныя указанія. Но смерть опять и тутъ помѣшала. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ стихахъ своихъ онъ мраченъ, капризенъ, хочетъ говорить правду, но чаще лжетъ, и самъ знаетъ объ этомъ, и мучается тѣмъ, что лжетъ, но чуть лишь онъ коснется народа, тутъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата, казака, онъ чтитъ народъ. И вотъ онъ разъ пишетъ безсмертную пѣсню о томъ, какъ молодой купецъ Калашниковъ, убивъ за безчестье свое государева опричника Кирибеевича и, призванный царемъ Иваномъ предъ грозныя его очи, отвѣчаетъ ему: что убилъ онъ государева слугу Кирибеевича „вольной волею, а не нехотя". Помните ли вы, господа, „раба Шибанова?" Рабъ Шибановъ былъ рабъ князя Курбскаго, русскаго эмигранта 16-го столѣтія, писавшаго все къ тому же царю Ивану свои оппозиціонныя и почти ругательныя письма изъ-за границы, гдѣ онъ безопасно пріютился. Написавъ одно письмо, онъ призвалъ раба своего Шибанова и велѣлъ ему письмо снести въ Москву и отдать царю лично. Такъ и сдѣлалъ рабъ Шибановъ. На Кремлевской площади онъ остановилъ выходившаго изъ собора царя, окруженнаго своими приспѣшниками, и подалъ ему посланіе своего господина, князя Курбскаго. Царь поднялъ жезлъ свой съ острымъ наконечникомъ, съ размаху вонзилъ его въ ногу Шибанова, оперся на жезлъ и сталъ читать посланіе. Шибановъ съ проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда сталъ потомъ отвѣчать письмомъ Курбскому, написалъ между прочимъ: „Устыдися раба твоего Шибанова". Это значило, что онъ самъ устыдился раба Шибанова. Этотъ образъ русскаго „раба", должно быть, поразилъ душу Лермонтова. Его Калашниковъ говоритъ царю безъ укора, безъ попрека за Кирибеевича, говоритъ онъ, зная про вѣрную казнь, его ожидающую, царю „всю правду истинную", что убилъ его любимца „вольной волею, а не нехотя". Повторяю: остался бы Лермонтовъ жить, и мы имѣли бы великаго поэта, тоже признавшаго правду народную, а можетъ быть и истиннаго *„печальника горя народнаго"*. Но это имя досталось Некрасову...

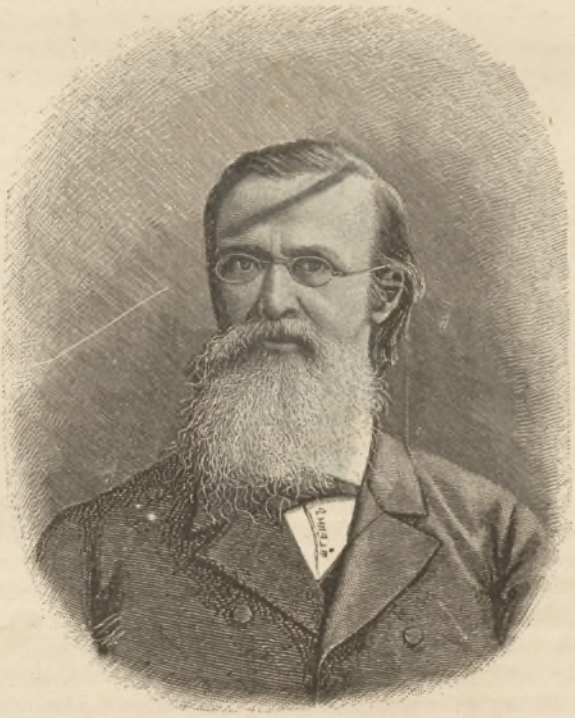
Опять таки, я не равняю Некрасова съ Пушкинымъ, я не мѣряю аршиномъ, кто выше, кто ниже, потому что тутъ не можетъ быть ни сравненія, ни даже вопроса о немъ. Пушкинъ, по обширности и глубинѣ своего русскаго генія, до сихъ поръ есть, какъ солнце надъ всѣмъ нашимъ русскимъ интеллигентнымъ міровоззрѣніемъ. Онъ великій и непонятый еще предвозвѣститель. Некрасовъ есть лишь малая точка въ сравненіи съ нимъ, малая планета, но вышедшая изъ этого же великаго солнца. И мимо всѣхъ мѣрокъ: кто выше, кто ниже, за Некрасовымъ остается безсмертіе, вполнѣ имъ заслуженное, и я уже сказалъ почему—за преклоненіе его передъ народной правдой, что́ происходило въ немъ не изъ подражанія какого-нибудь, не вполнѣ по сознанію даже, а потребностью, неудержимой силой. И это тѣмъ замѣчательнѣе въ Некрасовѣ, что онъ всю жизнь свою былъ подъ вліяніемъ людей, хотя и любившихъ народъ, хотя и печалившихся о немъ, можетъ быть, весьма искренно, но никогда не признававшихъ въ народѣ правды, и всегда ставившихъ европейское просвѣщеніе свое несравненно выше истины духа народнаго. Не вникнувъ въ русскую душу и не зная, чего ждетъ и проситъ она, имъ часто случалось желать нашему народу, со всею любовью къ нему, того, что́ прямо могло бы послужить къ его бѣдствію. Не они ли въ русскомъ народномъ движеніи, за послѣдніе два года, не признали почти вовсе той высоты духа народнаго, которую онъ, можетъ быть, въ первый разъ еще выказываетъ въ такой полнотѣ и силѣ, и тѣмъ свидѣтельствуетъ о своемъ здравомъ, могучемъ и непоколебимомъ, доселѣ живомъ единеніи въ одной и той же великой мысли,

и почти предузнаетъ самъ будущее предназначеніе свое. И мало того, что не признаютъ правды движенія народнаго, но и считаютъ его почти ретроградствомъ, чѣмъ-то свидѣтельствующимъ о непроходимой безсознательности, о заматерѣвшей вѣками неразвитости народа русскаго. Некрасовъ же, не смотря на замѣчательный, чрезвычайно сильный умъ свой, былъ лишенъ, однако, серьезнаго образованія, по крайней мѣрѣ, образованіе его было небольшое. Изъ извѣстныхъ вліяній онъ не выходилъ во всю жизнь, да и не имѣлъ силъ выйти. Но у него была своя, своеобразная сила въ душѣ, не оставлявшая его никогда, — это истинная, страстная, а главное непосредственная любовь къ народу. Онъ болѣлъ о страданіяхъ его всей душою, но видѣлъ въ немъ не одинъ лишь униженный рабствомъ образъ, звѣрское подобіе, но смогъ силой любви своей почтить почти безсознательно и красоту народную, и силу его, и умъ его, и страдальческую кротость его и даже частью увѣровать и въ будущее предназначеніе его. О, сознательно Некрасовъ могъ во многомъ ошибаться. Онъ могъ воскликнуть въ недавно напечатанномъ въ первый разъ экспромтѣ его, съ тревожнымъ укоромъ созерцая освобожденный уже отъ крѣпостнаго состоянія народъ:

...„Но счастливъ ли народъ?“

Великое чутье его сердца подсказало ему скорбь народную; но если бъ его спросили: „чего же пожелать народу и какъ это сдѣлать?“ то онъ, можетъ быть, далъ бы весьма ошибочный, даже пагубный отвѣтъ. И ужъ, конечно, его нельзя винить: политическаго смысла у насъ еще до рѣдкости мало, а Некрасовъ, повторяю, былъ всю жизнь подъ чужими вліяніями. Но сердцемъ своимъ, но великимъ поэтическимъ вдохновеніемъ своимъ онъ неудержимо примыкалъ, въ иныхъ великихъ стихотвореніяхъ своихъ, къ самой сути народной. Въ этомъ смыслѣ это былъ народный поэтъ. Всякій, выходящій изъ народа, при самомъ маломъ даже образованіи, пойметъ уже много у Некрасова. Но лишь при образованіи. Вопросъ о томъ, пойметъ ли Некрасова теперь прямо весь народъ русскій—безъ сомнѣнія, вопросъ явно немыслимый. Что пойметъ „простой народъ“ въ шедеврахъ его: „Рыцарь на часъ“, „Тишина“, „Русскія женщины“? Даже въ великомъ „Власѣ“ его, который можетъ быть понятенъ народу (но не вдохновитъ нисколько народъ, ибо все это поэзія, давно уже вышедшая изъ непосредственной жизни), народъ отличитъ два-три фальшивые штриха навѣрно. Что разберетъ народъ въ одной изъ самыхъ могучихъ и самыхъ зовущихъ поэмъ его: „На Волгѣ“? Это настоящій духъ и тонъ Байрона. Нѣтъ, Некрасовъ пока еще—поэтъ русской интеллигенціи, съ любовью и со страстью говорившій о народѣ и страданіяхъ его той же русской интеллигенціи. Не говорю въ будущемъ, — въ будущемъ народъ отмѣтитъ Некрасова. Онъ пойметъ тогда, что былъ когда-то такой добрый русскій баринъ, который плакалъ скорбными слезами о его народномъ горѣ и ничего лучше и придумать не могъ, какъ убѣгая отъ своего богатства и отъ грѣшныхъ соблазновъ барской жизни своей, приходить въ очень тяжкія минуты свои къ нему, къ народу, и въ неудержимой любви къ нему очищать свое измученное сердце, — ибо любовь къ народу у Некрасова была лишь *исходомъ его собственной скорби по себѣ самомъ*...

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи



А. Н. МАЙКОВЪ.

Къ стр. 361.

А. Н. Майковъ.

(род. въ 1821 г.).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

* * *

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нифмъ и грацій;
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по вѣтру... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились—новые, невѣдомые боги!

Картина вечера.

Люблю я берегъ сей пустынный,
Когда съ зарею лоно водъ
Его, ласкаясь, обойметъ
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье, по песку,
Стада спустилися лѣниво;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленью стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервяхъ мачта тамъ уснула,
И въ глади воднаго стекла
Ихъ отраженье потонуло.

Могила рыбака.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Овидій.

Одинъ я погребенъ пустыней снѣговою.
Здѣсь всѣмъ моихъ стиховъ гармонія чужда,
И некому надъ ней задуматься порою:
Ей нѣтъ ни въ чьей душѣ отзыва и слѣда.
Зачѣмъ же я пою? Зачѣмъ же я слагаю
Слова въ размѣрный стихъ на языкѣ родномъ?
Кто будетъ ихъ читать и чувствовать? О, знаю,
Ихъ вѣтеръ разнесетъ на берегѣ пустомъ!
Лишь эхо повторитъ мои мечты и муки!...
Но все мнѣ сладостно обманывать себя:
Я жажду услыхать страны родимой звуки,
Свои элегіи читаю громко я,
И думаю (дитя!), что это голосъ друга,
Что я въ кругу друзей... зову ихъ имена,—
И мнѣ покажется, что дымная лачуга
Присутствіемъ гостей таинственно полна.

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій (Онъ былъ непонятенъ,

Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверзтій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

* * *

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой:
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо нетрудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри, улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ, слушаютъ нимфы и фавны.

Зимнее утро.

Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздумьи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На домы, крытые ковромъ младаго снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ серебро;
Иглистымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою.
Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки,
Свистятъ и искрятся визгливые коньки;
На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ;
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ
Сухаго хвороста худую сѣть чинитъ,
И сладостно ему воспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины—
Про зори утренни и крики лебедины,

Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянутъ, озлатятъ пучины спящей гладь,
И свѣтятъ рыбаку свой неводъ подымать.

Сомнѣніе.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладко звученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь, и не вѣришь ты!

Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдъ!“—
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужь не такія...
Жди, да у моря сиди.

„Вамъ, вѣдь, все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То жь, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

„Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

„Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

„Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ“.

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся,
Живо дѣло закинѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото —
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ, что рѣшето.

— „Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье,
На Петрово, попытай“.—

„На Петрово! эко слово
Молвилъ! — думаетъ рыбакъ —
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?“...

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

Савонарола.

Въ столицѣ Медичи счастливой
Справлялся странный карнавалъ:
Всѣ въ бѣломъ, съ вѣтвію оливы,
Шли дѣвы, юноши; бѣжалъ
Народъ за ними; изъ собора,
Подъ звукъ торжественнаго хора,
Распятье иноки несли
И стройно со свѣчами шли.
Усыпанъ путь ихъ былъ цвѣтами,
Ковры висѣли изъ оконъ,
И воздухъ былъ колоколами
До горъ далекихъ потрясенъ.
Они на площадь направлялись.
Туда жъ, по улицамъ другимъ,
Пестрѣя, маски собирались
Съ обычнымъ говоромъ своимъ:
Паяцъ, и съ лавкой разныхъ стклянокъ
На колесницѣ шарлатанъ,
И грандъ, и дьяволъ, и султанъ,
И Вакхъ со свитою вакханокъ.
Но, будто волны въ берегахъ,
Вдругъ останавливались маски,
И прекращались смѣхъ и пляски:
На площади, на трехъ кострахъ,
Монахи складывали въ груды
Все то, что тѣшитъ рѣзвый свѣтъ
Приманкой нѣги и суетъ.
Тутъ были жемчугъ, изумруды,
Великолѣпные сосуды,
И кучи бархатовъ, парчей,
И картъ игральныхъ, и костей,
И сладострастныя картины,
И бюсты фавновъ и сиренъ,
Литавры, арфы, мандолины
И ноты страстныхъ кантиленъ,
И кучи масокъ и корсетовъ;
Румяна, мыло и духи,
И эротическихъ поэтовъ
Соблазна полные стихи...
Надъ этой грудою стояло,
Верхомъ на маленькомъ конькѣ,
Изображенье карнавала—
Паяцъ въ дурацкомъ колпакѣ.

Сюда процессія вступила.
На помостъ всталъ монахъ сѣдой,
И чудно солнцемъ озарило
Его фигуру надъ толпой.
Онъ крестъ держалъ, главу склоняя...
И указуя въ небеса...
Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
Его свѣтилися глаза.
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И, маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины кругомъ.
Монахъ училъ, какъ древле жили
Общины первыхъ христіанъ,
„А вы“, сказалъ: „вы воскресили
Разбитый ими истуканъ!
Забыли въ шумѣ сатурналій
Молчанье строгое постовъ!
Святую библію отцовъ
На мудрость вѣка промѣняли;
Пустынной маннѣ предпочли
Пиры Египетской земли!
До знаній жадны, вѣрой скупы,
Понять вы тщитесь бытіе,
Анатомируете трупы—
А сердце знаете-ль свое?...
О, Матерь Божія! Тебя ли,
Мое прибѣжище въ печали,
Въ чертахъ блудницы вижу я!
Съ блудницъ художникъ маловѣрный
Чертитъ, исполненъ всякой скверны,
И выдастъ намъ за тебя!...
Развратъ повсюду лицемѣрный!
Васъ тѣшитъ пестрый маскарадъ—
Бѣсъ ходитъ возлѣ каждой маски
И въ сердце вамъ вливаетъ ядъ.
Въ винѣ, въ наукѣ, въ женской ласкѣ
Вамъ сѣти ставитъ хитрый адъ,
И, какъ безсмысленныя дѣти,
Вы слѣпо падаете въ сѣти!...
Пора, зову я васъ на брань.
Изъ-за трапезы каждый встань,
Гдѣ бѣсъ пируетъ! Бросьте яству!

Спѣшите, пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здѣсь искупленіе грѣхамъ.
Проклятье играмъ и костямъ!
Проклятье льстивымъ чарамъ ада!
Проклятье мудрости людской,
Въ которой овцы Божья стада
Теряютъ вѣру и покой!
Господь! услышь мои моленья:
Въ сей день великій искупленья
Свои намъ молніи пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово
Весь домъ грѣха испепели!“

Умолкъ—и факеломъ зажженнымъ
Взмахнулъ надъ праздничнымъ костромъ;
Раздался пушекъ страшный громъ;
Сливаясь съ колокольнымъ звономъ,
Te Deum грянулъ мрачный хоръ—
Столбомъ всталъ огненный костеръ.
Толпы народа оробѣли,
Молились, набожно глядѣли,
Святаго ужаса полны,
Какъ грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобрѣтенья сатаны,
И какъ фигура карнавала,—
Его колпакъ и дѣтскій конь—
Качалась, тлѣла, обгорала
И съ шумомъ рухнула въ огонь.

Прошли года. Монахъ крутой,
Какъ геній смерти, воцарился
Въ столицѣ шумной и живой—
И городъ весь преобразился.
Облекся трауромъ народъ,
Вездѣ вериги, власяница.
Постомъ измученныя лица,
Молебны, звонъ да крестный ходъ.
Монахъ, какъ будто львиной лапой,
Толпу угрюмую сжималъ
И дерзко ссорился онъ съ папой,
Въ безвѣріи папу уличалъ.
Но съ папой спорить было рано:
Неравенъ былъ строптивый споръ,
И главъ вѣнчанныхъ Ватикана
Еще могучъ былъ приговоръ...
И вотъ опять костеръ багровый
На той же площади пылалъ;
Палачъ у висѣлицы новой
Спокойно жертвы новой ждалъ;
И грозный папскій трибуналъ
Стоялъ на помостѣ высокомъ.
На казнь монаховъ привели.
Они, въ молчаніи глубокомъ,
На смерть, какъ мученики шли.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ же самый,
Къ кому народъ стекался въ храмы,
Кто отворялъ свои уста
Лишь съ чистымъ именемъ Христа;
Христомъ былъ духъ его напитанъ,
И за Него на казнь онъ шелъ;
Христа же именемъ прочитанъ
Монаху смертный протоколъ,
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всѣхъ сторонъ,
Какъ рухнулъ съ висѣлицы онъ,
И пламя въ мигъ его объяло,
И, задыхаясь, произнесъ
Онъ въ самомъ пламени: „Христосъ“.

Христосъ, Христосъ! но, умирая
И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христосъ! онъ понялъ ли Тебя?
О, нѣтъ! скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гналъ,
И, Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословлялъ!
И человѣкъ, въ Твоемъ ученьѣ
Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ
Съ любовью видитъ откровенье,
Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятилъ,—и возросло
Оно могуче и свѣтло;
Доминиканца жъ кликъ суровый
Былъ чуждъ любви—и самъ онъ палъ
Безплодной жертвою...
. . . . . .

Клермонтскій соборъ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Какъ лугъ усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,

Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ
Средь духовенства властелиномъ
Въ тіарѣ папа возсѣдалъ
У трона—герцоги, бароны,
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ ихъ—сирыхъ обороны—
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ итальянцы,
Тяжелый швабъ и рыжій бриттъ,
И галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями испанцы;
И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть папства узы:
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой алебардой.
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветъ:
Все это львы да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба—
Какъ будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
Лишь шопотъ слышится въ собраньѣ.

Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Видѣнъ крестъ
Былъ въ небѣ. Несся стонъ съ востока.
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ,
Какъ человѣческое, было
Лицо луны, и слезы лило,
И вкругъ клубился дымъ и мгла...
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу—
И билъ грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ—и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ,
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:

„Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньѣ
Вы потупляете глаза:
На грозныхъ ликахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза...
О люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слёзы дешевы у васъ!
Ужель-ль, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!...
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой,
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И неродившихся дѣтей

Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей...
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ
Толпами гнали по степямъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичемъ стегали по ногамъ;
И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
Но мигъ, мнѣ памятный до нынѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ грекомъ обнялись.
Всѣ, какъ сыны земли единой,
Страдать безропотно клялись.
И грекъ намъ далъ примѣръ великій.
Ерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ и бровію не двинулъ!
Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его...
Рванули съ воплемъ мы цѣпями,—
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ.
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками,
И на груди святой земли
Его останки погребли.

„И онъ не встанетъ передъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не прійдетъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя—
Христу молящійся народъ:
Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
Какъ рабъ евангельскій израненъ,
Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ...
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ—
Созданье злобы и коварства—
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псалмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ—мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!“...

Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ будто громы
Перекатился въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
„Идемъ, оставимъ женъ и домы!“
И въ умиленіи святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены:
Врагъ лобызался со врагомъ,
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищіе бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла.
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

Дурочка-Дуня.

Идиллія.

Всѣмъ довольна я, старушка—
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка—
Хоть мала, да можно жить.

У меня семья большая;
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ.

Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка,
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была,

Вовсе здраваго понятья
Не имѣла; что ни дай
Ей, хоть шелковое платье—
Вмигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Да и съ виду: мы всѣ русы;
А она смугла, черна;
Да вплететъ какъ въ кудри бусы,
Алый шарфъ возьметъ она,

Запоетъ, какъ бусурманка,
Такъ глазами и блеститъ,
И хохочетъ... ну, цыганка
Да и только, просто стыдъ!

Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. „Да поди!“
Говорю: „тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди“.

—«Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!“—„Какъ такъ?“
—„Что мнѣ съ этакими злыми!“...
И забьется на чердакъ.

Свадьба ль въ домѣ—все равно ей,
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать—и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подъ-часъ и бьетъ—
Какъ къ стѣнкѣ горохъ! нимало,
То есть, ухомъ не ведетъ.

Ну, ее за то и гнали;
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ-на воду сажали...
Баловала только я.

И она какъ будто чуетъ,
Лишь ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, цѣлуетъ,
Руки крѣпко—крѣпко жметъ.

Надорветъ мое сердечко...
„Охъ ты бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!“

„Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?“ говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было—
Няньчить маленькихъ дѣтей:
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ на улицу и скачетъ!
А возьмутъ ее домой—
Въ уголъ спрячется и плачетъ.
Домъ ей, словно какъ чужой.

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.

Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летитъ,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ...

Порча-ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой—
Всѣ мы пробовали средства
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что лѣчить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.

Докторовъ иныхъ бы нужно—
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно—
Жатва, сѣвы—знаешь самъ!

Вотъ и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: „гдѣ ты пропадала?“
Вздоръ разсказываетъ намъ:

Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ.

Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ ростетъ; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревамъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями,
А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ всѣ мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;

Да безумная невѣста...
Но всего не передать!
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать...

Только видимъ, дѣвка бредитъ,
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ прійдетъ зима.

Между тѣмъ прошла ужъ осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила, запирала,
Да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали—
Нѣтъ. Ужъ поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ—
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло:
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ;
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...

„Взглянь-ка“, говорю я, „Саша“.
А сама-то вся дрожу.
„Что тамъ? ужъ не Дуня-ль наша?“
Такъ и есть, она! Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На рученки прилегла.
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...

Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

Послѣ всѣ ужъ мы узнали.
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ—
Такъ, пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскія края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда-жъ!

Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужъ, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ недолго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти—
Прямо въ рай Онъ ихъ беретъ.

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея-жъ замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ.

Весна.

Весна! выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

Лѣтній дождь.

„Золото, золото падаетъ съ неба!“
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полно-те, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба.

Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ—сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ...

Въ ожиданьи конь убогій
Точно вкопанный стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ...

Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь, повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклонясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я: на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розапа, и меда;
Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа

На пристаняхъ кули валятся: вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба;
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно:
О, дай намъ солнышка! Пошли ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать!“

Пейзажъ.

Люблю дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ нестрѣтъ лѣсъ зеленый.
Уже румянить осень клены,
А ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ березы листъ
И, какъ коверъ, устлалъ дорогу...
Идешь, какъ будто по водамъ;
Нога шумитъ... а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,
А красныхъ мухоморовъ рядъ,
Какъ карлы сказочные, спятъ...
Ужъ солнца лучъ ложится косо...
Вдали проглянула рѣка...
На тряской мельницѣ колеса
Уже шумятъ издалека...
Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
Тяжелый возъ, то промелькнетъ
На солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ...
И крикомъ клячѣ помогаетъ
Старикъ, а на возу дитя,
И дѣда страхомъ тѣшитъ внучка;
А хвостъ пушистый опустя,
Вкругъ съ лаемъ суетится жучка,
И звонко въ сумракѣ лѣсномъ
Веселый лай идетъ кругомъ.

Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ...

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу:
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ.

И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ другой сторонѣ,
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!

Осень.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.

Съ холоду щеки горятъ...
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!

Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;

Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей,
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;

Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ...

* * *

Ласточка примчалась
Изъ-за бѣла моря,
Сѣла и запѣла:
Какъ Февраль ни злися,
Какъ ты, Мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ,
Все весною пахнетъ!

Картинка

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г).

Посмотри, въ избѣ мерцая,
Свѣтитъ огонекъ.
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что-жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ уже въ головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братцы,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

Ночь на жнитвѣ.

(Отрывокъ изъ поэмы: *Поля*).

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы... Ужъ умолкъ
Вдали и плачъ, и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ...
И тишина легла въ поляхъ!..
Какъ безконечный ратный станъ,
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;

И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой...
Одно, прозрачное, какъ дымъ,
Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то, неземной,
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ,

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенья на поля,
Вознаградила-бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

Приговоръ.

(Легенда объ Іоганѣ Гусѣ).

На соборѣ на Констанскомъ
Богословы засѣдали,
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Разобравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборнѣ
Присудить колесованье.

Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ;

Самый трупъ предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый...

Такъ по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ.

И дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ,
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали: „Бене, бене!“
Люди, опытные въ спорѣ,

И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье...
И соблазнъ великій вышелъ,
Такъ гласитъ бытописанье:

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый.
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы.

Онъ глядитъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантіямъ и ризамъ,

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усъ задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя...

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и—оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился.

За владыкой—рядъ за рядомъ,
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ
Отъ Сорбоны депутаты,—
Трирскій, литтихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты.

Оглянулся даже папа!
И—суровый ликъ дотолѣ
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился по-неволѣ.

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и—улыбаться!

И куда они глядѣли?
Что могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или розовыя горы?

Но они таятъ дыханье
И, отдавшись сладкимъ грезамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ.

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечеръ празднуя весенній.

Онъ запѣлъ—и каждый вспомнилъ
Соловья такого-жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ въ часъ урочный,

Кто таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто трактировъ швабскихъ Гебу
Съ кружкой пѣнистаго пива..

Словомъ—всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые дни свободы.—

И исторія не знаетъ—
Сколько длилося молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья...

Былъ въ собраньи этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой,

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Міръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И, какъ шопотъ раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
„Жалко Гуса“—прозвучали.

Машинально, безотчетно
Поднялся онъ и, объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: „братья!“...

Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственнаго слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова.

„Пробудитесь“, возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:
„Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его проклятый!...

Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной.

„И вошелъ въ меня нечистый!
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
Гусъ невиненъ! Горе, братья!“...

Ужаснулося собранье,
Встало съ мѣстъ своихъ, и хоромъ
„Да воскреснетъ Богъ“ запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ.

И очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ;

И, возставъ, Іогана Гуса,—
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ,
Осудили на сожженье.

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада.
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада.

И надъ озеромъ Констанскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ, искры сѣя...

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини-старушки
И одинъ констанскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.

Мать.

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему неловко!
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу.
Подремли, мой мальчикъ!
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ...
Нѣтъ! Не хочешь?.. сказки—вздоръ?
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-темень боръ,
Лисъ лисичку будитъ
Во сыромъ-темномъ бору...
Задремалъ мой крошка...
Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ-темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ..

„*Во сыромъ бору*“, поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ...

Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужъ день выводитъ,—
Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнетъ, встрепенется—
„*Во темномъ-сыромъ бору*“
Снова раздается...

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею,—
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало,
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!

Упраздненный монастырь.

(Глава изъ поэмы: *Поля*).

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣсомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ—обрывъ! и вотъ—рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ краснымъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна
Съ безглавой башней, какъ огнемъ,
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣетъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

Вотъ монастырь... Слѣды-ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудахъ, что лежатъ,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?...

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползутъ
Мои лошадки по горѣ...
—„Что, отче честный, есть ли тутъ
Что посмотрѣть въ монастырѣ?»

—„А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что есть—увидишь“, молвилъ онъ,
„Да что смотрѣть-то! Сколько лѣтъ
Какъ монастырь ужъ упраздненъ.

„Святыню вывезли... Живемъ
Одни въ привратникахъ мы тутъ
Съ отцомъ Паисіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

„Аль здѣсь помремъ... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчился лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

„Войди въ калитку-то, смотри!“—
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться лишній мигъ.

Бѣднякъ! едва-ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть немного было, нѣтъ,
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Свѣча предъ иконой.

Дорогъ мнѣ передъ иконой,
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возженный
Чьей, невѣдомо, рукой.

Знаю я—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ,—
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ.

Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой.

Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...

Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души.

Бѣгство Наполеона изъ Москвы.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Снѣжныя мятели,
Дикой пылью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходитъ
Славной арміи остатки...
Егеря и гренадеры,
Кто укутанъ дамской шалью,
Кто—церковною завѣсой...
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбирались
На подъемъ оледенѣлый.
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ, на жалкихъ клячахъ
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно,
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной, сокрушителя империй...

Ломоносовъ.

Его избралъ Господь отъ малыхъ,
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньи звѣздъ и въ зоряхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ.
И, повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,
Чтобъ Русь позналъ— отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.

Повелъ его на Западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ
Все откровенное издавна
Великимъ, избраннымъ мужамъ;
Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ,
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ.

Слово о полку Игоревѣ.

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,—
Со сказаній о старинныхъ браняхъ,—
Пѣснь о храброй Игоревой рати
И о немъ, о сынѣ Святославлѣ,
И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гоняясь мыслью за Бояномъ!
Пѣснь слагая, онъ, бывало, Вѣщій,
Быстрой вѣкшей по лѣсу носился,
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орелъ шырялъ подъ облаками!
Какъ воспомнитъ брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пуститъ
Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку;
И какую первую настигнетъ,
Для него и пѣсню пой та лебедь,—
Пѣсню пой о старомъ Ярославѣ-лѣ,
О Мстиславѣ-лѣ, что въ бою зарѣзалъ,
Поборовъ, косожскаго Редедю,
Аль о славномъ о Романѣ Красномъ...
Но не десять соколовъ то было;
Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
И князьямъ, подъ вѣщими перстами,
Рокотали славу сами струны!...
Поведемъ же, братія, сказанье
Отъ временъ Владиміровыхъ древнихъ,
Доведемъ до Игоревой брани,
Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
Наострилъ отвагой храброй сердце,
Распалился славнымъ ратнымъ духомъ,
И за землю Русскую дружины
Въ степь повелъ на хановъ половецкихъ.
У Донца былъ Игорь, только видитъ—
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрѣлъ на свѣтлое онъ солнце—
Видитъ: солнце, что двурогій мѣсяцъ,
А въ рогахъ былъ словно уголь горящій;
Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;
У людей въ глазахъ позеленѣло.
„Не добра ждать“— говорятъ въ дружинѣ;
Старики поникли головами:
„Быть убитымъ намъ или плѣненнымъ“.
Князь же Игорь: „Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!
Но кому пророчится погибель—
Кто узнаетъ—намъ или поганымъ?
А посядемъ на коней на борзыхъ,
Да хоть позримъ синяго-то Дону!
Не послушалъ знаменья онъ солнца,
Распалясь взглянуть на Донъ великій!
„Преломить копье свое“, онъ кликнулъ,
Вмѣстѣ съ вами, Русичи, хочу я
На концѣ невѣдомаго поля!
Хоть за то-бъ и голову сложити,
А испить шеломомъ Дону любо!“

О Боянъ, о вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ-бъ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь умомъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ долъ на горы,
Воспѣвать бы Игореву славу!

То не буря соколовъ помчала,
И не стаи галчьи побѣжали
Чрезъ поля-луга на Донъ великій...
Ахъ, тебѣ бы пѣть, о внукъ Велесовъ!..

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги красные въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;

А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:
„Игорь братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
А мои осѣдланы ужъ въ Курскѣ!
И мои Куряне-ль не смышлёны!
Повиты подъ бранною трубою,
Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены!
Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
Луки туги, тулы отворены,
Остры сабли крѣпко отточены,
Сами скачутъ, словно волки въ полѣ,
Алчутъ чести, а для князя—славы!..“
И вступилъ князь Игорь во златъ стремень,
И дружины двинулись за княземъ.
Солнце путь ихъ тьмою заступало.
Ночь пришла—та взвыла, застонала,
Стономъ-воемъ птицъ поразбудила.
Вкругъ стоянки свистъ пошелъ звѣриный.
Высоко поднявшися по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебѣ, болванъ Тмутороканскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отвсюду
Отъ телѣгъ ихъ скрыпъ пошелъ,—ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.
Игорь путь на Донъ великій держитъ,

А надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками;
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, зловѣщимъ клектомъ, словно
По степямъ звѣрье зовутъ на кости...

А ужъ въ степь зашла ты, Русь, далеко,
Перевалъ давно переступила!

Ночь рѣдѣетъ. Бѣлъ разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекотъ соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя—славы.

И въ пятокъ то было съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю разсыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, паволокъ и злата,
А порницъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебряное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.

Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.—
Далеко, родное, залетѣло!
„Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебѣ, быстръ соколъ, нестеръ кречетъ,
Ни тебѣ, золъ воронъ-Половчанинъ...“

А ужъ Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ на-встрѣчу...

И въ другой день полосой кровавой
Повѣщаютъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца...
Синія въ нихъ молніи трепещутъ...
Быть то грому, дождичку пролиться,
Каленымн вылиться стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы Половчанъ поганыхъ!

А ужъ въ степь, зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужъ наносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки.
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужъ знамена плещутъ..

Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ,
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду!
Отовсюду бѣсовы изчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ.
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый туръ ты, Всеволодъ, стоишь ты
Впереди съ Курянами своими!

Прыщешь стрѣлами на вражьи вои,
О шеломы ихъ гремишь мечами!
Гдѣ ты, буй-туръ, ни поскачешь въ битвѣ
Золотымъ посвѣчивая шлемомъ,—
Тамъ валятся головы поганыхъ,
Тамъ трещатъ аварскіе шеломы
Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
Не считаетъ ранъ ужъ онъ на тѣлѣ!
Да ему о рапахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы-княгини,
Той ли свѣтлой Глѣбовны утѣхи,
Милый ликъ и ласковый обычай!

Такой, какъ Игорева битва,
На Руси не видано отъ вѣка!

Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны
Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой стени!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси—горемъ!..

Что шумитъ-звенитъ передъ зарею?
Скачетъ Игорь полкъ поворотити...

Жалко брата... Третій день ужъ бьются!
Третій день къ полудню ужъ подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали тутъ, и оба брата
На Каялѣ быстрой разлучились...
Ужъ у храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Попоили сватовъ и костями
Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали преклонились...

...Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорятъ: то мое и это!
Зоветъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводитъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе!

Залетѣлъ далече ясный соколъ,
Загоняя птицъ ко синю морю,—
А полка ужъ Игорева нѣту!..
.. Жены плачутъ, слезно причитаютъ:
Ужъ ни мыслью милыхъ намъ не смыслить!
Ужъ ни думой ладъ своихъ не сдумать!
Ни очами намъ на нихъ не глянуть,
Златомъ, серебромъ намъ уже не звякнуть!..

Въ городахъ затворены ворота,
Пріумолкло на Руси веселье.
Смутенъ сонъ приснился Святославу.
Снилось мнѣ, онъ сказывалъ боярамъ,—
Что меня, на кипарисномъ ложѣ,
На горахъ, здѣсь въ Кіевѣ, все чернымъ
Одѣвали съ вечера покровомъ;
Съ синимъ мнѣ виномъ мѣшали зелье;
Изъ поганыхъ половецкихъ туловъ,
Крупный жемчугъ сыпали на лоно;
Всѣ за мной ухаживаютъ, смотрятъ,—
Въ терему-жъ золотоверхомъ, словно
Изъ конька, повыскочили брусья;
И всю ночь прокаркали у Плѣнска,
Тамъ, гдѣ прежде дебрь была Кисаня,
На Подольѣ, стаи черныхъ враповъ,
Проносясь несмѣтной тучей къ морю...

Отвѣчали княжіе бояре:
Умъ твой, княже, полонило горе!
Съ злата стола два сокола слетѣли,
Похотѣвъ испить шеломомъ Дону,
Поискать себѣ Тмуторокани.
Порубили Половцы имъ крылья,
А самихъ опутали въ желѣза!
Въ третій день внезапу тьма настала!
Оба солнца красныя померкли,
Два столба багряные погасли,
Съ ними оба тьмой поволоклися
И въ небесныхъ безднахъ погрузились.
На веселье ханамъ половецкимъ,
Молодые мѣсяцы, два свѣта—
Володиміръ съ храбрымъ Святославомъ!..
Изронилъ тогда, въ отвѣтъ боярамъ,
Святославъ изъ устъ златое слово,
Горючьми слезами облитое:
Дѣтки, дѣтки, Всеволодъ мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогіе!
Не въ пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни побѣдой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
А сердца-то ваши удалыя,
На огнѣ искованы на лютомъ,
Во отвагѣ буйной закалены!

Что теперь вы, дѣти, сотворили
Съ сѣдиной серебряной моею?..

...Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ, въ землѣ незнаемой, кукушкой
Поутру она кукуетъ, плачетъ:

„Полечу кукушечкой къ Дунаю,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ,
Оботру кровавы раны князю
На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ...“

Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ-рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
„Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
Въ небесахъ, подъ облака бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь, вѣешь-развѣваешь
На ковыль траву мое веселье...

Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ-рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
„Ты ли Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой,
Славутичъ!
По землѣ прошелъ ты Половецкой,
Пробивалъ ты каменныя горы!
Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
До земли Кобяковой носилъ ихъ...
Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ
тобою
По сырымъ зорямъ на синє море!..“

Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:

„Свѣтлое, пресвѣтлое ты солнце,
Ахъ, для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
Чтожъ ты, Солнце, съ неба устремило
Жаркій лучъ на лады храбрыхъ восвъ!
Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...“

Синє море прыснуло къ полночи;
Мглой встаютъ, идутъ смерчи морскіе:
Кажетъ Богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.
Погасаютъ сумерки сквозь тучи...
Игорь спитъ, не спитъ, крылатой мыслью
Мѣритъ поле ко Донцу отъ Дона.

За рѣкой Овлуръ въ полночи свищетъ;
По коня онъ свищетъ, повѣщаетъ:
„Выходи, князь Игорь, изъ полона“.

Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи,
И шатаетъ вежи половецки;
Шелеститъ-шуршитъ ковыль высокій,
И шумитъ-гудитъ земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь
Игорь,
Что бѣлъ гоголь, по водѣ ныряетъ,
На быстра-добра коня садится;
По лугамъ Донца, что волкъ, несется;
Что соколъ, летитъ въ сырыхъ туманахъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.

Что соколъ, летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что сѣръ волкъ, Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужъ лихихъ коней давно загнали.

Вранъ не карнетъ, галчій стихнулъ го-
воръ,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ казуютъ,
Соловьинъ свистъ зори повѣщаетъ...

Говоритъ Донецъ: „Охъ, князь ты Игорь!
Величанья-жъ ты себѣ да добылъ,
А Кончаку всякаго проклятья,
Русской всей землѣ свѣтла веселья!“
Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь:
„Донче, Донче, ты ли тихоструйный!
И тебѣ да будетъ величанье,
Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
Зелену траву мнѣ стлалъ въ постелю
На своемъ серебряномъ побрежьѣ;
Теплой мглою на меня ты вѣялъ
Подъ темной зеленою ракитой;
Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,
На струяхъ, вѣтрахъ — чиркомъ да чай-
кой...
Вотъ Стугна, о Донче, не такая!
Какъ пожретъ-попьетъ ручьи чужіе,
По кустамъ, по доламъ разольется!..
Ростислава-юношу пожрала,
Унесла его во Днѣпръ глубокій,
Во темныхъ брегахъ похоронила...
Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ.
Пріуныли съ жалости цвѣточки,
Дерева съ печали преклонились...“

Не сороки—чу!—застрекотали:
Ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ въ злу погоню.
Молвитъ Гзакъ Кончаку на погонѣ:
„Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
Ужъ млада соколика не пустимъ,
А поставимъ друга въ чистомъ полѣ,
Разстрѣляемъ стрѣлами златыми“.
И въ отвѣтъ Кончакъ ко люту Гзаку:
„Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
Сокольца опутаемъ потуже
Крѣпкой цѣпью—красною дѣвицей“.
Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку слово молвитъ:
„Коль опутать красною дѣвицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной намъ дѣвицы;
А ихъ дѣтки бить почнутъ насъ въ полѣ,
Здѣсь же, въ нашемъ полѣ половецкомъ“.

Стародавнихъ былей пѣснотворецъ,
Ярослава пѣвшій и Олега,
Такъ-то въ пѣснѣ пѣлъ про Святослава:
„Тяжело главѣ безъ плечъ могучихъ,
Горе тѣлу безъ главы разумной“.
И землѣ такъ горько было Русской
Безъ удала Игоря, безъ князя:
Анъ на небѣ солнце засвѣтило:
Игорь-князь въ землѣ ужъ скачетъ Русской.
На Дунаѣ дѣвицы запѣли;
Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.
Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держитъ,
Ко святой иконѣ Пирогощей.
Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
Всѣ князей поютъ и величаютъ:
Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ.
Воспоемъ и мы: свѣтъ-Игорь—слава!
Буй-туръ-свѣту-Всеволоду—слава!
Володиміръ Игоревичъ—слава!
Святославу Ольговичу—слава!
Вамъ на здравье, князи и дружина,
Христіанъ поборцы на поганыхъ!

Слава князьямъ и дружинѣ!
Аминь.

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.

Къ стр. 383.

Д. В. Григоровичъ.

(Род. въ 1822 г.).

ИЗЪ ПОВѢСТИ: „АНТОНЪ-ГОРЕМЫКА“.

Изба Антона стояла у самой околицы и завершала собой правую линію села, выдавшуюся въ этомъ мѣстѣ нѣсколько впередъ. Она бросалась въ глаза своею ветхостью: одинъ бокъ ея, примыкавшій къ околицѣ, почти сгнилъ до тла, отчего остальная часть зданія покачнулась и сѣла въ ту сторону. Кровля, отъ тяжести давившей ее когда-то соломы, приняла совершенно другое направленіе: она сползла напередъ и грозила ежеминутнымъ паденіемъ. Трубы не было: ее замѣнялъ глиняный горшокъ съ выбитымъ дномъ—для дыму. Деревянный пѣтушокъ, красовавшійся, вѣроятно, въ лучшія времена на макушкѣ крыши, принялъ также свое направленіе во время всеобщаго обвала и уныло свѣсился влѣво. Единственное оконце, заткнутое лохмотьями и обмазанное кругомъ глиною, глядѣло невыразимокисло. Изба со всѣхъ сторонъ подпиралась сучковатыми плахами, уподоблявшими ее согбенному старику-нищему, наступившему на костыли свои; словомъ, все въ ней, какъ говорится, было и валко, и шатко, и на сторону. Невыразимо-тяжело и грустно становилось на сердцѣ, глядя на это жилище.

Антонъ съ племянникомъ (Ваней) возвратился изъ лѣсу съ возомъ хворосту.

— Варвара! чего нахохлилась? собери обѣдать, смерть ѣсть хоцца, да, чай, ребята *(племянникъ и племянница)* проголодались.

Это обращалось къ хозяйкѣ дома, невзрачной бабенкѣ, молчаливо сидѣвшей поодаль отъ старухи, *Архиповны, пришедшей къ Антону по хлѣбушко)*... Услыша слова его, она повернула къ нему изнуренное, блѣдное лицо свое, вздохнула и сказала:

— Чего я тебѣ дамъ, Антонушка... охъ, ничего-то у насъ нѣту.

— Кажись, намедни лучку осталось?

— Нѣтъ, не осталось: нагдысь ребята весь поѣли... И она снова вздохнула.

— Ну, давай хлѣба, кваску... да полно тебѣ день-деньской хохлиться-то... инда тоска беретъ, на тебя глядя...

Варвара поднялась, сняла съ полки чашку, нацѣдила въ кувшинчикъ

кваску, потомъ вынула изъ столоваго ящика остатокъ ржанаго коровая, искалѣченную солоницу, ножъ, и молча уставила все это передъ мужемъ. Послѣ чего она тотчасъ же усѣлась на прежнее свое мѣсто, скрестила руки и стала смотрѣть на него съ какимъ-то притупленнымъ вниманіемъ.

— Эй, ребятишки!—крикнулъ Антонъ:—вы и взаправду завалились на печку,—ступайте сюда... а у меня тюря-то славная какая... э! постойтека, вотъ я ее всю съѣмъ... слѣзайте скорѣе съ печки... Ну, а ты, бабка, что-жъ, — продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ незамѣтно уже было и тѣни досады:—аль съ хозяйкой надломила хлѣбушка?—чего отнѣкиваешься, рѣжь да ѣшь, коли подкладываютъ, бери ложку,—садись,—человѣкъ изъ ѣды живетъ; что съѣшь, то и поживешь...

— Спасибо, отецъ родной, и то хозяюшка твоя накормила, дай ей Господь Богъ много лѣтъ здравствовать...

Въ это время Аксюшка *(племянница)* подбѣжала къ дядѣ, всползла къ нему на колѣни и обняла смуглую его шею тоненькими своими ручонками.

— Эка дѣвчонка-то у меня баловливая какая, бабушка,—вымолвилъ мужикъ, цѣлуя ребенка: — эка озорливая дѣвчонка-то, — продолжалъ онъ, гладя ее по головкѣ:—сядь-ка ты сюда, плутъ-дѣвка, сядь-ка поближе къ своему дядькѣ-то да поѣшь... ну, а Ванюшка гдѣ?

— А онъ, дядя Антонъ, на улицу ушелъ къ ребятамъ.

— Ишь, пострѣлъ какой, прости Господи, только и наровитъ, какъ бы ему изъ дому прочь; погоди, Аксюшка, дай ему вернуться, вотъ мы ему съ тобой шею-то накостыляемъ... слышь, бабка, озорникъ-атъ мой отъ дому все отбивается.

— А Господь съ нимъ, не замай его,—молвила Архаровна: — пущай его балуетъ, пока невеличекъ...

— Какой невеличекъ!.. поглядѣла бы ты на него: парнишка куды въ смыслѣ, такой-то шустрый, рѣзвый, все разумѣетъ, даромъ что отъ земли не видать; да я, вѣдь, посмѣялся, я не потачливъ, что грѣха таить, а бить ихъ не бью... оба они дороги мнѣ больно, бабка, даромъ что не родные, во-какъ,—продолжалъ онъ, лаская Аксюшку:—во, не будь ихъ, такъ, кажись, и мнѣ, и хозяйкѣ моей скорѣй бы жизнь опостыла; съ ними все какъ бы маленечко повеселѣе, правону!

— Вѣстимо, они теперь махочки, смыслу нѣтъ, а какъ подростутъ, такъ тебѣ же спасибо скажутъ, родимый, за добро твое...

— Э! бабка, было бы имъ ладно, а тамъ что останется отъ моей бѣдности, то и имъ достанется...

Брата Антона въ солдаты взяли; съ тѣхъ поръ Антонъ объ немъ ничего не знаетъ; посылалъ ему письмо да денегъ полтинничекъ: — отвѣта не получилъ; а о женѣ его также ни слуху, ни духу.

— Намъ, коли молвить правду (*говоритъ Антонъ Архаровнѣ*), не больно тошно, что брата нѣту: кабы да при теперешнемъ житьѣ, такъ съ нимъ не наплакаться стать; что грѣха таить: пути въ немъ не было, мужикъ былъ плошный, неработящій, хмѣльнымъ дѣломъ почалъ было на послѣдяхъ-то заниматься; вѣстимо, какого ужъ тутъ ждать добра, что ужъ это за человѣкъ, коли да у роднаго брата захребетникомъ жилъ,—вотъ развѣ бабу его такъ жаль: славная была баба, смирная, работящая... ну, да видно во всемъ Богъ... на то Его есть воля... охъ-хо-хо.

Антонъ прислонилъ ложку къ закраинѣ чашки, уперся спиною въ стѣну и пересталъ ѣсть; долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ, пригорюнясь и не произнося ни слова. Только изрѣдка ласкалъ онъ Аксюшку, которая, положивъ русую головку свою на грудь дяди, забавлялась мѣднымъ кре-

стикомъ, висѣвшимъ у него за пазухой. Мало-по-малу добродушное, кроткое лицо мужика нахмурилось; вытянувшіяся черты его уже ясно показывали, что временная веселость и спокойствіе исчезли въ душѣ бѣдняка; въ нихъ четко проглядывало какое-то заботливое, тревожное чувство, котораго, повидимому, старался онъ не обнаруживать передъ женою, потому что, то и дѣло, поглядывалъ на нее искоса. Наконецъ, Антонъ облокотился на столъ, взглянулъ еще разъ на жену и сказалъ старухѣ голосомъ, который ясно показывалъ, что онъ приготовлялся вымолвить ей совсѣмъ другое.

— Вотъ, бабушка,—такъ началъ мужикъ: — было времячко, живалъ, вѣдь, и я не хуже другихъ, — въ амбарѣ-то, бывало, всего насторожено вволюшку; хлѣбъ-то, бабушка, родился самъ-шостъ да самъ-сёмъ, три коровы стояли въ клѣти, двѣ лошади,—продавалъ, почитай что кажинную зиму, мало что на 60 рублевъ одной ржицы, да гороху рублевъ на 10, а теперь до того дошелъ, что радешенекъ-радешенекъ, коли сухаго хлѣбушка поснѣдаешь... тѣмъ только и пробавляешься, когда вотъ покойникъ какой на селѣ, такъ позовутъ псалтырь почитать надъ нимъ... все гривенку-другую дадутъ люди.

Онъ оглянулся на Варвару: та сидѣла, закрывъ лицо руками и нѣсколько отвернувшись отъ него; замѣтивъ, что слезы струились между ея пальцами, Антонъ замялся.

— Да, подхватилъ онъ громче прежняго:—да, бабушка, такъ во какó дѣло-то,—во оно дѣло-то какое... а ты все на свою долю плачешься, того, молъ нѣтъ, да того не хватаетъ... а вотъ мы и тутъ съ хозяйкой не унываемъ (онъ посмотрѣлъ на Варвару), не гнѣвимъ Господа Бога... грѣшно! знать ужъ на то такая Его воля; супротивъ ея не станешь...

— О-о-охъ, вѣстимо, кормилецъ ты мой, Богъ далъ, Богъ и взялъ...

— Да, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, — сказалъ мужикъ, стараясь принять веселый видъ:—день дню рознь, пивалъ пьяно да ѣдалъ сладко, а теперь возьмешь вотъ такъ-то хлѣбушка, подольешь кваску, — ничаво, думаешь, посоля схлебается! по комъ бѣда не ходила!.. Эхъ! Варвара, полно тебѣ, право; ну, что ты себя понапрасну убиваешь; говорю, полно, горю не пособишь, правону, не пособишь...

— Вѣстимо, касатка, отозвалась старуха:—вѣку только убавишь себѣ... охъ, что ваша бѣдность! у васъ хошь вотъ поплакать-то есть гдѣ... а вотъ у меня, горькой сироты, такъ и поплакать-то негдѣ...

— Ну, въ томъ небольно велика утѣха; что вой, что не вой — все одно—живи, коли можется; помирай, коли хочется... Э, старуха, горько жить на бѣломъ свѣтѣ нашему брату!..

— О-о-охъ, горько, родимый, такъ-то горько, что и сказать мудрено...

Варвара быстро приподнялась и вышла изъ избы.

— Вотъ, сказалъ Антонъ, посмотрѣвъ на дверь: — она-то, бабушка, крушитъ меня добре слезами-те своими, вишь баба плошная, квёлая... долго ли до грѣха!.. теперь безъ нея, скажу тебѣ по душѣ... по душѣ скажу... куды!.. пропали мы съ нею и съ ребятишками, совсѣмъ пропали!.. вотъ, вѣдь, и хлѣбушко, что ѣшь, и тотъ — сказать горько — у Стегнѣя сосѣда вымолилъ; спасибо еще, что помогъ... охъ... а такое ли было житье-то мое... Эхъ, доля моя, доля!... вотъ, почитай, пятый годъ такъ бьюсь, и что ни день, то плоше да плоше...

— Все небось управляющій, касатикъ, не жалуетъ? *)

*) Управляющій потому притѣснялъ и гналъ Антона, что сей послѣдній, по просьбѣ всей деревни, какъ единственный въ деревнѣ грамотный человѣкъ, написалъ въ Петербургъ господамъ доносъ на управляющаго, что отъ него никому житья нѣтъ.

— Не жалуетъ?.. охъ! это бы еще ништо; кого онъ жалуетъ? а живутъ же люди... нѣтъ, онъ, злодѣй, мнѣ напался, весь вѣкъ мой заѣдаетъ! съ бѣла свѣта долой гонитъ!—а что наше дѣло, вѣстимо, какое—терпишь да терпишь; мы, вѣдь, на то и родились, бабушка!.. да!.. Вотъ хоть теперь, — пришло время подушныя платить, гдѣ я ихъ возьму? отколѣ? онъ же разорилъ меня да пустилъ по міру, а стращаетъ теперь: въ солдаты, говоритъ, да на поселенье сошлю, не погляжу, говоритъ, что у-те жена есть, вонъ онъ что толкуетъ... Охъ! бабка, бабка, кабы былъ одинъ я, ну бы еще ништо: одна голова не бѣдна, а то съ ними-то что станется?.. Да... прогнѣвилъ, знать, я чѣмъ Господа Бога!.. (*Зовутъ къ управляющему*).

Антонъ у управляющаго (Никита Ѳедорычъ).

— Что-жъ ты, шутить что ли думаешь?—сказалъ онъ Антону.—Всѣ внесли подушныя, ты одинъ ухомъ не ведешь, каналья! а? говорилъ ли я тебѣ, а? сказывай, говорилъ или не говорилъ—худо будетъ? И управляющій закинулъ еще выше голову.

— Сказывали, Никита Ѳедорычъ...

— Ну!

— Я докладывалъ вашей милости,—отвѣчалъ мужикъ, потупляя голову:—какъ будетъ угодно... у меня подушныхъ нѣтъ... взять неоткуда... извольте дѣлать со мною, что угодно,—на то есть власть ваша... напишите барину, пущай наказать прикажетъ, а мнѣ взять, какъ передъ Богомъ, неоткудова...

— Ахъ ты, плутъ, бестія этакая... изъ-за тебя стану я безпокоить барина... васъ только сѣки, да подушныхъ не бери... ну, да что тутъ толковать... не міру платить за тебя... знаю я васъ, мошенниковъ... Лошадь жива?

Антонъ обомлѣлъ; дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ; онъ быстро взглянулъ на Никиту Ѳедорыча и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Никита Ѳедорычъ! никакъ ужъ ты и совсѣмъ погубить меня хочешь?..

— Что?

— Никита Ѳедорычъ! батюшка! — продолжалъ мужикъ: — пожалѣй хоть ребятишекъ-то махонькихъ... и то, почитай, пустилъ ты насъ по міру...

— А вотъ, потолкуй-ка еще у меня, потолкуй, — перебилъ управляющій, дѣлая движеніе впередъ: — я тебя погублю! Завтра же веди лошадь въ городъ на ярманку, теперь пора зимняя, лошади не надо,—произнесъ онъ лукаво: — да смотри, не будетъ у меня черезъ два дни подушныхъ въ конторѣ, такъ я не погляжу, что ты женатъ,—лобъ забрѣю, я и такъ миловалъ тебя, мерзавца!..

— Никита Ѳедорычъ, а, Никита Ѳедорычъ,— сказалъ Антонъ, едва удерживаясь отъ слезъ: — батюшка!.. И онъ повалился въ ноги.

— Э! меня этимъ не разжалобишь, пошелъ! чтобъ было, какъ приказываю, вотъ и все! Ступай! — прибавилъ онъ, топнувъ ногой.

— Что-жъ у меня-то останется,— говорилъ отчаянно мужикъ: — какъ послѣднюю-то лошаденку продамъ?.. и такъ по міру почитай...

— Ну, ну, ну... разговаривай, розговаривай... кабы не ярманка, такъ я бы не такъ еще съ тобой раздѣлался...

Тутъ Никита Ѳедорычъ, по приглашенію жены, идетъ пить чай.

На другое утро Антонъ тихонько уходитъ изъ избы (*всѣ еще спятъ*), *выводитъ изъ клѣти пѣгашку и отправляется въ городъ на ярмарку. Въ первый день Антону не удается продать лошадь. Какія-то темныя лич-*

При господахъ жилъ братъ управляющаго: онъ перехватилъ письмо и послалъ его назадъ, для свѣдѣнія, брату своему—управляющему. Собраны были крестьяне и на допросѣ, испугавшись управляющаго, выдали Антона.

ности утѣшаютъ Антона, что завтра найдутъ ему покупщика-барина и ведутъ его куда-то заночевать. Хозяинъ избы, куда пришли, и одна изъ темныхъ личностей, подпоили Антона, — и онъ, въ концѣ концовъ, повалился, какъ снопъ, на лавку.

Время подходило уже къ самому разсвѣту, когда толстоватый ярославецъ (*ночевавшій въ одной избѣ*) былъ внезапно пробужденъ шумомъ въ избѣ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ столъ опрокинутымъ; изъ-подъ него выползалъ на карачкахъ Антонъ, крестясь и нашептывая: „Господи благослови, Господи помилуй, съ нами крестная сила...“

— Что, братъ, съ тобою?.. Эй, что ты? — спросилъ мужичокъ, соскакивая съ наръ и принимаясь трепать Антона по плечу; — экъ ты меня испужалъ; словно „комуха“ (лихорадка по-ярославски), такъ вотъ и трясетъ меня всего.

— Господи, благослови... охъ!.. насилу отлегло... — выговорилъ Антонъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ: — ишь, какой сонъ пригрезился... а ничего, ровно ничего не припомню... только добре что-то страшно... такъ вотъ къ самому сердцу и подступило; спасибо, родной, что подсобилъ подняться... Пойду-ка... охъ, Господи, благослови! пойду погляжу на лошаденку свою... стоитъ ли она, сердешная...

Антонъ снова перекрестился и поспѣшно вышелъ изъ избы.

Шумъ, произведенный Антономъ, разбудилъ не одного толстоватаго ярославца: съ палатей послышались зѣвота, оханье, потягиванье; нѣсколько босыхъ ногъ свѣсилось также съ печки. Вдругъ на дворѣ раздался такой пронзительный крикъ, что всѣ ноги разомъ вздрогнули и поскакали наземь вмѣстѣ съ туловищами. Въ эту самую минуту дверь распахнулась настежь, и въ избу вбѣжалъ сломя голову Антонъ... Лицо его было блѣдно, какъ известь, волосы стояли дыбомъ, руки и ноги дрожали, губы шевелились безъ звука; онъ стоялъ посередь избы и глядѣлъ на всѣхъ страшными блуждающими глазами.

— Что тамъ? — отозвалась хозяйка, просовывая голову между перекладинами палатей.

— Что ты?.. эй, сватъ!.. мужичокъ..! дурманомъ прихватило что ли?.. экъ его разобрало... — заговорили въ одно время мужики, окружая Антона.

— Что ты всѣхъ баламутишь? — произнесъ грубо хозяинъ, оттолкнувъ перваго стоявшаго передъ нимъ мужика и хватая Антона за рубаху:— да ну, говори!.. что буркулы-то выпучилъ...

— Увели!.. — могъ только вскрикнуть Антонъ: — лошаденку... ей-Богу... кобылку пѣгую увели!..

— Ой ли? братцы... ишь что баитъ... долго ли до грѣха... э! э! э!..

И все, сколько въ избѣ ни было народа, не исключая даже Антона и самого хозяина, всѣ полетѣли стремглавъ на дворъ. Антонъ бросился къ тому мѣсту, куда привязалъ вечоръ пѣгашку, и, не произнося слова, указалъ на него дрожащими руками.!. оно было пусто; у столба болталась одна лишь веревка...

— Взаправду увели лошадь! ишь вотъ, вотъ и веревка-то разрѣзана... и... и... и... слышалось отовсюду.

Антонъ ухватился обѣими руками за волосы и зарыдалъ на весь дворъ.

— Братцы, — говорилъ бѣдный мужикъ задыхающимся голосомъ... братцы! что вы со мною сдѣлали?.. куды я пойду теперь?.. братцы, если въ васъ душа есть, отдайте мнѣ мою лошаденку... куда она вамъ?.. ребятишки вишь у меня махоньки... пропадемъ мы безъ нея совсѣмъ... братцы, въ Христа вы не вѣруете!..

Напустились на хозяина, какъ главнаго виновника горя Антона, и на

дворника; пуще всѣхъ горячился ярославецъ; научили Антона идти въ Спасъ-на-Журавли, такъ какъ тамъ будто споконъ вѣку водятся мошенники. Антонъ за харчи долженъ былъ оставить хозяину полушубокъ, а затѣмъ отправился на поиски своей лошаденки.

Въ его отсутствіе мельникъ явился съ просьбой къ Никитѣ Ѳедорычу.

— Батюшка, у васъ здѣсь мужичекъ находится, Антономъ звать; прикажите ему отдать мнѣ деньги; съ самой весны, почитай, мололъ онъ у меня, по сю-пору не отдаетъ; да еще встрѣлся я какъ-то съ нимъ, на ярманку вы его, что ли, посылать изволили, такъ еще грубіянить зачалъ, какъ я ему напомнилъ... ужъ такой-то мужикъ пропастный... батюшка...

— А! хорошо, хорошо, — вымолвилъ съ разстановкою управляющій:— я этого еще не зналъ... ну, да ужъ заодно, не миновать ему поселенія! поплатится, каналья, поплатится за все...

...Велитъ позвать Антона.

— Да онъ еще не возвращался съ ярманки, — возразилъ мельникъ:— я уже заходилъ къ нему...

— Какъ! и нынче еще не возвращался! вчера и третьяго дня тоже! ну, да ничего, тѣмъ лучше; ступай, да смотри ты, бѣгомъ у меня, зови сюда жену его; я-жъ имъ покажу!

(Приказаніе относилось къ Фатимкѣ, дѣвочкѣ лѣтъ 12, незаконной дочери жены управляющаго).

...Трепещущая отъ страха Варвара стояла въ сѣняхъ и, закрывъ лицо разодраннымъ рукавомъ рубахи, тяжело всхлипывала. Услышавъ шаги Никиты Ѳедорыча, она мгновенно открыла лицо свое, на которомъ изображались слѣды глубокаго отчаянія, простерла руки и съ крикомъ повалилась къ нему въ ноги.

— Батюшка! батюшка!.. не погуби! — твердила она, рыдая и оропая грязный полъ и сапоги управляющаго потоками слезъ; — не погуби... насъ... сиротъ горемычныхъ...

— Ступай-ка сюда, сюда! — произнесъ Никита Ѳедорычъ, топнувъ ногою.

Онъ указалъ ей на контору. Оба вошли. Фатимка, притаившись въ темномъ углу сѣней, глядѣла съ какимъ-то страхомъ на всю эту сцену; но только что скрылась Варвара, она, какъ котенокъ, выпрыгнула изъ своей прятки, подбрела къ дверямъ конторы, легла на земь и приложила глаза къ скважинѣ. Каждый разъ, какъ голосъ Никиты Ѳедорыча раздавался громче, блѣдное личико ребенка судорожно двигалось; на немъ, то и дѣло, пробѣгали слѣды сильнаго внутренняго волненія; наконецъ все тѣло ея разомъ вздрогнуло; она отскочила назадъ, изъ глазъ ея брызнули въ три ручья слезы; ухватившись ручонками за грудь, чтобы перевести дыханіе, которое давило ей горло, она еще разъ окинула сѣни съ видомъ отчаянія, опустила руки и со всѣхъ ногъ кинулась на дворъ... Торопливо подбѣгая къ Аксюшкѣ и Ванюшкѣ, племянникамъ Антона, которые ревѣли въ два кулака: — ну, Ваня, — ну, Аксюшка, — сказала она, обхвативъ ихъ ручонками: — бѣда! бѣда пришла теткѣ Варварѣ... бѣда! „быкъ-отъ“ и дядю вашего хочетъ, вишь, куды-то отправить... я все, все слышала... все въ щелочку глядѣла... не кричите, неравно услышатъ... право, услышатъ...

Все это проговорила она съ необыкновеннымъ одушевленіемъ; ея блѣдныя щечки разгорѣлись, она живо, при каждомъ словѣ, размахивала руками, безпрерывно поправляя длинныя пряди черныхъ своихъ волосъ, которые, то и дѣло, падали ей на лицо.

— Ой, дядя Антонъ, дядя Антонъ, — бормоталъ заливаясь Ванюшка:— куда ты ушелъ?.. онъ бы не далъ бить тетку Варвару...

— Вотъ что! — сказала вдругъ Фатимка, выпрямляясь и становясь посередь толпы ребятъ: — вотъ что! Ваня, Аксюпка, всѣ, всѣ!.. побѣжимте туда... берите всѣ камни, швырнемъ ему въ окно, я покажу, въ какое... мы его испужаемъ!.. кто изъ васъ мѣтокъ?

— Я! я! я! — закричало нѣсколько тоненькихъ голосковъ, и множество худенькихъ ручонокъ замахали въ воздухѣ.

Было разбито стекло конторы; при этомъ чуть-чуть не пострадалъ носъ Никиты Ѳедоровича. Желая узнать, кто это сдѣлалъ, онъ поглядѣлъ черезъ заборъ и увидѣлъ собственное чадо, который и открылъ виновныхъ и, въ числѣ ихъ, Ванюшку Антона.

Управляющій грозитъ татчасъ же раздѣлаться съ Ванюшкой.

...Трое сутокъ бѣгалъ Антонъ, разыскивая повсюду свою кляченку; все было напрасно: она не отыскалась. Въ горѣ своемъ не замѣчалъ бѣднякъ студенаго дождя, лившаго ему на голову съ того самаго времени, какъ покинулъ онъ городъ, ни усталости, ни холоду, ни голоду... Безъ полушубка, безъ кушака и шапки, потерянныхъ гдѣ-то ночью, метался онъ, какъ угорѣлый, изъ деревни въ деревню, разспрашивая у встрѣчнаго и поперечнаго о своей пѣгой кобылкѣ. Никто ничего не зналъ; никто даже не далъ ему разумнаго отвѣта. Кто молча отворачивался за недосугомъ, кто равнодушно отсылалъ его дальше, а кто по-просту отзывался смѣшкомъ на его оторопѣвшія, нескладныя рѣчи. Впрочемъ, и то сказать надо, что еслибъ Антону посчастливилось даже отыскать конокрада, послѣдствія были бы не лучше. У него не было денегъ. Мужички, провожавшіе его за ворота постоялаго двора, были совершенно правы, рѣшивъ въ одинъ голосъ, что „не найти-де ему лошади, коли алтынъ нѣтути, попусту только измается, сердешный“...

Полный нѣмаго отчаянія, которое, постепенно возрастая въ немъ, жгло ему сердце и туманило голову, Антонъ бросилъ наконецъ свои поиски и направился къ дому. Когда онъ ступилъ на троскинскія земли, была глухая, поздняя ночь, одна изъ тѣхъ ненастныхъ осеннихъ ночей, въ которыя и подъ теплымъ кровомъ и близъ роднмаго очага становится почему-то тяжело и грустно. Льдяной порывистый вѣтеръ рѣзалъ Антону лицо и поминутно посылалъ ему на голову потоки студеной воды, которая струилась по его изнуреннымъ членамъ; бѣднякъ, то и дѣло, попадалъ въ глубокія котловины, налитыя водою, или вязнулъ въ глинистой почвѣ полей, размытой ливнемъ. Густой туманъ усиливалъ мракъ ночи; въ двухъ шагахъ ни зги не было видно, такъ что иногда ощупью приходилось отыскивать дорогу. Когда вѣтеръ проносился мимо и протяжное его завываніе на минуту смолкало, окрестность наполнялась неровнымъ шумомъ падающаго дождя и глухимъ журчаніемъ потоковъ, катившихся по проселкамъ. Казалось, не было уголка на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы въ это время могло свѣтить солнышко и согрѣвать человѣка. Съ каждымъ шагомъ впередъ, все темнѣй и темнѣй становилось въ душѣ мужика. Вскорѣ почувствовалъ онъ подъ ногами покатость горы, по которой дней пять тому назадъ подымался на пѣгашкѣ; смутно и какъ бы сквозь сонъ мелькнуло въ головѣ его это воспоминаніе. Откинувъ дрожавшими руками мокрые волосы отъ лица, вперилъ онъ тогда помутившійся взоръ къ селу и значительно прибавилъ шагу.

Такимъ образомъ, спустя нѣсколько времени, очутился онъ посреди улицы. Но здѣсь было такъ же мрачно, какъ въ полѣ: темнота ночи сливала всѣ предметы въ одну неопредѣленную, черную массу; слышно только было, какъ шипѣла вода, скатываясь съ соломенныхъ кровель на мокрую землю. Вытянувъ шею впередъ, Антонъ продолжалъ идти, ускоряя все болѣе и болѣе шагъ... Вдругъ, посреди завыванія непогоды, раздалась рѣзкая, звон-

кая стукотня въ чугунную доску... Сердце мужика вздрогнуло. Онъ остановился, какъ вкопаный, и поднялъ голову: передъ нимъ возносился старый флигель, вмѣщавшій контору и квартиру управляющаго. Пока онъ силился припомнить, какимъ случаемъ попалъ сюда, въ сторонѣ послышались шаги... *Это были караульщики, которые скоро узнали Антона и сочли его пьянымъ. Антонъ пошелъ далѣе задами деревни, встрѣтилъ Архаровну и просилъ у ней денегъ. Она повела его въ березничекъ, гдѣ будто въ кубышкѣ зарыты были ея деньги. Дорога часъ отъ часу становилась затруднительнѣе...*—Ой, погоди, касатикъ, дай вздохнуть... надыть еще въ оврагъ спущаться, сказала старуха. Антонъ молча остановился. Немного погодя, они въ самомъ дѣлѣ начали спускаться по крутому каменистому скату въ оврагъ. Очутившись на днѣ, Антонъ поднялъ глаза къ верху; окраины пропасти вырѣзывались такъ высоко на небѣ, что едва можно было различить ихъ очертаніе. Нѣсколько разъ Антону приводилось проползать подъ стволами деревъ, опрокинутыми тамъ и сямъ поперекъ пропасти, загроможденной повсюду камнями; старуха, повидимому, хорошо знала дорогу; она ни разу не оступилась, не споткнулась, не смотря на то, что шла бодрѣе прежняго и уже не упиралась болѣе своею клюкою. Затесавшись наконецъ вмѣстѣ съ Антономъ въ густую чащу кустарниковъ, изъ которой выходъ казался невѣроятнымъ, она неожиданно остановилась, рванулась впередъ и закричала хриплымъ своимъ голосомъ:

— Ребятушки! сюда, родимые.

Изъ двухъ молодцовъ, въ одномъ Антонъ находитъ своего брата Ермолая. Архаровна, оказывается, занимается воровствомъ (*послѣдняя кража— двѣ курочки у мужичка*).

— Братцы, — началъ вдругъ Антонъ, какъ бы пробудившись отъ сна:—мнѣ денегъ надо, денегъ! лошадь увели намедни... послѣднюю лошадь... оброку платить нечѣмъ, — прибавилъ онъ черезъ силу. *Архаровна подтвердила.*

— Ну, а ребята мои живы?—спросилъ Ермолай.

— Живы... да ѣсть нечего, — отвѣчалъ мрачно Антонъ: — пособите, братцы, хоть сколько-нибудь дайте денегъ!—промолвилъ онъ голосомъ отчаянія.

— Мы, вѣдь, недавно, всего, кажись, три недѣли сюда подоспѣли... Вотъ парнюхѣ старуху свою хотѣлось провѣдать... да мѣсто вышло податно, такъ остались зимовать... а то бы я навѣстилъ тебя... на ребятокъ поглядѣть хотѣлось, мать-то ихъ добре померла... такъ что-жъ ты, Антонушка... къ намъ, что ли?...

— Послѣднюю лошадь увели,—началъ снова Антонъ: — подушныхъ платить нечѣмъ... денегъ мнѣ надо.

Деньги у нихъ есть: они только что ограбили купца, ѣхавшаго съ ярмарки, о чемъ разсказываютъ Антону, съ условіемъ, чтобы онъ ни гу-гу. Затѣмъ зовутъ Антона въ кабакъ, гдѣ и обѣщаютъ дать ему на разживу, а потомъ разойтись на разныя стороны.

Въ кабакѣ, между тѣмъ, двое знакомыхъ ограбленнаго купца ждутъ его съ нетерпѣніемъ, вслухъ высказывая опасеніе, не случилось ли съ нимъ бѣды какой: ѣхалъ ночью, при деньгахъ. Одинъ изъ нихъ, братъ купца, купецъ тоже, вышелъ, наконецъ, на крыльцо. На дорогѣ показались три пѣшихъ человѣка.

Когда подошли они ближе, купецъ невольно обратилъ на нихъ вниманіе. Двое изъ нихъ были покрыты грязными лохмотьями, лица ихъ были тощи и изнуренны; щетинистые, взъерошенные брови и бакены придавали имъ видъ суровый, дикій. Наружность третьяго путника особенно поразила купца. Это былъ высокій, сгорбленный мужикъ лѣтъ шестидесяти, покры-

тый сѣдиною, съ лицомъ известковаго, болѣзненнаго цвѣта, онъ какъ будто удрученъ былъ какимъ-то сильнымъ недугомъ. Голова его нѣсколько висѣла на бокъ; огромныя коренастыя руки старика какъ-то безжизненно болтались, при каждомъ шагѣ, вдоль угловатыхъ костлявыхъ ногъ, перепутанныхъ разодранными онучами, покрытыми грязью. Онъ, казалось, совершенно безчувственъ былъ къ стужѣ, которая багровила ему грудь и плечи, едва прикрытыя лохмотьями крестьянской рубашки.

Такою внѣшностью они возбудили въ купцѣ подозрѣніе на счетъ себя. Онъ вызвалъ цѣловальника въ сѣни и просилъ не пускать ихъ изъ кабака, пока не обнаружится, что они за люди. Подозрѣніе усилилось, когда Ермолай, расплачиваясь, далъ красную ассигнацію. Тутъ ихъ и задержали. При Ермолаѣ оказался бумажникъ съ деньгами, принадлежащими извѣстному купцу. Ермолая сейчасъ же связали по рукамъ и по ногамъ, Петрушку тоже; не пощадили и Архаровну. Сейчасъ же распорядились послать въ Троскино за десятскимъ и управляющимъ.

Пока прикручивали Петра, въ дверяхъ кабака послышался страшный шумъ; въ то же время на порогѣ показалось нѣсколько мужиковъ, державшихъ Антона. Ухвативъ старика, кто за что успѣлъ, они тащили его по полу съ такою яростью, что даже не замѣчали, какъ голова несчастнаго, висѣвшая на бокъ, стукалась о земь. Глаза Антона были закрыты, и только судорожное вздрагиваніе вѣкъ и лба свидѣтельствовало о его жизни. Сквозь стиснутые зубы и на блѣдныхъ губахъ его проступала кровь. Толстоватый ярославецъ, казалось, болѣе другихъ былъ въ бѣшенствѣ; онъ не переставалъ осыпать его ударами.

— Вяжи его, разбойника... вяжи!... — кричалъ онъ хриплымъ голосомъ:—вишь, какъ надулъ... мошенникъ... надулъ, собака... а я-то, волкъ меня съѣшь, еще плакалъ-было надъ нимъ... тащи его!... разбойника!... вяжи его! вяжи!...

Недѣлю спустя послѣ происшествія въ кабакѣ, на улицѣ села Троскина толкалась почти вся деревня; каждый, и малый и взрослый, хотѣлъ присутствовать при отправленіи разбойниковъ... Всюду въ толпѣ, окружавшей подводы, раздавались толки и пересуды. Но вдругъ толпа зашумѣла громче, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса:—„ведутъ! ведутъ!“

На противоположномъ концѣ улицы показались тогда Ермолай, Петръ, Архаровна и Антонъ. Впереди ихъ выступалъ съ озабоченнымъ, во важнымъ видомъ Никита Ѳедорычъ, провожаемый сотскими и старостами; по обѣимъ сторонамъ осужденныхъ шли нѣсколько человѣкъ этапныхъ солдатъ въ полной походной формѣ, съ ружьемъ и ранцемъ; позади ихъ валила толпа народу. Между нею и Антономъ, который шелъ позади товарищей, тащилась, переваливаясь съ ноги на ногу и припадая безпрестанно на колѣни, Варвара, сопровождаемая Ванюшею и его сестрою, ревѣвшими на всю деревню. Въ сторонѣ отъ всѣхъ бѣжала, то тискаясь, то разсыпаясь, пискливая ватага дѣвчонокъ и ребятишекъ.

Вотъ они уже у самыхъ телѣгъ. Вавила (кузнецъ), по приказанію Никиты Ѳедорыча, набиваетъ назначеннымъ къ отправленію колодки.

— Эхъ, братъ, Вавила!—произнесъ бойко Ермолай, подставляя ногу:— вотъ гдѣ привелось свидѣться... помнишь, кумъ, какъ пивали вмѣстѣ? лихой, братъ, былъ ты парнюха!

— Садись, мошенникъ! — сказалъ ему Никита Ѳедорычъ: — садись; вотъ погоди-ка, тебѣ покажутъ парнюху.

Ермолай съ помощью сотскихъ взгромоздился на телѣгу подлѣ Архаровны и Петра. Когда очередь пришла Антону, и Вавила, усадивъ его на ось телѣги, ударилъ въ первый разъ по колодкѣ, посреди смолкнувшей

толпы раздался вдругъ такой пронзительный крикъ, что всѣ невольно вздрогнули; почти въ то же время къ ногамъ Антона бросилась Варвара; мужики впихнули за ней Ваню и Аксюшу. Понява Варвары распадалась лохмотьями, волосы ея, выпачканные грязью, обсыпали ей спутанными комками лицо и плечи, еле-еле прикрытыя дырявою рубахой. Въ безпамятствѣ своемъ она хваталась обѣими руками за ноги мужа, силясь сорвать съ нихъ колодки.

— Отецъ ты нашъ... отецъ, батюшка... ой, родные, спасите... вы меня... не пущайте его, роднаго сиротинушку, на кручину лютую... на кого-то, отецъ, оставишь ты насъ, горемычныхъ!...

Далѣе ничего нельзя было разобрать: протяжное рыданіе заглушило ея несвязную рѣчь. Ваня и сестра его стояли неподвижно подлѣ дяди и обливались слезами.

— Эй, братцы,—закричалъ снова Ермолай:—мотрите, по старой дружбѣ, не давайте моихъ ребятъ въ обиду! они не причастны!... эй, вы, дѣвки! и юбки-голубки, сорочки-бѣлобочки,—присовокупилъ онъ, подмигивая глядѣвшимъ изъ толпы дѣвкамъ:—мотрите, будьте имъ отцами!..

Антонъ, сидѣвшій по сю пору съ видомъ совершеннаго онѣмѣнія, медленно приподнялъ голову, и слезы закапали у него градомъ. Тогда сосѣдъ его, Степанъ Бичуга, стоявшій неподалеку, приблизился къ нему и, потупя голову, сказалъ:—Эхъ, сватъ Антонъ, не тѣмъ, братъ, товаромъ ты торгъ повелъ... жаль мнѣ... право, жаль тебя...

— Да что,—отвѣчалъ всхлипивая Антонъ:—вѣдь я, видно, родился горемыкой, такъ тому и быть... жаль ребятокъ. Вѣдь тутъ дѣло видимое, попался съ ворами... виноватъ, кругомъ виноватъ. Надо бы объявить по начальству, да какъ объявить? братъ родной! жаль стало... ну, вотъ теперь и поминай, какъ звали...

Онъ хотѣлъ-было еще что-то прибавить, но только махнулъ рукой и обтеръ обшлагомъ сермяги глаза, покорившись своей горькой долѣ.

— Ну, сажай его! — сказалъ Никита Ѳедорычъ, указывая сотскимъ на Антона:—а вы-то что-жъ стоите?... Садись да бери возжи; что рты-то разинули!... Эй вы, старосты, оттащите ее... было ей время напрощаться съ своимъ разбойникомъ... отведите ее... ну!...

— Батюшка! — вскричала Варвара, судорожно протягивая руки къ мужу.—Ба... тю... шка!... охъ, Антонушка!... охъ!...—И баба грохнулась со всѣхъ ногъ на земь.

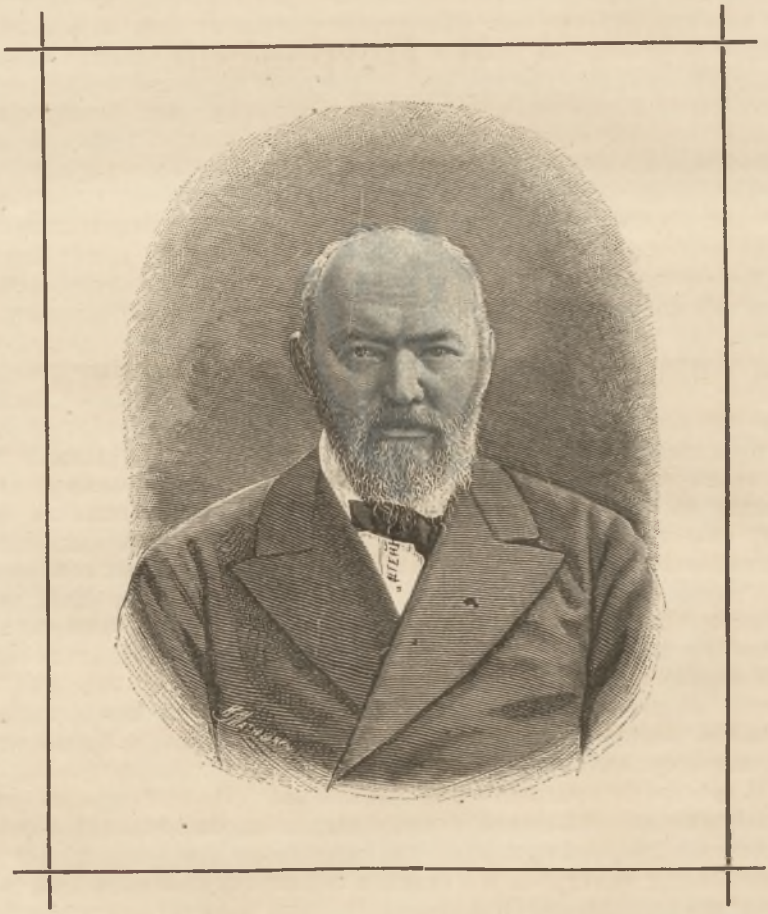
— Эхма! тетка Варвара,—началъ опять Ермолай,—взмостясь на перекладину телѣги... полно! его не разжалобишь (онъ указалъ на Никиту Ѳедорыча): ишь какъ онъ пузо-то выставилъ...

— Трогай! — закричалъ сердито Никита Ѳедорычъ, махнувъ рукою мужикамъ, усѣвшимся на облучки подводъ. Они ударили по лошадямъ, присвистнули, и телѣги покатились...

...Прощайте, ребята, прощайте!—кричалъ Ермолай, размахивая въ воздухѣ шапкой:—не поминайте лихомъ! Прощайте, братцы! прощайте, насъ не забывайте.

Снѣгъ. „Эки мошенники!—произнесъ Никита Ѳедорычъ, отряхиваясь:—вѣдь вотъ говорилъ же я, что вся семья такая... не даромъ не жалѣлъ я ихъ, разбойниковъ... ну, слава Богу, насилу-то наконецъ отдѣлался!... Экъ, подумаешь право, заварили дѣло какое... съ однимъ судомъ недѣлю цѣлую, почитай, провозились... ну, да ладно... теперь, по крайней мѣрѣ, и въ поминѣ ихъ не будетъ!“...

Библіотека Варшавской Учительской семинаріи
№



А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

Къ стр. 393.

А. Н. Островскій.

(Род. въ 1824 г.).

ИЗЪ КОМЕДІИ: „СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМСЯ!“

Комедія открывается монологомъ Липочки (дочь купца Большова): Она сидитъ у окна съ книгой; но мысли ея обращены совсѣмъ на другое— на танцы въ собраніи съ военнымъ и на выходъ замужъ за военнаго. Правду сказать, ей бы вообще пора выйти замужъ, такъ какъ всѣ ея подруги *съ мужьями давно*. Липочка сама это очень хорошо понимаетъ и довольно грубо требуетъ отъ матери, чтобы та *безпремѣнно* сыскала ей жениха, даже грозитъ, что иначе она распорядится собою по-своему. Кстати является Устинья Наумовна (сваха). Матери, при свахѣ, Липочка заявляетъ, что ни за что не пойдетъ за купца, а только—за благороднаго. Устинья Наумовна не прочь: у ней есть на примѣтѣ женихъ *благороднаго происхожденія и значительный человѣкъ, и крестьяне есть, и орденъ на шеѣ, а умену, какъ, просто, тебѣ истуканъ золотой*.

Послѣ свахи приходитъ Расположенскій (стряпчій) узнать, какъ дѣлишки Большова. Большовъ ухищряется, какъ бы выгоднѣе объявиться несостоятельнымъ, тѣмъ болѣе, что кредиторы его — все люди богатые. Расположенскій совѣтуетъ все (домъ и лавки) закрѣпить на чужого, именно на старшаго прикащика (Подхалюзинъ), такъ какъ на жену закрѣпить не законно. „Оно, вѣдь, и сдѣлать-то не долго“, говоритъ Расположенскій, „да чтобъ крючковъ послѣ не вышло. Большовъ вполнѣ согласенъ. Да вотъ и самъ Подхалюзинъ (Лазарь Елизарычъ). (Дѣйств. 1. Явл. I—X).

Большовъ. Что скажешь, Лазарь? Ты изъ городу что-ль? Какъ у васъ тамъ?

Подхалюзинъ. Слава Богу-съ, идетъ помаленьку. Сысою Псоичу! (Расположенскій). (*Кланяется*).

Расположенскій. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарычъ! (*Кланяется*).

Большовъ. А идетъ, такъ и пусть идетъ. (*Помолчавъ*). А вотъ ты бы, Лазарь, когда, на досугѣ, баланцъ для меня сдѣлалъ, учелъ бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что тамъ еще. А то торгуемъ, торгуемъ, братецъ, а пользы ни на грошъ. Али сидѣльцы, что ли,

грѣшатъ; ихъ бы маленичко усовѣщивалъ. Что такъ безъ барыша-то небо коптить? Али снаровки не знаютъ? Пора бы, кажется.

Подхалюзинъ. Какъ же это можно, Самсонъ Силычъ (Большовъ), чтобы снаровки не знать? Кажется, самъ завсегда въ городѣ бываю-съ и завсегда толкуешь имъ-съ.

Большовъ. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзинъ. Извѣстное дѣло-съ, стараюсь, чтобы все было въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ-съ. Вы, говорю, ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупатель что ли тумакъ какой подвернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился, взялъ, говорю, да и накинулъ рубль али два на аршинъ.

Большовъ. Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ. Такъ ли? А? (*Расположенскій смѣется*).

Подхалюзинъ. Дѣло понятное-съ. И мѣрить-то, говорю, надо тоже естественнѣе: тяни да потягивай, только, только чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло, вѣдь не намъ, говорю, послѣ носить. Ну, а зазѣваются, такъ никто виноватъ: можно, говорю, и просто черезъ руку лишній аршинъ разъ шмыгнуть.

Большовъ. Все единственно: вѣдь портной украдетъ же. А? Украдетъ, вѣдь?

Расположенскій. Украдетъ, Самсонъ Силычъ, безпремѣнно, мошенникъ, украдетъ; ужъ я этихъ портныхъ знаю.

Большовъ. То-то вотъ: всѣ они кругомъ мошенники, а на насъ слава.

Расположенскій. Это точно, Самсонъ Силычъ, это вы правду говорить изволите.

Большовъ. Эхъ, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежнія времена. (*Помолчавъ*). Что, вѣдомости принесъ?

Подхалюзинъ. (*Вынимая изъ кармана и подавая*). Извольте получить-съ.

Большовъ. Дава-ко-сь, посмотримъ. (*Надѣваетъ очки и просматриваетъ*).

Расположенскій. Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку выпью. (*Пьетъ, потомъ надѣваетъ очки, садится подлѣ Большова и смотритъ въ газеты*).

Большовъ, по поводу банкротства купца Плѣшкова, о чемъ только что прочиталъ, спрашиваетъ Подхалюзина:—А что, Лазарь, не долженъ ли онъ намъ?

Подхалюзинъ. Малость долженъ-съ. Сахару для дому брали пудовъ никакъ тридцать, не то сорокъ.

Большовъ. Плохо дѣло, Лазарь. Ну, да мнѣ-то онъ сполна отдастъ по-пріятельски.

Подхалюзинъ. Сумнительно-съ.

Большовъ. Сочтемся какъ-нибудь.

Вычитавъ о банкротствѣ купца Енотова, спрашиваетъ: За этимъ ничего нѣтъ?

Подхалюзинъ. За масло постное-съ, объ великомъ посту брали боченка съ три-съ.

Большовъ. Вотъ сухоядцы-то, постники! И Богу-то угодить на чужой счетъ наровятъ. Ты, братъ, степенству-то этому не вѣрь! Этотъ народъ одной рукой крестится, а другой въ чужую пазуху лѣзетъ!

Читая еще о двухъ банкротахъ, Большовъ какъ бы спрашиваетъ: да что они сговорились что ли?

Подхалюзинъ. Ужъ такой расподлѣющій народъ-съ... Газету только пакостятъ. На все купечество мараль этакая.

Расположенскій уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Большовъ и Подхалюзинъ.

Послѣ разсужденій о трудностяхъ торговли и невыгодѣ подрядовъ, Большовъ спрашиваетъ: Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзинъ. Кажется, долженъ чувствовать-съ.

Большовъ. Вотъ какова торговля-то, вотъ тутъ и торгуй! (*Помолчавъ*). Что, Лазарь, какъ ты думаешь?

Подхалюзинъ. Да какъ думать-съ! Ужъ это какъ вамъ угодно. Наше дѣло подначальное.

Большовъ. Что тутъ подначальное: ты говори по душѣ. Я у тебя про дѣло спрашиваю.

Подхалюзинъ. Это опять такъ, Самсонъ Силычъ, какъ вамъ угодно-съ.

Большовъ. Наладилъ одно: какъ вамъ угодно. Да ты-то какъ?

Подхалюзинъ. Это я не могу знать-съ.

Большовъ (*Помолчавъ*). Скажи, Лазарь, по совѣсти: любишь ты меня? (*Молчаніе*). Любишь что ли? Чтожъ ты молчишь? (*Молчаніе*). Поилъ, кормилъ, въ люди вывелъ, кажется.

Подхалюзинъ. Эхъ, Самсонъ Силычъ! Да что тутъ разговаривать-то-съ. Ужъ вы во мнѣ-то не сумнѣвайтесь! Ужъ одно слово: вотъ, какъ есть, весь тутъ.

Большовъ. Да что-жъ, что ты весь-то?

Подхалюзинъ. Ужъ коли того, а либо что, такъ останетесь довольны: себя не пожалѣю.

Большовъ. Ну, такъ и разговаривать нечего. По мнѣ, Лазарь, теперь самое настоящее время: денегъ наличныхъ у насъ довольно, векселямъ всѣмъ сроки подошли. Чего жъ ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же братъ оберетъ тебя до-чиста, а тамъ, глядишь, сдѣлаетъ сдѣлку по гривнѣ за рубль, да и сидитъ въ милліонѣ, и плевать на тебя не хочетъ. А ты, честный-то торговецъ, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вотъ я и думаю, Лазарь, предложить кредиторамъ-то такую статью: не возьмутъ ли они у меня копѣекъ по двадцати-пяти за рубль? Какъ ты думаешь?

Подхалюзинъ. А ужъ по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати-пяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить.

Большовъ. А что? Вѣдь, и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльцо обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыка на второмъ пришествіи. Хлопотъ-то только куча. Домъ-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзинъ. Нельзя-жъ безъ хлопотъ-съ. Вотъ векселя надо за что-нибудь сбыть-съ, товаръ перевезти куда подальше. Станемъ хлопотать-съ!

Большовъ. Оно такъ. Да старенекъ ужъ я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзинъ. Помилуйте, Самсонъ Силычъ, въ огонь и въ воду полѣзу-съ.

Большовъ. Этакъ-то лучше. Чорта ли тамъ по грошамъ-то наживать! Махнулъ съ разу, да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлости. Спа-

сибо тебѣ, Лазарь. Удружилъ! (*Встаетъ.*) Ну, хлопочи! (*Подходитъ къ нему и треплетъ по плечу.*) Сдѣлаешь дѣло аккуратно, такъ мы съ тобой барышами-то подѣлимся. Награжу на всю жизнь.

(*Идетъ къ двери.*)

Подхалюзинъ. Мнѣ, Самсонъ Силычъ, окромя вашего спокойствія, ничего не нужно-съ. Какъ жимши у васъ съ малолѣтства и видѣмши всѣ ваши благодѣянія; можно сказать, мальчишкой взятъ-съ лавки подметать; слѣдовательно, долженъ я чувствовать.

ДѢЙСТВІЕ 2. ЯВЛЕНІЕ III.

Подхалюзинъ (*одинъ*).

Вотъ бѣда-то! Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ! Что теперь дѣлать-то! Ну, плохо дѣло! Не миновать теперь несостоятельнымъ объявиться! Ну, положимъ, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чемъ буду? Мнѣ-то куда дѣться? Въ проходномъ ряду пылью торговать! Служилъ, служилъ лѣтъ двадцать, а тамъ ступай мостовую грани. Какъ теперь это дѣло разсудить надо? Товаромъ что ли? Вотъ векселя всѣмъ продать (*вынимаетъ и читаетъ*): тутъ, должно быть, попользоваться будетъ можно. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Говорятъ, надо совѣсть знать! Да извѣстное дѣло, надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть! Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь лишнимъ—такъ и грѣха нѣтъ никакого, потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть? Вышла линія, ну и не плошай: онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится. Хмъ!—Вѣдь залѣзетъ этакая фантазія въ голову человѣку! Конечно, Алимпіада Самсоновна (дочь Большова) барышня образованная, и, можно сказать, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ, а вѣдь этотъ женихъ ее теперича не возьметъ, скажетъ: денегъ дай! А денегъ гдѣ взять? И ужъ не быть ей теперь за благороднымъ, потому денегъ нѣтъ. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! (*Ходитъ молча.*) А понабравши деньжонокъ да поклониться Самсону Силычу, дескать я, Самсонъ Силычъ, въ такихъ лѣтахъ, что долженъ подумать о продолженіи потомства, и я, молъ, Самсонъ Силычъ, для вашего спокойствія пота-крови не жалѣлъ. Конечно, молъ, Алимпіада Самсоновна — барышня образованная, да, вѣдь, и я, Самсонъ Силычъ, не лыкомъ шитъ, сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ и могу кругомъ себя ограничить на этотъ предметъ.—Отчего не отдать за меня? Чѣмъ я не человѣкъ? Ни въ чемъ не замѣченъ, къ старшимъ почтителенъ? Да при всемъ томъ, какъ заложили мнѣ Самсонъ Силычъ домъ и лавки, такъ и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть,—это и очень можетъ случиться. У нихъ такое заведеніе: коли имъ что попало въ голову, ужъ ни чѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно, какъ въ четвертомъ году, захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна (жена), сколько ни плакали, — нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову — завтра же подъ вѣнецъ; и баста, и разговаривать не смѣй. Да отъ этакаго удовольствія съ Ивана Великаго спрыгнуть можно!

Затѣмъ Подхалюзинъ склоняетъ и Рисположенскаго, и сваху на свою сторону. Рисположенскаго сначала угощаетъ, а свахѣ предлагаетъ двѣ тысячи рублей и шубу соболью, чтобы она разстроила дѣло Олимпіады Самсоновны съ *благороднымъ* женихомъ; за сватовство новаго жениха по особому уговору; но предупреждаетъ, явно не указывая на себя, что новый женихъ происхожденія не благороднаго.

Устинья Наумовна (сваха). А они-то (Большовы) развѣ благородные? То-то и бѣда, яхонтовый! Нынче заведеніе такое пошло, что всякая тебѣ лапотница въ дворянство норовитъ. Вотъ хоть бы и Алимпіяда-то Самсоновна, конечно, дай ей Богъ добраго здоровья, жалуетъ по-княжески, а происхожденія-то, небось, хуже нашего. Отецъ-то, Самсонъ Силычъ, голицами торговалъ на Балчугѣ; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то, Аграфена Кондратьевна, чуть-чуть не паневница,— изъ Преображенскаго взята. А нажили капиталъ да въ купцы вылѣзли, такъ и дочка въ принцессы норовитъ. А все это денежки. Вотъ я, чѣмъ хуже ея, а за ея же хвостомъ наблюдай. Воспитанья-то тоже не Богъ знаетъ какого: пишетъ-то, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ, по французскому, али на фортопьянахъ, тоже сямъ-тямъ, да и нѣтъ ничего; ну, а танецъ-то отколоть—я и сама пыли въ носъ пущу.

Послѣ намековъ со стороны Подхалюзина, что дѣла Большова пошатнулись, Устинья Наумовна беретъ сто рублей задатку, а въ ближайшемъ будущемъ—шубу изъ живыхъ соболей и сейчасъ же готова отправиться къ *благородному* жениху,—вѣроятно, отговаривать его отъ женитьбы на Большовой. Подхалюзинъ не отпускаетъ ее безъ того, чтобы не выпить съ ней *водочки*.

(Явл. IV—IX).

ЯВЛЕНІЕ X.

Подхалюзинъ, Большовъ, Ѳоминишна и Тишка (*мальчикъ въ домѣ Большова*).

Большовъ (*Къ Ѳоминишнѣ—ключницѣ*). Убирайся къ свиньямъ! (*Ѳоминишна уходитъ*). (*Къ Тишкѣ*) Что ты ротъ-то разинулъ! Аль тебѣ дѣла нѣтъ?

Подхалюзинъ (*Къ Тишкѣ*). Говорили тебѣ, кажется? (*Тишка уходитъ*).

Большовъ. Стрянчій былъ?

Подхалюзинъ. Былъ-съ?

Большовъ. Говорилъ ты съ нимъ?

Подхалюзинъ. Да что, Самсонъ Силычъ, развѣ онъ чувствуетъ? Извѣстно, чернильная душа-съ! Одно ладитъ — объявиться несостоятельнымъ.

Большовъ. Что жъ, объявиться, такъ объявиться—одинъ конецъ.

Подхалюзинъ. Ахъ, Самсонъ Силычъ, что это вы изволите говорить!

Большовъ. Что жъ, деньги заплатить? Да съ чего ты это взялъ? Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя, пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ.

Подхалюзинъ. Помилуйте, Самсонъ Силычъ, заведеніе было у насъ такое превосходное, и теперь должно все въ разстройство придти.

Большовъ. А тебѣ что за дѣло? Не твое было. Ты старайся только,—отъ меня забытъ не будешь.

Подхалюзинъ. Не нуждаюсь я ни въ чемъ послѣ вашего благодѣянія. И напрасно вы такой сюжетъ обо мнѣ имѣете. Я теперича готовъ всю душу отдать за васъ, а не то чтобы какой фальшъ сдѣлать. Вы подвигаетесь къ старости, Аграфена Кондратьевна — дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна — барышня образованная, и въ такихъ годахъ; надобно и объ ней заботливость приложить-съ. А теперь такія обстоятельства: мало ли что можетъ произойти изъ всего этого.

Большовъ. А что такое произойти можетъ? Я одинъ въ отвѣтѣ.

Подхалюзинъ. Что̀ объ васъ-то толковать! Вы, Самсонъ Силычъ, отжили свой вѣкъ; слава Богу, пожили, а Алимпіяда-то Самсоновна, извѣстное дѣло, барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ. Я вамъ, Самсонъ Силычъ, по совѣсти говорю, то есть какъ это все по моимъ чувствамъ: если я теперича стараюсь для васъ, и всѣ мои усердія, можно сказать, не жалѣя пота-крови, прилагаю,—такъ это все больше по тому самому, что жаль мнѣ вашего семейства.

Большовъ. Полно, такъ ли?

Подхалюзинъ. Позвольте-съ: ну, положимъ, что это все благополучно кончится-съ; хорошо-съ. Останется у васъ, чѣмъ пристроить Алимпіяду Самсоновну.—Ну, объ этомъ и толковать нечего-съ; были бы деньги, а женихи найдутся-съ. Ну, а грѣхъ какой, сохрани Господи! какъ придерутся, да начнутъ по судамъ таскать, да на все семейство этакая мараль пойдетъ, а еще, пожалуй, и имѣніе-то все отнимутъ: должны будутъ они-съ голодъ и холодъ терпѣть, и безъ всякаго призрѣнія, какъ птенцы какіе беззащитные. Да это сохрани Господи! это что-жъ будетъ тогда? (*Плачетъ*).

Большовъ. Да объ чемъ же ты плачешь-то?

Подхалюзинъ. Конечно, Самсонъ Силычъ, я это къ примѣру говорю—въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать, отъ слова не станется; а вѣдь врагъ-то силенъ—горами шатаетъ.

Большовъ. Что жъ дѣлать-то, братецъ? ужъ, знать, такая воля Божія: противъ ея не пойдешь.

Подхалюзинъ. Это точно, Самсонъ Силычъ! А все-таки, по моему глупому разсужденію, пристроить бы до поры, до времени Алимпіяду Самсоновну за хорошаго человѣка; такъ ужъ тогда будетъ она, по крайности, какъ за каменной стѣной-съ. Да, главное, чтобы была душа у человѣка, такъ онъ будетъ чувствовать. А то вонъ, что сватался за Алимпіяду Самсоновну благородный-то—и оглобли назадъ поворотилъ.

Большовъ. Какъ назадъ? Да съ чего это ты выдумалъ?

Подхалюзинъ. Я, Самсонъ Силычъ, не выдумалъ, — вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышалъ, кто его знаетъ.

Большовъ. А ну его! По моимъ дѣламъ теперь не такого нужно.

Подхалюзинъ. Вы, Самсонъ Силычъ, возьмите въ разсужденіе: я посторонній человѣкъ, не родной,—а для вашего благополучія ни дня, ни ночи себѣ покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдаютъ барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денегъ еще даютъ-съ, а онъ ломается да важничаетъ,—ну, есть-ли въ немъ душа послѣ всего этого?

Большовъ. Ну, а не хочетъ, такъ и не надо, не заплачемъ.

Подхалюзинъ. Нѣтъ, вы, Самсонъ Силычъ, разсудите объ этомъ: есть ли душа у человѣка? Я вотъ посторонній совсѣмъ, да не могу же безъ слезъ видѣть всего этого. Поймите вы это, Самсонъ Силычъ! Другой бы и вниманія не взялъ такъ убиваться изъ-за чужаго дѣла-съ; а вѣдь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я ужъ васъ не оставлю, потому не могу—сердце у меня не такое.

Большовъ. Да какъ же тебѣ оставить-то меня: только вѣдь и надежды-то теперь, что ты. Самъ я старъ, дѣла подошли тѣсныя. Погоди: можетъ еще такое дѣло сдѣлаемъ, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзинъ. Да не могу же я этого сдѣлать, Самсонъ Силычъ. Поймите вы изъ этого; не такой я совсѣмъ человѣкъ! Другому, Самсонъ Силычъ, конечно, это все равно-съ, ему хоть трава не рости, а ужъ я не могу-съ; сами изволите видѣть-съ, хлопочу я, али нѣтъ-съ. Какъ чортъ какой, убиваюсь я теперича изъ-за вашего дѣла-съ; потому что не такой я человѣкъ-съ. Жалѣючи васъ, это дѣлается, и не столько васъ, сколько семейство ваше. Сами изволите знать: Аграфена Кондратьевна—дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна—барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ-съ.

Большовъ. Неужто и въ свѣтѣ нѣтъ?—Ужъ ты, братъ, не того ли?..

Подхалюзинъ. Чего-съ?.. Нѣтъ, я ничего-съ!..

Большовъ. То-то, братъ, ты ужъ лучше откровенно говори.—Влюбленъ ты что ли въ Алимпіяду Самсоновну?

Подхалюзинъ. Вы, Самсонъ Силычъ, можетъ, шутить изволите.

Большовъ. Что за шутка! Я тебя безъ шутокъ спрашиваю.

Подхалюзинъ. Помилуйте, Самсонъ Силычъ, смѣю ли я это подумать-съ.

Большовъ. А что жъ бы такое не смѣть-то? Что она княжна что ли какая?

Подхалюзинъ. Хотя и не княжна; да какъ бымши вы моимъ благодѣтелемъ и вмѣсто отца роднаго... Да нѣтъ, Самсонъ Силычъ, помилуйте, какъ же это можно-съ, неужли же я этого не чувствую?!

Большовъ. Такъ ты, стало быть, ее любишь?

Подхалюзинъ. Какъ же не любить-съ, кажется, больше всего на свѣтѣ. Да нѣтъ-съ, Самсонъ Силычъ, какъ же это можно-съ.

Большовъ. Ты бы такъ и говорилъ, что люблю, молъ, больше всего на свѣтѣ.

Подхалюзинъ. Да какъ же не любить-съ. Сами изволите разсудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, извѣстное дѣло, Алимпіяда Самсоновна—барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ... Да нѣтъ, этого нельзя-съ. Гдѣ же намъ-съ!..

Большовъ. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзинъ. Да какъ же можно, Самсонъ Силычъ? Какъ знамши я васъ, какъ отца роднаго, и Алимпіяду Самсоновну-съ, и опять знамши себя, что я такое значу,—гдѣ же мнѣ съ суконнымъ-то рыломъ-съ?

Большовъ. Ничего не суконное. Рыло какъ рыло. Былъ бы умъ въ головѣ,—а тебѣ ума-то не занимать стать, этимъ добромъ Богъ наградилъ. Такъ что же, Лазарь, посватать тебѣ Алимпіяду-то Самсоновну, а?

Подхалюзинъ. Да помилуйте, смѣю ли я? Алимпіяда-то Самсоновна, можетъ быть, на меня глядѣть-то не захотятъ-съ!

Большовъ. Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. — Ты со мной-то не толкуй.

Подхалюзинъ. Не смѣю я, Самсонъ Силычъ, объ этомъ съ вами говорить-съ. Не хочу быть подлецомъ противъ васъ.

Большовъ. Экой ты, братецъ, глупый! Кабы я тебя не любилъ, нешто бы я такъ съ тобой разговаривалъ? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливымъ сдѣлать!

Подхалюзинъ. А нешто я васъ не люблю, Самсонъ Силычъ, больше отца роднаго? Да накажи меня Богъ!.. Да что я за скотина!

Большовъ. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзинъ. Изнылъ весь-съ! Вся душа-то у меня перевернулась давно-съ!

Большовъ. Ну, а коли душа перевернулась, такъ мы тебя поправимъ. Владѣй, Ѳаддей, нашей Маланьей.

Подхалюзинъ. Тятенька, за что жалуете? Не стóю я этого, не стóю! И физіономія у меня совсѣмъ не такая.

Большовъ. Ну ее, физіономію! А вотъ я на тебя все имѣніе переведу; такъ послѣ кредиторы-то и пожалѣютъ, что по двадцати пяти копеекъ не взяли.

Подхалюзинъ. Еще какъ пожалѣютъ-то-съ!

Большовъ. Ну, ты ступай теперь въ городъ, а ужотка заходи къ невѣстѣ: мы надъ ними шутку подшутимъ.

Подхалюзинъ. Слушаю, тятенька-съ.

ДѢЙСТВІЕ 3-е. ЯВЛЕНІЕ II.

Аграфена Кондратьевна и Липочка (*разряженная*).

Аграф. Кондр. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнѣе— не защѣпи. Посмотри-ко, Самсонъ Силычъ, полюбуйся, сударь ты мой, какъ я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розанъ піоновый! (*Къ ней*) Ахъ ты, моя ангелика, царевна, херуимчикъ ты мой! (*Къ нему*) Что, Самсонъ Силычъ, правда что ли? Только бы ей въ каретѣ ѣздить шестерней.

Большовъ. Проѣдетъ и парочкой, — не великаго полета помѣщица!

Аграф. Кондр. Ужь извѣстно, не енаральская дочь, а все, какъ есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то. Что, какъ медвѣдь, бурчишь?

Большовъ. А какъ мнѣ еще приголубливать-то? Ручки что ль лизать, въ ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднѣе.

Аграф. Кондр. Да ты что видалъ-то? Такъ, что-нибудь, а вѣдь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человѣкъ!

Большовъ. Что жъ что дочь? Слава Богу, — обута, одѣта, накормлена, — чего ей еще хочется?

Аграф. Кондр. Чего хочется! Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣлъ что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! — По христіанскому закону всякаго накормить слѣдствуетъ; и чужихъ призираютъ, не токма что своихъ — а вѣдь это и въ люди сказать грѣхъ: какъ ни на есть, родная дѣтища!

Большовъ. Знаемъ, что родная, — да чего-жъ ей еще? Что ты мнѣ притчи эти растолковываешь? Не въ рамку же ее вдѣлать! Понимаемъ, что отецъ.

Аграф. Кондр. Да коли ужъ ты, батюшка, отецъ, такъ не будь свекоромъ! Пора, кажется, въ чувство придти: разставаться скоро приходится, а ты и добраго слова не вымолвишь; долженъ бы на пользу посовѣтовать что-нибудь такое житейское. Нѣтъ въ тебѣ никакого обычаю родительскаго!

Большовъ. А нѣтъ, такъ чтожъ за бѣда: стало быть, такъ Богъ создалъ.

Аграф. Кондр. Богъ создалъ! Да самъ-то ты что? Вѣдь и она, кажется, созданія Божеская, али нѣтъ? Не животная какая-нибудь, прости Господи!.. Да спроси у нея что-нибудь.

Большовъ. А что я за спросъ? Гусь свиньѣ не товарищъ; какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Аграф. Кондр. Да на дѣлѣ-то ужъ не спросимъ, — ты покедова-то

вотъ. Человѣкъ пріѣдетъ чужой — посторонній, все-таки, какъ хочешь, примѣрный, а мужчина не женщина — въ первый-то разъ наѣдетъ, не видамши-то его.

Большовъ. Сказано, что отстань.

Аграф. Кондр. Отецъ ты этакой, а еще родной называешься! Ахъ ты, дитятка моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились отъ тебя, да и знать не хотятъ. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! (*Усаживаетъ*).

Липочка. Ахъ, отстаньте, маменька! измяли совсѣмъ.

Аграф. Кондр. Ну, такъ я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одѣться порядочно: вы тотчасъ разчувствуетесь.

Аграф. Кондр. Такъ, такъ, дитятко! да какъ взгляну-то на тебя, такъ вѣдь это жалости подобно.

Липочка. Что жъ, надо вѣдь когда-нибудь.

Аграф. Кондр. Все-таки жалко, дурочка: ростили, ростили, да и выростили — да ни съ того, ни съ сего въ чужіе люди выдаемъ, словно ты надоѣла намъ да наскучила глупымъ, малымъ ребячествомъ, своимъ кроткимъ поведеніемъ. Вотъ, выживемъ тебя изъ дому, словно ворога изъ города, а тамъ схватимся да спохватимся, да и негдѣ взять. Посудите, люди добрые, каково жить на чужой дальней сторонѣ: чужимъ кускомъ давишься, кулакомъ слезы утираючи! Да, помилуй Богъ, неровнюшка выйдется, не ровенъ дуракъ навяжется, аль дуракъ какой дурацкій сынъ! (*Плачетъ*).

Липочка. Вотъ вы вдругъ и расплакались! Право, какъ не стыдно, маменька! Что тамъ за дуракъ?

Аграф. Кондр. (*плача*). Да ужъ это такъ говорится, — къ слову пришлось.

Большовъ. А объ чемъ бы ты это, слышно, разрюмилась? Вотъ спросить тебя, такъ сама не знаешь?

Аграф. Кондр. Не знаю, батюшка, охъ не знаю: такой стихъ нашелъ.

Большовъ. То-то вотъ сдуру. Слезы у васъ дешевы.

Аграф. Кондр. Охъ, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что-жъ дѣлать-то?

Липочка. Фи, маменька, какъ вы вдругъ! Полноте! Ну, вдругъ пріѣдетъ — что хорошаго?

Аграф. Кондр. Перестану, дитятко, перестану; сейчасъ перестану!

ЯВЛЕНІЕ III. Приходитъ Устинья Наумовна и объявляетъ, что „благородный“ женихъ, какъ по всему видно, отказывается отъ Олимпіады Самсоновны, — не трогается и съ мѣста. „А, лягушка его заклюй“, — прибавляетъ она сейчасъ же, — „нешто мы другаго не найдемъ?“ Большовъ-отецъ заявляетъ, что онъ самъ найдетъ. Приходятъ, по его зову, Лазарь (Подхалюзинъ) и Рисположенскій. ЯВЛЕНІЕ IV. Большовъ приглашаетъ всѣхъ *побесѣдовать маненько* вотъ о чемъ:

Большовъ. Лѣта наши подвигаются преклонныя, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и одинъ Создатель только вѣдаетъ, что будетъ впередъ: то и положили мы, еще при жизни своей, отдать въ замужство единственную дочь нашу, и въ разсужденіи приданаго тоже можемъ надѣяться, что она не острамитъ нашего капитала и происхожденія, а равномѣрно и предъ другими прочими... А такъ какъ теперь дочь наша здѣсь на лицо, и при всемъ томъ, будучи увѣрены въ честномъ поведеніи и достаточности нашего будущаго зятя, что для насъ оченно чувствительно, въ разсужденіи

Божескаго благословенія, то и назначаемъ его теперича въ общемъ лицезрѣніи. — Липа, поди сюда.

Липочка. Что вамъ, тятенька, угодно?

Большовъ. Поди ко мнѣ, не укушу, — не бось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзинъ. Давно готовъ-съ!

Большовъ. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Какъ, что это за вздоръ? Съ чего это вы выдумали?

Большовъ. Хуже, какъ силой возьму!

Всѣ, разумѣется, удивлены такимъ оборотомъ дѣла.

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противнаго!

Подхалюзинъ. Видно, тятенька, не видать мнѣ счастія на этомъ свѣтѣ! Видно не бывать-съ по вашему желанію!

Большовъ (*беретъ Липочку насильно за руку и Лазаря*). Какъ же не бывать, коли я того хочу? На что жъ я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ что ли я ее кормилъ?

Аграф. Кондр. Что ты! что ты! опомнись!

Большовъ. Знай сверчокъ свой шестокъ! Не твое дѣло! Ну, Липа! Вотъ тебѣ женихъ! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядкомъ да потолкуйте ладкомъ — а тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку.

Липочка. Какъ же—нужно мнѣ очень съ неучемъ сидѣть!—Вотъ оказія!

Большовъ. А не сядешь, такъ насильно посажу, да заставлю жениться.

Липочка. Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ?

Большовъ. Молчи лучше! Велю, такъ и за дворника выдешь (*Молчаніе*)...

Аграф. Кондр. (*вслѣдъ за свахой и Ѳоминишной*). За что-жъ вы это, душегубцы, дѣвку-то опозорили?

Большовъ. Да, очень мнѣ нужно слушать вашу фанаберію. Захотѣлъ выдать дочь за прикащика и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать никого не хочу. — Вотъ теперь закусить пойдемте, а они пусть побаляжничаютъ, можетъ быть и поладятъ какъ-нибудь.

...(*Встаютъ и уходятъ всѣ, кромѣ Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны*).

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я имъ кухарка что ли досталась? (*Плачетъ*).

Подхалюзинъ. Маменька-съ! вамъ зятя такого, который бы васъ уважалъ и, значитъ, старость вашу покоилъ — окромя меня, не найтить-съ.

Аграф. Кондр. Да какъ это ты, батюшка?

Подхалюзинъ. Маменька-съ! Въ меня Богъ вложилъ такое намѣреніе по тому самому-съ, что другой васъ, маменька-съ, и знать не хочетъ, а я по гробъ моей жизни (*плачетъ*) долженъ чувствовать-съ.

Аграф. Кондр. Ахъ, батюшки! Да какъ же это быть?

Большовъ (*изъ двери*). Жена, поди сюда!

Аграф. Кондр. Сейчасъ, батюшка, сейчасъ!

Подхалюзинъ. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчасъ сказалъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Липочка и Подхалюзинъ. (*Молчаніе.*).

Подхалюзинъ. Алимпіяда Самсоновна-съ! Алимпіяда Самсоновна! Но кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-съ! Позвольте вашу ручку поцѣловать.

Липочка. Вы дуракъ необразованный!

Подхалюзинъ. За что вы, Алимпіяда Самсоновна, обижать изволите-съ?

Липочка. Я вамъ одинъ разъ на-всегда скажу, что не пойду я за васъ,—не пойду.

Подхалюзинъ. Это какъ вамъ будетъ угодно-съ! Насильно милъ не будешь. Только я вамъ вотъ что доложу-съ...

Липочка. Я васъ слушать не хочу, отстаньте отъ меня! Какъ бы вы были учтивый кавалеръ: вы видите, что я ни за какія сокровища не хочу за васъ идти—вы бы должны были отказаться.

Подхалюзинъ. Вотъ, вы, Алимпіяда Самсоновна, изволите говорить: отказаться. Только если я откажусь, что потомъ будетъ-съ?

Липочка. А то и будетъ, что я выйду за благороднаго.

Подхалюзинъ. За благороднаго-съ! Благородный-то безъ приданаго не возьметъ.

Липочка. Какъ безъ приданаго? Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то—въ носъ бросится.

Подхалюзинъ. Тряпки-то-съ! Благородный тряпокъ-то не возьметъ. Благородному-то деньги нужны-съ.

Липочка. Что-жъ! Тятенька и денегъ дастъ!

Подхалюзинъ. Хорошо, какъ дастъ-съ! А какъ дать-то нечего? Вы дѣлъ-то тятенькиныхъ не знаете, а я ихъ оченно хорошо знаю: тятенька-то вашъ банкрутъ-съ.

Липочка. Какъ банкрутъ? А домъ-то, а лавки?

Подхалюзинъ. А домъ-то и лавки—мои-съ!

Липочка. Подите вы — что вы меня дурачить хотите; глупѣе себя нашли!

Подхалюзинъ. А вотъ у насъ законные документы есть! (*Вынимаетъ*).

Липочка. Такъ вы купили у тятеньки?

Подхалюзинъ. Купилъ-съ.

Липочка. Гдѣ же вы денегъ взяли?

Подхалюзинъ. Денегъ! У насъ, слава Богу, денегъ-то побольше, чѣмъ у какого благороднаго.

Липочка. Что-жъ это такое со мной дѣлаютъ? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились! (*Молчаніе*).

Подхалюзинъ. Ну, положимъ, Алимпіяда Самсоновна, что вы выйдете и за благороднаго,—да что-жъ въ этомъ будетъ толку-съ? Только одна слава, что барыня, а пріятности никакой нѣтъ-съ. Вы извольте разсудить-съ: барыни-то часто сами на рынокъ пѣшкомъ ходятъ-съ. А если и выѣдутъ-то куда, такъ только слава, что четверня-то, а хуже одной купеческой-то. Ей-Богу, хуже-съ. Одѣваются тоже не больно пышно-съ. А если за меня-то вы, Алимпіяда Самсоновна, выйдете-съ,—такъ первое слово: вы и дома-то будете въ шелковыхъ платьяхъ ходить-съ, а въ гости, али въ театръ-съ, окромя бархатныхъ, и надѣвать не станемъ. Въ разсужденіи шляпокъ или салоповъ—не будемъ смотрѣть на разныя дворянскія приличія, а надѣнемъ какую чуднѣй! Лошадей заведемъ орловскихъ. (*Молчаніе*) Если вы на счетъ физіономіи сумнѣваетесь, такъ это, какъ вамъ будетъ угодно-съ; мы также и фракъ надѣнемъ да бороду обрѣемъ, либо такъ подстрижемъ по модѣ-съ, это для насъ все одно-съ.

Липочка. Да вы всѣ передъ свадьбой такъ говорите, а тамъ и обманете.

Подхалюзинъ. Съ мѣста не сойти, Алимпіяда Самсоновна! Анаѳемой хочу быть, коли лгу! Да это что-съ, Алимпіяда Самсоновна! Нешто мы въ

этакомъ домѣ будемъ жить? Въ Каретномъ ряду купимъ-съ, распишемъ какъ: на потолкахъ это райскихъ птицъ нарисуемъ, сиреновъ, капидоновъ разныхъ—поглядѣть только,—будутъ деньги давать.

Липочка. Нынче ужъ капидоновъ-то не рисуютъ.

Подхалюзинъ. Ну, такъ мы пукетами пустимъ. (*Молчаніе*). Было бы только съ вашей стороны согласіе, а то мнѣ въ жизни ничего не надобно. (*Молчаніе*). Какъ я несчастливъ въ своей жизни, что не могу никакихъ комплиментовъ говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарычъ, по-французски не говорите?

Подхалюзинъ. А для того, что намъ не для чего. (*Молчаніе*). Осчастливьте, Алимпіяда Самсоновна, окажите этакое благоволеніе-съ. (*Молчаніе*). Прикажите на колѣни встать.

Липочка. Станьте. (*Подхалюзинъ становится*).

Липочка. Вотъ у васъ какая жилетка скверная!

Подхалюзинъ. Эту я Тишкѣ подарю-съ, а себѣ на Кузнецкомъ мосту закажу, только не погубите! (*Молчаніе*). Что же, Алимпіяда Самсоновна-съ?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзинъ. Да объ чемъ же думать-съ?

Липочка. Какъ же можно не думать?

Подхалюзинъ. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарычъ?

Подхалюзинъ. Что прикажете-съ?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзинъ. Да зачѣмъ же потихоньку-съ, когда такъ тятенька съ маменькой согласны?

Липочка. Да такъ дѣлаютъ. Ну, а коли не хотите увезти—такъ ужъ, пожалуй, и такъ.

Подхалюзинъ. Алимпіяда Самсоновна! Позвольте ручку поцѣловать! (*Цѣлуетъ, потомъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ двери*). Тятенька-съ!...

Липочка. Лазарь Елизарычъ, Лазарь Елизарычъ! Подите сюда!

Подхалюзинъ. Что вамъ угодно-съ?

Липочка. Ахъ, если бы вы знали, Лазарь Елизарычъ, какое мнѣ житье здѣсь! У маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька, какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъ бы я вышла за благороднаго, такъ я бы и уѣхала изъ дому и забыла бы обо всемъ этомъ. А теперь все опять пойдетъ по старому.

Подхалюзинъ. Нѣтъ-съ, Алимпіяда Самсоновна, не будетъ этого! Мы, Алимпіяда Самсоновна, какъ только сыграемъ свадьбу, такъ перейдемъ въ свой домъ-съ. А ужъ мы имъ-то командовать не дадимъ-съ. Нѣтъ, ужъ теперь кончено-съ! Будетъ съ нихъ — почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!

Липочка. Такъ смотрите же, Лазарь Елизарычъ, мы будемъ жить сами по себѣ, а они сами по себѣ. Мы заведемъ все по модѣ, а они какъ хотятъ.

Подхалюзинъ. Ужъ это какъ и водится-съ.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. (*Встаетъ и охорашивается передъ зеркаломъ*).

Подхалюзинъ. Тятенька-съ! тятенька-съ! маменька-съ!

Общее поздравленіе „шипучкой“. Большовъ, на радостяхъ, что устроилось дѣло желаннымъ образомъ, даетъ дочери вмѣсто приданаго, домъ и

лавки, обѣщается еще отсчитать изъ „наличнаго“. При этомъ беретъ съ Подхалюзина слово, что онъ будетъ кормить его со старухой и заплатитъ кредиторамъ копѣекъ по десяти.

Подхалюзинъ. Стоитъ ли, тятенька, объ этомъ говорить-съ. Нешто я не чувствую? Свои люди—сочтемся!

Большовъ. Говорятъ тебѣ, бери все, да и кончено дѣло. И никто мнѣ не указъ! Заплати только кредиторамъ. Заплатишь?

Подхалюзинъ. Помилуйте, тятенька, первый долгъ-съ!

Большовъ. Только ты смотри — имъ много-то не давай. А то ты, чай, радъ сдуру-то все отдать.

Подхалюзинъ. Да ужъ тамъ, тятенька, какъ-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Дѣйствіе 4-е. Молодые живутъ въ свое удовольствіе. Подхалюзину теперь приходится разсчитываться съ свахой: ей, разумѣется, не дается того, что обѣщано. Сваха, послѣ крупныхъ объясненій, уходитъ съ намѣреніемъ *разславить* молодую чету по Москвѣ. Большовъ сидитъ подъ арестомъ (*въ ямѣ*). Судьба его всецѣло зависитъ отъ Подхалюзина: если этотъ дастъ его кредиторамъ по 25-ти коп. за рубль, то они удовлетворены,—и Большовъ свободенъ. Но Подхалюзинъ болѣе десяти коп. не даетъ, не трогаясь ни строгими рѣчами бѣднаго старика, ни проклятіями его жены. Липочка совершенно на сторонѣ мужа. Расположенскій, какъ и сваха, обиженъ Подхалюзинымъ: за свои труды онъ не получаетъ, что̀ слѣдуетъ; у Расположенскаго жена и четверо дѣтей.

Авторъ заканчиваетъ комедію такъ: заставляетъ Подхалюзина обратиться къ публикѣ съ просьбою не вѣрить тому, что говорилъ на него Расположенскій (тестя обокралъ и его, Расположенскаго, грабитъ), и объявленіемъ, что онъ, Подхалюзинъ, *магазинчикъ* открываетъ и приглашаетъ публику: „милости просимъ! Малаго ребенка пришлете — въ луковицѣ не обочтемъ“.

Послѣ авторъ измѣнилъ конецъ комедіи: Конкурсомъ, по дѣламъ злостнаго банкрота, купца Большова, открыто главное и непосредственное участіе старшаго прикащика его, Подхалюзина; выяснилось, что сей послѣдній скрылъ имущество своего хозяина. Является квартальный и арестуетъ Подхалюзина. Его уводятъ въ острогъ. Расположенскій провожаетъ его словами: „теперь отольются тебѣ мои слезы: прогуляешься въ Сибирь!“

...Подхалюзинъ. А въ Сибирь, такъ въ Сибирь! Что-жъ такое! И въ Сибири люди живутъ. Да вѣдь и тебѣ не уйтить! (*Беретъ шляпу*) Я готовъ-съ.

ИЗЪ СТАТЬИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА: „ТЕМНОЕ ЦАРСТВО“.

I.

Въ „Своихъ людяхъ“ мы видимъ религію лицемѣрства и мошенничества, безсмысліе и самодурство однихъ и обманчивую покорность, рабскую хитрость другихъ. Здѣсь намъ представляется нѣсколько степеней угнетенія, указывается нѣкоторая система въ распредѣленіи самодурства, дается очеркъ его исторіи. Самый главный самодуръ, деспотъ всѣхъ къ нему близкихъ, не знающій себѣ никакого удержу, есть Самсонъ Силычъ Большовъ. И какой же страхъ онъ внушаетъ всему дому! Аграфена Кондратьевна, жена его, грозитъ своей взрослой дочери, что „отцу пожалуется“;

а та отвѣчаетъ: „васъ на то Богъ и создалъ, чтобы жаловаться, сами-то вы не очень для меня значительны“. На вторичную угрозу, она огрызается еще рѣзче: „только и ладитъ, что отца да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!“ Видно, что Самсонъ Силычъ и для жены, и для дочери представляется чѣмъ-то въ родѣ пугалы, и онѣ обѣ, хотя и стращаютъ имъ другъ друга, но составляютъ противъ него глухую, затаенную, само собою образовавшуюся оппозицію: Аграфена Кондратьевна, по своей крайней недальности, не можетъ сама привести въ ясность своихъ чувствъ, и только охами да вздохами выражаетъ, что ей тяжело.. Но Липочка очень безцеремонно говоритъ: „у маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька — какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди.. Каково это терпѣть образованной барышнѣ!“ Служащіе въ домѣ всѣ насквозь пропитаны тѣми же мрачноробкими чувствами: мальчикъ Тишка жалуется на вытрепки, получаемыя имъ отъ хозяина; кухарка Ѳоминишна имѣетъ слѣдующій разговоръ съ Устиньей Наумовной, свахой, пріискивающей жениха Липочкѣ, дочери Большова:

Устинья Наумовна. Садись, Ѳоминишна, — ноги-то старыя, ломаныя.

Ѳоминишна. И, мать! некогда. Вѣдь какой грѣхъ-то, самъ-то что-то изъ городу не ѣдетъ, всѣ подъ страхомъ ходимъ, того и гляди, пьяный пріѣдетъ. А ужъ какой благой-то, Господи! Зародится же вѣдь такой озорникъ!

Устинья Наумовна. Извѣстное дѣло: съ богатымъ мужикомъ, что съ чортомъ, не скоро сообразишь.

Ѳоминишна. Ужъ мы отъ него страсти-то видѣли. Вотъ на прошлой недѣлѣ ночью пьяный пріѣхалъ: развоевался такъ, что на поди. Страсти да и только! посуду колотитъ... У! — говоритъ, — такія вы и этакія, убью сразу.

И дѣйствительно, Самсонъ Силычъ держитъ всѣхъ, можно сказать, въ страхѣ Божіемъ. Когда онъ показывается, всѣ смотрятъ ему въ глаза, и съ трепетомъ стараются угадать, — что, каковъ онъ. Вотъ небольшая сцена, изъ которой видно, какой трепетъ отъ него распространяется по всему дому. Въ комнату вбѣгаетъ Ѳоминишна и кричитъ:

Ѳоминишна. Самсонъ Силычъ пріѣхалъ, да никакъ хмѣльной!..

Тишка. Фю! попались!

Ѳоминишна. Бѣги, Тишка, за Лазаремъ; голубчикъ, бѣги скорѣй!..

Аграфена Кондратьевна (*показывается на лѣстницѣ*). Что, Ѳоминишна, матушка, куда онъ идетъ-то?

Ѳоминишна. Да никакъ, матушка, сюда! Охъ, запру я двери-то, ей-Богу запру, пускай его къ верху идетъ, а ужъ ты, голубушка, здѣсь посиди.

И къ довершенію всего, оказывается вѣдь, что Самсонъ Силычъ вовсе и не пьянъ, это такъ только показалось Ѳоминишнѣ. Но замѣчательно, какъ смѣшиваетъ всѣ понятія, уничтожаетъ всѣ различія этотъ, надъ всѣми безъ разбора тяготѣющій, деспотизмъ: мать, дочь, кухарка, хозяйка, мальчишка-слуга, прикащикъ — все это въ трудную минуту сливается въ одно — въ угнетенную партію, заботящуюся о своей защитѣ. Ѳоминишна, которая въ другое время бьетъ Тишку и помыкаетъ имъ, упрашиваетъ его и называетъ голубчикомъ; Аграфена Кондратьевна съ жалобнымъ видомъ обращается къ своей кухаркѣ съ вопросомъ: „что, Ѳоминишна, матушка“... Ѳоминишна смотритъ на нее съ состраданіемъ и готовится оказать ей покровительство запоромъ дверей... Только прикащикъ, Лазарь Подхалюзинъ,

связанный какимъ-то темнымъ, неусловленнымъ союзомъ съ своимъ хозяиномъ, и готовящійся самъ быть маленькимъ деспотомъ, стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ этого страха, раздѣляемаго всякимъ, кто вступаетъ въ домъ Большова. Въ Подхалюзинѣ намъ является другая, низшая инстанція самодурства, подавленнаго до сихъ поръ подъ тяжелымъ гнетомъ, но уже начинающаго поднимать свою голову... Разсуждая съ Подхалюзинымъ, сваха говоритъ ему: „вѣдь ты самъ знаешь, каково у насъ чадочко Самсонъ-то Силычъ, вѣдь онъ, неровенъ часъ, и чепчикъ помнетъ“. А Подхалюзинъ самоувѣренно отвѣчаетъ: „ничего не помнетъ-съ“. Въ отвѣтѣ Тишкѣ, который грозитъ пожаловаться хозяину на подзатыльники Лазаря, онъ еще рѣшительнѣе: „Хозяину скажу! Что мнѣ твой хозяинъ! Я, коли на то пошло...“ — начинаетъ онъ, но не договариваетъ. Видно, что и онъ таки не забылъ еще, каково чадочко Самсонъ Силычъ. Впрочемъ, и Подхалюзинъ такъ куражится уже тогда, когда въ его рукахъ вся механика, подведенная Большовымъ для объявленія себя банкротомъ. Онъ чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, успѣвшаго толкнуть своего тюремщика за ту дверь, изъ-за которой самъ успѣлъ выскочить. Но у тюремщика остались ключи отъ воротъ острога; надо ихъ еще вытребовать, а потому Подхалюзинъ, чувствуя себя уже не въ тюрьмѣ, но зная, что онъ еще и не совсѣмъ на свободѣ, безпрестанно переходитъ отъ самодовольной радости къ безпокойству и мѣшаетъ наглость съ раболѣпствомъ. Онъ уже получилъ домъ и лавки Большова, нужно ему окончательно овладѣть имѣніемъ старика, да еще и жениться на его дочери, которая пришлась ему очень по нраву. Успѣхъ своихъ надеждъ Подхалюзинъ основываетъ именно на самодурствѣ Большова. Не употребляя долгихъ исканій и не дѣлая особенно злостныхъ плановъ, онъ только подбиваетъ сваху отговорить прежняго жениха Липочки, изъ благородныхъ, а самъ поддѣлывается къ Большову раболѣпнымъ тономъ и выраженіемъ своего участія къ нему. Предварительныя соображенія его очень нехитры. Онъ говоритъ самъ себѣ: „а знавши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ случиться. У нихъ такое заведеніе: коли имъ что попало въ голову, ужъ ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно, какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову — завтра же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй“. Ясно, что тутъ весь разсчетъ очень немногосложенъ, весь онъ бьетъ на деспотическій характеръ Большова. Тутъ, разумѣется, хитрости особенной и не можетъ быть, потому что и всякому дураку законъ не писанъ, а самодуру — и подавно; слѣдовательно, съ нимъ ничего не сообразишь, по выраженію Устиньи Наумовны. Подхалюзинъ такъ и знаетъ, что онъ идетъ на авось. „Потрафь, говоритъ, я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову“ — оба шанса равно вѣроятны и равно невѣроятны. А что касается до потрафленія, такъ тутъ опять немного нужно соображенія: ври о своей покорности, благодарности, о счастіи служить такому человѣку, о своемъ ничтожествѣ передъ нимъ, — больше ничего и не нужно для того, чтобы ублажить глупаго мужика деспотическаго характера. Изъ всѣхъ родовъ житейской дипломатики — это самый низшій, это не болѣе, какъ разсчетъ перваго слѣдующаго хода въ шахматной игрѣ. Большовъ поддается на эту нехитрую штуку, потому что своевольныя привычки давно уже затмили въ немъ всякую сообразительность, лишили всякой возможности смотрѣть на вещи прямо и здраво. Себя самого онъ ставитъ единственнымъ закономъ и средоточіемъ всего, до чего только дося-

гаетъ его дѣятельность. Въ своемъ семействѣ это онъ выражаетъ съ циинческой грубостью. О дочери онъ говоритъ: „мое дѣтище: хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю“. Оттого и выдача ея, противъ воли, за-мужъ за Подхалюзина представляется ему не болѣе, какъ занимательнымъ опытомъ. „А вотъ ты заходи-ко ужо къ невѣстѣ,—говоритъ Лазарю:—мы надъ ними шутку подшутимъ“. Шутка эта состоитъ въ томъ, что онъ внезапно объявляетъ женѣ и дочери, что Лазарь—женихъ Липочки. Всѣ растерялись: и мать, и сваха, и Ѳоминишна, и сама невѣста, которая, впрочемъ, какъ образованная, нашла въ себѣ силы выразить рѣшительное сопротивленіе и закричать: „не хочу, не хочу, не пойду я за такого противнаго“. Разумѣется, изъ этого сопротивленія ничего не можетъ выйти: Самсона Силыча не уломаешь. А тутъ еще Подхалюзинъ поджигаетъ его, коварно говоря: „видно, тятенька, не бывать-съ по вашему желанію“. Этихъ словъ достаточно, чтобъ Большовъ насильно соединилъ руки жениха и невѣсты и возразилъ такимъ манеромъ: „какъ же не бывать, коли я того хочу? На чтожъ я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ, что ли, я ее кормилъ?“ Какъ видите, Большовъ изъ отцовскихъ обязанностей признаетъ только одну: давать приказанія дѣтямъ. А что онъ кормилъ дочь, такъ это ужъ благодѣяніе, за которое она должна ему отплатить полнымъ отреченіемъ отъ своей воли. Точно таковъ же онъ и во всей дѣятельности. Онъ самъ замѣчаетъ, напримѣръ, что Подхалюзинъ мошенникъ; но ему до этого дѣла нѣтъ, потому что Подхалюзинъ его прикащикъ и объ его пользѣ старается. Безъ малѣйшей застѣнчивости онъ упрекаетъ его въ неблагодарности, указывая на такіе факты: „вспомни то, Лазарь, сколько разъ я замѣчалъ, что ты на руку нечистъ! чтожъ? Я вѣдь не прогналъ тебя, не ославилъ на весь городъ. Я тебя сдѣлалъ главнымъ прикащикомъ, тебѣ я все свое состояніе отдалъ, да тебѣ же, Лазарь, отдалъ и дочь-то своими руками“. И все это въ той надеждѣ, что Лазарь будетъ славно мошенничать и наживать деньги отъ всѣхъ, кромѣ, разумѣется, самого Большова. То же самое и съ Расположенскимъ, пьянымъ приказнымъ, занимающимся кляузами и дѣлающимъ кое-что по дѣламъ Большова. Самсонъ Силычъ подсмѣивается надъ тѣмъ, что его изъ суда выгнали, и очень сурово рѣшаетъ, что его надобно бы въ Камчатку сослать. На вопросъ Расположенскаго: „за что же въ Камчатку?“ Большовъ отрѣзываетъ: „За что! За безобразіе! Такъ неужели жъ вамъ потакать?“ Но такой строгій взглядъ на дѣятельность выгоннаго изъ службы чиновника нисколько не мѣшаетъ Самсону Силычу требовать его услугъ въ дѣлѣ замышленнаго имъ злостнаго банкротства. Большовъ какъ будто считаетъ себя совершенно внѣ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя признаетъ обязательными для другихъ. Это странное явленіе (столь частое, однако же, въ нашемъ обществѣ) происходитъ отъ того, что Большовъ не понимаетъ истинныхъ началъ общественнаго союза, не признаетъ круговой поруки правъ и обязанностей человѣка въ отношеніи къ другимъ, и, подобно Пузатову, смотритъ на общество, какъ на вражескій станъ. „Мнѣ бы самому какъ-нибудь получше устроиться; а тамъ кто отъ того пострадаетъ, или прибыль получитъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ; коли пострадаетъ, такъ самъ виноватъ: оплошалъ, стало быть“. На такихъ соображеніяхъ держатся всѣ думы Большова, такими соображеніями былъ онъ подвигнутъ и на то, чтобы объявить себя несостоятельнымъ. Островскаго упрекали въ томъ, что онъ не довольно полно и ясно выразилъ въ своей комедіи, какимъ образомъ, вслѣдствіе какихъ особенныхъ вліяній, въ какой послѣдовательности и въ какомъ соотвѣтствіи съ общими чертами характера Большова явилось въ немъ намѣреніе объявить себя банкротомъ. „Злостное банкротство,—говорили кри-

тики, есть такое преступленіе, которое ужаснѣе простаго обмана, воровства и убійства. Оно соединяетъ въ себѣ эти три рода преступленій: но оно еще ужаснѣе потому, что совершается обдуманно, подготовляется очень долго, требуетъ много коварнаго терпѣнія и самаго нахальнаго присутствія духа. Рѣшиться на такое преступленіе можетъ человѣкъ только при ложныхъ убѣжденіяхъ и вслѣдствіе какихъ-нибудь особенно неблагопріятныхъ нравственныхъ вліяній. У Островскаго не только ничего этого не показано, но даже выставлено банкротство Большова просто какъ прихоть, состоящая въ томъ, что ему не хочется платить денегъ". Всѣ подобныя соображенія, будучи вполнѣ вѣрны въ теоретическомъ отношеніи, оказываются, однако же, совершенно неприложимыми къ русской жизни. Въ томъ-то и дѣло, что наша жизнь вовсе не способствуетъ выработкѣ какихъ-нибудь убѣжденій, а если у кого они и заведутся, то не даетъ примѣнять ихъ. Одно только убѣжденіе процвѣтаетъ въ нашемъ обществѣ, — это убѣжденіе въ томъ, что не нужно имѣть (или по крайней мѣрѣ обнаруживать) нравственныхъ убѣжденій. Но такое-то убѣжденіе и у Самсона Силыча есть, хотя оно и не совершенно ясно въ его сознаніи: вслѣдствіе этого-то убѣжденія онъ и ласкаетъ Лазаря, и ведетъ дѣло съ Рисположенскимъ и рѣшается на объявленіе себя несостоятельнымъ. Вообще надобно сказать, что только съ помощью этого убѣжденія и поддерживается нѣкоторая жизнь въ нашемъ темномъ царствѣ: черезъ него здѣсь и карьеры дѣлаются, и выгодныя партіи составляются, и капиталы наживаются, и общее уваженіе пріобрѣтается. Не будь развито это единственное убѣжденіе въ „темномъ царствѣ", въ немъ все бы остановилось, заснуло и замерло. Конечно, и люди съ твердыми нравственными принципами, съ честными и святыми убѣжденіями тоже есть въ этомъ царствѣ; но, къ сожалѣнію, это все люди обломовскаго типа. Они и убѣжденія-то свои пріобрѣли не въ практической дѣятельности, не въ борьбѣ съ житейской неправдой, а въ чтеніи хорошихъ книжекъ, горячихъ разговорахъ съ друзьями, въ восторженныхъ клятвахъ передъ женщинами да въ благородныхъ мечтаніяхъ на своемъ диванѣ. Удалось людямъ не быть втянутыми съ малолѣтства въ практическую дѣятельность, и осталось имъ много свободнаго времени на обдумыванье своихъ отношеній къ міру и нравственныхъ началъ для своихъ поступковъ. Стоя въ сторонѣ отъ практической сферы, додумались они до прекрасныхъ вещей; но зато такъ и остались негодными для настоящаго дѣла, и оказались совершенно ничтожными, когда пришлось имъ столкнуться кое съ чѣмъ и кое съ кѣмъ въ „темномъ царствѣ". Сначала ихъ было побаивались, когда они являлись съ лорнетомъ Онѣгина, въ мрачномъ плащѣ Печорина, съ восторженной рѣчью Рудина; но потомъ поняли, что это все Обломовы, и что если они могутъ быть страшны для нѣкоторыхъ барышень, то во всякомъ случаѣ для практическихъ дѣятелей никакъ не могутъ быть опасны. Такъ они и остались внѣ жизни, эти люди честныхъ стремленій и самостоятельныхъ убѣжденій (нерѣдко, впрочемъ, на дѣлѣ измѣнявшіе имъ, вслѣдствіе своей непрактичности). И если нельзя сказать, чтобъ они остались чисты, какъ голуби, въ своихъ столкновеніяхъ съ окружавшими ихъ хищными птицами, то, по крайней мѣрѣ, можно сказать утвердительно, что они оказались безсильны, какъ голуби. Что же касается до тѣхъ изъ обитателей „темнаго царства", которые имѣли силу и привычку къ дѣлу, такъ они всѣ съ самаго перваго шага вступали на такую дорожку, которая никакъ ужъ не могла привести къ чистымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Работающему человѣку никогда здѣсь не было мирной, свободной и общеполезной дѣятельности; едва успѣвши осмотрѣться, онъ уже чувствовалъ, что очутился какимъ-то образомъ въ непріятельскомъ

станѣ и долженъ, для спасенія своего существованія, какъ нибудь надуть своихъ враговъ, прикинувшись хотя добровольнымъ переметчикомъ. А тамъ начинаются хитрости, какъ бы обмануть бдительность непріятелей и спастись отъ нихъ; а ежели и это удастся, придумываются непріязненныя дѣйствія противъ нихъ частью въ отмщеніе, частью же для огражденія себя отъ новой опасности. Гдѣ же тутъ развиться правильнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ людей другъ къ другу? Гдѣ тутъ воспитаться уваженію человѣческаго достоинства? Здѣсь всѣ въ отвѣтѣ за какую-то чужую несправедливость, всѣ дѣлаютъ мнѣ пакости за то, въ чемъ я вовсе не виноватъ, и отъ всѣхъ я долженъ отбиваться, даже вовсе не имѣя желанія побить кого-нибудь. Поневолѣ человѣкъ дѣлается не разборчивъ и начинаетъ бить, кого попало, не теряя даже сознанія, что въ сущности-то никого бы не слѣдовало бить. Невольно повторишь опять сравненіе жизни „темнаго царства“ съ ожесточенною войною. На войнѣ вѣдь не бѣда, если солдатъ убьетъ такого непріятеля, который ни одного выстрѣла не послалъ въ нашъ станъ: онъ подвернулся подъ пулю, — и довольно. Солдата-убійцу не будетъ совѣсть мучить. Такъ точно, что за бѣда, если купецъ обманулъ честнѣйшаго человѣка, который никому въ жизни ни малѣйшаго зла не сдѣлалъ? Довольно того, что онъ покупаетъ товаръ; торговля все равно что война: не обмануть — не продать!.. Приложите то же самое къ помѣщику, къ чиновнику „темнаго царства“, къ кому хотите, — выйдетъ все то же: всѣ въ военномъ положеніи, и никого совѣсть не мучитъ за обманъ и присвоеніе чужаго, отъ того именно, что ни у кого нѣтъ нравственныхъ убѣжденій, а всѣ живутъ сообразно съ обстоятельствами.

Такимъ образомъ мы находимъ глубоко вѣрную, характеристически-русскую черту въ томъ, что Большовъ въ своемъ злостномъ банкротствѣ не слѣдуетъ никакимъ особеннымъ убѣжденіямъ и не испытываетъ глубокой душевной борьбы, кромѣ страха, какъ бы не попасться подъ уголовный... Намъ въ отвлеченіи кажутся всѣ преступленія чѣмъ-то слишкомъ ужаснымъ и необычайнымъ; но въ частныхъ случаяхъ они большею частью совершаются очень легко и объясняются чрезвычайно просто. По уголовному суду человѣкъ оказался грабителемъ и убійцею; кажется, долженъ бы быть извергъ естества. А смотришь—онъ вовсе не извергъ, а человѣкъ очень обыкновенный и даже добродушный. И никакихъ у него убѣжденій нѣтъ о похвальности грабежа и убійства; и преступленія свои совершилъ онъ безъ тяжкой и продолжительной борьбы съ самимъ собою, а просто такъ, случайно, самъ хорошенько не сознавалъ, что онъ дѣлалъ. Поговорите съ людьми, видавшими много преступниковъ; они вамъ подтвердятъ, что это сплошь да рядомъ такъ бываетъ. Отчего происходитъ такое явленіе? Оттого, что всякое преступленіе есть не слѣдствіе натуры человѣка, а слѣдствіе ненормальнаго отношенія, въ какое онъ поставленъ къ обществу. И чѣмъ эта ненормальность сильнѣе, тѣмъ чаще совершаются преступленія даже натурами порядочными, тѣмъ менѣе обдуманности и систематичности и болѣе случайности, почти безсознательности въ преступленіи. Въ „темномъ царствѣ“, разсматриваемомъ нами, ненормальность общественныхъ отношеній доходитъ до высшихъ своихъ предѣловъ, и потому очень понятно, что его обитатели теряютъ рѣшительно всякій смыслъ въ нравственныхъ вопросахъ. Въ преступленіи они понимаютъ только внѣшнюю, юридическую его сторону, которую справедливо презираютъ, если могутъ какъ-нибудь обойти. Внутренняя сторона, послѣдствія совершаемаго преступленія для другихъ людей и для общества — вовсе имъ не представляются. Замышляя злостное банкротство, Большовъ и не думаетъ о томъ, что можетъ повредить благосостоянію заимодавцевъ, и, можетъ быть, пуститъ

нѣсколько человѣкъ по міру. Это ему не приходитъ въ голову даже и тогда, какъ ужъ его въ яму посадили. Онъ толкуетъ, что ему страшно на Иверскую взглянуть, проходя мимо Иверскихъ воротъ, жалуется, что на него мальчишки пальцами показываютъ, боится, что его въ Сибирь сошлютъ; но о людяхъ, разоренныхъ имъ,—ни слова. Мудрено ли же, что онъ такъ легко рѣшается на преступленіе, котораго существеннѣйшая-то мерзость ему и непонятна! Онъ видитъ только, что „другіе же дѣлаютъ“. И это для него не оправдательная фраза, не примѣръ только, какъ утверждалъ одинъ строгій критикъ Островскаго. Нѣтъ, тутъ исходная точка, изъ которой выводится вся мораль Большова. Онъ видитъ, что другіе банкротятся, зажиливаютъ его деньги, а потомъ строятъ себѣ на нихъ дома съ бельведерами да заводятъ удивительные экипажи: у него сейчасъ и прилагается здѣсь общее соображеніе: „чтобы меня не обыграли, такъ я долженъ стараться другихъ обыграть“. И ужъ тутъ нужды нѣтъ, что кредиторы Большова не банкротились и не дѣлали ему подрыва: все равно, съ кого бы не пришлось, только бы сорвать свою выгоду. Тутъ, какъ и въ сраженіи, разбирать личности нечего. Вотъ кабы никто не обманывалъ, т. е. кабы войны не было, тогда и Самсонъ Силычъ жилъ бы мирно и честно, никого не надувалъ. А то какъ же ему-то вести себя, когда всѣ кругомъ мошенничаютъ? И кому какая будетъ польза отъ его честности? Не онъ, такъ другіе надуютъ, все единственно. (Смотри въ комедіи разговоръ Большова съ Подхалюзинымъ на этотъ счетъ).

Вся мораль Самсона Силыча основана на правилѣ, чѣмъ другимъ красть, такъ лучше я украду. Правило это, можетъ быть, не имѣетъ драматическаго интереса, — это ужъ какъ тамъ угодно критикамъ, но оно имѣетъ чрезвычайно обширное приложеніе во многихъ сферахъ нашей жизни. По этому правилу иной беретъ взятку и кривитъ душой, думая: все равно, — не я, такъ другой возьметъ и тоже рѣшитъ криво. Другой держитъ свои помѣщичьи права, разсчитывая: все равно, — вѣдь если не мой управляющій, то окружной станетъ стѣснять моихъ крестьянъ. Иной подличаетъ передъ начальствомъ, соображая: все равно, — вѣдь если не меня, такъ онъ другаго найдетъ для себя, а я только мѣста лишусь. Словомъ—куда ни обернитесь, вездѣ вы встрѣтите людей дѣйствующихъ по этому правилу: тотъ принимаетъ у себя негодяя, другой обираетъ богатаго простяка, третій сочиняетъ доносъ, четвертый соблазняетъ дѣвушку, — все на основаніи того же милаго соображенія: „не я, такъ другой“. Кажется, ясно, что здѣсь такое соображеніе совсѣмъ не имѣетъ значенія примѣра... Оно есть ничто иное, какъ выраженіе самаго грубаго и отвратительнаго эгоизма, при совершенномъ отсутствіи какихъ-нибудь высшихъ нравственныхъ началъ.

Слѣдуя внушеніямъ этого эгоизма, и Большовъ задумываетъ свое банкротство. И его эгоизмъ еще имѣетъ для себя извиненіе въ этомъ случаѣ: не только видитъ, какъ другіе наживаются банкротствомъ, но и самъ потерпѣлъ нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ именно отъ несостоятельности многихъ должниковъ своихъ. Онъ съ горечью говоритъ объ этомъ Подхалюзину:

„Вотъ ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Такъ вотъ даромъ и бери деньги. Какъ не деньги, скажетъ,—видалъ, какъ лягушки прыгаютъ! На-ко, говоритъ, вексель. А по векселю-то съ иного что возьмешь, коли съ него взять-то нечего! У меня такихъ-то векселей тысячъ на сто, и съ протестами; только и дѣло, что каждый годъ подкладывай. Хошь, за полтину серебра всѣ отдамъ! Должниковъ-то по нимъ, чай, и съ собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбѣ-

жались, — некого и въ яму посадить. А и посадить-то, Лазарь, такъ самъ не радъ: другой такъ обдержится, что его оттедова куревомъ не выкуришь. Мнѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо, а ты проваливай".

Огражденный такими разсужденіями, Большовъ считаетъ себя совершенно вправѣ сыграть съ кредиторами маленькую штуку. Сначала въ немъ является только неопредѣленное желаніе—увернуться какъ-нибудь отъ платежа денегъ,—ихъ же пришлось много платить въ одно время. Онъ придумываетъ только: „какую бы тутъ механику подсмолить"; но этого ни онъ самъ, ни его совѣтникъ, Расположенскій—не знаютъ еще хорошенько. На вопросъ Большова, Расположенскій отвѣчаетъ: „а тамъ, глядя по обстоятельствамъ". Но тутъ же они придумываютъ—заставить кредиторовъ пойти на сдѣлку,—предложить всѣмъ 25 коп. за рубль, если же кто заартачится, такъ прибавить, а то, пожалуй, и всѣ заплатить. Большовъ говоритъ: „это точно, — поторговаться не мѣшаетъ: не возьмутъ по двадцати пяти, такъ полтину возьмутъ; а если полтины не возьмутъ, такъ за семь гривенъ обѣими руками ухватятся. Все-таки барышъ. Тамъ что хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу да съ двора долой. Да и самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора: прохлаждались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ чорту". Вы видите, что рѣшеніе Большова очень добродушно и вовсе не обнаруживаетъ сильной злодѣйской натуры: онъ хочетъ кое-что, по силѣ возможности, вытянуть изъ кредиторовъ, въ тѣхъ видахъ, что у него дочь невѣста да и самому ему покой нуженъ. Что же тутъ особенно ужаснаго, отъ чего бы Большовъ долженъ былъ необычайное волненіе душевное испытывать? Онъ смотритъ на свой новый замыселъ какъ на одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которыхъ немало довелось ему совершить на своемъ вѣку и которые для него находятся рѣшительно въ порядкѣ вещей. Его одно только смущаетъ нѣсколько — то, что ему, пожалуй, не удастся чистенько обдѣлать свою операцію. Этого онъ отчасти труситъ, и потому все хочетъ устроить съ кредиторами сдѣлку, заплативши имъ по двадцати пяти копѣекъ. Но Подхалюзинъ говоритъ ему: „а ужъ по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати пяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить", и Большовъ,—безъ всякихъ возраженій, очень легко соглашается. „А что, говоритъ онъ: — вѣдь и правда, храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльце обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыко на второмъ пришествіи. Хлопотъ-то только куча". И ни слова, ни намека на безнравственность задуманнаго дѣла въ отношеніи къ заимодавцамъ Большова. Только „о судѣ Владычнемъ" вспоминаетъ онъ; но и это такъ больше, для формы, „второе пришествіе" играетъ здѣсь роль не болѣе той, какую даетъ Большовъ и „милосердію Божію", въ извѣстной фразѣ своей: Бонапартъ Бонапартомъ, а мы пуще всего надѣемся на милосердіе Божіе, да и не о томъ теперь рѣчь". Именно—не о томъ теперь рѣчь: Большова занимаетъ не судъ на второмъ пришествіи, который еще когда-то будетъ, а предстоящія хлопоты по дѣлу. Хлопоты эти очень смущаютъ его: онѣ вовсе не въ его натурѣ. Надуть разомъ, съ рывка, хотя бы и самымъ безсовѣстнымъ образомъ, — это ему ничего; но думать, соображать, подготовлять обманъ долгое время, подводить всю эту механику — на такую хроническую безсовѣстность его не станетъ, и не станетъ вовсе не потому, чтобы въ немъ было мало безсовѣстности и лукавства,—то и другое находится въ немъ съ избыткомъ,— а просто потому, что онъ не привыкъ серьезно думать о чемъ-нибудь. Онъ самъ это сознаетъ, и въ горькую минуту даже высказываетъ Расположенскому: то-то вотъ и бѣда, что нашъ братъ, купецъ, дуракъ,—ничего онъ не понимаетъ, а такимъ піявкамъ, какъ ты, это и на руку". Можно сказать

даже, что и все самодурство Большова происходитъ отъ непривычки къ самобытной и сознательной дѣятельности, къ которой, однако же, онъ имѣетъ стремленіе, при несомнѣнной силѣ природной смѣтливости. Мы не видимъ изъ комедіи, какъ росъ и воспитывался Большовъ, какія вліянія на него дѣйствовали смолоду; но для насъ ясно, что онъ воспитывался подъ вліяніями тоже неблагопріятными для здороваго, самостоятельнаго развитія. Въ его дѣйствіяхъ постоянно проглядываетъ отсутствіе своего ума; видно, что онъ не привыкъ самъ разумно себя возбуждать къ дѣятельности и давать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. А между тѣмъ его теперешнее положеніе, да и самая натура его, не сломившаяся окончательно подъ гнетомъ, а сохранившая въ себѣ духъ противорѣчія, требуетъ теперь самобытности, которая и выражается въ упрямствѣ и произволѣ. Извѣстно, что упрямство есть признакъ безхарактерности; точно такъ и самодурство есть вѣрное доказательство внутренняго безсилія и холопства. Самодуръ все силится доказать, что ему никто не указъ, и что онъ, что захочетъ, то и сдѣлаетъ; между тѣмъ, человѣкъ дѣйствительно независимый и сильный душою никогда не захочетъ этого доказывать: онъ употребляетъ силу своего характера только тамъ, гдѣ это нужно, не растрачивая ее, въ видѣ опыта, на нелѣпыя затѣи. Большовъ съ услажденіемъ все повторяетъ, что онъ воленъ дѣлать, что хочетъ, и никто ему не указъ: какъ будто онъ самъ все еще не рѣшается вѣрить этому... Видно, что его, можетъ быть, отъ природы и не слабую личность, сильно подавили въ свое время и отняли таки у него значительную долю природной силы души. Оттого и вышедши на свою волю, онъ не умѣетъ управлять собою. Онъ самодурствуетъ и кажется страшенъ, но только потому, что ни съ какой стороны ему нѣтъ отпора; борьбы онъ не выдержитъ... Большовъ, даже рѣшаясь на такой шагъ, какъ злостное банкротство, не только старается свалить съ себя хлопоты, но просто самъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ, отступается отъ своей выгоды и даже отказывается отъ своей воли въ этомъ дѣлѣ, сваливая все на судьбу... Подхалюзинъ и Расположенскій, снюхавшись между собою, подстраиваютъ такъ, что, вмѣсто сдѣлки съ кредиторами, Большовъ рѣшается на объявленіе себя несостоятельнымъ. Но Подхалюзинъ для виду отговариваетъ его отъ такого поступка. Что же отвѣчаетъ Большовъ? Онъ входитъ въ азартъ и говоритъ: „что-жъ, деньги заплатить? Да съ чего же ты это взялъ? Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя; пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ“. Подхалюзинъ сожалѣетъ, что „заведеніе у насъ было превосходное, а теперь все должно въ разстройство придти“; а Большовъ кричитъ: „а тебѣ что за дѣло? не твое было... Ты старайся только,—отъ меня забытъ не будешь“. Что обуяло его? Подумаешь, что это взрывъ сильной натуры, что ужъ это такая непреклонная воля... Но, во-первыхъ, что́ же возбудило въ немъ такую рѣшимость, противную его собственной выгодѣ, и почему воля его выражается только въ крикахъ съ Подхалюзинымъ, а не въ дѣятельномъ участіи въ хлопотахъ? Во-вторыхъ,—самъ Большовъ вскорѣ отказывается отъ своей воли. Когда Подхалюзинъ толкуетъ ему, что можетъ случиться „грѣхъ такой“, что, пожалуй, и имѣніе отнимутъ и его самого по судамъ затаскаютъ, Большовъ отвѣчаетъ: что-жъ дѣлать-то, братецъ: ужъ, знать, такая воля Божія, противъ ея не пойдешь“. Подхалюзинъ отвѣчаетъ: „это точно-съ, Самсонъ Силычъ“; но въ сущности оно не точно, а очень нелѣпо. Большовъ не только хочетъ свалить съ себя всякую нравственную отвѣтственность, но даже старается не думать о томъ, что затѣваетъ. Принятое рѣшеніе засѣло въ его головѣ крѣпко, но какъ-то не связалось ни съ чѣмъ въ его мысляхъ и понятіяхъ,

и осталось для него чужимъ и мертвымъ. Онъ даже старается увѣрить, что это не онъ собственно рѣшилъ, а что „такова ужъ воля Божія: противъ ея не пойдешь". Это черта чрезвычайно распространенная въ нашемъ обществѣ, и у Островскаго она подмѣчена весьма тонко и вѣрно. Она одна говоритъ намъ очень многое и рисуетъ характеръ Большова лучше, чѣмъ могли бы обрисовать его нѣсколько длинныхъ монологовъ. Эта темнота разумѣнія, отвращеніе отъ мышленія, безсиліе воли передъ всякимъ рискованнымъ шагомъ, поражающія этотъ тупоумный отчаянный фатализмъ и самодурство, противное даже личной выгодѣ, все это чрезвычайно рельефно выдается въ Большовѣ, и очень легко объясняетъ отдачу имъ имѣнія своему прикащику и зятю, Подхалюзину.

Послѣдній актъ комедіи мы считаемъ послѣднимъ мастерскимъ штрихомъ, окончательно рисующимъ для насъ натуру Большова, которая была остановлена въ своемъ естественномъ ростѣ враждебными, подавляющими обстоятельствами, и осталась равно безсильною и ничтожною, какъ при обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ широкой и самобытной дѣятельности, такъ и въ напасти, опять ее скрутившей. Для насъ и въ послѣднемъ актѣ Большовъ не перестаетъ быть комиченъ: ни одного свѣтлаго луча не проникло въ эту темную душу послѣ переворота, навлеченнаго имъ самимъ на себя. Онъ нимало не сознаетъ гадости своего поступка, онъ не мучится внутреннимъ стыдомъ; его терзаетъ только стыдъ внѣшній: кредиторы таскаютъ его по судамъ, и мальчишки на него показываютъ пальцами. „Каково сидѣть-то въ ямѣ (говоритъ онъ), каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ". Вотъ что у него на первомъ планѣ; а на второмъ является въ его мысляхъ Иверская, но и то не надолго: воспоминаніе о ней тотчасъ смѣняется у него опасеніемъ, чтобы въ Сибирь не угодить. Вотъ его слова: „а тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть на нее Матушку? Знаешь, Лазарь: Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ... А что ему за это было?... Вѣдь я злостный, умышленный... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ. Господи! Коли такъ не дадите денегъ, дайте Христа ради (*плачетъ*)". Комизмъ этой тирады возвышается еще болѣе предъидущимъ и дальнѣйшимъ разговоромъ, въ которомъ Подхалюзинъ равнодушно и ласково отказывается платить за Большова болѣе десяти копѣекъ, а Большовъ то попрекаетъ его неблагодарностью, то грозитъ ему Сибирью, напоминая, что имъ обоимъ одинъ конецъ, то спрашиваетъ его и дочь, есть ли въ нихъ христіанство, то выражаетъ досаду на себя за то, что опростоволосился, и приводитъ пословицу: сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ,—то, наконецъ, дѣлаетъ юродивое обращеніе къ дочери: „ну, вотъ вы теперь будете богаты, заживете по-барски; по гуляньямъ это, по баламъ,—дьявола тѣшить! А не забудьте вы, Алимпіяда Самсоновна, что есть клѣтки съ желѣзными рѣшотками, сидятъ тамъ бѣдные заключенные... Не забудьте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ". По нашему мнѣнію, Большовъ къ концу пьесы оказывается пошлѣе и ничтожнѣе, нежели во все ея продолженіе. Мы видимъ, что даже несчастіе и заключеніе въ тюрьму нимало не образумило его, не пробудило человѣческихъ чувствъ, и справедливо заключаемъ, что, видно, они ужъ на-вѣкъ въ немъ замерли, что такъ имъ ужъ и спать сномъ непробуднымъ. Онъ и теперь говоритъ, что 25 копѣекъ отдать кредиторамъ — много, да что ужъ дѣлать-то, когда меньше не берутъ. „Потомятъ года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а еще, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ, такъ радъ будешь и полтину дать". Не

явно ли здѣсь комическое безсиліе этой натуры, не могущей ни рѣшиться на смѣлый шагъ, ни выдержать продолжительной борьбы? Не явно ли и нравственное ничтожество этого человѣка, у котораго ни разу во всей пьесѣ не проявлялось чувство законности и сознанія долга? Мало этого: въ его грубой душѣ замерли даже чувства отца и мужа; это мы видѣли и въ первыхъ актахъ пьесы, видимъ и въ послѣднемъ. Горе жены нимало не трогаетъ его, а возмутительная грубость дочери не оскорбляетъ отцовскаго чувства. Олимпіада Самсоновна говоритъ ему: „Я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила,—свѣту не видала; что же, мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?“ Большовъ не находитъ ничего лучшаго сказать на это, какъ только попрекнуть дочь и зятя невольнымъ благодѣяніемъ, которое онъ имъ сдѣлалъ, передавши въ ихъ руки свое имѣніе: „вѣдь я, — говоритъ, — у васъ не милостыню прошу, а свое же добро“. Неужели и это отношеніе отца къ дочери не комично? А мораль, которую выводитъ для себя Большовъ изъ всей своей исторіи,—высшій пунктъ, до котораго могъ онъ подняться въ своемъ нравственномъ развитіи: „не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что есть; а за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ“. Какую степень нравственнаго достоинства указываютъ намъ эти слова! Человѣкъ, потерпѣвшій отъ собственнаго злостнаго банкротства, не находитъ въ этомъ обстоятельствѣ другаго нравственнаго урока, кромѣ сентенціи, что „не нужно гнаться за большимъ, чтобы своего не потерять!“ И черезъ минуту къ этой сентенціи онъ прибавляетъ сожалѣніе, что не умѣлъ ловко обдѣлать дѣльце,—приводитъ пословицу: „сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ“. Какъ сильно выражаются въ этомъ рѣшительныя безсмысленность и нравственное ничтожество этой натуры, которая въ началѣ пьесы могла еще кому-нибудь показаться сильною, судя по тому страху, какой она внушаетъ всѣмъ окружающимъ!...

Но что же въ самомъ дѣлѣ даетъ намъ это лицо комедіи? Неужели смыслъ его ограничивается тѣмъ, что „вотъ, дескать, посмотрите, какіе бываютъ плохіе люди?“ Нѣтъ, этого было бы слишкомъ мало для главнаго лица серьезной комедіи, слишкомъ мало для таланта такого писателя, какъ Островскій. Нравственный смыслъ впечатлѣнія, какое выносишь изъ внимательнаго разсмотрѣнія характера Большова, гораздо глубже. Мы уже имѣли случай замѣтить, что одна изъ отличительныхъ чертъ таланта Островскаго состоитъ въ умѣньи заглянуть въ самую глубь души человѣка и подмѣтить не только образъ его мыслей и поведенія, но самый процессъ его мышленія, самое зарожденіе его желаній. Это самое умѣнье видимъ мы и въ обработкѣ характера Большова, и находимъ, что результатомъ психическихъ наблюденій автора оказалось чрезвычайно гуманное воззрѣніе на самыя, повидимому, мрачныя явленія жизни и глубокое чувство уваженія къ нравственному достоинству человѣческой натуры,—чувство, которое сообщаетъ онъ и своимъ читателямъ. Въ Большовѣ, этомъ злостномъ банкротѣ, мы не видимъ ничего злостнаго, чудовищнаго, ничего такого, за что его слѣдовало бы считать извергомъ. Авторъ сводитъ насъ съ оффиціальной, юридической точки зрѣнія и вводитъ въ самую сущность совершающагося факта, заставляетъ безчестный замыселъ создаваться и расти передъ нашими глазами. И что же мы видимъ въ исторіи этого замысла, столь ужаснаго въ юридическомъ смыслѣ? Ни тѣни сатанинской злобы, ни признака іезуитскаго коварства! Все такъ просто, добродушно, глупо! Самсонъ Силычъ—вовсе не порожденіе ада, а просто грубое животное, въ которомъ смолоду заглушены всѣ симпатическія стороны натуры и не развиты никакія нравственныя понятія. Въ его характерѣ нѣтъ того, что на-

зываютъ личной иниціативой или свободнымъ возбужденіемъ себя къ дѣятельности; онъ живетъ такъ, какъ живется, не разсчитывая и не загадывая много. Самодурствуетъ онъ потому, что встрѣчаетъ въ окружающихъ не твердый отпоръ, а постоянную покорность; надуваетъ и притѣсняетъ другихъ потому, что чувствуетъ только, какъ это ему удобно, но не въ состояніи почувствовать, какъ тяжело это имъ; на банкротство рѣшается онъ потому, что не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ общественномъ значеніи такого поступка. Самый законъ является для него не представителемъ высшей правды, а только внѣшнимъ препятствіемъ, камнемъ, который нужно убрать съ дороги. Самая совѣсть является у него не во внутреннемъ голосѣ, а въ насмѣшкахъ прохожихъ, во взглядѣ на Иверскую, въ опасеніи ссылки въ Сибирь. Короче, — въ Большовѣ вы видите ясно, что его преступная, безобразная дѣятельность происходитъ именно оттого, что въ немъ не воспитанъ человѣкъ. Онъ гадокъ для насъ именно тѣмъ, что въ немъ видно почти полное отсутствіе человѣческихъ элементовъ; и въ то же время онъ пошлъ и смѣшонъ искаженіемъ и тѣхъ зачатковъ человѣчности, какіе были въ его натурѣ. Но эта самая гадость и пошлость, представленная слѣдствіемъ неразвитости натуры, указываетъ намъ необходимость правильнаго, свободнаго развитія и возстановляетъ предъ нами достоинство человѣческой природы, убѣждая насъ, что низости и преступленія не лежатъ въ природѣ человѣка и не могутъ быть удѣломъ естественнаго развитія.

Достиженію этого же результата прекрасно содѣйствуетъ все развитіе пьесы и всѣ остальныя лица, группирующіяся около Большова. Во всей пьесѣ нѣтъ никакихъ особенныхъ махинацій, нѣтъ искусственнаго развитія дѣйствія, въ угоду схоластическимъ теоріямъ и въ ущербъ дѣйствительной простотѣ и жизненности характеровъ. Всѣ лица дѣйствуютъ въ своемъ смыслѣ добросовѣстно и ни одно не впадаетъ въ тонъ мелодрамнаго героя. Достиженію постыдной цѣли не служатъ здѣсь лучшія способности ума и благороднѣйшія силы души въ своемъ высшемъ развитіи; напротивъ, вся пьеса ясно показываетъ, что именно недостатокъ этого развитія и доводитъ людей до такихъ мерзостей. Во всѣхъ лицахъ замѣтно одно человѣческое стремленіе—высвободиться изъ самодурнаго гнета, подъ которымъ всѣ выросли и живутъ. Большовъ внѣшнимъ образомъ избавился отъ него; но слѣды воспитанія, стѣсняющаго мысль и волю, остались и въ немъ на всю жизнь и сдѣлали его безсмысленнымъ деспотомъ. И до того заразителенъ этотъ нелѣпый порядокъ жизни „темнаго царства“, что каждая, самая придавленная личность, какъ только освободится хоть немножко отъ чужаго гнета, такъ и начинаетъ сама стремиться угнетать другихъ. Эти дикія отношенія проведены очень искусно по всей комедіи Островскаго; вотъ почему и сказали мы, что въ ней видимъ цѣлую іерархію самодурства. Въ самомъ дѣлѣ. Большовъ безпрекословно царитъ надъ всѣми. Подхалюзинъ боится хозяина, но уже покрикиваетъ на Ѳоминишну и бьетъ Тишку; Аграфена Кондратьевна, простодушная и даже глуповатая женщина,—какъ огня, боится мужа, но съ Тишкой тоже расправляется довольно энергически, да и на дочь прикрикиваетъ, и если бы была сила, такъ непремѣнно бы сжала ее въ ежовыхъ рукавицахъ. Посмотрите, какъ она расходилась, напримѣръ, во второй сценѣ перваго акта.—„Али ты думаешь,—кричитъ она дочери,—что я не властна надъ тобой приказывать? Говори, безстыжіе твои глаза, съ чего у тебя взглядъ-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть? У меня вѣдь недолго: я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! А! Ахъ, матушки вы мои! Посконный сарафанъ сошью, да вотъ на голову тебѣ и надѣну“.

Липочка огрызается, а Аграфена Кондратьевна повторяетъ: „уступи верхъ матери! словечко пикнешь, такъ языкъ ниже пятокъ пришью“. Но Липочка почерпаетъ для себя силы душевныя въ сознаніи того, что она образованная, и потому мало обращаетъ вниманія на мать и въ распряхъ съ ней всегда остается побѣдительницей: начнетъ ее попрекать, что она не такъ воспитана, да расплачется, мать-то и струситъ, и примется сама же ублажать обиженную дочку. Липочка ясно обнаруживаетъ наклонность къ самому грубому и возмутительному деспотизму. Она говоритъ матери: „Я вижу, что я другихъ образованнѣе; что-жъ мнѣ, потакать вашимъ глупостямъ? Какъ же! Есть оказія!“ А съ Подхалюзинымъ, при помолвкѣ, они уговариваются: „старики почудили на своемъ вѣку,—будетъ, теперь намъ пора“... Одинъ только Тишка не обнаруживаетъ еще никакихъ стремленій къ преобладанію, а напротивъ, служитъ мишенью, въ которую направляются самодурныя замашки цѣлаго дома: „у насъ,—жалуется онъ,—коли не тотъ, такъ другой, коли не самъ, такъ сама задастъ вытрепку; а то вотъ прикащикъ Лазарь, а то вотъ Ѳоминишна, а то вотъ... всякая шваль надъ тобой командуетъ“. Слѣды этого командованья съ безпрестанными вытрепками уже обнаруживаются на Тишкѣ; онъ уже выучился мошенничать и воровать. А когда наворуетъ денегъ побольше, то и самъ, конечно, примется командовать такъ же безпутно и жестоко, какъ и имъ командовали. Его карьера очень искусно обозначена Островскимъ въ немногихъ словахъ, произносимыхъ Тишкою въ сценѣ, гдѣ онъ считаетъ свои деньги, оставшись одинъ. „Полтина серебромъ—это Лазарь далъ (за то, что за водкой сходилъ тихонько); да намедни, какъ съ колокольни упалъ, Аграфена Кондратьевна гривенникъ дала; да четвертакъ въ орлянку выигралъ, да третьевось хозяинъ забылъ на прилавкѣ цѣлковый“. Вотъ источники пріобрѣтенія для Тишки; сбѣгать за водкой, упасть съ колокольни, выиграть, украсть. Какое нравственное чувство разовьется въ немъ при такой жизни? Какъ онъ будетъ сочувствовать страданіямъ другихъ, когда его самого утѣшали гривенничками за то, что онъ съ колокольни упалъ. Ясно, что и изъ него современемъ выйдетъ Подхалюзинъ... Такова ужъ почва этого „темнаго царства“, что на ней другихъ продуктовъ не можетъ вырости!

Но что такое Подхалюзинъ? Вѣдь это сознательный мошенникъ, съ развитыми понятіями! Не составляетъ ли онъ противорѣчія общему впечатлѣнію комедіи, заставляющей насъ признать всѣ преступленія въ этой средѣ слѣдствіемъ темноты разумѣнія и неразвитости человѣческихъ сторонъ характера? Напротивъ, Подхалюзинъ окончательно убѣждаетъ насъ въ вѣрности этого впечатлѣнія. Въ немъ мы видимъ, что онъ именно настолько и сносенъ еще, насколько коснулось его вѣяніе человѣческой идеи. Онъ не очертя голову бросается въ обманъ, онъ обдумываетъ свои предпріятія, и вотъ мы видимъ, что сейчасъ же въ немъ ужъ является и отвращеніе отъ обмана въ нагомъ его видѣ, и стараніе замазать свое мошенничество разными софизмами, и желаніе пріискать для своего плутовства какія-нибудь нравственныя основанія, и въ самомъ обманѣ соблюсти видимую, юридическую добросовѣстность. Есть вещи, о которыхъ онъ вовсе и не думалъ, — какъ, напримѣръ, обмѣриваніе и надуваніе покупателей въ лавкѣ,—такъ тамъ онъ и дѣйствуетъ совершенно равнодушно, безъ зазрѣнія совѣсти. Но когда вышелъ случай необыкновенный, случай попользоваться большимъ кушемъ изъ имѣнія хозяина, тутъ Подхалюзинъ задумался и началъ себя оправдывать. (См. въ комед.).

Видите, что и Подхалюзинъ не извергъ, и онъ совѣсть имѣетъ, только понимаетъ ее по своему. Онъ, какъ и всѣ прочіе, сбитъ съ толку военнымъ положеніемъ всего „темнаго царства“; обманъ свой онъ обдумываетъ, — не

какъ обманъ, а какъ ловкую и въ сущности справедливую, хотя юридически и незаконную штуку; прямой же неправды не любитъ: свахѣ онъ обѣщалъ двѣ тысячи и даетъ ей сто цѣлковыхъ, упираясь на то, что ей не за что давать болѣе. Расположенскому онъ отдаетъ деньги по мелочи, и только уже передавши ему нѣсколько сотъ отказывается отъ дальнѣйшей уплаты, находя, что ему „пора ужъ и честь знать". За самого Большова онъ не вовсе отказывается платить кредиторамъ; но только разсчитываетъ, что 25 копѣекъ — много. Притомъ же въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ видимое основаніе для своего поведенія: онъ помнитъ, что самъ Большовъ говорилъ ему, и ссылается на его же собственныя слова. Отдавая за него дочь, Самсонъ Силычъ беретъ съ Подхалюзина. (Смотр. въ комед.).

Подхалюзинъ очень хорошо вошелъ въ эти соображенія и кротко напоминаетъ ихъ Большову, когда тотъ является къ нему изъ ямы. Претензіи кредиторовъ на 25 коп. онъ не признаетъ справедливою; напротивъ, онъ находитъ, что они „зазнались больно: а не хотятъ ли восемь копѣекъ въ пять лѣтъ". Проникнутый этими мыслями, онъ радушно угощаетъ тестя, вмѣстѣ съ нимъ ругаетъ кредиторовъ, выражаетъ надежду, что „какъ нибудь отдѣлаемся", ибо „Богъ милостивъ"; но заплатить требуемое кредиторами отказывается, потому что они „просятъ цѣну, совсѣмъ несообразную". Съ его точки зрѣнія онъ поступаетъ ничуть не безчестно и не жестоко, а только благоразумно и твердо. Онъ даже выказываетъ значительную степень великодушія, соглашаясь платить за Большова 15 копѣекъ вмѣсто 10, и рѣшаясь даже самъ ѣхать къ кредиторамъ, чтобы ихъ упрашивать. Видно, что онъ не лишенъ даже чувства состраданія и нѣкоторой совѣстливости; но ему все хочется отжилить поболѣе, и онъ надѣется, что авось уладитъ дѣло повыгоднѣе. Здѣсь-то всего болѣе и высказывается въ Подхалюзинѣ мелкій плутъ, образовавшійся вслѣдствіе деспотическаго гнета, тяготѣвшаго надъ нимъ съ малолѣтства. У него нѣтъ и разбойнической рѣшимости отказаться отъ всякой уплаты и бросить все это дѣло Большова на произволъ судьбы, съ тѣмъ чтобы рѣшиться на новыя похожденія съ новыми хлопотами и рискомъ; нѣтъ и умнаго разсчета, отличающаго мошенниковъ высокаго полета и заставляющаго ихъ брать изъ всякой спекуляціи хоть что-нибудь, только бы покончить дѣло. Ловкій мошенникъ большой руки, пустившись на такое дѣло, какъ злостное банкротство, не пропустилъ бы случая отдѣлаться 25 копѣйками за рубль; онъ тотчасъ покончилъ бы всю аферу этой выгодной сдѣлкой, и былъ бы очень доволенъ. Да и какъ же не быть довольнымъ, успѣвши задаромъ получить три четверти чужаго имѣнія? Кромѣ русскаго доморощеннаго плута, всякій удовлетворился бы такимъ результатомъ. Настоящій мошенникъ, по призванію посвятившій себя этой спеціальности, не старается изъ каждаго обмана вытянуть и выторговать себѣ фортуну, не возится изъ-за гроша съ аферой, которая доставила уже рубли; онъ знаетъ, что за теперешней спекуляціей ожидаетъ его другая, за другой представится третья, и т. д., и потому онъ спѣшитъ обдѣлывать одно дѣло, чтобы, взявши съ него, что можно, перейти къ другому. Совсѣмъ не такъ поступаетъ нашъ мелкій плутъ, порожденный и возращенный безсмысленнымъ гнетомъ самодурства. Въ немъ нѣтъ именно этой размашистости, которой такъ всѣ восхищаются почему-то въ русскомъ человѣкѣ, но зато много безтолковаго сквалыжничества. Въ поступкѣ Подхалюзина могутъ видѣть нѣкоторые тоже широту русской натуры: „вотъ, дескать, какой—коли брать и изъ чужаго добра, такъ ужъ забирай больше, бери не три-четверти, а девять-десятыхъ..." Но въ самомъ-то дѣлѣ Подхалюзинъ выказываетъ здѣсь именно отсутствіе предпріимчивости и увѣренности въ себѣ. Онъ пользуется своимъ обманомъ, какъ находкой, кото-

рая разъ попалась, а въ другой разъ и не попадется, пожалуй. Поэтому-то онъ и не разстается съ своей аферой, все выжидая, — нельзя ли изъ нея еще чего-нибудь вытянуть: не даромъ же онъ рисковалъ въ самомъ дѣлѣ! Ему такъ непривыченъ, такъ тяжелъ всякій рискъ, что онъ боится и думать о вторичной попыткѣ подобнаго рода... Теперь ему только бы устроиться, а тамъ онъ пойдетъ ужъ на мелкіе обманы, какъ и обѣщается въ заключительномъ обращеніи къ публикѣ, по первому изданію комедіи: „а вотъ мы магазинчикъ открываемъ! Милости просимъ: малаго ребенка пришлите, — въ луковицѣ не обочтемъ-съ“. Это значитъ, что онъ удовольствуется той практикой, которую прежде объяснялъ прикащикамъ Большова... Развѣ опять подойдетъ линія, гдѣ будетъ что-нибудь плохо лежать: тутъ онъ и побольше стянетъ себѣ, что успѣетъ.

Такимъ образомъ и Подхалюзинъ не представляетъ собою изверга, не есть квинтъ-эссенція всѣхъ мерзостей. Всего гаже онъ въ той сценѣ, гдѣ онъ плачетъ передъ Большовымъ, увѣряя его въ своей привязанности и пр. Но вѣдь тутъ онъ подмазывается къ Самсону Силычу не столько изъ корысти, сколько для того, чтобы выманить у старика обѣщаніе выдать за него Липочку, которую, — надо замѣтить, — Подхалюзинъ любитъ сильно и искренно... Онъ это ясно доказываетъ своимъ обращеніемъ съ ней въ четвертомъ актѣ, т. е. когда она уже сдѣлалась его женой... А для любви такія ли хитрости прощаемъ мы самымъ нравственнымъ героямъ, въ самыхъ романическихъ исторіяхъ.

Нечего распространяться о томъ, что общему впечатлѣнію пьесы нимало не вредитъ и Липочка, при всей своей нравственной уродливости. Находятъ, что ея обращеніе съ матерью и потомъ сцена съ отцомъ въ послѣднемъ актѣ — переходятъ предѣлы комическаго, какъ слишкомъ омерзительныя. Намъ вовсе это не кажется, потому что мы не можемъ признать святости кровныхъ отношеній въ такомъ семействѣ, какъ у Большова. На Липочкѣ тоже видна печать домашняго деспотизма; только при немъ образуются эти черствыя, бездушныя натуры, эти холодныя, отталкивающія отношенія къ роднымъ; только при немъ возможно такое совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго смысла, какое замѣчается у Липочки. А за исключеніемъ того, что осталось въ Липочкѣ, какъ слѣдъ давившаго ее деспотизма, она ни чуть не хуже бо́льшей части нашихъ барышень, не только въ купеческомъ, но даже и въ дворянскомъ сословіи. Многія ли изъ нихъ не наполняютъ всей своей жизни одной внѣшностью, не утѣшаются въ горѣ нарядами, не забываются за танцами, не мечтаютъ объ офицерахъ? Если я на своемъ вѣку имѣлъ разговоръ съ тремя образованными барышнями, то отъ двухъ изъ нихъ ужъ, конечно, слышалъ я повтореніе извѣстнаго монолога Липочки: „то ли дѣло отличаться съ военными! Ахъ, прелесть, восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Ужъ какое же есть сравненіе, — военный или штатскій? Военный ужъ сейчасъ видно: и ловкость, и все; а штатскій что? Такъ, какой-то неодушевленный...“ Какъ же можно барышень, произносящихъ такіе монологи, серьезно обвинять за что-нибудь? Не ясно ли, что Липочка все, что ни сдѣлаетъ, сдѣлаетъ по совершенной неразвитости нравственной и умственной, а никакъ не по злонамѣренности или природному звѣрству? Чѣмъ же возмущаться въ личности этой несчастной?

Вообще, чѣмъ можно возмущаться въ „Своихъ людяхъ?“ Не людьми и не частными ихъ поступками, а развѣ тѣмъ печальнымъ безсмысліемъ, которое тяготѣетъ надъ всѣмъ ихъ бытомъ. Люди, какъ мы видѣли, показаны намъ въ комедіи съ человѣческой, а не съ юридической стороны, и потому впечатлѣніе самыхъ ихъ преступленій смягчается для насъ: оффи-

ціальнымъ образомъ мы видимъ здѣсь злостнаго банкрота, еще болѣе злостнаго прикащика, ограбившаго своего хозяина, ехидную дочь, хладнокровно отправляющую въ острогъ своего отца, — и всѣ эти лица мы клеймимъ именами злодѣевъ и изверговъ. Но авторъ комедіи вводитъ насъ въ самый домашній бытъ этихъ людей, раскрываетъ передъ нами ихъ душу, передаетъ ихъ логику, ихъ взглядъ на вещи, и мы невольно убѣждаемся, что тутъ нѣтъ ни злодѣевъ, ни изверговъ, а всѣ люди очень обыкновенные, какъ всѣ люди, и что преступленія, поразившія насъ, суть вовсе не слѣдствія исключительныхъ натуръ, по своей сущности наклонныхъ къ злодѣйству, а просто неизбѣжные результаты тѣхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ начинается и проходитъ жизнь людей, обвиняемыхъ нами. Слѣдствіемъ такого убѣжденія является въ насъ уваженіе къ человѣческой натурѣ и личности вообще, смѣхъ и презрѣніе въ отношеніи къ тѣмъ уродливымъ личностямъ, которыя дѣйствуютъ въ комедіи и въ оффиціальномъ смыслѣ внушаютъ ужасъ и омерзѣніе, и, наконецъ, глубокая, непримиримая ненависть къ тѣмъ вліяніямъ, которыя такъ задерживаютъ и искажаютъ нормальное развитіе личности. Затѣмъ, мы прямо переходимъ къ вопросу: что же это за вліянія, и какимъ образомъ они дѣйствуютъ? Комедія ясно говоритъ намъ, что всѣ вредныя вліянія состоятъ здѣсь въ дикомъ, безправномъ самовольствѣ однихъ надъ другими. Самый способъ дѣйствія этихъ вліяній объясняется намъ изъ комедіи очень просто. Мы видѣли, что Большовъ вовсе не сильная натура, что онъ не способенъ къ продолжительной борьбѣ, да и вообще не любитъ хлопотъ; видѣли мы также, что Подхалюзинъ — человѣкъ смѣтливый и вовсе не привязанный къ своему хозяину; видѣли, что и всѣ домашніе не очень-то расположены къ Самсону Силычу, кромѣ развѣ жены его, совершенно ничтожной и глупой старухи. Что же мѣшаетъ имъ составить открытую оппозицію противъ неистовства Большова? То, что они матеріально зависятъ отъ него, ихъ благосостояніе связано съ его благосостояніемъ? Но въ такомъ случаѣ отчего Подхалюзинъ, радѣя о пользахъ хозяина, не удерживаетъ его отъ опаснаго шага, на который тотъ рѣшается по неразумію, „такъ, для препровожденія времени“? Потому, конечно, что Подхалюзинъ самъ надѣется нагрѣть руки? Да, — но здѣсь-то и раскрывается въ полной силѣ весь ужасъ нелѣпыхъ отношеній, изображенныхъ намъ въ „Своихъ людяхъ“. Видите, здѣсь дѣло не въ личности самодура, угнетающаго свою семью и всѣхъ окружающихъ. Онъ безсиленъ и ничтоженъ самъ по себѣ; его можно обмануть, устранить, засадить въ яму наконецъ... Но дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ его не исчезаетъ самодурство. Оно дѣйствуетъ заразительно, и сѣмена его западаютъ въ тѣхъ самыхъ, которые отъ него страдаютъ. Безправное, оно подрываетъ довѣріе къ праву; темное и ложное въ своей основѣ, оно гонитъ прочь всякій лучъ истины; безсмысленное и капризное, оно убиваетъ здравый смыслъ и всякую способность къ разумной цѣлесообразной дѣятельности; грубое и гнетущее, оно разрушаетъ всѣ связи любви и довѣренности, уничтожаетъ даже довѣріе къ самому себѣ и отучаетъ отъ честной, открытой дѣятельности. Вотъ чѣмъ именно и опасно оно для общества! Самодура уничтожить было бы нетрудно, еслибъ энергически принялись за это честные люди. Но бѣда въ томъ, что подъ вліяніемъ самодурства самые честные люди мельчаютъ и истомляются въ рабской бездѣятельности, а дѣломъ занимаются только люди, въ которыхъ собственно человѣчныя стороны характера наименѣе развиты. И дѣятельность этихъ людей, вслѣдствіе совершеннаго извращенія ихъ понятій подъ вліяніемъ самодурства, имѣетъ тоже характеръ мелкій, частный и грубо-эгоистическій. Цѣль ихъ не та, чтобы уничтожить самодурство, отъ котораго они такъ страдаютъ,

а та, чтобы только какъ-нибудь повалить самодура и самимъ занять его мѣсто. И вотъ — Большовъ угодилъ въ яму, и вмѣсто него явился Подхалюзинъ — и благоденствуетъ на тѣхъ же правахъ. — Таковы общіе выводы, представляемые намъ комедіею „Свои люди — сочтемся“.

ИЗЪ КОМЕДІИ: „БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ“.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ купца Торцова, во время святокъ.

У купца Торцова живетъ въ прикащикахъ Митя, бѣдный человѣкъ, у котораго ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ далеко неравнодушенъ къ дочери своего хозяина, Любови Гордѣевнѣ, а она—къ нему. Они бы съ удовольствіемъ, какъ говорится, соединились законнымъ бракомъ, если бы этому дѣлу не мѣшали, съ одной стороны, гордость Торцова, Гордѣя Карпыча, отца Любы, а съ другой стороны — богатый фабрикантъ, Африканъ Савичъ Коршуновъ, шестидесятилѣтній вдовецъ. Послѣднее не остановитъ Торцова выдать дочь свою за только что названнаго жениха: онъ, главное, богатъ, потомъ — Люба будетъ жить барыней въ Москвѣ, ѣздить въ экипажѣ и т. д.

Митя въ обществѣ хозяйскаго племянника (Гуслина) и молодого богатаго купчика (Разлюляева) отводитъ душу въ пѣсняхъ. Разъ ихъ и накрылъ Гордѣй Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ. Что распѣлись! Горланятъ, точно мужичье! (*Митѣ*). И ты туда жъ! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что за полпивная! Чтобъ у меня этого не было впередъ. (*Подходитъ къ столу и разсматриваетъ бумаги*). Что бумаги-то разбросалъ!..

Митя. Это я счета провѣрялъ-съ.

Гордѣй Карпычъ. (*Беретъ книгу, Кольцова, и тетрадь со стихами*). А это еще что за глупости?

Митя. Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія г. Кольцова переписываю.

Гордѣй Карпычъ. Какія нѣжности при нашей бѣдности!

Митя. Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе.

Гордѣй Карпычъ. Образованіе! Знаешь ли ты, что такое образованіе?... А еще туда же разговариваетъ! Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ! Вѣдь къ намъ на верхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?

Митя. Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять.

Гордѣй Карпычъ. Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана; чай, сама хлѣвы затворяла.

Митя. Ужъ пущай же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается.

Гордѣй Карпычъ. Да вѣдь безобразно! Ужъ коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нечего о себѣ мечтать! Стихи пишетъ, образовать себя хочетъ, а самъ какъ фабричный ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть? То-то глупо-то! (*Сквозь зубы и косясь на Митю*). Дуракъ! (*Помолчавъ*). Ты и не смѣй показываться въ этомъ сюртучишкѣ на верхъ. Слышишь, я тебѣ говорю!

Въ домѣ Гордѣя Карпыча устроилось веселье: пришли ряженые... пѣсни, пляска, игры. Въ это время какъ разъ является Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ.

Гордѣй Карпычъ (*къ ряженымъ*). Это что за сволочь!.. Вонъ! (*Къ женѣ.*) Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (*Тихо*). Зарѣзала ты меня. Мнѣ конфузно передъ тобою! Но ты не заключай изъ этого (т. е. что у него ряженые... пѣсни и проч.) про наше необразованіе — вотъ все жена. Никакъ не могу вбить ей въ голову. (*Къ женѣ.*) Сколько разъ говорилъ я тебѣ: — хочешь сдѣлать у себя вечеръ, позови музыкантовъ, чтобы это было во всей формѣ. Кажется, тебѣ ни въ чемъ отказу нѣтъ.

Пелагея Егоровна наливаетъ Коршунову мадеры.

Гордѣй Карпычъ (*строго*). Жена! Съ ума что-ль сошла въ самомъ дѣлѣ? Не видывалъ Африканъ Савичъ твоей мадеры-то! Шемпанскаго вели подать... полдюжины... да проворнѣй. Да вели зажечь свѣчи въ гостиной, что новая небель поставлена. Тамъ совсѣмъ другой ефектъ будетъ.

Пелагея Егоровна идетъ распорядиться. Двѣ гостьи уходятъ. Гордѣй Карпычъ, по просьбѣ Коршунова, объясняетъ пріѣздъ послѣдняго.

Гордѣй Карпычъ. Я тебѣ, жена, давно говорилъ, что мнѣ въ здѣшнемъ городѣ жить надоѣло, потому на каждомъ шагу здѣсь можешь ты видѣть какъ есть одно невѣжество и необразованіе. Для того я хочу переѣхать отселева въ Москву. А у насъ тамъ будетъ не чужой человѣкъ, — будетъ зятюшка Африканъ Савичъ.

Пелагея Егоровна. Ахъ, ахъ, что вы?

Коршуновъ. А ужъ мы, Пелагея Егоровна, по рукамъ ударили... Что вы такъ испугались, я ее не съѣмъ.

Пелагея Егоровна. Ахъ, ахъ, батюшки! (*Хватаетъ дочь*). Моя дочь! Не отдамъ!

Гордѣй Карпычъ. Жена!

Пелагея Егоровна. Батюшка, Гордѣй Карпычъ, не шути надъ материнскимъ сердцемъ!.. Перестань!.. Истомилъ всю душу.

Гордѣй Карпычъ. Жена, ты меня знаешь!... Ты, Африканъ Савичъ, не безпокойся: у меня сказано—сдѣлано.

Коршуновъ. Обѣщалъ, такъ держи слово.

Любовь Гордѣевна (*подходитъ къ отцу*). Тятенька! Я изъ вашей воли ни на шагъ не выйду. Пожалѣй ты меня бѣдную, не губи мою молодость!..

Гордѣй Карпычъ. Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по-барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло— ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши; а другое дѣло — я такъ приказываю.

Любовь Гордѣевна. Я приказу твоего не смѣю ослушаться. Тятенька! (*Кланяется въ ноги*). Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что хочешь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужъ идти за немилаго!..

Гордѣй Карпычъ. Я своего слова назадъ не беру. (*Встаетъ*).

Любовь Гордѣевна. Твоя воля, батюшка! (*Кланяется и отходитъ къ матери*).

Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ уходятъ въ гостиную. Пьютъ они потомъ ужъ въ другой комнатѣ.

Гордѣй Карпычъ (*смотря на Коршунова*)... Можешь ты меня теперь понимать?

Коршуновъ. Какъ не понимать.

Гордѣй Карпычъ. Вотъ мы теперь подгуляли маненько, такъ ты мнѣ скажи, что я за человѣкъ? Могутъ ли меня здѣсь оцѣнить?

Коршуновъ. Гдѣ же имъ оцѣнить.

Гордѣй Карпычъ. Нѣтъ, ты вотъ что скажи: все у меня въ порядкѣ? Въ другомъ мѣстѣ, за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыянтъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыянтъ, онъ ученый, изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что дѣлать. А у другихъ что! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ. Да и пьютъ-то что, по необразованію своему!—Наливки тамъ, вишневки разныя... а не понимаютъ они того, что на это есть шампанское! Охъ, еслибъ мнѣ въ Москвѣ, али бы въ Питербурхѣ, я бы, кажется, всякую моду подражалъ.

Коршуновъ. Неужто всякую?

Гордѣй Карпычъ. Всякую. Сколько бъ хватило моего капиталу, а ужъ себя-бъ не уронилъ. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то женихъ-то, вѣдь, онъ московскій, пожалуй, осудитъ. Ты, чай, и ходить-то не умѣешь, и говорить-то не понимаешь, гдѣ что слѣдуетъ.

Любовь Гордѣевна. Я, тятенька, говорю, что чувствую; я въ пансіонѣ не училась.

Гордѣй Карпычъ. Такъ-то, зятюшка! Вотъ и пусть ихъ знаютъ, каковъ Гордѣй Карпычъ Торцовъ!

Въ комнатѣ, гдѣ гости у Торцова, явился родной братъ его, Любимъ Карпычъ, промотавшійся купецъ, по милости, между прочимъ, Коршунова, который, по старому знакомству, хочетъ дать Любиму Карпычу цѣлковенькій.

Любимъ Карпычъ. Тсс... Тутъ не цѣлковымъ пахнетъ! Отдай старый долгъ, а за племянницу милліонъ триста тысячъ!.. Дешевле не отдамъ.

Гордѣй Карпычъ гонитъ брата вонъ; не тутъ-то было: Любимъ Карпычъ прямо въ глаза Коршунову передъ всѣми высказываетъ, что онъ, Коршуновъ, за человѣкъ: грабилъ бѣдныхъ, чужой вѣкъ заѣдалъ, ревностью замучилъ жену... и потомъ самъ уходитъ.

Коршуновъ (*принужденно хохочетъ*). Такъ этакой-то у тебя порядокъ въ домѣ! Этакія ты моды завелъ: у тебя пьяные (на счетъ Любима) гостей обижаютъ. Хе, хе, хе! Я, говоритъ, въ Москву поѣду, меня здѣсь не понимаютъ. Въ Москвѣ-то ужъ такіе дураки повывелись, тамъ смѣются надъ ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нѣтъ, шалишь, я даромъ себя обидѣть не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ да покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ.

Гордѣй Карпычъ. Я къ тебѣ пойду кланяться?

Коршуновъ. Пойдешь. я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только-бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое! Хе, хе, хе!..

Гордѣй Карпычъ. Опосля этого, когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ. Съ деньгами, что̀ я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ... (*Входитъ Митя и останавливается въ дверяхъ*).

Митя. Что такое за шумъ-съ?

Гордѣй Карпычъ. Вотъ за Митьку отдамъ!

Митя. Чего-съ

Гордѣй Карпычъ. Молчи! Да... за Митьку отдамъ... завтра же! Да такую свадьбу задамъ, что ты и не видывалъ: изъ Москвы музыкантовъ выпишу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.

Коршуновъ уходитъ съ надеждой, что Гордѣй Карпычъ придетъ къ нему прощенья просить.

Митя готовъ: онъ уже взялъ за руку Любовь Гордѣевну и проситъ ея отца благословить ихъ...

Гордѣй Карпычъ. Ты ужъ и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что она, ровня что-ль тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь, вспомни!

Митя въ отвѣтъ говоритъ только, что онъ душою полюбилъ Любовь Гордѣевну.

Гордѣй Карпычъ. Какъ, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней, вѣдь, денегъ много, такъ тебѣ, голому-то, на голодные зубы хорошо.

Митя. Для меня столь обидно отъ васъ это слышать, что я не имѣю словъ-съ. Лучше молчать. (*Отходитъ*). Извольте, Любовь Гордѣевна, вы говорить-съ.

Она проситъ отца отдать ее за Митю. Мать—тоже. За Любовь Гордѣевну и Любимъ Карпычъ. Вотъ его послѣднія слова: ...Что онъ (Митя) бѣденъ-то! — Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ.

Пелагея Егоровна. Гордѣй Карпычъ, неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?

Гордѣй Карпычъ (*утираетъ слезу*). А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ?! Ну, братъ, (къ Любиму) спасибо, что на умъ наставилъ, а то бы свихнулся совсѣмъ. Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія. (*Обнимаетъ Митю и дочь*). Ну, дѣти, скажите спасибо дядѣ Любиму Карпычу да живите счастливо. (*Пелагея Егоровна обнимаетъ дѣтей*).

ИЗЪ СТАТЬИ ДОБРОЛЮБОВА: „ТЕМНОЕ ЦАРСТВО".

II.

Въ Гордѣѣ Торцовѣ является намъ новый оттѣнокъ, новый видъ самодурства: здѣсь мы видимъ, какимъ образомъ воспринимается самодуромъ образованность, т. е. тѣ случайныя и ничтожныя формы ея, которыя единственно и доступны его разумѣнію. Объ этомъ мы и поговоримъ теперь.

Самодурство и образованіе—вещи, сами по себѣ противоположныя, и потому столкновеніе между ними, очевидно, должно кончиться подчиненіемъ одного другому: или самодуръ проникнется началами образованности, и тогда перестанетъ быть самодуромъ, или онъ образованіе сдѣлаетъ слугою своей прихоти, причемъ, разумѣется, останется прежнимъ невѣждою. Послѣднее произошло съ Гордѣемъ Карпычемъ, какъ бываетъ почти со всѣми самодурами. Онъ никакъ не предполагаетъ, что первый шагъ къ образованности дѣлается подчиненіемъ своего произвола требованіямъ разсудка и уваженіемъ тѣхъ же требованій въ другихъ. Ему, напротивъ, кажется, что всякая образованность, всякая логика существуетъ только затѣмъ, чтобы служить къ совершеннѣйшему исполненію его прихотей. Оттого онъ и понимаетъ только грубо-матеріальную, чисто-внѣшнюю сторону образованія. „Что они, говоритъ, пьютъ-то по необразованію своему! Наливки тамъ, вишневки разныя,—а не понимаютъ того, что на это есть шампанское!" „А за столомъ-то какое невѣжество: молодецъ въ поддевкѣ прислуживаетъ, либо дѣвка!" „Я, говоритъ, въ здѣшнемъ городѣ только и вижу невѣжество да необразованіе; для того и хочу въ Москву переѣхать, и буду тамъ моду всякую подражать". Находя, что въ этомъ-то подражаніи и состоитъ образованность, онъ пристаетъ къ женѣ, чтобы та на старости лѣтъ надѣла чепчикъ вмѣсто головки, задавала модные вечера съ музыкантами, отстала

отъ всѣхъ своихъ старыхъ привычекъ. Но онъ не видитъ никакой надобности измѣнить свои отношенія къ домашнимъ, дать здравому смыслу хоть какое-нибудь участіе въ своемъ семейномъ бытѣ. Требовательность Гордѣя Карпыча стала больше, а простора для дѣятельности всѣхъ окружающихъ онъ не даетъ по прежнему. Жена жалуется, что съ нимъ „нельзя сговорить, при его крутомъ-то характерѣ", особенно послѣ того, какъ перенялъ эту образованность. „То все-таки разсудокъ имѣлъ, — говоритъ про него Пелагея Егоровна,—а тутъ ужъ совсѣмъ у него помутилось"... Даже о судьбѣ дочери жена не смѣетъ ничего сказать ему: „смотритъ звѣремъ, ни словечка не скажетъ,—точно я и не мать... Да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего"... Отношенія Гордѣя Карпыча ко всѣмъ домашнимъ тоже грубы и притѣснительны въ высшей степени. Отъ дочери онъ только и требуетъ, чтобы изъ его воли не смѣла выходить. На просьбу ея—не выдавать ее за Коршунова, онъ отвѣчаетъ: ты, дура, сама не понимаешь своего счастья... Одно дѣло—ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши: а другое дѣло—я такъ приказываю". И дочь отвѣчаетъ: „я приказу твоего не смѣю ослушаться". Прикащика Митю Гордѣй Карпычъ ругаетъ безцеремонно и совершенно напрасно. Узнавши, что онъ посылаетъ матери деньги, Торцовъ замѣчаетъ: „Себя-то бы образилъ прежде: матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана; сама, чай, хлѣвы затворяла..." Въ глазахъ Гордѣя Карпыча это большое преступленіе: матери деньги посылаетъ человѣкъ, а себѣ сюртука новаго не сошьетъ!.. А между тѣмъ Торцовъ и не думаетъ прибавить жалованья усердному прикащику, на что даже самъ кроткій Митя жалуется: жалованье маленькое отъ Гордѣя Карпыча, все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ..." Вообще—грубость и необузданность, безпрестанно и очень сильно проявляются въ Гордѣѣ Карпычѣ. Входя въ комнату прикащиковъ, которые поютъ пѣсни, онъ кричитъ: „Что распѣлись! Горланятъ, точно мужичье!.." и начинаетъ ругаться... Во второмъ актѣ, когда Пелагея Егоровна устроила вечеринку и позвала ряженыхъ, вдругъ вбѣгаетъ Арина, говоритъ: „самъ пріѣхалъ",—и всѣ присутствующіе встаютъ въ перепугѣ. Гордѣй Карпычъ входитъ и дѣйствительно — здоровается съ женой и гостями слѣдующимъ привѣтствіемъ: „Это что за сволочь! Вонъ!.. Жена, принимай гостя!.." Гость этотъ—Африканъ Савичъ, и онъ-то ужъ сдерживаетъ нѣсколько порывы гнѣва Гордѣя Карпыча. Ясно, что даже та внѣшность образованія, которая выражается въ манерахъ и приличіяхъ, не далась Гордѣю Карпычу. Онъ могъ надѣть новый костюмъ, завести новую „небель", пристраститься къ „шемпанскому"; но въ своей личности, въ характерѣ, даже во внѣшней манерѣ обращенія съ людьми—онъ не хотѣлъ ничего измѣнить.

Во всѣхъ своихъ привычкахъ онъ остался вѣренъ своей самодурной натурѣ, и въ немъ мы видимъ довольно любопытный образчикъ того, какимъ манеромъ на всякаго самодура дѣйствуетъ образованіе. Казалось бы, человѣкъ попалъ на хорошую дорогу: созналъ недостатки того образа жизни, какой велъ доселѣ, исполнился негодованіемъ противъ невѣжества, понялъ превосходство образованности вообще... Утѣшительное явленіе! Положимъ, что все это въ немъ еще смутно, слабо, невѣрно; но все-таки начало сдѣлано, застой потревоженъ, дѣятельность получила новое направленіе... Быть можетъ, онъ пойдетъ и дальше по этому пути, и нравъ его смягчится, вся жизнь приметъ новый характеръ... Нѣтъ, не дожидайтесь... Во всякомъ другомъ образованіе возбуждаетъ симпатическія стремленія, смягчаетъ характеръ, развиваетъ уваженіе къ началамъ справедливости и т. д. Но въ

самодурѣ само просвѣщеніе, сама логика, сама добродѣтель — принимаетъ свой дикій и безобразный видъ. Отправляясь отъ той точки, что его произволъ долженъ быть закономъ для всѣхъ и для всего, самодуръ радъ воспользоваться тѣмъ, что просвѣщеніе приготовило для удобствъ человѣка, радъ требовать отъ другихъ, чтобъ его воля выполнялась лучше, сообразно съ успѣхами разныхъ знаній, съ введеніемъ новыхъ изобрѣтеній и пр. Но только на этомъ онъ и остановится. Не ждите, чтобъ онъ самъ на себя наложилъ какія-нибудь ограниченія, вслѣдствіе сознанія новыхъ требованій образованности; не думайте даже, чтобъ онъ могъ проникнуться серьезнымъ уваженіемъ къ законамъ разума и къ выводамъ науки: это вовсе не сообразно съ натурою самодурства.

Нѣтъ, онъ постоянно будетъ смотрѣть свысока на людей мысли и знанія, какъ на чернорабочихъ, обязанныхъ приготовлять матеріалъ для удобствъ его произвола; онъ постоянно будетъ отыскивать въ новыхъ успѣхахъ образованности предлоги для предъявленія новыхъ правъ своихъ, но никогда не дойдетъ до сознанія обязанностей, налагаемыхъ на него тѣми же успѣхами образованности. Иначе и не можетъ онъ поступать, не переставая быть самодуромъ, такъ какъ первое требованіе образованности въ томъ именно и состоитъ, чтобы отказаться отъ самодурства. А отказаться отъ самодурства для какого нибудь Гордѣя Карпыча Торцова значитъ—обратиться въ полное ничтожество. И вотъ онъ тѣшится надъ всѣми окружающими: колетъ имъ глаза ихъ невѣжествомъ и преслѣдуетъ за всякое обнаруженіе ими знанія и здраваго смысла. Онъ узналъ, что образованныя дѣвушки хорошо говорятъ, и упрекаетъ дочь, что та говорить не умѣетъ; но чуть она заговорила, кричитъ: „молчи, дура!“ Увидѣлъ онъ, что образованные прикащики хорошо одѣваются, и сердится на Митю, что у того сюртукъ плохъ; но жалованьишко продолжаетъ давать ему самое ничтожное... Такъ точно и во всей своей жизни—онъ умѣетъ извлечь изъ претензій на образованность только увеличеніе требованій и правъ своихъ, но никакъ не расширеніе своихъ собственныхъ обязанностей... Такова ужъ сущность этого милаго свойства, которое такъ мѣтко названо у Островскаго самодурствомъ! Въ раскрытіи этого-то отношенія самодурства къ образованности заключается для насъ главный интересъ лица Гордѣя Карпыча. Мы вовсе не понимаемъ, какимъ образомъ нѣкоторые критики могли вывести, что въ этомъ лицѣ и вообще въ комедіи „Бѣдность не порокъ“ Островскій хотѣлъ показать вредное дѣйствіе новыхъ понятій на старый русскій бытъ... Изъ всей комедіи ясно, что Гордѣй Карпычъ сталъ такимъ грубымъ, страшнымъ и нелѣпымъ—не съ тѣхъ поръ только, какъ съѣздилъ въ Москву и перенялъ новую моду. Онъ и прежде былъ въ сущности такой же самодуръ; теперь только прибавилось у него нѣсколько новыхъ требованій.

Подъ вліяніемъ такого человѣка и такихъ отношеній развиваются кроткія натуры Любови Гордѣевны и Мити, представляющія собою образецъ того, до чего можетъ доходить обезличеніе и до какой совершенной неспособности къ самобытной дѣятельности доводитъ угнетеніе даже самую симпатичную, самоотверженную натуру. Митя способенъ къ жертвамъ: онъ самъ терпитъ нужду, чтобы только помогать своей матери; онъ сноситъ всѣ грубости Гордѣя Карпыча и не хочетъ отходить отъ него, изъ любви къ его дочери; онъ, несмотря на гнѣвъ хозяина, пригрѣваетъ въ своей комнатѣ Любима Торцова и даетъ ему даже денегъ на похмѣлье. Словомъ, у Мити такъ много самоотверженія, что, кажется, ему всякія жертвы, всякія опасности должны быть нипочемъ... Не меньшей добротой отличается и Любовь Гордѣевна. А ужъ какъ она любитъ Митю, — этого и сказать

нельзя; кажется, душу бы за него отдала съ радостью... Будь это люди нормальные, съ свободной волей и хоть съ нѣкоторой энергіей,—ничто не могло бы разлучить ихъ, или, по крайней мѣрѣ, разлука эта не обошлась бы безъ тяжелой и страшной борьбы. Но посмотрите, какъ разыгрывается вся исторія въ семействѣ Торцова. При самомъ объясненіи въ любви, собираясь просить благословенія у отца, Любовь Гордѣевна говоритъ Митѣ: „А ну, какъ тятенька не захочетъ нашего счастія,—что тогда?“ Митя отвѣчаетъ: „Что загадывать впередъ? Тамъ—какъ Богъ дастъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь“. Любочка ничего не находитъ отвѣтить на эти слова. Какъ ясно рисуется здѣсь безсиліе и забитость молодыхъ людей! Они боятся даже подумать о какомъ-нибудь самостоятельномъ шагѣ, стараются прогнать отъ себя даже мысль о предстоящихъ препятствіяхъ. Она съ ужасомъ говоритъ: „что будетъ, если тятенька не согласится?“ а онъ вмѣсто отвѣта: „Какъ Богъ дастъ!..“ Ясно, что они не въ состояніи исполнить своихъ намѣреній, если встрѣтятъ хоть малѣйшее препятствіе. И дѣйствительно, — въ этотъ самый вечеръ является Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ, приказываетъ дочери ласкать и цѣловать его, и объявляетъ, что это ея женихъ. Пелагея Егоровна приходитъ въ ужасъ и въ какомъ-то безсознательномъ горѣ кричитъ, схватывая дочь за руки: „Моя дочь, не отдамъ! батюшка Гордѣй Карпычъ, не шути надъ материнскимъ сердцемъ! перестань... истомилъ всю душу“. Но Гордѣй Карпычъ грозно вопіетъ: „Жена! ты меня знаешь: у меня сказано — сдѣлано“, — и жена умолкаетъ. Начинаетъ теперь дочь свою оппозицію. Начинаетъ она тѣмъ, что падаетъ отцу въ ноги и говоритъ: „Тятенька! я приказа твоего не смѣю ослушаться... Тятенька, не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь! Передумай, тятенька! Что хочешь, меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца за-мужъ идти за немилаго“. Кончается же оппозиція тѣмъ, что на суровый отказъ отца невѣста отвѣчаетъ: „Воля твоя, батюшка“, кланяется и отходитъ къ матери, а Коршуновъ велитъ дѣвушкамъ пѣть свадебную пѣсню... Борьба оказалась не очень упорною и продолжительною; но даже и такое проявленіе личныхъ своихъ желаній очень много значитъ въ Любови Гордѣевнѣ. Только крайность огорченія, только тяжелая душевная мука могла заставить ее раскрыть ротъ для произнесенія словъ, несогласныхъ съ волею родителя. Но и тутъ — какія слова: „передумай!“ „не захоти!“ Какое жалкое положеніе: не имѣть даже ни малѣйшаго помышленія о возможности сдѣлать что-нибудь самому, полагать всю надежду на чужое рѣшеніе, на чужую милость, въ то время, какъ намъ грозитъ кровная бѣда!... Каково должно быть извращеніе человѣческой природы въ этомъ ужасномъ семействѣ, когда даже чувство самосохраненія принимаетъ здѣсь столь рабскую форму!

И вѣдь если бы еще въ самомъ дѣлѣ сила неодолимая, натура высшаго разряда тяготѣла надъ этими несчастными! А то вовсе нѣтъ!... Гордѣй Карпычъ не только крайне ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще и трусливъ, и слабодушенъ. Это опять-таки — неотъемлемое, неизбѣжное свойство самодурства. Самодуръ дуритъ, ломается, артачится, пока не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія, или пока противодѣйствіе робко и нерѣшительно... Но у него нѣтъ такой точки опоры, которая могла бы поддержать его въ серьезной и продолжительной борьбѣ. Онъ требуетъ и приказываетъ, но самъ хорошенько не понимаетъ—ни настоящаго смысла своихъ приказаній, ни того, на чемъ они основаны... Кромѣ того, въ немъ есть всегда неопредѣленный, смутный страхъ за свои права: онъ чувствуетъ, что многихъ своихъ претензій не можетъ оправдать никакимъ правомъ, никакимъ общимъ закономъ... Боясь, чтобы другіе этого не примѣтили, онъ употреб-

ляетъ обыкновенную мѣру—запугиванье. Извѣстно, какъ скрывается подъ этой мѣрою всякая ничтожность, фальшь, нечистота, словомъ — несостоятельность всякаго рода. Учитель, не довольно свѣдущій, старается быть строже съ учениками, чтобы тѣ его не распрашивали ни о чемъ. Начальникъ, не понимающій дѣла или нечистый на руку, старается напустить на себя важность, чтобы подчиненные не дерзали слишкомъ смѣло судить о немъ. Баринъ, не имѣющій никакого дѣйствительнаго достоинства, старается взять суровостью и грубостью передъ лакеемъ... Благодаря общей апатіи и добродушію людей, такое поведеніе почти всегда удается: иной и хотѣлъ бы спросить отчета, — какъ и почему?— у начальника или учителя, да видитъ, что къ тому приступу нѣтъ, такъ и махнетъ рукой... „Э,—скажетъ, —ну его! Еще обругаетъ ни за что, ни про что!“ И вслѣдствіе такого разсужденія, наглая, самодурная глупость и безчестность продолжаетъ безмятежно пользоваться всѣми выгодами своей наглости и всѣми знаками видимаго почета отъ окружающихъ.

Всеобщая потачка возвышаетъ гордость самодура и даже дѣйствительно придаетъ ему силы. Она вознаграждаетъ для него отсутствіе сознанія о своемъ внутреннемъ достоинствѣ. Такъ, господинъ, вывозящій мусоръ изъ города, могъ бы, не смотря на совершенную безцѣнность этого предмета, заломить за него непомѣрныя деньги, если бы увидѣлъ, что всѣ окрестные жители, по непонятной иллюзіи, придаютъ ему какую-то особенную цѣну... Но только на подобной иллюзіи и держится значеніе самодура. Только покажись гдѣ-нибудь сильный и рѣшительный отпоръ,—сила самодура падаетъ, онъ начинаетъ трусить и теряться. На первый разъ еще у него станетъ храбрости и упрямства, и это объясняется даже просто привычкой: привыкши встрѣчать безмолвное повиновеніе, онъ съ перваго раза и повѣрить не хочетъ, чтобы могло явиться серьезное противодѣйствіе его волѣ. Вслѣдствіе того, считая сначала за слѣдствіе недоразумѣнія всякій голосъ, имѣющій хоть тѣнь намѣренія ограничить его самовольство, онъ разражается взрывомъ бѣшенства, пытается запугать еще больше, чѣмъ прежде пугалъ, и этимъ средствомъ по большей части успѣваетъ смирить или заглушить всякое недовольство. Но чуть только онъ увидитъ, что его сознательно не боятся, что съ нимъ идутъ на споръ рѣшительный, что вопросъ ставится прямо: „погибну, но не уступлю“, — онъ немедленно отступаетъ, смягчается, умолкаетъ и переноситъ свой гнѣвъ на другіе предметы, или на другихъ людей, которые виноваты только тѣмъ, что они послабѣе... Всякій, кто учился, служилъ, занимался частными коммиссіями, вообще имѣлъ дѣла съ людьми, — натыкался, вѣроятно, не разъ въ жизни на подобнаго самодура, и можетъ засвидѣтельствовать практическую справедливость нашихъ словъ. Бойтесь сказать мимоходомъ слово вопреки сердитому и безтолковому начальнику: васъ ждетъ потокъ бранныхъ словъ и угрожающихъ жестовъ, крайне оскорбительныхъ. Мало того,— васъ и впослѣдствіи будетъ преслѣдовать неблагопріятное мнѣніе начальника: вы либералъ, вы непочтительны къ начальству, голова ваша набита фанаберіей... Но если вы хотите служить и вести дѣла честно, не бойтесь вступать въ серьезный рѣшительный споръ съ самодурами. Изо ста случаевъ въ девяноста-девяти вы возьмете верхъ. Только рѣшитесь заранѣе: что вы на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы оттого угрожала вамъ дѣйствительная опасность — потерять мѣсто или лишиться какихъ-нибудь милостей. Первая ваша попытка заикнуться о вашемъ мнѣніи будетъ предупреждена возвышеніемъ голоса самодура; но вы все-таки возражайте. Возраженіе ваше встрѣчено будетъ бранью или выговоромъ, болѣе или менѣе неприличными, смотря по важности и по привычкамъ лица, къ которому

вы обращаетесь. Но вы не смущайтесь: возвышайте вашъ голосъ наравнѣ съ голосомъ самодура, усиливайте ваши выраженія соразмѣрно съ его рѣчью, принимайте болѣе и болѣе рѣшительный тонъ, смотря по степени его раздраженія. Если разговоръ прекратился, возобновляйте его на другой и на третій день, не возвращаясь назадъ, а начиная съ того, на чемъ остановились вчера,— и будьте увѣрены, что ваше дѣло будетъ выиграно. Самодуръ возненавидитъ васъ, но еще болѣе испугается. Онъ радъ будетъ прогнать и погубить васъ; но, зная, что съ вами много хлопотъ, самъ постарается избѣжать новыхъ столкновеній и сдѣлается даже очень уступчивъ: во-первыхъ, у него нѣтъ внутреннихъ силъ для ровной борьбы на чистоту, во-вторыхъ, онъ вообще не привыкъ къ какой бы то ни было послѣдовательной и продолжительной работѣ, а бороться съ человѣкомъ, который смѣло и неотступно пристаетъ къ вамъ,—это тоже работа немалая...

Итакъ, Гордѣй Карпычъ, въ качествѣ самодура, очень слабодушенъ и вовсе не имѣетъ выдержки въ своемъ характерѣ. Всѣ качества дѣйствительно-сильной натуры замѣняются у него необузданнымъ произволомъ да тупоумнымъ упрямствомъ. Вотъ чѣмъ объясняется и оправдывается видимая неожиданность развязки, которую далъ Островскій комедіи „Бѣдность не порокъ“.

Торцовъ души не чаетъ въ своемъ будущемъ зятѣ, Африканѣ Савичѣ. „Можешь ли ты меня теперь понимать?“ спрашиваетъ онъ, и ничего, кажется, не желаетъ болѣе, какъ только того, чтобы зятюшка его понялъ. Чтобы угодить ему и скрѣпить свою дружбу съ нимъ, Торцовъ жертвуетъ дочерью, презираетъ ея мольбы и слезы матери, даже самъ видимо унижается и позволяетъ ему обходиться съ собой нѣсколько свысока. Но вотъ Любимъ Торцовъ начинаетъ обижать нареченнаго зятя, зять обиженъ и даетъ это замѣтить Гордѣю Карпычу довольно грубо, заключая свою рѣчь словами: „Нѣтъ, теперь ты приди ко мнѣ да поклоняйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ“. Этихъ словъ довольно, чтобы взбѣсить Гордѣя Карпыча. Онъ вспыльчиво спрашиваетъ: „Я къ тебѣ пойду кланяться?“ А Коршуновъ подливаетъ масла въ огонь, говоря: пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только-бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ... Вотъ несчастье-то твое“. Этими словами Коршуновъ совершенно портитъ свое дѣло: онъ употребилъ именно ту форму, которой самодурство никакъ не можетъ переносить, и которая сама опять-таки есть ничто иное, какъ нелѣпое порожденіе самодурства. Одинъ самодуръ говоритъ: „Ты не смѣешь этого сдѣлать“, а другой отвѣчаетъ: „Нѣтъ, смѣю“. Тутъ споръ идетъ ужъ о томъ, кто кого передуритъ. И если одинъ изъ спорящихъ чего-нибудь добивается отъ другаго, то, разумѣется, побѣдителемъ останется тотъ, отъ котораго добиваются; ему вѣдь тутъ и труда никакого не нужно: стоитъ только не дать, и дѣло съ концомъ. Такъ происходитъ и здѣсь. Выслушавъ „не смѣешь“ Коршунова, Гордѣй Карпычъ говоритъ: „Опосля этого, когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ. Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій — человѣкъ будетъ... Вотъ за Митьку отдамъ!“ И, въ порывѣ гнѣва, онъ нѣсколько разъ повторяетъ: „Да, за Митьку отдамъ! На зло ему, за Митрія отдамъ!..“ Коршуновъ уходитъ въ ярости, а домашніе всѣ удивлены, принимая слова Гордѣя Карпыча за серьезное рѣшеніе: до такой степени пріучены они къ неразумности всѣхъ его поступковъ. Митя, съ наивностью загнаннаго юноши, очень довѣрчиваго и очень плохо понимающаго истинный смыслъ всего, что вокругъ него происходитъ, даже обращается къ Торцову съ слѣдующей рѣчью:

„Зачѣмъ же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлаютъ. Мнѣ на зло не надобно-съ. Лучше ужъ я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ,— по-родительски, съ любовію"... Но эти наивныя слова возбуждаютъ, разумѣется, гнѣвное изумленіе въ Торцовѣ, который и не думалъ говорить серьезно объ отдачѣ дочери за Митю. „Что, что!" вскрикиваетъ онъ.—„Ты ужъ и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что она, ровня что-ль тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь, вспомни!.." Митя становится передъ нимъ на колѣни, но это смиреніе не обезоруживаетъ Гордѣя Карпыча: онъ продолжаетъ ругаться. Просьбы дочери и жены тоже остаются безсильны. Но тутъ-то является имъ на помощь Любимъ Торцовъ,—озорникъ, съ которымъ Гордѣй Карпычъ ужъ достаточно повозился и никакого ладу не нашелъ... Любимъ говоритъ ему то же, что и Коршуновъ: „Да ты поклонись въ ноги Любиму Торцову, что онъ тебя оконфузилъ-то", и Пелагея Егоровна прибавляетъ: „Именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться"... Можно бы ожидать, что Гордѣй Карпычъ, на зло домашнимъ, опять упрется и выдумаетъ еще что-нибудь на зло. Но онъ только спрашиваетъ въ недоумѣніи: „Что жъ я извергъ, что ли, какой въ своемъ семействѣ?" Изъ этого вы уже замѣчаете, что его начинаетъ пробивать великодушіе. Разъ онъ уже поставилъ на своемъ, прогнавъ Коршунова, и слѣдовательно самолюбіе его удовлетворено покамѣсть. Къ тому же онъ ужъ и утомленъ напряженіемъ, которое сдѣлалъ, и не въ состояніи теперь снова собрать ту же энергію для другой борьбы. А тутъ, вмѣстѣ съ кроткими мольбами жены, допекаютъ его разсужденія и назойливыя просьбы брата Любима, который говоритъ съ нимъ смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ умолчаній, подкрѣпляя просьбы свои доказательствами, взятыми изъ собственнаго опыта. Гордѣй Карпычъ какъ будто затуманивается; онъ смотритъ вокругъ себя и не знаетъ, какъ ему все это понимать и что дѣлать: онъ ищетъ внутри себя, — на чемъ бы опереться въ борьбѣ, и ничего не находитъ, кромѣ своей самодурной воли. Она-то и высказывается въ послѣднемъ его возраженіи: „Ты мнѣ что ни говори, а я тебя слушать не хочу..." Но Любимъ не придаетъ особенной важности такому возраженію и продолжаетъ свои настоянія. Гордѣй Карпычъ окончательно сбитъ съ толку и безсиленъ; сознаніе всего окружающаго рѣшительно мутится въ его головѣ; онъ никакъ не можетъ отыскать своихъ мыслей, которыя никогда и не были крѣпко связаны между собой, а теперь ужъ совсѣмъ разлетѣлись въ разныя стороны... Въ эту критическую минуту онъ позволяетъ себѣ раскваситься, его прошибаетъ слеза, и онъ, благодаря брата Любима за назиданіе, благословляетъ будущее счастье дѣтей своихъ... Пользуясь его расположеніемъ, и племянникъ его Гуслинъ, которому Торцовъ запрещалъ жениться, проситъ разрѣшенія и получаетъ его... Гордѣй Карпычъ говоритъ: „Теперь просите всѣ, кому что нужно; теперь я сталъ другой человѣкъ!.."

Какой широкій размахъ великодушія, подумаешь!.. Такъ и чуешь какого-то восточнаго султана, который говоритъ: „Все въ моей власти!.. Стоитъ мнѣ мигнуть, и съ тебя голову снимутъ; стоитъ сказать слово, и неслыханно-роскошные дворцы выростутъ для тебя изъ земли. Проси, чего хочешь! полміра могу я взять и подарить, кому хочу"... Разница только въ размѣрахъ, а сущность дѣла та же самая въ словахъ Торцова. Дай ему какой-нибудь калифатъ, онъ бы и тамъ сталъ распоряжаться такъ же точно, какъ теперь въ своемъ семействѣ. Дурилъ бы, презирая всѣ человѣческія права и не признавая другихъ законовъ, кромѣ своего произвола, а подъ-часъ удивлялъ бы своимъ великодушіемъ, основаннымъ опять-таки

на той мысли, что „вотъ, дескать, смотрите: у васъ правъ никакихъ нѣтъ, а на всемъ моя полная воля; могу казнить, могу и миловать!..“ Счастливы мы, читатель, что живемъ въ настоящее время, когда у насъ порывы подобнаго великодушія невозможны!.. Ими можно пользоваться въ извѣстныя минуты, какъ воспользовались Митя и Любовь Гордѣевна: ихъ дѣло выиграно, хотя Гордѣй Карпычъ, разумѣется, и ненадолго останется великодушнымъ и будетъ послѣ каяться и попрекать ихъ своимъ рѣшеніемъ... Но подобные выигрыши ненадежны. Когда вы разсчитываете, какъ устроить свою жизнь, то, конечно, не будете основывать своихъ разсчетовъ на томъ, что, можетъ быть, выиграете большое состояніе въ лотерею. Такъ точно въ разумной, сознательной жизни невозможно разсчитывать и на выигрышъ великодушія самодура... Пусть лучше не будетъ этихъ благородныхъ, широкихъ барскихъ замашекъ, которыми восторгались старые, до идіотства захолопѣвшіе лакеи; но пусть будетъ свято и неприкосновенно то, что мнѣ принадлежитъ по праву; пусть у меня будетъ возможность всегда употреблять свободно и разумно мою мысль и волю, а не тогда, когда выйдетъ милостивое разрѣшеніе отъ какого-нибудь Гордѣя Карпыча Торцова...

Но безсиліе и внутреннее ничтожество самодурства не выдается еще въ этихъ комедіяхъ съ такой поразительной яркостью, какъ въ небольшой комедіи: „Въ чужомъ пиру похмѣлье“. Здѣсь есть все—и грубость, и отсутствіе честности, и трусости, и порывы великодушія,—и все это покрыто такой тупоумной глупостью, что даже люди, наиболѣе расположенные къ славянофильству, не могли одобрить Тита Титыча Брускова, а замѣтили только, что все-таки у него душа добрая... Аграфена Платоновна, хозяйка квартиры, гдѣ живетъ учитель Ивановъ съ дочерью, отзывается о Брусковѣ, какъ о человѣкѣ „дикомъ, властномъ, крутомъ сердцемъ, словомъ сказать—Самодурѣ“. На вопросъ Иванова: что значитъ самодуръ?—она объясняетъ: „Самодуръ—это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда“... Продолжая свою характеристику, она замѣчаетъ, что „насчетъ плутовства—онъ, точно, старикъ хитрый; но хоть и плутоватъ, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ, что хочешь дѣлай,—дуракъ-дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно“. И дѣйствительно, изъ пьесы оказывается, что всѣ слова Аграфены Платоновны справедливы. Она же сама, ни съ того ни съ сего, беретъ съ Брускова, зашедшаго въ квартиру Ивановыхъ, тысячу цѣлковыхъ за росписку, въ которой сынъ его, Андрей Титычъ, обѣщается жениться на дочери Иванова. Росписка эта и сама по себѣ ничего не значитъ, да Ивановъ съ дочерью и не знаютъ о ней, и претензіи никакой не имѣютъ; все это сама хозяйка устраиваетъ, желая ихъ облагодѣтельствовать... Но Брусковъ, какъ темный человѣкъ, вполнѣ освоившійся съ обычаями „темнаго царства“, не входитъ ни въ какія соображенія. Во-первыхъ, онъ всегда готовъ къ тому, что его обманутъ, такъ какъ онъ самъ готовъ обмануть всякаго. Поэтому, прочитавъ бумажку, показанную ему Аграфеной Платоновной, онъ преспокойно замѣчаетъ: „Это, то есть, насчетъ грабежу. Ну, народецъ!“.. И затѣмъ начинаетъ торговаться, нисколько не возмущаясь этой исторіей, а только удивляясь ловкой штукѣ, которую сочинили съ его сыномъ. Во-вторыхъ—онъ ужасно боится всякаго суда, потому что, хоть и надѣется на свои деньги, но все-таки не можетъ сообразить, правъ ли онъ долженъ быть по суду или нѣтъ,—а знаетъ только, что по суду тоже придется много денегъ заплатить. На этомъ основаніи, только услышавши отъ Аграфены Платоновны, что теперь пойдетъ „дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ“, онъ

чешетъ себѣ затылокъ и говоритъ: „По формѣ?... Нѣтъ, ужъ лучше мы такъ, между себя сдѣлаемся". И это ему дѣйствительно—гораздо легче, ужъ и потому даже, что подобныя сдѣлки для него очень привычны. Онъ такъ объясняется съ женою на этотъ счетъ, возвратясь отъ Ивановыхъ:

Титъ Титычъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Титъ Титычъ. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Настасья Панкратьевна. Много, Китъ Китычъ, много.

Титъ Титычъ. Молчи!...

Отсутствіе яснаго сознанія нравственныхъ началъ выражается и въ обращеніи, которое Брусковъ позволяетъ себѣ съ Аграфеной Платоновной и съ Ивановымъ, послѣ того, какъ заплатилъ деньги и получилъ росписку. Аграфена Платоновна старается его выпроводить, но онъ усаживается и начинаетъ ругаться, представляя такой резонъ: „нѣтъ, погоди,—дай хоть поругаться-то за свои деньги". Но, впрочемъ, это онъ такъ-только, зло сорвать хочетъ; въ своихъ ругательствахъ онъ не видитъ ничего оскорбительнаго, да и самъ не задѣтъ за живое. Когда приходитъ Ивановъ, и, ничего не зная о происшедшей исторіи, съ недоумѣніемъ смотритъ на Брускова, Титъ Титычъ обращается къ нему съ такой рѣчью: „Ты что на меня смотришь? На мнѣ, братъ, ничего не написано. Деньги-то взять умѣли. Вы меня хоть попотчуйте чѣмъ за мои деньги-то". Ивановъ проситъ его уйти; онъ опять начинаетъ ругаться. Ивановъ гонитъ его вонъ,—онъ возражаетъ: „Что ты кричишь-то? Я вѣдь ничего, я такъ-шучу съ тобой". Ивановъ продолжаетъ гнать его, и Брусковъ подходитъ къ нему и, ударяя его по плечу, говоритъ: „Поѣдемъ ко мнѣ! Выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что ссориться-то!" Ивановъ входитъ въ пущій азартъ, и Брусковъ, съ неудовольствіемъ замѣчая: „Ишь ты, какой сердитый!„—уходитъ съ новыми ругательствами... Пришедши домой, онъ велитъ Захару Захарычу, пьянчужкѣ-приказному, писать „такое прошеніе, чтобы троихъ человѣкъ въ Сибирь сослать по этому прошенію". „Я, говоритъ, „такъ хочу и никакихъ денегъ для этого не пожалѣю". Но тутъ приходитъ Ивановъ, узнавшій, между тѣмъ, все дѣло, приноситъ деньги, взятыя Аграфеной Платоновной, и проситъ назадъ росписку. Брусковъ тотчасъ смекаетъ, что Ивановъ затѣмъ ее проситъ, чтобы потомъ за нее больше содрать. Но старикъ-учитель разжалобилъ его, и онъ спрашиваетъ: „Аль отдать? Захарычъ,—отдать?" Захаръ Захарычъ говоритъ: „Ни, ни, ни!"—Но Брусковъ внезапно рѣшаетъ: „А я говорю, что отдать!... Ты молчи, не смѣй разговаривать!..." И росписка отдана, и тутъ же разорвана Ивановымъ, а черезъ нѣсколько минутъ Брусковъ находитъ, что „деньги и все это—тлѣнъ," и что, слѣдовательно, сынъ его можетъ жениться на дочери Иванова, хоть она и бѣдная... „Мое слово—законъ"—говоритъ онъ и посылаетъ сына сватать дочь учителя. „Да помилуйте, тятенька, онъ не отдастъ",—возражаетъ сынъ. „Я тебѣ приказываю, слышишь,—говоритъ Титъ Титычъ:—какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю?... Вы не смѣете со мной разговаривать," прибавляетъ онъ.—„А если не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся!"...

Во всемъ этомъ замѣчательно то, что вся исторія сама по себѣ необыкновенно глупа... Если смотрѣть здраво, то всѣ ея участники хотятъ невозможнаго, или лучше сказать—сами не смыслятъ, чего они хотятъ. Аграфена Платоновна, не спросясь Ивановыхъ, беретъ съ Андрея Брускова росписку, а съ отца его—деньги. Титъ Титычъ хочетъ услать Ивановыхъ

въ Сибирь и основываетъ это на роспискѣ, которую его же выгода требуетъ уничтожить. Ивановъ убивается, требуя—даже не уничтоженія, а именно возвращенія росписки, что ему вовсе не нужно, и только возбуждаетъ справедливыя подозрѣнія въ Брусковѣ... Все это совершенно нелѣпо и безсмысленно, какъ самъ Брусковъ и вся его жизнь. Но всего глупѣе—роль сына Брускова, Андрея Титыча, изъ-за котораго идетъ вся эта исторія и который самъ, по его же выраженію, „какъ угорѣлый ходитъ по землѣ“ и только сокрушается о томъ, что у нихъ въ домѣ „все не такъ, какъ у людей,“ и что его „уродомъ сдѣлали, а не человѣкомъ.“ И въ самомъ дѣлѣ,—смѣшно посмотрѣть, что съ нимъ дѣлаютъ. Парню ужъ давно за двадцать, смысломъ его природа не обидѣла: по фабрикѣ отцовской онъ лучше всѣхъ дѣло понимаетъ, впередъ знаетъ, что требуется, кромѣ того и къ наукамъ имѣетъ наклонность, и искусства любитъ—къ скрыпкѣ оченно пристрастіе имѣетъ; словомъ сказать—парень совершеннолѣтній, добрый и неглупый; возросъ онъ до того, что ужъ и жениться собирается... И вдругъ онъ—„отъ тятеньки скрывается“!... Только заслышалъ, что „самъ пріѣхалъ,“—какъ и кричитъ: „маменька, спрячьте меня отъ тятеньки,“ и бѣжитъ къ матери въ спальню прятаться... Какая тому причина? Та, что тятенька его женить задумалъ насильственнымъ образомъ... Такъ онъ, видите, отбѣгаться думаетъ!... И способъ-то хорошій выбралъ!... А зачѣмъ тятенька хочетъ его женить насильно, на то причина одна: что такъ онъ хочетъ... Мать, впрочемъ, представляетъ и другую причину: невѣста, найденная отцомъ, очень богатая, „А намъ,—по словамъ Настасьи Панкратьевны,—надо невѣсту съ большими деньгами, потому—сами богаты“... Логика неопровержимая.... И Андрей Титычъ ничего хорошенько не можетъ возразить противъ нея: онъ уже доведенъ отцовскимъ обращеніемъ до того, что самъ считаетъ себя „просто пропащимъ человѣкомъ“. А обращеніе въ самомъ дѣлѣ хорошее, если послушать его разсказовъ Лизаветѣ Ивановнѣ, дочери Иванова. По его словамъ, у него „крылья ошиблены, то есть обрублены, какъ есть“. Жениться онъ долженъ не по своему выбору, а по приказу отцовскому. „А коли скажешь, что, молъ, тятенька, эта невѣста не нравится: а, говоритъ, въ солдаты отдамъ!... Ну, и пабашъ!... Да ужъ не то, что въ этакомъ дѣлѣ,—прибавляетъ онъ,—и въ другомъ-то въ чемъ воли не даютъ. Я вотъ помоложе былъ, учиться хотѣлъ, такъ и то не велѣли!“... Лизавета Ивановна совѣтуетъ ему, выбравши хорошую минуту, разсказать отцу откровенно все,—что онъ способности имѣетъ, что учиться хочетъ и т. п. Андрей Титычъ отвѣчаетъ на это: „Онъ такую откровенность задастъ, что мѣста не найдешь. Вы думаете,—онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго?—Только хочетъ на своемъ поставить... Одинъ капризъ, одна только амбиція,—что вотъ я неученъ, а ты умнѣе меня хочешь быть“.

Ну, скажите, есть ли какая-нибудь возможность вести разумную рѣчь съ этими людьми! Отецъ знаетъ, что ученый лучше неученаго, и сыну извѣстно, что отецъ это знаетъ, и сынъ хочетъ учиться, и все-таки отецъ запрещаетъ, и сынъ не смѣетъ ослушаться!... Отецъ признаетъ себя неучемъ, сознаетъ, что это дурно, и боится, чтобы сынъ его не избѣжалъ этого зла!... Сынъ знаетъ, что отецъ только вслѣдствіе собственнаго невѣжества запрещаетъ ему учиться, и считаетъ долгомъ покориться этому невѣжеству!... Кто разберетъ эту безсмысленную путаницу, внесенную самодурствомъ въ семейныя отношенія? Кто съумѣетъ бросить лучъ свѣта въ безобразный мракъ этой непостижимой логики „темнаго царства?“ Подумаешь, что Андрей Титычъ тоже сумасшедшій, какъ его братецъ Капитоша, который представляетъ собой еще одинъ любопытный результатъ семейной дисциплины въ домѣ Брускова...

Но всѣ окружающіе говорятъ, что Андрей Титычъ—умный, и онъ даже самъ такъ разумно разсуждаетъ о своемъ братѣ: «Не пускаютъ, говоритъ,—меня въ театръ, ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру,—такъ, съ малолѣтства заколотили очень"... А Андрюша еще не заколоченъ, и все-таки представляетъ изъ себя какого-то поврежденнаго. Ужъ примирился бы, что ли, съ своимъ положеніемъ, какъ сотни и тысячи другихъ мирятся! Такъ нѣтъ.—Этого не хочетъ онъ, и тѣмъ приводитъ въ отчаяніе отца и мать. Мать сокрушается о немъ даже больше, чѣмъ о другомъ сынѣ своемъ,—дурачкѣ. Положеніе Купидоши какъ-то мало безпокоитъ ее: оно ей такъ близко и сродно; она даже потѣшается надъ нимъ, а печалится больше всего лишь о томъ, что онъ табачище очень крѣпкій куритъ. „Купидоша у насъ совсѣмъ какой-то ума рехнувшій по театру,—объясняетъ она своей гостьѣ Ненилѣ Сидоровнѣ.—Да табакъ куритъ, Ненила Сидоровна, такой крѣпкій,—просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подъ какимъ видомъ,—кого хочешь стошнитъ... Такъ, все больше въ кухнѣ пребываетъ. Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать потіатральному,—ну, и утѣшаешься на него. Съ пѣвчими поетъ басомъ,—голосъ такой громкій, такъ, какъ словно изъ ружья выпалитъ". Стало быть, глупость сына имѣетъ даже свою пріятность для матери!... Но умъ Андрюши внушаетъ ей опасенія очень серьезныя: „Совсѣмъ,—говоритъ,—отъ дому отбивается: то не хорошо, другое не по немъ, учиться, говоритъ, хочу... А на что ему много-то знать? И такъ боекъ, а какъ обучать-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги"... Такимъ образомъ доля самодурства Брускова переходитъ и къ женѣ его, хоть на словахъ только,—и Андрюша, при всей своей любви къ знанію и при всѣхъ природныхъ способностяхъ, долженъ вырости неучемъ для того, чтобы сохранить уваженіе къ отцу и матери. Они, бѣдняки,—чувствуютъ, что умному-то и образованному человѣку не за что уважать ихъ!...

ИЗЪ КОМЕДІИ „ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ".

Андрей Титычъ, сынъ богатаго купца Тита Титыча Брускова, любя дочь бѣднаго учителя, Лизавету Ивановну, ссужающую его хорошими книжками для чтенія, хотѣлъ бы видѣть въ ней свою невѣсту. Разумѣется, со стороны Тита Титыча тутъ не можетъ быть согласія. И вотъ бойкая хозяйка квартиры, гдѣ живетъ Лизавета Ивановна, вполнѣ симпатизируя бѣдной дѣвушкѣ и ея отцу, противъ ихъ желанія, устраиваетъ такую штуку: она на своей квартирѣ предъявляетъ Титу Титычу росписку, данную будто бы его сыномъ,—росписку въ томъ, что его сынъ обязался жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ, не выпуская, впрочемъ, этой росписки изъ своихъ рукъ. Пугнувъ судомъ, Аграфена Платоновна запросила съ Тита Титыча за возвращеніе этой росписки три тысячи рублей, а потомъ уступаетъ ее за тысячу и получаетъ деньги.

Ей все это удалось потому, что она очень хорошо знаетъ самодуровъ. Самодуръ, по ея понятію,—„это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда"... О Брусковѣ: „хоть онъ и плутоватъ, а человѣкъ

темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ что хочешь дѣлай, дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно".

Отдавъ деньги и положивъ росписку въ карманъ,

Титъ Титычъ (*садится*). Разбойники, грабители!

Аграфена Платоновна. Ну, теперь ступай съ Богомъ. Дѣла всѣ покончили, больше не объ чемъ съ тобой толковать.

Титъ Титычъ. Нѣтъ, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что только вы съ насъ денегъ не берете? Обмануть, ограбить, обольстить человѣка! Обманули мальчишку, дурака, опутали, а съ отца деньги взяли. Честно это, благородно? А еще благородствомъ похваляетесь.

При этихъ словахъ въ комнату входитъ Лизавета Ивановна съ отцомъ, ровно ничего не зная о происшедшемъ. Титъ Титычъ и на нихъ напустился, а потомъ: „Вы меня хоть попотчуйте чѣмъ за мои деньги-то". Иванъ Ксенофонтычъ (отецъ Лизаветы Ивановны) гонитъ его вонъ.

Титъ Титычъ. Что ты кричишь-то! Я вѣдь ничего, я такъ шучу съ тобой.

Иванъ Ксенофонтычъ. Уйди ты отъ насъ.

Титъ Титычъ (*встаетъ*). Пойду (*подходитъ къ Ивану Ксенофонтычу и ударяетъ его по плечу*). Поѣдемъ ко мнѣ! Выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что ссориться-то!

Иванъ Ксенофонтычъ. Уйди ты отъ насъ.

Титъ Титычъ Ну, прощай. (*Подходитъ къ двери*). Ишь ты какой сердитый! Да ужъ теперь не испугаете. Вотъ она, бумага-то, здѣсь въ карманѣ. Разбойники, грабители. (*Уходитъ*).

Иванъ Ксенофонтычъ и дочь его возмущены поступкомъ своей хозяйки, берутъ отъ нея деньги и идутъ къ Брускову „выкупать свое безчестье".

Титъ Титычъ, между тѣмъ, ни за что не можетъ помириться съ тѣмъ, какъ съ нимъ поступили.

Титъ Титычъ (*садится молча на стулъ*). Фу ты, чортъ возьми! Въ первой отъ роду со мной такая бѣда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нѣтъ, погоди!

Настасья Панкратьевна (*жена его*). Кто тебя не уважилъ, Китъ Китычъ? Кто смѣлъ?..

Титъ Титычъ. Молчи, не твое дѣло! За мои же деньги да меня обругали! Меня выгнали! (*Топаетъ ногой*). Живъ быть не хочу! Настасья!

Она должна отыскать и представить ему Захарыча, стряпчаго.

Титъ Титычъ. Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой! Отъ дряни, отъ учителишки! Да что-жъ это за времена пришли! Нѣтъ, стой! Я съ роду ни отъ кого обиды не видывалъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Титъ Титычъ. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Настасья Панкратьевна. Много, Китъ Китычъ, много.

Титъ Титычъ. Молчи! Они только тѣмъ и взяли, что я въ чужой квартирѣ былъ. А ты, поди-ка, здѣсь со мной потолкуй, такъ я тебя уконтентую по-своему.

Титъ Титычъ велитъ стряпчему написать такое прошеніе, чтобы всѣхъ троихъ (учителя съ дочерью и ихъ квартирную хозяйку) сослать въ Сибирь;

денегъ за такое прошеніе не пожалѣетъ. Затѣмъ требуетъ отъ жены, чтобы она подала ему сына.

Настасья Панкратьевна. Да его нѣту дома, Китъ Китычъ.
Титъ Титычъ. Настасья! Кто я?
Настасья Панкратьевна. Китъ Китычъ Брусковъ.
Титъ Титычъ. Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово—законъ!

Является сынъ въ такой часъ, когда у отца сердце прошло; явись сынъ раньше,—отецъ изуродовалъ бы его, какъ самъ признался сыну. Сынъ долженъ собираться къ невѣстѣ, выбранной ему отцомъ. Въ это время является Иванъ Ксенофонтычъ и вручаетъ Титу Титычу деньги—тысячу рублей, которыя тотъ опасливо принимаетъ, не вдругъ, какъ не вдругъ возвращаетъ и росписку, не смотря на отчаяніе Ивана Ксенофонтыча,—тогда только, когда узнаетъ, къ удовольствію своему, что все это дѣло обработала хозяйка, а самъ Иванъ Ксенофонтовичъ и дочь его даже ничего не знали объ этомъ.

Иванъ Ксенофонтычъ (*разрываетъ росписку и съ хохотомъ топчетъ ее ногами*). Будьте вы прокляты! Какъ это васъ земля-то терпитъ! Какъ эти стѣны не обвалятся на васъ! Дочь моя! Сокровище мое! (*Убѣгаетъ*).

Титъ Титычъ. Что онъ говоритъ? Какъ онъ смѣетъ? Держи его! (*Къ сыну*). Вотъ видишь ты, съ какою сволочью связываешься. Подите всѣ вонъ! А ты, Андрей, собирайся къ невѣстѣ ѣхать. (*Жена, сынъ, стряпчій уходятъ*).

Титъ Титычъ (*одинъ*). (Сидитъ довольно долго молча, потомъ ударяетъ кулакомъ по столу). Деньги и все это тлѣнъ, металлъ звенящій! Помремъ—все останется. Такъ тому и быть. Мое слово—законъ.

На зовъ Тита Титыча являются требуемыя лица—жена и сынъ. Отецъ объявляетъ, что даетъ сыну полтораста тысячъ, и пусть онъ живетъ, какъ знаетъ.

Андрей Титычъ. Тятенька...

Титъ Титычъ. Молчи. Не смѣй со мной разговаривать!

Затѣмъ сынъ въ коляскѣ, на парѣ вороныхъ долженъ съ матерью ѣхать къ учителю и просить руки его дочери, такъ какъ онъ (учитель) хорошій человѣкъ.

Андрей Титычъ. Помилуйте, тятенька, онъ и прежде-то бы не отдалъ, а теперь мнѣ и глаза показать нельзя.

Титъ Титычъ. Я тебѣ приказываю, слышишь! Проси, кланяйся въ ноги. Онъ и постарше тебя, да кланялся. Какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю! Я на приданое ей денегъ дамъ. Ступай! Небось, не откажется.

Андрей Титычъ. Да они никакихъ денегъ не возьмутъ.

Титъ Титычъ. Молчи!

Настасья Панкратьевна. А какъ же, Китъ Китычъ, та-то невѣста?

Титъ Титычъ. Вы со мной не смѣйте разговаривать! (*Идетъ къ двери*). Если онъ не отдастъ за тебя,—ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся. (*Уходитъ*).

Андрей Титычъ. Что только за жизнь моя! (*Махнувъ рукой*). Ахъ, маменька, поѣдемте! Ужъ знаю, что толку ничего не будетъ, одна мука (*Уходятъ*).

Библіотека Варшавской Учительской семинаріи
№

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Къ стр. 437.

А. Н. Плещеевъ.

(род. въ 1825 г.).

Впередъ!

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ —
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и ростетъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать;
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать.

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ —
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ —
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.

Внемлите жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ!
Впередъ, впередъ! и безъ возврата,
Что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

* * *

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки;
Вонъ вдали — соломой крытыя избушки.
И бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку
Изъ родного края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя березы, жидкія осины,
Пашни да овраги — грустныя картины;
Не пройдешь безъ думы безъ тяжелой мимо!
Что же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?

Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно;
Но и тамъ, при блескѣ голубаго моря,
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры не березъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ тучи;
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило?
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

* * *

Ночь пролетала надъ міромъ,
Сны на людей навѣвая;
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая,

Старые, мощные дубы,
Вѣчно-зеленыя ели,
Грустныя ивы листвою
Ночи навстрѣчу шумѣли.

Радостно волны журчали,
Образъ ея отражая,
Рожь наклонялась, сильнѣе
Пахла трава луговая.

Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
И соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
Въ воздухѣ тихомъ звенѣли —

И улыбалася кротко
Ночь, надъ землей пролетая;
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая.

Отцовскій очагъ.

(Изъ Роб. Николля).

Гдѣ пылалъ огонекъ вечеркомъ,
Ходитъ вѣтеръ теперь, завывая;
И безъ крыши стоитъ отчій домъ,
И запущена нива родная.
Какъ болѣзненно сжалось опять
Мое сердце знакомой тоскою!
Сядемъ, другъ мой! хочу поболтать
Я про старый очагъ нашъ съ тобою.

Вотъ онъ, вотъ нашъ родной уголокъ!
Мать, бывало, прядетъ у окошка,
И за прялкой поетъ; а у ногъ
Ея дремлетъ, мурлыкая, кошка.

Здѣсь на стулѣ — отецъ нашъ сидѣлъ.
Уважать онъ училъ насъ страданья,
Что на свѣтѣ всѣхъ добрыхъ удѣлъ,
Старины воскрешалъ намъ преданья.

Только ужинъ мы кончимъ, старикъ
Свою библію вынетъ, бывало.
Благодать, намъ казалось, въ тотъ мигъ
Въ нашу хижину съ неба слетала.
Убаюкаютъ всѣхъ насъ, дѣтей,
На ночь — пѣсенкой нашей любимой,
И до розовыхъ утра лучей
Затихаетъ очагъ нашъ родимый.

Мой садикъ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ,
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ,

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садикъ скромный;
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ
Съ сѣтью правильныхъ аллей.

И весь день въ травѣ высокой,
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ.

Весна.

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи,
Въ окно повѣяло весною...
Засвищутъ скоро соловьи —
И лѣсъ одѣнется листвою!

Чиста небесная лазурь.
Теплѣй и ярче солнце стало;
Пора мятелей злыхъ и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно такъ въ груди
Стучитъ, какъ будто ждетъ чего-то;
Какъ будто счастье впереди —
И унесла зима заботы!

Всѣ лица весело глядятъ.
„Весна!“ читаешь въ каждомъ взорѣ.
И тотъ, какъ празднику, ей радъ,
Чья жизнь — лишь тяжкій трудъ и горе.

Но рѣзвыхъ дѣтокъ звонкій смѣхъ,
И беззаботныхъ птичекъ пѣнье,
Мнѣ говорятъ — кто больше всѣхъ
Природы любитъ обновленье!

На дачѣ.

Красивый домикъ, озаренный
Заката розовымъ лучомъ...
Кусты сирени и жасмина
Благоуханье льютъ кругомъ.

Балконъ уставленъ весь цвѣтами,
Обвился плющь вокругъ столбовъ,
И птичка звонко распѣваетъ,
Въ зеленой клѣткѣ межъ цвѣтовъ.

Шарманка гдѣ-то заиграла;
Все ближе звуки, все слышнѣй,—
И вотъ изъ дома выбѣгаетъ
Толпа нарядная дѣтей.

Другъ друга съ крикомъ обгоняя,
Они къ калиткѣ всѣ спѣшатъ,—
И какъ ихъ лица раскраснѣлись!
Какъ глазки радостно блестятъ!

Ужъ имъ знакомы эти звуки,—
Шарманщикъ смуглый имъ знакомъ:
У дѣтокъ дружба завязалась
Съ веселымъ, добрымъ старикомъ.

Онъ каждый вечерь къ нимъ приходитъ,
Хоть имъ и нечѣмъ заплатить,—
Что за бѣда! — готовъ онъ даромъ
Друзей повеселить.

Порой, забывшись, долго-долго
Одинъ мотивъ играетъ онъ;
Въ раздумье тихое о чемъ-то
Онъ въ тѣ минуты погруженъ.

Съ лица его улыбка сходитъ,
Слезой мутится добрый взглядъ;
И смотритъ съ грустью затаенной
Онъ на дѣтей, на домъ, на садъ.

Унылой пѣсни этой звуки
Воспоминанья будятъ въ немъ —
О дняхъ далекихъ и счастливыхъ,
О многомъ, сердцу дорогомъ.

Давно покинутой отчизны
Предъ нимъ сіяютъ небеса,
Катятся волны голубыя,
Шумятъ лавровые лѣса...

Онъ видитъ домикъ, погонувшій
Въ листвѣ зеленой и цвѣтахъ,
И образъ женщины прекрасной,
Съ малюткой смуглымъ на рукахъ.

И какъ мадонна на картинѣ,
Такъ у открытаго окна —
Стоитъ, прижавъ къ груди ребенка,
Съ улыбкой ясною она.

А на крыльцѣ кудрявый мальчикъ
Поетъ, плетя себѣ вѣнокъ;
И дышетъ счастьемъ и отрадой
Цвѣтущій мирный уголокъ.

Старикъ одинъ теперь... Скосила
Смерть всю семью его; потомъ,
Другая, нѣзваная гостья —
Нужда — къ нему прокралась въ домъ...

И вотъ побрелъ онъ на чужбину,—
Побрелъ съ шарманкою своей;
И каждый разъ, когда встрѣчаетъ
Онъ ласку кроткую дѣтей,

На нихъ съ глубокою любовью
Глядитъ старикъ... Въ чужомъ краю —
Чужія дѣти замѣняютъ
Ему погибшую семью.

Болтаетъ, шутитъ и смѣется
Онъ съ ними, словно молодой,
Для нихъ безъ устали шарманку
Вертя морщинистой рукой.

Ласточка.

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ,
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.
Съ нею солнце краше
И весна милѣй...

Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй.
Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой.

Птичка.

Для чего пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?
Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли,
И тростникъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.
Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ, словно изъ ведра;
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора.
—„Не для солнца, не для неба,
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и желтыхъ
Не совью себѣ гнѣзда.
Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка,

Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.
Въ часъ, какъ онъ вернется съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.
Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей,
Никогда ея не пѣла
Для счастливыхъ я людей.
Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни нужды, ни горя нѣтъ.
Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ:
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ уснетъ“.

Мальчикъ и птичка.

„Лети ко мнѣ, пѣвунья птичка,
Съ зеленой вѣтки! Безъ заботъ
Ты будешь жить въ нарядной клѣткѣ
И зерна кушать круглый годъ.

Какъ буду я тебя лелѣять,
Какъ буду я тебя любить!
Водицы свѣжей не забуду
Я по утрамъ тебѣ носить.

И сколько бѣлаго песочку
Тебѣ я, птичка, припасу!
Повѣрь, здѣсь лѣтомъ безопаснѣй,
Зимой теплѣе, чѣмъ въ лѣсу.

Тебя охотникъ не подстрѣлитъ,
Не можетъ ястребъ заклевать;
Съ утра до вечера спокойно
Ты будешь въ клѣткѣ распѣвать!“

—„Нѣтъ, нѣтъ! за клѣтку расписную
Я не отдамъ лѣсовъ своихъ,
Хотя бы каждое мгновенье
Мнѣ угрожала гибель въ нихъ.

И не покину я простора
Цвѣтами убранныхъ полей...
Дитя! твои мнѣ ласки милы
Но воля мнѣ еще милѣй!“

„Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле,
И я люблю ихъ! но куда—
Скажи—ты спрячешься, бѣдняжка,
Когда настанутъ холода?“

—„Я полечу въ края иные,
Гдѣ вѣчно зелены луга,
И къ вамъ вернусь, когда растаютъ
Подъ вешнимъ солнышкомъ снѣга“.

„А какъ собьешься ты съ дороги,
Да и замерзнешь гдѣ-нибудь?“
„Не бойся, другъ мой! Вольной птичкѣ
Господь указываетъ путь!“

Христосъ-младенецъ и еврейскія дѣти.

Былъ у Христа-младенца садъ,
И много розъ взростилъ Онъ въ немъ;
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплесть вѣнокъ себѣ потомъ.
Когда же розы расцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ;
Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ весь опустошенъ.

—„Какъ ты сплетешь себѣ вѣнокъ?
Въ твоемъ саду нѣтъ больше розъ!“
—Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ, сказалъ Христосъ.
И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для него,—
И капли крови, вмѣсто розъ,
Чело украсили Его.

* * *

Послѣ грома, послѣ бури,
Послѣ тяжкихъ, мрачныхъ дней,
Прояснился сводъ лазури,
Стало сердцу веселѣй.

Но надолго-ль... вотъ надъ моремъ
Тучи новыя бѣгутъ—
Солнце съ тучей, радость съ горемъ
Неразлучно, знать, живутъ?

Весна *).

Въ старый садъ выхожу я; росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ;
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.

Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья
И прыжки воробья на пескѣ.

Какъ ярка эта зелень деревьевъ,
Куполъ неба такъ чистъ и глубокъ!
И брожу я восторгомъ объятый,
И слеза застилаетъ зрачокъ.

За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Поднимаются къ небу вдали.

---

*) Und Freud und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd, o Sonne!
O Gluck, o Luft!

Какъ любовью и радостью дышетъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ!

Снова крѣпнутъ дремавшія силы;
Новой жизни приходитъ пора,
И становится все такъ возможнымъ,
Что̀ мечтою казалось вчера.

Здѣсь при взглядѣ на праздникъ созданья
Затихаетъ вражда и печаль...
И того, кто не любитъ, не вѣритъ,
Непритворно становится жаль.

Поневолѣ дивишься, что люди
Часто злобы другъ къ другу полны,
Иль не всѣмъ одинаково свѣтитъ
Это теплое солнце весны.

Какъ прекрасна весна! Милліоны
Ей навстрѣчу звучатъ голосовъ,
И въ моемъ воскресающемъ сердцѣ
Ей привѣтъ вдохновенный готовъ!

Съ венгерскаго.

(Изъ Арани).

Ахъ! Сколько, сколько пало ихъ
Въ бою за край родной!
Отважныхъ, гордыхъ, молодыхъ,
Съ кипучею душой.
Ахъ! Сколько, сколько сгибло ихъ
Подъ гнетомъ нищеты,—
Кому дороже благъ земныхъ
Казались ихъ мечты,
Кто на чужбинѣ чашу бѣдъ
Всю осушилъ до дна;
Дѣяній чьихъ не знаетъ свѣтъ,
Чьи темны имена...
Но не погибъ тотъ идеалъ,
Что̀ возвышалъ ихъ духъ!
И пламень тотъ, что̀ въ нихъ пылалъ,
Съ ихъ жизнью не потухъ!
Завѣщанъ честнымъ онъ сердцамъ...
И еслибъ край родной
Опять воззвалъ къ своимъ сынамъ,—
Они готовы въ бой!

И. С. НИКИТИНЪ.

Къ стр. 443.

И. С. Никитинъ.

(1826—1861).

Весна на степи.

Степь широкая,
Степь безлюдная,
Отчего ты такъ
Смотришь пасмурно?

Гдѣ краса твоя,
Зелень яркая,
На цвѣтахъ роса
Изумрудная?

Гдѣ тѣ дни, когда
Съ утра до ночи
Ты залетныхъ птицъ
Пѣсни слушала,

Дорогимъ ковромъ
Разстилалася,
По зарямъ, сквозь сонъ,
Волновалася?

Когда, въ часъ ночной,
Тайны чудныя
Вѣтерокъ тебѣ
Шепталъ ласково,

Освѣжалъ твою
Грудь открытую,
Какъ дитя, тебя
Убаюкивалъ?..

А теперь лежишь
Мертвецомъ нагимъ;
Тишина вокругъ,
Какъ на кладбищѣ...

Пробудись,—пришла
Пора прежняя;
Уберись въ цвѣты,
Въ бархатъ зелени;

Изукрась себя
Росы жемчугомъ;
Созови гостей
Весну праздновать.

Посмотри кругомъ:
Небо ясное
Голубымъ шатромъ
Пораскинулось,

Золотой вѣнецъ
Солнца краснаго
Весь въ огняхъ горитъ
Надъ дубравою.

Новой жизнію
Вѣетъ теплый день,
Вѣтерокъ на грудь
Къ тебѣ просится.

Тишина ночи.

Въ глубинѣ бездонной,
Полны чудныхъ силъ,
Идутъ милліоны
Вѣковыхъ свѣтилъ.

Тускло освѣщенный
Блѣдною луной,
Городъ утомленный
Смолкъ во тьмѣ ночной.

Спитъ онъ, очарованъ
Чудной тишиной,
Будто заколдованъ
Властью неземной.

Лишь объятъ дремотой,
Закричитъ порой
Сторожъ беззаботный
Въ улицѣ пустой.

Кажется, міръ сонный,
Полный сладкихъ грезъ,
Отдохнулъ спокойно
Отъ заботъ и слезъ.

Но взгляни: вотъ домикъ
Освѣщенъ огнемъ,
На столѣ покойникъ
Ждетъ могилы въ немъ.

Онъ, бѣднякъ голодный,
Утѣшенья чуждъ,
Кончилъ вѣкъ безплодный
Тайной жертвой нуждъ.

Дочери не спится,
Въ уголкѣ сидитъ...
И въ глазахъ мутится,
И въ ушахъ звенитъ.

Ночь минетъ—быть можетъ,
Христа ради ей
Кто-нибудь поможетъ
Изъ чужихъ людей.

Можетъ быть, какъ нищей,
Ей на гробъ дадутъ,
Въ гробѣ на кладбище
Старика снесутъ...

И никто не знаетъ,
Что въ нѣмой тоскѣ
Сирота рыдаетъ
Въ тѣсномъ уголкѣ;

Что въ нуждѣ до срока,
Можетъ быть, она
Жертвою порока
Умереть должна.

Міръ заснулъ... и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.

Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,
Вижу,—даль степей
Зеленѣется,

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ—
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу—
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?

У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?

Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?

На поляхъ своихъ,
Подъ курганами
Положила ты
Татаръ полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

И давно-ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная?..

Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра земля
Колебалася.

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!

Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,—

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.

И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами
Улеглися спать
Гости на вѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя;
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.

По сѣдымъ морямъ,
Изъ далекихъ странъ,
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.

И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

Молитва дитяти.

Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ;
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.

Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть можетъ, ангелъ твой хранитель,
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ престолу Бога отнесетъ.

Молись, дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Такими-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!

Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.

Мѣсяца лучами
Божій храмъ облитъ;
Крестъ подъ облаками,
Какъ, свѣча, горитъ.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горитъ:
Бѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ.

Думаетъ, гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ!

Горемыки-дѣтки!
Долго ли до бѣдъ,
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ.

Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ,—
Мудрено-ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ...

А ужъ тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ.

Господи, помилуй
Горемыкъ-сиротъ,
Дай имъ разумъ, силу,
Будь ты имъ оплотъ!..

И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ

И черты старушки,
Полныя заботъ,
И въ углу избушки
Дремлющихъ сиротъ.

Вотъ пѣтухъ безсонный
Гдѣ-то закричалъ;
Полночи спокойной
Долгій часъ насталъ.

И, Богъ вѣсть, отколѣ
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ полѣ
Съ тройкой удалой,

И въ морозной дали
Тихо потонулъ
И напѣвъ печали,
И тоски разгулъ.

Наслѣдство.

Не осталося
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;

Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.

Съ ними молодцу
Всюду весело!
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.

Въ горѣ, черный день,
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ
Смотришь соколомъ;

На распашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою
Улыбаешься.

И мила душѣ
Доля всякая,
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется!

Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями,—и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички вдвоемъ,
Близь осоки, втихомолку
Тянутъ сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.

„Ну, катай на-перегонки!“
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.

„Тянутъ, тянутъ!“ закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ“.

Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
—„Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ,—
Нечего глядѣть!“

Такъ сказалъ старикъ высокой,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
„Будетъ на денекъ!“
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

„Ты, подкидышъ, къ намъ откуда?
Не зови—придетъ...
Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь,—такъ вотъ!..“

И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
—„Ну, за что ее ты, Мишка?“
Упрекнулъ другой.

„Экой малый уродился,
Говорилъ старикъ:
Все-бъ дрался онъ да бранился,
Экой озорникъ!“

—„Ты бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!“
Свату сватъ сказалъ.

—„Эхъ!.. дѣвчонка надоѣла...
Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша, безъ дѣла,
Одѣвать изволь.

„Хлѣбъ, смотри, вотъ вздорожаетъ,—
Ты чужихъ корми,
А вѣдь мать, небось, гулятъ,
Прахъ ее возьми!“

—„Потерпи, чай, не забудетъ
За добро Господь!
Вѣдь она работать будетъ,
Богъ дастъ, подростетъ“.

Такъ-то такъ... вѣстимо, надо
Къ дѣлу пріучить;
Да теперь беретъ досада
Безъ толку кормить.

И дѣвчонка-то больная,
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ... дрянь такая!
А на грѣхъ жива!

Мужички потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли;

А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

Вечеръ послѣ дождя.

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное поле,
Послѣ грозы, озарилось улыбкой румянаго солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто румяныя тучи
Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.
Спятъ неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой вечерней.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темносиній: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной;
Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо на стеблѣ.
Солнце-художникъ покрыло его золотистою краской,
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ махровой;
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный сбирая. А какъ забѣлѣлася ярко
Гречка расцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется, снѣгъ это бѣлой лежитъ полосою.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосъ;
Бѣдная, долго ждала она капли прозрачной изъ тучки.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной; кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо...
Только кричитъ гдѣ-то перепелъ и распѣваетъ овсянка;
Весело свистнулъ онъ и водицы напился изъ лужи.
Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣсу. Подъ мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой,
Тайно молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
„Экую радость послалъ намъ Господь—проливной этотъ дождикъ!
Хлѣбъ-отъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнаешь“.

Жена ямщика.

Жгучъ морозъ трескучій,
На дворѣ темно;
Серебристый иней
Запушилъ окно.

Тяжело и скучно,
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ,

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На палати, стѣны
Разливая блескъ.

Дремлетъ возлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ кудрявый
Въ старомъ зипунѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ, за прялкой,
Мать его сидитъ.

Ей недаромъ снился
Страшный сонъ вчера:
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.

Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
Мужъ, что въ воду канулъ,
Вѣсточки не шлетъ.

„Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ!...

Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной-одна!

Сынъ еще ребенокъ,
Скоро-ль подростетъ?
Бѣдный!... все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ!...“

И глядитъ на сына
Горемыка-мать:
„Ты бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!“

—„А зачѣмъ же, мама,
Ты сама не спишь?
И вечоръ все пряла,
И теперь сидишь?“—

„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!“

—„Полно, плакать, мама!“
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой
Головой припалъ.

—„Я не стану плакать.
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

Постелю постельку,
И Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять;
Будетъ въ нихъ сынечка
По двору катать...“

И дитя забылось.
Ночь длинна—длинна...
Мѣрно раздается
Звукъ веретена.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И на память пряхѣ
Молодость пришла,
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ:
„Сохнешь ты, родная;
Сохнешь, говоритъ,

Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
За мужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!

„И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
Кровь вѣдь съ молокомъ!

„И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да зато имъ шутка
Молотить и жать.

„А тебя за разумъ
Хвалитъ вся семья,
Да любить-то... любитъ
Только мать твоя.“

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
„Батюшка пріѣхалъ!“
Мальчуганъ сказалъ.

И вскочилъ съ постели,
Щечки ярче розъ.
„Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!...“

—„Вишь, морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!“
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...

И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогѣ съ шапки
Иней отряхнулъ.

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

—„Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка,
Въ полѣ слѣду нѣтъ!

„Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ“.

„А мой мужъ?“ спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

Да, въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.“—

Вѣсть, какъ громъ, упала...
И едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова.

Опустивъ ручонки,
Сынъ дрожалъ, какъ листъ..
За стѣной избушки
Былъ и плачъ, и свистъ.

— „Вишь, какая притча!“
Разсуждалъ мужикъ,
„Вѣрно, я не въ пору
Развязалъ языкъ.

„А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить!

„Полно горевать-то,
Онъ вдовѣ сказалъ:
Стало, неча дѣлать,
Богъ, знать, наказалъ!

„Ну, прощай покуда,
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.

„Да!... вѣдь, эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

„Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

—„Вотъ благословенье
„Сыну моему;
„Пусть не забываетъ
„Мать, скажи ему.“

„А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По-смерть твое имя,
Бѣдный, онъ твердилъ.“

Бурлакъ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня, молодца;
Я женился—и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла—
Дай Богъ царство небесное бѣдной!—
Ужъ такая-то, братецъ, хозяйка была—
Дорожила полушкою мѣдной!
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;
Пѣтухи пропоютъ—ну, тогда отдохнетъ,
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ—
Ужъ она на ногахъ: поглядишь,—побѣжитъ
И овцамъ, и коровамъ дастъ корму,
Печь истопитъ, и снова за прялкой сидитъ,
Или что прибираетъ по дому.
Лѣтомъ рожь станетъ жать, иль снопы подавать
Съ земли на возъ—и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: „не пора-ль отдыхать?“
—„Ничего, говоритъ, не устала“.
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: „напрасно!
Мы безъ этого будемъ другъ друга любить.
Что ты тратишься, соколъ мой ясный!“
Какъ въ раю съ нею жилъ!... Да не намъ, вѣрно, знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю навѣки спать...
Вспомнишь—жизнь не мила тебѣ станетъ!
Вся надежда была,—словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ, сынишка.
По складамъ ужъ псалтирь было началъ читать...
Думалъ: „выйдетъ, молъ, въ люди мальчишка!“
Да не то ему Богъ на роду написалъ:
Заболѣлъ отъ чего-то весною,—
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ
И поилъ наговорной водою,
Обѣщался рублевую свѣчку купить,
Предъ иконою въ церкви поставить,—
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совсѣмъ мои руки!
Стали хлѣбъ убирать,—въ полѣ пѣсни, огни,
А я сохну отъ горя и скуки!
Снѣга перваго ждалъ: я продамъ, молъ, вотъ рожь,
Справлю сани, извозничать буду,—

Вдругъ— бѣда за бѣдой—на скотину падёжъ...
Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду!
Кой-какъ зиму провелъ; вижу, честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣется:
„Дескать, всякая вотъ, что ни есть, мелкота,
Тоже въ дѣло мірское суется!“
То бранятъ за глаза: „не съ его-де умомъ
Жить въ нуждѣ,—видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по нашему такъ: коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!“
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ;
Видно, Богъ свою помочь мнѣ подалъ!
Запросилась душа на широкій просторъ...
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ...
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!...
Коли отдыхъ придетъ—на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ—и вмигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы сдержишь,—и самъ тутъ зальешься!
Непогода-ль случится, и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе,—
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется—и вспыхнешь огнемъ!
Осень, холодъ—не надобна шуба!
Сядешь въ лодку—гуляй! размахнешься веслом,
Силой съ бурей помѣряться любо!
И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешь: „ну, теперь Божія воля!
Коли жить—будемъ жить, умереть—такъ умремъ!“
И въ душѣ словно не было горя!

Илья Муромецъ.

Ужъ какъ былъ молодецъ—
Илья Муромецъ;
Сидѣлъ сиднемъ Илья
Ровно тридцать лѣтъ,—

На тугой лукъ стрѣлы
Не накладывалъ,
Богатырской руки
Не показывалъ.

Какъ провѣдалъ онъ тутъ,
Долго сидючи,
О лихомъ Соловьѣ
О разбойникѣ,—

Снарядилъ въ путь коня:
Его первый скокъ—
Былъ пять верстъ, а другой—
Пропалъ изъ виду.

По коню былъ сѣдокъ,—
Къ князю въ Кіевъ-градъ
Онъ привезъ Соловья
Въ торокахъ живьемъ.

Вотъ каковъ-то народъ
Руси-матушки!
Онъ, безъ нужды, не вдругъ
Съ мѣста тронется;

Не привыкъ богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удальствомъ,
Умомъ-разумомъ;

Ужъ зато, кто на брань
Самъ напросится,
За живое его
Тронетъ не въ пору,—

Прочь раздумье и лѣнь!
Послѣ отдыха
Онъ, какъ буря, встаетъ
Противъ недруга!

И поднимется кличъ
Съ отголосками,
Словно громъ загремитъ
Съ перекатами.

И за тысячи верстъ
Людъ откликнется,
И пойдетъ по Руси
Гулъ безъ умолку.

Тогда все трынъ-трава
Бойцу смѣлому:
На куски его рѣжь,—
Не поморщится.

Эхъ, родимая мать,
Русь-кормилица!
Не пришлось тебѣ знать
Нѣги-роскоши!

Подъ грозой ты росла,
Да подъ вьюгами
Буйный вѣтеръ тебя
Убаюкивалъ;

Умывалъ бѣлый снѣгъ
Лицо полное,
Холодъ щеки твои
Подрумянивалъ.

Много видѣла ты
Нужды смолоду,
Часто съ злыми людьми
На смерть билася.

То не служба была,
Только службишка;
Вотъ теперь сослужи
Службу крѣпкую.

Видишь: тучи несутъ
Громъ и молнію,
При моряхъ города
Загораются.

Всѣ друзья твои врозь
Поразсыпались,
Ты одна подъ грозой...
Стой, Русь-матушка!

Не дадутъ тебѣ пасть
Дѣти-соколы.
Встань, послушай ихъ кликъ
Да порадуйся...

Для тебя—все добро,
Платье цѣнное,
Нашихъ женъ, кровь и жизнь,—
Все для матери".

Пронесетъ Богъ грозу
Взглянетъ солнышко,
Шире прежняго, Русь,
Ты раздвинешься!

Будетъ имя твое
Людямъ памятно,
Пока міру стоять
Богомъ сужено.

И ужъ много могилъ
Нашихъ недруговъ
Поростетъ на Руси
Травой дикою!

Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь-безлюдье вокругъ.
Чутъ примѣтна тропинка росистая.
Кусть задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.

Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ, рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко-далеко колокольчикъ звенитъ,
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ—разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

* * *

Помню я: бывало, няня,
Долго сидя за чулкомъ,
Молвитъ: баловень ты, Ваня,
Все дурачишься съ котомъ.

Встань, подай мою шубейку,
Что-то холодно... дрожу...
Да присядь вотъ на скамейку,
Сказку длинную скажу.

И старушка съ разстановкой
До полночи говоритъ.
Съ приподнятою головкой
Я сижу. Свѣча горитъ.

Пѣтухи давно пропѣли.
Поздно. Тянется ко сну...
Гдѣ-то дрожки прогремѣли...
И подъ говоръ я засну.

Сонъ спокоенъ. Утромъ встанешь,
Прямо въ садикъ... Рай земной!
Пѣсни, говоръ... А какъ глянешь
На росинки,—самъ не свой!

Чуть сорока прощекочетъ,—
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть, молъ, она хочетъ:
„Здравствуй, Ваня!.. долго спишь!“

Гнѣздо ласточки.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ, и громъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.

Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рожь дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ;
Идетъ мука, въ глаза пылитъ.

Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила-слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.

Въ ночь темную, подъ крылышко
Головку подогнетъ,
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
Носкомъ не шевельнетъ.

* *
*

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь въ потьмахъ.

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой!

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ—не глядитъ,
Пляшетъ—присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,

Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души.

Соха.

Ты соха ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей ли, соха, милости,
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты!

Про тебя и вспомнитъ некому...
Что-жъ молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?..

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху-матушку
Одна поченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается:
Не твоя ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужъ и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу на вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена...

* *
*

Ахъ, ты бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черному привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу придешь—въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.

Ты плывешь—куда водой несетъ,
Стороной бредешь—гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка—гроза идетъ,
Скажешь правду—силой ротъ зажмутъ.

У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ—при старости;

Вѣкъ ты мучишься да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая,
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься—
На могилѣ трава дикая.

Нищій.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Не охота ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Пахарь.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается;
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да каменьями унизана.

Не слыхать-то въ полѣ голоса,
Молча воронъ на межѣ сидитъ,
Только слышенъ голосъ пахаря:
За сохой онъ на коня кричитъ.

Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ, понуривъ голову,
Мужичекъ идетъ, шатается...

Зрѣетъ рожь—тебѣ заботушка:
Какъ бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.

Хлѣбъ поспѣлъ—тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься.
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

Урожай—купцы спѣсивятся;
Годъ плохой—въ семьѣ всѣ мучатся—
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.

Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ талантъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твой да на горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался!

Ночлегъ въ деревнѣ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;

Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачъ дитяти...
О, нужда, нужда!

Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть!

Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ,
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло: пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.

Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.

Старику немного надо:
Лапти сплесть да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ сходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,—
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

Пѣсня бобыля.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ—весь пожитокъ...
Эхъ, живи—не тужи,
Умрешь—не убытокъ!

Богачу-дураку
И съ казной не спится;
Бобыль голь, какъ соколъ,
Поетъ, веселится.

Онъ идетъ да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ:
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны...

Эхъ, присвисни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!

Ужъ ты плачь ли, не плачь,—
Слезъ никто не видитъ;
Оробѣй, загорюй,—
Курица обидитъ.

Ужъ ты сытъ ли, не сытъ,—
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ да умремъ—
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ—
Пѣсенка допѣта!

Погостъ.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна,
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.

Тишина—неслышно звука,
Не горитъ огня въ селѣ.
Безпробудно скорбь и мука
Спитъ въ кормилицѣ-землѣ.

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

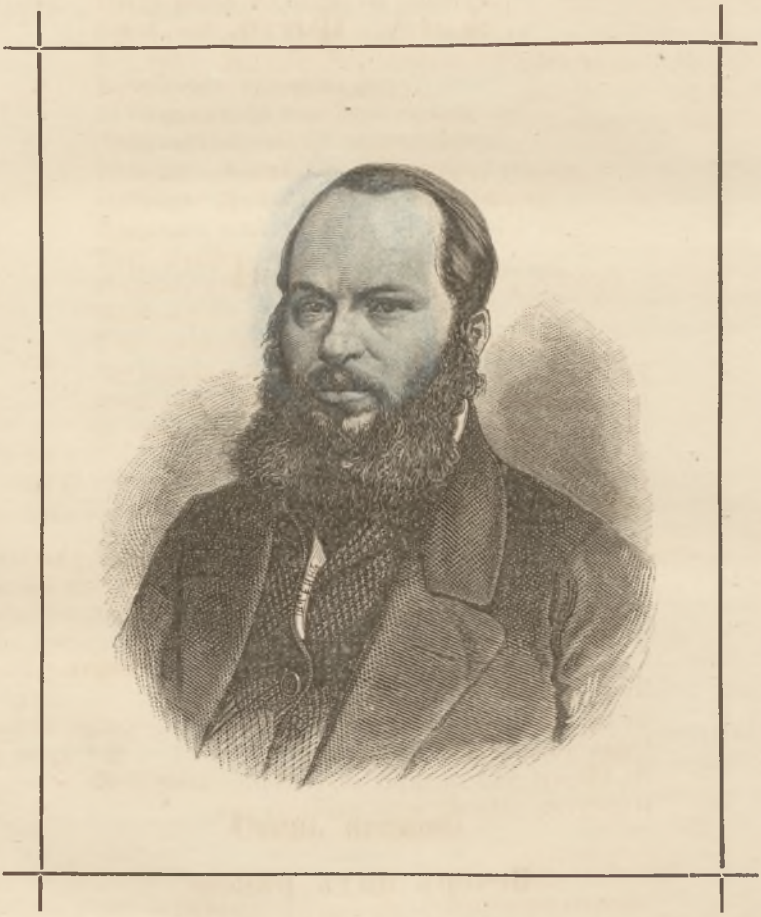
Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

* *
*

Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла..

Что же? усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится....
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!...

Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная.
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!... О жизни покончен вопросъ—
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!



А. А. ФЕТЪ.

Къ стр 459.

А. А. Фетъ.

Къ Мельпоменѣ.

(Ода Горація).

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной
И зданій царственныхъ, превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни аквилонъ полночной,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ тропа судитъ Дафнъ народъ трудолюбивый—
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ Эолійскій
Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

Вечеръ надъ рѣкою.

Прозвучало надъ ясной рѣкою,
Прозвенѣло въ померкшемъ лугу,
Прокатилось надъ рощей нѣмою,
Засвѣтилось на томъ берегу.

Далеко въ полумракѣ, луками
Убѣгаетъ на западъ рѣка;
Погорѣвъ золотыми коймами,
Разлетѣлись, какъ дымъ, облака.

На пригоркѣ то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть въ дыханьѣ ночномъ...
Но зарница ужъ теплится ярко
Голубымъ и зеленымъ огнемъ.

Зимняя картина.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,

Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

Степь вечеромъ.

Клубятся тучи; млѣя въ блескѣ аломъ,
Хотятъ въ росѣ понѣжиться поля,
Въ послѣдній разъ за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.
Нигдѣ жилья не видно на просторѣ,
Вдали, огня иль пѣсни и не ждешь!
Все степь да степь! Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.
За облакомъ, до половины скрыта,
Луна свѣтить еще не смѣетъ днемъ,
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунь проплылъ, не шевеля крыломъ.
Покрылись нивы сѣтью золотистой,
Тамъ перепелъ откликнулся вдали,
И слышу я, въ изложинѣ росистой
Въ полголоса кричатъ коростели.
Ужъ сумракомъ пытливый взоръ обмануть,
Средп тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ съ неба звѣзды глянуть,
И, какъ рѣка, засвѣтитъ млечный путь.

Ночь въ степи.

Теплымъ вѣтромъ потянуло,
Смолкъ далекій гулъ...
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.
Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы,
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.

Только выше все всплываетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
Песъ сторожевой.
Рѣдко, рѣдко кочевля
Тучка броситъ тѣнь...
Неподвижная, нѣмая
Ночь свѣтла, какъ день.

Степь весною.

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышетъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.
И далеко межъ кургановъ,
Темносѣрою змѣей,

До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.
Къ безотчетному веселью,
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

Береза.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висять,

И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу ея вѣтвей.

* *
*

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти.
Еще овраги полны снѣга,
Еще зарей гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.

Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ,
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.

Но возрожденья вѣсть живая
Ужъ есть въ пролетныхъ журавляхъ,
И, ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная,
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

* *
*

Ростутъ, ростутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь...
Ужъ позлатилъ послѣднія ступени
Перебѣжавшій день.
Что звало жить, что силы горячило—
Далеко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землей,
И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ...
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ;
Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно все окрестъ...
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ міріады звѣздъ.

* *
*

Вдали огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка;
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.
Никто мнѣ не скажетъ: „куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?“
Шевелись же, весло, шевелися—
А берегъ во мракѣ пропалъ!
Да что же? Зачѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься-ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
И весла, и огня за рѣкой?

* *
*

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй...
Даже въ столицѣ не тѣсно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.
А небо? а мѣсяцъ?
О, этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ...
Шпили и кресты—брилліанты;
А тамъ за луной небосклонъ.

Чѣмъ дальше—свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь—и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часового,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Иль пѣніе вѣстника утра.
Вмѣстѣ съ зарею и сонъ налетаетъ на вѣжды,
Свѣтелъ, какъ призракъ;
Голову клонитъ, а жаль отъ окна оторваться!

Осень.

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да, какъ сѣть, мелькали,
Вонъ надъ той горой.
Съ вечера все спится,
На дворѣ темно;
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.
Лучше-бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Словно какъ съ испугу,
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.
Выйдешь—по неволѣ,
Тяжело—хоть плачь!
Смотришь: черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ, какъ мячъ.

* * *

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій—
Не видать въ пыли!
Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

* * *

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой.

Рыбка.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права;
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна,
На днѣ видна трава.
Чиста холодная струя,
Слѣжу за поплавкомъ:—
Шалунья рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.
Голубоватая спина,
Сама какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.
Идетъ, не дрогнетъ подъ водой...
Пора! червякъ во рту.
Увы! блестящей полосой
Юркнула въ темноту.
Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ.
Постой! авось, на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ.

* *
*

Котъ поетъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.
„Полно тутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай“.
Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ и все поетъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

* *
*

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчахъ навела,
Въ два ряда свѣтъ—и таинственнымъ трепетомъ
Чудно горятъ зеркала.
Страшно припомнить душой оробѣлою:
Тамъ за спиной нѣтъ огня...
Тяжкое что-то надъ шеею бѣлою
Плаваетъ, давитъ меня!
Ну, какъ уставятъ гробами дубовыми
Весь этотъ рядъ между свѣчъ?
Ну, какъ лохматый съ глазами свинцовыми
Выглянетъ вдругъ изъ-за плечъ?
Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Духъ захватило въ груди...
Суженый! золото, серебро!.. Чуръ меня,
Чуръ меня—сгинь, пропади!

Nocturno.

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь.
Твой сводъ упалъ; кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.

И стеколъ нѣтъ, и свищетъ вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющъ растетъ, да устремляетъ очи
Полночная луна.

И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ,
Блеститъ его уборъ—
И слышатся на помостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.

И грустную симфонію печали
Звучитъ во тьмѣ органъ...
То тихо все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны, и органъ.

* *
*

Заря прощается съ землею,
Ложится паръ на днѣ долинъ.
Смотрю на лѣсъ, покрытый мглою,
И на огни его вершинъ.

Какъ незамѣтно потухаютъ
Лучи, и гаснутъ подъ конецъ;
Съ какою нѣгой въ нихъ купаютъ
Деревья пышный свой вѣнецъ.

И все таинственнѣй, безмѣрнѣй
Ихъ тѣнь растетъ—растетъ, какъ сонъ;
Какъ тонко по зарѣ вечерней
Ихъ легкій очеркъ вознесенъ.

Какъ будто чуя жизнь двойную
И ей овѣяны вдвойнѣ—
И землю чувствуютъ родную,
И въ небо просятся онѣ.

Вòротъ.

Спать пора, свѣча сгорѣла;
Да и ты, моя краса,
Голова отяжелѣла,
Кудри лѣзутъ на глаза.
Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать.
Видишь, глазки-то, бѣдняжки,
Такъ и просятся уснуть,
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.
„Отчего же, няня, надо?“
Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святаго взгляда,
Любовался Ангелъ твой.

Твой хранитель, Ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,
Какъ и ты, дитя, пригожій,
Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрытъ и тихъ твой сонъ:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядетъ онъ;
А закрыта душка, спрячетъ
Душку вòротъ, мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.
Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу,
Ужъ подушку я крестила—
И тебя перекрещу.

* *
*

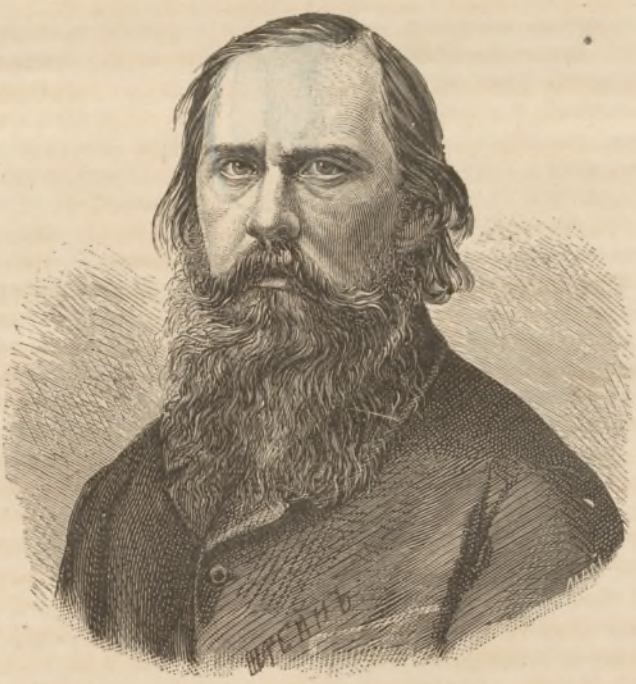
Ужъ верба вся пушистая
Раскинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И въ душу снова просятся
Плѣнительные сны.

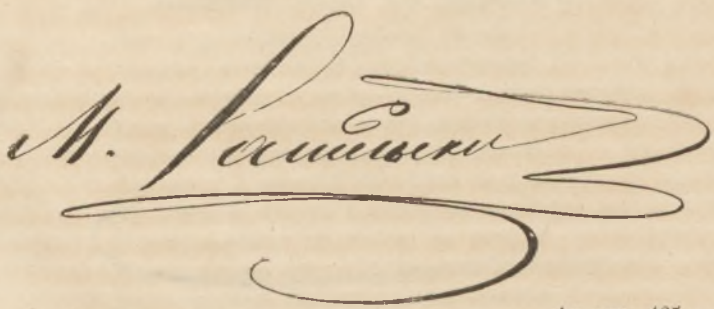
Вездѣ разнообразною
Картиной занять взглядъ,
Шумитъ толпою праздною
Народъ—чему-то радъ...
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена—
И надъ душою каждою
Проносится весна.

Зимнее утро въ деревнѣ.

Вотъ утро сѣвера—сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещитъ огонь—и сѣрый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ.
Пѣтухъ заботливый, копаясь на дорогѣ,
Кричитъ... а дѣдушка брадатый на порогѣ
Кряхтитъ и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлые летятъ ему въ лицо...
И полдень настаетъ. Но, Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ—и скроется... И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

Библіотека Варшавской Учительской семинаріи
№





Къ стр. 465.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

(Род. въ 1826 г.).

ИЗЪ „ГУБЕРНСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ“. „БОГОМОЛЬЦЫ И СТРАННИКИ“.

Общая картина.

Утро... Однако, на улицѣ уже шумно и людно; толпы женщинъ всякаго возраста, съ котомками за плечами и съ посохами въ рукахъ, тянутся длинными вереницами къ соборной площади. Уже показалось веселое солнышко и привѣтливо заглянуло всюду, гдѣ праздность и изнѣженность не поставили ему искусственныхъ преградъ; заиграло оно на золоченыхъ шпиляхъ церквей, позолотило тихія, далеко разлившіяся воды Крутогорки, согрѣло лучами своими влажный воздухъ и прогнало, вмѣстѣ съ тьмою, черную заботу изъ сердца... Солнышко, солнышко! какъ не любить тебя!

Май ужъ на исходѣ. Въ этотъ годъ онъ какъ-то особенно тепелъ и радошенъ; деревья давно одѣлись густою зеленью, которая не успѣла еще утратить свою яркость и пріобрѣсти лѣтніе тусклые тоны. Въ воздухѣ, однакожъ, слышится еще весенняя свѣжесть; рѣки еще черезъ край полны воды, а земля хранитъ еще свою плодотворную влажность на благо и крѣпость всякому злаку растущему.

Соборная площадь кипитъ народомъ; на огромномъ ея просторѣ снуютъ взадъ и впередъ пестрыя вереницы богомолокъ; нѣкоторыя изъ нихъ, въ ожиданіи благовѣстнаго колокола, расположились на землѣ, поближе къ полуразрушенному городскому водоему, наполнили водой берестяные бураки и отстегнули запыленныя котомки, чтобы вынуть оттуда далеко запрятанные и долгое время береженные мѣдные гроши на свѣчку и на милостыню. Тутъ же, между ними, сидятъ на землѣ группы убогихъ, слѣпыхъ и хромыхъ калѣкъ, изъ которыхъ каждый держитъ въ рукахъ деревянную чашку, и каждый тянетъ свой плачевный, захватывающій за душу стихъ о пресвѣтломъ потерянномъ раѣ, о пустынномъ „нужномъ“ житіи, о злой превѣчной мукѣ, о грѣшной душѣ, не имѣвшей ни середы, ни пятницы...

Тутъ же, около воткнутыхъ въ землю колышковъ, изображающихъ собою временныя ярмарочныя помѣщенія, толкаются расторопные мѣщане и подгородные крестьяне, притащившіеся на ярмарку съ бураками, ведерками, горшками и другимъ деревенскимъ припасомъ. И весь этотъ людъ суетится, хлопочетъ и безпрерывно обновляется новыми толпами богомолокъ, приходящими, Богъ вѣсть, изъ какихъ странъ. Гулъ толпы ходитъ волнами по площади, принимая то веселые и беззаботные, то жалобные и молящіе, то трезвые и суровые тоны.

У меня во пустыни много нужи пріяти,
У меня во пустыни постомъ попоститися,
У меня во пустыни скорбя поскорбѣти,
У меня во пустыни терпя потерпѣти...

голоситъ заунывно одна группа нищихъ, и десятки рукъ протягиваются съ копѣечками къ деревяннымъ чашкамъ убогихъ калѣкъ.

— Помолись, родимый, за меня! помолись миленькій! — говоритъ молодая бабенка, опуская свою копѣечку въ чашку слѣпенькаго старика, сидящаго на корточкахъ; но онъ, не обращая на это вниманія, продолжаетъ тоскливо тянуть свою пѣсню:

Не страши мя, пустыня, превеликими страхами...

— Издалеча, касатка, пришли? — спрашиваетъ молодуху сгорбленная и сморщенная старуха, тутъ же остановившаяся съ суковатою клюкой своей.

— Изъ Зырянъ (Устьсысольскій уѣздъ и смежныя ему мѣстности Вологодской, Пермской и Вятской губерній), родимая, верстъ полтысячи болѣ будетъ; съ самаго съ Егорьева дни идемъ угоднику поклониться.

— По обѣщанью что ли?

— Пообѣщалась, баушка; вотъ третій годъ замужемъ, а дѣтокъ все Богъ не даетъ...

Старуха вздыхаетъ.

— А мы такъ вотъ тутошніе, — говоритъ она, шамкая губами:—верстъ за сто отселѣва живемъ.. Человѣкъ я старый, никому не нужный, ни поробить, ни въ избѣ посмотрѣть... Глазами-то плохо ужъ вижу: намеднись, чу, робенка—правнучка мнѣ-то, чуть въ корытѣ не утопила... Вотъ и отпустили къ угоднику...

— Чай, пѣшкомъ пришла, баунька?—спрашиваетъ молодуха, покачивая головой.

— На своихъ все на ногахъ... охромѣла я нонѣче, а то какъ бы не сходить сто верстъ!.. больно ужъ долго шла... охъ, да и котомка-то плечи щемитъ!

Молодуха молчитъ, поглядывая, пригорюнившись, на старуху.

— Чтой-то ужъ и смерть-то словно забыла меня, касатка! — продолжаетъ старуха:—ровно ужъ и скончанія житію-то не будетъ... а тоже хлѣбъ вѣдь ѣмъ, на печи чужое мѣсто залеживаю... знобка я ужъ нонѣ стала!

— Чай и грошика-то у тебя; баушка, нѣту?

— Нѣтъ, таки далъ внучекъ грошикъ... Сынокъ-отъ у меня, видно, померъ, такъ внучекъ въ дому хозяйствуетъ... далъ грошикъ... какъ же! свѣчу поставить надо...

Новая толпа богомолокъ прерываетъ начатый разговоръ.

Всякимъ грѣшникамъ
Будетъ мука разная...

раздается въ одной группѣ нищихъ...

Народился злой антихристъ,
Во всю землю онъ вселился,
Во весь міръ онъ воружился;
Стали его волю творити:
Власы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити...

раздается въ другой группѣ.

„Порадѣйте, православные, на церковное строеніе! святому угоднику на встрѣтеніе!“ Такъ взываетъ небольшой, колченогій мужичокъ, бойко пробираясь на своей деревяшкѣ сквозь густую толпу богомольцевъ. Черезъ плечо у него перекинута ременная перевязь, съ прикрѣпленнымъ небольшимъ деревяннымъ ящикомъ, въ который православные опускаютъ свои посильныя жертвы...

...И вся эта толпа пришла сюда съ чистымъ сердцемъ, храня во всей ея непорочности, душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу Божьяго угодника. Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого неудержимаго стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простаго человѣка. На меня вѣетъ невѣдомою свѣжестью и благоуханіемъ, когда до слуха моего долетаетъ все то же тоскливое голошеніе убогихъ нищихъ:

Придетъ мать—весна красна:
Лузья, болота разольются;
Древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райски
Архангельскими голосами;
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!

— Нѣтъ, не покину!—готовъ я воскликнуть вмѣстѣ съ Осафьемъ-царевичемъ:

Разгуляюсь я во пустыни, во зеленой во дубровѣ,
Насмотрюсь я во пустыни на различные свѣты...

Но вотъ раздался благовѣстъ соборнаго колокола; толпа вдругъ заколыхалась, и вся, какъ одинъ человѣкъ, встала...

Отставной солдатъ Пименовъ.

На завалинкѣ, у самаго почтоваго двора, расположился небольшаго роста старичекъ въ военномъ сюртукѣ, запыленномъ и вытертомъ до крайности. Онъ снялъ съ плеча мѣшокъ, вынулъ оттуда ломоть чернаго, зачерствѣвшаго хлѣба, досталъ бумажку, въ которую обыкновенно завертывается странниками соль, посолилъ хлѣбъ и принялся за обѣдъ.

— Куда бредешь, старикъ?—спрашиваю я, садясь возлѣ него на завалинку.

— А вотъ, сударь, ко святымъ мѣстамъ собрался, да будто попристалъ маленько.

Солдатъ очень старъ, хотя еще бодръ; лицо у него румяное, но румянецъ этотъ старческій; подъ кожей видны жилки, въ которыхъ кровь кажется какъ бы запекшеюся; глаза тусклые и слезящіеся; борода, когда-то бритая, давно запущена; волосъ на головѣ мало; потъ выступаетъ на всемъ лицѣ, потому что время стоитъ жаркое, и идти пѣшему, да еще съ ношею, должно быть, очень тяжело.

— Давно ты въ отставкѣ, старикъ?

— А какъ бы вамъ, сударь, не солгать? лѣтъ съ двадцать пять—больше будетъ. Двадцать пять лѣтъ въ отставкѣ, двадцать пять въ службѣ, да хоть двадцати же пяти на службу пошелъ... лѣтъ-то ужъ, видно, мнѣ много будетъ.

— Тяжело, чай, тебѣ идти?

— Тяжелина, ваше благородіе, небольшая. Не къ брагѣ, а за святымъ дѣломъ иду: какъ же можно, чтобъ тяжело было! Извѣстно, иной разъ будто солнышко припечетъ, другой разъ дождичкомъ смочитъ, однако непереноснаго нѣту.

— Куда же идешь?

— И самъ, сударь, еще не знаю. Желанье такое есть, чтобъ до Святой Горы дойти, а тамъ какъ Богъ дастъ.

Старикъ доѣлъ свой ломоть, перекрестился и вздохнулъ.

— Вотъ теперь кваску бы испить хорошо,—сказалъ онъ:—да отдохнуть бы, пока жара поспадетъ.

Подали, по моему приказанію, кружку квасу, къ которой старикъ припалъ съ видимымъ наслажденіемъ.

— Ну, вотъ этакъ-то ладно будетъ,—сказалъ онъ, переводя духъ:—спасибо, баринушко, тебѣ за ласку. Грошиковъ-то у меня, вишь, мало, а безъ квасу и идти-то словно не повадно... Спасибо тебѣ!..

— Какъ же ты, старина, въ такой дальній путь безъ грошиковъ собрался?

— Дойду, сударь: не впервой эти походы дѣлать. Я съизмалѣтства къ странническому дѣлу приверженность имѣю, даромъ что солдатъ. Значитъ, я со всякимъ народомъ спознался, на всякіе свѣты наглядѣлся... Извѣстно, не безъ нужи! такъ, вѣдь, душевное дѣло нужей-то еще больше красится!

— Они всѣ, ваше высокоблагородіе, такимъ манеромъ довѣренность въ человѣческое добросердечіе питаютъ! вступился станціонный писарь, незамѣтно приблизившись къ намъ:—а что, служба, коли неровенъ часъ, по дорогѣ лихой человѣкъ ограбитъ? прибавилъ онъ не безъ ироніи.

— Гдѣ меня грабить! я весь тутъ какъ есть! отвѣчалъ старикъ и вздохнулъ.

— Это именно удивленія достойно-съ! продолжалъ философствовать писарь:—сколько ихъ тутъ черезъ все лѣто пройдетъ, и даже никакой опаски не имѣютъ! Примѣрно, скажемъ хоть про разбойниковъ-съ: разбойникъ, хошь ты, какъ хошь, все онъ разбойникъ есть, разбойничья у него душа... по эвтому самому и называется онъ кровопійцею... такъ и разбойника даже не опасаются-съ!

— Что его опасаться? Разбойникъ денежнаго человѣка любитъ... денежнаго человѣка да грѣшнаго! а бѣднаго ему не надо... зачѣмъ ему бѣдный!

— Я такъ, ваше высокоблагородіе, понимаю, что все это больше отъ ихней глупости, потому какъ съ умомъ человѣкъ, особливо служащій-съ,

всякаго случаю опасаться должонъ. Идешь этта иной разъ до города, такъ именно издрожишься весь, чтобъ кто-нибудь тебя не изобидѣлъ... Ну, а они что-съ? такъ развѣ, убогонькіе!

— Развѣ ты не въ первый разъ ходишь? спросилъ я старика, давъ время уняться потоку писарскаго краснорѣчія.

— Нѣтъ, сударь, много ужъ разъ бывалъ: былъ и въ Кіевѣ, и у Сергія-Троицы былъ, ходилъ и въ Соловки не однова... Только вотъ на Святой горѣ на Аѳонской не бывалъ, а куда, сказываютъ, тамъ хорошо! Сказываютъ, сударь, что такія тамъ есть пустыни безмолвныя, что и не хотящему человѣку не спастись не возможно, и такіе есть старцы-постники и подражатели, что даже самое закоснѣлое сердце словесами своими мягко, якъ воскъ, содѣлываютъ!.. Кажется, только бы Богъ привелъ дойти туда, какъ и животъ-то скончать не жалко!

— Эхъ, Антонъ Пименычъ! все это анекдотъ одинъ, сказалъ писарь:— извѣстно, странники оттелѣва приходятъ, такъ надо же побаловать языкомъ, будто какъ за дѣломъ ходили...

— Развѣ ты знаешь его? обратился я къ писарю.

— Какъ же, ваше высокоблагородіе! онъ тутошній, верстъ пятнадцать отсель жительствуетъ.

— Тутошній я, сударь, тутошній. Только ты это не дѣло, писарёкъ, говоришь про странниковъ-то! Такая ли это матерія, чтобъ насчетъ ея, одного баловства ради, рѣчь заводить!

— Такъ неужто-жъ и въ самомъ дѣлѣ противъ каждаго ихъ слова уши развѣсить надобно? Они, ваше высокоблагородіе, и не вѣсть чего тутъ, воротимшись-то, разсказываютъ... У насъ вотъ туточка все слава Богу, ничего-таки не слыхать, а въ чужихъ людяхъ такъ и рѣки-то, по-ихнему, молочныя, и берега-то кисельные...

— Кисельные, не кисельные, а это точно, что ты, писарёкъ, только по неразумѣнію своему странниковъ обхаиваешь... Странникъ—человѣкъ убогой, ему лгать нѣ по што.

— Чай, и ты, старина, немало видалъ на своемъ вѣку? спросилъ я.

— Какъ, сударь, не видать? видалъ довольно; видалъ, какъ и немощные крѣпость получали, и недужные исцѣлялися, видѣлъ бѣса, изъ жены изгоняемаго, слыхалъ звоны и гулы подземные, видалъ даже, какъ озеро внезапно, яко вихремъ волнуемое, содѣлывается, а вѣтру нѣтъ... много я, сударь, видалъ!

— Поразскажи-ка, пока отдыхаешь.

— Да что, сударь, вамъ разсказать! разскажешь, да вы не повѣрите; значитъ, въ соблазнъ васъ ввести надо... коли ужъ писарь зубы скалитъ, такъ благородному господину и подавно наша глупость не сообразна покажется!

— Мнѣ, однакожъ, было бы пріятно послушать тебя.

— Вотъ я какъ вашему благородію скажу, что нѣтъ того на свѣтѣ знаменія, которое бы, по Божьему произволенію, случиться не могло! Только завѣрить трудно, потому какъ для этого надобно самому большую простоту въ сердцѣ имѣть — тогда всякая вещь сама тебѣ объявится. Иной человѣкъ ума и преизбыточнаго, а идетъ, примѣрно, хоть по полю, и ничего не замѣчаетъ. Потому какъ у него въ глазахъ и ширина, и долина, и высь, и травка, и былье — все обыдённь-дѣло... А иной человѣкъ, умомъ незлокозненнымъ, сердцемъ безхитростнымъ дѣйствующій, окромѣ ширины и долины и выси, слышитъ тутъ гласы архангельскіе, красы безтѣлесныя зритъ... Потому-то, смекаю я, простому человѣку скрижаль Божья завсегда противъ злохитраго внятнѣе...

— Нѣтъ не потому это, Пименычъ, прервалъ писарь: — а оттого, что простой человѣкъ, окромѣ какъ своего невѣжества, натуральнаго естества ни въ жизнь произойти не въ силахъ. Ну, скажи ты самъ, какіе тутъ, кажется, гласы слышать? извѣстно, трава зябётъ, хошь въ полѣ, хошь въ лѣсу—вездѣ одно дѣло!

— Скажу, примѣрно, хошь про себя, продолжалъ Пименычъ, не отвѣчая писарю:—конечно, меня Господь разумѣніемъ выспреннимъ не одарилъ, потому какъ я солдатъ, и, стало быть, даровъ прозорливства взять мнѣ не откуда, однако, истину отъ неправды и я различить могу... И это именно такъ, что бываютъ на свѣтѣ такіе угодные Богу праведники и праведницы, которые единымъ простымъ своимъ сердцемъ непроницаемыя тайны проницаемыми содѣлываютъ, и въ грядущее, яко въ зерцало, очами безтѣлесными прозрѣваютъ!

Пименовъ на минуту задумался и потомъ продолжалъ:

— Обзнакомился я, напримѣръ, въ Кіевѣ, у мощей св. Варвары великомученицы, съ нѣкою подобною праведницей, и много мнѣ отъ нея пріятныхъ словъ довелось услышать. И такая это была жена благочестивая, что когда Богу молилася, такъ даже пресвѣтлымъ облакомъ вся одѣвалась и премногія радостныя слезы ко Всевышнему проливала. И разсказывала мнѣ она, какъ однова стояла она въ церкви Божіей, въ великомъ сокрушеніи о грѣхахъ своихъ, а очи, будто по недостоинству своему, къ землѣ опустила... И вдругъ слышитъ она вблизи себя нѣкій тихій гласъ, вѣщающій: „Мавро! Мавро! почто, раба, стужаешься! воздвигни очи своя горѣ и возрадуйся!“ И что жъ, сударь, взглянула она на алтарь, а тамъ надъ самымъ-таки престоломъ сіяніе, и такое оттуда благоуханіе исходитъ, что и рещи трудно... Такъ она послѣ этого три дня безъ словъ какъ бы нѣмая пребывала, и въ глазахъ все то самое сіяніе, такъ что стерпѣть даже невозможно! Такъ, вѣдь, были же тутъ, сударь, и другіе, а никто, опричь ея, видѣнія не удостоился! Вотъ оно, стало быть, и выходитъ по-моему, что только простое, незлокозненное сердце святыней растворяться можетъ!

— Такъ, похвальбишка какая-нибудь! сказалъ писарь, но Пименычъ даже не обратилъ на него вниманія и продолжалъ:

— Сказывала она мнѣ также, сударь, какія чудеса отъ нетлѣнныхъ мощей Преподобнаго Сергія Радонежскаго содѣлываются. Пришелъ, ваше благородіе, къ ракѣ его человѣкъ нѣкій невѣрующій, и похвалялся тотъ человѣкъ, что хоша онъ и нарочито не повѣруетъ, а ничего яко бы отъ этого ему худаго не сдѣлается. И едва, сударь, онъ это вымолвилъ, какъ почувствовалъ, что у него словно языкъ отнялся, такъ что послѣднихъ-то словъ даже и говорить путемъ не могъ. Ну, тогда и подлинно увѣдалъ господинъ невѣрующій, что въ мощахъ Преподобнаго великая сила сокрыта, и нетокмо повѣровалъ, но и въ чернецы тутъ же постригся, а языкъ сталъ у него по прежнему...

...— Бывалъ, сударь, я и въ пустынѣ. Пустыня—дѣло большое, и не всякій его вмѣстить можетъ. Доложу вамъ такъ: овый идетъ въ пустыню, чтобъ плоть свою соблюсти: работать ему не желается, подати платить неохота—онъ и бѣжитъ въ пустыню; овый идетъ въ пустыню по злокозненному своему разуму, чтобы ему, примѣрно, не Богу молиться, а кляузничать да стадо Христово въ соблазнъ вводить. А есть и такіе, которые истинно отъ страстей мірскихъ въ пустыню бѣгутъ, и ни о чемъ больше не думаютъ, какъ бы душу свою спасти. Это именно старцы разумные и великіе постники! Дотолѣ плоть въ себѣ умерщвляютъ, что она у нихъ прозрачна и суха содѣлывается, такъ что видомъ только плоть, а существомъ и похожаго на нее нѣтъ.

— И ты знавалъ лично такихъ?

Знавалъ, ваше благородіе, отвѣчалъ Пименовъ рѣшительнымъ голосомъ:—самъ своими глазами видалъ. Лѣтъ съ пятокъ тому будетъ, сознался я съ однимъ такимъ старцемъ—Вассіаномъ прозывался. Жилъ онъ въ пустынѣ болѣе сорока лѣтъ, жилъ въ строгости и тѣснотѣ великой, и столько полюбилось ему ея безмолвіе, что безъ слезъ даже говорить объ ней не могъ. Объ одномъ только и тосковала душа его, чтобы тѣ претѣсныя евангельскія врата сыскать, чрезъ которыя могла бы прейти отъ мрачныя и прегорькія темницы въ присносущій и не умирающій свѣтъ райскаго житія... Сказывалъ онъ мнѣ житіе свое прежнее, и именно удивленія это достойно, какъ Батюшка-то небесный тварь Свою безотмѣнно къ тайному концу приводитъ и самый даже нечистый сосудъ очищаетъ. Былъ, сударь, онъ до того времени и татемъ и разбойникомъ, немало невинныхъ душъ изгубилъ и крови неповинной проліялъ, однако, когда посѣтила его благость Господня, такая ли вдругъ напала на него тоска, что даже помышлялъ онъ руки на себя наложить. Началъ онъ скучать и томиться, и не зналъ, гдѣ для себя мѣсто найти, потому что всѣ душегубства его прежнія непрестанно предъ глазами его объявлялись и всюду за нимъ преслѣдовали. И указалъ ему Богъ путь въ пустыню... Пришелъ онъ въ лѣсъ дремучій, темный, неисходимый, палъ на землю и возрыдалъ многими слезами. „О прекрасная мати пустыня! прими мя грѣшнаго, прелестью плотскою яко проказою пораженнаго! О мати пустыня! прими мя кающагося и сокрушеннаго, прими, да не изыду изъ тебя во вѣкъ и не до конца погибну!“ И что-жъ, сударь? едва лишь кончилъ онъ молитву, какъ почувствовалъ, что страсти его внезапно укротились, и былъ онъ лютъ, яко левъ, а сдѣлался незлобивъ и кротокъ, яко агнецъ.

— Да. можетъ быть, онъ просто отъ наказанія скрывался? спросилъ я.

— Объ этомъ, сударь, сказать я вамъ ничего не могу. Извѣстно, что наказаніе разбойнику слѣдуетъ; однако, если человѣкъ самъ свое прежнее непотребство возчувствовалъ, такъ наврядъ и палачъ его столь наказать можетъ, сколько онъ самъ себя изнуритъ и накажетъ. Наказаніе, ваше благородіе, не спасаетъ, а собственная своя воля спасаетъ.... Не на радость и не на роскошество старецъ Вассіанъ въ пустыню вселился, а на скорбь и на нужу; стало-быть, не бѣжалъ онъ отъ наказанія, а самъ же его искалъ. И на каторгѣ хлѣбъ добрый и воду непорченную даютъ, а въ пустынѣ онъ корнями да травами питался, а воду пилъ гнилую и ржавую. Была у него въ самой лѣсной чащѣ сложена келья малая, такъ истинно человѣку въ ней жить не возможно, а онъ жилъ! Стоять въ ростъ нельзя; а можно только лежать или на колѣнкахъ стоять... точно какъ гробу подобно! Окошечко вырублено малое, да и то безъ стекла, печки нѣтъ. Какъ только жилъ!

— Да, вѣдь, одежду-то нужно было ему какъ-нибудь доставать? сказалъ я.

— А какая у него одёжа—понитокъ черный да вериги желѣзныя—вотъ и одёжа вся. Извѣстно, не безъ того, чтобъ люди объ немъ не знали; тоже прихаживали другіе и милостыню старцу творили: кто хлѣбца принесетъ, кто холстеца, только мало онъ принималъ, развѣ по великой ужъ нуждѣ. Да и тутъ, сударь, много разъ при мнѣ скорбѣлъ, что, по немощи своей, не можетъ совершенно отъ міра укрыться и полнымъ сердцемъ всего себя Богу посвятить!

— Какимъ же образомъ ты-то дошелъ до него?

— Кто много ищетъ, ваше благородіе, тотъ безотмѣнно находитъ. Самъ я, по неразумію своему, хотя не силенъ духовнаго подвига преодолѣть,

однако, къ подражателямъ Христовымъ великое почитаніе имѣю. Стало быть, того поспрошаю, у другаго навѣдаюсь—ну, и дойду какъ-нибудь до настоящаго. Такъ-то было и тутъ. Пришелъ я къ нему, по-милости добрыхъ людей, въ лѣтнее время, потому что зимой жилья по близности нѣтъ, а съ старцемъ поселиться тоже невозможно. Немалое-таки время и искалъ-то я его, потому что лѣсъ большой и заплутанный, а тропокъ никакихъ нѣту; только вотъ, походивши довольно, вдругъ вижу: сидитъ около кучи валежника старецъ, видомъ чуденъ и сѣдинами благолѣпными украшенъ; сидитъ, сударь, и лопотиночку ветхую чинитъ. А это онъ самый и былъ, Вассіанъ, а куча-то валежнику для того, вишь, имъ сюда снесена, чтобъ отъ непогодъ укрыть его келью тѣсную... И много я въ ту пору отъ него словъ великихъ услышалъ, и много дивился его житію, что онъ, какъ птица небесная, беззаботенъ живетъ и объ одномъ только Господѣ и Спасѣ радуется.— Какъ же ты зимой тутъ живешь, старче? вопросилъ я его. „А отчего мнѣка не жить, отвѣчалъ онъ:—снѣгомъ келейку мою занесетъ, вотъ и тепло мнѣ; живу безъ нужды, имя Христово прославляючи“. И чудо, сударь, сказывалъ онъ мнѣ, такъ даже звѣри дикіе, и тѣ отъ сладкаго его гласа кротки пребывали! Пришла, сударь, по одинъ день зимой къ его кельѣ волчица, и хотѣла старца благочестиваго съѣсти, а онъ только поглядѣлъ на нее да сказалъ: „почто, звѣрь лютый, съѣсти меня хочешь?“ и подалъ ей хлѣба, и стала, сударь, волчица лютая, яко агня кротка, и пошла отъ старца вспять!

.... Разсказавъ еще, какіе соблазны, искушенія бываютъ въ пустыняхъ подвижникамъ Христовымъ, Пименычъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, какъ будто хотѣлъ подмѣтить въ немъ признаки того глумленія, которое онъ считалъ непремѣнною принадлежностью „благороднаго“ господина. Но этого глумленія не было. Пускай станціонный писарь, пунктъ за пунктомъ, доказываетъ несбыточность показаній Пименова, но я, съ своей стороны, не имѣю силы опровергнуть ихъ. Передо мною ярко и осязательно выступаетъ всемогущее дѣйство вѣры, и, подъ обаятельнымъ вліяніемъ этой юной и свѣжей народной силы, внятною дѣлается для меня скрижаль Божія....

Вѣроятно, Пименычъ замѣчаетъ это, потому что глядитъ на меня какъ-то особенно ласково и весело.

— Такъ какъ же тутъ не повѣруешь, сударь! говоритъ онъ, обращаясь уже исключительно ко мнѣ: — конечно, живемъ мы вотъ здѣсь въ углу, словно въ языческой сторонѣ, ни про чудеса, ни про знаменія не слышимъ, ну и Бога-то, ровно, забудемъ. А придешь, напримѣръ, хошь въ Москву, а тамъ и камни-то словно говорятъ! пойдутъ это сказы да разсказы: тамъ, послышишь, цѣленіе чудесное совершилось, тамъ будто надъ невѣрующимъ знаменіе Свое Богъ показалъ: ну, и возчувствуешь, и растопится въ тебѣ сердце, мягче воску сдѣлается!...

Въ это время подошла пожилая женщина, тоже въ странническомъ одѣяніи, и остановилась около насъ. Пименовъ узналъ ее.

— А что, Пахомовна, спросилъ онъ:—видно тоже Богу помолиться собралась?

— Собралась, голубчикъ, да чтой-то ужъ и не знаю, дойти ли: ништо разломило всеё.

— А посиди съ нами, касатка; баринъ добрый, кваску велитъ дать.... Вотъ, сударь, и Пахомовна, какъ не я же, остатнюю жизнь въ странничествѣ препровождаетъ, обратился Пименовъ ко мнѣ:—да и другихъ много такихъ же найдется....

Пахомовна набожно перекрестилась.

— Нашего брата, странника, на святой Руси много, продолжалъ Пиме-

новъ:—въ иную обитель придешь, такъ даже сердце не нарадуется, сколь тѣсно бываетъ отъ множества странниковъ и вѣрующихъ. Теперь вотъ далеко ли я отъ дому отошелъ, а и тутъ попутчицу себѣ встрѣтилъ, а тамъ, что ближе къ святому мѣсту подходить станемъ, то больше народу прибывать будетъ; со всѣхъ, сударь, дорогъ все новые странники прибавляются, и придешь ужъ не одинъ, а во множествѣ... такъ что ли, Пахомовна?

— Такъ, голубчикъ, на народѣ и Богу молиться веселѣе.

— Лѣто-то все такимъ родомъ проходишь, а зиму прозимуешь у мощей святыхъ или у образа чудотворнаго, а потомъ опять лѣто пространствуешь, да ужъ на другую зиму домой воротишься... И чего-чего тутъ не наслышишься, и какихъ Божіихъ чудесъ не насмотришься! Довольно того, напримѣръ, что въ Соловкахъ объ лѣтнюю пору даже и ночи совсѣмъ нѣтъ! И такова, сударь, благость Господня, что только по началу и чувствуешь, будто ноги у тебя устаютъ, а потомъ даже и усталости никакой нѣтъ, все бы шелъ да шелъ. Идешь этта временемъ жаркіимъ по лѣсочкамъ прохладнымъ, иташка Божья тебѣ пѣсенку поетъ, вѣтерочки мягкія главу остужаютъ, листочки звуками тихими въ ушахъ шелестятъ... и столько становится для тебя радостно и незаботно, что даже плакать можно!.. Идемъ что ли, Пахомовна!

Пименовъ всталъ, снялъ шапку, поклонился мнѣ и писарю, потомъ нѣсколько разъ перекрестился и заковылялъ по дорогѣ рядомъ съ Пахомовной.

Пахомовна.

Собралася Ѳедосьюшка свѣтъ-Пахомовна въ путь во дороженьку, угодникамъ Божіимъ помолиться, святымъ преславнымъ мѣстамъ поклониться. Оболокалася Пахомовна въ ризы смиренныя, странническія, препоясывалась она нуждой да терпѣньицемъ, обувалася она въ чоботы строгіе. „Ужъ вы, чоботы мои, чоботы строгіе, сослужите мнѣ службу вѣрную, доведите меня до святыхъ угодниковъ, до святыхъ угодниковъ, ихъ райскихъ обителей! Ты прости, государь-батюшка, ты прости, государыня-матушка! Помолитесь вы за мою душеньку грѣшную, чтобы та душа грѣшная кресту потрудилася, потрудившись, въ свѣтлыя обители вселилася.“

Идетъ Пахомовна путемъ-дороженькой; первый день идетъ она и по другой день; на третій день нѣтъ у Пахомовны ни хлѣбца, ни грошика; что взяла съ собой, все поистеривала на бѣдныхъ—на нищіихъ, на убогіихъ. Идетъ Пахомовна, закручинилась: „какъ-то я, горькая сирота, до святаго града доплетусь? поѣсти-испити у меня нечего, милостыню сотворить—не изъ чего, про путь, про дороженьку поспрошать—не у кого!“

И видитъ Пахомовна: впередѣ у нея стоитъ дубравушка; стоитъ свѣтъ-дубравушка веселая, а муравушка въ ней зеленая. Садится Пахомовна середь той дубравушки, садится и горько плачется: „ты взмилуйся надо мной, государыня дубрава зеленая! пріюти ты мое недостоинство, ты насыть меня алчную, ты напой меня жадную!“ Вдругъ предсталъ предъ ней медвѣдь-лютый звѣрь; задрожала — испужалась Пахомовна того звѣря лютаго, звѣринаго его образа невиданнаго; взговорила она ему: „ты помилуй меня, лютый звѣрь, ты не дай мнѣ помереть смертью жестокою, не вкусимши Святаго Причастія, въ прегрѣшеніяхъ не вспокаявшись!“

И держалъ ей медвѣдь такую рѣчь: „Ты на что, Божья раба, испужалася! мнѣ не надобно тѣло твое худое, постомъ истощенное, трудомъ изможденное! я люблю ѣсти тѣлеса грѣшныя вынѣженныя, что къ церкви

Божьей не хаживали, середы-пятницы не имывали, великаго говѣнья не гавливали, постомъ не постилися, трудомъ не трудилися! А тебѣ принесъ я, странница, медвяный сотъ, твою нужу великую видючи, о слезахъ твоихъ сокрушаючись!"

И дивилася много Пахомовна той Божіей милости, благому Божіему произволенію!

Идетъ Пахомовна путемъ-дороженькой: призастигла ее ночька темная. Не видитъ Ѳедосьюшка жила человѣческаго, не слышитъ человѣчьяго голосу; кругомъ шумятъ лѣса неисходные, пріутихли на деревахъ птицы воздушественныя, пріумеркли въ небесахъ звѣзды ясныя; собираются въ нихъ тучи грозныя, тучи грозныя собираются, огнемъ-полымемъ разсѣкаются.... Раздалися гулы-громы подземные, стонетъ отъ нихъ матушка сыра земля, стонетъ дрожитъ, хочетъ восколыбнуться. Растужилася Пахомовна отъ великаго страха и ужаса: „Не страши мя, Государь Небесный Царь, превеликіими ужасами; Ты не дай мнѣ помереги безо времени, не дай скончати живота безъ Святаго Причастія, безъ слезнаго покаянія!"

По молитвѣ ея въ лѣсу мѣсто очищается; стоятъ передъ нею хоромы высокія, высокія рубленныя, тесомъ крытыя; въ тѣхъ хоромахъ идетъ всенощное пѣніе; возглашаютъ попы-дьяконы славу Божію, поютъ они гласы архангельскіе, архангельскія пѣсни херувимскія, величаютъ Христа Царя Небеснаго, со Отцемъ и Святымъ Духомъ спокланяема и сославима. А на самомъ порогѣ у хоромъ хозяинъ стоитъ,—хозяинъ, мужъ честенъ и праведенъ, сѣдинами благолѣпными изукрашенный. Онъ убогую старицу зазываетъ, свѣтъ-Пахомовну почевать унимаетъ, за бѣлыя руки ее принимаетъ. „Ты хозяюшка молодая, и вы дѣтки малыя! упокойте вы старицу Божію, странницу убогую!"

— Отдохни ты здѣсь, Ѳедосьюшка! услади, свѣтъ-Пахомовна, душу твою гласами архангельскими, утоли твой гладъ отъ ѣства небеснаго!" И брала свѣтъ-Пахомовну за руки хозяйка младая, въ большое мѣсто ее сажала, нозѣ ея умывала, питьями медвяными, ѣствами сладкими потчивала. Наслушалась Пахомовна архангельскихъ голосовъ, насладилась честныхъ пѣсней херувимскіихъ, а отъ сладкаго ѣства и медвянаго пойла отказалася.

И взговорила она ко хозяину, прощаючись: „Кто же ты еси, человѣче, что меня гладную воскормилъ, жаждущу воспоилъ, въ дебряхъ блуждающу пріютилъ? Какъ помянуть мнѣ на молитвѣ святое имя богоданное?" Отвѣщалъ ей старецъ праведный: „Ты почто хощеши, раба, увѣдати имя мое? Честно имя мое да и грозно вельми; не вмѣстити его твоему убожеству; гладну я тебя воскормилъ, жаждущу воспоилъ, въ дебрѣхъ, въ вертепахъ тебя обрѣлъ—иди же ты, Божья раба, съ миромъ, кресту потрудися! уготовано тебѣ царство небесное, со ангели, со архангели, съ Асакомъ-Обрамомъ-Іаковомъ,—уготована пища райская, одежда во вѣки неизносимая!"

И дивилася много Пахомовна той Божіей милости, благому Божіему произволенію!

Идетъ Пахомовна путемъ-дороженькой; идетъ-идетъ, кручинится: „Какъ же я, горькая сирота, во святой градъ приду! масла искупити мнѣ не на что, свѣщу поставить угоднику не изъ чего, милостыню сотворить нищему и убогому—не чѣмъ!" И предсталъ передъ ней змѣй-скорпій, всѣхъ зміевъ естествомъ злѣйшій, отъ Бога за погубленіе человѣческое прóклятый. И рекъ ей тотъ змѣй:—„Не страшись мя, старица убогая: приползъ я къ тебѣ не своимъ хотѣніемъ, а невольнымъ повелѣніемъ; притупилося у меня жало лютое, острое! „Что же хощешь ты отъ меня, государь лютый змѣй, паскудна, злющая ты гадина?" А хощу я показати тебѣ мою сокровищницу; стерегу я ту сокровищницу денно и нощно многія тысящи лѣтъ, ни еди-

ному человѣчьему глазу не видимо, ни единому человѣчьему уху не слышимо! Много тамо смарагдовъ, яхонтовъ самоцвѣтныхъ; злата, серебра тамо мѣшки полные, услаждай свою душеньку до-сыта, насыпай свою котомочку страническую!" И привелъ ее змѣй къ пещерамъ глубокимъ, къ земнымъ разсѣдинамъ; отвалилъ онъ отъ пещеръ тѣхъ камень зѣло великъ, отворилъ сокровищницу тайную. Показалося оттудова пламя огненное; возопили бѣсы льстивыми голосами, восплакали лукавыми слезами, не хотѣли (яко бы) Пахомовну до злата допущать. А Пахомовна-то перекрестилася, бѣсовскую силу крестомъ побѣдила; первый-то мѣшокъ взяла — въ пропасть кинула огненную, а другой-то мѣшокъ взяла—по вѣтру злато развѣяла; насчитала она мѣшковъ число звѣрино—шестьсотъ шестьдесятъ шесть, и всѣ-то раскидала, развѣяла.

И взговорила она тутъ змѣю-скорпію: „Захотѣлъ ты, слуга антихристовъ, великіимъ богачествомъ мое сердце уязвить; притворился ты, сосудъ діавольскій, агнцемъ кроткіимъ, послушливымъ! Такъ не будетъ же по-твоему, гадина пресмыкающа: со мною сила крестная, со мною святыхъ угодниковъ пречестное воинство! И сказавши такую рѣчь, загнала она поганаго змѣя въ земную разсѣдину, и наваливала камнемъ великіимъ. Застонали бѣсы стонами веліими, заскрежетали они скрежетами зубовными и взмолилися тако убогой странницѣ Пахомовнѣ: „отпусти ты насъ, Ѳедосьюшка, на вольной свѣтъ, въ прелестный міръ! что́-то мы скажемъ нашему батюшкѣ, нашему батюшкѣ, самому сатанѣ!"

А Пахомовна идетъ путемъ-дороженькой, клюкою своею помахиваетъ, погубленію бѣсовскому посмѣивается да святымъ крестомъ ограждается. И вдругъ слышитъ она, словно въ котомочкѣ у нея стукъ-стукъ, а котомочка (знаетъ она) была допрежъ того пустехонька; дивится Пахомовна, котомку отвязываетъ, и вдругъ обрѣтаетъ тамо золотую копѣечку. „Ты отколѣ, золотая копѣечка проявилася? не изъ діавольскихъ-ли рукъ сатанинскіихъ?"

— Не изъ діавольскихъ я изъ рукъ сатанинскіихъ, появилася я Христовымъ повелѣніемъ на благія дѣла на добрыя, на масло на лампадное, на свѣщу воску яраго, на милостыню нищему убогому!"

И дивилася много Пахомовна той Божьей милости, благому Божіему произволенію.

Распыхался же и сатана отъ погрому Пахомовнина; распалился онъ гнѣвомъ на странницу худую, безсильную, что этакая ли странница безсильная, а надъ хитростью его геенскою посмѣялася, вѣрныхъ слугъ его, сатаны, въ земную разсѣдину запрятала, а казну беззаконную всю развѣяла. Возсѣлъ онъ на престолѣ на огненномъ, на главу воздѣлъ вѣнецъ змiиный и позвалъ передъ себя слугъ своихъ вѣрныихъ. „Гой вы, слуги мои, слуги-бѣси-проклятіи! сослужите вы мнѣ службу вѣрную, изобидѣла меня странница худая, Пахомовна, посмѣялася надъ моимъ сатанинскіимъ величествомъ!"

И по тому его сатанинскому повелѣнію разлеталися бѣсы послушные; разлетались они по вольному свѣту, прелестному міру; умышляли, како уловить имъ свѣтъ-Пахомовну. Пришла она на ту пору на распутіе; лежатъ передъ нею три дороженьки, и не знаетъ старица, по которой идти.

Повстрѣчался съ ней тутъ младый юношъ прекрасный (а и былъ онъ тотъ самый злохитрый слуга сатанинъ), онъ снималъ передъ ней свою шапочку, ниже пояса старицѣ кланялся, ласковыя рѣчи разговаривалъ. „Ужъ ты, матушка-ли моя, свѣтъ-Пахомовна! истомилася ты во чужой во сторонушкѣ, истомилася-заблудилася, настоящую праву дороженьку позапамятовала!" Взмолилася ему тутъ Пахомовна: „ты, младый, юношъ прекрасный! укажи мнѣ правую дороженьку, что́ ведетъ къ преславнымъ градамъ, гдѣ

пророки пророчествовали, гдѣ святіи мученики кровь честную пролили, гдѣ святители православные прехвальное житіе свое провождали.“ Повелъ ее младъ юношъ по средней дороженькѣ, по той торной дороженькѣ, гдѣ ходятъ люди грѣшные. Разстилается передъ ней дороженька широкая, грѣшными стопами убитая, любодѣевыми одеждами выметенная. Усумнилася странница свѣтъ-Пахомовна: „Разгони ты, младый юношъ, мое неразумьице: отчего наша дорога торна-широка, а въ Писаніи про райскій путь такъ не сказано?“ Отвѣщалъ ей тогда добрый молодецъ: „Пожди мало, Пахомовна! впереди еще будетъ узокъ путь, будетъ узокъ путь и ужасенъ путь!“

И привелъ онъ ее къ лѣсу темному; въ тымъ лѣсѣ одни только дерева—осины проклятыя: листами дрожжатъ, на весь міръ злобствуютъ. Догадалася тогда Пахомовна, что пришла она въ мѣсто недоброе; изымалъ ее самъ злой духъ-сатана со своими проклятыми деймонами; помутился у нея свѣтъ въ очахъ, и дыханьице въ груди замерло, подломилися ноги скорыя, опустилися руки бѣлыя. Вокругъ лежатъ болота смрадныя, поднимаются кверху отъ нихъ туманы зловонные, застилаючи солнце праведное, насылаючи безо времени ночь ужасную. Хочетъ она крестъ сотворить—руки отнялись; хочетъ молитву сказать—языкъ онѣмѣлъ, хочетъ прочь бѣжать—ноги не слушаются.

Разступилася вдругъ подъ нею мать-сыра земля, и разверзалася вся преисподняя огненная. Сидитъ самъ сатана, исконный врагъ человѣческій, сидитъ онъ на змѣѣ трехглавномъ, огненномъ; проворные бѣсы кругомъ его грѣшниковъ мучаютъ, надъ тѣлесами ихъ беззаконными тѣшутся, пилятъ у нихъ руки-ноги пилами острыими, бьютъ ихъ въ уста камнями горячими, тянутъ изъ нихъ жилы щипцами раскаленными, велятъ лизать языкомъ сковороды огненныя, дерутъ имъ спины гребенками желѣзными.... А по воздуху летаютъ огнекрылатые зміи-аспиды, образъ дѣвичій имущи, хоботъ скорпіевъ, а по полу скачутъ жабы проклятыя, мечутся крысы злыя огненныя, ползутъ черви ядовитые... Вопіютъ грѣшники и грѣшницы ко Господу: „Господи, избавь насъ отъ рѣки огненной, муки вѣковѣчныя, отъ скрежета ужаснаго, зубовнаго и отъ тьмы несвѣтимыя! Господи, не вели палить нашихъ лицъ огню-жупелу, остуди наши гортани росою небесною! И вы, великіе Божіи угодники! пророцы, апостоли, страстотерпцы, Христовы мученики и святіи святители! не можно ли вамъ за насъ помолитися?“

Чуетъ Пахомовна: волокутъ и ее злые деймоны ко престолу сатанинскому, огненному. Распалилася она вдругъ ревностью многою, благочестіемъ великіимъ, восплакала слезами горькими, взговорила словесами умиленными: „Господи, Спасе Христосъ Истинный, почто оставилъ Ты рабу Свою? почто предалъ меня на погубленіе бѣсу лукавому?“

Отъ того ея гласа молитвеннаго отшатнулися злые деймоны, отшатнулись, яко вихремъ гонимые, и низвергнулись въ преисподнюю. И потухло вдругъ пламя геенское, затворилася пропасть огненная, опустилися туманы зловонные, и засіяло вновь солнце праведное!

И видитъ Пахомовна: передъ нею святая обитель стоитъ тихая, мужьми праведными возвеличенная, посредѣ ея златыя главы на храмахъ свѣтятся, и въ тѣхъ храмахъ идетъ служба вѣчная, неустанная. Поютъ тамо гласами архангельскіими пѣсни херувимскія, честное и великолѣпное Имя Христово прославляючи со Отцемъ и Святымъ Духомъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Городъ.

Имя ему Срывный. Онъ стоитъ на высокомъ и обрывистомъ берегу судоходной рѣки, и вдоль и поперекъ изрѣзанъ холмами, оврагами и суходолами. Видъ съ нагорнаго берега рѣки на противоположную сторону до такой степени привлекателенъ, что даже генералъ Зубатовъ, человѣкъ вообще къ красотамъ природы недоброжелательный, удостоилъ обратить на него вниманіе, и, обозрѣвъ съ балкона отводной квартиры окрестность, произнесъ: „достойно примѣчанія“. Въ особенности хорошо бывало въ Срывномъ весною. Точно море, разливается въ это время рѣка, затопляя и луга, и частый тальникъ, растущій по берегу, и даже старый сосновый боръ, который, словно движущійся островъ, выступаетъ въ это время изъ воды колышущеюся зеленью вершинъ своихъ. Строго и негостепріимно смотритъ огромная масса водъ, мѣняя въ быстромъ и грозномъ бѣгѣ своемъ всевозможные оттѣнки цвѣтовъ, отъ мутнобураго и свѣтлостальнаго до свѣтлобирюзоваго, мѣстами переходящаго въ прозрачно-изумрудный и рубиновый; а въ вышинѣ бѣгутъ, гонимыя весенними вѣтрами, облака, то отставая, то обгоняя другъ друга и принимая самыя прихотливыя, узорчатыя формы. Картина суровая и неразнообразная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поражающая зрителя величіемъ самой простоты своей. Вообще замѣчено, что суровые тоны дѣйствуютъ на душу живительнѣе. Въ виду этого простора, въ виду этой силы стихій, въ одно и то же время и разрушающей и оплодотворяющей, человѣкъ чувствуетъ себя отрезвленнымъ, чувствуетъ, какъ встаетъ и растетъ во всемъ существѣ его страстный порывъ къ широкому раздолью, который дотолѣ дремалъ на днѣ души, подавленный кропотливостью жизненныхъ мелочей.

Въ весенній, солнечный день вся окрестность выступаетъ до такой степени отчетливо, что верстъ на двадцать представляется взору со всѣми подробностями и очертаніями. Вдали виднѣются два-три села съ ихъ бѣлыми церквами и черными группами крестьянскихъ избъ; ближе бурѣетъ поле, мѣстами еще не вполнѣ освободившееся отъ снѣга, пестрящаго его въ видѣ бѣлыхъ заплатъ, а рядомъ съ полемъ уже пробивается молодая трава на степномъ лугу. Вонъ въ сторонѣ мелькнулъ гнуткій тальникъ, сквозь густыя и перепутанныя насажденія котораго блеснула стальная полоса старицы (стараго русла рѣки), а иногда и просто оврага, который лѣтомъ сухъ и печаленъ, а весной до краевъ наполняется водой; по одному берегу его узкою грядкой лѣпится низенькій и тощій лѣсокъ, по другому тянется безконечная изгородь, мѣстами уже обвалившаяся и вообще плохо защищающая сосѣдній лугъ отъ потравы; а вонъ и болотце, сплошь покрытое волнующейся осокой, которой сѣрые отливы непріятно рѣжутъ глаза, а надъ болотцемъ безчисленными стадами кружатся кулички и прочая мелкая птица. Наконецъ, далѣе, на заднемъ планѣ, картина обрамливается синею полосою лѣса, того неисходнаго лѣса, который, по увѣренію туземцевъ, тянется отсюда вплоть до Ледовитаго океана. И все это облито горячими лучами весенняго солнца, все это свѣжее, дѣвственное, ликующее, полное обновляющей силы...

По рѣкѣ и на берегу кипитъ жизнь и дѣятельность. Плоскодонныя расшивы, скорѣе похожія на огромные лубяные короба, нежели на суда, лѣсные плоты, барки съ протянутыми отъ мачтъ бичевами,—все это снуетъ взадъ и впередъ, мѣшаясь въ самомъ живописномъ безпорядкѣ и едва не задѣвая другъ объ друга. Медленно и самодовольно проползаетъ между

ними единственная въ своемъ родѣ огромная и неуклюжая коноводная машина, какъ будто хочетъ сказать встрѣчнымъ судамъ: „эй вы! сторонись, мелкота! пропустите долговязаго дурака!“ Въ послѣднее время начали изрѣдка пробѣгать даже пароходы, на огромное пространство вспѣнивая и возмущая воду, распугивая шумомъ колесъ робкое царство подводныхъ обитателей и наводя своимъ свистомъ уныніе на всю окрестность, которой тихій сонъ еще не былъ доселѣ нарушенъ торжествующими воплями новѣйшей промышленной вакханаліи. Однако, пароходы еще рѣдкость въ этомъ краю, и мѣстнымъ жителямъ еще не надоѣло собираться толпами на берегу всякій разъ, какъ пронесется по городу вѣсть объ имѣющей прибыть „чертовой машинѣ“.

... Бичевникъ усѣянъ бурлаками и ихъ тощими лошаденками; видъ первыхъ, а равно гортанные и унылые крики, которыми они побуждаютъ какъ другъ друга, такъ и лошадей, наводятъ тоску на сердце посторонняго наблюдателя; это какой-то выстраданный, надорванный крикъ, вырывающійся съ мучительнымъ, почти злобнымъ усиліемъ, какъ вздохъ, вылетающій изъ груди человѣка, котораго смертельно и глубоко оскорбили и который, между тѣмъ, не находитъ въ ту минуту средствъ отомстить за оскорбленіе, и только вздыхаетъ... но въ этомъ вздохѣ уже чуется будущая трагедія. Особенно широкіе размѣры принимаетъ торговая и промысловая дѣятельность города на пристани. Не надо воображать себѣ, чтобы это была пристань благоустроенная, съ амбарами, съ укрѣпленною набережной и мощенымъ спускомъ; это просто такъ называемая „натуральная“ пристань, большую часть навигаціоннаго времени непроходимо грязная, съ невозможнымъ спускомъ и ветхими полуобвалившимися навѣсами, вмѣсто складочныхъ помѣщеній.

Бунты кулей съ хлѣбомъ и льнянымъ сѣменемъ, груды рогожъ и мочала, приготовленныя для сплава, въ безпорядкѣ стоятъ на берегу, ожидая своей очереди къ погрузкѣ; но эта-то безпорядочность и сопряженная съ ней суетливость и придаютъ пристани ту оригинальность, которой она, конечно, не имѣла бы, если бы погрузка производилась систематически. Немолчно раздается говоръ и шумъ толпы; весь воздухъ наполненъ этимъ милымъ, какъ будто праздничнымъ гуломъ, который, по временамъ, принимаетъ самые симпатичные тоны. Вотъ доносится до васъ замысловато-крѣпкое словцо, но доносится какъ-то не оскорбительно, а скорѣе добродушно, такъ что вамъ остается только развести руки, и подумать про себя: „вѣдь вотъ что выдумалъ человѣкъ! даже правдоподобія никакого нѣтъ... а ладно!“ Рядомъ съ этимъ крѣпкимъ словцомъ слышится дѣйствительно добродушный и задушевный смѣхъ, и раздается острота, но такая мѣткая и хорошая, что лицо ваше проясняется окончательно, и вы невольно всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ пріобщаетесь къ этой внутренней, для равнодушнаго зрителя навсегда остающейся неразгаданною жизни народа, сила которой почти насильственно задѣнетъ всѣ лучшія, свѣжія струны сердца, наполнитъ душу невѣдомыми, неизвѣстно откуда берущимися рыданіями, и хлынетъ изъ глазъ цѣлымъ потокомъ слезъ... Гдѣ источникъ этихъ слезъ? въ томъ ли сочувственно любовномъ настроеніи души, которое заставляетъ симпатически относиться ко всѣмъ, даже темнымъ сторонамъ родной жизни, или въ томъ вѣчно расходуемомъ, но никогда не истрачивающемся запасѣ скорбей и печалей, который горькимъ опытомъ цѣлой жизни накопляется въ сердцѣ, набрасывая на него темную пелену унынія и безнадежности?

Не берусь рѣшить этотъ вопросъ, но знаю, что въ слезахъ вашихъ будетъ и своя доля отрады, какъ и въ томъ достолюбезномъ народномъ говорѣ, въ которомъ, среди диссонансовъ, слышится иногда такой ясный,

поразительно-цѣльный звукъ, что изъ сознанія вашего мигомъ изгоняется всякое сомнѣніе въ возможности будущей гармоніи.

Вообще изъ всей обстановки должно заключить, что Срывный—богатый промышленный городъ. Дѣйствительно, онъ и выстроенъ, сравнительно съ другими уѣздными городами, хорошо: главная площадь и главная улица сплошь застроены каменными домами и амбарами, а многочисленность магазиновъ съ красными и галантерейными товарами доказываетъ, что значительная часть его населенія достаточно зажиточна, чтобы дозволить себѣ употребленіе роскоши. Тѣмъ не менѣе каменныя палаты купцовъ смотрятъ негостепріимно. Есть что-то угрюмое въ звукѣ цѣпей, которыми замыкаются тяжелыя ворота, отворяемыя только для пропуска телѣгъ тяжело нагруженныхъ громоздкимъ товаромъ, и потомъ снова и надолго запираемыя. Маленькія и глубоко врѣзавшіяся въ толстыя стѣны окна домовъ тоже всегда заперты; не проглянетъ изъ-за нихъ въ глаза прохожему пригожая головка хорошенькой купеческой дочери, не освѣжитъ его слуха молодой и рѣзвый смѣхъ дѣтей, этотъ смѣхъ вѣчно ликующей, вѣчно развивающейся жизни: зеленоватыя и покрытыя толстымъ слоемъ грязи стекла скрываютъ отъ взора даже внутренность комнатъ. Постороннему человѣку представляется, что тамъ, за этими тяжелыми воротами, за этими толстыми каменными стѣнами, начинается совершенно иной міръ, міръ холодный и безстрастный, въ которомъ не трепещетъ ни одно сердце, не звучитъ ни одна живая струна.

Тамъ, мнится ему, въ этой безшумной и темной области, живутъ люди съ потухшими взорами, съ осунувшимися лицами, люди, не имѣющіе идеала, не признающіе ни радостей, ни заблужденій жизни, и потому равнодушнымъ окомъ взирающіе на проходящее мимо нихъ добро и зло. Тамъ старики-отцы заживо пожираютъ безгласныхъ дѣтей; тамъ проходимцы—святоши, смиренные и угодливые съ виду, въ сущности же пронырливые и честолюбивые, держатъ въ рукахъ своихъ, при помощи фанатическихъ старухъ, судьбы и честь цѣлыхъ семействъ.

Въ особенности вечеромъ это полное отсутствіе жизни принимаетъ грустный, даже мучительный характеръ. Едва спустились на землю сумерки, какъ вслѣдъ за ними почти мгновенно исчезаетъ и всякое движеніе по улицѣ, наступаетъ глубокая, мертвая тишина, лишь изрѣдка прерываемая лаемъ спущеннаго съ цѣпи пса. И ни въ одномъ окнѣ не покажется зазывнаго свѣта, ни въ одномъ концѣ не застучитъ земля подъ ногою запоздалаго пѣшехода, а сомнительные и дрожащіе лучи зажженныхъ передъ образами лампадокъ, прорѣзываясь сквозь мглу, дѣлаютъ ее еще болѣе мрачною и непроницаемою.

Но самая характеристическая особенность города, опредѣлившая однажды навсегда и составъ, и занятія его населенія, заключается въ томъ, что онъ стоитъ на углу, гдѣ сходятся рубежи трехъ губерній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ центръ, въ который стекаются всѣ безвѣстные, неоффиціальные пути, ведущіе изъ Зауралья въ Великую Россію. Это положеніе представляетъ слишкомъ много удобствъ для всякаго рода запрещенныхъ сдѣлокъ и укрывательства, чтобы люди смышленые не поспѣшили воспользоваться подобнымъ преимуществомъ. Изстари Срывный сдѣлался, съ одной стороны, становищемъ всевозможныхъ раскольническихъ толковъ, съ другой—гнѣздомъ искусниковъ, промышляющихъ всякаго рода зазорными ремеслами. Возможность легко и скоро сбыть подозрительную вещь, а въ крайнемъ случаѣ и самому скрыться за рѣку, которая составляетъ заповѣдную для мѣстной полиціи черту, положила начало промысламъ подобнаго рода въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что полиціи остается только

самой принимать въ нихъ косвенное и не безвыгодное участіе. Круглый годъ, и въ особенности съ открытіемъ рѣчной навигаціи, въ Срывномъ проживаютъ цѣлыя толпы бродягъ, между которыми нерѣдко можно встрѣтить даже бѣглыхъ каторжниковъ, а преимущественно всякаго рода искателей приключеній, которымъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, сдѣлалось тѣсно и душно подъ родной кровлей.

Библіотека Варшавской
Учительской семинаріи
№

Гр. Л. Толстой

Къ стр. 481.

Л. Н. Толстой.

(Род. въ 1828-мъ году.)

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ: „ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО“.

Учитель Карлъ Иванычъ.

12-го августа 18... ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карлъ Иванычъ разбудилъ меня, ударивъ, надъ самой моей головой, хлопушкой—изъ сахарной бумаги на палкѣ—по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Иваныча. Онъ же, въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязаной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, принѣливаться и хлопать.

„Положимъ“, думалъ я, „я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели? вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня; а я меньше всѣхъ: оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь“, прошепталъ я, „какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... противный человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка—какіе противные!“

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Иваныча, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисерномъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, повернулся къ намъ.

— Auf, Kinder, auf!... s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal!—крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Иванычъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки.—Nu, nun, Faulenzer!—говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя, и на Карла Иваныча, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать: нервы были разстроены.

— Ach, lassen sie, Карлъ Иванычъ!—закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Иванычъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурнаго во снѣ?... Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣй: мнѣ было совѣстно, и я не понималъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Иваныча и находить противными его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ — будто maman умерла, и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Иванычъ, тронутый моимъ разсказомъ, сталъ утѣшать и успокоивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Иванычъ оставилъ меня, и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай—маленькій, чистенькій человѣчекъ, всегда серьезный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Иваныча. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было бы совѣстно плакать; притомъ, утреннее солнышко весело свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серьезный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владиміръ Петровичъ, извольте умываться.

Я совсѣмъ развеселился.

— Sind sie bald fertig?—послышался изъ классной комнаты голосъ Карла Иваныча.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое тронуло меня до слезъ. Въ классной Карлъ Иванычъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и еще съ щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

Карлъ Иванычъ, съ очками на носу и книгой въ рукѣ, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери, были двѣ полочки: одна — наша, дѣтская, другая — Карла Иваныча, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и неучебныя: однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома „Histoire des voyages“, въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну; а потомъ и пошли длинныя, толстыя, большія и маленькія книги, корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреаціей, привести въ порядокъ библіотеку, какъ громко называлъ Карлъ Иванычъ эту полочку. Коллекція книгъ на *соб-*

ственной, если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унавоживаніи огородовъ подъ капусту—безъ переплета, одинъ томъ исторіи семилѣтней войны — въ пергаментѣ, прожженномъ съ одного угла, и полный курсъ гидростатики. Карлъ Иванычъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но, кромѣ этихъ книгъ и „Сѣверной Пчелы", онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Иваныча, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ. Это—кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была наклеена картинка, представляющая каррикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Иванычъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

Какъ теперь вижу я передъ собой длинную фигуру въ ваточномъ халатѣ и въ красной шапочкѣ, изъ-подъ которой виднѣются рѣдкіе, сѣдые волосы. Онъ сидитъ подлѣ столика, на которомъ стоитъ кружокъ съ парикмахеромъ, бросавшимъ тѣнь на его лицо; въ одной рукѣ онъ держитъ книгу, другая покоится на ручкѣ креселъ; подлѣ него лежатъ часы съ нарисованнымъ егеремъ на цыферблатѣ, клѣтчатый платокъ, черная круглая табакерка; зеленый футляръ для очковъ, щипцы на лоточкѣ. Все это такъ чинно, аккуратно лежитъ на своемъ мѣстѣ, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Иваныча совѣсть чиста и душа покойна.

Бывало, какъ досыта набѣгаешься внизу по залѣ, на цыпочкахъ прокрадешься наверхъ, въ классную, смотришь — Карлъ Иванычъ сидитъ себѣ одинъ на своемъ креслѣ и съ спокойно-величавымъ выраженіемъ читаетъ какую-нибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ. Иногда я заставалъ его и въ такія минуты, когда онъ не читалъ; очки спускались ниже на большомъ орлиномъ носу; голубые, полу-закрытые глаза смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, а губы грустно улыбались. Въ комнатѣ тихо; только слышно его равномѣрное дыханіе и бой часовъ съ егеремъ.

Бывало, онъ меня не замѣчаетъ, а я стою у двери и думаю: бѣдный, бѣдный старикъ! Насъ много, мы играемъ, намъ весело, а онъ — одинъ-одинешенекъ, и никто-то его не приласкаетъ. Правду онъ говоритъ, что онъ сирота. И исторія его жизни какая ужасная! Я помню, какъ онъ разсказывалъ ее Николаю — ужасно быть въ его положеніи! И такъ жалко станетъ, что, бывало, подойдешь къ нему, возьмешь за руку и скажешь: „Lieber Карлъ Иванычъ!" Онъ любилъ, когда я ему говорилъ такъ; всегда приласкаетъ и видно, что разстроганъ.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Иваныча. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна — изрѣзанная, наша, другая — новенькая, *собственная*, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линованія; съ другой — черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками— маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ къ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Иванычъ: ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику,—а каково

мнѣ? и начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку, или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю, право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Иваныча, — а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ, табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой — стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею видѣнъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа. Изъ окна, направо, видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Иванычъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ; такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю? Досада перейдетъ въ грусть и, Богъ знаетъ, отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Иванычъ сердится за ошибки.

Карлъ Иванычъ снялъ халатъ, надѣлъ синій фракъ съ возвышеніями и сборками на плечахъ, оправилъ передъ зеркаломъ свой галстухъ и повелъ насъ внизъ — здороваться съ матушкой.

Что за человѣкъ былъ мой отецъ?

Онъ былъ человѣкъ прошлаго вѣка и имѣлъ общій молодежи того вѣка неуловимый характеръ рыцарства, предпріимчивости, самоувѣренности, любезности и разгула. На людей нынѣшняго вѣка онъ смотрѣлъ презрительно, и взглядъ этотъ происходилъ столько же отъ врожденной гордости, сколько отъ тайной досады за то, что въ нашъ вѣкъ онъ не могъ имѣть ни того вліянія, ни тѣхъ успѣховъ, которые имѣлъ въ свой.

. . . . Большой, статный ростъ, странная, маленькими шажками походка, привычка подергивать плечомъ, маленькіе, всегда улыбающіеся глазки, большой орлиный носъ, неправильныя губы, которыя какъ-то неловко, но пріятно складывались, недостатокъ въ произношеніи — пришептываніе, и большая во всю голову лысина: вотъ наружность моего отца, съ тѣхъ поръ, какъ я его запомню,—наружность, съ которою онъ умѣлъ не только прослыть и быть человѣкомъ à bonnes fortunes, но нравиться всѣмъ безъ исключенія — людямъ всѣхъ сословій и состояній, въ особенности же тѣмъ, которымъ хотѣлъ нравиться.

Онъ умѣлъ взять верхъ въ отношеніяхъ со всякимъ. Не бывъ никогда человѣкомъ *очень большаго свѣта*, онъ всегда водился съ людьми этого круга, и такъ, что былъ уважаемъ. Онъ зналъ ту крайнюю мѣру гордости и самонадѣянности, которая, не оскорбляя другихъ, возвышала его въ мнѣніи свѣта. Онъ былъ оригиналенъ, но не всегда, а употреблялъ оригинальность, какъ средство, замѣняющее въ иныхъ случаяхъ свѣтскость

или богатство. Ни что на свѣтѣ не могло возбудить въ немъ чувства удивленія: въ какомъ бы онъ ни былъ блестящемъ положеніи, казалось, онъ для него былъ рожденъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ скрывать отъ другихъ и удалять отъ себя извѣстную всѣмъ темную, наполненную мелкими досадами и огорченіями, сторону жизни, что нельзя было не завидовать ему. Онъ былъ знатокъ всѣхъ вещей, доставляющихъ удобства и наслажденія, и умѣлъ пользоваться ими. Конекъ его былъ блестящія связи, которыя онъ имѣлъ частью по родству моей матери, частью по своимъ товарищамъ молодости, на которыхъ онъ въ душѣ сердился за то, что они далеко ушли въ чинахъ, а онъ навсегда остался отставнымъ поручикомъ гвардіи. Онъ, какъ и всѣ бывшіе военные, не умѣлъ одѣваться по-модному; но зато онъ одѣвался оригинально и изящно. Всегда очень широкое и легкое платье, прекрасное бѣлье, большіе отвороченные манжеты и воротнички... Впрочемъ, все шло къ его большому росту, сильному сложенію, лысой головѣ и спокойнымъ, самоувѣреннымъ движеніямъ. Онъ былъ чувствителенъ и даже слезливъ. Часто, читая вслухъ, когда онъ доходилъ до патетическаго мѣста, голосъ его начиналъ дрожать, слезы показывались, и онъ съ досадой оставлялъ книгу. Онъ любилъ музыку, пѣвалъ, аккомпанируя себѣ на фортепьяно, романсы пріятеля своего А..., цыганскія пѣсни и нѣкоторые мотивы изъ оперъ; но ученой музыки не любилъ и, не обращая вниманія на общее мнѣніе, откровенно говорилъ, что сонаты Бетховена нагоняютъ на него сонъ и скуку, и что онъ не знаетъ лучше ничего, какъ „Не будите меня молоду“, какъ ее пѣвала Семенова, и „Не одна“, какъ пѣвала цыганка Танюша. Его натура была одна изъ тѣхъ, которымъ для хорошаго дѣла необходима публика. И то только онъ считалъ хорошимъ, что называла хорошимъ публика. Богъ знаетъ, были ли у него какія-нибудь нравственныя убѣжденія? Жизнь его была такъ полна увлеченіями всякаго рода, что ему некогда было составлять себѣ ихъ, да онъ и былъ такъ счастливъ въ жизни, что не видѣлъ въ томъ необходимости.

Въ старости у него образовался постоянный взглядъ на вещи и неизмѣнныя правила,—но единственно на основаніи практическомъ: тѣ поступки и образъ жизни, которые доставляли ему счастіе или удовольствія, онъ считалъ хорошими и находилъ, что такъ всегда и всѣмъ поступать должно. Онъ говорилъ очень увлекательно, и эта способность, мнѣ кажется, усиливала гибкость его правилъ: онъ въ состояніи былъ тотъ же поступокъ разсказать, какъ самую милую шалость и какъ низкую подлость.

Дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая,—лицо ея

не больше пуговки; но оно мнѣ все такъ же ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается небольше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился — и очарованіе разрушилось; я съуживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николинька — говоритъ мнѣ maman: — ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша,—отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, въ просонкахъ, что чья-то кѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной нѣжной ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ни чьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ.

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полу-темно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижаться къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:—смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ее? не забудешь, Николинька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ,— слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку. Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы, завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія,—но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастіе. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Иванычѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ—и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастія, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ

готовъ для него пожертвовать. — Потомъ любимую фарфоровую игрушку— зайчика или собачку — уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы далъ Богъ счастія всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются — и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Поѣздка на долгихъ.

Снова поданы два экипажа къ крыльцу петровскаго дома: одинъ — карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и *самъ* приказчикъ Яковъ, на козлахъ; другой—бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей и недавно взятый съ оброка лакей Василій.

Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки стоитъ на крыльцѣ и креститъ окно кареты и бричку.

„Ну, Христосъ съ вами! трогай!“ Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шапки и крестятся. „Но, но! съ Богомъ!“ Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ, и березы большой аллеи, одна за другой, бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня. По мѣрѣ удаленія отъ предметовъ, связанныхъ съ тяжелыми воспоминаніями, наполнявшими до сей поры мое воображеніе, воспоминанія эти теряютъ свою силу и быстро замѣняются отраднымъ чувствомъ сознанія жизни, полной силы, свѣжести и надежды.

Рѣдко провелъ я нѣсколько дней—не скажу весело: мнѣ еще какъ-то совѣстно было предаваться веселью — но такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія. У меня передъ глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не могъ проходить безъ содроганія, ни закрытаго рояля, къ которому не только не подходили, но на который и смотрѣли съ какою-то боязнью, ни траурныхъ одеждъ (на всѣхъ насъ были простыя дорожныя платья), ни всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, живо напоминая мнѣ невозвратимую потерю, заставляли меня остерегаться каждаго проявленія жизни изъ страха оскорбить какъ-нибудь *ея* память. Здѣсь, напротивъ, безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадныя чувства — довольства настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано, рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бываютъ люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ, по рѣшительному лицу Василья видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло, вскакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвшись, какъ ракъ, раздуваетъ Митька форейторъ; на дворѣ сыро и туманно, какъ будто паръ подымается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба и соломенныя крыши просторныхъ навѣсовъ, окружающихъ дворъ, глянцовитыя отъ росы, покрывающей ихъ. Подъ ними виднѣются наши лошади, привязанныя около кормягъ, и слышно ихъ

мѣрное жеваніе. Какая нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкой рысцой отправляется въ другую сторону двора. Хлопотунья хозяйка отворяетъ скрыпящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычаніе и блеяніе стада, и перекидывается словечкомъ съ сонной сосѣдкой. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду, выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже полощутся проснувшіяся утки,—и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное, съ окладистой бородой, лицо Филиппа и на толстые жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками, и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движенье. Маша съ различными предметами, которые она платьемъ старается скрыть отъ нашего любопытства, чаще и чаще перебѣгаетъ мимо насъ; наконецъ, отворяется дверь, и насъ зовутъ пить чай. Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выноситъ то то, то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрашиваетъ Марью Ивановну выѣзжать ранѣе. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садимся по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору, вмѣсто сидѣнья, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено наканунѣ, и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ орѣховый чайный ящикъ съ треугольной крышкой, который отдаютъ къ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обомнется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкой, дикой лентой вьется впереди, между полями засохшаго жнивья и блестящей росою зелени; кое-гдѣ при дорогѣ попадается угрюмая ракита, или молодая березка съ мелкими клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колеи и мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубеньчиковъ не заглушаетъ пѣсенъ жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ съѣденнаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать — признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постояломъ дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, забываю исполнить этотъ обрядъ, со мною случается какое-нибудь несчастіе, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваюсь въ уголъ брички, читаю молитвы и крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду въ разсѣянности повторяю одни и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными, оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ тяже-

лымъ шагомъ подвигаются впередъ одна за другою, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе, и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти? Вотъ коляска, четверкой, на почтовыхъ быстро несется навстрѣчу. Двѣ секунды, и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули, и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго, и что ихъ никогда, можетъ быть, не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя, косматыя лошади въ хомутахъ, съ захлестнутыми за шлеи постромками, и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которой на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка чуть слышно побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой парень ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лицо и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что, мнѣ кажется, верхъ счастія быть ямщикомъ, ѣздить обратнымъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ далеко за оврагомъ виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленой крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? Отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ возовъ, запряженныхъ тройками сытыхъ толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороною. „Что везете?“ спрашиваетъ Василій у перваго извощика, который, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально - безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. „Съ какимъ товаромъ?“ обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго, подъ новой рогожей, лежитъ другой извощикъ. Русая голова съ краснымъ лицомъ и рыжеватой бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно-презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается—и мнѣ приходятъ мысли, что, вѣрно, эти извощики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ...

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на кривыя цыфры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно безпокоить меня, я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовые столбы и на цыфры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія насчетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. „Двѣнадцать верстъ составляютъ треть тридцати-шести, а до Липецъ сорокъ-одна, слѣдовательно мы проѣхали одну треть и сколько? и т. д.

„Василій“, говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ *удить рыбу* на козлахъ, „пусти меня на козлы, голубчикъ“. Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами: онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячокъ, Лѣвая-коренная и Аптекарь, всѣ изученныя мною до малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ свойствъ каждой.

— Отчего это нынче Дьячокъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филиппъ?—нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячокъ?

— А Неручинская ничего не везетъ, говорю я.

— Дьячка нельзя на лѣво впрягать,—говоритъ Филиппъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе: — не такая лошадь, чтобъ его на лѣвую пристяжку запрягать. На лѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобъ, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

И Филиппъ съ этими словами нагибается на правую сторону и, подергивая возжей изъ всѣхъ силъ, принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ какъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и несмотря на то, что Дьячокъ старается изъ всѣхъ силъ и воротитъ всю бричку, Филиппъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть, неизвѣстно для чего, свою шляпу на одинъ бокъ, хотя она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мнѣ *поправить*. Филиппъ даетъ мнѣ сначала одну возжу, потомъ другую; наконецъ всѣ шесть возжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него, хорошо ли? но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною недоволенъ: говоритъ, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей груди и отнимаетъ у меня возжи. Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуваться, какъ мыльные пузыри, выше и выше, сходиться и принимаютъ темно-сѣрыя тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ; Василій, съ удивительной ловкостью, на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ ватрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы всѣ выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до моста, между тѣмъ какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ колеса, съ обѣихъ сторонъ поддерживаютъ карету, какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отправляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣй. Иногда, во время жара, проѣзжая черезъ рощу, мы отстаемъ отъ кареты, нарываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устраиваемъ въ бричкѣ бесѣдку. Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ карету, и Любочка пищитъ при этомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ, чего она никогда не забываетъ дѣлать при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать. Вотъ ужъ запахло деревней—дымомъ, дегтемъ, баранками, послышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубеньчики уже звенятъ не такъ, какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы, съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыя кое-гдѣ просовывается лицо любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ однихъ рубашенкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро сѣменя въ пыли босыми ноженками, не смотря на угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами и жестами, одинъ передъ другимъ, стараются заманить проѣзжающихъ. Тпрру! ворота скрипятъ, вальки цѣпляютъ за воротища, и мы въѣзжаемъ на дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

Гроза.

Солнце склонялось къ западу и косыми жаркими лучами невыносимо жгло мнѣ шею и щеки; невозможно было дотронуться до раскаленныхъ краевъ брички; густая пыль поднималась по дорогѣ и наполняла воздухъ. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, который бы относилъ ее. Впереди насъ, на одинаковомъ разстояніи, мѣрно покачивался высокій, запыленный кузовъ кареты съ вожами, изъ-за котораго виднѣлся изрѣдка кнутъ, которымъ помахивалъ кучеръ, его шляпа и фуражка Якова. Я не зналъ, куда дѣваться: ни черное отъ пыли лицо Володи, дремавшаго подлѣ меня, ни движенія спины Филиппа, ни длинная тѣнь нашей брички, подъ косымъ угломъ бѣжавшая за нами, не доставляли мнѣ развлеченія. Все мое вниманіе было обращено на верстовые столбы, которые я замѣчалъ издалека, и на облака, прежде разсыпанныя по небосклону, которыя, принявъ зловѣщія черныя тѣни, теперь собирались въ одну большую, мрачную тучу. Изрѣдка погромыхивалъ дальній громъ. Это послѣднее обстоятельство болѣе всего усиливало мое нетерпѣніе скорѣе пріѣхать на постоялый дворъ. Гроза наводила на меня невыразимо тяжелое чувство тоски и страха.

До ближайшей деревни оставалось еще верстъ десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся Богъ-знаетъ откуда, безъ малѣйшаго вѣтра, но быстро подвигалась къ намъ. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освѣщаетъ ея мрачную фигуру и сѣрыя полосы, которыя отъ нея идутъ до самаго горизонта. Изрѣдка, вдалекѣ, вспыхиваетъ молнія и слышится слабый гулъ, постепенно усиливающійся, приближающійся и переходящій въ прерывистые раскаты, обнимающіе весь небосклонъ. Василій приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички; кучера надѣваютъ армяки и при каждомъ ударѣ грома снимаютъ шапки и крестятся; лошади настороживаютъ уши, раздуваютъ ноздри, какъ будто принюхиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ. Мнѣ становится жутко, и я чувствую, какъ кровь быстрѣе обращается въ моихъ жилахъ. Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце, вотъ оно выглянуло въ послѣдній разъ, освѣтило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ. Вотъ задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бѣло-мутнаго цвѣта, ярко выдающагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ березъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу. Стрижи и бѣлогрудыя ласточки, какъ будто съ намѣреніемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самой грудью лошадей; галки съ растрепанными крыльями какъ-то бокомъ летаютъ по вѣтру; края кожанаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропускать къ намъ порывы влажнаго вѣтра и, размахиваясь, биться о кузовъ брички. Молнія вспыхиваетъ какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣніе и на одно мгновеніе освѣщаетъ сѣрое сукно, басонъ и прижавшуюся къ углу фигуру Володи. Въ ту же секунду надъ самой головой раздается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линіи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе. Гнѣвъ Божій! какъ много поэзіи въ этой простонародной мысли!

Колеса вертятся скорѣе и скорѣе; по спинамъ Василія и Филиппа,

который нетерпѣливо помахиваетъ возжами, я замѣчаю, что и они боятся. Бричка шибко катится подъ гору и стучитъ по досчатому мосту; я боюсь пошевелиться и съ минуты на минуту ожидаю нашей общей погибели.

Тпру! оторвался валекъ, и на мосту, несмотря на безпрерывные, оглушительные удары, мы принуждены остановиться.

Прислонивъ голову къ краю брички, я, съ захватывающимъ дыханіе замираніемъ сердца, безнадежно слѣжу за движеніемъ толстыхъ, черныхъ пальцевъ Филиппа, который медлительно захлестываетъ петлю и выравниваетъ постромки, толкая присѣяжную ладонью и кнутовищемъ.

Тревожныя чувства тоски и страха увеличивались во мнѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ грозы, но когда пришла величественная минута безмолвія, обыкновенно предшествующая разраженію грозы, чувства эти дошли до такой степени, что продолжись это состояніе еще четверть часа, я увѣренъ, что умеръ бы отъ волненія. Въ это самое время изъ-подъ моста вдругъ появляется, въ одной грязной, дырявой рубахѣ, какое-то человѣческое существо съ опухшимъ, безсмысленнымъ лицомъ, качающейся ничѣмъ не покрытой, обстриженной головой, кривыми безмускульными ногами и съ какой-то красной, глянцовитой культяпкой, вмѣсто руки, которую онъ суетъ прямо въ бричку.

„Ба-а-шка! убо-го-му, Хри-ста-ра-ди“, звучитъ болѣзненный голосъ, и нищій съ каждымъ словомъ крестится и кланяется въ поясъ.

Не могу выразить чувства холоднаго ужаса, охватившаго мою душу въ эту минуту. Дрожь пробѣгала по моимъ волосамъ, а глаза съ безсмысліемъ страха были устремлены на нищаго...

Василій, въ дорогѣ подающій милостыню, даетъ наставленія Филиппу насчетъ укрѣпленія валька и, только когда уже все готово и Филиппъ, собирая возжи, лѣзетъ на козлы, начинаетъ что-то доставать изъ боковаго кармана. Но только что мы трогаемся, ослѣпительная молнія, мгновенно наполняя огненнымъ свѣтомъ всю лощину, заставляетъ лошадей остановиться и, безъ малѣйшаго промежутка, сопровождаемая такимъ оглушительнымъ трескомъ грома, что, кажется, весь сводъ небесъ рушится надъ нами. Вѣтеръ еще усиливается: гривы и хвосты лошадей, шинель Василья и края фартука принимаютъ одно направленіе и отчаянно развѣваются отъ порывовъ неистоваго вѣтра. На кожаный верхъ брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдругъ какъ будто кто-то забарабанилъ надъ нами, и вся окрестность огласилась равномѣрнымъ шумомъ падающаго дождя. По движеніямъ локтей Василья я замѣчаю, что онъ развязываетъ кошелекъ: нищій, продолжая креститься и кланяться, бѣжитъ подлѣ самыхъ колесъ, такъ что, того и гляди, раздавятъ его. „Подай Христа-ради“. Наконецъ, мѣдный грошъ летитъ мимо насъ, и жалкое созданье, въ обтянувшемъ его худые члены, промокшемъ до нитки рубищѣ, качаясь отъ вѣтра,—въ недоумѣніи останавливается посреди дороги и исчезаетъ изъ моихъ глазъ.

Косой дождь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, лилъ, какъ изъ ведра; съ фризовой спины Василья текли потоки въ лужу мутной воды, образовавшейся на фартукѣ. Сначала сбитая катушками пыль превратилась въ жидкую грязь, которую мѣсили колеса; толчки стали меньше, и по глинистымъ колеямъ потекли мутные ручьи. Молнія свѣтила шире и блѣднѣе, и раскаты грома уже не такъ поразительны за равномѣрнымъ шумомъ дождя.

Но вотъ дождь становится мельче; туча начинаетъ раздѣляться на волнистыя облака, свѣтлѣть въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должно быть солнце, и сквозь сѣровато-бѣлые края тучи чуть виднѣется клочекъ ясной

лазури. Черезъ минуту, робкій лучъ солнца уже блеститъ въ лужахъ дороги, на полосахъ падающаго, какъ сквозь сито, мелкаго, прямаго дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы. Черная туча также грозно застилаетъ противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ея. Я испытываю невыразимо-отрадное чувство надежды въ жизни, быстро замѣняющее во мнѣ тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается такъ же, какъ и освѣженная, повеселѣвшая природа. Василій откидываетъ воротникъ шинели, снимаетъ фуражку и отряхиваетъ ее; Володя откидываетъ фартукъ; я высовываюсь изъ брички и жадно впиваю въ себя освѣженный, душистый воздухъ. Блестящій, обмытый кузовъ кареты съ важами и чемоданами покачивается передъ нами, спины лошадей, шлеи, возжи, шины колесъ—все мокро и блеститъ на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Съ одной стороны дороги—необозримое озимое поле, кое-гдѣ перерѣзанное неглубокими овражками, блеститъ мокрой землею и зеленью, и разстилается тѣнистымъ ковромъ до самаго горизонта; съ другой стороны—осиновая роща, поросшая орѣховымъ и черемушнымъ подсѣдомъ, какъ бы въ избыткѣ счастія, стоитъ, не шелохнется и медленно роняетъ съ своихъ обмытыхъ вѣтвей свѣтлыя капли дождя на сухіе прошлогодніе листья. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселой пѣснью и быстро падаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопотливое движенье маленькихъ птичекъ, и изъ середины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки. Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса, послѣ весенней грозы, запахъ березы, фіялки, прѣлаго листа, сморчковъ, черемухи, что я не могу усидѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ подножки, бѣгу къ кустамъ и, несмотря на то, что меня осыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрыя вѣтви распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ.

ИЗЪ РОМАНА „ВОЙНА И МИРЪ".

Князь Болконскій въ своемъ имѣніи „Лысыя горы" на покоѣ.

Въ Лысыхъ горахъ, имѣніи князя Николая Андреевича Болконскаго, ожидали съ каждымъ днемъ пріѣзда молодаго князя Андрея съ княгиней, но ожиданіе не нарушало стройнаго порядка, по которому шла жизнь въ домѣ стараго князя. Генералъ-аншефъ, князь Николай Андреевичъ, по прозванію въ обществѣ le roi de Prusse, съ того времени, какъ при Павлѣ былъ сосланъ въ деревню, жилъ безвыѣздно въ своихъ Лысыхъ Горахъ съ дочерью, княжною Маріей, и при ней компаньонкой, m-elle Bourienne. И въ новое царствованіе, хотя ему и былъ разрѣшенъ въѣздъ въ столицы, онъ также продолжалъ безвыѣздно жить въ деревнѣ, говоря, что ежели кому его нужно, то тотъ и отъ Москвы полтораста верстъ доѣдетъ до Лысыхъ Горъ, а что ему никого и ничего не нужно. Онъ говорилъ, что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе, и что есть только двѣ добродѣтели:дѣятельность и умъ. Онъ самъ занимался воспитаніемъ своей дочери, и чтобы развивать въ ней обѣ главныя добродѣтели, до двадцати лѣтъ давалъ ей уроки алгебры и геометріи, и распредѣлялъ всю ея жизнь въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Самъ онъ былъ постоянно занятъ то писаніемъ своихъ мемуаровъ, то выкладками изъ высшей математики, то точеніемъ табакерокъ на станкѣ, то работой въ саду

и наблюденіемъ надъ постройками, которыя не прекращались въ его имѣніи. Такъ какъ главное условіе для дѣятельности есть порядокъ, то и порядокъ въ его образѣ жизни былъ доведенъ до послѣдней степени точности. Его выходы къ столу совершались при однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ условіяхъ, и не только въ одинъ и тотъ же часъ, но и минуту. Съ людьми, окружавшими его, отъ дочери до слугъ, князь былъ рѣзокъ и неизмѣннотребователенъ, и потому, не бывъ жестокимъ, онъ возбуждалъ къ себѣ страхъ и почтительность, какихъ нелегко могъ бы добиться самый жестокій человѣкъ. Не смотря на то, что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ теперь никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, каждый начальникъ той губерніи, гдѣ было имѣніе князя, считалъ своимъ долгомъ являться къ нему, и точно такъ же, какъ архитекторъ, садовникъ или княжна Марія, дожидался назначеннаго часа выхода князя въ высокой офиціантской. И каждый въ этой офиціантской испытывалъ то же чувство почтительности и даже страха въ то время, какъ отворялась громадная, высокая дверь кабинета, и показывалась въ напудренномъ парикѣ невысокая фигурка старика, съ маленькими сухими ручками и сѣрыми, висячими бровями, иногда, когда онъ насупливался, застилавшими блескъ умныхъ и, точно молодыхъ, блестящихъ глазъ.

Въ день пріѣзда молодыхъ, утромъ, по обыкновенію, княжна Марія въ урочный часъ входила для утренняго привѣтствія въ офиціантскую и со страхомъ крестилась и читала внутренно молитву. Каждый день она входила и каждый день молилась о томъ, чтобы это ежедневное свиданіе сошло благополучно.

Сидѣвшій въ офиціантской пудреный старикъ-слуга тихимъ движеніемъ всталъ и шопотомъ доложилъ: „Пожалуйте“.

Изъ-за двери слышались равномѣрные звуки станка. Княжна робко потянула за легко и плавно отворяющуюся дверь и остановилась у входа. Князь работалъ за станкомъ, и, оглянувшись, продолжалъ свое дѣло.

Огромный кабинетъ былъ наполненъ вещами, очевидно, безпрестанно употребляемыми. Большой столъ, на которомъ лежали книги и планы, высокіе, стеклянные шкафы библіотеки, съ ключами въ дверцахъ, мраморный столъ для писанія, въ стоячемъ положеніи, на которомъ лежала открытая тетрадь, токарный станокъ съ разложенными инструментами и съ разсыпанными кругомъ стружками,—все выказывало постоянную, разнообразную и порядочную дѣятельность. По движеніямъ небольшой ноги, обутой въ татарскій, шитый серебромъ сапожокъ, по твердому налеганію жилистой, сухощавой руки видна была въ князѣ еще упорная и много выдерживающая сила свѣжей старости. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ, онъ снялъ ногу съ педали станка, обтеръ стамеску, кинулъ ее въ кожаный карманъ, придѣланный къ станку и, подойдя къ столу, позвалъ дочь. Онъ никогда не благословлялъ своихъ дѣтей и только, подставивъ ей щетинистую, еще не бритую нынѣче щеку, сказалъ строго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внимательно-нѣжно, оглядѣвъ ее: „Здорова?.. ну, такъ садись!“ Онъ взялъ тетрадь геометріи, писанную его рукой, и подвинулъ ногой свое кресло.

— Назавтра!—сказалъ онъ, быстро отыскивая страницу и отъ параграфа до другаго отмѣчая жесткимъ ногтемъ. Княжна пригнулась къ столу надъ тетрадью.—Постой, письмо тебѣ,—вдругъ сказалъ старикъ, доставая изъ придѣланнаго надъ столомъ кармана конвертъ, надписанный женскою рукой, и кидая его на столъ.

Письмо отъ Жюли Карагиной.

— Еще два письма пропущу, а третье прочту,—строго сказалъ князь:—боюсь, много вздору пишете. Третье прочту.

— Прочтите хоть это, mon père, — отвѣчала княжна, краснѣя еще болѣе, подавая ему письмо.

— Третье, я сказалъ, третье,—коротко крикнулъ князь, отталкивая письмо, и, облокотившись на столъ, пододвинулъ тетрадь съ чертежами геометріи.

— Ну, сударыня,—началъ старикъ, пригнувшись близко къ дочери надъ тетрадью и положивъ одну руку на спинку кресла, на которомъ сидѣла княжна, такъ что княжна чувствовала себя со всѣхъ сторонъ окруженною тѣмъ табачнымъ и старчески-ѣдкимъ запахомъ отца, который она такъ давно знала.—Ну, сударыня, треугольники эти подобны; изволишь видѣть, уголъ *abc*...

Княжна испуганно взглядывала на близко отъ нея блестящіе глаза отца; красныя пятна переливались по ея лицу, и видно было, что она ничего не понимаетъ и такъ боится, что страхъ помѣшаетъ ей понять всѣ дальнѣйшія толкованія отца, какъ бы ясны они ни были. Виноватъ ли былъ учитель, или виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутилось въ глазахъ, она ничего не видѣла, не слышала, только чувствовала его дыханье и запахъ, и только думала о томъ, какъ бы ей уйти поскорѣе изъ кабинета и у себя на просторѣ понять задачу. Старикъ выходилъ изъ себя: съ грохотомъ отодвигалъ и придвигалъ кресло, на которомъ самъ сидѣлъ, дѣлалъ усилія надъ собой, чтобы не разгорячиться и почти всякій разъ горячился, бранился, а иногда швырялъ тетрадью.

Княжна ошиблась отвѣтомъ. „Ну, какъ же не дура!“ крикнулъ князь, оттолкнувъ тетрадь и быстро отвернувшись; но тотчасъ же всталъ, прошелся, дотронулся руками до волосъ княжны и снова сѣлъ. Онъ придвинулся и продолжалъ толкованіе.

— Нельзя, княжна, нельзя,—сказалъ онъ, когда княжна, взявъ и закрывъ тетрадь съ заданными уроками, уже готовилась уходить: — математика—великое дѣло, моя сударыня. А чтобы ты была похожа на нашихъ глупыхъ барынь, я не хочу. Стерпится—слюбится. Онъ потрепалъ ее рукой по щекѣ. Дурь изъ головы выскочитъ.—Она хотѣла выйти, онъ остановилъ ее жестомъ и досталъ съ высокаго стола новую неразрѣзанную книгу.

— Вотъ еще какой-то *Ключъ таинства* тебѣ твоя Элоиза посылаетъ. Религіозная. А я ни въ чью вѣру не вмѣшиваюсь... Посмотрѣлъ. Возьми. Ну, ступай, ступай!

Онъ потрепалъ ее по плечу, и самъ заперъ за нею дверь.

. . . Между 12 и 2 часами, сообразно съ заведеннымъ порядкомъ дня, князь отдыхалъ, а княжна играла на клавикордахъ.

Сѣдой камердинеръ сидѣлъ дремля и прислушиваясь къ храпѣнію князя въ огромномъ кабинетѣ. Изъ дальней стороны дома, изъ-за затворенныхъ дверей, слышались по двадцати разъ повторяемые трудные пассажи Дюссековой сонаты.

Въ это время подъѣхала къ крыльцу карета и бричка, и изъ кареты вышелъ князь Андрей, высадилъ свою маленькую жену и пропустилъ ее впередъ. Сѣдой Тихонъ, въ парикѣ, высунувшись изъ двери офиціантской, шопотомъ доложилъ, что князь почиваютъ, и торопливо затворилъ дверь. Тихонъ зналъ, что ни пріѣздъ сына и никакія необыкновенныя событія не должны были нарушать порядка дня. Князь Андрей видимо зналъ это

такъ же хорошо, какъ и Тихонъ; онъ посмотрѣлъ на часы, какъ будто для того, чтобы повѣрить, не измѣнились ли привычки отца за то время, въ которое онъ не видалъ его, и убѣдившись, что онѣ не измѣнились, обратился къ женѣ.

Черезъ двадцать минутъ онъ встанетъ. Пройдемъ къ княжнѣ Марьѣ,— сказалъ онъ.

...Когда прошли тѣ двадцать минутъ, которыя нужны были для срока вставанья стараго князя, Тихонъ пришелъ звать молодаго князя къ отцу. Старикъ сдѣлалъ исключеніе въ своемъ образѣ жизни въ честь пріѣзда сына: онъ велѣлъ впустить его въ свою половину, во время одѣванья, передъ обѣдомъ. Князь ходилъ по-старинному: въ кафтанѣ и пудрѣ. И въ то время, какъ князь Андрей входилъ къ отцу, старикъ сидѣлъ въ уборной на широкомъ, сафьяномъ обитомъ, креслѣ, въ пудромантѣ, предоставляя свою голову рукамъ Тихона.

— А! воинъ! Бонапарта завоевать хочешь?—сказалъ старикъ и тряхнулъ напудренною головою, сколько позволяла это заплетаемая коса, находившаяся въ рукахъ Тихона.

— Примись хоть ты за него хорошенько, а то онъ этакъ скоро и насъ своими подданными запишетъ.—Здорово, и онъ выставилъ свою щеку.

Старикъ находился въ хорошемъ расположеніи духа послѣ дообѣденнаго сна (онъ говорилъ, что послѣ обѣда серебряный сонъ, а до обѣда золотой). Онъ радостно, изъ-подъ своихъ густыхъ, нависшихъ бровей, косился на сына. Князь Андрей подошелъ и поцѣловалъ отца въ указанное имъ мѣсто. Онъ не отвѣчалъ на любимую тему разговора отца—подтруниванье надъ теперешними военными людьми, а особенно надъ Бонапартомъ.

— Какъ здоровье ваше?

— Нездоровы, братъ, бываютъ только дураки да развратники, а ты меня знаешь: съ утра до вечера занятъ, воздержонъ, ну и здоровъ... Ну, разсказывай,—продолжалъ онъ, возвращаясь къ своему любимому коньку,— какъ васъ нѣмцы съ Бонапартомъ сражаться по вашей новой наукѣ, стратегіей называемой, научили?

Князь Андрей улыбнулся.

— Дайте опомниться, батюшка, — сказалъ онъ съ улыбкою, показывавшею, что слабости отца не мѣшаютъ ему уважать и любить его.

— Вѣдь я еще не размѣстился.

— Врешь, врешь, — закричалъ старикъ, встряхивая косичкою, чтобы попробовать, крѣпко ли она была заплетена, и хватая сына за руку.—Домъ для твоей жены готовъ. Княжна Марья сведетъ ее и покажетъ, и съ три короба наболтаетъ. Это ихъ бабье дѣло. Я ей радъ. Сиди, разсказывай. Михельсона армію я понимаю, Толстаго—тоже... высадка единовременная. ...Южная армія что будетъ дѣлать? Пруссія, нейтралитетъ... это я знаю. Австрія что?—говорилъ, вставъ съ кресла и ходя по комнатѣ съ бѣгавшимъ и подававшимъ части одежды Тихономъ. Швеція что? Какъ Померанію перейдутъ?

Князь Андрей, видя настоятельность требованія отца, сначала неохотно, но потомъ, все болѣе и болѣе оживляясь и невольно посреди разсказа, по привычкѣ, перейдя съ русскаго на французскій языкъ, началъ излагать операціонный планъ предполагаемой кампаніи... Старый князь не выказалъ ни малѣйшаго интереса при разсказѣ, какъ будто не слушалъ, и, продолжая на ходу одѣваться, три раза неожиданно прервалъ его. Одинъ разъ онъ остановилъ его и закричалъ: — Бѣлый! бѣлый!

Это значило, что Тихонъ подавалъ ему не тотъ жилетъ, который онъ хотѣлъ. *Другой разъ спросилъ вдругъ о женѣ...* „Продолжай, продолжай!“

Въ третій разъ, когда князь Андрей оканчивалъ описаніе, старикъ запѣлъ фальшивымъ и старческимъ голосомъ: „Malbroug s'en va-t-en guerre. Dieu sait, quand reviendra".

Сынъ только улыбнулся.

— Я не говорю, чтобъ это былъ планъ, который я одобряю,—сказалъ сынъ:—я вамъ только разсказалъ, что есть. Наполеонъ уже составилъ свой планъ не хуже этого.

— Ну, новенькаго ты мнѣ ничего не сказалъ.—И онъ задумчиво проговорилъ про себя скороговоркой: „Dieu sait, quand reviendra". Иди въ столовую.

Въ назначенный часъ, напудренный, свѣжій, выбритый, князь вышелъ въ столовую, гдѣ ожидали его невѣстка, княжна Марья, m-elle Бурьенъ и архитекторъ князя, по странной прихоти его, допускаемый къ столу, хотя, по своему положенію, незначительный человѣкъ этотъ никакъ не могъ разсчитывать на такую честь. Князь, твердо державшійся въ жизни различія состояній и рѣдко допускавшій къ столу даже важныхъ губернскихъ чиновниковъ, вдругъ на архитекторѣ Михайлѣ Ивановичѣ, сморкавшемся въ углу въ клѣтчатый платокъ, доказывалъ, что всѣ люди равны, и не разъ внушалъ своей дочери, что Михайло Ивановичъ ничѣмъ не хуже насъ съ тобой. За столомъ князь чаще всего обращался къ безсловесному Махайлѣ Ивановичу.

Въ столовой, громадно-высокой, какъ и всѣ комнаты въ домѣ, ожидали выхода князя домашніе и офиціанты, стоявшіе за каждымъ стуломъ; дворецкій, съ салфеткой на рукѣ, оглядывалъ сервировку, мигая лакеямъ и постоянно перебѣгая безпокойнымъ взглядомъ отъ стѣнныхъ часовъ къ двери, изъ которой долженъ былъ появиться князь. Князь Андрей глядѣлъ на огромную, новую для него, золотую раму съ изображеніемъ генеалогическаго дерева князей Болконскихъ, висѣвшую напротивъ такой же громадной рамы съ дурно-сдѣланнымъ (видимо рукою домашняго живописца) изображеніемъ владѣтельнаго князя въ коронѣ, который долженъ былъ происходить отъ Рюрика и быть родоначальникомъ рода Болконскихъ. Князь Андрей смотрѣлъ на это генеалогическое дерево, покачивая головой, и посмѣивался съ тѣмъ видомъ, съ какимъ смотрятъ на похожій до смѣшнаго портретъ.

— Какъ я узнаю его всего тутъ!—сказалъ онъ княжнѣ Марьѣ, подошедшей къ нему.

Княжна Марья съ удивленіемъ посмотрѣла на брата. Она не понимала, чему онъ улыбался. Все сдѣланное ея отцомъ возбуждало въ ней благоговѣніе, которое не подлежало обсужденію.

— У каждаго своя Ахиллесова пятка, — продолжалъ князь Андрей. Съ *его* огромнымъ умомъ donner dans ce ridicule!

Княжна Марья не могла понять смѣлости сужденій своего брата и готовилась возражать ему, какъ послышались изъ кабинета ожидаемые шаги: князь входилъ быстро, весело, какъ онъ и всегда ходилъ, какъ будто умышленно, своими торопливыми манерами представляя противоположность строгому порядку дома. Въ то же мгновеніе большіе часы пробили два, и тонкимъ голоскомъ отозвались въ гостиной другіе. Князь остановился; изъ-подъ висячихъ густыхъ бровей, оживленные, блестящіе, строгіе глаза оглядѣли всѣхъ и остановились на молодой княгинѣ. Молодая княгиня испытывала въ то время то чувство, какое испытываютъ придворные на царскомъ выходѣ, то чувство страха и почтенія, которое возбуждалъ этотъ старикъ во

всѣхъ приближенныхъ. Онъ погладилъ княгиню по головѣ и потомъ неловкимъ движеніемъ потрепалъ ее по затылку. ...Онъ указалъ невѣсткѣ мѣсто подлѣ себя...

Поговоривъ съ нею, князь обратился къ Михайлу Ивановичу.

— Ну, что, Михайла Иванычъ, Буонапарте-то нашему плохо приходится. Какъ мнѣ князь Андрей (онъ всегда такъ называлъ сына въ 3-мъ лицѣ) поразсказалъ, какія на него силы собираются! А мы съ вами все его пустымъ человѣкомъ считали.

Михаилъ Ивановичъ, рѣшительно не знавшій, когда это *мы съ вами* говорили такія слова о Бонапарте, но понимавшій, что онъ былъ нуженъ для вступленія въ любимый разговоръ, удивленно взглянулъ на молодаго князя, самъ не зная, что изъ этого выйдетъ.

— Онъ у меня тактикъ великій! — сказалъ князь сыну, указывая на архитектора, и разговоръ зашелъ опять о войнѣ, о Бонапарте и нынѣшнихъ генералахъ и государственныхъ людяхъ. Старый князь, казалось, былъ убѣжденъ не только въ томъ, что всѣ теперешніе дѣятели были мальчишки, не смыслившіе и азбуки военнаго и государственнаго дѣла, и что Бонапарте былъ ничтожный французишка, имѣвшій успѣхъ только потому, что уже не было Потемкиныхъ и Суворовыхъ противопоставить ему; но онъ былъ убѣжденъ даже, что никакихъ политическихъ затрудненій не было въ Европѣ, не было и войны, а была какая-то кукольная комедія, въ которую играли нынѣшніе люди, притворяясь, что дѣлаютъ дѣло. Князь Андрей весело выдерживалъ насмѣшки отца надъ новыми людьми, и съ видимою радостью вызывалъ отца на разговоръ и слушалъ его.

— Все кажется хорошимъ, что было прежде,—сказалъ онъ;—а развѣ тотъ же Суворовъ не попался въ ловушку, которую ему поставилъ Моро, и не умѣлъ изъ нея выпутаться?

— Это кто тебѣ сказалъ? Кто сказалъ?—крикнулъ князь.—Суворовъ!—И онъ отбросилъ тарелку, которую живо подхватилъ Тихонъ.—Суворовъ!... Подумай, князь Андрей. Два: Фридрихъ и Суворовъ... Моро! Моро былъ бы въ плѣну, коли бы у Суворова руки свободны были, а у него на рукахъ сидѣли хофсъ-кригсъ-вурстъ-шнапсъ-ратъ. Ему чортъ не радъ. Вотъ пойдете, эти хофсъ-кригсъ-вурстъ-раты узнаете! Суворовъ съ ними не сладилъ, такъ ужъ гдѣ-жъ Михайлѣ Кутузову сладить? Нѣтъ, дружокъ,—продолжалъ онъ—вамъ съ своими генералами противъ Бонапарте не обойтись; надо французовъ взять, чтобы своя своихъ не познаша, и своя своихъ побиваша. Нѣмца Палена въ Новый-Йоркъ, въ Америку, за французомъ Моро послали,—сказалъ онъ, намекая на приглашеніе, которое въ этомъ году было сдѣлано Моро вступить въ русскую службу. — Чудеса!!... Что, Потемкины, Суворовы, Орловы, развѣ нѣмцы были? Нѣтъ, братъ, либо тамъ вы всѣ съ ума сошли, либо я изъ ума выжилъ. Дай вамъ Богъ, а мы посмотримъ. Бонапарте у нихъ сталъ полководецъ великій! Гм!..

— Я ничего не говорю, чтобы всѣ распоряженія были хороши,—сказалъ князь Андрей: — только я не могу понять, какъ вы можете такъ судить о Бонапарте. Смѣйтесь, какъ хотите, а Бонапарте все-таки великій полководецъ!

— Михайла Иванычъ! — закричалъ старый князь архитектору, который, занявшись жаркимъ, надѣялся, что про него забыли. — Я вамъ говорилъ, что Бонапарте—великій тактикъ? Вотъ и онъ говоритъ.

— Какъ же, ваше сіятельство,—отвѣчалъ архитекторъ.

Князь опять засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

— Бонапарте въ рубашкѣ родился. Солдаты у него прекрасные. Это такъ.

И князь началъ разбирать всѣ ошибки, которыя, по его понятіямъ, дѣлалъ Бонапарте во всѣхъ своихъ войнахъ и даже въ государственныхъ дѣлахъ. Сынъ не возражалъ, но видно было, что какіе бы доводы ему ни представляли, онъ также мало способенъ былъ измѣнить свое мнѣніе, какъ и старый князь. Князь Андрей слушалъ, удерживаясь отъ возраженій и невольно удивляясь, какъ могъ этотъ старый человѣкъ, сидя столько лѣтъ одинъ безвыѣздно въ деревнѣ, въ такихъ подробностяхъ и съ такою тонкостью знать и обсудить всѣ военныя и политическія обстоятельства Европы послѣднихъ годовъ.

— Ты думаешь, я старикъ, не понимаю настоящаго положенія дѣлъ?— заключилъ онъ.—А мнѣ оно вотъ гдѣ! Я ночей не сплю. Ну, гдѣ же этотъ великій полководецъ твой-то, гдѣ онъ показалъ себя?

— Это длинно было бы,—отвѣчалъ сынъ.

— Ступай же ты къ Буонапарте своему. M-élle Bourienne, voilà encore un admirateur de votre goujat d'empereur!—Закричалъ онъ отличнымъ французскимъ языкомъ.

Vous savez que je ne suis pas bonapartiste, mon prince.

— Dieu sais, quand reviendra...—пропѣлъ князь фальшиво, еще фальшивѣе засмѣялся и вышелъ изъ-за стола.

Князь Андрей на другой день уѣзжаетъ на войну. Чувствительныя прощанія съ женой и сестрой. Дворовые и вся домашніе въ сборѣ для проводовъ.

...Князь Андрей былъ позванъ въ кабинетъ къ отцу, который съ глазу на глазъ хотѣлъ проститься съ нимъ. Всѣ ждали ихъ выхода.

Когда князь Андрей вошелъ въ кабинетъ, старый князь въ стариковскихъ очкахъ и въ своемъ бѣломъ халатѣ, въ которомъ онъ никого не принималъ, кромѣ сына, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ оглянулся.

— Ѣдешь? И онъ опять сталъ писать.

— Пришелъ проститься.

— Цѣлуй сюда,—онъ показалъ щеку:—спасибо, спасибо!

— За что вы меня благодарите?

— За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо! — И онъ продолжалъ писать, такъ что брызги летѣли съ трещавшаго пера. — Ежели нужно сказать что, говори. Эти два дѣла могу дѣлать вмѣстѣ,—прибавилъ онъ.

Успокаивая сына на счетъ ухода за его больной женой, старый князь запечатывалъ письма.

...Теперь слушай: письмо Михайлу Иларіоновичу отдай. Я пишу, чтобъ онъ тебя въ хорошія мѣста употреблялъ, и долго адъютантомъ не держалъ: скверная должность! Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, какъ онъ тебя приметъ. Коли хорошо будетъ, служи. Николая Андреевича Болконскаго сынъ изъ милости служить ни у кого не будетъ. Ну, теперь поди сюда.

Онъ говорилъ такою скороговоркой, что не доканчивалъ половины словъ, но сынъ привыкъ понимать его. Онъ подвелъ сына къ бюро, откинулъ крышку, выдвинулъ ящикъ и вынулъ исписанную его крупнымъ, длиннымъ и сжатымъ почеркомъ тетрадь.

— Должно быть, мнѣ прежде тебя умереть. Знай, тутъ мои записки, ихъ государю передать послѣ моей смерти. Теперь здѣсь, вотъ ломбардный билетъ и письмо: это премія тому, кто напишетъ исторію суворовскихъ войнъ. Переслать въ академію. Здѣсь мои ремарки, послѣ меня читай для себя, найдешь пользу.

Обѣщаніе сына все исполнить.

— Ну, теперь прощай! — Онъ далъ поцѣловать сыну свою руку и обнялъ его.— Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьютъ, мнѣ, старику, больно будетъ... Онъ неожиданно замолчалъ и вдругъ крикливымъ голосомъ продолжалъ: — а коли узнаю, что ты повелъ себя не какъ сынъ Николая Болконскаго, мнѣ будетъ стыдно.

— Это вы могли бы не говорить мнѣ, батюшка, — улыбаясь сказалъ сынъ.

Старикъ замолчалъ.

— Еще я хотѣлъ просить васъ,—продолжалъ князь Андрей:—ежели меня убьютъ, и ежели у меня будетъ сынъ, не отпускайте его отъ себя, какъ я вамъ вчера говорилъ, чтобъ онъ выросъ у васъ... пожалуйста.

— Женѣ не отдавать?—сказалъ старикъ и засмѣялся.

Они молча стояли другъ противъ друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены въ глаза сына. Что-то дрогнуло въ нижней части лица стараго князя.

— Простились... ступай!—вдругъ сказалъ онъ.—Ступай!—закричалъ онъ сердитымъ и громкимъ голосомъ, отворяя дверь кабинета.

Ожидавшіе испугались. Слезы и что-то въ родѣ обморока жены Андрея при прощаніи съ нимъ.

Изъ кабинета слышны были, какъ выстрѣлы, часто повторяемые, сердитые звуки стариковскаго сморканья. Только что князь Андрей вышелъ, дверь кабинета быстро отворилась, и выглянула строгая фигура старика въ бѣломъ халатѣ.

— Уѣхалъ? Ну, и хорошо!—сказалъ онъ, сердито посмотрѣвъ на безчувственную маленькую княгиню (жена Андрея), укоризненно покачалъ головой и захлопнулъ дверь.

Именины у Ростовыхъ.

У Ростовыхъ были именинницы Натальи, мать и меньшая дочь. Съ утра, не переставая, подъѣзжали и отъѣзжали цуги, подвозившіе поздравителей къ большому, всей Москвѣ извѣстному, дому графини Ростовой на Поварской. Графиня съ красивой старшею дочерью и гостями, не переставшими смѣнять одинъ другаго, сидѣли въ гостиной... Графъ встрѣчалъ и провожалъ гостей, приглашая всѣхъ къ обѣду.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, ma chère или mon cher (ma chère или mon cher онъ говорилъ всѣмъ безъ исключенія, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ, какъ выше, такъ и ниже стоящимъ его людямъ), за себя и за дорогихъ именинницъ. Смотрите же, пріѣзжайте обѣдать. Вы меня обидите, mon cher. Душевно прошу васъ отъ всего семейства, ma chère. Эти слова, съ одинакимъ выраженіемъ на полномъ, веселомъ и чисто-выбритомъ лицѣ и съ одинаково-крѣпкимъ пожатіемъ руки и повторяемыми короткими поклонами, говорилъ онъ всѣмъ безъ исключенія и измѣненія. Проводивъ гостя, возвращался къ тому или той, которые еще были въ гостиной; придвинувъ кресла, и съ видомъ человѣка, любящаго и умѣющаго пожить, молодецки разставивъ ноги и положивъ на колѣна руки, онъ значительно покачивался, предлагалъ догадки о погодѣ, совѣтовался о здоровьѣ, иногда на русскомъ, иногда на очень дурномъ, но самоувѣренномъ французскомъ языкѣ, и снова, съ видомъ усталаго, но твердаго въ исполненіи обязанности человѣка, шелъ провожать, оправляя рѣдкіе сѣдые волосы на лысинѣ, и опять звалъ обѣдать. Иногда, возвращаясь изъ передней, онъ заходилъ че-

резъ цвѣточную и офиціантскую, въ большую мраморную залу, гдѣ накрывали столъ на восемьдесятъ кувертовъ, и глядя на офиціантовъ, носившихъ серебро и фарфоръ, разставлявшихъ столы и развертывавшихъ камчатныя скатерти, подзывалъ къ себѣ Дмитрія Васильевича, дворянина, занимавшагося всѣми его дѣлами, и говорилъ: Ну, ну, Митенька, смотри, чтобъ все было хорошо. Такъ, такъ, говорилъ онъ, съ удовольствіемъ оглядывая огромный раздвинутый столъ. Главное сервировка. Тото... И онъ уходилъ, самодовольно вздыхая, опять въ гостиную.

Продолженіе визитовъ. Разговоры о разныхъ новостяхъ; суды-пересуды и проч. и проч.

Приближалось время обѣда, ждали только Марью Дмитріевну, Ахросимову, прозванную въ обществѣ le terrible dragon, даму знаменитую не богатствомъ, не почестями, но прямотой ума и откровенною простотой обращенія. Марью Дмитріевну знала Царская Фамилія, знала вся Москва и весь Петербургъ, и оба города, удивляясь ей, втихомолку посмѣивались надъ ея грубостью, разсказывали про нее анекдоты; тѣмъ не менѣе всѣ безъ исключенія уважали и боялись ее.

Вотъ, наконецъ, и Марья Дмитріевна. При ея появленіи, всѣ барышни и даже дамы, исключая самыхъ старыхъ, встали. Марья Дмитріевна остановилась въ дверяхъ и съ высоты своего тучнаго тѣла, высоко держа свою съ сѣдыми буклями пятидесятилѣтнюю голову, оглядѣла гостей. Марья Дмитріевна всегда говорила по-русски.

— Именинницѣ дорогой съ дѣтками,—сказала она своимъ громкимъ, густымъ, подавляющимъ всѣ другіе звуки, голосомъ.—Ты что, старый грѣховодникъ,—обратилась она къ графу, цѣловавшему ея руку,— чай, скучаешь въ Москвѣ? собакъ гонять не гдѣ? Да что, батюшка, дѣлать, вотъ какъ эти пташки подростутъ... — Она указывала на дѣвицъ. — Хочешь-не-хочешь, надо жениховъ искать.

— Ну, что, казакъ мой? (Марья Дмитріевна казакомъ называла Наташу) говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую къ ея рукѣ безъ страха и весело.—Знаю, что зелье дѣвка, а люблю.

Она достала изъ огромнаго ридикюля яхонтовыя сережки грушками, и, отдавъ ихъ именинно-сіявшей и разрумянившейся Наташѣ, тотчасъ же отвернулась отъ нея и обратилась къ Пьеру (сынъ графа Безухаго).

— Э, э! любезный! поди-ка сюда, — сказала она притворно-тихимъ и тонкимъ голосомъ. — Поди-ка, любезный...

Пьеръ подошелъ, наивно глядя на нее черезъ очки.

— Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одна говорила, когда онъ въ случаѣ былъ, а тебѣ-то и Богъ велитъ. Она помолчала. Всѣ молчали, ожидая того, что будетъ, и чувствуя, что было только предисловіе.

— Хорошъ, нечего сказать! Хорошъ мальчикъ!.. Отецъ на одрѣ лежитъ, а онъ забавляется, — квартальнаго на медвѣдя верхомъ сажаетъ. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шелъ. — Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался отъ смѣха.

— Ну что-жъ къ столу, я чай, пора?—сказала Марья Дмитріевна.

Впереди пошелъ графъ съ Марьей Дмитріевной, потомъ графиня, которую повелъ гусарскій полковникъ, нужный человѣкъ, съ которымъ Николай (сынъ графа) долженъ былъ догонять полкъ; Анна Михайловна (княгиня Друбецкая), Шиншинъ (статскій, двоюродный братъ графини, старый холостякъ)... За ними шли еще другія пары, протянувшіяся по всей залѣ, и сзади всѣхъ, по одиночкѣ, дѣти, гувернеры и гувернантки. Офиціанты зашевелились, стулья загремѣли, на хорахъ заиграла музыка, и гости раз-

мѣстились. Звуки домашней музыки графа замѣнились звуками ножей и вилокъ, говора гостей, тихихъ шаговъ все сѣдыхъ, почтенныхъ офиціантовъ. На одномъ концѣ стола во главѣ сидѣла графиня. Справа — Марья Дмитріевна, слѣва—Анна Михайловна и другія гостьи. На другомъ концѣ сидѣлъ графъ, слѣва—гусарскій полковникъ, справа — Шиншинъ и другіе гости мужскаго пола. Съ одной стороны длиннаго стола — молодежь постарше...; съ другой стороны—дѣти, гувернеры и гувернантки. Графъ, изъ-за хрусталя, бутылокъ и вазъ съ фруктами, поглядывалъ на жену и ея высокій чепецъ съ голубыми лентами, и усердно подливалъ вина своимъ сосѣдямъ, не забывая и себя. Графиня также, изъ-за ананасовъ, не забывая обязанности хозяйки, кидала значительные взгляды на мужа, котораго лысина и лицо, казалось ей, своею краснотой рѣзче отличались отъ сѣдыхъ волосъ.

Разговоры тамъ и сямъ... Гувернантка безпокойно оглядывалась, какъ бы приготавливаясь къ отпору, ежели бы кто вздумалъ обидѣть дѣтей. Гувернеръ-нѣмецъ старался запомнить всѣ роды кушаній, десертовъ и винъ съ тѣмъ, чтобы описать все подробно въ письмѣ къ домашнимъ въ Германію, и весьма обижался тѣмъ, что дворецкій, съ завернутою въ салфетку бутылкой, обносилъ его. Нѣмецъ хмурился, старалсл показать видъ, что онъ и не желалъ получить этого вина, но обижался потому, что никто не хотѣлъ понять, что вино нужно было ему не для того, чтобъ утолить жажду, не изъ жадности, а изъ добросовѣстной любознательности.

На мужскомъ концѣ стола разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Полковникъ разсказалъ, что манифестъ объ объявленіи войны уже вышелъ въ Петербургѣ, и что экземпляръ, который онъ самъ видѣлъ, доставленъ нынѣ курьеромъ главнокомандующему.

— И зачѣмъ насъ нелегкая несетъ воевать съ Бонапартомъ? — сказалъ Шиншинъ. — Il a deja rabattu le caquet à l'Autriche. Je crains que cette fois ce ne soit notre tour (Онъ уже приперъ къ стѣнѣ Австрію. Боюсь, не пришелъ бы теперь нашъ чередъ).

Полковникъ былъ плотный, высокій и сангвиническій нѣмецъ, очевидно, служака и патріотъ. Онъ обидѣлся словами Шиншина.

— А затэмъ, мылостывый государь, — сказалъ онъ, выговаривая э вмѣсто е и ъ вмѣсто ъ. — Затэмъ, что импэраторъ это знаэтъ. Онъ въ манифэстэ сказалъ, что не можэтъ смотрэтъ равнодушно на опасности, угрожающія Россіи, и что бэзопасность имперіи, достоинство ея и святость *союзовъ*,—сказалъ онъ, почему-то особенно налегая на слово „союзовъ", какъ будто въ этомъ была вся сущность дѣла. И съ свойственною ему, непогрѣшимою, оффиціальною памятью, онъ повторилъ вступительныя слова манифеста... „и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль государя составляющее: водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ—рѣшили его двинуть нынѣ часть войска за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новыя условія". Вотъ зачэмъ, мылостывый государь,—заключилъ онъ назидательно, выпивая стаканъ вина и оглядываясь на графа за поощреніемъ.

— Connaissez vous le proverbe: „Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена", сказалъ Шиншинъ, морщась и улыбаясь.—Cela nous convient à merveille. Ужъ на что Суворова, и того расколотили, à plate couture, а гдѣ у насъ Суворовы теперь? Je vous demande un peu, безпрестанно перескакивая съ русскаго на французскій языкъ, говорилъ онъ.

— Мы должны и драться до послэдня капли кровь, — сказалъ полковникъ, ударяя по столу,—и умэр-р-рэтъ за свояго импэратора, и тогда всэй будэтъ хорошо. А разсуждать какъ мо-о-жно (онъ особенно вытянулъ голосъ на словѣ „мо о"), какъ мо-о-жно менше, докончилъ онъ, опять

обращаясь къ графу.—Такъ старые гусары судимъ, вотъ и все. А вы какъ судите, молодой человѣкъ и молодой гусаръ?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Николаю, который, услыхавъ, что дѣло шло о войнѣ, оставилъ свою собесѣдницу и во всѣ глаза смотрѣлъ и всѣми ушами слушалъ полковника.

— Совершенно съ вами согласенъ,—отвѣчалъ Николай, весь вспыхнувъ, вертя тарелку и переставляя стаканы съ такимъ рѣшительнымъ и отчаяннымъ видомъ, какъ будто въ настоящую минуту онъ подвергался великой опасности,—я убѣжденъ, что русскіе должны умирать или побѣждать,—сказалъ онъ, самъ чувствуя такъ же, какъ и другіе, послѣ того, какъ слово уже было сказано, что оно было слишкомъ восторженно и напыщенно для настоящаго случая, и потому неловко.

— C'est bien beau ce que vous venez de dire, — сказала сидѣвшая подлѣ него Жюли Карагина, вздыхая. Соня (племянница графа) задрожала вся и покраснѣла до ушей, за ушами и до шеи и плечъ въ то время, какъ Николай говорилъ. Пьеръ прислушался къ рѣчамъ полковника, и одобрительно закачалъ головой.

— Вотъ это славно. Très bien, très bien,—сказалъ онъ.

— Настоящій гусаръ, молодой человѣкъ, — крикнулъ полковникъ, — ударивъ опять по столу.

— О чемъ вы тамъ шумите?—вдругъ послышался черезъ столъ басистый голосъ Марьи Дмитріевны.—Что ты по столу стучишь?—обратилась она къ гусару,—на кого ты горячишься? вѣрно думаешь, что тутъ французы передъ тобой?

— Я правду говору,—улыбаясь, сказалъ гусаръ.

— Все о войнѣ...—черезъ столъ прокричалъ графъ.—Вѣдь у меня сынъ идетъ, Марья Дмитріевна, сынъ идетъ.

— А у меня четыре сына въ арміи, а я не тужу. На все воля Божья; и на печи лежа умрешь, и въ сраженіи Богъ помилуетъ, прозвучалъ безъ всякаго усилія, съ того конца стола, густой голосъ Марьи Дмитріевны.

— Это такъ.

И разговоръ опять сосредоточился—дамскій на своемъ концѣ стола, мужской—на своемъ.

— А вотъ не спросишь,—говорилъ маленькій братъ Наташѣ,—а вотъ не спросишь!

— Спрошу,—отвѣчала Наташа.

Лицо ея вдругъ разгорѣлось, выражая отчаянную и веселую рѣшимость. Она привстала, приглашая взглядомъ Пьера, сидѣвшаго противъ нея, прислушаться, и обратилась къ матери:

— Мама!—прозвучалъ по всему столу ея дѣтски-грудной голосъ.

— Что тебѣ?—спросила графиня испуганно, но по лицу дочери увидѣвъ, что это была шалость, строго замахала ей рукой, дѣлая угрожающій и отрицательный жестъ головой.

Разговоръ притихъ.

— Мама!—какое пирожное будетъ?—еще рѣшительнѣе, не срываясь, прозвучалъ голосокъ Наташи.

Графиня хотѣла хмуриться, но не могла. Марья Дмитріевна погрозила толстымъ пальцемъ.

— Казакъ!—проговорила она съ угрозой.

Большинство гостей смотрѣли на старшихъ, не зная, какъ слѣдуетъ принять эту выходку.

— Вотъ я тебя!—сказала графиня.

— Мама! что пирожное будетъ?—закричала Наташа уже смѣло и

капризно-весело, впередъ увѣренная, что выходка ея будетъ принята хорошо.

Соня и толстый Петя прятались отъ смѣха.

— Вотъ и спросила,—прошептала Наташа маленькому брату (Петѣ) и Пьеру, на котораго она опять взглянула.

— Мороженое, только тебѣ не дадутъ, — сказала Марья Дмитріевна. Наташа видѣла, что бояться нечего, и потому не побоялась и Марьи Дмитріевны.

— Марья Дмитріевна? какое мороженое? Я сливочное не люблю.

— Морковное.

— Нѣтъ, какое? Марья Дмитріевна, какое?—почти кричала она.—Я хочу знать. Марья Дмитріевна и графиня засмѣялись, а за ними всѣ гости. Всѣ смѣялись не отвѣту Марьи Дмитріевны, но непостижимой смѣлости и ловкости этой дѣвочки, умѣвшей и смѣвшей такъ обращаться съ Марьей Дмитріевной.

Наташа отстала только тогда, когда ей сказали, что будетъ ананасное. Передъ мороженымъ подали шампанское. Опять заиграла музыка, графъ поцѣловался съ графинюшкою, и гости, вставая, поздравляли графиню, черезъ столъ чокались съ графомъ, дѣтьми и другъ съ другомъ. Опять забѣгали офиціанты, загремѣли стулья, и въ томъ же порядкѣ, но съ болѣе красными лицами, гости вернулись въ гостиную и кабинетъ графа.

Раздвинули бостонные столы, разбрелись партіями, и гости графа размѣстились въ двухъ гостиныхъ, диванной и библіотекѣ.

Скоро начались танцы.

Въ серединѣ третьяго экосеза зашевелились стулья въ гостиной, гдѣ играли графъ и Марья Дмитріевна, и бо́льшая часть почетныхъ гостей и старички, потягиваясь послѣ долгаго сидѣнья и укладывая въ карманы бумажники и кошельки, выходили въ двери залы. Впереди шла Марья Дмитріевна съ графомъ,—оба съ веселыми лицами. Графъ съ шутливою вѣжливостью, какъ-то по балетному, подалъ округленную руку Марьѣ Дмитріевнѣ. Онъ выпрямился, и лицо его озарилось особенною молодецки-хитрою улыбкой, и какъ только дотанцовали послѣднюю фигуру экосеза, онъ ударилъ въ ладоши музыкантамъ и закричалъ на хоры, обращаясь къ первой скрипкѣ.

— Семенъ! Данилу Купора знаешь?

Это былъ любимый танецъ графа, танцованный имъ еще въ молодости. (Данило Куноръ была собственно одна фигура *англеза*).

— Смотрите на папа,—закричала на всю залу Наташа (совершенно забывъ, что она танцуетъ съ большимъ), пригибая къ колѣнамъ свою кудрявую головку и заливаясь звонкимъ смѣхомъ по всей залѣ. Дѣйствительно, все, что только было въ залѣ, съ улыбкою радости смотрѣло на веселаго старичка, который рядомъ съ своею сановитою дамой, Марьей Дмитріевной, бывшей выше его ростомъ, округлялъ руки, въ тактъ потряхивая ими, расправлялъ плечи, вывертывалъ ноги, слегка притопывая, и все болѣе и болѣе распускавшеюся улыбкой на своемъ кругломъ лицѣ приготовлялъ зрителей къ тому, что будетъ. Какъ только заслышались веселые, вызывающіе звуки Данилы Купора, похожіе на развеселаго трепачка, всѣ двери залы вдругъ заставились, съ одной стороны—мужскими, а съ другой—женскими, улыбающимися лицами дворовыхъ, вышедшихъ посмотрѣть на веселящагося барина.

— Батюшка-то нашъ! Орелъ!—проговорила громко няня изъ одной двери. Графъ танцовалъ хорошо и зналъ это, но его дама вовсе не умѣла и не хотѣла хорошо танцовать. Ея огромное тѣло стояло прямо съ опу-

щенными внизъ мощными руками (она передала ридикуль графинѣ): только одно строгое, но красивое лицо ея танцовало. Что выражалось во всей круглой фигурѣ графа, у Марьи Дмитріевны выражалось лишь въ болѣе и болѣе улыбающемся лицѣ и вздергивающемся носѣ. Но зато ежели графъ, болѣе и болѣе расходясь, плѣнялъ зрителей неожиданностью ловкихъ вывертовъ и легкихъ прыжковъ своихъ мягкихъ ногъ, Марья Дмитріевна, малѣйшимъ усердіемъ при движеніи плечъ или округленія рукъ, въ поворотахъ и притопываньяхъ, производила не меньшее впечатлѣніе по заслугѣ, которую цѣнилъ всякій при ея тучности и всегдашней суровости. Пляска оживлялась все болѣе и болѣе. Визави не могли ни на минуту обратить на себя вниманія. и даже не старались о томъ. Все было занято графомъ и Марьею Дмитріевной. Наташа дергала за рукава и платье всѣхъ присутствовавшихъ, которые и безъ того не спускали глазъ съ танцующихъ, и требовала, чтобъ смотрѣли на папеньку. Графъ въ промежуткахъ танца тяжело переводилъ духъ, махалъ и кричалъ музыкантамъ, чтобъ они играли скорѣе. Скорѣе, скорѣе и скорѣе, лише, лише и лише развертывался графъ, то на цыпочкахъ, то на каблучкахъ носясь вокругъ Марьи Дмитріевны, и, наконецъ, повернувъ свою даму къ ея мѣсту, сдѣлалъ послѣднее па, поднявъ сзади кверху свою мягкую ногу, склонивъ вспотѣвшую голову съ улыбающимся лицомъ и округло размахнувъ правою рукой среди грохота рукоплесканій и хохота, особенно Наташи. Оба танцующіе остановились, тяжело переводя дыханіе и утираясь батистовыми платками.

— Вотъ какъ въ наше время танцовывали, ma chère, — сказалъ графъ.

— Ай да Данила Купоръ!—тяжело и продолжительно выпуская духъ, сказала Марья Дмитріевна. (Т. I-й, ч. 1-я, стр. 49—101, изд. 1868 г.).

Идеалы княжны Маріи.

Николушка (племянникъ) и его воспитаніе, Andrè (братъ) и религія были утѣшеніями и радостями княжны Маріи (дочери Болконскаго); но, кромѣ того, такъ какъ каждому человѣку нужны свои личныя надежды, у княжны Маріи была въ самой глубокой тайнѣ ея души скрытая мечта и надежда, доставлявшая ей главное утѣшеніе въ ея жизни. Утѣшительную эту мечту и надежду дали ей Божьи люди—юродивые и странники, посѣщавшіе ее тайно отъ князя. Чѣмъ больше жила княжна Марія, чѣмъ больше испытывала она жизнь и наблюдала ее, тѣмъ болѣе удивляла ее близорукость людей, ищущихъ здѣсь на землѣ наслажденій и счастья, трудящихся, страдающихъ, борющихся и дѣлающихъ зло другъ другу для достиженія этого невозможнаго, призрачнаго и порочнаго счастія. Князь Андрей любилъ жену, она умерла, ему мало этого, онъ хочетъ связать свое счастье съ другой женщиной (Наташа Ростова, графиня). Отецъ не хочетъ этого, потому что желаетъ для Андрея болѣе знатнаго и богатаго супружества. И всѣ они борются и страдаютъ, и мучаютъ, и портятъ свою душу, свою вѣчную душу, для достиженія благъ, которымъ срокъ есть мгновенье. Мало того, что мы знаемъ сами, знаемъ это,—Христосъ, сынъ Бога, сошелъ на землю и сказалъ намъ, что эта жизнь есть мгновенная жизнь, испытанье, а мы все держимся за нее и думаемъ въ ней найти счастье. Какъ никто не понялъ этого? думала княжна Марья. Никто, кромѣ этихъ презрѣнныхъ Божьихъ людей, которые съ сумками за плечами приходятъ ко мнѣ съ задняго крыльца, боясь попасться на глаза князю, и не для того, чтобы не по-

страдать отъ него, а для того, чтобы его не ввести въ грѣхъ. Оставить семью, родину, всѣ заботы о мірскихъ благахъ для того, чтобы, не прилѣпляясь ни къ чему, ходить въ посконномъ рубищѣ, подъ чужимъ именемъ, съ мѣста на мѣсто, не дѣлая вреда людямъ и молясь за нихъ, молясь и за тѣхъ, которые гонятъ, и за тѣхъ, которые покровительствуютъ: выше этой истины и жизни нѣтъ истины и жизни!

Была одна странница, Ѳедосьюшка, 50-ти-лѣтняя, маленькая, тихонькая, рябая женщина, ходившая уже болѣе 30-ти лѣтъ босикомъ и въ веригахъ. Ее особенно любила княжна Марія. Однажды, когда въ темной комнатѣ, при свѣтѣ одной лампадки, Ѳедосьюшка разсказывала о своей жизни,— княжнѣ Маріи вдругъ съ такой силой пришла мысль о томъ, что Ѳедосьюшка одна нашла вѣрный путь жизни, что она рѣшилась сама пойти странствовать. Она повѣрила свое намѣреніе только одному духовнику-монаху, отцу Акинфію, и духовникъ одобрилъ ея намѣреніе. Подъ предлогомъ подарка странницамъ, княжна Марія припасла себѣ полное одѣяніе странницы: рубашку, лапти, кафтанъ и черный платокъ. Часто подходя къ завѣтному комоду, княжна Марія останавливалась въ нерѣшительности о томъ, не наступило ли уже время для приведенія въ исполненіе ея намѣренія?

Часто слушая разсказы странницъ, она возбуждалась ихъ простыми, для нихъ механическими, а для нея полными глубокаго смысла рѣчами, такъ что она была нѣсколько разъ готова бросить все и бѣжать изъ дому. Въ воображеніи своемъ она уже видѣла себя съ Ѳедосьюшкой въ грубомъ рубищѣ, шагающей съ палочкой и котомочкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе безъ зависти, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ, и, въ концѣ-концовъ, туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, а вѣчная радость и блаженство.

— Приду къ одному мѣсту, помолюсь; не успѣю привыкнуть, полюбить—пойду дальше... И буду идти до тѣхъ поръ, пока ноги подкосятся, и лягу и умру гдѣ нибудь, и приду, наконецъ, въ ту вѣчную, тихую пристань, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія... думала княжна Марія.

Но потомъ, увидавъ отца и особенно маленькаго Коко, она ослабѣвала въ своемъ намѣреніи, потихоньку плакала и чувствовала, что она грѣшница: любила отца и племянника больше, чѣмъ Бога (Т. Ш, ч. 1-я, стр. 108—110; изд. 1868 г.).

Изъ письма княжны Маріи къ Жюли Карагиной... „Ахъ, милый другъ, слова нашего Божественнаго Спасителя, что легче верблюду пройти въ игличное ухо, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе, — эти слова страшно справедливы... Такому молодому (Пьеру, наслѣднику самаго огромнаго состоянія въ Россіи, которое ему одному оставилъ графъ Безухій) быть отягощеннымъ такимъ огромнымъ состояніемъ,—черезъ сколько искушеній надо пройти ему! Еслибъ у меня спросили, чего я желаю болѣе всего на свѣтѣ,— я желаю быть бѣднѣе самаго бѣднаго изъ нищихъ. *Поблагодаривъ за присылку книги: „Ключъ таинства“, она не будетъ читать ея, такъ какъ сама же Жюли писала, что въ ней, въ этой книгѣ, есть непонятное для слабаго ума человѣческаго; да, кромѣ того, княжна Марія вообще не любитъ мистическихъ книгъ.* Будемъ читать лучше апостоловъ и Евангеліе. Не будемъ пытаться проникнуть то, что въ этихъ книгахъ есть таинственнаго, ибо какъ можемъ мы, жалкіе грѣшники, познать страшныя и священныя тайны Провидѣнія до тѣхъ поръ, пока носимъ на себѣ ту плотскую оболочку, которая воздвигаетъ между нами и Вѣчнымъ непроницаемую завѣсу? Ограничимся лучше изученіемъ великихъ правилъ, которыя нашъ Божественный Спаситель оставилъ намъ для нашего руководства здѣсь на

землѣ; будемъ стараться слѣдовать имъ и постараемся убѣдиться въ томъ, что чѣмъ меньше мы будемъ давать разгула нашему уму, тѣмъ мы будемъ пріятнѣе Богу, Который отвергаетъ всякое знаніе, исходящее не отъ Него, и что чѣмъ меньше мы углубляемся въ то, что Ему угодно было скрыть отъ насъ, тѣмъ скорѣе дастъ Онъ намъ это открытіе Своимъ божественнымъ разумомъ.

Отецъ мнѣ ничего не говорилъ о женихѣ, но сказалъ только, что получилъ письмо и ждетъ посѣщенія князя Василія (Куракина). Что касается до плана супружества относительно меня, я вамъ скажу, милый и безцѣнный другъ, что бракъ, по-моему, есть божественное установленіе, которому нужно подчиняться. Какъ бы то ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будетъ наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнять ихъ такъ вѣрно, какъ могу, не заботясь объ изученіи своихъ чувствъ въ отношеніи того, кого Онъ мнѣ дастъ супругомъ (*Письмо писано на французскомъ языкѣ*) (Т. I, ч. 1-я, стр. 138—140).

Пріѣздъ князя Василія съ сыномъ.

...Старикъ Болконскій всегда былъ невысокаго мнѣнія о характерѣ князя Василья, и тѣмъ болѣе въ послѣднее время, когда князь Василій въ новыя царствованія, при Павлѣ и Александрѣ, далеко пошелъ въ чинахъ и почестяхъ. Теперь же, по намекамъ письма (*кн. Василья о своемъ сынѣ*) и маленькой княгини (жены сына Болконскаго—о томъ же), онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и невысокое мнѣніе о князѣ Васильѣ перешло въ душѣ князя Николая Андреича въ чувство недоброжелательнаго презрѣнія. Онъ постоянно фыркалъ, говоря про него. Въ тотъ день, какъ пріѣхать князю Василію, князь Николай Андреичъ былъ особенно не доволенъ и не въ духѣ. Отъ того ли онъ былъ не въ духѣ, что пріѣзжалъ князь Василій, или отъ того онъ былъ особенно не доволенъ пріѣздомъ князя Василія, что былъ не въ духѣ; но онъ былъ не въ духѣ, и Тихонъ еще утромъ отсовѣтовалъ архитектору входить съ докладомъ къ князю.

— Слышите, какъ ходитъ,—сказалъ Тихонъ, обращая вниманіе архитектора на звуки шаговъ князя. На всю пятку ступаетъ—ужъ мы знаемъ... Однако, какъ обыкновенно, въ 9-мъ часу князь вышелъ гулять въ своей бархатной шубкѣ съ собольимъ воротникомъ и такой же шапкѣ. Наканунѣ выпалъ глубокій снѣгъ (въ декабрѣ 1805 г.). Дорожка, по которой хаживалъ кн. Николай Андреичъ къ оранжереѣ, была расчищена, слѣды метлы виднѣлись на разметанномъ снѣгу, и лопата была воткнута въ рыхлую насыпь снѣга, шедшую съ обѣихъ сторонъ дорожки. Князь прошелъ по оранжереямъ, по дворнѣ и постройкамъ, нахмуренный и молчаливый.

— А проѣхать въ саняхъ можно? — спросилъ онъ провожавшаго его до дома почтеннаго, похожаго лицомъ и манерами на хозяина, управляющаго.

— Глубокъ снѣгъ, ваше сіятельство. Я уже по прешпекту разметать велѣлъ. Князь наклонилъ голову и подошелъ къ крыльцу. „Слава тебѣ, Господи“,—подумалъ управляющій,—„пронеслась туча!“

— Проѣхать трудно было, ваше сіятельство,—прибавилъ управляющій. „Какъ слышно было, ваше сіятельство, что министръ пожалуетъ къ вашему сіятельству!“ Князь повернулся къ управляющему и нахмуренными глазами уставился на него.

— Что? Министръ? Какой министръ? Кто велѣлъ? — заговорилъ онъ своимъ пронзительнымъ, жосткимъ голосомъ. Для княжны, моей дочери, не расчистили, а для министра! У меня нѣтъ министровъ.

— Ваше сіятельство, я полагалъ...

— Ты полагалъ,— закричалъ князь, все поспѣшнѣе и несвязнѣе выговаривая слова. Ты полагалъ... Разбойники, прохвосты!... Я тебя научу полагать, и, поднявъ палку, онъ замахнулся ею на Алпатыча и ударилъ бы, ежели бы управляющій невольно не отклонился отъ удара. Полагалъ... Прохвосты!.. торопливо кричалъ онъ; но, не смотря на то, что Алпатычъ, самъ испугавшійся своей дерзости, отклониться отъ удара, приблизился къ князю, опустивъ передъ нимъ покорно свою плѣшивую голову, или, можетъ быть, именно отъ этого, князь, продолжая кричать: Прохвосты!... закидать дорогу... не поднялъ другой разъ палки и вбѣжалъ въ комнаты.

(*M—elle Bourienne—ничего, а княжна Марья была блѣдная, испуганная*). Князь взглянулъ на испуганное лицо дочери и фыркнулъ.

— Др... или дура!...—проговорилъ онъ.—И той нѣтъ! Ужъ и ей насплетничали, подумалъ онъ про маленькую княгиню, которой не было въ столовой.

— А княгиня гдѣ?—спросилъ онъ. Прячется?... (*Она, правда, боялась князя, а ему сказали, что она не совсѣмъ здорова*).

— Гм! гм! кх! кх!—проговорилъ князь и сѣлъ за столъ. Тарелка ему показалась не чиста: онъ указалъ на пятно и бросилъ ее. Тихонъ подхватилъ ее и передалъ буфетчику.

M—elle Bourienne сообщила, что она слышала о скоро предстоящемъ пріѣздѣ князя Куракина съ сыномъ (Son excellence le prince Kouraguine avec son fils).

— Гм... эта excellence—мальчишка... я его опредѣлилъ въ коллегію, оскорбленно сказалъ князь. А сынъ зачѣмъ, не могу понять. Княгиня Лизавета Карловна и княжна Марья, можетъ, знаютъ; я не знаю, къ чему онъ везетъ этого сына сюда. Мнѣ не нужно. И онъ посмотрѣлъ на покраснѣвшую дочь.

Послѣ обѣда князь спровѣдалъ маленькую княгиню, которая побѣднѣла, увидавъ свекра.

— Не нужно ли чего?

— Нѣтъ, merci, mon père.

— Ну, хорошо, хорошо.

Онъ вышелъ и дошелъ до офиціантской. Алпатычъ, нагнувъ голову, стоялъ въ офиціантской.

— Закидана дорога?

— Закидана, ваше сіятельство: простите ради Бога, по одной глупости.

Князь перебилъ его и засмѣялся своимъ неестественнымъ смѣхомъ.

— „Ну, хорошо, хорошо“. Онъ протянулъ руку, которую поцѣловалъ Алпатычъ, и прошелъ въ кабинетъ.

Вечеромъ пріѣхалъ князь Василій. Ему съ сыномъ были отведены отдѣльныя комнаты.

Анатоль сидѣлъ, снявъ камзолъ и подпершись руками въ бока, передъ столомъ, на уголъ котораго онъ, улыбаясь, пристально и разсѣянно устремилъ свои прекрасные большіе глаза. На всю жизнь свою онъ смотрѣлъ, какъ на непрерывное увеселеніе, которое кто-то-такой почему-то обязался устроить для него. Такъ же и теперь онъ смотрѣлъ на свою поѣздку къ злому старику и къ богатой, уродливой наслѣдницѣ. Все это могло выйти, по его предположенію, очень хорошо и забавно. А отчего же не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мѣшаетъ, думалъ Анатоль.

Онъ выбрился, надушился съ тщательностью и щегольствомъ, сдѣлавшимися его привычкою, и съ прирожденнымъ ему добродушно-побѣдительнымъ выраженіемъ, высоко неся красивую голову, вошелъ въ комнату

къ отцу. Около князя Василія хлопотали его два камердинера, одѣвая его; онъ самъ оживленно оглядывался вокругъ себя и весело кивнулъ входившему сыну, какъ будто онъ говорилъ: Такъ, такимъ мнѣ тебя и надо!

— Нѣтъ, безъ шутокъ, батюшка, она очень уродлива? А? спросилъ онъ, какъ бы продолжая разговоръ, не разъ веденный во время путешествія.

— Полно, глупости! Главное дѣло—старайся быть почтителенъ и благоразуменъ съ старымъ княземъ.

— Ежели онъ будетъ браниться, я уйду,—сказалъ Анатоль. Я этихъ стариковъ терпѣть не могу. А?

— Помни, что для тебя отъ этого зависитъ все...

.... Княжна Марья вспыхнула, прекрасные глаза ея потухли, лицо ея покрылось пятнами, и съ тѣмъ некрасивымъ выраженіемъ жертвы, чаще всего останавливающимся на ея лицѣ, она отдалась во власть m-elle Bourienne и Лизы. Обѣ женщины заботились, *совершенно искренно*, о томъ, чтобы сдѣлать ее красивой. Она была такъ дурна, что ни одной изъ нихъ не могла придти мысль о соперничествѣ съ нею: поэтому онѣ совершенно искренно, съ тѣмъ наивнымъ и твердымъ убѣжденіемъ женщинъ, что нарядъ можетъ сдѣлать лицо красивымъ, принялись за ея одѣванье.

— Нѣтъ, право, ma bonne amie, это платье не хорошо,—говорила Лиза, издалека бокомъ взглядывая на княжну: вели подать, у тебя тамъ есть массака. Право! Чтожъ, вѣдь это, можетъ быть, судьба жизни рѣшается. А это слишкомъ свѣтло, не хорошо, нѣтъ, не хорошо!

Не хорошо было не платье, но лицо и вся фигура княжны; но этого не чувствовали m—elle Bourienne и маленькая княгиня... Онѣ забывали, что испуганное лицо и фигуру нельзя было измѣнить, и потому, какъ онѣ ни видоизмѣняли раму и украшеніе этого лица, само лицо оставалось жалко и некрасиво (*Прическа не къ лицу еще болѣе способствовала этому).* Хотѣли платье—массака перемѣнить на сѣренькое...

...— Non, laissez moi,—сказала княжна, и голосъ ея звучалъ такой серьезностью и страданіемъ, что веселое лепетанье птицъ—(лицъ, одѣвавшихъ ее) тотчасъ же замолкло. Онѣ посмотрѣли на большіе, прекрасные глаза, полные слезъ и мысли, ясно и умоляюще смотрѣвшіе на нихъ, и поняли, что настаивать безполезно и даже жестоко. (*Кн. Марья не согласилась на перемѣну прически и даже не взглянула на себя въ зеркало.*)

Княжна Марья осталась одна. Она, безсильно опустивъ глаза и руки, молча сидѣла и думала... (*о семейномъ счастьи*); но нѣтъ, это невозможно, я слишкомъ дурна, думала она.

— Пожалуйте къ чаю. Князь сейчасъ выйдутъ,—сказалъ изъ-за двери голосъ горничной. Она очнулась и ужаснулась тому, о чемъ она думала. И прежде чѣмъ идти внизъ, она встала, вошла въ образную и, устремивъ на освѣщенный лампадой, черный ликъ большаго образа Спасителя, простояла передъ нимъ съ сложенными нѣсколько минутъ руками. Въ душѣ княжны Марьи было мучительное сомнѣнье. Возможна ли для нея радость любви, земной любви къ мущинѣ? Въ помышленіяхъ о бракѣ, княжнѣ Марьѣ мечталось и семейное счастіе, и дѣти, но главною, сильнѣйшею и затаенною ея мечтою была любовь земная. Чувство было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она старалась скрывать его отъ другихъ и даже отъ самой себя. Боже мой!—говорила она:—какъ мнѣ подавить въ сердцѣ своемъ эти мысли дьявола? Какъ мнѣ отказаться такъ навсегда отъ злыхъ помысловъ, чтобы спокойно исполнять Твою волю. И едва она сдѣлала этотъ вопросъ, какъ Богъ уже отвѣчалъ ей въ ея собственномъ сердцѣ: „Не желай ничего для себя, не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвѣстна тебѣ; но живи такъ, чтобы быть готовой ко всему.

Если Богу угодно будетъ испытать тебя въ обязанностяхъ брака, будь готова исполнить Его волю". Съ этой успокоительной мыслью (но всетаки съ надеждой на исполненіе своей запрещенной, земной мечты), княжна Марья, вздохнувъ, перекрестилась и сошла внизъ, не думая ни о своемъ платьѣ, ни о прическѣ, ни о томъ, какъ она войдетъ и что̀ скажетъ. Что̀ могло все это значить въ сравненіи съ предопредѣленіемъ Бога, безъ воли Котораго не падетъ ни одинъ волосъ съ головы человѣческой?

.... Сначала къ ней подошелъ князь Василій, и она поцѣловала плѣшивую голую голову, наклонившуюся надъ ея рукою. Потомъ къ ней подошелъ Анатоль.

Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе своей красотой. Разговоръ общій, оживленный...

... Старый князь неторопливо одѣвался въ кабинетѣ, хмурясь и обдумывая то, что̀ ему дѣлать. Пріѣздъ этихъ гостей сердилъ его. „Что мнѣ Василій и его сынокъ? Василій—хвастунишка, пустой, ну и сынъ хорошъ долженъ быть", ворчалъ онъ про себя. Его сердило то, что пріѣздъ этихъ гостей поднималъ въ его душѣ нерѣшенный, постоянно заглушаемый вопросъ, вопросъ, на счетъ котораго старый князь всегда самъ себя обманывалъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, рѣшится ли онъ когда-либо разстаться съ княжной Марьей и отдать ее мужу? Князь никогда прямо не рѣшался задавать себѣ вопросъ, зная впередъ, что онъ отвѣтилъ бы по справедливости, а справедливость противорѣчила больше, чѣмъ чувству, а всей возможности его жизни. Жизнь безъ княжны Марьи князю Николаю Андреичу, не смотря на то, что онъ, казалось, мало дорожилъ ею, была немыслима. „И къ чему ей выходить замужъ?" думалъ онъ, „навѣрно быть несчастной! Вонъ Лиза за Андреемъ (лучше мужа теперь, кажется, трудно найти), а развѣ она довольна своей судьбой? И кто ее возьметъ изъ любви? Дурна, неловка. Возьмутъ за связи, за богатство. И развѣ не живутъ въ дѣвкахъ? Еще счастливѣе!" Такъ думалъ, одѣваясь, князь Николай Андреичъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, все откладываемый вопросъ требовалъ немедленнаго рѣшенія. Князь Василій привезъ своего сына, очевидно, съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе и, вѣроятно, нынче или завтра потребуетъ прямаго отвѣта. Имя, положеніе въ свѣтѣ приличное. „Что-жъ, я не прочь", говорилъ самъ себѣ князь, „но пусть онъ будетъ стоить ея. Вотъ это-то мы и посмотримъ. Это-то мы и посмотримъ, проговорилъ онъ вслухъ. Это-то мы и посмотримъ", и онъ, какъ всегда, бодрыми шагами вошелъ въ гостиную, быстро окинулъ глазами всѣхъ, замѣтилъ и перемѣну платья маленькой княгини, и ленточку Bourienne, и уродливую прическу княжны Марьи, и улыбки Bourienne и Анатоля, и одиночество своей княжны въ общемъ разговорѣ. „Убралась, какъ дура!" подумалъ онъ, злобно взглянувъ на дочь. Стыда нѣтъ, а онъ ее и знать не хочетъ!"

Онъ подошелъ къ князю Василью.—Ну, здравствуй, здравствуй, радъ видѣть.

— Для мила-дружка семь верстъ не околица (онъ сдѣлалъ лишнихъ 100 верстъ въ сторону отъ своего прямаго пути, чтобы посѣтить Болконскаго),—заговорилъ князь Василій, какъ всегда, быстро, самоувѣренно и фамильярно. Вотъ мой второй, прошу любить и жаловать.

Князь Николай Андреичъ оглядѣлъ Анатоля.

— Молодецъ, молодецъ!—сказалъ онъ,—ну, поди поцѣлуй, и онъ подставилъ ему щеку. Анатоль поцѣловалъ старика, и любопытно и совершенно-спокойно смотрѣлъ на него, ожидая, скоро ли произойдетъ отъ него обѣщанное отцомъ чудацкое.

Князь Николай Андреичъ сѣлъ на свое обычное мѣсто въ уголъ ди-

вана, подвинулъ къ себѣ кресло для князя Василья, указалъ на него, и сталъ разспрашивать о политическихъ дѣлахъ и новостяхъ. Онъ слушалъ со вниманіемъ и удовольствіемъ разсказъ князя Василья, но безпрестанно взглядывалъ на княжну Марью.

— Такъ ужъ изъ Потсдама пишутъ?—повторилъ онъ послѣднія слова князя Василья и вдругъ, вставъ, подошелъ къ дочери.

— Это ты для гостей такъ убралась, а?—сказалъ онъ. Хороша, очень хороша. Ты при гостяхъ причесана по-новому, а я при гостяхъ тебѣ говорю, что впередъ не смѣй ты переодѣваться безъ моего спроса.

— Это я, mon père, виновата, — краснѣя, заступилась маленькая княгиня.

— Вамъ полная воля-съ,—сказалъ князь Николай Андреичъ,—расшаркиваясь передъ невѣсткой, а ей уродовать себя нечего,—и такъ дурна. И онъ опять сѣлъ на мѣсто, не обращая болѣе вниманія на до-слезъ доведенную дочь.

— Напротивъ—эта прическа очень идетъ княжнѣ,—сказалъ князь Василій.

— Ну, батюшка, молодой князь, какъ его зовутъ?—сказалъ князь Николай Андреичъ,—обращаясь къ Анатолю, поди сюда, поговоримъ, познакомимся.

— Вотъ когда начинается потѣха,—подумалъ Анатоль, и съ улыбкой подсѣлъ къ старому князю.

— Ну, вотъ что: вы, мой милый, говорятъ, за границей воспитывались. Не такъ, какъ насъ съ твоимъ отцомъ, дьячокъ грамотѣ училъ. Скажите мнѣ, мой милый, вы теперь служите въ конной гвардіи? — спросилъ старикъ, близко и пристально глядя на Анатоля.

— Нѣтъ, я перешелъ въ армію,—отвѣчалъ Анатоль, едва сдерживаясь отъ смѣха.

— А! хорошее дѣло. Что-жъ хотите, мой милый, послужить царю и отечеству. Время военное. Такому молодцу служить надо. Что-же, во фронтѣ?

— Нѣтъ, князь. Полкъ нашъ выступилъ. А я числюсь. При чемъ я числюсь, папа?—обратился Анатоль со смѣхомъ къ отцу.

— Славно служить, славно. При чемъ я числюсь? Ха, ха, ха! — засмѣялся князь Николай Андреичъ, и Анатоль засмѣялся еще громче. Вдругъ князь Николай Андреичъ нахмурился. Ну, ступай,—сказалъ онъ Анатолю. Анатоль съ улыбкой подошелъ къ дамамъ.

— Вѣдь ты ихъ тамъ за границей воспитывалъ, князь Василій? А?—обратился старый князь къ князю Василью.

— Я дѣлалъ, что могъ, и я вамъ скажу, что тамошнее воспитаніе гораздо лучше нашего.

— Да нынче все другое, все по-новому. Молодецъ малый! молодецъ! Ну, пойдемъ ко мнѣ. Онъ взялъ князя Василія подъ руку и повелъ въ кабинетъ.

Князь Василій, оставшись одинъ-на-одинъ съ княземъ, тотчасъ же объявилъ ему о своемъ желаніи и надеждахъ.

— Что-жъ ты думаешь, сердито сказалъ старый князь, что я ее держу, не могу разстаться? Вообразятъ себѣ! — проговорилъ онъ сердито. Мнѣ хоть завтра! Только скажу тебѣ, что я своего зятя знать хочу лучше. Ты знаешь мои правила: все открыто! Я завтра при тебѣ спрошу, хочетъ она, тогда пусть онъ поживетъ. Пускай поживетъ, я посмотрю. Князь фыркнулъ. Пускай выходитъ; мнѣ все равно,—закричалъ онъ тѣмъ пронзительнымъ голосомъ, которымъ онъ кричалъ при прощаніи съ сыномъ.

— Я вамъ прямо скажу,—сказалъ князь Василій тономъ хитраго человѣка, убѣдившагося въ ненужности хитрить передъ проницательностью собесѣдника. Вы вѣдь насквозь людей видите. Анатоль не геній, но честный, добрый малый, прекрасный сынъ и родной.

— Ну, ну, хорошо, увидимъ.

Анатоль очаровалъ всѣхъ, кромѣ стараго князя: и княжну Марью, и маленькую княгиню, и m-elle Bourienne. Чай. Княжна Марья играетъ на фортепіано любимую сонату. Ужинъ, и затѣмъ всѣ расходятся.

...Старый князь не спалъ. Тихонъ сквозь сонъ слышалъ, какъ онъ сердито шагалъ и фыркалъ носомъ. Старому князю казалось, что онъ былъ оскорбленъ за свою дочь. Оскорбленіе самое больное, потому что оно относилось не къ нему, а къ другому, — къ дочери, которую онъ любилъ больше себя. Онъ сказалъ себѣ, что онъ передумаетъ все это дѣло и найдетъ то, что́ справедливо и должно сдѣлать, но, вмѣсто того, онъ только больше раздражалъ себя.

„Первый встрѣчный показался: и отецъ, и все забыто, и бѣжитъ къ верху, причесывается—и хвостомъ виляетъ, и сама на себя не похожа! Рада бросить отца! И знала, что я замѣчу. Фр... фр... фр... И развѣ я не вижу, что этотъ дурень смотритъ только на Бурьенку (надо ее прогнать)? И какъ гордости настолько нѣтъ, чтобы понять это! Хоть не для себя, коли нѣтъ гордости, такъ для меня, по крайней мѣрѣ. Надо ей показать, что этотъ болванъ объ ней и не думаетъ, а только смотритъ на Bourienne. Нѣтъ у ней гордости, но я покажу ей это“.

Въ полной увѣренности, что, такимъ образомъ, дѣло (желаніе не разлучаться съ дочерью) *будетъ выиграно, старый князь успокоился и сталъ раздѣваться, причемъ опять волновался, высказывая вслухъ:* — Я ихъ не звалъ. Пріѣхали разстраивать мою жизнь. И немного ея осталось. Къ чорту! проговорилъ онъ въ то время, какъ голова его еще была покрыта рубашкой...

— Легли?—спросилъ князь.

Тихонъ, какъ и всѣ лакеи, зналъ чутьемъ направленіе мыслей барина. Онъ угадалъ, что спрашивали о князѣ Васильѣ съ сыномъ.

— Изволили лечь и огонь потушили, ваше сіятельство.

— Не за чѣмъ, не за чѣмъ... — быстро проговорилъ князь и, всунувъ ноги въ туфли и руки въ халатъ, пошелъ къ дивану, на которомъ онъ спалъ...

Старый князь въ это утро былъ чрезвычайно ласковъ и старателенъ въ своемъ обращеніи съ дочерью. Это выраженіе старательности хорошо знала княжна Марья. Это было то выраженіе, которое бывало на его лицѣ въ тѣ минуты, когда сухія руки его сжимались въ кулакъ отъ досады за то, что княжна Марья не понимала ариѳметической задачи, и онъ, вставая, отходилъ отъ нея и тихимъ голосомъ повторялъ нѣсколько разъ однѣ и тѣ же слова.

Онъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу и началъ разговоръ, говоря „вы“.

— Мнѣ сдѣлали пропозицію на счетъ васъ, — сказалъ онъ, неестественно улыбаясь. Вы, я думаю, догадались, продолжалъ онъ, что князь Василій пріѣхалъ сюда и привезъ съ собой своего воспитанника (почему-то князь называлъ Анатоля воспитанникомъ) не для моихъ прекрасныхъ глазъ. Мнѣ вчера сдѣлали пропозицію на счетъ васъ. А такъ какъ вы знаете мои правила, я отнесся къ вамъ“.

— Какъ мнѣ васъ понимать, mon père?—проговорила княжна, блѣднѣя и краснѣя.

— Какъ понимать!—сердито крикнулъ отецъ.—Князь Василій нахо-

дить тебя по своему вкусу для невѣстки и дѣлаетъ тебѣ пропозицію за своего воспитанника. Вотъ какъ понимать. Какъ понимать?!... А я у тебя спрашиваю.

— Я не знаю, какъ вы, mon père, — топотомъ проговорила княжна.

— Я? я? что-жъ я-то? меня-то оставьте въ сторонѣ. Не я пойду замужъ. Что *въ?* вотъ это желательно знать.—Княжна видѣла, что отецъ недоброжелательно смотрѣлъ на это дѣло, но ей въ ту же минуту пришла мысль, что теперь или никогда рѣшится судьба ея жизни. Она опустила глаза, чтобы не видѣть взгляда, подъ вліяніемъ котораго она чувствовала, что не могла думать, а могла, по привычкѣ, только повиноваться, и сказала:—Я желаю только одного — исполнить вашу волю, — сказала она, но ежели бы мое желаніе нужно было выразить...—Она не успѣла договорить. Князь перебилъ ее.

— И прекрасно, — закричалъ онъ... — Онъ тебя возьметъ съ приданымъ...

При этомъ отецъ, не стѣсняясь, высказалъ ей то, что думалъ объ Анатолѣ, какъ будущемъ ея мужѣ, и m-lle Bourienne... Она опустила голову и собиралась плакать.

— Ну, ну, шучу, шучу,—сказалъ онъ.—Помни одно, княжна: я держусь тѣхъ правилъ, что дѣвица имѣетъ полное право выбирать. И даю тебѣ свободу. Помни одно: отъ твоего рѣшенія зависитъ счастье жизни твоей. Обо мнѣ нечего говорить.

— Да я не знаю... mon père.

— Нечего говорить! Ему велятъ, онъ не только на тебѣ, на комъ хочешь, женится, а ты свободна выбирать... Поди къ себѣ, обдумай и черезъ часъ приди ко мнѣ и при немъ скажи: да или нѣтъ. Я знаю, ты станешь молиться. Ну, пожалуй, молись. Только лучше подумай. Ступай. Да или нѣтъ, да или нѣтъ, да или нѣтъ! — кричалъ онъ еще въ то время, какъ княжна, какъ въ туманѣ, шатаясь, уже вышла изъ кабинета...

...Черезъ часъ Тихонъ пришелъ звать княжну Марью. Онъ звалъ ее къ князю и прибавилъ, что и князь Василій Сергѣичъ тамъ...

...Князь Василій, загнувъ высоко ногу, съ табакеркой въ рукахъ и какъ бы разчувствованный до-нельзя, какъ бы самъ сожалѣя и смѣясь надъ своею чувствительностью, сидѣлъ съ улыбкой умиленія на лицѣ, когда вошла княжна Марья. Онъ поспѣшно подпесъ щепоть табаку къ носу.

Ah ma bonne, ma bonne, — сказалъ онъ, вставая и взявъ ее за обѣ руки. Онъ вздохнулъ и прибавилъ: Le sort de mon fils est en vos mains. Décidez, ma bonne, ma chère, ma douce Marie que j'ai toujours aimé comme ma fille *). Онъ отошелъ. Дѣйствительная слеза показалась на его глазахъ.

— Фр... фр...—фыркалъ князь Николай Андреичъ.

— Князь отъ имени своего воспитанника... сына тебѣ дѣлаетъ пропозицію. Хочешь ли ты или нѣтъ быть женою князя Анатоля Курагина? Ты говори: да или нѣтъ,—закричалъ онъ,—а потомъ я удерживаю за собой право сказать и свое мнѣніе. Да, мое мнѣніе и только свое мнѣніе,—прибавилъ князь Николай Андреичъ, обращаясь къ князю Василію и отвѣчая на его умоляющее выраженіе. Да или нѣтъ?

— Мое желаніе, mon père, никогда не покидать васъ, никогда не раздѣлять своей жизни съ вашей. Я не хочу выходить за-мужъ, — сказала она рѣшительно, взглянувъ своими прекрасными глазами на князя Василія и на отца.

---

*) Ахъ, милая, милая! Судьба моего сына въ вашихъ рукахъ. Рѣшите, моя дорогая, моя кроткая Марія, которую я всегда любилъ, какъ дочь.

— Вздоръ, глупости! Вздоръ, вздоръ, вздоръ! — нахмурившись закричалъ князь Николай Андреичъ, взялъ дочь за руку, пригнулъ къ себѣ и не поцѣловалъ, но только, пригнувъ свой лобъ къ ея лбу, дотронулся до нея и такъ сжалъ руку, которую онъ держалъ, что она поморщилась и вскрикнула. Князь Василій всталъ.

— Ma chère, je vous dirai que c'est un moment que je n'oublierai jamais, jamais; mais, ma bonne, est-ce que vous ne nous donnerez pas un peu d'espérance de toucher ce coeur si bon, si généreux. Dites que peut-être... L'avenir est si grand. Dites: peut-être *).

— Князь, то, что я сказала, есть все, что есть въ моемъ сердцѣ. Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына.

— Ну, и кончено, мой милый. Очень радъ тебя видѣть. Поди къ себѣ, княжна, поди,—говорилъ старый князь. Очень, очень радъ тебя видѣть,— повторялъ онъ, обнимая князя Василья.

— Мое призваніе другое,—думала про себя княжна Марья, мое призваніе—быть счастливой другимъ счастьемъ, счастьемъ любви и самопожертвованія. И что бы мнѣ это ни стоило, я сдѣлаю счастіе бѣдной Amélie (Bourienne). Она такъ страстно его (Анатоля) любитъ. Она такъ страстно раскаивается. (*Это было послѣ ея свиданія съ нимъ въ зимнемъ саду, что невольно пришлось видѣть княжнѣ Марьѣ, проходившей черезъ садъ отъ отца къ себѣ въ комнату*). Я все сдѣлаю, чтобы устроить ея бракъ съ нимъ. Ежели онъ не богатъ, я дамъ ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я такъ буду счастлива, когда она будетъ его женою. Она такъ несчастлива, чужая, одинокая, безъ помощи!... (Т. I., ч. 2-я, стр. 23—50; изд. 1868 г.).

Пьеръ (сынъ графа Безухаго, офицеръ) **и Платонъ Каратаевъ** (солдатъ) **въ плѣну у французовъ** (послѣ Бородинскаго сраженія).

...Его (Пьера) привели къ построеннымъ вверху поля изъ обгорѣлыхъ досокъ, бревенъ и тесу балаганамъ и ввели въ одинъ изъ нихъ...

...Рядомъ съ нимъ сидѣлъ согнувшись какой-то маленькій человѣкъ.

— ...А много вы нужды увидали, баринъ? А? — сказалъ вдругъ маленькій человѣкъ. И такое выраженіе ласки и простоты было въ пѣвучемъ голосѣ человѣка, что Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но у него задрожала челюсть, и онъ почувствовалъ слезы. Маленькій человѣкъ въ ту же секунду, не давая Пьеру времени выказать свое смущеніе, заговорилъ тѣмъ же пріятнымъ голосомъ.

— Э, соколикъ, не тужи, — сказалъ онъ съ той нѣжно-пѣвучей лаской, съ которой говорятъ старыя русскія бабы. Не тужи, дружокъ: часъ терпѣть, а вѣкъ жить. Вотъ такъ-то, милый мой. А живемъ тутъ, слава Богу, обиды нѣтъ. Тоже люди и худые, и добрые есть, — сказалъ онъ и, еще говоря, гибкимъ движеніемъ перегнулся на колѣни, всталъ и, прокашливаясь, пошелъ куда-то.

— Ишь, шельма, пришла!—услыхалъ Пьеръ въ концѣ балагана тотъ

---

*) Моя милая, я вамъ скажу, что эту минуту я никогда не забуду; но, моя добрѣйшая, дайте намъ хоть малую надежду возможности тронуть это сердце, столь доброе и великодушное. Скажите: можетъ быть... Будущность такъ велика. Скажите: можетъ быть.

же ласковый голосъ,—Припла, шельма, помнитъ! Ну, ну, буде. — И солдатъ, отталкивая отъ себя собачонку, прыгавшую къ нему, вернулся къ своему мѣсту и сѣлъ. Въ рукахъ у него было что-то завернуто въ тряпкѣ.

— Вотъ, покушайте, баринъ, — сказалъ онъ, опять возвращаясь къ прежнему почтительному тону и развертывая и подавая Пьеру нѣсколько печеныхъ картошекъ. — Въ обѣдѣ похлебка была. А картошки важнѣющія!

Пьеръ не ѣлъ цѣлый день, и запахъ картофеля показался ему необыкновенно пріятнымъ. Онъ поблагодарилъ солдата и сталъ ѣсть.

— Чтожъ, такъ-то?—улыбаясь сказалъ солдатъ и взялъ одну изъ картошекъ.—А ты вотъ какъ. — Онъ досталъ опять складной ножикъ, разрѣзалъ на своей ладони картошку на равныя двѣ половины, посыпалъ соли изъ тряпки и поднесъ Пьеру.

— Картошки важнѣющія,—повторилъ онъ.—Ты покушай, вотъ такъ-то. Пьеру казалось, что онъ никогда не ѣлъ кушанья вкуснѣе этого.

— Нѣтъ, мнѣ все ничего,—сказалъ Пьеръ,—но за что они разстрѣляли этихъ несчастныхъ (русскихъ, схваченныхъ разъѣздомъ французовъ, заподозрѣнныхъ въ поджогѣ Москвы; въ число ихъ, какъ особенно подозрительный, попалъ и Пьеръ)?!.. Послѣдній лѣтъ двадцати.

— Тс, тц... — сказалъ маленькій человѣкъ. — Грѣха-то, грѣха-то... — быстро прибавилъ онъ и, какъ будто слова его всегда были готовы во рту его и нечаянно вылетали изъ него, онъ продолжалъ:—Чтожъ это, баринъ, вы такъ въ Москвѣ-то остались?

— Я не думалъ, что они (французы) такъ скоро придутъ. Я нечаянно остался,—сказалъ Пьеръ.

— Да какъ же они взяли тебя, соколикъ, изъ дома твоего?

— Нѣтъ, я пошелъ на пожаръ, а тутъ они схватили меня, судили за поджигателя.

— А ты давно здѣсь?—спросилъ Пьеръ, дожевывая послѣднюю картошку.

— Я-то? Въ то воскресенье меня взяли изъ гошпиталя въ Москвѣ.

— Ты кто же, солдатъ?

— Солдаты Апшеронскаго полка. Отъ лихорадки умиралъ. Намъ и не сказали ничего. Нашихъ человѣкъ двадцать лежало. И не думали, не гадали.

— Чтожъ, тебѣ скучно здѣсь?— спросилъ Пьеръ.

— Какъ не скучно, соколикъ. Меня Платономъ звать; Каратаевы— прозвище,—прибавилъ онъ видимо съ тѣмъ, чтобы облегчить Пьеру обращеніе къ нему.—Соколикомъ на службѣ прозвали. Какъ не скучать, соколикъ! Москва, она городамъ мать. Какъ не скучать на это смотрѣть. Да, червь капусту гложе, а самъ прежде того пропадае: такъ-то старички говаривали, — прибавилъ онъ быстро.

— Какъ, какъ это ты сказалъ? — спросилъ Пьеръ.

— Я-то? спросилъ Каратаевъ. Я говорю не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ, сказалъ онъ, думая, что повторяетъ сказанное. И тотчасъ же продолжалъ:

— Какъ же у васъ, баринъ, и вотчины есть? и домъ есть? стало быть, полная чаша! И хозяйка есть? А старики-родители живы? спрашивалъ онъ и, хотя Пьеръ не видѣлъ въ темнотѣ, но чувствовалъ, что у солдата морщились губы сдержанною улыбкою ласки въ то время, какъ онъ спрашивалъ это. Онъ видимо былъ огорченъ тѣмъ, что у Пьера не было родителей, въ особенности матери.

— Жена—для совѣта, тещa—для привѣта, а нѣтъ милѣй родной

матушки! сказалъ онъ. Ну, а дѣтки есть? продолжалъ онъ спрашивать. Отрицательный отвѣтъ Пьера опять видимо огорчилъ его, и онъ поспѣшилъ прибавить:—Что-жъ, люди молодые,—еще, дастъ Богъ, будутъ. Только бы въ совѣтѣ жить...

— Да теперь все равно, невольно сказалъ Пьеръ.

— Эхъ, милый человѣкъ ты! возразилъ Платонъ. Отъ сумы да отъ тюрьмы никогда не отказывайся.—Онъ усѣлся получше, прокашлялся, видимо приготовляясь къ длинному разсказу.—Такъ-то, другъ мой любезный, жилъ я еще дома, началъ онъ. Вотчина у насъ богатая, земли много, хорошо живутъ мужики, и нашъ домъ, слава тебѣ Богу. Самъ-семъ, батюшка, косить выходилъ. Жили хорошо. Христьяне настоящіе были. Случись .. и Платонъ Каратаевъ разсказалъ длинную исторію о томъ, какъ онъ поѣхалъ въ чужую рощу за лѣсомъ и попался сторожу, какъ его сѣкли, судили и отдали въ солдаты.—Чтожъ, соколикъ, говорилъ онъ измѣняющимся отъ улыбки голосомъ, думали горе, анъ радость! Брату бы идти, кабы не мой грѣхъ. А у брата меньшаго самъ-пятъ ребятъ, а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была дѣвочка, да еще до солдатства Богъ прибралъ. Пришелъ я на побывку, скажу я тебѣ. Гляжу—лучше прежняго живутъ. Животовъ полонъ дворъ, бабы дома, два брата на заработкахъ. Одинъ Михайло, меньшой, дома. Батюшка и говоритъ:—мнѣ, говоритъ, всѣ дѣтки равны: какой палецъ ни укуси,—все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михайлѣ бы идти. Позвалъ насъ всѣхъ—вѣришь—поставилъ передъ образа. Михайло, говоритъ, поди сюда, кланяйся ему въ ноги, и ты, баба, кланяйся и, внучата, кланяйтесь. Поняли? говоритъ.—Такъ-то, другъ мой любезный. Рокъ головы ищетъ. А мы все судимъ: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь—надулось, а вытащишь—ничего нѣту. Такъ-то.—И Платонъ пересѣлъ на своей соломѣ.

Помолчавъ нѣсколько времени, Платонъ всталъ.—Чтожъ, я чай, спать хочешь: сказалъ онъ и быстро началъ креститься, приговаривая:—Господи, Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ, Фрола и Лавра, Господи Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ! Фрола и Лавра, Господи Іисусъ Христосъ—помилуй и спаси насъ! заключилъ онъ, поклонился въ землю, всталъ, вздохнулъ и сѣлъ на свою солому.—Вотъ такъ-то. Положи, Боже, камушкомъ, подними калачикомъ, проговорилъ онъ и легъ, натягивая на себя шинель.

— Какую это ты молитву читалъ? спросилъ Пьеръ.

— Ась? проговорилъ Платонъ (онъ было уже заснулъ)—Читалъ что? Богу молился. А ты развѣ не молишься?

— Нѣтъ, и я молюсь, сказалъ Пьеръ.—Но что ты говорилъ: Фрола и Лавра?

— А какъ же, быстро отвѣчалъ Платонъ, лошадиный праздникъ. И скота жалѣть надо, сказалъ Каратаевъ.—Вишь, шельма, свернулась. Угрѣлась, собачья дочь, сказалъ онъ, ощупавъ собаку у своихъ ногъ и, повернувшись опять, тотчасъ же заснулъ.

...Въ балаганѣ, въ который поступилъ Пьеръ и въ которомъ онъ пробылъ четыре недѣли, было 23 человѣка плѣнныхъ солдатъ, три офицера и два чиновника.

Всѣ они потомъ, какъ въ туманѣ, представлялись Пьеру, но Платонъ Каратаевъ остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и крутаго.

... На другой день, на разсвѣтѣ, Пьеръ увидалъ своего сосѣда: ...вся фигура Платона въ его подпоясанной веревкою французской шинели,

въ фуражкѣ и лаптяхъ, была круглая. Голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которыя онъ носилъ, какъ бы всегда собираясь обнять что-то, были круглыя; пріятная улыбка и большіе каріе, нѣжные глаза были круглые.

Платону Каратаеву должно было быть за 50 лѣтъ, судя по его разсказамъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ давнишнимъ солдатомъ. Онъ самъ не зналъ и никакъ не могъ опредѣлить, сколько ему было лѣтъ; но зубы его, ярко-бѣлые и крѣпкіе, которые всѣ выкатывались своими двумя полукругами, когда онъ смѣялся (что онъ часто дѣлалъ), были всѣ хороши и цѣлы: ни одного сѣдаго волоса не было въ его бородѣ и въ волосахъ, и все тѣло его имѣло видъ гибкости и, въ особенности, твердости и сносливости.

Лицо его, несмотря на мелкія круглыя морщинки, имѣло выраженіе невинности и юности; голосъ у него былъ пріятный и пѣвучій. Но главная особенность его рѣчи состояла въ непосредственности и скорости. Онъ, видимо, никогда не думалъ о томъ, что онъ сказалъ и что онъ скажетъ; и отъ этого въ быстротѣ и вѣрности его интонацій была особенная неотразимая убѣдительность.

Физическія силы его и поворотливость были таковы въ первое время плѣна, что, казалось, онъ не понималъ, что такое усталость и болѣзнь. Каждый день утромъ и вечеромъ онъ, ложась, говорилъ: — „положи, Господи, камушкомъ, подними калачикомъ“; поутру, вставая, всегда одинаково пожимая плечами, говорилъ: „легъ — свернулся, всталъ — встряхнулся“. И дѣйствительно, стоило ему лечь, чтобы тотчасъ же заснуть камнемъ, и стоило встряхнуться, чтобы тотчасъ же, безъ секунды промедленія, взяться за какое нибудь дѣло, какъ дѣти, вставши, берутся за игрушки. Онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо, но и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ *), строгалъ, тачалъ сапоги. Онъ всегда былъ занятъ и только по ночамъ позволялъ себѣ разговоры, которые онъ любилъ, и пѣсни. Онъ пѣлъ пѣсни не такъ, какъ поютъ пѣсенники, знающіе, что ихъ слушаютъ; но пѣлъ, какъ поютъ птицы, очевидно, потому, что звуки эти ему было такъ же необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться; и звуки эти всегда бывали тонкіе, нѣжные, почти женскіе, заунывные, и лицо его при этомъ бывало очень серьезно.

Попавъ въ плѣнъ и обросши бородою, онъ видимо отбросилъ отъ себя все напущенное на него чуждое, солдатское и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому, народному складу.

. . . Онъ неохотно говорилъ про свое солдатское время, хотя не жаловался и часто повторялъ, что онъ всю службу ни разу битъ не былъ. Когда онъ разсказывалъ, то преимущественно разсказывалъ изъ своихъ старыхъ и видимо-дорогихъ ему воспоминаній „христіанскаго“, какъ онъ выговаривалъ, крестьянскаго быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были тѣ, большею частью, неприличныя и бойкія поговорки, которыя

---

*) *П. Каратаевъ сшилъ для одного французи рубашку и радовался, глядя на свое произведеніе; обрѣзочки полотна оставилъ себѣ.* На что же ему (*французу-заказчику*) остатки-то? Намъ подверточки-то важныя бы вышли. Ну, да Богъ съ нимъ. (*Французъ настаивалъ на остаткахъ).* И Каратаевъ съ вдругъ измѣнившимся, грустнымъ лицомъ досталъ изъ-за пазухи сверточекъ обрѣзковъ и, не глядя на Пьера, подалъ французу. Эхъ ма! проговорилъ Каратаевъ и пошелъ назадъ.

Когда же французъ вернулъ ему обрѣзочки, то Каратаевъ сказалъ:

— Вотъ, поди ты, говорятъ нехристи, а тоже душа есть.—То-то старички говаривали: потная рука таровата, сухая—неподатлива. Самъ голый, а вотъ отдалъ же (стр. 295, т. V, ч. 3-я).

говорятъ солдаты, но это были тѣ народныя изреченія, которыя кажутся столь незначительными взятыя отдѣльно, и которыя получаютъ вдругъ значеніе глубокой мудрости, когда они сказаны кстати.

Часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ говорилъ прежде, но и то, и другое было справедливо. Онъ любилъ говорить и говорилъ онъ хорошо, украшая свою рѣчь ласкательными словами и пословицами, которыя, Пьеру казалось, онъ самъ выдумывалъ; но главная прелесть его разсказовъ состояла въ томъ, что въ его рѣчи событія самыя простыя, иногда тѣ самыя, которыя, не замѣчая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго благообразія. Онъ любилъ слушать сказки, которыя разсказывалъ по вечерамъ (все однѣ и тѣ же) одинъ солдатъ, но больше всего онъ любилъ слушать разсказы о настоящей жизни. Онъ радостно улыбался, слушая такіе разсказы, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что ему разсказывали. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ; но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ—не съ извѣстнымъ какимъ нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами. Онъ любилъ свою шафку, любилъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ; но Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, не смотря на всю свою ласковую нѣжность къ нему (которою онъ невольно отдавалъ должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился бы разлукой съ нимъ. И Пьеръ то же чувство началъ испытывать къ Каратаеву.

Платонъ Каратаевъ былъ для всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ самымъ обыкновеннымъ солдатомъ; его звали соколикъ или Платоша, добродушно трунили надъ нимъ, посылали его за посылками. Но для Пьера, какимъ онъ представился въ первую ночь, непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды, такимъ онъ и остался навсегда.

Платонъ Каратаевъ ничего не зналъ наизусть, кромѣ своей молитвы. Когда онъ говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось, не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончитъ.

Когда Пьеръ, иногда пораженный смысломъ его рѣчи, просилъ повторить сказанное, Платонъ не могъ вспомнить того, что онъ сказалъ минуту тому назадъ, также какъ онъ никакъ не могъ словами сказать Пьеру свою любимую пѣсню. Тамъ было: „родимая, березанька и тошненько мнѣ“, но на словахъ не выходило никакого смысла. Онъ не понималъ и не могъ понять значенія словъ, отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи. Каждое слово его и каждое дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Его слова и дѣйствія выливались изъ него такъ же равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно-взятаго дѣйствія или слова (Т. V., ч. 2-я, стр. 226—236; изд. 1869 г.).

Въ плѣну, въ балаганѣ, Пьеръ узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ, человѣческихъ потребностей, и что все несчастье происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка; но теперь, въ эти послѣднія три недѣли похода, онъ узналъ еще новую утѣшительную истину—онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ

узналъ, что такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполнѣ свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданій и граница свободы, и что эта граница очень близка; что тотъ человѣкъ, который страдалъ отъ того, что въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно такъ же страдалъ, какъ страдалъ онъ теперь, засыпая на голой, сырой землѣ, остужая одну сторону и согрѣвая другую; что, когда онъ, бывало, надѣвалъ свои бальные, узкіе башмаки, онъ точно такъ же страдалъ, какъ и теперь, когда онъ шелъ уже босой совсѣмъ (обувь его давно растрепалась), ногами, покрытыми болячками...

...Изъ всего того, что потомъ и онъ называлъ страданіемъ, но которое тогда онъ почти не чувствовалъ, главное были босыя, стертыя, заструпѣлыя ноги. (Лошадиное мясо было вкусно и питательно, селитренный букетъ пороха, употребляемаго вмѣсто соли, былъ даже пріятенъ, холода большаго не было и днемъ, на ходу всегда бывало жарко, а ночью были костры; вши, ѣвшіе его, согрѣвали его тѣло). Одно было тяжело въ первое время—это ноги... Но онъ не смотрѣлъ на нихъ и думалъ о другомъ.

Теперь только Пьеръ понялъ всю силу жизненности человѣка и спасительную силу перемѣщенія, вниманія, вложенную въ человѣка, подобную тому спасительному клапану въ паровикахъ, который выпускаетъ лишній паръ, какъ только плотность его превышаетъ извѣстную норму.

Онъ не видалъ и не слыхалъ, какъ пристрѣливали отсталыхъ плѣнныхъ, хотя болѣе сотни изъ нихъ уже погибли такимъ образомъ. Онъ не думалъ о Каратаевѣ, который слабѣлъ съ каждымъ днемъ (*отъ лихорадки и изнуренія во время переходовъ*) и, очевидно, скоро долженъ былъ подвергнуться той же участи. Еще менѣе Пьеръ думалъ о себѣ. Чѣмъ труднѣе становилось его положеніе, чѣмъ страшнѣе была будущность, тѣмъ независимѣе отъ того положенія, въ которомъ онъ находился, приходили ему радостныя и успокоительныя мысли, воспоминанія и представленія...

... *На одномъ привалѣ Пьеръ подсѣлъ къ костру, гдѣ сидѣлъ и Платонъ Каратаевъ, разсказывавшій солдатамъ знакомую для Пьера исторію.*

— Что, какъ твое здоровье?—спросилъ Пьеръ.

— Что здоровье?—На болѣзнь плакаться—Богъ смерти не дастъ,—сказалъ Каратаевъ, и тотчасъ же возвратился къ начатому разсказу.

— И вотъ, братецъ, ты мой,—продолжалъ Платонъ съ улыбкой на худомъ, блѣдномъ лицѣ, и съ особеннымъ, радостнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Вотъ, братецъ ты мой...

Пьеръ зналъ эту исторію давно, Каратаевъ разъ шесть ему одному разсказывалъ эту исторію и всегда съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ. Но какъ ни хорошо зналъ Пьеръ эту исторію, онъ теперь прислушался къ ней, какъ къ чему-то новому, и тотъ тихій восторгъ, который, разсказывая, видимо испытывалъ Каратаевъ, сообщился и Пьеру. Исторія эта была о старомъ купцѣ, благообразно и богобоязненно жившемъ съ семьей и поѣхавшемъ однажды съ товарищемъ, богатымъ купцомъ, къ Макарью.

— И вотъ, братецъ ты мой,—(на этомъ мѣстѣ Пьеръ засталъ разсказъ Каратаева) проходитъ тому дѣлу годовъ десять или больше того. Живетъ старичекъ на каторгѣ. Какъ слѣдуетъ покаряется, худаго не дѣлаетъ. Только у Бога смерти проситъ. Хорошо. И соберись они, ночнымъ дѣломъ, каторжные-то, такъ же вотъ, какъ мы съ тобой, и старичекъ съ ними. И зашелъ разговоръ, кто за что страдаетъ, въ чемъ Богу виноватъ. Стали сказывать, тотъ душу загубилъ, тотъ двѣ, тотъ поджогъ, тотъ бѣглый, такъ ни

за что. Стали старичка спрашивать: ты за что молъ, дѣдушка, страдаешь? Я, братцы мои миленькіе, говоритъ, за свои да за людскіе грѣхи страдаю. А я ни душъ ни губилъ, ни чужаго не бралъ, окромя что нищую братію одѣлялъ. Я, братцы мои миленькіе, купецъ; и богатство большое имѣлъ. Такъ и такъ, говоритъ. И разсказалъ имъ, значитъ, какъ все дѣло было, по порядку. Я, говоритъ, о себѣ не тужу. Меня, значитъ, Богъ сыскалъ. Одно, говоритъ, мнѣ свою старуху и дѣтокъ жаль. И такъ-то заплакалъ старичокъ. Случись въ ихъ кампаніи тотъ самый человѣкъ, значитъ, что купца убилъ. Гдѣ, говоритъ, дѣдушка, было? Когда, въ какомъ мѣсяцѣ? все разспросилъ. Заболѣло у него сердце. Подходитъ такимъ манеромъ къ старичку—хлопъ, въ ноги. За меня ты, говоритъ, старичекъ, пропадаешь. Правда истинная; безвинно и напрасно, говоритъ, ребятушки, человѣкъ этотъ мучится. Я, говоритъ, то самое дѣло сдѣлалъ, и ножъ тебѣ подъ голову сонному подложилъ. Прости, говоритъ, дѣдушка, меня ты ради Христа.

Каратаевъ замолчалъ, радостно улыбаясь, глядя на огонь, и поправилъ полѣнья.

Старичекъ и говоритъ: Богъ, молъ, тебя проститъ, а мы всѣ, говоритъ, Богу грѣшны. Я за свои грѣхи страдаю, самъ заплакалъ горючими слезьми. Что же думаешь, соколикъ, все свѣтлѣе и свѣтлѣе сіяя восторженной улыбкой, говорилъ Каратаевъ, какъ будто въ томъ, что онъ теперь имѣлъ разсказать, заключалась главная прелесть и все значеніе разсказа—что же думаешь, соколикъ, объявился этотъ убійца самый по начальству. Я, говоритъ, шесть душъ загубилъ, (большой злодѣй былъ), но всего мнѣ жальче старичка этого. Пускай же онъ на меня не плачется. Объявился: списали, послали бумагу, какъ слѣдуетъ. Мѣсто дальнее, пока судъ да дѣло, пока всѣ бумаги, списали, какъ должно, по начальствамъ, значитъ. До царя доходило. Пока что, пришелъ царскій указъ: выпустить купца, дать ему награжденья, сколько тамъ присудили—пришла бумага, стали старичка разыскивать. Гдѣ такой старичекъ безвинно, напрасно страдалъ? Отъ Царя бумага вышла. Стали искать. Нижняя челюсть Каратаева дрогнула. А его ужъ Богъ простилъ—померъ. Такъ-то, соколикъ, закончилъ Каратаевъ и, долго, молча улыбаясь, смотрѣлъ передъ собой.

Не самый разсказъ этотъ, но таинственный смыслъ его, та восторженная радость, которая сіяла въ лицѣ Каратаева при этомъ разсказѣ, таинственное значеніе этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера.

... *Проѣздъ маршала.* Плѣнные сбились въ кучу, и Пьеръ увидалъ Каратаева, котораго онъ не видалъ еще въ нынѣшнее утро. Каратаевъ въ своей шинелькѣ сидѣлъ, прислонившись къ березѣ. Въ лицѣ его, кромѣ выраженія вчерашняго радостнаго умиленія, при разсказѣ о безвинномъ страданіи купца, свѣтилось еще выраженіе тихой торжественности.

Каратаевъ смотрѣлъ на Пьера своими добрыми, круглыми глазами, подернутыми теперь слезою, и видимо подзывалъ его къ себѣ, хотѣлъ сказать что-то. Но Пьеру слишкомъ страшно было за себя. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ будто не видалъ его взгляда—и поспѣшно отошелъ.

Когда плѣнные опять тронулись (*переходы отъ Москвы до Смоленска*), Пьеръ оглянулся назадъ. Каратаевъ сидѣлъ на краю дороги, у березы, и два француза что-то говорили надъ нимъ...

Сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ, послышался выстрѣлъ... Два французскіе солдата, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ снятое, дымящееся ружье, пробѣжалъ мимо Пьера. Они оба были блѣдны...

Собака завыла сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ. „Экая дура, о чемъ она воетъ?“ подумалъ Пьеръ. *Каратаевъ убитъ.*

Передъ восходомъ солнца Пьера разбудили громкіе, частые выстрѣлы и крики. Мимо Пьера пробѣжали французы.

— Les cosaques!– прокричалъ одинъ изъ нихъ, и черезъ минуту толпа русскихъ лицъ окружила Пьера.

Долго не могъ понять Пьеръ того, что съ нимъ было. Со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ вопли радости товарищей.

— Братцы! Родимые мои, голубчики!—плача кричали старые солдаты, обнимая казаковъ и гусаръ. Гусары и казаки окружили плѣнныхъ и торопливо предлагали кто—платья, кто—сапоги, кто—хлѣба. Пьеръ рыдалъ, сидя посреди ихъ, и не могъ выговорить ни слова; онъ обнялъ перваго подошедшаго къ нему солдата и, плача, цѣловалъ его. (Т. VI, ч. 1, стр. 45—55, изд. 1869 г.)

Кутузовъ.

Въ 12 и 13 годахъ Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь былъ недоволенъ имъ. И въ исторіи, написанной недавно по Высочайшему повелѣнію („Исторія 1812 г.“—Богдановича), сказано, что Кутузовъ былъ хитрый придворный лжецъ, боявшійся имени Наполеона и своими ошибками подъ Краснымъ и подъ Березиной лишившій русскія войска славы—полной побѣды надъ французами.

Таковы судьбы не великихъ людей, не grand-homme, которыхъ не признаетъ русскій умъ, а судьба тѣхъ рѣдкихъ, всегда одинокихъ людей, которые, постигая волю Провидѣнія, подчиняютъ ей свою личную волю. Ненависть и презрѣніе толпы наказываютъ этихъ людей за прозрѣніе высшихъ законовъ.

Для русскихъ историковъ—странно и страшно сказать—Наполеонъ,—это ничтожнѣйшее орудіе исторіи, никогда и нигдѣ, даже въ изгнаніи, не выказавшій человѣческаго достоинства, Наполеонъ есть предметъ восхищенія и восторга; онъ grand. Кутузовъ же—тотъ человѣкъ, который отъ начала и до конца своей дѣятельности въ 1812 году, отъ Бородина и до Вильны, ни разу ни однимъ дѣйствіемъ, ни словомъ не измѣняя себѣ, являетъ необычайный примѣръ самоотверженія и сознанія въ настоящемъ будущаго значенія событія, Кутузовъ представляется имъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ и жалкимъ, и говоря о Кутузовѣ и 12 годѣ, имъ всегда какъ будто немножко стыдно.

А между тѣмъ, трудно себѣ представить историческое лицо, дѣятельность котораго такъ неизмѣнно-постоянно была бы направлена къ одной и той же цѣли. Трудно вообразить себѣ цѣль, болѣе достойную и болѣе совпадающую съ волею всего народа. Еще труднѣе найти другой примѣръ въ исторіи, гдѣ бы цѣль, которую поставило себѣ историческое лицо, была бы такъ совершенно достигнута, какъ та цѣль, къ достиженію которой была направлена вся дѣятельность Кутузова въ 12-мъ году.

Кутузовъ никогда не говорилъ о 40 вѣкахъ, которые смотрятъ съ пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ отечеству, о томъ, что онъ намѣренъ совершить или совершилъ; онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи. Онъ писалъ письма своимъ дочерямъ и m-me Stahl, читалъ романы, любилъ общество красивыхъ женщинъ, шутилъ съ генералами, офицерами и солдатами и ни-

когда не противорѣчилъ тѣмъ людямъ, которые хотѣли ему что нибудь доказывать. Когда графъ Ростопчинъ на Яузскомъ мосту подскакалъ къ Кутузову съ личными упреками о томъ, кто виноватъ въ погибели Москвы, и сказалъ:—„какъ же вы обѣщали не оставлять Москвы, не давъ сраженья?“—Кутузовъ отвѣчалъ: „Я и не оставлю Москвы безъ сраженія, не смотря на то, что Москва была уже оставлена. Когда пріѣхавшій къ нему отъ Государя Аракчеевъ сказалъ, что надо бы Ермолова назначить начальникомъ артиллеріи, Кутузовъ отвѣчалъ: „Да я и самъ только что говорилъ это,“—хотя онъ за минуту говорилъ совсѣмъ другое. Какое дѣло было ему, одному понимавшему тогда весь громадный смыслъ событія, среди безтолковой толпы, окружавшей его, какое ему дѣло было до того, къ себѣ или къ нему отнесетъ графъ Ростопчинъ бѣдствіе столицы? Еще менѣе могло занимать его то, кого назначатъ начальникомъ артиллеріи.

Не только въ этихъ случаяхъ, но безпрестанно этотъ старый человѣкъ, дошедшій опытомъ жизни до убѣжденія въ томъ, что мысли и слова, служащія имъ выраженіемъ, не суть двигатели людей, говорилъ слова совершенно безсмысленныя,—первыя, которыя приходили ему въ голову.

Но этотъ самый человѣкъ, такъ пренебрегавшій своими словами, ни разу во всю свою дѣятельность не сказалъ ни одного слова, которое было бы не согласно съ той единственной цѣлью, къ достиженію которой онъ шелъ во время всей войны. Очевидно, невольно, съ тяжелой увѣренностью, что не поймутъ его, онъ неоднократно въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ высказывалъ свою мысль. Начиная отъ Бородинскаго сраженія, съ котораго начался его разладъ съ окружающими, онъ одинъ говорилъ, что *Бородинское сраженіе есть побѣда*, и повторялъ это и изустно, и въ рапортахъ, и въ донесеніяхъ, до самой своей смерти. Онъ одинъ сказалъ, что *потеря Москвы не есть потеря Россіи*. Онъ въ отвѣтъ Лористону на предложенія о мирѣ отвѣчалъ, что *мира не можетъ быть, потому что такова воля народа*; онъ одинъ, во время отступленія французовъ, говорилъ, что *всѣ наши маневры не нужны, что все сдѣлается само собою лучше, чѣмъ мы того желаемъ; что непріятелю надо дать золотой мостъ, что ни Тарутинское, ни Вяземское, ни Красненское сраженія не нужны, что съ чѣмъ нибудь надо придти на границу, что за десять французовъ онъ не отдастъ одного русскаго.*

И онъ одинъ, этотъ придворный человѣкъ, какъ намъ изображаютъ его, человѣкъ, который лжетъ Аракчееву съ цѣлью угодить Государю,—онъ одинъ, этотъ придворный человѣкъ, въ Вильно, тѣмъ заслуживая немилость Государя, говоритъ, что *дальнѣйшая война за границей вредна и безполезна.*

Но одни слова не доказали бы, что онъ тогда понималъ значеніе событія. Дѣйствія его—всѣ безъ малѣйшаго отступленія, всѣ направлены къ одной и той же цѣли, выражающейся въ трехъ дѣйствіяхъ: 1) напречь всѣ свои силы для столкновенія съ французами, 2) побѣдить ихъ и 3) изгнать изъ Россіи, облегчая, насколько возможно, бѣдствія народа и войска.

Онъ, тотъ медлитель, Кутузовъ, котораго девизъ есть терпѣніе и время, врагъ рѣшительныхъ дѣйствій, онъ даетъ Бородинское сраженіе, облекая приготовленія къ нему въ безпримѣрную торжественность. Онъ, тотъ Кутузовъ, который въ Аустерлицкомъ сраженіи, прежде начала его, говоритъ, что оно будетъ проиграно; въ Бородинѣ, не смотря на увѣреніе генераловъ о томъ, что сраженіе проиграно, не смотря на неслыханный въ исторіи примѣръ того, что послѣ выиграннаго сраженія войско должно отступать,

онъ одинъ, въ противность всѣмъ, до самой смерти утверждаетъ, что Бородинское сраженіе,—побѣда. Онъ одинъ во все время отступленія настаиваетъ на томъ, чтобы не давать сраженій, которыя теперь безполезны, не начинать новой войны и не переходить границъ Россіи.

Теперь понять значеніе событія, если только не прилагать къ дѣятельности массъ, цѣлей, которыя были въ головѣ десятка людей, легко, такъ какъ все событіе съ его послѣдствіями лежитъ передъ нами.

Но какимъ образомъ тогда этотъ старый человѣкъ, одинъ, въ противность мнѣнію всѣхъ, могъ угадать такъ вѣрно значеніе народнаго смысла событія, что ни разу во всю свою дѣятельность не измѣнилъ ему?

Источникъ этой необычайной силы прозрѣнія въ смыслъ совершающихся явленій лежалъ въ томъ народномъ чувствѣ, которое онъ носилъ въ себѣ во всей чистотѣ и силѣ его.

Только признаніе въ немъ этого чувства заставило народъ такими странными путями, изъ въ немилости находящагося старика, выбрать его, противъ воли Царя, въ представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человѣческую высоту, съ которой онъ, главнокомандующій, направлялъ всѣ свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалѣть ихъ.

Простая, скромная, и потому истинно величественная, фигура эта не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія.

Для лакея не можетъ быть великаго человѣка, потому что у лакея свое понятіе о величіи.

5-го ноября былъ первый день такъ-называемаго Красненскаго сраженія. Передъ вечеромъ, когда уже послѣ многихъ споровъ и ошибокъ генераловъ, зашедшихъ не туда, куда надо; послѣ разсылокъ адъютантовъ съ противуприказаніями, когда уже стало ясно, что непріятель вездѣ бѣжитъ, и сраженія не можетъ быть и не будетъ, Кутузовъ выѣхалъ изъ Краснаго и поѣхалъ въ Доброе, куда была переведена въ нынѣшній день главная квартира.

День былъ ясный, морозный. Кутузовъ съ огромной свитой недовольныхъ имъ, шушукающихся за нимъ генераловъ, верхомъ на своей жирной, бѣлой лошадкѣ ѣхалъ къ Доброму. По всей дорогѣ толпились, отогрѣваясь у костровъ, партіи взятыхъ нынѣшній день французскихъ плѣнныхъ (ихъ было взято въ этотъ день 7 тысячъ). Недалеко отъ Добраго огромная толпа оборванныхъ, обвязанныхъ и укутанныхъ, чѣмъ попало, плѣнныхъ гудѣла говоромъ, стоя на дорогѣ подлѣ длиннаго ряда отпряженныхъ французскихъ орудій. При приближеніи главнокомандующаго, говоръ замолкъ, и всѣ глаза уставились на Кутузова, который въ своей бѣлой съ краснымъ околышемъ шапкѣ и ватной шинели, горбомъ сидѣвшей на его сутуловатыхъ плечахъ, медленно подвигался по дорогѣ. Одинъ изъ генераловъ докладывалъ Кутузову, гдѣ взяты орудія и плѣнные.

Кутузовъ, казалось, чѣмъ-то озабоченъ и не слышалъ словъ генерала. Онъ недовольно щурился и внимательно и пристально вглядывался въ тѣ фигуры плѣнныхъ, которые представляли особенно жалкій видъ. Большая часть лицъ французскихъ солдатъ были изуродованы отмороженными носами и щеками, и почти у всѣхъ были красные, распухшіе и гноившіеся глаза.

Одна кучка французовъ стояла близко у дороги, и два солдата—лицо одного изъ нихъ было покрыто болячками—разрывали руками кусокъ сыраго мяса. Что-то было страшное и животное въ томъ бѣгломъ взглядѣ,

который они бросили на проѣзжавшихъ, и въ томъ злобномъ выраженіи, съ которымъ солдатъ съ болячками, взглянувъ на Кутузова, тотчасъ же отвернулся и продолжалъ свое дѣло.

Кутузовъ долго, внимательно поглядѣлъ на этихъ двухъ солдатъ; еще болѣе сморщившись, онъ прищурилъ глаза и раздумчиво покачалъ головой. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣтилъ русскаго солдата, который, смѣясь и трепля по плечу француза, что-то ласково говорилъ ему.

Кутузовъ опять съ тѣмъ же выраженіемъ покачалъ головой.

— Что ты говоришь?—спросилъ онъ у генерала, продолжавшаго докладывать и обращавшаго вниманіе главнокомандующаго на французскія взятыя знамена, стоявшія передъ фронтомъ Преображенскаго полка.

— А знамена!—сказалъ Кутузовъ, видимо съ трудомъ отрываясь отъ предмета, занимавшаго его мысли. Онъ разсѣянно оглянулся. Тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ, ожидая его слова, смотрѣли на него.

Передъ Преображенскимъ полкомъ онъ остановился, тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то изъ свиты махнулъ, чтобы державшіе знамена солдаты подошли и поставили ихъ древками знаменъ вокругъ главнокомандующаго. Кутузовъ помолчалъ нѣсколько секундъ и видимо неохотно, подчиняясь необходимости своего положенія, поднялъ голову и началъ говорить. Толпы офицеровъ окружили его. Онъ внимательнымъ взглядомъ обвелъ кружокъ офицеровъ, узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Благодарю всѣхъ!—сказалъ онъ,—обращаясь къ солдатамъ и опять къ офицерамъ. Въ тишинѣ, воцарившейся вокругъ него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемыя слова;—благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу. Побѣда совершенная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава во вѣки! Онъ помолчалъ, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то,—сказалъ онъ—солдату, державшему французскаго орла и нечаянно опустившему его передъ знаменемъ преображенцевъ.—Пониже, пониже, такъ-то вотъ. Ура! ребята, быстрымъ движеніемъ подбородка, обратясь къ солдатамъ,—проговорилъ онъ.

Ура-ра-ра! заревѣли тысячи голосовъ.

Пока кричали солдаты, Кутузовъ, согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ блескомъ.

— Вотъ что братцы,—сказалъ онъ,—когда замолкли голоса.

И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнились: пересталъ говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старый человѣкъ, очевидно что-то самое нужное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ,

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— А вотъ что, братцы. Я знаю—трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; недолго осталось. Выпроводимъ гостей, отдохнемъ тогда. За службу вашу васъ Царь не забудетъ. Вамъ трудно, да все же вы дома; а они—видите, до чего они дошли,—сказалъ онъ,—указывая на плѣнныхъ. Хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ, ребята!

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя, и въ упорныхъ, почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ читалъ сочувствіе своимъ словамъ; лицо его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ. Онъ помолчалъ и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову.

— А и то сказать, кто же ихъ къ намъ звалъ? По-дѣломъ имъ, м...и...в...г...,—вдругъ сказалъ онъ,—поднявъ голову. И взмахнувъ нагайкой,

онъ галопомъ, въ первый разъ во всю кампанію, поѣхалъ прочь отъ радостно хохотавшихъ и ревѣвшихъ ура, разстроивавшихъ ряды солдатъ.

Слова, сказанныя Кутузовымъ, едва ли были поняты войсками. Никто не съумѣлъ бы передать содержанія сначала торжественной и подъ конецъ простодушно-стариковской рѣчи фельдмаршала; но сердечный смыслъ этой рѣчи не только былъ понятъ, но то самое, то самое чувство величественнаго торжества, въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и сознаніемъ своей правоты, выраженнаго этимъ, именно этимъ стариковскимъ, добродушнымъ ругательствомъ,—это самое чувство лежало въ душѣ каждаго солдата и выразилось радостнымъ, долго неумолкавшимъ крикомъ. Когда послѣ этого одинъ изъ генераловъ съ вопросомъ о томъ, не прикажетъ ли главнокомандующій пріѣхать коляскѣ, обратился къ нему, Кутузовъ, отвѣчая, неожиданно всхлипнулъ, видимо находясь въ сильномъ волненіи.

Императоръ Александръ въ Вильно, гдѣ и Кутузовъ отдыхаетъ послѣ боевыхъ трудовъ. При встрѣчѣ, Государь обнялъ Кутузова, чѣмъ растрогалъ его.

Оставшись наединѣ съ фельдмаршаломъ, Государь высказалъ ему свое неудовольствіе за медленность преслѣдованія, за ошибки въ Красномъ и на Березинѣ и сообщилъ свои соображенія о будущемъ походѣ за границу. Кутузовъ не дѣлалъ ни возраженій, ни замѣчаній. То самое покорное и безсмысленное выраженіе, съ которымъ онъ семь лѣтъ тому назадъ выслушивалъ приказанія Государя на Аустерлицкомъ полѣ, установилось теперь на его лицѣ.

Пожалованіе Кутузову Георгія 1-й степени. На другой день у него обѣдъ и балъ, удостоенные присутствіемъ Государя.

...Когда на другой день утромъ Государь сказалъ собравшимся у него офицерамъ: —„Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу“, — всѣ уже тогда поняли, что война не кончена.

Одинъ Кутузовъ не хотѣлъ понимать этого и открыто говорилъ свое мнѣніе о томъ, что новая война не можетъ улучшить положеніе и увеличить славу Россіи, а только можетъ ухудшить ея положеніе и уменьшить ту высшую степень славы, на которой, по его мнѣнію, теперь стояла Россія. Онъ старался доказать Государю невозможность набранія новыхъ войскъ, говорилъ о тяжеломъ положеніи населенія, о возможности неудачъ и т. п.

При такомъ настроеніи, фельдмаршалъ естественно представлялся только помѣхой и тормазомъ предстоящей войны.

Переформированіе штаба съ уничтоженіемъ существенной силы штаба Кутузова; перенесеніе ея къ Государю.

Какъ естественно, и просто, и постепенно явился Кутузовъ изъ Турціи въ Казенную Палату Петербурга собирать ополченіе и потомъ въ армію, именно тогда, когда онъ былъ необходимъ, точно такъ же естественно, постепенно и просто теперь, когда роль Кутузова была сыграна, на мѣсто его явился новый, требовавшійся дѣятель.

Война 1812-го года, кромѣ своего дорогаго русскому сердцу народнаго значенія, должна была имѣть другое—европейское.

Движенію народовъ съ запада на востокъ должно было послѣдовать движеніе народовъ на западъ, и для этой новой войны нуженъ былъ новый дѣятель, имѣющій другія, чѣмъ Кутузовъ, свойства, взгляды, движимый другими побужденіями.

Александръ 1-й, для движенія народовъ съ востока на западъ и для возстановленія границъ народовъ, былъ такъ же необходимъ, какъ необходимъ былъ Кутузовъ для спасенія и славы Россіи.

Кутузовъ не понималъ того, что значило Европа, равновѣсіе, Наполеонъ. Онъ не могъ понимать этого. Представителю русскаго народа, послѣ того, какъ врагъ былъ уничтоженъ, Россія освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человѣку, какъ русскому, дѣлать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кромѣ смерти. И онъ умеръ (Т. VI, гл. V, VI и XII; стр. 84—110; изд. 1869 г.).

Библіотека Варшавской
Учительской семинаріи
№

С. В. МАКСИМОВЪ.

Къ стр. 527.

С. В. Максимовъ.

(род. 1831 г.).

Поѣздка въ Соловецкій монастырь *).

... Шумливо бѣжитъ въ недальное море порожистая, нешироkая рѣка Кемь, извиваясь прихотливыми колѣнами, обставленная высокими гранитными берегами; бойко бѣжитъ по ней и нашъ карбасъ, подгоняемый крутымъ, не на шутку расходившимся югозападнымъ вѣтромъ. Недавно оставленный нами городъ Кемь то закроется отъ насъ ближней *варакой*, высокой крутизной каменнаго, безплоднаго берега, то покажетъ, какъ бы для послѣдняго свиданія, часть деревянныхъ домовъ дальней набережной, то Лепъ-островъ съ его деревянной церковью древней постройки и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ изъ виду, когда уходятъ далеко вправо и влѣво берега рѣки, на этотъ разъ какіе-то низенькіе, какіе-то черные, мрачные съ виду. Казалось, что вотъ сейчасъ же разольется передъ нами громадная ширина Бѣлаго моря, и начнутъ метаться, одна на другую, крупныя, соленыя, страшныя съ виду для непривычнаго человѣка волны; какъ будто нарочно для этого и правая крутизна ближняго мыса, затянувшись туманомъ, отошла далеко назадъ; самый вѣтеръ надувалъ наши два паруса полнѣе и крѣпче; чайки выкрикали чаще и тоскливѣе; море ширилось все больше и больше и бросалось въ насъ уже крѣпко-солеными брызгами. Мы находились въ настоящемъ морѣ и почти открытомъ, если бы не выступали направо и налѣво высокія, словно обточенныя издали, скалистыя и щелистыя вышины острова изъ группы Кузововъ. Дальнія краснѣютъ тускло, какъ будто надрѣзанныя, прохваченныя снизу полосой воды, какъ дальное облако, неподвижно врѣзанное въ сѣрый горизонтъ; ближнія изъ нихъ ярко выясняются своимъ грязнымъ, сѣроватымъ гранитомъ съ прозеленью тщедушнаго сосняка, съ прожелтью выжженной солнцемъ, выцвѣтшей травы, ягиля (оленьяго мѣха), листьевъ ягоды вороницы и морошки; нѣкоторые изъ этихъ острововъ не даютъ внимательному взгляду ничего, кромѣ камня, темнаго цвѣта выбоинъ-щельевъ и потомъ опять камня сѣровато-краснаго и сѣровато-желтаго. На одномъ изъ нихъ прицѣпилась избушка—таможня.

— Это Поповъ-Островъ, объясняетъ кормщикъ. Въ избушкѣ солдаты живутъ; къ нимъ приставай всякій, кто съ моря ѣдетъ, и показывай имъ, не везешь ли чего изъ запретнаго: рому норвежскаго, чашекъ чайныхъ, сукна, а либо чего изъ такого. Да наши молодцы такіе, что и за Килья-

*) „Годъ на Сѣверѣ“, т. I, стр. 189—243; изд. 1859 г.

ками (островами) встанутъ, не что возьмешь: далеко вѣдь... Туда досмотрщику несподручно ѣхать, хоть и карбаса есть у нихъ, и багры, чтобы за чужой карбасъ ухватиться. Спасаемся же!...

— А вонъ, гляди, этотъ островъ, продолжалъ мой кормщикъ тогда, какъ выровнялась новая гранитная скала, нѣсколько большая противъ другихъ сосѣднихъ. Ѣхали наши ребята на карбасѣ три человѣка: богомольцевъ везли къ угодникамъ. Съ ними женокъ штукъ до пяти было—и все тутъ. А на ту пору у насъ этотъ *аглечкой*-то бродилъ да обиды всякія дѣлалъ. Ѣдутъ вотъ наши ребята-то ѣдутъ, ѣдутъ на-угадъ, авось-де со врагомъ-то, съ супостатомъ и не встрѣтимся, и проѣдемъ, и св. угодникамъ молитву воздадимъ. Ладно; съ тѣмъ, стало, и ѣдутъ; анъ, глядь-поглядь, изъ-за одной луды въ Кильякахъ словно бы дымокъ показался. Стали всматриваться—дымокъ и есть. Наши ребята-то этакъ взяли въ сторонку рулемъ-то и стали заходить правѣе за луду: тамъ-де встанемъ, переждемъ на лютой часъ, пусть-де погуляютъ, проѣдутъ. Ружья-то у нихъ и были, пожалуй, такъ, вишь, женскаго-то полу набралось—дери ихъ горой! Ну, вотъ—хорошо! Слушайте! Обогнули наши молодцы луду ту, пристали, на гору подниматься стали, поднялись—посмотримъ-де, далеко ли супостаты. А они тутъ и есть подъ горкой: кто въ растяжку, кто стоя, трубочки покуриваютъ, кто какъ... Насчитали наши ихнева народу человѣкъ, надо быть, сказывали, человѣкъ до 30. Да какъ, слышь, увидали нашихъ на горѣ, взболоболькали по-своему да какъ кинутся подъ гору назадъ, такъ, слышь, только пятки засверкали. А нашимъ то и любо; стоятъ да глядятъ, что дальше будетъ: бѣгутъ аглечкіе къ плюшкѣ.. отчаливать тормошатся... весла хватаютъ... одинъ оступился, въ воду попалъ, что быкъ взревѣлъ! Такъ и сѣли, такъ и удрали къ своему пароходу. Наши послѣ нихъ пистолетъ нашли, цыгаровъ, спичекъ хорошихъ такихъ, ни одна не пропадала, а горѣла, что тебѣ восковая свѣчка... таково-то хорошо, ей богу!...

... Острова, между тѣмъ, стали замѣтно рѣдѣть; быстро уходили они одинъ за другимъ назадъ; крѣпкій вѣтеръ гналъ насъ все впередъ скоро и сильно. Выплыветъ островъ и начнетъ мгновенно сокращаться, словно его кто тянетъ назадъ; выясняется и отходитъ взадъ одинъ—рѣшительная груда огромныхъ камней, набросанныхъ въ замѣчательномъ безпорядкѣ одинъ на другой, и сказывается глазамъ вслѣдъ за нимъ другой островъ, покрытый мохомъ и ельникомъ. На острову этомъ бродятъ олени, завезенные сюда съ кемскаго берега на все лѣто. Олени эти теряютъ здѣсь свою шерсть, спасаются отъ оводовъ, которые мучатъ ихъ въ другихъ мѣстахъ до истощенія силъ. И здѣсь они, по словамъ гребцовъ, успѣваютъ одичать за все лѣто до такой степени, что трудно даются въ руки. Ловятъ ихъ тогда, загоняя въ загороди и набрасывая петли на рога, которые успѣваютъ уже тогда нарости вновь, сбитые животными лѣтомъ. Между оленями видны еще бараны, тоже кемскіе, и тоже свезенные сюда съ берега на лѣто.

... Гребцы перекрестились.

— Соловки видны!—былъ ихъ отвѣтъ на мой спросъ.

... Набѣжало облако и спрыснуло насъ бойкимъ, крупнымъ дождемъ, заставившимъ меня спрятаться подъ будку. Дождь тотчасъ же пересталъ и побѣжалъ непроглядным туманомъ направо, затянулъ отъ нашихъ глазъ острова Заяцкіе, принадлежащіе къ группѣ Соловецкихъ.

— Тамъ монастырскіе живутъ; церковь построена, при церкви монахъ живетъ, дряхлый, самый немощный: онъ и за скотомъ смотритъ, онъ и съ аглечкими споръ имѣлъ, не давалъ имъ скотины; тамъ-то и козелъ тотъ живетъ, что не давался суностатамъ въ руки...

Такъ объясняли мнѣ гребцы.

... Монастырь кажется все яснѣе и яснѣе: отдѣлилась колокольня отъ церквей, выдѣлились башни отъ стѣны; видно еще что-то многое. Заяцкіе острова, направо, яснѣются также замѣчательно-подробно. Мы продолжаемъ идти греблей. Монастырь всецѣло забѣлѣлъ между группою деревьевъ и представлялъ одинъ изъ тѣхъ видовъ, которыми можно любоваться и не налюбоваться. Видъ его былъ хорошъ, насколько можетъ быть хороша группа каменныхъ зданій, и особенно въ такомъ мѣстѣ, и послѣ того, когда прежде глазъ встрѣчалъ только голые, безплодные, гранитные острова и повсюдное безлюдье и тишь. Въ общемъ монастырь очень былъ похожъ на всѣ другіе монастыри русскіе: разница была только въ томъ, что стѣна его нестрѣла огромными камнями, неотесанными, безпорядочно вбитыми въ стѣну, словно нечеловѣческими руками и силою. Пестрота эта картинностью и—если такъ можно выразиться—дикостью своею увлекла меня. Прихвалили монастырскую ограду и гребцы мои.

Въ половинѣ десятаго часа (вечера) монастырь былъ верстахъ въ двухъ, на которыя обѣщали всего полчаса ходу. Ровно въ десять часовъ (изъ Кеми выѣхали въ три часа пополудни) мы уже идемъ Соловецкой губой, между рядомъ гранитныхъ коргъ съ несмѣтнымъ множествомъ деревянныхъ крестовъ. Тѣми же крестами уставлены и всѣ три берега, развернувшіеся по сторонамъ *).

*) Деревянными крестами уставлены чуть не вплотную всѣ берега и острова Бѣлаго моря, всѣ перекрестки и выгоны городовъ и селеній Архангельской губерніи. Кресты эти ставятся по обѣту или мѣстными жителями, или богомольцами, идущими въ Соловецкій (стр. 154).

Кресты на островѣ Жижмуѣ могли имѣть иное начало: можетъ быть, крутымъ вѣтромъ загнало въ это становище утлыя суденки промышленниковъ и надолго затянуло одинъ и тотъ же вѣтеръ, зашрая всѣ пути къ выходу не на одинъ день мрачно-скучнаго гореванья. Промышленники сошли на островъ и долго поджидали вожделѣнной поры, когда уляжется вѣтеръ или перемѣнится въ попутный. Проходитъ не одинъ день скучнаго житья на голой лудѣ, а между тѣмъ флюгарка на мачтѣ по-прежнему рѣетъ въ ту же враждебную имъ сторону, по-прежнему несется страшный гулъ отъ дальняго взводня со стороны моря и по-прежнему черно и сумрачно это море, до половины покрытое густой, серебристо-бѣлой пѣной. Ту же тоску и безъисходность положенія испытываютъ промышленники, какія впору только тѣмъ несчастнымъ, которые брошены на голый безлюдный камень, окруженный громадною массою воды и сверху накрытый широко-безпредѣльнымъ голубымъ небомъ. Тамъ съ крикомъ пролетитъ орелъ, тяжело размахивая своими сильными крыльями, и находитъ себѣ мѣсто, пріютъ и довольство на первой же попутной лудѣ. Далеко не таково безъизвѣстное положеніе покорившихся прихотливымъ капризамъ моря, когда, наконецъ, самый запасъ провизіи замѣтно приходитъ къ концу, а надѣвшіяся по лудѣ ягоды: сочная морошка и кислая, водянистая воронца набили оскомину; даже забившаяся въ овражкѣ, между кампями, лужа дождевой воды, нощаженная палящими лѣтними лучами солнца, грозитъ скоро истощиться окончательно и обѣщаетъ, рано или поздно, возможность горькой смерти столько же отъ жажды, сколько и отъ голоду. Промышленникамъ остается одно: быть вѣрными завѣту своихъ праотцевъ и въ сооруженіи деревяннаго креста полагать всю надежду на лучшую долю, чѣмъ бездѣйственное положеніе на голомъ и безлюдномъ островѣ. За матеріалами ходить недалеко: лѣсъ подъ руками, и плохой тотъ мореходъ, который не только въ дальнее морское плаваніе, но даже и въ ближайшее, на сосѣднюю луду за грибами или ягодами, не прихватитъ съ собой топора и пилы. Цѣлой артелью, меньше чѣмъ въ сутки сооружается крестъ, и вырѣзывается на немъ приличная надпись съ именемъ страдавшаго и годомъ сооруженія.

— И всегда послѣ того, какъ вкапывали крестъ въ землю, всегда переставалъ вѣтеръ, и если не становился попутнымъ, по зато до конца плаванія противнякъ не мѣшалъ плыть ровно и спорко, и бѣтаться, т. е. ренть, ловировать—говорили мнѣ въ одинъ голосъ и прежде и послѣ большая часть ходоковъ по бѣломорскимъ пучинамъ.

Между подобнаго рода крестами много, и едва ли, впрочемъ, не большая часть такихъ, которые сооружались спасшимися и изъ которыхъ два креста сдѣлались историческими: одинъ—Петра Великаго, сооруженный собственными его руками на берегу Унской губы въ 1684 г. и хранящійся теперь въ Архангельскомъ соборѣ, и

Въ губѣ стоятъ ладьи и мелкія суда; могутъ, говорятъ, подходить къ самой монастырской пристани самыя крупныя суда (до того глубока губа), но англійская эскадра не подходила.

У пристани толпится кучка народу; изъ нея выдѣляется фигура монаха въ затрапезномъ платьѣ. Монахъ оказывается гостинщикомъ. Онъ ввелъ насъ въ номеръ, который не могъ похвалиться ни особенною чистотою, ни особеннымъ порядкомъ помѣщенія. Говорятъ, что привелось бы поселиться съ пятью-шестью сосѣдями въ этой узенькой маленькой комнатѣ, и что теперь я одинъ здѣсь потому только, что *богомольцевъ поотвалило*, какъ объяснилъ мнѣ монахъ-гостинщикъ, побѣжавшій докладывать о новоприѣзжемъ отцу-архимандриту Александру.

...— Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!—послышался за дверью чей-то тихій припѣвъ, произнесенный тончайшимъ фальцетомъ, съ прибавленіемъ ударовъ въ дверь.

— Аминь!—отвѣчалъ я.

Явился молодой, кудрявый, здоровый тѣломъ послушникъ. Онъ говорилъ:

— Отецъ-архимандритъ прислалъ вамъ свое благословеніе: сливокъ, булку, чухонскаго масла и просили извинить, что не могутъ васъ видѣть сегодня: они уже въ постели...

... Утромъ я вышелъ изъ номера и пошелъ бродить подлѣ ограды.

Тутъ, на прибрежьѣ губы, выстроены двѣ часовни: одна Петровская, на память двукратнаго посѣщенія монастыря Петромъ Великимъ *), другая—Константиновская, на память посѣщенія монастыря великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Вблизи ихъ стоитъ гранитный обелискъ, на память и съ подробнымъ описаніемъ бомбардированія монастыря англичанами.

... Прямо противъ монастырскихъ воротъ находится третья часовня, называемая *Просфоро-Чудовою*.

— На этомъ мѣстѣ,—объясняли мнѣ монахи, новгородскіе купцы обронили просфору, которую далъ имъ праведный отецъ нашъ Зосима. Пробѣгала мимо собака, хотѣла ѣсть, но огонь, исшедши изъ просфоры, попалилъ ее.

Въ верстѣ отъ монастыря—четвертая часовня, *Таборская*, построена на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены умершіе и убитые изъ московскаго войска, осаждавшаго монастырь съ 1667 г. по 1677-й г.

... Монастырь въ настоящее время находится въ такомъ состояніи, что нуждается въ немногомъ: только пшеница, вино, рожь и нѣкоторое количество соли для монастыря покупное, а все почти остальное онъ имѣетъ свое. При легкомъ взглядѣ, монастырь поражаетъ необъятнымъ богатствомъ. Не заглядывая въ сундуки его, которые, говорятъ, ломятся отъ избытка серебра, золота, жемчуговъ и другихъ драгоцѣнностей, легко видишь, что, сверхъ годичнаго расхода на братію, у него остается еще огромный залишекъ, который пускается въ ростъ, на проценты. При мнѣ высыпали изъ кружекъ богомольческихъ подаяній, скопившихся въ полтора почти мѣсяца, до 25,000 р. асс.; но что нынѣшній годъ, говорили, одинъ изъ *неурожайныхъ*, затѣмъ, что первый мирный; въ *урожайные* годы вынимаютъ до 95,000. Эту цыфру монахи считаютъ среднею величиною. Сверхъ всего того, каждый богомолецъ покупаетъ просфору, платитъ за чернила, которыми пишутся имена родныхъ на исподкѣ просфоры, платитъ за писанье, если только онъ не умѣетъ. Годовые богомольцы платятъ деньги. Лубочные виды мо-

другой—Никона, послужившій началомъ основанія на Кій-островѣ Крестнаго монастыря, особенно передъ прочими чтимаго патріархомъ. (стр. 154—157).

*) 1694 и 1702 гг.

настыря стоятъ 25 к. сер., вмѣсто 5 коп. назначенныхъ; маленькій кипарисный образъ стоитъ 75 к.; за стихи, описывающіе бомбардированіе англичанъ убійственными виршами и переписанные довольно четко на листѣ, просили съ меня 1 р. 50 с. сер. Товары въ лавочкѣ для богомольцевъ, съ скуднымъ количествомъ предметовъ, дороги неприступно; палочка плохаго сюргуча стоитъ 20 к. (въ монастырѣ почтовое отдѣленіе). Спутникъ мой на Анзеры, въ скитъ, желалъ записать въ сунодикъ на поминовенье своихъ родныхъ. Монахъ, сидѣвшій съ перомъ, объявилъ, что они берутъ 30 коп. сер. за годичное поминовеніе и 1 р. 50 коп.—на вѣчныя времена. Спутникъ мой рѣшился на первое; писалъ долго и много и, при разсчетѣ, долженъ былъ заплатить 6 р. сер; оказалось, что 30 к. сер. берется съ имени.

— Хорошо еще, что я призабылъ многихъ, а то нахваталъ бы сотню, жутко бы тогда пришлось,—замѣтилъ мой спутникъ.

Торговля производится всюду, чуть ли не во всѣхъ монастырскихъ углахъ: на паперти Анзерскаго скита продаютъ лубочный видъ этого скита; на Анзерской горѣ Голгофѣ, въ скиту же, продаютъ видъ Голгофскаго скита, и вездѣ кое-какія книги, и вездѣ стихи монаха. Можно купить сапоги изъ нерпичьей кожи; можно купить и широкій монашескій поясъ изъ той же кожи, довольно хорошо выдѣланной въ самомъ монастырѣ. Въ самомъ же монастырѣ пишутся и иконы; шьется платье не только на монаховъ, но и на штатныхъ служителей, обязанныхъ черными, болѣе трудными работами *). Въ монастырѣ вылавливается морской звѣрь, вытапливается его сало, выдѣлывается шкура; есть невода для бѣлугъ, есть сѣти для нерпы и бѣльковъ; въ монастырскую губу приходитъ въ несмѣтномъ числѣ лучшій сортъ бѣломорскихъ сельдей, небольшихъ, нѣжныхъ мясомъ, жирныхъ. Только крайнее неумѣнье засола, какая-то запущенность этого дѣла мѣшаютъ пускать ихъ въ продажу; выловленныя сельди лѣтомъ уходятъ на братскую уху, выловленныя осенью частію потребляются, частію идутъ въ засолъ, въ прокъ на зиму. Полотно для нижняго монашескаго бѣлья не покупное: оно сносится богомольными женщинами съ разныхъ концовъ огромной Россіи; онѣ же приносятъ и нитки. Коровы для молока, творогу и масла въ монастырѣ свои; бараны, живущіе на Заяцкомъ острову, даютъ шерсть для зимнихъ монашескихъ тулуповъ и мясо—для трапезы штатныхъ монастырскихъ служителей въ скоромные дни. Лошадей монастырь имѣетъ также своихъ. Между монахами и штатными служителями есть представители всякаго рода мастерствъ: серебряники, слесаря, мѣдники, оловянишники, портные, сапожники, рѣзчики. Всѣ другія мастерства, не требующія особенныхъ познаній, раздѣлены на послушанія, таковы: рыбаки, продавцы, пекаря, мельники, маляры.

Въ этомъ отношеніи, монастырь представляетъ цѣлое отдѣльное общество, независимое, сильное средствами и, притомъ, значительно многолюдное. Ежегодные обильные вклады и правильное хозяйство обѣщаютъ монастырю впереди несчетные годы.

На третій день моего пріѣзда въ монастырь, я былъ разбуженъ поутру громкими криками, раздавшимися подъ окнами нашей гостинницы и по корридорамъ ея.

*) Большая половина этихъ рабочихъ живетъ по обѣту; обѣты даютъ они при случаѣ опасностей, которыми такъ богато негостепріимное Бѣлое море. Тюленій промыселъ, называемый *выволочнымъ*, соблазнительный по богатству добычи, опасный по отправленію, губитъ много людей. Звѣря бьютъ на дальнихъ льдинахъ; льдины эти часто отрываются вѣтрами и *выволакиваются* въ море вмѣстѣ съ промышленниками. Счастливые изъ нихъ прибиваются къ острову Сосновцу или къ Терскому берегу, и они-то даютъ, въ благодарность за спасеніе, обѣтъ безплатно работать на монастырь три—пять лѣтъ. Большая часть уносится въ океанъ на неизбѣжную гибель.

— Что тамъ такое? — спрашиваю я гостинщика.

— Гонятъ женокъ-богомолокъ сельдей чистить. Сейчасъ приплылъ карбасъ съ свѣжей рыбой; ужо на уху она пойдетъ,—объяснялъ онъ.

— А уготовляли ли вы себѣ цѣльбоносное купаніе во Святомъ озерѣ вчера? — спросилъ опъ меня потомъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Всѣ богомольцы, не медля, по прибытіи, совершаютъ сей обрядъ во душевное спасеніе и тѣлесное здравіе. Отъ многихъ недуговъ полезна вода, и сколь она холодна и благотворна, то такой уже, говорятъ, и не обрѣтается въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ честныя обители сея.

— Что же это, батюшка, обязательно для всѣхъ?

— Неволи не полагается; но всякъ творитъ по мѣрѣ силъ. Немочствующіе не купаются. У насъ, по монастырскимъ обычаямъ, всѣ богомольцы, искупавшись во Святомъ озерѣ, идутъ ко гробу преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и ходатайствуютъ у нихъ объ умилостивленіи Творца Всевышняго. Затѣмъ всякій полагаетъ отправиться воздать молитву при гробѣ преподобнаго Елеазара во скиту, сооруженномъ имъ на острову Анзерскомъ, и оттуда идутъ на гору Голгофу, гдѣ поминаютъ молитвою прежедшихъ отцевъ и братію въ панихидѣ при гробѣ преподобнаго отца Іисуса Голгофскаго. За симъ, на третій день, посѣщаются всѣ часовни, мѣста коихъ освятили своими стопами угодники Божіи; одну въ 3-хъ верстахъ отъ обители, близъ Исакіевой горы, гдѣ первоначально поселились преподобные Зосима и Германъ, и всѣ семь пустынь...

При послѣднихъ словахъ его раздался звонъ въ малый колоколъ.

— Это что такое?

— Кончилась литургія: къ трапезѣ звонятъ; пожалуйте! Въ сей день полагаются скоромныя кушанья.

Я отправился. Огромная трапеза была полна народу; монахи пѣли. Между богомольцами не видать было женщинъ; всѣ онѣ, по монастырскому обычаю, угощаются въ особой залѣ, такъ называемой келарской. Раздалось чтеніе житій святыхъ того дня, производимое съ особаго амвона череднымъ монахомъ. При перемѣнѣ кушаній, при звонѣ колокольчика, читалась съ амвона и прислуживающими послушниками молитва: „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“. Трапезующіе должны были отвѣчать „аминь“; всѣмъ возбранялись разговоры, всѣ обязаны были ѣсть изъ общей чашки; у всѣхъ были деревянныя ложки съ вырѣзною благословляющею рукою. Мнѣ попалась ложка съ надписаніемъ:

На трапезѣ благословенной
Кушать братіи почтенной.

У сосѣда моего на ложкѣ было написано просто: „во здравіе братіи“. Вся посуда была оловянная. Кушанье солить или обливать уксусомъ обязаны были послушники. На этотъ разъ вся трапеза состояла изъ четырехъ блюдъ: холодное—соленыя сельди съ лукомъ, перцомъ и уксусомъ; треска со сметаной и квасомъ; уха, удивительно вкусная, изъ сегодня выловленныхъ сельдей и каша гречневая съ коровьимъ масломъ и кислымъ молокомъ. Въ концѣ трапезы разносились кусочки просфоры, освященной въ концѣ пѣніемъ и разрѣзанной при томъ же пѣніи и тогда же. Пѣвчіе пѣли потомъ молитвы и отпускъ и—затѣмъ всѣ расходились. Несмѣтное множество чаекъ усыпало весь дворъ монастырскій: кажется, на это время слетѣлись онѣ со всего острова и его береговъ. Монахи и многіе богомольцы бросали имъ куски хлѣба. Чайки до того были безбоязненны, что хватали хлѣбъ этотъ изъ рукъ; многія клевали проходящихъ за ноги, за полы

платья; крикъ былъ невыносимый, и все это, взятое вмѣстѣ, представляло странную, хотя и своеобразную картину. Нѣкоторые изъ монаховъ пошли удить рыбу на озерахъ, другіе — смотрѣть на море, гдѣ въ это время разыгрывались знакомыя, обыденныя сцены: вотъ чайка учитъ своего чабара летать; чабаръ старается дѣлать то же, что́ и мать: машетъ крыльями, бѣжитъ скоро впередъ, но спотыкается, ударяется утинымъ своимъ носомъ въ землю, прискакиваетъ, но въ воздухѣ держится недолго: собственная тяжесть не пускаетъ его отъ земли дальше четверти аршина. За другимъ чабаромъ слѣдитъ мать, и смотритъ, какъ онъ влѣзъ въ воду и окунывается, хлопая по водѣ крыльями и обмачивая голову; чабаръ на водѣ держится легко. Дальше все прежнее: мальчишки-работники, *безбрадые трудники*, по словамъ моего гостинщика, бродятъ безъ дѣла по берегу, одѣты въ монастырскіе подрясники съ широкими кожаными поясами и въ плисовыхъ круглыхъ колпакахъ на головѣ. Мальчишки шалятъ; взрослые штатные служители важно толкуютъ съ богомольцами; часы выколачиваютъ половину; чайки кричатъ, и гулъ ихъ отдается эхомъ въ стѣнахъ монастырскихъ; кто-то запѣлъ: „Воскресеніе Христово видѣвше...“

.....Тяжелы были времена для обители въ запрошедшіе годы, разсказывалъ мнѣ анзерскій монахъ. Въ скиту нашемъ стекла дрожали отъ пальбы непріятельскихъ пушекъ. Страшный дымъ стоялъ все время надъ монастыремъ; думали уже мы, что случился пожаръ, и загорѣлась какая-либо изъ башень. Дымъ, стоявшій все время надъ монастыремъ, минутъ черезъ пятнадцать, разносило вѣтромъ, и сердца наши испытывали веліе веселіе, радовались надеждою. Пришедшіе изъ обители монахи сказывали на другой день, что гроза миновала, и молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы, Савватія и Германа Соловецкихъ, Елеазара Анзерскаго и Іисуса Голгофскаго обитель спаслась и только испытала нѣкоторыя поврежденія.

Поврежденія эти, сохраненныя еще на мой проѣздъ, состояли въ неисправимыхъ поврежденіяхъ Архангельской гостинницы. Одно ядро пробило крышу и опалило образъ у дверей холоднаго собора, другое пробило въ одномъ мѣстѣ стѣну; многія расшибли церковныя и келейныя окна. Всѣ эти ядра, собранныя въ значительномъ числѣ, показывали богомольцамъ выставленными по прилавку на соборной паперти. Пушки, изъ которыхъ стрѣлялъ монастырь, отецъ-архимандритъ Александръ предполагалъ позолотить и выставить при входѣ въ св. ворота. Также позолочены были и тѣ ядра, изъ которыхъ одно упало въ соборной церкви и не разорвалось, и другое, засѣвшее въ соборной главѣ и чуть не брошенное внизъ, по неосторожности, кровельщикомъ, впослѣдствіи, когда поправлялись главы и кровля.

Вотъ что можно услышать отъ соловецкихъ монаховъ, съ присоединеніемъ того, что осталось въ воспоминаніяхъ самого отца-архимандрита (теперь епископа Архангельскаго и Холмогорскаго) о недавнемъ бомбардированіи монастыря англичанами.

Эскадра англійская, какъ извѣстно, останавливалась около Заяцкихъ острововъ. Отсюда отправлены были въ монастырь парламентеры, съ просьбою снабдить ихъ пароходы баранами. Архимандритъ отказалъ. Англичане высадились на одинъ изъ Заяцкихъ острововъ, и именно на тотъ, гдѣ паслись въ то время бараны; часть ихъ была поймана, не давался долго одинъ козелъ, но когда былъ пойманъ, лизалъ руки у враговъ, своихъ владѣтелей. За такую ласковость англичане отпустили козла, не взявши его съ собою. Монастырю, во всякомъ случаѣ, угрожала опасность. Англичане, державшіеся той системы, чтобы не стрѣлять и не начинать ссоры съ беззащитными селеніями, сожгли въ то же время Пушлахту и Кандалакшу

только послѣ того, когда видѣли, что жители выбѣжали съ ружьями и стрѣляли по нимъ. Англичане знали, что монастырь — сильная крѣпость, что въ крѣпости этой есть нѣкоторое количество инвалидной команды, есть пушки и боевые снаряды и есть, сверхъ всего, огромный запасъ провизіи. Къ тому же изъ монастыря полученъ былъ отказъ въ снабженіи мясомъ. Архимандритъ зналъ, что бомбардированіе неизбѣжно. Незадолго до него командиръ эскадры поручилъ заяцкому монаху, отправившемуся въ монастырь, передать настоятелю подарокъ. Подарокъ этотъ была штуцерная пуля со всѣмъ припасомъ.

— Попенялъ я имъ, что посылаютъ пулю, разсказывалъ этотъ монахъ. „Послали бы вы, я говорю, отцу-архимандриту ружье англійское, хорошее". А пусть, говорятъ, пріѣдетъ самъ — подаримъ! „А мнѣ подарите ружье?" спрашивалъ я. Тебѣ, говорятъ, не надо ружья. Подавая мнѣ пульку, командиръ, переглянувшись съ другимъ, стоявшимъ рядомъ, усмѣхнулся *).

Собралъ отецъ-архимандритъ совѣтъ изъ монашествующей братіи и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелями. Одни отсовѣтовали, другіе утверждали въ этомъ намѣреніи. Отецъ Александръ рѣшился на послѣднее и, благословивши и распростившись со слезами съ братіею, сѣлъ въ монастырскій карбасъ, управленіе которымъ довѣрилъ онъ самому опытному кормщику, а въ помощь ему выбралъ самыхъ сильныхъ изъ всего количества штатныхъ монастырскихъ служителей.

При холодномъ, противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, ѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ пароходовъ. И только на разсвѣтѣ (отправившись послѣ вечерень) онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинутъ былъ парламентерскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель соглашался на нихъ только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку вскочило много.

— Отчего ты не давалъ намъ барановъ? — спрашивалъ переговорщикъ **).

— Оттого, что вы враги наши!—отвѣчалъ архимандритъ.

— Мы бы тебѣ заплатили деньги.

— Денегъ мнѣ вашихъ не надо, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители.

— Мы тебя возьмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собою.

— Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентерскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ, да и что вамъ во мнѣ, и зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?..

— Далъ бы ты намъ барановъ, мы бы васъ не трогали...

— Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволитъ братія.

— А если самъ захочешь?

— Самъ не хочу и не дамъ, и братіи не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего государя.

— Ну, такъ мы будемъ стрѣлять...

---

*) Пульку эту показывалъ мнѣ о. архимандритъ: она была свинцовая, конусообразная, съ мѣдною крышечкою, въ которую былъ насыпанъ порохъ и закрытъ бумажкой; подъ крышечкой — огнестрѣльная бумага. Пулю эту о. архимандритъ предполагалъ завѣщать монастырю на память.

**) Переводчикъ этотъ чисто говорилъ по-русски; сказывалъ, что воспитывался и жилъ въ Архангельскѣ, гдѣ и привыкъ такъ бойко говорить по-русски; сказывался простымъ солдатомъ, хотя, по словамъ о. архимандрита, имѣлъ на фуражкѣ кокарду.

— А мы будемъ молиться...

— Стрѣлять мы будемъ завтра.

— Стало-быть, такъ я и знать буду и такъ же точно скажу и братіи. Поѣду и приготовлюсь по обрядамъ церкви.

Оставивъ англичанъ съ положительнымъ отказомъ, о. архимандритъ собралъ всю братію и приказалъ ей исповѣдью и причащеніемъ св. Тайнъ приготовиться къ завтрашнему дню. На другой день, въ самый день бомбардированія, причастился и самъ и, не дожидаясь пальбы, началъ литію для того, чтобы обойти вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Лишь только потянулось шествіе по стѣнамъ и не совершило еще и половины крестнаго хода, раздался оглушительный громъ отъ пальбы, завизжали пули, нѣкоторыя изъ нихъ носились надъ головами богомольцевъ, незначительная часть которыхъ успѣла пробраться на то время въ монастырь. И вдругъ—одно мгновеніе, которое, по словамъ очевидцевъ, неизгладимо останется въ ихъ памяти—раздался сзади шествія страшный крикъ, и почти всѣ задніе ряды повалились ничкомъ на землю. Оказалось, что ядро прошибло стѣну и пролетѣло надъ головами богомольцевъ, не сдѣлавъ имъ особеннаго вреда. Въ то же время другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь, другое пробило кровлю и попалило образъ. Гулъ и пальба не прекращались долго, даже и въ то время, когда крестный ходъ вернулся въ соборъ. Наконецъ все стихло; архимандритъ совершалъ благодарственное молебное пѣніе. Англійская эскадра отправилась въ Кемь... При этомъ присовокупляютъ, что, во время пальбы, на монастырскомъ дворѣ не видали убитою ни одной чайки.

.....15-е іюля 1856 г. былъ послѣдній день моего пребыванія въ монастырѣ. Въ послѣдній разъ видѣлъ я привѣтливаго, гостепріимнаго, словоохотливаго отца-архимандрита и простился съ нимъ; въ послѣдній разъ видѣлъ я двухъ схимниковъ съ пожелтѣвшими, словно воскъ, лицами, въ ризахъ, обшитыхъ спереди и сзади крестами, съ сѣдыми, какъ серебро, волосами. Схимники выходили за трапезу. Карбасъ мой былъ уже готовъ—и мы отправились.

Разсказъ куйскаго старика *).

— Въ неладное ты время-то пожаловалъ, честной господинъ, въ наши украйныя палестины—говорилъ куйской мой собесѣдникъ на другой день по пріѣздѣ моемъ въ это самое ближнее къ Печорскому устью селеніе Кую. Пріѣхать бы тебѣ по веснѣ!..

— Отчего же, Антипа Прокофьичъ?

— Удрали бы мы съ тобой знатную штуку. Взяли бы мы, ужъ куда бы ни шло, лодку большую, людей бы подговорили, снасти бы опять взяли... Да съ Божьимъ бы святымъ благословеніемъ, худаго слова не молвя, протолкались бы туда, на Новую Землю, сами посмотрѣть, какая она такая есть: та ли несхожая дрянь, какъ тебѣ про нее натолковали.

— Зачѣмъ же теперь стоитъ дѣло, Антипа Прокофьичъ?

— Да теперь ты меня хоть золотомъ озолоти, не поѣду. Первая голова у меня на плечахъ и шкура невороченая, надо тебѣ такъ говорить.

— Льдовъ-то ужъ что ли около нея бродячихъ много?..

— А такъ тебѣ много, что въ пыль изотрутъ суденко твое, будь оно отъ самое крупное: лодья бы тебѣ, аль шкуна. И никоими ты человѣче-

*) „Годъ на Сѣверѣ", т. II, стр. 91—106; изд. 1859 г.

скими силами отъ льдинъ отъ этихъ не оборонишься. Ходятъ онѣ такія большія, что и глазомъ не окинешь: иная кажетъ верстъ по десяти длиннику, а бываютъ-де и больше того. Треску да визгу, да всякаго шуму отъ нихъ! словно свѣтъ-то Божій преставляется и антихристъ грядетъ ужъ во облацѣхъ со звукомъ трубнымъ.

— Этакъ-то вотъ мнѣ надумалось лѣтъ тому тридцать назадъ,—продолжалъ мой старикъ, подвигаясь со стуломъ. Упромышляли мы звѣря на Маткѣ всю весну, все лѣто и осени прихватили; а звѣря въ тотъ годъ выстала несосвѣтимая сила, такъ и лежалъ по берегу-то плашмя, что полѣнья. Отстать, кинуть бы—моченьки не хватаетъ, что ни утро, то и подмываетъ тебя: „и сегодня ступай, коли-де его, руби его!“ Пороху было вдосталь, въ залишкѣ. Сосѣди домой побѣжали, наказали мы имъ, чтобъ прислали другое судно побольше, подождемъ, молъ, здѣсь. Авось, молъ, зима-то позамедлитъ, недаромъ-де звѣря идетъ къ намъ все пуще да пуще. Не надо бы зимѣ ранней быть, мерекаемъ себѣ, да такъ вотъ и ждемъ недѣлю, другую и третью. Надо бы судну придти, потому вѣтра все съ берегу горные падаютъ, а по вѣтру съ Печоры до Матки на парусахъ всего три дня ходу: такъ завсегда! А тутъ, глядимъ, ужъ и на четвертую недѣлю четвертый день пошелъ: потосковали опять, попечалились другъ-дружкѣ; защемили наши сердечушки-то туже да туже. Въ сумнѣніе впали: не бывать, молъ, намъ эту зиму дома, не нашли, знать, судна. Дѣло худое! Помолился я Богу и на пятыя сутки, и пошелъ, по своему обычаю, на море глядѣть: покажется парусокъ — наше судно бѣжитъ. Иду это я къ морю и думаю, многое разное думаю, о чемъ бы и не слѣдъ на ту пору вспоминать: домой, молъ, пріѣду, жена встрѣнетъ, ребятенки заластятся, сосѣди съ разговорами придутъ, вина выставлю, пить станемъ, пѣсни запоемъ!.. Думаю все это, идучи къ морю, а самому и невдомекъ, что вѣтеръ не вечершной тянетъ. Подставилъ я ему щеку, встокомъ сказался, вѣтромъ тѣмъ непутнымъ, что̀ изъ самой-то голомяни (изъ полярной дали моря) отъ вѣковъ тянетъ. Такъ у меня на ту пору-то ноженьки и подкосились, словно подъ жилки кто меня полѣномъ урѣзалъ. Присѣлъ-нали; одначе, оправился, дальше пошелъ и море увидалъ, да бѣлое такое, вонъ-что оленья постель бѣлая, кругомъ бѣлое море, а воды на немъ ни слезинки, ни капельки: все ледъ, кругомъ торосья. И визжатъ это сни, и стонутъ, не слыхивалъ такъ! Антихристъ, молъ, идетъ съ сонмищемъ со своимъ, а кой, молъ, тутъ тебѣ чортъ—лодья деревенская на выручку!.. Пришелъ къ своимъ въ избу да и взвылъ, разсказалъ имъ все; только по бедрамъ ударили да головушки понурили. Теперь-де жди до весны горнихъ-то вѣтровъ, а какъ-никакъ—зимовать, видно, надо. Помолились мы Богу крѣпко-на-крѣпко да и зазимовали!..

Старикъ, опустивъ голову, смолкнулъ.

— Наступило, стало быть, для васъ самое трудное время! — подсказалъ я, чтобы подзадорить старика на продолженіе разсказа его, и не ошибся: старикъ продолжалъ прежнимъ тономъ:

— Самая трудная была та пора! Такая, сказать тебѣ надо, пора наступила, что еле до весны дожили; одначе, троихъ горемычныхъ товарищей похоронили тамъ.

— ...Изъ лишнихъ-то, кто есть, ушли бы. Вы, бабы!.. ступайте-ко вонъ, не мѣшайте мнѣ! Вели, ваше высокородіе!

— По мнѣ, зачѣмъ же ихъ гнать? Пускай слушаютъ: не помѣшаютъ.

— Воютъ, вѣдь, онѣ, что̀ вотъ не разсказываю, голосятъ все...

Сталось по желанію старика, заинтересовавшаго насъ еще болѣе такою торжественностью вступленія.

— Затерло вотъ этакъ насъ льдами, затянуло кругомъ, что ни входу, ни выходу. Справа и слѣва—Божіе произволеніе; сверху и снизу—Его святая милость. Хочешь ты—въ снѣгъ зарывайся, хочешь — въ избѣ сиди да надѣйся. А, вѣдь, избы наши извѣстно: сверху мочитъ, съ боковъ дуетъ, снизу всего тебя насквозь до послѣдняго суставчика сыростью пробираетъ, потому избы эти строены и нивѣсть въ кою-пору и нивѣсть изъ чего: всю вонъ эту дрянь-то, что и море не держитъ въ себѣ и что̀ *плавикомъ* зовемъ по нашему, мы въ строенье пускали: всѣ эти бревна, кряжи, щепу разную, что ухватитъ волна на одномъ берегу, а выкинетъ на другой, да промочитъ ее всю до сердцевины, да прогноитъ до слезъ. Теперь, вѣдь, только изъ привознаго-то лѣсу строить начали, а въ тѣ времена, что̀ выброситъ море, то и наше. Въ такой-то вотъ въ избѣ и мы сказки сказывали, въ кулаки дули, съ ноги на ногу переступаючи, да думали: вотъ кабы Господи снѣгу накидалъ къ намъ побольше, хорошо бы было. И за этимъ не стояло дѣло: на Кузьминки (къ 1-му ноября) наметало его такую пропасть за ночь, что потомъ цѣлый день отгребались. Въ избѣ теплѣе стало и полъ промерзъ: не въ туманѣ сидѣли, по крайности, и ношникъ не трещалъ, не брызгалъ. Такъ, гляди, иная бѣда навязалась, а запрежь того, поглядишь бывало, какъ это оно тебѣ постоитъ на небѣ-то краснымъ такимъ, да большимъ-пребольшимъ, такъ, къ примѣру, на полчаса по времени, да и спрячется А тутъ тебѣ и выглядывать перестало—скука взяла! Чайки улетѣли, утки потомъ, моржи пропали, ни реву, ни свисту — еще того хуже пришло, хоть самъ себѣ въ ногти свищи! Одинъ ошкуй пугать приходилъ да воровать, что̀ упромыслили мы: стали стрѣлять по немъ, убили троихъ; мясо собакамъ пригодилось. Четвертаго поранили—думаемъ, скажетъ другимъ, что деремся-де—не ходили бы; такъ инъ, еще пришли: одинъ совсѣмъ въ избу лѣзъ и собаку одну изломалъ—угодили подъ сердце, намъ же достался. На Веденьевъ день и дня знать не стало, все едино, что ночь, но темнѣй еще; ошкуй пересталъ ходить, въ снѣгъ зарылся *голодомъ жить* до весны. „Ладно, молъ, свонкъ, надумалъ ты этакъ-то: теперь горемъ меньше стало!“ Такъ ужъ опять больно темень-то одолѣла: ничего не распознаешь. Рѣшили на то, что коли-де въ одной плошкѣ ношникъ сгоритъ—день прошелъ, въ другомъ ношникѣ порѣпилось сало—ночь прошла; и досчитались мы, вотъ этакъ-то, по нашему счету, и до Рождества Христова. Да не на радость, знать, досчитались: не было у насъ изъ ѣды ни синя пороха: рыбы какой по осени-то наловили—всю поѣли; птицы-было до Филиповокъ-то прозапасили, такъ и той нѣту, да опять же и грѣхъ мясо въ постъ ѣсть: на томъ свѣтѣ и водицы не дадутъ напиться. Наступило Рождество, а намъ и разговѣться нечѣмъ; день-то сидѣли—горевали; нѣсни-было, на утѣху свою, къ вечеру-то запѣли, такъ на голодное-то брюхо голосъ не потекъ. Бросили! Былъ съ нами молодецъ одинъ—Тимохой звать (померъ ужъ)—ушелъ, не сказавши слова, день пропадалъ, вернулся радостной такой, шутитъ: „Хотите, говоритъ, помирать, такъ сказывайте: могилы-де вырылъ“. Да какъ же, молъ, Тимоѳеюшко, ты могилы-то вырылъ, когда землю теперь и огнемъ не проберешь? „А я, говоритъ, въ снѣгу вырылъ могилы-то“. Да мы, молъ, не медвѣди — смѣемся ему. Ты, молъ, дѣло-то сказывай. „А какое-де вамъ дѣло сказывать: ѣсть, молъ, хотите?“ Ну, да какъ, молъ, Тимоѳеюшко, не хотѣть; посмотри ты на насъ: осунулись; опять же цѣлой день тошнитъ, знобитъ, не согрѣемся; во рту горечь такая, словно смолу ѣли; опять же десны припухать стали, а морошку, самъ-де знаешь, еще къ Николину дню всю поѣли. И, какъ, теперь, вижу все это, хоть и тридцать годовъ прошло: ухмыляется нашъ шутникъ, опять зашутилъ, изъ избы вышелъ да принесъ намъ... Принесъ-то онъ намъ оленя

дикаго, теплой еще. Стали мы кровь пить, мясо такъ и не жарили — сырымъ ѣли. И ничего: сладко таково! и наѣлись скоро. Пить захотѣлось — натаяли снѣгу, напились. Къ вечеру голова разболѣлась, тошнота долить начинала, не выдержали... А Тимоша нашъ все шутитъ, ему все смѣшки да забавы; допрежъ этого съ нимъ не бывало, что̀ ни знали его: думчивый былъ такой, непривѣтной. Согрѣшилъ я на ту пору, подумалъ: передъ горемъ, молъ, ты, Тимоѳеюшко, раскудахтался. Ему-то я о томъ не сказалъ, а ребятамъ своимъ-таки попечаловался. „Такъ! говорили, со большой со тоски дуритъ, да опять же и вѣра наша, что коли-де цынги ты боишься, больше смѣйся, больше бѣгай, шевелись: не пристанетъ она. Вотъ и Тимоѳеюшко нашъ дурилъ еще день, да и смолкнулъ. День молчитъ, другой молчитъ, на третій къ вечеру слегъ. Слегъ, что бревно слегъ, святая душа, богоданной товарищъ... милой человѣкъ! У насъ и сердечушки защемило: такъ-то вотъ, молъ, всѣ мы подъ Господомъ! Упаси ты, молъ, его, Святая Богородица! И стало намъ таково тошно!..

Старикъ, смолкнувъ, прослезился и теперь такъ же точно, какъ, можетъ быть, плакалъ онъ и при прежнихъ своихъ разсказахъ объ этомъ событіи, вызывая на то же сердобольныхъ бабъ-слушательницъ. Съ трудомъ онъ оправился потомъ и продолжалъ разсказъ свой.

— Лежитъ нашъ Тимоѳеюшко на нарахъ, лежитъ — охаетъ. Кто изъ насъ ни подойдетъ, опросимъ: что, молъ, ты, друже? „Ослабъ!“ сказываетъ.

Ослабъ да ослабъ, охать сталъ пуще, по ночамъ вопитъ блажнымъ матомъ. Мы опять къ нему:—не надо ли, молъ, тебѣ чего? „Ничего, говоритъ, не надо!“ Да и дать было нечего. А вотъ, говоритъ, во рту горечь, и плюнулъ, чернетью такой плюнулъ, словно изъ трубы изъ печной, и десны показалъ — пальца на два раздуло; дотронулись мы до нихъ пальцомъ—кровь пошла. Стали оглядывать: блѣдной такой лежитъ, синія щеки и осунулись, подъ глазами синяки въ пятакъ мѣдной, ноги загноились и смердитъ, больно смердитъ: головы даже болѣть у насъ начали. Глядимъ, этакъ послѣ Крещенья, у него руда пошла изъ носу и изо рту, стало его такъ сшибать, что вотъ закроетъ глаза и лежитъ безъ памяти, словно мертвой. Опомнится, опять окликнемъ: не надо ли, молъ, чего? (Все это себя-то да и его надували). Такъ вотъ, говоритъ, что надо: коли живы будете, безъ меня... да домой сбѣжите, родительское свое благословленіе, на вѣки нерушимое, посылаю всѣмъ, и ругать, молъ, себя не велѣлъ... И сталъ онъ тутъ наказывать про родныхъ такъ слезно, голосомъ дрожитъ, самого такъ и ведетъ... судорга!.. головушкой-то своей побѣдной покачиваетъ и плачетъ. Мы тоже за нимъ: невтерпежъ ужъ стало: ревимъ! И не было тутъ ни единаго человѣка, чтобы у котораго слезъ не текло! Больно ужъ печально было смотрѣть, какъ душа-то человѣчья тяготится. Глядимъ опять: закатилъ нашъ Тимоша глазки свои, да съ тѣмъ мы его и видѣли! Померъ несчастнымъ дѣломъ. Григорій молитву читалъ, я обмылъ его; собча могилку выкопали въ снѣгу на другой ужъ день. Весна, смекаемъ, придетъ, да отойдетъ мать-сыра-земля—туда спрячемъ. Такъ и сдѣлали. И все нашъ Тимоѳеюшко опосля кончины своей намъ мерещился, душоньки наши томилъ, словно камень тяжелой на нее накладывалъ. И теперь вотъ... ужъ очень обидно вспоминать про его про кончину! Отъ слезъ не удержишься, хоть и стыдно бы это старику!..

— Ты позволь, ваше высокородіе, отдохну я маленько, духъ переведу!— перебилъ свою рѣчь разсказчикъ этимъ запросомъ.

Старикъ послѣ того молчалъ долго, до того долго, что̀ заставилъ даже вмѣшаться въ нашу бесѣду стороннему слушателю. Тотъ говорилъ:

— Ты бы разсказалъ, дядя Антипа, его милости, что̀ дальше съ вами было, хорошо тоже было! Послушай-ко, честной господинъ.

Запрощикъ привздохнулъ; старикъ не упрямился:

— Хорошаго, надо бы говорить тебѣ, мало же было!—говорилъ онъ.— Хорошаго тутъ все, что еще троихъ товарищовъ потеряли: двое отъ той же отъ цынги истаяли, хоть и олешковъ ловили, теплую кровь пили; опять же и въ пѣсняхъ, и въ пляскахъ недостачи не было, бѣгали, сугрубы раскапывали, зря, ради дѣла, гору обледенили водой—катались съ нее, и саночки такія сколотили. Всего было! Третій товарищъ, по-очереди, за пищей ходилъ съ ружьемъ, тоись, за оленями, да и не возвратился. Надо бы медвѣдю съѣсть, такъ на ту пору хивусъ палъ такой, что всю нашу избушку завалилъ сажени на три глуби. Заблудился, стало, да и замерзъ; нашли послѣ, далеко, верстъ за десять, что кисель совсѣмъ загнилъ. Тоже слезы были, могилку копали большую, да всѣхъ въ одну и положили, и крестомъ осѣнили деревяннымъ. И теперь крестъ-отъ этотъ знать. Вотъ что̀ не бываю на Маткѣ, у креста у этого завсегда по праздникамъ молитвы пою, какія знаю. Очень, вѣдь, ужъ печальна, твоя милость, жисть-то наша промысловая: бабамъ, кажись бы, въ этомъ дѣлѣ и толку не было: съ однихъ бы съ гореваньевъ повымерли!

— Позволь, ваше сіятельство, водочки выпить съ твоего позволенія. Грѣшу съ юныхъ лѣтъ, да и разсказывать вольнѣе станетъ!—опять также неожиданно перебилъ свою рѣчь разсказчикъ.

Желаніе его было немедленно исполнено. Но старикъ все еще молчалъ, какъ будто припоминая что-то, и опять настолько же долго, что заставилъ прежняго запрощика подзадорить себя новымъ спросомъ:

— Ты разскажи, дядя Антипа, что вы на Благовѣщеньевъ-то день дѣлали: любопытно!

Послѣднее слово относилось ко мнѣ.

— Я тебѣ по порядку лучше, какъ было!—началъ старикъ. На Аѳонасья (8-го января)—такъ надо быть, по нашему счету, первой мы свѣтъ увидѣли: заря запялась, мы и ношникъ погасили, такъ этакъ на часокъ мѣста; а на Оксинью-полузимницу (24-го января), глядимъ, и солнышко на горахъ заиграло, хоть и не видать еще было его, а поиграло таки съ часъ мѣста; смотримъ, на Стрѣтьевъ день (2-го февраля), оно, батюшко, красное солнышко во всей-то во своей красотѣ изъ-за горъ-то и выглянуло. И такъ мы ему всѣ обрадовались, заплясали, цѣловаться начали, ей-Богу!.. Отецъ, молъ, ты нашъ родной, при тебѣ теперь не скучно будетъ, радость ты, молъ, наша! Такъ это все ему, что̀ человѣку, мы и сказывали въ очи, ей-Богу!.. Словно одурѣли всѣ, зиму, что это медвѣди, вылежавши. Прошли на ту пору Евдокеи (1-го марта), прошли, по нашему счету, и сорокъ мучениковъ (9-го марта); показались по снѣгу проталинки, мягкія мѣста по тундрѣ-то отходить стали. Около Благовѣщенья запримѣтили, что мохъ закудрявился, отошелъ — значитъ. Ну, думаемъ, Божья благодать осѣняетъ. Ошкуй проснулся, прошелъ вдалекѣ мимо насъ въ море, гдѣ ужъ на то время полыньи стали запримѣтны. Наступилъ, значитъ, и великъ-день — Благовѣщенье, большой у Господа праздникъ; сказано: на этотъ день и птица гнѣзда не вьетъ, а по нашему — на тотъ день и работать нельзя. Вышли мы потому изъ избы, стали къ востоку да и запѣли церковныя стихиры, какія знали; и пѣли мы, пока солнышко на виду было, часа, надо-быть, три пѣли, всю всенощну и изъ обѣдни, что̀ знали, все перепѣли, и таково согласно, что мнѣ, поди, и не сдѣлать теперь такъ-то. Какъ теперь, помню: голосами закручиваемъ, выводимъ... ну, одно-слово: дьячки—да и все тутъ!..

Нѣкоторые изъ слушателей засмѣялись; разсказчикъ мой объяснилъ это:

— Вотъ какъ про Благовѣщеньевъ-то день ни припомню, всегда имъ любо, какъ-де я дьячкомъ пѣлъ—смѣшно, вишь!

— Смѣшно и есть!.. безголосому-то! — послышался голосъ изъ толпы посѣтителей. И другой:

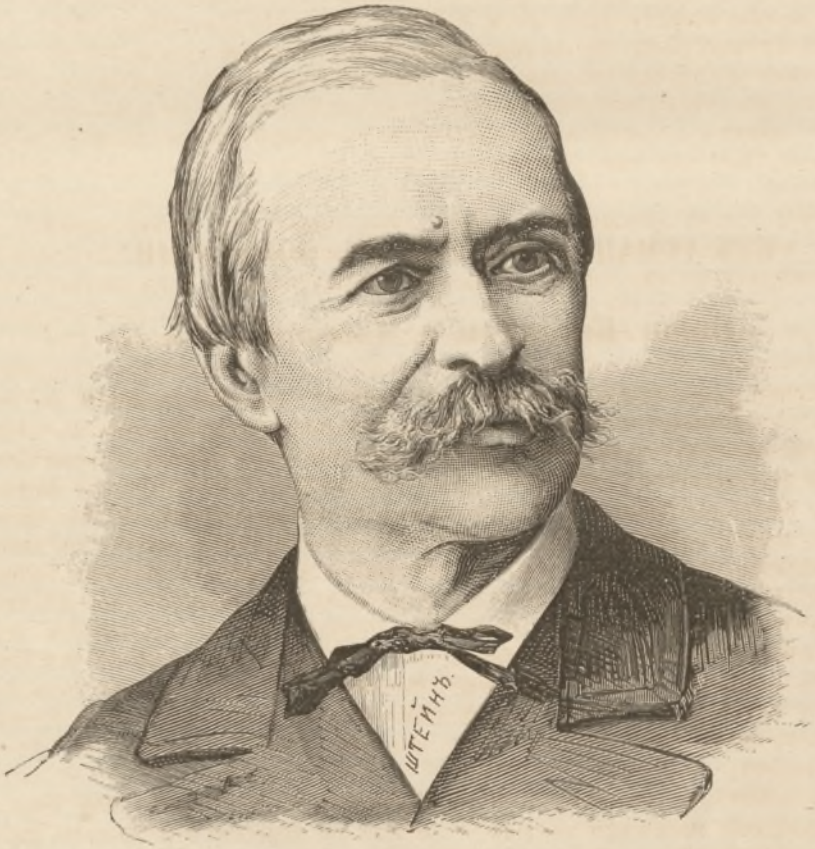
— Досказывай, знай, дальше!

— Разсказывать-то теперь легко,—говорилъ старикъ:—а тогда больно же *маетно* было. День-за-день, все въ одиночествѣ очень тяжело было, не до смѣшковъ приходилось!..

— Надо тебѣ разсказывать теперь вотъ что! — продолжалъ старикъ мой, немного подумавъ.—Съ Марьи (первыхъ чиселъ апрѣля) во весь тотъ мѣсяцъ земли оттаяло много; морозъ, почитай, гулялъ въ кою-пору, да, вѣдь, ужъ въ нашихъ мѣстахъ безъ того не моги думать, нельзя... Такъ ужъ отъ вѣковъ! Къ Егорьеву дню (23-го апрѣля) озерки отошли и ручьи съ горъ побѣжали; на вешняго Николу много ужъ было ихъ. А снѣгъ тамъ во все лѣто, вѣдь, видѣнъ; какъ онъ тамъ отъ сотворенья міра легъ, тамъ и лежитъ, надо быть. Объ этомъ и разговаривать больше не будемъ. На Ѳедосью (29-го мая) два гуся прилетѣли и гагара; покричали они, погоготали часъ, другой, третій, — и улетѣли. Дня два потомъ не видать ихъ было; никого не видать. Передовые, молъ, знать, были эти, повѣстить насъ прилетали да осмотрѣться: хитра, вѣдь, птица-то! На третій день слышимъ: крикъ да крикъ, стадо за стадомъ: и гуси, и гагары эти, утки опять, лебеди, чайки разныя: и клуши, и моевна, и сизые тулупаны, и пятушки — всѣ прилетѣли. Ну... съ той поры въ пищѣ намъ недостачи не было. На этотъ счетъ было ужъ очень хорошо. Опять же крѣпкіе вѣтры ледъ понесли въ голомя; губы прибережныя прочищаться начали; около Петра Аоонскаго (въ первыхъ числахъ іюня) щавель показался, на горахъ цвѣты какіе есть: звѣробой (чернобыльникъ), травка мелкопькая такая зазеленѣла. Лѣто пришло и сердце отошло. Слава, молъ, Богу! Хоть другаго чего и мало растетъ на Маткѣ, ничего больше не будетъ — на иной ёркѣ, этакъ въ поларшина вышиной, пожалуй, почки распустятся, да въ листъ не перейдутъ до скончанія вѣка — а все же, молъ, лѣто пришло: тундры, каменный берегъ, озера, рѣчонки всѣ оголились. Стало море, замѣсто льду, плавикъ выкидывать: гдѣ щепочку, гдѣ бревешко... моржи, зайцы морскіе, нерпа, бѣлуги выставать стали... Петровъ день на дворѣ... скоро быть нашимъ промышленникамъ. А какъ сталъ день замѣсто ночи, да туже пришлось тосковать намъ, со дня на день дожидаючись... смотримъ: парусокъ-отъ осенній по лѣту ужъ по этому и забѣлѣлся, да и не одинъ, а пять... шесть... семь... да и больше. Ну, радостей тутъ—извѣстное ужъ дѣло—много было всякихъ; тутъ опять слезы, да ужъ не такія, не прежнія: эти, вѣдь, лучше, слаще!..

Вотъ тебѣ и все!—завершилъ свою рѣчь старикъ, приподнявшись съ мѣста съ сіяющимъ, веселымъ лицомъ, на которомъ легко можно было читать всю исторію дальнѣйшей встрѣчи съ родными, дорогими людьми.

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи



Г. П. ДАНИЛЕВСКІЙ.

Къ стр. 541.

Г. П. Данилевскій.

(род. 1829 г.).

ИЗЪ РОМАНА: „БѢГЛЫЕ ВЪ НОВОРОССІИ".

Наши Кентукки и Массачуссетсъ.

—„Что такое эти бѣглые въ Новороссіи?" спроситъ заѣзжій въ эти мѣста.—„А что такое бѣглые?" отвѣтятъ ему туземцы: „извѣстно что: бѣглые, да и все тутъ! Крѣпостная Русь, нашедшая свое убѣжище, свои Кентукки и Массачуссетсъ. Здѣсь бѣглыми земля стала. Не будь ихъ—ничего бы и не было: ни Донщины, ни Черноморья, ни преславной былой Запорожской земли, ни всей этой вѣковѣчной гостепріимной царины, къ которой стремятся съ сѣвера и изъ другихъ мѣстъ за волею и люди, и звѣри, и птицы! Все тутъ бѣглые: Ростовъ, Маріуполь, Таганрогъ, — все бѣглые. Эти портовые богачи, купцы и мѣщане, — поройтесь въ преданіяхъ ихъ, какова ихъ исторія. Недавніе предки ихъ,—крѣпостные, выходцы изъ Россіи, либо помѣщичьи, либо казенные бѣглые!" — Такъ вамъ отвѣтятъ туземцы. А сами присмотритесь къ бѣглымъ—люди, какъ люди! Что же ихъ сманиваетъ сюда? — Приволье земель и работъ, только трудись; на всѣхъ труда станетъ...

Со всѣхъ концовъ Россіи, а съ сѣвера въ особенности, шли огромными артелями наемщики на югъ. Они шли по большимъ и малымъ дорогамъ, съ косой за плечами, парни и дѣвки, нанимаясь по пути въ косари и гребцы. Цѣлыя села, гуртомъ выходя изъ тѣсныхъ околотковъ, шли по дорогамъ, въ пыли и духотѣ, босикомъ и впроголодь, въ ожиданіи тяжелаго труда. Отдѣльныя артели сливались въ отряды, становясь къ дѣлу на крайнемъ югѣ, и то тамъ, то тутъ начиная бѣлѣть своими рубахами и сверкать потертыми косами и серпами. Было тутъ немало и вольныхъ крестьянъ съ билетами и помѣщичьихъ съ паспортами; но въ каждой артели было еще болѣе и бѣглыхъ. Трудъ нуженъ, трудъ дорогъ: рукъ мало, дѣло кипитъ, трава сохнетъ, пшеница зрѣетъ, горитъ, наливается, осыпается; сотни и тысячи рублей готовы погибнуть: какъ тутъ не принять бѣглыхъ, господа юристы? Милости просимъ! Хотя и опасно, да кто ихъ усчитаетъ въ этой неоглядной степи? Есть гдѣ поработать, есть гдѣ и спрятаться. Спрячетъ ихъ свой братъ-землякъ, спрячетъ и помѣщикъ, когда налетитъ гроза въ видѣ исправника или становаго, станъ котораго здѣсь величиной

чуть не съ Ганноверское королевство. Становаго тутъ купить всякая депозитка; онъ и смотритъ сквозь пальцы. Чуть зазвенѣлъ, однако, жадный полицейскій колокольчикъ—бурлаки прячутся въ бурьяны, байраки, стоги или въ камыши, или въ глазахъ самой власти бѣгутъ чрезъ границу ея уѣзда. А помѣщику и колонисту безъ бѣглаго нѣтъ житья. Бѣглые — народъ смирный, трезвый, усердный; чистые ливерпульскіе пуритане въ душѣ. Беретъ бѣглый за работу меньше вольнаго; ну, да и обсчитать его легче: не пожалуется!... Поплачетъ развѣ только, либо выругаетъ за околицей хутора не по-человѣчески,—и только. Потому-то здѣсь все шито и крыто. Бѣглые идутъ на линію, за Кубань, въ Крымъ и въ приморскія степи на югъ, какъ домой, изъ всякихъ суровыхъ и тѣсныхъ уѣздовъ сѣвера. Пуританизмъ ихъ удивительный. Извѣстно слѣдствіе въ окрестностяхъ Нахичевани, открывшее, что партія бѣглыхъ ночевала въ степномъ байракѣ, у какой-то лѣсничихи, какъ при этомъ одинъ изъ бѣглыхъ укралъ у хозяйки ведро, и какъ за это товарищи его сперва высѣкли, а потомъ, недолго думая, повѣсили на дубу: „не срами, дескать, хорошихъ людей!“ Такъ-таки и повѣсили.

Точки соединенія всего этого лѣтняго захожаго люда въ степяхъ, притонъ ихъ отдыховъ и наймовъ, ихъ увеселительные клубы, это—шинки зажиточныхъ слободъ и одинокіе постоялые дворы съ громадными степными колодцами.

Эти шинки—вещь любопытная. Кто ихъ здѣсь не знаетъ, за рѣкою Богатыремъ, Джемрекомъ, въ селахъ Большой-Хнысель и Старый-Керменчикъ и вдоль по рѣкамъ Кобыльной и Волчей, а равно въ апухтиныхъ и черниговскихъ хуторахъ, въ молоканской слободѣ Астраханкѣ и въ нѣмецкой колоніи Красный-Трактиръ? Во-первыхъ, такіе шинки приносятъ огромный доходъ. Въ обширной слободѣ они непремѣнно устроены на главной улицѣ или на площади, близъ церкви. Это, по праздникамъ, своего рода Лондонская биржа. А хотите знать, какъ нанимаются бѣглые лѣтомъ и какъ ажіотируютъ этими *бѣлыми неграми* наши южные плантаторы? Извольте. Подъѣзжая въ праздникъ къ мѣсту ихъ сходки, вы еще издали усматриваете небывалую толкотню и слышите громкій говоръ народа. Толпа стоитъ передъ шинкомъ вплоть до церкви, какъ на торгу. Отдѣльныя кучки стоятъ по сосѣднимъ переулкамъ, сидятъ подъ плетнями, или идутъ рѣшать дѣло еще далѣе, на выгонъ, за село, чтобы не было свидѣтелей. Въ общей толпѣ и передъ этими отдѣльными кучками прохаживаются помѣщики, кавалеры средней руки и прикащики богачей, нанимая артели, выслушивая торги и послѣднія цѣны, сбивая упорныхъ разными штуками, и другъ у друга, у своего же брата, сманивая небольшою надбавкой нанятыхъ уже рабочихъ. Иной прикащикъ, въ синемъ кафтанѣ и въ синихъ шароварахъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, ходитъ-ходитъ, торгуется, надсѣдается; сошелся, нанялъ, выставилъ ведро водки на магарычъ, сосчиталъ свою артель и спѣшитъ домой; а по пути, иногда у самыхъ воротъ его, встрѣчаетъ артель прикащикъ другаго помѣщика, надбавляетъ рабочимъ ничтожную плату и уводитъ ихъ съ собой. Бываютъ при этомъ и свалки наемщиковъ и нанятыхъ. Случается, что ловкій соглядатай отъ одного помѣщика явится въ степь, прямо на работу къ нанятымъ другаго, съ цѣлью сманить ихъ разными льготами; а другой-то хозяинъ еще ловче: подглядитъ его штуки да тутъ же, въ степи, его и высѣчетъ. А старики новичкамъ говорятъ: „вы тому не удивляйтесь, что этотъ панъ высѣкъ ключника того пана: такъ было и въ старину, какъ наши степи селились и еще люди тутъ ходили не закрѣпленные, какъ запорожцы. Придетъ Юрьевъ день,—являются верховоды, кричатъ: „на Кильчень!“ либо

„на Самару!“ Одно село выселяется, а другое идетъ ему навстрѣчу въ иное мѣсто. По мостамъ и по плотинамъ идутъ обозы съ дѣтьми, добромъ и стариками; идутъ батраки и бабы, прощаются съ родичами; волы ревутъ; возы скрипятъ, а паны заѣзжаютъ другъ передъ другомъ, спорятъ, сманиваютъ къ себѣ нашего брата и рубятся саблями, а иногда и пищали, бывало, хлопаютъ. Оно такъ всегда тутъ было!... Тотъ панъ, бывало, при проѣздѣ обоза, хвалитъ свое, а этотъ—свое; говоритъ: „идите ко мнѣ, люди добрые! дамъ вамъ и степи вдоволь, и хорошей воды, и лѣсу, и хать, и скота!“ А ужъ что совретъ, то совретъ, лишь бы ему сманить ихъ, вотъ какъ и теперь...“

Есть преданіе, какъ одинъ свирѣпый командиръ, преслѣдуя здѣсь бѣглыхъ, налетѣлъ гдѣ-то на артель неводчиковъ и гаркнулъ на нихъ: „гдѣ ваши паспорты?“ Тѣ переглянулись. Генералъ былъ безъ конвоя, съ одною свитою.—„На баркѣ, ваше сіятельство!“ отвѣтили тѣ и пошли по доскамъ, одинъ за другимъ, за паспортами. Взошли на барку, оттолкнули ее отъ берега и показали ему оттуда что-то въ родѣ шишей, со словами: „вотъ наши пашпортики!“ И эти слова стали съ той поры здѣсь поговоркою. — Въ праздникъ, до начала торга, въ слободѣ, гдѣ нанимаются косари и гребцы, въ церкви обыкновенно служится обѣдня, и всѣ чинно стоятъ и молятся, слушая отца Прокопа или отца Дорофа. Дымъ густо стелется, дьячокъ баситъ, а изъ дыма глядятъ все черноволосыя и русыя чубатыя головы, будто сейчасъ вышли съ картинъ Шевченка, Трутовскаго и Соколова. Обѣдня кончилась; наполняется площадь и шинокъ. Въ одномъ изъ такихъ шинковъ долгое время въ-наймахъ, подъ Керменчикомъ, былъ бѣглый поваръ какого-то генерала изъ Калуги, который держалъ отличную простую кухню и, постукивая ножомъ на-встрѣчу входившаго загорѣлаго люда, выкрикивалъ: „А кому угодно котлетокъ à la метрдотель, бламанже, сюперфлю и все что угодно!“ Никакихъ утонченныхъ диковинокъ жидъ, содержатель шинка, не могъ, разумѣется, по его вызову, предложить гостямъ; но прибаутки повара приманивали толпу, и шинокъ былъ не въ накладѣ, справляя иногда, впрочемъ, свадебныя пирушки для сосѣднихъ поселянъ и бѣглыхъ съ такими угощеніями, что хоть бы и въ городѣ...

.... Пора работъ кончилась. Бѣглые съ полей переходятъ къ неводамъ. Здѣсь осенью вся бѣглая, разбившая свои оковы Русь.... Уходя изъ шинковъ, косарскія артели поютъ особыя мѣстныя пѣсни, съ сочиненными намеками на сосѣднихъ помѣщиковъ, отдавая имъ похвалы за милосердіе, или остря надъ ихъ скаредностью и стѣсненіями, въ родѣ этого:

„Чужи паны, якъ пугачи,
Держатъ людей до пивночи,
А нашъ соловейко
Пускае ранёнько;
Дае водки и грошей—
Спаси его, Боже!“

— Отчего иные бѣгаютъ? — спросите вы у становаго. — „По омерзительной привычкѣ,“ — отвѣтитъ онъ вамъ и начнетъ доказывать. Хатка у такого бѣгуна сплетена изъ камыша, примазана глиной; въ хаткѣ ни стола, ни лавки порядочной, а во дворѣ плетень камышевый. Придетъ свинья необрядная, толкнетъ, чесавшись, и повалитъ весь хламъ. Толкнетъ съ досады и самъ хозяинъ хату ногою, повалитъ ее, и пойдетъ въ бродяги. Ему и жены не жалко, и дѣтей. Такъ по десяти и по двадцати лѣтъ тляются. Видно, дома солоно. А иной проворовался, ограбилъ, убилъ. Есть и бѣжавшіе отъ страха наказанія за покражу лоскута холста, сальной свѣчки.

И ходятъ въ бродягахъ годы. Думали переводить бѣглыхъ, оцѣпляли города, села. Прибылъ въ эти мѣста, лѣтъ двадцать тому назадъ, между прочимъ, другой, подобный упомянутому выше, свирѣпый начальникъ и вызвался искоренить тутъ всѣхъ бѣглыхъ. А подначальникъ былъ у него человѣкъ обстрѣленный и зналъ, какъ это легко говорится и трудно дѣлается. Захотѣлъ этотъ первачъ свой край объѣздить. Ѣздитъ и ѣздитъ, совсѣмъ замучилъ помощника. Ужасъ навелъ на бѣглыхъ своими выходками и жестокостью. Въ кандалы перековалъ цѣлыя тысячи, остроги ими переполнилъ по всему взморью. А помощника совсѣмъ выбилъ изъ силъ. Вотъ и подвелъ штуку помощникъ. Проморилъ какъ-то владыку въ степи, а все везетъ его далѣе, все далѣе. Ужъ тотъ и животикъ сталъ потирать и поглядывать изъ коляски, что за бѣсовъ край! Хоть бы корчма или деревня какая,—а до города еще верстъ двадцать. Остановился первачъ. — Ну, говоритъ, какъ бы чего закусить?“ Кинулись къ свитѣ,—ничего нѣтъ. А это ужъ помощникъ такъ подвелъ. — „Нѣтъ ли хоть корочки чернаго хлѣбца? Нѣтъ ли тутъ постоялаго двора гдѣ-нибудь?“ — спрашиваетъ первачъ.—„Куда вамъ, ваше сіятельство! у насъ этому быть, въ этой голой и пустой сторонѣ! А вотъ постойте: тутъ въ сторонѣ, на берегу моря, неводокъ, кажется, есть; бѣднячокъ одинъ держитъ артель. Угодно-съ? можетъ, разживемся чѣмъ-нибудь?“ — „Вези, братецъ, вези! просто умираю съ голоду!“—Его привезли. „Здравствуйте, ребята!“ гаркнулъ первачъ на рабочихъ, выходя изъ коляски.— „Здравствуйте, пане!“—Давайте ѣсть, что у васъ имѣется?“—Что же у насъ будетъ, пане? мы люди бѣдные; хлѣбъ, соль да развѣ рыбки вамъ поймать?“—„Давай!“ И закинули неводъ. Ужъ тогда ли поймали, или было приготовлено заранѣе, только неводчики и устроили ему закуску: уху изъ самой первѣйшей рыбы, съ бездною молокъ и потроховъ; въ ноздри душистый паръ такъ и ударилъ; икры свѣжей навалили ему цѣлый боченокъ; а горячій хлѣбъ да голодный зубъ, главное, помнитъ. Наѣлся генералъ до отвалу; едва поворотится. Кинулъ неводчикамъ червонецъ, благодаритъ помощника: „ну, братъ, такого обѣда и цари не ѣдятъ!“ Отъѣхалъ поѣздъ въ степь, скрылось море и коса съ неводчиками. Помощникъ и говоритъ: — „а знаете, ваше сіятельство, у кого мы обѣдали?“—„Нѣтъ, не знаю.“ — „У бѣглыхъ!“—„Быть не можетъ!“—То-то-съ; переведете ихъ, такъ и рыбы такой тутъ некому будетъ поймать...“ Генералъ задумался и больше не козырился, сталъ, какъ и всѣ мы грѣшные.

А плантаторы между тѣмъ не дремали. Громадныя ватаги косарей и гребцовъ, человѣкъ въ триста и въ четыреста, расхаживали по быстро косимымъ степямъ. Сами велемочные господа кавалеры изъ-подъ Ростова, Бердянска, Маріуполя и Мелитополя, кто верхомъ, въ широкой бердянской или одесской, а иногда и прямо панамской шляпѣ, или пѣшкомъ, съ плеткой, усердно расхаживали среди артелей, пеклись съ утра до ночи на страшномъ солнцепекѣ и обращали свои лица въ подобіе желтаго земляного угля. Двигаясь медленными точками и бѣлѣя своими шляпами, они, какъ коршуны, стоявшіе въ небѣ надъ ними, зорко поглядывали по сторонамъ, подмѣчая залѣнившагося косаря... „Эй, хлопцы! эй, дивчата!“ покрикивали степные поморскіе плантаторы, съ бойкостью яростныхъ, настоящихъ янки, помахивая на куцыхъ клячъ плеткой и верхомъ ведя свои ватаги по пылающимъ въ зноѣ равнинамъ; а ну-те, постарайтесь! а ну те, разомъ, разомъ, разомъ! дружнѣе! Котелъ каши съ саломъ, два ведра водки лишнихъ на магарычи! А ну-те, ну-те, ну-те!“ И сотни обѣленныхъ бурьянами косъ дружно и мѣрно сверкаютъ; сотни грабель взвиваютъ и складываютъ въ копны душистый чай нашихъ степей, мягкое и нѣжное зеленое сѣно. Среди полянъ стоятъ косарскіе и гребовицкіе таборы. Косовица во всемъ ходу.

въ полномъ разгарѣ. У привала дымится изъ навознаго кирпича костерокъ. Громадная арба, съ полотняною крышею, въ видѣ гроба, безъ устали открывается и закрывается, подвозя на волахъ или верблюдахъ крупу, соль и рыбу отъ хозяевъ. Нѣсколько бочекъ едва успѣваютъ подвозить къ таборамъ изъ дальнихъ колодцевъ воду. Пышекаются въ хозяйскихъ хуторахъ, въ особенныхъ печахъ, и въ сутки съѣдаются по триста и по четыреста хлѣбовъ, на одномъ полѣ, у одного хозяина. Изъ Маріуполя и Таганрога подвозятся мѣшки и мѣшечки на тысячи и болѣе рублей серебромъ мелочи. Нанимаются артели въ десятки и сотни человѣкъ по-недѣльно. Расплата производится по субботамъ. Наморившіяся, загорѣлыя и запыленныя дѣвки и бабы сидятъ въ тѣни, гдѣ-нибудь подъ амбаромъ или подъ конюшнею, не распѣвая пѣсенъ и не шутя, въ ожиданіи разсчета. Косари безъ шапокъ стоятъ кучами по двору или у крыльца. А сами гостепріимные господа-плантаторы сидятъ у крылечка, передъ столикомъ, и разсчетъ ведутъ. Этой партіи триста цѣлковыхъ, этой сто-тридцать пять, той двѣсти. Кости на щетахъ звонко выщолкиваютъ красные куши. Перо тутъ же записываетъ сказочные, лѣтніе новороссійскіе расходы. Хозяева въ эти минуты не видятъ передъ собою ни живописныхъ типовъ украинскихъ косарей, ни хорошенькихъ подгорѣлыхъ на вѣтру и присмаженныхъ на солнцѣ. Они видятъ одно сѣно, копны, стоги, свои стада и барыши!... (Ч. I, стр. 54—62; изд. 1877).

Бѣглецы высшаго полета.

Была прелестная степная майская пора. По дикому и пустынному пути, между Днѣпромъ и Мелитополемъ, быстро скакалъ въ колясочкѣ, на четверкѣ добрыхъ лошадей, видный и веселый блондинъ, въ широкой соломенной шляпѣ, съ бородкою и въ свѣтломъ никейномъ сюртучкѣ. Его можно было принять за горожанина-аферіста или помѣщика. Онъ разсматривалъ виды по сторонамъ дороги. Фу, какая глушь! Нагайско-татарская степь шла вправо и влѣво, изрѣдка только волнуясь и склоняясь погорѣлыми отъ зноя травами, камышами и песчаными косами къ синему, ярко горѣвшему морю. Здѣсь, по приземистой травѣ, мелькали высокіе свѣтложелтые, синіе и красные цвѣты, сплошь заливая собою необозримыя поляны. Какъ бы вы ни смотрѣли, куда бы вы ни кинули напряженный взоръ — одни поля, голубые холмы у небосклона да мелкія, въ огненной лазури потопленныя облачка. Кое-гдѣ только темнѣютъ вдали, по сторонамъ, одинокія овчарни, откуда, завидя рѣдкаго путника, вдругъ кинутся стаей громадныя пастушьи собаки, темными черточками вытянутся по степи, и вотъ-вотъ, кажется, настигаютъ васъ. Но разстоянія такъ далеко, что онѣ скоро остановятся, и, свернувши свои косматые хвосты, возвращаются назадъ. Бѣлыми пятнами ходятъ безчисленныя дрохвы по дикимъ, плугомъ нетронутымъ пустырямъ. Коршуны высоко плаваютъ въ небѣ. Пестрые флегматическіе аисты сторонятся отъ дороги, чуть не задѣваемые колесами, да широко раздается во всѣ стороны вѣчный свистъ, стонъ и шорохъ степи.

— Самусь! это будто ѣдетъ кто намъ навстрѣчу? — спросилъ баринъ кучера. Сѣдой, какъ лунь, кучеръ наставилъ ладонь къ глазамъ.

— Богъ его знаетъ, что оно такое! не то колонистъ на телѣгѣ, не то коровъ гонятъ! Тутъ его никакъ не разберешь, что оно въ степи.

Скоро путникъ разглядѣлъ въ мерцающей дали извѣстный зеленый, на желѣзныхъ осяхъ фургонъ колонистовъ, и въ немъ ѣздока и возницу. Фургонъ остановился, путники что-то въ немъ поправляли.

— Что́, обломались?—спросилъ господинъ изъ коляски,—приблизясь къ фургону.

— Чека соскочила,—отвѣтилъ колонистъ;—съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Полковникъ гвардіи въ отставкѣ, Владиміръ Алексѣевичъ Панчуковскій. А вы кто, позвольте узнать?

Колонистъ снялъ шапку и отвѣтилъ, отчетливо выговаривая по-русски и улыбаясь:

— Колонистъ, Богданъ Богданычъ Шульцвейнъ изъ-подъ Орѣхова, изъ колоніи Граубинденъ, коли знаете; ѣду теперь изъ-за Ростова.

— Очень радъ познакомиться. Не курите ли? Вотъ вамъ сигара, Богданъ Богданычъ, чистѣйшая кабанасъ...

— Нѣтъ,—я вотъ сарептскій; я нюхаю-съ! Это табачокъ очень тоже ароматный. Мы его сами и сѣемъ въ колоніяхъ нашихъ-съ.

— Что поваго на морѣ? Что хлѣбъ?

— Съ пшеницей вяло, со льномъ крѣпко; сало идетъ вверхъ; фрахтовыхъ судовъ мало,—конторы жмутся.

— Ай!—это не совсѣмъ хорошо!

Сѣли путники на травкѣ, достали кое-какую закуску. Кучера тоже познакомились, закурили тютюнъ и повели бесѣду.

— Куда вы собственно ѣздили?—спросилъ небрежно Панчуковскій,—не смотря на простоватаго, засаленнаго собесѣдника и покручивая хорошенькіе русые усики. Онъ усталъ отъ дороги. У его товарища, между тѣмъ, хотя уже пожилаго человѣка, румяное полное лицо такъ и отливало густымъ молокомъ менонитской, нѣкогда питавшей его кровной коровы; фланелевая фуфайка была чистѣйшаго табачнаго цвѣта, синяя куртка вся въ пятнахъ, а синіе штаны были засунуты въ высокіе купеческіе сапоги, не безъ аромата дегтя.

— По дѣламъ-съ, г. полковникъ — извѣстное дѣло, мы минуты свободной не имѣемъ; либо дома мозолимъ руки, либо по степямъ оси тремъ на своихъ фургонахъ!

— Какія же у васъ дѣла?—спросилъ еще небрежнѣе полковникъ.—Все, я думаю, на счетъ картофеля? „Картофель ундъ пантофель“, какъ мы говаривали еще въ школѣ надзирателямъ изъ вашей братьи?

— Какъ какія?—всякія. Мы народъ торговый-съ.

— Значитъ, и овощами торгуете, и саломъ, и табакомъ?

— Торгуемъ всѣмъ! Всѣмъ, либеръ геръ, всѣмъ!

Колонистъ всталъ помочь кучеру перепречь лошадей. Полковникъ прилегъ на травкѣ, поглядывая съ улыбкою на уходившія пятки товарища, подкованныя мѣдными гвоздями, и помышляя: „Вотъ стадо барановъ! Я думаю, женился въ семнадцать лѣтъ, и жена его теперь тоже на овцу похожа—ѣстъ индѣекъ съ медомъ, чулки даже во снѣ вяжетъ!“

— Что же у васъ за дѣла, скажите?—опять спросилъ онъ колониста, подсмѣиваясь.

— Да что, батюшка,—на дняхъ купилъ я землю; вотъ что неподалеку отъ Николаева, близъ помѣстья герцога Ангальтъ-Кеттенъ; съѣздилъ потомъ на Донъ принанять степи для нагула овецъ, да не удалось,—надо подождать, когда снимутъ сѣно; а теперь ѣду купить, коли придется, съ торговъ, въ Николаевѣ наши бывшія батареи, то-есть разный хламъ съ севастопольскихъ батарей: дерево, обшивку, брусья, а пожалуй и чугунъ. Наше дѣло коммерческое: что попадетъ подъ руку, всѣмъ торгуемъ. Ничѣмъ не пренебрегаемъ и времени не упускаемъ. Вы знаете нашу пословицу: моргенъ, моргенъ, ундъ нихтъ гейте...

— Загенъ алле фауле лейте?—Какъ не знать! Но скажите, зачѣмъ вамъ еще степи за Дономъ? Гдѣ, позвольте, у васъ собственная-то земля? Извините, я не разслышалъ...

— Мейне эйгене эрде, моя собственная земля, есть и подъ Граубинденомъ, и въ другихъ округахъ, да мѣста стало уже намъ, колонистамъ, мало. Такъ-то-съ, не удивляйтесь! Наши кое-кто уже въ Крыму ищутъ земель, на Амуръ послали депутатовъ присмотрѣться на счетъ занятія земель подъ колоніи. Засуха,—ну и надо перегнать часть овцы на лѣто за Донъ.

— Сколько же у васъ овечекъ?—спросилъ Панчуковскій—пощипывая усики и смотря на это кроткое, румяное лицо, и зѣвнулъ.—Да не хотите ли масла, колбаски? Вотъ вамъ масло, вотъ хлѣбъ! Я совсѣмъ усталъ отъ дороги. Не хотите ли? вотъ ножикъ. Я тоже все хлопочу, строюсь...

— Благодарю!—отвѣтилъ кудрявый колонистъ, оправляя свои бѣлокурые, съ просѣдью уже, нѣмецкіе пейсы, выбивавшіеся изъ-подъ барашковой шапки, и принимаясь за масло:—у меня овцы довольно! О, очень довольно...

— Сколько же?

— У меня семьдесятъ-пять тысячъ головъ овцы въ разныхъ мѣстахъ-съ.—

Панчуковскій приподнялся на локтѣ.

— Что-о-о? Какъ-съ? Сколько? Я не разслышалъ! — сказалъ онъ и заикнулся, подобно незабвенному Манилову, нѣкогда пораженному сказочной профессіей Чичикова по покупкѣ мертвыхъ душъ.

— Семьдесятъ-пять-тысячъ головъ-съ мериносовъ!—отвѣтилъ опять смиренный собесѣдникъ и сталъ копаться въ котомкѣ, укладывая остатки провизіи.—Но, мейнъ либеръ геръ, какъ здѣсь ни хорошо, а скучновато; все въ Германію тянетъ... Мы здѣсь чужіе!

Духъ захватило у Панчуковскаго. Мигомъ въ головѣ его мелькнули соображенія: „Если семьдесятъ-пять тысячъ мериносовъ у него, то сколько же онъ долженъ получать дохода? На худой конецъ по цѣлковому съ головы, итого семьдесятъ-пять-тысячъ рублей серебромъ. Двѣсти-пятьдесятъ-тысячъ рублей ассигнаціями, четверть милліона въ годъ!“

И онъ окинулъ взглядомъ колониста съ головы до ногъ, какъ бы соображая, какъ такое засаленное существо могло владѣть такимъ богатствомъ, и прибавляя про себя: „а вѣдь все-таки, наживясь, уйдетъ въ Германію! сколько волка ни корми, улизнетъ въ лѣсъ...“

— Да вы не шутите?—сказалъ онъ и сѣлъ.

Колонистъ засмѣялся. Бѣлые зубы, напомнившіе корову, такъ и осклабились до полныхъ загорѣлыхъ ушей.

— Нѣтъ, не шучу.

Панчуковскій, летѣвшій изъ Петербурга въ степи за наживой, бросившій для барышей: модный свѣтъ, щегольскихъ товарищей, оперу, Невскій проспектъ, французскіе водевили и комфортъ всякаго рода,—невольно вздохнулъ, придвинулся къ собесѣднику, вертѣвшему въ грубыхъ рукахъ замасленную барашковую шапку, и сказалъ:

— Вы колонистъ и я колонистъ. Мы оба Колумбы и Кортесы своего рода, или скорѣе бродяги и бѣглецы изъ родныхъ мѣстъ за наживой. Мы колонизаторы дикаго и безлюднаго края. Намъ тѣсно стало на родинѣ, на сѣверѣ—ну, мы и бѣжали сюда. Вѣдь такъ?

Колонистъ аккуратно и громко высморкался.

— Э, что тутъ говорить! Какъ ни говори, а нѣмцы вамъ нужны. Вотъ мы первые здѣсь овцеводы. Земля тутъ прежде гуляла, а теперь не

гуляетъ. Наши колоніи садами стали, мы вамъ лѣса разводимъ, оживляемъ ваши пустыни...

— Сколько же у васъ земли?—допытывалъ полковникъ.

— Около тридцати тысячъ десятинъ собственной; а то еще арендую у сосѣднихъ нагайцевъ и у господъ дворянъ.—Фрицъ, достань мнѣ табачку въ табакерку! - крикнулъ онъ кучеру:—на дорогу свѣженькаго подсыпемъ. Такъ-то-съ!

Долговязый Фрицъ принесъ кожаный мѣшочекъ и сталъ сыпать табакъ въ табакерку хозяина.

Колонистъ, между тѣмъ, еще присѣлъ, опять намазалъ масла на хлѣбъ, присыпалъ зеленымъ сыромъ и сказалъ:

— А вы здѣшній? Зачѣмъ вы службу бросили? Вамъ уже скоро и генераломъ бы легко быть!

— Я тутъ тоже теперь кое-чѣмъ маклакую. Хуторъ устраиваю, землю купилъ, хлѣбопашество наймомъ веду. Вѣдь я тоже, повторяю вамъ, колонистъ, бродяга; бросилъ старый, скучный сѣверъ.

— Ну, такъ будемъ же знакомы. Мы одного поля ягода! Ваша правда-съ. Только станетъ ли у васъ столько-съ охоты и труда? У меня и свои корабли теперь тутъ есть. Два года уже какъ завелъ. Самъ на своихъ судахъ и шерсть съ овецъ своихъ прямо въ Бельгію отправляю.

— Ахъ, какъ все это любопытно! Позвольте: у васъ, значитъ, и свои конторы есть въ азовскихъ портахъ, въ Бердянскѣ, въ Маріуполѣ, въ Ростовѣ?

— О, нѣтъ! Это все я самъ!— говорилъ колонистъ, чавкая и добродушно жуя хлѣбъ съ масломъ.—Зачѣмъ намъ конторы? Я поѣду и отправлю хлѣбъ или шерсть; потомъ опять поѣду и приму заграничный грузъ. А то и моя жена поѣдетъ. О, у меня жена добрая!

— Какъ и она? ваша жена тоже коммерціей занимается?

— Да; вы не вѣрите? вотъ зимой изъ Николаева она мнѣ на санкахъ сама привезла сундукъ съ золотомъ; я хлѣбъ туда поставлялъ. Такъ вотъ—запрягла парочку, да съ кучеромъ, вотъ съ этимъ самымъ Фрицомъ, моимъ племянникомъ, и привезла. Зачѣмъ пересылать? Еще трата на почту...

Полковникъ посмотрѣлъ на Фрица: рыжій верзило тоже смѣялся во весь ротъ. А колонистъ, какъ на товаръ, приглядывался на щегольской нарядъ красавца-полковника, на его перстни, пикейный сюртучокъ, лаковые полусапожки, узорные чулки, бѣлую соломенную шляпу и первѣйшей моды вѣнскій фаэтончикъ. Два давнишнихъ противоположныхъ полюса русскихъ дѣловыхъ людей, эти два лица сильно занимали другъ друга.

— Вы отлично говорите по-русски,—сказалъ полковникъ:—давно ваша семья переселилась, или, такъ сказать, бѣжала изъ родной тѣсноты въ Россію? Извините, это меня сильно занимаетъ; повторяю вамъ снова, я тоже вашъ собратъ, переселенецъ, а по нашимъ русскимъ понятіямъ—бѣглецъ! Мы теперь тоже за умъ беремся, да ужъ не знаю, такъ ли? Что-то въ насъ много еще дворянскаго; можетъ отъ того, что мы бѣглые, по волѣ, съ паспортами...

— Мой дѣдъ, видите ли, переселился при графѣ Сперанскомъ, около сорока лѣтъ назадъ; мы пѣшкомъ пришли сюда, съ котомками; дѣдъ и отецъ мой несли старые саксонскіе сапоги свои за плечами, а отецъ мой, послѣ него, еще двадцать-пять лѣтъ былъ у нашего же земляка Фейна, простымъ пастухомъ. Я тоже въ юности-съ долго былъ при стадѣ вашего Абазы. Земля, правду сказать, тутъ обѣтованная, нетронутая еще; многихъ еще она ждетъ. Раздолье, а не жизнь тутъ всякому; лѣнивъ только русскій человѣкъ! Эхъ, гляньте, какая дичь, какіе пустыри: бурьянъ, вѣчная цѣ-

лина,—ни косы, ни плуга не знала! Люблю я эти мѣста: будто и бѣдныя, а троньте эту землю—кладъ-кладомъ.

Полковникъ спросилъ:

— Какой же секретъ въ томъ, что вы такъ скоро, такъ страшно разбогатѣли?

— Секретъ? никакого секрета! Даже трудно сказать, какъ. Какъ? просто трудились сами, и все тутъ.

„Сами трудились!“ подумалъ Панчуковскій. „Вретъ, шельма-нѣмецъ; должно быть, фальшивыя ассигнаціи въ землянкахъ дѣлали да ловко и спускали!“

Просидѣли еще немного новые знакомцы. Степь молчала, вечерѣло. Ни звука не было слышно. Однѣ лошади позвякивали сбруей, да несло тютюнищемъ отъ новыхъ друзей-кучеровъ.

— Я и не спросилъ васъ,—сказалъ на прощаньи Панчуковскій:—вы ѣздили за Донъ; были вы у насъ на Мертвыхъ-водахъ, за сороковою болгарскою колоніей? Какъ понравился вамъ нашъ околотокъ? Можно ли ждать чего хорошаго отъ этой мѣстности?

— На Мертвыхъ-водахъ? На Мертвыхъ... Постойте! Да! Точно, я тамъ недѣлю назадъ ночевалъ... у священника... Постойте, погодите...

— У отца Павладія?

— Такъ, такъ. у него именно! Что́ за славный, добрый старикъ! и какой начитанный! Нашего Шиллера знаетъ; еще такая у него красивая воспитанница. Самъ онъ ее грамотѣ учитъ, и она при мнѣ читала и писала. Какъ же можно,—хорошія мѣста!

... Новые знакомцы помочали.

— До свиданія, полковникъ!

— До свиданія, геръ Шульцвейнъ! Лошади двинулись.

— Не забудьте и насъ посѣтить: спросите хуторъ Новую-Диканьку на Мертвой.

— Съ удовольствіемъ. А гдѣ онъ тамъ?

Лошади колониста остановились. Полковникъ къ нему добѣжалъ рысцой и разсказалъ, какъ къ нему проѣхать.

— Есть у васъ дѣтки?—спросилъ полковникъ, ставъ на подножку и свѣсясь къ колонисту въ фургонъ.

— Есть двѣ дочери: одна замужемъ, а другая еще дитя.

— За кѣмъ же замужемъ ваша старшая дочь, геръ Шульцвейнъ?

Колонистъ покачалъ головой и прищурилъ голубые глаза:

— Вы не ожидаете, я думаю?

— А что?

— За пастухомъ-съ. Я выдалъ дочь мою мою за старшаго моего чабана, Гейнриха-Фердинанда Мюллера, и, либеръ геръ, нахожу что это—сущая пара. Отличный, добрый зять мнѣ и знаетъ свое дѣло; пастухъ и вмѣстѣ овечій лекарь. Живутъ припѣваючи...

Полковникъ похлопалъ его по рукѣ и по животу.

— А вашъ Гейнрихъ откуда?

— Онъ поддапный другаго Гейнриха, Гейнриха XXXIV, герцога крейцъ-плейцъ-фонъ-лобенштейнскаго: тѣсно имъ у герцога стало, онъ и переселился сюда.

— Не забудьте же хуторъ Новую-Диканьку, недалеко отъ большой дороги!—сказалъ полковникъ, смѣясь титулу 34-го Гейнриха крейцъ-плейцъ-фонъ-лобенштейнскаго и кланяясь вслѣдъ уѣзжавшему интересному фургону.

— Поклонитесь отцу Павладію отъ меня!—прибавилъ, въ свой чередъ, улыбаясь, колонистъ.

Пыль опять заклубилась по дорогѣ...

... Лошади бѣжали снова вскачь. Бубеньчики звенѣли. Картины по сторонамъ дороги мелькали. Вечерѣло.

А въ головѣ полковника-фермера, полковника-коммерсанта, строились планы горячихъ, дерзкихъ, небывалыхъ еще на Руси, въ средѣ его сословія, предпріятій. То водопроводы онъ мыслилъ въ какомъ-то городѣ затѣвать, то шумную аферу по закупкѣ всего запаса какого-то хлѣба въ одномъ изъ портовъ думалъ сдѣлать; то школу хотѣлъ гдѣ-то тайно открыть въ столицѣ и потомъ пустить о ней статью „отъ неизвѣстнаго“ въ газеты; то какому-то ученому заведенію мыслилъ разомъ купить и поднести въ даръ большое собраніе картинъ. Недавно, по сосѣдству, сманивали его на выборы. „Нѣтъ, не тѣ времена!“ глубокомысленно отвѣтилъ онъ, благодаря дворянъ: „теперь намъ пора подумать и о матеріальномъ счастьѣ на землѣ; оно, можетъ быть, еще выше духовнаго!“ Такъ онъ сталъ думать, прочтя что-то въ родѣ этого въ Токвилѣ. А теперь у него изъ головы еще не выходилъ невѣроятный колонистъ съ его полумилліонными доходами, собственными кораблями по Азовскому морю и съ такою же, вѣроятно, какъ онъ, румяною и бѣлокурою супругой, возящей по степямъ на парѣ сундуки съ золотомъ супруга. Задумался баринъ и о питомицѣ священника.... Панчуковскій поспѣшалъ въ свой хуторъ, Новую-Диканьку, гдѣ на другое утро, на неизмѣнный праздникъ дня своего рожденія, ожидалъ онъ гостей.

На другой день къ полковнику дѣйствительно съѣхалась куча гостей. Подъѣзжая къ его красивой усадьбѣ, всѣ пріятно изумлялись, глядя на выроставшія почти ежемѣсячно новыя каменныя и кирпичныя постройки.—„Вотъ ловкій господинъ!“ говорили они.—„А эта Новая-Диканька—сущая американская ферма!“ На склонѣ пологаго косогора стояла красивая усадьба. Двухъ-этажный, подъ красный кирпичъ, домикъ, во вкусѣ швейцарскихъ или скорѣе французскихъ деревенскихъ мызъ, глядѣлъ изъ-за высокихъ каменныхъ стѣнъ, съ крѣпкими дубовыми воротами. Часть обширнаго двора занята была молодымъ садомъ. Отличныя конюшни, огромные амбары для ссыпки хлѣба, сараи для овечьей шерсти и хозяйственныхъ машинъ, флигель для дворни,—все было кирпичное, нештукатуренное еще, какъ и домъ, и подъ желѣзными крышами. Кухня, на голландскій манеръ, съ израсцовыми стѣнами и асфальтовымъ поломъ, была возлѣ. Издалека и съ большимъ трудомъ привезенные тополи были посажены вокругъ дома, подросли и отлично скрадывали пустынную степную наружность остальной усадьбы. За домомъ въ полуверстѣ былъ токъ, съ хлѣбною клуней, а еще въ сторонѣ и ближе къ дому каменные сараи для овецъ и избы для батраковъ, то-есть разнаго бѣглаго люда. По двору, подъ стѣнами ограды, стояли разныя земледѣльческія орудія, еще новыя и свѣженькія, покрашенныя голубой или красной краской: плужки, бороны, сѣялки, конныя грабли, вѣялки и большая новость въ краѣ—жатвенныя машины. Въ клунѣ, очевидно, работала уже паровая молотилка, потому что небольшая желѣзная труба, какъ на фабрикахъ, торчала оттуда, изрѣдка вѣнчаясь облачкомъ сѣраго дыма. Паровой локомобиль иногда подвозился къ колодцу; къ нему приправлялась мельница, и обозы съ сосѣднихъ хуторовъ мигомъ скоплялись возлѣ за помоломъ. Близъ овчарни былъ устроенъ надъ оврагомъ кирпичный заводъ, также съ машиною для лѣпки кирпича. Ни рѣки, ни пруда не было вблизи усадьбы. Вода доставалась изъ глубокихъ колодцевъ. Не было и деревни. Тутъ все шло наймомъ. Черезъ два сосѣднихъ оврага, разъединявшихъ

поля, перекинуты были красивые чугунные мостики. У конторы на столбѣ былъ укрѣпленъ колоколъ для зова рабочихъ.

Экипажи загромождали дворъ. Въ отворенныя окна дома неслись громкіе разговоры. Всѣ двери были настежь. Слуги шныряли изъ кухни въ домъ и обратно. Гости, мужчины, сидѣли за утреннимъ кофе, въ обширномъ угольномъ кабинетѣ хозяина, на мягкихъ диванахъ, между кучами цвѣтовъ и шкафами съ книгами. Тутъ были и старики, и молодые, въ сюртукахъ и въ байковыхъ пальто, или въ простыхъ домашнихъ курткахъ. Иные сіяли нѣжнѣе майскаго утра, въ своихъ пикейныхъ сюртучкахъ и бѣломъ, какъ снѣгъ, бѣльѣ, и отъ нихъ пахло духами, только что прибывшими черезъ Таганрогъ изъ Марсели. Другіе, кажется, никогда не мыли рукъ, не чесали головы, не стригли копытообразныхъ ногтей, и отъ нихъ пахло овцами и коровьимъ навозомъ. Сидѣла тутъ, съ длиннѣйшею трубкой, и какая-то барыня, по фамиліи мадамъ Щелкова, изъ казачекъ, вѣчно кашляющая, съ горѣлымъ лицомъ, какъ у сгонщика или мелкаго разсыльнаго хлѣбной конторы, но, въ то же время, въ лентахъ и въ шелковомъ платьѣ. Она, очевидно, пріѣхала съ короткимъ визитомъ и попала въ мужскую компанію, въ кабинетъ, за дѣломъ, мяла платокъ въ рукахъ подобострастно и утирая слезы, заглядывая всѣмъ въ глаза, оправдываясь иногда, что трубку куритъ отъ какой-то болѣзни, и все какъ будто торопилась кончить какія-то печальныя дѣла и соображенія, подсаживалась, съ богатырскою трубкой, то къ одному, то къ другому кружку, слушала, со слезами на глазахъ, толки о близкой будто бы эмансипаціи и повторяла: „Ахъ, Боже мой! Ахъ, Господи! А я-то гребли не кончила, свай не набила; хлѣба сколько насѣяла... Кому убирать его, кому убирать! пойдемъ мы по свѣту!“ Читатель, разумѣется, можетъ знать, что эмансипація тогда еще не угрожала ни греблѣ, ни сваямъ, ни хлѣбу этой барыни. Остальной женскій полъ, очаровательныя новороссійскія дамочки, разодѣтыя азіятскими бабочками, во французскихъ кисеяхъ и шелкахъ, сидѣли въ гостиной и ходили по залѣ. Самъ хозяинъ-холостякъ, удостоенный визитомъ дамъ, былъ сильно въ духѣ. Ему всѣ льстили, всѣ ахали, разсматривая его домъ, картины, хозяйство, машины. Всѣ гуртомъ сходили на токъ, въ овчарни и въ рабочія избы.

Барыня Щелкова, подоткнувъ шелковое лионское платье (она тоже не отставала отъ моды), также сходила и въ овчарни, и на токъ, удивляясь полковнику и хваля его хозяйство. Каріе глаза полковника сіяли волей и счастьемъ; усики, загнутые кверху, были надушены. На всѣхъ онъ смотрѣлъ съ довольствомъ. Всѣ были веселы.

— Мы, господа, бѣглые, то есть, въ европейскомъ смыслѣ, колонисты; это я вчера Шульцвейну говорилъ. Вы слышали про него?

На эту тему сталъ ораторствовать Панчуковскій и говорилъ весь день. Подъ общій шумъ, разговоры свелись на хозяйство каждаго, и всѣ расхвастались. Тотъ превозносилъ своего чабана и свое стадо тонкорунныхъ мериносовъ. Другой прославлялъ себя за громадное увеличеніе запашки. Третій увѣрялъ, что скупитъ въ портахъ все бельгійское желѣзо и повезетъ его въ Полтаву и въ Харьковъ въ подрывъ сибирскому. Другіе говорили о машинахъ.—Нѣтъ! — говорилъ сосѣдній арендаторъ, нынѣ уже русскій помѣщикъ и душевладѣлецъ, а еще недавно эстляндскій булочникъ, Адамъ Адамычъ Шваберъ:—„всѣ эти машины — чепуха! Лопнетъ котелъ, искра вылетитъ на скирдъ, и пропалъ цѣлый токъ хлѣба. Гдѣ тутъ этимъ скотамъ еще ходить за паровыми котлами!“ Кто-то хвасталъ собственною ловкостью, какъ онъ товарища надулъ баранами. И товарищъ тутъ самъ сидѣлъ...“ „Какъ бы денегъ больше было,“—замѣтилъ кто-то:—„лучше всего

было бы! Не изъ-за скуки же здѣшней жизни бросили мы съ вами, господа, свои сѣверныя родныя мѣста!"

Уже подъ вечеръ къ Панчуковскому подсѣлъ юнопа—студентъ Одесскаго лицея, учитель дѣтей сосѣдняго купца и вмѣстѣ салотопеннаго заводчика, Шутовкина.

— Владиміръ Алексѣевичъ!

— Что вамъ угодно?

— Я слышалъ о вашей добротѣ... Дайте мнѣ триста цѣлковыхъ взаймы, пока до получки жалованья съ моего хозяина. Я вамъ возвращу съ благодарностью, черезъ мѣсяцъ.

— Зачѣмъ вамъ?

— До-зарѣзу нужно. Мы съ хозяиномъ ѣдемъ завтра послѣ обѣда въ городъ. Братъ его подбиваетъ на рискъ. Хочется не даромъ проѣхаться въ городъ, а проживя тамъ недѣлю, сдѣлать одну аферу. Тутъ всѣ аферируютъ. Говорятъ, ленъ падаетъ въ цѣнѣ, фрахтовыхъ судовъ мало, а дней черезъ пять-восемь, думаю, поднимется. Ну, я хочу сорвать барышъ. Тутъ вонъ дѣти даже ажіотируютъ; жидки-ребятишки намедни въ Мелитополѣ подвезенные мѣшки съ орѣхами на базарѣ скупили и перепродали съ барышомъ въ праздникъ... Неужели же намъ все съ книгами сидѣть! Право. Помогите! какъ бы хотѣлось не даромъ тутъ пробыть на вакаціяхъ.

Панчуковскаго въ это время кто-то позвалъ изъ другой комнаты.— Извините!—сказалъ онъ студенту и вышелъ.

Студентъ сидѣлъ, разсматривая картины по стѣнамъ, потомъ подошелъ къ роялю, открылъ его и сталъ играть. Страстные звуки шопеновской мазурки огласили домъ и дворъ, на мѣстѣ которыхъ еще пять-шесть лѣтъ назадъ гулялъ одинъ пустынный украинскій сирокко-суховѣй, да бурьяны громадные качались. Студентъ, малороссъ и музыкантъ въ душѣ, игралъ съ чувствомъ, слегка склонивъ къ клавишамъ Эрара свою бѣлокурую, красивую голову. Думалъ ли онъ о Шопенѣ, о какой нибудь красавицѣ или о затѣваемой аферѣ со льномъ, трудно было рѣшить. Въ этомъ новомъ и странномъ краѣ какъ-то все это мѣшалось вмѣстѣ.

Полковникъ воротился.

— Извольте,—сказалъ онъ опять студенту. — Я вамъ денегъ дамъ; но вы подождите, пока уѣдутъ другіе гости.

Студентъ всталъ, тряхнулъ волосами и, съ чувствомъ пожавши ему руку, сѣлъ опять играть. Его окружили дамы; онъ былъ ихъ любимецъ.

— А правда ли, что на бѣглыхъ облавы у насъ вездѣ скоро будутъ?— кто-то крикнулъ отъ карточнаго стола хозяину.

— На какихъ это на насъ?— спросилъ шутливо Панчуковскій.

— Нѣтъ, на безпаспортныхъ.

— Да, слышалъ я отъ Подкованцева, исправника: васъ и меня это въ особенности, Адамъ Адамычъ, касается! — сказалъ полковникъ арендатору Шваберу.—Тогда просто хоть лавочку закрывай. А я, признаюсь, мало вѣрю въ ожидаемое переселеніе народовъ съ сѣвера. И признаюсь, открыто передерживаю изрѣдка бѣглую Русь! Всѣ подличаютъ противъ своихъ ближнихъ исподтишка; отчего же мнѣ открыто иной разъ не купить становаго и не пользоваться бродягами?

Полковникъ тоже сѣлъ играть въ банкъ, высыпавъ кучу золота. Взоры всѣхъ просіяли. Поставлена первая карта; она дана. Банкъ занялъ все общество. Подошли и дамы. Онѣ также приняли участіе въ азартной

игрѣ направо и налѣво. Одна капитанша, урожденная гречанка, подбоченившись, стала, вынула изъ колоды карту, подумала и поставила на нее свои брилліантовыя серьги, а потомъ—золотую брошь. Мужъ стоялъ возлѣ и улыбался, ожидая, чѣмъ кончится счастье жены. Южныя сердца бились горячо.

Обѣдали поздно. Послѣ обѣда, передъ вечеромъ, всѣ вышли на дворъ. За воротами сошлись батраки и батрачки поздравить полковника. Явилась скрипка. Разносили угощенія. А полковникъ, растегнувшись и выказавъ свою шелковую канаусовую рубаху, пустился съ негритянками, какъ онъ выражался, трепака плясать. Дамы хохотали. Мужчины хвалили его за особое умѣнье быть популярнымъ. Потомъ всѣ пошли снова на верхъ и усѣлись на обширномъ балконѣ антресолей пить чай.

— Разскажите, ради Бога,—спросилъ меланхолическій студентъ, просившій денегъ у хозяина: — что за названіе этой рѣчки здѣсь „Мертвыя воды“, и какъ населялся этотъ околотокъ?

— Да,—отвѣтилъ хозяинъ:—исторія заселенія моей земли и вообще этихъ окрестностей любопытна. Мы читаемъ записки о колонизаціи Канады, Новой Зеландіи, Перу и Колумбіи; а допытывался ли кто-нибудь до недавнихъ событій заселенія нашихъ былыхъ запорожскихъ земель, нашего Азовскаго поморья или хоть бы одного здѣшняго уѣзда? Это—цѣлая поэма во вкусѣ Купера и Вашингтона Ирвинга; да-съ, не шутите съ нами!

— Видите ли вонъ тѣ холмы? Туда верстъ пятнадцать будетъ, да въ противную сторону отсюда, до того вонъ кургана, столько же почти. Ну-съ, эта вся земля, это нѣмецкое-съ почти великое герцогство, наша сказочная завоевательница Запорожья и Крыма, Екатерина, долго не думая, взяла да за какимъ-то завтракомъ и подарила одному бѣглому греческому митрополиту изъ Турціи, упавшему передъ нею съ челобитной на колѣни. Ему дана была эта земля въ подарокъ, съ тѣмъ чтобы онъ тутъ устроилъ странноприимный домъ и населилъ землю. Митрополитъ умеръ, ничего этого не сдѣлавъ. Кто-то изъ здѣшнихъ тогдашнихъ чиновныхъ провладѣлъ этою землею, безъ всякаго права, лѣтъ двадцать; потомъ ее опять взяли въ казну и велѣли продать съ торговъ. Покупщиковъ долго не являлось. Странствовала съ прошеніями объ этой землѣ нѣкоторое время въ Петербургъ полусумасшедшая старушка изъ переселенныхъ сюда по близости далматокъ, надоѣдала всѣмъ министрамъ, требуя отдачи этой земли, по завѣщанію Екатерины, ей — на устройство странноприимнаго дома. Ѣздила одна изъ степей въ Петербургъ въ одноколкѣ, на маленькой нѣгашкѣ, носившей имя Манички. Многіе министры, посмѣиваясь на безумныя искательства старушки, знали эту Маничку и на просьбы ея хозяйки: „коли не отдаете мнѣ земли, то дайте хоть сѣна моей лошади!“—отпускали съ своихъ сіятельныхъ конюшень ей сѣна. Я, еще служа въ гвардіи, видѣлъ и старушку, и ея конька, уже совершенно дряхлыхъ. Тогда земля эта была уже за другимъ, и старушка собиралась ѣхать въ Европу — просить заступничества другихъ Дворовъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ, говорю я, эти степи, гдѣ еще укрывались тогда по камышамъ и балкамъ дикія лошади, были проданы съ аукціона. Всѣ четырнадцать тысячъ десятинъ этой земли купилъ, черезъ повѣреннаго, одинъ польскій графъ, богачъ,—онъ въ нашей гвардіи служилъ, и я его зналъ,—сынъ виленскаго аристократа чахоточный и никуда невыѣзжавшій. За глаза куплена степь, снятъ планъ, составленъ проэктъ переселенія туда крестьянъ изъ одной сѣверной губерніи. Эти насильныя переселенія были тогда въ модѣ. Проектъ утвержденъ, и повѣренный сталъ вести дѣло переселенія. Выведены плугомъ черты громадной деревни, свезенъ матеріалъ, стали строиться превосходныя избы, на все отпускались

деньги щедрою рукою, а повѣренный былъ питерскій бюрократъ и все любилъ вести на щегольскую ногу. Выхлопоталъ онъ у епархіи и священника въ будущую деревню. Это и есть нашъ вселюбезнѣйшій отецъ Павладій...

— Такъ моя поэма не скучна, господа?

— О, нѣтъ, нѣтъ, кончайте, пожалуйста.

— Вотъ-съ,—продолжалъ хозяинъ:—какъ уже избы стали кончать, а строенія возводили все каменныя, отецъ Павладій, тогда еще юноша, пріѣхавшій съ молодой чернобровой супругой, и началъ говорить повѣренному: „Что вы дѣлаете? строите село на безводной степи; отведите его версты за двѣ влѣво, къ балкѣ; тамъ ключи въ оврагѣ бьютъ самородные, пруды можно устроить хорошіе“.—„Какъ можно,—говоритъ строитель:—село выведено на большую дорогу, и планы уже утверждены; мы выроемъ тутъ колодцы“. — „Ну, какъ знаете, — говорилъ попъ: — а я себѣ жилище буду строить у балки, да и церковь ужъ позвольте тамъ построить, я буду тамъ садъ возлѣ нея разводить“. Церковь разрѣшено строить у балки, въ видахъ обѣщанія даромъ устроить садъ, а люди, дескать, и за двѣ версты дойдутъ въ праздникъ. Церковь построена, построился и отецъ Павладій, кончена и деревня. Иначе не хотѣли переселять людей. Какъ можно! Надо, чтобъ все было готово. Нанялъ строитель землекоповъ, выкопалъ колодцы, расплатился и уѣхалъ съ докладомъ въ Петербургъ, что все готово; даже въ каждой хатѣ столъ стоитъ, образъ привѣшенъ, вся утварь припасена, и отъ замковъ на каждой двери ключъ въ конторѣ ждетъ хозяевъ. Тремстамъ семействамъ загаданъ выѣздъ изъ Россіи на новокупленную степь. Поѣхали переселенцы съ кибитками и скотомъ. Прибыли на мѣсто, разведены по хатамъ. Отецъ Павладій молебенъ отслужилъ, все освятилъ, и зажили переселенцы. Вспахали подъ озимь, посѣяли, а пока питались готовымъ запасомъ. Не нарадуется повѣренный, пишетъ письма въ Петербургъ. Только и ударила гнилая, безснѣжная зима. А еще до того всю осень народъ прохворалъ. Что за притча! Кто ни напьется изъ колодца, — и заболѣлъ. Да что долго говорить: до весны вымерла половина деревни; хватились переводить въ другое мѣсто, запретили пить воду изъ колодцевъ,— куда вамъ! Эпидемія хватила такая, что къ Петрову дню другаго года изъ трехсотъ-то семействъ, господа, осталась въ живыхъ одна кривая старуха.

Панчуковскій помолчалъ и опять сталъ говорить:

— Да, все погибло и вымерло; умерли дѣти, старики, отцы и матери, умеръ и повѣренный, умерла и жена отца Павладія. Некому было и могилъ копать! Какъ узнали объ этомъ въ Петербургѣ, ужасъ напалъ на владѣльца,—отказался вовсе отъ этой земли и до конца жизни тутъ уже не былъ. Скоро онъ самъ умеръ, и земля перешла къ его племянницѣ. Остался одинъ отецъ Павладій, съ церковью и молодымъ садомъ, у балки. Развелъ онъ, дѣйствительно, хорошенькій садъ, даже рощу, устроилъ прудъ. Сосѣдніе и дальніе колонисты, бывшіе еще безъ церквей, болгары, сербы и даже греки, стали его прихожанами; а тѣ-то опустѣлые дома бурлаки по камню растащили. И теперь тамъ отъ былой деревни только видны плугомъ обведенныя мѣста дворовъ и улицъ, да крестъ огромный на кладбищѣ стоитъ. Такъ легли переселенцы всѣ до едина. Умерла скоро и послѣдняя старуха. Ну-съ, часть этой земли, именно пять тысячъ десятинъ я сперва взялъ у новой владѣлицы въ аренду, а потомъ, какъ видите, купилъ, а другую арендуютъ по частямъ, какъ знаете, кто хочетъ. Чумаки-то (какъ была еще тамъ большая дорога, о которой все хлопоталъ строитель, и были еще не забросаны роковые колодцы), видя страшный крестъ, и прозвали прежде безъименную, протекающую тутъ по сосѣдству рѣчку, а

потомъ и всю здѣшнюю землю „Мертвыми водами“. Вотъ почему нашъ околотокъ такъ и зовется, хотя, какъ видите, онъ цвѣтетъ и красуется не хуже какого-нибудь Висконсина, Элебемы или Портъ-о-Пренса, населенныхъ колонистами заморскими.

.... Помолчали минутъ съ десять. Снизу летѣли плѣнительные звуки (студентъ игралъ на роялѣ).

— Такъ у отца Павладія, должно быть, преавантажный теперь уголокъ?—спросилъ, громко чихнувъ, Шваберъ.

Сумерки уже такъ сгустились, что всѣ на балконѣ сидѣли почти не видя другъ друга, будто на воздухѣ въ облакахъ.

— Да,—отвѣтилъ задумчиво Панчуковскій: — мѣсто тамъ прелестное, называется Святодуховъ-кутъ, на ключахъ; большой садъ, душистая густая роща, прудъ отличный; церковь вся въ кустахъ сирени, акацій и въ тополяхъ; весною просто рай. Я, однако, рѣдко, признаюсь, тамъ бываю....

— Отчего же?

Панчуковскій помолчалъ.

— Вы хотите знать, отчего?

— Да.

— Извольте: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся! Я аферистъ, и отецъ Павладій аферистъ; онъ хлопочетъ о наживѣ, и я: ну, мы и соперники—вотъ какъ двѣ торговки пшлыкомъ на базарѣ....

Слушатели разсмѣялись.

— Хороши соперники! Вы ворочаете чуть не сотнями тысячъ, а это бѣднякъ сельскій священникъ...

— Да! посмотрите, что это за священникъ!... человѣкъ онъ добрый и умный, корыстолюбивъ только, какъ латинскій попъ.

— Да будто уже нашимъ и денегъ не нужно.

— Это еще вопросъ...

.... Начались танцы. Послѣ ужина всѣ стали разъѣзжаться. Кучера дремали. Мѣсяца не было видно, но ясная звѣздная ночь дѣлала поѣздку безопасною. Уже многіе юноши уѣхали. Дамы оставили Новую-Диканьку, превознося хозяина за угощеніе. Уѣхали и старики. А на крыльцѣ у подъѣзда шла крупная словесная перепалка двухъ нѣмецкихъ соотчичей, арендатора, Адама Адамыча Швабера, и колониста, конскаго заводчика, Карла Иваныча Вебера. Оба нѣмца были послѣ ужина сильно выпивши и спорили по-руски о достоинствахъ своего родича, богача Шульцвейна. Веберъ говорилъ, что слава и гордость ихъ колоній, Богданъ Богданычъ Шульцвейнъ, скоро будетъ русскимъ графомъ и княземъ и всю губернію заберетъ въ руки; что ему и орденъ какой-то прислали, и что онъ въ своей колоніи затѣваетъ гимназію и газету. А Шваберъ кричалъ во все горло: „Врешь, врешь! Шульцвейнъ—шельма, и ты шельма! Такого осла хвалить. Онъ грубіянъ, и ты эзель! Врешь! А-а! Такъ ты хвалить? у него табачная голова и полный карманъ мошенничества: онъ севастопольскій воловій паркъ обокралъ! Ты, Карлъ, ты, Карлуша, можешь надувать русскихъ; а для насъ — слушай, братъ: вотъ тебѣ кулакъ, а вотъ и другой, — онъ овечья голова, шафскопфъ, и больше ничего! Молчать! Ну!

Зрители этого нѣтушьяго боя, наконецъ, розняли спорщиковъ, уложили каждаго порознь въ его зеленый, съ клеенчатымъ верхомъ, нѣмецкій фургонъ, и погнали кучеровъ. Но взъерошенные и красные, какъ послѣ бани, бюргеры Шваберъ и Веберъ, ѣдучи рядомъ за воротами, еще долго ругались изъ фургоновъ и гдѣ-то даже будто бы опять, на дорогѣ, выходили на траву, спорили и ругались и даже хватали другъ друга за виски. Такъ говорила молва.

Уѣхали всѣ; остались одни: хозяинъ и студентъ.

(Студентъ получаетъ въ долгъ деньги—триста рублей—подъ условіемъ исполненія одного дѣла, очень важнаго для Панчуковскаго). (Ч. I, стр. 21—43; изд. 1877).

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВѢСТИ: „НА ИНДІЮ".

Индійскій походъ 1717—1721 гг.

Въ концѣ февраля 1717 г. полуазіятскій, бѣдно-обстроенный и малонаселенный городъ Астрахань вдругъ оживился. По его улицамъ сновали пѣхотные солдаты, губернскіе и яицкіе казаки, разъѣзжали верхомъ офицеры, тащились съ клажей верблюды и воловьи возы.

Жители толковали о предстоящемъ походѣ отряда князя Бековича-Черкасскаго за Аму-Дарью, на Индію черезъ Хиву.

Въ небольшомъ домикѣ, гдѣ помѣщалась семья командира отрядныхъ полковъ, маіора Франкенберга, каждый вечеръ собирались офицеры... Былъ конецъ масляной.

Окна квартиры Фракенберга были весело освѣщены. Въ двухъ комнатахъ играли въ ломберъ. Въ третьей, за разложенною картой Каспійскихъ береговъ, шла бесѣда о предстоящемъ походѣ.

— А все-таки не понимаю,—сказалъ, съ нѣмецкимъ выговоромъ, хозяинъ, добродушный, съ просѣдью, давно обрусѣлый пѣхотный маіоръ Франкенбергъ: — откуда доказательства, что въ старину былъ торгъ въ этихъ мертвыхъ, сыпучихъ пескахъ? ни жилья, ни воды...

— Исторія, сударь,—отвѣтилъ недавній парижскій школяръ, Тувалковъ: — Иродотъ, Плиній, Страбонъ... ну, — Аристовулъ, да и Птоломей весьма ясно указываютъ на коммерсъ Европы съ Востокомъ въ тѣхъ мѣстахъ.

— Засыпалъ, батюшка, именами... не выговоришь! Ты лучше объясни, отчего тотъ коммерсъ нынче прекратился?

Молодежь переглянулась. Въ глазахъ нѣкоторыхъ читалось: „ну, что съ нимъ, старикомъ, разговаривать, когда видно, что не заглядывалъ въ прочтенныя нами книги"?...

— ...Вотъ видите ли, дяденька, — сказалъ Касаткинъ, именуя этою, всѣми принятою, задушевною кличкой общаго любимца отряда;—хивинцы пресѣкли издавна преградили воды Аму плотинами, и всѣ города и села въ той старой горловинѣ стали пусты.

— Но зачѣмъ же они преградили?

— Дабы истомить, дяденька, сжаждить вольныя, непокорныя племена своихъ сосѣдей. Вотъ Его Величество и повелѣлъ идти, разрыть тѣ плотины и направить рѣку Аму-Дарью вспять въ былое ложе... И скажу вамъ, досточтимый государь мой, — продолжалъ, оживляясь все болѣе и болѣе, Касаткинъ: — Его Величество — въ томъ засвидѣтельствуютъ и остальные товарищи—ни на день не спускаетъ мыслей съ оріента, съ восточныхъ рубежей отечества; посылая насъ сюда, Государь изволилъ выразиться, что Россіи нужны не новыя земли... ихъ доволѣ у насъ...

— Именно такъ прибавилъ Тувалковъ:—мы-де бѣдная, забытая другими страна; намъ нужны иныя завоеванія — говорилъ Царь,—у насъ недостатокъ въ деньгахъ, въ товарахъ и въ новыхъ торговыхъ путяхъ.

— Оттого и походъ, — подтвердилъ Лебедевъ: — по этому закрытому

пути въ древніе годы торговали финикійцы, генуэзцы, венеціяне. Царь Грозный заботился о возобновленіи его; Годунову англичане строили въ Нижнемъ для Каспія суда; царь Алексѣй спустилъ сюда корабль Орелъ.

— Тамъ, за Хивой, у воротъ Индіи,—продолжалъ Касаткинъ:—царство древняго Могола; тамъ лежитъ богатый золотомъ и всякими дивами городъ Иркень; и къ тому городу ведетъ эта самая, великая, какъ Миссисипи, сказочная рѣка Оксъ, или Аму, по коей въ древности къ нашимъ хвалынскимъ, т. е. каспійскимъ берегамъ, двигались караваны предивныхъ сокровищъ.

— И мы двинемся туда! — проговорилъ Юрловъ:—штыками, пулями возвратимъ рѣку Аму изъ Аральскаго въ Каспійское море, на-вѣки прославимъ нашъ отрядъ.

Марья Савишна (жена маіора) вздохнула.

„Да“, подумала она, глядя на мужа и на оживленныя лица офицеровъ: „какъ-то вамъ всѣмъ посчастливится въ этомъ дѣлѣ? какъ-то возвратитесь изъ дальняго тяжелаго пути“?

— А паче всего,— произнесъ Касаткинъ: — Государь, отпуская насъ, велѣлъ напомнить князю,—посылаетъ-де онъ его не завоевателемъ, а мирнымъ посломъ и купцомъ, хоть и дано ему въ охрану семь тысячъ войска. И приказалъ въ тѣхъ мѣстахъ князю думать не о лаврахъ Александра Македонскаго, а лишь о купеческихъ, для будущей торговли, барышахъ...

— Добавлю и я,—сказалъ, отирая лицо, Франкенбергъ:—и это я уже знаю изъ бумагъ,—государь повелѣлъ все дѣлать разумно, не торопиться, а главное—не входить въ газардъ, дабы дѣла не погубить и людей даромъ не терять. Знаете это?

— Ну, разумѣется,—заговорили молодые гости: — кто же будетъ поступать очертя голову? не такое предстоитъ дѣло,— азіятская, хитрая страна...

— Въ этой самой инструкціи,—продолжалъ Франкенбергъ:—Царемъ указано, пройдя старымъ русломъ Аму, склонить хивинскаго хана въ нашу дружбу, обнадеживъ наслѣдствомъ престола, а его подданныхъ всячески ласкать: мы-де пришли не дуванить, а вести торгъ. И если ханъ пожелаетъ защиты отъ своихъ, то дать ему въ охрану гвардію; а нечѣмъ будетъ ей платить жалованье, то на годъ отъ насъ довольствовать его и казной... Ну, что на это скажете?

— Умно,—произнесъ Тувалковъ:—дѣльно и умно.

— А вы же, государи мои, — сказалъ съ улыбкой хозяинъ: — думали штыками да пулями все то скорехонько добыть...

— Ну, разумѣется... вѣдь это, еслибы азіяты вдругъ заспорили..

— А надо, чтобъ не вышло спора, — заключилъ Франкенбергъ:—въ томъ-то опытность и мудрость... Князь, безъ сумнѣнія, все то устроитъ по приказу. Многоводная нужная намъ Аму польется съ ледяныхъ высотъ Памира въ Каспій. Только и вы, господа, помните, да получше, царскія слова: быть во всемъ на-сторожѣ; а паче... паче всего—не входить въ ненужный, вредный газардъ...

...Идутъ къ ужину.

...Сборнымъ мѣстомъ для войска былъ назначенъ, въ устьѣ Урала, укрѣпленный Гурьевъ-городокъ.

...Казачій отрядъ двинулся изъ Астрахани въ исходѣ великаго поста. Колесный обозъ съ войлочными кибитками шелъ сзади подъ прикрытіемъ крещеныхъ калмыковъ и мирныхъ юртовскихъ татаръ. На вьюкахъ верблю-

довъ отправили въ даръ великому индѣйскому Моголу на нѣсколько тысячъ рублей суконъ, бархату, шубъ, шелку и парчи. Хивинскому хану, кромѣ прочихъ даровъ, везли еще укрытую коврами, золоченую, съ стеклами, карету, а за нею вели верхового вороного и цугъ темносѣрыхъ упряжныхъ, вывезенныхъ изъ нѣметчины, жеребцовъ.

Весна въ 1717 году, на сѣверѣ Каспійскаго моря, наступила поздно. Казачій отрядъ до сборнаго мѣста шелъ около двухъ недѣль по снѣгу. Были еще и сильные морозы и не одна бурная, степная мятель...

...Подъ Гурьевымъ изможенному отряду дали дневку. Привалъ объявили до захода солнца. Половина обозныхъ верблюдовъ, съ частью лошадей, отбили на „тебеневку“ — пощипать въ сторонѣ, за приморскимъ бугромъ, открывшейся на солнцѣ, прошлогодней ожившей травы. Сильно всѣ обрадовались отдыху. Въ лагерѣ было такъ мирно и тихо, что товарищи Касаткина по кибиткѣ, состоявшіе въ драгунской сотнѣ два плѣнные шведа даже раздѣлись, какъ въ банѣ, чтобъ подъ ворохомъ полостей и шубъ лучше согрѣться, послѣ долгой стужи, и во всю сласть заснуть.

Они тихими, то радостными, то грустными голосами бесѣдовали съ Касаткинымъ о своей родинѣ, о памятной полтавской баталіи и о своемъ давнемъ плѣнѣ.

— И страшно было во время той битвы, подъ пушечной пальбой?— спросилъ Касаткинъ старшаго шведа.

— Страшно... говорили, что у васъ разстрѣлянъ весь порохъ, а ваши пушки все палили...

— Видѣли въ битвѣ царя?

— На бѣломъ конѣ... Я завидѣлъ; тутъ ударила пуля, я упалъ...

Шведъ не кончилъ. Въ лагерѣ раздалась тревога. Затрещали барабаны; загремѣли вѣстовыя трубы. Суета, бѣготня, крики начальства. Кое-гдѣ, въ потьмахъ, выпалило ружье.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, на-скоро одѣвшись и выскочивъ изъ кибитки, Касаткинъ:—откуда переполохъ?

— Не вѣдаемъ, батюшка,—отвѣчали казаки:—кто е зна...

Алексѣй схватилъ шпагу, сѣлъ на чью-то лошадь и бросился сквозь толпу. Вокругъ табора ставили завалъ изъ телѣгъ и вьюковъ. Безпорядочный, смутный говоръ кругомъ. Темень непроглядная. Ревутъ остальные, вьючимые верблюды. У разбираемой, старшинской кибитки тявкаетъ, трусливо заливаясь, полковая собаченка, Рябка. Сѣдлали лошадей—но куда? никто не знаетъ. Наконецъ прискакалъ казакъ изъ полка Басманова.

— Налетѣли—объявилъ онъ—каракалпаки и погнали отъ бугра съ тебенёвки всѣхъ верблюдовъ и лошадей.

— На конь, на конь!—кричатъ есаулы.

Гребенская сотня выѣхала изъ табора, за нею—Фрапкенбергъ съ драгунами, Касаткинъ поскакалъ съ послѣдними. Хищниковъ догнали, на разсвѣтѣ, у какого-то яра. Тѣ изъ-засады дали залпъ. Кое-кто изъ казаковъ повалился. „Въ сабли“—скомандовалъ Фрапкенбергъ и бросился первый. Хищники бѣжали, бросивъ добычу.

— „Плохое предзнаменованіе“,—мыслилъ Касаткинъ, возвращаясь къ табору: „у себя, почитай, дома—подъ самою крѣпостью .. Что же будетъ далѣе, тамъ въ этой пустынной, мертвой землѣ?“

Вновь поднялся отрядъ, вновь потянулся къ недальнему городу. Разсвѣло. Солнце грѣло по-лѣтнему. Степь синѣла и шумѣла тысячами ручьевъ. Дымились трубки, слышался казачій говоръ и смѣхъ. Въ передовой казачьей сотнѣ гремѣли бубны; дружные голоса, заливаясь, пѣли: „ленъ, ленъ молодой“. А товарищъ Алексѣя, младшій плѣнный шведъ, искусникъ въ живо-

писи, съ верблюда, на ходу, заносилъ карандашомъ на бумажку видѣнный ночной переполохъ. Чуя близость жилья, бодрѣе шагали верблюды, неся на мягкихъ горбахъ огромные, мѣрно-качающіеся вьюки. Инородцы, въ обозномъ прикрытіи, разодѣлись на радости, какъ на праздникъ, мелькая желтыми, алыми и всякихъ цвѣтовъ халатами. Они смѣялись и, тыкая вдаль нагайками, что-то весело галдѣли...

...На Ѳоминой недѣлѣ двинулось въ Гурьевъ на судахъ и остальное войско. Духовенство служило на площади, въ Астрахани, напутственный молебенъ. Кропили святою водою людей, суда, пушки и знамена. На красномъ шелковомъ знамени Бековича, съ изображеніемъ солнца, мѣсяца и орла, княгиней Маріей Борисовной (жена Бековича) были вышиты восточныя слова „Девлетъ-Гильдей-Мурза“—покоритель странъ—князь. *Проводы; трогательная сцена прощанія Бековича съ женою и дѣтьми.*

...Бековичъ, съ пѣхотой и пушками, высадился въ Гурьевѣ въ концѣ апрѣля. Встрѣтивъ его на берегу, комендантъ сообщилъ, что каракалпаки вторично, въ минувшую ночь, налетѣли съ ближняго Сырта и угнали съ пастбища, изъ-подъ самаго города, чуть не весь верблюжій табунъ.

— Какъ же это? а казаки, конвой?—спросилъ, нахмурясь Бековичъ.

— Загуляли старшины, а за ними стража... Утромъ погнались, да, видно, поздно...

— Охъ, бородачи, дорвались опять до кизлярки! И это въ началѣ... Часъ отъ часу не легче. Сюда начальство!

Черкасскій, съ узденями и драгунскою сотнею, бросился въ догонку. Хищниковъ настигли на пути къ Эмбѣ. Они, вогнавъ верблюдовъ въ камышъ, отстрѣливались изъ него отъ насѣвшихъ казаковъ. Провожавшій Бековича Касаткинъ увидѣлъ съ бугра ручей, заросшій, какъ лѣсомъ, камышомъ. Тамъ и здѣсь поднимались бѣлые дымки; просвистѣло нѣсколько пуль.

— А, собачьи шкуры! крикнулъ Бековичъ:—есть и мушкеты... Бери, Алексѣй Ильичъ, съ драгунами влѣво, я обойду вправо.

Дружный натискъ и нѣсколько залповъ въ окруженный съ трехъ сторонъ камышъ кончили дѣло. Табунъ былъ снова отбитъ. Драгуны, казаки и княжьи уздени окружили Бековича.

— Что? будете водку пить?—спросилъ князь, съ дрожью губъ, казацкихъ старшинъ.

Тѣ молча клапялись.

— Перваго пьянаго въ походѣ, кто-бъ ни былъ, изъ своихъ рукъ кончу.

Подвели на арканѣ вожака каракалпаковъ. Бековичъ холодно чуть взглянулъ на загорѣлое, страшно-худое и изуродованное осной лицо раненаго оборвыша и махнулъ узденямъ рукой. Тѣ его молча пристрѣлили.

Возвратясь въ Гурьевъ, князь назначилъ день къ выходу войска. Оно было окончательно въ сборѣ: четыре тысячи пѣхоты, двѣ тысячи конныхъ казаковъ, драгунскій, съ плѣнными шведами, эскадронъ и около тысячи смѣшаннаго запаса.

Всѣхъ пушекъ было привезено болѣе тридцати,—изъ нихъ около половины чугунныхъ. Ядра для нѣкоторыхъ изъ нихъ отливались изъ стараго чугуннаго лома въ Гурьевѣ.

Задержка отряда изъ-за нехватки требуемаго числа вьючныхъ верблюдовъ; ошибка въ заготовкѣ ядеръ. Ссоры, дрязги изъ-за всего этого.

...Но кое-какъ все уладилось: перелили ядра, добыли часть верблюдовъ, уменьшили и навьючили провіантъ. Изъ Казани подъѣхали и давно-ожидаемые два запасные лѣкаря, съ аптечками. Изъ Астрахани явился

маркитантъ персъ, съ палаткой винъ, табаку, пряностей и разныхъ лакомствъ. Былъ уже на исходѣ май. Все, наконецъ, стянулось, собралось, прибодрилось и было готово въ путь.

Одинъ Бековичъ медлилъ, о чемъ-то все думалъ и хмурился. Онъ поджидалъ деньщика съ письмомъ отъ жены,—соображалъ, что тому давно слѣдовало подъѣхать, и удивлялся его отсутствію.

Прощальный смотръ персвозочнымъ судамъ,—это наканунѣ, дня назначеннаго для похода. Прибытіе деньщика (Максима).

...Максимъ молча подалъ письмо Франкенбергу.

— А мнѣ? спросилъ изумленный князь.

Деньщикъ смущенно сталъ рыться въ сумкѣ. Франкенбергъ вскрылъ и на-скоро пробѣжалъ поданное ему письмо; оно было отъ его жены.

— „Страшное горе, небеса разверзлись для кары неповинныхъ“,—писала Марья Савишна: „приготовь, лапушка-другъ, князя,—перо отказывается писать. Буря разбила въ морѣ барку (*княгиня упросила мужа провожать его въ море и взяла съ собой трехъ малолѣтнихъ дѣтей*). Княгиня съ обѣими дочками, и всѣ до одного матросы, какъ и шкиперъ, утонули“.

Далѣе Франкенбергъ едва читалъ. Строки спутались, прыгали въ его глазахъ. „Дивнымъ чудомъ“,—продолжала въ письмѣ Марья Савишна: „уцѣлѣлъ одинъ младшій княжій сынокъ. Его полумертваго снесло и бросило на отмель, гдѣ утромъ его нашли рыбаки. Онъ и старшій сынъ князя, по милости Божьей, здравствуютъ у меня въ Астрахани. Злощастное знаменіе. Упаси васъ Господи и помилуй тамо, въ пустынѣ“.

Франкенбергъ передалъ письмо Касаткину.

Бековичъ, по ихъ молчанію и лицамъ, понялъ, что привезена вѣсть о чемъ-то не въ мѣру гибельномъ, роковомъ.

— Что пишутъ?—спросилъ онъ маіора.

— Ничего особеннаго .. ѣдемте...

— А мнѣ развѣ нѣтъ писемъ?—спросилъ князь, оглядываясь на лодку, гдѣ все еще копался въ сумкѣ деньщикъ.

— Успокойтесь,—сказалъ Франкенбергъ.

— Жена больна, дѣти? говорите...

Франкенбергъ намекнулъ на бурю, потомъ подробнѣе разсказалъ о баркѣ.

Но когда Касаткинъ, желая смягчить слова маіора, сказалъ коменданту: „великое горе, правда, да Господь сохранилъ сына,—оба сына живы!“—отчаянію князя не было предѣловъ. Онъ сталъ рвать на себѣ волосы, одежду и два раза пытался броситься съ катера въ воду.

Бековича на берегу сдали въ охрану братьямъ: „Девлетъ, Девлетъ!“—повторяли на родномъ языкѣ Сіюнчъ и Акмурза (*братья Бековича*): нашему племени не диво горе... не плачь, молися, будь твердъ.

Князь былъ неутѣшенъ. Сраженный вѣстью о гибели жены и обѣихъ дочерей, онъ заперся въ домѣ коменданта. Отказываясь отъ пищи и питья и сидя по-азіятски, между братьями, на коврѣ, онъ билъ себя въ грудь и, вспоминая далекое кавказское дѣтство, громко и жалобно выли непонятныя русскимъ татарскія молитвы.

Такъ прошло еще болѣе недѣли. Войско продолжало стоять подъ Гурьевымъ.

— Богъ далъ, Богъ взялъ!—сказалъ, наконецъ, князь: я далъ царю слово сослужить,—отслужу... Возьмемъ у Хивы, вернемъ въ Каспій Аму-Дарью... Будутъ помнить Бековича въ пустынѣ!..

Красное шелковое знамя, съ золотою вышивкой княгини Маріи Борисовны, развернулось надъ войскомъ.

Покоритель-князь сѣлъ на коня.

Отрядъ двинулся.

Отъ Каспія, въ Гурьевѣ, до озеръ Аму-Дарьи шли два мѣсяца...

...За нѣсколько переходовъ до Айбугира въ особенности натерпѣлись. Въ теченіе пяти дней не встрѣчали воды. Половину захудалыхъ, чуть живыхъ лошадей бросили. Опаршивѣлые, какъ кволыя индюшки, верблюды еле двигали ногами; съ жалобнымъ тихимъ ревомъ щипля на ходу занесенную пескомъ тощую полынь. Торсуки давно были пусты. Ужасъ распространился по отряду. Началось смертное томленіе безъ воды. За кружку вонючей, грязной болтушки изъ найденной лужи офицеры платили казакамъ по битому вѣнскому талеру. Головы мрачились, всѣ шли шатаясь, какъ безумные. Ночь не давала прохлады. Люди безъ команды, не разбивая кибитокъ и не развьючивая скота, въ мучительной истомѣ, падали на горячій песокъ. Лагерь походилъ на поле, покрытое тѣлами недавняго боя.

И вдругъ прогремѣлъ громъ... Дождь разбудилъ, освѣжилъ лагерь.

А на утро еще болѣе радости. Вожакъ, калмыкъ Манглай-Кашка, спустился съ холма, взялъ влѣво, еще лѣвѣе и сталъ звать. Всѣ бросились туда. Въ лощинѣ, между бархановъ, оказался глубокій, съ каменною древнею кладкой, неистощимый колодезь. Вкругъ колодца зеленѣли травы, шумѣлъ зеленый и высокій, какъ лѣсъ, камышъ.

— Хива, Хива! — повторялъ Манглай, — указывая вправо на барханы...

... Ликованію отряда не было предѣловъ. Солдаты и казаки, дорвавшись до вольной воды, купались, мыли и сушили рубахи. Развязались ранцы, изъ нихъ добылись шильце-мыльце, всякая веревочка и ремешокъ. „Соколики, соколы“—раздавалась пѣсня въ гребенской сотнѣ...

... Касаткинъ передалъ Бековичу совѣтъ Франкенберга и другихъ старшихъ офицеровъ—занять сторожевою цѣпью доступъ къ колодцу для охраны людей отъ опоя и простуды.

— Обопьются, переболѣютъ,—сказалъ онъ.

— Пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ,—отвѣтилъ Бековичъ.

— Ну, нашъ князь!—разсуждалъ, ставя охрану, Касаткинъ:—да что же это будетъ съ нимъ? дѣло къ концу, а на немъ лица нѣтъ...

— Ой, братцы, пустите,—кричалъ, пробиваясь сквозь цѣпь, отсталый, почти нагой, съ израненными ногами, казакъ:—сопрѣлъ, душенька ноетъ...

— Пол-ведерка ему: напиться и умыться,—командовали офицеры.

— Еще, еще,—молилъ казакъ.

Лошади, раздувъ красныя, изсохшія, жаркія ноздри, съ бѣшенымъ ржаніемъ рвались съ поводовъ къ наставленнымъ студенымъ бадьямъ...

... Радость и горе, свѣтлое и мрачное, казалось, не трогали князя. Туча черной, неотходной тоски коршуномъ обвила его голову и ни на часъ не покидала его съ начала пути. Гибель жены и дѣтей не выходила изъ его мыслей, не давала ему покоя. Онъ несъ тяготы похода, какъ всѣ, спалъ, какъ солдатъ, на голой землѣ,—а въ глазахъ были ужасъ и смерть.

Чтобъ развеселить князя, въ день открытія прибрежій Айбугира офицеры пригласили его къ палаткѣ маркитанта. Здѣсь роспили нѣсколько уцѣлѣвшихъ бутылокъ вина и стали бесѣдовать. Былъ позванъ ликующій вожакъ Манглай.

Хитрый калмыкъ сталъ разсказывать о близкой Хивѣ: какія тамъ высокія каменныя стѣны, бойницы, мечети и далеко, за много верстъ видная, круглая башня съ желтыми, красными и голубыми, играющими на солнцѣ, изразцами. „Куда ни глянешь, вездѣ зелень, вода, стоги сѣна“, расписывалъ Манглай: „въ садахъ бѣлая тутовая ягода, румяные яблоки; на базарахъ

горячія лепешки, баранина, медъ, а глиняные дома узбековъ—подъ старыми, тѣнистыми, прохладными вязами"...

Офицеры слушали, глотая слюни.

Пѣшему Манглаю и двумъ его товарищамъ калмыкамъ, въ награду ихъ усердія и въ виду близкаго конца похода, Бековичъ подарилъ коней. Но едва отрядъ, съ надеждой утромъ двинуться далѣе, заснулъ, Манглай и его товарищи сѣли въ потьмахъ на дареныхъ коней—и ускакали въ степь.

— Дѣло не ладное!—заговорили старики:—струсили хана и затѣяли измѣну.

— Богъ вынесетъ, — утѣшалась молодежь: — куда нехристямъ справиться съ нами.

Въ вожаки похода сталъ давно просившійся на это дѣло, гилянскій туркменъ, Ходжа-Нефесъ...

... При подъемѣ на одинъ изъ холмовъ, надъ передовымъ отрядомъ поднялся орелъ.

„Не далеко жилье, живымъ запахло! заговорили въ войскѣ...

... Межъ бугровъ поймали оборваннаго коннаго хивинца, съ лукомъ и стрѣлами за спиной. Онъ, очевидно, слѣдилъ за отрядомъ. Его связали, узнавъ, что невдали заливъ Аральскаго моря, Айбугиръ.

Собрали совѣтъ. Бековичъ отрядилъ къ Хивинскому хану Ширгазы посла съ сотней казаковъ, предварительными дарами и письмомъ: что онъ идетъ съ миромъ, для царскаго торговаго дѣла и прочихъ дружескихъ нуждъ. Припасы истощились.

У рѣки Аккулъ князя встрѣтили отвѣтные посланцы, съ дарами хана: конемъ, кафтаномъ и свѣжими хивинскими овощами.

Война песку и травъ, безводья и воды кончилась. Равнины весело зеленѣли. Терновникъ смѣнился кленомъ, букомъ, вязами.

Бековичъ разбилъ таборъ у озера Карагачъ.

Надъ широкимъ воднымъ плесомъ летали рыболовы, носились пчелоѣды, кулички. Воздухъ сталъ мягче, дышалъ пахучею, прохладною сыростью.

А тамъ, за озеромъ, въ желтыхъ, чуть покатыхъ берегахъ, какъ бирюза въ золотой оправѣ, сверкали прегражденные плотинами разливы и плавни голубой Аму-Дарьи...

— Слѣдовало бы удвоить караулы,—сказалъ Франкенбергъ Бековичу:—глядите....

Князь взялъ подзорную трубу. Въ сѣрой, мглистой дали, на холмахъ, справа и слѣва виднѣлись страннаго вида люди, точно ястребы, слѣдя издали за отрядомъ.

— Пастухи,—отвѣтилъ Бековичъ:—а впрочемъ, не мѣшаетъ.

Былъ Успеньевъ день. Гребенскіе казаки утромъ пришли къ своему полковнику.

— Что вамъ?—спросилъ послѣдній.

— Рыбки, батюшка, позволь въ озерѣ половить... голодно...

— Ну, куда, черти?—сталъ отговаривать полковникъ:—до Хивы всего три-четыре перехода, налопаетесь вдоволь.

— Добрались, батька,—отвѣчали казаки:—вода немѣренная... а какъ нонѣ два мѣсяца, выходитъ, порядкомъ не мывшись... ну, обувишка..: бѣльишко...

Полковникъ отпустилъ казаковъ съ сѣтями.

Въ обѣдъ у Бековича шло обсужденіе съ офицерами, идти ли безъ остановки далѣе къ городу Хивѣ, или здѣсь, у Карагача, возвести по указу царя фортецію и начать переговоры съ Ханомъ о пропускѣ пословъ и каравана въ Индію и о срытіи ближайшихъ къ озеру плотинъ Аму-Дарьи.

Совѣтъ длился до вечера. Онъ былъ прерванъ вѣстовымъ отъ гребенской сотни.

— Горе, батюшка-князь,—сказалъ вѣстовой.

— Что случилось?

— Мы это, значитъ, рыбки... тридцать человѣкъ пошли на озеро,—а *онъ* какъ вдаритъ, изъ камышей-то... страсть!

— Кто онъ?

— Богъ е зна... галдятъ, должно—хивинцы... видимо-невидимо...

— Ну?

— Однихъ побили изъ мушкетовъ, другихъ побрали въ полонъ...

— Много погибло васъ?

— Троечка только и осталось...

— Вотъ-те и миръ, и обмѣнъ даровъ!—сказалъ маіоръ Пальчиковъ:—не я ли говорилъ?

Всѣ были смущены, напали на казацкаго полковника, тотъ пошелъ къ своимъ—разбирать дѣло.

— Господа артиллеристы!—обратился Бековичъ къ Юрлову, Касаткину и другимъ офицерамъ:—выгружайте заступы, лопаты; разбивайте линію—надо рыть окопы,—ставить баттареи...

На ночь огородились арбами, вьюками. Лошадей и верблюдовъ съ пастбища, по совѣту вожака-туркмена, согнали внутрь.

Всю ночь шла земляная работа. Къ утру былъ вырытъ первый со стороны степи ровъ.

Къ вечеру слѣдующаго дня таборъ съ трехъ сторонъ былъ обведенъ рвами и насыпями. Съ четвертой онъ упирался въ озеро. Бѣлыя рубахи копошились, сновали, какъ муравьи...

— Что, землячокъ, какая *ему* за то будетъ управа?—спросилъ драгуна казакъ изъ молодыхъ, выкидывая изъ канавы красноватую глину на насыпь.

— Эхъ, погляжу я на тебя,—презрительно отвѣтилъ, окапывая уголъ бойницы, драгунъ:—не вышелъ ты.

— Чѣмъ не вышелъ?

— Да ихній-то ханъ что? ну, свиное ухо .. не приметъ нашей вѣры,—пропалъ... будетъ ему!...

... Начинается! скоро будетъ настоящее дѣло...“ думалъ Касаткинъ, ладя съ Юрловымъ передовую баттарею и ощущая невольную, радостную дрожь, при мысли о близкомъ, давно жданномъ концѣ похода.

Подошелъ, отирая лицо, весь потный, усталый Тувалковъ.

— Что, други,—сказалъ онъ:—скоро у васъ будетъ готово?

— Ну, это, братъ, не школьный парадъ, не Парижъ и не Амстердамъ,—отвѣтилъ, почесываясь, Юрловъ:—какъ видишь, насыпь кончаемъ, а надо еще плести заслоны, тащить пушки. А у тебя?

— Моя баттарея крайняя къ озеру,—произнесъ, уходя, Тувалковъ:—у меня что! лоза и камышъ подъ рукой, заслоны сплетены, орудія уставлены, а кстати... и выкупаться можно.

Солнце начало садиться. Всѣ глядѣли на небо. Багровый, тусклый шаръ солнца, въ сухомъ туманѣ, казался тройнымъ кольцомъ. Люди крестились.

Вдругъ на краю лагеря раздались крики. На холмѣ у озера показалась пыль, бѣлѣли дымки выстрѣловъ. Надъ свѣжею насыпью просвистѣло нѣсколько пуль.

Офицеры побѣжали въ ту часть лагеря. Тамъ, у кибитки Тувалкова, смущенно стояли солдаты, и, на ходу снимая съ себя кафтанъ, туда ковылялъ старичокъ, отрядный медикусъ.

— Что здѣсь? что случилось?—спросилъ, проталкиваясь межъ солдатъ, Касаткинъ.

На войлокѣ въ кибиткѣ лежалъ его спутникъ по походу, плѣнный живописецъ-шведъ. Плѣнникъ не вытерпѣлъ, выскочилъ съ охотниками за ровъ, когда хивинцы стали снова стрѣлять отъ озера, и выпалилъ изъ мушкета. Его привели обратно блѣднаго, съ раздробленнымъ плечомъ. Докторъ, самъ бывшій вторую недѣлю въ лихорадкѣ и едва таскавшій ноги, принялся дрожащими руками раздѣвать и осматривать раненаго.

— Это, какъ жарнётъ онъ разъ въ разъ!—вполголоса толковали у входа въ кибитку, съ озадаченными, вытянутыми лицами, солдаты:—ружьища у нихъ—вѝ, пули—вѝ...

— Испужался, братцы, и я, какъ несли его, страсть! — прибавилъ, оглядываясь куда-то въ уголъ кибитки, высокій есаулъ:—думалъ—раненъ, а онъ...

... На знакомой Алексѣю, чистенькой, купленной въ Астрахани, кошмѣ, головой на подушкѣ сѣдла, лежалъ плотный, и въ походѣ мало похудѣвшій, Тувалковъ. Его миловидное, женоподобное и нѣжное лицо, сильно загорѣлое и обросшее бородой, было спокойно. Незакрытые, близорукіе глаза странно смотрѣли, изъ глубины кибитки мимо всѣхъ, въ распахнутую войлочную дверь. Руки безсильно были брошены по бокамъ лежавшаго.

— Что онъ?—тихо спросилъ голосъ Юрлова за спиной Касаткина.

— Убитъ наповалъ,—отвѣтилъ кто-то.

„Да“—подумалъ Касаткинъ, чувствуя, какъ защемило его сердце: „видно, и впрямъ предстоитъ не одинъ тріумфъ и несущій всякую шумную славу променадъ“...

Ханъ Ширгазы долго колебался, не будучи въ силахъ объяснить истинной цѣли похода Бековича.

Вожакъ, калмыкъ Манглай, и ушедшіе съ нимъ товарищи, обогнавъ русскихъ, по-своему объяснили загадку хана. Съ ихъ прибытіемъ, все поднялось на ноги въ Хивѣ.

— Близится войско, значитъ—идутъ не съ посольствомъ, а войной,—толковали узбеки и муллы:—а что шлютъ дары и письма, то одна хитрость невѣрныхъ и обманъ...

Зашумѣли улусы и базары. Полетѣли во всѣ стороны гонцы.

Ширгазы собралъ, по однимъ—тридцать, по другимъ—до пятидесяти тысячъ коннаго и пѣшаго войска и встрѣтилъ Бековича у крайняго „бента“—плотины Аму-Дарьи, близъ озера Карагачъ.

... Первое, нежданное нападеніе хивинцевъ на отрядъ Бековича, въ лагерѣ у Карагача, сочли за случайную попытку отдѣльныхъ, бродячихъ степныхъ сорванцовъ.

— Не можетъ быть, чтобъ это было съ вѣдома хана,—утѣшали себя офицеры:—онъ высылалъ посольство, принялъ дары.

— Ёнъ что, ему воля!—толковали о хивинцахъ солдаты:—всѐ ему подъ рукой,—и хлѣбушка, и всякій харчъ, а ты сиди за насыпомъ, хоть бы тебѣ баранинки... хлѣбушка, соли!.. на однихъ сухаряхъ...

Убитаго Тувалкова схоронили. На похоронахъ играла музыка и стрѣляли изъ ружей...

Земляные окопы вкругъ лагеря къ утру на-половину были готовы. Хивинцы не дали кончить начатыхъ работъ. Они снова и съ удвоенной силой напали въ полдень, ударили отбой, и опять, съ воемъ и криками, повторили рядъ приступовъ.

Первые натиски были особенно отчаянные. Пушки, еще не прилаженныя и заслоненныя насыпями, не могли стрѣлять. Зато пѣхотинцы стойко

отбили всѣ приступы. Казаки стали проситься у Бековича на вылазку, въ погоню. Князь ихъ не пустилъ.

— Куда нашимъ голоднымъ, захудалымъ конямъ мѣряться съ ихъ скакунами! — сказалъ онъ казацкимъ полковникамъ:—давайте, возведемъ фортецію, лошади отдохнутъ, — будетъ всѣмъ намъ дѣло... Да берегите харчи — на исходѣ...

Приступы возобновились на другой день и безъ перерыва длились до вечера.

— Господа морскіе поручики,—сказалъ Бековичъ, обходя работы: — скоро ли кончите баттареи? у хивинцевъ ружья—самопалы; пушекъ, какъ видите, нѣтъ... Пора дать имъ, какъ слѣдуетъ, урокъ...

— Еще часъ-другой,—отвѣтилъ изъ окопа Юрловъ:—скоро встащимъ и пушки...

— А ваши?—спросилъ князь прочихъ офицеровъ.

— Моя готова, — отозвался Касаткинъ: — вотъ бы еще веревокъ... рвутся... да зарядовъ бы скорѣй...

... Усталые, потные, въ изорванныхъ рубахахъ, солдаты докидывали на баттареяхъ Лебедева и Касаткина послѣднія лопаты земли. Драгуны на веревкахъ и обозной упряжи встаскивали чугунныя и мѣдныя орудія.

Бековичъ взошелъ на баттарею Касаткина, бывшую въ правомъ, переднемъ углу. Онъ присѣлъ на насыпь. Кто-то сказалъ: „смотрите“. Вдали на холмахъ опять клубилась пыль, что-то въ сумеркахъ двигалось.

— Молодцы!—сказалъ князь солдатамъ:—старайтесь, отпишу царю.

Онъ взглянулъ въ подзорную трубу, протеръ глаза и подалъ ее Алексѣю.

Съ баттареи ясно была видна плоская у озера равнина, упиравшаяся въ стемнѣвшіе холмы. Изъ разсѣлины межъ холмовъ неслась прямо на окопы густая лавина хивинцевъ. Другой хивинскій отрядъ выскакивалъ изъ-за возвышенности справа, стремясь охватить укрѣпленіе съ боку и съ тыла.

Впереди перваго строя, какъ ясно разглядѣлъ Бековичъ, на высокомъ, чернопѣгомъ аргамакѣ, въ кругу узденей, скакалъ въ желтомъ кафтанѣ, съ заломленной на затылокъ бѣлой папахой, огромнаго роста всадникъ.

„Самъ Ширгазы“, подумалъ съ дрожью Бековичъ, объявивъ офицерамъ, чтобъ выждали скакавшихъ на выстрѣлъ.

Пушкари стали на баттареяхъ къ орудіямъ. Князь обернулся къ Касаткину, хотѣлъ ему что-то сказать.

Въ это мгновеніе по небу, надъ укрѣпленіемъ, показалась стая спугнутыхъ хивинцами журавлей.

Бековичу припомнилось прощаніе на морѣ, уплывшая барка.

— Въ середину!.. видишь?—крикнулъ онъ Касаткину:—въ желтаго.

Алексѣй уже нацѣлилъ пушку... Выстрѣлы грянули. Загудѣли ядра. Картечь засвистѣла по рядамъ налетавшихъ подъ самую насыпь. Переполохъ хивинцевъ былъ неописанный. Передній и боковой ихъ отряды остановились, смѣшались и, тѣсня, опрокидывая другъ друга и подхватывая убитыхъ и раненыхъ, бросились въ-разсыпную. Мушкеты пѣхотинцевъ затрещали по ближайшимъ, сбившимся рядамъ. Груды тѣлъ безобразными кучами укрыли поле.

„Что же это? ужли успѣхъ?“ — съ забившимся сердцемъ подумалъ Касаткинъ.

— Ура!—раздалось за насыпью. Гребенскіе казаки, вопреки приказу князя, не вытерпѣвъ, выскакивали изъ окоповъ въ догонку за разбитыми и въ безпорядкѣ убѣгающими толпами хивинцевъ.

— Побѣда, побѣда!—перекликались офицеры: — а? каковъ отпоръ? виватъ!

Бековичъ не спускалъ подзорной трубы съ холмовъ, куда бѣжали отступавшіе. Глядѣлъ туда въ поданную трубу и Касаткинъ.

Огромный, на пѣгомъ конѣ, желтый всадникъ, какъ ясно еще виднѣлось въ той сторонѣ, былъ невредимъ. Онъ спокойно, медленнымъ шагомъ въѣзжалъ на чуть бѣлѣвшій въ сумеркахъ барханъ, вправо и влѣво разводя руками, очевидно отдавая новыя приказанія.

— А все-таки онъ, извергъ, сломленъ, побѣжденъ!—сказалъ Бековичъ офицерамъ,—указывая на кучи хивинскихъ тѣлъ, валявшихся по стемнѣвшей равнинѣ.

Ширгазы также ясно и безповоротно понялъ, что онъ разбитъ на-голову...

... Разбитый, истомленный неудачнымъ трехдневнымъ боемъ, ханъ созвалъ ночью совѣтъ...

... Совѣтъ длился за полночь. Всѣ громко спорили, старались и не могли рѣшить главнаго, роковаго вопроса: зачѣмъ именно пришелъ въ ихъ землю Девлей-Гильдей-Бековичъ съ русскими, и какъ ихъ заставить уйти назадъ?

Передъ утромъ въ ставку къ хану позвали изъ обоза дряхлаго ханскаго казначея, бухарца Досимъ-бая, разумника и смѣлаго на слова...

— Спасай, совѣтуй, какъ побѣдить невѣрныхъ?—сказалъ казначею ханъ:—главные измѣнники—вожди ушли отъ насъ, съ войскомъ; собираются и другіе трусы... да не ругайся... знаю тебя...

— Зачѣмъ ругаться, ты нашъ господинъ,—отвѣтилъ, садясь и ворча, бухарецъ:—только русскихъ ты не побѣдишь...

— Почему?

— Слушай... Я былъ слугой твоему отцу и дядѣ, и тебѣ, молодому, помогъ стать ханомъ... Видишь, откуда пришли невѣрные!... ничего не испугались...

— Лучше бы ты, собака, и не являлся съ такими псиными рѣчами,— не стерпѣвъ, раздражительно сказалъ и гнѣвно плюнулъ ханъ.

— Погоди, господинъ, лаяться, дослушай. Глупые русскіе, какъ всѣ великодушные и гордые, довѣрчивы... понялъ?... ну, начни съ ними переговоры...

— Какъ! чтобы я первый просилъ мира? унизился? вскрикнулъ ханъ и, бросивъ взглядъ на стражу, схватился за саблю.

Зеленый оруженосецъ подвинулся къ казначею. Тотъ, будто не видя угрозы, еще болѣе закрылъ сонныя вѣки, перебирая чотки и чуть шевеля отвислыми губами.

— Погоди, дуракъ, не пыли,—проговорилъ казначей, помолчавъ:— ходила молода по воду, не побереглась на пути,—ни воды, ни чести... А слушай старика... Старикъ говоритъ: начни переговоры, охуждай, бракуй пословъ,—не умны они, не понятны!—и замани къ себѣ въ таборъ князя...

Бухарецъ опять помолчалъ.

— Вождь въ рукахъ,—все войско въ рукахъ,—заключилъ онъ:—что, теперь понялъ?... Ну, все сказано...

— „А, вѣдь, старый чортъ—правъ!“ подумали въ одно слово ханъ и его совѣтники.

— Конецъ, други, конецъ! мы у воротъ Хивы! — радостно говорили офицеры, собравшись у ставки маркитанта-перса, гдѣ какимъ-то чудомъ явились опять припасы: кирпичный чай, разные плоды, напитки и табакъ.

— Ишь, бритый пёсъ,—говорили о ловкомъ торговцѣ солдаты:—не

даромъ галдѣлъ по-своему съ плѣнными,—тутъ кровь лилась, а онъ добылъ всего...

Штабъ раздѣлился на двѣ части.

Во главѣ боеваго офицерства стояли начальники двухъ пѣхотныхъ полковъ: маіоры Франкенбергъ и Пальчиковъ. Эти совѣтовали преслѣдовать хана, добить его и, въ конецъ разсѣявъ его орду, предписать миръ на площади Хивы.

Другіе, въ томъ числѣ туркменъ, вожакъ отряда, хранитель каравана, фискалъ Званскій и смѣнившій раненаго провіантмейстера, грекъ-дворянинъ Экономовъ, указывали на истощеніе съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и намекали, что если ханъ попроситъ пощады,—слѣдуетъ здѣсь же заключить миръ.

— И во всякомъ случаѣ,—прибавилъ поборникъ втораго мнѣнія, богатый армянинъ, стольникъ Замановъ:—отвореніе свободнаго пути въ Индію произошло; теперь отъ Хивы рукой подать въ Балхъ, Памиръ, Бодохшанъ...

Утромъ, послѣ разгрома хивинцевъ, къ Бековичу съ повинной головой явились новые ханскіе послы. Они просили пощады.

— Не вѣрю,—сказалъ Бековичъ: вы нынѣче даете слово, завтра его нарушаете...

Послы стали клясться за хана и за весь народъ, что Хива желаетъ навѣки остаться съ русскими въ дружбѣ и не питаетъ къ нимъ вражды.

Князь далъ слово отсрочить дальнѣйшій походъ, если ханъ немедленно начнетъ переговоры о мирѣ. Но едва уѣхали послы, по казакамъ въ тотъ же день опять стрѣляли у водопоя. „На конь, на конь!“ раздались крики по лагерю, куда привезли раненыхъ. Отрядъ зашумѣлъ, задвигался конными и пѣшими.

Ханъ не далъ разыграться новой стычкѣ. Изъ его отряда, машà бѣлымъ тюрбаномъ, прискакалъ зеленый оруженосецъ, съ извѣщеніемъ, что въ русскихъ друзей самовольно стрѣляли ослушные, уже схваченные хивинцы.

— Пришли свидѣтелей,—сказалъ князю гонецъ,—гордо поглядывая на него черными, наглыми глазами:—велишь, будутъ казнены...

Посланные отъ Бековича казаки, товарищи раненыхъ, и деньщикъ Касаткина дѣйствительно видѣли, какъ по ханскому лагерю, будто бы въ наказаніе, водили двухъ какихъ-то оборвышей, на веревкахъ, продѣтыхъ одному въ ухо, другому въ ноздрю.

... Пора бить зорю, походъ! сказалъ, подойдя къ князю, Касаткинъ... Медлить нечего; осмѣлюсь совѣтовать идти дальше и кончать.

— Поздно,—мрачно проговорилъ Бековичъ.

— Какъ поздно? только свѣтаетъ, войско ждетъ.

— Ханъ ночью опять прислалъ нарочныхъ—условиться о мирѣ. Я согласился... вонъ они ушли...

— Но, вѣдь, врагъ не положилъ оружія, въ конецъ не истребленъ. Подождать бы... простите—какъ же, не созвавъ совѣта?

— Совѣтъ тутъ я самъ,—твердо произнесъ Бековичъ:—помнишь? черезъ тебя же сказано: думать о торговлѣ,—мы завоеватели, купцы... да и припасы на исходѣ...

Спорить дальше было нечего. Касаткинъ замолчалъ. Сошлись другіе офицеры. Въ лагерѣ узнали, что миръ окончательно принятъ. Послѣ пересылки нѣсколькихъ новыхъ посланцевъ съ той и другой стороны, былъ исполненъ вторичный, болѣе торжественный обмѣнъ даровъ.

Ханъ прислалъ Бековичу гнѣдаго коня, кафтанъ „изарбатный“, нѣсколько халатовъ, саблю и новыхъ овощей, съ дружескимъ приглашеніемъ—лично пожаловать для переговоровъ.

— Дары бѣдноваты!—толковали въ русскомъ лагерѣ:—ханъ плутуетъ, или ихъ земля такъ жалко бѣдна...

— Довольно путали наши послы,—сказалъ князю ханскій посланецъ:—лучше обо всемъ договориться и условиться лично; ты же, посолъ царя, для того сюда и отряженъ...

Офицеры окружили Бековича.

— Какъ?—говорили они:—ужли поѣдете?

— Поѣду...

— Вы—побѣдитель и вы же первый поѣдете на ханскій зовъ?—не отставали офицеры:—опомнитесь! ихъ дѣло, не наше, просить милости, класть къ ногамъ побѣдителя знамена. Ихъ ханъ, не вы, долженъ первый явиться...

Бековичъ молча слушалъ возгласы офицеровъ, глядѣлъ на ихъ загорѣлыя, обвѣтренныя лица и, казалось, не понималъ ихъ горячности, споровъ...

— Погубятъ васъ, предадутъ!—кричалъ передъ княземъ весь красный, взволнованный Франкенбергъ:—вы извините меня... давно знакомы... ну, и походъ, братство...

Протестовалъ въ этомъ же родѣ и маіоръ Пальчиковъ.

... Въ сопровожденіи стольника Заманова, хранителя даровъ — Званскаго, Экономова, вожака-туркмена, Касаткина, Юрлова и семисотъ казаковъ, съ музыкантами и съ распущеннымъ краснымъ знаменемъ, Бековичъ, сдавъ остальной отрядъ подъ охрану Франкенберга и Пальчикова, направился къ хивинскому войску...

... Двадцать втораго августа произошло первое свиданіе Бековича съ ханомъ.

... Бековичъ съ достоинствомъ вошелъ, въ треуголѣ и при шпагѣ, въ ханскій шатеръ. Онъ молча подалъ хану царскую грамоту, съ печатью и золотымъ шнуромъ, и сѣлъ рядомъ съ ханомъ. Ширгазы не принялъ грамоты, а указалъ ее старшему муллѣ. Тотъ взялъ и, стоя, вслухъ прочелъ приложенный къ грамотѣ хивинскій переводъ.

Въ подлинной грамотѣ значилось: „Хивинскихъ и Юргенскихъ земель начальнику—нашего царскаго величества поздравленіе и привѣтъ. Изобрѣли мы за благо послать къ тебѣ нашего посла для общей пользы и нужнѣйшихъ дѣлъ. И тебѣ бы, хану, принять его, посла, по его чину и достоинству, и тому, еже онъ тебѣ предложитъ, вѣру яти и, давъ рѣшеніе, его—полномочнаго нашего посла—съ удовольствіемъ отпустить".

— Ты посломъ отъ Бѣлаго царя?—спросилъ Ширгазы, не глядя на князя.

Бековичъ отвѣтилъ. Переводчикомъ служилъ востроносый, добродушный и сильно встревоженный дворянинъ-грекъ Экономовъ.

— А зачѣмъ ты сталъ строить крѣпости въ моихъ владѣніяхъ?

— Въ какихъ?

— У Каспійскаго моря, оно мое... да и здѣсь, въ Карагачѣ, ты надѣлалъ насыпей и прорылъ ровъ...

— Мы укрѣпились послѣ твоихъ нападеній,—отвѣтилъ князь:—ты началъ стрѣлять первый и прежде, чѣмъ я успѣлъ къ тебѣ дойти...

— А почему ты шелъ съ такой силой?—друзья ходятъ съ товарами, безъ пушекъ.

— Не будь пушекъ, не довезъ бы тебѣ и царскихъ даровъ.

— Ну, полно спорить,—вмѣшался сидѣвшій тутъ же ханскій казначей:—эка, горячки! давай баранину; помирились, надо ѣсть и пить.

Бековичъ потребовалъ утвержденія и подписи заявленныхъ мирныхъ условій.

Вошли главные узбеки.

— Соглашаешься ли,—спросилъ Бековичъ: содержать вѣчную дружбу съ царемъ?

Ханъ утвердительно кивнулъ головой.

— Пропустишь ли русскаго купца въ Индію? дашь ли намъ нужныхъ припасовъ? дозволишь ли срыть плотины Аму-Дарьи?

— Согласенъ,—отвѣтилъ и на эти вопросы ханъ.

— Присягай,—объявилъ Бековичъ.

Экономовъ перевелъ это слово. Ханъ смотрѣлъ на грамоту, будто не слыша или не понимая сказаннаго.

— Присягай,—повторилъ Экономовъ.

Ханъ злобно на него взглянулъ и далъ рукой знакъ муллѣ.

Былъ принесенъ коранъ. Ширгазы, старѣйшины, узбеки и ханская свита цѣловали священную книгу. Всѣ клялись въ вѣчной дружбѣ и покорности царю. Бековичъ поцѣловалъ снятый съ своей груди крестъ, благословеніе покойной княгини, давъ его поцѣловать и прочимъ офицерамъ.

— А теперь угощеніе,—сказалъ казначей, поднимая пологъ и указывая князю и его провожатымъ другое отдѣленіе шатра.

Здѣсь на узорныхъ кошмахъ былъ разставленъ обѣдъ.

— Не сердись,—ты меня напугалъ, я и собралъ войско,—сказалъ ханъ князю за обѣдомъ. Какъ закусимъ, пойдемъ, конь съ конемъ, въ мою столицу...

— А подписать договоръ?

— Это сейчасъ кончимъ!—отвѣтилъ Ширгазы: поле битвы за тобой, значитъ, я у тебя въ гостяхъ. Пойдемъ и ко мнѣ,—ты посолъ—всего два-три перехода.

Бековичъ согласился. Оба отряда, по прежнему, въ виду другъ друга, двинулись къ Хивѣ...

— Слушай,—вдругъ сказалъ ханъ въ дорогѣ Бековичу:—вижу, у тебя мало припасовъ; да и въ моей столицѣ не хватитъ кормовъ для всего твоего войска.

— Какъ же быть?—спросилъ, выходя изъ задумчивости, князь.

Вотъ что я придумалъ,—произнесъ ханъ:—кромѣ Хивы, у меня еще четыре города... Раздѣли свой отрядъ на части;—я дамъ провожатыхъ. Узбеки еще успѣютъ до ночи развести по близости твоихъ конныхъ и пѣшихъ. Всѣ будутъ сыты и у тебя подъ рукой.

— Подумаю,—нехотя отвѣтилъ, какъ бы что-то соображая, князь. „Провизіи мало, мало“—сказалъ онъ себѣ.

— Князь, не останавливаясь, послалъ о предложеніи хана извѣстить Франкенберга и Пальчикова. Тѣ наотрѣзъ отказались дѣлиться на части.

— Передай князю,—сказалъ Франкенбергъ посланному: съ силой пришли, силой надо и доканчивать походъ.

— Ханъ видѣлъ сношенія, колебанія русскихъ. Онъ подтянулъ поводъ коня, поѣхалъ тише.

— Однако, дары ты мнѣ поднесъ дранные, не цѣльные,—сказалъ онъ князю, какъ бы мимоходомъ.

— Какъ дранные?

— Сукна хорошія,—продолжалъ ханъ:—посланы цѣликомъ, а ты ихъ переполовинилъ.

Бековичъ взглянулъ на Званскаго.

— Это твое дѣло!—проговорилъ онъ:—въ сто глазъ за вами, губители, смотри—успѣлъ и здѣсь... Что не предупредилъ?

— А съ чѣмъ было бы возвращаться, отдаривать за миръ?—спокойно возразилъ Званскій:—карманы у нихъ дырявые.

— Ну, Юрловъ, и ты, Текутьевъ,—сказалъ Бековичъ:—ѣзжайте къ маіорамъ и объявите имъ послѣдній мой приказъ. Не раздѣлятся, не послушаютъ, наряжу, по артикулу, военный судъ. Развѣ не видятъ, что припасы на исходѣ?—Бѣда!

Посланные уѣхали. Ширгазы далъ знакъ къ привалу. Всѣ сѣли закусывать. Бековичъ ни до чего не дотрогивался...

... Въ концѣ обѣда къ Бековичу возвратились посланные офицеры.

— Вашъ приказъ исполненъ,—объявили они:—войско раздѣлилось и уже уводится въ указанныя мѣста узбеками.

Бековичъ выглянулъ изъ ставки.

— Смотри,—сказалъ онъ хану:—и это твое желаніе исполнено.

... Ширгазы быстро всталъ и вышелъ изъ шатра. Вкругъ него, какъ видѣлъ Бековичъ, на площадкѣ столпились старѣйшины, уздени. За шатромъ раздался хриплый, надтреснутый звукъ трубы: ей отвѣтили, будто по условію, другія трубы.

Вотъ привезенная тобою грамота,—сказалъ ханъ, разрывая грамоту и топча ее желтыми туфлями:—съ караваномъ ввелъ войско.

— Измѣна!—закричали офицеры,—выхватывая сабли и бросаясь одни къ князю, другіе къ лошадямъ:—измѣна! на конь! бей сборъ!...

Касаткинъ вскочилъ на лошадь, поданную деньщикомъ... Алексѣй удивился, не слыша сигнальнаго барабана. Все мертвенно стихло. На площадкѣ что-то возилось, мелькали свои и чужія лица, руки, спины.

Прижатый съ конемъ къ толпѣ нахлынувшихъ халатниковъ, кого-то вязавшихъ въ свалкѣ, Касаткинъ, какъ и другіе офицеры, былъ мигомъ отдѣленъ отъ князя.

... Бековича хивинцы не трогали. Онъ спокойно, съ гордымъ достоинствомъ, молча сидѣлъ на конѣ. Его лицо было смертельно блѣдно, губы вздрагивали. Строгіе, впалые глаза презрительно смотрѣли на происходившее, какъ бы ничего не видя.—„Вотъ оно, оправдалось!“—въ ужасѣ, замирая, подумалъ Касаткинъ.

Тамъ, гдѣ кого-то вязали, раздались отчаянные, дикіе вопли... Ширгазы, съ заломленной назадъ пахой, что-то кричалъ, размахивая руками. У его ногъ на красной разостланной ткани, съ обнаженной головой и въ одномъ бѣльѣ, стоялъ связанный хранитель каравана, Званскій.

Два узденя справа и слѣва рубили его саблями по окровавленнымъ плечамъ и головѣ...

Бековичъ схватился за шпагу, далъ шпоры коню.

— Злодѣй! что ты?—крикнулъ онъ хану.

Толпа преградила князю дорогу; но онъ пробился къ хану. У ногъ послѣдняго, раскинувъ руки, лежало обезглавленное залитое кровью тѣло Званскаго.

— Бековичъ! князь!—послышался новый, раздиравшій душу голосъ:—царскій ты посолъ и вождь! ужли не видишь?...

Бековичъ оглянулся. Ханскіе слуги вели къ шатру связаннаго, бившагося и упиравшагося ногами, стольника Заманова.

— Что же твоя надпись на знамени, отрожденный князь, побѣдитель странъ?—продолжалъ кричать Замановъ.

Блѣдный, дрожащій Бековичъ стоялъ рядомъ съ Ханомъ.

— Что ты дѣлаешь, звѣрь? опомнись!—проговорилъ онъ—Экономовъ, переведи ему... ты клялся, я царскій посолъ... Явятся новыя силы... отомстятъ...

Бековичъ не договорилъ. Стоявшій сзади его приземистый, широкоскулый оборвышъ-сартъ съ размаха ударилъ его чеканомъ по головѣ.

Съ князя слетѣла преображенская, съ галуномъ и золоченой бляхой, треуголка, и самъ онъ, какъ снопъ, свалился съ коня.

Офицеры бросились на выручку князя, окружили его, подняли. Ханъ еще медлилъ. На площадку ввалилась новая, что-то кричавшая толпа. Съ сѣделъ сняли связанныхъ, въ окровавленныхъ тряпкахъ на головѣ, Франкенберга и Пальчикова. Офицеровъ смяли, опять оттѣснили къ шатру. Слышался раскатистый, гортанный и въ носъ, сердитый голосъ хана.

Князь опять очнулся, открылъ глаза. Передъ нимъ на площадкѣ лежало нѣсколько новыхъ обезглавленныхъ тѣлъ, въ томъ числѣ—Пальчиковъ, Франкенбергъ и оба княжіе брата.

Самъ Девлетъ-Гильдей-Бековичъ, раздѣтый, какъ послѣдній отрепышъ-невольникъ, стоялъ на колѣняхъ, на залитомъ кровью платкѣ у той же ставки, гдѣ еще такъ недавно его угощали.

Кровь съ раскроенной головы крупными, теплыми каплями падала на хмурое, блѣдное, гордое лицо князя и на его красивые негодующіе глаза.

Ханъ, подбоченясь, съ усмѣшкой глядѣлъ мимо плѣнника на путь къ Хивѣ, гдѣ еще ясно виднѣлись, въ клубахъ пыли, ряды уходившихъ войскъ.

Бековичъ не понималъ словъ хана, съ трудомъ соображая то, что дѣлалось вкругъ него, и удивлялся, почему онъ связанъ, и зачѣмъ рядомъ съ нимъ, въ зеленомъ халатѣ и въ бѣломъ жгутѣ огромной чалмы, молча стоялъ знакомый ему оруженосецъ хана.

Князю отъ шатра былъ видѣнъ край плёса синѣвшей въ рамѣ камышей рѣки Порсу, бѣлые пески, новыя плёса и камыши.

Надъ рѣкой въ этотъ мигъ въ теплой вечерней синевѣ показалась на широкихъ мягко махавшихъ крыльяхъ бѣлая, точно плывшая, чайка.

Бековичъ вспомнилъ море, прощаніе, барку.—„Вотъ она“—подумалъ онъ съ тихою, сладкою дрожью: „вотъ гдѣ увидѣлъ“...

Стоявшій о́-бокъ съ нимъ зеленый хивинецъ взмахнулъ кривымъ ятаганомъ.

Къ ногамъ хана скатилась голова полномочнаго царскаго посла.

Касаткинъ куда-то рванулся. Его схватили чьи-то руки, „Баринъ, баринъ!“ слышались откуда-то, въ общей свалкѣ, знакомые жалобные крики.

Весь отрядъ Бековича былъ перевязанъ, ограбленъ и поголовно истребленъ.

Войсковой обозъ, пушки, одѣяніе, тѣла и головы начальниковъ увезли въ Хиву. Небольшая кучка плѣнныхъ уцѣлѣла въ таборѣ одного изъ узбековъ. Ихъ нѣкоторое время берегли, такъ какъ измѣнившіе калмыки указали на нихъ, какъ на искусныхъ пушкарей и вообще тѣмъ или другимъ полезныхъ въ захваченной добычѣ. Между послѣдними были Касаткинъ и Юрловъ, старичокъ-врачъ, живописецъ-шведъ и кое-кто изъ прислуги. Плѣнныхъ гнали пѣшкомъ въ Хиву.

... Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, ханъ торжественно въѣхалъ въ столицу. Впереди его на копьяхъ несли головы Бековича, Франкенберга и другихъ русскихъ начальниковъ. Народъ съ криками толпился на площадяхъ и улицахъ. Женщины разстилали передъ ханомъ цвѣтныя ткани; муллы кричали привѣтствія изъ мечетей. Весь день ханскіе вершники рыскали съ кровавыми трофеями по городу.

Къ ночи Ширгазы велѣлъ головы казненныхъ воткнуть на шестахъ у висѣлицы, близъ аральскихъ воротъ. Кожи, снятыя съ замученныхъ вождей, набили сѣнной трухой, одѣли въ мундиры и поставили, въ видѣ стражи, у тѣхъ же воротъ.

Голову Бековича ханъ послалъ въ даръ бухарскому эмиру.

— Вѣрно, вашъ ханъ людоѣдъ,—сказалъ старикъ-эмиръ прискакавшему гонцу:—вези этотъ даръ обратно; такъ не поступаютъ съ гостемъ и посломъ.

Новые и часть прежнихъ плѣнныхъ ожидали рѣшенія своей участи. Ихъ, въ числѣ сорока человѣкъ, вывели въ слѣдующій день на базарную площадь. Ханъ, окруженный знатью, выѣхалъ туда же на конѣ, полученномъ въ даръ отъ царя. Площадь гудѣла ликующей толпой. Къ столбу привязали очередныхъ. Ждали главнаго муллу. Уздени обнажили ятаганы. Приведенный подъ руки ханскій казначей держалъ народу рѣчь. Отворилась мечеть. Оттуда вышелъ дряхлый, бѣлобородый, старшій мулла,—ахунъ.

— Остановись!—сказалъ онъ хану:—нѣтъ тебѣ благословенія. Ты заманилъ шедшихъ съ посольствомъ, клялся на коранѣ и преступилъ клятву.

— Это его обочли добычей,—объявилъ ближнимъ казначей:—что его слушать!

Народъ покорно смолкъ.

— Образумься,—возвысивъ голосъ продолжалъ хану мулла:—пощади остальныхъ; ты не видѣлъ, я видѣлъ сонъ... прійдутъ изъ-за моря новыя рати... кровь невинныхъ будетъ звать объ отомщеніи въ роды родовъ...

Ширгазы отмѣнилъ казнь. Плѣнные были розданы ближней ханской свитѣ и распроданы въ рабство въ Коканъ, Кашгаръ, Тибетъ и др. мѣста.

(„Вѣстникъ Европы“, 1880 г., Декабрь).

Библіотека Варшавской
№
Учительской семинаріи

Н. Г. ПОМЯЛОВСКІЙ.

Къ стр 573.

Н. Г. Помяловскій.

1837—1863.

ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ: „МѢЩАНСКОЕ СЧАСТЬЕ“ И „МОЛОТОВЪ“.

Егоръ Иванычъ Молотовъ думалъ о томъ, какъ хорошо жить помѣщику Аркадію Иванычу на бѣломъ свѣтѣ,—жить въ той деревнѣ, гдѣ онъ, помѣщикъ, родился, при той рѣкѣ, въ томъ домѣ, подъ тѣми же липами, гдѣ протекло его дѣтство. При этомъ у молодаго человѣка невольно шевельнулся вопросъ: „а гдѣ же тѣ липы, подъ которыми прошло мое дѣтство?—нѣтъ тѣхъ липъ, да и не было никогда“. Припомнился ему отецъ-мѣщанинъ, слесарь, жизнь въ темной конурѣ, грязь и бѣдность, и первыя дѣтскія радости, смѣхъ и горе, и молитвы. Матери онъ не помнилъ; отецъ же ему представлялся очень живо. Онъ помнилъ, какъ, бывало, отецъ долго работаетъ, потъ выступитъ на его широкомъ лицѣ, а онъ, Егорка, тутъ же копается. Отецъ вдругъ оставитъ работу, вздохнетъ на всю комнату, ущипнетъ ребенка за щеку и скажетъ: „а поди ко мнѣ, чертенокъ!“ посадитъ его къ себѣ на колѣни, любуется на сынишку, цѣлуетъ его крупными губами, поднимаетъ къ потолку, хохочетъ.

— Чего ржешь, тятька?

— Что, Егорка? а?

— Ржешь чего?

— А стихъ такой нашелъ.

— Ишь ты!—отвѣчаетъ Егорка.

— А спѣть тебѣ пѣсню?—спрашиваетъ отецъ.

— Спой, тятька.

И поетъ отецъ дряннымъ голосомъ пѣсню. Дѣтская жизнь Егора Иваныча совершилась въ грязи и бѣдности, а вотъ и теперь онъ вспоминаетъ ее съ добрымъ чувствомъ. Егорушка былъ мальчикъ бойкій: подпилки, клещи, бурава, отвертки, обрѣзки желѣза и мѣди — замѣняли ему дома игрушки.

— Изъ тебя, Егорка, лихой выйдетъ мастеръ; много у тебя будетъ денегъ?

— О! говоритъ Егорка.

— Тогда не забудешь своего тятьку?

— Я тебя, тятька, не забуду...

Отецъ бесѣдовалъ съ Егоркою, какъ со взрослымъ, разговаривалъ обо всемъ, что́ занимало его: побранится ли съ кѣмъ, получитъ ли новый заказъ, болитъ ли у него съ похмѣлья голова—все разскажетъ сыну.

— Башка трещитъ, Егорка: вчера хватилъ лишнее. Выростешь, не пѣй много.

— Я, тятька, пиво буду пить...

— И молодецъ!.. Ты у меня молодецъ вѣдь?

— Еще бы!—отвѣчаетъ сынъ.

Иногда отецъ совѣтуется съ нимъ.

— Вотъ, Егорка, деньги получилъ за работу, а завтра праздникъ: такъ мы щей сварим, пирогъ загнемъ, да еще чего бы? Киселя, аль каши?

— Каша не-въ-примѣръ лучше...

— Ну, такъ каши, соглашается отецъ.

И во всемъ такъ: идетъ ли отецъ гулять, въ церковь, въ гости—вездѣ съ нимъ Егорка. Мальчикъ свободно относился къ отцу, точно взрослый, да и живетъ онъ дома не безъ пользы: онъ и въ лавочку сбѣгаетъ, и заказъ отнесетъ, съумѣетъ и кашу сварить, и инструментъ отточитъ, и пьянаго отца раздѣнетъ, спать уложитъ...

...Слесарь былъ человѣкъ безграмотный; зналъ онъ свое ремесло, нѣсколько молитвъ на память и безъ смысла, много пѣсенъ и много сказокъ; работу онъ любилъ и часто говаривалъ: „Богъ труды любитъ, Егорка“, „кто трудится, свое ѣстъ“. Вотъ и весь нравственный капиталъ, который онъ могъ передать своему сыну. Богъ знаетъ, что́ бы вышло впослѣдствіи изъ мальчика? Вѣроятно, второй экземпляръ отца, слесаря, Ивана Иванова Молотова.

Но судьба готовила ему иную жизнь. Егорушка скоро лишился отца. Тогда одинъ профессоръ, по имени Василій Иванычъ,—а фамиліи не скажемъ,—у котораго слесарь работалъ и которому понравился сынъ его, взялъ Егорушку къ себѣ. Василій Иванычъ былъ странный старикъ, и судьба его была странная. Съ-молоду ему трудно было побѣдить науку, но онъ побѣдилъ ее; хворалъ отъ безсонныхъ ночей, но все-таки взялъ свое, вѣря въ истину, что терпѣніе и усидчивость все преодолѣваютъ, что въ терпѣніи геній. Онъ въ прежніе годы даже водку пилъ на томъ основаніи, что умный человѣкъ не можетъ не пить; не любилъ женщинъ — тоже на ученыхъ основаніяхъ; былъ неопрятенъ, разсѣянъ, нюхалъ табакъ. Онъ довольно поработалъ на своемъ вѣку, много перевелъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ, а нѣкоторыя изъ его статей и теперь еще имѣютъ значеніе, какъ матеріалы. За наукою онъ такъ и позабылъ жениться. Но чѣмъ онъ становился старѣе, тѣмъ дѣлался опрятнѣе, водки терпѣть не могъ, и съ завистью смотрѣлъ на женатыхъ людей. Жизнь, построенная на ученыхъ основаніяхъ, сказалась; ему хотѣлось наверстать безсемейность, и онъ полюбилъ своего воспитанника страстно... Бѣда къ старой дѣвѣ попасть на воспитаніе, но если старый холостякъ полюбитъ ребенка, то онъ полюбитъ его горячо; такъ бабушки любятъ своихъ внуковъ. И Василій Иванычъ скоро превратился въ бабушку,—и то умная была бабушка, хотя довольно старопечатная, древле-славянская. Егоръ Иванычъ, какъ теперь, видитъ честное лицо старика, его широкій лобъ въ морщинахъ, его добрые глаза подъ синими очками. Но Егорушка не сразу сошелся съ своимъ воспитателемъ; онъ слушался его во всемъ, учился прилежно, но все дичился чего-то и боялся; самъ не вздумаетъ подойти къ старику, а все надобно позвать; не приласкается къ нему, ничего не попроситъ; капризовъ никакихъ, всегда скроменъ, тихъ и застѣнчивъ. Старикъ замѣтитъ ему что-нибудь,—безъ строгости, ласково и осторожно, чтобы не обидѣть, а маль-

чикъ все-таки испугается, съежится и потомъ усиленно слѣдитъ за каждымъ своимъ шагомъ.—„Что это значитъ?“ думалъ съ безпокойствомъ старый человѣкъ.—А дѣло было очень просто. То же бываетъ въ сельскихъ школахъ: онъ, въ глазахъ ребенка, былъ „на барина похожъ“. Если учитель говоритъ ученикамъ-мужичонкамъ: „эй, вы!.. тише!.. слушай!.. когда входите въ школу, то сапоги, а у кого ихъ нѣтъ, то ноги—вытирайте въ сѣняхъ; въ ладонь не сморкаться; на улицѣ должны мнѣ шапку снимать; не говорить мнѣ „ты“, а „вы“ и т. п., что́ найдетъ онъ нужнымъ замѣтить,—повѣрьте, школьникъ-мужичонокъ рѣдко заставитъ повторять сказанное, почти всегда сразу запомнитъ и потомъ строго слѣдитъ за собою. Какъ бы то ни было, учитель, если онъ только не деревенскій дьячекъ, все же ходитъ въ сюртукѣ, подъ-часъ въ шляпѣ и съ тростью въ рукахъ; значитъ, онъ на барина похожъ, а барина мужичонко слушаетъ полнымъ ухомъ. Сначала и Егорушка съ тѣмъ же чувствомъ относился къ своему воспитателю. Кромѣ того, у Егорушки не было товарищей. Потребность товарищества для дѣтскаго сердца старый человѣкъ опустилъ совсѣмъ изъ виду, и понятно, что въ началѣ Егорушкѣ тяжело было, дико было среди комнатъ профессора, которыя ему казались уже очень чистыми и громадными послѣ отцовской конуры. Ему хотѣлось бы повидаться съ Микиткой-безпалымъ, съ которымъ онъ познакомился въ кабакѣ, куда, бывало, отецъ посылалъ его за виномъ,—повидаться съ Лёшкой-столяровымъ, съ Машуткой-подкидышемъ, которой онъ покровительствовалъ и за которую часто дрался съ уличными друзьями; хотѣлось бы, задравши лихо рваный козырь на шапкѣ, запустить свинчатку въ конъ; часто ему чудился молотъ наковальни, визгъ желѣза и мѣди; его тянуло за церковную ограду, куда цѣлыми стаями собирались оборванныя дѣти. Потому-то онъ иногда гдѣ-нибудь въ углу плакалъ потихоньку, чтобъ никто не видѣлъ; онъ любилъ заходить въ кухню къ лакею профессора, человѣку старому, какъ самъ профессоръ—тамъ ему было привольнѣе.

— Что ты, Егорушка, все скучаешь?—спросилъ его однажды слуга.

— Домой хочу,—отвѣчалъ мальчикъ, и вдругъ разрыдался.

— Что ты?.. что ты?.. Богъ съ тобой!—говорилъ оторопѣвшій слуга:—вѣдь ты теперь барченкомъ сталъ.

Мальчикъ плакалъ.

— Ну, ну, голубчикъ мой, съѣшь вотъ это, съѣшь, Егорушка.

Лакей гладилъ мальчика рукой по головѣ и совалъ ему въ ротъ кусокъ сахару; но тотъ все плакалъ.

— Эка бѣда!—сказалъ лакей и пошелъ позвать профессора...

— Домой хочу,—твердилъ Егорушка и Василью Иванычу.

— А у меня жить не хочешь?—спросилъ старикъ.

— Не хочу.

Крѣпко задумался профессоръ...

— Вѣдь здѣсь лучше, Егорушка!

— Нѣтъ, дома лучше...

— Пойдемъ же домой,—сказалъ старикъ...

И вотъ пришли они на старую квартиру, гдѣ прежде Егорушка жилъ съ отцомъ. Тамъ теперь поселился сапожникъ; все перемѣнилось; мальчикъ не узналъ своего стараго гнѣзда.

— Сходимте на ограду,—попросился онъ.

И здѣсь Егорушка не встрѣтилъ никого изъ старыхъ знакомыхъ... Тогда Егорушка остановился съ недоумѣніемъ, подумалъ, взглянулъ пытливо на профессора и потомъ застѣнчиво, потупясь въ землю, шопотомъ сказалъ:

— Къ Машуткѣ сходимте...

— Къ какой Машуткѣ?

— Вонъ тамъ живетъ.

Старикъ подумалъ, покачалъ головой, однако согласился... Но оказалось, что Машутку отдали въ науку, на другой конецъ города. Тогда-то понялъ Егорушка, что старая жизнь никогда не воротится, нигдѣ ея не отыщешь, пропала она. Мальчикъ инстинктивно прижался къ старику. Это тронуло старика.

— Ты мой теперь, Егорушка,—сказалъ онъ.

Много было добраго, стариковскаго чувства въ этихъ словахъ. Егорушка невольно поддался ихъ вліянію и съ той минуты сталъ довѣрчивъ къ старику и полюбилъ его. Они весь вечеръ провели вдвоемъ. Егорушка разсказывалъ о своей прежней жизни, и профессоръ подивился, какъ сильно былъ привязанъ мальчикъ къ своему углу, къ отцу, къ старымъ товарищамъ и играмъ.

Съ тѣхъ поръ старикъ внимательно слѣдилъ за Егорушкой, слушалъ его разсказы, выпытывалъ его понятія и наклонности, и скоро увидѣлъ, что мальчикъ имѣлъ доброе сердце и хорошія способности, но грубоватъ, неотесанъ, съ дикими понятіями о Богѣ, людяхъ, жизни и природѣ. Старикъ сталъ проводить съ нимъ вечера, разсказывалъ совершенно о иномъ Богѣ, какого онъ и не зналъ до сихъ поръ; ему не вѣрилось сначала, что Богъ совсѣмъ не тотъ старикъ, котораго онъ видѣлъ на иконѣ. То же самое случилось, когда старикъ усердно и радушно старался объяснить ему явленія природы и разсказывалъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Многія внушенія и взгляды впослѣдствіи, когда Молотовъ развился, отвѣдалъ новой науки и сталъ самостоятельно вглядываться въ природу и жизнь,—были отвергнуты имъ: тогда снова, въ третій разъ, онъ увидѣлъ, что Богъ и люди совсѣмъ не то, что онъ думалъ; но теперь все было для него въ рѣчахъ старика поразительно и ново; онъ увлекался; для него открылся новый, до тѣхъ поръ невѣдомый, роскошный нравственный міръ. Недолго совершалась борьба въ дѣтской душѣ: Егорушка скоро бросилъ старую жизнь. Онъ не пересталъ любить своего отца, старыхъ знакомыхъ и товарищей; но ему жалко было ихъ, и онъ усердно молился за нихъ Богу. Иному невѣроятнымъ покажется, что въ дѣтской душѣ, на двѣнадцатомъ году жизни, могла бы совершиться серьезная моральная борьба, какая бываетъ въ душѣ юноши. Да, невѣроятно, потому что мы родились въ болѣе или менѣе образованной средѣ, и многія истины приняли обыденный характеръ въ нашей жизни; а неужели вы думаете, что двѣнадцать лѣтъ невѣжества легко уступятъ новой жизни? Онъ до сихъ поръ помнитъ, какихъ мученій моральныхъ и сомнѣній стоила ему та истина, что не Илья пророкъ производитъ громъ. Ничего сразу не давалось, ничему новому не вѣрилось; его не тому училъ отецъ. Спорить съ профессоромъ онъ не могъ, силъ не хватало; но его дѣтскія убѣжденія были органическими убѣжденіями, вошли въ него съ молокомъ матери, развились подъ вліяніемъ отца. Потому и совершалась въ его душѣ борьба серьезная, съ болью, хотя исходъ она получила скоро, потому что Егорушка былъ молодъ, а старикъ уменъ и вкрадчивъ. Нравственная работа принесла пользу Молотову: онъ научился не вѣрить старинѣ и авторитету, и то, что нами въ молодости принимается на слово,—вотъ такъ, какъ онъ принималъ на слово, что Илья гремитъ на небѣ,—у него было переварено собственной головой; онъ привыкъ къ самодѣятельности, къ умѣнью отрѣшаться отъ ложныхъ взглядовъ. Онъ сталъ человѣкомъ способнымъ къ развитію, и потому-то впослѣдствіи онъ бросилъ многія убѣжденія, воспитанныя въ

немъ старикомъ: у него стало на то силы; но онъ не посмѣялся надъ старикомъ, потому что когда-то вѣрилъ ему. Мальчикъ полюбилъ науку; онъ инстинктивно чувствовалъ, что черезъ нее только станетъ человѣкомъ, потому что онъ не былъ породистымъ мальчикомъ. Старикъ радовался, глядя на ребенка, какъ онъ усидчиво занимался книгою, и черезъ годъ нельзя было узнать въ Егорушкѣ прежняго Егорку—грязнаго, оборваннаго, изъ устъ котораго нерѣдко слышалось площадное бранное слово. Микитка-безпалый, увидавъ его, не повѣрилъ бы, что этотъ мальчикъ, такъ прилично, по-барски одѣтый, такъ скромно идущій по улицѣ, былъ слесарскій Егорка, прежній другъ его закадычный. Перемѣна въ жизни Егорушки, очевидно, была къ лучшему. Но у него, по-прежнему, не было игрушекъ: дамочекъ фарфоровыхъ и гусаровъ деревянныхъ, бубеньчиковъ и лошадокъ, барабановъ и солдатскихъ киверовъ; онъ послѣ уроковъ что-нибудь строгалъ, лѣпилъ или рисовалъ; страсть къ такимъ занятіямъ у него осталась навсегда. Если же ему не хотѣлось ничего мастерить, онъ уходилъ въ кухню къ лакею, или садился у камина и смотрѣлъ въ огонь, или же былъ подлѣ старика. Эта уединенная жизнь въ товариществѣ старыхъ людей, рѣдкіе ученые гости, рѣдкіе выѣзды, причемъ мальчикъ на короткое время видѣлся съ другими дѣтьми, отсутствіе женщинъ, серьезныя рѣчи — положили особый отпечатокъ на личность дитяти. Жизнь въ кабинетѣ старика сдѣлала его застѣнчивымъ, противъ чего онъ послѣ долго боролся. Онъ остался нѣсколько угловатъ и неловокъ, тѣмъ болѣе что и самъ профессоръ не былъ свѣтскимъ человѣкомъ. Егорушка былъ не по-дѣтски серьезенъ, но, въ то же время, у него не было идеальной худобы въ тѣлѣ и блѣдности въ лицѣ; это былъ не заморенный мальчикъ; онъ былъ очень здоровъ.

Быстро пролетѣлъ гимназическій курсъ. Молотовъ выросъ, развился, но въ сущности жизнь его мало перемѣнилась. Онъ сталъ больше ростомъ и ученѣе, съ товарищами мало сошелся, въ гимназіи былъ только во время классовъ, считался умнымъ мальчикомъ и шелъ въ первыхъ ученикахъ. Только за полтора года до университета онъ узналъ дружбу, коротко сблизившись съ сыномъ одного чиновника, Андреемъ Негодящевымъ. Они оба попали въ университетъ казеннокоштными студентами. Дружба ихъ была оригинальная: ихъ называли „непримиримыми друзьями“, потому что они постоянно бранятся и спорятъ между собою, а одинъ безъ другаго жить не могутъ. Бывало, придутъ послѣ лекціи, станутъ читать какого-нибудь поэта или философскую статью, заспорятъ, раскричатся, дѣло коснется личностей, обоихъ заберетъ самолюбіе, начнутся насмѣшки, чуть не брань. Какъ ужиться при подобныхъ условіяхъ? Но въ слѣдующій разъ они опять встрѣчаются съ радостью и, нисколько не стѣсняясь, сообщаютъ одинъ другому всевозможные вопросы и свои личные взгляды, и это не по обязанности, что друзья должны быть откровенны, а просто имъ не удержаться было отъ разговора. Оба они не любили прѣсной дружбы, а потому часто выводили одинъ другаго на свѣжую воду. Профессоръ удивлялся ихъ ярымъ рѣчамъ, иногда вставитъ и свое слово; тогда оба дружно сцѣпятся со старикомъ, начнутъ доказывать отсталость его идей. Добродушный Василій Иванычъ замахаетъ руками; „ладно, ладно!“ кричитъ: „мы стары!.. гдѣ намъ?“—Такъ чтожъ такое, что стары? напустятся на него студенты.—„Отстаньте!“ отвѣтитъ имъ старикъ, закроетъ уши руками и уйдетъ въ кабинетъ. Наши друзья продолжаютъ воевать. И какъ могли сойтись эти совершенно противоположные характеры? Одинъ былъ сынъ мѣщанина, другой—чиновника; одинъ выросъ въ большой семьѣ, между братьями и сестрами, другой—въ товариществѣ стараго профессора. Молотовъ любилъ

говорить о широкихъ началахъ, общеміровыхъ идеяхъ и замогильныхъ вопросахъ; „жизнь, природа, человѣчество“,—на этихъ предметахъ постоянно вертѣлись его мысли; онъ смотритъ идеалистомъ, хотя, странно, онъ всегда остороженъ, аккуратенъ, осмотрителенъ, и всегда у него есть деньги; Негодящевъ же терпѣть не могъ общихъ разсужденій, говорилъ все о карьерѣ, называлъ себя практическимъ человѣкомъ, хотя и часто бывалъ безъ денъжонокъ, любилъ кутнуть и иногда пропускалъ лекціи, необходимыя для студента. Негодящевъ былъ на юридическомъ факультетѣ, и говорилъ, что онъ пойдетъ въ чиновники; Молотовъ—на историческомъ, и никогда не думалъ, что̀ изъ него выйдетъ. Негодящевъ былъ ловокъ, рѣчистъ, иногда лгалъ немного, мастеръ поддѣлываться подъ характеръ людей; онъ былъ франтъ и всегда одѣтъ щегольски; а Молотовъ—тяжелъ, говорилъ много, но не когда угодно, а лишь въ минуту увлеченія, прямъ былъ на слова и рѣзокъ, не податливъ; на немъ мундиръ сидѣлъ не такъ ловко. Молотовъ не сразу устраивалъ принципы новой жизни; но они крѣпко вростали въ его душу; Негодящевъ увлекался быстро. Негодящевъ уже успѣлъ влюбиться и поклясться дочери одного чиновника въ вѣчномъ и пламенномъ чувствѣ, въ чемъ и сознался другу въ задушевной бесѣдѣ; а другъ отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ еще этого чувства, что онъ мало видалъ женщинъ и совсѣмъ ихъ не знаетъ. Негодящевъ говорилъ, что онъ довольно опытный человѣкъ и людей нѣсколько знаетъ. Негодящевъ былъ болѣе пессимистъ, а Молотовъ—оптимистъ. Они и наружностью не похожи: Негодящевъ высокаго роста, блѣднолицый, черномазый и съ волосами до плечъ, а Молотовъ средняго роста, плечистый, съ румянцемъ на широкомъ лицѣ, коротко остриженъ, глаза у него сѣрые... Такъ, по законамъ дружбы, существующимъ искони, сошлись между собою люди противоположныхъ характеровъ. Но дружба, основанная на этихъ законахъ, рѣдко бываетъ прочна и кончается добромъ: такая дружба обманчива, ее разъѣдаетъ постоянное противорѣчіе, въ ней зрѣетъ вражда. Случилось то, что̀ часто случается съ друзьями: Молотовъ попрекнулъ чѣмъ-то Негодящева, и они разругались не на животъ, а на смерть. Тогда Молотовъ испыталъ ту молодую ненависть, когда вчерашній другъ представляется ни больше, ни меньше, какъ гадиной, оскверняющей человѣчество; когда думается, что самое ужасное наказаніе другу—презрѣніе къ нему, хотя другъ то же самое думаетъ, и когда оба рады примириться, только не хочется первому просить мира. Молотовъ и Негодящевъ воображали, что они ненавидѣли другъ друга, а между тѣмъ они любили другъ друга; они еще не знали, что̀ значитъ ненавидѣть.

Тогда же съ Молотовымъ случилось и другое несчастіе. Его старикъ опасно занемогъ. Молотовъ дни и ночи проводилъ у постели больнаго. Горькое настало время. На шестнадцатый день старый человѣкъ сказалъ Молотову:

— Скоро умру, Егорушка... вся грудь высохла... не забывай меня... поминай...

Молотовъ наклонился и поцѣловалъ руку.

— Утѣшилъ ты меня, Егорушка... спасибо... и я тебя любилъ.

Молотовъ заплакалъ.

— Полно... не плачь... что-жъ дѣлать? говорилъ шопотомъ умирающій:—пора!..

Старикъ тоскливо посмотрѣлъ на Молотова. Потомъ онъ сталъ говорить о завѣщаніи,—это бываетъ самая трудная и мучительная минута для присутствующихъ, когда человѣкъ актомъ, на гербовой бумагѣ совершеннымъ, отказывается отъ всѣхъ правъ собственности и власти, какія успѣлъ

пріобрѣсти во всю жизнь свою... Молотовъ рыдалъ, а старикъ говорилъ, что у него есть статьи, приказывалъ отослать ихъ въ Москву, деньги за нихъ назначилъ на раздачу нищимъ, велѣлъ поминать Евдокію, сестру его, умершую давно уже, и давалъ предсмертныя увѣщанія:

— Честно живи, Егорушка... Богу молись... старшихъ почитай...

Потомъ больной велѣлъ принести образъ и, благословивши своего воспитанника, забылся на-время. Молотовъ отошелъ къ окну и долго смотрѣлъ безсмысленно на улицу. Чувство сильнаго горя и одиночества охватило душу восемнадцатилѣтняго юноши. „Одинъ во всемъ мірѣ!“—эта мысль подавляла его душу, жала мозгъ его. Но... настала развязка старой жизни. Молотовъ подошелъ къ постели: старикъ лежалъ неподвижно; глаза были открыты...

— Добрый мой учитель, прошепталъ Молотовъ, поцѣловалъ его въ лобъ, поцѣловалъ его руку и закрылъ глаза.

Долго онъ смотрѣлъ въ лицо мертвому—оно было спокойно и безотвѣтно.

На третій день похоронили профессора. На похоронахъ была все ученая братія, все старики, одинъ лишь молодой человѣкъ—Молотовъ, и ни одной женщины.

Помянемъ добрымъ словомъ человѣка добраго и немало потрудившагося на вѣку своемъ...

Наслѣдства Молотовъ получилъ около четырехъ тысячъ ассигнаціями; бо́льшую часть мебели онъ продалъ, переѣхалъ на новую квартиру, гдѣ и повѣсилъ портретъ старика надъ диваномъ. На новой квартирѣ скучно проходили каникулы. Молотовъ пошелъ однажды къ товарищу, Черевапину, у котораго любили собираться студенты. Здѣсь онъ встрѣтился съ Негодящевымъ. Въ душѣ Молотова шевельнулось все доброе старое, слезы стали къ горлу подступать. Негодящевъ отвернулся въ сторону. Молотовъ первый заговорилъ:

— Андрей, полно злиться...

Что, если бы его оттолкнулъ Негодящевъ? Но этого быть не могло. Возвращеніе отъ вражды къ дружбѣ было внезапно. Негодящевъ бросился на шею къ Молотову. Они поумнѣли, вспомнили вражду, хохоту было немало.

— Андрей, сказалъ Молотовъ:—мы теперь будемъ осторожнѣе.

— А что?

— Опять поссоримся.

— И помиримся опять—вотъ и все.

— Опять переѣдаться будемъ.

— Будемъ.

— Ну, какъ хочешь.

Тѣмъ и кончили. Быстро понеслось время. Теперь только, во второмъ курсѣ, Молотовъ сошелся съ товарищами. Его полюбили. Молотову прекрасными людьми представлялись товарищи—бодрые, смѣлые, честные, за общее благо готовые на всѣ жертвы, оригиналы. Не думалось тогда Егору Иванычу, что многіе изъ нихъ потеряютъ и бодрость, и смѣлость, и оригинальность, и способность къ жертвамъ, а нѣкоторые даже... и честность. Но тогда вѣрилось и жилось хорошо. Вообще онъ мало зналъ жизнь; у него было мало знакомыхъ... Онъ жилъ товарищеской и университетской жизнью. Между тѣмъ, Молотовъ никогда не имѣлъ претензіи на ученую или художественную карьеру; ему придется дѣйствовать въ чисто практической сферѣ, одному, безъ друзей, безъ родни, безъ знакомыхъ, безъ яснаго сознанія цѣли въ жизни, но съ дѣтски-яснымъ взглядомъ на міръ Божій. Какъ-то онъ будетъ жить въ людяхъ съ подобною подготовкою?

Разсказъ Молотова о себѣ.

Молотову хотѣлось разсказать Надѣ, чтобы она знала, кого завтра назоветъ своимъ мужемъ...

— Знаешь ли ты, Надя, что я до сихъ поръ человѣкъ безъ призванія?

— Какъ же это?

— Да такъ же, какъ и тысячи людей. Помнишь, я говорилъ тебѣ, какъ не хотѣлось идти въ чиновники, и, однако, я долженъ былъ надѣть мундиръ?

— Помню.

— Мнѣ захотѣлось отдѣлаться отъ службы не по призванію, и всю жизнь не могъ отъ нея отдѣлаться. Намъ говорили, что отечество нуждается въ образованныхъ людяхъ; но посмотрите, что случилось: весь цвѣтъ юношества, все, что только есть свѣжаго, прогрессивнаго, образованнаго — все это поглощено присутственными мѣстами, и когда эта бездна наполнится? Рѣдкій человѣкъ выберетъ карьеру по призванію; рѣдкій образованный человѣкъ не убѣжденъ, что онъ родился чиновникомъ. Дѣйствуетъ какой-то бюрократическій фатумъ, и все у насъ юристы... Лишь только кто-нибудь выдирается изъ своей среды, и думаетъ, какъ бы сдѣлаться человѣкомъ; выходятъ ли люди изъ деревни, бурсы, залавка или верстака, — куда они идутъ? Все въ чиновники! Помѣщикъ прожился въ деревнѣ и ищетъ мѣста, это значитъ — чиновнаго мѣста; военный выйдетъ въ отставку и хочетъ нести другую службу, это значитъ — чиновную службу. Но особенно надо удивляться мелкимъ чиновникамъ. Никто не работаетъ такъ усердно, какъ эти несчастные переписчики чужихъ дѣлъ. Въ надеждѣ, что авось либо дадутъ наградишку, прибавку жалованья, пособіе, они трудятся, не покладывая рукъ. Сотни тысячъ живутъ единственно перепискою бумагъ, такъ что для нихъ достать частное занятіе, значитъ, достать переписку. Какое странное призваніе—родиться единственно затѣмъ, чтобы перебѣлить въ жизнь свою до милліона черняковъ, и потомъ сойти со сцены! Ипой лишь проснется, у него дома наемная работа, потомъ въ должности пишетъ, придетъ домой, и опять работаетъ черомъ до истощенія силъ, до одурѣнія. Представьте себѣ, что человѣкъ всю жизнь только и дѣлаетъ, что, захвативъ памятью строку, написанную чужой рукой, переноситъ ее на бумагу; цѣлую жизнь держитъ въ своей головѣ чужія, не интересующія его, ненужныя ему мысли, и представьте, что за все это едва-едва существуетъ... Чиновники — самый испитой народъ. А между тѣмъ, надо сознаться, что большинство образованныхъ людей находится именно въ этомъ сословіи. Чиновничество—какой-то огромный резервуаръ, поглощающій силы народныя. Вотъ и я, мужикъ по происхожденію, но карьерѣ—все-таки чиновникъ...

— Какъ же это случилось?

— Со мной и все случалось. Я не выбиралъ себѣ того или другаго положенія, а оно само приходило, помимо моего выбора и воли. Случилось, что я попалъ къ профессору на воспитаніе, потомъ въ Обросимовку, потомъ на губернскую службу, потомъ скитался по Россіи, перебралъ множество занятій и, наконецъ, попалъ въ архиваріусы, — все случилось. Выдѣлился я изъ народа и потерялся. Натура звала на какое-то другое дѣло, во мнѣ было полное желаніе опредѣлить себя, отыскать свою дорогу, самостоятельно выбрать родъ жизни, и ничего не могъ я сдѣлать,—судьба насильно надѣла на меня мундиръ чиновника и осудила на архивную карьеру.

— Что же за причина тому?

— Великая причина, страшная сила!

— Какая?

— Нужда.

Молотовъ, сбираясь съ силами, провелъ рукой по лбу.

— Было время, не жалѣлъ я себя, способенъ былъ на всевозможныя жертвы. Прослуживъ полтора года въ губерніи, я очень хорошо понялъ, что чиновничество — не мое призваніе. Когда снялъ мундиръ, то думалъ: „не пойду же я въ чиновники, буду заниматься частными дѣлами, не увидятъ меня болѣе въ мундирѣ никогда“. Вотъ и пошелъ парень гулять по свѣту, догулялся до довольно узкаго существованія. Я поѣхалъ въ Петербургъ, думая заработать здѣсь копѣйку. Петербургъ мнѣ родной городъ, и потому сманилъ меня къ себѣ. Но съ этого-то времени судьба и начала меня преслѣдовать; она не давала мнѣ отдыху и молодыя лѣта растратила на добыванье насущнаго хлѣба. На пути въ столицу „домой“, какъ я говорилъ тогда, хотя у меня не было въ Петербургѣ ни роду, ни племени,— пьяный ямщикъ сдѣлалъ мнѣ карьеру. Онъ ударилъ телѣгу въ пень, я вылетѣлъ на землю и сломалъ себѣ ногу. Еле протащился я двѣ версты, весь разбитый, до уѣзднаго городишка, гдѣ и слегъ на наемной квартирѣ, у дьячихи. Тяжелое это было время, грустное, безпріютное и холодное, какъ русская зима... проклятое время! Лежалъ я съ затянутыми въ лубки ногами; пошелъ бы дальше, да нельзя, и безотрадно пересчитывалъ, какъ рубль за рублемъ уходили на лѣченіе изъ двухъ запасныхъ сотенъ. Вотъ когда я въ первый разъ понялъ, что значитъ въ жизни монета! Пять мѣсяцевъ я пролежалъ въ болѣзни, и когда выздоровѣлъ, то въ карманѣ всего оставалось двадцать восемь рублей, а до столицы шестьсотъ верстъ. Ну, надо подниматься и сбираться въ дорогу, какъ вѣчный жидъ, безъ цѣли, безъ назначенія. „Что же я за миѳъ?“ думалось мнѣ. Горько стало на душѣ. Простился я съ дьячихой, разспросилъ путь и направился на ближайшій губернскій городъ пѣшкомъ, сберегая каждый грошъ. Но черезъ мѣсяцъ у меня не было ни копѣйки; я продалъ часы и пошелъ дальше по направленію къ Петербургу. Наконецъ, скоро осталось нечего продавать, и пришлось остановиться на постояломъ дворѣ, и сталъ я справляться, не нуждается ли какой помѣщикъ въ учителѣ для дѣтей? Никому не надо было. Дошло до послѣдней бѣды—платить нечѣмъ было дворнику. Что было дѣлать? Чужой хлѣбъ ѣсть? протянуть руку Христа-ради, воровать? Я здоровъ былъ и силенъ, и нисколько мнѣ не стыдно вспомнить, что я на постояломъ дворѣ кололъ дрова, рубилъ капусту и няньчилъ ребятъ хозяйскихъ, за что меня и кормили. Можетъ быть, въ этомъ и было мое призваніе. Въ это время напала на меня апатія, и я ничего не дѣлалъ, справляя день за днемъ черную работу, — а сработать я могъ больше всякаго мужика, потому что здоровъ и силенъ, какъ медвѣдь... Два мѣсяца я прожилъ чисто народной жизнью, и узналъ, что это совсѣмъ не идиллія,— тяжела она... Но, право, когда я разговаривался съ ними, то встрѣчалъ много добрыхъ душъ, которыхъ никогда не забуду... Здѣсь я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, выпало мѣстечко. Надо было одному помѣщику приготовить сынка въ гимназію. На это ушло еще семь мѣсяцевъ... Самъ же я и отвезъ своего ученика въ столицу, гдѣ и помѣстился онъ у своего родственника; а я, употребивъ около четырнадцати мѣсяцевъ на переселеніе въ Петербургъ, долго не встрѣчалъ не только роднаго, но и знакомаго человѣка. Занявъ квартиру за четыре рубля, я сталъ выглядывать, гдѣ бы зашибить копѣйку. Одинъ университетскій товарищъ нашелъ мнѣ вакансію у генеральши Чесноковой—опять учить дѣтей. Дѣти были очень понятливы

и полюбили меня. Послѣ этого быстро смѣнялись одно за другимъ занятія. Я попалъ въ купеческую контору, жалованье хорошее положили; но здѣсь все клонилось къ злостному банкротству. Я счелъ долгомъ предупредить о томъ кредиторовъ. Коммерческіе люди такъ озлились, что наняли двухъ прикащиковъ поколотить меня... Если бы поколотили меня, я отъ тебя этого не скрылъ бы, но они струсили... Послѣ этого я нашелъ мѣсто бухгалтера при одномъ акціонерномъ обществѣ, меня и оттуда скоро выгнали. Послѣ этого добылъ корректурныя занятія при журналѣ; но скоро редактора какой-то князь, меценатъ литературный, просилъ дать занятія одному бѣдному студенту, и меня смѣстили. Снова нашелъ учительское мѣсто,—такъ денегъ не платили. И ты думаешь, что это меня только судьба преслѣдовала, а другіе счастливѣе на занятія и вольную работу? Нѣтъ, милая моя, это общее положеніе всѣхъ чернорабочихъ. У насъ частная работа менѣе развита, чѣмъ общественная. Вольный трудъ неразвитъ и унизителенъ. Наконецъ, и откупъ, открывающій объятія для многихъ нашихъ образованныхъ юношей, ласково приглашалъ къ себѣ нуждающагося человѣка, но туда я и самъ не пошелъ. Попытался я переводами заняться, ничего не вышло; написалъ три фельетона и получилъ по восьми рублей за каждый,—значитъ, я былъ и литераторомъ. Какія только должности не проходилъ я, бился, какъ рыба объ ледъ, а воровать не хотѣлось, хотя испытавши, что̀ значитъ честный трудъ, смотрѣлъ на людей снисходительно. И вышелъ изъ меня человѣкъ, порожденіе нашего времени, пролетарій, добывающій насущный хлѣбъ всевозможнымъ трудомъ, долго сбирающій собственность и въ одинъ незаработный годъ пожирающій ее.

— Боже мой, какъ тяжело жить на свѣтѣ!—проговорила Надя.

— Да, голубушка моя...

— Много же тебя оскорбляли...

— Ничего, отерпѣлся... Смѣшно вспомнить, какъ въ самой юной молодости выходилъ изъ себя за то, что одному помѣщику вздумалось выбранить меня за глаза, а теперь хоть въ глаза брани меня, — такъ мнѣ все равно, даже лѣнь и сердиться... Мнѣ-то что за дѣло, что обо мнѣ говорятъ другіе? Я самъ себя знаю! Я прежде не понималъ самой простой вещи: господа, презирающіе насъ, просто-на-просто несчастны, бѣдны умомъ, невоспитанны. Мнѣ ихъ жалко теперь. Стала появляться въ моемъ характерѣ какая-то одеревенѣлость, вслѣдствіе которой меня ничѣмъ не проймешь: сплетня, дурное мнѣніе лица или кружка, сословное презрѣніе на меня не дѣйствуютъ. О чемъ тутъ хлопотать и шумѣть?.. Пусть ихъ!.. Они считаютъ себя благодѣтелями, давальцами, меценатами?.. Что же я-то стану дѣлать, когда у нихъ голова скверно и уродливо устроена? Не сердиться же, въ самомъ дѣлѣ, когда, напримѣръ, лаетъ собака; изъ сотни собакъ развѣ одна не бросается на незнакомаго, на не-своего, и такихъ собакъ не любятъ хозяева. Но мало ли есть непріятностей на свѣтѣ? Дождь идетъ, клопы кусаютъ, душно въ воздухѣ, прыщи на лицѣ—и изъ-за этого волноваться? Я настолько независимъ отъ всѣхъ, что могу считать людей, презирающихъ меня, ничтожными. Что̀ ни думай они обо мнѣ,—мнѣ все равно. Моя квартира для нихъ заперта, какъ и ихъ для меня,—значитъ, мы квиты. Я ихъ не пущу къ себѣ, живу безъ нихъ, и, право, отъ того мнѣ не хуже. Презрѣніе ихъ ничтожно и низко. Но не сразу же я дошелъ до такого благодѣтельнаго равнодушія; постепенно и медленно утихала сокрытая ненависть, пропадали насмѣшки и дерзости; самое презрѣніе къ нимъ пропало и наступило полное равнодушіе, такъ что обиды не шевелятъ и сердца моего. Жизнь, Наденька, вытекаетъ не изъ принципа, а изъ натуры, не изъ теоріи, а изъ причины. Поэтому у меня и должно было родиться осо-

бенное, оригинальное понятіе о чести. Я глухъ къ чужому отзыву о своей личности,—онъ даже не раздражаетъ меня нисколько: „это ваше мнѣніе“, говорю я: „а не мое,—я не такъ думаю“; а больше мнѣ ничего и не надо. Когда сыплются на человѣка впродолженіе многихъ лѣтъ несправедливыя оскорбленія, онъ становится къ нимъ безчувственъ и равнодушенъ. У насъ свой гоноръ, особенный; напримѣръ: иного труса вызовутъ на дуэль, и онъ долгомъ считаетъ принять его, не откажется ни за что, а я откажусь, хоть не трусъ вовсе; скажутъ, что это безчестно, я не обращу на то никакого вниманія; пристанутъ сильно, стащу въ полицію—вотъ и все. Иному господину стыдно сказать, что у него есть невеликосвѣтскіе друзья и знакомые, а я вѣдь мужикъ, и знаешь ли, нахожу особое удовольствіе, когда у княгини Зеленищевой, дѣтямъ которой даю уроки, выпадаетъ при гостяхъ ея случай вставить такое словцо: „вотъ когда я однажды рубилъ капусту на постояломъ дворѣ“, либо что-нибудь въ родѣ этого.

Передъ Надей раскрывалась дѣйствительная жизнь, раскрывался характеръ Егора Иваныча, и она съ пожирающимъ вниманіемъ слушала его разсказъ.

— Да, трудно зарабатывать въ нашемъ обществѣ хлѣбъ своими руками. Лишь откроется мѣсто учителя, корреспондента, управляющаго домомъ, секретаря и т. п.,—сейчасъ являются сотни претендентовъ. Мнѣ казалось, да и теперь часто думается, что въ самомъ честномъ-то трудѣ много нечестнаго. Отчего мнѣ работу, а не другимъ? Вѣдь и они ѣсть хотятъ? сдѣлаютъ то же, что и я? Права одинаковы на работу. Почему же мнѣ ее дали? Потому, что счастье, ловкость, случай? Работать всякій станетъ, будьте увѣрены; какъ не трудиться, когда желудокъ кричитъ: „работы, работы!“ Но и самую работу надо завоевать, какъ дикарь завоевываетъ у дикаря скотъ и пожитки. Мы постоянно поѣдаемъ другъ друга. И неловко, моя Наденька, было принимать участіе въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба, изъ-за пожитковъ. Но что-жъ дѣлать? Они ѣсть хотятъ, и я хочу; они имѣютъ право на работу, и я тоже; они сдѣлаютъ хорошо дѣло, и я хорошо; я не правъ, что отбиваю работу у нихъ, и они не правы, что отбиваютъ ее отъ меня. Много-ли людей, которые работаютъ не потому только, что ѣсть хотятъ? Чего фальшивить и становиться на ходули? Деньги всѣмъ нужны. Были когда-то побужденія иныя, высшія, а теперь пріобрѣтать хочется, копить, запасать и потреблять. Не поэтично, но честно и сытно. Честная чичиковщина настала, и вотъ сознаю, что я тоже пріобрѣтатель. И сегодня, и завтра, и цѣлые годы надо прожить, и прожить такъ, чтобы въ лицо не наплевали,—значитъ, надо работать безъ призванія къ работѣ. „Злато—металлъ презрѣнный“,—кто это сказалъ такую чепуху? Деньги, монета—учрежденіе государственное; за деньги можно хлѣба купить, современныхъ идей, потому что онѣ не на улицѣ валяются, а продаются въ книгахъ, можно купить свѣчу и поставить ее какому-нибудь угоднику. „Все куплю, сказало злато; все возьму, сказалъ булатъ“—это армейскій софизмъ, потому что и самъ-то булатъ купленъ на деньги. О, если бы побольше злата, а булатовъ поменьше!

— Какъ же ты опять поступилъ чиновникомъ?—спросила Надя.

— Отвѣдавъ вольнаго труда, я нашелъ, что департаментъ вѣрнѣе обезпечиваетъ человѣка. Неутѣшительно, а справедливо. Но на этотъ разъ я пошелъ въ департаментъ безъ всякой мечты о дѣятельности общественной, а просто на казенную пищу, на государственные харчи. Не любовь къ труду, приносящему деньги, а именно любовь къ деньгамъ руководила мною. Я освоился со службой, втянулся, но, по совѣсти сказать, не люблю ея. Отношенія къ службѣ у меня тѣ же, какія у иного школьника къ

уроку. Урокъ лежитъ въ головѣ—вотъ падежи, плюсы, тексты, хронологическая цифра, французскій глаголъ, — а школьнику что за дѣло до всего этого? Урокъ самъ по себѣ, школьникъ самъ по себѣ. Лишь пришелъ я изъ департамента домой, мнѣ и дѣла нѣтъ до него. Такъ ломовая лошадь тянетъ возъ, а какая ей забота до него? Плеть повисла надъ спиной. И надо мной нужда повисла плетью. Я — маленькій механизмъ въ огромной машинѣ служебной. Механикъ заведетъ машину — и всѣ механизмы, винтики, пружины, кольца и цѣпочки служебныя приходятъ въ движеніе; остановить машину — и мы остановимся. Главный болтъ работаетъ, а мы уже вертимся за нимъ. Денегъ не дадутъ—заниматься не стану; дѣло остановится на половинѣ—мнѣ не жалко; уничтожьте мои труды—я не буду горевать. Отерпѣлся я, и занимаюсь, чѣмъ угодно, не чувствуя особеннаго влеченія къ предмету труда; но не скучаю занятіями, люблю самый процессъ работы, потому что моя натура требуетъ непремѣннаго движенія. Я мелочной торговецъ и человѣкъ безъ призванія. Но, не смотря на механизмъ труда, моею работою всегда довольны: я точенъ и исполнителенъ. Иногда и скучно, но не обращаю на то вниманія и работаю...

— Что же заставляетъ тебя быть чернорабочимъ?

— Ты думаешь, неужели одна любовь къ деньгамъ и процессу труда? Неужели ты не понимаешь, что̀ значитъ чувство собственности? Оно можетъ развиться до щекотливости, чтобы быть независимымъ, никогда не просить, никого не благодарить за кусокъ хлѣба. Я гордъ, Надя, и не хочу, чтобы кто-нибудь служилъ для меня; а и захотѣлъ бы, такъ никто служить не станетъ. Положеніе вытекаетъ прямо изъ обстоятельствъ. Я тебѣ говорилъ, что жизнь происходитъ изъ натуры, а не принципа, изъ причины, а не теоріи. Но не сразу я добился и такого положенія въ обществѣ. Много было потрачено силъ душевныхъ, терпѣнья и выжиданья, прежде нежели я освоился, оглядѣлся, пріобрѣлъ ловкость, тактъ и изворотливость, пріобрѣлъ связи и рекомендацію и, наконецъ, обстановился. Я теперь вполнѣ обезпеченъ, потому что, при даровой квартирѣ и дровахъ, за управленіе домомъ, могу проживать ежегодно до полуторы тысячи рублей, сытъ всегда достаточно, одѣтъ прилично, помѣщенъ въ теплѣ. Я люблю свою квартиру... Ты увидишь въ ней, Надя, что-то семейное, домовитость, порядокъ и пріютъ. На стѣнахъ картины и канделябры, на окнахъ пальма, золотое дерево, фига, лимонъ, кактусъ и плющъ, на столахъ вазы, на полу коверъ, передъ каминомъ дорогой рѣзьбы орѣховое кресло. Я много положилъ заботъ, чтобы устроить свой кабинетъ изящно. Въ немъ мы будемъ проводить время, читать, работать. Много ты у меня найдешь серебра, фарфора, мрамору и дорогихъ бобровъ. Я постоянно пріобрѣталъ себѣ вещи, и каждая изъ нихъ куплена обдуманно, съ размышленіемъ, по личному вкусу; вещь прочная и изящная. Я долго собиралъ книги, собирая ихъ понемногу, и составилась библіотека всѣхъ моихъ любимыхъ авторовъ. У меня есть отличный микроскопъ, зрительныя трубы и другіе физическіе инструменты. Положенное число разъ бываю въ русскомъ театрѣ и на итальянской оперѣ; абонируюсь въ библіотекѣ и читаю все лучшее. Я понемногу свивалъ свое холостое гнѣздо и десять лѣтъ копилъ усидчиво собственность. Въ шкатулкѣ собственной работы у меня заперто болѣе пятнадцати тысячъ. Вотъ такимъ-то образомъ я одѣлъ себя, обулъ, помѣстилъ въ тепло, среди красивой обстановки, добылъ себѣ изящную въ возможныхъ размѣрахъ жизнь, и не стоитъ теперь передо мной каждый день, каждый часъ неотразимый, мучительный, изсушающій мозги вопросъ: „хлѣба, денегъ, тепла, отдыху!“

— И ты счастливъ былъ?—спросила Надя пытливо.

— Въ минуты добраго расположенія духа почти счастливъ. Мнѣ думалось тогда: достаньте вы въ столицѣ ежегодно полторы тысячи, заработайте такъ, чтобы въ каждой копѣйкѣ могли дать отчетъ, за что она получена. Это трудно; у меня же есть деньги и совѣсть! Вспоминалось мнѣ пройденное поприще: сколько заботъ, трудовъ, часто унизительныхъ, пришлось бы вытерпѣть! Тогда я не могъ не ощутить довольства собой, душевнаго спокойствія и радъ былъ, когда въ это время заходилъ ко мнѣ гость. Одинъ, замѣть, Надя, безъ чужой помощи, единственно себѣ я обязанъ моимъ комфортомъ. Мое сребролюбіе благородно, потому что я никогда и ничего не кралъ, ни отъ кого не получалъ наслѣдства, у меня ничего нѣтъ подареннаго, найденнаго, заработаннаго чужими руками. Все, что у меня есть въ комнатахъ, въ комодахъ, на плечахъ, въ карманѣ,—все добыто моей головой и руками. Ни матеріально, ни морально я ни отъ кого независимъ. Меня судьба бросила нищимъ; я копилъ потому, что жить хотѣлъ, и вотъ добился же того, что самъ себѣ владыка. Я, Надя, свободенъ, и никому не дамъ отчета, какъ я живу и что думаю, кромѣ тебя, Надя. Часто, среди этихъ мыслей, возникалъ твой образъ, и я долго задумчиво сидѣлъ въ креслѣ передъ каминомъ. Въ это время я былъ счастливъ.

Молотовъ задумался, вспомнивъ былые дни.

— Но такое расположеніе духа не часто гостило въ моей холостой квартирѣ. Большею частью время шло ровно и спокойно; послѣ труда, и отдыхъ, и обѣдъ, и пустой разговоръ,—все имѣло свою прелесть. Я испытывалъ то физическое наслажденіе, которое такъ хорошо знаетъ чернорабочій, отдыхая послѣ труда. Но душа спала, и когда просыпалась, я ощущалъ страшную скуку и тоску... Холодно становилось мнѣ въ своей квартирѣ и пусто, и нерѣдко я испытывалъ то состояніе, когда и страхъ, и точно мученія совѣсти, и отвратительная тоска тѣснились въ мою душу... Иногда такъ тяжело становилось, что я готовъ былъ схватить и брякнуть объ полъ вазы, порвать картины, разметать цвѣты и статуи. Противно было думать, что изъ-за нихъ-то я и бился всю жизнь... Вещами наслаждаться, книгами, тетрадями, а съ людьми не жить!.. Положеніе нелѣпое—торчать отъ всѣхъ особнякомъ; пальцами начнутъ указывать, на смѣхъ поднимутъ, возненавидятъ. Поневолѣ пришлось съежиться, обособиться, притвориться, что и ты такой же человѣкъ, какъ всѣ, а дома устроить себѣ и моральную, и матеріальную жизнь по-своему, завести своихъ пенатовъ, своихъ поэтовъ, общество и друзей. Что же дѣлать, не всѣмъ быть героями, знаменитостями, спасителями отечества...

...Надя, милліоны живутъ съ единственнымъ призваніемъ—честно наслаждаться жизнью... Мы простые люди, люди толпы...

КОНЕЦЪ.

КРАТКІЯ БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

О

ПИСАТЕЛЯХЪ, СОЧИНЕНІЯ КОТОРЫХЪ ЗДѢСЬ ПОМѢЩЕНЫ.

АКСАКОВЪ, *Сергѣй Тимоѳеевичъ*, сынъ родовитаго помѣщика-степняка, родился въ городѣ Уфѣ (1791). По окончаніи курса въ Казанской гимназіи (1804), С. Т. поступилъ въ Казанскій университетъ, откуда, впрочемъ, по собственному желанію и прошенію, скоро вышелъ „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ".

Переѣхавъ въ Петербургъ, С. Т. получилъ мѣсто переводчика въ коммиссіи составленія законовъ (1808). Года черезъ три оставилъ эту службу и долго жилъ какъ-то уединенно въ своемъ помѣстьѣ Оренбург. губ. Въ 1826 г. С. Т. поселился въ Москвѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ (1827—33) занималъ должность цензора, и, въ то же время, литераторствовалъ, участвуя въ Московскихъ журналахъ.

Послѣ разныхъ мелкихъ литературныхъ опытовъ (оригинальныхъ и переводныхъ), С. Т. обратился къ изображенію картинъ природы степнаго края, который изучилъ близко, странствуя по его обширнымъ пространствамъ и охотясь съ ружьемъ или съ удочкой за безчисленнымъ населеніемъ степей, лѣсовъ и водъ. Первый литературный опытъ въ этомъ родѣ „Буранъ" относится къ 1834 г.

Воспроизведеніе картинъ природы, создаваемыхъ не одною силою творчества, но и пережитыхъ, такъ сказать, художникомъ, естественно влекло его къ воспоминанію тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали знакомство съ ними. Можетъ быть, такимъ путемъ создалась „Семейная хроника", (см. некрологъ С. Т. Аксакова, напис. Хомяковымъ и помѣщ. въ „Русской Бесѣдѣ", т. XV). Первый отрывокъ изъ названнаго сочиненія былъ напечатанъ въ „Московскомъ Сборникѣ" 1846 г.

Съ этого времени начинается настоящая литературная дѣятельность С. Т., къ сожалѣнію, нѣсколько поздняя: С. Т. было уже 55 лѣтъ. Въ 1847 г. явились его „Записки объ уженьѣ рыбы" — книга, которою С. Т. впервые заявилъ о себѣ, какъ о замѣчательномъ, самобытномъ писателѣ, (3-е изд. — въ 1856 г.); потомъ — въ 1852 году напечатаны его „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи" (позднѣйшее 4-е изданіе въ 1877 г.); въ 1855 г. слѣдовали „Разсказы и воспоминанія охотника" (2-е изд. — въ 1856 г.), въ 1856 г. — „Семейная хроника и воспоминанія" и, наконецъ, — въ 1858 г. „Дѣтскіе годы Багрова-внука и „Разныя сочиненія", гдѣ собраны статьи С. Т., помѣщенныя въ „Русской Бесѣдѣ" и др. періодическихъ изданіяхъ.

Въ 1859 г. въ сборникѣ „Братчина" напечатана послѣдняя статья С. Т. „О ловлѣ бабочекъ". Въ этомъ же году С. Т. и скончался; погребенъ въ Симоновѣ монастырѣ (въ Москвѣ).

Талантъ С. Т. заключается въ художественномъ изображеніи дѣйствительной жизни—людей, природы: живописныя кар-

типы, живые характеры, впечатлѣнія, чувства,—все это изображалось имъ вѣрно и прекрасно, какъ умнымъ, талантливымъ наблюдателемъ. Хотя онъ и не былъ поэтомъ, хотя и не допускалъ участія фантазіи въ своихъ произведеніяхъ, не задаваясь никакими поэтическими цѣлями, но нѣкоторые изъ нихъ, по живости описаній, по типичности характеровъ, приближаются къ поэтическимъ. Въ этомъ отношеніи между русскими прозаиками онъ занимаетъ рѣшительно первое мѣсто. Особенно подробно изображены имъ природа и старинный помѣщичій бытъ Оренбургскаго края, наиболѣе ему знакомаго. Онъ умѣетъ найти общій интересъ даже въ спеціальномъ дѣлѣ, которое занимаетъ только немногихъ, какъ, напр., охота или рыбная ловля; и здѣсь онъ умѣетъ такъ развернуть картину и показать жизнь, что даже неохотникъ прельщается ими.

(Изъ біографич. очерка С. Т. Аксакова—Стоюнина, помѣщ. въ его „Руководствѣ для теоретич. изученія литературы").

„Русскій писанный языкъ", въ соч. С. Т., какъ говоритъ Хомяковъ, „сдѣлалъ шагъ впередъ, даже послѣ Пушкина и Гоголя" (изъ вышеуказан. некролога).

Въ русской литературѣ пользуются извѣстностью Аксаковы: *Константинъ Сергѣевичъ* („Ломоносовъ въ исторіи русской словесности и русскаго языка" — магистерская диссертація, „Опытъ русской грамматики", „О богатыряхъ кн. Владиміра", „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности" и др.) и *Иванъ Сергѣевичъ* („Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ",—премированное Академіею Наукъ"). Это—сыновья Сергѣя Тимоѳеевича.

БЕНЕДИКТОВЪ, *Владиміръ Григорьевичъ*, родился въ Петербургѣ, обучался сначала въ Олонецкой гимназіи (отецъ его въ это время служилъ въ Петрозаводскѣ Совѣтникомъ Губернскаго Правленія), потомъ—во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ кончилъ курсъ первымъ. Затѣмъ В. Г. въ 1827 г. поступаетъ въ Измайловскій полкъ и скоро (1831) заявляетъ себя храбрымъ офицеромъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ В. Г. бросилъ военную службу и перешелъ на гражданскую, на которой оставался до конца 1860 года.

Первыя стихотворенія В. Г. относятся ко времени пребыванія его въ гимназіи, а первое изданіе ихъ послѣдовало въ 1835 году.

Современная критика („Телескопъ", 1835 г., ч. 27.; „Библ. для чт." 1839 г., № 2.; „Отеч. Зап." 1842 г.) довольно сочувственно взглянула на нихъ; Жуковскій и Пушкинъ — также, особенно первый. О читающей публикѣ, преимущественно молодежи, и говорить нечего: она въ восторгѣ была отъ Бенедиктовскаго стиха, находя въ немъ блескъ и гармонію. Послѣ звучный и при этомъ часто изысканный стихъ такъ и называли *Бенедиктовскимъ*.

Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, В. Г., въ то же время, былъ человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, съ честнымъ направленіемъ.

Самое полное изданіе стихотвореній В. Г. — третье (1856) въ трехъ томахъ. Въ 1857 году явилась еще небольшая книжечка: „Новыя стихотворенія В. Бенедиктова", въ числѣ которыхъ есть и переводныя. Есть еще посмертное изданіе подъ ред. Я. П. Полонскаго, въ 4-хъ томахъ (Вольфа). При этомъ изданіи портретъ автора и біографія.

БУСЛАЕВЪ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, ординарный академикъ и заслуженный профессоръ Московскаго университета, по каѳедрѣ русской словесности, родился въ городѣ Керенскѣ (Пензенской губерніи), учился въ Пензенской гимназіи, а потомъ — въ Московскомъ университетѣ.

По окончаніи университетскаго курса, Ѳ. И. имѣлъ случай побывать въ Италіи, гдѣ изучилъ итальянскій языкъ, съ Винкельманомъ въ рукахъ подробно ознакомился съ древностями и съ итальянскою живописью. По возвращеніи изъ Италіи, поступилъ на учительскую службу въ одну изъ Московскихъ (3-ю реальн.) гимназій и повелъ дѣло преподаванія русскаго языка, судя по его сочиненію, относящемуся къ этому времени — „*О преподаваніи отечественнаго языка*",—совершенно по новому,—лучше, цѣлесообразнѣе и т. д.,

чѣмъ прежде оно велось. Въ гимназіи Ѳ. И. оставался до 1846 г.

Въ 1847 году Ѳ. И. въ Московскомъ университетѣ читаетъ сравнительную грамматику и исторію русскаго языка, а въ слѣдующемъ году защищаетъ диссертацію на степень магистра („О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“.)

Уже въ это время онъ успѣлъ заявить себя литературными трудами по языковѣдѣнію, преимущественно рецензіями (напр. на „Филологическія наблюденія“—Павскаго). Въ 1858 году явилась его извѣстная „Историческая грамматика“, которою онъ положилъ начало сравнительно-историческому методу при изученіи литературы. Незадолго до этого (1857) Ѳ. И. смѣнилъ проф. Шевырева по каѳедрѣ исторіи древней русской литературы, которую сталъ читать совершенно самостоятельно, на основаніи памятниковъ (рукописныхъ и печатныхъ), какія только могъ имѣть подъ руками.

Съ этими трудами по самостоятельной разработкѣ исторіи древней русской литературы по памятникамъ, надобно полагать, находилось въ связи появленіе въ 1861 году его же „Исторической хрестоматіи“ древняго періода русской словесности. Грамматика и хрестоматія предназначались, какъ пособія, для военно-учебныхъ заведеній; ту и другую Ѳ. И. составилъ по вызову Я. И. Ростовцева, начальника названныхъ заведеній.

Къ этому же времени (1861) относится трудъ Ѳ. И. по собранію прежнихъ его монографій, которыя въ исправленномъ видѣ, съ прибавленіемъ новыхъ, и вышли подъ заглавіемъ: „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“ (два большіе тома, съ рисунками).

Усердно работая въ области своей спеціальности, Ѳ. И. нашелъ время подѣлиться ею, на сколько нужно, съ высокимъ ученикомъ своимъ, покойнымъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, при которомъ состоялъ въ качествѣ преподавателя русскаго языка и словесности (1861).

Не вдаваясь въ подробности по указанію тѣхъ или другихъ трудовъ Ѳ. И., напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, отмѣтимъ слѣд. „О русскомъ богатырскомъ эпосѣ по новымъ матеріаламъ“, „О сравнительномъ изслѣдованіи народнаго быта и поэзіи“, „Рѣчь о Письмахъ Русскаго путешественника“, „О значеніи современнаго романа и его задачахъ“; а изъ учебныхъ: „Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянской“ и „Хрестоматія древняго періода русскойсловесности“; обѣ названныя книги имѣютъ ближайшимъ своимъ источникомъ упомянутыя выше; онѣ только явились въ сокращенномъ видѣ и болѣе доступными для школы, чѣмъ тѣ.

Въ послѣднее время (1881) Ѳ. И. предпринялъ громадную работу по изслѣдованію русскихъ лицевыхъ апокалипсисовъ.

БѢЛИНСКІЙ, *Виссаріонъ Григорьевичъ*, родился въ городѣ Чембарѣ (Пензенской губ.). Отецъ его былъ докторомъ въ этомъ городѣ. Какъ провелъ В. Г. свое раннее дѣтство,—объ этомъ свѣдѣній не имѣется; но можно предполагать, что не весело, такъ какъ самъ В. Г. впослѣдствіи признавался, что изъ семьи родной не вынесъ ни одного отраднаго впечатлѣнія.

Учился В. Г. сначала въ Чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ заявилъ себя очень способнымъ ученикомъ. Въ то время какъ товарищи играли въ своемъ кружкѣ, В. Г. шелъ гулять куда нибудь одинъ, или читалъ книгу.

Изъ училища (1825) В. Г. поступилъ въ низшій классъ Пензенской гимназіи (4-й въ то время). Здѣсь страсть къ чтенію усилилась; къ книгамъ присоединились журналы („Вѣстникъ Европы“, „Телескопъ“, „Московскій Вѣстникъ“).

Уже во 2-мъ классѣ В. Г. попробовалъ авторствовать. Первыми литературными опытами его были повѣсти и стихи; послѣднее скоро бросилъ: вѣрно, не призналъ въ себѣ поэтическаго дарованія. Гимназическаго курса В. Г. не кончилъ по своей винѣ: манкировалъ посѣщеніемъ уроковъ. Не смотря на это, въ 1829 ему какъ-то удалось поступить въ Московскій университетъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь В. Г. былъ далеко не исправенъ по отношенію къ факультетскимъ лекціямъ, и на 2-мъ курсѣ долженъ былъ оставить уни-

верситетъ, который такъ аттестовалъ его: „способностей слабыхъ и нерадивъ“.

Бросивъ университетъ (1832), В. Г. не бросилъ студенческаго кружка, въ которомъ были, напр., такіе люди, какъ К. Аксаковъ, М. Катковъ, Ключниковъ, Красовъ и др. Во главѣ этого кружка стоялъ Н. В. Станкевичъ, сынъ богатаго Воронежскаго помѣщика, человѣкъ хорошо-образованный, гуманный, съ добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, страстно любившій науку и искусство. Молодые люди, студенты, собираясь у него, читали „Телеграфъ“—Полевого, „Телескопъ“—Надеждина, сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Гоголя, Шекспира, Гете, Шиллера, Гофмана. При чтеніи нѣмецкихъ поэтовъ, Станкевичъ былъ особенно дорогъ кружку, такъ какъ зналъ нѣмецкій языкъ. Разумѣется, чтеніе сопровождалось бесѣдами о прочитанномъ, спорами и т. п.

Въ университетѣ они слушали профес. Надеждина, Павлова и др., причемъ незамѣтно проникались идеями Шеллинга, которыя, естественно, потомъ, такъ или иначе, разсматривались и развивались въ кружкѣ.

Вотъ въ такомъ-то обществѣ вращался В. Г. по выходѣ изъ университета. Сначала, разумѣется, пришлось ему сильно бѣдствовать, такъ какъ частные уроки и кой-какія литературныя работишки давали ему слишкомъ мало. Обстоятельства В. Г. поправились, когда въ „Молвѣ“ явилась его первая критическая статья „Литературныя мечтанія“ (1834), въ которой онъ доказывалъ, что у насъ еще нѣтъ литературы. Названная статья какъ бы объявляла о выступленіи В. Г. на литературное поприще.

На первыхъ порахъ (періодъ московскій) В. Г. заявилъ себя послѣдователемъ сначала Шеллинга, а потомъ—Гегеля. Изъ статей этого періода замѣчательна: „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя („Телескопъ“ 1835). Въ этой статьѣ В. Г. первый серьезно взглянулъ на талантъ Гоголя и первый оцѣнилъ его. Еще слѣдуетъ указать на статьи: „О Бородинской годовщинѣ“ и „Объ очеркахъ Бородинскаго сраженія“—Ѳ. Глинки, въ которыхъ В. Г. и проявилъ свое увлеченіе Гегелемъ.

Въ это время (1838) В. Г. съ своими друзьями завѣдывалъ (послѣ Шевырева) редакціей „Московскаго Наблюдателя“; но дѣло, какъ до него, такъ и при немъ, шло плохо, и журналъ въ слѣдующемъ году долженъ былъ покончить свое существованіе, послѣ чего матеріальное положеніе В. Г. ухудшилось какъ нельзя болѣе. Тогда какъ разъ кстати приглашаютъ В. Г. въ Петербургъ—вести отдѣлъ критики и библіографіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и онъ, разумѣется, съ радостію принимаетъ приглашеніе.

Теперь наступаетъ въ литературной дѣятельности В. Г. новый періодъ (Петербургскій),—періодъ самый богатый и плодотворный.

Увлеченія В. Г. Гегелемъ скоро совсѣмъ исчезаютъ; въ статьяхъ у него проводятся новые взгляды, заявляются новыя требованія отъ разбираемыхъ произведеній. Уже *не искусство для искусства* руководитъ критикомъ, какъ прежде, а здоровое, практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія—отъ жизни. Послѣ этого, по В. Г., „писатель долженъ быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями“. Отсюда у В. Г. вытекало неудовольствіе на Пушкина за то, что онъ въ своемъ творчествѣ не хотѣлъ знать интересовъ общества. Съ другой стороны, вѣрный своимъ новымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, только что намѣченнымъ, В. Г. стоялъ за Гоголя и за его школу, объясняя ея значеніе.

Изъ статей, относящихся къ этому періоду, назовемъ: о комедіяхъ „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“, о сочиненіяхъ Лермонтова, „Русская Литература 1840 г.“, рядъ статей о русской народной поэзіи и особенно о Пушкинѣ (цѣлый томъ, 8-й) въ связи съ исторіей русской литературы до него (1844).

Теперь о значеніи В. Г., какъ писателя вообще и критика въ частности, не могло быть споровъ: по-праву онъ занялъ почетное мѣсто не только въ литературѣ, но и въ самомъ обществѣ, такъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ являлся и въ качествѣ публициста. Всѣ согласны и въ томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на писа-

телей, напр., 50-хъ годовъ: они воспитаны его критикою, ею ободрены и, благодаря ей, стали извѣстны.

Въ 1846 г. В. Г., возвратившись съ юга Россіи, гдѣ жилъ лѣто и осень для возстановленія своего здоровья и силъ, работалъ въ „Современникѣ"—Некрасова и Панаева, но очень недолго, такъ какъ весною слѣдующаго года долженъ былъ, по совѣту докторовъ, отправиться за границу опять съ тою же цѣлью—для леченія. Но петербургскій климатъ взялъ потомъ свое,—и В. Г. умеръ въ концѣ мая 1848 г. отъ чахотки. Сочиненія В. Г изданы Солдатенковымъ и Щепкинымъ въ 1859—1861 г. въ Москвѣ (12 томовъ); нѣкоторые изъ томовъ имѣли нѣсколько изданій.

ГОНЧАРОВЪ, *Иванъ Александровичъ*, сынъ купца, родился въ Симбирскѣ. Отецъ умеръ, когда И. А. было только три года. Мать лично не могла дать сыну какого бы то ни было образованія, такъ какъ сама не получила его; но, несмотря на то, образованію она сочувствовала и въ этомъ отношеніи ничего не жалѣла для сына. На ея счастье, крестный отецъ И. А., морякъ, оставивъ службу, пріѣхалъ въ Симбирскъ и поселился въ домѣ отца И. А. Вотъ опъ-то и явился дѣятельнымъ помощникомъ матери въ дѣлѣ воспитанія ея сына. Между прочимъ, ему было что поразсказать крестнику изъ своей морской службы, часто неразлучной съ дальними плаваніями, и И. А. сильно полюбилъ разсказы о путешествіяхъ и съ удовольствіемъ читалъ такія книжки. Послѣ первоначальнаго домашняго образованія, онъ поступилъ въ пансіонъ священника, основанный имъ для дѣтей помѣщиковъ, въ имѣніи кн. Холмской, за Волгой. Въ этомъ пансіонѣ И. А. прежде всего нашелъ кое-какую библіотеку и съ жадностью читалъ безъ разбора все, что находилъ: и путешествія, и русскихъ классиковъ, и сочиненія иностранныхъ авторовъ, тақихъ, напр., какъ Расинъ, Тассо, Фенелонъ и др. И. А. тогда не было еще и 12-ти лѣтъ.

Дальнѣйшее образованіе И. А. продолжалось въ Москвѣ, гдѣ онъ обучался въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній и гдѣ, кромѣ французскаго языка, уже знакомаго ему, пріобрѣлъ знанія въ языкахъ нѣмецкомъ и англійскомъ. Въ 1831 году И. А. поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Живыя, содержательныя лекціи молодыхъ профессоровъ (Давыдовъ, Надеждинъ, Шевыревъ) имѣли такое благотворное вліяніе на И. А., что онъ, по окончаніи университетскаго курса (1835), продолжалъ учиться, обратясь на первыхъ порахъ къ занятіямъ литературою (русскою и иностранною), и при этомъ досадовалъ, что много времени отнимала служба (И. А. служилъ переводчикомъ въ министерствѣ финансовъ).

Первый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, солидный литературный трудъ И. А. явился въ „Современникѣ" 1847 г. Мы разумѣемъ романъ: „Обыкновенная исторія". За названнымъ романомъ слѣдовалъ отрывокъ изъ другаго романа „Обломовъ"—„Сонъ Обломова", напечатанный въ „Иллюстрированномъ Альбомѣ" при „Современникѣ" 1848—49 г. Весь же романъ явился значительно позже „въ Отеч. Зап." 1858—59 гг.). Къ тому же времени (1848—49 г.) относится разсказъ И. А. „Иванъ Савичъ Поджабринъ".

Въ 1852 году, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, А. С. Норова, И. А. изъявилъ согласіе принять участіе въ экспедиціи, снаряженной для открытія торговыхъ сношеній съ Японіей, въ качествѣ секретаря начальника экспедиціи, адмирала Путятина, на фрегатѣ „Паллада". Результатомъ кругосвѣтнаго путешествія И. А. явились его знаменитые путевые очерки, подъ заглавіемъ: „Фрегатъ Паллада" (1856—57 гг., въ 2-хъ тыс.; 3-е изд. въ 1879). По возвращеніи изъ путешествія, И. А. снова на гражданской службѣ въ томъ же министерствѣ, въ которомъ раньше служилъ, потомъ занялъ должность цензора и, наконецъ, былъ редакторомъ оффиціальной газеты „Сѣверная Почта".

Кромѣ названныхъ сочиненій И. А., извѣстны еще: романъ „Обрывъ" (печат. въ „Вѣстникѣ Европы" 1868—69 г.; отдѣльно вышелъ въ 1870 г.) и „Четыре очерка" („Литературный вечеръ", „Мильонъ терзаній", „Замѣтки о личности Бѣ-

линскаго", „Лучше поздно, чѣмъ никогда", (Спб. 1881 г.).

Въ самомъ концѣ 1882 г. кружокъ пріятелей и редакторовъ тѣхъ журналовъ, въ которыхъ были помѣщены произведенія И. А., праздновалъ пятидесятилѣтіе его литературной дѣятельности, причемъ почтенному юбиляру поднесенъ былъ подарокъ — кабинетные часы съ бронзовымъ бюстомъ молоденькой дѣвушки, подъ которой помѣщена надпись: „Марѳинька"; это-одна изъ героинь „Обрыва".

Приэтомъ нельзя не упомянуть о четырехъ депутаткахъ отъ „русскихъ женщинъ", явившихся (2 Февр. 1883 г.) къ И. А. поздравить его съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ, при чемъ поднесли ему адресъ (болѣе полутороста подписей), въ которомъ привѣтствовали его, какъ первостепеннаго тонкаго художника, и цѣнный подарокъ (двѣ фарфоровыя вазы съ роскошными букетами).

ГРАНОВСКІЙ, *Тимоѳей Николаевичъ*, образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1835 г. поступилъ на гражданскую службу, а въ слѣдующемъ году отправился за-границу, гдѣ слушалъ лекціи Берлинскихъ профессоровъ (Вердера, Цумпта, Бока, Ганса, Ранке). По возвращеніи оттуда, занялъ каѳедру средней и новой исторіи въ Московскомъ университетѣ.

Какъ профессоръ, Т. Н. пользовался необыкновенной популярностью въ средѣ студентовъ; его аудиторія всегда была полна слушателей, на которыхъ онъ имѣлъ благотворное вліяніе и которыхъ всегда умѣлъ заинтересовать своими лекціями.

Въ литературѣ Т. Н. извѣстенъ своими историческими монографіями („Аббатъ Сугерій" и четыре историческія характеристики) и мелкими статьями по всеобщей исторіи.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго изданы въ 1856 г. въ Москвѣ (два тома). При сочиненіяхъ—статья Кудрявцева о литературныхъ трудахъ Грановскаго.

ГРИГОРОВИЧЪ, *Дмитрій Васильевичъ*, урожденецъ Рязанской губерніи, изъ дворянъ, обучался въ Инженерномъ училищѣ, откуда вышелъ, не дождавшись офицерскаго чина. Любя искусства, Д. В. все время посвящалъ живописи и театру.

Впослѣдствіи онъ принесъ тому и другому несомнѣнную, посильную, разумѣется, пользу: мы разумѣемъ дѣятельность его въ качествѣ члена-секретаря „Общества поощренія Художниковъ" съ 1863 г., а съ 1883 года—дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя новаго литературно-театральнаго комитета.

Какъ литераторъ, онъ сталъ извѣстенъ съ 1843 г. Въ сборникѣ Плюшара было помѣщено первое литературное произведеніе Д. В.: „Переводчикъ или сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ".

Извѣстность же онъ получилъ, когда въ „Отеч. Зап." (1846) появилась его повѣсть „Деревня". За этой повѣстью слѣдовали: „Антонъ-горемыка", „Бобыль", „Рыбаки", „Переселенцы".

Въ только что названныхъ произведеніяхъ Д. В. заявилъ себя беллетристомъ-художникомъ, съ любовью и сочувствіемъ отнесшимся къ народной жизни и ея изображенію. Послѣднее—дорогая черта личности писателя, если не переступаетъ должныхъ границъ,—не впадаетъ въ сентиментальность. Къ сожалѣнію, это-то и случилось съ Д. В. Вотъ почему его романы и повѣсти не всегда вполнѣ вѣрны дѣйствительности,—не всегда вѣрно воспроизводятъ характеръ русскаго народа и его бытъ. Но въ свое время эти недостатки не могли бросаться въ глаза образованному читателю, такъ какъ онъ, хорошо знакомый съ западной цивилизаціей, съ иностранной литературой, вовсе не зналъ, какъ живетъ его меньшій братъ, простой крестьянинъ, и что онъ такое по складу своего ума, по своимъ вѣрованіямъ, нравамъ и обычаямъ и т. д.

Отсюда понятно значеніе сочиненій Д. В. для русскаго образованнаго общества конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ.

Независимо отъ названныхъ произведеній, охарактеризовавшихъ Д. В., какъ бытописателя простонародной жизни, у него есть юмористическіе разсказы, какъ напр. „Свистулькинъ", „Дружеская лотерея" и др.; ром. „Два генерала", „Прохожій"—святочный разсказъ—„Прогулка по эрмитажу", трудъ характеризующій его

отношеніе къ искусству и пониманіе его. (2-е изд. въ 1875 г.). (М. 1864). Въ нынѣшнемъ (1883) году въ журн. „Нива“ помѣщенъ новый разсказъ Д. В. „Гуттаперчевый мальчикъ“.

Первое полное собраніе сочиненій Д. В. явилось въ 1859 г. (въ 6-ти тт.).

Новѣйшее изданіе принадлежитъ книгопродавцу Мартынову.

ДАЛЬ, *Владиміръ Ивановичъ*,—урожденецъ Екатеринославской губерніи. Отецъ его, датчанинъ, былъ докторомъ на Луганскомъ заводѣ, гдѣ В. И. и родился, Отсюда и псевдонимъ его „Казакъ Луганскій“. В. И. воспитывался въ Морскомъ корпусѣ и потомъ служилъ въ Черноморскомъ флотѣ. Въ 1826 г., вышедши въ отставку, поступилъ въ Дерптскій университетъ на медицинскій факультетъ. По окончаніи курса, получилъ степень доктора и былъ ординаторомъ въ Спб. военно-сухопутномъ госпиталѣ; но скоро разочаровался въ медицинской наукѣ и бросилъ эту службу.

Теперь В. И. обратился къ занятіямъ литературой. Первый опытъ «Русскія сказки». (Спб. 1832 года) написаны въ простонародномъ духѣ. Въ 1834—39 годовъ напечатаны его «Были и небылицы» юмористическаго характера. Сюда же можно причислить его юмористич. разсказъ (съ картинами): „Похожденія Х. Х. Віольдамура“. Въ 1846 г. онъ издалъ свои сочиненія подъ псевдонимомъ: „Казакъ Луганскій». Въ 1859 г. В. И. совсѣмъ оставилъ службу (послѣ военной и гражданскую) и поселился въ Москвѣ, гдѣ занялся составленіемъ Словаря («Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка въ 20-ти вып. Спб. 1861—67 гг.), на что употребилъ семь лѣтъ. Въ началѣ 1872 г. приготовилъ 2-е изданіе «Словаря», исправленное и пополненное (изд. Вольфомъ въ 1879 г.). Въ этомъ же году В. И. и скончался.

Главнымъ и любимымъ предметомъ его наблюденій — изысканій былъ русскій языкъ, и на этомъ поприщѣ В. И. совершилъ подвигъ, достойный занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ отечественной науки: мы разумѣемъ его «Словарь».

Кромѣ того, В. И, написалъ много разсказовъ и повѣстей изъ русскаго народнаго быта, собралъ болѣе 4000 народныхъ сказокъ и свыше 30,000 пословицъ; писалъ по предметамъ русскаго языка, этнографіи, естественныхъ наукъ и медицины.

Полное собраніе сочиненій В. И. Даля вышло въ 1861 году, въ 8-ми томахъ.

Позднѣйшія изданія:

Пословицы русскаго народа, 2-е изд. Спб. 1875.

«Первая первинка» (сказки, пѣсенки, игры). Изд. 3-е. Спб. 1879.

«Первинка другая»—3-е изд. Спб. 1880.

«Картины изъ быта русскихъ дѣтей». Спб. 1875.

«Крошка»; книжечка для малыхъ дѣтей. Спб. 1880.

«Новыя картины изъ быта русскихъ дѣтей». Спб. 1875.

«Два сорока бывальщинокъ—для крестьянъ». Спб. 1880.

«О повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ рус. народа». Изд. 2-е. Спб. 1880.

Недавно вышло посмертное изданіе (полное) сочиненій Даля, въ 8-ми томахъ,—книгопродавца Вольфа.

ДАНИЛЕВСКІЙ, *Григорій Петровичъ*, родился въ селѣ Даниловкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Сначала учился въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ (прежній университетскій пансіонъ), а потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1850 г. кончилъ курсъ кандидатомъ по юридическому факультету.

Еще задолго до окончанія курса въ университетѣ, Г. П. обратилъ на себя вниманіе конкурснымъ сочиненіемъ по русской словесности (Пушкинъ и Крыловъ), за которое былъ удостоенъ серебряной медали (1848).

Состоя затѣмъ на службѣ при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, А. С. Норовѣ, Г. П. имѣлъ случай побывать въ Финляндіи и Крымѣ, занимался въ архивахъ монастырей Курской, Полтавской и Харьковской губерній; посланный сюда министромъ по порученію Археологической коммиссіи, описалъ на мѣстѣ урочище, гдѣ происходилъ Полтавскій бой. Мысль и цѣль послѣдняго порученія принадлежали покойному Устрялову, извѣстному истори-

ку. Слѣдующее порученіе—описаніе прибрежьевъ Азовскаго моря, Днѣпра и Дона—Г. П. выполнилъ по волѣ В. К. Константина Николаевича.

Оставивъ службу (1857), Г. П. болѣе десяти лѣтъ жилъ то въ отцовскомъ имѣніи, то въ женіномъ (Харьков. губ.). Къ этому времени относятся путешествія Г. П. за-границу и по Россіи (Польшѣ, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи, по Волгѣ, Дону и Днѣпру).

Въ 1858—59 гг. Г. П. снова является на службѣ по крестьянскимъ дѣламъ, вызванный на нее Харьковскимъ комитетомъ, а потомъ, по желанію Министра Народнаго Просвѣщенія, посѣщаетъ народныя школы Харьковской губерніи, о чемъ представляетъ отчетъ министру (1863).

До 1869 г. Г. П. служилъ по земству, былъ даже почетнымъ мировымъ судьею, а съ 1869 г. занялъ мѣсто помощника редактора газеты „Правительственный Вѣстникъ“; въ настоящее же время состоитъ при ней въ качествѣ главнаго редактора.

Изъ сочиненій Г. П. особенною извѣстностью пользуются романы: „Бѣглые въ Новороссіи“, „Бѣглые воротились“ (1864), (вышедшіе подъ псевдонимомъ „А. Скавронскій“), „Мировичъ“ и большая повѣсть: „При Петрѣ на Индію“.

Кромѣ названныхъ произведеній Г. П., извѣстны еще большіе романы: „Девятый валъ“, „Новыя мѣста“, разсказъ: „Потемкинъ на Дунаѣ“ и мн. др.

2-е изданіе сочиненій Г. П. вышло въ 1877 г., въ 4-хъ томахъ; позже (1880)—дополнительный къ нимъ, пятый.

Рецензіи и критическіе разборы соч. Г. П. Данилевскаго см. „Голосъ“ 1879, №№ 163, 170, 214; „Новости“ 1879, 171; „Русская Мысль“ 1881, № 11; „Русскій Вѣстникъ“ 1879, № 9; „Дѣло“ 1880, № 10; „Историческій Вѣстникъ“ 1881, № 4; „Молва“ 1879, № 162.

ДОБРОЛЮБОВЪ, *Николай Александровичъ*, родился въ Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ 1836 года. Отецъ его былъ священникомъ при нижегородской Никольской церкви. Первоначальное образованіе получилъ дома; собственно ученье начато было очень рано: Н. А. на пятомъ году уже умѣлъ читать, со словъ матери быстро заучивалъ басни Крылова и выразительно произносилъ ихъ. 11-ти лѣтъ онъ опредѣленъ въ духовное училище, гдѣ черезъ годъ перешелъ прямо въ старшій (4-й) классъ. По окончаніи курса въ училищѣ, Н. А. поступилъ въ Нижегородскую духовную семинарію (1848). Здѣсь онъ все свободное отъ уроковъ время посвящаетъ чтенію русскихъ писателей, ученыхъ сочиненій, журналовъ; своими громадными письменными работами на философскія темы изумляетъ профессоровъ и товарищей; пишетъ, кромѣ того, стихи, причемъ переводитъ Горація. Крупною чертою характера Н. А. въ это время была глубокая религіозность. Изъ семинаріи прямая дорога въ духовную академію, куда (въ С.-Петербургскую) онъ чуть было не поступилъ. Въ 1853 года мы видимъ его студентомъ Педагогическаго института, гдѣ онъ съ рѣдкимъ усердіемъ занимался дѣломъ, посѣщая аудиторіи и аккуратно записывая лекціи профессоровъ. Все свободное время поглощено у него чтеніемъ журналовъ и книгъ разнообразнаго содержанія.

Первымъ литературнымъ опытомъ, который Н. А. хотѣлъ видѣть въ печати,—была повѣсть, заключавшая въ себѣ, какъ разъяснилъ ему опытный литераторъ, критику сценъ, придуманныхъ самимъ же авторомъ, чѣмъ было опредѣлено призваніе Н. А., какъ писателя.

Въ 1856 году Н. А. дѣйствительно и выступилъ въ роли критика (онъ былъ еще въ Институтѣ), напечатавъ въ „Современникѣ“ историко - литературную статью о „Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова“. И что замѣчательно: эта первая статья заявила о силѣ и зрѣлости таланта столько же, сколько и послѣднія его статьи.

Въ слѣдующемъ году Н. А. кончилъ курсъ съ аттестатомъ на званіе старшаго учителя, причемъ освобождѣнъ отъ обязательства прослужить восемь лѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, послѣ чего Н. А. посвящаетъ себя литературнымъ занятіямъ: ему предложены были отдѣлы критики и библіографіи въ „Современникѣ“, гдѣ онъ и работалъ до 1860

года, когда, по совѣту докторовъ, долженъ былъ для поправленія своего здоровья ѣхать въ Германію и Италію. Осенью 1861 года Н. А. возвратился въ Петербургъ и въ концѣ этого же года скончался.

Въ русской литературѣ Н. А. извѣстенъ, какъ даровитѣйшій критикъ и публицистъ. Кромѣ того, имъ написано нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, по содержанію тѣсно связанныхъ съ его собственною личностью, но болѣе шуточныхъ, сатирическихъ.

Сочиненія Н. А. (въ 4-хъ томахъ) были изданы два раза: въ 1862 и 1871 годахъ.

Журн. „Время“ 1862 г., кн. 3.; „О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. С.-Петербургъ 1862 г.“

ДОСТОЕВСКІЙ, *Ѳеодоръ Михайловичъ*, сынъ доктора, помѣщика Тульской губерніи, родился въ Москвѣ; здѣсь же въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ началъ образованіе, которое продолжалъ въ Петербургѣ, въ Инженерномъ училищѣ. По счастливомъ окончаніи курса въ только что названномъ учебномъ заведеніи, Ѳ. М. поступилъ на службу, но скоро ее оставилъ и занялся литературою, дѣломъ, имъ искренно и давно любимымъ.

Въ 1846 г., въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ Некрасова явился первый романъ Ѳ. М. „Бѣдные люди“, замѣчательный гуманнымъ отношеніемъ къ бѣднымъ, забитымъ людямъ, простотою, задушевностью, искреннимъ чувствомъ. Все это было признано и высказано тогдашнею критикою, даже самимъ Бѣлинскимъ.

Слѣдовавшія затѣмъ повѣсти Ѳ. М. („Двойникъ“, „Господинъ Прохарчинъ“, „Хозяйка“), къ сожалѣнію, были слабѣе романа, и только „Нѣточка Незванова“ нѣсколько выдавалась.

Въ 1849 г. Ѳ. М., замѣшанный въ одномъ политическомъ дѣлѣ (Петрашевскаго), присужденъ къ ссылкѣ въ Сибирь — въ каторжныя работы, послѣ чего зачисленъ въ военную службу рядовымъ. Въ 1856 г. произведенъ въ офицеры.

По выходѣ въ отставку, Ѳ. М. поселяется сначала въ Твери, а потомъ (1861) въ Петербургѣ. Повѣсти, написанныя имъ „въ минуты жизни трудныя“ („Маленькій герой“, „Дядюшкинъ сонъ“ и друг.) особенными достоинствами не блещутъ. Но объ нихъ забываешь при высокоталантливыхъ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“, въ которыхъ Ѳ. М., по личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, изобразилъ острожные нравы и бытъ арестантовъ.

Не останавливаясь далѣе на такихъ разсказахъ Ѳ. М., какъ „Крокодилъ“, „Скверный анекдотъ“, „Слабое сердце“, назовемъ его романъ: „Униженные и Оскорбленные“ (помѣщ. въ журн. „Время“ 1862 г.; редакторъ — братъ Ѳ. М.— Михаилъ Михайловичъ), который былъ замѣченъ и критикой, и читающей публикой, и еще позже его явившійся „Преступленіе и Наказаніе“ (1867).

Ѳ. М. написаны еще романы: „Идіотъ“, „Бѣсы“, „Подростокъ“, „Братья Карамазовы“.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ѳ. М. издавалъ „Дневникъ Писателя“—нѣчто въ родѣ періодическаго изданія.

Ѳ. М. скончался 28-го янв. 1881 г. Погребенъ на Александро-Невскомъ кладбищѣ.

Похороны Ѳ. М. были болѣе чѣмъ торжественныя. „Давно уже Петербургъ не видалъ такого народнаго собранія. Между тѣмъ ничего оффиціальнаго, никакихъ оповѣщеній, никакихъ приказаній! Полиція была совершенно не приготовлена къ такому стеченію народа и, сравнительно, она отсутствовала, а между тѣмъ эта торжественная процессія могла бы послужить образцомъ процессій этого рода, и ей, конечно, могутъ позавидовать самыя блестящія оффиціальныя процессіи, въ которыхъ постоянно высказывается „нарядъ“ и которыя рѣдко отличаются тѣмъ теплымъ, искреннимъ чувствомъ, проникавшимъ тысячныя толпы народа на похоронахъ Достоевскаго“... („Спб. Вѣдом.“).

Полное изданіе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго предпринято, по смерти его, вдовою.

При 1-мъ томѣ — біографія Ѳ. М., составленная О. Ѳ. Миллеромъ и Н. И. Страховымъ.

КОСТОМАРОВЪ, *Николай Ивановичъ*, сынъ небогатаго помѣщика Воронежской губерніи, до десяти лѣтъ воспитывался дома, а потомъ былъ помѣщенъ въ луч-

шій изъ московскихъ пансіоновъ, который содержалъ Ге, лекторъ университета. Долго Н. И. не могъ свыкнуться съ новою жизнью, болѣе или менѣе стѣснительною, съ новою средою. Дѣло дошло до того, что онъ чуть не бѣжалъ изъ пансіона.

Въ началѣ лѣта (1828) Н. И. пріѣхалъ на каникулы домой и, разумѣется, несказанно радъ былъ свиданію съ родными, а особенно съ отцомъ, къ которому онъ питалъ особенную любовь и уваженіе. И вдругъ этотъ отецъ, такъ страстно имъ любимый, отецъ, отъ котораго онъ ждалъ для себя такъ много добра, въ это же лѣто погибаетъ отъ руки своего кучера!.. Нечего и говорить о томъ, какъ велико было горе Н. И... Горе горемъ, а все-таки надобно было учиться; теперь, можетъ быть, болѣе настояла въ этомъ надобность, чѣмъ прежде.

Московскій пансіонъ оставленъ, и Н. И. нѣкоторое время учится въ Воронежскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ поступаетъ въ Воронежскую же гимназію, кончаетъ тутъ курсъ (тогда только четырехлѣтній), послѣ чего является студентомъ Харьковскаго университета. Н. И. было тогда 17 лѣтъ.

Незадолго до выхода изъ университета, Н. И. пришлось слушать лекціи по исторіи молодаго профессора Лунина. Эти лекціи сдѣлали то, что Н. И. бросилъ латинскій языкъ, до того времени имъ любимый, и сталъ болѣе чѣмъ охотно заниматься исторіей. Послѣ университета (1836) Н. И. нѣсколько послужилъ въ военной службѣ (юнкеромъ въ драгунскомъ полку); но оказалось, что она не по немъ,—и обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ по исторіи. Для этой цѣли онъ, въ качествѣ вольнослушателя, посѣщалъ лекціи профессоровъ Московскаго университета — вѣроятно, Каченовскаго, Погодина, Шевырева.

Въ занятіяхъ исторіей онъ прежде всего остановился на изученіи малорусской народности и сталъ собирать малороссійскія сказки и пѣсни. Первымъ литературнымъ произведеніемъ Н. И. была драма на малороссійскомъ языкѣ: „Савва Чалый“ (1838), подписанная псевдонимомъ: *Іеремія Галка*; за нею слѣдовали „Украинскія балълады“ (1839), потомъ—„Вѣтка“, сборникъ стихотвореній и др. Позже въ сборникѣ „Молодикъ“ являются въ переводѣ отрывки изъ Краледворской рукописи, историческія монографіи о Наливайкѣ и о князьяхъ Острожскихъ, „Взглядъ на малороссійскую литературу“ того времени.

Въ 1840 г. Н. И. защищалъ диссертацію на степень магистра исторіи: „О характерѣ уніи въ Западной Россіи, другая: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“.

Въ 1844 г. Н. И., служа учителемъ гимназіи въ Ровно (Волын. губ.), собиралъ народныя пѣсни и работалъ надъ монографіей „Богданъ Хмельницкій“. Черезъ годъ Н. И. перешелъ на службу въ Кіевскую гимназію, а потомъ скоро по приглашенію занялъ каѳедру исторіи въ Кіевскомъ же университетѣ. Года черезъ три поселился въ Саратовѣ, гдѣ болѣе десяти лѣтъ провелъ за разными историческими трудами. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: „Богданъ Хмельницкій“ и „Бунтъ Стеньки Разина“.

Въ 1859 г. Н. И. былъ приглашенъ въ Петербургскій университетъ на каѳедру русской исторіи, которую занималъ до 1861 года. На этомъ Н. И. и покончилъ съ своей профессурой. Затѣмъ онъ занялся исключительно литературными трудами по части исторіи.

Въ сочиненіяхъ по Русской исторіи Н. И., между прочимъ, пробовалъ доказать литовское происхожденіе нашихъ первыхъ князей (диспутъ съ проф. Погодинымъ), а не норманнское.

Изъ историч. сочиненій Н. И. извѣстны еще: „Сѣверорусскія народоправства“, „Исторія смутнаго времени“, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“; „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея важнѣйшихъ дѣятелей“, „Мазепа“ и др.

„Историческія монографіи и изслѣдованія“ Н. И. изданы въ 15-ти томахъ.

Въ послѣднемъ 15-мъ томѣ: „Руина“— историч. монографія, „Гетманства Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича“.

МАЙКОВЪ, *Аполлонъ Николаевичъ*, родился въ Москвѣ *); раннее дѣтство свое

*) Дворянскій родъ Майковыхъ—очень

провелъ въ отцовскомъ имѣніи, которое находилось близъ Троицко-Сергіевой лавры, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы. Съ родительскимъ домомъ А. Н. разстался 12-ти лѣтъ: тогда его привезли въ Петербургъ и помѣстили въ приготовительный пансіонъ дяди, гдѣ онъ, благодаря своимъ счастливымъ способностямъ, въ три года приготовился къ университетскому экзамену. И вотъ А. Н.—студентъ петербург. университета по юридическ. факультету (1836 г.). Съ русскою словесностью А. Н. познакомилъ нашъ извѣстный писатель И. А. Гончаровъ. Уже въ это время А. Н. пописывалъ стихи; но любовь къ живописи, унаслѣдованная отъ отца, брала верхъ, такъ что А. Н. мало занимался литературою и въ частности—поэзіею. Успѣху въ поэзіи предшествовалъ успѣхъ въ живописи, и если бы не слабость зрѣнія и близорукость, то А. Н., вѣроятно, осуществилъ бы свое желаніе поѣхать за границу для усовершенствованія въ любимомъ искусствѣ. Въ 1835 г. въ IX т. „Библіотеки для чтенія“ явилось первое печатное стихотвореніе А. Н. „Гусляръ“ изъ Гете. Къ этому приблизительно времени относится его другое стихотвореніе „Разочарованіе“, объясняемое какою-то неудачею въ живописи. Затѣмъ стихотворенія А. Н. являются одно за другимъ въ альманахахъ и журналахъ, сначала безъ подписи. Бѣлинскій, Плетневъ, Никитенко и критика вообще обратили вниманіе на молодаго даровитаго поэта и своими сочувственными отзывами заставили его обратиться къ занятію поэзіей.

Въ 1841 г. А. Н., по окончаніи университетскаго курса, поступаетъ на гражданскую службу.

Въ 1842 г. явилось въ печати собраніе стихотвореній А. Н.—небольшая книжка, въ которой было 85 мелкихъ стихотвореній и поэма „Олинѳъ и Эсфирь“. Стихотворенія были расхвалены въ журналахъ; дарованіе поэта признано и т. д. Въ 1843 г. А. Н. въ Парижѣ, гдѣ около полугода слушаетъ лекціи въ Сорбоннѣ, въ Collège de France, а затѣмъ переѣзжаетъ въ Италію: тутъ онъ пораженъ красотами природы, произведеніями искусствъ, которыя онъ могъ цѣнить, какъ человѣкъ, знакомый съ классиками, съ древностями, съ живописью; въ Римѣ А. Н. живетъ болѣе года. Въ 1847 явились его „Очерки Рима“, свидѣтельствовавшія, что онъ много вынесъ изъ путешествія по Италіи.

Возвратившись въ Петербургъ, А. Н. обращается къ изученію философіи, въ чемъ ему помогаетъ братъ, Валеріанъ Николаевичъ (впослѣдствіи извѣстный критикъ); съ нимъ онъ былъ и за границей. Плодомъ занятій философіей были „Три смерти“, одно изъ лучшихъ стихотвореній А. Н. („Библ. для чт.“ 1857, № 11), лирическая драма „Два міра“ („Гражданинъ“ 1872). Въ 1845 г. явилась его поэма „Двѣ судьбы“; въ это же время являются его разныя стихотворенія въ „Отеч. Зап.“ и въ „Современникѣ“, два прозаическіе разсказа и нѣсколько критическихъ и художественныхъ статей; а въ 1855 году—новое собраніе стихотвореній, куда вошло нѣсколько патріотическихъ.

Изъ стихотвореній, относящихся къ послѣдующимъ годамъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія: 2-я ч. драматич. поэмы „Три смерти“, Савонарола“, „Дурочка Дуня“, „Рыбная ловля“, „Послѣдніе язычники“, „Упраздненный монастырь“ и др.

Въ 1858 г. вышло полное собраніе стихотвореній А. Н., въ двухъ томахъ; а въ 1864 г.—прибавленіе къ нимъ: „Новыя стихотворенія А. Н. Майкова“.

Затѣмъ стихотворенія А. Н. встрѣчаемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Зарѣ“ и „Гражданинѣ“. Изъ крупныхъ работъ этого вре-

---

древній. Извѣстенъ, напр., Препод. Нилъ Майковъ — Сорскій (1434 — 1508), положившій начало скитской жизни въ Россіи (его скитъ былъ на р. Сорѣ); затѣмъ—Иванъ Майковъ, помѣщикъ Ярославской губ., содѣйствовавшій Ѳ. Г. Волкову основать первый постоянный русскій театръ въ Ярославлѣ (1746). Сынъ его, Василій Ивановичъ, писатель временъ Екатерины, масонъ, извѣстенъ своими одами, посланіями, баснями и поэмами. Наконецъ Николай Аполлоновичъ (1794 — 1873), отецъ нашего поэта, сначала былъ военнымъ, участвовалъ въ кампаніи 1812—15 гг.; въ сраженіи при Бородино былъ раненъ. Послѣ этого онъ занялся живописью и такъ успѣшно, что въ 1835 г. получилъ званіе академика.

мени (до 1872 г.) выдѣляется стихотворный переводъ „Слова о полку Игоревѣ“, считающійся лучшимъ.

Въ 1872 г. послѣдовало третье изданіе стихотвореній А. Н. въ трехъ томахъ, гдѣ находимъ все, что онъ написалъ въ теченіе болѣе чѣмъ 30-ти лѣтъ.

Занимаясь поэзіею, А. Н., въ то же время, состоялъ на государственной службѣ (гражданской); въ послѣднее время—въ комитетѣ иностранной цензуры.

Въ Октябрѣ 1882 г. А. Н. присуждена полная пушкинская премія за представленную имъ драматическую поэму „Два міра“, въ которой „авторъ проявилъ глубокое пониманіе древняго міра. Языкъ поэмы отличается ясностью, точностью, образностью и чистотою“.

МАКСИМОВЪ, *Сергѣй Васильевичъ*, сынъ уѣзднаго почтмейстера, родился въ посадѣ Парфентьевѣ (Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда). Первоначальное образованіе получилъ въ Посадскомъ народномъ училищѣ. Изъ высшихъ учебныхъ заведеній учился сначала въ Московскомъ университетѣ (1850), а потомъ въ Медико-Хирургической академіи, и въ это время впервые началъ авторствовать, прежде всего для того, чтобы было чѣмъ существовать.

Первые литературные опыты С. В. были этнографическіе очерки изъ быта крестьянъ и мѣщанъ, къ которымъ онъ присмотрѣлся и хорошо познакомился съ ними еще въ дѣтствѣ. Ободренный И. С. Тургеневымъ, С. В. пошелъ по этому пути дальше, и въ 1855 г. лѣтомъ совершилъ путешествіе пѣшкомъ по Владимірской губерніи, былъ въ Нижнемъ, во время ярмарки, и въ глухихъ мѣстахъ Вятской губерніи. Это путешествіе, предпринятое для знакомства съ народомъ на мѣстѣ, имѣло своимъ результатомъ рядъ очерковъ, напечатанныхъ въ „Библіотекѣ для чтенія“. Въ 1871 году эти очерки вышли въ двухъ томахъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Лѣсная глушь“.

Въ томъ же году, по предложенію Морскаго министерства, С. В. путешествовалъ къ Бѣлому морю и тогда же, по собственному желанію, добрался до Ледовитаго океана и рѣки Печоры. Въ 1857 г. очерки названныхъ путешествій, какъ бы отчеты, были помѣщаемы въ органѣ Морскаго Министерства,—„Морскомъ Сборникѣ“; не было недостатка въ матеріалѣ и для частныхъ журналовъ („Библіотеки для чтенія“ и „Сына Отечества“). Въ 1859 г. всѣ эти очерки, вмѣстѣ собранные, вышли подъ заглавіемъ: „Годъ на сѣверѣ“ (3-е изд. въ 1871 г.) и Географическимъ обществомъ были удостоены малой золотой медали. Изъ другихъ сочиненій С. В. извѣстны: „На Востокѣ“ (2-е изд. въ 1871 г.), „Сибирь и Каторга“ (въ 3-хъ тт.). Эти сочиненія явились также плодомъ путешествій С. В. по Амуру и мѣстамъ ссылки и каторги въ Сибири, предпринятыхъ на средства, данныя Морскимъ министерствомъ.

Позже, въ 1862 г., С. В. путешествовалъ къ Каспійскому морю и рѣкѣ Уралу для изученія природы и жителей, обитающихъ въ названныхъ мѣстахъ. Это—третья экспедиція С. В., на которую онъ былъ вызванъ Морскимъ министерствомъ.

Въ 1865 году С. В., по приглашенію товарищества „Общественной Пользы“, редактировалъ книги и брошюры для народнаго чтенія, изъ которыхъ половина (около 18-ти) принадлежитъ самому редактору, а потомъ продолжалъ это же дѣло въ коммиссіи по устройству народныхъ чтеній при Соляномъ городкѣ и другой—Министерства Народнаго Просвѣщенія (постоянной).

Черезъ три года (1868) С. В., по порученію Географическаго общества, посѣтилъ 7-мь губерній—Псковскую, Смоленскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую и Минскую. О результатахъ этого путешествія читатель найдетъ свѣдѣнія частью въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія“, а частью въ сочиненіи „Бродячая Русь“, первый томъ котораго вышелъ въ 1877 году.

Въ заключеніе упомянемъ о позднѣйшихъ работахъ С. В. по обработкѣ статей, описаніямъ и разсказамъ въ изданіи Вольфа: „Живописная Россія“.

МЕЛЬНИКОВЪ, *Павелъ Ивановичъ*, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ „Андрей Печерскій“, родился въ Нижнемъ Новгородѣ. Отецъ его, небо-

гатый помѣщикъ, служилъ по дворянскимъ выборамъ въ Семеновѣ, уѣздномъ городѣ Нижегородской губерніи, гдѣ П. И. провелъ свое дѣтство, готовясь къ поступленію въ Нижегородскую гимназію. Послѣ гимназіи П. И. поступилъ въ Казанскій университетъ, въ которомъ и кончилъ курсъ со степенью кандидата по словесному факультету (1837). Нѣкоторое время онъ оставался при университетѣ для приготовленія на каѳедру исторіи, потомъ получилъ мѣсто преподавателя исторіи и русской словесности въ Пермской гимназіи, откуда скоро перешелъ въ Нижній Новгородъ на службу при мѣстномъ губернаторѣ, и въ то же время редактировалъ губернскія вѣдомости (1846).

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ П. И. переѣхалъ въ Петербургъ и служилъ здѣсь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ редакціи газеты „Сѣверная Почта“. Изъ Петербурга П. И. переселился въ Москву, гдѣ состоялъ на службѣ при генералъ-губернаторѣ, а затѣмъ служилъ въ Нижнемъ Новгородѣ до самой своей смерти, 1-го февраля 1883 г. По дѣламъ службы Павлу Ивановичу пришлось очень близко и подробно ознакомиться съ расколомъ, плодомъ чего явились солидныя монографіи: „Письма о расколѣ“ (1862) и „Историческіе очерки поповщины (1864).

Это, впрочемъ, не первые литературные труды П. И. Гораздо раньше (1839) стали извѣстны его „Дорожныя записки изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь“, замѣчательныя по вѣрности и точности фактовъ, въ нихъ сообщенныхъ, и разсказы: „Медвѣжій уголъ“, „Старые годы“, „Красильниковы“ и др. Разсказы изд. въ Москвѣ 1876 г. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ П. И. попробовалъ издавать газету „Русскій Дневникъ“, посвященную исключительно Россіи, но она, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не пошла.

Въ 1874 г. праздновали 35-тилѣтній юбилей литературной дѣятельности П. И.

Слава П. И., какъ писателя, зиждется главнымъ образомъ на его двухъ обширныхъ романахъ-хроникахъ: „Въ лѣсахъ“ (Москва 1875) и „На горахъ“ (1881.), по содержанію, составляющихъ одно цѣлое.

Это своего рода эпопея, сюжетъ которой заимствованъ изъ жизни нашихъ старообрядцевъ и раскольниковъ. Дѣйствіе эпопеи происходитъ въ приволжскихъ губерніяхъ,—на луговой и нагорной сторонахъ.

Въ 1876 году вышли разсказы П. И. подъ заглавіемъ: „Разсказы Андрея Печерскаго“; 2-е изд. въ 1882 г.

Во всѣхъ названныхъ сочиненіяхъ П. И. заявилъ себя замѣчательнымъ знатокомъ народнаго быта и этнографомъ.

Послѣдній литературный трудъ П. И. „За Волгой“ остался неконченнымъ.

НЕКРАСОВЪ, *Николай Алексѣевичъ*, родился въ г. Ярославлѣ. Родители его были дворяне. Отецъ его служилъ въ военной службѣ и въ отечественную войну участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; въ это время онъ былъ адъютантомъ графа Витгенштейна.

Подготовленый дома, Н. А. поступилъ въ Ярославскую гимназію (въ 4-й кл.); но отцу, между тѣмъ, хотѣлось, чтобы сынъ его былъ военнымъ, какъ онъ самъ и его два брата, павшіе въ Бородинскомъ сраженіи, и потому Н. А., согласно желанію отца, изъ гимназіи долженъ бы поступить въ Дворянскій полкъ. Послѣднее не состоялось, такъ какъ Н. А., противъ воли отца, принялся готовиться къ поступленію въ университетъ; онъ съ этою цѣлью уже поселился въ Петербургѣ. Какъ на зло, Н. А. экзамена не выдержалъ и присталъ къ университету въ качествѣ вольнослушателя (1840).

Раньше этого (въ 1838 г.) въ журналахъ и газетахъ являются литературные опыты Н. А. (стихотворенія, повѣсти, рецензіи).

Такъ какъ стихотворенія болѣе удались и были замѣчены, то Н. А. и сталъ на эту дорогу. Первое печатное стихотвореніе его „Мысль“ явилось въ „Сынѣ Отечества“ 1838 г.; а въ 1840-мъ явились «Мечты и звуки», сборникъ стихотвореній Н. А., не очень-то сочувственно встрѣченный Бѣлинскимъ.

Съ 1845 г. стихотворенія Н. А. одно за другимъ стали появляться въ «Отечественныхъ Запискахъ», лучшемъ тогдаш-

немъ журналѣ. Университетъ давно уже былъ покинутъ (1841).

Въ 1847-мъ году Н. А., вмѣстѣ съ Панаевымъ, извѣстнымъ писателемъ, основываютъ свой журналъ «Современникъ», который сразу завоевываетъ себѣ почетное мѣсто среди другихъ журналовъ, что̀ не удивительно при такихъ сотрудникахъ, какъ Тургеневъ, Герценъ, Гончаровъ, Огаревъ, Бѣлинскій, Кавелинъ, Соловьевъ, Уваровъ, Никитенко, Достоевскій, Григоровичъ и др.

Лучшія стихотворенія, прославившія Н. А., явились въ названномъ журналѣ въ 1853 г. („Муза", „Въ деревнѣ", „Несжатая полоса", „Забытая деревня", „Маша", „Власъ", „Внимая ужасамъ войны"... „Замолкни муза мести и печали"... „Застѣнчивость" и др.), потомъ въ 1861-мъ г. („Коробейники") и позже („Морозъ красный носъ" и начало поэмы: „Кому на Руси жить хорошо").

„Современникъ" пересталъ выходить въ 1866 году, и Н. А. является дѣятельнымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ". Здѣсь въ началѣ 70-хъ годовъ, кромѣ мелкихъ стихотвореній, Н. А. помѣстилъ такія произведенія, какъ главы изъ поэмы „Русскія женщины" и продолженіе поэмы: „Кому на Руси жить хорошо". Н. А. умеръ въ 1877 г.

Первое изданіе стихотвореній Н. А. Некрасова вышло въ одномъ томѣ. М. 1866 г., а послѣднее (6-е) въ пяти частяхъ. Спб. 1869—73. „Послѣднія пѣсни Н. А. Некрасова". Спб. 1877. Посмертное изданіе—въ 4-хъ тт. Спб. 1879. Позднѣе—компактное, въ одномъ томѣ. (1882 г.). Поэма: „Кому на Руси жить хорошо". Спб. 1880.

„Н. А. Некрасовъ считается главнѣйшимъ представителемъ нравоописательнаго направленія въ нашей поэзіи. Стихъ его самымъ непосредственнымъ образомъ связанъ съ тѣмъ стремленіемъ къ воспроизведенію дѣйствительной жизни, которое рѣшительно водворено у насъ Гоголемъ, чѣмъ и объясняется популярность произведеній Н. А. Некрасова" („Публичныя лекціи О. Ѳ. Миллера. Спб. 1874, стр. 105).

„Въ частности Н. А. Некрасовъ считается у насъ стихотворцемъ, воспѣвающимъ народную долю. Изъ его стихотвореній мы знакомимся со скорбью обыкновенныхъ людей, со скорбью *человѣческаго большинства*, передъ которою, по сознанію нашего поэта, должны замолкнуть всякія личныя жалобы (тамъ же, стр. 129)".

О. Ѳ. Миллеръ въ поэтической дѣятельности Н. А. Некрасова различаетъ два періода. Стихотворенія: „Въ дорогѣ", „Забытая деревня", „Псовая охота", „Записки графа Гаранскаго", „Знахарка", „Несжатая полоса", „Каллистратъ", „Въ деревнѣ", „На Волгѣ", „Арина, мать солдатская", и т. под. характеризуютъ 1-й періодъ (до 1861) г.). Во 2-мъ встрѣчаются повторенія прежнихъ мотивовъ, при замѣтномъ ослабленіи поэтической силы, обнаруживающемся въ нѣкоторой искусственной напряженности, въ нѣкоторой, такъ сказать, придуманности («Утренняя прогулка», «Желѣзная дорога», картина народнаго пьянства въ поэмѣ: «Кому на Руси жить хорошо», «Крестьянка»—тамъ же). „Публичн. лекціи", стр. 130—153.

См. «Новое Время» 1873. № 37, 61; «Рус. Міръ» 1872. № 122; 1873. № 46, 49; «Спб. Вѣдомости» 1873. № 27; «Отеч. Зап.» 1873. № 1; „Нива" 1872. № 25.

„На память о Н. А. Некрасовѣ". Спб. 1873 г.

„Н. А. Некрасовъ"—Голубева. Спб. 1878.

„Душа поэта". Біографія Н. А. Некрасова—Горемыкина. Спб. 1878 г.

НИКИТИНЪ, *Иванъ Савичъ*, родился въ Воронежѣ. Отецъ его—мѣщанинъ, человѣкъ торговый и сначала—со средствами.

Поучившись немножко дома, И. С., семилѣтній мальчикъ, поступаетъ въ мѣстное духовное училище, гдѣ у него замѣтно развивается любовь къ чтенію. Черезъ пять лѣтъ онъ переводится въ духовную семинарію и тутъ знакомится съ произведеніями такихъ отечественныхъ писателей, какъ Жуковскій, Пушкинъ, Кольцовъ, а потомъ скоро и въ себѣ какъ бы ощущаетъ поэтическій даръ. Первое стихотвореніе свое онъ представилъ на судъ семинарскому учителю словесности, и тотъ одобрилъ его.

Два года съ небольшимъ пробылъ И. С. въ духовной семинаріи; долѣе оставаться было нельзя, хотя бы и хотѣлось, такъ какъ къ этому времени (1840—41 гг.) торговыя дѣла старика-отца сильно по-

шатнулись, и сынъ немедленно долженъ былъ явиться на помощь.

И. С. тотчасъ явился: онъ прежде всего норѣшилъ съ отцовскимъ воско-бѣлильнымъ заводомъ, заплатилъ долги, а на оставшійся капиталецъ снялъ постоялый дворъ, гдѣ и поселился съ больнымъ отцомъ. Сначала самому И. С. пришлось и стряпать на извощиковъ, и прислуживать имъ и т. п.

Новая среда, новая обстановка оказались крайне неблагопріятными для дальнѣйшаго развитія поэтическаго дара И. С., о чемъ онъ сильно тосковалъ. Не смотря на стѣснительныя обстоятельства жизни, въ какихъ очутился теперь И. С., онъ все-таки не покинулъ любимаго занятія чтеніемъ и поэзіей: тому и другому предавался во время дальнихъ прогулокъ гдѣ-нибудь за городомъ.

Наконецъ, И. С., благодаря обязательному содѣйствію редактора „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", гдѣ было напечатано стихотвореніе И. С. „Русь" (1853), онъ познакомился съ образованными людьми, которые отъ души привѣтствовали въ немъ молодаго поэта. Такое отношеніе образованныхъ людей благодѣтельно подѣйствовало на поэтическое дарованіе И. С.: онъ послѣ того написалъ такія стихотворенія („Жена ямщика", „Ночлегъ извощиковъ", „Утро на берегу озера" и т. п.), что въ немъ, какъ талантливомъ поэтѣ, уже не могло быть сомнѣнія.

Въ 1856 г. вышла небольшая книжка: „Стихотворенія Ивана Никитина", изданная графомъ Д. И. Толстымъ. Къ сожалѣнію, и публика, и журналистика какъ-то холодно встрѣтили стихотворенія И. С. Иной успѣхъ имѣла поэма И. С. „Кулакъ", изданная въ Москвѣ въ 1878 г.: эта поэма была признана „однимъ изъ лучшихъ литературныхъ явленій того времени" („Атеней"); по отзыву Грота, „Кулакъ"—замѣчательное явленіе въ русской поэзіи. (См. біографію при соч. И. С., напис. М. де-Пуле). Въ слѣдующемъ году послѣдовало второе изданіе стихотвореній И. С., измѣненное сравнительно съ первымъ.

Въ 1859 г. И. С. открылъ въ Воронежѣ книжный магазинъ.

Въ „Воронежской Бесѣдѣ" (1861) напечатаны два сочиненія И. С.: „Дневникъ семинариста" и „Тарасъ", а въ „Русскомъ Архивѣ" 1865 г.—три стихотворенія и разсказъ „Либералъ" (1867).

„Дневникъ Семинариста" показалъ, что И. С. хорошо владѣлъ прозаическою рѣчью и писалъ безукоризненно правильно, чего можно требовать только отъ человѣка съ образованіемъ, отъ присяжнаго литератора; между тѣмъ И. С.былъ литераторъ, выработанный провинціей, безъ всякаго участія столицъ и другихъ умственныхъ центровъ, въ провинціи жившій и дѣйствовавшій. (М. де-Пуле).

Отъ только что названнаго біографа пріятно слышать про И. С., что онъ самъ развилъ и образовалъ себя самымъ разнообразнымъ серьезнымъ чтеніемъ (у него была собрана своя библіотека) и живыми бесѣдами съ образованными людьми. И. С. изучилъ франц. языкъ, на которомъ свободно читалъ, могъ кое-какъ объясняться. Отъ него же узнаемъ, что И. С. за свои стихотворенія удостоился получить отъ Высочайшихъ особъ драгоцѣнные подарки. И. С. умеръ въ Воронежѣ и погребенъ на городскомъ кладбищѣ. гдѣ и Кольцовъ.

Позднѣйшее изданіе сочиненій И. С. (въ двухъ томахъ) относится къ 1878-му году; въ этомъ изданіи исправленная біографія И. С.—де-Пуле, портретъ и fac simile.

Объ И. С. Никитинѣ см. въ „Воронежскомъ Телеграфѣ" 1871 г., №№ 17 и 45.

ОСТРОВСКІЙ, *Александръ Николаевичъ*, сынъ потомственнаго дворянина, родился въ Москвѣ. Отецъ его сначала былъ на гражданской службѣ, а потомъ частнымъ образомъ занимался адвокатурой и преспокойно жилъ себѣ въ своемъ маленькомъ домикѣ, въ Замоскворѣчьѣ.

А. Н. учился въ первой Московской гимназіи, а потомъ въ Университетѣ по юридическому факультету, но курса не кончилъ и опредѣлился на службу въ Московскій Коммерческій судъ (1843 г.), получивъ чинъ XIV кл.

Въ 1847 г. явились первыя литературныя произведенія А. Н. «Сцены изъ Замоскворѣцкой жизни» и «Очерки Замо-

скворѣчья», помѣщенныя въ двухъ московскихъ журналахъ. Въ этихъ произведеніяхъ описаны жизнь и нравы московскаго купечества. Въ 1850 г. въ «Москвитянинѣ» напечатана была первая и, какъ потомъ оказалось, лучшая комедія А. Н. «Свои люди — сочтемся». Она тогда же была признана замѣчательнымъ произведеніемъ, хотя не удостоилась постановки на сцену. Успѣхъ этихъ первыхъ произведеній утвердилъ А. Н. въ той мысли, что и дальше слѣдуетъ писать въ томъ же родѣ и избрать тотъ же купеческій людъ; а онъ хорошо былъ извѣстенъ А. Н.: онъ дѣтство свое прожилъ среди купечества, насмотрѣлся потомъ на нихъ, какъ на кліентовъ своего отца.

Неудивительно послѣ этого, если первыя произведенія явились именно такія, какъ вышеназванныя.

Затѣмъ слѣдовали комедіи: «Бѣдная Невѣста», «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность не порокъ», «Не такъ живи, какъ хочется», «Въ чужомъ пиру похмѣлье», «Доходное мѣсто», «Воспитанница», «Гроза». Эти 8-мь комедій написаны А. Н. впродолженіе семи лѣтъ и напечатаны въ журналахъ: «Москвитянинъ», «Русская Бесѣда» и «Библіотека для чтенія (1852—1859 гг.).

Независимо отъ этого, А. Н. тогда же писалъ и печаталъ сцены изъ той же московской жизни, какъ напр. «Семейная картина», «Утро молодаго человѣка», «Праздничный сонъ—до обѣда», «Не сошлись характерами», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь», «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». Послѣднія сцены относятся къ 1860 году; а всѣ онѣ помѣщены въ «Современникѣ» 1856—1860 г.

Изъ поименованныхъ произведеній А. Н. особенный успѣхъ и значеніе имѣли: «Бѣдность не порокъ», «Не въ свои сани не садись», преимущественно же «Гроза».

Въ началѣ 60-хъ годовъ А. Н. попробовалъ писать драматическія хроники или историческія драмы. Первая: «Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ»,—она же и лучшая, вторая: «Воевода или сонъ на Волгѣ», затѣмъ въ 1867 г. явились еще двѣ: «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» и «Тушино». «Василиса Мелентьева»—послѣднее произведеніе Н. А. въ новомъ родѣ (1862—1868 гг.). Всѣ онѣ написаны стихами.

Хотя эти хроники, поставленныя (не всѣ) на сцену и имѣли успѣхъ, но все-таки слабѣе бытовыхъ комедій. Одновременно съ хрониками А. Н. написалъ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», драма; «Тяжелые дни», сцены; «Шутники», картины москов. жизни; «На бойкомъ мѣстѣ», комедія; «Пучина», сцены и, кромѣ того, прекрасно перевелъ комедію Шекспира «Усмиреніе своенравной».

Хроники и сцены были помѣщены въ журналахъ: «Современникъ», «Вѣстникъ Европы», «Время», «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Изъ нихъ выдѣляются, какъ лучшія: «Шутники» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ».

Въ «Отеч. Запискахъ» 1868—1873 г. находимъ слѣд. произведенія А. Н. «На всякаго мудреца довольно простоты», «Горячее сердце», «Бѣшеныя деньги», «Лѣсъ», «Не все коту масляница», «Не было ни гроша да вдругъ алтынъ» и «Комикъ».

Изъ этихъ лучше «Не все коту масляница»; эта комедія напомнила собою первыя комедіи А. Н.

Послѣ только что названныхъ произведеній А. Н., слѣдуетъ упомянуть о его переводахъ пяти итальян. и франц. комедій: «Заблудшія овцы», «Великій Банкиръ», «Кофейная», «Рабство мужей» и «Семья преступника».

«Въ 1872 году, 15-го марта въ С.-Петербургѣ торжественно отпразднованъ былъ 25-тилѣтній юбилей литературной дѣятельности А. Н. Самъ юбиляръ, по болѣзни, не присутствовалъ на торжествѣ, которое было устроено въ честь его въ Собраніи Художниковъ.

Изъ позднѣйшихъ драматическихъ произведеній А. Н. извѣстны комедіи: «Послѣдняя жертва», «Богатыя невѣсты», «Волки и Овцы», «Сердце не камень», «Таланты и поклонники», «Невольницы», «Красавецъ-мужчина» и др.

Есть у А. Н. пьесы, написанныя совмѣстно съ Соловьевымъ, какъ напр., комедія „Женитьба Бѣлугина“, «Дикарка» и др. (Драмат. соч. А. Островскаго и Н. Соловьева. Спб. 1881).

Только что возникшему журналу: «Изящ-

ная Литература» А. Н. обѣщалъ свое сотрудничество по переводу иностранныхъ драматическихъ произведеній. Въ этомъ журналѣ, между прочимъ обѣщана комедія Гоцци (итальян. комикъ), переведенная А. Н.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго вышло въ 8-ми томахъ. Спб. 1874 г.; 9-й томъ—М. 1878 г.

См. «Дѣло» 1871, № 11; «Сіяніе» 1872 № 7; „Критическіе этюды" Бибикова. Спб. 1865; «Русскій Курьеръ» 1880, № 52—53; «Русская Рѣчь» 1880, №№ 5—8.

«Порядокъ» 1881, № 360; «Критическое Обозрѣніе» 1880, № 3; «Молва» 1880, 4.

«Москов. Вѣдом.» 1880, № 326; «Голосъ» 1881, № 31; «Отеч. Зап.» 1873, № 5, и 1875, №№ 1—2.

«Живописное Обозрѣніе» 1880.

Рядъ статей Н. А. Добролюбова (въ собраніи его сочиненій) «Темное царство».

ПИСЕМСКІЙ, *Алексѣй Ѳеофилактовичъ*, (1820—1881), происходилъ изъ дворянъ Костромской губ. Мѣсто рожденія его—усадьба Раменье, Чухломскаго уѣзда. До 13-ти лѣтъ А. Ѳ. учился дома, потомъ въ Костромской гимназіи и, наконецъ, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ по математическому факультету въ 1844 г. До 1853 года А. Ѳ. состоялъ на гражданской службѣ, а затѣмъ всецѣло посвятилъ себя литературѣ и жилъ съ этою цѣлью сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

Литературная извѣстность А. Ѳ. началась съ его повѣсти „Тюфякъ" („Москвитянинъ, 1850 г.); было кое-что написано и ранѣе (разсказъ„ Нина", повѣсть „Боярщина"). Затѣмъ послѣдовательно одно за другимъ, безъ особенныхъ перерывовъ, являлись слѣдующія произведенія А. Ѳ.: романъ „Бракъ по страсти", разсказъ „Комикъ", комедія „Ипохондрикъ", романъ „Богатый женихъ", разсказы: „Питерщикъ", „Мосье Батмановъ", комедія „Раздѣлъ", разсказы: „Лѣшій", „Виновата ли она?"; „Плотничья артель", очеркъ; „Старая барыня", романъ „Тысяча душъ"—и драма „Горькая судьбина" (два послѣднія—лучшія произведенія А. Ѳ.); романъ „Взбаламученное море", драмы: „Самоуправцы", „Поручикъ Гладковъ", „Бѣлые соколы", романъ „Въ водоворотѣ", этнографическіе очерки „Калмыки" и др.

Все это написано было впродолженіе лѣтъ двадцати пяти и напечатано въ разныхъ журналахъ—„Москвитянинѣ", „Современникѣ", „Отечествен. Запискахъ", „Русскомъ Вѣстникѣ", „Всемірномъ трудѣ" и „Библіотекѣ для чтенія" (этотъ журналъ А. Ѳ. редактировалъ лѣтъ шесть—семь, отъ 1857 до 1863 г.).

Послѣднія произведенія А. Ѳ.—ром. „Мѣщане". Спб. 1878 г., драма „Финансовый геній" и разсказъ „Капитанъ Рухневъ"—помѣщены въ „Газетѣ А. Гатцука", романъ „Массоны"—въ журн. „Огонекъ".

По характеру произведеній, А. Ѳ. примыкаетъ къ натуральной школѣ, начатой Гоголемъ.

Въ произведеніяхъ А. Ѳ. находимъ вѣрныя, безъ пристрастія и притворности, характеристики крестьянскаго быта и самого крестьянина, особенно тронутаго столичною жизнью, или средою фабричныхъ, а то — мелкимъ торгашествомъ. Обиженный, напр., представленъ такъ, что его не оправдаешь; въ простачкѣ сейчасъ увидишь, что онъ не настоящій, а человѣкъ себѣ на умѣ.

Большая часть разсказовъ А. Ѳ. имѣютъ въ виду цѣль нравоучительную.

Впервые сочиненія А. Ѳ. Писемскаго собраны и изданы въ 1861 году (три тома).

Отдѣльно изданы: „Комедіи, драмы и трагедіи А. Писемскаго" М. 1874.

ПЛЕЩЕЕВЪ, *Алексѣй Николаевичъ*, происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Родина его—г. Кострома; но раннее дѣтство пришлось ему провести на чужбинѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда отецъ его перешелъ на службу. 13-ти лѣтъ А. Н. привезенъ въ Петербургъ, гдѣ черезъ два года поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а потомъ — перешелъ въ университетъ; но какъ тамъ, такъ и здѣсь курса не кончилъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого (1849) А. Н., какъ политическій преступникъ, замѣшанный въ дѣлѣ Петрашев-

скаго, девять мѣсяцевъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а потомъ долженъ былъ начать военную службу рядовымъ; за отличіе въ дѣлѣ при штурмѣ одной крѣпости произведенъ въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ скоро дослужился и до офицерства, послѣ чего перешелъ на гражданскую службу. Въ 1857 А. Н. окончательно прощенъ, причемъ получилъ отнятыя при разжалованіи права дворянства и позволеніе жить въ столицѣ.

Сначала А. Н. поселился въ Москвѣ, а съ 1872 года живетъ въ Петербургѣ, состоя на службѣ въ Государственномъ Контролѣ.

Въ рус. литературѣ А. Н. извѣстенъ:

1) Своими стихотвореніями, оригинальными и переводными, которыя впервые являются въ „Современникѣ“ 1843 г. Въ 1846 г. вышло 1-е собраніе стихотвореній А. Н., сочувственно встрѣченное и печатью, и публикой.

2) Повѣстями и разсказами („Енотовая шуба“, „Шалость“, „Пашинцевъ“, „Дачные романы“, „Чужія письма“ и мн. др.).

3) Драматическими пьесами („Ловкая барыня“, „Крестница“, „Командирша“, „Вакантное мѣсто“, „Старое старится, молодое растетъ“, комедіи и др.—Сюда же надобно отнести его „Сборникъ театральныхъ пьесъ для домашнихъ и любительскихъ спектаклей, въ 3-хъ тт. Спб. 1880).

4) Переводами („Вильямъ Радклифъ“—драматич. баллада Гейне, „Работница“—поэма Шевченки, „Магдалина“ — драма Геббеля, „Струензе“—трагедія Бэра, „Изъ нынѣшнихъ“—ком., передѣл. съ франц., „Богъ сна“, новелла Гейзе въ журн. „Дѣло“ 1882 г., № 11; переводы въ журн. „Изящная Литература“ 1883 г.).

5) Прозаич. соч. и статьями („О жизни и сочиненіяхъ Поль-Люи Курье“, „Географическіе очерки и картины по Грубе“ и др. источникамъ, „Д. В. Соколовъ“).

6) Какъ издатель политико-литературной газеты „Московскій Вѣстникъ“ въ 1859—60 гг.

Повѣсти и разсказы А. Н. изд. въ 1860 г. въ Москвѣ; стихотворенія — въ 1861 и 63 гг., и „Подснѣжникъ“, стихотворенія для дѣтей и юношества, въ 1878 году.

Нѣсколько повѣстей и разсказовъ А. Н. подъ общимъ заглавіемъ: „Житейское“, изданы въ 1879 году.

Объ этихъ повѣстяхъ см. „Новости“ 1879, № 323.

„Русское Богатство“ 1880, № 6.

О стихотвореніяхъ Плещеева—„Отеч. Зап.“ 1858, т. 120.

ПОЛОНСКІЙ, *Яковъ Петровичъ*, сынъ чиновника, служившаго въ канцеляріи рязанскаго генералъ-губернатора, а потомъ въ Эриванѣ—совѣтникомъ палаты. Родина его—Рязань, а Рязанская гимназія—первое учебное заведеніе, въ которомъ онъ воспитывался. За стихотвореніе своего сочиненія, поднесенное покойному Государю (1831), въ то время еще Наслѣднику (онъ проѣздомъ останавливался въ Рязани), Я. П. получилъ золотые часы. За гимназіею слѣдовалъ Московскій университетъ, въ которомъ Я. П. кончилъ курсъ по юридическому факультету (1844 г.). Въ этомъ же году явились его „Гаммы“—первый сборникъ стихотвореній, сочувственно встрѣченный журналистикой. Затѣмъ стали являться другіе сборники стихотвореній и вообще сочиненій Я. П.: „Стихотворенія 1845 г.“; „Сазандаръ“ (грузин. пѣвецъ) 1849; въ „Москвитянинѣ“1852—драма „Дареджана Имеретинская“, построенная на грузинскихъ преданіяхъ (Я. П. въ это время жилъ въ Тифлисѣ, состоя въ качествѣ помощника редактора „Закавказскаго Вѣстника“); „Стихотворенія Я. П. Полонскаго“—1855 г.—собраніе стихотвореній, прежде напечатанныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ и „Дареджаны“, отдѣльно напечатанной; „Разсказы Я. П. Полонскаго“ и „Стихотворенія Я. П. Полонскаго“ 1859 г., изд. „Русскаго Слова“,—журнала графа Кушелева - Безбородко. Графъ, познакомившись съ Я. П. въ Римѣ, гдѣ послѣдній жилъ зиму 1857 г., а раньше путешествовалъ по Германіи и Швейцаріи, избралъ его редакторомъ названнаго журнала, основаннаго въ 1859 г., гдѣ, кромѣ стихотвореній, рецензій и разныхъ статей Я. П., была напечатана въ Мартовской книжкѣ его же „Кузнечикъ-Музыкантъ“,—граціозная шутка въ видѣ поэмы); „Оттиски“, собраніе стихотвореній 1863—66 гг.; „Сочиненія Я. П. По-

лонскаго", въ 3-хъ тт. 1869—70, изд. Вольфа; въ этомъ изданіи нашло себѣ мѣсто все написанное Я. П. до 1870 г.; отдѣльно: „Кузнечикъ-Музыкантъ" и нѣсколько стихотвореній. Спб. 1863 г.; „Разладъ", сцены изъ послѣдняго польскаго возстанія, Спб. 1866; „Снопы" (стихи и проза. Книга 1-я) 1871 г.; „Рецензентъ Отеч. Зап. и отвѣтъ ему Я. П. Полонскаго". Спб. 1871; отдѣльно: „Вакула-кузнецъ", либретто для оперы. Спб. 1872; 2-е изд. 1878 г., „Озими"—сборникъ новыхъ стихотвореній Я. П. въ 2-хъ частяхъ, Спб. 1877. Послѣдній сборникъ стихотв. Я. П. „На закатѣ" удостоенъ половинной Пушкинской преміи, причемъ въ отчетѣ сказано: „Я. П. Полонскій проявилъ яркій и плодовитый талантъ; но въ произведеніяхъ его нѣтъ достаточной ровности созданія, чѣмъ грѣшитъ отчасти и послѣдній сборникъ. Лучше всего автору удаются стихотворенія, въ которыхъ положена простая, ясная мысль; когда же онъ вноситъ въ свои произведенія элементъ фантастическій, они лишаются простоты и ясности. Въ своей литературной дѣятельности Я. П. Полонскій, по заключенію конкурсной коммиссіи, является однимъ изъ достойныхъ продолжателей традицій Пушкина. („Голосъ" 1882 г., № 285).

Къ литературной дѣятельности Я. П. нужно еще прибавить: онъ участвовалъ своими трудами, можно сказать, во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, даже мелкихъ; въ 1875 г. редактировалъ литературный отдѣлъ журн. „Пчела", далъ нѣсколько стихотвореній въ „Складчину", извѣстный сборникъ, изд. въ 1874 г. съ благотворительною цѣлью, принималъ участіе въ другомъ подобномъ же сборникѣ „Братская помощь" (1876).

Послѣ переѣздовъ съ цѣлью найти службу, занятія, причемъ Я. П. не разъ пришлось испытать горе и нужду, послѣ путешествій для поправленія здоровья, разстроеннаго обстоятельствами жизни, Я. П. занялъ болѣе или менѣе спокойное мѣсто секретаря въ комитетѣ иностранной цензуры, а потомъ—члена совѣта тутъ же.

Изъ крупныхъ поэтическихъ произведе- Я. П. слѣдуетъ упомянуть: „Свѣжее преданье", ром. въ стихахъ: „Свѣтъ и его тѣни", комедія, (См. „Сочинен. Бѣлинскаго", „Признанія Сергѣя Чалыгина"; „Забытое преданье", „Груня" и др.; „Библ. для чт." 1856 г.; соч. Добролюбова; бѣглыя рецензіи въ журн. 70-хъ годовъ. „Спб. Вѣдом." 1870, № 8; „Живописное Обозрѣніе" (1877 г.).

ПОМЯЛОВСКІЙ, *Николай Герасимовичъ*, родился въ Петербургѣ. Отецъ его былъ діакономъ при Малоохтенской кладбищенской церкви. Раннее дѣтство Н. Г. провелъ въ родной семьѣ. Первыми товарищами его въ это время были охтяне,—народъ незабитый и смѣтливый; съ ними онъ весело проводилъ время въ разныхъ играхъ. Тутъ недалеко жили поселяне, промышлявшіе рыбной ловлей; глядя на нихъ, Н. Г. и самъ какъ-то незамѣтно сталъ страстнымъ рыболовомъ, причемъ заглядывалъ часто на мѣстныя тони, гдѣ познакомившись съ рыбаками, любилъ толковать съ ними объ ихъ промыслѣ. Съ другой стороны, ему часто приходилось видѣть и слышать совсѣмъ иное: погребальныя процессіи, лица покойниковъ, плачъ и рыданія надъ ними и т. п. Все это не безслѣдно проходило и прошло для впечатлительнаго Н. Г., если повнимательнѣе прочесть, напр., его «Молотова».

8-ми лѣтъ Н. Г. поступилъ въ Александро-Невское духовное училище, поучившись до того мѣсяца четыре въ какой-то плохонькой школкѣ. Какъ жилось Н. Г. въ училищѣ, и какъ тамъ учили, обо всемъ этомъ интересующіеся найдутъ въ его „Очеркахъ бурсы".

Изъ училища (1851) Н. Г. перешелъ въ духовную семинарію, гдѣ въ послѣднемъ (богословскомъ) классѣ впервые обнаружился его писательскій талантъ: онъ работалъ въ товарищескомъ „Семинарскомъ листкѣ", который, къ его величайшему прискорбію, прекратился на 7-мъ выпускѣ.

Въ семинаріи Н. Г. мало занимался прямымъ дѣломъ, такъ какъ недоволенъ былъ его постановкою и все время посвящалъ чтенію различныхъ книгъ, какія только ему попадались подъ руку, а также сочиненіями на свои собственныя темы.

Хоть и неудачно, а все-таки Н. Г. кон-

чилъ курсъ семинаріи, послѣ чего продолжалъ самообразованіе, серьезно читая книги и журналы, занимался частными уроками, участвовалъ въ хорѣ любителей, пѣвшихъ въ Симеоновской церкви, ѣздилъ съ причтомъ названной церкви о Рождествѣ и Пасхѣ славить Христа, читалъ по покойникамъ и т. п.

Но большую, кажется, часть времени Н. Г. посвящалъ воспитанію и образованію своего младшаго брата, въ силу того, что не хотѣлъ его видѣть въ бурсѣ. Этому дѣлу онъ предался всей душею: перечитывалъ различные учебники, критически относясь къ нимъ, и даже самъ началъ писать учебникъ географіи.

Плодомъ этихъ педагогическихъ увлеченій былъ первый серьезный литературный опытъ Н. Г., помѣщенный въ „Журналѣ для воспитанія“ (1859)—Чумикова. Мы разумѣемъ „Вуколъ“, психологическій очеркъ.

Такъ прошло два года, а Н. Г. еще не имѣлъ опредѣленнаго мѣста, вѣрнаго заработка. Пробовали его ставить на дорогу, которую имѣло въ виду его образованіе, т. е. женить и затѣмъ надѣть рясу, но Н. Г. видимо не сочувствовалъ или, лучше сказать, не чувствовалъ призванія къ духовному званію и продолжалъ разъ начатое дѣло — восполнять пробѣлы въ своемъ образованіи.

Посѣщеніе университетскихъ лекцій еще быстрѣе двинуло Н. Г. на пути самообразованія; онъ хотѣлъ даже серьезно готовиться къ поступленію въ университетъ; но разсудилъ, что поздно,—и принялся учительствовать въ воскресной школѣ, что была на Шлиссельбургской дорогѣ,—и очень удачно, послѣ чего былъ приглашенъ учителемъ въ младшій классъ Смольнаго института; но, по словамъ біографа, на третьемъ урокѣ долженъ былъ покончить свои занятія съ воспитанницами, что, впрочемъ, зависѣло не отъ Н. Г.

Въ началѣ 1861 г. въ „Современникѣ“ явилась повѣсть Н. Г. „Мѣщанское счастіе“, по милости которой онъ былъ приглашенъ въ постоянные сотрудники „Современника“, а потомъ фельетонистомъ въ „Русскій Инвалидъ“; послѣднее почему-то не осуществилось.

Въ концѣ того же 1861 г. явилась въ „Современникѣ“ другая повѣсть Н. Г „Молотовъ“, тѣсно связанная съ только что названной.

Повѣсть „Молотовъ“ имѣла заслуженный успѣхъ въ обществѣ, и Н. Г., благодаря ей, занялъ почетное мѣсто въ ряду русскихъ беллетристовъ.

Изъ другихъ произведеній Н. Г. особенною популярностью пользуются „Очерки бурсы“. Всѣхъ этихъ очерковъ пять; пятый, впрочемъ, не вполнѣ оконченъ. Изъ намѣченнаго, начатаго и неоконченнаго Н. Г., ясно видно, что отъ него можно было ожидать многаго, если бы не ранняя смерть его.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. съ его біографіею, написанною Н. А. Благовѣщенскимъ, товарищемъ и другомъ Н. Г., имѣло три изданія. Мы пользовались *вторымъ* — книгопродавца Звонарева. Спб. 1868. 3-е изд.—въ 1874 г.

„Молотовъ“ на латышскомъяз. Митава, 1878. Приложена біографія автора, написанная Бривзенекомъ.

САЛТЫКОВЪ, *Михаилъ Евграфовичъ*, род. въ селѣ Спасскомъ, имѣніи своего отца (Тверской губ., Калязинскаго уѣзда). До поступленія въ Московскій благородный пансіонъ (1836), М. Е. воспитывался дома, сначала подъ руководствомъ своего же крѣпостнаго человѣка, а потомъ старшей сестры, кончившей курсъ въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, и ея товарки, поступившей въ домъ Салтыкова гувернанткой. Къ нимъ, въ качествѣ учителя латинскаго языка, былъ прикомандированъ священникъ села Заозерья и одинъ студентъ Москов. дух. академіи, который, впрочемъ, могъ заняться съ М. Е. только въ лѣтнее вакаціонное время. Изъ названнаго пансіона М. Е. перешелъ въ Царскосельскій лицей (1838), гдѣ и кончилъ курсъ въ 1844 г., послѣ чего состоялъ на службѣ въ канцеляріи военнаго министра. Въ 1848 г. за повѣсть „Запутанное дѣло“ („Отеч. Зап.“, Мартъ) М. Е. былъ сосланъ въ Вятку, гдѣ прослужилъ около семи лѣтъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ снова поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ; впослѣдствіи былъ вице-губернаторомъ въ губерніяхъ Тверской и Рязанской.

Въ 1863 г. М. Е. покинулъ службу и, занявшись исключительно литературой, сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ „Современника"; съ прекращеніемъ его (1866), перешелъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ". Съ 1878 г. М. Е. сталъ во главѣ послѣдняго журнала, который редактируетъ и въ настоящее время.

Изъ сочиненій М. Е. извѣстны: „Губернскіе очерки", вышедшіе въ 1856 г. отдѣльною книгой, впервые подъ псевдонимомъ „Щедринъ"; разсказы, составляющіе названное сочиненіе, раньше были помѣщаемы въ „Русскомъ Вѣстникѣ". „Губернскіе очерки" доставили М. Е. громкую литературную славу. Послѣ нихъ слѣдовали: „Сатиры въ прозѣ", „Невинные разсказы", „Исторія одного города", „Признаки времени", „Письма изъ провинціи", „Господа Ташкентцы", „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ", „Помпадуры и Помпадурши", „Благонамѣренныя рѣчи", „Въ средѣ умѣренности и аккуратности", „Убѣжище Монрепо", „Круглый годъ", „Господа Головлевы", „За рубежомъ", „Письма къ тетенькѣ" и др.

Во всѣхъ поименованныхъ сочиненіяхъ М. Е. является художникомъ, изображающимъ отрицательныя стороны жизни современнаго общества, или, что то же, — сатирикомъ.

„Будущій историкъ нашего поколѣнія, при изученіи его нравовъ, не обойдется безъ того, чтобы не справиться въ зеркалѣ Щедрина, мимо котораго прошли вереницею типы и характеры третьей четверти переживаемаго нами столѣтія и отразились въ немъ съ неумолимою отчетливостью и полнотою" („Рус. Библіотека", вып. VIII, стр. VII).

О соч. М. Е. Салтыкова см. „Новости" 1879, №№ 31 и 247; „Спб. Вѣд." 1879, № 33, 1880, № 38; „Огонекъ" 1880, № 7; „Критическое Обозрѣніе" 1880, № 4; „Русская Правда" 1879, № 119; „Дѣло" 1881, № 1; „Мысль" 1880, № 11; „Голосъ" 1881, №№ 41, 141 и 171; „Слово" 1878, № 3; „Порядокъ" 1881, №№ 201, 327 и 355; „Современныя Извѣстія" 1871, № 279; Публичныя лекціи О. Миллера, Спб. 1878, 2-е изд.; „Сынъ Отеч." 1879, №№ 23, 48, 83, 193, 244, 269 и 298; „Русское Богатство" 1880, № 6; „Вѣстн. Европы" 1879, № 12, 1880, № 8, 1881, № 1.

СОЛОВЬЕВЪ, *Сергѣй Михайловичъ*, происходилъ изъ духовнаго званія; отецъ его былъ священникомъ-законоучителемъ въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ. До 13 лѣтъ С. М. воспитывался дома, затѣмъ въ 1-й Московской гимназіи, откуда поступилъ въ Московскій университетъ (1839). По окончаніи университетскаго курса (по историко-филологическому факультету), С. М. продолжалъ свои занятія за-границей, для чего прожилъ тамъ два года. Вскорѣ послѣ этого занялъ каѳедру русской исторіи въ Московскомъ университетѣ; а потомъ стоялъ и во главѣ его, какъ ректоръ. Позже С. М. былъ начальникомъ воспитательнаго дома и потомъ директоромъ оружейной палаты.

Первый историческій трудъ С. М. „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ" (магистерская диссертація) появился въ печати въ 1845 г.; въ 1847 г.— „Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома" (докторская диссертація). Какъ тотъ, такъ и другой трудъ обратили на себя вниманіе русскихъ ученыхъ (Бѣляевъ, Кавелинъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Хомяковъ, Шевыревъ и др.).

Въ 1851 году явился первый томъ капитальнѣйшаго труда С. М. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", который остановился на 30-мъ томѣ.

Въ 1876 году достойнымъ образомъ было отпраздновано двадцатипятилѣтіе „Исторіи" С. М., которая къ этому времени состояла изъ 25-ти томовъ.

Въ адресѣ отъ С.-Петербургскаго университета значеніе „Исторіи" С. М. выражено слѣдующимъ образомъ: „въ 25-ти томахъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" русская наука получила первую попытку связать въ стройное цѣлое событія тысячелѣтней жизни народа, внести свѣтъ въ тѣ „темные лѣса", о которыхъ говорилъ Карамзинъ, поставить исторію Россіи на подобающее ей мѣсто во всемірной исторіи... С. М. съумѣлъ указать связь вѣка Петрова съ предыдущимъ, опредѣлить почву, на которой развилась дѣятельность Петра и тѣмъ перенести величайшаго изъ царей земныхъ

изъ области миѳа въ область дѣйствительности; онъ съумѣлъ оцѣнить забытое и даже пристрастно истолкованное время Елисаветы».

Задача „Исторіи“ С. М.—показать, какимъ образомъ изъ первоначальной формы родоваго быта русскихъ славянъ постепенно выработывались государственныя начала, которыя впослѣдствіи осуществились въ Московскомъ государствѣ.

Изъ мелкихъ статей С. М., помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, назовемъ: „Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси“; „Восточная Европа въ XVII ст.“; „Унія, казачество и расколъ“; „Эпоха конгрессовъ“; „Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ“; „Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ“. Всѣ эти статьи собраны и изданы отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Сочиненія С. М. Соловьева“.

Большою извѣстностью пользуются еще слѣдующіе труды С. М.: „Исторія паденія Польши“ (1863); исторія царствованія Александра I-го, написанная по поводу его столѣтняго юбилея (1877); „Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія“, „Учебная книга Русской исторіи“, въ 1880 г. вышедшая 8-мъ изданіемъ, и „Общедоступныя чтенія о Русской исторіи“, (2-е изд. М. 1882).

„Исторія Россіи“, тт. I и II. М. 1874 (5-е изд.); т. XXIX, изд. въ 1879 г.

ТОЛСТОЙ, *Алексѣй Константиновичъ*, графъ, талантливый русскій поэтъ, романистъ и драматургъ, род. въ Петербургѣ; образованіе получилъ дома и настолько полное и основательное, что могъ прямо сдать выпускной экзаменъ въ Московскомъ университетѣ. Послуживъ недолгое время въ русскомъ посольствѣ при франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ, А. К. отправился путешествовать по Франціи, Германіи и Италіи. Во время Крымской кампаніи, А. К. служилъ въ Стрѣлковомъ полку. Къ этому времени относятся солдатскія пѣсни А. К., большая часть которыхъ не попала въ печать. По окончаніи войны, А. К. вышелъ въ отставку (1853 г.). Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ егермейстеромъ Императорскаго Двора.

Первыя стихотворенія А. К. являются въ журналахъ конца 40-выхъ и 50-тыхъ годовъ. Изъ крупныхъ слѣдуетъ назвать поэмы: „Грѣшница“ и „Іоаннъ Дамаскинъ“ („Русская Бесѣда“ 1857—1859 гг.) и баллады: „Василій Шибановъ“, „Князь Михайло Репнинъ“, „Старицкій воевода“, „Пантелей - цѣлитель“ („Русскій Вѣстникъ“ 1857—1873).

Въ 1861 г. въ „Русскомъ же Вѣстникѣ“ явился романъ А. К. „Князь Серебряный“ (изъ временъ Іоанна Грознаго), а въ „Отеч. Зап.“ 1866 г. — трагедія „Смерть Іоанна Грознаго“.

Затѣмъ слѣдовали другія двѣ трагедіи А. К.: „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“ и „Царь Борисъ“ („Вѣстн. Европы“ 1868 и 1870 гг.). Взятыя вмѣстѣ, онѣ составили такъ называемую трилогію. Первая трагедія считается лучшею.

Послѣ этихъ произведеній слѣдовали мелкія стихотворенія А. К., печатавшіяся въ „Вѣстникѣ Европы“ (здѣсь же его переводъ „Коринѳской невѣсты“) и въ „Гражданинѣ“ (1868—1873).

Особенно замѣчательны: три пѣсни „О Гаральдѣ и Ярославѣ“, „О трехъ побоищахъ“, „О походѣ Владиміра“, легенда „Канутъ“ и былина „Алеша Поповичъ“.

Отдѣльно изданы: „Князь Серебряный“ въ двухъ томахъ (два раза) 1863—1869 гг. „Смерть Іоанна Грознаго“, траг. (два раза) 1866 и 1869 гг. „Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ“, поэма. М. 1866. Стихотворенія. Спб. 1867. „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“, траг. Спб. 1868. Проектъ постановки на сцену трагедіи „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“. Спб. 1868. „Царь Борисъ“, трагедія. Спб. 1870.

Полное собраніе сочиненій А. К. Толстаго вышло 4-мъ изданіемъ въ 1882 году въ Спб.

ТОЛСТОЙ, *Левъ Николаевичъ*, графъ, сынъ отставнаго подполковника, который извѣстенъ по участію въ отечественной войнѣ 1812—1813 гг., родился въ имѣніи своей матери, сельцѣ Ясная-Поляна (Тульской губ., Крапивенскаго уѣзда). Мать его—урожденная княжна Волконская—умерла, оставивъ Л. Н. двухлѣтнимъ ребенкомъ.

Л. Н., вмѣстѣ съ тремя братьями и

младшей сестрой, сначала воспитывался дома, подъ руководствомъ одной дальней родственницы, потомъ, по переѣздѣ въ Москву (1837), воспитателями его были два иностранца — французъ и нѣмецъ; уроки по тѣмъ или другимъ предметамъ давали ему приходящіе учителя.

Очень недолго Л. Н. жилъ и учился въ Москвѣ. Причина — внезапная смерть отца, послѣ чего онъ снова долженъ былъ поселиться въ родной деревнѣ, гдѣ, по прежнему, окружали его гувернеры-иностранцы; въ качествѣ учителей явились семинаристы.

Въ 1840 году онъ переселяется въ Казань къ своей тёткѣ-опекуншѣ, гдѣ готовится прямо въ университетъ (Казанскій) и дѣйствительно поступаетъ сначала на факультетъ восточныхъ языковъ (1843), а потомъ переходитъ на юридическій.

Не кончивъ курса, Л. Н. удалился въ доставшуюся на его долю „Ясную-Поляну“, гдѣ жилъ почти безвыѣздно до 1851 г. Въ 1851 году онъ съ братомъ ѣдетъ на Кавказъ, желая видѣть этотъ край; а потомъ поступаетъ тамъ на службу въ ту же батарею, въ которой служилъ братъ его: такъ понравилась ему жизнь на Кавказѣ—съ одной стороны; а съ другой—не хотѣлось, можетъ быть, разлучаться съ любимымъ братомъ (Никол. Никол.).

Ко времени пребыванія Л. Н. на Кавказѣ (до 1853 г.) относятся его первыя литературныя произведенія, а именно: разсказы: „Дѣтство“, „Отрочество“, „Набѣгъ“ и др., печатыя только („Романъ русскаго помѣщика“, „Кавказская повѣсть“).

Съ 1853 года Л. Н. состоялъ въ Дунайской арміи и участвовалъ въ кампаніи 1854 года, въ оборонѣ Севастополя, въ сраженіи при Черной-Рѣчкѣ (1855) и при штурмѣ Севастополя.

Въ 1855 году онъ былъ уже командиромъ горнаго баталіона, съ чѣмъ и вышелъ въ отставку въ томъ же году.

Въ послѣдніе два года (1853—1855) явились слѣдующія произведенія Л. Н.: „Севастополь въ Декабрѣ“, „Севастополь въ Маѣ“, „Рубка лѣса“.

Находясь въ отставкѣ, Л. Н. зимой жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ; лѣто же проводилъ въ своей Ясной-Полянѣ, гдѣ потомъ, послѣ двухъ заграничныхъ путешествій, поселился окончательно (1861).

Къ названнымъ произведеніямъ прибавились: „Юность“, „Севастополь въ Августѣ“, „Два гусара“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Семейное счастіе“, „Поликушка“.

На свободѣ Л. Н. занялся дѣломъ народнаго образованія: основалъ школу для крестьянскихъ дѣтей и сталъ издавать педагогическій журналъ „Ясная-Поляна“ (1862—1863). И школа, и журналъ сказали о Л. Н., какъ о педагогѣ-практикѣ, равно какъ и его „Русскія и Славянскія книжки для чтенія“, „Азбука“, „Ариѳметика“, „Руководство для учителей“. Сюда же пріобщимъ его статью: „О народномъ образованіи“, въ свое время (1875) надѣлавшую много шуму. Въ то же время онъ состоялъ въ должности мироваго посредника.

Самыя крупныя произведенія, которыя особенно прославили Л. Н.,—это: „Война и Миръ“ (1872), романъ-хроника, и романъ „Анна Каренина“ (1877).

Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстаго въ 11-ти тт. вышло въ Москвѣ въ 1880 г. Это уже 4-е изданіе.

„Отеч. Зап.“ 1872, №№ 8—9.

„Чт. въ Общ. Истор. и Древн. Росс.“ 1872, № 1.

„Публичныя лекціи“ О. Миллера. 2-е дополн. изданіе. Спб. 1878.

„Живоп. Обозрѣніе, 1879, №№ 11—12..

„Вѣстн. Европы“ 1880, № 4.

ТУРГЕНЕВЪ, *Иванъ Сергѣевичъ*, происходитъ изъ древняго дворянскаго рода. Отецъ его былъ военный. Родина И. С.—городъ Орелъ.

Раннее дѣтство свое И. С. провелъ въ имѣніи своей матери (Спасскомъ-Лутовиновѣ, Орлов. губ.), окруженный иностранными гувернерами и наставниками, такъ что прежде ознакомился съ французскимъ и нѣмецкимъ языками, на которыхъ, вѣроятно, и прочелъ кое-что. О родной литературѣ И. С. впервые узналъ отъ камердинера своей матери, который украдкой читалъ ему „Россіаду“, поэму Хераскова.

На 12 году И. С. отвезли въ Москву и

помѣстили въ частный пансіонъ (Вейденгаммера), а потомъ въ другой (Краузе), гдѣ И. С. имѣлъ случай серьезно заняться англійскимъ языкомъ.

Такъ дѣло шло до 1834 г., когда И. С. поступилъ въ Московскій университетъ, а потомъ, по случаю кончины отца, перебрался въ Петербургскій; здѣсь кончилъ курсъ со степенью кандидата (1838).

Въ этомъ же году И. С., какъ бы для пополненія своего образованія, отправился въ Берлинъ; здѣсь онъ слушалъ лекціи профессоровъ: Вердера (по философіи), Цумпта (по латин. словесности), Бока (по греч. словесности), Ганса и Ранке (по исторіи).

Въ 1841 г. И. С. вернулся въ Россію, сначала въ Москву (къ матери), а потомъ въ Петербургъ и робко началъ авторствовать, помѣстивъ въ „Отеч. Зап.“ (1841) два стихотворенія: „Старый помѣщикъ“ и „Баллада“, а за ними и другія.

Изъ всѣхъ поэтическихъ произведеній И. С., сколько ихъ ни было написано въ первыя шесть лѣтъ, особенно выдаются двѣ поэмы: „Параша“ (отдѣльно вышла въ 1843 г.) и „Разговоръ“ (1845)); первая удостоилась лестнаго отзыва Бѣлинскаго.

Потомъ Бѣлинскій какъ-то холодно сталъ относиться къ поэзіи И. С., да и самъ поэтъ вдругъ смекнулъ, что надо выбраться на другую дорогу.

Вотъ первые и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удачные шаги на новой дорогѣ: „Неосторожность“, драматическій очеркъ; „Андрей Колосовъ“, первая повѣсть И. С.; повѣсти: „Три портрета“ и „Бреттёръ“.

Названныя произведенія (напечат. въ „Отеч. Зап.“ 43—47 гг., а „Три портрета“—въ „Петербургскомъ сборникѣ“) дали знать объ И. С., какъ о талантливомъ беллетристѣ.

Затѣмъ въ 1-й кн. „Современника“ на 1847 г., въ отдѣлѣ „Смѣсь“, появился „Хорь и Калинычъ“, первый отрывокъ изъ знаменитыхъ „Записокъ Охотника“ (заглавіе принадлежитъ Панаеву, издателю „Современника“), за которымъ слѣдовалъ цѣлый рядъ разсказовъ въ томъ же духѣ (напечат. въ „Современникѣ“ 1847—51 гг.).

Эти разсказы (изд. отдѣльной книгой въ 1852 г. подъ общимъ заглавіемъ: „Записки Охотника“) познакомили читающую публику съ глухой, забитой жизнью русскаго крестьянина, съ жизнью захолустья, мелкихъ помѣщиковъ, однодворцевъ. „Записки Охотника“ окончательно упрочили литературную славу И. С.

До послѣдняго времени очень много написано И. С.: романы, повѣсти, разсказы, комедіи, которыя, къ сожалѣнію, менѣе удавались И. С., критическія статьи, замѣтки, воспоминанія.

Къ этому времени относится злополучное „Письмо о Гоголѣ“, написанное И. С. по поводу его смерти (№ 32 „Моск. Вѣдом.“ 1852), которое было причиной сначала ареста И. С., а потомъ высылки его въ родную орловскую деревню, гдѣ онъ и прожилъ до 1854 г.

Не называя всѣхъ произведеній И. С. *поименно*, укажемъ на его повѣсти: „Рудинъ“, „Дымъ“, „Наканунѣ“ и романы: „Дворянское гнѣздо“, „Отцы и Дѣти“ и „Новь“, какъ на такія произведенія, которыя въ свое время надѣлали много шуму, возбудили много толковъ вкривь и вкось, что, конечно, не могло нравиться почтенному автору. И вотъ И. С., какъ полагаютъ, послѣ этого-то и поселился сначала въ Баденъ-Баденѣ, а потомъ въ Парижѣ, гдѣ живетъ и теперь, впрочемъ, изрѣдка заглядываетъ и въ Россію. И. С. считается однимъ изъ популярнѣйшихъ русскихъ писателей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ. Такою завидною извѣстностью онъ пользуется не только въ средѣ своихъ соотечественниковъ, но и у иностранцевъ.

Болѣе 300 переводовъ его произведеній существуетъ на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ.

Первое изданіе сочиненій И. С. Тургенева вышло въ 1865 г. (5 тт.), позднѣе—въ 1879 г. (въ 10-ти тт.). Теперь готовится новое изданіе, предпринятое фирмой И. И. Глазунова.

О Тургеневѣ и его сочиненіяхъ см. „Русская Литература въ ея современныхъ представителяхъ: И. С. Тургеневъ“. С. Венгерова. Спб. 1873. „И. С. Тургеневъ“—Чудинова. Воронежъ. 1874. „Тургеневъ. Его 30-тилѣтняя дѣятельность и его типы“. Соч. Н. М. Воронежъ. 1872., „Дѣло“ 1872, №№ 11, 12.; „Отеч. Зап.“

1867, № 9; „Всемірный Трудъ“ 1867, № 5. „Публичныя лекціи“ О. Миллера. Изд. 2-е. Спб. 1878.

ФЕТЪ, *Аѳанасій Аѳанасіевичъ*, русскій лирическій поэтъ, родился въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, въ городѣ Мценскѣ, Пензенской губ. Здѣсь, въ домѣ помѣщика Шеншина, А. А. получилъ первоначальное образованіе, которое закончилъ въ Московскомъ университетѣ по словесному факультету. Съ 1844 г. по 1856 служилъ въ военной службѣ. Вышедши въ отставку, женился, послѣ чего уѣхалъ въ свою орловскую деревню, которую избралъ мѣстомъ своего постояннаго жительства.

Первыя стихотворенія А. А. явились въ 1840 г., слѣдовательно, въ пору ранней молодости поэта. Позднѣе болѣе зрѣлыя и совершенныя стихотворенія А. А. стали появляться въ журналахъ „Москвитянинъ“ и „Отеч. Зап.“. Изъ этихъ стихотвореній заслуживаютъ вниманія одиннадцать стихотвореній подъ общимъ названіемъ: „Вечера и Ночи“ („Отеч. Зап.“ 1842 г. № 5).

Въ 1850 г. вышло 2-е изданіе стихотвореній А. А. Фета. Рецензентъ „Современника“ сказалъ о поэтѣ слѣд.: „Г. Фетъ преимущественно поэтъ проходящаго по душѣ ощущенія, и всегда, когда онъ схватываетъ его, пьеса выходитъ превосходна... Мы не знаемъ, у кого бы поэтическіе мотивы были столько искренни, сколько они искренни у г. Фета. Это одно изъ лучшихъ его преимуществъ, это самый вѣрный указатель неподдѣльности поэтическаго таланта. Талантъ скромный и умѣренный — его настоящее достоинство состоитъ не въ пышности и великолѣпіи картинъ, но въ истинности и живой непосредственности вдохновенія“.

Изъ крупныхъ вещей А. А. отмѣтимъ: Переводъ одъ Квинта Горація Флакка, переводъ поэмы Гете: „Германъ и Доротея“, три статьи, подъ заглавіемъ: „Изъза границы. Путевыя впечатлѣнія“, разсказъ „Каленикъ“, повѣсть „Дядюшка и двоюродный братецъ“, переводъ въ стихахъ трагедіи Шекспира „Юлій Цезарь“ и другой—„Антоній и Клеопатра“, статья о стихотвореніяхъ Тютчева, статьи по сельскому хозяйству и два письма: „О значеніи древнихъ языковъ въ нынѣшнемъ воспитаніи“.

Все это, равно какъ и отдѣльныя стихотворенія, слѣдовавшія послѣ 1850 г., напечатано въ журналахъ: „Современникъ“ 1852, 54, 55 — 59; „Русскій Вѣстникъ“, „Библіотека для чтенія“ 1859 г.; „Русское Слово“ 1859 г.; „Заря“ и „Литературная Библіотека“ 1867 г. Въ 1856 г. послѣдовало новое изданіе стихотв. А. А. Фета. Тогда же изданы оды Квинта Горація Флакка. Слѣдующіе изданіе. Москва. 1863 г. Въ „Современникѣ“ (1857 г. № 1)— лучшая рецензія на стихотворенія А. А. Фета, написанная покойнымъ В. П. Боткинымъ.

См. еще „Современникъ“ 1850 г., т. XX. Недавно вышелъ сборникъ новыхъ стихотвореній А. А. Фета, подъ заглавіемъ: „Вечерніе огни“. Изъ оригинальныхъ заслуживаютъ особеннаго вниманія стихотзоренія: „Окна въ рѣшеткахъ и сумрачны лица..., „Смерть“, „Измученъ жизнью“, „Проснулся я...“, „Послѣ бури“, „Горячій ключъ“. и мн. др. Изъ переводныхъ—знаменитое посланіе Горація къ Пизонамъ „О поэтическомъ искусствѣ“, съ примѣчаніями и толкованіями.

Библіотека Варшавской Учительской семинаріи

ОГЛАВЛЕНІЕ.

С. Аксаковъ.

Изъ „*Записокъ Ружейнаго охотника*“.

стр.

Пролетъ и прилетъ дичи 1
Воды 3
Лебедь 6
Степь 7
Журавль 8
Голуби 9
Зайцы 10
Лѣсъ 11

Изъ „*Семейной хроники*“.

Степанъ Михайловичъ Багровъ . . . 17
Добрый день Степана Михайловича Багрова 18
Материнская любовь 24
Въ гимназіи 26
Уженье рыбы 28
Переправа черезъ рѣку 29
Прощаніе съ шумною, молодою учебною жизнью 30
Очеркъ зимняго дня 31

Даль.

Притча о дубовой бочкѣ 33
Не положивъ, не ищи . . . . . —
Что легко наживается, то еще легче проживается 34
Ось и чека 36
Свѣтлый праздникъ 37

Бенедиктовъ.

(Стихотворенія).

Вѣрю 41
Поэту . . . . . —
Борьба 42
Человѣкъ 43
Я помню приволье широкихъ дубравъ 44
Рожь и птичка . . . . . —
На сельскомъ кладбищѣ 45
Книга 46
Боги Греціи 47

Бѣлинскій.

Стихотворенія А. С. Пушкина: „Чернь“, „Поэтъ“, „Поэту“ . . . 51
Пушкинъ—нашъ первый поэтъ-художникъ 52

Грановскій.

Лудовикъ IX 59

Гончаровъ.

Изъ путевыхъ очерковъ: „*Фрегатъ Паллада*“.

Лондонъ 71
Силуэтъ англичанина и русскаго . . 73
Крѣпкій вѣтеръ и качка 78
Тропическое небо 79
На мысѣ Доброй Надежды. Ущелье. 81
Вечеръ на островѣ Явѣ 83
Роскошь и комфортъ . . . . . —
Манилла. Шѣтушьи бои 85

Изъ романа: „*Обломовъ*“.

Обломовка 87
Сонъ Обломова 88

Изъ книги: „*Четыре очерка*“.

Мильонъ терзаній 97

Костомаровъ.

стр.

Новгородскій удалецъ по народному воззрѣнію 115
Южно-русское казачество 124
Избраніе въ малороссійскіе гетманы Юрія Хмѣльницкаго и смерть отца его 128
Вѣче 131
Іоаннъ Грозный 133
Обстановка частной жизни въ Московскомъ государствѣ 135

Гр. А. К. Толстой.

(Стихотворенія).

Грѣшница 147
Василій Шибановъ 149
Курганъ 152
Спѣсь 153
Грядой клубится бѣлою . . . . . —
Кабы знала я, кабы вѣдала . . . . —
Колокольчики 154
Край ты мой, родимый край 155
Разсѣвается, разступается грусть . —
Ужъ ты, мать тоска . . . . . —
Ужъ ты, нива моя, нивушка . . . . —
Ушкуйникъ 156
Ты почто, злая кручинушка . . . . —
Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье . . . . . —
Изъ трагедіи: „*Смерть Іоанна Грознаго*“ 157

Буслаевъ.

Эпическій періодъ жизни. Поэтъ и народъ 177
Рѣчь о „Письмахъ Русскаго Путешественника“ 181

Тургеневъ.

Изъ „*Записокъ Охотника*“.

Хорь и Калинычъ 189
Бѣжинъ лугъ 196
Смерть 208
Пѣвцы 212
Лѣсъ и степь 222
Изъ романа: „*Дворянское гнѣздо*“. 226

Соловьевъ.

Изъ „*Исторіи Россіи*“.

Религія восточныхъ славянъ 237
Куликовская битва 242
Митрополитъ Филиппъ 245
По покореніи Казани 247
Іоаннъ Грозный 249
Мазепа 254
Умственно-нравственное состояніе русскаго общества въ XVII ст. . 261

Писемскій.

Изъ повѣсти: „*Плотничья артель*“ 269

Полонскій.

(Стихотворенія).

Блаженъ озлобленный поэтъ 279
Въ дурную погоду . . . . . —
Вечеръ 280
Посмотри, какая мгла . . . . . —
Тишь . . . . . —
Развалину башни, жилище орла . . —
Птичка . . . . . —
Нищій 281
Солнце и мѣсяцъ . . . . . —
Смерть малютки . . . . . —
Поэзія 282
Бэда-проповѣдникъ . . . . . —
На закатѣ 283
Въ телѣгѣ жизни 284
А. С. Пушкинъ 284

Мельниковъ. (Анд. Печерскій).

Встрѣча весны 287
Иванова ночь 289
Петровъ день 291
Весеннія гуляньки 295
Ночью въ лѣсу 299
Народная артель 301

Некрасовъ.

(Стихотворенія).

Блаженъ незлобивый поэтъ 311
Несжатая полоса . . . . . —
Власъ 312
Внимая ужасамъ войны 313
Школьникъ . . . . . —
Церковь 314
Крестьянскія дѣти . . . . . —
Гимнъ 316
Дядюшка Яковъ . . . . . —
Пчелы 317
Пѣсня о трудѣ . . . . . —
Дѣдушка Мазай и зайцы 318
Пѣсня 320

стр.
Дѣтство 320
Разбиты всѣ привязанности . . . . —
Пророкъ 321
Ермило-мельникъ . . . . . —
Родина-мать 322
Въ деревнѣ 323

Достоевскій.

Изъ романа „*Бѣдные люди*“ . . 325
Изъ „*Дневника писателя*“ . . . 332
Изъ „*Записокъ изъ Мертваго дома*“.
Алей 335
Исай Ѳомичъ 338
Представленіе 341
Орелъ 349
Выходъ изъ каторги 351
Мальчикъ у Христа на елкѣ 353
Пушкинъ, Лермонтовъ и Некрасовъ. 355

Майковъ.

(Стихотворенія).

Октава 361
Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты . . . . . —
Картина вечера 362
Могила рыбака . . . . . —
Овидій . . . . . —
Искусство . . . . . —
Муза, богиня Олимпа 363
Зимнее утро . . . . . —
Сомнѣніе 364
Кто онъ? . . . . . —
Савонарола 365
Клермонтскій соборъ 366
Дурочка-Дуня 369
Весна 371
Лѣтній дождь . . . . . —
Сѣнокосъ . . . . . —
Нива . . . . . —
Пейзажъ 372
Ласточки . . . . . —
Осень 373
Ласточка примчалась . . . . . —
Картинка . . . . . —
Ночь на жнитвѣ 374
Приговоръ . . . . . —
Мать 376
Упраздненный монастырь . . . . . —
Свѣча предъ иконой 377
Бѣгство Наполеона изъ Москвы . . —
Ломоносовъ 378
Слово о полку Игоревѣ . . . . . —

Григоровичъ.

стр.
Изъ повѣсти: „*Антонъ-горемыка*“ 383

Островскій.

Изъ комедіи: „*Свои люди—сочтемся* 393
Изъ статьи Добролюбова: „Темное царство“ 405
Изъ комедіи: „*Бѣдность не порокъ*“ 421
Изъ статьи Добролюбова: „Темное царство“ 424
Изъ комедіи: „*Въ чужомъ пиру похмѣлье*“ 434

Плещеевъ.

(Стихотворенія).

Впередъ! 437
Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки. —
Ночь пролетала надъ міромъ 438
Отцовскій очагъ . . . . . —
Мой садикъ . . . . . —
Весна 439
На дачѣ . . . . . —
Ласточка 440
Птичка . . . . . —
Мальчикъ и птичка . . . . . —
Христосъ-младенецъ и еврейскія дѣти 441
Послѣ грома, послѣ бури . . . . . —
Весна . . . . . —
Съ венгерскаго 442

Никитинъ.

(Стихотворенія).

Весна въ степи 443
Тишина ночи 444
Русь . . . . . —
Молитва дитяти 446
Зимняя ночь въ деревнѣ . . . . . —
Наслѣдство 447
Утро на берегу озера . . . . . —
Вечеръ послѣ дождя 448
Жена ямщика 449
Бурлакъ 451
Илья Муромецъ 452
Утро 453
Помню я: бывало, няня 454
Гнѣздо ласточки . . . . . —
Ярко звѣздъ мерцанье 455

стр.
Соха 455
Ахъ, ты бѣдность горемычная . . . —
Нищій 456
Пахарь . . . . . —
Ночлегъ въ деревнѣ . . . . . —
Дѣдушка 457
Пѣсня бобыля . . . . . —
Погостъ . . . . . —
Вырыта заступомъ яма глубокая . . 457

Фетъ.

(Стихотворенія).

Къ Мельпоменѣ 459
Вечеръ надъ рѣкою . . . . . —
Зимняя картина . . . . . —
Степь вечеромъ 460
Ночь въ степи . . . . . —
Степь весною . . . . . —
Береза . . . . . —
Еще весны душистой нѣга 461
Ростутъ, ростутъ причудливыя тѣни. —
Вдали огонекъ за рѣкою . . . . . —
Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ. —
Осень 462
Облакомъ волнистымъ пыль встаетъ вдали . . . . . —
Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ. —
Рыбка . . . . . —
Котъ поетъ, глаза прищуря 463
Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ . . . . . —
Nocturno . . . . . —
Заря прощается съ землею 464
Вбротъ . . . . . —
Ужъ верба вся пушистая раскинулась кругомъ . . . . . —
Зимнее утро въ деревнѣ . . . . . —

Салтыковъ. (Щедринъ).

Изъ „*Губернскихъ очерковъ*“.

Общая картина 465
Отставной солдатъ Пименовъ . . . 467
Пахомовна 473
Городъ 477

Гр. Л. Толстой.

Изъ разсказовъ: „*Дѣтство и отрочество*“.

Учитель Карлъ Иванычъ 481
Что за человѣкъ былъ мой отецъ?. 484
Дѣтство 485
Поѣздка на долгихъ 487
Гроза 491

Изъ романа: „*Война и Миръ*“.

Князь Болконскій въ своемъ имѣніи. —
„Лысыя Горы“ на покоѣ 493
Именины у Ростовыхъ 500
Идеалы княжны Маріи 505
Пріѣздъ князя Василія съ сыномъ. 507
Пьеръ и Пл. Каратаевъ въ плѣну у французовъ 514
Кутузовъ 521

Максимовъ.

Поѣздка въ Соловецкій монастырь. 527
Разсказъ Куйскаго старика 535

Данилевскій.

Изъ романа: „*Бѣглые въ Новороссіи*“.

Наши Кентукки и Массачуссетсъ . . 541
Бѣглецы высшаго полета 545

Изъ истор. повѣсти: „*На Индію*“.

Индійскій походъ 1717—1721 гг. . . 556

Помяловскій.

Изъ повѣстей: „*Мѣщанское счастье*“ и „*Молотовъ*“.

I. Молотовъ 573
II. Разсказъ Молотова о себѣ . . . 580

Краткія біографич. свѣдѣнія . 587—611

Biblioteka WSP Kielce
0162425